

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ТОМЪ СXLVII.

1*

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ТОМЪ СХLVII.

1917

ПЕТРОГРАДЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“⁴. Зртелевъ, 13
1917

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ 1917 г.

СТРАН.

Историческая лѣтопись VII—XXXII

Иллюстрація: Герой мѣйскаго прорыва. Начальникъ одной изъ нашихъ пѣхотныхъ дивизій генералъ-лейтенантъ Константинъ Лукичъ Гильчевскій.

I. «Чистосердечное признаніе». (Изъ сказаній о 14-мъ декабря 1825 года). Е. С. Шумигорскаго	1
II. Воспоминанія. К. А. Манна	43
III. Человѣческое. (Разсказъ). И. Н. Потапенка	58
IV. Добровольная затворница. А. И. Соколовой	78
V. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ. Е. С. Каменскаго	86
Иллюстраціи: 1) Царская семья на Валаамѣ въ 1858 году. Прогулка въ скиты. Императоръ Александръ II, императрица Марія Александровна и августѣйшія ихъ дѣти: Николай, Александръ, Владимиръ и Алексѣй Александровичи.—2) Императоръ Александръ II съ августѣйшимъ семействомъ на Валаамѣ въ 1858 году.	
VI. Изъ донесеній баварскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Ольри (Olgu) въ первые годы царствованія (1802—1806) императора Александра I. (Съ предисловіемъ великаго князя Николая Михайловича).	112
VII. Вокругъ легенды о Ѳедорѣ Кузьмичѣ. А. Бородина	133
VIII. Пять дней въ Ясной Полянѣ. (Въ апрѣлѣ 1890 г.). П. Ганзена	140
IX. Приложеніе къ «Воспоминаніямъ о митрополитѣ Антоніи». (Отрывокъ изъ дневника автора). М. Вадюковскаго	162
X. Разрывъ Россіи съ Болгаріей въ 1886 году. С. М. Горькина	173
XI. Отступленіе сербской арміи черезъ Албанію. (Изъ личныхъ впечатлѣній и переживаній). Д-ра М. Жеранича	202
Иллюстраціи: 1) Приштина, главный городъ области Косова поля.—2) Призрѣвъ, главный городъ Старой Сербіи.—3) Люкъ-Була, на западѣ отъ которой въ Албанію нѣтъ дорогъ, точно также какъ отъ Дьяковицы и Печи, откуда и начались самые тяжелые моменты отступленія сербской арміи.—4) Д-ръ Ристо Трифоновичъ Жераничъ, майоръ сербской службы, директоръ госпиталя въ Нишѣ, погибшій жертвою долга при отступленіи сербской арміи черезъ Албанію въ селѣ Рапе 21 ноября 1915 г.—5) Мостъ на рѣкѣ Дринѣ у села Врути.—6) Везировъ мостъ на рѣкѣ Бѣлый Дринѣ.—7) Отступленіе воеводы Путняка.	
XII. По поводу письма г-на Аскенази въ редакцію «Голоса Минувшаго». (№ 11, ноябрь 1916 г.). Великаго князя Николая Михайловича	230

(См. слѣд. стран.)

XIII. Критика и библиографія	231
<p>1) Русскій биографическій словарь. Жабокритскій—Зяловскій. Петроградъ. 1916. В. А. Алехьева.—2) Россія и Италия. Сборникъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся сношеній Россіи и Італіи. Изданіе императорской академіи наукъ. Томъ 1 (2 вып.), 2 (2 вып.), и 3-й (2 вып.). Петроградъ. 1907—1916). И. люб-вича.—3) В. Гоголѣвъ. Н. И. Новиковъ и его время. Москва. 1916. в. м.—4) Памяти Измаила Ивановича Срезневскаго. Книга 1. Пгр. 1916 г. Съ портретомъ. м.—5) Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. 14. Полтава. 1916. А. Малимова.—6) Ю. Каменевъ. Объ А. И. Герцевѣ и Н. Г. Чернышевскомъ. Петроградъ. 1916. Влад. Миямина.—7) Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ началѣ XX столѣтія. Часть I. Петр. 1916. п. б.—8) Флаишгансъ. Янъ Гусъ, Переводъ Е. Петровской подъ редакціей Н. Петровскаго. М. 1916 г. Андрея Сиротинина.—9) М. Чайковскій. Письма П. И. Чайковскаго и С. И. Татѣева. Москва. в. Баскина.—10) С. М. Чевкинъ. Шестая держава. Этнографія невѣдомой страны. Пгр. 1916. д. м.—на.—11) В. Л. Богаевскій. Очеркъ земледѣлія Аенни. Петроградъ. 1916. (Оттискъ изъ «Ж. М. Н. П.» за 1916 г.). А. Захарова.—12) Профессоръ И. И. Соколовъ. 1) Собраніе документовъ, относящихся къ исторіи епархіи константинопольской церкви отъ второй половины XV вѣка до настоящаго времени. П. 1916. 2) Епархіи константинопольской церкви настоящаго времени. П. 1916. м.—13) Письма морского офицера 1806—1809 г.г. П. Н. Панафидина. Съ портретомъ автора. Съ предисловіемъ и прилѣчаніями В. Л. Модзалевскаго. Пгр. 1916. п. Майнова.—14) Сергій Руинъ. «Отдѣлки» №№ 1—6. 1916 г. А. М. б.</p>	
XIV. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника»	252
XV. Новости исторіи. Е. С. Шумигорскаго.	255
XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи	264
<p>1) Марать и Шарлотта Корде.—2) Завоеваніе французами Алжира.—3) Карикатуристы о военныхъ событіяхъ.—4) Герцогиня Беррійская въ Прагѣ.—5) Одинъ изъ членовъ конвента въ старости.—6) Наполеонъ I и дороговизна.—7) Историческіе анекдоты.</p>	
XVII. Смѣсь	278
<p>1) Въ литературномъ фондѣ.—2) Юбилей профессора Н. И. Веселовскаго.—3) Пятидесятилѣтіе научной дѣятельности В. Ф. Ошанина.—4) Юбилей А. А. Плещеева.—5) Императорское одесское общество исторіи и древностей.—6) Къ 50-лѣтію существованія рижской Александровской гимназіи.</p>	
XVIII. Некрологи	282
<p>1) Ботьяновъ, М. И.—2) Будищевъ, А. Н.—3) Верховской, В. М.—4) Гріднинъ, Ф. А.—5) Дубровскій, П. М.—6) Ильина-Пожарская, Е. Д.—7) Залеманъ, К. Г.—Каракашъ, Н. И.—8) Направникъ, Э. Ф.—9) Перна, А. Я.—10) Поспѣловъ, А. И.</p>	

Приложенія: 1) Портретъ наслѣдника цесаревича Александра Александровича.—2) Въ шатрахъ Кедара. Историческій романъ Генри Ситонъ-Мерримена. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. I—V.

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ,
въ мундирѣ Собственнаго Его Величества конвоя.

О ПОДПИСКѢ

на

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1917 году.

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» будетъ издаваться въ 1917 г. на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тридцать семь лѣтъ (1880—1916 г.).

Въ виду значительнаго повышенія цѣны на бумагу и удорожанія типографскихъ работъ, подписная цѣна на «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» въ 1917 г. повышается еще на 3 р. Такимъ образомъ подписная цѣна за 12 книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **четырнадцать рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора «ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА» въ Петроградѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій пр., д. № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ магазина «Новаго Времени».

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВАДЦАТЬ ПЯТАГО октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: на участкѣ Голосковице — Дубе (къ юго-западу отъ Броды) противникъ ночью производилъ усиленные поиски партіями отъ 50 до 200 человекъ. Попытки противника производить саперныя работы въ районѣ деревни Свистельники прекращены нашимъ огнемъ. Въ районѣ къ востоку отъ Кирибабы батальонъ одного изъ нашихъ полковъ атаковалъ противника, державшагося предъ нашей позиціей. Желая остановить наше наступленіе, противникъ выставилъ на открытую позицію 2 орудія, которыя вскорѣ были подбиты нашимъ огнемъ. На плечахъ сбитаго противника наши молодцы ворвались въ его окопы, захвативъ болѣе 100 плѣнныхъ съ офицеромъ, 2 пулемета и 1 бомбометъ. Къ югу отъ Дорна-Ватры, въ долинахъ рѣкъ Борсекъ и Путна, наши успѣшныя дѣйствія продолжаются; за два дня нами здѣсь захвачено 7 пулеметовъ и взято въ плѣнъ 15 офицеровъ и болѣе 800 нижнихъ чиновъ.

Въ теченіе послѣднихъ пяти дней итальянцы взяли въ плѣнъ 8.982 человекъ, въ числѣ которыхъ 270 офицеровъ, а съ начала наступленія на фронтѣ Юлійскихъ Альпъ взято 40.363 плѣнныхъ. Французскія войска укрѣпились въ деревнѣ Во и нѣсколько продвинулись на Соммѣ между Лебе и Сайзелемъ. Германцы взорвали сѣвную на мель близъ побережья Ютландіи свою подводную лодку. Городъ Катарини занятъ союзными отрядами для предупрежденія кровопролитія между греческими національными и правительственными войсками.

26 октября, по сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго, на рѣкѣ Стоходѣ, въ районѣ Ситовичи и въ районѣ колоніи Островъ-Волось

попытка противника приблизиться къ нашему расположенію отбиты огнемъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ къ западу отъ Тартарова произошелъ воздушный бой между нашимъ и непріятельскимъ аэропланами. Нашъ аппаратъ былъ сбитъ, причѣмъ летчикъ прапорщикъ Лагутенко погибъ. Положеніе наблюдателя унтеръ-офицера Вайцмана безнадежно. Къ югу отъ Дорна-Ватры наши войска вновь продвинулись въ районъ къ западу и югу отъ горы Ла-Мунтелу достигнувъ здѣсь долины рѣки Бестерце отъ Вельбора до Холло.

На огнотскомъ направленіи кавказскаго фронта турки силами около батальона повели наступленіе, но нашимъ огнемъ были отброшены.

Въ Трансильваніи на предеальскомъ и ольтинскомъ направленіяхъ атаки противника продолжаются. Къ востоку отъ долины рѣки Жіу противникъ, усилившись, перешелъ въ наступленіе.

Атаки непріятели на балканскомъ фронтѣ въ районѣ деревень Гудимирцы и Полонъ отражены сербами. Австрійская подводная лодка, пытавшаяся потопить итальянскій транспортъ, была затоплена миноносцемъ, который также затонулъ. Часть экипажа спасена. Австрійцы выселяютъ изъ Сербіи все мужское населеніе съ 15-лѣтняго возраста и отправляютъ его въ Австро-Венгрію.

Австрійскій императоръ согласился на назначеніе принца Леопольда Баварскаго королемъ Польши.

За 27-е октября ничего существеннаго на нашихъ западномъ и кавказскомъ фронтахъ не происходило. Къ югу отъ Дорна-Ватры бой продолжается. Къ югу отъ деревни Холло австрійцы перешли въ контръ-атаку.

Въ Трансильваніи восточнѣ долины рѣки Бузео румыны потѣснили германцевъ, захвативъ при этомъ пулеметъ и около 100 плѣнныхъ. Въ долинѣ рѣки Жіу атаки противника отбиты.

На Дунайскомъ фронтѣ наши войска, оттѣснивъ передовыя части противника, продвинулись къ югу. Деревня Гирсово горитъ, подоженная противникомъ съ нѣсколькихъ сторонъ.

Французы продвинулись впередъ между Лебефъ и Сайизель. Къ югу отъ Соммы французы на фронтѣ въ 4 километра заняли непріятельскія позиціи отъ Шонскаго лѣса до мѣстности къ юго-востоку отъ абленкурскаго сахарнаго завода; деревни Абленкуръ и Прессуаръ—въ рукахъ французовъ. Взято въ плѣнъ свыше 500 германцевъ. Въ теченіе ночи англичане улучшили свое положеніе у Варланкурскаго холма и совершили успѣшный набѣгъ на непріятельскія траншеи между Гомекуромъ и Серромъ.

Непріятельской подводной лодкой потопленъ почтовый пароходъ «Atabia»; по слухамъ, пассажиры спаслись.

28-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на западномъ фронтѣ въ районѣ Скрובה противникъ нѣсколько разъ переходилъ въ наступленіе, причѣмъ, несмотря на упорное сопротивленіе нашихъ частей, отбившихъ семь атакъ, онъ все же вынудилъ наши войска отойти на вторую линію окоповъ. Въ этихъ атакахъ противникъ примѣнялъ огнеметы. На рѣкѣ Быстрицѣ, въ районѣ деревень Пацковъ, Лисецъ-Старый и Богородчаны-Старые удачные для насъ поиски развѣдчиковъ. Въ районѣ къ югу отъ Дорна-Ватры въ долинѣ рѣки Быстерце у деревень Холло, Тольдешъ

и Путна противник перешелъ въ контръ-атаку, вынудивъ насъ оставить нѣкоторыя изъ занятыхъ нами наканунѣ высоты. Бой продолжается. На кавказскомъ фронтѣ на хамаданскомъ направленіи въ районѣ селенія Куриджанъ наступленіе роты турокъ отбито.

Въ Румыніи наступленіе противника въ долинѣ рѣки Тротушъ отбито артиллерійскимъ огнемъ. Къ западу отъ долины Бузео противникъ, перейдя въ наступленіе, отгѣснилъ румынскія войска на 4 версты къ югу. На предеальскомъ направленіи румыны перешли въ наступленіе, охватывая лѣвый флангъ противника. Бой продолжается. На кимполунгскомъ направленіи атака противника у Кемрешти отбита. Наши артиллерійскія и пѣхотныя части заняли станцію Дунареа въ 3 верстахъ западнѣ Черноводы и ведутъ бой за обладаніе Черноводскимъ мостомъ. На захваченномъ участкѣ насчитано болѣе 200 труповъ; взяты плѣнные и 1 пулеметь. Нами заняты городъ Гирсово, деревня Муслуй, высоты въ 3 верстахъ южнѣ Дельегеру и въ 5 верстахъ юго-западнѣ Касимджа.

Итальянцы въ долинахъ Адидже и Травиньоло отбили рядъ атакъ и контръ-атаками отбросили непріятеля. На фронтѣ Юлійскихъ Альпъ итальянскія батареи разбѣяли непріятельскіе колонны и обозы.

29-го октября въ районѣ къ западу отъ господскаго двора Скробово наши войска настойчивыми контръ-атаками вернули часть потерянныхъ вчера окоповъ; къ вечеру бой затихъ. Къ востоку отъ рѣки Нараювки, въ районѣ деревень Липица-Дольная и Свистельники, весь день противникъ велъ ожесточенныя атаки на гребень высотъ, занятый нами. Въ 5 часовъ повторными атаками противнику удалось потѣснить части одного изъ нашихъ полковъ. Однако къ 7 часамъ вечера противникъ былъ выбитъ изъ занятыхъ имъ окоповъ и положеніе наше восстановлено. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ противникъ повелъ наступленіе на наши части въ районѣ 4 версты къ югу отъ селенія Дземброня, но былъ отбитъ. Въ районѣ къ западу отъ Тартарова осколкомъ снаряда убитъ доблестный временно командующій полкомъ полковникъ Поплавскій. Къ югу отъ Дорна-Ватры всѣ попытки противника атаковать наши части въ районѣ Вельбора, Холло и Тольдешъ были остановлены нашимъ огнемъ и контръ-атаками.

Въ Трансильваніи, въ долинѣ рѣки Аргиса обнаружено наступленіе противника; на прочихъ участкахъ ничего существеннаго. На правомъ берегу Дуная нами заняты деревни Топалъ и Гиздаръ. Въ Добруджѣ наши части вновь продвинулись къ югу.

Въ районѣ Сайи-Сайизеля и къ югу отъ Прессуара французы очистили отъ непріятеля нѣсколько изолированныхъ пунктовъ. Суда черноморскаго флота дважды бомбардировали Констанцу. Началась эвакуація греческихъ войскъ изъ Фессалии.

30-го октября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: въ районѣ Липица-Дольная и Свистельники противникъ весь день обстрѣливалъ огнемъ артиллеріи отнятыя нами у него наши окопы и велъ атаки значительными силами. До вечера въ этомъ районѣ шелъ ожесточенный бой, и противнику вновь удалось захватить часть нашихъ полуразрушенныхъ окоповъ. На остальномъ

фронтъ перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ. Къ югу отъ Дорна-Ватры въ районѣ деревень Холло и Тольдешъ безуспѣшныя атаки противника продолжаются. Къ югу отъ Альмашъ-Мезо мы овладѣли двумя командующими высотами, захвативъ при этомъ 1 пулеметь и плѣнными 4 офицера и 205 нижнихъ чиновъ.

На румынскомъ фронтѣ, въ Трансильваніи, противникъ ведетъ безуспѣшныя атаки въ долинѣ рѣки Аргиса.

На Дунайскомъ фронтѣ наше продвиженіе къ югу продолжается.

Англискіе морскіе аэропланы обстрѣляли мѣста стоянокъ германскихъ подводныхъ лодокъ въ Остенде и Зебрюгге.

31-го октября сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: 30-го октября въ районѣ Гарбузовъ-Гукаловце, при осмотрѣ позиціи, разрывной пулей убитъ доблестный командиръ бригады генераль-майоръ Ремезовъ. На рѣкѣ Нараюкѣ въ районѣ деревень Липица-Дольная и Свистельники, наша артиллерія вела огонь по окопамъ противника, который отвѣчалъ минометнымъ и бомбометнымъ огнемъ. Бой продолжается. На рѣкѣ Быстрицѣ наши развѣдчики произвели удачный поискъ въ районѣ деревни Богородчаны и, преодолѣвъ двѣ полосы проволочныхъ загражденій, атаковали заставу противника, захвативъ нѣсколько плѣнныхъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ атаки противника къ юго-западу отъ деревни Дземброня были отражены дружнымъ штыковымъ ударомъ, съ большими для него потерями. Къ югу отъ Дорна-Ватры настойчивыя атаки противника въ районѣ Холло и Тольдешъ продолжаются.

На кавказскомъ фронтѣ къ западу отъ Гюмишъ-Ханы и къ югу отъ Киги-наступленіе противника отбито.

На румынскомъ фронтѣ, въ Трансильваніи, противникъ, перейдя въ наступленіе въ долинѣ рѣки Ойтузь, потѣснилъ румынскія войска. Румыны, въ свою очередь, перейдя въ наступленіе къ сѣверу и югу отъ той же долины, заняли рядъ высотъ. Противникъ ведетъ ожесточенныя атаки въ районѣ Кимполунга (румынскаго) въ долинѣ рѣки Жіу и у Оршovy. Бой здѣсь продолжается.

Въ ночь съ 28-го на 29-е октября на Балтійскомъ морѣ флотилія современныхъ тридцатистиузловыхъ непріятельскихъ миноносцевъ проникла въ Финскій заливъ. Наличіе густого тумана помѣшало заблаговременно ее обнаружить, вслѣдствіе чего въ теченіе нѣсколькихъ минутъ непріятель успѣлъ выпустить по Балтійскому порту около сотни снарядовъ, по большей части шрапнельныхъ. Убито 7 жителей, въ томъ числѣ пятеро дѣтей и два нижнихъ чина, ранены одна женщина и четыре нижнихъ чина, повреждено нѣсколько зданій и убито 12 лошадей. При послѣднемъ отступленіи непріятели утонули нами большая часть непріятельскихъ миноносцевъ. Дальнѣйшее преслѣдованіе остатковъ непріятельскаго отряда было, вслѣдствіе густого тумана и своевременно обнаруженнаго непріятельскаго загражденія, прекращено. У насъ потерь нѣтъ.

Наша подводная лодка у Босфора уничтожила пароходъ, выбросившійся при встрѣчѣ съ ней на берегъ. Эта же лодка потопила одну парусную шхуну, а другую привела въ Севастополь.

Къ сѣверу отъ Соммы французы вновь заняли большую часть деревни Сайзелъ. Англичане заняли восточную часть траншеи «Регина» на протяже-

ни 1.000 ярдовъ. На лѣвомъ берегу Црны сербы произвели наступленіе къ-сѣверу отъ Скочивира и отбросили болгарь; взято въ плѣнъ 600 человекъ, захвачено 10 орудій и 10 пулеметовъ. Непрiателемъ потоплены два англійскихъ парохода, одинъ датскій и одинъ американскій. Германскій посланникъ въ Аѣйнахъ обратился къ греческому правительству съ нотой, въ которой говоритъ, что всякая уступка оружія и снарядовъ союзникамъ будетъ разсматриваться, какъ враждебное дѣйствіе противъ Германіи.

1го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: на рѣкѣ Нараювкѣ, въ районѣ деревень Липица-Дольная и Свистельники, поиски развѣдчиковъ и артиллерійскій и минометный огонь. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ наступленіе противника, въ районѣ Яворника и къ югу отъ горы Шневи, отбито нашимъ огнемъ.

На румынскомъ фронтѣ, въ Трансильваніи, въ долинахъ рѣкѣ Третуша, Ойтуза и Тиргулуй атаки противника отбиты. Въ долину рѣки Ольты настойчивыми атаками противнику удалось нѣсколько потѣснить румынскія войска. Въ долину рѣки Жіу противникъ овладѣлъ деревней Бумбешти.

Французы окончательнo заняли деревню Сайизель. Англійскіе летчики успѣшно бомбардировали рядъ военныхъ сооружений и заводовъ непрiателя и вызвали взрывы и пожары въ двухъ желѣзнодорожныхъ поѣздахъ, во время многочисленныхъ воздушныхъ боевъ три германскихъ аэроплана были уничтожены и многіе принуждены были снизиться.

Сербы отразили рядъ контръ-атакъ непрiателя на Чуку, принудивъ его къ безпорядочному отступленію, и заняли деревню Полокъ; ими взято свыше тысячи плѣнныхъ. Въ районѣ рѣки Црны продолжается завязавшееся два дня тому назадъ сраженіе, которое принимаетъ характеръ все болѣе и болѣе блестящаго успѣха.

Румыны заняли непрiательскую траншею въ районѣ Драгославля. На лѣвомъ берегу Алюты румыны овладѣли горой Фрудзиле. Въ долину Тротуша румыны овладѣли горой Алюницъ. Между Вранча и Жіу румыны заняли вершину Люпечи и Моарту. На фронтѣ Добруджи румынскія войска продвинулись до линіи Иманъ—Чисма.

1-го ноября англичане взяли штурмомъ дер. Бомонъ и продвинулись до Бокура на Анкрѣ; англичанамъ забрано въ плѣнъ болѣе 4.000 германцевъ, бой продолжался.

Сербскія войска совмѣстно съ французскими продолжаютъ преслѣдовать непрiателя, отступающаго въ сѣверномъ направленіи; дер. Ивенъ всецѣло перешла въ руки сербовъ, причѣмъ сербы получили не мало боевыхъ трофеевъ, какъ-то: 16 полевыхъ орудій, 21 зарядный ящикъ, 14 лафетовъ, большое количество снарядовъ, много ружей и прочихъ военныхъ матеріаловъ; плѣнныхъ взято также много, но точно число ихъ пока не установлено. Непрiательскіе трупы въ большомъ числѣ покрываютъ поле сраженіе. Болгарамъ здѣсь нанесено такое же крупное пораженіе, какъ и на Каймакчаланѣ.

Потоплены пароходы «Corinth» и «Begnica». Бельгійское правительство протестуетъ противъ принудительной работы и вывоза въ Германію бельгійскаго населенія.

Въ Средиземномъ Японскомъ морѣ отъ взрыва затонула японская подводная лодка.

2-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на рѣкѣ Нараянкѣ, въ районѣ высотъ къ востоку отъ дер. Липица-Дольная наши войска, перейдя въ наступленіе, выбили противника изъ занятыхъ имъ нашихъ окоповъ по обѣ стороны дороги на д. Славентынъ, взявъ при этомъ плѣнныхъ и 2 пулемета. Контръ-атаки противника успѣха не имѣли. На кавказскомъ фронтѣ 31-го октября турки произвели рядъ попытокъ частичнаго наступленія небольшими силами со стороны Торника (сѣверо-западнѣе Гюмишъ-Хамы), въ районѣ Беладжи—Сурголинъ (южнѣе Киги), на село Шарафханъ и на мушскомъ направленіи. Всѣ эти попытки отбиты были нашимъ огнемъ, вынудившимъ турокъ отойти.

На румынскомъ фронтѣ, къ сѣверу и къ югу отъ долины рѣки Ойтузъ въ Трансильваніи румыны, перейдя въ наступленіе, отбросили противника, захвативъ плѣнныхъ и 3 пулемета. Въ долинахъ рѣкъ Тиргулуя, Ольты и Жіу настойчивыя атаки противника продолжаются, причемъ противнику, значительно усилившемуся вновь прибывшими германскими подкрѣпленіями, мѣстами удалось потѣснить румынскія войска.

2-го ноября германцы, испытывая вполнѣ понятное безпокойство по поводу непрерывныхъ успѣховъ союзниковъ на фронтѣ Соммы, сдѣлали попытку вновь овладѣть утерянными съ начала мѣсяца позиціями и произвели на французскій участокъ фронта рядъ послѣдовательныхъ атакъ, напоминающихъ самыя ожесточенныя сраженія міровой войны, какъ по количеству силъ, введенныхъ германцами въ бой, усиленныхъ новыми дивизіями, привлеченными къ этому фронту, такъ и по силѣ артиллеріи, удвоенной противъ обычной нормы. Тѣмъ не менѣе, атака въ общемъ потерпѣла неудачу, благодаря мужественному сопротивленію французскихъ войскъ, и успѣхъ противника былъ минималенъ. Послѣ артиллерійской подготовки, продолжавшейся 50 часовъ и представлявшей настоящій дождь снарядовъ, направленный на французскія позиціи, между Абленкуромъ и лѣсомъ Шонъ, германскія части начали атаку съ разсвѣтомъ, пользуясь всѣми средствами наступленія. Противникъ былъ встрѣченъ жестокимъ и мѣткимъ огнемъ французскихъ 75—и 155-миллиметровыхъ орудій и сопротивленіемъ пѣхоты. Энергія противника истощилась весьма скоро, и его разсѣяныя части должны были въ безпорядкѣ отступить. Въ общемъ на обоихъ берегахъ Соммы непріятель произвелъ мощный натискъ, въ результатъ котораго добился весьма незначительныхъ успѣховъ цѣною цѣною значительныхъ потерь,—лишь въ восточной части дер. Прессуаръ германцамъ удалось немного продвинуться. Однако вскорѣ они были выбиты оттуда.

Англійскіе аэропланы бомбардировали порты Остенде и Зеэбрюгге.

На Санъ-Марко къ востоку отъ Горицы австрійцы подвергли итальянскія позиціи артиллерійскому обстрѣлу, въ результатъ чего итальянцы эвакуировали траншеи, наиболѣе доступныя непріятельскому огню.

На восточномъ берегу оз. Тайнось, на фронтѣ Струмы, англичане овладѣли селеніемъ Какараска.

На балканскомъ фронтѣ положеніе военныхъ дѣлъ ко 2-му ноябрю было таково: германо-болгарскія войска въ районѣ Црны отступили въ окрестности высоты «1.202», преслѣдуемая сербами. На фронтѣ Црны франко-сербское наступленіе продолжается. Къ сѣверу отъ Тепавчо франко-сербскія войска продвинулись къ Яратеку. Къ западу отъ Црны противникъ покинулъ главныя позиціи. Число плѣнныхъ, взятыхъ союзниками въ изгибѣ Црны съ 28-го октября, превышаетъ 3,200. Въ Добруджѣ непріятель, вытѣсненный изъ округа Тульчи, теперь постепенно вытѣсняется также и изъ округа Констанцы. Русско-французскія войска, преслѣдуя противника, достигли праваго берега Виры, въ 6 километрахъ къ югу отъ Монастыря. Французами заняты селенія Забжани, Породинъ и Велучина. Румынская главная квартира «сообщаетъ о занятіи румынскими войсками въ Добруджѣ с. Бойчикъ и объ отходѣ румынъ въ долину Жіу на вторую линію своихъ укрѣпленій. Въ долину Аллаты непріятель принудилъ румынъ отодвинуться къ Салатру-Брезой. Германскіе аэропланы бомбардировали Бухарестъ.

Германскія подводныя лодки потопили 6 норвежскихъ судовъ. Потопленъ французскій пароходъ «Burdigal».

3-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на всемъ фронтѣ происходила лишь перестрѣлка, болѣе интенсивная въ районѣ озеръ Парочъ и на нѣкоторыхъ участкахъ рѣки Стохода. Въ районѣ къ сѣверу отъ Шельвова наша артиллерія удачно обстрѣливала химическими снарядами расположенія противника. На рѣкѣ Нараювкѣ, въ районѣ деревни Липица-Дольная, нѣмцы повели энергичное наступленіе, пытаясь захватить часть окоповъ, отнятыхъ у нихъ нами наканунѣ. Двѣ послѣдовательныя ихъ атаки были отражены нашимъ огнемъ.

На Кавказскомъ фронтѣ на буруджинскомъ направленіи наши части очистили отъ турокъ и кавказскій и джанелакскій районы (южнѣе Султанъ-Абада).

На румынскомъ фронтѣ, въ Трансильваніи, въ районѣ къ сѣверу отъ Тольдешъ противникъ повелъ наступленіе, отбитое нашимъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Послѣ упорнаго боя наши войска захватили укрѣпленную высоту противника къ югу-востоку отъ Тольдешъ, взявъ при этомъ 180 плѣнныхъ при одномъ офицерѣ и 3 пулемета. Въ районѣ Кимплонунга упорные бои продолжаются. Противникъ, поддерживая свои атаки многочисленной тяжелой артиллеріей, несетъ огромныя потери. Всѣ атаки его до настоящаго времени отражены. Занимаемое румынами положеніе ими удержано. Въ долинахъ рѣкъ Одыты и Жіу ожесточенные бои.

Въ Добруджѣ наши войска вновь продвинулись къ югу. Противникъ, отходя, зажигаетъ румынскія деревни.

На европейскихъ театрахъ войны 3-го ноября положеніе обрисовывалось въ такомъ видѣ:

На фронтѣ Соммы германцы вновь выбиты изъ сѣверо-восточной части дер. Сайизель. На англійскомъ фронтѣ велись только артиллерійскій и воздушный бои.

На берегу Црны деревни Сезель, Бодовинцы, Нагоцаны и монастырь Заратокъ освобождены отъ непріятеля. На правомъ берегу Црны непріятель былъ принужденъ покинуть свою главную укрѣпленную линію и отступить къ Битолу. Букри, Герно, Средно, Долно, Эгри и Кенали—въ рукахъ союзниковъ. Въ оккупированной нѣмцами Польшѣ организована запись добровольцевъ въ ряды польской арміи. Новая армія будетъ включена въ составъ германской арміи. Непрідателемъ потоплено нѣсколько судовъ, принадлежащихъ нейтральнымъ государствамъ. Брианъ и Асквитъ привѣтствуютъ выступленіе Россіи съ протестомъ противъ австро-германскаго акта о Польшѣ и присоединяются къ рѣшенію возстановить единство Польши.

4-го ноября штабъ Верховнаго-Главкомадирующаго извѣщалъ: Въ районѣ высотъ къ востоку отъ с. Липица-Дольная противникъ артиллерійскимъ огнемъ мѣшаетъ нашимъ работамъ по возстановленію нашихъ окоповъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ противникъ переходилъ въ наступленіе въ районѣ къ юго-западу отъ Вакарки и въ районѣ горѣ Капуль, но былъ отброшенъ нашимъ огнемъ. Въ районѣ Якобени, къ западу отъ Кимполунга (австрійскаго) нами занято нѣсколько высотъ и взяты плѣнные.

На румынскомъ фронтѣ, въ Трансильваніи, въ долинѣ Тиргулуй и на кимполунгскомъ (румынскомъ) направленіи противникъ вновь провелъ рядъ атакъ и овладѣлъ дер. Лирошты, Атаки въ районѣ Альбешти отбиты. На ольтинскомъ и жиульскомъ направленіяхъ значительно усилившіяся свѣжими силами противникъ ведетъ настойчивое наступленіе. Дер. Тиргулуй—Жиу въ долинѣ р. Жиу оставлена румынами.

Ко 4-му ноября британскія войска на лѣвомъ берегу Струмы заняли деревню Кавакли. Въ районѣ рѣки Црны наступленіе франко-сербскихъ войскъ продолжается съ полнымъ успѣхомъ. Заняты высоты Монастыря. Къ сѣвер-востоку отъ Кенали французскія кавалерія захватила Неготинъ. Взято 400 плѣнныхъ, 3 пулемета и гаубица. Съ 28-го октября сербами взято въ плѣнъ 3.900 человекъ, захвачено 8 тяжелыхъ и 16 полевыхъ орудій.

Французскій военный министръ въ письмѣ Ламбросу извѣщаетъ о рѣшеніи генерала Саррайля установить нейтральную зону, дабы помѣшать столкновеніямъ между греческой національной и правительственной арміями.

Высылка бельгийцевъ въ Германію на работы вызываетъ негодованіе въ С.-А. С. Штатахъ.

Германскія газеты сообщаютъ, что польскіе рекруты, кромѣ присяги отечеству, должны будутъ присягать императорамъ Вильгельму и Францу-Юсифу.

Итальянскій министръ-президентъ Бозелли обратился къ В. В. Штюрмеру съ телеграммой, въ которой присоединяется къ заявленіямъ Асквита и Бриана относительно Польши.

5-го ноября штабъ Верховнаго Главкомадирующаго сообщилъ, что на нашемъ западномъ фронтѣ имѣли мѣсто только перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ въ районѣ къ сѣверу отъ Шибени наблюдалось наступленіе противника, который мѣстами потѣснилъ наши небольшія части, но нашей контръ-атакой былъ отброшенъ и положеніе наше возстановлено. Идетъ снѣгъ. Дороги значительно испортились.

На Кавказскомъ фронтѣ попытки противника наступать въ районѣ Султанъ-Абада отбиты нашимъ огнемъ.

На румынскомъ фронтѣ въ Трансильваніи, въ долинахъ рѣкъ Ольты и Жіу настойчивыя атаки противника продолжаются. На дунайскомъ фронтѣ наши передовыя части продолжаютъ продвигаться къ югу по дунайскому направленію.

5-го ноября на западно-европейскомъ фронтѣ къ югу отъ Соммы отбита попытка германцевъ наступать на французскіе окопы къ востоку отъ Берки; отбита также попытка германцевъ приблизиться въ районѣ Біаша. Англичане продвинулись на участкѣ къ сѣверо-западу отъ Бомоя—Амеля. На Карсо итальянскія войска продвинулись въ нѣсколькихъ пунктахъ.

На балканскомъ фронтѣ восточная армія союзниковъ вступила въ Монастырь. Сербскія войска штурмомъ овладѣли высотой «1.212». Въ районѣ Драгославля румынами отбитъ рядъ атакъ непріятеля. Въ долину Алюты непріятель крупными силами принудилъ румынъ отойти немного къ Энціу-лешти.

На основаніи состоявшихся въ Парижѣ совѣщаній итальянское, великобританское и французское правительства рѣшили поручить своимъ представителямъ при нейтральныхъ правительствахъ вручить послѣднимъ протестъ противъ германской деклараціи о Польшѣ.

6-го ноября на нашихъ западномъ и кавказскомъ фронтахъ, кромѣ перестрѣлки и поисковъ развѣдчиковъ, ничего значительнаго не наблюдалось. На румынскомъ фронтѣ, въ Трансильваніи, въ долинахъ р.р. Жіу и Ольты противникъ значительными силами атаковалъ и нѣсколько потѣснилъ румынскія войска къ югу. Въ долину р. Тиргулуй румыны, перейдя въ наступленіе, заняли рядъ высотъ.

Англичане продвинулись впередъ въ сѣверу и югу отъ Анкра и расширили занятую площадь подступивъ къ Гранкуру. Число плѣнныхъ, взятыхъ англичанами въ районѣ Анкра съ 1-го ноября, достигаетъ 6.962.

7-го ноября на нашихъ западномъ и кавказскомъ фронтѣ наблюдалось нѣкоторое затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ. На румынскомъ фронтѣ, въ Трансильваніи, въ районѣ Кимполунга атака румынъ къ югу отъ Драгославля успѣха не имѣла. Въ районѣ Альбешти румыны продвинулись къ сѣверу, захвативъ 100 плѣнныхъ, 2 пулемета и 1 орудіе. Противникъ атаковалъ румынскія войска на ольтинскомъ направленіи въ районѣ Оести, Сербанешти и Брессою, но успѣха не имѣлъ и былъ остановленъ огнемъ. Въ долину рѣки Жіу подъ натискомъ превосходныхъ силъ румыны продолжали отходить къ югу.

Въ районѣ р. Црны непріятель въ безпорядкѣ отступаетъ къ Прилѣпу. Союзники заняли Грумисте, Брникъ, Яратокъ, высоту «1372», Маково, Орѣхово, Врансовцы, Рибарцы, Билянинъ, Новацы, Суходоль и Крани. Непріятельскою подводной лодкой потопленъ норвежскій пароходъ.

8-го ноября на нашимъ западномъ фронтѣ была ружейная и артиллерійская перестрѣлка, болѣе интенсивная на р. Стоходѣ. Въ районѣ Малъ-Порска тяжѣлая и легкая артиллерія противника обстрѣливала районъ Гарбузовъ—Гуналовце къ западу отъ Ново-Олексинець. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ въ рай-

онѣ 5 верстѣ къ сѣверу отъ Шневи противникъ переходилъ въ наступленіе, но былъ отбитъ.

На румынскомъ фронтѣ, въ Трансильваніи, въ долині р. Ольты противникъ продолжалъ атаки съ прежней силой. Подъ натискомъ противника румынскія войска съ боемъ медленно отходятъ къ югу. Въ долині р. Жіу румыны подъ натискомъ превосходныхъ силъ противника отошли въ районъ станціи Филіаши.

На французскомъ фронтѣ день 8-го ноября прошелъ спокойно. Англичане на фронтѣ во Франціи проникли въ непріятельскія траншеи въ Гомьенкурѣ и въ окрестностяхъ Рокленкура и Ипра. Итальянцы отбили двѣ атаки непріятеля на высоту «126», къ сѣверу отъ горы Волновнякъ. Сербы заняли деревню Рапешъ и разбили германцевъ къ сѣверу отъ Суходола, обративъ ихъ въ бѣгство и взявъ много плѣнныхъ и боевыхъ припасовъ. Германскими подводными лодками потоплены два порвежскихъ парохода.

9-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на нашемъ западномъ фронтѣ въ районѣ Иллукста мы произвели успѣшную газовую атаку, вызвавшую въ окопахъ противника тревогу. На рѣкѣ Стоходѣ въ районѣ Кухары, Большого и Малаго Порска артиллерійская перестрѣлка. Въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Корытницы на передовомъ наблюдательномъ пунктѣ убитъ пулей доблестный командиръ батареи, георгіевскій кавалеръ полковникъ Ягелловичъ. На остальномъ фронтѣ происходила обычная перестрѣлка. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ наступила оттепель, сильно испортившая дороги.

На кавказскомъ фронтѣ юго-восточнѣе Огнота турки довольно значительными силами атаквали наши части; бой здѣсь продолжается. На бурджирскомъ направленіи турки утромъ 7-го ноября перешли въ наступленіе на Султанъ-Абадъ, но были отражены нашимъ огнемъ съ громадными потерями. Преслѣдованіе отбитаго противника продолжалось до наступленія темноты.

Въ Трансильваніи, въ долині р. Жіу румынскія войска, подъ давленіемъ противника, съ боемъ отходятъ къ Краіову. Въ остальномъ безъ существенныхъ переменъ.

9-го ноября сербы продолжали свое наступленіе по всему фронту. Союзники овладѣли Будимірцами, Пароловокъ и Доброміромъ. Въ Эгейскомъ морѣ потоплено миною или торпедою англійское госпитальное судно «Britannic».

Адмиралъ дю-Фурнэ передалъ посланникамъ германскому, австро-венгерскому, турецкому и болгарскому ноту, содержащую требованіе покинуть Грецію.

10-го ноября предсѣдателемъ Совѣта Министровъ вмѣсто ушедшаго въ отставку Штюрмера, назначенъ министръ путей сообщеній А. Ѳ. Треповъ. Б. В. Штюрмеръ Всемилоствѣйше пожалованъ въ оберъ-камергеры Высочайшаго Двора.

10-го ноября на фронтѣ нашихъ армій наблюдалась лишь перестрѣлка и артиллерійскій огонь, болѣе интенсивный въ районѣ Большого и Малаго Порска, на Нараювкѣ въ районѣ Свистельники и въ районѣ Іезуполя.

Герой майскаго прорыва. Начальникъ одной изъ нашихъ пѣхотныхъ дивизій генераль-лейтенантъ Константинъ Лукичъ Гильчевскій, награжденный орденомъ св. Георгія 4 ст.

10-го ноября на фронтахъ союзниковъ во Франци и на итальянскомъ фронтѣ происходили преимущественно артиллерійскіе и воздушные бои. Итальянцы взяли приступомъ возвышенности къ югу отъ Брадиндоля и къ сѣверо-западу отъ Монастыря.

Германскія власти, въ цѣляхъ поименія войскъ, распространяютъ слухъ о намѣреніи образовать зависимое отъ Германіи литовское государство. Новый австрійскій императоръ Карлъ въ рескриптѣ на имя министра-президента Кербера сообщаетъ о своемъ восшествіи на престолъ 8-го ноября и предлагаетъ членамъ правительства сохранить посты. Опубликованъ манифестъ императора Карла къ народамъ Австріи.

11-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ нашемъ западномъ фронтѣ въ районѣ Занарочъ (къ югу-западу отъ оз. Нарочь) наши развѣдчики атаковали нѣмецкій караулъ, причемъ захватили 1 пулеметь.

ИСТОП. ВѢСТН., ЯНВАРЬ 1917 Г., Т. СХЛVII.

Къ сѣверу-востоку отъ Криво послѣ обстрѣла нашихъ окоповъ артиллеріей и минами противникъ на небольшомъ участкѣ пытался перейти въ наступленіе, но былъ отбитъ нашимъ огнемъ. Огнемъ нашей артиллеріи въ сторонѣ противника былъ произведенъ сильный взрывъ. На Стоходѣ въ районѣ желѣзной дороги Ковель—Маневичи незначительныя части противника повели наступленіе, но, встрѣченный нашимъ огнемъ, залегли въ кустахъ, гдѣ оставались подъ огнемъ до темноты. Ночью противникъ отошелъ въ свои окопы. Въ районѣ м. Верба, къ сѣверу отъ Кременца вынужденно спустился австрійскій аэропланъ. Летчики взяты въ плѣнъ. На рѣкѣ Быстрицѣ наши летчики удачно сбрасывали бомбы на артиллерійскіе и интендантскіе склады противника въ д. Паволчо (на ж. дорогѣ въ сѣверу-западу отъ Станиславова), а наши развѣдчики произвели рядъ удачныхъ поисковъ въ районѣ д. Космачъ и Дороги (къ сѣверу-западу отъ Золотенцы).

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ Киги попытки турецкихъ развѣдывательныхъ партій подойти къ нашему расположенію были отражены огнемъ. Въ огнотскомъ районѣ турки очистили с. Шарасханъ. Вновь замѣчено употребленіе турками разрывныхъ пуль.

На румынскомъ фронтѣ, въ Трансильваніи въ районѣ въ сѣверу-востоку отъ Турну-Северина небольшой отрядъ румынъ атаковалъ противника, разсѣялъ его и захватилъ 3 орудія. Въ Добруджѣ наши войска вновь продвинулись къ югу, достигнувъ лѣвымъ флангомъ озера Башауль, гдѣ мѣстами переправились черезъ рѣку Каргаль.

11-го ноября на французскомъ фронтѣ было спокойно. На бельгійскомъ фронтѣ утромъ 11-го ноября въ районѣ Диксмюде развивалась ожесточенная артиллерійская дуэль какъ полевыхъ, такъ и траншейныхъ орудій. Бельгійскія батареи принимали въ ней участіе до самаго полудня. Англичане въ ночь на 11-го ноября совершили набѣгъ на непріятельскія траншеи къ юго-востоку отъ Гренэ и въ районахъ Фестюбера и Буа-Гренье. Больше ничего значительнаго не отмѣчено. На Ближнемъ Востокѣ дождь и туманъ замедлили развитіе операций. 11-го ноября сербы отбили контръ-атаку болгаръ въ районѣ Груништы. Итальянскія войска продолжали продвигаться къ западу отъ Монастыря.

12-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомлялъ: юго-западнѣе Риги наши развѣдчики подъ прикрытіемъ заградительнаго огня ворвались въ окопы противника, захватили плѣнныхъ и пулеметъ. Къ сѣверу-востоку отъ Сморгони противникъ послѣ артиллерійскаго обстрѣла, въ сумерки перешелъ въ наступленіе силами около 2 ротъ. Нашимъ артиллерійскимъ, бомбометнымъ и пулеметнымъ огнемъ противникъ былъ отброшенъ въ свои окопы. На остальномъ фронтѣ велась обычная перестрѣлка.

На румынскомъ фронтѣ, въ Трансильваніи противникъ энергично атаковалъ въ долинѣ р. Ольты и потѣснилъ румынскія войска къ югу отъ Калиманешти и Молдарешти. Отъ Краіова противникъ также перешелъ въ наступленіе и принудилъ румынъ къ отходу за р. Ольтець. У Зимницы германскія войска переправилась на лѣвый берегъ Дуная. Въ Добруджѣ попытки противника атаковать наши передовыя части были остановлены огнемъ.

12-го шесть германскихъ контръ-миноносцевъ пытались приблизиться къ окраинѣ Нортъ-Доуксъ, но были принуждены поспѣшно повернуть обратно, обстрѣленные англійскими сторожевыми судами. Къ сѣверу и востоку отъ Монастыря продолжается ожесточенный артиллерійскій бой. Итальянцы продвинулись къ Торнвѣ къ сѣверо-западу отъ Монастыря.

13-го ноября штабъ Верховнаго-Главкомадующаго сообщилъ:

На ст. Пруды (къ сѣверо-западу отъ Молодечна) пулеметнымъ огнемъ сбитъ германскій аэропланъ. Офицеръ и нижній чинъ летчики взяты въ плѣнъ. Паркъ Стоходъ у д. Вулька-Порская упалъ подбитый нами у д. Пожарки (къ сѣверу отъ Рожище) непріятельскій аэропланъ. У аппарата обгорѣли крылья. Летчики взяты въ плѣнъ. Къ западу отъ Ново-Олексинецъ противникъ интенсивно обстрѣливалъ районы нашего расположенія. Надъ нашимъ расположеніемъ летали непріятельскіе аэропланы, одинъ изъ которыхъ, атакованный нашимъ летчикомъ капитаномъ Вафталовскимъ, послѣ 30-минутнаго воздушнаго боя былъ сбитъ и спустился въ районъ ст. Рудня Почаевская. Аппаратъ цѣль; на немъ взято 2 пулемета; летчикъ и наблюдатель взяты въ плѣнъ. Къ юго-западу отъ желѣзной дороги Езерна—Золочевъ въ районѣ д. Августовки наши развѣдчики произвели нѣсколько удачныхъ поисковъ и частью перекололи, частью взяли въ плѣнъ заставу противника. Въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Кирибабы противникъ усиленно обстрѣливаетъ наше расположеніе артиллерійскимъ огнемъ.

13-го ноября на фронтахъ союзниковъ во Франціи происходили главнымъ образомъ артиллерійскіе бои. Итальянцы продолжаютъ продвигаться съ гористомъ районѣ Дихово.

На фронтѣ Црны болгарскія контръ-атаки отражены сербами съ большими потерями для непріятели. Въ Ольтени румыны подъ давленіемъ превосходящихъ силъ непріятели отступили на лѣвый берегъ Ольтеца. Въ направленіи къ Зимницѣ непріятель пытался произвести высадку войскъ. Въ Добруджѣ союзники продвинулись по всему фронту и заняли Геленджикъ, Пацарли, Эстеръ, Палацуль и Миктамалуль.

Потопленъ датскій пароходъ.

Временнымъ греческимъ правительствомъ объявлена война Германіи и Болгаріи. Союзныя войска заняли въ нейтральной зонѣ города Ливадію, Кокиноплонъ и Сервію.

14-го ноября штабъ Верховнаго Главкомадующаго извѣстилъ: На р. Стоходъ наша артиллерія удачно обстрѣляла небольшой отрядъ противника, появившійся въ районѣ дер. Свитники. Въ районѣ Корытницы противникъ обстрѣливалъ наше расположеніе снарядами съ удушливыми газами. На р. Быстрицѣ въ районѣ дер. Дзвинячъ наши развѣдчики разогнали большую партію противника и захватили плѣнныхъ.

На румынскомъ фронтѣ, въ западной Валахіи бои продолжаютъ; пользуясь естественными рубежами, отходящія части румынъ задерживаютъ наступленіе противника. На Дунайскомъ фронтѣ переправившіяся у Зимницы непріятельскія войска выдвинули сторожевое охраненіе на рѣкѣ Веде, занявъ на среднемъ ея теченіи Вилени и Русе-де-Ваде. Въ Добруджѣ—столкновенія пе-

редовых пѣхотныхъ и конныхъ частей. Попытки противника сбить наши части съ перешейка между озеромъ Ташауль и моремъ были отбиты огнемъ.

14-го ноября гр. А. А. Вобринской пожалованъ въ оберъ-гофмейстеры Высочайшаго Двора и освобожденъ отъ должности министра земледѣлія. Временно управляющимъ министерствомъ земледѣлія назначенъ А. А. Риттихъ.

14-го ноября въ Шампани у Оберива французы отбили непріятельскую атаку. Англійская артиллерія разсѣяла германскую пѣхоту къ западу отъ Пьюзія. Непріятельскіе аэропланы совершили налетъ на сѣверо-восточное побережье Англи. Во время послѣдняго ночного налета на Англию сбиты два цеппелина. Итальянцы на балканскомъ фронтѣ продолжали успѣшно продвигаться къ западу и сѣверо-западу отъ Монастыря и заняли нѣсколько высотъ.

15-го ноября на нашемъ западномъ фронтѣ къ западу отъ Риги нѣмцы силою около двухъ ротъ повели наступленіе на наши передовыя части, но нашимъ огнемъ были отброшены. Къ югу отъ Риги нѣмцы выпустили облако газовъ, которое вслѣдствіе воднаго пространства р. Миссы до нашихъ окоповъ не дошло, и стрѣляли снарядами, вызывающими слезотеченіе. Въ районѣ д. Дзвинячъ, на рѣкѣ Быстрицѣ, наши развѣдчики атаковали роту противника и разсѣяли ее, захвативъ плѣнныхъ.

На кавказскомъ фронтѣ отрядъ противника занялъ Адрамедъ и Кошишъ-Оглы (въ 10 верстахъ южнѣ Вана). На хамаданскомъ направленіи отмѣчается лишь дѣятельность развѣдчиковъ.

15-го ноября на фронтахъ союзниковъ во Франціи происходили преимущественно артиллерійскіе бои. Въ Дюнкеркѣ сбить непріятельскій аэропланъ. Непріятельскій аэропланъ сбросилъ бомбы въ Лондонъ. Непріятельскіе дирижабли совершили налетъ на сѣверо-восточное побережье Англи: изъ нихъ два сбиты англичанами.

Потоплены два англійскихъ парохода и два норвежскихъ.

Итальянцы продвинулись въ районѣ Чрвена-стѣна.

На балканскомъ фронтѣ сербы продвинулись впередъ во многихъ мѣстахъ. Къ сѣверо-востоку отъ Монастыря французы продвигаются къ высотъ «1248».

16-го ноября сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: На нашемъ западномъ фронтѣ 15-го ноября, около 9 часовъ вечера противникомъ выпущены удушливые газы противъ нашихъ окоповъ въ районѣ д. д. Лабузы и Нагорня (на р. Шарфъ), а около 11 час. вечера нѣмцы перешли въ атаку на этотъ участокъ. Атака отбита огнемъ и штыками. На рѣкѣ Стоходѣ въ районѣ Малаго Порска нашей артиллеріей произведенъ взрывъ патроновъ противника. Попытки противника приблизиться къ нашимъ окопамъ въ районѣ д. Пустомыты отбиты огнемъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ наши части овладѣли высотой въ 6 верстахъ западнѣ Ворохты, захвативъ въ плѣнъ 2 офицеровъ и 98 нижнихъ чиновъ. Въ районѣ Вакарки мы овладѣли высотой въ 10 верстахъ къ юго-западу отъ этого пункта, захвативъ плѣнныхъ. Въ районѣ Кирлибабы наши войска овладѣли гребнемъ высотъ къ востоку отъ Кирлибабы, вытѣснивъ противника изъ всего занятаго района и взявъ при этомъ плѣнными 11 офицеровъ, 700 нижнихъ чиновъ и захвативъ 6 пулеметовъ и 1 бомбометъ. Къ югу отъ

Кирлибабы до долины рѣки Довтяна на всемъ фронтѣ нами заняты цѣлый рядъ высотъ.

На кавказскомъ фронтѣ турки силою около батальона повели наступленіе на наши части въ районѣ къ востоку отъ Киги, но были отброшены. Къ югу отъ Вана турки наступали въ районѣ селенія Шушаксъ и горы Шушаксъ-Даги.

На румынскомъ фронтѣ въ западной Валахіи румыны, подъ натискомъ противника, отходятъ къ востоку. Къ вечеру 14-го ноября противникъ дошелъ до линии Дарманешти, Драганы, Ватасешти, Костешти, Изверу. На путяхъ отъ Александрии и Зимницы противникомъ заняты Прунаро, Топоръ, Вьеру и Слободзея—Журжи, причемъ на послѣднемъ направленіи противникъ выдвинулся по шоссе на Кулугурени. Въ Добруджѣ велась артиллерійская и ружейная перестрѣлка.

16-го ноября англійскіе аэропланы атаковали портъ Зеэбрюгге. Прибывающіе изъ Бухареста сообщаютъ, что непріятельскіе аэропланы летаютъ надъ всѣми дорогами, сбрасываютъ бомбы и обстрѣливаютъ пѣшеходовъ изъ пулеметовъ. Открытіе румынскаго парламента отложено до его созыва въ Яссахъ. Адмиралъ Джеллико назначенъ первымъ морскимъ лордомъ; на должность командующаго большимъ флотомъ назначенъ адмиралъ Витти. Германскій генераль-губернаторъ наложилъ на Бельгію новую контрибуцію по 50 милліоновъ въ мѣсяць.

17-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Сморгони незначительныя части противника пытались наступать, но нашимъ огнемъ были остановлены и загнаны обратно въ свои окопы. Наша артиллерія разсѣяла три непріятельскія колонны, силою до роты каждая, двигавшіяся со стороны д. Городище на востокъ. Въ районѣ д. Корытницы наши части захватили выступъ непріятельской позиціи, глубоко вдавшійся въ наше расположеніе. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ мы овладѣли высотой Рура-Рукада въ 11 верстахъ юго-западнѣе Вакарки, захвативъ при этомъ 100 плѣнныхъ германцевъ и 3 пулемета. Въ районѣ высотъ къ востоку отъ Кирлибабы бой продолжается. За два дня здѣсь взято до 900 плѣнныхъ и захвачено 13 пулеметовъ, 2 бомбомета, 1 минометъ и 2 прожектора. Кирлибаба обстрѣливается нашимъ ружейнымъ огнемъ.

На кавказскомъ фронтѣ отрядъ противника, наступавшій въ ванскомъ районѣ, послѣ неудачной ночной атаки отступилъ въ направленіи на Вастанъ. Въ саккизскомъ районѣ наши войска захватили турецкій транспортъ изъ 47 животныхъ, груженныхъ пшеницей.

На румынскомъ фронтѣ на путяхъ отъ Дуная къ Бухаресту противникъ атаковалъ румынъ у Гиманцы, Калугарени и Комана и къ вечеру занялъ этотъ послѣдній пунктъ.

17-го ноября на фронтахъ союзниковъ во Франціи происходили артиллерійскіе бои. Потоплены три англійскихъ траллера и пароходъ.

Состоялось погребеніе императора Франца-Иосифа.

18 ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ, что на нашемъ фронтѣ попытки противника переходить въ наступленіе на р. Стоходъ,

въ районѣ Величка, были остановлены нашимъ огнемъ. Къ сѣверу отъ желѣзной дороги Тарнополь—Золочевъ противникъ послѣ сильнаго артиллерійскаго и минометнаго огня перешель, въ районѣ д. Кабаровце въ наступленіе рѣдкими цѣпами, но дружнымъ огнемъ пѣхоты и артиллеріи былъ отброшенъ въ свои окопы.

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ бои за высоты, занятія нами вчера въ районѣ Вакарки и Кирлибаба, продолжаются, причемъ послѣ повторныхъ атакъ противника нашимъ частямъ пришлось очистить высоту Рура-Рукада въ 11 верстахъ къ югу-западу отъ Вакарки.

Къ югу отъ Кирлибабы по всему фронту румынской границы идутъ бои; противникъ встрѣтилъ наше наступленіе сильнымъ огнемъ и контръ-атакой, тѣмъ не менѣе удалось завладѣть здѣсь цѣлымъ рядомъ высотъ.

На кавказскомъ фронтѣ нашъ султанабадскій отрядъ въ теченіе 12—14 ноября нанесъ противнику рядъ короткихъ, преимущественно ночныхъ ударовъ на правомъ берегу р. Кара-Су, причемъ противникъ къ вечеру 14-го ноября былъ отброшенъ въ полномъ безпорядкѣ за р. Кара-Су, понеся при этомъ большія потери. Нами захвачено 2 горныхъ орудія, пулеметь и большое количество военной добычи.

На румынскомъ фронтѣ, въ Трансильваніи, въ долиинѣ р. Ойгузъ румыны продолжаютъ тѣснить противника. Въ долиинѣ р. Бузео румынскія войска захватили рядъ высотъ къ востоку и къ югу отъ д. Краска. На участкѣ Изводу-Татарешти столкновеніе съ сильной конницей противника.

На Дунайскомъ фронтѣ, на путяхъ къ Бухаресту у Балбакату, Ванешти и Калугарени всѣ атаки противника отбиты. Деревни Комана и Гостиари заняты противникомъ, развѣзды котораго появились въ районѣ озера Греча.

18-го ноября на фронтахъ во Франціи и Италіи ничего особенно важнаго не произошло; по обыкновенію велась лишь ружейная и артиллерійская перестрѣлка; итальянскіе аэропланы сдѣлали нѣсколько налетовъ на непріятельскія расположенія.

19-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: На западномъ фронтѣ, въ районѣ Бубнова противникъ велъ огонь снарядами съ удушливыми газами и стрѣлялъ по нашему тылу зажигательными бомбами. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ бои за обладаніе высотами въ 10 вер. юго-западу отъ д. Хрынніова и къ востоку отъ Кирлибабы продолжаются.

На румынскомъ фронтѣ въ Трансильваніи, въ долинахъ р. Тротуша, Сульта, Чебоніашъ и Уза бои продолжаются; противникъ оказываетъ сопротивленіе, переходя въ контръ-атаки противъ нашихъ частей, занявшихъ здѣсь рядъ высотъ. Бои отличаются большимъ ожесточеніемъ, и плѣнные берутся лишь десятками. Въ долиинѣ р. Бузео румыны вновь нѣсколько продвинулись къ сѣверу.

На Дунайскомъ фронтѣ, на путяхъ отъ Питешти къ Бухаресту, въ долиинѣ р. Аргисъ, противникъ произвелъ рядъ ожесточенныхъ атакъ и принудилъ части румынъ, расположенныя къ сѣверу отъ Аргисъ, нѣсколько отойти. Всѣ же атаки къ югу отъ этой рѣки были отбиты. Къ западу отъ Бухареста, послѣ настойчивыхъ атакъ противнику удалось оттѣснить румынъ къ р. Аргисъ.

Къ югу отъ Бухареста всѣ атаки противника были отбиты, и контръ-атакой румынъ германо-болгарскія войска были выбиты изъ занятыхъ ими наканунѣ д. д. Комана и Гостинари.

Въ Добруджи наши войска овладѣли западной частью черноводскаго моста, а въ районѣ Калакіой—Сатискіой принудили противника отойти къ югу съ нѣсколькихъ высотъ.

19-го ноября на правомъ берегу Мааса непріятель ожесточенно бомбардировалъ районъ Во. Англичанами отражены два набѣга непріятеля на участкѣ Сушэ. 18-го ноября, послѣ высадки въ Пирей отрядовъ французскихъ, итальянскихъ и англійскихъ моряковъ, въ Аѳинахъ произошли серьезныя событія. Началась ружейная и орудійная стрѣльба въ помѣщенія, занятыя союзными моряками. Сюзная эскадра выпустила нѣсколько снарядовъ по стрѣлявшимъ греческимъ батареямъ. Союзныя правительства рѣшили принять энергичныя мѣры для полученія полного удовлетворенія.

20-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: На нашемъ западномъ фронтѣ въ районѣ дер. Терешкове (къ юго-востоку отъ Свинюхи) противникъ пытался переходить въ частичное наступленіе, но былъ отбитъ. На рѣкѣ Быстрицѣ наши развѣдчики произвели удачный поискъ въ районѣ д. Космачъ и захватили плѣнныхъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ противникъ дважды яростно атаковалъ занятую нами въ 6 верстахъ юго-западнѣ Ворохты высоту, но вынужденъ былъ отойти съ большими потерями. Въ районѣ сѣверо-восточнѣ и восточнѣ Кирлибабы противникъ атаковалъ наши части. Двѣ послѣдовательныя атаки его были отбиты.

На Кавказскомъ фронтѣ два батальона турокъ повели наступленіе противъ нашихъ передовыхъ частей западнѣ Огнота. Сильныя развѣдывательныя партіи противника пытались продвинуться юго-восточнѣ Огнота и восточнѣ Муша, но были отброшены нашимъ огнемъ. Также отбита атака батальона турокъ на битлискомъ направленіи. Нашъ катеръ «Пластунъ» съ Ванскаго озера перестрѣлялъ шедшій къ Вастану верблюжій транспортъ и разсѣялъ вышедшихъ изъ Вастана на помощь транспорту 300 спѣшенныхъ всадниковъ. На хамаданскомъ направленіи въ районѣ с. Шаревъ (30 в. юго-западнѣ Казвина) спустился турецкій аэропланъ. Послѣ тщательныхъ попытокъ привести аппаратъ въ движеніе летчики сожгли его, обливъ керосиномъ, а сами скрылись.

На румынскомъ фронтѣ, въ Трансильваніи, въ долинѣ р. р. Тротуша и Сульты наши атаки были успѣшны, и нами заняты д. д. Асаулъ и Сульба, причемъ захвачено свыше 300 плѣнныхъ и пулеметы.

На Дунайскомъ фронтѣ, въ долинѣ р. Аргисъ атаки противника продолжаются. Въ этомъ районѣ бои принимаютъ характеръ большого сраженія. Подъ натискомъ противника группа румынскихъ войскъ, обходимаемая съ юга конницей, отходитъ въ юго-восточномъ направленіи. Операціи румынъ къ западу и къ югу отъ Бухареста при содѣйствіи подошедшихъ русскихъ войскъ развиваются успѣшно. Болгаро-германскія войска вынуждены къ отходу, причемъ здѣсь захвачены плѣнные и трофеи, число коихъ выясняется. Пока извѣстно, что захвачено 26 орудій.

21-го ноября сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

Попытки немецких разведчиков приблизиться къ нашимъ проволочнымъ загражденіямъ въ районѣ Шельвова остановлены нашимъ огнемъ.

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ бои за отдѣльныя высоты продолжаются, причемъ наши части, послѣ артиллерійской подготовки, лихимъ ударомъ овладѣли высотой въ 3 верстахъ юго-западнѣ Яблоницы.

На румынскомъ фронтѣ къ сѣверу отъ Тротуша противникъ съ упорствомъ атаковалъ наши части на вновь занятыхъ высотахъ, причемъ 2 изъ нихъ нами были оставлены. Къ югу отъ Тротуша упорные бои продолжаются; противникъ упорно сопротивляется. Въ долину Ойтузь румыны отбили атаки противника. На направленіи Питешти — Торговистая румыны подъ непрерывнымъ натискомъ противника отступаютъ. На направленіи Александрия—Бухарестъ и къ югу отъ него упорные бои продолжаются. Противникъ, перешедшій здѣсь къ оборонѣ и къ отступленію, усилившись вновь, повелъ наступленіе, причемъ ему удалось овладѣть д. Гратешти къ югу отъ Бухареста. Къ юго-западу отъ Бухареста вышедшія въ тылъ противнику части румынъ сами атакованы и принуждены къ отходу. На Дунаѣ велась ружейная перестрѣлка.

У Добруджи попытки противника атаковать остановлены артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ..

21-го ноября на фронтахъ союзниковъ во Франціи происходила только артиллерійская перестрѣлка.

22-го ноября на нашемъ западномъ фронтѣ происходилъ мѣстами артиллерійскій и ружейный огонь. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ противникъ повелъ рядъ атакъ на занятую нами въ 4-хъ верстахъ къ югу отъ Вороненки высоту. До часу дня всѣ атаки противника были отбиты, но затѣмъ противникъ огнемъ тяжелой артиллеріи разрушилъ наши окопы и вынудилъ наши части къ отходу на основную позицію.

На румынскомъ фронтѣ, на молдавской границѣ въ долину р. Тротуша и къ югу по долину р. Дофляны бои продолжаются; нами вновь занятъ рядъ высотъ, но противникъ оказываетъ упорное сопротивленіе, пытаясь контръ-атаками возстановить свое положеніе. Въ Валахіи бои продолжаются; на путяхъ отъ Торговистая къ Плоешти, отъ Титу къ Бухаресту и къ западу и югу отъ столицы, подъ натискомъ значительно превосходныхъ силъ противника, непрерывно атакующихъ румынъ, послѣдніе отходятъ къ востоку. Предпринятая румынами попытка остановить наступленіе противника не увѣчалась успѣхомъ.

На Черномъ морѣ наши гидроэропланы сдѣлали налетъ на деревню Карамурадъ (къ сѣверу отъ Констанцы), сбросивъ бомбы и обстрѣлявъ змѣйковый аэростатъ; гидроэропланы вернулись благополучно.

22-го ноября къ югу отъ Лооса англичане отразили попытку непріятеля совершить набѣгъ на ихъ окопы. Въ теченіе дня 22-го ноября непріятельская артиллерія подвергла сильному обстрѣлу районъ Ипра и Лооса. Английская артиллерія успѣшно отвѣчала. Непріятель временами открывалъ артиллерійскій огонь противъ англійскаго фронта по обѣимъ сторонамъ Анкра. Англійскіе летчики произвели полеты, имѣющіе весьма важное значеніе и сопровождавшіеся бомбардировкой непріятельскаго расположенія и раз-

вѣдкой. Сербы взяли приступомъ рядъ сильно укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій въ районѣ Груништи и Будимирцы. Франко-сербскія войска достигли новаго успѣха къ сѣверу отъ Паралова.

Итальянцы отбили внезапную атаку непріятеля, произведенную на позиціи къ сѣверу отъ Санта-Катерина.

Германскою подводною лодкой потопленъ норвежскій пароходъ. Австрійскій императоръ Карль принялъ на себя верховное командованіе арміей и флотомъ и назначилъ своимъ замѣстителемъ эргерцога Фридриха. Англійскій король принялъ отставку Асквита.

23-го ноября на нашемъ западномъ фронтѣ, по извѣстіямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, къ юго-востоку отъ Поморжанъ, въ районѣ д. Коюхи наши развѣдчики атаковали караулы противника и захватили плѣнныхъ. Удачные поиски нашихъ развѣдчиковъ происходили на р. Быстрицѣ въ районѣ д. Старый Лисецъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ наши войска заняли высоту въ 3 верстахъ юго-западнѣ Яблоницы, но вслѣдствіе сильнаго артиллерійскаго огня противника принуждены были ее оставить.

23-го ноября на лѣвомъ берегу Мааса германцы, атаковавшіе восточный склонъ высоты «304», задержались лишь въ нѣсколькихъ участкахъ французской линіи.

23-го ноября утромъ англичанами совершенно удачное нападеніе на германскія траншеи къ юго-востоку отъ Невиль-Сенъ-Вааста. Къ западу отъ Борэна и къ сѣверо-востоку отъ Рокленкура германцы пытались произвести нападеніе, но успѣха не имѣли. Англичанами захвачено нѣсколько плѣнныхъ.

На остальномъ фронтѣ не произошло ничего значительнаго, за исключеніемъ ожесточенной канонады германцевъ близъ Бокура, Лаббэ и фермы Мукэ, а также на нашемъ фронтѣ къ сѣверу отъ Анкра.

Образованіе англійскаго кабинета, вслѣдствіе ухода въ отставку Асквита, поручено Ллойдъ-Джорджу.

23-го ноября по всему фронту сербской арміи шли ожесточенные артиллерійскіе и пѣхотные бои. На сѣверо-востокъ отъ деревни Будимирцы сербскія войска блестящею атакою овладѣли очень важными и сильными высотами, отчаянно защищавшимися германо-болгарскими войсками. Сербы захватили много плѣнныхъ, бомбометъ, свыше ста ружей и другого матеріала.

24-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: На нашемъ западномъ фронтѣ въ районѣ лѣса, что къ сѣверу отъ дер. Шельвова, противникъ, подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго огня, повелъ наступленіе на наши окопы и овладѣлъ небольшимъ участкомъ нашего расположенія, но нашей контръ-атакой былъ отброшенъ. Въ районѣ Гарбузовъ — Гукаловце артиллерія противника открыла ураганный огонь по нашимъ окопамъ и ближайшему тылу, а пѣхота его перешла въ наступленіе. Около двухъ непріятельскихъ ротъ ворвались въ часть разрушенныхъ окоповъ въ районѣ Гукаловце, однако атакой сосѣднихъ участковъ противникъ былъ выбитъ, и положеніе наше возстановлено. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ наши дѣйствія приостановились вслѣдствіе тумана, мѣшающаго огню артиллеріи.

На румынскомъ фронтѣ къ югу отъ д. Тротуша бои продолжаются. Въ Ва-

лахін румыны подь натискомъ противника отходили къ востоку, удерживая противника аррьергардными боями. Бухарестъ былъ очищенъ румынскими войсками къ полудню 23-го ноября. Въ связи съ отходомъ румынскихъ войскъ, отошли и наши части, прикрывавшія лѣвый флангъ румынской арміи къ югу отъ Бухареста.

24-го ноября англичане вели съ нѣмцами оживленную орудійную перестрѣлку у горнаго кряжа Тіепваля. Французы вытѣснили нѣмцевъ изъ части окоповъ «304» на лѣвомъ берегу Мааса. Итальянскіе гидроаэропланы совершили налеты на Триестъ.

На Балканскомъ фронтѣ три атаки германо-болгарь въ районѣ Старолины въ Македоніи отбиты сербами. У деревни Будимирцы сербы овладѣли укрѣпленными высотами, причѣмъ захватили много плѣнныхъ, бомбометъ, орудія и военные матеріалы.

Французское министерство сообщило о гибели броненосца «Суфренъ».

На границѣ Трансильваніи въ долинахъ р. р. Тротуша, Сульты, Чебиніаша, Усы и Дефтяты бои продолжаются. Въ Валахіи атаки продолжались, и противникъ имѣлъ успѣхъ съ направленіи Торговистая—Плоешти и въ районѣ Гоканешти на желѣзной дорогѣ Титу—Бухарестъ, гдѣ вслѣдствіе прорыва фланга румыны принуждены были отступить. На прочихъ участкахъ атаки противника были успѣшно отбиты.

Французское правительство, по соглашенію съ союзниками, объявило съ 8 час. утра 25-го ноября блокаду Греціи. Греческое судно «Гидра» перехватило шифрованные телеграммы греческой королевской четы къ кайзеру. Нейтральные посланники въ Аѣинахъ заявили протестъ противъ безчинствъ греческихъ резервистовъ. Греческіе резервисты произвели аресты венизелістовъ въ Янинѣ и Ларисѣ.

25-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ о томъ, что на фронтѣ Голубица—Пеняки противникъ обстрѣливалъ наше расположеніе минами сильнаго разрушительнаго дѣйствія. Въ районѣ Потуторы и Дзикаланы интенсивная ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Въ Лѣсистахъ Карпатахъ наши части перешли въ наступленіе на высоту въ 5 верстахъ къ югу отъ Яворника. Бой продолжается, и результатъ его неизвѣстенъ. Въ 8 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ горы Торонга наши развѣдчики атаковали заставу противника и разсѣяли ее.

На кавказскомъ фронтѣ, на саккизскомъ направленіи наши части атаковали турокъ, занимавшихъ высоту близъ Саккиза, сбили ихъ и захватили плѣнныхъ.

На румынскомъ фронтѣ въ долинѣ р. Ойтуза атаки противника отбиты. Въ Валахіи послѣ занятія противникомъ Бухареста румынскія и наши войска продолжали отходъ. Въ Добруджѣ и на Дунаѣ спокойно.

45-го ноября на фронтѣ Соммы отмѣчается довольно значительная дѣятельность артиллеріи въ районѣ Бушавена, передъ Біашемъ. Въ Апремонскомъ лѣсу во время атаки, произведенной утромъ, непріятелю удалось задержаться въ нѣкоторыхъ участкахъ французскихъ траншей, но энергичной контр-атакой французскія войска немедленно выбили его оттуда.

25-го ноября въ теченіе дня германцы подвергли бомбардировкѣ англійскій

фронтъ къ югу отъ Анкра и на участкахъ Гедекура и Рамзара. Англичане отвѣчали обстрѣломъ различныхъ пунктовъ въ тылу германскихъ линій. Англійскія траншейныя мортиры проявили дѣятельность къ юго-востоку отъ Армантьера.

26-го ноября штабъ Верховно-Главнoкомандующаго извѣстилъ:

На нашемъ западномъ фронтѣ близъ м. Пиликаны, что южнѣе оз. Дрисвяты, упалъ германскій аэропланъ, сбитый нашимъ пулеметнымъ огнемъ. При паденіи аэропланъ перевернулся и получилъ незначительныя поврежденія. Летчикъ и наблюдатель взяты въ плѣнъ.

Къ югу отъ Поморжанъ, въ районѣ д. Конюхи наши развѣдчики, преодолѣвъ проволочныя загражденія, безшумно атаковали заставу противника, часть ея перекололи и нѣсколько человекъ взяли въ плѣнъ.

Въ районѣ Свистельники усиленные поиски развѣдчиковъ.

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ бой за высоту въ 5 вер. къ югу отъ Яворника затихъ, и наши части отошли въ свои окопы.

На румынскомъ фронтѣ къ западу и югу отъ Валепутны мы атаковали противника и сбили его съ двухъ высотъ, захвативъ при этомъ около 500 плѣнныхъ при 10 офицерахъ, 6 пулеметовъ, 2 бомбомета и 1 орудіе. Въ 5 верстахъ къ югу-западу отъ дер. Сульты повторными атаками противникъ вынудилъ насъ очистить занятую наканунѣ высоту. По обѣимъ берегамъ р. Чебоніашъ наше наступленіе продолжалось. Въ Валахіи, подъ не прекращающимся натискомъ противника, румынскія войска продолжаютъ отходить къ востоку. Въ связи съ отходомъ румынъ отходятъ на ихъ лѣвомъ флангѣ и наши войска.

Въ Шампани французы овладѣли выступомъ германскихъ позицій въ районѣ Менильскаго холма.

26-го ноября отъ Монастыря до Дойранскаго озера происходили ожесточенные артиллерійскіе бои. Англійскія войска завладѣли новыми турецкими постами къ югу отъ Сереса.

Венизелосъ обратился къ державамъ-покровительницамъ Греціи, въ лицѣ ихъ консуловъ въ Салоникахъ, съ официальнымъ заявленіемъ, свидѣтельствующимъ, въ общемъ, о полномъ разрывѣ между временнымъ національнымъ греческимъ правительствомъ и королевскимъ правительствомъ, а также короной. Принимая во вниманіе, что ранѣе Венизелосъ и временное правительство всегда старательно подчеркивали свою неразрывную связь съ короной, въ нашихъ дипломатическихъ кругахъ придаютъ новому заявленію салонискаго правительства очень большое значеніе. Въ своемъ заявленіи Венизелосъ между прочимъ подчеркиваетъ, что нападеніе королевскихъ войскъ на союзниковъ свидѣлствуетъ съ очевидностью о намѣреніи аѳинскаго правительства при первой благоприятной конъюнктурѣ, въ зависимости отъ хода военныхъ операций, объявить войну союзникамъ. Въ виду этого временное правительство считаетъ своихъ долгомъ передъ родиной и эллинизмомъ указать, что греческая нація въ цѣломъ относится рѣзко отрицательно къ преступнымъ замысламъ аѳинскаго правительства и что временное правительство отрекается отъ всякой связи и солидарности съ королевскимъ правительствомъ.

27-го ноября, по извѣстіямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, на нашемъ западномъ фронтѣ въ районѣ къ сѣверу отъ Двинска произошелъ воздушный бой, причемъ нашъ аэропланъ снизился въ районѣ озера Толубъ (25 верстъ сѣвернѣе Двинска); аппаратъ сломался, летчики невредимы. Другой произошелъ въ районѣ Илдукста; подбитый нами германскій фоккеръ упалъ почти отвѣсно. Нашъ аэропланъ, закончивъ развѣдку, благополучно вернулся, несмотря на полученныя въ бою пробоины. На остальномъ фронтѣ происходила перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ. Въ районѣ Валенпутна и къ сѣверу отъ Дорна-Ватры бои продолжались; наши части, продвигаясь, встрѣчали упорное сопротивленіе противника. Въ долинахъ Тротуша, Сульгы и Чебоніаша мы продолжали продвигаться.

На кавказскомъ фронтѣ на хамаданскомъ направленіи противникъ, обстрѣливъ огнемъ артиллеріи нашъ куриджанскій участокъ, густыми цѣпями спустился съ высотъ и занялъ нейтральные бугры между Мараномъ и Куриджаномъ.

На румынскомъ фронтѣ вдоль шоссе Бузео—Плоешти румыны перешли въ наступленіе и отбросили противника за р. Гриковуль.

За исключеніемъ перестрѣлокъ и воздушныхъ стычекъ на фронтахъ нашихъ союзниковъ 27 ноября ничего выдающагося не наблюдалось.

27-го ноября англійское правительство официально повѣстило, что новый кабинетъ составленъ слѣдующимъ образомъ: а) военный кабинетъ: Лойдъ-Джорджъ—премьеръ-министръ: лордъ Кэрзонъ—лордъ-предсѣдатель совѣта и лидеръ палаты лордовъ (Leader of the house of lords), Хендерсонъ и лордъ Мильнеръ—министры безъ портфелей: Бонаръ-Лоу—канцлеръ казначейства, ему же премьеръ-министръ предложилъ также быть лидеромъ палаты общинъ. Онъ будетъ также членомъ военнаго кабинета, но не обязанъ постоянно присутствовать въ засѣданіяхъ его. б) Другими членами министерства являются: лордъ-канцлеръ—сэръ Робертъ Финлэй: министръ внутреннихъ дѣлъ—сэръ Джорджъ Кэвъ (Cave), иностранныхъ дѣлъ—Бальфуръ; колоній—Лонгъ; военный—лордъ Дерби; по дѣламъ Индіи—Чемберленъ; по дѣламъ мѣстнаго управленія—лордъ Ронда (Rhonda); министръ торговли—сэръ Альбертъ Стэнли (Stanley); министръ труда—Ходжъ (Hodge); морской—сэръ Эдуардъ Карсонъ; военныхъ снабженій—докторъ Аддисонъ, блокады—лордъ Робертъ Сесиль, контролеръ продовольствія—лордъ Девопортъ, контролеръ судоходства—сэръ Джозефъ Маклей (MacLay); министръ земледѣлія—Протеро (Prothero), министръ народнаго просвѣщенія—докторъ Фишеръ, общественныхъ работъ—сэръ Альфредъ Мондъ (Mond), канцлеръ герцогства Ланкастерскаго — сэръ Фредерикъ Коули (Cauley, министръ почтъ — сэръ Альбертъ Иллингвортъ (Illingworth); пенсій—Барнесъ (Barnes); генеральный атторней—сэръ Ф. Э. Смитъ (Smith); главный прокуроръ—Хьюартъ (Hewart); министръ по дѣламъ Шотландіи—Мэнро (Munro); лордъ-адвокатъ—Клайдъ (Clyde); главный прокуроръ для Шотландіи—Морисонъ (Morison), лордъ-намѣстникъ Ирландіи—лордъ Уимборнъ (W'Uborne), министръ по дѣламъ Ирландіи—Дьюкъ (Duke); лордъ-канцлеръ Ирландіи—О'Брайенъ (O'Brien)...

28-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на

нашемъ западномъ фронтѣ районъ лѣса Гукаловце интенсивно обстрѣливался артиллеріей противника непрерывно съ 12 до 4 часовъ дня. Къ юго-востоку отъ Поморжанъ, въ районѣ д. Юзефовка, противникъ пытался наступать рѣдкими цѣпами, но былъ отброшенъ огнемъ нашихъ развѣдчиковъ. Въ районѣ 6 верстъ къ западу отъ Дземброня противникъ, перейдя въ наступленіе, первоначально потѣснилъ одну изъ нашихъ передовыхъ ротъ, но былъ отброшенъ тою же ротою при поддержкѣ другой, и наше положеніе было восстановлено. Повторенная противникомъ атака на тѣ же части не увѣнчалась успѣхомъ. Въ районѣ Кирибабы противникъ силою около роты перешелъ въ наступленіе, но нашимъ огнемъ былъ отброшенъ въ свои окопы. Въ районѣ д. Валепутны и въ долиинѣ р. Тротушь противникъ оказываетъ сильное сопротивленіе, встрѣчая наше наступленіе сильнымъ огнемъ и переходомъ въ контръатаки, которыя, однако, успѣха не имѣютъ. Въ горахъ на всемъ фронтѣ выпалъ глубокой снѣгъ при значительномъ морозѣ, что сильно затрудняетъ движеніе и дѣйствія войскъ.

На румынскомъ фронтѣ вечеромъ 26-го ноября противникъ атаковалъ и потѣснилъ румынъ вдоль шоссе Плоешти—Мизилу. Контръатакой, произведенной утромъ 27-го ноября, румыны восстановили положеніе; бой здѣсь продолжается. На Дунаѣ и въ Добруджѣ обычная перестрѣлка.

За послѣднія двое сутокъ немцами было потоплено шесть порвежскихъ судовъ.

На Критѣ состоялось народное собраніе, на которомъ греческій король Константинъ объявленъ лишеннымъ престола. На Цикладскихъ островахъ вспыхнула революція; мѣстные власти примкнули къ національному движенію.

Въ теченіе дня 28-го ноября ожесточенная артиллерійская бомбардировка въ районѣ Виль-о-Буа къ сѣверо-западу отъ Реймса и въ участкѣ Дуомонъ. Произведенный французами набѣгъ на непріятельскія траншеи въ Ленпретрскомъ лѣсу, къ западу отъ Понтъ-а-Муссона, далъ хорошіе результаты.

Англичане въ теченіе ночи съ 27-го на 28-е ноября произвели успѣшныя нападенія на непріятельскія траншеи къ востоку отъ Невиль-Сень-Вааста и къ юго-востоку отъ Армантьера, во время которыхъ разрушили мѣста установокъ пулеметовъ и захватили плѣнныхъ. Попытка германскаго набѣга на англійскія траншеи къ востоку отъ Лабутильера не удалась. Огнемъ англичанъ были разбѣяны отряды непріятельскихъ рабочихъ въ Фокисаръ и Вильте. За послѣднія сутки англійская и непріятельская артиллерія и траншейныя мортиры проявили дѣятельность въ районѣ Лоосъ—Ипръ и на участкѣ къ сѣверу отъ Анкра. Къ югу отъ Анкра германцы подвергли обстрѣлу ферму Мукэ и крайній правый флангъ англійскаго фронта.

29-го ноября, согласно свѣдѣніямъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, къ юго-востоку отъ Киселина въ районѣ Зубильно противникъ, послѣ артиллерійской подготовки, перешелъ въ наступленіе и нѣсколько потѣснилъ одну изъ нашихъ ротъ, но вслѣдъ за этимъ подошедшими резервами противникъ былъ отброшенъ, и наше положеніе восстановлено. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ противникъ повелъ наступленіе въ районѣ 5 верстъ сѣверо-восточнѣе Шибени и въ районѣ горы Капуль. Оба наступленія остановлены нашимъ

огнемъ. Въ районѣ къ востоку отъ Бельбора атаковавшій насъ противникъ былъ отброшенъ, и наши части, преслѣдуя его, захватили 2 высоты. Въ долинѣ р. Сульты атаки противника отбиты. Въ 6 верстахъ сѣверо-восточнѣ Гласхютте (къ югу отъ долины р. Уса) мы овладѣли одной изъ высотъ.

На румынскомъ фронтѣ 27-го ноября противникъ велъ безрезультатныя атаки въ долинѣ рѣки Бузео къ сѣверу отъ Числау на рѣкѣ Криковъ и къ западу отъ Мизиль. Въ Добруджѣ происходила перестрѣлка.

29-го ноября на французскомъ фронтѣ наблюдалась усиленная артиллерійская дѣятельность. Англичане произвели удачныя минныя работы къ югу отъ Ипра. Английскими летчиками сбиты три непріятельскихъ аэроплана.

Во Франціи образованъ военный комитетъ. Ген. Жоффри назначенъ техническимъ совѣтникомъ правительства по вопросамъ веденія войны. Французскій генералъ Нивелль назначенъ главнокомандующимъ сѣверной и сѣверо-восточной армій.

Греческій повѣренный въ дѣлахъ выразилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ отъ имени короля и греческаго правительства искреннія сожалѣнія по поводу событій въ Аѣинахъ.

29-го ноября правительства Австро-Венгріи, Германіи, Турціи и Болгаріи обратились къ аккредитованнымъ въ ихъ столицахъ дипломатическимъ представителямъ государствъ, коимъ поручена защита интересовъ ихъ подданныхъ во вражескихъ странахъ, т. е. Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Испаніи и Швейцаріи, съ нотою, въ которой указывается на готовность вышеназванныхъ правительствъ приступить къ веденію мирныхъ переговоровъ съ противниками. Содержаніе этой ноты таково:

«Самая ужасная изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи войны опустошаетъ уже болѣе 2½ лѣтъ большую часть вселенной. Эта катастрофа, которую не могли предотвратить узы общей цивилизаціи, насчитывающей болѣе 1,000 лѣтъ существованія, наноситъ ударъ человѣчеству въ его наиболѣе драгоцѣннымъ наслѣдїи. Она угрожаетъ похоронить подъ своими развалами моральный прогрессъ, которымъ Европа гордилась на зарѣ XX вѣка.

«Въ этой борьбѣ Германія и ея союзники Австро-Венгрія, Болгарія и Турція дали доказательства своей непреодолимой силы, одержавъ значительныя успѣхи надъ болѣе многочисленными и лучше снабженными военнымъ снаряженіемъ противника. Ихъ непреодолимыя боевыя линіи сопротивляются непрерывнымъ атакамъ непріятельскихъ армій.

«Недавняя диверсія, произведенная на Балканахъ, была быстро побѣдоноснымъ образомъ ликвидирована. Послѣднія событія доказываютъ, что дальнѣйшее продленіе войны не можетъ имѣть своихъ послѣдствіемъ сокращеніе силы ихъ сопротивленія. Общее положеніе скорѣе позволяетъ намъ надѣяться на новые успѣхи.

«Четыре союзныя державы были вынуждены взяться за оружіе для защиты своихъ существованій, свободы и національнаго развитія. Подвиги ихъ армій ничего не измѣнили въ этомъ отношеніи. Ни разу онѣ не уклонились отъ того убѣжденія, что уваженіе къ правамъ другихъ націй не находится ни въ ка-

комъ противорѣчи съ ихъ собственными законными правами и интересами. Онѣ не желаютъ раздавить или уничтожить своихъ противниковъ.

«Увѣренные въ своей военной-экономической силѣ и готовые, если это окажется необходимымъ, продолжать до конца навязанную имъ борьбу, но одновременно съ этимъ одушевленные желаніемъ прекратить кровопролитіе и поставить конецъ ужасамъ войны, четыре союзныя державы предлагаютъ немедленно приступить къ переговорамъ о мирѣ.

«Онѣ убѣждены, что предложенія, которыя ими будутъ сдѣланы и которыя будутъ имѣть цѣлью обезпеченіе существованія, чести и свободнаго развитія ихъ народовъ, окажутся пригодными для того, чтобы послужить основой для возстановленія прочнаго мира.

«Если, несмотря на это предложеніе мира и примиренія, борьбѣ суждено будетъ продлиться, то четыре союзныя державы твердо намѣрены довести ее до побѣдоноснаго конца, торжественно отклонивъ всякую отвѣтственность передъ человѣчествомъ и исторіей.

29-го ноября Германія обратилась также съ ходатайствомъ къ римскому папѣ поддержать ихъ желаніе при союзныхъ правительствахъ относительно мира. Прусскій посланникъ при св. престолѣ передалъ статсъ-секретарю кардиналу Гаспарри вышеприведенную ноту при слѣдующимъ заявленіи:

«Причины, побудившія Германію и ея союзниковъ предпринять этотъ шагъ, извѣстны всѣмъ. Уже въ теченіе 2¹/₂ лѣтъ война опустошаетъ европейскій континентъ, уничтожаетъ безконечное количество культурныхъ цѣнностей, насыщаетъ кровью широкія пространства земли. Она поглотила жизнь милліоновъ храбрыхъ борцовъ, другіе милліоны ихъ возвращаются на родину инвалидами. Горе и трауръ наполняютъ почти каждый домъ. Уничтожающія послѣдствія тяжелой борьбы народовъ ложатся всей своей тяжестью не только на воюющихъ, но и на нейтральныхъ. Торговля и промышленность, съ большимъ трудомъ развитыя въ мирные годы, теперь въ упадкѣ. Лучшія національныя творческія силы оторваны отъ полезной работы, и Европа, которая раньше посвящала себя распространенію религіи, культуры и рѣшенію социальныхъ проблемъ, а равно являлась лабораторіей для развитія наукъ, искусствъ и всей плодотворной работы, теперь походитъ на огромный военный лагерь, въ которомъ достиженія многихъ десятилѣтій обречены на уничтоженіе. Германія ведетъ оборонительную войну противъ уничтожающей дѣятельности ея противника. Она борется за реальное обезпеченіе своихъ границъ, за свободу своего народа, за его желаніе имѣть возможность свободно развивать на равныхъ со всѣми другими правахъ свои культурныя и экономическія силы въ мирной съ ними конкуренціи. Противники Германіи все съ большей откровенностью обнаруживали свои завоевательные планы; однако непоколебимой стѣной стоятъ арміи союзныхъ державъ, обороняя границы своихъ отечествъ и исполненные сознанія того, что противникамъ никогда не удастся пробить брешь въ этой стальной стѣнѣ. Борющіеся чувствуютъ, что ихъ поддерживаетъ весь народъ въ своемъ патріотическомъ самопожертвованіи, исполненный рѣшимости отстаивать до послѣдней крайности свои культурныя и экономическія блага, свою социальную организацію и каждую пядь отечественной территоріи.

Исполненная сознанием своей силы, но вполне понимая, какая мрачная будущность ждет Европу в случае дальнѣйшаго продленія войны, исполненная чувства состраданія къ непредѣльному несчастью и невѣроятной скорби, переживаемымъ человѣчествомъ, Германія, въ согласіи съ своими союзниками, повторяетъ въ торжественной формѣ уже сдѣланное годъ тому назадъ устами канцлера заявленіе о готовности возвратить миръ человѣчеству, ставя міру вопросъ о томъ, не представляется ли возможнымъ найти основы для соглашенія. Папа съ самаго начала своего понтификата проявляетъ самую широкую заботливость по отношенію къ безчисленнымъ жертвамъ этой войны. Тяжелыя раны были, благодаря ему, залечены, и была облегчена судьба многихъ тысячъ людей, пострадавшихъ отъ военной катастрофы. Папа пользовался, въ духъ своего высокаго сана, также каждымъ случаемъ, чтобъ воздѣйствовать въ интересахъ страждущаго человѣчества на скорѣйшее окончаніе кровавой борьбы. Германское правительство считаетъ себя въ правѣ надѣяться на то, что инициатива, исходящая отъ державъ четвернаго союза, встрѣтитъ доброжелательное отношеніе со стороны папы и что ихъ усилія въ пользу мира получатъ возможность опереться на драгоцѣнную поддержку святѣйшаго престола».

29-го ноября въ приказѣ по арміи и флоту германскій императоръ Вильгельмъ сообщилъ солдатамъ о сдѣланномъ имъ мирномъ предложеніи, прибавляя, что вопросъ о томъ, будетъ ли цѣль достигнута, остается открытымъ, и что солдаты должны продолжать стойко держаться.

30-го ноября штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ районѣ лѣса у Гукаловце противникъ продолжаетъ обстрѣливать наше расположеніе артиллерійскимъ и бомбометнымъ огнемъ. Попытки противника переходить въ наступленіе въ районѣ Присовце (къ сѣверо-востоку отъ Поморжанъ) остановлены нашимъ огнемъ. Попытки противника переправиться черезъ р. Быстрицу, въ районѣ Іезуполя, были отражены. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ наши части отбили сильную атаку противнику въ районѣ къ востоку отъ Шибени. Развѣдчики противника, старавшіеся незаметно приблизиться къ нашимъ окопамъ въ районѣ гор. Капуль, были разсѣяны нашимъ огнемъ. Въ районѣ къ югу-востоку и отъ Валепутны бои продолжаются. Противникъ оказываетъ упорное сопротивленіе нашему наступленію. Къ югу отъ долины р. Тротуша наши войска овладѣли линіей окоповъ противника на высотахъ въ 8 верстахъ южнѣ Агасуля. Контръ-атаки противника съ цѣлью вернуть захваченныя высоты были отбиты съ большими для него потерями, причемъ нами захвачены плѣнные.

На румынскомъ фронтѣ части румынской арміи, атакованныя противникомъ у Числау и къ югу отъ этого пункта, отходятъ къ востоку. Къ югу отъ шоссе Мизилу—Бузео румыны, перейдя въ наступленіе, заняли рядъ деревень, но, будучи сами атакованы, принуждены были отступить. Въ настоящее время румынская армія отошла на фронтъ р. Бузео—Саринга—Урзичени.

Государственный контролеръ Н. Н. Покровскій назначенъ министромъ иностраннымъ дѣлъ. Теварищъ министра финансовъ С. Г. Феодосьевъ назначенъ государственнымъ контролеромъ.

«ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ».

Изъ сказаній о 14-мъ декабря 1825 года.

I.

ЯЗКИЯ минуты переживалъ Петербургъ вечеромъ 14-го декабря 1825 г. Только что замолкли на Сенатской площади орудійные и ружейные выстрѣлы, разогнавшіе нестройныя кучки мятежниковъ и толпы любопытствующаго народа. На льду Невы и на Исаакіевскомъ мосту валялись еще тѣла убитыхъ и раненыхъ бѣглецовъ, когда конные разѣзды гвардейскихъ частей разсыпались по линіямъ Васильевскаго острова для ловли мятежниковъ, искавшихъ убѣжища по дворамъ и квартирамъ частныхъ домовъ. Но жители, пришедшіе въ ужасъ отъ невиданнаго еще кровопролитія, уже запирали ворота и двери своихъ жилищъ, и вереницы плѣнниковъ, сопровождаемая кавалеріею, молча двигались по направленію къ Петропавловской крѣпости по опустѣвшимъ улицамъ, покрываемая хлопьями мокраго, липнувшаго снѣга. Тишина была полная; звучно звякали о мостовую подковы сытыхъ гвардейскихъ лошадей. Но на хмурыхъ лицахъ ихъ всадниковъ не было видно радости побѣды...

— Ахъ, болѣзныя!—вскричала одна изъ бабъ-торговокъ, глядя на плѣнниковъ, когда они проходили подъ своимъ конвоемъ мимо Андреевскаго рынка, еще не успѣвшаго закрыться.—И что съ вами попричилось? А-а-ахъ, Господи!

«ИСТОР. ВѢСТН.», ЯНВАРЬ 1917 г., т. СХЛVII.

1

Офицеръ, ѣхавшій впереди взвода кирасиръ, отвернулся, а изъ солдатъ никто и не пошевелился въ отвѣтъ на бабьи причитанія.

— Константиновцы!—отозвался бабѣ по проѣздѣ взвода старый сторожъ Андреевскаго собора, заботливо подметавшій снѣгъ, навалившійся у паперти.—Теперича царь у насъ Николай, а они Константину Павловичу присягали. И вѣдь давѣ велѣно было ему всеѣмъ солдатамъ присягать, а теперича присягать Николаю велѣно... Сумнительство одно... А Константинъ-то, слышь, у поляковъ въ плѣну.

— А батюшка еще вчера за обѣдней поминалъ царя Константина,—звонко заговорила другая торговка, помоложе, подвѣсивъ замокъ у своего ларька.

— Ну, молчи, молчи, сгоза! Не видишь развѣ, времена какія! А по мнѣ что ни попъ, то батька! Вотъ завтра у утрени увидимъ, какого царя поминатъ будутъ. Недолго потерпѣть-то!—закончилъ наставительно сторожъ, уходя въ свою сторожку.

— И впрямь бѣжать домой надо-тъ,—сказала молодая торговка.—Долго ли до грѣха! Еще убьютъ, какъ Маланьину дѣвчонку — пулей съ мосту.

И торговки разсыпались въ разныя стороны, заслышавъ приближеніе новаго разѣзда. Появились опять толпы плѣнниковъ, молчаливо шедшихъ вразбродъ съ опущенными внизъ глазами, и тѣ же хмурые лица конвойныхъ кавалеристовъ: жутко было у каждаго на душѣ. А снѣгъ продолжалъ падать сильнѣе и сильнѣе, какъ будто хотѣлъ замести слѣды всего происшедшаго въ этотъ памятный и ужасный день...

Людно, но также не шумно было лишь на Дворцовой площади. Для охраны Зимняго дворца тамъ расположены были бивуакомъ части гвардейскихъ войскъ всеѣхъ родовъ оружія. Тускло горѣли костры, освѣщая стоявшихъ возлѣ нихъ солдатъ и размундштученныхъ лошадей, мирно жевавшихъ овесъ въ накинутахъ имъ на голову мѣшечкахъ. Зданія дворца и главнаго штаба тонули во мракѣ тумана и поднявшейся снѣжной метели, но смотрѣли на площадь сотнями своихъ освѣщенныхъ изнутри оконъ. Между кострами очищена была дорога отъ главнаго штаба ко дворцу, къ Салтыковскому подъѣзду, противъ адмиралтейства: туда возили къ новому императору на допросъ захваченныхъ офицеровъ, находившихся въ рядахъ мятежниковъ; этою же дорогой возвращались въ каретахъ домой санинники, съ полудня собранные во дворецъ для принесенія присяги императору Николаю и ждавшіе въ немъ, совмѣстно съ обѣими императрицами, окончанія внезапно вспыхнувшаго мятежа. Вотъ проѣхалъ Михайла Михайловичъ Сперанскій, смотрѣвшій въ окно кареты на войска съ безмятежно-мягкой улыбкой, и за нимъ «Змѣй-Горыничъ»; графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, откинувшійся въ глубь кареты, съ нескрывасмымъ выраженіемъ страха,—двѣ

звѣзды, одна за другой прокатившіяся по небосклону минувшаго царствованія; вотъ проскакали генералы Бенкендорфъ и Чернышевъ—любимцы новаго государя, одинаково ненавидимые войсками. Медленно, важно проползъ между кострами и митрополичій рыдванъ, запряженный шестерикомъ, съ фореиторомъ впереди, а въ окнѣ рыдвана видѣлась благословляющая рука потрясеннаго событіями дня старца-митрополита Серафима. Шепотомъ передавались между солдатами изъ устъ въ уста имена проѣзжавшихъ особъ и влекомыхъ во дворецъ офицеровъ-арестантовъ, но бесѣда не завязывалась: боялись доносчиковъ, боялись оказаться прикосновенными къ мятежу, боялись, наконецъ, нескромности и вольнаго или невольнаго предательства другъ друга. Въ гвардіи не любили бригаднаго командира, великаго князя Николая Павловича, и вовсе не скрывали этого. Но теперь великаго князя ужъ не было: былъ царь Николай Первый—и уста сомкнулись: одни ждали преображенія, лучшаго будущаго, другіе отвѣчали на эти ожиданія лишь презрительной, скептической улыбкой.

А во дворцѣ, залитомъ огнями, уже шла тяжкая работа—допросъ виновниковъ мятежа лично самимъ новымъ государемъ. Казалось, силы его способны были перенести всякое испытаніе. Старшій братъ его, Константинъ, изъ далекой Варшавы письменно подтвердилъ свое отреченіе отъ престолонаслѣдія въ его пользу, но рѣшительно отказался личнымъ пріѣздомъ въ столицу облегчить вступленіе его на тропь. Возникъ мятежъ, средства и размѣръ котораго въ моментъ его возникновенія никому не были извѣстны, и въ борьбѣ съ нимъ новый государь не могъ быть увѣренъ въ вѣрности даже тѣхъ войскъ, которыя не пристали къ мятежу; на вопросъ его генералу Васильчикову, бывшему командиру гвардейскаго корпуса, на какія войска онъ можетъ разсчитывать безусловно, Васильчиковъ со свойственной ему искренностью отвѣчалъ: «На первый батальонъ Преображенскаго полка». Николай Павловичъ въ теченіе всего памятнаго ему дня 14-го декабря не могъ не чувствовать, что легкимъ сравнительно развитіемъ мятежа онъ обязанъ былъ прежде всего и болѣе всего бездѣятельности и ошибкамъ главарей заговора: Рылѣва, кн. Трубецкого и князя Оболенскаго, отсутствію у нихъ всякаго плана и рѣшимости, и, находясь лицомъ къ лицу со скопищемъ мятежниковъ на Сенатской площади, дрожалъ за Зимній дворецъ, гдѣ въ страхѣ и тоскѣ оставалось все императорское семейство. Возвратившись къ нему, императоръ увидѣлъ свою нѣжно-любимую супругу, юную императрицу Александру Ѳеодоровну, съ нервно-трясущейся головою — навсегда оставшимся послѣдствіемъ орудійныхъ выстрѣловъ, произведенныхъ въ толпу мятежниковъ. Теперь, сидя въ своемъ кабинетѣ, онъ не былъ даже увѣренъ въ томъ, что все кончилось картечными залпами на Сенатской площади. Не слѣдуетъ ли ему ждать новаго возмущенія завтра, даже

сегодня ночью? Не отзовется ли несчастное событіе 14-го декабря въ провинціи, въ военныхъ поселеніяхъ, давно уже стонавшихъ подъ желѣзнымъ и жестокимъ управленіемъ Аракчеева? Императоръ, блѣдный отъ волненія и неизвѣстнаго будущаго, спѣшилъ уяснить себѣ эти вопросы и велѣлъ приводить къ себѣ въ кабинетъ всѣхъ захваченныхъ офицеровъ, участниковъ бунта.

Къ удивленію и ужасу его, правда, запоздалому, на допросахъ этихъ тотчасъ же обнаружилось, что почти всѣхъ этихъ участниковъ онъ зналъ лично, что почти всѣ они имѣли безпрепятственный доступъ ко двору. Среди нихъ и князь Оболенскій, старшій адъютантъ корпуснаго командира, передававшій его приказанія даже самому Николаю, и сынъ секретаря его матери, императрицы Маріи, артиллерійскій офицеръ Артемій Вилламовъ, и князь Сергѣй Трубецкой, гвардейскій полковникъ, зять австрійскаго посланника, любимецъ двора, и князь Суворовъ, внукъ знаменитаго полководца, — что не было почти полка гвардіи, гдѣ не было бы заговорщиковъ въ большемъ или меньшемъ числѣ. Со всѣми императоръ говорилъ лично, приказывая затѣмъ генералу Левашеву, сидѣвшему въ сосѣдней комнатѣ, записывать ихъ показанія, но, сообразно съ характеромъ допрашиваемыхъ, обращался съ ними различно, чтобы заставить ихъ говорить правду: на одного онъ обрушивался съ гнѣвомъ, съ угрозами, другого ласкалъ и обнималъ, обѣщая ему прощеніе и покровительство; съ одними говорилъ о пользахъ отечества и объ обязанностяхъ вѣрноподданнаго, о правилахъ чести, съ другимъ о семейныхъ его дѣлахъ, личныхъ дружескихъ своихъ отношеніяхъ. Многіе изъ допрошенныхъ, одни изъ страха, другіе побуждаемые раскаяніемъ, тутъ же объясняли царю все, что знали, и чѣмъ болѣе они объясняли, тѣмъ болѣе онъ убѣждался, что эти «misérables» — пустые, легкомысленные люди и что повторенія 14-го декабря ожидать нельзя. «Вы взводомъ не умѣете командовать, а хотѣли Россіей управлять», съ презрѣніемъ сказалъ онъ одному изъ офицеровъ. О «пользахъ отечества», которыхъ хотѣли достигнуть мятежники, императоръ не входилъ въ разговоры съ ними въ подробности, но генералъ Левашевъ замѣтилъ одному изъ нихъ, что бунтомъ своимъ они связали руки государю на пятьдесятъ лѣтъ. По окончаніи допросовъ арестованныхъ отправляли, по выяснившейся степени ихъ вины, или прямо въ крѣпость, въ казематы, или въ главный штабъ, въ особыя его комнаты. О розыскѣ и арестѣ обнаруженныхъ соучастниковъ заговора, между прочимъ скрывшихся его главарей: Рылѣва и кн. Трубецкого, даны были съ самаго начала строгія приказанія.

На допросахъ новый государь старался показать себя милостивымъ и доступнымъ. Почившій «благодѣтель» никогда не воздерживалъ своего тайнаго наслѣдника отъ суроваго и жестокаго отношенія къ подчиненнымъ, по собственному опыту, что излишняя

популярность наслѣдника можетъ быть во вредъ царствующему императору. Николай Павловичъ, конечно, въ новой своей роли еще не успѣлъ понять весь смѣсль этой политики державнаго своего брата, столь «привычнаго къ противочувствіямъ», но онъ хорошо помнилъ, что одинъ великій государь старался заставить всѣхъ забыть себя, какъ бывшаго наслѣднаго принца. Много усилій стоило ему преодолѣть въ себѣ бывшаго великаго князя при видѣ мятежныхъ своихъ подданныхъ, еще вчера бывшихъ его товарищами или подчиненными по службѣ его, какъ командира пѣхотной бригады. Но самообладаніе покинуло его, когда предсталъ предъ нимъ офицеръ его бригады, капитанъ Измайловскаго полка, Василій Норовъ, извѣстный своею дерзостью. Однажды, на ученіи, когда великій князь, разгорячась, забылся до того, что взялъ Норова за пуговицу, дѣлая ему выговоръ, Норовъ хладнокровно оттолкнулъ его руку, сказавъ: «Не трогайте ваше высочество, я очень щекотливъ». Теперь, когда Норовъ очутился, какъ плѣнникъ, въ императорскомъ кабинетѣ, Николай Павловичъ, увидѣвъ его, вѣ себя закричалъ:

— Я зналъ напередъ, что ты, разбойникъ, тутъ будешь,—и затѣмъ началъ осыпать его бранью.

Присутствовавшій на допросѣ командиръ гвардейскаго корпуса старый боевой генералъ Воиновъ, вчерашній начальникъ новаго императора, замѣтно старался по старой привычкѣ успокоить государя въ то время, какъ самъ Норовъ стоялъ, сложивъ руки, и слушалъ хладнокровно. Наконецъ, у Николая Павловича отъ сильнаго раздраженія голосъ пресѣкъся. Тогда Норовъ, самъ внутренно взбѣшенный, но, сохраняя полное хладнокровіе, проговорилъ звучнымъ голосомъ:

— Прекрасно! Ну-ка еще! Что же вы стали? Ну-ка еще!

Государь вышелъ изъ себя и закричалъ хриплымъ голосомъ:

— Веревокъ! Связать его!

Генералъ Воиновъ бросился тогда между государемъ и Норовымъ и вскричалъ по старой привычкѣ:

— Помилуйте, ваше высочество, вѣдь здѣсь не съѣзжая! — и вывелъ Норова изъ кабинета.

Разумѣется, послѣ такой сцены и рѣчи не могло быть о признаціяхъ со стороны Норова, и его немедленно отправили въ казематъ Петропавловской крѣпости.

Весь вечеръ 14-го декабря Петербургъ не могъ успокоиться. Въ тотъ или другой домъ являлась полиція или даже воинская команда и, къ ужасу семьи и окружающихъ, забирала съ собою лицъ, о участи которыхъ въ мятежѣ никому не приходило и въ голову. Среди арестованныхъ были люди, сами искренно удивлявшіеся постигшей ихъ бѣдѣ; одни—потому, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ прекратили всякія отношенія съ заговорщиками и понятія не имѣли о позднѣйшихъ ихъ планахъ, а другіе—потому, что хотя и принад-

лежали къ заговору, но не знали о внезапной рѣшимости своихъ товарищей произвести бунтъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, и, живя въ окраинныхъ частяхъ города, узнали о событіяхъ на Сенатской площади лишь одновременно съ своимъ арестомъ. Было, впрочемъ, много и такихъ, которые и 14-го декабря, и въ слѣдующіе за нимъ дни, съ минуты на минуту ждали своего ареста и заключенія въ крѣпость, чувствуя за собой немалые грѣшки по отношенію къ новому правительству. Терзая въ этомъ ожиданіи свои нервы, одни изъ нихъ благополучно «отсидѣлись» у себя дома, другіе сошли съ ума, а нѣкоторые, не вынеся пытки длительного ожиданія, шли сами съ признаніемъ и съ доносомъ на себя и на своихъ товарищей и, успокоившись такимъ образомъ, мирно садились въ крѣпостные казематы. Этому содѣйствовали широко распространяемые по Петербургу слухи о милосердіи новаго государя ко всѣмъ заговорщикамъ, кто чистосердечнымъ раскаяніемъ загладитъ свою вину, и о необычайной строгости его къ тѣмъ, кто будетъ скрывать свои связи съ участниками 14 декабря. Во многихъ семьяхъ съ тайнымъ страхомъ смотрѣли на нѣкоторыхъ своихъ членовъ, которые, будучи даже въ далекомъ знакомствѣ съ арестованными, начинали вспоминать всѣ свои разговоры съ ними и задумывались, тщательно разыскивая въ своей памяти самые отдаленные намеки въ этихъ разговорахъ на возможность совершившихся теперь кровавыхъ событий: можно было бояться, что, найдя ихъ, мнительные люди пойдутъ сами «каяться» правительству прежде, чѣмъ донесутъ на нихъ, по ихъ догадкамъ, сами арестованные. Нашлись, наконецъ, и такіе арестованные, которые, не будучи ни въ чемъ виновны, чтобы сократить возможно болѣе время своего ареста «чистосердечнымъ раскаяніемъ», влекущимъ за собою якобы помилованіе, взводили на себя ложныя вины, припутывая къ дѣлу и другихъ лицъ.

Тяжело было жить петербуржцамъ послѣ 14 декабря въ столичномъ своемъ городѣ, къ физическому туману котораго присоединился еще туманъ лжи и подозрѣній, но нельзя было и уѣхать имъ изъ столицы безнаказанно, чтобы самымъ фактомъ выѣзда, даже приготовленій къ нему, не навлечь на себя какой-либо опасности: «бѣжить! зачѣмъ бѣжить...?»

II.

Чрезъ два мѣсяца послѣ 14 декабря въ февральскую зимнюю ночь подѣхалъ въ Петербургу, къ Московской заставѣ, отставной полковникъ Федоръ Михайловичъ Лушковъ, изъ Кіева. На плагбаумѣ его возокъ остановили, и дежурный офицеръ, узнавъ его фамилію, сказалъ, что ему велѣно на другой же день явиться къ коменданту генералу Башуцкому. Спросилъ онъ еще у Лушкова, гдѣ онъ остановится, и тщательно записалъ его адресъ: Кронверкскій про-

спектъ, домъ 34, у крѣпостного его человѣка Григорія Семенова: Лушковъ объяснилъ, что Семеновъ отпущенъ на оброкъ, торгуетъ уже давно въ Петербургѣ и богато живетъ, по-купчески. Съ Лушковымъ пріѣхалъ и крѣпостной его камердинеръ Прохоръ Ивановъ. Послѣ этихъ объясненій съ офицеромъ и звучной его команды: «Бомвьсы!» шлагбаумъ былъ поднятъ, и Ѳедоръ Михайловичъ допущенъ былъ въ столицу и послѣ долгой ѣзды достигнулъ наконецъ «Кронверка». Несмотря на поздній часъ, Григорій Семеновъ, дюжій мужикъ съ широкой окладистой бородой, радушно встрѣтилъ своего барина и тотчасъ очистилъ ему двѣ лучшихъ горницы въ своей квартирѣ. Съ Прохоромъ Григорій трижды поцѣловался при встрѣчѣ: они были свояки.

Въ 10 часовъ Лушковъ былъ уже у коменданта, Николая Степановича Башуцкаго. Какъ только онъ пазвалъ себя, его тотчасъ провели къ генералу.

— Ѳедя, другъ мой, тебя ли я вижу!—встрѣтилъ Башуцкій, обнимая Лушкова.—Дай на тебя посмотрю! Ай-ай! Такъ ли, другъ мой, и я гадокъ, какимъ ты мнѣ кажешься, а? Вѣдь, поди, лѣтъ десять тебя не видалъ! Ну, да что толковать! Когда пріѣхалъ? гдѣ остановился?

Ѳедоръ Михайловичъ, послѣ первыхъ привѣтствій, отвѣчалъ Башуцкому на его вопросы съ большимъ одушевленіемъ, а затѣмъ прямо спросилъ:

— Да откуда ты узналъ, что я въ Питеръ ѣду? Вѣдь на заставѣ мнѣ прямо сказали, чтобы я къ тебѣ явился. Вѣдь не по твоей же службѣ?

— Не по службѣ, старый мой товарищъ, не по службѣ,—заялся Башуцкій:—а если хочешь, то и по службѣ; вѣдь и отставные ко мнѣ являются: спокойнѣе имъ тогда жить здѣсь. Ай, какъ строго по нынѣшнимъ временамъ! Въ родѣ того, помнишь, какъ мы службу начинали при императорѣ Павлѣ. А что ты сюда ѣдешь, узналъ я отъ Кожиной, Анны Михайловны, сестры князя Волконскаго, Петра Михайловича. «Ѣдетъ, говорить, мой первый мазуристъ, съ кѣмъ, грить, на первомъ придворномъ балу я танцевала! Жена его мнѣ пишетъ!» А нашъ-то первый мазуристъ лысенкій да сѣденькій, ха-ха-ха! Въ 40-то лѣтъ!

И Башуцкій еще разъ внимательно посмотрѣлъ на стараго однополчанина.

Лушковъ досадливо отмахнулся.

— А ты, Никола,—произнесъ онъ:—не въ обиду тебѣ будь сказано, все тотъ же, хотъ и въ генеральскомъ чинѣ: болтунъ, пересмѣшникъ. Что жъ, ты и на службѣ такой?

— Теперь иначе и служить нельзя, голубчикъ. Хотъ три дня не ѣшь, а весело смотри! Иной разъ плачешь, а смѣешься. И при императорѣ Павлѣ, вѣчная ему память, того не бывало... Знаешь,—тутъ

Башуцкій привычно оглянулся и продолжалъ шепотомъ:—почти каждый день по десяти-пятнадцати человекъ въ крѣпость къ коменданту Сукину по именнымъ повелѣнiямъ отправляю. Горя-то, горя я насмотрѣлся! И Орловъ, Алексѣй Ѳедоровичъ,—помнишь, другъ-то нашъ сердечный, теперь генераль-адъютантомъ, графомъ пожалованъ,—самъ мнѣ сказалъ: «Глаза бы мои не видѣли, уши не слышали бы! Если, моль, брата не вызволю, я, грить, часа на службѣ не останусь. Для брата, грить, терплю». А посмотри на него—добрый, ласковый, болтунъ, пересмѣшникъ! Потому что сказано: кто хмурится, тотъ, стало быть, изъ подозрительныхъ.

Башуцкій снова посмотрѣлъ на Лушкова, и, укоризненно качая головой, произнесъ снова:

— Болтунъ, пересмѣшникъ!

— Прости, дружище,—произнесъ Лушковъ, пожимая ему крѣпко руку:—будто мы не знаемъ другъ друга! А что же съ братомъ Орлова, Михаиломъ Ѳедоровичемъ? Развѣ онъ не въ Москвѣ живетъ на покоѣ?

— Жиль-то онъ въ Москвѣ, да теперь здѣсь, въ крѣпости, а потомъ какъ бы ему по Владимиркѣ не пришлось прогуляться, хотя и въ генеральскомъ чинѣ. Теперь отписывается, по милости брата. Алексѣй Ѳедоровичъ подаль свою саблю государю, когда брата въ казематъ посадить захотѣли. Знаешь его, молодца? «Орловы,—сказалъ прямо,—не Волконскіе, ваше величество, не могу служить, если братъ въ тюрьмѣ сидитъ». А царь имъ дорожить, да и подлинно... Вѣдь Михаила-то Ѳедоровича декабристы себѣ въ главнокомандующіе готовили,—закончилъ Башуцкій свое повѣствованіе.

— А князь Волконскій, Сергѣй Григорьевичъ, развѣ въ крѣпости?—спросилъ Лушковъ, вскочивъ съ мѣста.

— Въ крѣпости, братъ, въ казематѣ. И мать его, оберъ-гофмейстера, статсъ-дама, дочь князя Николая Васильевича фельдмаршала Репнина, княгиня Александра Николаевна, почти каждый день при дворѣ, а по тихости нрава и рабской угодливости пикнуть не смѣетъ за сына, да и князь Петръ Михайловичъ, хотя на сестрѣ Сергѣя Григорьевича женатъ, Софьѣ Григорьевнѣ, тоже молчитъ, ничего изъ Таганрога о немъ царю не пишетъ. А царь-то ему какъ былъ обязанъ при покойномъ! Дождутся они, что въ кандалахъ на каторгу пойдеть; недаромъ нѣмцы придворные про то говорятъ. А не больше Орлова виновать.

— А въ чемъ же его обвиняють?

— Да все одни разговоры... Князь Сергѣй Григорьевичъ и пальцемъ не шевельнулъ, когда Муравьевъ-Апостолъ шелъ походомъ на Браницкую, въ Бѣлую Церковь, пшчѣмъ не помогъ, хотя бригадой командовалъ.

— Да, это я знаю,—проговорилъ Ѳедоръ Михайловичъ и задумался.

— Я тебя и вызвалъ тотчасъ по прїѣздѣ твоемъ,—заговорилъ снова Башуцкій:—чтобы предупредить тебя... Держи, братъ, здѣсь ухо остро, ни съ кѣмъ лишняго не болтай. Про твои связи съ Раевскими вѣдь тоже знаютъ изъ показаній декабристовъ второй арміи...

— Да Раевскихъ вѣдь выпустили...

— Изъ-подъ ареста, по отцовской просьбѣ, но не изъ виду. За тебя, братъ, могутъ взяться, если захотятъ выкопать что-либо новое. И вотъ что, старый товарищъ, ты всѣмъ говори, что бываешь у меня только по службѣ, по утрамъ, и никакихъ частныхъ разговоровъ не вель. Въ случаѣ чего, говори одно: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. А я тебѣ, будто невзначай, и пригожусь. А теперь иди къ Кожинной да къ Орлову.

И Башуцкій всталъ во весь ростъ.

Федоръ Михайловичъ слушалъ эти рѣчи Башуцкаго съ крайнимъ удивленіемъ: «какой ты де сталъ осторожный!»

— Послушай, Никола, я хотѣлъ еще съ тобой посоветоваться...—сказалъ онъ.

— Приходи, милый, по утрамъ. У меня теперь пріемная полна народу...

И, отворивъ дверь въ пріемную, комендантъ звучнымъ голосомъ проговорилъ:

— Прощайте, г. полковникъ. Всегда радъ служить...

Федоръ Михайловичъ опомнился, уже выйдя на свѣжій воздухъ и сѣвъ въ сани, принадлежавшія Григорію Семенову.

Заѣхавъ къ Алексѣю Федоровичу Орлову и не заставъ его дома. Лушковъ расписался въ книгѣ у его швейцара и отправился къ Кожинной, Аннѣ Михайловнѣ, подругѣ дѣтства его жены. По вліянію на брата, Петра Михайловича Волконскаго, бывшаго начальникомъ главнаго штаба и считавшагося другомъ Александра Перваго, она играла большую роль въ петербургскомъ свѣтѣ, жила открыто и весело и любила окружать себя молодежью.

Она чрезвычайно обрадовалась Лушкову и поцѣловала его въ голову, когда онъ наклонился для обычнаго поцѣлу въ руку.

— Вы мнѣ молодость мою напоминаете, снѣгъ Федоръ Михайловичъ, съ вами я молодѣю, право,—нараспѣвъ говорила она.—Отчего Жюли не прїѣхала съ вами? Тогда я вдвойнѣ была бы рада.

— Жюли не переноситъ зимней стужи,—говорилъ Лушковъ:—да семейныя хлопоты, хозяйство, дѣти...

— Ахъ, какъ это скучно, должно быть, хозяйство... Она мнѣ много писала такого, что я и не пойму, все незнакомыя слова, а она, видно, все узнала. Вѣдовая была дѣвица... Вы сами по дѣламъ сюда прїѣхали?

— Да, Анна Михайловна, я дочь замужъ выдаю, такъ хочу хлопотать здѣсь въ опекунскомъ совѣтѣ; имѣньишко одно, псковское, заложить хочу.

— Очень хорошо это, то-есть,—поправилась Анна Михайловна,—легко это устроить. Ріегге тоже недавно закладывалъ. Вы вѣдь съ нимъ знакомы?

— Анна Михайловна, вѣдь князь былъ моимъ главнымъ начальникомъ столько лѣтъ! Конечно, я ему извѣстенъ. Какъ князь поживаетъ?

— Онъ все такой же милый, мой добрый Ріегге. Но измѣнился по характеру: сталъ скупой и молчаливый. Теперь онъ въ Таганрогѣ съ Соней при дворѣ императрицы Елизаветы. Соня мнѣ пишетъ, все о братѣ плачетъ, о Волконскомъ, князѣ Сергѣѣ, вы знаете?

— Да, говорятъ....

— Я скажу вамъ, какъ старому другу, горько это для сестры. что онъ въ казематѣ сидитъ... Но онъ... онъ... какъ это говорится по-русски? prisonnier d'état...

— Государственный преступникъ,—подсказалъ Лушковъ.

— Вотъ именно... Соня хочетъ просить государя за князя Сергѣя и мужа подталкиваетъ. Но мать его, статсъ-дама, молчитъ. Да и что Ріегге можетъ сдѣлать?

Лушковъ чуть было не сказалъ, что князю Сергѣю Григорьевичу въ крайнемъ случаѣ могутъ помочь бѣжать за границу, но въ-время удержался: онъ только покачалъ головою.

— Вѣдь князь Сергѣй недавно женился,—продолжала Анна Михайловна:—на Раевской, Марьѣ Николаевнѣ, вашей, кievской. Очень молода она?

— Княгинѣ всего 18 лѣтъ. У нея недавно родился ребенокъ,—проговорилъ Лушковъ.

— Бѣдная! Такъ молода и такъ несчастна!

Анна Михайловна достала платокъ изъ ридикюля и сдѣлала видъ, что хочетъ всплакнуть.

— О, какъ я ненавижу этихъ декабристовъ!—заговорила она жалкимъ тономъ.—Сколько людей они сдѣлали несчастными! Они возстали противъ государя, грозили всѣмъ намъ, помѣщикамъ, всей аристократіи! И чѣмъ только заманили они князя Сергѣя на свою сторону? Знаете, что сказалъ о нихъ предъ смертью графъ Ростопчинъ? Нѣтъ, не знаете? «Сапожники во Франціи дѣлали революцію, чтобы быть дворянами, а въ Россіи дворяне ее дѣлаютъ, чтобы быть сапожниками». Только Ростопчинъ и могъ сказать такую прелесть, такую правду.

Лушкову стало не по себѣ отъ разговора съ Анной Михайловной: ему все время приходилось сдерживаться, чтобы не возражать ей. Онъ всталъ.

— Приходите ко мнѣ почаще,—пригласила его на прощанье Анна Михайловна.— По вторникамъ я принимаю и всегда, всегда буду рада васъ видѣть.

«Боже мой, какъ люди скоро изнашиваются и старѣютъ, — думалъ Ѳедоръ Михайловичъ, возвращаясь домой. — А вѣдь было время, когда я вздыхалъ по Аниѣ Михайловнѣ! Что за чудная была дѣвочка!»

На набережной Лушковъ встрѣтилъ императора Николая, ѣхавшаго въ одиночныхъ саняхъ, и едва узналъ его. Императоръ сурово посмотрѣлъ на Лушкова, не успѣваго тотчасъ сдѣлать ему честь, и отвернулся. «Пронесло!» сказалъ себѣ Ѳедоръ Михайловичъ, но рѣшилъ впредь быть осторожнѣе.

III

Ѳедоръ Михайловичъ не вполне былъ откровененъ съ Анной Михайловной, говоря о цѣли пріѣзда своего въ Петербургъ. Уже давно, еще послѣ взятія Парижа, онъ скучалъ службой и въ гвардіи и столичной, разсѣянной жизнью. Смолоду большой кутила и, какъ говорили тогда, аеенствъ, Лушковъ рано приобрѣлъ себѣ лестную среди гвардейской молодежи репутацію хорошаго товарища и добраго малаго; въ то время онъ увлекался и юной Анной Михайловной, сестрой всемогущаго царскаго любимца, но вздыхалъ о ней потихоньку, не смѣя и мечтать о бракѣ съ нею. Но посѣщеніе дома Волконскихъ привело его постепенно къ другимъ мыслямъ. Подруга Анна Михайловны, сирота и владѣтельница тысячъ душъ въ Рязанской губерніи, Юлія Петровна Прончищева, или просто m-Ne Julie, какъ ее звали у Волконскихъ, не сводила глазъ съ молодого красавца-гусара и мало-по-малу проникла ему въ сердце своею необычайной душевной кротостію и какой-то безмятежной разсудительностію. «Нехорошо пить, милый Ѳедоръ Михайловичъ», «нехорошо обижать человѣка и смѣяться», повторяла она ему не разъ при случаѣ, заглядывая ему въ глаза своимъ лучистымъ взглядомъ, и просила его помолиться Боженъкѣ за него самого и... за себя. Ѳедоръ Михайловичъ сначала забавлялся наставительно-молящимъ тономъ молодой 15-лѣтней дѣвушки, а потомъ сталъ задумываться и даже желать повторенія ея просьбъ и наставленій. Окончательно покорила она его сердце, когда, узнавъ о его дуэли съ товарищемъ, оца, по пріѣздѣ его къ Волконскимъ, плача и волнуясь, умоляла его никогда ни съ кѣмъ не драться. Ѳедоръ Михайловичъ далъ Юліи Петровнѣ обѣщаніе болѣе не дѣлать этого и скрѣпилъ обѣщаніе долгимъ поцѣлуемъ. Какой пустой, легкомысленной куколкой показалась ему тогда Анна Михайловна передъ этой чудной, несравненной Julie! Женившись на ней спустя полгода, Ѳедоръ Михайловичъ сразу измѣнилъ свой образъ жизни, привыкъ къ домашней жизни, сдѣлался извѣстенъ своею религіозностію, болѣе того, какимъ-то тихимъ благочестіемъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ и къ самому себѣ: отъ

него вѣяло тишиною и смиреніемъ. Наконецъ счастливыхъ супруговъ потянуло подальше отъ Петербурга, отъ его пустой, свѣтской жизни. Война Россіи съ Наполеономъ помѣшала Ѳедору Михайловичу исполнить свое желаніе покинуть военную службу, но пока онъ совершалъ походъ отъ Москвы до Парижа, Юлія Петровна жила въ рязанской своей деревнѣ, воспитывая сына и дочь. По возвращеніи въ Россію, полковникъ Лушковъ, несмотря на настоянія самого государя, вышелъ въ чистую и, какъ говорили тогда въ Петербургѣ, «похоронилъ себя въ деревнѣ», сначала въ Рязанской, потомъ въ Кіевской губерніи, сталъ жить въ раю, какъ любилъ выражаться онъ самъ. Жизнь его была, совмѣстно съ жизнію жены, простая, «легкая», по выраженію мужиковъ, но что можетъ быть труднѣе, какъ жить постоянно въ согласіи со своею совѣстію, въ сознаніи добра, приносимаго окружающимъ? Такъ думалъ Ѳедоръ Михайловичъ. Но это ему удавалось, хотя онъ не выносилъ и вида страданія: онъ былъ такъ счастливъ, что боялся полноты своего счастья, и говорилъ его главной виновницѣ, что нѣтъ и не можетъ быть такой жертвы Господу, которую онъ не принесъ бы въ благодарность за него. Ѳедоръ Михайловичъ какъ бы предчувствовалъ въ будущемъ какое-то великое несчастье. Оно и настигло его и жену его внезапно, въ моментъ, когда счастье улыбалось имъ, какъ казалось, во всемъ.

Дѣти Лушковыхъ жили всегда при нихъ. Сынъ Юрій, 16-лѣтній юноша, еще заканчивалъ свое образованіе съ помощью приглашенныхъ учителей, но дочь, Наталья Ѳедоровна, живой портретъ матери, была уже 18-лѣтней дѣвушкой-невѣстой, когда разнеслась по Россіи вѣсть о кончинѣ императора Александра Павловича въ Таганрогѣ. Страстно любимый женихъ ея, поручикъ Бугскаго полка Петръ Петровичъ Невѣровъ, былъ вызванъ вскорѣ послѣ этого въ главный штабъ второй арміи, въ Тульчинъ, а оттуда препровожденъ, вмѣстѣ съ другими декабристами, съ фельдъегеремъ черезъ Могилевъ въ Петербургъ, въ слѣдственную комиссію, по обвиненію въ участіи въ заговорѣ противъ существующаго государственнаго строя. Отчаянію Натальи Ѳеодоровны не было границъ, а самъ Лушковъ увѣренъ былъ, зная хорошо будущаго своего зятя, что въ обвиненіи его, навѣрно, крылось какое-либо ужасное недоразумѣніе. Товарищи не разъ намекали ему на какое-то общество, завлекали его въ свои бесѣды, но онъ пользовался свободнымъ отъ службы временемъ, чтобы тотчасъ верхомъ скакать въ имѣніе Лушковыхъ, находившееся въ пяти верстахъ отъ ихъ полковой стоянки. Ѳедоръ Михайловичъ далъ слово женѣ и дочери, что Невѣровъ будетъ спасенъ, хотя еще и не зналъ, какимъ способомъ, и полетѣлъ въ Петербургъ съ этой цѣлію, приготовивъ всѣ документы для заклада одной изъ своихъ деревень, такъ какъ думалъ, что во всякомъ случаѣ нужно будетъ имѣть деньги подѣ

рукой, и немалыя. Прежде всего, однако, слѣдовало повидаться съ Невѣровымъ, сидѣвшимъ въ крѣпостномъ казематѣ, и узнать отъ него всё подробности положенія его дѣла.

Возвратившись отъ Кожинной домой, Ѳедоръ Михайловичъ съ грустію думалъ о потраченномъ напрасно днѣ, жалѣя, что ему не удалось посоветоваться съ Башуцкимъ, который, можетъ быть, могъ бы устроить ему желаемое свиданіе съ Невѣровымъ, когда къ нему въ горницу неожиданно вошелъ его хозяинъ, Григорій Семеновъ, и, остановившись у притолки, низко ему поклонился.

— Что скажешь, Григорій Иванычъ?—спросилъ его Лушковъ.

— Не обезсудьте, добрый баринъ, что беспокою вашу милость,— заговорилъ степенно Семеновъ, одѣтый по праздничному — въ красной рубахѣ, длиннополомъ суконномъ сюртукѣ и въ сапогахъ бутылками.—Дѣльце у меня есть, коли вашей милости угодно.

— Садись, садись, Григорій Иванычъ,—говорилъ Лушковъ:— вѣдь я у тебя гость.

— Мы, баринъ, постоимъ-съ, а я за милость Божію считаю, что вы у насъ живете, потому что безъ вашего согласія я по сю пору гонялъ бы гусей въ Заболотьѣ. И за батюшку своего, Ивана Архиповича, и за матушку, Оеклу Захаровну, низко челомъ вамъ бьемъ, что вы съ барыней, Юліей Петровной, ихъ старость призрѣвали и ихъ самихъ жаловали.

И Григорій Семеновъ вновь низко поклонился, коснувшись рукой до полу.

— А о дѣльцѣ позвольте. Ѳедоръ Михайловичъ, вамъ доложить.

— Ни за что не стану слушать, пока ты не сядешь.

Семеновъ сѣлъ на кончикъ стула, вынулъ изъ кармана красный фулярный платокъ, утеръ имъ себѣ носъ и губы и, совершивъ эту священную операцію, началъ почтительнымъ и важнымъ тономъ:

— Мы съ Прохоромъ, какъ вамъ, Ѳедоръ Михайловичъ, доподлинно извѣстно, свояки, и я пыталъ его по-родственному, все ли попрежнему вы и барыня, Юлія Петровна, по-добру, по-здраву живете. И Прохоръ, баринъ, сказалъ мнѣ, что просватали вы дочку вашу, а нашу барышню, Наталью Ѳедоровну, за поручика Невѣрова, но только того Невѣрова, баринъ, взяли сюда въ Питеръ съ егеремъ и въ крѣпость эфту посадили.

Здѣсь Семеновъ остановился и показалъ рукой на окна горницы, обращенныя къ Петропавловской крѣпости.

— Ну, и что же дальше?—спросилъ Ѳедоръ Михайловичъ, давая себѣ слово разбранить Прохора за излишнюю болтовню.

— Я и пришелъ поздравить васъ съ женихомъ и, коли угодно вашей милости, спросить, можетъ—видѣться съ нимъ желаете?

— Ничего не понимаю, что говоришь ты?—вскричалъ Ѳедоръ Михайловичъ, вскочивъ быстро съ стараго вольтеровскаго кресла, нарочно для него приобрѣтеннаго Григоріемъ на Сытномъ рынкѣ Петербургской стороны.

— А только и всего, Ѳедоръ Михайловичъ, — медленно повторилъ Григорій Семеновъ, тоже вставая со стула:—что коли вы желаете Невѣрова повидать, эфто самое дѣло мы завсегда можемъ потрафить.

— Какимъ же это образомъ?—спросилъ пораженный Лушковъ.

— А одно слово, баринъ, что мы въ крѣпость господамъ офицерамъ всю провизію доставляемъ и намъ все тамъ вѣдомо и всѣ извѣстны, и насъ всѣ знаютъ.

— Ну, и дальше?

— Арестантовъ, простите, баринъ, кажинный день гулять водятъ, въ какой часъ—сегодня узнаю, и мы съ вами въ эфтогъ самый часъ пойдемъ въ крѣпость, и вы, баринъ, съ Невѣровымъ повидаетесь и, можетъ, даже малость и поговорите.

— А караульные, часовые?

— Это, баринъ, не для насъ, а для отвода глазъ, для начальства, простите. Ужъ не сумлѣвайтесь, все въ самый акурать выйдеть. Указъ такой былъ, что только разъ въ недѣлю пускать къ арестованнымъ да то только родителей, да жену, аль дѣтей и то при начальствѣ, а мы хоть каждый день ходить будемъ. Ужъ такое мы слово знаемъ,—промолвилъ Семеновъ, улыбаясь и поглаживая самодовольно бороду всей своей пятерней.

Чувство воинской дисциплины заговорило въ душѣ Ѳедора Михайловича, но ему тотчасъ же представилось въ воображеніи тоскующее лицо Наташи, и онъ, едва владѣя собою, взялъ Григорія за руку и сказалъ:

— Спасибо, Григорій Ивановичъ. Ты мнѣ не слуга, а другъ вѣрный. Вѣкъ не забуду твоей услуги.

Но Ѳедоръ Михайловичъ рѣшилъ пока ничего не предпринимать, пока не посовѣтуется съ Башуцкимъ и Орловымъ.

IV.

Въ этотъ же вечеръ новый государь сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, читалъ показанія декабристовъ и предавался размышленіямъ о ихъ дѣлѣ.

Императоръ Николай Павловичъ уже не относился въ это время къ слѣдствію надъ декабристами такъ горячо, какъ въ первые дни по вступленіи своемъ на престолъ. Для него стали совершенно ясны размѣры и организація заговора, и онъ былъ убѣжденъ, что зло вырвано съ корнемъ и въ будущемъ ничто не угрожаетъ новому правительству. Поэтому онъ рѣшился передать все дѣло особому

слѣдственному комитету, гдѣ главную роль играли генералы Левашовъ, Чернышевъ и Бенкендорфъ, слѣдя, впрочемъ, внимательно за ихъ дѣятельностью. Личныя сношенія государя съ арестованными до нѣкоторой степени смягчили его чувства къ нимъ. Онъ увидѣлъ, что заговорщики не преслѣдовали никакихъ личныхъ цѣлей или честолюбивыхъ замысловъ, что ими въ ихъ дѣйствіяхъ или, точнѣе сказать, разговорахъ руководили желаніе пользы отечества, быть можетъ, ложно понимаемыхъ, и что дѣйствія правительства въ послѣдніе годы царствованія его брата отчасти ихъ оправдывали. Николай не могъ равнодушно вспомнить, въ какое затрудненіе онъ былъ поставленъ на допросѣ одного изъ Бестужевыхъ.

— Какъ вы смѣли думать и говорить о конституціи для Россіи,—грозно обратился онъ къ арестованному:—когда только самодержавіемъ она была создана и только имъ спасалась въ години величайшихъ бѣдствій?

— Ваше величество,—отвѣчалъ тонко Бестужевъ:—еще въ 1818 году, открывая сеймъ въ Варшавѣ, покойный государь выразилъ публично въ своей рѣчи польскому сейму свое священное намѣреніе даровать представительныя учрежденія и Россіи. И мы полагали, что, говоря о ней, мы только способствуемъ священнымъ намѣреніямъ почившаго государя императора.

— А, вы это думали?

Николай Павловичъ замялся на одну секунду, но, вспомнивъ слова, сказанныя въ его присутствіи Левашевымъ одному изъ арестованныхъ, повторилъ ихъ грознымъ тономъ:

— А вы не думали, что своимъ разговоромъ и бунтомъ вы свяжете мнѣ руки на пятьдесятъ лѣтъ?

Это была, конечно, фраза въ его устахъ, потому что самъ онъ вовсе не раздѣлялъ тѣхъ свободолюбивыхъ взглядовъ, какіе высказывалъ иногда по разнымъ причинамъ императоръ Александръ, но это было все, чѣмъ могъ онъ въ тотъ моментъ отвѣтить Бестужеву, и воспоминаніе объ этой фразѣ его мучило, потому что онъ сознавалъ, что она какъ бы причисляла и его къ поклонникамъ представительныхъ учреждений, которыя въ дѣйствительности были для него ненавистны.

Императоръ Николай вспоминалъ также о невыносимомъ гнетѣ Аракчеева и его заносчивости, предъ которой должны были смиряться всѣ и все: даже онъ самъ, предполагаемый наслѣдникъ престола, долженъ былъ не разъ ожидать въ передней наглаго временщика, пока онъ допуститъ его предъ свои свѣтлыя очи.

Наконецъ, самые декабристы, за нѣкоторыми исключеніями, развѣ не оказались людьми слабыми, даже легкомысленными, постоянно «игравшими съ правительствомъ въ поддавки», какъ выразился одинъ изъ нихъ? Ріэги и Бруты на словахъ, на дѣлѣ показали они себя дѣтьми, дѣйствовавшими безъ плана, очертя го-

лову, даже безъ увѣренности въ успѣхъ. А послѣ 14-го декабря развѣ не стали они вести себя, какъ напашлившіе школьники? Николай съ улыбкой презрѣнія и сожалѣнія вспоминалъ покаянныя признанія главарей заговора: Пестеля, Рылѣва, Сергѣя Трубецкаго, Евгенія Оболенскаго, не только сознававшихся въ своемъ «безумствѣ», но и выдававшихъ головою всѣхъ, кто только приходилъ съ ними въ соприкосновеніе. И какъ легко было довести ихъ до этого сознанія и раскаянія! Въ сущности они, конечно, менѣе виноваты, чѣмъ закулисный глава заговора, Михаилъ Орловъ, который, однако, благодаря защитѣ брата, и дня не высидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, а, помѣстившись съ комфортомъ въ офицерской квартирѣ въ Петропавловской крѣпости, спокойно и со смѣхомъ пишетъ завѣдомо лживыя показанія, увѣренный въ своемъ помилованіи.

Мысль Николая перенеслась на слѣдователей дѣла бунтовщиковъ. Эти Левашевы, Чернышевы, Татищевы, Бенкендорфы, Клейнмихели... Развѣ они думаютъ объ общей пользѣ, о благѣ государства, когда съ усердіемъ охотничьихъ собакъ выслѣживаютъ и путаютъ декабристовъ? Чернышевъ уже всячески раздуваетъ вину графа Захара Чернышева, чтобы стать наслѣдникомъ его майората. Николай Павловичъ вспомнилъ при этомъ письмо брата своего Константина, прямо назвавшего одного изъ новыхъ свѣтилъ новаго царствованія мерзавцемъ, котораго нельзя терпѣть на службѣ. И что онъ отвѣтилъ ему? «Что безъ услугъ этихъ мерзавцевъ обойтись трудно, и по необходимости ими нужно пользоваться». Между декабристами, напротивъ, почти всѣ люди, кажется, честные и лично безупречные...

«Нельзя наказывать тѣхъ,—думалъ императоръ:—кто раздѣлялъ бредни Александра о конституціи и возмущался деспотизмомъ его временщика, Аракчесва: въ этомъ повинна почти вся Россія, въ послѣднемъ и самъ я. Наказаніе должно пасть на голову тѣхъ, кто осмѣлился поднять оружіе... Похоронивъ брата, когда тѣло его прибудетъ изъ Таганрога, похоронимъ мы и всѣ заблужденія, которыхъ онъ вольно и невольнo былъ виновникомъ».

Размышленія императора прерваны были тихо вошедшимъ въ кабинетъ дежурнымъ флигель-адъютантомъ съ докладомъ о приходѣ генераль-адъютанта Бенкендорфа.

— Ну, что новаго?—императоръ указаль Бенкендорфу на кресло.

— Ваше величество, открылись новые замыслы этихъ несчастныхъ... Показанія Оболенскаго и Поджіо устанавливаютъ существованіе среди нихъ точныхъ и опредѣленныхъ плановъ царевубійства. Пока ихъ показанія записываютъ, я пришелъ предувѣдомить о томъ ваше величество.

— Что, хотѣли убить меня или покойнаго брата?

— Болѣе того, государь, у нихъ шла рѣчь объ уничтоженіи всей императорской фамиліи...

— И давно они собирались?

— Еще въ 1817 году, ваше величество, у нихъ на собраніяхъ говорили о томъ, а нѣкоторые злоумышленники предлагали привести сіе въ дѣйствіе по собственной охотѣ.

— Долгожь же они собирались...

— Ваше величество, нѣкоторые думали даже посягнуть на священную особу вашу въ самый день 14-го декабря, напр., капитанъ Якубовичъ.

— Ты говоришь—Якубовичъ? Тотъ самый, который стоялъ возлѣ меня долгое время и былъ мною даже употребленъ для переговоровъ съ мятежниками?

— Такъ точно, государь. Но у него не поднялась рука на это святотатственное дѣло.

— Была, значитъ, одна болтовня и, быть можетъ, подъ винными парамп. Ріэги, Бруты и Лувели... Что же еще?

— Оболенскій показалъ еще на князя Федора Шаховского и что дерзновенное его намѣреніе привело самихъ злоумышленниковъ въ такой ужасъ, что его прозвали «le tigre».

— Это—тотъ Шаховской, что былъ адъютантомъ у Паскевича? Но онъ, кажется, давно въ отставкѣ?

— Съ 1822 года, ваше величество, теперь живетъ въ нижегородской деревнѣ.

— А когда же онъ собирался на цареубійство?

— Это было, — смущеннымъ голосомъ проговорилъ Бенкендорфъ, — на собраніи Союза Спасенія въ 1817 году...

— Такъ рано? Еще девять лѣтъ тому назадъ.

Императоръ задумался.

— Я думаю, Александръ Христофоровичъ, — заговорилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія:—что это обвиненіе мятежниковъ гораздо важнѣе обвиненія ихъ въ соучастіи въ обществахъ, гдѣ они разсуждали о конституціи и пользахъ отечества. На этомъ слѣдуетъ остановиться повнимательнѣе и подробнѣе. Это не конституція, которую обѣщаль имъ братъ, — прибавилъ Николай, зло улыбаясь:—давши въ конституціонные министры Алексѣя Андреевича Аракчеева.

— Всѣ вѣрноподанные ваши, государь, всѣ истинно-русскіе люди, — сказалъ Бенкендорфъ, оправляясь отъ смущенія, — съ омерзѣніемъ услышатъ о такомъ ихъ гнусномъ покушеніи...

— Положимъ, что покушенія не было, — замѣтилъ императоръ: — но уже самое намѣреніе доказываетъ всю развращенность ихъ образа мыслей и заслуживаетъ самага жестокаго наказанія. Ты справедливо сказалъ, что всѣ русскіе люди съ омерзѣніемъ услышатъ о немъ.

Императоръ всталъ съ кресла и съ негодованіемъ воскликнулъ:
— И эти царевны — русскіе дворяне, русская аристократія!

Бенкендорфъ также всталъ и вкрадчиво проговорилъ:

— Осмѣлюсь доложить, что среди нихъ не было дворянъ остзейскихъ провинцій. Тѣ всѣ преданы династіи. Объ этомъ на дняхъ еще говорила мнѣ графиня Шарлотта Карловна Ливенъ, въ бытность мою у ея величества императрицы матери, что именно на остзейскихъ дворянахъ и ихъ службѣ зиждется безопасность императорской фамиліи.

— Она забыла о фонъ-деръ-Паленѣ... Впрочемъ, я самъ думаю, что это былъ уродъ въ семьѣ. Иди, Александръ Христофоровичъ, въ комитетъ и передай мою волю, чтобы были строго передопрощены всѣ, кто только слышалъ о царевныиствѣ и не донесъ о томъ. За Шаховскимъ послать фельдъегеря!

Когда Бенкендорфъ вышелъ, императоръ проговорилъ, стуча пальцами по столу:

— Жаль думать, но къ этому обвиненію будутъ, вѣроятно, прикосновенны всѣ эти господа. Съ 1817 года!

V.

На другой день, съ 9 часовъ утра, Лушковъ былъ уже въ приемной графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова, ожидая его пріѣзда изъ дворца. Старый денщикъ графа, Евлампій, котораго Лушковъ зналъ еще съ 1812 года, обрадовался полковнику и сообщилъ ему всѣ подробности о своемъ добродушномъ и тароватомъ баринѣ.

— Вы, батюшка Ѳедоръ Михайловичъ, съ дѣломъ или такъ, безъ дѣла, къ его сіятельству?—спросилъ наконецъ Евлампій, сдувая пушинку съ мундира Лушкова.

Евлампій пользовался большимъ значеніемъ въ домашнемъ обиходѣ Орлова, и Лушковъ понялъ, что вопросъ этотъ онъ предложилъ ему даромъ.

— И съ дѣломъ, и безъ дѣла,—отвѣчалъ онъ:—какъ Богъ доведетъ.

— Понимаемъ... Какъ графъ встрѣтитъ васъ изволить... Да вы будьте, Ѳедоръ Михайловичъ, благонадежны. Графъ-то васъ хорошо помнитъ и еще вчерась поминалъ, какъ вы съ нимъ въ Парижѣ гуляли. Грѣтъ, души доброй былъ Лушковъ этотъ, и куда онъ дѣвался? Анъ вотъ вы и легки на поминѣ!.. Да вотъ и самъ его сіятельство пріѣхалъ!

И Евлампій выбѣжалъ навстрѣчу Орлову въ переднюю. Вслѣдъ за тѣмъ послышался звучный голосъ графа: «Какъ! Лушковъ? Подавайте мнѣ сюда Лушкова!» и вслѣдъ за тѣмъ красавецъ-богатырь вошелъ въ комнату и обнялъ стараго друга.

— Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, старый товарищъ. Тамъ пока-
лякаемъ.

— Да, братъ,—говорилъ нѣсколько времени спустя Орловъ,
предложивъ гостю закурить трубку:—вотъ и я вышелъ въ люди.
Своимъ тѣлохранителемъ царь меня почитаетъ, а горя у меня хоть
отбавляй... Ты, —тутъ графъ понизилъ голосъ,—ничего не слыхалъ
о Мишѣ?

— Слыхъ былъ, что его арестовали...

— Да, и посадили было въ казематъ. Только,—глаза Орлова
при этомъ блеснули,—просилъ я перевести его въ офицерскую квар-
тиру. Одна болтовня, ну, да нѣмцы стараются черезъ него и меня
зашибить. Только все это не такъ просто,—прибавилъ онъ, улыбаясь
и расправляя свои руки, могучія, какъ у античной статуи.

Лушковъ вздохнулъ и сказалъ:

— Хорошо, что у него есть такая защита, какъ твоя, Алексѣй
Федоровичъ, не у всякаго такая...—Лушковъ помолчалъ и потомъ,
внезапно схвативъ Орлова за руку, едва имѣлъ силу отъ волненія
прошептать:

— Помогни и мнѣ, Алексѣй Федоровичъ, заставь Бога молить.

— Развѣ и изъ твоихъ кто влопался?—съ изумленіемъ спросилъ
Орловъ.—Ну, говори толкомъ.

— Такъ, такъ,—проговорилъ Орловъ, когда Лушковъ расска-
залъ ему о несчастіи своего нареченнаго зятя.—Такъ, въ такомъ по-
ложеніи не одинъ твой Невѣровъ. Нѣмцы, братъ, всю Россію го-
товы прилести къ этому дѣлу, да и не одни нѣмцы тутъ стараются...
И о чемъ стараются? Чтобы павести подозрѣніе на все русское дво-
рянство, чтобы кровью несчастныхъ въ поученіе потомству напи-
сать первыя страницы новаго царствованія! Развѣ это нужно царю,
развѣ это нужно русскому народу?

— Отчего же, графъ Алексѣй Федоровичъ, ты не скажешь этого
самъ государю?—спросилъ, волнуясь, Лушковъ.—Ты у него въ та-
комъ приближеніи...

Орловъ громко и раскатисто засмѣялся.

— Ахъ, ты, святая простота! Да ты совсѣмъ въ деревенскіе пен-
тюхи затесался! Не только при дворѣ, но и всюду совѣтъ тогда
только и дорогъ, когда его спрашиваютъ, да и когда спрашиваютъ,
то умѣй понять, не ждуть ли отъ тебя только одобренія, похвалы.
А иногда спрашиваютъ для того, чтобы испытать. Ужъ какъ нѣмцы
наши были бы довольны, если бы я кому-либо, не то что царю, а при
дворѣ брякнулъ, что тебѣ сказалъ! Съ волками жить—по-волчьи
выть, а не нравится—уходи по добру, по здорову. А у меня тутъ
Миша на рукахъ. Уйду—а его вздернуть! Я бровью не моргнулъ,
когда Бенкендорфъ ругалъ царицѣ русскихъ дворянъ,—думалъ,
каналья, что не выдержу, а я слушаю да думаю: подожди, шмерцъ,
попадешь въ руки—въ сосиску сдавлю.

И Орловъ опять посмотрѣлъ на свои руки. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнiя, что при удобномъ случаѣ онъ исполнить свою угрозу.

— И потомъ, — продолжалъ онъ, успокаиваясь: — если бы и ушелъ отъ двора, было бы еще хуже: я дурныхъ совѣтчиковъ однимъ своимъ присутствiемъ сдерживаю, да, нѣтъ-нѣтъ, и скажу царю ксатати свое слово. Мало ли что безъ меня они могли натолковать и надѣлать... Ну, въ чемъ же я Невѣрову могу помочь? Говори, старина.

— А я хочу съ нимъ повидаться, разузнать...

Орловъ подумалъ.

— Повидаться ты можешь только съ высочайшаго разрѣшенiя. а объ этомъ, братъ, пока и думать нечего. Тебѣ разрѣшить—тогда и другимъ придется тоже, а этого слѣдователи ни за что не допустятъ... Но ты не вѣшай головы. У насъ, въ Россiи, все маленькiе люди могутъ сдѣлать, если только у тебя есть деньги. Если нѣтъ, возьми у меня, что понадобится. Есть? Ну, и слава Богу. Я доподлинно знаю, что въ крѣпости плацъ-майоръ Подушкинъ за деньги все дѣлаетъ: вмѣсто раза въ недѣлю, какъ женамъ дозволено, могутъ онѣ хоть каждый день видѣться, записочки, вещицы пересылать. И Богу угодно, и Подушкину полезно.

— А если у меня другой ходъ есть, — проговорилъ Лужковъ.

— Валяй какимъ хочешь, осторожно, конечно, только помни, просьбы не подавай да денегъ не жалѣй. А ко мнѣ заходи, когда хочешь: мнѣ нужно сейчасъ въ полкъ ѣхать. Боже тебя благослови, старина моя, — заключилъ Орловъ, обнимая Лужкова. — А ему впередъ наука. Помнишь поговорку: «а ты, Матрена, не подвертывайся!» И будь спокоенъ: я о немъ справлюсь.

Евлампiй проводилъ Ѳедора Михайловича до саней и сказалъ ему на прощанье:

— И какъ графъ васъ любить-то! Давно такимъ веселымъ я его не видалъ!

VI.

Невѣровъ, тотчасъ по привозѣ его въ Петербургъ, помѣщенъ былъ въ комнатахъ генеральнаго штаба совмѣстно съ нѣкоторыми другими арестованными. Дальнѣйшая участь его должна была опредѣлиться послѣ допроса его слѣдственнымъ комитетомъ. Невольные товарищи Невѣрова утѣшали его, увѣряя, что чрезъ нѣсколько дней, навѣрно, его выпустятъ, и Невѣровъ поддался этимъ утѣшенiямъ тѣмъ легче, что арестованные пользовались сравнительной свободой. На другой же день по приѣздѣ они какъ бы въ шутку предложили ему погулять по Петербургу или, по крайней мѣрѣ, выпить кофе въ кондитерской Лиредо, на углу Невскаго проспекта и Дворцовой площади. И, дѣйствительно, когда въ десять часовъ вечера

сторожа, бывшіе въ передней комнатѣ, улеглись и захрапѣли, быть можетъ, нарочно, шутники преспокойно открыли въ своей комнатѣ огромное окно, доходившее до полу, очень плохо заклеенное бумагой, и, такъ какъ комната расположена была въ нижнемъ этажѣ зданія, вышли на тротуаръ Дворцовой площади такъ же легко и удобно, какъ будто вышли прямо съ подъѣзда. Погулявъ по Невскому и зайдя на нѣсколько минутъ въ кондитерскую, во внутреннюю ея комнату, узники возвратились тѣмъ же путемъ въ мѣсто своего заключенія. Это внушило бодрость Петру Петровичу: эта легкость заключенія какъ бы доказывала, что на него не смотря, какъ на преступника. Въ слѣдующую прогулку одинъ изъ арестованныхъ, полковникъ Любимовъ, увидѣлъ подъ аркой главнаго штаба проходившаго мимо знакомаго офицера, съ флигель-адъютантскими аксельбантами, Игнатъева, и, остановивъ его, сказалъ:

— Вотъ вамъ, Павелъ Николаевичъ, записка къ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Коновницкой. Вы получите отъ нея десять тысячъ рублей. Дѣлайте тамъ въ слѣдственномъ комитетѣ, что хотите, давайте кому и сколько хотите, только представьте мнѣ изъ портфеля Пестеля мои письма; что останется отъ расходовъ—все будетъ ваше.

Офицеръ былъ сначала какъ будто удивленъ, но потомъ взялъ записку и общалъ сдѣлать, что можетъ. Невѣровъ глазамъ своимъ не вѣрилъ, когда на другой день къ вечеру письма дѣйствительно доставлены были Любимову и имъ тотчасъ же были сожжены.

Позвали Петра Петровича къ допросу лишь на четвертый день. Привели его въ Зимній дворецъ, въ комнату, гдѣ за столомъ сидѣлъ молодой, щегольски одѣтый генералъ съ ласковымъ, напоминавшимъ лисичку лицомъ. Пристально взглянувъ на арестованнаго и отвѣтивъ кивкомъ головы на его почтительный поклонъ, Бенкендорфъ (это былъ онъ) сказалъ ему мягко и убѣдительно:

— Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы состояли членомъ тайнаго общества. Вы еще молоды, и въ этомъ ваше оправданіе. Вы знаете, что государь милосердъ. Сознайтесь чистосердечно, вѣдь ваша вина незначительна. Есть государственные люди, замѣшанные въ этой исторіи, но вы вѣдь ничего не можете измѣнить. Вашей смерти или наказанія не нужно, будьте только откровенны. Если вы во всемъ сознаетесь и раскаетесь, то самое большое васъ могутъ продержать подъ арестомъ нѣкоторое время или отставятъ отъ службы. Не сознаетесь—васъ уличатъ, и тогда вы подвергнетесь суровому наказанію и ссылкѣ въ Сибирь. Вотъ вамъ;—прибавилъ онъ, протягивая бумаги,—вопросные пункты, возьмите ихъ, обдумайте и напишите сегодня на нихъ отвѣты у себя... дома.

И Бенкендорфъ улыбнулся.

Слушая эту рѣчь, Невѣровъ почувствовалъ холодъ во всемъ тѣлѣ. Онъ хотѣлъ увѣрить этого добраго, ласковаго генерала, что онъ ничего не знаетъ и ни въ чемъ не виноватъ, но языкъ не повиновался

ему: въ мягкой улыбкѣ, во вкрадчивомъ взглядѣ Бенкендорфа онъ вдругъ почувалъ что-то желѣзное, неумолимое, роковое. Требуя правды, т. е. признанія, но что же ему дѣлать, если сознаваться ему не въ чемъ?

— Ваше превосходительство, — сказалъ онъ наконецъ: — я ничего не знаю, никогда членомъ тайнаго общества не былъ, и писать мнѣ нечего.

— Вы и напишите это, — холодно отвѣчалъ Бенкендорфъ: — но я могу сказать, что не ожидалъ въ васъ встрѣтить такого упорнаго, закоренѣлаго преступника. Если вы не напишете правды, одной только правды, то не полагайтесь на милосердіе государя и мою защиту. Идите!

Невѣровъ, не чувствуя ногъ подъ собою отъ волненія, возвратился въ сопровожденіи своего конвоира въ главный штабъ. Прочтя вопросные пункты, онъ увидѣлъ, что одинъ изъ офицеровъ штаба 2-й арміи, Благушинъ, показавъ, что на одной пирушкѣ въ полковой стоянкѣ онъ говорилъ о тайномъ обществѣ съ Невѣровымъ и тотъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи поступить въ него. Порывшись въ своей памяти, Невѣровъ вспомнилъ, что Благушинъ дѣйствительно ему говорилъ о какомъ-то обществѣ, но что онъ понялъ это общество въ смыслѣ литературнаго, для содѣйствія образованію, и потому только и выразилъ желаніе присоединиться къ нему. Но повѣрить ли Бенкендорфъ и слѣдственный комитетъ этому простому объясненію? Невѣровъ былъ убѣжденъ теперь, что ему теперь ни въ чемъ не повѣрять и что онъ человѣкъ погибшій. Онъ уже взялся за перо, чтобы написать свое правдивое объясненіе, когда вошелъ въ комнату одинъ изъ сыновей знаменитаго генерала Раевского, героя 12-го года, Александръ Раевскій, только что освободившійся отъ ареста въ виду заслугъ его отца. Разсказавъ о своемъ освобожденіи, Раевскій приписалъ его исключительно искренности своей въ показаніяхъ, добавивъ со смѣхомъ, что онъ даже преувеличилъ свою вину, и совѣтовалъ поступить такъ всѣмъ арестованнымъ. «Poltron qui ne dira pas tout ce qu'il sait», закончилъ онъ свою рѣчь и ушелъ.

Перо выпало изъ рукъ Невѣрова, и онъ предался тяжкому раздумью. Рѣчь Раевского была убѣдительна, а онъ въ сущности сказалъ то же, что и Бенкендорфъ. Полковникъ Любимовъ долго смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на молодого офицера, сидѣвшаго съ застывшимъ лицомъ и недвижнымъ взглядомъ, затѣмъ подошелъ къ нему и, положивъ ему на плечо руку, сказалъ слѣдующее:

— Вы, я вижу, собираетесь писать отвѣты на вопросные пункты. Не знаю, какой системы вы будете держаться, но умъ хорошо, а два лучше. Не по любопытству, а для вашей же пользы я желалъ бы знать, на какой системѣ вы остановились. Помните, что первыя показанія особенно важны.

— Я не имѣлъ и не имѣю,—произнесъ Невѣровъ, пожимаясь, какъ бы отъ холода,—никакого отношенія къ тайному обществу. Если я это буду утверждать, то мнѣ никто не повѣритъ, не дадутъ никакой милости и будутъ, какъ сказалъ мнѣ Бенкендорфъ, долго держать въ крѣпости, а между тѣмъ,—тутъ Невѣровъ покраснѣлъ,—меня дома ждетъ невѣста...

Любимовъ посмотрѣлъ на него долгимъ, испытующимъ взглядомъ.

— За что же васъ взяли?

— Да я только сейчасъ узналъ это-изъ вопросовъ пунктовъ.

И онъ подавъ полковнику пункты и объяснилъ все, съ нимъ происшедшее.

— Конечно, они, эти палачи, будутъ настаивать на признаніи, котораго требовалъ отъ васъ Бенкендорфъ,—горячо заговорилъ Любимовъ. — Но не вѣрьте этой лишней мордѣ: никакой милости вамъ не дадутъ, а прежде всего упрячутъ въ казематъ. Вы, можетъ быть, хотите подтвердить этотъ оговоръ Влагушина? Что вы, Богъ съ вами! Вы только запутаете себя и другихъ. По-нашему, по-военному, не слѣдуетъ сдаваться при первой же атакѣ, которая, быть можетъ, окажется еще фальшивой; да если и поведутъ настоящую атаку, то все-таки надо уступить только то, что удержать уже никакъ нельзя. Поэтому и тутъ гораздо вѣрнѣе обычный русскій отвѣтъ, когда имѣешь постоянно дѣло не съ судьями, а съ палачами: «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю». Вѣдь въ пьяномъ видѣ, простите, вы себя и въ китайскіе императоры могли произвести, да признаваться въ этомъ все-таки не слѣдуетъ, потому что все равно васъ за это на цугундеръ потянутъ.

— Вы это такъ говорите, полковникъ, какъ будто вѣрите моей виновности... я не былъ пьянъ и отлично помню, что и въ какомъ смыслѣ говорилъ мнѣ Влагушинъ.

— Да какое вамъ дѣло, голубчикъ, вѣрю ли я вамъ, или нѣтъ? Вы отрицайте самый фактъ всякаго разговора съ нимъ. Онъ былъ въ пьяномъ видѣ; мало ли что могло ему пригрезиться! Въ отрицаніи оговора все ваше спасеніе, если даже вамъ и не повѣрятъ. Вотъ они знаютъ, что у меня была переписка съ Пестелемъ, да о чемъ и гдѣ они, письма-то? Пусть они здѣсь поищутъ, эти Чернышевы и Бенкендорфы.

И Любимовъ насмѣшливо показалъ на каминъ.

— Я хочу говорить правду,—сказалъ Невѣровъ упрямо.—Они должны мнѣ повѣрить тогда.

— Вотъ тогда-то они вамъ и не повѣрятъ, а препроводятъ въ казематъ,—устало проговорилъ Любимовъ и, махнувъ безнадежно рукой, отошелъ прочь.—Должно быть, изъ малороссовъ мальчѣ—упрямъ,—проворчалъ онъ сквозь зубы.

Оставшись наединѣ съ своими мыслями, Невѣровъ все-таки рѣ-

шился подчиниться авторитету опытнаго и доброжелательнаго полковника и написал отвѣтъ, что Благущина онъ знаетъ, какъ штабнаго офицера, но что никогда никакихъ разговоровъ съ нимъ не велъ и сношеній не имѣлъ. Отвѣтъ этотъ былъ доставленъ Бенкендорфу, а имъ представленъ государю. Съ нетерпѣніемъ ждалъ теперь Невѣровъ рѣшенія своей участи, и велико было его торжество, когда капитанъ Жуковъ, находившійся при дежурномъ генералѣ, сообщилъ ему чрезъ нѣсколько дней, какъ весьма хорошій признакъ, что велѣно уже возвратить ему вещи и сопровождавшаго его крѣпостнаго человѣка. Вслѣдъ за тѣмъ перевели его въ другую комнату въ нижнемъ этажѣ главнаго штаба, гдѣ находился только одинъ арестованный полковникъ Кончіяловъ.

Но проходилъ день за днемъ, а ожидаемаго приказа объ освобожденіи Невѣровъ такъ и не получалъ. Въ трепетномъ чувствѣ ожиданія первы Петра Петровича окончательно разстроились, и съ своимъ сожителемъ, Кончіяловымъ, онъ не разъ разсуждалъ о томъ, что именно мѣшаетъ его освобожденію. Бравый полковникъ внимательно его слушалъ, но былъ, однако, другого мнѣнія, чѣмъ Любимовъ, и, не безъ восточной хитрости, постоянно твердилъ о «чистосердечіи», приводя на память освобожденіе Ржевскаго. Ему и въ голову не приходило, что слѣдователи только выжидали еще, не найдется ли какого-либо новаго подтвержденія вѣрности Невѣрова, и онъ началъ твердить своему подавленному тоской товарищу по комнатѣ о необходимости «поправить дѣло», въ чемъ-либо признаться. Невѣровъ былъ весь охваченъ жаждой выйти на свободу: образъ Наталіи Лушковой, больной, печальной, представлялся ему во снѣ и наяву. «Чтобы дать мнѣ тотчасъ освобожденіе,—думалъ онъ, теряя всякую логику,—требуютъ чистосердечнаго признанія; но какъ поступить, чтобы они убѣдились въ этомъ чистосердечіи? Безъ сомнѣнія, чѣмъ важнѣе будетъ мое признаніе, тѣмъ болѣе они увидятъ, что я совершенно откровененъ!» Въ тотъ день, когда его нареченный тестъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Невѣровъ, совсѣмъ упавшій духомъ, написалъ генералу Левашеву и просилъ свиданія съ нимъ. Въ то утро, когда Лушковъ бесѣдовалъ съ Башуцкимъ, 24 февраля, Невѣровъ предсталъ уже предъ ясныя очи генерала Левашева въ той же слѣдственной камерѣ въ Зимнемъ дворцѣ.

Генералъ, сидѣвшій за письменнымъ столомъ, указалъ Невѣрову стулъ по другую сторону стола и вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Ваше превосходительство,—началъ Петръ Петровичъ, слегка поблѣднѣвъ,—я явился предъ вами произнести чистосердечное признаніе.

— Но вы, кажется, уже дали письменный отвѣтъ на пункты,—равнодушно проговорилъ Левашевъ, отыскивая Невѣровскій отвѣтъ среди лежавшихъ на столѣ бумагъ.—Желаете дополнить?

— Тогда я писалъ нечистосердечно,—быстро заговорилъ Невѣровъ:—а теперь я чистосердечно признаюсь, что я дѣйствительно былъ членомъ тайнаго общества и принять былъ въ него Благушинымъ, который объяснилъ мнѣ, что цѣль общества состояла въ томъ, чтобы распространять просвѣщеніе, усиливаться членами и, когда оно уже будетъ довольно сильно, просить у государя конституціи.

— Ну, а если бы государь на это не согласился?—прервалъ его Левашевъ, пораженный словами Невѣрова: онъ даже привсталъ съ своего кресла.

— Предполагали просить въ такую пору, когда трудно было ея не уважить,—продолжалъ сочинять Петръ Петровичъ.

— Ну, а если бы государь и тогда не уважилъ?—уже всталъ со всѣмъ съ своего кресла Левашевъ.

— Въ такомъ случаѣ,—съ отчаяніемъ въ душѣ закончилъ Невѣровъ, также вставшій,—въ такомъ случаѣ полагали нужнымъ жертвовать всѣмъ—имѣніемъ, жизнью и даже, даже жизнью государя.

При послѣднихъ словахъ Невѣрова Левашевъ измѣнился въ лицѣ, невольно оглянулся назадъ, на портьеру, за которой незримо для подсудимыхъ часто находился государь, прислушиваясь къ допросамъ, затѣмъ, быстро присѣвъ къ столу, записалъ слова Невѣрова.

— Все ли? Болѣе ничего не прибавите?—спросилъ онъ, пожимая плечами, какъ бы желая дать понять, что и безъ того сказано черезчуръ много.—Теперь подпишите новое ваше показаніе и подождите здѣсь: я долженъ немедленно представить его государю.

Внутреннее чувство подсказало Невѣрову, что онъ себя погубилъ. Онъ закрылъ лицо обѣими руками, и нервное разстройство его разрѣшилось тихими слезами; на него безучастно смотрѣлъ стоявшій рядомъ и видавшій виды фельдъегерь, привыкшій ко всякаго родамъ сценамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Левашевъ возвратился и объявилъ рыдавшему Петру Петровичу высочайшее повелѣніе отправить его въ крѣпость и тутъ же передалъ его фельдъегерю съ запиской къ команданту Петропавловской крѣпости генералу Сукину.

— Плачешь!—подумалъ Левашевъ:—неужели отъ раскаянія?

VII.

Въ Петропавловской крѣпости содержалось въ то время масса заключенныхъ, такъ что не хватало мѣста въ казематахъ для новыхъ арестованныхъ, потому что всѣ арестованные въ ней содержались въ одиночномъ заключеніи. Поэтому въ каждой амбразурѣ крѣпости были наскоро построены кѣтки изъ сырого гѣса, предназначенныя

для вновь привозимыхъ арестантовъ; онѣ были такъ тѣсны, что едва доставало мѣста для столика, кровати и чугунной печи. Когда печь топилась, то клѣтка наполнялась непроницаемымъ туманомъ, а когда ее закрывали, то распространялся удушливый смрадъ, и парь, охлаждаясь, лилъ потокомъ со стѣнъ; нужно прибавить, что стѣны крѣпости и валъ ея залиты были водами Невы годъ тому назадъ, во время наводненія 7-го ноября 1824 года, такъ что еще въ это время были пропитаны водою. Небольшое окно, пропускавшее чрезъ амбразуру сумрачный полусвѣтъ, замазано было снаружки мѣломъ. Комната была всего въ четыре шага въ квадратъ: ходить было невозможно. Когда въ такую комнату привели Петра Петровича, то его заставили раздѣться, осмотрѣли все его платье, а затѣмъ облекли въ затрапезный халатъ въ присутствіи знаменитаго плацъ-майора Подушкина. Въ первый разъ Невѣровъ услышалъ, при выходѣ плацъ-майора и сопровождавшаго его унтеръ-офицера, ужасный, потрясающій душу звукъ тяжелыхъ тюремныхъ запоровъ и замковъ. Подавленный всѣмъ совершившимся, онъ бросился на кровать, покрытую плохо набитымъ соломой тюфякомъ, и залился слезами...

Когда Лущковъ, возвратившись отъ графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова, за трубкой обдумывалъ свое положеніе, въ горницу его, какъ всегда тихо, вошелъ Григорій Семеновъ и остановился у при-толки.

— Садись, садись, — сказалъ ему Ѳедоръ Михайловичъ: — ну, узналъ ли что, Григорій Иванычъ?

— Очень трудно было узнать, — отвѣчалъ онъ: — потому что только вчера ихъ и привезли въ крѣпость.

Только вчера?!

Прямо изъ дворца Зимняго, такъ мнѣ самъ унтеръ-офицеръ по знакомству сказывалъ. Имени и фамилія никто вѣдь не знаетъ, окромя коменданта. Кабы у Прохора я всѣ то-и-ся примѣты Петра Петровича не выспросилъ, въ жисть бы не узнать.

— Спасибо, большое тебѣ спасибо, Григорій Иванычъ. А пови-дать его когда будетъ можно?

— Дня черезъ два аль чрезъ три, когда гулять поведутъ. Ужъ вы, батюшка Ѳедоръ Михайловичъ, не извольте беспокоиться. Что до насъ, дня не потеряемъ. Мы тоже вѣдь чувствуемъ! А пока записочку ему извольте написать: ему передадутъ. Да еще я вамъ скажу... Больно ужъ кормятъ плохо арестантовъ, такъ вамъ бы къ плацъ-майору Подушкину зйти насчетъ корму поговорить, чтобы, значить, онъ съ своей кухни кормилъ. Возьметъ, обнаковенно, тридцать а то и пятьдесятъ рублей. Очень ужъ онъ любить этимъ заниматься. Ну, вы не отъ себя скажете, а, дескать, отъ родственниковъ.

И Григорій Семеновъ глубоко вздохнулъ, произнеся такую длинную рѣчь, и затѣмъ, по обыкновенію, вынулъ изъ рукава красный платокъ и утеръ имъ носъ и ротъ.

— Обо всемъ-то ты позаботился, голубчикъ,—произнесъ Ѳедоръ Михайловичъ, дѣйствительно глубоко тронутый неподдѣльнымъ участіемъ своего крѣпостного.—Чѣмъ-то я тебя поблагодарю?

— Вашей милостію мы и безъ того довольны,—отвѣчала Семеновъ:—да и сказать вамъ къ примѣру, что намъ вѣдь вѣдомо, что господа эти, что въ крѣпости сидятъ, за нашего брата страдаютъ, за крестьянъ православныхъ. И намъ, и себѣ воли хотѣли, да вотъ Богъ не благословилъ. Что же, и купцы, и простой народъ все ихъ жалѣютъ. Супротивъ ихъ никто, даже солдаты, слова не скажетъ. Только безъ Божія благословенія пошли, а Богъ и не благословилъ ихъ.

— А вотъ я предлагалъ тебѣ вольную, а ты что-то не желаешь ея. кажется.

— Для вольныхъ людей, батюшка Ѳедоръ Михайловичъ, и законы надобно вольные,—отвѣчала Семеновъ.—Капиталомъ я еще не вышелъ, баринъ, чтобы сразу-то въ гильдію записаться, а такъ, чтобы въ мѣщане или просто вольнымъ мужикомъ быть, такъ, сами изволите знать, каждый приказный обидитъ, а про полицейскихъ и говорить нечего. Очень горько жить теперича. Все поборы да тычки... Чтобы такъ, по-Божескому, — ни-ни! А когда есть добрый да высокій баринъ надъ тобою—не всякъ-то къ тебѣ сунется: есть, дескать, и у нихъ защитникъ...

Когда Григорій ушелъ, Ѳедоръ Михайловичъ долго раздумывалъ надъ его словами. «Боже, что это за судьба у народа нашего! Счастливы тѣмъ, что изъ двухъ золъ можетъ сейчасъ выбрать меньшее, а о завтрашнемъ днѣ и не помышляетъ! Вѣдь сегодня—добрый баринъ, завтра—кто знаетъ, въ чьихъ рукахъ будетъ онъ и вся его семья? Нѣтъ, я ему вольную приготовлю».

До вечера оставалось еще время, и Ѳедоръ Михайловичъ отправился къ Спасителю у Троицкаго моста, долго молился предъ иконою, а затѣмъ обошелъ вокругъ крѣпости, досадуя, что не разспросилъ у Григорія, въ какомъ именно мѣстѣ заключенъ милый его Наташѣ Петя Невѣровъ.

Вечеромъ, около 7 часовъ, какъ было въ тѣ времена принято, Ѳедоръ Михайловичъ отправился къ Аннѣ Михайловнѣ Кожинной. У подъѣзда ея дома было нѣсколько каретъ. «Сегодня у нея гости,—подумалъ Лушковъ:—ну, что-жъ, можетъ быть, узнаю я отъ нихъ что-либо о нашихъ несчастенькихъ». И дѣйствительно, у Анны Михайловны собралась родня, все люди важные: пріѣхала изъ Кіева Марья Николаевна Волконская, жена «несчастенькаго» князя Сергѣя Григорьевича, и отецъ ея, герой 12-го года, генералъ-отъ-кавалеріи Николай Николаевичъ Раевскій съ сыномъ Александромъ—тѣмъ самымъ, слова котораго убѣдили Невѣрова принести «чистосердечное» покаяніе. Здѣсь же присутствовала мать князя Сергѣя Григорьевича, княгиня Александра Николаевна Волконская,

статсъ-дама и оберъ-гофмейстерина, не разстававшаяся съ статсъ-дамскимъ портретомъ и въ гостяхъ; это была тихая и добрая на видъ старушка съ медлительными и важными движеніями, старавшаяся говорить вѣско и съ достоинствомъ, «вполнѣ придворная дама», какъ говорили современники, потому что она провела при дворѣ почти всю свою жизнь. Ей-то и представила Анна Михайловна Лущкова, какъ свойственника, тогда какъ семья Раевскихъ знала его еще раньше, по Кіеву. Съ большимъ участіемъ смотрѣлъ Федоръ Михайловичъ, вспоминая слова Башуцкаго, на княгиню Марью Николаевну, которой на 19-мъ году жизни уже грозило страшное горе. Юная, стройная, болѣе высокаго, чѣмъ средняго, роста, брюнетка, съ горящими глазами, съ полусмуглымъ лицомъ, съ немного вздернутымъ носомъ, съ гордой походкой,—она и теперь, какъ всегда, производила на окружающихъ обаятельное впечатлѣніе, хотя лицо ея и носило слѣды недавнихъ родовъ, дорожной усталости и пережитаго несчастья,—глаза ея ушли вглубь, а улыбка носила печать страданія. Красивый, величавый отецъ ея, генераль, и братъ Александръ Николаевичъ, изящный франтъ съ умнымъ взглядомъ, съ фатовымъ, нѣсколько циническимъ выраженіемъ лица, мало интересовали Федора Михайловича. Онъ тщательно слѣдилъ за Марьей Николаевной, за ея ощущеніями, стараясь видѣть въ ней свою собственную, страдающую далеко отъ Петербурга Наташу.

— Я самъ на дняхъ только пріѣхалъ сюда изъ деревни,—отвѣчалъ Лущковъ на вопросъ генерала и объяснилъ ему, вопреки предостереженіямъ Башуцкаго, причину своего пріѣзда.

— Да,—сказалъ старый Раевскій:—нѣтъ, кажется, семьи въ Россіи, которая не пострадала бы отъ этого безумнаго заговора. Единственнымъ оправданіемъ для него можетъ служить только гнѣтъ «Змѣя-Горыныча» и пылкость молодости.

— Старичковъ въ заговорѣ, дѣйствительно, не было,—фатовато и насмѣшливо возразилъ ему сынъ.—Про Ермолова говорили, но это — чистое вранье.

Генераль помолчалъ, но чрезъ нѣсколько секундъ произнесъ медленно и внушительно:

— Если бы въ заговорѣ были «старички», какъ ты говоришь, то конечно, онъ не былъ бы такъ безуменъ и по замыслу, и по исполненію.

— Жаль этихъ молодыхъ и способныхъ людей,—сказалъ Федоръ Михайловичъ:—которые могли бы быть полезны своему отечеству, а оно такъ въ нихъ нуждается. Я надѣюсь,—прибавилъ онъ:—что государь со свойственнымъ ему милосердіемъ отнесется милостиво къ этимъ заблужденіямъ молодежи и дастъ имъ случай и возможность исправиться. У нихъ были чистыя побужденія...

— Не надѣйтесь,—живо прервалъ его генераль.—Государь со мной бесѣдовалъ, и я замѣтилъ, что умъ его наклоненъ къ стро-

гости. Мои оба зятя въ крѣпости: Михаилъ Орловъ—въ офицерской квартирѣ, а Сергѣй Волконскій въ казематѣ. Генераль-майоры. не изъ послѣднихъ, а какая судьба ихъ ожидаетъ—Богъ вѣсть! Вы бы, матушка княгиня Александра Николаевна, —обратился онъ вдругъ къ статсъ-дамѣ:—хотя бы навѣстили-то Сергѣя: вѣдь онъ сынъ вамъ родной приходится. Ни разу вѣдь у него не была ея сіятельство, —объяснилъ онъ, поворачиваясь къ Лушкову:—а посылаетъ ему чай, пастилу... Кабы не Машенька, —и взоръ Раевского съ любовью обратился на дочь:—можно было бы подумать, что ея мужъ безъ роду, безъ племени.

Статсъ-дама съ упрекомъ взглянула на Раевского.

— Marie—чудная жена и женщнна, я этого не могу не признать, но она молода, а я... я, хотя и мать, я не могу видѣть Сержа въ такомъ положеніи: это меня убьетъ. Меня самая мысль о немъ убиваетъ ежечасно, —сказала она и приложила къ глазамъ кружевной платокъ.

— Вашъ батюшка, фельдмаршалъ Репнинъ, не былъ такимъ нѣженкой, —не унимался старикъ:—а Marie—вылитая я, —прибавилъ онъ съ отцовской гордостью.

— Ахъ, батюшка Николай Николаевичъ, —поспѣшила на помощь статсъ-дамѣ Анна Михайловна:—гдѣ вамъ знать наши желскія немощи! То нехорошо, что Софьи Григорьевны нѣтъ. Она съ Пьеромъ императрицу Елизавету изъ Таганрога провожаетъ, —пояснила она Лушкову.

— Но дочь ваша съ зятемъ ничего о Сергѣѣ и не пишутъ къ государю, а могли бы, кажется, —снова обратился Раевскій къ статсъ-дамѣ.—За Мишу Орлова, я знаю, Алексѣй Ѳедоровичъ горой стоитъ, а за Сергѣя можно было бы Петру Михайловичу и Софѣ Григорьевнѣ похлопотать. Со мной государь думаетъ, что разсчитался. освободивъ моихъ двухъ кавалеристовъ.

— Государю понравились наше чистосердечіе и прямота, —сказалъ самодовольно Александръ Раевскій:—а князь Сергѣй Григорьевичъ то начинаетъ пускаться въ откровенности, то вдругъ замолчить и отъ него ничего нельзя добиться, какъ ни милостивъ бываетъ къ нему царь.

— Не дай Богъ такой милости, —вырвалось вдругъ у Лушкова.

Марья Николаевна съ благодарностью подняла на него заискрившіеся глаза, а старикъ Раевскій пожалъ ему руку.

— Мы съ вами, Ѳедоръ Михайловичъ, —съ горечью сказалъ онъ:—сравнительно съ Александромъ прямо молодые люди. У него будто все сердце въ умъ ушло. Все съ аршинчикомъ, свысока. А я, братъ, прямо тебѣ скажу свое слово: кабы не отцовская просьба—до разбора твоего дѣла сидѣлъ бы и ты тамъ, гдѣ князь Сергѣй. А вотъ княгиня Александра Николаевна—не миѣ чета: дочь фельд-маршала князя Репнина, вдова заслуженнаго генерала-отъ-инфан-

тери, статсъ-дама со времянь Екатерины Великой, оберъ-гофмейстерина, въ пеленкахъ носила нынѣшняго государя, его брата и сестерь, а за родного сына сказать слова не можетъ. Это тебѣ нравится, Александръ? Погодите, погодите, —остановилъ онъ Анну Михайловну, которая хотѣла его прервать:—ужь началъ говорить, такъ доскажу: все равно, скоро отсюда уѣду. Вы, княгиня,—обратился онъ прямо къ статсъ-дамѣ:—можетъ быть, не хотите итти на рискъ—получить отказъ? Ну, пусть вамъ откажутъ! Кого этимъ унижать? Себя или васъ? Уйдите тогда отъ двора съ высоко поднятой головой, какъ вамъ прилично, и пусть вся Россія и Европа знаютъ, какъ въ Россіи вознаграждаются истинныя заслуги и какъ караются зато мальчишескіе поступки!

Голосъ Раевского зазвенѣлъ, когда онъ сказалъ это, высоко поднявъ руку. Нѣсколько успокоившись, онъ тихо прибавилъ:

— И брата сажаютъ въ казематъ въ то именно время, когда родная его сестра и зять лелѣютъ умирающую царственную вдову Благословеннаго Александра! Правда, нелюбимую!

Впечатлѣніе словъ стараго генерала было потрясающее. Марья Николаевна подошла къ отцу вся въ слезахъ и крѣпко его поцѣловала, то же сдѣлала и Ѳедоръ Михайловичъ; даже Александръ Раевскій пожалъ отцу руку, сказавъ сквозь зубы: «vous avez raison». Анна Михайловна растопырила пальцы и безпомощно качала головой. Одна княгиня Александра Николаевна осталась неподвижной. Она сжала свои тонкія губы и тихо проговорила:

— Вы, Николай Николаевичъ, кажется, вообразили себѣ, что вы опять въ Смоленскѣ или на Бородинскомъ полѣ, тогда какъ предъ вами всего только слабая, удрученная годами и горемъ старая женщина. Я не спартанка и не древняя римлянка, но скажу вамъ одно: *mon fils est un gentilhomme russe, il subira son sort honorablement.*

— Вы не спартанка и не римлянка, а просто придворная дама!—закричалъ Раевскій, дрожа отъ негодованія.

Статсъ-дама величественно поднялась съ мѣста и начала прощаться съ хозяйкой. Обнявъ Марью Николаевну и протянувъ сморщенную маленькую ручку для поцѣлуя Ѳедору Михайловичу и Александру Раевскому, она обратилась къ старому генералу со словами:

— Не старайтесь передавать вашъ геройскій духъ своей престелной дочери: повѣрите старой придворной дамѣ, вы за это заплатите: она способна увлечься имъ и зайти далеко.

Слова эти старикъ Раевскій долго потомъ вспоминалъ, когда Марья Николаевна, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, пошла за мужемъ въ Сибирь, но съ этихъ поръ называлъ старую оберъ-гофмейстерину не иначе, какъ «скверной Волконской бабой».

Лушковъ еще оставался нѣсколько времени въ обществѣ Раев-

скихъ, увлекаясь воспоминаніями стараго боевого генерала, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ нѣкоторое время въ заграничной кампаніи. Уходя статсъ-дамы подѣйствовали на Николая Николаевича успокоительно. Говоря о декабристахъ, онъ жалѣлъ о ихъ неразуміи и думалъ, что бунтъ ихъ заставитъ новаго государя сурово править государствомъ, къ чему онъ и безъ того склоненъ по своему характеру. «Ищутъ для новаго царствованія,—говорилъ онъ:—другого Аракчеева, а о реформахъ поговорятъ изъ приличія, и тѣмъ дѣло кончится». Старикъ по долгой своей службѣ зналъ хорошо новыхъ приближенныхъ императора, саркастически отзывался о ихъ способностяхъ и честности, но думалъ, что втораго Аракчеева во всякомъ случаѣ едва ли найдутъ, потому что среди нихъ нѣтъ ни одного, кто равнялся бы съ оставнымъ временщикомъ по трудолюбію, уму и денежной честности. «Будетъ развѣ,—добавилъ онъ,—только Klein-Аракчеевъ по части угодничества—Клейнмихель, уже прославившійся предательствомъ своего грузинскаго благодѣтеля».

— Покойный государь,—заклучилъ Раевскій,—не любилъ явнаго холопства, потому что сознавалъ, что оно унижаетъ его самаго. Боюсь, что теперь холопы будутъ въ большомъ ходу подъ покровомъ личнаго усердія. Правды государь слышать не будетъ, и дѣла пойдутъ еще хуже, чѣмъ при покойномъ государѣ.

Лушковъ просилъ у Николая Николаевича совѣта по дѣлу Невѣрова, честью завѣряя въ невинности своего будущаго зятя. Отвѣтъ Раевского былъ неутѣшителенъ.

— Слѣдствіе,—сказалъ онъ, сдвигая свои сѣдые брови,—ведетъ самъ государь черезъ особый слѣдственный комитетъ, члены котораго менѣе всего думаютъ о справедливости. Заключеннымъ не дано никакихъ способовъ для защиты и для провѣрки показаній, на основаніи которыхъ рѣшена будетъ ихъ участь. А что эти показанія будутъ часто противорѣчивы и лживы, объ этомъ нечего и говорить по склонности человѣческой обѣлять себя, навлекая несчастіе на другихъ и увеличивая ихъ вину. Да, сидя въ крѣпостномъ казематѣ въ одиночномъ заключеніи, чего только не выдумаешь и не вслепнешь даже на самого себя? Трудно что-либо посовѣтовать. Все въ волѣ государя и, пожалуй, въ волѣ Бенкендорфа, пользующагося огромнымъ его довѣріемъ, но на пѣмца этого, конечно, рассчитывать нечего... Слѣдствіе идетъ неправильно и потому,—добавилъ Раевскій:—что многіе изъ виновныхъ уже прощены: ихъ даже не привлекли къ слѣдствію, по личнымъ уваженіямъ, а ихъ показанія были бы, можетъ статься, полезны для обвиненныхъ. Вотъ наша придворная дама не хочетъ даже слова замолвить о своемъ сынѣ, князѣ Сергѣѣ, а вы слышали, что сдѣлалъ генераль-отъ-кавалеріи Депрерадовичъ, мой старый сослуживецъ? И насмѣшилъ государя, и сына спасъ.

— Ахъ, Николай Николаевичъ, зачѣмъ это рассказывать?— возмутилась Анна Михайловна.

— Ничего, матушка, и, по-моему, поступокъ Депрерадовича быть даже достоинъ уваженія,—отвѣчала Раевскій, взглянувъ насмѣшливо на сына.—Депрерадовичъ принималъ самъ участіе въ заговорѣ противъ Павла, а затѣмъ въ царствованіе его сына, командуя Кавалергардскимъ полкомъ, умѣлъ заслужить расположеніе всей царской семьи. Когда узналъ онъ теперь, что сынъ его, гвардейскій офицеръ, арестованъ по дѣлу 14-го декабря, онъ прямо идетъ къ государю и проситъ позволенія расправиться съ нимъ по-отцовски, не допуская до слѣдствія. «Что же ты сдѣлаешь?» спросилъ государь.—«Да высѣку его у себя дома предъ всѣми домашними». Сына ему отдали, и папаша дѣйствительно высѣкъ его, и пребольно, предъ собраніемъ домочадцевъ. Затѣмъ перевели его на службу въ провинціи, и дѣло съ концомъ.

— Папа,—сказала, вдругъ оживляясь, Марья Николаевна:— ты говорилъ, что Бенкендорфъ имѣеть огромное вліяніе, но Serge вѣдь служилъ съ нимъ въ двѣнадцатомъ году, былъ съ нимъ друженъ всегда и имѣеть о немъ самое хорошее мнѣніе.

— Сергѣй очень былъ довѣрчивъ, а Бенкендорфъ радъ былъ дружить съ княземъ Волконскимъ, зять котораго былъ начальникомъ главнаго штаба, а мать—первой оберъ-гофмейстериной двора, Машенька,—печально отвѣчала старикъ.—При Александрѣ, даже будучи въ фаворѣ, нѣмцы старались заискать въ русскихъ аристократическихкихъ кругахъ, ну, а теперь, когда они сами заняли первыя мѣста, они съ ними не церемонятся, напротивъ, будутъ стараться совсѣмъ ихъ оттѣснить, оставляя такихъ, какъ княгиня Александра Николаевна, для приличія. Несчастье Сергѣя именно въ томъ, что у него такая мать, которая только живетъ и дышитъ дворомъ. Кто же можетъ хлопотать о Сергѣѣ, когда молчитъ сама родная мать? Она тѣмъ мѣшаетъ говорить о немъ и Софьѣ Григорьевнѣ, и князю Петру Михайловичу, зато пастилу посылаетъ: какая любовь,—скажутъ при дворѣ,—какія чувства!

— Правда, правда,—сокрушенно отозвалась Анна Михайловна, видя въ этомъ оправданіе для брата.

— Признаюсь,—продолжалъ Раевскій:—я прямо сказалъ Бенкендорфу при встрѣчѣ съ нимъ во дворцѣ, что мой зять, Сергѣй Волконскій, надѣется на его предстательство и дружбу. Знаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ? Что государственный преступникъ другомъ его быть не можетъ, а ходатайствовать о немъ должна прежде всего его мать, стать-дама, княгиня Александра Николаевна. «Если же она этого не дѣлаетъ,—прибавилъ онъ не безъ ехидства:—то, значить, считаетъ его достойнымъ постигшей его участи». О, какъ я сожалѣю, что не могъ ему отвѣтить должнымъ образомъ! Я, скажу

прямо, не очень люблю князя Сергѣя, но всеобщее предательство по отношенію къ нему меня глубоко возмущаетъ.

— Папа,—сказала Марья Николаевна, прижимаясь къ его щекамъ:—зато его жена, а твоя дочь, исполнить свой долгъ.

— Ахъ, какъ я боюсь этого, Машенька!—вскричалъ старикъ, и въ его голосѣ послышались слезы.—У тебя, Маша, вѣдь есть другой долгъ, другія обязанности: у тебя младенецъ-сынъ!

VIII.

Два дня провелъ Невѣровъ въ ужасной своей камерѣ въ полномъ одиночествѣ. На третій день утромъ явился къ нему важный, рослый, лѣпообразный священникъ съ золотымъ наперснымъ крестомъ и съ орденомъ на груди: это былъ священникъ Казанскаго собора Мысловскій. Петръ Петровичъ былъ страшно обрадованъ его приходомъ, въ надеждѣ облегчить свою душу въ разговорѣ съ этимъ почтеннымъ лицомъ, повѣрить ему свои мысли и чувства.

— Благословите, батюшка!—вскричалъ онъ, поднимаясь съ постели.

Священникъ съ видимою неохотой перекрестилъ его и, оглядываясь на дверь, началъ елеиннымъ голосомъ:

— Сынъ мой! Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ посѣщалъ темницы, и я, служитель вѣры, пришелъ утѣшить скорбящаго въ заточеніи, подать спасительный совѣтъ погибающему. Юный монархъ нашъ съ истиннымъ прискорбіемъ взираетъ на такое великое число жертвъ и не ищетъ обвиненія. Онъ только хочетъ, чтобы чистосердечнымъ раскаяніемъ вы дали ему случай къ милосердію и облегченію вашей участи...

И долго Мысловскій говорилъ на эту тему мягкимъ, проникновеннымъ голосомъ, подкрѣпляя свои слова отъ времени до времени послушной ему слезою. Рѣчь эта была затвержена Мыловскимъ наизусть, потому что, по должности увѣщателя, она говорилъ ее поочередно всѣмъ заключеннымъ со всѣми тоже привычными ораторскими приемами, но на новичковъ она производила свое дѣйствіе. Невѣровъ выслушалъ всю проповѣдь священника съ умиленіемъ и затѣмъ кратко сказалъ ему, что онъ въ показаніяхъ своихъ былъ искрененъ и даже больше, чѣмъ нужно. Едва онъ произнесъ это, какъ священникъ быстро сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, надѣйтесь на монаршее милосердіе.

И, повернувшись, вышелъ, не теряя ни одной секунды и не давъ Невѣрову возможности вступить съ нимъ въ бесѣду: ему нужно было обойти всѣхъ заключенныхъ.

Въ два часа дня плацъ-майоръ Подушкинъ явился къ Невѣрову, завѣсилъ ему лицо платкомъ, вывелъ на дворъ и повезъ. Минуты черезъ двѣ сани остановились, и Невѣрова ввели по крыльцу

въ довольно обширную залу, въ которой ширмы образовывали небольшую переднюю. Здѣсь сняли съ него платокъ. Прошло болѣе получаса томительнаго ожиданія, но когда раздался возгласъ: «Пожалуйте!» на Невѣрова снова накинули платокъ, прошли нѣсколько комнатъ и остановились въ большой комнатѣ, гдѣ находился присутственный столъ, покрытый краснымъ сукномъ и окруженный креслами, а возлѣ него—небольшой столикъ, за которымъ возсѣдалъ съ гордо закинутой назадъ головою третій слѣдователь, генераль-адъютантъ Чернышевъ.

Когда подвели къ столику Невѣрова, Чернышевъ приказалъ снять съ него платокъ и медленно, внушительно сказалъ арестованному:

— Милостивый государь! вы въ первомъ своемъ показаніи генералу Бенкендорфу отrekliсь отъ принадлежности къ тайному обществу, а затѣмъ показали генералу Левашеву, что вы знали о покушеніи на цареубійство. Этого недостаточно... Вы должны показать всю истину, открыть всѣхъ членовъ общества и объявить во всѣй подробности все, что вы знаете. Комитету уже все извѣстно; онъ желаетъ дать вамъ способъ заслужить облегченіе участи вашимъ искреннимъ и чистосердечнымъ признаніемъ.

— Но я уже показалъ все, что мнѣ было извѣстно,—отвѣчалъ Невѣровъ:—и, кромѣ этого чистосердечнаго показанія, мнѣ болѣе уже нечего показывать.

— Вы думаете этимъ отдѣлаться! Знайте, милостивый государь, что, если вы рѣшитесь упорствовать, я вамъ представлю двадцать свидѣтелей, которые убѣдятъ васъ. Тогда не надѣйтесь на милость, пощады вамъ не будетъ!

Невѣровъ улыбнулся въ лицо генералу.

— Вы смѣтаетесь?—закричалъ Чернышевъ.—Вы еще осмѣливаетесь смѣяться?

— Ваше превосходительство,—тихо и покорно проговорилъ Невѣровъ:—я не смѣюсь, но не могъ не улыбнуться тому, что вы страшаете меня двадцатью свидѣтелями, когда, кромѣ Благушина, никто противъ меня свидѣтельствовать не можетъ.

— Хорошо, вы завтра будете имѣть съ нимъ очную ставку,—смягченнымъ тономъ объявилъ ему Чернышевъ.

Плацъ-майоръ Подушкинъ отвезъ заключеннаго обратно при тѣхъ же предосторожностяхъ. При выходѣ изъ саней онъ просто сказалъ ему:

— Съ завтрашняго дня вы будете кушанье получать изъ моей кухни.

Еще болѣе удивился Невѣровъ, когда увидѣлъ, войдя въ камеру, что унтеръ-офицеръ, отогнувъ уголь его спальнаго мѣста, положилъ подъ него какую-то бумагу. По его уходѣ онъ бросился къ ней и прочелъ при слабомъ свѣтѣ, проникавшемъ въ окно: «Пріѣхалъ,

буду видѣться. Молчи и жди. Л.». По почерку онъ узналъ, что это былъ Лушковъ. Радости его не было границъ: теперь онъ не одинъ въ этой ужасной петербургской пустышѣ.

Наступилъ вечеръ, но Невѣровъ, лежа на своемъ одрѣ страданія не могъ уснуть. Обыкновенно при тускломъ свѣтѣ ночника онъ разсматривалъ выползавшихъ отовсюду своихъ товарищей по камерѣ, наблюдая за ихъ жизнью:—то были красивые муравьи, черные тараканы, сверчки, мокрицы и мыши. Теперь ему было не до наблюдений. Онъ старался остановиться мыслью на Благушинѣ и на очной ставкѣ съ нимъ, которая предстояла ему завтра. Какъ дать ему понять, что его собственный интересъ требуетъ, чтобы онъ подтвердилъ его показаніе; что при «чистосердечномъ» раскаяніи ихъ обоихъ помилуютъ? Наконецъ, если Благушинъ былъ пьянъ при томъ ужасномъ свиданіи съ нимъ, то онъ не помнитъ, конечно, всего происходившаго и не догадается, что онъ, Невѣровъ, умышленно лжетъ, чтобы только скорѣе выйти изъ каземата. «Боже, Боже, просвѣти, наставь меня!» думалъ и бормоталъ про себя несчастный офицеръ. Мысль его обращалась и къ старику Лушкову. Какъ онъ проникнетъ къ нему и какія вѣсти привезетъ онъ о Наташѣ? Съ мыслью о ней онъ наконецъ забылся и заснулъ тяжелымъ, кошмарнымъ сномъ.

На другой день утромъ плацъ-майоръ Подушкинъ опять повезъ его въ таинственное присутствіе, гдѣ опять ожидалъ его Чернышевъ. Онъ уже допрашивалъ Благушина, требуя, чтобы онъ сознался въ томъ, что показывалъ Невѣровъ. Тщетно Благушинъ отрицалъ справедливость показанія Невѣрова, утверждая, что онъ никогда не сообщалъ ему о намѣреніяхъ общества, тѣмъ болѣе о царевичевѣ Чернышевѣ, утомленный кажущимся его запирательствомъ, сказалъ ему, наконецъ:

— Неужели вы, милостивый государь, думаете, что Невѣровъ ложно показалъ на самого себя? Этого не можетъ быть! Вы упорствуете, и онъ васъ въ томъ уличить.

Когда Невѣрова ввели въ присутствіе и онъ увидѣлъ Благушина, то хотѣлъ броситься къ нему на шею, сознаться ему въ своей лжи и малодушіи. Но Чернышевъ уже протягивалъ ему его роковое показаніе и грознымъ голосомъ спрашивалъ:

— Это ваша подпись?

— Моя.

— Вы подтверждаете ваше показаніе?

Послѣ секунды колебанія Невѣровъ отвѣчалъ:

— Да, подтверждаю.

— Такъ потрудитесь, милостивый государь, подробно напомнить господину Благушину, при какихъ обстоятельствахъ вели вы разговоръ свой съ нимъ и въ чемъ именно онъ состоялъ.

Сначала при разказѣ Невѣрова Благушинъ утвердительно кивалъ головой, но потомъ сталъ съ удивленіемъ смотрѣть то на него, то на Чернышева, и наконецъ, когда разказъ кончился, онъ воскликнулъ:

— Но это неправда, все это выдуманно!

Невѣровъ, заикаясь, снова сталъ напоминать будто бы подлинныя слова Благушина и обстоятельства, при которыхъ они были сказаны. Благушинъ все время смотрѣлъ на него съ крайнемъ изумленіемъ, какъ на помѣшаннаго. Даже Чернышевъ, тщательно слѣдившій за ходомъ очной ставки, началъ заподозрѣвать что-то неладное. Наконецъ Невѣровъ, окончательно вошедшій въ свою роль обличителя, близко подошелъ къ Благушину и сказалъ ему, подмигивая:

— Полно, Благушинъ, нечего дѣлать, надо признаться!

Продолжая смотрѣть на товарища широко открытыми глазами, Благушинъ пожалъ плечами и, обратившись къ Чернышеву, сказалъ:

— Ничего не понимаю, ваше превосходительство, можетъ быть, я дѣйствительно все это забылъ.

Обоимъ офицерамъ дали подписать протоколъ ихъ очной ставки, и затѣмъ ихъ опять развезли по казематамъ.

При входѣ въ камеру унтеръ-офицеръ, загадочно улыбаясь, сообщилъ заключенному, что завтра ему будетъ уже позволено выйти на прогулку. Невѣровъ и въ этомъ увидѣлъ благопріятное послѣдствіе чистосердечныхъ своихъ признаній.

На другой день, около двѣнадцати часовъ, Невѣрова, въ сопровожденіи дежурнаго унтеръ-офицера, того самаго, который сообщилъ ему наканунѣ о позволеніи гулять, дѣйствительно вывели на свѣжій воздухъ. Крѣпостная площадь, гдѣ высится Петропавловскій соборъ, была почти пуста; лишь кое-гдѣ проходили полдничать рабочіе и солдаты. Невѣрова повели къ гласису крѣпости, и тамъ, на берегу Кронверкскаго протока, онъ увидѣлъ въ зипунѣ и сапогахъ бутылками... Лушкова! Унтеръ-офицеръ отсталъ отъ своего арестанта и отошелъ въ сторону.

Федоръ Михайловичъ взялъ Невѣрова за руку и сказалъ:

— Намъ дано только пять минутъ. Время дорого. Объясни скорѣе, какъ твое дѣло.

— Ни въ чемъ не виноватъ, но во всемъ чистосердечно сознался, — отвѣчалъ Невѣровъ, охваченный радостнымъ волненіемъ при видѣ Лушкова, не соображая нелѣпости своихъ словъ.

Федоръ Михайловичъ дѣйствительно посмотрѣлъ на него, какъ на помѣшаннаго, и не сразу отвѣтилъ ему.

— Милый, бѣдный Петръ Петровичъ, — сказалъ онъ. — Вотъ тебѣ бумага, карандашъ, напиши все, отдай унтеру этому, а послѣ-завтра тебя опять выведутъ сюда же, мы и поговоримъ. Юлія Петровна и Наташа, — тутъ у Лушкова голосъ дрогнулъ при воспомин-

націи о бѣдной дѣвушкѣ,—тебѣ кланяются и просятъ крѣпиться, быть бодрымъ. Они надѣются видѣть тебя опять въ деревнѣ.

Невѣровъ широко улынулся и обнялъ Лупшкова.

— Еще бы! Какъ выпустятъ, сейчасъ же поѣду, съ вами же, Ѳедоръ Михайловичъ. Вы меня подождете?

— Понятно. И вы надѣетесь, что скоро дѣйствительно все выяснится?

— Все выяснится, Ѳедоръ Михайловичъ, все выяснится! Тутъ главное, вы сами понимаете, чистосердечное признаніе.

Но унтеръ-офицеръ, крикнувъ, уже подходилъ къ своему арестанту, и Лупшковъ, дѣлая видъ, что прогуливается, медленно и грустно пошелъ къ крѣпостнымъ воротамъ.

По приходѣ домой Ѳедоръ Михайловичъ приказалъ позвать къ себѣ Григорія Семенова.

— Еще разъ большое спасибо тебѣ, Григорій Иванычъ. Все прошло какъ по-писанному. Только, конечно, мало времени говорить.

— Точно, самая малость, да дюже опасно. Да вы, баринъ, послѣ-завтра еще его увидите, а потомъ, Богъ дастъ, и кажинный разъ на прогулку ходить будете, когда, то-ись, караульные свои люди будутъ.

— Такъ, такъ... А вотъ что, Григорій Иванычъ... Станный онъ какой-то сталъ, Петръ Петровичъ! Будто онъ—и не онъ. И радуется, а между тѣмъ смотритъ жалко, жалко... Говоритъ, что его скоро выпустятъ, а чувствуешь, что онъ будто не вѣритъ въ это...

— Понимаю, Ѳедоръ Михайловичъ, о чемъ вы изволите говорить. Это всегда такъ, на арестантскомъ положеніи... Вы сами посудите... День и ночь сидитъ это одинъ-одинешенекъ или лежитъ въ камерѣ, гдѣ и повернуться-то негдѣ. Сидитъ это и все думаетъ, думаетъ, а ему, горемычному, и поговорить не съ кѣмъ, а чтобы читать что аль писать—на то разрѣшеніе требуется, когда начальство довольно имъ будетъ. Ну, и мысли невеселыя, черныя. Однавъ выпустили арестанта изъ раскольниковъ, что два года такъ просидѣлъ, вышелъ оттуда бѣлый, бѣлый,—а молодой былъ,—пришелъ ко мнѣ, говорить не говорить, а лопочеть, чрезъ два слова на третьемъ заикается. А дѣло простое—слова позабылъ, въ скотину обращается.

— Можетъ быть, и такъ, Григорій Ивановичъ. Да только что-то скоро. Вѣдь онъ и пяти дней не сидитъ...

— А все же и допрежь этого подъ арестомъ былъ... Везли-то сюда... Дитѣ барское, балованное... Ему-то и невдомекъ то было, какъ и что попричилось. А выйдутъ они изъ крѣпости, такъ вы, баринъ, и не узнаете, не налюбуетесь.

— Давай Богъ, давай Богъ!—говорилъ Ѳедоръ Михайловичъ, но слова Григорія Иваныча вовсе его не утѣшили: очень ужъ больно было ему увидѣть Невѣрова въ такомъ жалкомъ положеніи.

Отпустивъ своего хозяина и помощника, Лупковъ сѣлъ писать письмо женѣ въ деревню. Для пущей вѣрности онъ отправлялъ его съ Прохоромъ, а не почтой, гдѣ въ то время письма часто «перлюстровались» правительствомъ. Онъ сообщалъ, что видѣлъ Петра Петровича, что онъ здоровъ и что его скоро, вѣроятно, освободятъ и самъ Федоръ Михайловичъ съ нимъ пріѣдетъ. Въ концѣ письма онъ говорилъ Юліи Петровнѣ: «Мы, любушка, столько лѣтъ счастливы были вдали отъ свѣта шумнаго, а здѣсь, Господи, на этомъ торжищѣ житейскомъ, сколько горя перемыкано, сколько слезъ переплакано... Молись Богу за меня, грѣшнаго, и за Петра Петровича съ Наташенькой, да подастъ Богъ имъ милость!» Прохора онъ наказывалъ прислать съ отвѣтомъ обратно въ Петербургъ.

IX.

Прошло съ этого времени уже три недѣли. На дняхъ только привезли изъ Таганрога тѣло почившаго тамъ императора Александра Павловича и похоронили въ Петропавловскомъ соборѣ съ великой церемоніей. Давно уже уѣхалъ Раевскій-старикъ и предъ отъѣздомъ прислалъ къ Федору Михайловичу звать прощаться. Да Федоръ Михайловичъ никуда не могъ итти: почти двѣ недѣли пролежалъ въ горячкѣ, отъ «воспаленія крови», какъ объяснилъ позванный Григоріемъ Иванычемъ лекаръ, выкрестъ Эльканъ. Только теперь Федоръ Михайловичъ сталъ поправляться, но былъ еще очень слабъ, и лекаръ запретилъ его тревожить. И отъ графа Алексѣя Федоровича былъ курьеръ, тоже съ зовомъ къ графу, но Григорій Иванычъ даже не допустилъ его къ Федору Михайловичу, а велѣлъ сказать, что какъ только баринъ поздоровѣетъ, то сейчасъ же самъ явится къ его высокографскому сіятельству. А хозяйка Григорія Иваныча денно и ночью не отходила отъ постели больного, ловко и усердно исполняя всѣ элькановскія предписанія.

Что же случилось съ Федоромъ Михайловичемъ? Лекаръ говорилъ, что болѣзнь произошла отъ дурной погоды и неосторожности больного во время переѣздовъ чрезъ Неву, но Григорій Иванычъ былъ того мнѣнія, что никакая поѣздка не сломала бы его крѣпкаго барина, если бы не горевалъ онъ и не плакалъ о Петрѣ Петровичѣ, скончавшемся волею Божіею въ крѣпости и похороненномъ гдѣ-то у Спаса на Колтовской. До нѣкоторой степени именно себя признавалъ виновникомъ смерти Петра Петровича Федоръ Михайловичъ и, уже приходя въ сознаніе, съ тоской вспоминалъ, какъ неумѣло, какъ грубо отнесся онъ къ бѣдному Невѣрову, который уже въ первое свиданіе съ нимъ обнаруживалъ признаки душевной болѣзни. О, онъ долженъ былъ знать это, долженъ былъ бѣжать умолять Орлова, Бенкендорфа, самого, наконецъ, государя, о выдачѣ ему Невѣрова на поруки и лечить его! Бѣдный умъ Петра Петровича, слабые

его нервы не выдержали тяжести обрушившагося на него испытанія, и онъ, невинный агнецъ, палъ жертвой людской черствости, всего ужаса государственныхъ нестроений и безпредѣльнаго человѣческаго эгоизма. «Это—мученикъ, вѣнецъ святости ему уготованъ!» думалъ Ѳедоръ Михайловичъ. Безъ слезъ не могъ онъ вспоминать о словахъ Петра Петровича: «Все выяснится, все выяснится!» Да, все выяснилось для него, бѣднаго, лежащаго въ болотистой петербургской могилѣ и ставшаго вѣкъ досягаемости Бенкендорфовъ, Чернышевыхъ и прочихъ, имъ подобныхъ! Но Ѳедору Михайловичу казалось почему-то, что еще не все выяснилось для него самого, что ему что-то нужно сказать, что-то сдѣлать. Этой мысли предавался онъ безпрестанно, придя въ сознаніе и медленно возстановляя утраченныя силы.

Просто говоря, Невѣровъ заболѣлъ душевной болѣзнью, по всей вѣроятности, маніей преслѣдованія, и разбилъ себѣ черепъ о сосновое бревно своей кѣтки. Люди нашего вѣка сказали бы, что духовная его организація, сама по себѣ очень нѣжная и тонкая, оказалась не приспособленной къ борьбѣ за существованіе въ тотъ бездушный, желѣзный вѣкъ, но въ документѣ того времени было просто сказано, что Петръ Петровичъ разбилъ себѣ голову «по слабоумію». Дѣйствительно, Невѣровъ никакъ не могъ себѣ уяснить, за что онъ, такой мирный и добрый человѣкъ, схваченъ, посаженъ въ казематъ и, не чувствуя за собой никакой вины ни дѣломъ, ни помышленіемъ, вдругъ долженъ былъ «чистосердечно» лгать на самого себя, на товарища и въ концѣ концовъ сидѣть въ каменномъ мѣшкѣ, обитомъ вмѣсто обоевъ бревнами. Особенно мучительна была невозможность выяснить это тогда, когда на данной ему Ѳедоромъ Михайловичемъ бумагѣ онъ сталъ пробовать послѣдовательно изложить происшедшее съ нимъ ужасное приключеніе для Ѳедора Михайловича: самое слово «чистосердечно» стало казаться ему какимъ-то капканомъ или тигромъ, грозящимъ ему задушеніемъ, а «чистосердечное признаніе» доводило его до бѣшенства. Ему стало казаться, что изо всѣхъ угловъ его каморки, почему-то превратившейся въ огромную залу, выглядываютъ какія-то фигурки, похожія на Бенкендорфовъ, Чернышевыхъ и т. д., высываютъ ему языкъ и кричатъ: «чистосердечное, чистосердечное!», а Благушинъ, стоя въ дверяхъ, въ затрапезномъ халатѣ и кандалахъ, укоризненно качаетъ головой и повторяетъ: «предатель, предатель!» Утромъ на слѣдующій день онъ нѣсколько пришелъ въ себя, закончилъ и отдалъ унтеру письмо къ Ѳедору Михайловичу и написалъ черезъ Подушкина письмо къ Чернышеву, сообщая, что онъ все наплелъ на себя и Благушина изъ желанія быть «чистосердечнымъ», какъ того требовало начальство, но не по собственному чистосердечію. Къ вечеру у Петра Петровича начались новыя галлюцинаціи по случайному поводу. У него оказались сосѣди—вновь привезен-

ные арестанты, посаженные въ пустыя клѣтки, бывшія по обѣ стороны его жилища. Они, очевидно, были люди, приспособленные къ желѣзному вѣку или смотрѣвшіе на постигшую ихъ неприятность, какъ на нѣчто весьма временное. Одинъ изъ нихъ началъ читать вслухъ изъ Священнаго Писанія, другой свистѣлъ и распѣвалъ:

Сгинуть герои
 Въ далекихъ странахъ;
 Земля чужая
 Скроетъ ихъ прахъ;
 Не озарятся
 Солнцемъ роднымъ,
 Не примѣстятся
 Къ предкамъ своимъ.
 Но не чужіе
 Будутъ и тамъ:
 Тамъ имъ родные
 Всѣ по душамъ.

Вслѣдъ за тѣмъ они оба стали выстукивать въ стѣны камеры Петра Петровича, чтобы открыть съ нимъ сообщеніе. Невѣровъ вообразилъ, что это даютъ о себѣ знать «чистосердечные» шпіоны. Онъ подумалъ: «Поютъ, свищутъ, стучать! Не можетъ быть, чтобы это были такіе же несчастные, какъ я! Это — шпіоны, подосланные Чернышевымъ! Но отъ меня имъ нечего узнавать: я буду нѣмъ, какъ рыба». И Невѣровъ притаился, затушивъ ночникъ. Между тѣмъ стучи прекратились... Вдругъ, къ ужасу Петра Петровича, стѣны каморки рушились, и самъ Чернышевъ съ Бенкендорфомъ, Кончіяловымъ и Подушкинымъ бросились къ его кровати съ крикомъ: «Давай чистосердечное признаніе!» Невѣровъ, залѣзшій было подъ кровать, бросился къ двери, но она оказалась запертой, и онъ головой сталъ колотиться о притолку, чтобы ее вышибить... Утромъ, когда унтеръ-офицеръ вошелъ въ клѣтку Невѣрова, трупъ его, уже похолодѣвшій, лежалъ во всю длину его послѣдняго жилища. Стѣны клѣтки были цѣлы, а сосѣди Невѣрова, не подозрѣвавшіе о происшедшей трагедіи, попрежнему дѣли и свистѣли, хотя и не такъ весело и беззаботно, какъ наканунѣ.

Федоръ Михайловичъ долго думалъ, когда силы его возстановлялись, и часто молился предъ иконой Смоленской Божіей Матери, висѣвшей въ углу надъ его кроватью. Но вотъ Эльканъ позволилъ ему выйти на свѣжій воздухъ, и старикъ побѣжалъ къ Орлову. Тотъ же Евлампій привелъ его въ кабинетъ къ графу.

— Что съ тобой, голубчикъ?—вскричалъ графъ, увидѣвъ Лущкова.—Да ты постарѣлъ лѣтъ на двадцать!

— Такова, видно, воля Господня,—отвѣчалъ Федоръ Михайловичъ и рассказалъ Орлову все, происшедшее съ Невѣровымъ.

— Плохая исторія,—замѣтилъ Орловъ, перекрестившись.— А я, признаться, повѣрилъ было, услышавъ, что твой Невѣровъ во всемъ покаялся. Еще бы! Такому карасю да попасть въ зубы такимъ щукамъ! Очень, очень прискорбно! Но, можетъ быть, къ лучшему, что Господь прибралъ его къ себѣ. У насъ готовятся достойнымъ образомъ покарать всѣхъ этихъ прикосновенныхъ: Сибирь будутъ населять. Что же ты, братъ, домой поѣдешь теперь?

— Нужно ѣхать, да неохота,—произнесъ Ѳеодоръ Михайловичъ.— Чувствую я, что мертвый человѣкъ сталъ. Какое для меня счастье можетъ быть теперь, насмотрѣвшись и наслышавшись всякихъ ужасовъ? И съ чѣмъ домой я поѣду къ женѣ, сыну и дочери? Пусть они сами живутъ и благоденствуютъ: я имъ не буду помѣхой.

— Аль и ты, старина, рехнулся? Въ монастырь итти хочешь, что ли, о душѣ Невѣрова молиться?

— Нѣтъ, Алексѣй Ѳеодоровичъ, не то. Счастливъ я былъ, ахъ какъ счастливъ! Въ земной юдоли не можетъ такое счастье остаться безнаказаннымъ. И вотъ въ Невѣровѣ Богъ послалъ мнѣ предостереженіе: очнись, человѣче! И я слушаю Господа своего, внимаю премудрымъ Его велѣніямъ, хочу отвести гнѣвъ Его отъ жены и дѣтей моихъ, уйти отъ міра и зла его, отъ неправо правящихъ, блудно живущихъ, гордыню и мамону свою питающихъ. Уйду я въ поля и лѣса далекіе, къ людямъ простымъ и смиреннымъ дѣлать съ ними нужду и горе, чтобы жертвой своей искупительной безпрестанно молить Господа отвести горе отъ семьи моей, чтобы не была она наказана за мою гордыню и счастье. Нѣтъ, не въ монастырь пойду я!

— Да тебя, Ѳеодоръ Михайловичъ, звѣри лѣсные съѣдятъ,—сказалъ Орловъ, съ удивленіемъ смотря на Лушкова.— «Говорить со всѣмъкакъ Фотій сестрѣ моей Аннѣ»—пронеслось у него въ головѣ.

— Нѣтъ звѣря люте, какъ человѣкъ,—возразилъ Лушковъ.— И чѣмъ онъ мудре, богаче, сильнѣе, тѣмъ онъ люте, ибо и мудрость, и богатство, и сила его—все идетъ не на потребу человеческую, а на гибель и разореніе. Пришелъ, братъ, проститься съ тобою, ибо знаю я, что ты добръ душой и незлобивъ сердцемъ. И, уходя, прошу тебя, властнаго моего товарища, когда будетъ нужно, не оставь семьи моей безъ помощи.

Сказавъ это, Ѳеодоръ Михайловичъ поклонился Орлову въ ноги и затѣмъ тихо, не спѣша вышелъ изъ кабинета.

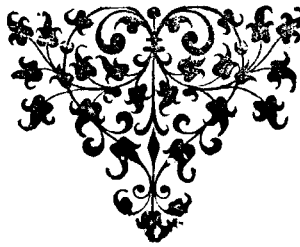
Черезъ нѣсколько дней Григорій получилъ вольную для себя и семьи своей, а также письмо для передачи изъ рукъ въ руки Юліи Петровнѣ. Вслѣдъ за тѣмъ на берегу Невы, у залива, найдены были шляпа и шинель, признанныя принадлежащими Ѳеодору Михайловичу, и было рѣшено, что онъ утонулъ въ Невѣ Божіимъ попуще-

шемъ. Въ семьѣ его служили о немъ панихиды. Только однажды, много лѣтъ спустя, странникъ изъ Сибири, шедшій чрезъ деревню Юліи Петровны въ Кіевъ на богомолье, остановился въ ея домѣ переночевать, былъ впущенъ старой хозяйкой въ столовую поужинать и, увидѣвъ на стѣнѣ портретъ Ѳедора Михайловича, всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Да это совсѣмъ нашъ благословенный старецъ Ѳедоръ, только молодой да здоровый!

Юлія Петровна поблѣднѣла и стала спрашивать странника о старцѣ Ѳедорѣ. Цѣлую ночь не спала она, убѣдившись изъ словъ странника, что старецъ Ѳедоръ былъ именно ея мужъ, столь таинственно исчезнувшій. Сама она по преклонности лѣтъ не могла уже ѣхать въ Сибирь, но послала туда сына и дочь къ старцу. Они видѣли его, получили его благословеніе для себя и для матери, но послѣднія услышанныя ими слова его были: «Скажите матери, что я умеръ для міра и молюсь за нее и за васъ!»

Е. Шумигорскій.

ВОСПОМИНАНІЯ К. А. МАННА.

(Вмѣсто предисловія).

ВЪТОМЪ 1882 г., когда я гостилъ у своего дяди, члена адмиралтействъ-совѣта Константина Александровича Манна, въ Павловскѣ, онъ впервые сообщилъ мнѣ, что въ его бумагахъ имѣются написанныя имъ воспоминанія, и при этомъ на случай какихъ-либо неожиданностей, казавшихся ему возможными при ненадежномъ состоянїи его здоровья, взялъ съ меня слово, что я черезъ 25 лѣтъ послѣ его смерти напечатаю эти воспоминанія. Посвящая меня въ дальнѣйшія подробности настоящаго дѣла, дядя объяснилъ, что воспоминанія имъ писались уже давно по поводу отдѣльныхъ наиболее яркихъ моментовъ въ его жизни, но что за послѣднее время онъ принялъ рѣшеніе собрать ихъ воедино въ хронологическомъ порядкѣ, наполнивъ образовавшіеся у него при отрывочномъ изложенїи пробѣлы и поведя разсказъ съ ранняго своего дѣтства. Однако судьба судила иначе: въ декабрѣ того же года дяди не стало, и перешедшія въ мое распоряженіе согласно его волѣ записки представляютъ собою связанное изложеніе лишь до 1850 года, все же позднѣйшее носитъ эпизодическій характеръ или является просто дневникомъ, въ которомъ отмѣчалось безъ разбора все, что останавливало на себѣ вниманіе покойнаго изъ области какъ общественной жизни, такъ и частной.

Въ текущемъ году со времени кончины моего дяди прошло уже не 25, а 34 года, но и такой продолжительный срокъ оказался еще недостаточнымъ для того, чтобы записки его могли быть напечатаны

полностью: въ нихъ, правда, въ немногочисленныхъ случаяхъ, но все-таки попадаются описанія событій и характеристики лицъ, оглашеніе которыхъ нынѣ должно быть признано и неудобнымъ, и несвоевременнымъ. Не желая, между тѣмъ, откладывать исполненіе своего обѣщанія на болѣе продолжительное время, такъ какъ, говоря словами поэта: *omnia sunt homini tenui pendentia filo*, я рѣшилъ приступить къ печатанію записокъ теперь же и, по отпечатаніи, передать оригиналъ на храненіе въ рукописное отдѣленіе императорской публичной библіотеки, дабы любознательный историкъ морского вѣдомства при встрѣтившихся сомнѣніяхъ могъ всегда провѣрить, правильно ли мною поняты крайне неразборчивый почеркъ покойнаго, а равно ознакомиться съ содержаніемъ тѣхъ мѣстъ, отъ опубликованія которыхъ, какъ я упомянулъ выше, я вынужденъ былъ отказаться.

Отношеніе мое къ подлиннику было самое консервативное. Оригиналъ мною воспроизведенъ чуть ли не фотографически, и мое вмѣшательство ограничивается лишь тѣми мѣстами, гдѣ задуманный, напр., покойнымъ въ началѣ періода оборотъ остался не доконченнымъ, или же выбранная имъ конструкція представляетъ собою явное нарушеніе грамматическихъ правилъ. Кромѣ того, тамъ, гдѣ сообщаемыя дядею свѣдѣнія, преимущественно изъ сферы семейной, находятся въ противорѣчій съ тѣмъ, что я слышалъ по тому же предмету отъ моего отца, Ипполита Александровича Манна, или же нуждаются нынѣ въ дополненіи подробностями, приведеніе которыхъ содѣйствуетъ лучшему уразумѣнію описываемаго событія и его послѣдствій въ настоящее время, я позволилъ себѣ дѣлать оговорки въ особыхъ примѣчаніяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что быстро наступившая кончина дяди помѣшала ему перечестъ и отредактировать написанное; она же остановила начатое имъ связное изложеніе на полдорогѣ.

Мемуары, какъ мы знаемъ, заключаютъ въ себѣ повѣствованія о событіяхъ, въ которыхъ сами авторы принималъ участіе, или которыя стали имъ извѣстны отъ очевидцевъ; они представляютъ собою историческій матеріалъ первостепенной важности тѣмъ болѣе, что многое, не нашедшее себѣ мѣста въ официальныхъ документахъ, можетъ быть замѣчено и передано потомству въ запискахъ современниковъ и очевидцевъ, и это въ особенности примѣнимо къ явленіямъ умственного развитія общества и частной жизни въ описываемое въ мемуарахъ время. Съ этой точки зрѣнія воспоминанія моего дяди имѣютъ неоспоримый интересъ. Что же касается вопроса о степени пристрастія авторовъ мемуаровъ въ описаніи или оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ событій или лицъ, который необходимо учесть при пользованіи такого рода источниками, то и въ этомъ отношеніи печатаемые ниже воспоминанія заслуживаютъ полнаго довѣрія: прямота, безкорыстіе и критическій умъ автора, а также суровая

требовательность къ своей работѣ, сведшая его преждевременно въ могилу, могутъ служить достаточной гарантіей достовѣрности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Нѣтъ человѣка, сколько-нибудь выдающагося изъ толпы, у котораго не было бы завистниковъ и враговъ. Такіе недоброжелатели существовали, и, можетъ быть, теперь еще существуютъ у моего дяди, въ виду быстро сдѣланной имъ блестящей карьеры и того выдающагося значенія, коимъ онъ пользовался въ морскомъ вѣдомствѣ. Тѣмъ не менѣе и подобныя лица, которыя мнѣ извѣстны и которыхъ я, однако, не называю, и тѣ не рѣшались упрекнуть моего дядю въ какомъ-либо безчестномъ поступкѣ или въ столь распространенномъ въ наши дни nepотизмѣ и лицепріятіи: онъ самъ умѣлъ работать и умѣлъ цѣнить работу своихъ подчиненныхъ, причемъ, отстаивая ихъ интересы, не разъ рисковалъ своею служебной карьерой. Этимъ объясняется добрая память, которую онъ оставилъ по себѣ въ канцеляріи морского министерства, когда былъ назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта. Слѣды его плодотворной дѣятельности сказались сверхъ того и въ администраціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и если его преемники не сумѣли или не захотѣли сберечь полученное отъ него наслѣдіе, въ этомъ онъ неповиненъ. Исторія отдастъ ему должное.

А. Маннъ.

I.

Первые годы жизни.—А. X. и Т. И. Манны.—Жизнь во Владимирѣ на Клязьмѣ.—Перевѣздъ въ Москву.—Смерть А. X. Манна и бѣдственное положеніе его семьи.—Дѣятельность Т. И. Маннъ.

Въ 1830 году 28 марта былъ тотъ злосчастный день, когда я появился на свѣтъ Божій. Если бы до этого событія спросили меня, желаю ли я появиться на свѣтъ, то, безъ сомнѣнія, я категорически отвѣтилъ бы: «нѣтъ, нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ!» По всей вѣроятности, я руководствовался бы при такомъ отрицательномъ рѣшеніи слѣдующими соображеніями. Я задалъ бы себѣ такіе вопросы: «для кого я нуженъ и что меня ожидаетъ на свѣтѣ?» и отвѣчалъ бы: «никому, рѣшительно никому я не нуженъ, и ожидаютъ меня—лишенія, бѣдность и нескончаемый трудъ». Въ самомъ дѣлѣ, я былъ четвертымъ ребенкомъ въ бѣдной чиновничьей семьѣ въ губернскомъ городѣ Владимирѣ на Клязьмѣ. Въ семьѣ уже были сыновья и дочь. Могли ли радоваться при такихъ обстоятельствахъ мои родители появленію лишней обузы? Отецъ мой, Александръ Христіановичъ Маннъ, былъ сыномъ шкипера шведскаго коммерческаго судна; онъ рано лишился отца, и его мать, Ульяна Андреевна, поступила боной, или попросту нянькой въ семейство барона Бюде.

При содѣйствіи послѣдняго отецъ мой былъ опредѣленъ въ лѣсной корпусъ въ окрестностяхъ С.-Петербурга, гдѣ и окончилъ курсъ. Такимъ образомъ онъ вышелъ изъ независимаго состоянія нѣмецкаго бюргера¹⁾, или, въ случаѣ перемѣны родины, русскаго ремесленника, снискивающаго честнымъ трудомъ, добросовѣстностью и аккуратностью своей работы хорошій кусокъ хлѣба себѣ и семейству. Онъ получилъ званіе, что называется, чиновника изъ нѣмцевъ, т. е. получилъ право на то, чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться не какимъ-нибудь зажиточнымъ сапожникомъ или столяромъ, а русскимъ дворяниномъ (въ то время даже чинъ коллежскаго асессора давалъ потомственное дворянство), у котораго нѣтъ ни кола, ни двора, который живетъ однимъ жалованьемъ и скудными подачками отъ правительства и дополняетъ недостатки своего содержанія болѣе или менѣе безгрѣшными поборами, т. е. мелкими взятками. Командированный по дѣламъ службы въ Тулу, Александръ Христіановичъ влюбился тамъ въ дочь чиновника мѣстнаго оружейнаго завода, Ивана Анисимовича Жураковскаго, происходившаго изъ старинной дворянской, но весьма обѣднѣвшей фамиліи Полтавской губерніи, Татьяну Ивановну. Красивое личико и прекрасный музыкальный талантъ Татьяны Ивановны, игравшей съ большимъ чувствомъ и смысломъ концерты Гуммеля и Фильда, плѣнили мечтательнаго Александра Христіановича, и онъ предложилъ ей руку и сердце. Долго раздумывать ни родителямъ, ни невѣстѣ не приходилось. У Ивана Анисимовича были три дочери, все невѣсты, и самыя скудныя средства къ существованію. Александръ Христіановичъ былъ красивъ собою, молодъ, и предложеніе было принято, хотя нельзя было не видѣть, что между женихомъ и невѣстой не было того сродства и единства душъ, которое такъ необходимо въ бракѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло быть общаго между мечтательнымъ, увлекающимся, читающимъ нѣмецкихъ поэтовъ художавымъ лютераниномъ и воспитанной въ глуши деревни и губернскаго города, дышащей здоровьемъ дворянской православной дѣвушкой?

По заключеніи брака молодому нужно было подумать, чѣмъ жить съ семействомъ, и вотъ отецъ мой бросаетъ свою лѣсную спеціальность и дѣлается виннымъ приставомъ въ губернскомъ городѣ

¹⁾ Это мѣсто «Воспоминаній» К. А. Манна, которое можетъ подать поводъ къ предположеніямъ относительно нѣмецкаго происхожденія моего дѣда, находится въ противорѣчьи съ тѣмъ, что я по этому предмету слышалъ отъ моего покойнаго отца Ипполита Александровича Манна, известнаго русскаго литератора и автора цѣлаго ряда драматическихъ произведеній, пользовавшихся въ свое время выдающимся успѣхомъ какъ на казенной сценѣ, такъ и на частной. Мой отецъ мнѣ неоднократно говорилъ, что мы приходимъ отъ англичанъ, и что наши предки въ царствованіе Екатерины Великой переселились въ Россію изъ Лондона. Смѣю думать, что мой отецъ, какъ старшій въ семьѣ, притомъ стоявшій гораздо ближе къ моему дѣду, чѣмъ младшій братъ, Константинъ, являлся въ данномъ случаѣ болѣе освѣдомленнымъ, А. М.

Владимирѣ на Клязьмѣ, т. е. принимаетъ мѣсто, соединенное съ окладомъ нищенскимъ, но все-таки дающимъ опредѣленное постоянное содержаніе и имѣющее нѣкоторые побочные доходы. Началась губернская жизнь со всею своею обычною обстановкою: вечеринками и закусками, визитами и сплетнями, родинами и крестинами. Домъ моихъ родителей считался пріятнымъ и гостепріимнымъ домомъ въ городѣ. Хозяйка принимала радушно и отлично усвоила себѣ секреты приготовления наливокъ и всякихъ печеній, соленій и вареній. Хозяинъ, т. е. мой отецъ, сроднившись со всѣми привычками, со всею обстановкою хлѣбосольства русской губернской жизни, не оставилъ и своихъ нѣмецкихъ склонностей. Пикники, фейерверки, музыкальныя и разныя другія вещи, соединенныя съ болѣе или менѣе значительными расходами, и неразлучный со всѣмъ этимъ пуншъ расширяли репертуаръ обыкновенной губернской жизни, истощали небольшія домашнія средства, наполняли домъ чужими посѣтителями и превращали жизнь моей матушки въ тяжелую работу. Сами губернаторы, графъ Апраксинъ и грекъ Курута, удаивались быть въ маленькомъ полунѣмецкомъ домикѣ. У матушки съ перваго же года замужества пошли дѣти, на ея рукахъ лежало все хозяйство, относительно котораго ея мужъ былъ очень требователенъ.

Первыя пять лѣтъ моей жизни, проведенныя мною въ богоспасаемомъ городѣ Владимирѣ на Клязьмѣ, не могутъ быть, само собою разумѣется, обильны воспоминаніями. Но чудная вещь эта фотографическая машинка, которая въ ребяческомъ возрастѣ отпечатлѣваетъ у насъ въ памяти разныя впечатлѣнія. Напримѣръ, понятно, что я могъ помнитъ что-нибудь изъ страшнаго пожара во Владимирѣ, когда меня съ братьями и сестрой возили куда-то на другой конецъ города по улицѣ, окаймленной горами раскаленныхъ угольевъ (мы, впрочемъ, не погорѣли). Тутъ могло быть сильное впечатлѣніе. Но почему изъ множества различныхъ предметовъ, окружавшихъ меня, я запомнилъ только красивые сафьянные сапоги старика Невьянта, нашего сосѣда, въ которыхъ онъ сидѣлъ у воротъ на завалинкѣ; почему изъ всего сада я помню лишь проходъ въ садъ къ сосѣду протопопу, устроенный чрезъ пень срубленнаго дерева; изъ всѣхъ окрестностей только осыпавшуюся дорожку на земляномъ городскомъ валѣ; изо всѣхъ дней только одинъ, когда матушку ожидали изъ церкви отъ говѣнья, а на столѣ къ обѣду былъ приготовленъ виноградъ, красиво уложенный солеными вишнями? Потомъ мои воспоминанія уже переносятъ меня на дорогу между Владимиромъ и Москвою, посреди луговъ, поросшихъ высокой травой. Я стою среди коляски. Матушка, тетка, бабушка, няня Матрена Борисовна—все вокругъ меня и всѣ надо мной смѣются. Что я сдѣлалъ, не знаю, но вижу ихъ, какъ теперъ. Вотъ и всѣ мои воспоминанія этихъ первыхъ лѣтъ.

Между тѣмъ въ судьбѣ нашего семейства произошелъ огромный переворотъ. Отецъ лишился покойнаго мѣста, кажется, вслѣдствіе передачи казенной продажи вина въ откупа и со всѣми чадами и домочадцами двинулся искать счастья и средствъ къ жизни въ Москву. А чадъ и домочадцевъ во время переселенія было много. Насъ, дѣтей, оказалось уже шестеро, тетушка и бабушка были также здѣсь, да еще присоединился учитель изъ семинаристовъ, Никифоръ Прокофьевичъ Левитскій, вдовецъ съ маленькой дочкой Ольгой. Онъ училъ моихъ старшихъ братьевъ, а тетушка Софья Ивановна ловила его въ свои сѣти. Онъ былъ неловокъ, дурень собой, безпрестанно харкалъ и плевалъ, но былъ человѣкъ умный, знающій и добрый. Вопросъ о бракѣ въ принципѣ былъ уже рѣшенъ, и Никифоръ Прокофьевичъ ѣхалъ въ Москву, чтобы также искать тамъ какого-нибудь мѣста и затѣмъ жениться. Итакъ, вся эта многочисленная семья съ няньками и мамками двигалась въ двухъ экипажахъ въ Москву, гдѣ отецъ уже нанялъ квартиру на площади у Сухаревой башни, по обыкновенію квартиру не по средствамъ, сравнительно дорогую и большую. Сквозь сумракъ отдаленнаго прошлаго вижу опять: мы пріѣхали въ Москву. Рыванъ разгружается передъ крыльцомъ; половина его населенія уже на лѣстницѣ, половина еще внизу. Таскаютъ узлы, корзинки, ящики. Вдругъ раздается около экипажа пронзительный дѣтскій крикъ. Оказалось, что няньки и мамки, занятые узлами, позабыли о своей питомицѣ, моей сестрѣ: послѣдняя забралась къ лошадямъ, и одна изъ нихъ ее лягнула. Къ счастью, все обошлось благополучно... Затѣмъ передо мною зимній, морозный день 5 января 1836 года. Въ сопровожденіи няни, Матрены Борисовны, я выхожу изъ полутемнаго коридора въ переднюю. Дверь отцовскаго кабинета открывается, и на порогѣ появляется его худая, высокая фигура. Это единственное сохранившееся у меня представленіе его образа. Кровь фонтаномъ бьетъ у него изо рта, и онъ, облокотившись рукою о притолку, дѣлаетъ рукою знакъ, чтобы ему помогли. Няня подымаетъ тревогу, его поддерживаютъ, приносятъ тазъ. Отецъ слабѣетъ, медленно опускается на руки окружающихъ и черезъ нѣсколько минутъ испускаетъ послѣдній духъ. Горловая чахотка, развивавшаяся уже нѣсколько лѣтъ, подкосила его вскорѣ по переселеніи въ Москву.

Положеніе матушки было ужасное. Не успѣвъ найти никакого казеннаго мѣста, отецъ кое-какъ перебивался въ Москвѣ уроками игры на фортепьяно. Это занятіе давало до такой степени скудныя средства, что послѣ его смерти во всемъ домѣ нашлась только одна такъ называемая въ то время «бѣленькая», т. е. ассигнація въ 25 рублей. На похороны кое у кого прихватили взаймы, но существовать многочисленному семейству рѣшительно было нечѣмъ. Наплись добрые люди, устроили лотерею въ пользу «бѣднаго семейства». Въ лотерею пошло охотничье ружье отца съ перевязью, вышитую

когда-то матушкою бисеромъ, ящикъ подъ стекломъ собственно-ручной работы отца съ высушенными бабочками, имъ же собранными, и еще какія-то мелкія вещицы. Но это принесло только нѣсколько десятковъ рублей, дало возможность сѣхъ съ дорогой квартиры и заткнуть кое-какія настоятельнѣйшія нужды. Средствъ было такъ мало, что, найдя крошечную дешевую квартиру въ другомъ концѣ города, матушка могла дать въ задатокъ только два двугривенныхъ.

И вотъ на многія и многія лѣта началось для всего семейства вообще и для каждаго его члена въ частности время непроглядной нужды, время заискиванія покровительства, время приниженія человѣческаго достоинства предъ взглядами богатыхъ и сильныхъ. Нужно было прокормить шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, дать имъ кровъ, одѣть ихъ и, наконецъ, воспитать—и все это на рукахъ тридцатилѣтней женщины, не имѣвшей ничего за собою, кромѣ музыкальнаго таланта. Матушка принялась за дѣло съ величайшею энергіею и выказала большой характеръ. Черезъ день или два послѣ похоронъ отъ семейства отдѣлилась тетушка Софья Ивановна. Въ виду затруднительности обстоятельствъ семейства пришлось ускорить ея свадьбу, и она съ мужемъ и падчерицей переѣхала на особую квартиру. Вскорѣ Левитскій получилъ мѣсто по почтовому вѣдомству, мѣсто цензора иностранныхъ газетъ, на которомъ и оставался весь свой вѣкъ, болѣе 35 лѣтъ. Матушка съ нами, мелкотою, и со свекровью перебралась на другую окраину города, на Пречистенку, въ Денежный переулокъ, въ домъ священника церкви Покрова въ Левшинѣ, въ крошечную квартирку изъ 4 комнатъ, и обшла тѣ немногіе дома, гдѣ давалъ уроки покойный мужъ, съ просьбою оставить за ней эти уроки. Просьба ея была исполнена, и вотъ мы получили хоть какой-нибудь кусокъ хлѣба. Но этихъ средствъ было крайне недостаточно даже для пропитанія семейства; о воспитаніи же нечего было и думать. Поэтому матушка начала хлопотать о помѣщеніи насъ въ разныя казенныя заведенія.

Старшему брату, Ипполиту, въ это время было 11 лѣтъ; онъ вышелъ уже изъ возраста, въ которомъ тогда принимали въ заведенія казеннокоштными. При томъ онъ былъ хорошо подготовленъ еще при жизни отца Левитскимъ и потому безъ затрудненія былъ опредѣленъ въ 1-ю гимназію приходящимъ. Одаренный живымъ умомъ и блестящими способностями, прилежный и благонравный, онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ класса и получилъ уроки, грошевыя, но обезпечивавшіе его одежду, книги и разныя мелкіе расходы. Его содержаніе съ перваго же времени почти ничего не стоило матушкѣ, кромѣ угла и куска хлѣба. При той страшной бѣдности, въ которой находилось семейство, немногіе рубли, зарабатывавшіеся братомъ самостоятельнымъ трудомъ, имѣли большое нравственное вліяніе какъ на него, такъ и на отношенія его

къ семейству. Онъ занялъ въ семьѣ почти независимое господствующее положеніе, привыкъ смотрѣть на себя, какъ на человѣка, которому другіе должны подчиняться. Эти первыя впечатлѣнія, безъ сомнѣнія, имѣли вліяніе и на дальнѣйшее развитіе его характера въ направленіи самоувѣренности.

Второй братъ, Николай, былъ живымъ портретомъ Василя Анисимовича Жураковскаго, дяди матушки, лихого кутилы и рубаки, охотника до краснаго словца. Василій Анисимовичъ очень много бурлилъ въ своей бурной жизни и, состоя на военной службѣ, пріобрѣлъ себѣ знаменитость въ окружающемъ губернскомъ муравейникѣ тѣмъ, что какъ-то подъ пьяную руку высѣкъ исправника. Его за это судили и разжаловали. Братъ Николай былъ по природѣ очень добрый и простой малый, но получилъ отъ своего двоюроднаго дѣда въ наслѣдство не только наружность, но и бурныя его склонности. Онъ былъ какимъ-то образомъ опредѣленъ въ такъ называемую Кремлевскую рисовальную школу и очень скоро началъ свои многоразличныя и своеобразныя похожденія, доставившія много горя матушкѣ.

Всѣхъ тяжелѣе была участь сестры Александры. Сперва ее пріютило знакомое по Владимиру семейство Гамбургеровъ, само имѣвшее также очень ограниченныя средства, а потомъ отдали въ казеннокоштыя воспитанницы въ училище при московскомъ воспитательномъ домѣ. Но такъ какъ туда принимались только незаконнорожденныя, то матушку уговорили допустить обманъ, объявивъ, что отдаваемая ею дѣвочка незаконнорожденная. Ее отдали за такимъ-то нумеромъ подъ именемъ мѣщанки Ивановой. Что должна была испытывать бѣдная матушка, отрекаясь отъ своего дѣтища, и какъ велика была нужда, чтобы заставить честную женщину принять на себя такое клеймо. И клеймо это было не только нравственное, но и выразилось въ вещественномъ знакѣ. Дѣвочкѣ дали какую-то костяшку съ нумеромъ, который и долженъ былъ обозначать ея общественное положеніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда дѣла матушки поправились, она рѣшилась взять дочь обратно домой, до окончанія ею курса наукъ въ училищѣ. Ей выдали обратно и костяшку съ нумеромъ. Съ негодованіемъ швырнула она костяшку на полъ, войдя въ квартиру. Я подыалъ ее, чтобы посмотрѣть, что это такое. «Оставь,—строго сказала она мнѣ.—Это позоръ твоей матери. Проклятыя не пощадили даже добраго имени женщины». Въ училищѣ учили прекрасно, и сестра обязана этому заведенію твердыми основами своего образованія, которыя помогли ей впоследствии издательскою дѣятельностью вывести свое собственное семейство изъ труднаго положенія. Но содержаніе было спартанское. Грубая и крайне недостаточная пища, грубая одежда, такое же обращеніе. Для примѣра укажу, что дѣвочекъ заставляли каждый вечеръ передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, спрыскивать про-

стыни на своихъ постеляхъ и распяливать ихъ булавками на тюфякахъ, которые были набиты соломой и имѣли для красы видъ круглыхъ валиковъ, чтобы онѣ не дѣлали морщинъ и складокъ. А такъ какъ воспитанницы не умѣли прыскать, то онѣ просто поливали простыни и такъ на мокромъ и спали. Впрочемъ, чаще приходилось спать на голомъ полу, такъ какъ удержаться всю ночь на верхушкѣ круглаго тюфячка было невозможно, и сонныя дѣвочки то и дѣло скатывались на полъ. Начальница училища Цеймернъ, пользовавшаяся за образцовую чистоту и порядокъ въ училищѣ, которые находилъ всегда императоръ Николай I, когда пріѣзжалъ въ воспитательный домъ, особеннымъ его расположеніемъ, загнала своимъ безсердечнымъ отношеніемъ къ дѣтямъ многихъ изъ нихъ въ могилу. Бѣдная сестра выдержала страшную горячку вскорѣ послѣ поступленія въ училище.

Другая сестра, малютка Анна, умерла отъ крупа черезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти отца. Затѣмъ оставались я и меньшей братъ Клавдій въ возрастѣ, когда еще никуда нельзя было сдать насъ. Однако и меня, и меньшого брата записали кандидатами въ Александринскій сиротскій институтъ или въ такъ называвшееся въ просторѣчїи «холерное заведеніе». Но очереди надлежало еще ожидать годы, а до поступленія въ училище насъ приходилось содержать дома.

Число уроковъ у матушки мало-по-малу начало увеличиваться. Ей помогло то обстоятельство, что двухъ ея ученицъ родители отдали въ Екатерининскій институтъ и выговорили, чтобы дѣвочки продолжали брать уроки музыки у моей матушки. Такимъ образомъ матушка сдѣлалась извѣстна въ институтѣ, и къ ней начали поступать тамъ одна ученица за другой. Но какъ матушкѣ приходилось ухаживать за классными дамами, по большей части старыми дѣвами, какъ переносить ихъ капризы! Плата въ институтѣ полагалась очень ограниченная, но ученицъ было много, и матушка была занята съ ранняго утра до поздней ночи. Рано поутру къ ней пріѣзжалъ калиберный извозчикъ, какихъ теперь уже не существуетъ, боковыя дрожки, называвшіяся въ просторѣчїи «гитарой», экипажъ поразительно неудобный, но находившійся во всеобщемъ употребленіи, безъ всякой покрывки, на который надо было садиться бокомъ и на которомъ держаться, балансируя. И вотъ во всякую погоду по страшной московской мостовой матушка мыкалась по Москвѣ, представляющей, какъ извѣстно, дистанцію огромнаго размѣра. Только въ 9 или 10 часу вечера, когда мы уже спали, возвращалась она домой, усталая и голодная, наскоро обѣдала, выпивала чашку чаю и, какъ убитая, засыпала, иногда даже не имѣя силъ раздѣться. И на другой день опять то же самое. Мы съ братомъ на полу въ крошечной столовой, гдѣ происходилъ этотъ обѣдъ-ужинъ матушки, и сквозь сонъ я иногда видѣлъ ее вмѣстѣ со старшимъ

моимъ братомъ и которымъ-нибудь изъ его товарищей-гимназистовъ, всего чаще съ Кожанчиковымъ, вполслѣдствіи извѣстнымъ книгопродавцемъ и издателемъ.

Такъ шла наша жизнь изо дня въ день. Мы съ братомъ Клавдіемъ оставались совершенно безъ надзора. Бабушка Ульяна Андреевна, которая могла бы быть намъ такъ полезна, прожила у насъ очень недолго, постоянно дѣлала сцены матушкѣ и наконецъ, бросивъ внучатъ, исчезла куда-то. Вполслѣдствіи она умерла въ Набилковской богадѣльнѣ, перейдя передъ смертію въ православіе. Мы оставались съ одной кухаркой и съ утра до вечера бѣгали по церковному двору, довольно обширному, но тогда казавшемуся мнѣ громаднымъ. Это былъ теократическій періодъ моей жизни. Я посѣщалъ всѣ церковныя службы и очень ими интересовался, а похороны такъ были цѣлымъ событіемъ. Вмѣстѣ съ другими мальчишками я непремѣнно протискивался впередъ, чтобы посмотрѣть лицо покойника, убранство гроба, покровъ. Внучка стараго священника Луки Ивановича, дѣти дьячка, понамаря составляли нашу компанію. Изрѣдка къ намъ, младшимъ братьямъ, присоединялся братъ Николай, чтобы побѣгать въ лошадки или устроить экспедицію въ садъ къ священнику, вынувъ изъ садовой рѣшетки колья, чтобы поживиться смородиной или малиной. Для обученія меня грамотѣ былъ взятъ чрезъ нѣкоторое время товарищъ брата, гимназистъ Николай Григорьевичъ Керцелли, уже взрослый малый, но крайне ограниченный и, вѣроятно, выбранный не за педагогическія достоинства, но за крайнюю дешевизну. Черезъ 45 лѣтъ, когда онъ, отыскавъ меня, обратился ко мнѣ за пособіемъ, онъ писалъ мнѣ крайне безграмотное письмо. Чему же могъ онъ научить меня, когда былъ гимназистомъ? У меня рѣшительно не сохранилось никакихъ воспоминаній объ его урокахъ; воспоминаніе мое, относящееся къ этому времени и соединенное съ его образомъ, связывается со случаемъ, когда я былъ въ послѣдній разъ въ моей жизни высѣченъ. Въ августѣ 1839 года императоръ Николай I во главѣ гвардіи переносилъ закладку храма Спасителя въ Москвѣ съ Воробьевыхъ горъ къ Каменному мосту. Погода была отвратительная, и дождь лилъ какъ изъ ведра. Процессія двигалась очень близко отъ того мѣста, гдѣ мы жили, и я непремѣнно хотѣлъ бѣжать съ товарищами къ ближайшему углу Пречистенки, чтобы посмотрѣть церемонію. Матушка меня не пустила (день былъ воскресный, и она была дома), и я страшно раскапризничался. Результатъ былъ тотъ, что она меня выпорола. Извѣстно, что положеніе сѣкомыхъ не на лавкѣ, къ тому приспособленной, какъ въ казенныхъ училищахъ, а при домашней обстановкѣ, наскоро, не изъ удобныхъ: ихъ помѣщаютъ головою внизъ съ видомъ на какой-нибудь темный уголъ. Я оралъ страшно; когда же меня послѣ операціи выпустили и я открылъ глаза, первое, что я увидѣлъ, былъ Керцелли, смотрѣвшій на

эзекуцію въ полурастворенную дверь изъ сосѣдней комнаты старшихъ братьевъ. Кромѣ этого впечатлѣнія, у ученика ничего и не осталось объ учителѣ, но это впечатлѣніе очень живо до сихъ поръ. Уроки французскаго языка оставили во мнѣ большее воспоминаніе. Замѣчательно, что въ числѣ лицъ, содѣйствовавшихъ мнѣ въ первыхъ шагахъ на поприщѣ образованія и государственной службы, находятся нѣсколько, судьба которыхъ глубоко трагическая. Вотъ одно изъ этихъ лицъ; о другихъ расскажу въ своемъ мѣстѣ.

II.

Семья Вороновыхъ.—Хлопоты о воспитаніи дѣтей.—Начальница Екатерининскаго института Пѣвцова.—Скандальный бракъ ея сына съ Агреновой.—Связь молодой Пѣвцовой съ кн. Д. В. Голицынымъ.—Поступленіе автора «Воспоминаній» въ Лазаревскій институтъ.

Когда моя матушка находилась еще въ Тулѣ, она была очень дружна съ дочерью начальника Тульского оружейнаго завода, генерала Воронова. Домъ Вороновыхъ былъ открытый и пріятный въ городѣ. Екатерина Ѳедоровна была единственная дочь генерала, очень интересная собой. На ея воспитаніе родители ничего не жалѣли, и она была постоянно окружена всякимъ баловствомъ и со стороны домашнихъ, и со стороны общества. Старый генераль умеръ, и это обстоятельство сильно уменьшило денежныя средства семьи. Мать Екатерины Ѳедоровны, женщина очень непрактичная, должна была прекратить пиры и пріемы, и это очень ей не нравилось. Въ это время на тульскомъ небосклонѣ появился молодой человекъ, по фамиліи Рашковичъ, уроженецъ одной изъ южныхъ губерній, красивый, ловкій, любезный и бросавшій деньги цѣлыми горстями. О немъ заговорилъ весь городъ, всѣ приглашали его нарасхватъ, объ его богатствахъ рассказывались чудеса, сложились легенды. Екатерина Ѳедоровна ему приглянулась, и онъ началъ за ней ухаживать. Мать была въ восторгѣ, что для Катеньки находится такой богатый женихъ, и она начала всѣми способами содѣйствовать такому браку. «Ты будешь опять ѣздить въ каретахъ, мы заплатимъ долги», твердила она дочери, и не успѣли опомниться, какъ сыграли свадьбу. Черезъ нѣсколько недѣль оказалось, что Рашковичъ наглый обманщикъ, что онъ приказчикъ Выксинскаго завода Шевелевыхъ, тратившій деньги, выданныя ему хозяиномъ на закупки. Рашковича арестовали и судили, а Екатерину Ѳедоровну это такъ поразило, что она лишилась разсудка. Припадки сумасшествія у нея доходили иногда до степени бѣшенства, и въ такія минуты ее приковывали къ стѣнѣ: милое средство къ излеченію сумасшествія въ то прорѣщенное время. Въ концѣ 30-хъ годовъ ея умственные способности уже совершенно возстановились. Она была уже вдовою съ двумя маленькими дочерьми и жила въ Москвѣ, ради Христа

компаньонкою у старой генеральши Герардъ: играла съ ней въ пикетъ и нянчила многочисленныхъ ея собакъ, разныхъ мосекъ и болонокъ. Старуха была взыскательная и капризная, но добрая и даже по завѣщанію отказала дочерямъ Екатерины Федоровны какія-то крохи. По просьбѣ матушки Екатерина Федоровна недолгое время давала мнѣ уроки французскаго языка, конечно, даромъ. Она была ко мнѣ всегда очень ласкова и иногда послѣ урока оставляла меня обѣдать у генеральши. До сихъ поръ помню, какую отличную бѣлую малину со сливками здѣсь одинъ разъ подавали

Настала очередь поступленія нашего въ Александринскій сиротскій институтъ. Но, увы, эта возжелѣнная очередь настала уже тогда, когда мнѣ минуло 9 лѣтъ и два или три мѣсяца. А по закону въ институтъ принимались только дѣти, имѣющія не болѣе 9 лѣтъ. Поэтому меня обошли въ кандидатскомъ спискѣ и приняли одного только младшаго брата, Клавдія.

Матушка была очень огорчена этой неудачей; просила, хлопотала, чтобы простили мнѣ эти немногіе мѣсяцы, но безъ успѣха, и я остался «не пристроеннымъ». «Какой ты у меня безталанный!— не разъ говорила мнѣ матушка, смотря на меня съ сожалѣніемъ:— съ однимъ тобой все неудачи. Куда я теперь тебя дѣну?» Дѣйствительно, я представлялъ въ то время довольно печальный видъ: худой, безъ кровинки въ лицѣ, тихій, плаксивый, я не выказывалъ ни особыхъ способностей, ни талантовъ. За мной требовалось очень мало надзора, да его вовсе и не имѣли. Никто никогда не занимался моимъ воспитаніемъ, никто никогда не училъ меня, какъ войти, какъ поклониться, какъ держать себя въ чужихъ людяхъ. На мой костюмъ такъ мало обращали вниманія, что даже по прїѣздѣ въ Петербургъ нѣкоторое время я обѣдалъ обыкновенно въ халатѣ, а ѣсть съ вилки, а не съ ножа меня научилъ только Самуилъ Алексѣевичъ Грейгъ, когда я началъ часто обѣдать у его матушки. Не въ лучшемъ положеніи находился ходъ моего образованія. Керцелли самъ былъ такъ безграмотенъ, что едва ли могъ что-нибудь путемъ растолковать мнѣ. Такое отсутствіе всякаго обученія относилъ къ ограниченности моихъ способностей и считали общій гимназическій курсъ для меня труднымъ. Во всякомъ случаѣ для поступленія въ гимназію надо было меня подготовить, слѣдовательно, платить деньги, потомъ опять содержать во все продолженіе курса, стало быть, опять платить деньги, а гдѣ было ихъ взять, когда каждая копейка имѣла уже другое употребленіе? То ли дѣло казенное заведеніе. Ни заботы, ни расходовъ. Матушка продолжала просить и хлопотать, чтобы хоть куда-нибудь меня у нея взяли. А между тѣмъ недѣля шла за недѣлей, и невозмутимость моего домашняго прездношатайства разнообразилась лишь поѣздками вмѣстѣ съ матушкой по воскресеньямъ въ воспитательный домъ и холерное заведеніе для посѣщенія сестры и брата. Впрочемъ, въ началѣ

1839 года я впервые испыталъ удовольствіе, которое потомъ въ жизни доставило мнѣ такъ много отраднхъ часовъ. Одна дама, въ семействѣ которой матушка давала уроки, пригласила матушку пріѣхать къ ней въ ложу въ театръ и взять съ собою кого-нибудь изъ дѣтей. Матушка взяла брата Николая, а тотъ присталъ къ ней, чтобы она взяла и меня. Такимъ образомъ я въ первый разъ попалъ въ театръ. Давали оперу Верстовскаго, имѣвшую въ то время громаднй успѣхъ «Аскольдову могилу» съ знаменитымъ теноромъ-самоучкой Бантышевымъ въ роли Торопки.

Но вотъ, наконецъ, нашлись благодѣтели и для моей, столь мало интересной личности, да еще гдѣ — въ глубинѣ Азіи! Правда, благодѣтели поневолѣ, по все-таки благодѣтели. Тутъ опять у меня возникаютъ воспоминанія о личности, имѣвшей трагическую судьбу.

Вигель въ своихъ «Воспоминаніяхъ» въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «Но какъ алмазъ, вправленный въ олово, такъ сіяла посреди семейства Модераха (начальника Пермской губ. въ 1805 году) вторая дочь его, Софья Карловна, выданная за генераль-лейтенанта Аггея Степановича Пѣвцова, инспектора пѣхотной дивизіи и шефа Екатеринбургскаго полка, который въ томъ городѣ и стоялъ на квартирахъ. Мужъ поѣхалъ осматривать полки, а жену покаместъ отправилъ къ родителямъ. Она была двадцати трехъ лѣтъ; столь милого личика и столь пристойнаго, умнаго кокетства трудно было найти... Чудесная сія женщина была вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщеннѣйшая изъ всѣхъ тѣхъ, коихъ дотолѣ я видѣлъ; свободно выражалась на иностранныхъ языкахъ, наслаждалась всѣми цвѣтами литературы, и въ преддверіи Азіи, читая журналы, знала все, что происходитъ въ Европѣ».

Этотъ «алмазъ, вправленный въ олово», овдовѣвъ и сдѣлавшись начальницей Екатерининскаго института въ Москвѣ, оказался не только умной и ловкой, но и практической женщиной и большой деспоткой. Она очень искусно умѣла отводить глаза императору Николаю I, шеголяя при его посѣщеніяхъ института образцовымъ, невозможнымъ для обыкновенной жизни впѣшнимъ порядкомъ... Я много слышалъ отъ матушки объ этомъ деспотѣ въ юбкѣ, такъ какъ матушка имѣла много ученицъ въ институтѣ. Расположеніе императора Николая I было такъ непоколебимо къ Софьи Карловнѣ, что онъ не лишилъ ея своего довѣрія даже тогда, когда въ институтѣ случился очень большой скандалъ.

Въ институтѣ помѣстили на особое попеченіе Софьи Карловны дочь-сироту однихъ очень богатыхъ родителей, Елизавету Виссарионовну Агреньеву. Она, хотя училась въ институтѣ, но все свободное отъ классовъ время проводила у начальницы и обѣдала также у нея. У Софьи Карловны былъ сынъ, юнкеръ, жившій при матери, и вскорѣ между молодымъ человѣкомъ и богатой воспитанницей начальницы завязался интрижка. Агреньева была такимъ

любомымъ кусочкомъ для сына практичной Софьи Карловны, что, какъ злые языки потомъ рассказывали, сама начальница института осталась здѣсь не безъ грѣха и содѣйствовала развитію возникавшей страсти. Какъ бы то ни было, въ одинъ не прекрасный, но темный вечеръ юнкерь увезъ питомицу матери изъ института и съ ней обвѣнчался. Мать была въ отчаяніи, писала въ С.-Петербургъ раздрающія душу письма и... осталась на своемъ мѣстѣ, а молодые начали, было, жить да поживать, да дѣтей наживать, но это продолжалось не долго. Изъ Елизаветы Виссаріоновны вышла очень красивая, любезная, веселая, умная и добрая дама, изъ ея супруга— очень ограниченный и сильно кутящій солдатъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ супруги не только жили какъ кошка съ собакой, но на всю Москву разыгрывался между ними очень скандальный процессъ. Въ это время въ Москвѣ главнокомандующимъ или военнымъ генералъ-губернаторомъ былъ свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, пользовавшійся большимъ расположеніемъ императора Николая I и вслѣдствіе этого бывший всецѣльнымъ въ первопрестольной столицѣ. Онъ гдѣ-то встрѣтилъ Пѣвцову, и молодая женщина рѣшительно свела съ ума старика. Онъ безпрекословно исполнялъ все ея прихоти. Матушка давала уроки двумъ дочерямъ Пѣвцовой и часто видѣла у нея князя Голицына. Елизавета Виссаріоновна передала ему горе моей матушки относительно безталаннаго ея сына Константина. «Не знаю, чѣмъ вамъ помочь?—сказалъ матушкѣ одинъ разъ князь, проходя черезъ залу во время урока.— Развѣ дать вамъ письмо къ армянамъ? Они не посмѣютъ мнѣ отказать». Подъ именемъ армянъ онъ разумѣлъ Христофора Якимовича и Ивана Якимовича Лазаревыхъ, попечителей института восточныхъ языковъ, основаннаго ихъ предкомъ и содержимаго преимущественно на ихъ средства. И письмо было дано, но на первый разъ не произвело надлежащаго дѣйствія. Лазаревы отклонили ходатайство подъ предлогомъ неимѣнія свободныхъ вакансій и, по-моему, отклонили совершенно справедливо. Дѣйствительно, какой интересъ могли они имѣть къ судьбѣ какого-то неизвѣстнаго имъ мальчика изъ нѣмцевъ, когда у нихъ было много своихъ нуждавшихся соплеменниковъ. Отказъ задѣлъ самолюбіе князя, и онъ вторично написалъ письмо уже въ болѣе строгихъ выраженіяхъ. Спорить долѣе съ старикомъ уже было небезопасно, и вотъ съ величайшею неохотою «армяне» согласились сдѣлаться моими благодѣтелями, принять меня въ институтъ, но съ тѣмъ, чтобы одежда и книги были не ихъ, а матушкины.

Перечтя написанное, я остался недоволенъ тономъ изложенія: я какъ будто не чувствую благодаренія со стороны тѣхъ лицъ, благодаря которымъ я получилъ хоть какое-нибудь образованіе. Нѣтъ, я имъ очень благодаренъ; я описываю только такъ, какъ это дѣйствительно было, и думаю, что во время императора Николая I никакое

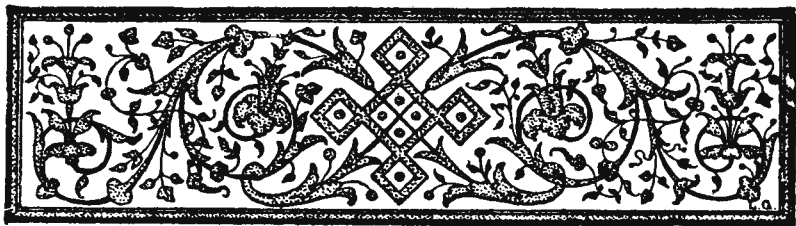
название не подходило такъ близко къ московскому военному генералъ-губернатору, пользовавшемуся его расположеніемъ, какъ название сатрапа. Да, вѣроятно, если бы тѣнь князя Голицына прочла это мѣсто моихъ воспоминаній, то осталась бы довольна и князь съ самодовольствіемъ покрутилъ бы усъ. Относительно Лазаревыхъ повторяю безъ задней мысли, что они были правы, тысячу разъ правы, отрещиваясь отъ меня обѣими руками и при поступленіи моемъ въ институтъ, и потомъ во все продолженіе курса какъ о семь скажу въ своемъ мѣстѣ. Навязывать меня имъ значило попросту хозяйничать у нихъ въ карманѣ. Елизавета Виссаріоновна?.. Но ей я не могу не быть благодаренъ. Тогда какъ князь Голицынъ и Лазаревы были благодѣтелями поневолѣ, она хлопотала обо мнѣ по добротѣ сердечной. Ей просто было жаль бѣдной женщины, обремененной семействомъ. Матушка всегда вспоминала о ней съ полнымъ сочувствіемъ и восхваляла ее доброту. А между тѣмъ какая печальная судьба ее постигла!

Елизавету Виссаріоновну не удовлетворялъ сомнительный почетъ быть наложницей московскаго сатрапа: она пожелала сдѣлаться княгинею Голицыною, когда князь въ началѣ 1841 года овдовѣлъ. Но у нея былъ мужъ, и тутъ-то начата была операція юридическаго изобличенія Пѣвцова въ прелюбодѣянніи. При кутящихъ наклонностяхъ супруга и содѣйствіи полиціи не трудно было достигнуть цѣли: Пѣвцова подпоили, свели съ какой-то женщиной и накрыли со свидѣтелями на мѣстѣ преступленія, въ банѣ. Составленный со всѣми требуемыми условіями актъ нарушенія супружеской вѣрности послали въ синодъ съ просьбой оскорбленной супруги о разводѣ. Разводъ былъ полученъ. Еще одинъ шагъ, и честолюбіе молодой женщины было бы удовлетворено, какъ вдругъ она чувствуетъ признаки беременности, само собой разумѣется, не отъ князя. Во что бы то ни стало надо было скрыть такое обстоятельство, явившееся такъ некстати. Въ Москвѣ скрыть было невозможно, и Елизавета Виссаріоновна рѣшается ѣхать за границу, подъ предлогомъ леченія. Тамъ, въ Берлинѣ, какой-то шарлатанъ согласился дать ей капли для вытравленія плода. Она приняла ихъ и чрезъ нѣсколько недѣль умерла въ страшныхъ мученіяхъ, ослѣпнувъ передъ смертью. Старый князь, вмѣсто красивой, веселой невѣсты, встрѣтилъ въ Москвѣ ея гробъ. Онъ былъ въ отчаяніи.

К. А. Маннъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ.

(Разсказъ).

I.

РО ТОЛЬКО что назначеннаго викарнаго архіерея въ уѣздномъ городѣ достовѣрно знали только одно: что его зовутъ Мисаиломъ. Но это было самое послѣднее, что слѣдовало знать.

Духовенство уѣзднаго города интересовалось совсѣмъ другими качествами его и когда, послѣ довольно долгаго промежутка, наконецъ стало извѣстно, что викарный назначенъ, кой-кто изъ уѣзднаго клира съѣздилъ въ губернскій городъ, тамъ повергълся среди духовенства, заглянулъ въ консисторію и, нагруженный свѣдѣніями, вернулся въ уѣздъ и-вытряхнулъ всѣ свои новости въ мѣстной духовной средѣ.

Свѣдѣнія были интересны, но у нихъ былъ одинъ большой недостатокъ: они были недостовѣрны, и это видно было съ перваго же взгляда.

Взять хотя бы то, будто Мисаиль не теперь, а давнымъ-давно посвященъ въ архіерейскій санъ. Это казалось просто невѣроятнымъ. Будто бы онъ въ этомъ санѣ чуть ли не пятнадцать лѣтъ пребывалъ гдѣ-то въ Америкѣ и на какихъ-то островахъ въ качествѣ миссіонера.

Казалось невозможнымъ, чтобы человѣкъ съ такими заслугами былъ назначенъ не епархіальнымъ, а викарнымъ, въ городишко

хотя и бойкій, благодаря торговлѣ хлѣбомъ, который сюда доставлялся изъ деревень черноземнаго уѣзда и отправлялся по большой рѣкѣ, а потомъ и по морю въ дальнія страны, а все же только уѣздный.

Далѣе сообщалось, что Мисаилъ необыкновенно ученый человѣкъ, что онъ знаетъ даже сирійскій языкъ и будто бы перевелъ на этотъ языкъ богослужебныя книги, чтобы можно было лучше распространять христіанство среди сиріянъ.

Это тоже не вязалось съ викаріатствомъ. Зачѣмъ такого ученаго человѣка присылать въ уѣздный городъ? Что ему тутъ дѣлать съ своей ученостью, а особенно съ сирійскимъ языкомъ?

Въ городѣ много было русскихъ чиновниковъ, хохловъ, евреевъ, грековъ, попадались и татары и даже цыгане, но сиріанина не было ни одного. Да и что такое сиріанинъ? Есть ли еще такой народъ на свѣтѣ? Этого достовѣрно ни одинъ человѣкъ въ уѣздномъ городѣ не зналъ.

Наконецъ, было свѣдѣніе, что Мисаилъ необыкновенно строгій человѣкъ, любитъ порядокъ, не терпитъ возраженій, но будто бы въ то же время справедливъ.

И это послѣднее свѣдѣніе ближе всего касалось уѣзднаго духовенства. Другія его качества, какъ-то: долговременное пребываніе въ санѣ архіерейскомъ, ученость и сирійскій языкъ, все это въ сущности не имѣло никакого значенія. А вотъ порядокъ и справедливость....

Да, это заставило многихъ перетрусить. И не потому, чтобы уѣздное духовенство чувствовало за собой какія-нибудь чрезвычайныя погрѣшности противъ справедливости и порядка, — были, разумѣется, грѣхи, но самые обыкновенныя, и гдѣ же ихъ не бываетъ?

И сами по себѣ справедливость и порядокъ всеми признавались, какъ вещи почтенныя и полезныя. Какъ же можно не признавать этого, да еще будучи въ духовномъ санѣ? Не только признавали, но и проповѣдывали ихъ.

Но знали по опыту, что когда новый архіерей начинаетъ вводить порядокъ, такъ это ужъ значить, что онъ перевернетъ все вверхъ дномъ. Это ужъ такъ искони водится.

Архіерейскій порядокъ это не то, чтобы все было какъ слѣдуетъ, а непременно такъ, какъ ему хочется, какъ онъ придумалъ.

Сидѣлъ онъ себѣ въ кельѣ и смотрѣлъ въ окно. Мимо окна проѣзжали экипажи, проходили люди, и онъ думалъ, что это и есть жизнь и что можно заставить экипажи ѣхать не по срединѣ улицы, а сбоку, и пѣшеходовъ — ходить не справа, а слѣва, и что это очень просто и никому не обидно. А той жизни, которой люди денно и ночью мучаются, онъ не видалъ и не имѣлъ о ней понятія. Вотъ онъ и сочинилъ въ умѣ своемъ порядокъ.

Тоже и касательно справедливости. Читаль онъ, перебирая пальцами четки, житія святыхъ и разныя богословскія книги и видѣлъ въ нихъ примѣры высокой добродѣтели и разныя возвышенныя мысли, и думаль, что стоить только архіерею захотѣть да настоять, какъ всѣ подчиненныя ему духовныя лица сдѣлаются святыми...

Ну, однимъ словомъ, новый викарій до своего прибытія былъ загадкой. Стало извѣстно, что онъ уже пріѣхаль въ губернской городъ и остался тамъ на два дня, чтобы представиться епархіальному архіерею, а наконецъ было получено извѣстіе, что онъ сѣлъ на пароходъ и ѣдетъ въ уѣздный городъ.

Ну, разумѣется, была приготовлена торжественная встрѣча. На пристани собрался весь городъ, а впереди всѣхъ у самой воды толпилось духовенство всѣхъ ранговъ.

Явился исправникъ въ полной формѣ, водворяли порядокъ полицейскіе, пѣшіе и конные.

На соборной колокольнѣ съ ранняго утра сидѣлъ звонарь и пристально смотрѣлъ на рѣку, ожидая прибытія парохода. Да и на другихъ колокольняхъ звонари тоже были наготовѣ. Но было условлено, что они начнутъ трезвонить лишь тогда, когда раздастся звонъ съ соборной колокольни.

И вотъ изъ-за островка выплылъ пароходъ, носившій почетное имя древняго героя «Патрокла», очень длинный, весь бѣлый, съ двумя трубами, и сейчасъ же соборный звонарь далъ сигналъ, который подхватили другіе звонари, и надъ городомъ загудѣлъ торжественно-радостный трезвонъ.

Когда пароходъ гричалилъ къ пристани, запѣлъ архіерейскій хоръ, а духовенство въ праздничныхъ свѣтлыхъ ризахъ выстроилось въ два ряда, и, когда архіерей сошелъ съ парохода, старшіе и самые заслуженные и почтенные взяли его подъ руки и повели по длинному помосту и усадили въ карету, запряженную цугомъ и повезли въ соборъ.

Тамъ была уже настоящая встрѣча съ привѣтствіями и съ отвѣтной рѣчью архіерея.

Все это были, однакоже, приемы, нисколько не относившіеся къ личности самого Мисаила. Встрѣчали новаго архіерея. Если бы это былъ не онъ, а другой архіерей, носившій имя не Мисаила, а какое-нибудь другое, все равно встрѣчали бы точно такъ же.

На пристани была бы толпа горожанъ, духовенство облачилось бы въ свѣтлыя ризы, пѣлъ бы архіерейскій хоръ, гудѣли бы колокола всѣхъ городскихъ церквей, и если бы это случилось, какъ на сей разъ, въ майскій полдень, то такъ же точно ярко свѣтило бы и палило бы изъ всѣхъ силъ горячее южное солнце.

Но было во всей этой встрѣчѣ нѣчто совѣмъ особенное, именно въ тотъ моментъ, когда Мисаиль сошелъ съ парохода и впервые появился передъ своей паствою

Тысяча любопытныхъ глазъ пристально смотрѣли на пароходъ, когда устанавливали трапъ, и вотъ отъ бѣлой громады пароходныхъ бортовъ отдѣлилась и, поддерживаемая молодымъ келейникомъ въ монашескомъ подрясникѣ, стала спускаться по трапу маленькая черная фигура въ высокомъ клобукѣ, отъ котораго спускалась до самой земли, въ видѣ крыльевъ, черная мантия.

И на этомъ черномъ фонѣ ярко выдѣлялись длинные, удивительно красиво ниспадавшіе до плечъ крупными прядями свѣтло-золотистые волосы и бѣлая, тоже золотящаяся по краямъ, борода.

Да, онъ былъ очень старъ, это поняли всѣ, хотя съ виду и бодрый,—ему можно было безошибочно дать семьдесятъ лѣтъ; и у всѣхъ одновременно явилась мысль о томъ, что въ такіе годы начинать архіерейскую карьеру викарнымъ поздно и что это не даромъ.

И всѣ съ той же минуты начали смотрѣть на него, какъ на человѣка пострадавшаго, никто только не зналъ за что, но, какъ бы по молчаливому соглашенію всего города, къ его личности была припишена таинственная драма.

И, разумѣется, въ тотъ же день въ городѣ появился цѣлый десятокъ версій, изъ которыхъ каждая претендовала на достовѣрность.

Единственный человѣкъ, стоявшій къ нему близко, былъ пріѣхавшій съ нимъ келейникъ, молоденькій послушникъ съ продолговатымъ, блѣднымъ лицомъ и какими-то странными, точно глядѣвшими въ иной міръ глазами.

И всѣ ссылались на него, всѣмъ будто бы удалось поговорить съ нимъ и узнать отъ него архіерейскую тайну.

И говорили, что Мисаилъ когда-то стоялъ на блестящей дорогѣ, кончилъ академію первымъ и могъ бы быть теперь уже митрополитомъ, но у него былъ беспокойный характеръ: онъ всюду и со всѣми ссорился и нажилъ въ высшихъ духовныхъ сферахъ враговъ.

Другіе утверждали, что ему повредила именно его чрезвычайная ученость. Высшіе духовные сановники, которые не были такъ учены, будто бы боялись, что онъ ихъ затмитъ, и постарались удалить его въ другую часть свѣта и тамъ держали какъ можно дольше.

Нѣкоторые намекали даже на то, что Мисаилъ въ молодые годы обнаружилъ вольнодумство, былъ уличенъ въ сношеніяхъ съ людьми крайняго политическаго направленія, и для большей округлости прибавляли, что ему даже грозило лишеніе сана и заточеніе въ монастырь, но онъ будто бы раскаялся.

Словомъ, городили, что кому приходило въ голову. Никто этому не вѣрилъ, но всѣ тѣмъ болѣе боялись, потому что можно было допустить и то, и другое и третье, но могло быть что-нибудь и четвертое, чего никто не зналъ.

Но все это было года три тому назадъ, когда Мисаилъ пріѣхалъ въ уѣздный городъ. Потомъ отношенія выяснились, духовныя лица

изучили характеръ викарія и приспособились къ нему и перестали гадать о причинахъ столь поздней архіерейской карьеры. Въ сущности это было имъ безразлично.

А характеръ у Мисаила былъ дѣйствительно тяжелый. Семидесятилѣтній старикъ, онъ тѣмъ не менѣе былъ полонъ кипучей энергій.

По своему положенію викарія онъ не обладалъ самостоятельной властью, но въ губернскомъ городѣ сидѣлъ епархіальный архіерей, хотя и не столь старый, какъ Мисаиль, но хилый и болѣзненный, совсѣмъ не занимавшійся епархіальными дѣлами и предоставившій ему полную свободу дѣйствій въ уѣздѣ.

А Мисаилу хотѣлось завести образцовый порядокъ, и онъ сразу же горячо принялся за дѣло. Привыкнувъ во время своего миссіонерства все дѣлать самолично, онъ и теперь ѣздилъ по деревнямъ, внезапно насккивалъ и на городскіе приходы и самолично производилъ ревизію, а, найдя непорядокъ, строго взыскивалъ съ виновныхъ.

Началось перемѣщеніе духовныхъ лицъ съ прихода на приходъ. Однихъ онъ наказывалъ пониженіемъ, другихъ поощрялъ повышеніемъ.

Не понравилось ему церковное пѣніе. Оно было южное, а онъ провелъ свою молодость въ сѣверномъ городѣ, гдѣ пѣли по иному. И онъ самъ составилъ ноты по новому и велѣлъ всѣмъ уѣзднымъ причтамъ переучить всю службу по этимъ нотамъ.

Вдобавокъ къ своей учености, онъ былъ также и музыкантъ. Свой соборный хоръ онъ самъ переучилъ. Сидѣлъ по цѣлымъ часамъ за фисъ-гармоніей, которую завелъ у себя, какъ инструментъ благолѣпный, напоминающій церковный органъ, самъ игралъ на ней, и пѣвчіе пѣли.

Не правилась ему также жизнь духовныхъ лицъ въ уѣздѣ, а особенно въ городѣ.

Уѣздные обыватели были люди благочестивые, въ городѣ много было богатыхъ хлѣботорговцевъ, которые, наживая на своихъ дѣлахъ большіе барыши, чувствовали потребность отблагодарить за это Бога и щедро награждали своихъ духовныхъ отцовъ.

Поэтому городскіе приходы были всѣ богатые, духовенство получало прекрасные доходы и жило довольно широко.

Въ квартирахъ у нихъ, въ церковныхъ домахъ, стояла дорогая мебель, у всѣхъ были ковры и рояли, дѣти ихъ учились большею частью въ свѣтскихъ школахъ, дочери играли на фортепіанахъ и танцевали.

То въ той, то въ другой семьѣ часто бывали вечеринки, на которыя собирались члены не только духовныхъ семействъ, но и свѣтскіе люди. Устраивались танцы, пѣли хоромъ свѣтскія пѣсни.

Почтенные отцы вмѣстѣ съ купцами и чиновниками садились за зеленые столики и иногда до самой заутрени рѣзались въ преферансъ. Задавались сытные ужины съ обильными возліяніями.

Мисаиль узналъ объ этомъ, и духъ его возмущился. Случилось, что открытіе это онъ сдѣлалъ по поводу вечеринки у старшаго соборнаго протоіерея, отца Валентина Звѣздочетова.

Очень заслуженный былъ отецъ Валентинъ. Сидѣлъ на своемъ мѣстѣ уже много лѣтъ, имѣлъ многія награды.

Но Мисаиль былъ вспыльчивъ. Онъ загорался, какъ порохъ, и ужъ тогда для него не существовало никакихъ условностей и никакихъ заслугъ.

Онъ призвалъ къ себѣ заслуженнаго отца Валентина и началъ отдѣлывать его, какъ мальчишку. Бѣгалъ по комнатѣ, размахивалъ руками, кричалъ и цитировалъ изъ Писанія тексты, изъ которыхъ явствовало, что духовные пастыри должны жить, какъ птицы небесныя, или какъ странники, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ посоха.

Но отецъ Валентинъ былъ не только заслуженный, но и умудренный жизнью. Онъ зналъ, что въ такихъ случаяхъ самое лучшее—перемолчать архіерея, и онъ дѣйствительно съ покорнымъ видомъ слушалъ гнѣвныя рѣчи Мисаила и не сдѣлалъ ни одного возраженія.

Мисаиль кипѣлъ, кипѣлъ, а наконецъ утомился, остылъ и самъ же началъ просить у отца Валентина прощенія за свой крикъ и за тонъ.

Тѣмъ не менѣе былъ изданъ приказъ, чтобы духовныя лица вели жизнь скромную, благочестивую, подавая тѣмъ примѣръ своей паствѣ.

Ну, духовныя лица отъ этого, разумѣется, не могли передѣлаться. Вкусы у нихъ остались тѣ же, и жизнь они вели прежнюю, но стали дѣлать это осторожно, потихоньку, пѣсни пѣли вполголоса, а танцы, ужины и игру въ преферансъ производили при наглухо закрытыхъ ставняхъ. Словомъ, приспособились.

Мисаиль думалъ, что ему удалось искоренить распущенность, а духовенство и въ усъ себѣ не дуло и жило себѣ попрежнему.

Главное же, подмѣтили его слабость: любилъ онъ покорное молчаніе. Векипалъ онъ чрезвычайно легко, по малѣйшему поводу, и тотчасъ же принимался разносить виновнаго и тогда казалось, что гнѣвъ его подобенъ урагану, который непремѣнно долженъ снести все лежащее на пути.

А виновный стоялъ передъ нимъ и, опустивъ голову, молчалъ, молчалъ даже тогда, когда Мисаиль обращался къ нему съ гнѣвными вопросами, и это молчаніе обезоруживало его, и гроза обыкновенно кончалась ничѣмъ. Разсѣивались тучи, и на ясномъ небѣ показывалось доброе солнце.

Но бѣда, если какой-нибудь неопытный въ подобныхъ дѣлахъ батюшка, хотя бы и въ чистотѣ сердечной, вздумаетъ самымъ почтительнымъ и смиреннымъ образомъ внести поправку въ архіерейскія нападки: что, молъ, не такъ это было, ваше преосвященство, а вотъ какъ.

Тогда Мисаиль выходилъ изъ себя, кричалъ, топалъ ногами и тутъ же дѣлалъ распоряженіе, отъ котораго впослѣдствіи ему самому бывало стыдно.

Но такіе простецы попадались все рѣже и рѣже. Ужь давно всему уѣздному духовенству было извѣстно, что Мисаила можно усмирить и даже взять въ плѣнъ покорнымъ молчаніемъ, и всѣ покорно молчали.

II.

Но былъ одинъ—и далеко не простецъ, который отличался отъ всѣхъ. Онъ занималъ мѣсто третьяго священника при соборной церкви. Звали его отцомъ Алексѣемъ, а фамилія его была Вертоградовъ.

Между нимъ и Мисаиломъ какъ-то съ перваго же года установились какое-то недовѣріе и холодность. Мисаиль, видимо, не любилъ Вертоградова и если бъ его спросили, за что, можетъ быть, и самъ не сумѣлъ бы отвѣтить.

Но объ этомъ отношеніи его можно было судить только по холоднымъ сдержаннымъ взглядамъ, по короткимъ сжатымъ фразамъ, съ которыми онъ обращался къ отцу Алексѣю, и то лишь во время церковной службы, когда это бывало необходимо, да еще по тому, что изъ всѣхъ духовныхъ лицъ соборной церкви только одинъ Вертоградовъ никогда не получалъ отъ него никакихъ порученій.

Другіе, какъ старшій протоіерей и второй священникъ, то и дѣло ревизовали то школу, то приходъ или производили какое-нибудь слѣдствіе о провинившемся духовномъ лицѣ и отъ этого приобрѣтали и вліяніе и доходъ. А отца Вертоградова какъ будто и не существовало.

Правда, онъ мало походилъ на другихъ и даже по внѣшнему виду являлъ собою совершенно особенную фигуру.

Отецъ Алексѣй Вертоградовъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти. По окончаніи богословскаго курса онъ нѣсколько лѣтъ учительствовалъ въ духовномъ училищѣ въ томъ же городѣ, потомъ женился, принялъ священство и съ тѣхъ поръ уже лѣтъ десять состоялъ при соборной церкви.

Въ семейной жизни ему не повезло. Жена его умерла черезъ годъ послѣ вѣнчанія, оставивъ ему дѣвочку, и онъ сдѣлался вѣчнымъ вдовцомъ.

Внѣшнія данныя у него были удивительныя, говорили, что ради ихъ онъ сразу попалъ на такое завидное мѣсто, какъ третій священникъ при соборѣ. Обыкновенно это мѣсто занимали академики.

Но тогда въ уѣздномъ городѣ былъ архіерей, который любилъ, чтобы въ соборной церкви все было благолѣпно и красиво. Тогда соборная церковь украсилась новыми иконами и паникадилами, а своды главнаго прйдѣла были красиво расписаны художникомъ, котораго архіерей пригласилъ изъ Москвы.

А Вертоградовъ самъ былъ картина. Высокій ростомъ, стройный, идеально сложенный, онъ ступалъ съ великимъ достоинствомъ, гордо неся свою красивую львиную голову. Большіе спокойноумные глаза его внимательно смотрѣли на Божій міръ и какъ бы все впитывали въ себя и отмѣчали.

Строгія крупныя черты его матово-смуглаго лица были полны олимпійскаго спокойствія. Когда же онъ улыбался и раздвигались его сочныя, красиво вырѣзанныя губы, какъ нѣкое сіяніе, блестѣли крупные, ровные, удивительной бѣлизны зубы.

Длинная борода, темная, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы съ легкой сѣдиной, широкимъ вѣеромъ развертывалась на его сильной выпуклой груди.

И голосъ этому человѣку Богъ далъ плѣнительный, бархатнаго баритональнаго тембра, и богомольныя дамы, соборныя прихожанки, становившіяся на ближнихъ къ алтарю мѣстахъ, любили слушать этотъ голосъ, который ласкалъ ихъ сердца. И можно было наблюдать, что въ соборной церкви преобладали дамскія шляпы въ тѣ дни, когда бывала седмица отца Алексѣя.

Про частную жизнь Вертоградова ходили всевозможные слухи. Ему приписывались разныя приключенія, въ которыхъ играли роль поочередно извѣстныя въ городѣ особы женскаго пола. Было ли что-нибудь подобное, никто не могъ сказать съ увѣренностью.

Отецъ Алексѣй въ частной жизни былъ человѣкъ привѣтливый, ласковый, обходительный. Его любили не только женщины, но и ихъ мужья, и всѣ водили съ нимъ знакомство. Въ купеческихъ домахъ онъ былъ желанный гость.

Прекрасный собесѣдникъ, много читавшій и знавшій, обо всемъ умѣвшій поговорить занимательно, онъ дѣйствительно былъ интересенъ. И никто не могъ сказать, что онъ ухаживаетъ за дамами, какъ дѣлаютъ это другіе. Онъ держался крайне осторожно и никогда не сходилъ съ высоты пастырскаго пьедестала.

Но за нимъ ухаживали усердно. Что подѣлаешь, нельзя же людямъ запретить выражать свои добрыя чувства! Дамы въ его присутствіи краснѣли и млѣли и старались сидѣть поближе къ нему.

Можно было, пожалуй, упрекнуть его въ томъ, что онъ нѣсколько больше, чѣмъ слѣдуетъ пастырю, заботился о своей наружности. Такая слабость дѣйствительно была у него. Свои кудрявые волосы

онъ часто расчесывалъ большимъ гребнемъ, который всегда держалъ въ карманѣ, тѣмъ же гребнемъ онъ осторожно проводилъ по своей бородѣ. Ряса на немъ была всегда чистая, щеголеватая, темнаго цвѣта, а изъ-подъ нея выглядывалъ голубой или зеленый подрясникъ, что удивительно шло къ его матовому лицу. На шеѣ онъ носилъ крахмальный воротникъ, что опять-таки придавало его лицу какой-то необыкновенно милый пѣжный оттѣнокъ.

Но такова уже судьба молодыхъ вдовцовъ духовнаго званія, что про нихъ обязательно говорятъ всякую всячину. Если бы отецъ Алексѣй былъ безупреченъ, какъ ангель, все равно про него сочиняли бы исторіи: не могутъ люди допустить, чтобы молодой красивый человѣкъ, не имѣя въ своемъ домѣ жены, могъ отказаться отъ земныхъ прелестей, которыя сами лѣзутъ ему въ руки.

И говорили Богъ знаетъ что. Указывали даже опредѣленно на молодую жену богатаго хлѣбопромышленника, хохла Тяпуненка.

Это была маленькая, оригинально-красивая женщина. Самъ Тяпуненко не обращалъ вниманія на эти разговоры, а, можетъ быть, и видѣлъ что, да закрывалъ глаза.

Онъ былъ уже весьма почтеннаго возраста, за шестьдесятъ, весь былъ поглощенъ своими торговыми дѣлами и къ своей маленькой женѣ относился скорѣе отечески. Съ отцомъ Алексѣемъ они были большіе пріятели, говорили другъ другу—ты, и въ домѣ его отецъ Алексѣй былъ свой человѣкъ.

Лѣтомъ же онъ обыкновенно занималъ флигель на пригородной дачѣ Тяпуненка, и это было какъ разъ такое время, когда самъ хлѣбопромышленникъ по цѣлымъ мѣсяцамъ рыскалъ по уѣзду, закупалъ на корню хлѣбъ, а потомъ отправлялъ его куда слѣдуетъ на баржахъ.

Изъ всего этого и сложились исторіи, которыя рассказывали въ городѣ. Отецъ Вертоградовъ зналъ о нихъ, но не обращалъ вниманія.

Но, конечно, не это обстоятельство было причиной холодности со стороны Мисаила по отношенію къ отцу Алексѣю. Мисаиль даже ничего и не зналъ объ этомъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы своего викариатства.

А между тѣмъ отношенія установились сразу, чуть не съ первой встрѣчи. Да даже навѣрное съ первой, ибо тогда же обнаружилось различіе между отцомъ Алексѣемъ и остальными духовными особами города.

Когда на другой день послѣ пріѣзда Мисаила въ городъ ему представлялось духовенство, онъ обратилъ вниманіе на красиваго третьяго священника соборной церкви. Вертоградовъ явился къ нему такимъ, какимъ былъ всегда. Другой на его мѣстѣ для этого случая постарался бы измѣнить свой внѣшній видъ, надѣлъ бы старенькую рясу и подрясникъ попроще, убралъ бы бѣлый крах-

мальный воротникъ, менѣе тщательно расчесалъ бы свою бороду и кудри.

Но отецъ Алексѣй былъ слишкомъ гордъ, чтобы пускаться на такія штуки. Онъ не любилъ никого посвящать въ подробности своей жизни, но никому и не лгалъ. Онъ былъ выше этого. А лгать передъ архіереемъ, хотя бы не словами, а только одеждой, онъ считалъ наименѣе для себя подходящимъ.

Тогда архіерей покосился на его воротничекъ и на голубые рукава подрясника, выглядывавшіе изъ-подъ широкихъ рукавовъ рясъ, но ничего не сказалъ ему.

Позднѣе у него былъ разговоръ съ старшимъ протоіереемъ Звѣздочетовымъ. Онъ спросилъ, находятъ ли Звѣздочетовъ удобнымъ со стороны іерея такого рода кокетство?

Отецъ Звѣздочетовъ принялъ сторону Ветроградова. Онъ, правда, не имѣлъ никакой выгоды покровительствовать ему, но сдѣлалъ это почти безотчетно. Отца Алексѣя всѣ любили, въ немъ было какое-то обаяніе. И старшій соборный протоіерей раздѣлялъ эту общую участь.

— Отецъ Алексѣй хорошій священникъ,—сказалъ онъ Мисаилу:—его любятъ прихожане, но онъ вдовецъ и молодежь, и всѣ прощаютъ ему эту слабость...

— Нельзя прощать непростительное,—отвѣтилъ Мисаиль.—Нельзя кокетничать, какъ какая-нибудь прелестница, съ высоты алтаря.

Отецъ Валентинъ по свойственной ему дипломатичности промолчалъ. Потомъ онъ прибавилъ:

— Мы дорожимъ имъ, какъ очень хорошимъ проповѣдникомъ.

И не зналъ отецъ Звѣздочетовъ, что этой рекомендаціей, которой онъ хотѣлъ смягчить отношенія архіерея къ отцу Алексѣю, онъ нажилъ для него врага.

— А онъ проповѣдникъ?—спросилъ архіерей, почему-то нахмуривъ свои густыя, сильно разросшіяся бѣлыя брови.

— Превосходный. Его слушаютъ съ упоеніемъ.

— Посмотримъ...

И Мисаиль на слѣдующее же воскресеніе назначилъ отца Алексѣя говорить проповѣдь вмѣсто «запричастнаго». И эта проповѣдь состоялась.

Отецъ Алексѣй зналъ, что его испытуютъ, и потому, какъ истый ораторъ, привалегъ на свои способности.

Ораторскія способности у него были дѣйствительно большія, но проповѣди его не отличались глубиной. Но эту глубину замѣнялъ ему голосъ.

Ахъ, что это былъ за голосъ! Когда онъ входилъ въ наосъ,—разумѣется, умѣренный, какъ то предписывалось правилами гомилетики,—и взбирался на верхнія ноты, казалось, что это звучать

и переливаются дивные звуки какого-то божественнаго инструмента. Да и лицо—вѣдь отецъ Алексѣй увлекался и чувствовалъ свою рѣчь—въ эти минуты было необыкновенно красиво. Загорались его большіе, обычно спокойные глаза, всѣ мускулы лица энергично напрягались. Кудрявые волосы какъ-то шире разстилались по его широкимъ плечамъ. Онъ поднималъ свою выхолченную руку и дѣлалъ ея благородный жестъ.

И замѣтили, что эту первую его проповѣдь съ большимъ вниманіемъ слушалъ Мисаиль, стоявшій въ алтарѣ, и странными казались перемѣны въ его лицѣ. Иногда онъ кивалъ головой, иногда краснѣлъ, въ другія минуты въ глазахъ его какъ будто на мгновение что-то зажигалось, похожее на гнѣвъ, и сейчасъ же потухало.

— Красиво, да, красиво говорить,—сказалъ онъ, когда проповѣдь была окончена:—но мелко, поверхностно...

Это онъ сказалъ въ алтарѣ, обращаясь къ отцу Валентину Звѣздочетову. Когда же, сойдя съ кафедръ, въ алтарь вернулся отецъ Алексѣй, Мисаиль не сказалъ ему ни слова, какъ будто не о чемъ было и говорить.

И всѣ обратили на это вниманіе и не понимали и только въ слѣдующую службу кой у кого явились въ головѣ приблизительныя объясненія.

Дѣло въ томъ, что въ эту службу было объявлено, что передъ концомъ ея архіереей будетъ самъ говорить проповѣдь, и всѣ ждали съ большимъ любопытствомъ, такъ какъ до сихъ поръ, кромѣ маленькой рѣчи въ отвѣтъ на привѣтствія, онъ не говорилъ.

И вотъ онъ вышелъ изъ алтаря и повернулся лицомъ къ народу. Не было поставлено аналоя, какъ дѣлается это обычно, не вынулъ онъ и не держалъ передъ собою тетрадки. Онъ говорилъ наизусть и видно было, что это импровизація.

Всѣ сейчасъ же убѣдились, что Мисаиль превосходно говорить. Рѣчь его лилась свободно, какъ ручей, безъ малѣйшей задержки, слово за словомъ.

Голосъ у него былъ звучный, тенороваго оттѣнка, и могъ бы назваться красивымъ, если бы иногда не выдѣлялись крикливыя ноты.

Но содержаніемъ проповѣди слушатели были мало удовлетворены. Она была слишкомъ серьезна, теоретична, слишкомъ богословская и мало доступная обыкновеннымъ слушателямъ.

Красивые обороты рѣчи не достигали цѣли, потому что въ нихъ было что-то туманное. Въ иныхъ мѣстахъ онъ какъ будто впадалъ въ паѳосъ, сильно возвышалъ голосъ, но въ этомъ паѳосѣ больше чувствовался расчетъ оратора, чѣмъ искреннее увлеченіе.

И всѣ невольно сравнивали его съ отцомъ Вертоградовымъ. Почему-то приходило въ голову именно это сравненіе. Впрочемъ, оно и понятно, такъ какъ это, можетъ быть, и случайно, но все же

было состязаніе лучшихъ ораторовъ. Вѣдь только въ прошлое воскресеніе говорилъ въ этомъ же храмѣ отецъ Алексѣй.

Было ли это пристрастіе прихожанъ къ своему любимому пастырю, который столько лѣтъ служилъ украшеніемъ прихода, или таково было непосредственное впечатлѣніе, но преимущество было единодушно отдано отцу Алексѣю.

«Куда,—говорили потомъ другъ другу граждане уѣзднаго города,—и сравнивать нельзя! Эта проповѣдь хороша, но она какая-то чужая, въ ней, можетъ быть, много философіи, да мало говоритъ она сердцу и при томъ голосъ—одинъ голосъ отца Алексѣя способенъ грѣшника обратить въ праведника».

Чувствовалъ ли это Мисаилъ, никто не зналъ, но, вѣроятно, ему не понравилось, что съ середины его проповѣди въ глазахъ слушателей любопытство начало замѣняться какъ бы скукой и разсѣянностью. Нѣсколько человѣкъ даже стали осторожно пробираться къ выходу.

Да, въ дѣйствительности Мисаилъ это почувствовалъ. Онъ считалъ себя рѣдкимъ проповѣдникомъ. Его признавали такимъ и другіе, да и нельзя было отказать его рѣчи въ высокихъ качествахъ.

И, если бы слушатели не были подъ влияніемъ проповѣдей отца Алексѣя, то, по всей вѣроятности, и они признали бы это.

И онъ такъ именно и подумалъ. Эту холодность и разсѣянность, которыя были написаны на лицахъ соборныхъ прихожанъ, онъ всецѣло отнесъ на счетъ отца Алексѣя.

И вотъ семидесятилѣтній старецъ, прожившій жизнь, полную страданій, человѣкъ, отрѣшившійся отъ мірской суеты, высоко поставленный по своему сану, почувствовалъ гдѣ-то въ тайникахъ своей души неприязнь къ отцу Вертоградову, какъ къ сопернику.

Онъ, носитель высокаго архіерейскаго сана, могущественный начальникъ, способный при желаніи сдѣлать ему всякое зло, поставилъ себя наравнѣ съ скромнымъ священникомъ, занимавшимъ третье мѣсто въ соборной церкви. Онъ позавидовалъ.

Что же? Это было его больное мѣсто. Много было у него враговъ и множество причинили они ему мученій, но это его преимущество признавали всѣ, даже враги.

Его посылали въ отдаленныя страны, перебрасывали изъ Малой Азіи на сѣверъ Америки, и вездѣ оцъ завоевывалъ влияніе своимъ краснорѣчіемъ. И вдругъ здѣсь, въ уѣздномъ городѣ, встрѣчается человѣкъ, который становится между нимъ и толпой.

Его жизнь была жизнью страдальческой. Кто въ этомъ былъ виноватъ, это другой вопросъ. Но даръ, которымъ онъ покорялъ сердца, былъ его единственнымъ утѣшеніемъ.

И не виноватъ былъ Мисаилъ въ томъ, что въ душу его закралось нехорошее чувство противъ Вертоградова; оно нашло тамъ благопріятную почву: впечатлѣніе, которое произвелъ на него

отецъ Алексѣй рапѣ. И послѣ этого оно владѣло имъ и руководило всѣмъ его дальнѣйшимъ отношеніемъ къ третьему священнику.

Отецъ же Алексѣй, съ своей стороны, не хотѣлъ принимать никакихъ мѣръ для смягченія архіерея. Онъ тоже почувствовалъ съ его стороны недоброжелательство и, обладая гордой душой, не нашель въ себѣ охоты для смиренія. Отецъ Валентинъ Звѣздочетовъ послѣ разговора съ архіереемъ сказалъ ему:

— Вы бы, отецъ Алексѣй, хотя въ церковь, когда идете для сослуженія съ архіереемъ, не надѣвали вашего воротничка, да и рясу и подрясникъ лучше бы для такихъ случаевъ завели попроще. Ничего, конечно, въ этомъ нѣтъ дурного, но зачѣмъ раздражать владыку?

— Не могу, отецъ Валентинъ, совершенно этого не могу, — отвѣтилъ Вертоградовъ. — Именно потому, что онъ архіерей, не могу лгать ему даже своей одеждой. Ужъ каковъ есть, такимъ и передъ нимъ явлюсь...

И не уступилъ.

III.

И тянулася странная глухая вражда между третьимъ священникомъ соборной церкви и викарнымъ архіереемъ. Вражда эта не выражалась въ какихъ-нибудь рѣзкихъ опредѣленныхъ формахъ, но всѣми чувствовалась.

Мисаилъ почти не смотрѣлъ на Вертоградова. Во время службы онъ его не замѣчалъ. Свою немилость онъ выражалъ развѣ тѣмъ, что никогда не удостоивалъ его своимъ гнѣвомъ. Вспыльчивый, несдержанный, онъ не выносилъ ни малѣйшей шероховатости во время церковнаго богослуженія.

Протодіаконъ ли взялъ слишкомъ высокій тонъ, читая Евангеліе, вслѣдствіе чего конецъ выходилъ крикливымъ, иподіаконъ ли неудачно развелъ въ кадилъницѣ уголья съ ладономъ, отчего кадилъница давала слишкомъ много дыму, хоръ ли пѣлъ недостаточно стройно, молящіеся ли шептались слишкомъ громко, онъ тутъ же, на мѣстѣ, дѣлалъ ворчливья замѣчанія, никого не щадя, хотя бы то былъ самъ протоіерей Звѣздочетовъ. И всѣ привыкли уже къ его характеру и молчали.

Но никогда ни одного замѣчанія не сдѣлалъ онъ по адресу отца Алексѣя. Отецъ Алексѣй былъ, конечно, не совершенство, и всегда можно было придратъся къ нему. Но Мисаилъ не видѣлъ его, не признавалъ.

Былъ даже такой случай, — правда, страшный и совершенно нехарактерный для отца Алексѣя, — что онъ во время великаго выхода на обѣднѣ, должно быть, о чемъ-то задумавшись, прозвѣвалъ свою очередь, и произошло неловкое молчаніе.

Мисаилъ только покраспѣлъ и нахмурился, но не обмолвился ни однимъ словомъ. Нѣтъ отца Алексѣя, да и только. Онъ считается на службѣ при соборной церкви и въ качествѣ третьяго священника участвуетъ въ архіерейскомъ служеніи, но это до архіерея какъ бы не касается.

Въ сущности въ душѣ Мисаила нерѣдко при взглядѣ на Вертоградова рождалось нехорошее желаніе совсѣмъ устранить его куда-нибудь подальше отъ соборнаго прихода, чтобы онъ не раздражалъ его своимъ видомъ, но, съ одной стороны, онъ самъ признавалъ это чувство за дурное и боролся съ нимъ, съ другой же стороны, отецъ Алексѣй никогда не подавалъ ему для этого настоящаго повода. Въ дѣлахъ службы онъ велъ себя безукоризненно, всегда исправно выполняя требы и служа свою седмицу. Нельзя же было оперетгся на бѣлый воротникъ, на нарядную рясу и цвѣтные подрясники, или на то, что онъ живописецъ и красивъ. Нигдѣ, ни въ законахъ, ни въ канонахъ не сказано, что священникъ долженъ быть некрасивъ и одѣваться въ грязныя рубища.

Что же касается его частной жизни, то о ней слухи до архіерея не доходили. Слишкомъ любили всѣ въ городѣ отца Алексѣя и берегли его.

Но случилось обстоятельство, которое, помимо какихъ бы то ни было дѣйствій со стороны отца Алексѣя, придадо скрытой и пассивной враждѣ къ нему Мисаила дѣятельный характеръ.

Кто-то похлопоталъ за него въ губернскомъ городѣ. Нашлась вліятельная поклопница, которая, поѣхавъ туда, побывала у епархіальнаго архіерея и у членовъ консисторіи и насакала такихъ чудесъ про достоинства отца Алексѣя Вертоградова, какъ замѣчательнаго проповѣдника, что епархіальное начальство изумилось, какъ оно раньше этого не знало. Но дама, кромѣ этого, сообщила также и то, что викарный архіерей, повидимому, безъ всякой причины, относится къ Вертоградову съ пренебреженіемъ и явно затираетъ его.

И тутъ въ этомъ дѣлѣ встрѣтились закулисные интересы, которыхъ никакъ нельзя было предвидѣть. Оказалось, что консисторія давно была уже задѣта самовольствомъ Мисаила, который пользовался излишнимъ довѣріемъ слабаго епархіальнаго архіерея, и охотно взяла подъ свое покровительство Вертоградова. Дама-то обладала, должно быть, сильнымъ вліяніемъ, и вышло какъ-то такъ, что епархіальнаго архіерея убѣдили отличить наградой Вертоградова помимо викарія. Это противорѣчило всѣмъ добрымъ обычаямъ и тѣмъ не менѣе совершилось. Консисторія хотѣла утереть носъ Мисаилу, который ее игнорировалъ и заводилъ новыя порядки, не спрашивая о ея мнѣніи.

Съ необыкновенной быстротой были продѣланы всѣ необходимыя формальности, и вотъ однажды въ уѣздный городъ пришло

извѣстіе, что третій священникъ соборной церкви, отецъ Алексѣй Вертоградовъ, за исключительный даръ проповѣдничества и ревностное служеніе на пастырскомъ поприщѣ награжденъ званіемъ протоіерея.

Извѣстіе это было, несомнѣнно, радостнымъ для всѣхъ обывателей уѣзднаго города, но обстоятельства, при которыхъ оно совершилось, были до такой степени необыкновенны, что духовенство, вмѣсто радости, почувствовало испугъ, конечно, за отца Алексѣя. Никто же не могъ думать, что о такой высокой наградѣ для отца Алексѣя хлопоталъ отецъ Мисаиль. Это для всѣхъ было ясно.

Больше всѣхъ былъ изумленъ, разумѣется, самъ отецъ Алексѣй. Нѣсколько позже онъ, конечно, узналъ, кому былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, но въ тотъ моментъ испытывалъ только недоумѣніе. Тѣмъ не менѣе, была получена формальная бумага изъ консисторіи за всѣми надлежащими подписями и печатями. Сомнѣнія быть не могло.

Его поздравляли, но какъ-то осторожно и боязливо. И всѣ посматривали на архіерейскій домъ, не будетъ ли оттуда какихъ-нибудь признаковъ грозы.

Но Мисаиль и тутъ поступилъ попрежнему. Страшно обидѣло его распоряженіе консисторіи, но на бумагѣ была подпись епархіальнаго архіерея, и онъ долженъ былъ смириться. Но, смирившись, онъ затаилъ вящую вражду и сдѣлалъ видъ, что ничто не измѣнилось. Священникъ ли, протоіерей ли Алексѣй Вертоградовъ— все равно, онъ попрежнему его не замѣчалъ.

Это ужъ было нехорошо и для всѣхъ очевидно, но въ то же время это было наименьшее зло, какое онъ могъ сдѣлать, сообразуясь съ своимъ чувствомъ.

Получивъ высокую и совершенно неожиданную награду, отецъ Алексѣй отпросился у своего ближайшаго начальства, отца Валентина, какъ настоятеля собора, въ губернскій городъ, гдѣ онъ долженъ былъ благодарственно представиться епархіальному архіерею, и поѣхалъ.

Здѣсь въ епархіальныхъ кругахъ онъ узналъ и о своей предстательницѣ и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его награжденіе. И много еще другого узналъ тамъ отецъ Алексѣй. Консисторія приняла его какъ-то необыкновенно ласково. Вѣдь онъ былъ тѣмъ орудіемъ, при помощи котораго консисторія утерла носъ викарію.

И тутъ между прочимъ ему объяснили тайну столь поздняго назначенія Мисаила на викарный постъ. Дѣло было очень просто и при томъ давно, лѣтъ уже двадцать назадъ. Мисаиль тогда дѣйствительно стоялъ на блестящемъ пути, и ему предстояла рѣдкая духовная карьера, но большихъ монашескихъ склонностей онъ не проявлялъ и велъ жизнь далекую отъ аскетизма.

Онъ, конечно, былъ далеко не первый въ этомъ отношеніи, но то, что другимъ, мало замѣтнымъ, сходило съ рукъ, для него, яркаго, оказалось роковымъ. У него были враги, которые слѣдили за нимъ и ждали слишкомъ неосторожнаго шага.

Онъ тогда занималъ постъ настоятеля извѣстнаго богатаго монастыря, гдѣ монахи вели вольный образъ жизни. И тутъ-то, чуть ли не наканунѣ полученія епархіи, по доносу, онъ былъ уличенъ въ немонашескихъ поступкахъ. Враги дѣйствовали навѣрняка. сомнѣній не оставалось никакихъ. Блестящая карьера была разрушена въ самомъ началѣ.

Мисаиль, вмѣсто епархіи, былъ отосланъ въ далекій дикій край, и вся остальная жизнь его превратилась въ бѣдствіе. И только подъ конецъ жизни, видя его покорность и цѣна кипучую миссіонерскую дѣятельность, его вернули домой и дали ему викаріатство.

Такова была разгадка тайны, такъ живо интересовавшей городъ до приѣзда Мисаила. Отецъ Алексѣй узналъ ее безъ малѣйшаго чувства злорадства; напротивъ, скорѣй даже она вызвала въ его душѣ сочувствіе къ судьбѣ стараго архіерея.

Конечно, это было далеко не то, но вѣдь и его собственное положеніе было не лучше. Овдовѣвшій священникъ—невольный монахъ. А есть вещи, передъ которыми гнется всякая воля, даже и желѣзная, и при томъ безразлично, заключена ли она въ черную, или въ цвѣтную рясу.

Такъ рассуждалъ онъ, ѣдучи на пароходѣ въ свой уѣздный городъ. Можетъ быть, беззлобность его объяснялась чувствомъ удовлетворенія по поводу свалившейся на него съ неба награды, на которую онъ никогда въ жизни не рассчитывалъ, но онъ въ самомъ дѣлѣ искренно жалѣлъ семидесятилѣтняго старца, жизнь котораго была такъ скомкана, благодаря неудачѣ въ борьбѣ съ человѣческой природой.

А въ уѣздномъ городѣ, между тѣмъ, во время его отсутствія совершилось кой-что важное. Оказалось, что у отца Алексѣя были тайные враги. Они завидовали его блестящимъ качествамъ, которыми такъ щедро одарила его судьба, но, пока онъ изъ этихъ качествъ не извлекалъ слишкомъ замѣтной пользы для себя, они молчали, а теперь, когда вдругъ безъ видимыхъ заслугъ счастье вознесло его на такую высоту, они не выдержали и заговорили.

Кто-то нашель ходъ къ архіерейскому сердцу. Знали, что Мисаиль многое узнавалъ черезъ своего келейника, этого страннаго молоденькаго послушника, который съ видомъ не отъ міра сего все высматривалъ и выслушивалъ для того, чтобы передавать архіерею.

Ему-то и были рассказаны всѣ сплетни объ интимной жизни отца Алексѣя, причемъ было названо имя хлѣботорговца Тяпуценка и его красивой молодой жены и сообщено о лѣтнемъ пребы-

ваніи Вертоградова у нихъ на дачѣ. Келейникъ все въ точности передалъ Мисаилу.

И вотъ тутъ-то Мисаиль не смогъ побороть свою вражду. Онъ зажегся невѣроятнымъ гнѣвомъ и въ то время, какъ отецъ Алексѣй благодушно проводилъ время въ губернскомъ городѣ, посѣщая членовъ консисторіи и ея чиновниковъ, въ то время, какъ онъ, узнавъ исторію самого Мисаила, сожалѣлъ о его загубленной карьерѣ, здѣсь происходило цѣлое слѣдствіе.

Мисаиль позвалъ къ себѣ отца Валентина Звѣздочетова и началъ допрашивать его: правда ли? Отецъ Валентинъ струсилъ. Видь у Мисаила былъ угрожающій. Что это правда, никто не могъ сказать, то точно такъ же никто не могъ съ увѣренностью отвѣтить, что это неправда. И колеблющійся настоятель собора, больше всего заботившійся о своей шкурѣ, далъ уклончивый отвѣтъ.

— Никто не можетъ знать сего съ достовѣрностью, ваше преосвященство,—сказалъ онъ:—но что слухи такіе есть и разговоры, этого отрицать не могу.

— Но какъ же такъ? Священникъ, и при томъ вдовый, проживаетъ лѣто на дачѣ, гдѣ живетъ расположенная къ нему молодая женщина, мужъ которой въ отсутствіи... И это ничего? И ты, отецъ Валентинъ, ближайшій его начальникъ, смотришь на это сквозь пальцы?

И началъ архіерей укорять соборнаго настоятеля за бездѣятельность и небрежность, а тотъ стоялъ передъ нимъ и думалъ, что ты, молъ, ваше преосвященство, совершенно неправъ, что я начальникъ его по служебной части, но никто не поставилъ меня начальствовать надъ его личной иптимной жизнью и что, доколѣ онъ передъ всѣми ведетъ себя безупречно, онъ за свою личную жизнь отвѣтствуетъ только передъ Богомъ.

Такъ думалъ отецъ Валентинъ, но ничего этого не сказалъ архіерею, ибо желалъ сохранить въ неприкосновенности собственную шкуру.

И вотъ пріѣхалъ въ уѣздный городъ самъ отецъ Алексѣй. Не успѣлъ онъ прійти домой, какъ въ квартиру его уже постучался отецъ Валентинъ.

— Вотъ какое обстоятельство, отецъ Алексѣй, случилось тутъ безъ васъ. Нашелся у васъ врагъ и такъ-то и такъ-то...

Отецъ Алексѣй выслушалъ его и усмѣхнулся, но не столько тому, что онъ говорилъ, сколько его испуганному виду.

— Такъ это, или не такъ, отецъ Валентинъ,—сказалъ онъ:—а всѣ мы люди, всѣ человѣки и будемъ за свои поступки держать отвѣтъ передъ Богомъ.

-- Эхъ, отецъ Алексѣй, что вы говорите?—воскликнулъ Звѣздочетовъ:—передъ Богомъ, оно конечно. Да вѣдь передъ Богомъ-то, навѣрно, легче отвѣтъ держать, нежели передъ разгнѣваннымъ

начальствомъ. Богъ-то милостивъ и справедливъ, а начальство— сами знаете...

— Ничего, отецъ Валентинъ... Какъ-нибудь отчитаемся. Мнѣ везеть. Видите, какъ повезло! Ни съ того, ни съ сего въ протоіереи попалъ. Ну, можетъ, и тутъ какъ-нибудь.

— Гордый вы человѣкъ, отецъ Алексѣй, ей-ей! Прекрасный человѣкъ, и люблю я васъ сердечно. Видите, вотъ предупредить пришелъ. А гордости въ васъ много сидитъ. Пошли бы вы къ архіерею, да смирился бы передъ нимъ. Ну, просто такъ вотъ,—пришелъ человѣкъ и смиряется... И больше ничего. Вѣдь онъ за что противъ васъ идетъ? За гордость. Чувствуетъ, что душа у васъ непокорная, вотъ и гонить...

— Да чѣмъ же я непокоренъ, отецъ Валентинъ? Укажите, ежели что противъ него сдѣлалъ, такъ я повинюсь. А что же такъ безъ причины виниться? Это уже выходитъ, какъ въ хохлацкой пѣснѣ: «спасибо тѣ мила, що ты меня била».

Невольно разсмѣялся этой шуткѣ отецъ Валентинъ, махнулъ на него рукой, какъ на безнадежнаго, и удалился.

А на другой день къ отцу Алексѣю прискакалъ вѣстникъ: архіерей вызывалъ его къ себѣ. Весь соборный домъ сейчасъ же узналъ объ этомъ и тревожно насторожился. А отецъ Алексѣй надѣлъ свою лучшую рясу, приладилъ къ подряснику бѣлоснѣжный крахмаль- ный воротникъ, расчесалъ кудри и бороду, надѣлъ камлавку и отправился въ архіерейскій домъ.

Мисаилъ, уже потерявшій способность сдерживать себя при немъ, бѣгалъ по комнатѣ, лицо его было красно, глаза горѣли. Едва только отецъ Алексѣй вошелъ въ пріемную комнату, какъ архіерей набросился на него и какъ-то прямо, безъ обращенія, безъ всякаго порядка и довольно безсвязно.

— Занимаете видное мѣсто, получаете небывалыя повышенія и въ то же время вводите въ соблазнъ цѣлый городъ! Называютъ имена, указываютъ мѣсто... Это нестерпимо, недопустимо...

— Прошу васъ успокоиться, ваше преосвященство,—спокойно, кротко, почти ласково сказалъ отецъ Алексѣй.

Но Мисаилъ не хотѣлъ успокаиваться и продолжалъ бросать ему отрывистыя обвиненія. Тутъ было все: его красивая вѣшность и щегольство, и плѣнительный голосъ, и дамскіе вздохи, и будто бы беззащитное афишированіе чуть не открытой связи съ извѣстной женщиной. Мисаилъ говорилъ минутъ десять, все время бѣгая по комнатѣ, а отецъ Алексѣй ждалъ терпѣливо. Наконецъ, видя, что Мисаилъ едва ли способенъ когда-нибудь остановиться, онъ осторожно, но въ то же время и рѣшительно перебилъ его.

— Вашему преосвященству благоугодно, чтобы и я сказалъ слово?

— Тутъ слова излишни,—бросилъ архіерей, но вдругъ какъ бы церемѣнилъ мнѣніе и прибавилъ:—говорите!

— Благодарю, ваше преосвященство, за разрѣшеніе. Я скажу немного. Я зналъ, зачѣмъ меня потребовали, и обдумалъ. Я приготовился и могу отвѣчать, какъ на страшномъ судѣ. Мое первое слово: пользуюсь неизмѣнно всеобщимъ уваженіемъ гражданъ, о чемъ засвидѣтельствуешь всякій встрѣчный,—слѣдовательно, соблазна отъ меня нѣтъ. Слухи обо мнѣ дѣйствительно ходятъ, но причина этого мое вдовое положеніе. Всѣ повторяютъ эти слухи, но никто имъ не вѣритъ. Ваше преосвященство—первый, повѣрившій имъ, хотя, да будетъ мнѣ прощено это, менѣе всѣхъ повѣрившій ихъ. А второе мое слово будетъ важное. Скажу, что если бы даже было и такъ..

— Если бы?—вдругъ какъ-то необыкновенно пытливо перебилъ его Мисаиль.—Нѣтъ, не если бы, а прямо скажите, прямо отвѣтите на вопросъ: такъ или не такъ?

Строгое лицо отца Алексѣя сдѣлалось напряженно сосредоточеннымъ.

— Я скажу прямо. Но скажу это не человѣку, выспрашивающему меня о моей интимной жизни, и даже не начальнику, разгнѣванному, ибо никто не имѣетъ права спрашивать другого о его внутреннемъ, которое только между нимъ самимъ и Богомъ, а скажу я архипастырю моему и духовнику: да, такъ, владыко, такъ.

Мисаиль поднялъ голову и изумленнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него.

— Такъ? Вы это говорите прямо?

— Такъ, ваше преосвященство, а говорить надо только прямо. Я человѣкъ... Безжалостная судьба лишила меня семейнаго блага, а мнѣ не чуждо человѣческое. Но я не давалъ обѣта, я не отрекался отъ мірскаго. А вашему преосвященству извѣстно, что даже монахи, связавшіе себя обѣтомъ, въ борьбѣ съ человѣческимъ не всегда оказывались побѣдителями...

Мисаиль какъ-то странно, какъ бы защищаясь, поднялъ передъ собою руки, и эти руки видимо начали дрожать, а лицо его изъ краснаго вдругъ сдѣлалось блѣднымъ и какимъ-то безпомощнымъ.

— Вы говорите... Вы намекаете?.. Но откуда? Кто далъ вамъ основанія?

— О, никто... Ни мнѣ, ни вашему преосвященству... И я Бога въ свидѣтели призываю, что не имѣлъ въ виду укорять, либо судить, а только ради защиты самому себѣ... Больше у меня нѣтъ никакой защиты... И я не смѣю долѣе раздражать своимъ присутствіемъ ваше преосвященство.

И онъ низко поклонился, съ явнымъ намѣреніемъ уйти, но Мисаиль быстро подошелъ къ нему и схватилъ его за руку.

— Нѣтъ, погодите... Садитесь. Сядемте вотъ здѣсь... Я хочу слушать васъ... Да, да, въ васъ есть правдивость, чего нѣтъ въ другихъ... Вы гордый человѣкъ, но я неправъ. Садитесь,

говорите, и я скажу вамъ... Мнѣ хочется... Я еще никому не говорилъ этого.

И отецъ Алексѣй сѣлъ на предложенное мѣсто и говорилъ о своей жизни вдовца, объ оставшейся на его рукахъ дѣвочкѣ, которую онъ, самъ, безъ добраго внимательнаго женскаго глаза, не смогъ бы воспитать. Мисаиль слушалъ внимательно, а потомъ началъ тихимъ голосомъ рассказывать ему давнее и близкое, всю свою жизнь...

И изумлялись въ городѣ тому, что послѣ этого свиданія не было у Мисаила болѣе вѣрнаго человѣка среди уѣзднаго духовенства, какъ отецъ Алексѣй Вертоградовъ. Онъ часто призывалъ его къ себѣ и совѣтовался съ нимъ обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ и говорилъ, что цѣнить въ немъ непоколебимую правдивость.

И удивительнѣе всего было то, что онъ больше не придавалъ никакого значенія его бѣлымъ воротничкамъ, тщательно расчесаннымъ кудрямъ и бородѣ, цвѣтнымъ подрясникамъ и щегольскимъ рясамъ.

И. Потапенко.

ДОБРОВОЛЬЧАЯ ЗАТВОРНИЦА.

I.

А КРАЙНИМЪ обиліемъ матеріала многіе изъ эпизодовъ, пережитыхъ мною, и многое изъ воочію мною видѣннаго не войдетъ въ тотъ циклъ замѣтокъ, который нашелъ себѣ гостепріимное мѣсто на страницахъ «Историческаго Вѣстника», подъ общей рубрикой «Встрѣчи и знакомства», а потому нѣкоторымъ изъ этихъ мимолетныхъ встрѣчъ я отведу мѣсто въ отдѣлѣ бѣглыхъ замѣтокъ.

Къ числу такихъ «встрѣчъ» принадлежитъ эпизодъ, скорѣе слышанный, нежели видѣнный мною, но за достоверность котораго ручаются авторитетныя имена лицъ, еще помнящихъ главныхъ героевъ разсказа.

Рѣчь идетъ о семьѣ Шишковыхъ, родственниковъ и наслѣдниковъ памятнаго въ исторіи Отечественной войны бывшаго министра народнаго просвѣщенія Александра Семеновича Шишкова, перу котораго принадлежатъ всѣ выдающіеся манифесты, опубликованные въ памятное время Отечественной войны.

Съ Шишковыми мою семью связывало очень близкое и тѣсное знакомство, еще скрѣпленное довольно близкимъ родствомъ. У старика-министра, женатаго на полькѣ, былъ родной братъ, нѣкоторое время состоявшій владимирскимъ губернаторомъ—и затѣмъ долгіе годы проживавшій съ довольно многочисленной семьей въ

Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, въ богатомъ и доходномъ селѣ Ерновѣ, принадлежавшемъ второй жепѣ Дмитрія Семеновича, Екатериинѣ Васильевнѣ, женщиинѣ до того капризной и сварливой, что она этими отрицательными качествами составила себѣ широкую извѣстность не только среди знакомыхъ, но и среди лицъ, только по наслышкѣ ее знавшихъ.

Это была женщина деспотичная до жестокости, взгляда которой боялась не только вся ея многочисленная дворня, но и вся не менѣе многочисленная семья. Старшія дѣти всячески избѣгали встрѣчи и столкновенія съ матерью, меньшія прямо плакали и дрожали при ея входѣ въ комнату, а кроткій и спокойный супругъ при вспышкахъ ея необузданнаго характера слѣдилъ удалиться и укрыться гдѣ-нибудь въ далекомъ уголкѣ дома, тщательно затыкая уши отъ ея звонкаго и неумолкаемаго крика, а подчасъ и голову осторожно прикрывая руками, такъ какъ у Екатерины Васильевны, когда гнѣвъ ея доходилъ до апогея, недалеко было и до рукопашной расправы съ мужемъ.

О дѣтяхъ и дворнѣ и говорить нечего: и тѣхъ и другихъ она била, какъ говорится, походя, и на неумолимыхъ вѣсахъ ея правосудія всякая вина была вповоата.

Распоряжаясь вѣтъ совершенно деспотически и никогда не только не обращаясь къ мужу за совѣтомъ, но и не выслушивая того, что онъ ей отъ времени до времени находилъ нужнымъ замѣтить, Екатерина Васильевна наказывала на колющѣ и ссылала въ Сибирь своихъ злополучныхъ вассаловъ такъ просто и свободно, какъ въ настоящее время самому кратковременному аресту никого не подвергаютъ.

Особенно неумолима была она въ двухъ случаяхъ, а именно, — когда задѣто было ея самолюбіе, или ея ревность. Всякое непочтеніе или кажущаяся грубость наказывались, какъ истинное преступленіе, а предметъ случайной ревности Катерины Васильевны чуть не смертному бою подвергался изъ барскихъ рукъ.

Во вниманіе въ этихъ случаяхъ не принималось положительно ничто, и стояло Дмитрію Семеновичу пристально, хотя бы и совершенно машинально, взглянуть на одну изъ горничныхъ, швей или кружевницъ, какъ несчастную тотчасъ же отправляли на деревню и тамъ выдавали замужъ за послѣдняго изъ нищихъ пропойць-мужиковъ.

Спасенія отъ ея гнѣва не было никогда и никому, и никакой пощады она не знала!...

Особымъ предметомъ ненависти Катерины Васильевны была старшая дочь, Настасья Дмитріевна, и подобная антипатія являлась тѣмъ болѣе странной и непостижимой, что никто изъ дѣтей такъ не походилъ характеромъ на мать, какъ Настасья Дмитріевна. Тотъ же деспотическій нравъ, та же непреклонная и же-

стокая воля, тѣ же порывы не нависти ко всему и ко всѣмъ!... Впослѣдствіи всѣ эти отрицательныя качества снискали Настасьѣ Дмитріевнѣ Шишковой громкую и плачевную извѣстность, и имѣнія, унаслѣдованныя ею въ пожизненное владѣніе отъ старика-министра Шишкова, постоянно заняты были военнымъ постоемъ, благодаря неустаннымъ крестьянскимъ бунтамъ, вызваннымъ ея управленіемъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что изъ ея личнаго владѣнія и управления имѣнія эти были изъяты по высочайшему повелѣнію и, взятыя въ опеку, ввѣрены были ея меньшей сестрѣ, Прасковѣ Дмитріевнѣ, по мужу Ушаковой.

Но возвращаюсь къ Екатеринѣ Васильевнѣ, долгіе годы извѣстной въ окрестности подъ нелестнымъ прозвищемъ «Салтычихи».

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Катерина Васильевна подъ вліяніемъ особо сильныхъ припадковъ ревности и гнѣва впала въ положительную ярость, и среди мѣстныхъ дворянъ шель уже говоръ о томъ, что мужу слѣдовало бы обратиться въ судѣбствію психіатровъ и учредить надъ жестокой помѣщицей опеку, когда въ Ерновѣ случилось совершенно непредвидѣнное и необъяснимое событіе.

Въ числѣ дворовыхъ, къ которымъ жестокая помѣщица относилась особенно враждебно, былъ старый поварь, помѣтившій лучшіе годы и иные порядки и никакъ не соглашавшійся подчиняться многимъ безчеловѣчнымъ нововведеніямъ новой помѣщицы. Такъ, онъ возставалъ противъ отрѣзыванья косъ у молодыхъ дѣвушекъ, нарушившихъ законы строгой нравственности, громко порицалъ систему двойного оброка, къ которой прибѣгала помѣщица въ тѣхъ случаяхъ, когда ей предстояли особые расходы, и въ тѣсномъ, лично ему ввѣренномъ районѣ возставалъ противъ той непомѣрной экономіи, которую усердно вводила и практиковала Шишкова вопреки частымъ протестамъ мужа.

До Екатерины Васильевны всѣ эти противозаконныя толки доходили и, конечно, увеличивали ожесточеніе ея противъ смѣлаго протестанта. Она неоднократно грозила ему ссылкой и однажды, подъ вліяніемъ особо сильно возбужденнаго гнѣва, порѣшила привести угрозы свои въ исполненіе.

Призванъ былъ приказчикъ, сдѣланы были соответствующія распоряженія, и старику Ермолаю, — такъ звали повара, — объявлено было, чтобы онъ на слѣдующій день готовился въ путь.

— Въ путь?.. Куда она это? Въ какой путь?—съ недоумѣніемъ освѣдомился онъ.—Старъ ужъ я сталъ для дальнихъ путешествій... Да и не слышать было, чтобы господа куда-нибудь собирались?

— До господъ тебѣ дѣла нѣтъ!—строго замѣтилъ ему въ отвѣтъ староста.—О тебѣ рѣчь идетъ, а не о господахъ!.. Тебѣ въ путь собираться приказано! И старухѣ своей скажи... пусть тоже собирается. Да, небось, и не долги будутъ ваши сборы, потому что ничего

съ собой вамъ брать не дозволено... Все здѣсь останется... все подь господь отобрать приказано!

— Какъ подь господь отобрать?.. Не пойму я что-то твоихъ рѣчей!—все сильнѣе и сильнѣе недоумѣвая, проговорилъ старикъ.— Куда жъ это насъ отправляютъ?!

— Не далече!.. Всего только въ Сибирь на поселеніе!..—съ звѣрскимъ смѣхомъ пояснилъ ему староста.

Старикъ-поваръ поблѣднѣлъ и зашатался.

— Какъ, въ Сибирь?.. За что?.. По чьему приказу?!

— По чьему же, какъ не по барскому?... Извѣстное дѣло, что отъ себя я тебя ссылатъ бы не могъ... А за что, ты самъ, небось, лучше меня знаешь!.. За то, что языкъ у тебя не на мѣстѣ повѣшенъ... длиненъ супротивъ всякой мѣрки... и лопочешь ты имъ зря, чего не слѣдуетъ! Вздумалъ господскія дѣла и распоряженія судить!... Выше господь стать задумалъ. Вотъ тебѣ указано настоящее твое мѣсто, чтобы зналъ ты его отнынѣ и довѣка!... Изъ Сибири-то небось не вернешься!... Не ближній свѣтъ!... Ну, да чего калякать попустому?.. Сказано тебѣ, собирайся... Чтобы къ утру все у тебя готово было! На зарѣ будетъ подь тебя подвода готова... такъ, чтобы къ полудню въ присутствіе тебя представить, а въ вечеру мнѣ домой обернуться.

Старикъ провелъ рукой по лбу, покрытому холоднымъ потомъ. Ему сномъ казалось все то, что онъ слышалъ... Ему очнуться хотѣлось отъ этого кошмара!

— А дѣти?... А семья моя какъ же?!

— Всѣхъ съ тобой ссылаетъ барыня... Такая ея есть воля, чтобы твоего вольнаго духа въ усадьбѣ не оставалось и званія!.. Чтобы до конца края тебя и твой родъ отселева изничтожить!...

И староста повернулся, чтобы итти.

Старикъ всталъ во весь ростъ и какъ будто выросъ моментально отъ охватившей его могучей злобы.

— Ну, такъ хорошо же!... Такъ скажи же ты ей, барынѣ своей кровопійцѣ, что не молча пойду я въ Сибирь далекую да холодную... не молча покорюсь я ея волѣ злодѣйской!.. Скажи ей, что заступится за меня Господь праведный, и не увидитъ она свѣта Божьяго такъ же, какъ сама другихъ свѣта лишила!..

— Ну... ну... Ты того... потише! — испуганно замахалъ руками староста, трусливо оглядываясь на дверь и боясь, чтобы кто-нибудь не подслушалъ дерзкихъ рѣчей въ конецъ взбѣшеннаго старика.

Онъ хорошо зналъ ерновскіе порядки. Онъ зналъ, что тотъ, кто слышалъ смѣлыя слова заслуженной хулы, могъ поплатиться за это такъ же строго, какъ и тотъ, кто ихъ произносилъ...

Но стараго повара остановить было уже нельзя. Онъ въ конецъ разошелся.

— Ты на меня руками-то не махай!.. Мнѣ, братъ, теперь ужъ не страшно. Мнѣ ничто не страшно!.. Дальше Сибири меня съ семьею не угонять... Хуже тюрьмы да посленія ничего не придумаютъ!.. А коли ты побоишься ей все передать, такъ я скажу ей все, что надо... смѣло, прямо скажу... раздумывать не стану!.. Сказано, нечего мнѣ ужъ теперь бояться!..

И дѣйствительно, выбѣжавъ, какъ безумный, во дворъ, старикъ направился прямо къ тому окну, которое выходило изъ барыниной спальни, и, остановившись передъ нимъ, громко и смѣло крикнулъ:

— Будьте вы прокляты на всю вашу жизнь!.. Чтобы вамъ свѣта Божьяго не видать!.. Чтобы заживо васъ могила взяла, какъ сами вы живыхъ людей въ могилу опускаете!..

Его схватили, связали и въ ту же почъ отвезли въ городъ. Но слова его, произнесенныя громко и отчетливо, достигли до слуха барыни, и она, по словамъ тѣхъ, кто въ то время былъ въ комнатахъ, молча отошла отъ окна и провела рукой по лбу, какъ будто какую-то тяжкую мысль отъ себя отгоняла. Право ссылки крѣпостныхъ людей въ Сибирь въ тѣ далекія времена принадлежало помѣщикамъ безконтрольно, а въ пользу всѣмъ хорошо извѣстной и неуживчивой Шишковой еще излишнія послабленія дѣлались изъ нежеланія «связываться» съ нею и навлекать на себя ея месть и злобу. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ судьба старика Ермолая была быстро рѣшена, и онъ отправленъ былъ сначала въ губернской острогъ, а затѣмъ этапомъ въ Сибирь.

Засгунуться за старика было пекому. Дмитрій Семеновичъ за годъ передъ тѣмъ умеръ, а дѣти, хотя и входившія уже въ возрастъ, держались матерью въ полномъ, почти рабскомъ повиновеніи.

Но судьба сама отомстила за стараго слугу, и отомстила выдающимся, для всѣхъ таинственнымъ и непонятнымъ образомъ...

Однажды осенью того же года, въ которомъ сосланъ былъ Ермолай съ семьею, Катерина Васильевна, всегда послѣ ужина принимавшая отчетъ по домашнему хозяйству, за ужиномъ объявила, что съ отчетомъ къ ней являться не нужно и что она «устала»!

— Будеть!—какъ-то вѣско и многозначительно произнесла она, и, вставъ изъ-за стола, противъ своего обыкновенія, ни на кого не крикнула, никого не обругала, а, наклонивъ голову, тихо произнесла:

— Ну, прощайте!..—и тихо, медленно вышла изъ комнаты, направляясь къ себѣ въ спальню.

Такое непривычное отношеніе удивило всѣхъ присутствовавшихъ, но объясненія на него дать не могъ никто, такъ какъ и любимая горничная Катерины Васильевны, обыкновенно сопровождавшая ее въ спальню и присутствовавшая при ея ночномъ туалетѣ, на этотъ разъ получила приказаніе не слѣдовать за своей госпожой. Всѣ молча переглянулись и разошлись въ обычномъ порядкѣ,

объяснивъ себѣ оригинальную выходку деспотки новымъ капризомъ съ ея стороны.

Горничная ея обошла кругомъ со стороны двора, провѣрила, закрыты ли ставни барыниной спальни, и тогда уже отправилась спать, нѣсколько промедливъ въ ожиданіи, что барыня, быть можетъ, позоветъ ее къ себѣ. Но ожиданіе это не сбылось. Катерина Васильевна не позвала ее ни вечеромъ, ни поздно ночью, ни даже на слѣдующее утро, и когда въ обычный утренній часъ она подошла къ двери, чтобы по обыкновенію постучать въ нее и разбудить барыню, она, къ своему крайнему удивленію, нашла дверь незапертой. Этого никогда не бывало, и Катерина Васильевна, имѣвшая полное основаніе не довѣрять особо усердной охранѣ со стороны своихъ служащихъ, всегда на ночь запирала свою дверь.

Осторожно стукнувъ и не получивъ отвѣта, горничная не рѣшилась войти въ комнату барыни и пошла доложить обо всемъ старшей изъ барышень, Прасковѣ Дмитріевнѣ.

Та вмѣстѣ съ ней подошла къ комнатѣ матери и, разслушавъ тамъ движеніе, тихонько пріотворила дверь. Катерина Васильевна спала. Она лежала на кровати съ открытыми глазами и, пристально взглянувъ на пришедшихъ, знакомъ показала имъ, что присутствіе ихъ ей неприятно и чтобы они ушли. Горничная робко спросила, не прикажетъ ли барыня подать ей чаю,—послѣдовалъ молчаливый отрицательный отвѣтъ. Горничная сдѣлала движеніе, чтобы выйти изъ комнаты и, остановленная вопросительнымъ взглядомъ барыни, объяснила, что идетъ открыть ставни. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ энергичный жестъ, воспрещавшій такое распоряженіе.

Всѣ движенія были вполне осмысленны, во всемъ сказывалась твердая и попрежнему непреклонная воля, только все происходило въ полномъ и строгомъ молчаніи.

Повинуясь повелительному жесту, и дочь, и горничная вышли изъ комнаты, оставивъ Катерину Васильевну одну. Вновь позвала она звономъ колокольчика горничную только передъ вечеромъ, и на вопросъ, прикажетъ ли она подать ей кушать, получила въ отвѣтъ одно слово: «хлѣба». На предложеніе позвать дочерей и сыновою Катерина Васильевна отвѣчала категорическимъ отказомъ и, начиная съ этого дня, 12 лѣтъ сряду пролежала въ темной комнатѣ, никого, кромѣ старой горничной, къ себѣ не допуская, да и съ той никогда не говоря ни слова.

Въ первое время все ждали, что она стряхнетъ съ себя эту новую причуду, но время шло, а она продолжала упорствовать въ своей неслыханной фантазіи, и въ дѣло пришлось вмѣшаться предводителю дворянства, который за несовершеннолѣтіемъ всѣхъ почти дѣтей принялъ имѣніе Шишковыхъ въ вѣдѣніе дворянской опеки подъ ближайшимъ контролемъ старшаго изъ сыновою, Павла Дмитріевича, впоследствии служившаго въ жандармахъ.

Первые три года Катерина Васильевна не принимала никакой пищи за исключеніемъ черного хлѣба, который ей подавался два раза въ день въ довольно ограниченномъ количествѣ, и только по истеченіи трехъ или четырехъ лѣтъ, по ея личному назначенію, ей стали готовить уху изъ живой рыбы и подавать чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.

Дѣтей своихъ она попрежнему къ себѣ не допускала, никогда не поинтересовалась ни ихъ образомъ жизни, ни ихъ занятіями, и въ первый разъ допустила къ себѣ въ спальню старшую дочь и меньшаго сына Василю только послѣ 12-лѣтняго затворничества своего, въ тотъ день, когда она пригласила къ себѣ священника и пожелала исповѣдаться и причаститься св. таинъ. Остальныхъ дѣтей она и въ этотъ день къ себѣ не допустила и не выразила никакого желанія ихъ видѣть или узнать о нихъ что-нибудь. Объ имѣніи и о дѣлахъ она тоже ни однимъ словомъ не обмолвилась и не пожелала узнать, какъ и къмъ велось управленіе имѣніями за долгое время ея добровольнаго затворничества.

Послѣ св. причастія она велѣла открыть ставни и понемногу, исподоволь стала допускать въ свою комнату остальныхъ членовъ своего семейства.

По настоятельной просьбѣ предводителя дворянства она приняла и его и вела съ нимъ вполне логичный и послѣдовательный разговоръ, ни разу не подавъ повода заподозрѣть въ ней какое-нибудь психическое заболѣваніе. Она обо всемъ говорила здраво, но въ общемъ мало всѣмъ интересовалась, и на осторожный вопросъ о томъ, что побудило ее принять на себя такой обѣтъ затворничества, коротко и неохотно отвѣтила:

— Такъ надо было!

Съ постели она встала одинъ только разъ, когда въ домѣ случился внезапный пожаръ, но тотчасъ по минованіи опасности вновь легла въ той же комнатѣ, и въ ней умерла три года спустя, пробывъ въ своемъ строгомъ и таинственномъ затворѣ всего около 16-ти лѣтъ и унеся съ собою въ могилу тайну этого страннаго, таинственнаго явленія.

Окружающіе суевѣрно приписали это проклятію, которое призывалъ на ея голову сосланный въ Сибирь старый поваръ, но сосланныхъ и неправо загубленныхъ ею людей было лакъ много, и столько слезъ и крови было безвинно пролито по ея повелѣнію, что бѣдствіе или проклятіе одной семьи не могло, по всей вѣроятности, такъ тяжело лечь на ея мрачную душу.

Погребена была Катерина Васильевна въ Ерновѣ, и имѣнія ея были переданы во владѣніе ея наслѣдниковъ только послѣ ея смерти; при жизни же ея, несмотря на то, что она лично ни во что не входила и даже никогда ничѣмъ не интересовалась, всѣми дѣлами завѣдывала опека.

Этот характерный эпизод помнят многие в Рязанской губернии, и такъ какъ Катерина Васильевна умерла только въ началѣ 60-хъ годовъ, то есть еще старожилы, которые помнятъ ее лично.

Замѣчательно, что, несмотря на страшно трудный режимъ, которому она подчинила свою жизнь, Катерина Васильевна до смерти сохранила всѣ свои физическія силы и не отличалась ни дряхлостью, ни худобой.

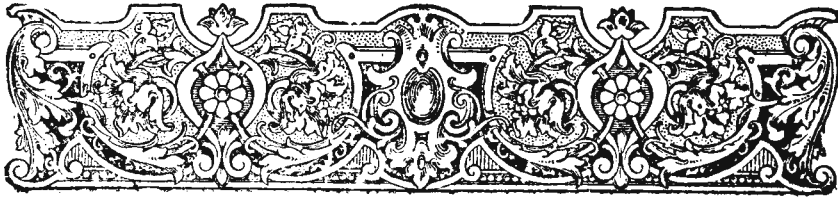
Изъ ея прямого потомства сохранились только дѣти старшей дочери ея, Ушаковой, изъ которыхъ одна была замужемъ за генераломъ Маевскимъ, другая за княземъ Волконскимъ, а третья за Смагинымъ, съ которымъ впоследствии разошлась. Двѣ остальные дочери Катерины Васильевны, Настасья и Софья Дмитриевны, умерли незамужними, меньшой сынъ Василій, женатый на Сазоновой, умеръ бездѣтнымъ, а самый старшій, Павелъ, женатый на Кушниковой, похоронилъ единственнаго сына своего въ ранней молодости.

Съ нимъ умеръ послѣдній представитель этого достаточно громкаго и извѣстнаго рода. Представители побочныхъ линій существуютъ и понынѣ, по прямой же линіи родственниковъ у старика министра не осталось.

Дѣтей у него не было, и усыновленная имъ и его женой племянница вышла замужемъ за графа Рибоьера.

А. И. Соколова.

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

I

Рожденіе и крещеніе великаго князя Александра Александровича.—Чествованіе этого событія въ Россіи и Финляндіи.

ВАДЦАТЬ ШЕСТОГО февраля 1845 года былъ солнечный день, въ воздухѣ пахло весной, только сѣверо-западный вѣтеръ заставлялъ плотно закутываться въ шубу.

Въ Зимнемъ дворцѣ въ этотъ день съ утра происходило какое-то волненіе. Императоръ Николай I принялъ только одного петроградскаго генераль-губернатора Кавелина, отказавъ въ приѣмѣ представляющимся и очереднымъ министрамъ. Императрица Александра Теодоровна съ утра прошла на половину наслѣдника, помѣщавшуюся въ лѣвомъ углу Зимняго большого дворца. Тамъ цесаревна Марія Александровна почувствовала приближеніе родовъ ¹⁾.

Въ часъ 50 минутъ пополудни роды благополучно окончились, и на свѣтъ Божій появился маленькій великій князь. Въ это время къ наслѣднику вошли: императоръ Николай I, великій князь Михаилъ Павловичъ, великая княгиня Марія Николаевна, великая княжна Ольга Николаевна, герцогъ Лейхтенбергскій и принцы: Петръ Ольденбургскій и Александръ Гессенскій.

¹⁾ Нѣкоторые авторы неправильно опредѣляютъ, что великій князь Александръ Александровичъ родился въ Аничковскомъ дворцѣ. См. А. Пловъ, «Императоръ Александръ III», и К. Корольковъ, «Жизнь и царствованіе императора Александра III» и др. Аничковскій дворецъ въ то время былъ необитаемъ и служилъ запаснымъ дворцомъ.

Въ два часа былъ приглашенъ придворный протоіерей Бажановъ, который прочиталъ обыкновенную на этотъ случай молитву, и младенецъ былъ имъ нареченъ Александромъ.

Послѣ поздравленія съ рожденіемъ великаго князя государь послалъ своего дежурнаго флигель-адъютанта князя Паскевича въ Петропавловскую крѣпость для объявленія коменданту, чтобы онъ возвѣстилъ городу о радостномъ событіи 301 пушечнымъ выстрѣломъ, что и было въ то же время исполнено.

Вслѣдъ за симъ въ большой церкви Зимняго дворца былъ совершенъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, на которомъ государь не присутствовалъ.

По случаю этого радостнаго событія въ царской семьѣ государь повелѣлъ снять трауръ, носившійся по случаю кончины дочери императора, великой княгини Александры Николаевны, принцессы гессен-каббелъской (скончавшейся въ 1844 г.), и дочери великаго князя Михаила Павловича, великой княгини Елизаветы Михайловны, герцогини нассауской (скончавшейся 16 января 1845 г.). На другой день, 27 февраля, въ большой церкви Зимняго дворца было совершено торжественное благодарственное молебствіе, на которое собрались члены Синода, дипломатическій корпусъ, сенаторы, придворные, военные и проч., а послѣ молебствія всѣ присутствовавшіе приносили поздравленія ихъ величествамъ ¹⁾. Въ этотъ же день утромъ въ Казанскомъ соборѣ митрополитомъ Антоніемъ совершено было благодарственное молебствіе среди петроградскаго населенія.

Въ день рожденія царственный младенецъ назначенъ шефомъ Астраханскаго карабинернаго полка, съ состояніемъ въ полкахъ лейбъ-гвардіи: Гусарскомъ, Преображенскомъ и Павловскомъ. Немного позднѣе великій князь Александръ Александровичъ назначенъ шефомъ л.-гв. Финскаго стрѣльцоваго батальона ²⁾.

Послѣ молебствія наслѣдникъ Александръ Николаевичъ катался по набережной Невы и встрѣтилъ возвращавшійся караулъ л.-гв. Павловскаго полка подъ командою прапорщика Гершельмана ³⁾. Поравнявшись съ карауломъ, цесаревичъ обратился къ прапорщику Гершельману и сказалъ: «Сегодня Богъ далъ мнѣ сына, и государь соизволилъ его зачислить къ вамъ въ полкъ. Когда придешь въ казармы, передай полковому командиру объ этой новой милости его величества для объявленія по полку» ⁴⁾. Такимъ образомъ л.-гв. Павловскій полкъ первый узналъ о высочайшей милости къ полку.

¹⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ за 1845 г.

²⁾ Послужной списокъ императора Александра III.

³⁾ Впослѣдствіи генераль-адъютанта.

⁴⁾ Исторія л.-гв. Павловскаго полка.

Манифестъ о рожденіи великаго князя хотя былъ подписанъ 26 февраля, но опубликованъ 1-го марта. Въ этомъ манифестѣ, между прочимъ, сказано: «Мы вполне увѣрены, что всѣ вѣрно-поданные наши вознесутъ съ нами къ Всевышнему теплыя молитвы о благополучномъ возрастѣ и преуспѣяніи новорожденнаго».

Въ этотъ день столица была иллюминирована.

На другой день счастливый отецъ новорожденнаго почтилъ петроградскаго генераль-губернатора рескриптомъ, въ которомъ просилъ препровождаемыя три тысячи рублей употребить на вспомоществованіе бѣднѣйшимъ жителямъ столицы и на выкупъ изъ городской тюрьмы тѣхъ изъ содержащихся, которые наиболѣе окажутся того достойными.

Какъ извѣстно, въ то время желѣзныхъ дорогъ не было, и эстафета о рожденіи великаго князя дошла до Москвы гораздо позднѣе. 3 марта въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ было принесено благодарственное молебствіе при собраніи военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Московскій генераль-губернаторъ, князь Щербатовъ, получилъ высочайшій рескриптъ за собственноручнымъ подписомъ императора Николая I, въ которомъ онъ увѣдомлялъ первопрестольную столицу о рожденіи великаго князя Александра Александровича.

Цесаревичъ ознаменовалъ рожденіе сына добрыми дѣлами и пожаловалъ значительную сумму въ распоряженіе московскаго попечительства о бѣдныхъ, для раздачи бѣдствующимъ ¹⁾.

17 марта, въ субботу, назначено было крещеніе новорожденнаго великаго князя. Въ 10 часовъ утра залы Зимняго дворца наполнились блестящимъ чиновнымъ обществомъ, придворными дамами и офицерами въ парадныхъ мундирахъ. Тутъ же были иностранные дипломаты, городское купечество и свита иностранныхъ герцоговъ. Среди собравшихся появился церемоніймейстеръ князь Волконскій съ золотымъ блюдомъ, на которомъ лежалъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, и поставилъ его въ церкви на столъ около лѣваго клироса. Затѣмъ начался высочайшій выходъ, въ которомъ приняли участіе ихъ величества, наследникъ цесаревичъ, великая княжна Ольга Николаевна, великіе князья Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, Михаилъ Павловичъ и герцогъ Лейхтенбергскій. За ними былъ несенъ высоконоворожденный статеъ-дамой графинею Нессельроде; по сторонамъ ея поддерживали подушку и покрывало: фельдмаршалъ князь Варшавскій и государственный канцлеръ графъ Нессельроде. За ними шли принцъ Петръ Ольденбургскій и герцогъ гессенскій.

При входѣ шествія въ церковь были встрѣчены митрополитомъ Антоніемъ съ крестомъ и св. водою. Потомъ началось таинство св.

¹⁾ Шевелевъ, «Нѣкоторые матеріалы».

крещенія, которое совершалъ протоіерей Бажановъ. Воспріемниками новорожденнаго были: государь императоръ, великая княжна Ольга Николаевна лично, великій герцогъ гессенскій, великая княгиня Елена Павловна, великая княгиня Марія Павловна и наслѣдная герцогиня гессенская—послѣднія четыре особы заочно. Во время литургіи императрица поднесла высоконоворожденнаго къ причастію св. тайнъ; при этомъ государь и цесаревичъ поддерживали подушку. Послѣ причастія князь Волконскій поднесъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, который его величество возложилъ на поворожденнаго великаго князя Александра Александровича.

Богослуженіе кончилось, и ихъ величества и наслѣдникъ цесаревичъ принимали поздравленія отъ членовъ императорской фамиліи и высшаго духовенства.

Въ 3 часа дня въ большомъ залѣ Зимняго дворца состоялся обѣденный столъ, на который были приглашены 295 особъ и 7 представителей высшаго духовенства ¹⁾. На этомъ обѣдѣ служили: за креслами государя и императрицы первые чины двора, а прочимъ членамъ императорской фамиліи служили камергеры и камеръ-юнкеры. При возглашеніи тоста за высоконоворожденнаго съ верковъ Петропавловской крѣпости былъ произведенъ изъ орудій салютъ въ 31 выстрѣлъ.

При крещеніи великаго князя послѣдовало много милостей, изъ которыхъ важнѣйшія были: возведеніе вице-канцлера, графа Нессельроде; въ званіе канцлера иностранныхъ дѣлъ, что равняло его съ фельдмаршаломъ; министру двора, князю Волконскому, бывшему одновременно и канцлеромъ орденовъ, пожаловано 400.000 рублей изъ суммъ департамента удѣловъ. Князь Волконскій не хотѣлъ принять эти деньги, но потомъ, принявъ ихъ, пожертвовалъ въ пользу инвалидовъ ²⁾. Семь генераль-лейтенантовъ были произведены въ полные генералы и 21 генераль-майоръ—въ генераль-лейтенанты.

11-го марта 1845 года В. А. Жуковскій писалъ наслѣднику изъ Франкфурта-на-Майнѣ: «Радостнымъ сердцемъ спѣшу поздравить ваше императорское высочество съ новымъ счастіемъ вашимъ, народнымъ и, смѣю прибавить, собственнымъ моимъ. Итакъ, еще сына даровалъ вамъ Богъ. Новымъ залогомъ упрочилъ онъ покой, порядокъ и благоденствіе будущаго и для васъ и для Россіи. Народъ смотритъ теперь на вашихъ двухъ сыновей, какъ на свое олицетворенное будущее, котораго характеръ будетъ много зависеть отъ того вліянія, какое вы и ваше время произведете на сыновей вашихъ» ³⁾.

¹⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ за 1845 годъ.

²⁾ «Русская Старина» 1892 года. Воспоминанія В. Панаева. Такъ же пишетъ В. Зотовъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1890 г.

³⁾ «Старина и Новизна», 1900 года, кн. III.

Современникъ описываемаго событія, П. А. Плетневъ, въ письмѣ къ В. Жуковскому пишетъ: «Новый Александръ долженъ внести съ собою въ семью наслѣдника всѣ радости, какія сомненный ему императоръ нѣкогда внесъ въ сердце Екатерины. Намъ не увидѣть этого будущаго, которое такъ таинственно и значительно. Чѣмъ нѣкогда сдѣлается Россія? А къ ея бытію много судебъ приобщено Провидѣніемъ...»¹⁾ Въ этихъ строкахъ какъ бы заключается пророческое предвидѣніе будущаго величія судьбы новорожденнаго великаго князя.

По поводу рожденія августѣйшаго внука великій герцогъ гессенскій поздравилъ наслѣдника цесаревича письмомъ, на которое Александръ Николаевичъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: «Дорогой дядя—писалъ цесаревичъ,—тысячу разъ благодарю васъ за ваше хорошее и любезное письмо по случаю рожденія нашего маленькаго Александра. Оно доставило мнѣ двойное удовольствіе: во-первыхъ, потому, что оно явилось доказательствомъ чуднаго сердца нашего дорогаго дяди, котораго съ самаго дѣтства я привыкъ любить всѣмъ сердцемъ. Это большое счастье, которое Всевышній даровалъ намъ послѣ столькихъ страданій. И я благодарю Его и молю о благословеніи.

«Моя жена поручаетъ мнѣ передать вамъ, что она очень тронута тѣмъ участіемъ, съ которымъ вы относитесь къ нашей радости. Я же, не смѣя долже злоупотреблять вашимъ временемъ, кончаю, прося васъ, дорогаго дядя, не забывать вашего вѣрнаго и преданнаго племянника».

Великой герцогинѣ цесаревичъ писалъ такъ: «Дорогая тетя. Позвольте намъ выразить вамъ нашу благодарность за тѣ любезныя строчки, которыя вы прибавили въ хорошемъ письмѣ нашего дорогаго дяди. Мы были очень тронуты тѣмъ участіемъ, которое вы принимаете въ нашемъ счастіи, и моя жена, состояніе которой, слава Богу, насколько возможно удовлетворительно, сама предложила написать вамъ, чтобы поблагодарить васъ. Примите, дорогаго тетя, увѣренія въ чувствахъ всегда вѣрнаго вашего племянника»²⁾.

Ни великій герцогъ гессенскій, ни его супруга не были при рожденіи царственнаго внука, а ихъ замѣнялъ ихъ сынъ, Александръ Гессенскій (братъ цесаревны Маріи Александровны).

При крещеніи на младенца, по статуту, возложены императорскіе и царскіе ордепа: св. Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго, Бѣлаго Орла (польскій) и св. Анны 1-й степени³⁾.

¹⁾ «Русское Слово», 1895 года, № 284.

²⁾ Эти письма (черновыя) написаны по-французски и находятся въ собственной его величества библиотекѣ.

³⁾ Послужной списокъ императора Александра III.

Среди множества писемъ, полученныхъ цесаревичемъ, обращаетъ на себя вниманіе «70-лѣтняго дѣдовскаго слуги», какъ называлъ себя Н. О. Кутлубицкій, дѣятель павловскаго времени; на это поздравительное письмо Кутлубицкаго цесаревичъ отвѣчалъ рескриптомъ: «Николай Осиповичъ. Благодарю за ваше поздравленіе съ благополучнымъ разрѣшеніемъ ея императорскаго высочества, любезной супруги моей, государыни цесаревны великой княгини Маріи Александровны, великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ. Мнѣ пріятно видѣть въ немъ неизмѣнныя ваши чувства ко мнѣ. Я съ большимъ удовольствіемъ исполнилъ бы желаніе ваше присылкою нашихъ портретовъ, по сейчасъ ихъ нѣтъ. При первой возможности сдѣлаю» ¹⁾).

Въ наше прозаическое время никто не пишетъ стиховъ на текущія событія; не то было въ сороковыхъ годахъ: стихотворцы того времени всегда имѣли музу подъ рукой, и стихи выливались на каждое событіе; такъ и по поводу крещенія великаго князя Александра Александровича русскій поэтъ сочинилъ слѣдующее стихотвореніе:

Подъ сѣнью царственной намъ даръ отъ неба новый.
И вѣстникъ милости правителя міровъ,
Ты нынѣ церковью усыновленъ Христовой,
Къ надеждѣ, къ радости отечества сыновъ.
О, сынъ наслѣдника полсвѣтныя державы,
Младенецъ Александръ! какъ много предъ тобой
Свѣтилъ родныхъ—лучами славы
Осіяваютъ путь земной!
Да будетъ же твой вѣкъ Россіи благодатенъ!
Какъ родомъ, такъ душой—будь Николая внукъ!
Да будешь ты землѣ и небесамъ пріятенъ
И брату, первенцу—всегда по сердцу другъ!
Какъ Невскій Александръ — будь князь благочестивый,
Какъ новый Александръ, герой позднѣйшихъ лѣтъ,
Будь Александръ миролюбивый!
Смиреньемъ будь великъ—люби небесный свѣтъ!
Благословенному достойно соименный,
Еще величія Россіи ты прибавь,
И имя русское во всѣхъ концахъ вселенной
Своею жизнію прославь ²⁾).

«Б. Ф.»

Были написаны и другіе стихи по этому же поводу, но мы ихъ не приводимъ: достаточно и приведеннаго стихотворенія, чтобы судить о чувствахъ патріотизма и предвидѣнія поэта.

Чествованіе дня рожденія великаго князя Александра Александровича продолжалось и въ 1846 году, когда финляндцы праздновали первый годъ рожденія великаго князя, который, 7-го іюня

¹⁾ «Русская Старина» 1898 года

²⁾ Журналъ «Маякъ» 1845 года.

прошлаго года, былъ назначенъ шефомъ л.-гв. Финскаго стрѣлкового батальона. Это назначеніе тѣмъ болѣе льстило финскому народу, что императоръ Александръ II при восшествіи на престолъ передалъ званіе канцлера финляндскаго университета своему первенцу, великому князю Николаю Александровичу. 26 февраля 1846 года въ Гельсингфорсѣ былъ назначенъ праздникъ въ честь признательности монарху, осчастливившему Финскій батальонъ назначеніемъ столь высокаго шефа. Праздникъ начался парадомъ батальону, потомъ былъ завтракъ съ тостами въ честь шефа, а затѣмъ въ офицерскомъ собраніи былъ балъ, на которомъ присутствовало все высшее гельсингфорское общество ¹⁾, были тосты, пѣли шведскія пѣсни, и хоръ юнкеровъ пропѣлъ въ честь новорожденнаго шефа стихи въ духѣ русскаго патриотизма.

Дальнѣйшая дѣтская жизнь великаго князя протекала въ мирной тишинѣ царственнаго семейнаго круга.

II.

Поѣздки великаго князя Александра Александровича въ періодъ его дѣтства.—Кончина Николая I и коронація императора Александра II.—Пребываніе въ Гапсалѣ.—Поѣздки на Ладожское озеро, въ Нарву и Выборгъ, въ Москву, Либаву и за границу.

Обращаетъ на себя вниманіе, что великій князь Александръ Александровичъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ предпринималъ частыя путешествія, сначала для укрѣпленія здоровья, потомъ съ образовательною цѣлью и, наконецъ, какъ наслѣдникъ русскаго престола.

Первое путешествіе Александра Александровича состоялось въ 1849 году, когда вся семья цесаревича отправилась въ Ревель на морскія купанья. Августѣйшее семейство выѣхало изъ Петергофа 23 іюня на пароходѣ «Грозящій» и прибыло въ Ревель на другой день, въ 3 часа дня. При въѣздѣ въ городъ съ укрѣпленій крѣпости гремѣли выстрѣлы въ честь русскаго флага, общество гильдейскихъ цеховъ съ распущенными знаменами встрѣтили царскую семью, и толпа народа привѣтствовала пріѣзжихъ криками «ура!» У Екатериненталя была выстроена рота гвардейцевъ. Внутренній караулъ дворца, по древнѣйшему, освященному вѣками обычаю, заняли члены клуба Черноголовыхъ въ полной военной формѣ. Громкое единодушное «ура» огласило каштановую аллею, посаженную рукою Петра Великаго. На другой день царская семья прибыла въ Вышгородъ и присутствовала на молебствіи въ соборѣ ²⁾. Затѣмъ началось купанье въ морѣ и продолжалось до 16 августа, когда пароходъ «Грозящій» отвезъ семью наслѣдника обратно въ Петергофъ.

¹⁾ Журналъ «Звѣздочка» 1846 года.

²⁾ «Сѣверная Пчела» 1849 года.

Черезъ два года, а именно 18 августа 1851 года, было открытіе Николаевской желѣзной дороги, и императоръ Николай I взялъ съ собою малолѣтнихъ внуковъ Николая и Александра ¹⁾, которые и видѣли всѣ торжества открытія желѣзной дороги и торжества 25-лѣтія коронаціи государя въ Москвѣ.

1852 года, іюня 18-го, цесаревичъ съ супругою и дѣтьми: Николаемъ, Александромъ, Владимиромъ и Алексѣемъ Александровичами, а также и съ Николаемъ Максимиліановичемъ, на пароходѣ «Грозящій» отправились на морскія купанья въ Гапсаль, гдѣ для жительства августѣйшей семьи былъ приготовленъ домъ графа Бреверна-де-ла-Гарди, находящійся на окраинѣ города и обыкновенно называемый замкомъ. 20 іюня пароходъ дошелъ до острова Гестгольма, въ 15 верстахъ отъ Гапсаля, и остановился на ночь. На другой день 12-весельный катеръ отчалилъ отъ парохода, и ихъ высочества вышли на берегъ. Ихъ встрѣчали генераль-губернаторъ князь Суворовъ, губернаторъ Гринвальдъ, предводитель дворянства графъ Бенкендорфъ и оберландгерихтъ Крузенштернъ. Пристань была украшена двумя триумфальными арками, зеленью и флагами. 40 дѣвицъ въ бѣлыхъ платьяхъ усыпали путь путешественниковъ цвѣтами, а одна изъ нихъ поднесла на подушкѣ стихи сочиненія графа Ребиндера. На другой день наслѣдникъ произвелъ смотръ ротѣ карабинернаго Астраханскаго его императорскаго высочества великаго князя Александра Александровича полка, прибывшей для содержанія карауловъ въ Гапсалѣ. Августѣйшій шефъ полка въ первый разъ видѣлъ роту своего полка и вмѣстѣ съ цесаревичемъ обошелъ фронтъ роты ²⁾. Въ воскресенье 21 іюня цесаревичъ уѣхалъ изъ Гапсаля, а цесаревна въ этотъ день разрѣшила публикѣ Гапсаля посѣтить ея садъ, въ которомъ игралъ прекрасный оркестръ музыки л.-гв. Преображенскаго полка. Съ отъѣздомъ наслѣдника началось купанье дѣтей и продолжалось до 26 іюля, когда семья цесаревича отправилась обратно въ Петроградъ, куда и прибыли 28 іюля.

10 февраля 1855 года императоръ Николай I заболѣлъ лихорадкой, 12 февраля внуки императора, послѣ причастія, посѣтили больного дѣдушку, который обласкалъ ихъ и пожелалъ видѣть ихъ каждый день. 18 февраля ночью государь почувствовалъ себя очень дурно и пригласилъ духовника протоіерея Бажанова для исповѣди и причастія. Въ 3 часа утра государь позвалъ наслѣдника, цесаревну и всѣхъ дѣтей ихъ, а также всю семью великаго князя Константина Николаевича и благословилъ ихъ. Въ эту ночь цесаревичъ и великій князь Константинъ Николаевичъ ночевали на

¹⁾ Поѣздка описана нами въ статьѣ «Въ старую Москву» въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ» 1915 года.

²⁾ «Русскій Инвалидъ» 1852 года.

половинѣ государя. За нѣкоторое время до своей кончины государь позвалъ къ себѣ старшаго сына, наслѣдника, и вновь благословилъ его. Въ 12 часовъ 20 минутъ перваго часа государь скончался. Всѣ члены царской семьи облобызали тѣло покойнаго государя и въ 7 часовъ присутствовали на первой панихидѣ, на которой была только одна царская семья ¹⁾.

Въ то время была война съ союзниками, и молодой государь пожелалъ видѣть, какъ англо-французскій флотъ бомбардировалъ Кронштадтъ.

10 іюня 1855 года государь съ императрицею и съ дѣтьми Николаемъ и Александромъ, посѣтилъ Кронштадтъ и Ораніенбаумъ, гдѣ наблюдали за дѣйствіями союзнаго флота ²⁾.

1 сентября 1855 года, по древнему обычаю, молодой государь съ своей семьей отправился въ Москву, гдѣ съ высоты Краснаго крыльца поклонился народу. Затѣмъ государь съ семьей посѣтилъ Троицко-Сергіеву лавру и возвратился въ Петроградъ 12 сентября.

Въ 1856 году, 20 іюня, августѣйшія дѣти государя: Николай, Александръ, Владимиръ и Алексѣй, со своими наставниками опять были въ Галсалѣ, гдѣ предприняли курсъ морского купанья и возвратились въ Петергофъ 30 іюля.

Черезъ двѣ недѣли, 14 августа, вся царская фамилія отправилась изъ Царскаго Села на колпинскую станцію, а оттуда выѣхала въ Москву, гдѣ 26 августа было торжественное коронованіе молодого государя. Всѣ царскія дѣти присутствовали какъ при высочайшемъ въѣздѣ въ Москву, такъ и при всѣхъ торжествахъ коронованія. Среди военныхъ парадовъ и смотровъ особенно сильное впечатлѣніе на царскихъ дѣтей произвелъ смотръ кадетъ 1-го и 2-го московскихъ, Александровскаго сиротскаго и брестскаго кадетскихъ корпусовъ, произведенный на кадетскомъ плацу въ Лефортовѣ. На этомъ смотрѣ великіе князья Николай и Александръ были верхомъ. Во время пребыванія въ Москвѣ, съ разрѣшенія государя, нѣсколько разъ къ маленькимъ князьямъ были приглашаемы кадеты московскихъ корпусовъ, съ которыми великіе князья и играли въ разныя игры ³⁾. Во время пребыванія въ Москвѣ великіе князья, вмѣстѣ съ государемъ и императрицею, посѣтили Троицко-Сергіеву лавру, гдѣ посѣтили скитъ, пещеры, обходили всѣ церкви и монашескую трапезу, были въ келіи митрополита Филарета. Переночевавъ въ лаврѣ, августѣйшіе посѣтители отправились обратно въ Москву. Пребываніе въ Москвѣ продолжалось съ 14 августа до 24 сентября, когда императорская фамилія возвратилась въ Царское Село.

¹⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ за 1855 годъ.

²⁾ «Русскій Архивъ» 1915 года: «Заботы Цесаревича», Е. Каменскаго

³⁾ Объ этомъ мы писали въ «Русской Старинѣ» 1916 г. въ статьѣ «Августѣйшіе кадеты».

Въ 1857 году, когда старшимъ великимъ князьямъ Николаю было уже 14 лѣтъ, а Александру 12 лѣтъ, наставнику образованія царскихъ дѣтей Титову пришла мысль соединить, при поѣздкахъ на морскія купанья, полезное съ пріятнымъ. Съ этою цѣлью было испрошено разрѣшеніе по пути въ Гапсаль посѣтить города Гельсингфорсъ и Ревель. Это путешествіе состоялось 11 іюня 1857 года. Въ распоряженіе царскихъ дѣтей былъ предоставленъ паровой фрегатъ «Рюрикъ», на которомъ великіе князья Николай, Александръ и Владиміръ Александровичи и отправились изъ Петергофа въ Гельсингфорсъ. Въ этомъ путешествіи великихъ князей сопровождали генералы Зиновьевъ, Гогель, наставникъ Титовъ, профессоръ Гротъ, флигель-адъютантъ Рихтеръ, докторъ Обломовскій и секретарь Оомъ. Готовясь къ этому путешествію, профессоръ Яковъ Карловичъ Гротъ, хорошо изучившій Финляндію, ознакомилъ молодыхъ князей съ краткой исторіей Финляндіи, причѣмъ князья заинтересовались дѣянiями Петра Великаго, которымъ было завоевано побережье Финскаго залива. Гротъ разсказалъ, какъ былъ взятъ въ 1713 году городъ Гельсингфорсъ, не тотъ Гельсингфорсъ, который теперь называется столицей Финляндіи, а тотъ старый Гельсингфорсъ, который былъ свидѣтелемъ атаки и бомбардировки русскаго флота. Въ 1713 году двѣсти русскихъ судовъ, подъ начальствомъ графа Апраксина, подошли къ Гельсингфорсу, атаковали его и, послѣ недолгаго сопротивленія, взяли его, а затѣмъ взяли и столицу Финляндіи, городъ Або. Достоиню вниманія, что частью флота командовалъ самъ Петръ Великій. При взятіи Або Петръ приказалъ находившуюся въ Або библіотеку отправить въ Петроградъ. Во время войны 1743 года при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ шведы вновь разбиты, и миръ былъ заключенъ въ Або; по этому миру между Россіею и Швеціею установлена граница по рѣкѣ Кюмень. Въ царствованіе императора Александра I Гельсингфорсъ вновь былъ взятъ въ 1808 году русскими войсками и присоединенъ къ Россіи навсегда. Во время войны деревянный городъ былъ совершенно уничтоженъ пожаромъ, но вскорѣ послѣ войны строительный комитетъ финляндцевъ возстановилъ городъ. Одновременно комитетъ возбудилъ вопросъ о перенесеніи въ Гельсингфорсъ всѣхъ главныхъ управленій изъ Або, который по отдаленности отъ Петрограда казался болѣе удобнымъ для центральнаго управленія Финляндіей. Съ 1812 года Гельсингфорсъ былъ названъ главнымъ городомъ Финляндіи. Съ тѣхъ поръ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли деревянныя лачужки стараго города, въ теченіе нѣсколькихъ десятиковъ лѣтъ выросъ совершенно новый и красивый городъ, ничѣмъ не уступающій европейскимъ городамъ.

Въ часъ дня 11 іюня фрегатъ «Рюрикъ» бросилъ якорь на рейдѣ, и тотчасъ же генераль-губернаторъ графъ Бергъ съ большою свитой на шлюпкахъ отправились къ «Рюрику», чтобы привѣтствовать

царскихъ дѣтей. Сошедши на берегъ, великіе князья направились въ Николаевскій соборъ, посѣтили графа Берга и отбыли во дворецъ, гдѣ имъ были представлены офицеры финской стрѣлковой роты. Послѣ обѣда, къ которому были приглашены многіе изъ высшихъ административныхъ лицъ и высшихъ войсковыхъ начальниковъ, великіе князья посѣтили университетъ, канцлеромъ котораго состоялъ наслѣдникъ Николай Александровичъ, затѣмъ осмотрѣли бібліотеку университета, посѣтили императорскій сенатъ и помѣщеніе художественнаго общества, причемъ профессоръ Гротъ давалъ подробныя объясненія, знакомя высокихъ посѣтителей съ особенностями жизни финляндцевъ. Посѣтивъ Обсерваторную гору, гдѣ графъ Бергъ указалъ имъ расположеніе непріятельскаго флота при бомбардировкѣ въ 1855 году Свеаборга и разсказалъ въ общихъ чертахъ исторію восточной войны, направились въ Брунsparkъ, замокъ бывшей шведской королевы, разбитый искусственно на совершенно голыхъ скалахъ; посѣтили ботаническій садъ и красивую мѣстность подъ названіемъ Кайсаніеми. Усталые и полные впечатлѣніями дня, великіе князья отправились во дворецъ, гдѣ и ночевали.

На другой день, въ 10 часовъ утра великіе князья отправились на винтовой канонерской лодкѣ «Лихачъ» въ крѣпость Свеаборгъ, гдѣ были встрѣчены комендантомъ и старшими офицерами крѣпости. Послѣ молебна въ церкви св. Александра Невскаго отправились черезъ островъ Варгенъ въ Густавъ-Свердь, гдѣ они осмотрѣли возведенную здѣсь изъ гранита Царскую батарею и цитадель, присутствовали при стрѣльбѣ изъ 60-фунтовыхъ орудій въ мишень, расположенную на разстояніи 1500 сажень, вблизи острова Абраамсгольменъ, гдѣ французы при бомбардировкѣ Свеаборга возвели мортирную батарею. Произведенные три выстрѣла показали великимъ князьямъ значительное искусство артиллеристовъ и мѣткость огня; наслѣдникъ благодарилъ коменданта и сказалъ «спасибо» артиллеристамъ. У Королевскихъ воротъ великіе князья сошли съ катера и направились на островъ Скансландетъ, гдѣ съ высокой батареи осматривали мѣстность. Затѣмъ посѣтили островъ Кунгсгольмъ и батарею № 1-й, послѣ чего великіе князья и свита ихъ завтракали на катерѣ «Лихачъ», совершили поѣздку вокругъ Гельсингфорскаго мыса, мимо острова Лонгернъ, черезъ проливъ Унгсунъ и вернулись на «Рюрикъ». Во время посѣщенія Свеаборга и поѣздки вокругъ лежащихъ здѣсь острововъ нижніе чины были поставлены группами около казармъ и привѣтствовали князей громкимъ «ура». Наслѣдникъ здоровался съ ними и благодарилъ за службу¹⁾.

¹⁾ «Финляндская Офиціальная Газета» за 1857 годъ №№ 142 и 143. Переводъ на русскій языкъ сообщила канцелярія генераль-губернатора генерала Зейна.

Изъ всей поѣздки въ Гельсингфорсъ великому князю Александру Александровичу больше всего понравилась прогулка на пароходѣ шхерами, когда маленькій пароходъ ловко лавировалъ между скалъ острововъ и отдѣльно выдающихся изъ воды камней¹⁾.

Августѣйшіе путешественники оставили Гельсингфорсъ въ ночь на 13-го іюня и отправились въ Ревель. Здѣсь опять профессоръ Гротъ разсказалъ имъ краткую исторію завоеванія Ревеля. Онъ говорилъ, что паденіе Нарвы 1704 года нанесло шведамъ жестокой ударъ. Полтавская побѣда 1709 года измѣнила весь ходъ Сѣверной

Царская семья на Валаамѣ въ 1858 году. Прогулка въ скиты. Императоръ Александръ II, императрица Марія Александровна и августѣйшія ихъ дѣти: Николай, Александръ, Владимиръ и Алексѣй Александровичи.

(«Всемирная Иллюстрація» того времени).

войны. Шведское могущество рушилось, и Россія поднялась на небывалую до того высоту. Въ ноябрѣ 1709 года русскіе осадили Ригу, и Петръ лично началъ бомбардированіе этого города, выпустивъ въ него первыя три бомбы. Въ іюнѣ 1710 года Рига была сдана на капитуляцію фельдмаршалу Шеремѣтеву.

Послѣ паденія Риги генералъ Бауръ въ августѣ 1710 года осадилъ Ревель. Осада продолжалась недолго, и 29 сентя-

¹⁾ Быть можетъ, уже тогда великому князю Александру Александровичу пришла мысль повторить поѣздки въ шхеры и впоследствии тамъ купить небольшое собственное имѣніе.

бря Ревель сдался на капитуляцію. Такъ Петръ Великій пробился наконецъ къ Балтійскому морю и осуществилъ то, къ чему безуспѣшно стремился его предокъ, царь Іоаннъ Грозный.

При этомъ Яковъ Карловичъ разсказалъ анекдотъ, а можетъ быть и былъ, какъ побѣдитель Карла XII послѣ взятія Ревеля осматривалъ Эстонію. Проѣзжая мимо одного замка, принадлежавшаго дворянину Рамму, послалъ ему сказать, что онъ хочетъ у него обѣдать.—«А я не хочу этого!»—отвѣчалъ Раммъ, упрямый защитникъ прежней власти. Петръ вспыхнулъ, прискакалъ въ замокъ и тростью наэлектризовалъ спину дерзкаго. «Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость», говоритъ русская пословица—искренность и освѣдомленность Рамма такъ понравились царю, что онъ помирился съ нимъ и наконецъ такъ обворожилъ своимъ умомъ и ласковостью прежняго недруга, что онъ даже душою своею готовъ былъ пожертвовать русскому государю. «Проси какой хочешь милости,—сказалъ Петръ радушному хозяину своему на прощанье:—я исполню ее». «Государь,—отвѣчалъ Раммъ,—подари мнѣ трость, которою ты меня наказалъ; она будетъ памятникомъ моего заблужденія, царской горячности и великодушія великаго человѣка». Петръ усмѣхнулся и отдалъ трость, которая съ благоговѣніемъ хранится и понынѣ у наслѣдниковъ Рамма¹⁾.

Великіе князья много смѣялись этому разсказу и вообще заинтересовались дѣяніями великаго Петра.

Ревель, портовый городъ,—наши предки называли его Колыванью,—основанъ въ 1218 году датскимъ королемъ Вольдемаромъ на мѣстѣ стараго эстонскаго селенія. Ревель расположенъ на берегу моря, въ весьма красивой мѣстности. Улицы его узки; дома съ остроконечными крышами, сырые и мрачные. На лицевыхъ фасадахъ домовъ мало оконъ, да и тѣ до того узки, что свѣтъ проходитъ въ нихъ очень скудно. Такое устройство домовъ въ Ревелѣ произошло оттого, что въ старину мѣстные жители строили свои дома съ цѣлью удобной защиты противъ рыцарей Тевтонскаго ордена, которые произвольно нападали на городскихъ обывателей и отбирали у нихъ въ свою пользу все, что признавали для себя нужнымъ. Оттого богатые ревальскіе купцы держали двери своихъ домовъ постоянно на заперѣ. Всѣ комнаты обращены были окнами на дворъ. Съ улицы къ дому вездѣ вели обширныя, мрачныя сѣни на лицевой же сторонѣ находились узкія окна купеческихъ кладовыхъ. Въ случаѣ нападенія рыцарей жители плотно запирались въ своихъ домахъ и изъ узкихъ оконъ, выходявшихъ на улицу, обливали непріятеля горячей смолой, бросали камни и вообще непривѣтливо встрѣчали незваныхъ гостей.

¹⁾ Этотъ разсказъ мы встрѣчали и у Бестужева (Марлинскаго) въ его описаніи «Поѣздка въ Ревель» изд. 1821 года.

Въ 1710 году Ревель перешель къ Россіи и сдѣланъ былъ пограничною крѣпостью. Собственно крѣпостью была возвышенная часть города, называемая Вышгородъ, обнесенная рвами, каменными стѣнами и башнями¹⁾. Ревель сохранилъ типъ стариннаго нѣмецкаго города; здѣсь удѣлѣли зданія корпорацій временъ ганзейскаго союза. Изъ лютеранскихъ церквей, которыя всѣ въ готическомъ стилѣ, самая древняя—это церковь Св. Духа, построенная въ 1219 году эстонцами, при основаніи города. Затѣмъ церковь св. Николая съ гробницами адмираловъ Грейга и Крузенштерна; церковь св. Олая имѣеть шпигъ въ 430 футовъ выотою (около 61¹/₄ сажень). Оригинальна корпорація черноголовыхъ (шварцгауптеровъ)—военно-торговое братство, основанное въ XIV вѣкѣ для обороны города; оно давно уже утратило свое значеніе.

Въ окрестностяхъ Ревеля, въ двухъ верстахъ отъ города, находится мѣстность, называемая Екатериненталь—обширный тѣнистый паркъ съ императорскимъ дворцомъ, построеннымъ въ царствованіе Петра Великаго. Во время постройки этого дворца царь собственноручно вложилъ въ стѣну три кирпича, и эти кирпичи и до сихъ поръ не покрываются штукатуркою и краскою и указываются пріѣзжающимъ съ особою гордостью. Передъ дворцомъ расположенъ паркъ и цвѣтникъ. Здѣсь же, у самой подошвы горы Лаксберга, стоитъ небольшой двухъэтажный домикъ Петра Великаго, который можетъ служить образцомъ простоты внутренней отдѣлки. Въ первомъ этажѣ помѣщаются сѣни и голландская кухня; во второмъ этажѣ находятся три комнаты: большая средняя комната, гдѣ находится большой столъ и нѣсколько стульевъ; малая боковая—это спальня царя; далѣе длинная узкая комната, гдѣ собирался совѣтъ царя; вотъ все, что представляетъ это историческое зданіе.

Владѣя этими свѣдѣніями, великіе князья послѣдовательно осмотрѣли городъ во всѣхъ частяхъ и, конечно, главное вниманіе было обращено на крѣпость, какъ на историческій памятникъ, на старыя церкви, особенно на шпигъ Олая, и, наконецъ, на Екатериненталь, въ паркѣ котораго князья гуляли и отдыхали. Внимательно осмотрѣли и домикъ Петра Великаго.

Молодые великіе князья пробыли въ Ревелѣ два дня и отправились въ Гапсаль, гдѣ прошли курсъ морскихъ купаній.

Гапсаль славился своими цѣлебными грязями, которыми великіе князья хотя и не пользовались, но своимъ пріѣздомъ оживили этотъ скромный курортъ; здѣсь князья пробыли цѣлый мѣсяць. Еще въ 1849 году, при первомъ посѣщеніи Гапсаля, цесаревна Марія Александровна пожелала выстроить тамъ православную церковь, которая теперь уже достроилась, и великіе князья присутствовали

¹⁾ Въ 1867 году крѣпость упразднена.

при ея освященіи. 19 іюля было получено извѣстіе, что государь при возвращеніи изъ Киссингена будетъ проѣзжать мимо Гапсаля и тамъ остановится на нѣсколько часовъ. Великіе князья тотчасъ же на пароходѣ «Онега» вышли навстрѣчу государю, который, находясь на рубкѣ парохода-фрегата «Гремящій», былъ въ штатскомъ платьѣ и привѣтствовалъ собравшуюся публику. Затѣмъ государь вмѣстѣ съ сыновьями отправился въ церковь, гдѣ былъ отслуженъ молебень. Изъ церкви государь посѣтилъ графиню Бревенъ-дела-Гарди, чтобы поблагодарить ее за гостепрѣимство, оказанное его дѣтямъ, которыя все время жили въ домѣ графини. Отсюда государь съ сыновьями проѣхали на городскую площадь, гдѣ была выстроена рота Калужскаго пѣхотнаго полка, которой былъ произведенъ смотръ. Передъ отъѣздомъ государь пожаловалъ деньги на бѣдныхъ Гапсаля и нѣкоторую сумму на школу малолѣтнихъ дѣтей морскихъ офицеровъ. Кромѣ того, были выданы подарки нѣсколькимъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ благополучной жизни царскихъ дѣтей. При отъѣздѣ царской семьи на пристани собралась большая толпа народа, которая привѣтствовала государя криками «ура». Великимъ князьямъ поднесены были пара орлять и живой олень, которыхъ царскія дѣти взяли съ собой на пароходъ. Одинъ ученикъ городского училища сдѣлалъ очень искусно изъ пробки корабль, который и поднесъ маленькому князю Владимиру Александровичу ¹⁾. Государь съ сыновьями уѣхалъ изъ Гапсаля 19-го іюня и 20-го числа былъ уже въ Петроградѣ.

Въ 1858 году императоръ Александръ II предпринялъ путешествіе на сѣверъ Россіи; онъ проѣхалъ Сѣверною Двиною до Архангельска, потомъ проѣхалъ моремъ въ Соловецкій монастырь, оттуда въ Олонецкую губернію, посѣтилъ Петрозаводскъ и возвратился Онежскимъ озеромъ по р. Свири. Государя сопровождали графы Адлерберги 1-й и 2-й, князь Долгоруковъ, Чевкинъ, графъ Шуваловъ 1-й, флигель-адъютанты Слѣпцовъ и Сколковъ и лейбъ-медикъ Енохинъ. Навстрѣчу государю 26 іюня 1858 года выѣхала изъ Петрограда на пароходѣ «Александрія» императрица Марія Александровна съ августѣйшими сыновьями Николаемъ, Александромъ, Владимиромъ и Алексѣемъ Александровичами, съ великой княгиней Ольгой Николаевной и ея супругомъ, наслѣднымъ принцемъ вюртембергскимъ, и свитой, которая помѣщалась на пароходѣ «Стрѣльна». Свиту императрицы и царскихъ дѣтей составляли: фрейлины княжна Долгорукова, Акулова и Тютчева, генераль-адъютанты Зиновьевъ и Гогель, воспитатель царскихъ дѣтей Гриммъ и др. Слѣдуя рѣкой Невой, флотилія дошла до Шлиссельбурга, гдѣ великіе князья осмотрѣли этотъ маленькій городъ и крѣпость, гдѣ въ 1764 году былъ убитъ несчастный малолѣтній импе-

¹⁾ Эстонская газета «Das Yuband» № 39 за 1859 годъ.

раторъ Иоаннъ Брауншвейгскій. Особенное вниманіе князей обратила красота мощныхъ водъ, вливающихся изъ Ладожскаго озера въ Неву и сильнымъ потокомъ омывающихъ съ двухъ сторонъ скалу, на которой стоитъ шлиссельбургская крѣпость. Великій Петръ въ 1702 году осадилъ шведскій Нотебургъ, древній новгородскій Орѣшекъ, и 11 октября взялъ его штурмомъ, назвавъ Шлиссельбургомъ или Ключъ-городомъ, ибо крѣпость эта дѣйствительно служила ключомъ къ морю, котораго такъ желалъ Петръ. 27 іюня царская флотилія прошла Ладожскимъ озеромъ въ устье р. Свири и остановилась, въ ожиданіи прибытія съ верховьевъ рѣки государя, у пристани города Лодейное Поле. Въ 4 часа прибылъ государь, и послѣ привѣтствій августѣйшіе путешественники прошли, подъ званъ колоколовъ, въ церковь, гдѣ прослушали молебень и прикладывались къ иконамъ. Въ 7 ч. вечера, обозрѣвъ этотъ маленький городокъ, имѣвшій тогда только 1400 жителей, царская семья прошла на пароходъ, и въ моментъ отхода государь и великіе князья махали своими платками, а народъ кричалъ ура ¹⁾.

Лодейное Поле отстоитъ отъ Петрограда въ 250 верстахъ. Городъ основанъ Петромъ Великимъ, которымъ въ 1703 году была устроена адмиралтейская верфь и «ладьи» этого «поля» были съ другими здѣшними судами въ морскихъ дѣлахъ при завоеваніи Финскаго залива. Царь не только посѣщалъ Лодейное Поле, но и по цѣлымъ мѣсяцамъ живалъ въ немъ. Церковь и при ней чугунный монументъ поставлены на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворецъ Петра I.

На другой день царская семья посѣтила монастырь св. Александра Свирскаго. Эта пустынная обитель существуетъ въ лѣсной глуши Олонецкой губерніи три съ половиной вѣка и въ первый разъ удостоилась видѣть государя и его семью. Съ парохода царственные путешественники отправились въ экипажахъ къ монастырю, передъ воротами котораго ожидалъ архипастырь Аркадій въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ. Приложившись къ кресту и принявъ окропленіе св. водой, при пѣніи архіерейскимъ хоромъ «Спаси, Господи» вступили въ соборъ по пути, усталанному краснымъ сукномъ. Послѣ молебствія путешественники поклонились до земли мощамъ св. Александра Свирскаго и обозрѣвали раку, пожертвованную царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, потомъ прошли въ другой соборъ, построенный при Петрѣ Великомъ, и осмотрѣли всѣ древнія сокровища обители. Затѣмъ царская семья простилась съ братіею и отправилась въ дальнѣйшій путь. Государь пожаловалъ обителю 1.000 руб., а императрица съ дѣтьми пожертвовала золотую лампаду; великая княгиня опустила въ кружку 150 р. ²⁾ Здѣсь, въ глухой лѣсной чащѣ, великіе князья видѣли, какъ русскій

¹⁾ «Русскій Инвалидъ» 1858 года.

²⁾ «Сѣверная Пчела» за 1858 годъ.

православный народъ чтить свою вѣру и усердно молится среди работъ и труда.

28 іюня царственные путешественники пересѣкли Ладожское озеро и утромъ въ 8 часовъ были у Валаамскаго монастыря, находящагося въ 40 верстахъ отъ Сердоболя и въ 200 верстахъ отъ Петрограда. Основателемъ монастыря считаютъ преподобныхъ Сергія и Германа, мощи которыхъ покоятся въ нижнемъ этажѣ соборнаго храма. Скитская жизнь на Валаамѣ существовала всегда. Находясь на границѣ новгородскихъ и шведскихъ владѣній, монастырь часто бывалъ сжигаемъ и разоряемъ шведами, но возникалъ вновь, послѣдній разъ онъ былъ разоренъ въ 1611 году, когда шведы подъ начальствомъ де-ля-Гарди овладѣли островами Валаама, а въ 1715 году монастырь вновь возобновленъ Петромъ Великимъ и съ тѣхъ поръ обстраивался и расширялся въ своемъ объемѣ. Для царскаго пріема были приготовлены въ старой гостиницѣ комнаты, въ число которыхъ вошли такъ называемыя царскія кельи, гдѣ останавливался императоръ Александръ I въ 1819 году. Августѣйшая семья была встрѣчена звономъ всѣхъ церквей монастыря, а на пристани финляндскимъ генераль-губернаторомъ графомъ Бергомъ. Какъ только высокіе гости вышли на берегъ, въ заранѣ доставленныхъ собственныхъ экипажахъ направились къ самому монастырскому зданію, у котораго находится небольшая часовня, гдѣ были встрѣчены игуменомъ Дамаскинымъ и высшимъ монастырскимъ духовенствомъ съ крестомъ и св. водою. Въ моментъ принятія благословенія монахами былъ исполненъ чрезвычайно художественно торжественный гимнъ. По вступленіи въ большой соборъ началось богослуженіе, послѣ котораго гости прошли въ нижній храмъ и поклонились мощамъ основателей Валаамскаго монастыря, причемъ вся царская семья съ колѣнопреклоненіемъ молилась у мощей преподобныхъ св. отцовъ. Послѣ молебна игуменъ благословилъ царскихъ путешественниковъ образами въ драгоценныхъ ризахъ. Царская семья посѣтила также келью игумена монастыря, гдѣ пили чай. Высокіе гости осмотрѣли приготовленные для нихъ покои и обратили вниманіе на комнаты, въ которыхъ останавливался императоръ Александръ I. Послѣ завтрака, который былъ приготовленъ въ этихъ же комнатахъ, высокіе гости предприняли прогулку черезъ плато, окружающее монастырь, къ фруктовому саду, заботливо и съ большимъ вкусомъ разведенному монахами съ неимоверными трудами подъ огромною горою, на которой выстроенъ монастырь. Съ верхней площадки сада живописный Валаамъ представлялъ восхитительный и рѣдкостный видъ, которымъ любовались августѣйшіе путешественники. У подножія разстилался прекрасный садъ, отъ него шла зеркальная поверхность очаровательнаго озера, а на другой сторонѣ залива высились самыя причудливыя разнообразныхъ формъ гранитныя глыбы, попеременно

съ пышною растительностью. Послѣ обозрѣнія мѣстности царская семья пожелала объѣхать на лодкахъ болѣе отдаленные острова, для чего монахи подали празднично-украшенные лодки, и направились въ часовню схимопаха св. Николая, у котораго императоръ Александръ I въ 1819 году ѣлъ рѣпу. Отслушавъ здѣсь молебенъ, гости направились къ старому монастырю. Гребцы-монахи проѣхали кружнымъ путемъ, около трехъ верстъ, дабы путешественники имѣли возможность осмотрѣть рѣдкую красоту сѣверной природы. Обратный путь въ главный монастырь совершили въ экипажахъ. Было три часа съ половиною, когда августѣйшіе путешественники простились съ братією и, подъ крики «ура» собравшагося здѣсь народа, пароходы отчалили въ дальнѣйшій путь ¹⁾).

Изъ Валаама царская семья отправилась на островъ Коневецъ, гдѣ посѣтила старый, построенный новгородцами, монастырь. Здѣсь они узнали легенду, что во времена язычества предметомъ почитанія пользовался огромный камень, называемый «конь-камень», которому корелы ежегодно приносили въ жертву коня для охраненія ихъ скота, пригоняемаго сюда на лѣто. Отъ этого языческаго обряда камень назывался «конь-камень», а самый островъ—«Коневецъ». На островѣ новгородскимъ инокомъ Арсеніемъ въ древности былъ основанъ монастырь, который нѣсколько разъ бывалъ разоряемъ шведами и всякій разъ возстановляемъ. Здѣсь августѣйшіе путешественники оставались всего нѣсколько часовъ и 29-го іюня возвратились въ Петроградъ.

Эти поѣздки такъ понравились царскимъ дѣтямъ, что они въ томъ же 1858 году, съ разрѣшенія государя, предприняли другую образовательную поѣздку въ Нарву и Выборгъ. 2-го іюля собрались у Кронштадтской пристани: цесаревичъ Николай и братья его Александръ, Владимиръ и Алексѣй Александровичи, къ нимъ присоединились великіе князья Николай Константиновичъ и Николай и Евгенийъ Максимиліановичи герцоги Лейхтенбергскіе. Былъ поданъ пароходъ-фрегатъ «Рюрикъ», и они въ сопровожденіи генераловъ Зиновьева, Гогеля и Казнакова, полковниковъ Ребиндэра и Рихтера, капитановъ 1-го ранга Посьета и Гарковенко, наставника Гримма, доктора Обломіевскаго и секретаря Оома отправились по курсу на Нарву.

Нарва основана датчанами въ 1223 году. Нарва много вѣковъ служила яблокомъ раздора для сосѣднихъ народовъ. Въ борьбѣ за обладаніе Балтійскимъ побережьемъ столкнулись два народныхъ теченія: славяно-русское и германо-скандинавское. Порубежная Нарва видѣла упорное соперничество Руси съ меченосцами, датчанами, Ливонскимъ орденомъ и шведами. Русь долго не могла

¹⁾ «Финляндская Офиціальная Газета» за 1858 годъ. Исторія Финляндіи М. Бородника. «Историческій Вѣстникъ» 1901 года, статья А. Фаресова.

раздвинуть свои предѣлы до балтійскихъ береговъ, являющихся для нея естественною границею. Постройка въ 1492 году царемъ Иоанномъ III крѣпости Ивангорода, напротивъ Нарвы, и завоеваніе этой послѣдней Иоанномъ Грознымъ въ 1558 году были лишь мимо-летними проявленіями русскаго могущества, такъ какъ уже въ 1581 году шведы снова отняли Нарву, а въ 1611 году и Ивангородъ. Лишь когда на сценѣ міровой исторіи явился Петръ, Россіи, несмотря на первую неудачу подъ Нарвой въ 1700 году, удалось твердо обосноваться у Балтійскаго моря, открывавшаго новые широкіе торговые и культурные пути.

Поѣздка въ Нарву имѣла цѣлью на мѣстѣ осмотрѣть, гдѣ столкнулись старая Швеція съ молодой Россіею. Сопровождавшія великихъ князей лица рассказали имъ весь ходъ Сѣверной войны и причины ея возникновенія. Закончивъ войну съ турками, Петръ началъ готовиться къ войнѣ съ шведами, которымъ и объявилъ войну 19 августа 1700 года. Причиною войны выставлялось давнишнее притязаніе Россіи на Балтійское побережье. Ингерманландія и Корелія издревле принадлежали Россіи и перешли къ шведамъ путемъ насилій и завоеванія. Петръ задумалъ возстановить прежнія границы русскаго государства. Съ этою цѣлью онъ собралъ 33-тысячную армію и отправилъ ее подъ Нарву, гдѣ находилось только 1500 вонновъ-шведовъ. Осада велась крайне неумѣло. Пущечныя ядра не достигали крѣпости, такъ какъ заложенные батареи были слишкомъ отдалены. Шведы держались крѣпко. Расположивъ свое молодое войско вокругъ крѣпости, Петръ уѣхалъ собирать новую армію, поручивъ командованіе иноземцу герцогу де-Круа. Конница Шереметева, высланная на пути ожиданія самого короля Карла XII, потерпѣла рядъ неудачъ и при отступленіи потеряла много людей и лошадей, попадавшихъ, вслѣдствіе поломки моста, въ р. Нарву.

Слишкомъ растянутый фронтъ русскихъ, занимавшихъ мѣстности къ западу отъ крѣпости, тянулся на семь верстъ и легко былъ прорванъ 8-тысячнымъ отборнымъ войскомъ шведовъ подъ начальствомъ самого Карла. Сраженіе происходило 19 ноября, въ самую распутицу. Дивизія Вейде была сбита, отступая къ сторонѣ Нарвскаго водопада, стала тѣснить нашу разбитую кавалерію. Произошло общее отступленіе, вскорѣ обратившееся въ бѣгство. Генералы не могли привести свои войска въ порядокъ. «Ни еди-наго офицера не было, который командовалъ и кто бы ихъ слушался»—писалъ генералъ Аллартъ. Разсвирѣпѣвшіе солдаты, обвиняя иностранцевъ, набросились на нихъ и многихъ убили. Солдаты грозилась убить и самого герцога де-Круа съ его иностранными генералами. Тогда герцогъ рѣшился лучше сдаться шведамъ, чѣмъ погибнуть отъ ярости солдатъ. Только на самомъ правомъ флангѣ, гдѣ стояли полки Преображенскій и Семеновскій, загордившись рогатками и обозомъ, оказали мужественное сопроти-

вление шведамъ. Гвардейскіе пушкари, перетаскивъ изъ редутовъ 8 орудій, отражали огнемъ и штыками всѣ атаки шведовъ. Въ это время самъ Карлъ бросился на поле битвы, но гвардейская пуля пробила ему шляпу и галстукъ, а ядромъ была убита подъ нимъ лошадь.

Наступившій холодный и туманный вечеръ прекратилъ сраженіе. Мракъ покрылъ павшія тѣла русскихъ. Бурная, безостановочно шумящая Нарова, поглотившая въ своихъ волнахъ столько жертвъ, безучастно несла въ море свою добычу. Водопадъ глухо

Императоръ Александръ II съ августѣйшимъ семействомъ на Валаамѣ въ 1858 году.

ревѣлъ, и ни одна звѣздочка не освѣщала кровавой картины боя; только свинцовыя тучи бросали мокрые хлопья снѣга, какъ бы оплакивая погибшихъ на полѣ брани.

Перевѣсъ этого несчастнаго дня былъ на сторонѣ шведовъ, но русскіе еще держались, въ особенности гвардія. Между тѣмъ русскіе генералы рѣшили сдаться, если шведы дозволятъ русскимъ свободно отступить съ ружьями и знаменами, но безъ артиллеріи. Карлъ утвердилъ этотъ договоръ. Въ этотъ день русскіе потеряли 6000 человекъ, а шведы 2000 человекъ убитыми. Петръ Великій увѣковѣчилъ подвигъ гвардіи, даровавъ всѣмъ офицерамъ на нагрудныхъ знакахъ надпись «1700—Но 19» (т. е. 19 ноября 1700 г.). Вѣсть о пораженіи подъ Нарвой застала Петра въ Новгородѣ. Царь былъ сильно пораженъ, но не упалъ духомъ и замѣтилъ,

что шведы долго еще будут побѣждать насъ, по своимъ побѣдами они научатъ, наконецъ, побѣдить ихъ самихъ. «Когда же ученье проходить безъ потерь и огорченій»¹⁾.

По предложенію великаго князя Александра Александровича, наслѣдникъ согласился подняться до пороговъ и осмотрѣть тѣ мѣста, гдѣ былъ наведенъ мостъ, который погубилъ нашу конницу. Потомъ князя осмотрѣли линію обороны къ западу отъ Нарвы, проѣхали до праваго фланга, гдѣ такъ храбро сражалась гвардія, осмотрѣли мѣста, гдѣ были заложены батареи, и проѣхали въ Ивангородъ, гдѣ посѣтили старую церковь св. Николая, которую, по преданію, царь Іоаннъ III построилъ въ теченіе однѣхъ сутокъ. Церковь эта, какъ памятникъ старины, существуетъ до сихъ поръ, но въ ней давно не происходитъ богослуженій²⁾.

Потерявъ свою артиллерію, Петръ придумалъ создать ее вновь, переливъ церковные колокола въ пушки. Пока созидалась новая артиллерія, Петръ бросился на берега Невы, разбилъ тамъ шведовъ и основалъ Петроградъ.

Въ 1704 году, съ 26 мая русскіе полки стали вновь стягиваться подъ Нарвой. Походъ 1700 г. подъ Нарву былъ совершенъ изъ Москвы черезъ Новгородъ, Псковъ къ Чудскому озеру и далѣе къ къ устью рѣки Наровы, а теперь войска двинулись изъ Петрограда на Копорье и затѣмъ, по болотамъ и просѣкамъ, къ Нарвѣ, куда еще въ февралѣ былъ высланъ Апраксинъ съ частью флота. Въ концѣ мая прибыла гвардія и дивизія Репнина и расположилась у устья р. Россони. Затѣмъ прибыли полки изъ Пскова и подошелъ корпусъ Шереметева; всего русскихъ было 45 тысячъ. Шведовъ же было подъ Нарвой только 4500 человекъ при 42 орудіяхъ. Апраксинъ навелъ мостъ черезъ Нарову и блокировалъ городъ. Изъ перехваченнаго у шведскаго курьера письма русскіе узнали, что въ Нарвѣ ожидаютъ подкрѣпленій отъ Шлиппенбаха изъ Ревеля. Тогда Меншиковъ предложилъ слѣдующую военную хитрость. 8 іюня, передѣтые въ шведскіе мундиры русскіе полки, подъ начальствомъ самого Петра, были выведены на Ревельскую дорогу и сигналами изъ пушекъ дали знать нарвскому гарнизону, что будто бы шведы подходятъ къ городу. Тогда шведскій комендантъ Нарвы послалъ навстрѣчу мнимымъ шведамъ 1000 человекъ съ 4 орудіями. Русскіе тотчасъ же окружили ихъ и перебили 300 чел., взяли въ плѣнъ 50 офицеровъ и 40 солдатъ, а прочіе бѣжали... «И такъ симъ изряднымъ и хитрымъ воинскимъ умысломъ Нарву въ великое смятеніе и отчаяніе привели...»—говоритъ журналъ Петра Великаго. Этотъ случай поднялъ духъ русскихъ. Между тѣмъ, узнавъ, что Шлиппенбахъ съ 3000 шведами идетъ на помощь Нарвѣ, Петръ сформирова-

¹⁾ «Обзоръ войнъ», соч. Леера.

²⁾ «Городъ Нарва», соч. Петрова.

роваль 8-тысячный отрядъ и двинулъ его, подъ начальствомъ генерала Рене, навстрѣчу шведамъ, которые и были разбиты; только 200 чел. удалось бѣжать въ Ревель.

Въ это время Шереметевъ осаждалъ Дерптъ. Его дѣла шли плохо. Петръ тотчасъ же поѣхалъ туда, и въ его присутствіи палъ этотъ «отечественный городъ» Юрьевъ.

По возвращеніи Петра работы по осадѣ Нарвы пошли настолько успѣшно, что къ концу іюля всѣ батареи были уже готовы и вооружены. Для устрашенія непріятели Петръ приказалъ разставить вокругъ Нарвы на видныхъ для нарвскихъ жителей мѣстахъ шведскія знамена, захваченныя въ Дерптѣ. 30 іюля началась канонада крѣпости; въ теченіе десяти сутокъ было выпущено 4627 бомбъ, которыми былъ разрушенъ мостъ, соединяющій Нарву съ Ивангородомъ, взорванъ пороховой погребъ, сдѣлано двѣ бреши на бастионѣ Victoria и разрушенъ фасъ бастиона Нопог. Теперь русскимъ былъ открытъ ходъ на бастионы, въ особенности на Victoria, гдѣ образовались двѣ бреши и изъ 70 орудій осталось только одно. На предложеніе Петра сдать крѣпость шведскій комендантъ Горнгъ не согласился на капитуляцію, и Петръ рѣшился штурмовать Нарву. 9 августа штурмовыя лѣстницы были подвинуты къ крѣпости, и въ 2 часа начался штурмъ. Шведы защищались отчаянно, но, очевидно, дѣло было уже проиграно шведами. Комендантъ Горнгъ наконецъ созналъ это и первый ударилъ кулакомъ въ барабанъ въ знакъ сдачи. Разсвирѣпѣвшіе русскіе солдаты не слышали или не хотѣли слышать сигнала о сдачѣ и продолжали рѣзню, гнали шведовъ до самаго замка, не щадили и мирныхъ жителей, пока наконецъ самъ Петръ силою не положилъ предѣла грабежу и кровопролитію. Вслѣдъ за Нарвою сдался гарнизонъ и Ивангорода. Во время штурма было убито 2½ тысячи шведовъ, русскіе потеряли 1300 человекъ. Въ Нарвѣ и по сіе время сохранился домъ, въ которомъ останавливался Петръ Великій, носящій названіе «дворца Петра Великаго». Здѣсь ежегодно служится 9 августа литія по завоевателѣ города.

Выслушавъ исторію сраженія подъ Нарвой и подробно осмотрѣвъ бастионы Victoria и Нопог, великіе князья посѣтили дворецъ Петра, Нарвскій водопадъ и фабрику нарвской мануфактуры, основанную въ 1820 году и проданную въ 1845 г. банкиру Штиглицу, который, кромѣ суконной фабрики, организовалъ льнопрядильную мануфактуру.

По дорогѣ къ пароходу «Рюрикъ» князья посѣтили островъ Кампергольмъ, гдѣ была главная квартира Петра Великаго.

Великіе князья пробыли въ Нарвѣ три дня.

Изъ Нарвы великіе князья прошли на «Рюрикъ» къ финляндскому берегу и остановились на рейдѣ Выборга 5 іюля ¹⁾. Такъ какъ

¹⁾ Карелинъ, «Путеводитель по Финляндіи».

«Рюрикъ» по своей глубокой осадкѣ не могъ подойти къ берегу, то былъ поданъ маленькій пароходъ «Суоми», на которомъ великіе князья со свитою подошли къ Абоскому мосту, гдѣ и высадились на берегъ. Съ пристани ихъ высочества въ экипажахъ отправились въ здѣшній соборъ, отстояли тамъ молебенъ и потомъ осмотрѣли древній замокъ «Шлосъ», построенный въ 1293 году. Этотъ выборгскій замокъ неоднократно русскіе безуспѣшно осаждали еще со времени новгородскихъ князей. Неудаченъ былъ и походъ Петра въ 1706 году, и только въ 1710 году Выборгъ былъ взятъ русскими. Осада Выборга 1710 году началась зимою, когда 13-тысячный корпусъ Апраксина въ лютой морозъ совершилъ изумительный переходъ по ледяной пустынѣ, покрывшей воды Финскаго залива, изъ Кронштадта въ Выборгъ. Весною къ Выборгу двинулся самъ Петръ съ своей флотиліей и съ запасомъ провіанта. Здѣсь Петру пришлось бороться почти со сплошными льдами. 12 недѣль длилась осада крѣпости съ цѣлымъ рядомъ горячихъ боевъ и привела внутренность ея въ сплошныя развалины. Только въ серединѣ іюня 1710 года произошла сдача крѣпости, а 16 іюня состоялся торжественный въѣздъ царя въ городъ. Въ память завоеванія Выборга въ Петроградѣ Петромъ былъ заложенъ Троицкій соборъ. Теперь Выборгъ сдѣлался первымъ этапомъ для русскихъ въ Финляндіи. Вотъ почему Петръ рѣшилъ, что Выборгъ—«гораздо крѣпить надлежить».

По осмотрѣ этихъ развалинъ высочайшіе гости прогуливались въ Лѣтнемъ саду и посѣтили мѣсто на скалѣ, гдѣ Петромъ была во время осады Выборга построена батарея и гдѣ была разбита его палатка ¹⁾. Вслѣдъ за этимъ князья прослѣдовали въ паркъ Монрепо, владѣлецъ котораго баронъ Николай сопровождалъ ихъ по наиболѣе интереснымъ мѣстамъ парка. Въ три часа дня августѣйшія дѣти купались въ городскихъ купальняхъ, а потомъ на пароходѣ «Графъ Вронченко» былъ сервированъ обѣдъ. Въ 6 часовъ наслѣдникъ съ старшимъ братомъ Александромъ Александровичемъ и съ герцогомъ Николаемъ Лейхтенбергскимъ посѣтили Рокаловскій стекольный заводъ, гдѣ въ ихъ присутствіи происходила фабрикація зеркалъ, которая отличалась тѣмъ, что происходила не черезъ отливку, а посредствомъ выдуванія стекла. Великіе князья возвратились въ домъ губернатора въ одиннадцатомъ часу вечера и ночевали въ этомъ домѣ ²⁾.

¹⁾ Одно время финляндцы сильно хлопотали о передачѣ Шлосса городу для устройства въ немъ музея, но комендантъ крѣпости того времени (1885—1889 г.) генералъ Духонинъ энергично протестовалъ противъ этого ходатайства, и императоръ Александръ III вполне одобрилъ взглядъ коменданта и повелѣлъ оставить навсегда за нами и реставрировать эту башню. Причемъ государь выразился такъ: «...сохранить этотъ историческій памятникъ для славы русскихъ войскъ и исправить его необходимымъ ремонтомъ». Въ 1910 г. императоръ Николай II повелѣлъ именовать замокъ Шлоссу Петровской цитаделью. Сообщилъ генералъ Петровъ, комендантъ крѣпости Выборгъ.

²⁾ «Сѣверная Пчела» за 1858 годъ, № 156.

На другой день было воскресенье, и князья присутствовали на обѣднѣ въ соборѣ, а потомъ поѣхали въ сопровожденіи свиты и губернатора на Иматру. Для этой поѣздки были присланы графиней Штевень-Штейнгель экипажи, запряженные четверками лошадей. Путь на Иматру шель мимо имѣнія графини, которая у воротъ ожидала проѣзда великихъ князей. Увидѣвъ графиню, путешественники остановили экипажи, а сидѣвшій на козлахъ рядомъ съ кучеромъ великій князь Александръ Александровичъ соскочилъ съ козелъ и вмѣстѣ съ прочими князьями подошелъ къ графинѣ, съ которой всѣ долго бесѣдовали. На вопросъ, почему великому князю Александру Александровичу угодно было сидѣть на козлахъ, хотя въ коляскѣ были свободны мѣста, Александръ Александровичъ, улыбаясь, отвѣтилъ, что онъ находитъ козлы самымъ лучшимъ мѣстомъ при путешествіяхъ по дорогамъ, такъ какъ это даетъ возможность далеко видѣть всю окружающую мѣстность.

На Иматру прибыли въ три часа. Грандіозность водопада, происходящаго не отъ высоты паденія, а вслѣдствіе огромной массы воды, вливающейся съ исполинскою силою въ рѣкѣ, возбуждала общій интересъ. Приближаясь къ водопаду, задолго можно услышать его шумъ, усиливающийся все болѣе и болѣе съ уменьшеніемъ разстоянія. Иматра находится на рѣкѣ Вуокса. Уже за 200 сажень до водопада Вуокса начинаетъ волноваться и пѣниться, течение рѣки усиливается, маленькія волны набѣгаютъ другъ на друга, и наконецъ вся эта масса бѣгущей и клокочущей воды съ необыкновенной быстротой и шумомъ устремляется въ ущелье и образуетъ водопадъ. Общая высота ската воды 197 футовъ. Протяженіе Иматры около одной версты. Вуокса несетъ свѣтлыя и чистыя воды озера Сайма, которое находится въ 50 верстахъ отъ Финскаго залива. Уровень озера на 256 футовъ выше моря. Сооруженіе Сайменскаго канала началось въ 1845 году, длина его 54 версты, на этомъ протяженіи устроено изъ гранита 28 шлюзовъ. Открытіе канала состоялось въ 1856 году, въ день коронаціи императора Александра II. Красота мѣстности придаетъ особую прелесть всему каналу. Значеніе канала огромное; населеніе Кареліи освободилось отъ исключительной зависимости отъ отдаленныхъ гаваней сѣверной части Ботническаго залива.

Полюбовавшись видомъ Иматры, высокіе гости посѣтили гостилицу, гдѣ и обѣдали. Послѣ обѣда они прослѣдовали къ Сайменскому озеру, куда прибыли въ девятомъ часу и остановились у помѣщика Совандера въ его имѣніи Лауричала, откуда открывался чудный видъ на озеро, освѣщенное закатомъ солнца. Гости тщательно осмотрѣли начало Сайменскаго канала и проѣхали до первой почтовой станціи, отсюда сѣли на пароходъ «Сайма», который провезъ великихъ князей и свиту вдоль всего канала. Сопровождали князей начальникъ канала, полковникъ фонъ-Терне, и капитанъ 1-го

райга Бартрамъ, которые и давали объясненія по вопросамъ, интересовавшимъ августѣйшихъ путешественниковъ, и въ пятомъ часу утра, при восходѣ сѣвернаго солнца, прибыли обратно въ Выборгъ. Позавтракавъ на пароходѣ «Графъ Вронченко», августѣйшіе гости отбыли изъ Выборга. Изъ Выборга великіе князья посѣтили Пюттерлахтскія каменоломни, на которыхъ добывался гранитъ для колоннъ Исаакіевскаго собора и для Александровской колонны, поставленной передъ Зимнимъ дворцомъ. На другой день, 9-го іюля, ихъ высочества совершили прогулку на водопадъ Герфорсъ къ устью р. Кюмени и, возвратившись назадъ, отбыли на «Рюрикъ» въ Петергофъ ¹⁾ 10-го іюля.

Въ этомъ же году, 28 августа, наслѣдникъ и великіе князья Александръ, Владимиръ и Алексѣй Александровичи прибыли въ Москву, къ именинамъ государя, который вмѣстѣ съ императрицею послѣ путешествія по Россіи находился въ Москвѣ. Поздоровавшись съ родителями, великіе князья въ этотъ же день были на смотру московскихъ кадетскихъ корпусовъ въ Лефортовѣ, а на другой день они присутствовали на литургіи въ церкви Спаса за золотой рѣшеткой и на семейномъ обѣдѣ. Вечеромъ государь взялъ съ собой старшихъ сыновей и отправился съ ними на балъ, данный московскимъ дворянствомъ. 31-го августа августѣйшія дѣти присутствовали при закладкѣ возобновленія стариннаго дома бояръ Романовыхъ, а вечеромъ уѣхали въ Петроградъ.

Въ 1861 году великіе князья Александръ и Владимиръ Александровичи отправились въ Москву, гдѣ совершили образовательную прогулку по старымъ монастырямъ, церквамъ и другимъ памятникамъ московской старины, между прочимъ посѣтили и село Коломенское ²⁾. Поѣздка продолжалась съ 19-го до 27-го августа.

Въ 1862 году великіе князья Александръ и Владимиръ Александровичи посѣтили Либаву, гдѣ предприняли курсъ морскихъ купаній. Извѣстно, что Либава самый южный русскій портъ на Балтійскомъ морѣ и самый западный во всей Россіи. Низкій и очень пологій берегъ моря, покрытый мелкимъ пескомъ, является весьма удобнымъ и пріятнымъ мѣстомъ для купанія. Изъ всѣхъ мѣстностей, лежащихъ на берегу Балтійскаго моря, принадлежащихъ Россіи, Либава пользуется репутаціей незамерзаемости. Въ то время, когда всѣ прочіе порты цѣлые мѣсяца находятся подъ льдомъ, Либава бываетъ заперта всего лишь на 5—8 дней въ году. Изъ исторіи Либавы извѣстно, что она переходила во власть то Пруссіи, то Даніи, то Швеціи. Съ начала Сѣверной войны Карлъ XII

¹⁾ Свѣдѣнія о пребываніи великихъ князей въ Выборгѣ и его окрестностяхъ любезно доставлены автору губернаторомъ Выборга, собравшимъ ихъ изъ финляндскихъ газетъ того времени, и по разсказамъ сторожиловъ. Также доставилъ свѣдѣнія комендантъ Выборгской крѣпости А. Петровъ.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1915 г., ноябрь. Наша статья «Въ старую Москву».

обратилъ городъ въ крѣпость, которую занимали то русскія, то шведскія войска. Въ 1795 году Курляндія была присоединена къ Россіи. Петръ Великій не разъ бывалъ въ Либавѣ и въ 1697 году онъ пробылъ тамъ 6 дней, наблюдая за постройкой либавскаго порта. Въ 1716 году Петръ проѣздомъ на свадьбу своей племянницы пробылъ въ Либавѣ 5 дней. Въ 1806 году императоръ Александръ I по дорогѣ въ Эрфуртъ тоже посѣтилъ Либаву. Посѣщеніе Либавы въ 1862 году всей царской фамиліей описано нами въ статьѣ: «Отъ дѣтства до присяги»¹⁾).

Изъ Либавы великій князь Александръ Александровичъ проѣхалъ въ Варшаву на крестины сына намѣстника царства Польскаго, великаго князя Константина Николаевича, Вячеслава. Въ томъ же 1862 году великій князь Александръ Александровичъ вмѣстѣ съ царскою фамиліей присутствовалъ въ Новгородѣ на открытіи памятника тысячелѣтія Россіи, откуда возвратился въ Царское Село 10 сентября.

Въ 1863 году великій князь былъ два раза въ Финляндіи, сначала на смотру войскъ подъ Тавастгусомъ и Свеаборгомъ, а въ другой разъ присутствовалъ при открытіи государемъ финляндскаго сейма въ Гельсингфорсѣ.

Въ 1864 году великій князь вмѣстѣ съ государемъ былъ въ Москвѣ, гдѣ присутствовалъ на маневрахъ и смотрахъ войскъ и въ этомъ же году, 22 августа былъ вызванъ родителями, въ Дармштадтъ и Фридрихсгафенъ, а потомъ путешествовалъ по Швейцаріи, гдѣ пробылъ цѣлый мѣсяць.

Въ 1865 году, 4 апрѣля, внезапно былъ вызванъ болѣзнію наследника Николая Александровича въ Ниццу, гдѣ пробылъ до 17 апрѣля, т. е. до дня смерти несчастнаго страдальца, а затѣмъ посѣтилъ Дармштадтъ и возвратился въ Петроградъ 28-го апрѣля.

Послѣ похоронъ наследника Александръ Александровичъ 14 августа отправился съ государемъ въ Москву, гдѣ были смотры и маневры войскъ. Пробыли въ Москвѣ 5 дней, а 20 числа возвратились въ Царское Село. Въ томъ же году государь съ молодымъ наследникомъ посѣтили село Ильинское, подъ Москвою, гдѣ проживала императрица. Тамъ прожили нѣсколько дней и возвратились 10 сентября въ Царское Село. Въ Ильинскомъ императорская чета, послѣ испытанныхъ волненій, отдавалась всей душой тишинѣ и покою.

Е. С. Каменскій.

Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1916 г. №№ 1 и 2. Свѣдѣнія о прошломъ Либавы очерпнули мы у В. Тимонова, въ его «Очеркѣ развитія Либавскаго порта», изд. 1888 г.

ИЗЪ ДОНЕСЕНІЯ БАВАРСКАГО ПОВѢРЕННАГО ВЪ ДѢЛАХЪ ОЛЬРИ
(OLRY) ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ (1802—1806)
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

(Съ предисловіемъ великаго князя Николая Михайловича).

ОГДА-ТО, совсѣмъ случайно, я приобрѣлъ бумаги, принадлежавшія баварцу графу Брэ (Brau), который былъ весьма незаурядный дипломатъ въ Наполеоновскую эпоху: всегда умѣлъ быть хорошо освѣдомленнымъ на тѣхъ мѣстахъ, куда его посылали, и оставилъ интересные и занимательные мемуары. Они были начатаны въ Германіи въ 1901 году. Этотъ графъ Брэ былъ одно время довѣреннымъ лицомъ у Талейрана, но баварца сильно недолюбливалъ князь Меттернихъ, потому что въ тѣ времена политика Баваріи и Австріи была другъ другу враждебна. Одно время онъ состоялъ въ качествѣ баварскаго посланника въ Россіи (1808—1812), и этотъ періодъ его дѣятельности подробно описанъ въ напечатанныхъ его воспоминаніяхъ. Въ настоящее время мнѣ хочется ознакомить нашу читающую публику съ отрывками донесеній другого баварца, Ольри (Olry), жившаго въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія (1802—1806), тонкаго наблюдателя, сообщавшаго своему правительству, а также и графу Брэ, очень цѣнныя данныя не только о вновь вступившемъ на престолъ государѣ, но и о русскомъ дворѣ, русскомъ правительствѣ и нашихъ нравахъ въ первый періодъ послѣ трагической кончины императора Павла. Наблюдательность молодого баварца поражаетъ своею тонкостью, и онъ умѣлъ схватывать многое такое, что усколь-

зало отъ вниманія другихъ его современниковъ. Оригиналы донесеній Ольри находятся въ моей библиотекѣ, а самую занимательную часть ихъ мы издаемъ нынѣ, какъ документы такой эпохи, которая, несмотря на массу уже напечатаннаго во всѣхъ странахъ Европы матеріала, все-таки возбуждаетъ большой интересъ, не только сама по себѣ, но и по послѣдующему ходу событій. Часть записокъ Ольри была напечатана въ воспоминаніяхъ графа Брэ на нѣмецкомъ языкѣ. Ольри покинулъ навсегда Россію въ іюнѣ 1806 года, а до этого времени неоднократно замѣнялъ настоящаго баварскаго представителя при нашемъ дворѣ Поша (Posch), часто отлучавшагося изъ Петербурга. Впослѣдствіи Ольри разошелся и съ баварскимъ правительствомъ, и съ графомъ Брэ, и поселился въ Швейцаріи, гдѣ примкнулъ къ самымъ либеральнымъ дѣятелямъ Швейцарской республики.

Великій князь Николай Михайловичъ.

9-го декабря 1916 года.

Извлеченіе изъ письма д Ольри отъ 18 сентября 1802 г.

Графъ А. Воронцовъ, характеръ котораго я достаточно описалъ въ обзорѣ послѣдняго административнаго переворота въ этой странѣ, полагалъ, что съ самаго его выступленія его возрастъ и уваженіе, которымъ онъ пользуется, дадутъ ему такое вліяніе на государя, что онъ будетъ въ правѣ проявить въ первые же моменты своей дѣятельности свои собственные взгляды и политическіе принципы. Отсюда его первые выпады по адресу всѣхъ министровъ, придерживающихся системы, которую мы приняли; отсюда его нападки и рѣзкая критика всѣхъ актовъ, созданныхъ этой системой. Но когда онъ понялъ, благодаря оппозиціи императора, что вѣрность государя ранѣе принятымъ имъ на себя обязательствамъ замѣняетъ ему въ данныхъ обстоятельствахъ силу характера, онъ пришелъ къ убѣжденію, что ему не слѣдуетъ рисковать и, разбивая стекла, подрывать свой авторитетъ, а надо скрывать свои ходы.

Отсюда этотъ внезапный поворотъ, перемѣна тона и манеръ относительно всѣхъ тѣхъ, которыхъ должны были ужаснуть и оттолкнуть отъ него его первые рѣчи. Мнѣ нѣтъ надобности докладывать вамъ о нихъ, хотя изъ моихъ донесеній вы имѣете о нихъ лишь слабое представленіе. Но было ли благоразумно дать себя провести личинѣ вкрадчивости, нагота которой открывается безъ всякихъ затрудненій? Входитъ ли въ расчетъ министра отталкивать отъ своихъ принциповъ тѣхъ, взгляды и политическіе интересы которыхъ онъ въ сущности раздѣляетъ, и приводить ихъ въ ужасъ заявленіями, столь противоположными системѣ, принятой его дво-

ромъ? По всей вѣроятности, и на основаніи положительныхъ данныхъ, съ которыми я васъ уже познакомилъ, я долженъ сознаться, что я боялся бы быть одураченнымъ, и, сознаюсь, я не сталъ бы такъ спѣшить въ нашихъ вариантахъ. Послѣдствія слишкомъ явно доказали, что мы ошибались. Я утѣшаюсь только увѣренностью въ томъ, что настоящіе переговоры будутъ окончены въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были начаты, ибо такова воля императора, и онъ хочетъ ихъ окончить. Но мнѣ кажется, что при нашемъ ремеслѣ надо бросить взглядъ на будущее и исходить изъ имѣющихся у насъ данныхъ, чтобы разсчитать будущіе шансы. Правило, принципъ имѣютъ свои слѣдствія и свой результатъ. Также и событія. Но, читая донесенія Поша, не забывайте, что въ глубинѣ души здѣсь не любятъ Франціи и французовъ; что противъ Гаугвица существуетъ озлобленіе и что нашу мюнхенскую политическую систему отъ всего сердца послали бы къ чорту. Вотъ что лучше всего даетъ ключъ къ тѣмъ многочисленнымъ заискиваніямъ, которыми полны наши депеши, когда заходитъ вопросъ о канцлерѣ. Я также согласенъ, что слѣдуетъ продолжать и удваивать старанія и всячески выказывать вниманіе. Однако, если настоящій порядокъ еще продолжится здѣсь, намъ не слѣдуетъ закрывать глаза на будущее и мы должны держаться на сторожѣ.

При такихъ обстоятельствахъ я былъ бы очень огорченъ, если бы поведеніе Франціи относительно Швейцаріи подало поводъ къ инсинуаціямъ, которыя посылаются со всѣхъ сторонъ. Чтобы удержать эту страну, есть одно средство, тѣмъ болѣе могущественное, что оно дѣйствуетъ прямо: Лагарпъ оказываетъ на своего августѣйшаго ученика замѣтное вліяніе.

Многіе смотрѣли на перемѣны, только что происшедшія въ Петербургѣ, какъ на одну изъ министерскихъ революцій, столь обыкновенныхъ въ этой столицѣ, и находили въ этомъ только личное желаніе императора окружить себя болѣе тѣсно друзьями своего дѣтства и начать свое царствованіе реформами, которыя могли бы снискать ему любовь его народовъ.

Другіе, болѣе раздраженные, увидѣли въ этомъ признаки народной революціи. Это послѣднее мнѣніе не заслуживаетъ, однако, почти никакого опроверженія, ибо считать революцію возможной въ странѣ, гдѣ народности такъ же разнообразны, какъ и климатъ, гдѣ простой народъ является рабомъ по привычкѣ, по правамъ и религіи, гдѣ просвѣщеніе можетъ пока только вести неравную борьбу съ варварствомъ, гдѣ дворянство является единственнымъ вождемъ движенія и дворцовыхъ катастрофъ, которыми полна исторія Россіи за послѣднее столѣтіе, и не имѣетъ другого имущества, кромѣ крѣпостныхъ,—считать здѣсь революцію возможной, говорю я, было бы грубой ошибкой воображенія или же слѣдствіемъ полнаго незнанія нравственнаго состоянія Россіи. Но когда начи-

наешь изучать характеръ послѣднихъ событій, ихъ причины и предшествовавшія имъ обстоятельства, когда знаешь ихъ зачинщиковъ, то становишься склоннымъ судить о нихъ, какъ о событiяхъ, образующихъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ, которая не останется безъ влiянiя на будущiя судьбы этой имперiи.

Съ самаго момента прибытiя нашего въ Петербургъ, сейчасъ же послѣ смерти Павла I, было не трудно предвидѣть, что въ управленiи страной ожидаются важныя перемѣны. Причины этого заключались не столько въ полномъ различii между характеромъ и наклопностями теперешняго императора и его покойнаго отца, сколько въ неустойчивости правительства, въ колебанiяхъ партiй и въ особенности въ образѣ мыслей дворянства, которое боялось будущихъ покушенiй деспотизма противъ его привилегiй и свободы. Терроръ, висѣвшiй надъ нимъ въ послѣднее царствованiе вслѣдствiе того, что императоръ хотѣлъ на дѣлѣ отомстить этому рою придворныхъ за то презрѣнiе, жертвой котораго онъ былъ во время царствованiя его матери, внушилъ этому классу желанiе оградить себя на будущее время отъ подобныхъ покушенiй и столь же унижительнаго угнетенiя. Общiй крикъ противъ виновниковъ злодѣянiя 11-го марта 1801 года поднялся въ Петербургѣ не потому, что дѣло это было жестоко по умыслу и по исполненiю, но потому, что Паленъ и Зубовъ, въ качествѣ вожаковъ заговора, поставили императору Александру, какъ условiе *sine qua non*, ограниченiе верховной власти и довольно свободно произносили слово «конституцiя». Но потому ли, что заговорщики не дали созрѣть своимъ идеямъ на этотъ счетъ, или потому, что ихъ удерживали другiя соображенiя, но замѣтно было, что съ этого времени явилось общее стремленiе къ этой аристократiи или дворянской олигархiи, которая, повидимому, была готова возникнуть на развалинахъ абсолютной власти, укрѣпленной Петромъ I путемъ отмѣны патрiаршества и полнаго подчиненiя себѣ коронныхъ вассаловъ.

Всей Европѣ извѣстны указы, изданные теперешнимъ императоромъ съ самаго его восшествiя на престолъ. Они стремятся вернуть дворянству и духовенству ихъ былой блескъ. Павелъ I дошелъ до того, что ввелъ тѣлесное наказанiе для дворянства, какъ для простаго народа. Недавно изданный указъ возстановилъ прежнюю привилегiю этого класса. Вообще для петербургской колонiи было не трудно измѣрить открывавшееся широкое поле дѣятельности для дворянства въ новое царствованiе, ибо, что бы ни говорили объ этомъ дворѣ и окружающихъ его дворянахъ, я рѣшаюсь утверждать на основанiи всего того, что я самъ видѣлъ, наблюдалъ и слышалъ въ теченiе того короткаго времени, которое я нахожусь здѣсь, что всякое описанiе будетъ ниже действительности. Этому двору хорошо знакомы всѣ хитросплетенiя, которыя только можно изобрѣсти гений интриги, и для него священны всѣ средства,

лишь бы добиться своей цѣли. Любовь къ общественному благу, преданность своему отечеству, вовсе не служить пружиной ихъ дѣйствій, и всѣ эти сердца, очерствѣвшія отъ честолюбія и жажды почестей и богатства, кажутся недоступными благороднымъ чувствамъ, которыя часто давали силу самымъ испорченнымъ народамъ и самымъ одряхлѣвшимъ правительствамъ и порождали полезныхъ или знаменитыхъ гражданъ. Нѣтъ надобности напоминать по этому случаю несчастный конецъ всѣхъ мужскихъ представителей царствующаго дома, которые съ Петра I держали этотъ опасный скипетръ; исторія конца послѣдняго царствованія, относительно котораго я собралъ значительное число разсказовъ, которые будутъ помѣщены въ другомъ мѣстѣ, представляетъ неопровержимыя тому доказательства. Эти мысли находятъ подтвержденіе и въ событіи, случившемся весьма недавно. Это случай съ гвардейскимъ офицеромъ Шубинымъ. О дѣлѣ этомъ уже упоминалось въ общихъ чертахъ. Вотъ что мнѣ извѣстно.

Въ августѣ въ Лѣтнемъ саду между 9 и 10 часами вечера раздался выстрѣлъ изъ пистолета. Прибѣжавшіе на выстрѣлъ часовые и полиція нашли Шубина, который оказался легко раненымъ. Онъ объявилъ, что сдѣлался жертвою покушенія, что покушавшагося на него онъ знаетъ только въ лицо и легко узнаетъ его, если его ему предъявятъ, но что по этому дѣлу онъ имѣетъ сдѣлать важныя сообщенія. Его ведутъ къ генераль-губернатору Кутузову¹⁾, которому онъ сообщаетъ по секрету, что лицо, покушавшееся на его жизнь, предлагало ему нѣсколько недѣль тому назадъ принять участіе въ заговорѣ, затѣвавшемся противъ императора. Но такъ какъ онъ отказался, то покушавшійся, очевидно, хотѣлъ отдѣлаться отъ него, какъ отъ сообщника, боясь его преданности императору. Когда генераль-губернаторъ доложилъ объ этомъ дѣлѣ, то императоръ, находившійся въ это время на дачѣ на Каменномъ островѣ, въ 3 часа ночи возвратился въ городъ, велѣлъ моментально разбудить и позвать къ нему его брата Константина, которому и сообщилъ о всемъ томъ, что довелъ до его свѣдѣнія генераль-губернаторъ. Тотъ приказалъ привести къ себѣ Шубина, который назвалъ ему въ числѣ мнимыхъ заговорщиковъ нѣсколькихъ лицъ, наиболѣе близкихъ къ его величеству, между прочимъ перваго адъютанта великаго князя Озерова. Великій князь велѣлъ немедленно арестовать ихъ и отослалъ Шубина къ губернатору съ приказаніемъ приступить къ допросу и собрать такимъ путемъ всѣ свѣдѣнія, какія только окажется возможнымъ. Вся эта суматоха встревожила дворецъ, и императоръ и великій князь были въ ужасѣ, когда черезъ нѣсколько часовъ пришло другое донесеніе, извѣ-

¹⁾ Знаменитый впоследствии фельдмаршалъ, Михайлъ Иларіоновичъ Голеницевъ-Кутузовъ.

давшее императора, что Шубинъ, отъ котораго потребовали, чтобы онъ рассказалъ все дѣло ясно и со всѣми подробностями, сознался наконецъ, что онъ самъ выстрѣлилъ въ себя изъ пистолета и прибѣгъ къ этому средству, чтобы заинтересовать собою императора, въ надеждѣ, что его величество заплатитъ за него долги. Получивъ это донесеніе, императоръ приказалъ освободить всѣхъ оговоренныхъ въ первомъ показаніи и, повидимому, совершенно успокоился. Дѣло это, переданное въ военную комиссію подъ предсѣдательствомъ сначала генераль-фельдмаршала Каменскаго, а потомъ генерала Михельсона, долго оставалось подъ спудомъ, окутанное непроницаемой тайной. Приговоромъ, состоявшимся наконецъ въ этой комиссіи, обвиняемый приговоренъ къ четвертованію заживо. Этотъ приговоръ къ смертной казни, посланный къ генераль-аудитору для новаго пересмотра, былъ замѣненъ безрочной ссылкой въ Нерчинскіе рудники, а императоръ по добротѣ своей еще смягчилъ это наказаніе и замѣнилъ его ссылкой на нѣсколько лѣтъ въ Нерчинскій округъ. Развѣ подобныя происшествія не даютъ права думать, что Неронъ нашелъ бы здѣсь больше сотрудниковъ и, можетъ быть, больше безопасности, чѣмъ Титъ?

Вотъ въ эту-то среду придворныхъ, принадлежащихъ къ множеству партій, которая создала тиранія Павла I и въ которыхъ она оставила непріятное чувство противъ абсолютной власти, вотъ въ эту-то толпу придворныхъ и былъ брошенъ въ расцвѣтѣ лѣтъ теперешній государь, обладающій по природѣ мягкимъ и мирнымъ характеромъ, не безъ доброжелательности, но безъ энергіи и проницательности, столь необходимой тѣмъ, кто призванъ править этой имперіей. Его воспитаніе и молодость были ввѣрены Лагарпу. Этотъ человекъ такъ извѣстенъ по той роли, которую онъ игралъ въ своемъ собственномъ отечествѣ, что нѣтъ надобности напоминать здѣсь объ его образѣ мыслей. Онъ былъ республиканцемъ по принципу и, въ качествѣ швейцарца, по чувству долга. Было бы, конечно, смѣшно упрекать его лично въ этомъ, ибо этимъ именно чувствамъ его страна долго была обязана своей независимостью и своимъ благополучіемъ. Вѣроятно, ему приходилось высказывать эти чувства лишь въ откровенныхъ бесѣдахъ, столь естественныхъ между ученикомъ и учителемъ. Онъ могъ, слѣдовательно, ошибаться только въ практическомъ ихъ примѣненіи. Но, какъ бы то ни было, представляется несомнѣннымъ, что его ученикъ сохранилъ въ себѣ похвальное желаніе обратить свое вниманіе на народное благосостояніе и счастье своихъ народностей Лагарпъ навсегда сохранилъ за собою полное довѣріе своего августѣйшаго ученика. До его отъѣзда изъ Россіи и во время его послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ императоръ именно у него искалъ отдыха отъ дѣлъ и почерпалъ совѣты. Кажется, онъ не остался чуждъ и тѣмъ проек-

тамъ, которые только что получили свое осуществленіе, не раздѣляя, однако, ихъ задней мысли.

До сего времени императоръ неоднократно выражалъ желаніе отмѣнить крѣпостное право, но это желаніе подавлялось тотчасъ же, какъ возникало, ибо, какъ я уже указалъ, не къ этому стремится дворянская партія. Она работаетъ вовсе не надъ тѣмъ, чтобы осуществить желанія или мечты философіи или улучшить положеніе народа. Чтобы достигъ поставленной себѣ цѣли, ей слѣдовало воспользоваться наклонностями императора и прикрыться плащомъ общественнаго блага. Не имѣя ни житейской опытности, ни правительственнаго опыта, онъ самымъ сердцемъ своимъ и добродѣтелями, казалось, предавался въ ихъ руки.

Вотъ рассказъ, который я слышалъ изъ устъ сестры графа Воронцова, знаменитой графини Дашковой, и который показываетъ, до какой степени его доброта отдавала его подъ опеку. Она мнѣ рассказывала, что на послѣднемъ собраніи кавалеровъ ордена св. Владимира, на которомъ предсѣдательствовала ея мать, было рѣшено просить государя принять и носить этотъ орденъ въ знакъ признательности за все то, что съ начала своего царствованія онъ сдѣлалъ для счастья и процвѣтанія государства. Его величество отвѣтилъ графу Воронцову, который, въ качествѣ депутата отъ кавалеровъ ордена передалъ ему это пожеланіе его товарищей, что онъ еще не достоинъ этого ордена и что, по его мнѣнію, за десять лѣтъ своихъ усилій онъ еще не получилъ права на такой знакъ отличія, и упорно отказался принять орденъ. Безполезно предаваться размышленіямъ о скромности монарха—главы, который самъ жалуется всѣмъ ордена, и о совершенно новой въ Россіи мысли предложить ему одинъ изъ орденовъ отъ лица его подданныхъ.

Ссылаясь на улучшенія и экономію, предположенную въ представленныхъ новыми министрами планахъ, которую доводили до нѣсколькихъ милліоновъ, они заявили, что было бы невозможно примѣнить въ новой администраціи, которую его величество ввелъ для искорененія злоупотребленій, тѣхъ, которымъ онъ ввѣрялъ власть при прежней организаціи, ибо легко было предвидѣть, что ихъ предрасудки и ихъ образъ мыслей всегда будутъ въ оппозиціи новымъ идеямъ и скорѣе будутъ мѣшать ходу дѣлъ, чѣмъ облегчать его. Такимъ образомъ имъ удалось добиться удаленія отъ него прежнихъ слугъ монархіи и подорвать довѣріе императора къ матери и отнять у нея друзей и совѣтниковъ въ лицѣ Куракиныхъ¹⁾. Все, однако, указываетъ, что на этомъ не остановятся и что ихъ постараются, какъ то было съ отцомъ императора, посорить непримиримо. Его величество, обыкновенно, совѣтовался

¹⁾ Александра и Алексѣя Борисовичей.

или, по крайней мѣрѣ, доводилъ до свѣдѣнiя императрицы Марiи о всемъ, что онъ дѣлалъ важнаго въ области администрацiи и управленiя. И тѣмъ не менѣе ничто не можетъ сравниться съ той таинственностью, которою были окружены отъ нея эти перемѣны. Поэтому она была такъ поражена ими, что не явилась на собранiе двора 5 (17) сентября по случаю годовщины коронацiи императора, хотя ее тамъ и ожидали, и рѣшилась продолжить свое пребыванiе въ Гатчинѣ до ноября.

Великiй князь Константинъ также сдѣлался предметомъ таинственности этой партiи. Этотъ великiй князь, всюду ненавидимый, гнѣвный, стремительный, у котораго при недостаткахъ его отца мало хорошихъ качествъ, которыми тотъ иногда отличался, явился для реформаторовъ камнемъ преткновенiя. Его жестокой и непреклонный характеръ, права, которыя ему даетъ отсутствiе прямого наслѣдника, все это могло побудить его къ сильнымъ и энергичнымъ представленiямъ, которыя вмѣстѣ съ представленiями его матери могли бы разрушить проектъ дѣльцовъ и отвлечь отъ нихъ императора. Вотъ почему были пущены въ ходъ величайшiя старанiя, чтобы лишить его всякаго довѣрiя императора, и ожидали лишь отъѣзда его въ Польшу, чтобы обнародовать происходящiя теперь перемѣны. Этой же причинной надо объяснить и путешествiе его въ Вѣну, которое при настоящихъ обстоятельствахъ возбудила такое удивленiе.

Я могу утверждать, что, не говоря о его незнанiи всего того, что готово было совершиться, онъ, отправляясь отсюда, думалъ совершить лишь инспекторскую поѣздку. Я знаю это изъ достовѣрныхъ источниковъ, — могу даже сказать, отъ самыхъ близкихъ къ нему людей. Я вспоминаю, что сейчасъ же послѣ его отъѣзда, т.-е. въ то самое время, когда вступили въ должность новые министры, въ Вѣну дали понять, совершенно, однако, секретно, что императору было бы прiятно, если бы его братъ побывалъ въ этомъ городѣ и если бы его туда пригласили. Естественно, что австрiйскiй дворъ, столь заинтересованный въ томъ, чтобы заискивать у этого министерства, сдѣлалъ все, чтобы склонить великаго князя къ этой поѣздкѣ, и это обстоятельство въ связи съ его личнымъ неудовольствiемъ противъ всего происходившаго привело къ желательной для интригановъ цѣли. Я не могу ручаться вполнѣ за то, что въ Вѣнѣ дѣйствительно были сдѣланы соотвѣтствующiе намеки, но все, что я могъ узнать на этотъ счетъ, даетъ всему этому вѣроятность, которую нельзя не принимать въ расчетъ тамъ, гдѣ догадки являются единственнымъ средствомъ добраться до истины.

Говоря объ этой догадкѣ, не будетъ, быть можетъ, очень смѣлымъ предположить, что поѣздка эта могла, по примѣру его отца въ бытность его великимъ княземъ, продолжиться гораздо дольше, чѣмъ думали.

Среди этихъ событій я долженъ замѣтить, что тотъ же планъ реформъ, который теперь принять, уже былъ составленъ, и его готовились представить на утверженіе императора во время его коронованія въ Москвѣ. Планъ этотъ потерпѣлъ крушеніе благодаря чистой случайности, которую не могли предвидѣть его авторы. Вотъ какъ было дѣло. Сенаторъ Тепловъ, человекъ безукоризненной репутаціи, избѣщенный однимъ изъ секретарей сената, Завадовскимъ, о составленномъ находящейся теперь въ силѣ партіей, главой которой является канцлеръ Воронцовъ, проектѣ ограниченія императорской власти подъ предлогомъ возстановленія первоначальнаго значенія сената, незадолго до того, какъ проектъ этотъ долженъ былъ разсматриваться сенаторами, увѣдомилъ объ этомъ генерала Ламба¹⁾, преданность и вѣрность котораго ему была извѣстна. Этотъ вѣрный слуга, испуганный послѣдствіями, къ которымъ должно было привести такое положеніе дѣлъ, рѣшился сказать объ этомъ императору и тотчасъ же отправился къ нему и сообщилъ ему о сдѣланномъ имъ открытіи, о серьезныхъ соображеніяхъ, на которыя оно наводитъ, и объ опасныхъ для его власти послѣдствіяхъ, которыя оно повлечетъ за собой, если онъ по добротѣ своей будетъ выслушивать подобныя предложенія или относиться къ этому вопросу съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Велико было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что императоръ принялъ это сообщеніе, столь важное и столь задѣвающее интересы его короны, довольно холодно и равнодушно и ограничился только тѣмъ, что поблагодарилъ его за это проявленіе преданности и успокоилъ, сославшись на увѣренность, которую онъ питаетъ въ преданность и вѣрность его подданныхъ. Недовольный и въ отчаяніи отъ такого равнодушія, генералъ не палъ духомъ и отправился къ графу Строганову-отцу²⁾ и сообщилъ ему о томъ, что должно было произойти въ ближайшемъ засѣданіи сенаторовъ, сказавъ, что онъ ждетъ отъ его любви къ государю, что онъ не подпишетъ подобнаго проекта, который явно покушается на самодержавную власть. Когда такое предложеніе будетъ сдѣлано, онъ долженъ возстать противъ него по чувству чистаго патріотизма, которымъ, по его свѣдѣніямъ, онъ одушевленъ. Такимъ образомъ генералъ научилъ графа Строганова, сказавъ, что онъ пріѣхалъ къ нему отъ императора, и что императоръ желаетъ, чтобы онъ сдѣлалъ все то, о чемъ онъ ему только что говорилъ. Въ день, назначенный партіей для чтенія и принятія законопроекта въ сенатѣ, Завадовскій, человекъ очень образованный и начитанный, прочелъ его съ большимъ одушевленіемъ. Онъ постарался изложить проектъ съ краснорѣчіемъ, въ патріотическомъ тонѣ, который дѣлалъ его приемле-

¹⁾ Иванъ Варволомеевичъ, въ декабрѣ 1801 года.

²⁾ Гр. Александръ Сергѣевичъ (1738—1811), строятель Казанскаго собора.

мымъ. Прочитавъ его, онъ тотчасъ же подписалъ его, точно такъ же, какъ графъ Воронцовъ и другіе участники, въ надеждѣ, что ихъ примѣръ заставитъ другихъ сдѣлать то же. Но графъ Строгановъ взялъ слово и повторилъ то, что ему напѣлъ генераль Ламбъ. Сторонники проекта, разстроенные сопротивленіемъ человѣка, столь уважаемаго, который не преминулъ бы увлечь своимъ примѣромъ большую часть своихъ сотоварищей, сняли свои предложенія. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время они далеко не преслѣдовали тѣхъ цѣлей, которыя имъ приписывали впоследствии и которыя изложены въ указахъ, переводъ которыхъ былъ препровожденъ въ министерство курфюршества. Но все доказываетъ, что уже тогда императоръ зналъ кое-что объ этомъ проектѣ, хотя и не соглашался съ нимъ. Съ тѣхъ поръ сторонники проекта съ величайшею послѣдовательностью и активностью работали надъ тѣмъ, чтобы склонить его на это, то перспективою выдающихся постовъ, приобщая къ своимъ интересамъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, окружающихъ императора и близкихъ къ нему, то обращая въ свою пользу ихъ собственный образъ мыслей. Съ этого времени усилились нападки на людей, занимавшихъ въ то время высшіе посты, а именно на генераль-прокурора Беклешова¹⁾, генераль-губернатора Кутузова, вице-канцлера Куракина²⁾ и начальника полиціи. Здѣсь было бы уместно очертить, кромѣ пущенныхъ въ ходъ интригъ, и нравственную личность всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ и поговорить относительно компетенціи каждой отрасли власти, но баронъ де-Пошъ уже далъ въ своихъ донесеніяхъ портреты главнѣйшихъ изъ нихъ, и мнѣ остается сказать, что большинство изъ нихъ извѣстно своею склонностью къ реформаторскимъ идеямъ и что эта склонность у большинства является результатомъ ихъ воспитанія и вліянія принциповъ ихъ наставниковъ. Я не могу обойти молчаніемъ одну черту, которая можетъ характеризовать главное дѣйствующее лицо, будемъ ли мы смотрѣть на него, какъ на главаря, или же какъ на орудіе. Всѣмъ извѣстно, что теперешній канцлеръ, графъ Воронцовъ, во времена покойной императрицы Екатерины II былъ посланникомъ въ Лондонѣ, но только недавно, да и то при помощи разспросовъ, которые я производилъ на этотъ счетъ, я узналъ, почему его оттуда отозвали. Онъ завязалъ столь близкія связи съ партіей оппозиціи, что великобританское министерство встревожилось, и лордъ Чатамъ секретно сообщилъ объ этомъ императрицѣ, которая его отозвала, а затѣмъ поставила его въ такое положеніе, что онъ потерялъ всякое значеніе.

Вообще я не разъ имѣлъ возможность убѣдиться въ такомъ образѣ мыслей дворянской молодежи изъ интимныхъ разговоровъ,

¹⁾ Александръ Андреевичъ (1745—1808)

²⁾ Александръ Борисовичъ (1752—1818)

которые я часто велъ съ нею. Не разъ мнѣ приходилось удивляться свободѣ и откровенности ихъ признаній на этотъ счетъ. Но когда подумаешь, что это та самая молодежь, которая теперь дѣлитъ между собою всѣ мѣста, занимаетъ всѣ доступы къ трону и окружаетъ императора, то приходится прибавить, что мои догадки приобрѣтаютъ такую вѣроятность, какъ никогда. Въ самомъ дѣлѣ, если время придастъ произведеннымъ перемѣнамъ ту прочность, которая для всѣхъ учреждений является исключительно его дѣломъ, то не будетъ ли правильно сказать, что власть государей окажется не только ослабленной, но и ограниченной? Не входя въ обсужденіе того, явится ли такой исходъ добромъ или зломъ для страны, тѣмъ не менѣе станетъ ясно, что въ образѣ правленія произойдетъ полная перемѣна. Благодаря такимъ уступкамъ и установилась въ разныхъ частяхъ Европы и чрезвычайно тамъ упрочилась власть вассаловъ, штатовъ, парламентовъ и другихъ корпорацій и впослѣдствіи нерѣдко соперничала съ властью государей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не того же характера функціи, предоставленныя императоромъ сенату? И развѣ не изумительно въ Россіи это рѣшеніе, дарующее судебному учрежденію право представленія или возраженія противъ указовъ государя и право привлекать къ своему суду министровъ и губернаторовъ, которые должны давать ему отчетъ и отвѣчать передъ нимъ за свои дѣйствія? Пусть не говорятъ, что сенатъ, который за послѣднее время сдѣлался складочнымъ мѣстомъ для ничтожныхъ людей, отставленныхъ или потерпѣвшихъ неудачу въ своей карьерѣ, не можетъ сдѣлаться когда-нибудь страшнымъ для власти монарха, ибо разрабатывается уже полная реформа этого учрежденія подъ предлогомъ и при посредствѣ его новыхъ функцій, и въ виду выдающагося положенія, которое ему дано, все, что имѣетъ теперь вліяніе, пожелаетъ имѣть въ немъ своихъ ставленниковъ. Безъ сомнѣнія, главная цѣль, къ которой направляется вниманіе господствующей партіи, состоитъ въ томъ, чтобы образовать союзъ между сенатомъ и министерствомъ, и всѣ свои усилія министерство направляетъ, чтобы обезпечить свою власть, свою безнаказанность, и передать вопросъ объ его отвѣтственности въ руки своихъ друзей. Въ одинъ прекрасный день онъ вступитъ въ борьбу, которую онъ впослѣдствіи можетъ предпринять безъ желанія государя, со своей полнотою власти, опирающейся на силу закона и общественнаго мнѣнія. Подобныя намѣренія находятся въ слишкомъ явномъ противорѣчій съ неограниченной верховной властью, которою окружилъ себя покойный императоръ, говоря, что у него въ Россіи тотъ дворянинъ, съ кѣмъ онъ говоритъ, и не могутъ не прилекать къ себѣ общественнаго вниманія и не входятъ въ политическіе расчеты. Слѣдуетъ еще замѣтить, что все то, что стоитъ въ оппозиціи къ восторжествовавшей партіи, удалено отъ лица импе-

ратора. Никогда еще пораженіе не было столь полнымъ, и въ многочисленныхъ перемѣнахъ, которыми богатъ этотъ дворъ въ исторіи фаворитизма, проигравшая дѣло партія всегда сохраняла кое-какіе каналы. Но въ данномъ случаѣ все было отнято и, какъ я уже замѣтилъ, наклонности и слабость государя сами стремятся къ тому, чтобы заставить его идти въ направленіи желательномъ для людей, стоящихъ нынѣ у дѣла, пока не наступилъ моментъ пробужденія. Но тогда ему нельзя уже будетъ отступать, не сдѣлавшись такъ или иначе жертвой.

Я не хочу ограничивать кругъ людей, волнующихъ здѣшній дворъ, партіей побѣдителей и побѣжденныхъ. Интриги имѣютъ множество подраздѣленій, которыя, смотря по обстоятельствамъ, то сталкиваются, то сближаются между собою, теряютъ или сохраняютъ надежду восторжествовать, въ свою очередь. Между ними впервые замѣчаются признаки проявленія партіи, которая обратила свои взоры на царствующую императрицу. Нельзя подозрѣвать эту чрезвычайно скромную и робкую императрицу въ честолюбіи, которое, по примѣру Екатерины II, могло бы заставить ее взять въ свои руки замыселъ, докучающійся на власть ея августѣйшаго супруга или на право законныхъ наслѣдниковъ,—ея сердце, какъ и ея характеръ заставили бы ее отказаться отъ этого съ ужасомъ. Однако не было бы ничего невозможнаго въ томъ, что она была бы вовлечена въ это дѣло помимо своего желанія, какъ это было съ теперешнимъ императоромъ и его братомъ въ махинаціяхъ, подготовленныхъ и повлекшихъ страшную катастрофу съ ихъ отцомъ.

Не придавая особаго значенія шуткамъ покойнаго императора Павла насчетъ князя Чарторыйскаго по поводу первыхъ родовъ императрицы Елизаветы, тогда еще великой княгини, извѣстно, что она не пользуется любовью государя, что, несмотря на всѣ ея усилія скрыть свои огорченія, часто невольная грусть среди придворныхъ увеселеній выдаетъ тайну ея сердца. Всѣмъ извѣстны постороннія привязанности императора. Общество, не отличавшееся никогда снисходительностью къ нему, тѣмъ болѣе склонно осуждать его, что слухъ о его безсиліи навлекаетъ на посѣщаемыхъ имъ женщинъ своего рода презрѣніе, а благосклонность, которой онѣ пользуются, возбуждаетъ мысль о ихъ снисходительности, и это дѣлаетъ его благосклонность ни благородной, ни извинительной. Извѣстно самымъ достовѣрнымъ образомъ, что единственный мужчина, котораго императрица видитъ съ удовольствіемъ и который бываетъ въ ея интимномъ обществѣ,—князь Чарторыйскій ¹⁾, которому, судя по довольно положительнымъ свѣдѣніямъ, удалось силою своего характера захватить превосходство надъ императоромъ и ке-

¹⁾ Князь Адамъ (1770-1861)

торый, по слухамъ, обязанъ занимаемымъ имъ теперь мѣстомъ гораздо болѣе этому чувству, чѣмъ чему-либо другому. Его близкія отношенія съ монархомъ и интересъ, съ которымъ старались овладѣть этимъ драгоцѣннымъ средствомъ общенія вмѣстѣ съ желаніемъ укрѣпить авторитетъ императрицы-матери, заставили князя Куракина сдѣлать серьезныя попытки къ сближенію обѣихъ этихъ императрицъ во время путешествія императора въ Мемель, заставивъ ихъ встрѣтиться въ его отсутствіе въ Павловскѣ. Бывшій вице-канцлеръ сдѣлалъ все, чтобы устранить давно уже существовавшія между ними обѣими тренія и образовать изъ нихъ лигу противъ своихъ и своей августѣйшей покровительницы противниковъ. Съ этой цѣлью воспользовались, какъ меня увѣряли, гофмейстеромъ двора великихъ княгинь княземъ Александромъ Голицынымъ ¹⁾, имѣющимъ близкія связи съ княгиней Шаховской²⁾, любимой и довѣренной подругой царствующей императрицы, съ которой онъ безпрестанно имѣетъ общеніе. Но потому ли, что хлопоты о примиреніи остались безрезультатны, или потому, что предчувствіе близкаго паденія партіи императрицы-матери парализовало эти хлопоты, отношенія между обѣими императрицами остались прежнія. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что со времени отстраненія Куракина и вдовствующей императрицы въ публикѣ во множествѣ расточаются похвалы по адресу вдовствующей императрицы, на которыя прежде были такъ скупы. Съ этого времени очень часто можно слышать похвалы ея изяществу и красотѣ, ея уму, проницательности, ея душевнымъ качествамъ и великимъ достоинствамъ. Эти признаки кажутся мнѣ тѣмъ болѣе значительными, что не слѣдуетъ терять изъ виду, что та партія Зубова которая, держась въ тѣни, все же проявляетъ активную дѣятельность, цѣпляется за любимую у женщинъ идею и вовлекаетъ въ вихрь этой столицы значительное количество болѣе или менѣе вліятельныхъ людей. Я имѣю свѣдѣнія изъ хорошаго источника, что для того, чтобы имѣть руки развязанными, пресловутый князь Платонъ Зубовъ поселился въ одномъ изъ своихъ курляндскихъ имѣній, которое находится почти у самой границы, что отсюда онъ ведетъ обширную переписку и что его многочисленные сторонники тайно разжигаютъ свѣдающее его честолюбіе. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что въ той же самой мѣстности находится и знаменитый графъ Паленъ съ нѣкоторыми изъ главныхъ участниковъ событія 11 марта, и что, несмотря на нѣкоторыя несогласія, общіе интересы объединять ихъ всѣхъ, если къ тому представится случай. Этого-то объединенія и долженъ послѣдовательно и энергично добиваться князь Платонъ.

¹⁾ Князь Александръ Михайловичъ (1770-1821).

²⁾ Княжна Наталія Ѳеодоровна (1779-1807) вышла замужъ за кн. А. М. Голицына; подруга имп. Елизаветы Алексѣевны имѣла прозвище «Prinсipessa».

Другія партія могутъ заявлять претензіи на милости и даже на власть императора, но эта отличается своею къ нему ненавистью и не боится открыто называть его человѣкомъ ничтожнымъ, неблагодарнымъ и безхарактернымъ. Если жизни его когда-либо будетъ грозить опасность, то, несомнѣнно, эта опасность явится съ этой стороны.

Составляя гороскопъ даннаго положенія, я не считалъ бы слишкомъ смѣлымъ высказать предположеніе, что этотъ кризисъ кончится или монархической аристократіей, или же царствованіемъ императрицы Елизаветы.

Начертавъ, насколько это позволяла неустойчивость точки зрѣнія, картину внутреннихъ интригъ этого двора, рассмотримъ, какое вліяніе эти интриги могли бы имѣть на внѣшнюю политику имперіи. Несомнѣнно, что происшедшія перемѣны уже теперь вносятъ измѣненія въ установившіяся отношенія. Господствующая партія есть партія національно-русская, т. е. образовавшаяся изъ людей, которые большею частью думаютъ, что Россія можетъ довольствоваться сама собою и что она должна поддерживать съ европейскими великими державами лишь общія отношенія и прежде всего тѣ, которыя необходимы для вывоза ея земледѣльческихъ продуктовъ, что она не должна принимать никакого участія въ обсужденіи волнующихъ насъ вопросовъ. Смѣшивая Германію съ Австріей и Пруссіей, не имѣя ни малѣйшаго понятія о своемъ государственномъ правѣ, статистикѣ, они, слыша о курфюрстахъ, герцогахъ, маркграфвахъ, видѣли въ нихъ вассаловъ, ради интереса которыхъ не стоитъ ни составлять, ни заниматься нотами. Гордые неизмѣримыми размѣрами своей имперіи, большая часть границъ которой защищена ледовитыми морями или пустынями, увѣренные въ томъ, что въ нихъ одинаково будутъ заискивать и Австрія и Пруссія, какъ скоро обѣ эти державы придутъ въ столкновеніе, не боясь ни той, ни другой, они полагаютъ, что они могутъ спать спокойно среди важныхъ споровъ, которыми занята теперь Европа, и усилій, которыя она дѣлаетъ для того, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ и отдыхъ и спокойствіе на основѣ устойчиваго и мудро разсчитаннаго порядка вещей.

Къ этой увѣренности они присоединяютъ еще гордую вѣру въ то, что промышленность, науки и искусство, все то, что, по ихъ мнѣнію, нужно ихъ странѣ, получили тамъ достаточную прививку и могутъ обойтись безъ содѣйствія примѣровъ и соревнований, безъ образованія заграничныхъ странъ. Этотъ предразсудокъ доходитъ до желанія выбросить изъ своей среды отдѣльныхъ иностранцевъ или по крайней мѣрѣ устранить отъ дѣятельности тѣхъ изъ нихъ, которые состоятъ на службѣ по различнымъ отраслямъ управленія. Такой образъ мыслей стремится сдѣлать изъ Россіи восточное царство и придаетъ цѣну только торговымъ сношеніямъ и его порождаетъ,

съ одной стороны, склонность къ Англiи, а съ другой—равнодушiе къ интересамъ Германiи, противъ котораго намъ придется, можетъ быть, тщетно, соединить всѣ наши усилiя. Именно въ этомъ тонѣ и говорятъ новые министры, и можно думать, что если бы партiя не зашла такъ далеко, если бы императоръ по личной своей лояльности и чувству не придерживался прежнихъ своихъ обязательствъ, то требованiя, которыя намъ еще остается заявить, встрѣтили бы здѣсь болѣе чѣмъ равнодушный приѣмъ. Къ счастью, монархъ строго придерживается исполненiя соглашенiя 3 iюня, но на будущее время не слѣдуетъ скрывать отъ себя этихъ фактовъ. Новые министры, враждебные Францiи, можетъ быть, ревнивые къ Пруссiи по причинѣ ея тѣсныхъ связей съ первой и увеличенiя этой державы, бросились бы къ Австрiи, если бы ихъ личная склонность уже не привела ихъ этому. Дворъ прекрасно знаетъ, въ какомъ направленiи дѣйствуютъ Разумовскiе въ Вѣнѣ, Морковы въ Парижѣ и Воронцовы въ Лондонѣ. Теперь можно сказать, что они дѣйствуютъ въ духѣ ихъ министерства. Исходя изъ этого соображенiя, можно будетъ опредѣлить размѣръ тѣхъ надеждъ, которыя мы можемъ возлагать на будущее покровительство Россiи, и усилiй, которыя она сдѣлаетъ для поддержанiя нашего дѣла:

Но чѣмъ неприятели для насъ это убѣжденiе, тѣмъ, съ другой стороны, важнѣе и необходимѣе удвоить наши старанiя и свидѣтельства нашего довѣрiя къ ней, а съ другой—не скрывать положенiя дѣла отъ нашего двора. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, курфюршеское министерство должно одобрить направленiе его политики и его постоянныя усилiя укрѣпить наши связи съ Францiей. Его могущественное вмѣшательство вмѣстѣ съ покровительствомъ Пруссiи спасутъ насъ отъ опасностей настоящаго кризиса и заложатъ основанiя нашей независимости и нашихъ будущихъ владѣнiй.

Вотъ, дорогой и достоуважаемый кавалеръ, мое бѣглое посланiе, но я хотѣлъ доказать вамъ, что я не потерялъ времени даромъ въ теченiе тѣхъ 6 мѣсяцевъ, что я живу въ этой столицѣ. Когда я собиралъ эти матеріалы, меня въ особенности подбадривала надежда, что ваше усердiе сумѣетъ извлечь изъ нихъ пользу. Эта причина вмѣстѣ съ снисходительностью и дружбой, которую—я знаю—вы ко мнѣ питаете, заставили меня рѣшиться предложить вашему вниманiю эту слабую работу. Я убѣжденъ, что вы увидите въ ней только желанiе быть полезнымъ и дать нашему возлюбленному и августѣйшему монарху доказательство моей неизмѣнной преданности, которую я буду питать къ нему до послѣдняго вздоха.

С.-Петербургъ, 9 (21) августа 1802 г.

Д О л ь р и .

С. Петербургъ, 19 апрѣля (1 мая) 1803 года.

Никогда еще для Россіи не было столь благопріятной и важной эпохи для того, чтобы оказать полезное вліяніе и сыграть роль, достойную этой державы, какъ въ настоящій моментъ, когда несогласія между Франціей и Англіей грозятъ снова нарушить европейскій миръ. Такъ какъ обѣ эти державы одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы не раздражать ея, то она одна могла бы твердымъ и энергическимъ вмѣшательствомъ устранить грозу и измѣнить, положеніе, чтобы сохранить общественное спокойствіе. Но вмѣсто того, чтобы идти по этой дорогѣ, на которую ей, повидимому, указываютъ и забота о ея собственной славѣ, и ея главные интересы, вмѣсто того, чтобы смѣлой рукой взять руль среди настоящаго кризиса, она своимъ вмѣшательствомъ и непредусмотрительнымъ образомъ дѣйствій, кажется, хочетъ дать намъ ключъ къ своей слабости, къ бѣдности своего будущаго и въ то же время къ своимъ самымъ сокровеннымъ желаніямъ.

Я говорю: «къ слабости». И въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе характеризовать эти нерѣшительныя дѣйствія правительства, которое руководствуется не какимъ-либо принципомъ, или какой-либо опредѣленной системой, а носится во всѣ стороны по волѣ событій, завися отъ обстоятельствъ, вмѣсто того, чтобы самому овладѣть ими, не принимаетъ никакихъ обязательствъ на будущее время, боясь поставить себя въ неловкое положеніе, и считается съ тѣми, которыя оно уже взяло на себя, только на словахъ, пышныхъ и пустыхъ, дѣйствіе которыхъ разрушается отъ малѣйшаго противодѣйствія? Тѣмъ, кто подобно намъ являются очевидцами внутреннихъ треній этой имперіи, нужно подняться до самыхъ источниковъ этой слабости. Но этотъ вопросъ долженъ послужить темой для особаго мемуара, надъ которымъ я работаю, и здѣсь я удовольствуюсь лишь тѣмъ, что пока укажу вамъ, что рѣдко мысль правительства, которое цѣликомъ уходитъ въ реформу, сохраняетъ какую-нибудь силу, за исключеніемъ правительства, выдвинутаго народной революціей, чегó въ этой странѣ нѣтъ.

Я говорю: «бѣдность ея будущаго». Почему бы не назвать такъ паденіе ея вліянія, кредита, политическаго значенія, которое испытываетъ эта монархія со времени перемѣны царствованія. А это забвеніе своихъ собственныхъ интересовъ! Всѣ знаютъ то впечатлѣніе, которое произвела въ Европѣ удивительная дѣятельность Павла I, и убѣжденіе въ силѣ его имперіи, которое онъ послѣ себя оставилъ. Не было ничего проще, какъ пожать плоды этого посредствомъ умной и ловкой политики. Нѣсколько разъ обстоятельства, видимо, были благопріятны, чтобы передать диктатуру въ руки здѣшняго кабинета. И что же онъ сдѣлалъ для того, чтобы овладѣть ими или извлечь изъ этого выгоды, которыя должны дать нѣ

которые результаты для него самого? Подойдемъ къ самому источнику. Павелъ I, удаляя свою армію изъ коалиціи, далеко не отказываясь отъ роли, которую онъ только что игралъ, получаетъ новую важность вслѣдствіе своихъ переговоровъ съ Франціей. Нейтральность, навязанная Англійей, возникаетъ подъ его вліяніемъ; но все это рушится отъ удара, которымъ пресѣклись его дни. Битва при Копенгагенѣ выдаетъ Данію, Петербургъ, какъ будто, подвергся такой же катастрофѣ и здѣсь принимаютъ позу побѣжденныхъ. Едва успѣлъ пріѣхать въ Петербургъ лордъ, какъ былъ уже подписанъ договоръ съ Англійей. Какъ будто врагъ былъ уже у воротъ и потому не нашли времени выработать новый и возобновили прежній торговый договоръ, всецѣло клонившійся къ выгодѣ Англійи. Не принимаютъ въ расчетъ, что состояніе имперіи теперь измѣнилось, забываютъ, какъ важно для Великобританіи покончить съ разногласіями и затрудненіями, чтобы пріобрѣсти выходы. Не воспользовавшись этими обстоятельствами для отечественной промышленности, не предвидя новыхъ источниковъ, которые открываются для торговаго процвѣтанія этой имперіи, какъ на Черномъ такъ и на Средиземномъ моряхъ, русскіе не выговариваютъ для себя болѣе выгодныхъ условій, идутъ слѣпо по прежнимъ слѣдамъ и попадаютъ подъ островной деспотизмъ. Эта эпоха ляжетъ вѣчнымъ пятномъ на министерство графа Панина точно такъ же, какъ заговоръ, разразившійся 11 марта, будетъ неизгладимымъ пятномъ на его сердцѣ. Съ этого времени всѣ союзники, всѣ друзья Россіи были одинъ за другимъ оставлены; ручательство, данное Россіей королямъ обѣихъ Сицилій и Сардиніи превратилось для нихъ въ поводъ тревоги быть оставленными произволу Франціи, которая обошлась бы съ ними покруче.

Я васъ предупредилъ объ этомъ съ самаго начала, и факты вполне согласовались съ выводами, которые я сдѣлалъ. Развѣ мы добились чего-нибудь, кромѣ словъ? А развѣ Австрія свободно и успѣшно не пустила въ ходъ свои интриги и свои несправедливыя притязанія? Я никогда не видѣлъ человѣка столь страннаго, какъ старый канцлеръ¹⁾, которому императоръ ввѣрилъ руководство внѣшними дѣлами. Набитый всякими предразсудками, спесью, предубѣжденіями, гордый своею мнимою опытностью, онъ сталъ, такъ сказать, неприступенъ. Состарившись въ политическихъ принципахъ прежняго двора, онъ хотѣлъ бы приложить ихъ къ системѣ современной дѣйствительности и дѣлаетъ видъ, что онъ покровительствуетъ реформамъ, изолируетъ свою страну и въ то же время старается шумѣть за границей. Не зная современнаго положенія Европы и не имѣя, слѣдовательно, систематическаго образа дѣйствія, соотвѣтствующаго теперешнимъ обстоятельствамъ, онъ идетъ наудачу и воображаетъ, что онъ поддерживаетъ достоинство имперіи рѣз-

¹⁾ Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ 1805 года.

кими выходками, которыя онъ позволяетъ по отношенію къ иностраннымъ посланникамъ въ своихъ бесѣдахъ.

Гр. Воронцовъ просто смѣшонъ въ своемъ костюмѣ и манерахъ.

Если прибавить къ этому плохое усвоеніе новыхъ идей и филозофіи, перемѣшанное съ деспотическими формами, и долго прятавшееся въ тѣни честолюбіе, то все это составитъ главныя черты вѣрнаго портрета этого министра.

Я говорю: «его самыя сокровенныя желанія». Ибо я спрашивалъ у наблюдателя, наиболѣе безпристрастнаго: нужно ли знать стремленія, поведеніе и образъ дѣйствій теперешнихъ русскихъ министровъ, чтобы угадать намѣренія новаго кабинета? Развѣ не обнаруживаются они во всѣхъ результатахъ, которые у насъ передъ глазами? Развѣ не довольно говорятъ объ этомъ всѣ эти дѣйствія ошущью, эта неувѣренность, эта поддержка, то открытая, то тайная, австрійскихъ проектовъ и плановъ въ дѣлѣ о вознагражденіи и, наконецъ, теперешняя слабость въ минуту столь рѣшительную для европейскаго мира? Вотъ почему, какъ мнѣ кажется, по мѣрѣ того, какъ начинаешь прозрѣвать позицію, занятую петербургскимъ дворомъ, его кредитъ и значеніе, которые его удаленіе уже, впрочемъ, ослабило, начинаютъ терять въ своихъ размѣрахъ. Отсюда рѣшеніе, которое было принято Пруссіей безъ его участія. Такова всегда была участь великой державы: если она увлекалась иностраннымъ вліяніемъ, она перестаетъ съ тѣхъ поръ быть посредникомъ и становится только орудіемъ, какъ было съ Франціей послѣ того, какъ австрійскимъ эмиссарамъ удалось купить придворныхъ Людовика XVI. Развѣ договоръ 1756 года не потерялъ съ этого момента всю свою важность? Развѣ не къ этому источнику надо восходить, чтобы найти причины, ускорившія паденіе монархіи? Нѣтъ, впрочемъ, надобности, останавливаться только на указанныхъ мною признакахъ, чтобы найти слѣды приверженности этого кабинета къ Австріи. Уловки вѣнскаго двора, письма императора къ великому князю съ цѣлью привлечь его туда, путешествіе сего послѣдняго, все то, что дѣлалось во время его совмѣстнаго пребыванія съ Разумовскимъ для того, чтобы опутать его окончательно, путешествіе палатина въ Петербургъ, вызванное будто бы соображеніями вѣжливости, возобновившіяся предположенія относительно Турціи—все это средства, которыя пущены въ ходъ Австріей, чтобы привлечь эту державу на свою сторону, и все, что мы видимъ, показываетъ, что Австрія достигла полнаго успѣха. Для подкрѣпленія этихъ наблюденій я приведу еще разговоръ, который я имѣлъ съ великимъ княземъ Константиномъ въ понедѣльникъ на Пасхѣ у Нарышкина, за женой котораго, рожденной княжной Четвертинской, онъ тоже ухаживаетъ. Такъ какъ я познакомился съ великимъ княземъ во время его короткаго пребыванія въ Германіи, на его возвратномъ пути изъ Италіи, то онъ относится ко мнѣ съ большою добротой и иногда вступаетъ

со мной въ интимныя бесѣды. Принявъ меня въ этотъ вечеръ, онъ поцѣловалъ меня, промолвивъ по русскому обычаю: «Христось воскресе». Потомъ отвелъ меня въ сторону и просилъ: «Кстати, Ольри, а какъ дѣло о вознагражденіи?» Я отвѣчалъ: «Это дѣло идетъ плохо, ваше высочество, отъ насъ взяли Эйхштадтъ безъ защиты со стороны вашего августѣйшаго брата, мы рискуемъ оказаться обманутыми, несмотря на справедливость и наше право, и не получить территоріальнаго вознагражденія. Но я позволяю себѣ надѣяться, что мы будемъ обязаны торжествомъ нашего дѣла его добротѣ и отчасти вашей, ибо ваше мнѣніе, судя по довѣрію, которое вамъ оказываетъ императоръ, должно также имѣть значеніе въ этомъ дѣлѣ». Онъ мнѣ отвѣтилъ на это: «Вотъ каковы эти французы!» Я возразилъ: «Прошу ваше высочество извинить меня, но такимъ ловкимъ оборотомъ дѣла мы обязаны проискать Австріи». Тогда онъ мнѣ сказалъ, что онъ этого не отрицаетъ и что во всякомъ случаѣ онъ обязанъ принимать сторону австрійцевъ. Здѣсь онъ вошелъ въ подробности своего пребыванія въ Вѣнѣ и сообщилъ мнѣ, что, не сдаваясь на назойливое заискиваніе французовъ, онъ испросилъ у своего брата инструкціи и что онъ рѣшилъ не принимать въ Вѣнѣ ни одного иностраннаго посла, но что Шампаньи ¹⁾, узнавъ, что онъ двухъ уже принялъ, также просилъ у него аудіенціи. Не имѣя возможности отказать ему въ этомъ, онъ назначилъ ему день, но такъ какъ въ этотъ день его не было дома, то онъ назначилъ ему свиданіе на другой день, въ 6 часовъ вечера. Шампаньи пріѣхалъ на полчаса раньше, великій князь былъ занятъ еще своимъ туалетомъ и по обыкновенію своему причесывался совершенно голый. Не имѣя возможности принять посла, онъ заставилъ его ждать, какъ вдругъ входитъ одинъ изъ офицеровъ и докладываетъ, что Шампаньи, потерявъ терпѣніе, велѣлъ сказать, что онъ уже второй разъ проситъ доложить его высочеству, что онъ находится въ его пріемной. «Вы увидите, — прибавилъ великій князь, — какъ я обошелся съ этимъ бездѣльникомъ. Я набросилъ только халатъ на голое тѣло и просилъ его войти. Лишь только онъ вступилъ въ мою комнату, я сказалъ ему: «Я принимаю васъ санкюлотомъ. Вините въ этомъ только ваше собственное нетерпѣніе». На это онъ разсыпался въ увѣреніяхъ и довелъ до свѣдѣнія великаго князя о томъ удовольствіи, съ какимъ первый консулъ встрѣтилъ бы его въ Парижѣ или на одномъ изъ смотровъ, которые будутъ этимъ лѣтомъ въ разныхъ мѣстахъ Франціи. На это великій князь отвѣтилъ, что первый консулъ оказываетъ ему черезчуръ большую честь и что онъ пріѣхалъ въ Вѣну только для того, чтобы поблагодарить императора и эрцгерцога Карла. Онъ прибавилъ, что онъ никогда не забудетъ любезнаго и милостиваго и дру-

¹⁾ Герцогъ Кадорскій былъ въ то время посланникомъ въ Вѣнѣ, позднѣе министр иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ.

жественнаго приѣма, который ему былъ оказанъ. «По окончаніи визита,—продолжалъ великій князь,—я побѣжалъ къ Разумовскому ¹⁾, чтобы рассказать ему объ этой исторіи и сказалъ: «Теперь ваше дѣло меня выручить, если я сдѣлалъ какой-нибудь промахъ. Но тотъ ему сказалъ, что все это какъ нельзя болѣе кстати, что это лучший способъ понравиться императору-королю. По поводу этого случая великій князь, продолжая свирѣпствовать противъ французовъ, рассказалъ мнѣ о визитѣ, который ему сдѣлалъ нѣкто Кольберъ, и о формальномъ неоднократномъ предложеніи присутствовать на смотрахъ во Франціи, которое ему дѣлалось со стороны Бонапарта. Онъ не далъ отрицательнаго отвѣта и прибавилъ саркастически насчетъ неловкости Кольбера, который, представившись на выходѣ двора по случаю Пасхи, рѣшился заговорить объ этомъ съ императрицей отъ имени г. и г-жи Бонапарте. Онъ думалъ, очевидно, что послѣдній изъ подручниковъ можетъ подражать императору.

Видя его горячность и желая перевести разговоръ на болѣе полезные предметы, я сдѣлалъ видъ, что вхожу въ его виды, и сказалъ ему, что если бы исходъ войны не былъ такъ несчастенъ, то мы не были бы принуждены выслушивать подобныя рѣчи «и если бы послѣ нашей блестящей кампаніи въ Италіи Австріи не сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы отвратить августѣйшаго отца вашего высочества и выдать его армію, какъ это я слышалъ отъ всѣхъ русскихъ, то мы не были въ такомъ положеніи». Но въ этомъ виновны англичане. «Кстати объ Англіи,—сказалъ великій князь:—намъ опять грозитъ война между Франціей и Англіей. Развѣ знаменитая декларация Бонапарта не хочетъ признавать нейтральныя державы? Что же будетъ дѣлать Пруссія?» Я ему отвѣчалъ, что послѣднія предложенія фонъ-деръ Гольца ²⁾ стремились, вѣроятно, къ тому, чтобы столкнуться съ Россіей и выработать совмѣстную систему для сѣвера, на случай этого разрыва. «Но вы увидите,—возразилъ онъ:—что эта бѣдная Англія будетъ одна, а я никогда не могу допустить, чтобы она была одна въ опасности, и не вмѣшаться, ибо,—повторилъ онъ,—я не скрываю отъ васъ, что я уже сказалъ моему брату, а именно, что если мы сами когда-нибудь придемъ въ столкновеніе или къ войнѣ съ ними, то я прошу его и надѣюсь, что онъ не заставитъ меня служить противъ этой державы». По одному этому можно судить, до какой степени Австрія овладѣла великимъ княземъ. Ко всему этому я долженъ прибавить, что Пруссія далеко не возбудила къ себѣ подобныхъ же чувствъ и если отъ путешествія въ Мемель въ этой странѣ остается слѣдъ, то только лично на императора.

Вездѣ я же нахожу только признаки недоброжелательности къ этой державѣ, даже среди тѣхъ, которые находились въ свитѣ Але-

¹⁾ Князь Андрей, русскій посланникъ въ Вѣнѣ.

²⁾ Пруссскій посланникъ въ Петербургѣ.

ксандра и были осыпаны милостями короля и королевы. Рѣшеніе Пруссіи относительно Англіи точно такъ же было встрѣчено съ неудовольствіемъ и въ этомъ увидать новое доказательство вѣчныхъ колебаній этой страны.

Другой довольно пикантный разговоръ. Генераль Эдувилль (Hedouville)¹⁾ на послѣднемъ совѣщаніи съ канцлеромъ заговорилъ съ нимъ о значительныхъ суммахъ, которыя съ нѣкотораго времени получаетъ англійскій посланникъ по его распоряженію изъ кредитовъ его правительства, и онъ сдѣлалъ видъ, что рассматриваетъ это дѣло, какъ подкупъ со стороны англичанъ. Этотъ намекъ разсердилъ канцлера до такой степени, что, говорятъ, онъ вышелъ изъ себя и сильно намылил голову французскому посланнику, сказавъ: «Вы, можетъ быть, думаете, что, обѣщая Китайскую имперію, можно подкупить и самого руссійскаго канцлера». Генераль поспѣшилъ смягчить тонъ и сказалъ ему, что онъ хотѣлъ только обратить вниманіе на это дѣло, которое можетъ его интересовать не менѣе, чѣмъ самого императора. Буря понемногу утихла.

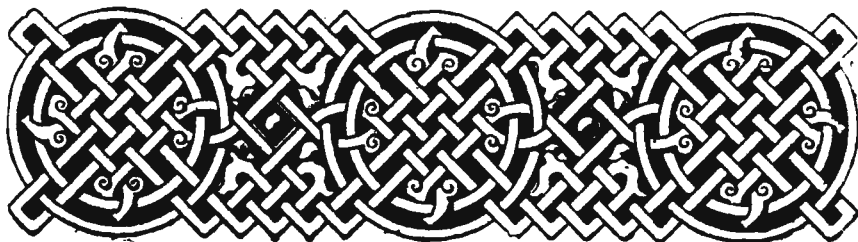
Вотъ длинный очеркъ, мой дорогой кавалеръ, но онъ немало поможетъ вамъ составить себѣ ясное представленіе объ этой странѣ и относительно того, что можно отъ нея ждать.

Весь вашъ Ольри.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Габріель графъ д'Эдувилль, французскій генераль (1765—1826).

ВОКРУГЪ ЛЕГЕНДЫ О ФЕДОРѢ КУЗЬМИЧѢ.

АРОДНЫЯ легенды, какъ вообще всякая народная литература, никогда не остаются въ той формѣ, какъ онѣ были первоначально созданы; онѣ развиваются, видоизмѣняются, и вокругъ нихъ создаются новыя легенды, словомъ, онѣ живутъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Такъ случилось и съ легендой о Федорѣ Кузьмичѣ; народное воображеніе перенесло его странничество и на его брата, Константина Павловича, причемъ, какъ это будетъ видно дальше, здѣсь не произошло просто замѣны одного имени другимъ, такъ какъ и Федоръ Кузьмичъ и старецъ Авраамій (т. е. Константинъ Павловичъ) существуютъ въ приводимой мною легендѣ совершенно отдѣльно. Какъ образовалась эта легенда, мнѣ совсѣмъ не ясно, но тонъ монаха-старца, рассказавшаго мнѣ ее, и все, что я о немъ узналъ на Валаамѣ и въ Кіевѣ, гдѣ у него есть родные, не позволяетъ думать, чтобы его слова были сознательной выдумкой.

Весной 1916 года судьба занесла меня на Валаамъ. Пробираясь пѣшкомъ отъ скита къ скиту, я дошелъ до самаго большого изъ нихъ, до скита Всѣхъ Святыхъ. Въ этомъ скиту меня встрѣтилъ монахъ небольшого роста, лѣтъ 70 на видъ, полный. Онъ показалъ мнѣ скитъ, расположенный, какъ и всѣ валаамскіе скиты, въ лѣсу, и мы расстались. Ничего особеннаго я въ монахѣ не замѣтилъ—

онъ мнѣ показался слезливымъ простачкомъ, какихъ не мало среди монаховъ.

На слѣдующій день мнѣ захотѣлось пробраться въ самый интересный скитъ, Предтеченскій, расположенный на островѣ; я, собственно говоря, хотѣлъ попасть на него еще наканунѣ, но не нашель дороги и попалъ въ скитъ Всѣхъ Святыхъ, расположенный рядомъ съ нимъ. Чтобы не сбиться вторично, я пошелъ сперва въ скитъ Всѣхъ Святыхъ, надѣясь разспросить тамъ дорогу дальше. Въ скиту меня встрѣтилъ тотъ же монахъ-старикъ, котораго я видѣлъ наканунѣ, и сталъ мнѣ объяснять дорогу, но въ концѣ концовъ вызвался проводить меня самъ. Мы пошли. Итти было свѣжо и пріятно. Былъ ясный, майскій день, и въ лѣсу было отлично. Разумѣется, мы разговорились на тему о монашеской жизни.

— Скажи-ка, дѣдъ, дѣлаете ли вы, монахи, вкладъ при поступленіи въ монастырь?

— Да кто какъ. Кто работать можетъ, тотъ не платитъ, а работаетъ, а кто работать не можетъ, по болѣзни ли, или по старости, какъ я вотъ, тотъ, конечно, вкладъ дѣлаетъ.

— Да развѣ ты такой старый, что работать не можешь? вѣдь вотъ какъ ты въ гору идешь, скорѣе меня. Сколько тебѣ лѣтъ?

— Девяносто два; почитай, старше меня никого здѣсь и нѣтъ.

— Девяносто два!—воскликнулъ я съ изумленіемъ.—Да неужели?

На видъ, какъ я уже сказалъ, ему можно было дать семьдесятъ, а то и меньше. Онъ былъ еще не совсѣмъ сѣдъ, лицо его было полное, здоровое, и ходилъ онъ, дѣйствительно, нисколько не хуже меня.

— Вотъ что значить, что ты прожилъ весь свой вѣкъ въ лѣсу,—неволью сказалъ я.

— Нѣтъ, я здѣсь всего два года, а раньше я жилъ въ Петроградѣ; я еще послушникъ.

— Какъ, въ 92 года ты еще послушникъ? Развѣ ты въ Петроградѣ не въ монастырѣ жилъ?

— Нѣтъ, я жилъ въ міру, у меня была мастерская, портновская мастерская, на углу Вознесенской и Адмиралтейскаго.

— Чего жъ ты ушелъ изъ міру?

Старикъ посмотрѣлъ на меня и ничего не отвѣтилъ. Онъ сорвалъ съ сосѣдняго кустарника вѣточку, ободралъ листочки и сдѣлалъ себѣ плеточку. Прошло минуты двѣ; онъ все молчалъ и потомъ сказалъ совершенно просто, какъ будто онъ ничего за эти двѣ минуты не обдумалъ:

— Ушелъ оттого, что въ міру одинъ грѣхъ, и давно ужъ мнѣ хотѣлось уйти отъ грѣха подальше.

— Такъ отчего же ты не уходилъ до девяности лѣтъ?

— Все жена удерживала, не пускала отъ себя, жаль было старуху бросить.

— А теперь она уже умерла?

— Нѣтъ, жива; ее устроили въ Петроградѣ, на нашемъ подворьѣ, отвели отдѣльную комнату и пособіе назначили.

— И тебѣ не жаль было ее оставить?

— Ей и такъ хорошо. Она пріѣзжала сюда на престольный праздникъ повидаться, вѣдь къ намъ въ скитъ женщины только разъ въ годъ пускаютъ.

Я вспомнилъ то мѣсто въ разсказѣ Тургенева: «Стучить», гдѣ Филоеѣй передъ смертью вспоминаетъ о своихъ лошадахъ, но ничего не говоритъ о семьѣ, и не поставилъ въ вину старику того, что онъ на старости лѣтъ бросилъ жену. Онъ говорилъ все это такъ просто, безъ «словъ», такъ простодушно, что еслибъ я его спросилъ, не было ли ему жаль бросить жену, онъ бы мнѣ отвѣтилъ, какъ Филоеѣй Тургеневу: «Въ умѣ я ее (семью) во какъ держу».

— Ну, а какъ же ты надумалъ изъ міра уйти?

— Да я давно уже ѣздилъ по монастырямъ да по старцамъ и искалъ, гдѣ бы укрыться, и полюбился мнѣ очень Валаамъ. Я поговорилъ со старцемъ однимъ, — хорошей святой жизни былъ онъ, — и ушелъ сюда.

— А сколько же ты времени въ Петроградѣ жилъ?

— Долго я тамъ жилъ, такъ лѣтъ пятьдесятъ, а то и больше. Еще при Николаѣ Павловичѣ покойномъ при дворѣ работалъ, шилъ, что кому понадобится изъ служащихъ.

— Такъ, значитъ, у тебя большая была мастерская?

— Большая. Шилъ и на богатыхъ. Князя Барятинскаго не знаете? Шилъ и на него. Князей великихъ всѣхъ помню, и Константина Константиновича, что померъ, знаю, и другихъ видалъ, а со многими и разговаривалъ.

— Ну, а съ государемъ не случалось бесѣдовать?

— Нѣтъ, съ государемъ не бесѣдовалъ, а брата его, государя Николая Павловича брата, хорошо зналъ.

— Какого брата Николая Павловича?

— А Константина Павловича: онъ у меня и померъ на квартирѣ, старцемъ былъ и странничалъ, переходилъ, значитъ, съ мѣста на мѣсто.

И все это говорилъ такимъ тономъ, какъ говорятъ о давно извѣстныхъ вещахъ. Только отъ времени до времени на щекѣ разсказчика появлялась слеза, хотя глаза не плакали и были ясны. Такъ сказывается волненіе, внутреннее скрытое волненіе души у спокойнаго, чистаго сердцемъ человѣка.

Тутъ старикъ разохотился, и я услышалъ интереснѣйшій разсказъ; если старикъ и заблуждался, онъ заблуждался вполне искренно. Ни рисовки, ни хитрости не замѣтилъ я въ его повѣствованіяхъ. Странно было только то, что онъ выбралъ слушателемъ меня, совершенно ему незнакомаго человѣка.

— Любилъ я очень странниковъ и ходилъ по монастырямъ. Меня многіе изъ нихъ знали и въ Петроградѣ на моей квартирѣ на Адмиралтейскомъ часто останавливались. И былъ одинъ старецъ, ужъ такой хорошій и чудный, какихъ я не знаю больше, можно сказать, святой человѣкъ. Звали его старецъ Авраамій. Былъ онъ уже очень старъ, но здоровъ, и ходилъ по міру изъ города въ городъ уже не первый годъ, а когда приходилъ въ Петроградъ, останавливался у меня. Такъ, бывало, разъ или два въ году бывалъ у меня. Кто онъ былъ, не знаю, только вижу я, что не простой онъ былъ странникъ, но молчу и не спрашиваю. А добрый былъ такой, какъ рѣдко...

Старикъ помолчалъ.

— И вотъ разъ сажу я съ нимъ у духовника царскаго, котораго онъ зналъ, пьемъ за столомъ чай и бесѣду ведемъ. И говоритъ духовникъ старцу Авраамію:

— Отецъ Авраамій, ты уже старъ и, не дай Богъ, скоро помрешь, такъ откройся ты намъ, кто ты такой. Пусть и Петръ Ивановичъ,— это я-то,— пусть и онъ знаетъ, кто ты.

Тутъ онъ намъ и открылъ и ладонку на груди показалъ, по которой извѣстно стало, что онъ правду говоритъ.

— А что же въ той ладонкѣ было?—спросилъ я.

— Ну, да ужъ тамъ видно было по ладонкѣ, что онъ вѣрно говорить.

Я не продолжалъ любоньтствовать и слушалъ дальше.

— А если, говорить, хотите еще доказательство имѣть, кто я, такъ справьтесь въ монастырѣ Варлаама Хутынскаго, что у Новгорода, меня тамъ одинъ старецъ знаетъ. Нѣсколько разъ Авраамій у меня бывалъ, и ходили мы съ нимъ къ Константину Константиновичу, покойнику въ Павловскѣ, въ его дворецъ, и долго онъ съ Аврааміемъ наединѣ разговаривалъ, а о чемъ, не знаю. Раза три у него были.

Разъ вышло такъ дѣло, что приходитъ ко мнѣ зимой Авраамій да захворалъ и тутъ же у меня на квартирѣ и померъ. А передъ смертю говоритъ:

— Смотри, Петръ Ивановичъ, тебѣ теперь награда будетъ за то, что ты меня принималъ и кормилъ.

— А только что мнѣ не только что награды не было, а еще чуть въ острогъ не посадили. Потому какъ узнали, кто у меня померъ, сперва подумали, что я самозванцевъ укрываю, да и въ полицію забрали, а потомъ какъ разузнали, что вѣрно говорю, отпустили да еще и благодарить велѣли. Похоронили Авраамія на кладбищѣ, что по Финляндской дорогѣ, и на могилѣ надпись сдѣлали: «Невѣдомый странникъ». Умеръ онъ на сто пятомъ году жизни, годиковъ съ 20 тому назадъ.

Мы подошли къ проливу, отдѣлявшему главный островъ отъ того, на которомъ находился Предтеченскій скитъ. На одномъ

изъ деревьевъ на берегу старикъ нашелъ чугунную доску, около которой висѣлъ чугунный же столбикъ, и принялся колотить имъ въ доску. Скоро съ того берега отчалила лодка. Въ ней сидѣлъ монашекъ.

— Вотъ, — сказалъ старикъ, указывая на него: — тоже странникъ.

Минуты черезъ двѣ лодка подѣхала, и мы сѣли.

Монахъ-странникъ имѣлъ какой-то полоумный видъ юродиваго: тощее лицо, длинные жидкіе волоски и сильный голосъ.

— А что, — началъ я, — долго ты тутъ сидѣть будешь, на Вааламѣ?

— Посижу такъ немножко и уйду. А сколько, не знаю.

— Не устаешь, когда ходишь? Зимой, чай, холодно?

— Что холодно? Если холодно, обогрѣться можно, а то и потерпѣть.

— А много ты ходилъ уже? Гдѣ бывалъ?

— Въ разныхъ мѣстахъ бывалъ. Больше по монастырямъ хожу.

Видно было, что многого изъ монашка не вытянешь. Никакой «психологіи странничества» тутъ не было, а во всемъ проглядывала какая-то російская неопредѣленность и пустота, во взорѣ тусклыхъ глазъ, въ ничемныхъ словахъ и даже въ жидкихъ, болтающихся сзади волосахъ.

— Вотъ здѣсь, — указалъ старикъ на одну келью, стоявшую отдѣльно въ лѣсу, — здѣсь живетъ одинъ отшельникъ, изъ знатныхъ будетъ, изъ Петербурга, святой человекъ.

Я хотѣлъ навести разговоръ на старую тему:

— Слушай, дѣдъ, а ты знаешь, кто былъ Ѳеодоръ Кузьмичъ?

— Знаю. У меня про него книжки есть и портретъ его тамъ изображенъ. Вотъ, помните, въ этой книгѣ говорится, что пришелъ разъ къ Кузьмичу какой-то странникъ. Ну, и вышелъ къ нему Ѳеодоръ Кузьмичъ, а какъ увидалъ его, такъ въ ноги ему и повалился, потому былъ странникъ тотъ старецъ Авраамій; этого въ книжкѣ нѣтъ, а сказалъ мнѣ про это Авраамій.

— Говорилъ тебѣ Авраамій, почему онъ изъ міра ушелъ?

— Какъ же, говорилъ, мы вѣдь съ нимъ душа въ душу жили.

— И что же онъ тебѣ сказалъ?

Тутъ впервые я замѣтилъ на лицѣ старика не простодушную довѣрчивость, какъ прежде; но это было только мгновеніе. Онъ помолчалъ и отвѣтилъ тѣмъ же довѣрчивымъ тономъ:

— Говорилъ-то онъ мнѣ, это вѣрно, да не пришла еще пора все сказать.

Мы взошли на самую высокую часть острова. Сквозь прямые стволы сосенъ виднѣлась внизу Ладога. День былъ тихій и ясный, и я поразился той синевѣ, которая глядѣла на насъ изъ-за лѣса. Я, бывавшій и на Черномъ морѣ, и на Средиземномъ, и на Адриатическомъ,

тикѣ, никогда не думаль, что на такомъ далекомъ сѣверѣ можно встрѣтить такую голубую воду.

— Вотъ какъ здѣсь тихо и хорошо,—сказаль старикъ.—Здѣсь живутъ самые хорошіе монахи, и всѣ по одному живутъ въ лѣсу, женщинъ сюда никогда не пускають. Здѣсь только и можно отъ бѣса спастись.

— Отъ бѣса?

— Да, отъ бѣса, онъ людей искушаетъ и меня тоже въ покоѣ не оставляетъ, особенно первое-то время, когда я только еще въ монастырь пріѣхаль. Какъ суббота, онъ такъ и ходитъ вокругъ кельи.

— Почему же онъ по субботамъ является?

— Потому что у меня по субботамъ съ заказчиками бываль разсчитать; вотъ и представляеть онъ, бѣсъ-то, что идутъ заказчики, кто сто рублей несеть, кто двадцать, а кто и очень много.

— Что же ты взаправду заказчиковъ видишь?

— Нѣтъ, зачѣмъ взаправду, а только все кажется, что вотъ они идутъ, и въ окно даже заглянешь на нихъ, а потомъ такъ тошно станеть, что выйдешь изъ кельи, обойдешь кругомъ, и все душа смущается. Это онъ все, значить, представляеть, думаетъ, нельзя ли подойти. Только и спасаешься, что молитву Іисусову читаешь.

— Какую это Іисусову молитву?

— А вотъ: Господи Іисусе, помилуй мя грѣшнаго. Такъ все время и шепчешь, и ночью тоже, онъ и отойдетъ. А какъ онъ меня смущаль-то въ міру! Мнѣ разъ сказаль старецъ одинъ, къ которому я на утѣшеніе за Москву ходилъ, чтобы я всю эту жизнь бросилъ: и въ карты не играль, и не пилъ. Я и взялся за умъ, да товарищи стыдить стали. Одинъ пригласилъ на именины, я и пошелъ опять. Прихожу это, ну, надѣлъ фракъ, галстукъ, какъ это надо, и перстни на рукахъ, сижу и ничего, про обѣтъ и забылъ; сталъ даже въ карты играть. И вдругъ входитъ это жена и говорить:

— Петръ Ивановичъ, что жъ ты позабылъ, что ли, что ты старцу-то обѣщаль?

Тутъ меня какъ бы громомъ ударило; бросилъ я и карты, и всѣ, какія были у меня, деньги, а ихъ о ту пору много было, почитай рублей двѣсти, бросилъ ихъ на столъ да и убѣжалъ, и такъ до дому все бѣжалъ, все мнѣ старецъ вспоминается, какъ онъ меня укорялъ и правдѣ училъ.

Старикъ замолчалъ. Слеза дрожала на его щекѣ. Онъ ее утеръ и сказаль:

— Ну, идите. Мнѣ пора къ старцу зайти, чайку попить. Прошу прошенья.

Мы прошли съ нимъ еще шаговъ сорокъ и распростились.

— Посмотри, колодець у церкви, наверху,—сказаль онъ на про-

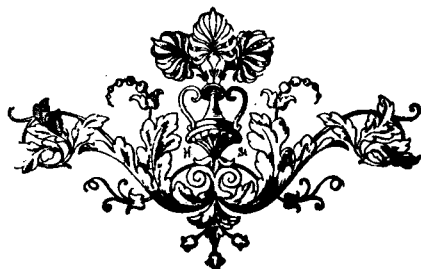
щаніе.—Вода совсѣмъ близко. Вотъ что значитъ святое мѣсто. Гдѣ это видано, чтобы вода-то на горѣ была.

Я спустился къ лодкѣ. Тотъ же монашекъ везъ меня обратно. Онъ долго бессмысленно глядѣлъ на воду и потомъ промолвилъ:

— А душевный человекъ, святой жизни старецъ Петръ, всякій его уважаетъ.

Такое мнѣніе о Петрѣ Ивановичѣ я слышалъ ото всѣхъ, съ кѣмъ мнѣ случалось говорить о немъ.

А. Бородинъ.

ПЯТЬ ДНЕЙ ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ.

(Въ апрѣлѣ 1890 г.).

1.

ВОНЪ тысячи колоколовъ, сливаясь въ одинъ мощный, за душу хватающій гулъ, стоялъ надъ Москвой въ ночь на Свѣтлое Воскресенье, когда поѣздъ мчалъ меня по направленію къ Тулѣ, откуда путь мой лежалъ на Ясную Поляну.

Первый день Пасхи—день общихъ визитовъ и поздравленій, и въ этотъ-то день я готовился впервые посѣтить человѣка, жизнь и сочиненія котораго такъ сильно занимали меня въ теченіе многихъ лѣтъ.

Увлекаясь чтеніемъ его произведеній, которыя часто напоминали мнѣ датскаго писателя Серена Киркегора, имѣющаго очень много общаго по духу съ Толстымъ, я захотѣлъ познакомить съ ними моихъ соотечественниковъ и началъ переводить ихъ. Переводы эти такъ же, какъ и переводы съ датскаго языка на русскій нѣкоторыхъ сочиненій Киркегора, я всякій разъ посылалъ Льву Николаевичу, но переписки по этому поводу у насъ не возникало, и вотъ теперь мнѣ наконецъ предстояла личная бесѣда съ нимъ. На радушный пріемъ я могъ рассчитывать вполнѣ, хоть и не получилъ, въ отвѣтъ на переданное Льву Николаевичу черезъ одного общаго знакомаго извѣщеніе мое о пріѣздѣ, прямого приглашенія. Но это было и не нужно, такъ какъ, по словамъ того же знакомаго, Левъ Николаевичъ по принципу не приглашалъ къ себѣ никого, даже близкихъ родныхъ; посѣ-

щенію же лица, «родственнаго ему по духу», всегда былъ радъ, — вотъ визитная карточка, отворявшая двери знаменитаго писателя.

Нечего и говорить о томъ, съ какимъ напряженіемъ я ожидалъ давно манившей меня встрѣчи съ Толстымъ, возможности провѣрить представленіе о немъ, сложившееся у меня при чтеніи его трудовъ. Я ожидалъ отъ этой встрѣчи тѣмъ большаго, что немного можно встрѣтить писателей, въ литературной дѣятельности которыхъ личная жизнь играла бы такую важную роль, какъ у Льва Николаевича. Вдобавокъ, мое личное представленіе мало соотвѣствовало тому, что можно было вывести изъ многочисленныхъ читанныхъ мною корреспонденцій о посѣщеніяхъ Ясной Поляны, и это, конечно, только усиливало мое нетерпѣливое желаніе поскорѣе самому увидѣть Льва Николаевича.

Въ Тулу я пріѣхалъ около 7 часовъ утра; отъ Тулы до Ясной добрыхъ 15 верстъ, и я отправился туда на извозчикѣ. Погода стояла прекрасная и, что довольно рѣдко здѣсь въ это время года (Пасха пришлась на 1-ое апрѣля), очень теплая. Луга и деревья были уже покрыты молодой зеленью. Ѣхали мы по прекрасной шоссеиной дорогѣ, недалеко же отъ самой усадьбы свернули на довольно плохую проселочную; отъ бывшихъ недавно проливныхъ дождей она превратилась въ жидкое мѣсиво, перемежавшееся мутными лужами стоячей воды.

Но вотъ наконецъ передъ нами забѣлѣли стѣны барскаго дома, полузакрытыя деревьями окружавшей его большой тѣнистой рощи. Мы проѣхали высокія, полуразвалившіяся каменные ворота ¹⁾ и подѣхали къ небольшому каменному двухъэтажному дому. Было около 9 часовъ утра.

Выйдя изъ экипажа, я увидалъ на лужайкѣ около дома цѣлую толпу крестьянскихъ ребятшекъ, игравшихъ и бѣгавшихъ на гигантскихъ шагахъ. Вглядѣвшись, я угадалъ между ними двухъ сыновей Льва Николаевича, одѣтыхъ въ обыкновенныя гимназическія куртки. Мальчики подошли ко мнѣ и поздоровались. Я спросилъ ихъ объ отцѣ, и они отвѣтили, что онъ, вѣроятно, уже всталъ.

Войдя въ домъ, я отдалъ свою карточку слугѣ, встрѣтившему меня, узналъ отъ него, что Левъ Николаевичъ еще не одѣтъ, и прошелъ въ комнаты, куда мнѣ было указано.

Въ первой горницѣ я нашелъ господина, который назвался А. Н. Д—мъ. Мы познакомились и разговорились. Оказалось, что Д. хорошій знакомый Льва Николаевича и также гостить теперь

¹⁾ Жалкій видъ воротъ очень удивилъ меня, а когда, на третій день моего пребыванія, случилось еще, что сверху отвалился большой кусокъ штукатурки, я счелъ нужнымъ сказать объ этомъ Льву Николаевичу. Онъ какъ-то странно промолчалъ. Послѣ ужъ я узналъ, что онъ нарочно не исправляетъ воротъ, такъ какъ не желаетъ никакой явной границы между своими и крестьянскими владѣніями.

въ Ясной. Здѣсь кстати будетъ разказать о первомъ знакомствѣ Д—ва съ Львомъ Николаевичемъ, хотя я самъ-то узналъ объ этомъ гораздо позже.

Д., по его словамъ, познакомился съ Львомъ Николаевичемъ въ Москвѣ три года тому назадъ. Никто не вводилъ его въ домъ Толстого,—онъ самъ однажды зашелъ къ Льву Николаевичу, находясь подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ только что прочитаннаго имъ «Что намъ дѣлать»?

— И повѣрьте,—говорилъ Д.:—я ушелъ отъ Льва Николаевича ободреннымъ и точно перерожденнымъ духовно. Послѣ этого меня невольно все тянуло къ нему; я бывалъ у него чуть не каждый день и сталъ, наконецъ, своимъ человѣкомъ въ домѣ.

Не долго мы, однако, разговаривали съ Д. одни; не прошло и четверти часа, какъ къ намъ вошелъ самъ хозяинъ, одѣтый на прогулку, въ простое поношенное пальто и старую помятую сѣрую шляпу.

Левъ Николаевичъ быстро подошелъ ко мнѣ, привѣтливо поздоровался, выразилъ удовольствіе познакомиться со мной и пригласилъ пройти съ нимъ и Д. прогуляться.

Гуляя, мы много разговаривали. Между прочимъ, Левъ Николаевичъ извинился, что ни разу не отвѣтилъ мнѣ на мои письма, объясняя это тѣмъ, что, не отвѣтивъ въ первый разъ, онъ уже постѣснялся писать во второй, а дальше ужъ и совсѣмъ неловко было, такъ и осталось. Я, въ свою очередь, извинился за свое нѣсколько раннее утреннее прибытіе и выразилъ опасеніе, что потревожилъ хозяина. Левъ Николаевичъ отвѣтилъ, что, правда, мало спалъ въ эту ночь, увлекшись своей послѣдней работой, но что моему приѣзду очень радъ, такъ какъ именно этотъ приѣздъ дастъ ему толчокъ къ работѣ и теперь «Послѣсловіе» въ «Крейцеровой Сонатѣ», должно быть, будетъ окончательно отдѣлано на дняхъ ¹⁾. Говорили мы также много о датскомъ писателѣ, интересующемъ Льва Николаевича, о Киркегорѣ.

Вернулись мы домой къ завтраку, и Левъ Николаевичъ познакомилъ меня со всѣмъ семействомъ. Кромѣ Д. и меня, гостей не было, а всѣ члены семьи были въ сборѣ, за исключеніемъ второго сына, Ильи Львовича, женатаго и живущаго въ отдѣльномъ имѣніи.

Я еще утромъ замѣтилъ сильное сходство съ отцомъ двухъ сыновей-подростковъ, теперь, увидавъ остальныхъ дѣтей, я былъ прямо пораженъ родственнымъ сходствомъ всѣхъ между собой. Исключеніемъ былъ одинъ сынъ-студентъ, названный какъ разъ по

¹⁾ Я тогда только что окончилъ переводъ на датскій языкъ «Крейцеровой Сонаты» и, узнавъ, что Толстой пишетъ послѣсловіе къ ней, очень хотѣлъ екорѣе получить рукопись послѣдняго, чтобы имѣть возможность выпустить въ свѣтъ переводъ повѣсти вмѣстѣ съ послѣсловіемъ.

отцу Львомъ и болѣе другихъ походившій на мать. У всѣхъ другихъ сходство съ матерью выражается, по-моему, только смягченіемъ рѣзкихъ характерныхъ чертъ отца.

За кофе меня усадила возлѣ себя графиня Софья Андреевна, которая самъ разливала, и у насъ съ нею завязался разговоръ. За шумной бесѣдой старшихъ и игрой младшихъ дѣтей мы, однако, едва могли слышать другъ друга.

— Вы, навѣрно, находите у насъ въ домѣ страшную распущенность,—сказала мнѣ графиня съ улыбкой.

Я, напротивъ, все время любовался непринужденной веселостью окружающихъ и отвѣтилъ только:

— Дай Богъ во всѣхъ семьяхъ встрѣтить такую распущенность!

Замѣтивъ, что я осматриваю окружающую обстановку, графиня сказала, что здѣсь у нихъ «неважно», но въ Москвѣ обстановка гораздо лучше, и что это первая послѣ многихъ лѣтъ перерыва зима, которую они провели въ деревнѣ. Жить въ Москвѣ по зимамъ стало черезчуръ утомительно для Льва Николаевича,—ему тамъ буквально не даютъ вздохнуть сотни разныхъ посѣтителей, которымъ онъ никогда не отказываетъ въ приѣмѣ.

— Зачастую просто нельзя войти въ его кабинетъ,—прибавила Софья Андреевна:—такой тамъ шумъ и гамъ, а дыму отъ куренія столько, что хоть топоръ повѣсь. Гдѣ же было ему заниматься!

Послѣ завтрака Левъ Николаевичъ сказалъ, что пойдетъ внизъ въ свой кабинетъ позаняться тѣмъ, что я привезъ ему ¹⁾. Я съ мальчиками предпринялъ прогулку въ деревню.

Тамъ праздничное гульбище было въ полномъ разгарѣ. Парни и дѣвки качались на самодѣльныхъ качеляхъ самаго первобытнаго устройства: деревянные столбы съ перекинутыми черезъ перекла-

¹⁾ Русскій переводъ двухъ статей Киркегора и три тетради его же афоризмовъ, изданныхъ послѣ его смерти. Отдавая Льву Николаевичу послѣднія, я просилъ отмѣтить тѣ, которыя ему больше понравятся, и онъ сказалъ, что будетъ «ставить афоризмамъ отмѣтки по пятибалльной системѣ». Просматривая впоследствии эти возвращенныя мнѣ Львомъ Николаевичемъ тетрадки, я нашелъ не мало пятюрокъ. Двѣ же крупныя статьи такъ и пропали. «Вѣрно, кто-нибудь взялъ ихъ со стола, заинтересовавшись содержаніемъ, да и унесъ, забывъ сказать Льву Николаевичу»—такъ объяснилъ мнѣ исчезновеніе статей одинъ общій знакомый, хорошо знавшій порядки въ домѣ.—«Мало ли народу ходить въ кабинетъ къ нему? Двери всегда открыты, рукописи прямо на столѣ, хочешь читай, хочешь бери, снимай копіи». Самъ Левъ Николаевичъ писалъ мнѣ впоследствии по поводу исчезнувшихъ статей такъ: «Статьи Киркегора, о которыхъ вы пишете, я знаю, что были у меня, но до сихъ поръ мы съ Машей не могли ихъ найти. Поищемъ еще. Но, если не найдутся, скажите, очень это будетъ вамъ неприятно? Присылаютъ мнѣ рукописей много, а порядка заведеннаго нѣтъ, и часто пропадаютъ». Ну, что же мнѣ было сказать на это, разъ я узналъ вдобавокъ, что и съ собственными рукописями Льва Николаевича случается перѣдко то же самое? Этою же «простотой нравовъ», вѣроятно, слѣдуетъ объяснить и распространеніе въ публикѣ въ рукописныхъ копіяхъ не оконченныхъ или ябросанныхъ начерно сочиненій Льва Николаевича.

дину прутяными обручами, замѣняющими желѣзные кольца, и съ привязанными къ нимъ довольно ненадежными веревками, безъ всякихъ сидѣній. Парни качали дѣвокъ, попросту нахлестывая ихъ по колѣнямъ веревкой. Вся молодежь усердно грызла подсолнухи.

Вскорѣ къ намъ присоединились двѣ старшія дочери Льва Николаевича: Татьяна и Марья Львовны и младшая, пятилѣтняя Саша, съ своей бонной, англичанкой. Барышни тоже качались на качеляхъ. Отношеніе къ нимъ деревенскихъ дѣвушекъ и дѣтей было самое простое, дружеское. Дѣти называли ихъ: тетя Таня и тетя Маша.

Татьяна Львовна отрекомендовала мнѣ нѣкоторыхъ изъ ребяташекъ, какъ своихъ учениковъ, особенно отличающихся въ томъ или другомъ предметѣ.

Не лишнее прибавить, что какъ тутъ, на гуляньѣ, такъ и во все время моего пребыванія въ Ясной я не видалъ въ деревнѣ ни одного пьянаго.

Вернувшись домой, я засталъ графиню съ младшимъ сыномъ, Ваней, на террасѣ. Софья Андреевна пригласила меня посидѣть съ ней, а потомъ пройтись до новой сдѣланной ею посадки молодыхъ дубковъ и сосенъ. Во время прогулки она много рассказывала о своей семейной жизни, о томъ, какъ они съ мужемъ со дня свадьбы прожили 19 лѣтъ въ деревнѣ, а потомъ стали уѣзжать по зимамъ въ городъ для воспитанія дѣтей; какъ дорого стоила имъ эта жизнь, и какъ особенно трудно стало поддерживать ее съ тѣхъ поръ, какъ Левъ Николаевичъ формально отказался отъ своихъ имущественныхъ правъ и всѣ дѣла передалъ ей, между тѣмъ какъ она была совсѣмъ не подготовлена къ этому, да, кромѣ того, еще стала предоставлять всѣмъ желающимъ печатать его произведенія безъ гонорара.

Дальше она говорила, что ее вообще плохо понимаютъ и несправедливо судятъ, не желая принять во вниманіе хоть того обстоятельства, что она мать и что, родивъ и выкормивъ 13, а вырастивъ 9-хъ дѣтей, она можетъ увлекаться и горячиться тамъ, гдѣ имѣетъ въ виду существенные интересы этихъ дѣтей.

Дѣйствительно, надо отдать справедливость графинѣ,—она производитъ впечатлѣніе образцовой жены, матери и хозяйки. Немалый подвигъ—выносить и выкормить, ведя при этомъ открытый свѣтскій образъ жизни и принимая еще дѣятельное участіе въ литературныхъ трудахъ мужа, девятерыхъ дѣтей, притомъ послѣдняго имѣя уже 42 года отъ роду.

Бесѣдуя, мы дошли до посадки, полюбовались и повернулись обратно, продолжая разговаривать.

Вернулись мы домой къ обѣду.

Я уже раньше слышалъ, что Левъ Николаевичъ вегетарианецъ; тутъ же самъ убѣдился въ этомъ и не могъ надивиться, какимъ

образомъ, употребляя въ умѣренномъ количествѣ столь простую пищу, какъ макароны, овощи, хлѣбъ, и запивая это одной водой, можно поддерживать свои силы настолько, чтобы, помимо усиленнаго умственнаго труда, нести еще тяжелый физическій трудъ, какому подвергаетъ себя Левъ Николаевичъ. Такъ, напримѣръ, недѣлю спустя послѣ моего отъѣзда изъ Ясной я узналъ отъ Г., только что пріѣхавшаго туда же, что Левъ Николаевичъ уже работаетъ въ полѣ по 10 часовъ въ сутки.

За обѣдомъ Левъ Николаевичъ сказалъ мнѣ, что успѣлъ просмотрѣть изъ привезенныхъ мною рукописей кое-что и что ему особенно понравились афоризмы ¹⁾. Вообще Левъ Николаевичъ о Киркегорѣ очень высокаго мнѣнія, хотя и находитъ, что датскій философъ «молодъ», вслѣдствіе чего у него много задора. Последнее мнѣніе объясняется, конечно, недостаточнымъ знакомствомъ Льва Николаевича съ Киркегоромъ, изъ многочисленныхъ произведеній котораго онъ знаетъ то немногое, притомъ преимущественно эстетическаго характера, что я успѣлъ перевести. Но, какъ я уже упомянулъ, Левъ Николаевичъ очень интересуется Киркегоромъ и много разъ, слушая въ разговорѣ мои ссылки на тѣ или другія мысли и изреченія послѣдняго, настоятельно совѣтовалъ мнѣ серьезно взяться за дѣло ознакомленія русской публики съ этимъ замѣчательнымъ мыслителемъ. Въ отвѣтъ же на мое заявленіе, что я перевелъ кое-что, но встрѣтилъ большія затрудненія относительно печатанія этихъ переводовъ, Левъ Николаевичъ замѣтилъ, что мнѣ нужно сначала написать отдѣльную книгу, содержащую біографію Киркегора и полный разборъ его сочиненій.

— Тогда, будьте спокойны, издатель найдется!—прибавилъ Левъ Николаевичъ.

Вставъ изъ-за стола и походивъ немного по комнатѣ, Левъ Николаевичъ пригласилъ меня съ Д. пойти погулять, и мы опять отправились.

На этотъ разъ мы зашли довольно далеко по дорогѣ отъ деревни верстъ по крайней мѣрѣ за восемь. Разговору было много, но я былъ такъ утомленъ поѣздкой по желѣзной дорогѣ и тремя предшествовавшими прогулками, что не могъ хорошенько сосредоточить свое вниманіе и многое позабылъ.

Помню только, что между прочимъ рѣчь шла о поэзіи.

Я спросилъ у Льва Николаевича, не писалъ ли онъ когда-нибудь стиховъ. Онъ засмѣялся и сказалъ, что въ этомъ грѣхѣ неповиненъ.

— Такъ вы считаете это грѣхомъ?—пошутилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—но вообще и такъ не знаешь, какъ бы

¹⁾ Отмѣченные Львомъ Николаевичемъ въ моихъ тетрадкахъ афоризмы въ печати до сихъ поръ не появлялись.

выразить свои мысли достаточно просто и ясно, а тутъ еще намѣренно связывать себя рѣмой!

По дорогѣ мы нигдѣ не присѣли, и я на возвратномъ пути еле волочилъ ноги, тѣмъ болѣе, что спутники мои, особенно Левъ Николаевичъ, шагали очень быстро. На этой прогулкѣ я убѣдился, какой еще молодецъ Левъ Николаевичъ, несмотря на свои 62 года. Выйдя изъ деревни, мы наткнулись на канаву съ водой, фута въ 4 шириною. Д. предложилъ перепрыгнуть и подалъ примѣръ. Я сталъ отговаривать Льва Николаевича.

— Развѣ вы боитесь?—спросилъ онъ.

— Не за себя, а за васъ; тутъ очень скользко, а вы вдобавокъ въ калошахъ.

Но Левъ Николаевичъ разбѣжался и перепрыгнулъ канаву, какъ юноша. Перепрыгнулъ и я.

Вернулись мы къ чаю, послѣ котораго сидѣли и разговаривали еще до 12-ти часовъ, когда Левъ Николаевичъ, замѣтивъ мое утомленное лицо, услалъ меня спать въ приготовленную для меня комнату, рядомъ съ его кабинетомъ.

2.

На второй день я проснулся очень рано, около 6-ти часовъ утра, (что, впрочемъ, продолжалось и во все время моего пребыванія въ Ясной; я не могъ спать больше 5—6 часовъ въ сутки) и началъ одѣваться; но въ попыткѣ обуться потерпѣлъ неудачу. Ноги мои такъ отекли и распухли отъ трехдневнаго неснимаія сапогъ въ дорогѣ и вчерашнихъ прогулокъ, что я рѣшительно не въ состояннн былъ натянуть сапоги. Туфель у меня съ собой не было, и я не зналъ, какъ быть, да кстати вошелъ Д. въ туфляхъ на босу ногу. Увидавъ мою бѣду, онъ сбросилъ съ себя туфли, предлагая ихъ мнѣ. Я спросилъ: «А вы-то какъ?» но онъ успокоилъ меня, говоря, что у Льва Николаевича найдутся еще и для него.

Такъ въ туфляхъ мнѣ пришлось щеголять весь день. На мои извиненія по этому поводу графиня отвѣчала, что это пустяки и я могу не стѣсняться. Вообще я чувствовалъ себя такъ свободно и непринужденно въ этомъ миломъ семействѣ, что ни разу не испыталъ ничего похожего на стѣсненіе или неловкость.

Передъ завтракомъ Левъ Николаевичъ предложилъ мнѣ, пока онъ самъ займется «Послѣсловіемъ», познакомиться съ имѣющимися у него нѣкоторыми англійскими сочиненіями по спиритизму, но я отклонилъ это предложеніе, говоря, что есть вещи, болѣе интересующія меня, какъ, на примѣръ, новая его комедія и только что присланный ему изъ Германіи нѣмецкій переводъ «Крейцеровой Сопаты».

Послѣдній, т. е. переводъ, я потомъ и прочелъ въ нѣсколько пріемовъ, по утрамъ и вечерамъ, когда бывалъ одинъ, и вынесъ очень

невыгодное впечатлѣніе, какого, впрочемъ, и ожидалъ: переводъ былъ сдѣланъ съ предпоследней, не отдѣланной редакціи.

Теперь же мы съ Д. усѣлись на террасѣ и принялись читать комедію «Плоды просвѣщенія», безпрестанно прерывая чтеніе взрывами неудержимаго хохота.

Во время чтенія старшая дочь, Татьяна Львовна, обутая въ высокіе сапоги, съ заступомъ на плечѣ, прошла въ садъ. Д. вызвался идти помогать ей; поплелся и я за ними. Татьяна Львовна хотѣла вскопать небольшой участокъ земли для новой посадки молоденькихъ дубковъ. Д. досталъ еще лопату и принялся помогать. Мнѣ стало стыдно стоять и смотрѣть, какъ работаетъ молодая дѣвушка, и я, попросивъ у нея лопату, тоже сталъ копать, а она принялась разрыхлять землю прямо руками. Отъ непривычки къ мускульному труду я, однако, скоро усталъ и, только благодаря дождю, принудившему насъ оставить работу, спасся отъ позора признаться въ своемъ городскомъ слабосиліи передъ молодой, полной деревенскаго здоровья и силъ дѣвушкой.

Послѣ обѣда Левъ Николаевичъ съ Д. собрались проѣхаться верхомъ къ знакомымъ отвезти какое-то письмо. Темнѣло уже, и пока они вернулись бы, и вовсе должна была наступить ночь, такъ что графиня, зная состояніе дорогъ, очень безпокоилась и старалась удержать мужа отъ поѣздки. Левъ Николаевичъ успокаивалъ ее, говоря, что бояться нечего, но графиня, разгорячившись, возразила: «Одни дураки смѣлы, а умные люди боятся».

Левъ Николаевичъ даже бровью не повелъ, сѣлъ и уѣхалъ.

Какимъ молодцомъ онъ сидѣлъ на лошади! Даже сынъ (студентъ) не удержался и замѣтилъ:

— Какой молодецъ папа! Мы всѣ ѣздимъ верхомъ, но куда намъ до него.

Въ 10 часовъ Левъ Николаевичъ вернулся благополучно.

Я остался дома, благодаря своему неумѣнію ѣздить верхомъ. Зато мнѣ представился прекрасный случай поближе познакомиться съ семействомъ Толстого, которое, какъ я уже говорилъ, было все въ сборѣ, кромѣ женатаго сына, Ильи Львовича. Его я такъ и не видалъ. Остальные: старшій сынъ Сергѣй Львовичъ, бывший гвардеецъ, очень музыкальный, добродушный и симпатичный; затѣмъ дочь Татьяна Львовна, лѣтъ 25-ти, эффектная, веселая и бойкая брюнетка, съ пепселомъ на носу, вызывавшимъ иногда за столомъ добродушное замѣчаніе отца: «Таня, сними». У Татьяны Львовны есть тоже свой талантъ,—она прекрасно пишетъ масляными красками, и я видѣлъ въ домѣ картины ея работы. Дальше, сынъ студентъ Левъ Львовичъ, самый красивый, очень похожій на мать. Потомъ дочь, Марія Львовна, 18 лѣтъ, любимица Льва Николаевича, его секретаря и неотлучная помощница; два сына, 12 и 10 лѣтъ Андрюша и Миша, прехорошенькая пятилѣтняя дочка Саша и, наконецъ, двухлѣтній

Ваня. Всѣ дѣти очень симпатичны и здоровы на видъ, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, кромѣ младшаго, который блѣденъ. Сама графиня Софья Андреевна, 45-лѣтняя, очень еще моложавая женщина, сохранилась замѣчательно.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ и о самомъ Львѣ Николаевичѣ. Онъ производитъ сильное впечатлѣніе, хотя и далеко не такое, какого можно было ожидать, судя по описаніямъ его посѣтителей. Большинство изъ нихъ постоянно старается окружить его какимъ-то ореоломъ, между тѣмъ какъ нѣтъ ничего болѣе не подходящаго къ его личности. Какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ будничной жизни онъ безыскусственно простъ. Такимъ образомъ, если не настроить себя на торжественный ладъ, и нельзя получить иного впечатлѣнія, кромѣ самаго простого, естественнаго, исполненнаго лишь симпатіи и уваженія къ человѣку, уразумѣвшему и воплотившему въ себѣ духовную простоту жизни.

Поэтому я съ первой же минуты нашей встрѣчи почувствовалъ себя съ нимъ очень легко и непринужденно, — отъ волненія и трепета, съ которыми я готовился къ этой встрѣчѣ съ такой всемірной извѣстностью, не осталось и слѣда, и могу сказать, что всякій, кто сохранить подобныя ощущенія, будетъ причиной самъ, а никакъ не Левъ Николаевичъ.

Кромѣ того, Левъ Николаевичъ самъ въ высшей степени помогаетъ собесѣднику попасть въ тотъ свободный простой тонъ, который бываетъ такъ необходимъ для настоящей бесѣды и истиннаго взаимнаго разумѣнія собесѣдниковъ.

Личное вліяніе Льва Николаевича громаднo; не только люди, постоянно живущіе возлѣ него, но и всякій, случайно попавшій въ эту атмосферу непрестаннаго стремленія къ нравственной чистотѣ и простотѣ, невольно пріобшачается ему, дѣлаясь чище и лучше.

Очертивъ вкратцѣ, какъ сумѣлъ, нравственный обликъ Льва Николаевича, я перейду къ его внѣшнему виду. Дѣлаю я это, отчасти уступая укоренившемуся обычаю, отчасти же въ силу нѣкоторыхъ особыхъ соображеній.

Нечего и говорить, что наружность въ сущности ни при чемъ, когда дѣло идетъ о нравственномъ обликѣ великаго писателя и о правильномъ пониманіи его произведеній. И, съ этой точки зрѣнія, Киркегоръ правъ, возставая въ своихъ сочиненіяхъ противъ назойливаго любопытства толпы, желающей вывѣдать, какъ и что ѣсть великій человѣкъ, и во что онъ одѣтъ; и какіе глаза и какой носъ у него и т. д. Все подобное является нелѣпымъ и неумѣстнымъ по отношенію къ писателю, въ произведеніяхъ котораго его личная жизнь не играетъ никакой роли, и удовлетвореніе любопытства въ такихъ случаяхъ приноситъ иногда одно только разочарованіе. Относительно же Льва Николаевича, личная жизнь и литературная дѣятельность котораго идутъ рука объ руку, — вопросъ иной. Зная,

что онъ, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, не только проповѣдуетъ тотъ тяжелый физическій трудъ, въ которомъ полагаетъ единственное спасеніе людей отъ нравственнаго крушенія, но и самъ подаетъ истинный примѣръ въ этомъ отношеніи, не безразлично и не бесполезно убѣдиться, какимъ образомъ онъ выноситъ это и какой наружный отпечатокъ кладесть это на него.

И съ этой точки зрѣнія нельзя не порадоваться, видя передъ собою статную, бодрую фигуру Льва Николаевича. Онъ довольно высокаго роста, широкоплечъ, коренастъ. Почти еще черные волосы его, гладко причесанные и раздѣленные по срединѣ пробормомъ, вьются на концахъ. Умно и пронизательно глядятъ изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей небольшіе, глубоко сидящіе и чрезвычайно живые сѣрые глаза. Держится онъ съ достоинствомъ, но просто и добродушно. Отношенія къ нему жены и дѣтей самыя искреннія, хорошія, безъ всякой угодливости и дрожанія за «великаго человѣка».

Вообще весь складъ и духъ семейной жизни въ Ясной Полянѣ отличается взаимной лаской, дружбой и непринужденной простотой. Что до меня, то я нигдѣ никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо и свободно, какъ здѣсь,—мнѣ съ первой минуты показалось, что и въ кругу давно знакомыхъ, близкихъ мнѣ людей.

3.

На третій день, позанявшись послѣ завтрака, Левъ Николаевичъ зашелъ ко мнѣ съ оконченнымъ «Послѣсловіемъ» въ рукахъ, которое прочелъ намъ съ Д.

Я никогда не забуду этого чтенія. Дѣло въ томъ, что самаго процесса чтенія какъ будто и не было, а содержаніе такъ прямо непосредственно вливалось намъ въ душу. Левъ Николаевичъ сидѣлъ близко возлѣ меня, съ наклоненной надъ тетрадью головой, ни разу не поднимая ея во время чтенія, чтобы взглянуть на слушателей, какъ обыкновенно дѣлають чтецы. Самая манера его читать такъ проста и естественна, что вниманіе сосредоточивается всецѣло на содержаніи читаемаго, не отвлекаясь при этомъ—какъ это часто бываетъ—ничѣмъ постороннимъ, напримѣръ, различными особенностями лектора, звукомъ его голоса, интонаціей, выраженіемъ лица и т. д.

Окончивъ чтеніе, Левъ Николаевичъ вручилъ мнѣ рукопись и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, откуда скоро раздалось тихое постукиваніе молотка о колодку. Это было въ первый разъ, что я «услышалъ» Льва Николаевича за сапожной работой.

Желая увезти съ собою копію «Послѣсловія», я сейчасъ же сѣлъ за переписку. Д. сталъ мнѣ помогать диктовкой, т. к. я съ неприлички плохо разбираю рукопись, исцещренную сотнями помарокъ

и поправокъ. Вообще же почеркъ Льва Николаевича довольно кру-
пнень и четокъ, такъ что, разъ приглядѣвшись къ нему, можно разбѣ-
реть безъ особаго труда. Вскорѣ, однако, Д. куда-то вызвали, и я
остался одинъ. Но потомъ зашла «провѣдать меня» графиня и лю-
безно предложила мнѣ свою помощь. Я съ благодарностью принялъ
ее, и дѣло пошло.

Во время диктовки Софья Андреевна рассказала мнѣ между про-
чимъ, какъ ей въ первое время замужества, пока дѣти были малы,
самой приходилось переписывать сочиненія мужа до безконечности;
такъ, «Войну и Миръ» она переписала что-то разъ двадцать; потомъ
ужъ дѣти стали помогать. При такой громадной практикѣ она
пріобрѣла, конечно, и большой навыкъ разбирать почеркъ Льва
Николаевича, и теперь, если случится, что, разбираясь въ своихъ
старыхъ бумагахъ и дневникахъ, самъ Левъ Николаевичъ не можетъ
разобрать какого-нибудь мѣста, она всегда приходитъ къ мужу
на помощь и выручаетъ его изъ затрудненія.

Затѣмъ графиня припомнила еще случай, какъ однажды все эти
старыя рукописи чуть было не погибли по милости одного изъ
маленькихъ сыновей, который, забравшись въ комнату, гдѣ онѣ
хранились, сталъ забавляться, выкидывая ихъ за окно. Съ тѣхъ
поръ Левъ Николаевичъ, приводя бумаги въ порядокъ, большею
частью отсылаетъ ихъ въ Румянцевскій музей въ Москву.

Здѣсь я расскажу кстати дальнѣйшую исторію переписки «По-
слѣсловія». Узнавъ, что я переписалъ рукопись, Левъ Николаевичъ
пожелалъ пересмотрѣть чистый экземпляръ и вернулъ его мнѣ на
другой день неузнаваемымъ. Многія страницы были вычеркнуты,
появилось пропасть помарокъ, вставокъ и т. п. Я переписалъ еще
разъ, и Левъ Николаевичъ передѣлалъ еще, да и такъ пошло. Въ че-
тыре дня я переписалъ «Послѣсловіе» пять разъ.

Переписывая такъ часто «Послѣсловіе», я имѣлъ случай изучить
его, такъ сказать, до тонкости, и между прочимъ замѣтилъ, съ какимъ
удивительнымъ умѣніемъ, часто даже какъ бы вскользь, проводитъ
Левъ Николаевичъ излюбленные свои взгляды, напримѣръ, веге-
таріанство.

Измѣняя редакцію «Послѣсловія», Левъ Николаевичъ между про-
чимъ похерилъ одно мѣсто, котораго мнѣ стало жаль, и я сказалъ ему:

— Вотъ тутъ была у васъ одна прекрасная мысль; жаль, что
вы не оставили ея.

Но Левъ Николаевичъ возразилъ:

— Что одна мысль? Вѣдь однимъ кирпичомъ не выстроить домъ,
надо множество ихъ; такъ и тутъ. Одна мысль ни къ чему; надо,
чтобы ихъ были сотни; тогда лучшія вытѣснятъ худшія, и на-
конецъ что-нибудь да выйдетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Левъ Николаевичъ пишетъ совершенно своеоб-
разно. Съ его произведеніями совершается иѣчто вродѣ настоящаго

жизненнаго процесса, какой мы наблюдаемъ въ царствѣ растений. Какъ изъ одного маленькаго зерна выходитъ стебелекъ, вырастаетъ стволъ, развѣтвляется, покрывается листьями, такъ и мысль Льва Николаевича, повинуваясь какому-то внутреннему, неизбежному закону, порождаетъ все новые и новые отпрыски, которые сплетаются, пополняютъ и укрѣпляютъ другъ друга и разрастаются въ цѣлое произведеніе удивительной силы и глубины.

Во время моего пребыванія въ Ясной случилось, что Левъ Николаевичъ самъ высказался по поводу своей манеры писать. Дѣло было такъ.

Разъ какъ-то за столомъ Татьяна Львовна заговорила съ братьями о какомъ-то романѣ, который она пишетъ.

— Ты пишешь романъ, Таня?—спросилъ отецъ съ улыбкою.

— Да, вотъ только не знаю еще, какъ его кончить. Плана все не могу составить.

— Да зачѣмъ же тебѣ планъ? Надо только вполне выяснитъ себѣ идею, а во время работы она разовьется сама собой.

— Развѣ ты не знаешь впередъ, чѣмъ кончишь свой рассказъ?—спросила Татьяна Львовна.

— Нѣтъ, не знаю. Развязка вытекаетъ вполне естественно изъ самаго хода мысли и вещей.

Послѣдняя мысль опять-таки замѣчательно подтверждается въ «Послѣсловіи», именно въ концѣ, гдѣ Левъ Николаевичъ говоритъ: «Я никакъ не ожидалъ, что ходъ моихъ мыслей приведетъ меня къ тому, къ чему онъ привелъ меня».

Много вообще замѣчательныхъ мыслей и выраженій услышалъ я за эти пять дней, частью отъ самого Льва Николаевича, частью изъ рассказовъ Д. Такъ, напримѣръ, послѣдній рассказалъ мнѣ, что на вопросъ его, заданный однажды Льву Николаевичу, не слѣдуетъ ли ему перемѣнить свои занятія, которыя онъ считалъ не совсѣмъ-то желательными, Левъ Николаевичъ отвѣчалъ: «Главное—надо перемѣнить не занятія, а понятія. Разъ перемѣнятся понятія, занятія перемѣнятся сами собой».

Но вернусь теперь къ прерванному описанію третьяго дня моего пребыванія въ Ясной.

Переписывалъ я почти все утро до завтрака. Послѣ завтрака Левъ Николаевичъ ушелъ гулять одинъ, говоря, что ему надо кое-что обдумать. Вернувшись, онъ сказалъ, что жалѣетъ, зачѣмъ не пригласилъ меня съ собой: такой чудный запахъ несся изъ лѣса, что онъ просто не могъ надышаться. Я отвѣтилъ, что самъ радъ былъ воспользоваться возможностью сосредоточиться и тоже гулять одинъ.

— Да, да, — сказалъ Левъ Николаевичъ:— уединеніе та же молитва.

Послѣ обѣда мы опять пошли гулять втроемъ: Левъ Николаевичъ, Д. и я. Во время этой прогулки Левъ Николаевичъ высказалъ

замѣчательную мысль, которая заставила меня бросить куреніе. Но тутъ надо немного вернуться назадъ, чтобы разсказать все по порядку.

Зная взгляды Льва Николаевича на куреніе, я вообще стѣснялся курить въ домѣ и не разъ пенялъ по этому поводу Д., который безъ церемоніи курилъ въ самомъ кабинетѣ Льва Николаевича. Еще въ первый день моего пріѣзда, въ воскресенье, я закурилъ на прогулкѣ, и Левъ Николаевичъ замѣтилъ:

— А, вы курите?

— Да, отвѣтилъ я:—есть тотъ грѣхъ,—и больше по этому поводу не было сказано ни слова. Теперь во время прогулки я самъ заговорилъ о куреніи.

— Скажите, Левъ Николаевичъ, не трудно вамъ было отстать отъ куренія?

— Нѣтъ. Я вѣдь бросилъ было, а потомъ опять началъ и наконецъ бросилъ совсѣмъ.

Я сказалъ на это, что, по моему мнѣнію, у меня работа идетъ гораздо лучше и живѣе при куреніи.

Левъ Николаевичъ возразилъ:

— Да вѣдь это только такъ кажется.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Когда работаешь, то въ тебѣ сидятъ какъ бы два человѣка: одинъ работаетъ, другой слѣдитъ за работой. Если намъ удастся одурманить этого наблюдателя, то и кажется, что лучше работаешь,—вѣдь некому слѣдить, некому остановить ¹⁾.

Это замѣчаніе сильно поразило меня, но я еще не зналъ, что мнѣ такъ легко будетъ отстать отъ куренія. Сдѣлалось это какъ-то само собой, незамѣтно. На слѣдующій день, въ среду, мнѣ почему-то не случилось закурить, а въ четвергъ, идя гулять, я забылъ взять съ собою спички, вернуться же за ними было лѣнь. Подъ вечеръ я и сказалъ Льву Николаевичу:

— Знаете, Левъ Николаевичъ, я вѣдь второй день не курю.

— И отлично,—отвѣтилъ онъ.—Только смотрите на это не какъ на подвигъ, а какъ на самую естественную вещь,—ласково добавилъ онъ.

Я отвѣтилъ, что и не думаю, и такъ и не курилъ больше. Въ продолженіе остального дня я уже такъ отвыкъ отъ куренія, что, уѣхавъ изъ Ясной Поляны и прибывъ на вокзалъ, гдѣ увидѣлъ въ буфетѣ двухъ толстыхъ нѣмцевъ съ огромными сигарами во рту, я просто диву дался, какъ это взрослые люди могутъ ходить съ такой соской во рту, забывая, что самъ сосалъ эту соску въ теченіе 19 лѣтъ ²⁾.

¹⁾ Мысль эту Левъ Николаевичъ три года спустя развилъ въ своей статьѣ «Первая ступень».

²⁾ Увы, долженъ признаться, что черезъ два мѣсяца я опять вернулся къ куренію.

Но вернусь къ нашей прогулкѣ. Вскорѣ у насъ завязался разговоръ о прежней литературной дѣятельности Льва Николаевича, причѣмъ Д. горячо отстаивалъ значеніе «Анны Карениной» и пользу, которую романъ принесъ обществу.

— Ну, какая тамъ польза!—воскликнулъ Левъ Николаевичъ недовольнымъ тономъ:—я ея не вижу. Вотъ «Азбука» моя принесла пользу; зато о ней цѣлыхъ два года никто и не заикнулся. Но спрось на нее теперь очень большой, и я убѣдился, что она дѣйствительно приноситъ пользу.

Затѣмъ мы заговорили о «Крейцеровой Сонатѣ» и о той бурѣ, какую она вызвала въ обществѣ и въ прессѣ. Я высказалъ мнѣніе, что такое страстное отношеніе къ разсказу объясняется отчасти страстнымъ тономъ самаго разсказа, главное же рѣчей Позднышева, которыя просто бьютъ читателей по щекамъ, если можно такъ выразиться. Девять десятыхъ читателей берется за книгу ради развлечения, и вдругъ на! въ лицо имъ летятъ плевки и эпитеты: «свиньи». Есть отъ чего въ раздраженіе прійти. Съ другой стороны, сама тема, идея разсказа таковы, что требуютъ рѣзкой формы. «Нуженъ крѣпкій целокъ для вшивой головы»—гласитъ народная датская пословица, на которую я и указалъ въ разговорѣ Льву Николаевичу, прибавивъ, что, возьми онъ ее эпиграфомъ для «Крейцеровой Сонаты», онъ этимъ предупредилъ бы читателей, поставилъ бы ихъ сразу на вѣрную точку зрѣнія. Левъ Николаевичъ улыбнулся и замѣтилъ, что пословица хорошая, но что онъ не рискнулъ бы воспользоваться ею, если бы даже зналъ ее. «А вотъ въ «Послѣсловіи» я постараюсь отвѣтить на всѣ возраженія и нападки, которыя дошли до меня. Это все, что я могу сдѣлать».

Еще я разсказалъ о недавно происходившемъ въ русскомъ литературномъ обществѣ чтеніи «Крейцеровой Сонаты», сопровождавшемся обмѣномъ мнѣній.

Разсказъ мой, особенно описаніе весьма оригинальнаго доклада профессора Вагнера, очень позабавилъ Льва Николаевича. Онъ много смѣялся, а потомъ, въ свою очередь, разсказалъ о письмѣ Вагнера, которое тотъ написалъ ему по поводу комедіи «Плоды просвѣщенія».

— Начало письма было хорошее, дружелюбное, но потомъ профессоръ вдругъ началъ горячиться и укорять меня за то, что я, человекъ котораго онъ такъ любитъ и цѣнитъ, позволяю себѣ такъ жестоко глумиться надъ самыми дорогими его вѣрованіями. А я, конечно, вовсе не хотѣлъ обижать его своей комедіей, написалъ же ее потому, что считалъ нужнымъ. Я бы, пожалуй, отвѣтилъ ему и разъяснилъ, что это только недоразумѣніе съ его стороны, но тонъ его письма былъ такой раздражительный, что я не могъ ожидать никакой пользы отъ моего письма и потому не отвѣчалъ ему.

Такимъ же образомъ отнесся Левъ Николаевичъ, по его словамъ,

и къ одному еврейю, обратившемуся къ нему съ просьбой высказаться относительно обряда обрѣзанія.

— Судя по тону письма, — говорилъ Левъ Николаевичъ, — еврей обращался ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, ожидая отъ меня разрѣшенія вопроса, повидимому, сильно интересовавшаго его. Поэтому я счелъ долгомъ помочь ему въ разрѣшеніи вопроса, какъ умѣлъ, и отвѣтилъ, что съ чисто фізіологической точки зрѣнія обрѣзаніе можетъ принести нѣкоторую пользу, но съ религіозной оно такъ же бессмысленно и вредно, какъ и всякая обрядность. Еврей такимъ отвѣтомъ остался очень недоволенъ и написалъ мнѣ второе письмо, очень рѣзкое. Изъ послѣдняго я заключилъ, что я ему больше не нуженъ, и ужь не сталъ отвѣчать.

Еще во время этой прогулки Левъ Николаевичъ (вообще часто возвращавшійся къ этому предмету) говорилъ объ ученіи Христа, причѣмъ выразилъ мысль, что никто не въ силахъ причинить никакого зла человѣку, если только послѣдній крѣпко держится Христа и живетъ по его ученію.

Вечеромъ принесли съ ночи письма, и всѣ они были распечатаны и прочитаны въ общемъ кругу.

Я получилъ письмо отъ жены, въ него былъ вложенъ переводъ одной замѣтки Киркегора, которую я забылъ захватить съ собой. Левъ Николаевичъ самъ прочелъ вслухъ замѣтку и глубоко задумался надъ поставленнымъ въ ней вопросомъ: «Отчего поэтъ такъ опасенъ для людей и почему люди такъ любятъ именно поэта?»

Вотъ самая замѣтка:

«Именно потому человѣкъ и любитъ поэта больше всего, что поэтъ для него опаснѣе всего. Болѣзнямъ большей частью сопутствуетъ настойчивое желаніе, влеченіе къ тому именно, что вреднѣе всего для больного. Въ духовномъ смыслѣ человѣкъ отъ природы своей боленъ, — находится въ заблужденіи, въ состояніи самообмана, потому и требуетъ больше всего, чтобы его обманывали, притомъ такъ, чтобы онъ не только могъ оставаться въ своемъ заблужденіи, но еще и чувствовать себя въ этомъ состояніи хорошо и привольно. Самый же пригодный для этого обманщикъ — поэтъ; вотъ почему человѣкъ и любитъ его больше всего.

«Поэтъ принадлежитъ царству воображенія; онъ изображаетъ все хорошее, прекрасное, благородное, правдивое, возвышенное, безкорыстное, великодушное и т. д. отвлеченно, т. е. такъ, какъ все это рисуется въ воображеніи, на извѣстномъ разстояніи отъ дѣйствительности. А на такомъ разстояніи какъ чудно прекрасны, увлекательны и красота, и благородство, и безкорыстіе, и великодушіе и т. п. Если же бы они приблизились ко мнѣ вплотную, какъ бы съ тѣмъ, чтобы заставить меня принять ихъ всерьезъ, перенести ихъ изъ области воображенія, поэзіи въ дѣйствительность, въ силу того, что пропагандировавшій ихъ былъ бы не поэтъ, а реформаторъ, носитель

истины, самъ воплощающій въ себѣ эти идеалы,—это было бы ужасно. Просто невыносимо было бы!

«Въ каждомъ поколѣніи найдется весьма немного людей, до того испорченныхъ и закоснѣлыхъ въ своей испорченности, что имъ хотѣлось бы совершенно избавиться отъ красоты, благородства и т. п., но точно также въ каждомъ поколѣніи и весьма немного такихъ серьезныхъ и честныхъ людей, которые бы воистину готовы были стать носителями идеаловъ красоты, благородства и т. п., или осуществить ихъ въ своей жизни.

«Обыкновенный, средній человѣкъ не желаетъ ни отдалить отъ себя эти идеалы такъ далеко, какъ немногочисленная первая категория людей, ни приблизить ихъ къ себѣ настолько, какъ немногочисленная вторая категория.

«Тутъ-то на помощь и является поэтъ, возлюбленное чадо человѣческаго сердца. И что же удивительнаго, если поэтъ такъ дорогъ человѣку? Вѣдь, человѣческое сердце отличается, между прочимъ, однимъ качествомъ, о которомъ, однако, рѣдко говорятъ,—пожалуй, именно въ силу этого самаго качества,—а именно: тонкимъ лицемѣремъ. Поэтъ же мастеръ лицемѣрить съ людьми.

«Поэтъ ловко превращаетъ въ утонченнѣйшее наслажденіе то, что стало бы величайшимъ страданіемъ, коль скоро должно было бы осуществляться на дѣлѣ. Напримѣръ, на дѣлѣ отречься отъ міра, уйти отъ его благъ и соблазновъ—дѣло не шуточное, но отрѣшиться отъ земли вмѣстѣ съ поэтомъ, твердо сознавая въ то же время, что міръ со всѣми его благами попрежнему остается къ твоимъ услугамъ,—какое это тонкое эстетическое наслажденіе!»

Посидѣвъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ, Левъ Николаевичъ молча ушелъ къ себѣ.

4.

На четвертый день я опять переписывалъ «Послѣсловіе». Диктовала мнѣ то сама графиня, то Марья Львовна, но затѣмъ днемъ пріѣхали гости, и занятые гостями хозяйки не могли больше помогать мнѣ. Тогда Левъ Николаевичъ пригласилъ меня поискать другого помощника, и мы пошли во флигель, гдѣ помѣщался домашній учитель младшихъ сыновей. Постучавъ въ дверь, мы вошли, и Левъ Николаевичъ просто, но очень вѣжливо попросилъ молодого человѣка помочь мнѣ диктовкой. Затѣмъ Левъ Николаевичъ ушелъ, оставивъ насъ однихъ, но мы немного позанимались: молодой человѣкъ былъ чѣмъ-то отвлеченъ, и мнѣ пришлось опять прибѣгнуть съ содѣйствію Марьи Львовны.

Окончивъ переписку, я пошелъ въ кабинетъ Льва Николаевича за какой-то справкой. Въ отвѣтъ на мой стукъ въ дверь раздалось привѣтливое «Come in!»

Вообще мы говорили съ Львомъ Николаевичемъ всегда по-русски, но на мой стукъ въ дверь онъ неизмѣнно отвѣчалъ англійскимъ «Come in» (войдите), что по сходству своему съ датскимъ «Kom ind!» звучало для меня совсѣмъ ужъ роднымъ.

Я вошелъ и, увидавъ Льва Николаевича за письменнымъ столомъ, извинился, что помѣшалъ ему въ работѣ. Но онъ съ доброй улыбкой отвѣтилъ:

— Ничего, человѣкъ дороже полотна, — прибавивъ, что это изреченіе онъ заимствовалъ у художника Ге, который всегда такъ отвѣчалъ ему, если онъ извинялся, что своимъ приходомъ помѣшалъ работать.

Я, однако, поспѣшилъ уйти и только нѣсколько времени спустя, услышавъ тихій стукъ молотка о колодку — знакъ, что Левъ Николаевичъ отдыхаетъ отъ «писанія», опять вошелъ къ нему.

Левъ Николаевичъ уже кончилъ сапогъ и пытался вынуть изъ него колодку, но дѣло что-то не ладилось. Я хотѣлъ помочь и тоже ничего не могъ сдѣлать: колодка гладкая, заостренная вверху и не за что ухватиться. Мы поговорили немного насчетъ неудобства такого фасона колодокъ, и потомъ я невольно сказалъ:

— Есть люди, упрекающіе васъ въ этомъ невинномъ удовольствіи. Находятъ, что такое занятіе неприлично для великаго писателя и что было бы гораздо лучше, если бы вы, вмѣсто того, чтобы тратить свое дорогое время на изготовленіе сапогъ, предоставили это настоящему сапожнику, а сами бы писали. Точно какой-нибудь писатель въ состояніи постоянно только писать и писать! Вѣдь, никто же не глумится надъ Гладстономъ, когда онъ ради моціона колетъ дрова или рубить деревья, и никому не казалось и не кажется нелѣпымъ, если многіе другіе люди умственного труда отдыхаютъ за токарнымъ станкомъ, а вамъ вдругъ нельзя отдыхать за сапожной колодкой.

— Да, — отвѣтилъ Левъ Николаевичъ: — я очень полюбилъ это занятіе: оно не только даетъ мнѣ необходимый отдыхъ отъ писанія, но и такъ хорошо думается въ то время, когда руки заняты.

Тутъ, какъ и всякій другой разъ, когда я видѣлъ Льва Николаевича за его любимымъ занятіемъ у небольшого окна съ мелкимъ переплетомъ рамы, мнѣ невольно вспоминался чудный рассказъ его «Гдѣ любовь тамъ и Богъ», и я понялъ, что рассказъ этотъ долженъ былъ вылиться, такъ сказать, самъ собою во время этой работы и въ этой обстановкѣ. А вся обстановка его кабинета, это небольшое пространство со сводчатымъ потолкомъ и двумя высокими узкими окнами въ садъ до того соотвѣтствуютъ духу рассказа, что вотъ такъ и видишь передъ собой добраго сапожнаго мастера, сидящаго у окна за работой, отъ которой онъ непрестанно отрывается, волнуясь ожиданіемъ Христа.

И не разъ мнѣ думалось, особенно когда я переводилъ этотъ самый рассказъ на датскій языкъ, что великій писатель нашелъ разрѣ-

шеніе вопросовъ, не дававшихъ ему покоя и трактуемыхъ имъ въ «Что жъ намъ дѣлать?» въ лицѣ простаго добраго труженика-сапожника.

Послѣ обѣда гости уѣхали. Д. уѣхалъ еще утромъ, и мы пошли гулять съ Львомъ Николаевичемъ вдвоемъ. Разговоръ у насъ зашелъ о современной иностранной литературѣ. Оказалось, что Левъ Николаевичъ слѣдитъ за ней такъ внимательно, что нѣтъ ни одного мало-мальски выдающагося писателя, котораго бы онъ не зналъ. Больше всего сочувствіемъ Льва Николаевича пользуется вновь нарождающійся англо-американскій романъ, трактующій разные общественные вопросы.

Въ разговорѣ этомъ Левъ Николаевичъ, между прочимъ, назвалъ мнѣ одну англійскую писательницу, и я признался, что не только не читалъ, но многихъ изъ названныхъ имъ писателей не знаю даже по имени. Объяснилъ я это недосугомъ, который заставилъ меня довольствоваться изученіемъ лишь нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся всемірныхъ писателей.

— Да лучше, пожалуй, и не читать всего этого,—сказалъ Левъ Николаевичу.

Нѣмецкому роману Левъ Николаевичъ мало сочувствовалъ, французскому нѣсколько больше. Тутъ онъ, однако, рѣзко отозвался о Зола, говоря, что тотъ въ сущности просто «глупъ». Я расхохотался:

— Ну, однако!..

— Да, да, глупъ. Правда, онъ умѣетъ рисовать картины, но при этомъ у него нѣтъ цѣли, нѣтъ идеала. Гюи де-Мопассанъ гораздо талантливѣе.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на иностранную критику, и тутъ Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Есть у меня двѣ личныя антипатіи: французскій критикъ Тэнъ и датскій Брандесъ. Читая ихъ, постоянно чувствуешь, что они сами заслушиваются собственными рѣчами, а эта черта мнѣ крайне не-симпатична.

5.

Въ четвергъ, наканунѣ моего отъѣзда, мнѣ пришлось переписать «Послѣсловіе» цѣлыхъ два раза.

Утромъ послѣ завтрака я переписывалъ его подъ диктовку Марьи Львовны. Сидѣли мы въ столовой, служившей вообще сборнымъ пунктомъ для всего семейства; тутъ же на другомъ концѣ комнаты стояло фортепiano. Сергѣй Львовичъ вдругъ заигралъ камаринскаго, а маленькій Ваня сталъ плясать. Татьяна Львовна тоже не вытерпѣла и пустилась въ плясъ. Разойдясь, она подбѣжала къ сестрѣ, схватила ее за талію, и обѣ пошли отплясывать русскую такъ

мило и граціозно, что я просто залюбовался. Наплясавшись, Марья Львовна вернулась, какъ ни въ чемъ не бывало, и работа пошла своимъ чередомъ.

Переписавъ, я отдалъ рукопись Льву Николаевичу, и онъ черезъ нѣсколько времени вернулъ мнѣ ее опять сильно исправленной, говоря при этомъ, что хотѣлъ было прибавить еще кое-что о себѣ самомъ, чтобы другимъ не показалось, будто онъ считаетъ себя исключеніемъ.

— Отчего же не прибавили?—спросилъ я.

— Да нѣтъ, не надо, во-первыхъ, потому, что и такъ, кажется, все ясно, а, во-вторыхъ, есть у меня одна еще не оконченная вещь, для которой хочется прибѣречь все самое лучшее.

Какая это вещь, Левъ Николаевичъ не объяснилъ, а я не спросилъ; вообще я воздерживался отъ всякихъ разспросовъ и предоставлялъ Льву Николаевичу самому выбирать тему для разговоровъ.

Кажется, въ этотъ же день, когда мы съ Львомъ Николаевичемъ остались вдвоемъ въ столовой, онъ подошелъ къ фортепьяно и умѣлой рукой сталъ наигрывать аккомпанементъ лежавшаго на пиюитрѣ романса «Ich grolle nicht», а я сталъ напѣвать мотивъ.

Второй разъ я въ этотъ день переписывалъ «Послѣсловіе» уже поздно вечеромъ, тоже подъ диктовку Марьи Львовны и опять въ столовой, не смущаясь разговоромъ окружавшихъ и шумными играми дѣтей. На предложеніе Льва Николаевича перейти въ другую комнату, такъ какъ намъ здѣсь мѣшаютъ, я отвѣчалъ: «нисколько», и мы продолжали работу. Черезъ нѣсколько минутъ, однако, Левъ Николаевичъ опять подошелъ къ намъ и, дѣлая дружескій жестъ, точно выпроваживая насъ изъ комнаты, сказалъ:

— Ну, если не себѣ, такъ мнѣ мѣшаете,—я, вѣдь, невольно прислушиваюсь.

Мы поспѣшили уйти въ маленькую гостиную. Тамъ мы работали еще съ полчаса, когда зашелъ къ намъ Левъ Николаевичъ и отправилъ меня пить чай, а самъ сѣлъ диктовать замѣнившей меня дочери. Потомъ я вернулся и докончилъ самъ подъ диктовку Льва Николаевича. По окончаніи Левъ Николаевичъ опять пересмотрѣлъ и поправилъ рукопись и, отдавая мнѣ назадъ эту уже пятую редакцію, сказалъ: «Ну, теперь хоть польку плясать!»

Потомъ мы всѣ вмѣстѣ пошли въ столовую отдыхать. Тутъ Левъ Николаевичъ, засунувъ обѣ ладони за свой ременный кушакъ (его обыкновенная манера), сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ. Я ходилъ рядомъ съ нимъ.

Рѣчь, между прочимъ, зашла о недавней полемикѣ Владимира Соловьева, и Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Не понимаю, что ему за охота вообще полемизировать съ газетами и еще переносить эту полемику въ свои сочиненія. Вѣдь, съ тѣмъ, что пишутъ въ газетахъ, обыкновенно бываетъ такъ, что

напечатанное сегодня—завтра уже забыто. А онъ, ссылаясь въ своей книгѣ на подобныя вещи, какъ бы намѣренно упрочиваетъ ихъ въ памяти.

Здѣсь, какъ и вообще часто въ нашихъ разговорахъ, я не могъ не сослаться на Киркегора, который много писалъ, особенно въ дневникахъ своихъ, о вредѣ чрезмѣрнаго увлеченія чтеніемъ газетъ.

Затѣмъ разговоръ нашъ принялъ болѣе интимный характеръ, и наконецъ, около часу полуночи, замѣтивъ мой утомленный видъ, Софья Андреевна и Левъ Николаевичъ посовѣтовали мнѣ отправиться на покой.

Придя въ свою комнату, я живо раздѣлся и улегся въ постель, чтобы успѣть выспаться и встать пораньше утромъ: мнѣ вѣдь предстояло еще разъ переписать «Послѣсловіе». Огонь былъ уже потушенъ у меня, но я еще не успѣлъ уснуть, какъ въ дверь мою постучали, и вошелъ Левъ Николаевичъ. Увидавъ, что я въ постели, онъ попятился, извиняясь, что потревожилъ меня.

— А я было хотѣлъ поговорить съ вами,—добавилъ онъ.

Я сталъ просить его исполнить свое намѣреніе, но онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, спите, спите!—и ушелъ.

Я, понятно, не могъ уснуть и, услышавъ черезъ нѣсколько времени его шаги въ кабинетъ (оказалось, что онъ обошелъ кругомъ, поднялся наверхъ и тихонько спустился въ свой кабинетъ, чтобы не помѣшать мнѣ), я окликнулъ его:

— Левъ Николаевичъ, я вѣдь не сплю.

— Не спите?

— Да какъ же я буду спать, когда вы заинтриговали меня? О чемъ вы хотѣли говорить со мной?

— Да просто одно хорошее письмо получилъ по поводу «Крейцеровой Сонаты» и больше ничего. Спите.

6.

Утромъ въ пятницу я проснулся очень рано и сейчасъ же принялся за переписку, желая непременно увезти съ собой чистую копію. Во всѣ эти дни у насъ съ Львомъ Николаевичемъ какъ будто шло состязаніе: неутомимые писатель и переписчикъ точно хотѣли перещеголять другъ друга. Итакъ, я сѣлъ за работу, торопясь поскорѣе окончить ее: окончательный отъѣздъ мой, и такъ ужъ порядкомъ замедлившійся (я хотѣлъ уѣхать еще въ среду), назначенъ былъ на сегодня, въ 12 часовъ утра. Теперь я уже настолько привыкъ къ почерку Льва Николаевича, что могъ справляться съ работой одинъ. Только послѣдней страницы я не могъ никакъ разобрать, и мнѣ пришлось подождать, пока въ столовую выйдетъ графиня или Марья Львовна. Переписанное же я отнесъ въ кабинетъ Льва Николаевича, думая, что успѣю принести и конецъ до его прихода туда. Но...

когда я съ помощью Марьи Львовны окончилъ послѣднюю страницу и принесъ ее въ кабинетъ, Левъ Николаевичъ, только что вставшій съ постели, еще въ халатѣ и съ взерошенными волосами, сидѣлъ уже за письменнымъ столомъ, исправляя рукопись!...

Никогда не забуду того добродушно-лукаваго взгляда, когда онъ поднялъ на меня глаза, точно говоря: «Больно скоро захотѣлъ».

Въ самомъ дѣлѣ, въ какіе-нибудь полчаса Левъ Николаевичъ сдѣлалъ опять массу поправокъ. Но теперь переписывать больше было некогда, и приходилось взять этотъ экземпляръ, съ тѣмъ, чтобы переписать его въ Москвѣ, отослать обратно. Вручая мнѣ рукопись, Левъ Николаевичъ сказалъ, что, кажется, больше ничего измѣнять не станетъ. Графиня и Марья Львовна засмѣялись:

— Ну, на это не надѣйтесь. Онъ еще десять разъ передѣлаетъ.

Такъ и вышло. Черезъ двѣ недѣли я получилъ «Послѣсловіе» неизнаваемымъ 1

Не знаешь, такимъ образомъ, чему больше удивляться: неутомимой энергіи писателя или богатству его мысли. Найдутся, конечно, да и нашлись уже критики, которые только недоумѣваютъ, зачѣмъ это, дескать, такъ много разъ передѣлывать свои сочиненія, и отчего бы не писать сразу, предварительно обдумавъ все до мелочей.

Но Левъ Николаевичъ не изъ тѣхъ писателей, творенія которыхъ быстро пишутся, въ расчетъ на такое же быстрое прочтеніе и еще болѣе быстрое забвеніе. Такимъ господамъ и писать иначе нельзя: отложи они до завтра пересмотръ своего писанія, они, пожалуй, ужъ забудутъ, что такое хотѣли сказать вчера. А Левъ Николаевичъ, кромѣ того, что можетъ разсчитывать на то, что сочиненія его будутъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе, ужъ по самой натурѣ своей не можетъ удовлетвориться своимъ сочиненіемъ, пока не отдѣлаетъ его до совершенства, не почувствуетъ, что «больше ужъ не въ силахъ передѣлать». Такъ именно Левъ Николаевичъ и выразился въ своемъ письмѣ ко мнѣ послѣ того, какъ окончательно отдѣлалъ «Послѣсловіе».

И надо сказать, какъ ни прекрасно было оно и въ томъ видѣ, въ какомъ я увезъ его на Пасхѣ, въ послѣдней редакціи оно столь же походило на прежнее, сколько пышная бабочка на свою скромную куколку.

Июль, 1890 г.

Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ я уѣхалъ на Кавказъ, сопровождая одного больного земляка. Во время поѣздки я часто перебиралъ въ памяти впечатлѣнія, вынесенныя изъ Ясной Поляны, но мнѣ и въ голову не приходило «описывать» пребываніе тамъ, пока одинъ изъ близкихъ друзей Толстого, съ которымъ я подѣлился

своими впечатлѣніями, не сталъ настаивать, чтобы я записалъ ихъ, пока они еще свѣжи у меня въ памяти. Я послѣдовалъ его совѣту, не намѣреваясь, однако, отдавать свои воспоминанія въ печать. Читая довольно часто появлявшіяся въ газетахъ описанія посѣщеній Ясной Поляны, набросанныя по большей части наскоро, на лету, я почти всегда выносилъ непріятное впечатлѣніе и боялся самъ быть причисленнымъ къ компаніи посѣтителей, которые для того только и добиваются доступа къ великому писателю, чтобы поскорѣе оповѣстить объ этомъ весь міръ. Особенно всегда удивлялся я смѣлости повѣствователей, приводившихъ по памяти длиннѣйшія «подлинныя рѣчи» Толстого. Я на такую память не претендую и по большей части передаю лишь смыслъ бесѣды съ Львомъ Николаевичемъ, а его собственные слова привожу лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они по своей краткости и выразительности дѣйствительно могли сразу вѣзаться въ память. Вообще я пріѣзжалъ въ Ясную Поляну не въ качествѣ интервьюера или человѣка, рассчитывавшаго описать свое посѣщеніе великаго писателя, и если теперь все-таки предаю гласности свои впечатлѣнія, то лишь потому, что теперь, столько лѣтъ спустя, они уже стали воспоминаніями о томъ, чья память такъ безконечно дорога намъ всѣмъ и, быть можетъ, окажутся нелишними для будущаго біографа великаго писателя.

П. Ганзенъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ „ВСПОМЪНАНІЯМЪ О МИТРОПОЛИТѢ АНТОНІИ“

27 декабря 1910 г.
С.-Петербургъ
Митрополичій домъ.

(Отрывокъ изъ дневника автора).

ВАДЦАТЬ восьмого ноября съ дипломомъ доктора философіи іенскаго университета пріѣхалъ я обратно въ Россію. Остановился, по обычаю, у дяди—петербургскаго митрополита Антонія, гдѣ живу до сихъ поръ. Думаю держать при здѣшнемъ университетѣ магистерскій экзамень. Можетъ быть, и на службу удастся поступить въ Петербургъ.

Дядя ко мнѣ очень ласковъ. Просить меня быть при немъ и спокойно готовиться къ экзамену; онъ даетъ мнѣ разныя секретарскія порученія, въ особенности если дѣло касается родныхъ и близкихъ знакомыхъ; поручаетъ разсылать деньги, распечатывать письма и телеграммы и сообщать ему содержаніе и т. д.

Свое положеніе я считаю совершенно исключительнымъ, какъ въ отношеніи удобства для научной работы, такъ и потому, что мнѣ становятся доступными такія стороны жизни современниковъ, которыя, при всей ихъ важности для историка, легко ускользаютъ отъ его вниманія. Въ большинствѣ случаевъ предъ нимъ лежатъ мертвые документы, на основаніи которыхъ онъ стремится какъ бы возсоздать жизнь. Предо мной же раскрывается сама жизнь выдающихся современниковъ, и я считаю долгомъ сообщить о ней будущему историкъ Россіи, чтобы лежащіе предъ нимъ мертвые документы затрепетали жизнью и чтобы воскресли предъ его умственнымъ взоромъ лица и событія минувшихъ лѣтъ.

Въ своемъ изложеніи постараюсь придерживаться объективной правды, удерживаясь, по возможности, отъ личныхъ симпатій и антипатій. Самъ живя въ покояхъ митрополита, я стану описывать и рассказывать преимущественно то, что происходитъ въ этихъ покояхъ, о тѣхъ лицахъ и тѣхъ событіяхъ, которыя имѣютъ близкое отношеніе къ митрополичьему дому и его хозяину.

Весной этого года дядя былъ сильно боленъ (парестезіей). Опасались за его жизнь. Благодаря уходу близкихъ, стараніямъ врачей и кавказскому климату, онъ значительно оправился, можетъ работать, хотя и постарѣлъ и ослабѣлъ значительно. Ходитъ съ палочкой, въ рукахъ и ногахъ испытываетъ ощущеніе бѣгающихъ мурашекъ, при малѣйшемъ волненіи слабѣетъ и лежитъ подолгу на диванѣ. Врачи дѣлаютъ ему массажъ, что очень хорошо на него дѣйствуетъ.

Въ послѣдніе дни дядя очень волновался. Предстояла поѣздка въ Царское Село—славить Христа у государя. «Ну, какъ спотыкнуся или упаду?»—говаривалъ онъ мнѣ, когда въ послѣобѣденную пору мы съ нимъ прогуливались по гостинной. Тѣмъ не менѣе дядя очень тщательно позаботился о подаркахъ царской семьѣ. Государынѣ послалъ большой іерусалимскій альбомъ, Дѣтямъ царскимъ пять маленькихъ. Въ письмѣ на имя Государя онъ увѣдомлялъ о своемъ приѣздѣ и заранѣе просилъ извинить, если молебствіе будетъ совершенно не съ обычной полнотою. Между тѣмъ готовлялись новые подарки, въ изобрѣтеніи которыхъ удивительную геніальность всякій разъ проявляетъ княгиня Анастасія Максимовна Дондукова-Корсакова. Для четырехъ царскихъ дочерей приготовлены были ноты церковныхъ пѣснопѣній, для Цесаревича—маленькій молитвословъ и икона преподобнаго Сергія. На молитвенникѣ, кромѣ обычной надписи, дядя написалъ текстъ, найденный мною по его порученію: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе» (Матѣ. 26, 41). Между листами названныхъ книгъ княгиня положила множество образковъ съ нѣмецкими стихами, присоединила къ книжкамъ разного рода раздвижныя картины и панорамы. За обѣденнымъ столомъ показывала она намъ бронзовыхъ, удивительно изящно сдѣланныхъ бабочекъ, шмелей и пчелъ. Дядя былъ ими очень доволенъ. «Выложу всѣ, дамъ имъ и скажу: «какъ бы не улетѣли».

Княгиня и Ольга Николаевна Макарова уложили потомъ всѣхъ букашекъ въ отличный кустарной работы ящичекъ и поставили пока на столъ въ спальнѣ. Сообща нами репетировалось также житіе св. Сергія, о которомъ дядя хотѣлъ рассказать начинающему учиться Цесаревичу. Среди всей этой горячки дядя былъ очень ободренъ и утѣшенъ телеграммой государыни, которая писала: «Дѣтки и Я очень обрадованы подарками», и выражала увѣренность, что путешествіе не очень утомитъ владыку. Онъ послѣ этой

телеграммы ободрился, выглядѣлъ веселымъ и довольнымъ и много разъ повторялъ: «Очень, очень ласково написано!..»

Вчера вечеромъ, не столько серьезно, сколько въ шутку, я говорилъ дядѣ за рюмкой традиціонной малаги:

— Чего вамъ волноваться? Ну, самое худшее, выйдете въ отставку. Вамъ же лучше будетъ, спокойнѣе, тогда совсѣмъ поправитесь.

Немного помолчавъ, дядя отвѣтилъ:

— Занятіе только надо будетъ себѣ найти, иначе будетъ скучно.

Потомъ, подумавъ, добавилъ:

— Вотъ только что меня смущаетъ: безъ моей поддержки многіе окажутся на мели; придется многимъ ѣсть «щи съ приметкой», какъ я говорилъ, готовясь умереть, сестрѣ Машѣ.

По наведенной дядей справкѣ оказывается, что петербургскіе митрополиты, за однимъ исключеніемъ, никогда не выходили въ отставку, хотя они и старились, но все-таки оставались на своемъ посту, по крайней мѣрѣ номинально.

Вчера вечеромъ, предъ сномъ, покончивъ дѣла съ Петромъ Ивановичемъ (секретаремъ), дядя зашелъ въ мой кабинетъ. Онъ казался мнѣ очень усталымъ. Входя, покачнулся, ибо шелъ безъ палочки, и я его поддержалъ, сказавши:

— Не все же вамъ только меня поддерживать. Вотъ и я васъ поддержалъ.

— Ты что читаешь?—улыбнувшись, спросилъ дядя.

Я показалъ книгу Рагозиной «Исторія одной души» (Елена Келлеръ) и сообщилъ вкратцѣ содержаніе книги. Мнѣ всегда нравилась любознательность, съ которой дядя у меня часто освѣдомлялся относительно литературныхъ новинокъ и относительно направленной философской мысли Запада. Разговорились и въ этотъ разъ.

— Мнѣ часто приходилось бывать въ школахъ для слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, и я всегда удивлялся тѣмъ поразительнымъ результатамъ, которыхъ достигла въ дѣлѣ помощи несчастнымъ современная наука,—говорилъ дядя.

Прощаясь, онъ вспомнилъ текстъ изъ одной своей проповѣди въ школѣ слѣпыхъ: «Я пришелъ на судъ, чтобы слѣпые видѣли, а зрячіе ослѣпли»,—и ушелъ, оставивъ меня предъ сномъ размышлять: въ коварномъ смыслѣ или въ безобидномъ надо понимать послѣднія слова бесѣды.

Сегодня утромъ я проспалъ порядочно и дяди не видѣлъ. Въ девять часовъ врачи устроили ему массажъ, въ десять часовъ онъ уѣхалъ въ Царское Село. Я остался въ митрополичьемъ домѣ одинъ и, сидя въ большомъ кабинетѣ, гдѣ справа на меня смотритъ покойный митрополитъ Исидоръ, а слѣва Мадонна Рафаэля, написанная одной институткой, набросалъ эти строки.

4-го января 1911 г.

...Торжественные приемы прошли у дяди вполне благополучно. Пользующій его профессоръ Нечаевъ назвалъ ихъ «пробой» здоровья. Эта проба прошла весьма удовлетворительно, и за будущее, по словамъ этого врача, беспокоиться нѣтъ основаній. Дядя настроенъ очень благодушно, и по временамъ сообщаетъ мнѣ разныя подробности высочайшихъ приемовъ.

27-го декабря приемъ въ Царскомъ Селѣ былъ чрезвычайно милостивъ. Приѣхавшей для христославленія братіи, во главѣ съ митрополитомъ, былъ предложенъ чай. Затѣмъ всѣ вошли въ залъ и стоя ожидали прибытія Царской семьи.

Въ это время дядѣ было передано приглашеніе гофмаршала графа Бенкендорфа сѣсть на приготовленное для митрополита кресло, что онъ и исполнилъ до прибытія государя съ семьей. Съ прибытіемъ Ихъ Величествъ началось обычное христославленіе. Служилъ молебень намѣстникъ лавры отецъ Теофанъ. Сбоку стояли: Государь, Государыня, Наслѣдникъ Цесаревичъ и великія княжны.

При возглашеніи многолѣтія митрополитъ осѣнилъ всѣхъ крестомъ, и Ихъ Величества съ дѣтьми приложились ко кресту. Краткая рѣчь дяди состояла изъ обычныхъ въ этихъ случаяхъ благожелательствъ (повторяющихся изъ года въ годъ и потому не отпечатываемыхъ).

Когда церемоніаль былъ оконченъ, дѣти царскія подошли ко владыкѣ подь благословеніе, и имъ были вручены приготовленные подарки. Наслѣдникъ-цесаревичъ, подходя къ дядѣ, перекрестился и протянулъ руку. Подаренной ему иконой преподобнаго Сергія остался очень доволенъ и самъ понесъ ее къ себѣ. Царь и царица очень благодарили дядю за подарки и за вниманіе къ дѣтямъ, спрашивали о его здоровьѣ, выразили удовольствіе, что онъ теперь бодро выглядитъ, и выразили надежду на полное выздоровленіе. Дядя, со своей стороны, выразилъ ихъ величествамъ радость, что Ихъ дѣти охотно принимаютъ его подарки, говорилъ о своей поѣздкѣ въ Кисловодскъ и выразилъ сожалѣніе, что не можетъ участвовать въ крещенскомъ парадѣ. На прощанье государь еще разъ изволилъ благодарить дядю за ласку къ дѣтямъ. Затѣмъ гостямъ дали обѣдъ.

Приѣхавъ домой, дядя выглядѣлъ очень утомленнымъ, хотя и былъ весьма доволенъ милостивымъ приемомъ.

Послѣ обѣда онъ не могъ уснуть. Ночь также почти не спалъ. Утромъ на другой день былъ не въ духѣ, принималъ валеріановыя капли довольно хмуро и говорилъ:

— Не знаю, какъ и ѣхать къ Императрицѣ.

Сѣздалъ, однако, вполне благополучно и въ Аничковъ дворецъ. Государыня императрица Марія Феодоровна изволила чрезъ

вычайно предупредительно предложить владыкѣ спдѣть во время славленія, чего онъ, однако, не сдѣлалъ, сказавъ: «Я могу стоять». Такъ же благополучно прошло и повогоднее привѣтствіе въ Зимнемъ дворцѣ.

— Теперь опасность миновала,—говорю я на дняхъ дядѣ:— вамъ больше не о чемъ беспокоиться.

Оказывается, у него лежало на сердцѣ одно дѣло, а именно относительно Свирской церкви: у него вышло разногласіе съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода Серг. Мих. Лукьяновымъ, что дядю очень беспокоило.

Подробно въ сущность дѣла вникнуть я не имѣлъ возможности, ибо дядя въ отношеніи подобныхъ вещей любилъ хранить молчаніе. Кажется, дѣло состояло въ слѣдующемъ. Причтъ Свирской церкви продалъ кому-то участокъ земли съ полями за очень малую цѣну. Афера вскрылась. Виновныхъ отдали подъ уголовный судъ. Все это было утверждено Синодомъ и одобрено Государемъ. Затѣмъ дядѣ написали, что покупатель возвратилъ землю, и дѣло кончилось миромъ. Дядя и настаивалъ на полномъ прекращеніи дѣла:

— Ну, и Богъ съ ними совсѣмъ; и нечего намъ по судамъ таскаться.

Оберъ-прокуроръ же говорилъ, что дѣла прекратить нельзя: надо разслѣдованіе доводить до конца. Его поддержалъ юрисконсультъ, который далъ понять, что въ случаѣ прекращенія дѣла тѣмъ падеть и на Синодъ. Получше ознакомившись съ дѣломъ, дядя съ этимъ согласился и уступилъ. Значить, одна гора съ плечъ долой.

На дняхъ былъ у дяди намѣстникъ лавры, отецъ Теофанъ, и убѣждалъ его просить оберъ-прокурора объ увеличеніи платы за отчуждаемую у лавры для желѣзной дороги землю (назначить вмѣсто десяти—двадцать рублей за сажень). Дядя отнесся къ этому дѣлу довольно холодно и сказалъ:

— Вѣдь и безъ того всюду въ обществѣ говорятъ, что монастыри богаты и обираютъ народъ.

Затѣмъ сталъ жаловаться, что чувствуетъ себя хуже (чтобы уклониться отъ разговора). Намѣстникъ скоро умолкъ, но на прощанье все-таки снова повторилъ свою просьбу.

Предъ Новымъ годомъ дядя пилъ чай и читалъ молитву съ княгиней Анастасіей Максимовной Дондуковой-Корсаковой, Ольгой Ивановной и Софіей Ивановной Шишковыми; Ольга Николаевна Макарова больна и не могла прійти.

Я встрѣчалъ Новый годъ у Ник. Ник. и Нат. Ник. Остроумовыхъ (пили крюшонъ, болтали, дурачились), гдѣ и перепочевалъ. Затѣмъ былъ у Пети и Зины Вадковскихъ. Всего двѣ ночи не былъ въ лаврѣ. Дядя шутить, что я закутилъ.

Сегодня иду въ Маріинскій театръ («Майская ночь» Гоголя).

Вчера отнесъ профессору Введенскому свои брошюры о на-
зрѣвшихъ церковныхъ преобразованіяхъ.

Дядя соглашается съ моимъ желаніемъ поступить здѣсь преподавателемъ гимназіи.

6-го января 1911 г.

За утреннимъ чаемъ я спросилъ дядю, какъ обстоитъ дѣло касательно профессора Громогласова, обвиненнаго московскимъ митрополитомъ въ неблагонадежности. Вопросъ мой не оказался принадлежащимъ къ числу пріятныхъ. Дядя, кажется, довольно уклончиво отвѣтилъ, что дѣло вновь передано на разсмотрѣніе московскаго митрополита.

Къ этому я, съ своей стороны, присоединилъ прочитанное мною вчера въ «Рѣчи» извѣстіе, что Громогласовъ, въ качествѣ чловѣка неблагонадежнаго, будетъ не только отстраненъ отъ кандидатуры на кафедре каноническаго права, но и вообще удаленъ будетъ изъ академіи, и что уже поручено Введенскому и Глаголеву кратко изложить вину профессора, конкурирующаго съ митрополичьимъ кандидатомъ, Кузнецовымъ, чловѣкомъ весьма благонадежнымъ. Дядя прежде не разъ высказывалъ свой взглядъ на это дѣло. По его словамъ, обвиненіе въ неблагонадежности должно бы было быть предъявлено независимо отъ перемѣщенія съ одной академической кафедры на другую, что хотѣли сдѣлать съ Громогласовымъ.

— Это я считаю неблаговиднымъ приѣмомъ борьбы — говорилъ дядя.

На этотъ же разъ, видя, что я въ курсѣ дѣла, добавилъ:

— И напрасно пріѣзжалъ сюда Громогласовъ хлопотать о перемѣщеніи съ кафедры раскола на кафедру каноническаго права. Сидѣлъ бы себѣ и сидѣлъ. А то теперь они его выживутъ.

Въ заключеніе я спросилъ, правильно ли сообщеніе «Рѣчи», что первенствующимъ членомъ Синода будетъ митрополитъ Владимиръ.

— Да, конечно, если я выйду въ отставку или умру, — отвѣтилъ дядя.

Я пояснилъ, что газетное извѣстіе, по моему мнѣнію, надо понимать въ этомъ смыслѣ, что въ Синодѣ, въ случаѣ отсутствія петербургскаго митрополита, дѣла будутъ вершаться московскимъ митрополитомъ.

— Налей мнѣ еще чашечку, — обрѣзалъ меня дядя: — а я, пока постынетъ, погуляю по залѣ, — добавилъ онъ, а возвратившись, сказалъ недовольнымъ голосомъ:

— Пожалуйста, не говори мнѣ никогда, что пишеть обо мнѣ «Рѣчь»: я не хочу, чтобы она упоминала мое имя. Это вредно для моихъ нервовъ.

Это былъ явный намекъ мнѣ, что не слѣдуетъ за чайными разговорами касаться «острыхъ» вопросовъ.

12-го января 1911 г.

Сегодня ужиналъ у насъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода С. М. Лукьяновъ; это его второй ужинъ у насъ со времени моего прѣзда изъ-за границы. Оберъ-прокуроръ спрашивалъ меня насчетъ экзамена. Я сказалъ, что, вѣроятно, придется держать прямо магистерскій, ибо у меня уже есть два диплома; къ этому мнѣню-де склоняются профессора. Потомъ онъ спрашивалъ, какъ мнѣ показался Питеръ послѣ заграницы. Я отвѣтилъ, что очень радъ своему прибытію въ Россію, о которой очень соскучился, и что мало обращаю вниманія на царящіе у насъ всюду грязь и беспорядокъ. Дядя, поддерживая престижъ отечества, замѣтилъ, что въ сыромъ, холодномъ Питерѣ трудно поддержать чистоту и порядокъ.

Между прочимъ, зашла у насъ рѣчь о соединеніи церквей. Оберъ-прокуроръ замѣтилъ, что онъ наблюдалъ это соединеніе въ Зимнемъ дворцѣ на Новый годъ. Тамъ былъ архіепископъ варшавскій Николай, католическій митрополитъ въ ярко-красной сутанѣ и суперъ-интендентъ лютеранскихъ церквей. И никто изъ нихъ не смѣлъ обличать другъ друга. Дядя считаетъ единеніе едва достижимымъ идеаломъ будущаго. Я же лично считаю разъединеніе полезнымъ въ интересахъ выясненія истины. Гдѣ жизнь, такъ и разнообразіе.

На пострадавшихъ отъ землетрясенія лавра жертвуетъ, по инициативѣ дяди, шесть тысячъ рублей.

— Старцы, большей частью, любятъ немножечко копить деньги,— замѣтилъ дядя по адресу духовнаго собора лавры.

Оберъ-прокуроръ выразилъ мысль, что хозяйство монастырское нуждается въ упорядоченіи и контролѣ, съ чѣмъ дядя охотно согласился. Доходы лавры, по словамъ дяди, доходятъ до 460 тысячъ.

Pro domo sua. Дядя говорилъ о долголѣтіи своихъ родителей. О себѣ рассказалъ пророческій сонъ ¹⁾, что ему надлежитъ умереть 11-го октября, по достиженіи 70 лѣтъ.

— У меня это записано,— замѣтилъ онъ.

— Очень оригинально,— замѣтилъ Лукьяновъ.

Дядя затѣмъ рассказалъ сонъ, видѣнный имъ во время бывшей болѣзни: умершія дѣти звали его къ себѣ, а мамаша не допускаетъ его къ нимъ.

— Еще, значить, надо жить,— заключилъ дядя.

Лукьяновъ, въ качествѣ бывшаго врача, замѣтилъ:

— У человѣка двѣ тяготы: одна—жизнь, другая—смерть; первую облегчаютъ; надо изобрѣсти средство облегчить и вторую.

Послѣ ухода оберъ-прокурора мы съ дядей гуляли по залѣ.

¹⁾ Не сбывшійся.

— Энергичный человекъ Сергѣй Михайловичъ,—замѣтилъ дядя:—замучилъ меня докладами.

Потомъ добавилъ:

— А для тебя онъ можетъ быть полезнымъ. Вѣдь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія онъ свой человекъ.

На прощанье передъ сномъ дядя сказалъ:

— Завтра будемъ съ тобой писать великой княгинѣ Маріи Павловнѣ насчетъ графа Бенкендорфа, затѣмъ въ управленіе департамента внутреннихъ дѣлъ Арбузову насчетъ дочери келейника Ивана. Похлопочемъ, чтобы ее какъ-нибудь пристроили къ дѣлу.

25-го января 1911 г.

Кукольная исторія.

Третьяго дня дядя получилъ довольно оригинальное письмо. Одинъ отецъ семейства рассказываетъ о себѣ, что онъ прочиталъ десятилѣтней дочери рассказъ въ газетѣ «Копейка» о томъ, какъ одна дѣвочка просила Иисуса Христа подарить ей куклу, и онъ исполнилъ ея желаніе. Дѣвочка, выслушавъ рассказъ, стала просить папу написать Иисусу Христу, чтобы онъ прислалъ и ей куклу. Отецъ рѣшилъ, опасаясь разрушить вѣру ребенка, обратиться къ митрополиту (почему не приходскому священнику?) съ просьбой прислать куклу. Адресъ дѣвочки (Нина Пухова) былъ указанъ въ письмѣ.

Съ этимъ письмомъ дядя отправилъ меня къ княгинѣ Дондуковой-Корсаковой. Та соорудила куклу и отослала со своей бонной Антониной Михайловной по назначенію. Восторгъ дѣвочки и ея бабушки былъ неописуемъ. У дѣвочки оказалась сестра; и той послали куклу; а вмѣстѣ съ ней княгиня отправила отцу дѣвочки письмо, въ коемъ выражалась та мысль, что Богъ дѣлаетъ добро чрезъ людей и что только тѣ просьбы исполняются, которыя соотвѣтствуютъ душевной пользѣ просящаго. Въ отвѣтъ дядей получено отъ Пухова письмо, въ коемъ онъ очень благодаритъ дядю за себя и за дочь, и говорить, что этотъ день навсегда сохранится въ его памяти.

Изъ выдающихся событій послѣднихъ дней надо отмѣтить смерть и похороны восьмидесятипятилѣтняго дѣятеля просвѣщенія М. Стасюлевича. Дядя былъ съ нимъ очень друженъ и любилъ его за доброе отношеніе къ дѣтямъ. Дядя вспоминалъ, какъ онъ совершалъ богослуженіе въ его школахъ.

— Лицо Стасюлевича сіяло отъ радости и любви къ дѣтямъ,—говорилъ дядя.

Онъ говаривалъ, какъ упомянулъ Философъ Орнатскій въ своей рѣчи:

«Если бы всё были, какъ Антоній, то онъ сталъ бы ходатайствовать о передачѣ всёхъ школъ въ церковно-приходскія».

Завтра думаю пойти въ театръ Стекляннаго завода на «Власть Тьмы».

31-го января 1911 г.

Вчера, въ одиннадцать часовъ вечера началось «царицынское сидѣніе». Иеромонахъ Иліодоръ, котораго рѣшили перевести въ одинъ тульскій монастырь, засѣлъ въ церкви съ богомольцами и рѣшилъ «не ѣсть, не пить и не спать», пока Синодъ не отмѣнитъ своего рѣшенія. Въ этомъ смыслѣ телеграммы летятъ къ Государю, Синоду, митрополиту, епископу Гермогену. Въ послѣдней есть добавленіе: «Герон умпраютъ, но не сдаются».

Предъ обѣдомъ было экстренное собраніе членовъ Синода съ оберъ-прокуроромъ Лукьяновымъ. Рѣшили послать къ Иліодору въ Царицынъ епископа Пароенія, а предварительно испробовать вызвать его въ Саратовъ. Дядя, между тѣмъ, послалъ Гермогену телеграмму: «Посылаю Пароенія вамъ въ помощь».

Сегодня вечеромъ за чаемъ былъ у дяди епископъ Пароеній, Онъ склоненъ считать Иліодора психопатомъ, самонстребителемъ. подобнымъ старовѣрамъ, закапывавшимъ себя въ землю. Пароеній готовъ ѣхать и въ Саратовъ, и въ Царицынъ, хотя и полагаетъ, что Гермогенъ будетъ на сторонѣ Иліодора.

Митрополитъ и епископъ думаютъ, что засада долго не продержится: богомольцы будутъ бѣгать тайкомъ обѣдать. Отношеніе къ дѣлу немного ироническое, хотя не безъ внутренней тревоги. Предполагается имѣть вблизи Иліодора врачебный персоналъ (?) на случай заболѣванія отъ голодовки.

Получается какое-то удивительное «соловецкое сидѣніе».

Вечеромъ нынѣ пришла телеграмма изъ Царицына (не помню отъ кого), что положеніе вещей опасное для многочисленныхъ иліодоровскихъ богомольцевъ.

Что-то будетъ завтра?..

7-го февраля 1911 г.

Иліодоровское дѣло, повидимому, улаживается. «Покорнѣйшаго послушника» вызвали въ Сердобскъ, Царицынъ обривизовали. Иліодору дали понять, что онъ—клятвопреступникъ: хотѣлъ уморить себя голодомъ въ случаѣ, если Синодъ не отмѣнитъ своего рѣшенія, и не уморилъ, хотя Синодъ остался при своемъ рѣшеніи. *Comedia est finita.*

Вчера за вечернимъ чаемъ былъ у насъ М. В. Л., авторъ книги «Сверхсознаніе». Своими разговорами объ аввѣ Дороеѣ, Львѣ Толстомъ и его сынѣ Андреѣ Львовичѣ, «чиновникѣ особыхъ порученій

при женѣ какого-то губернатора», онъ такъ атаковалъ дядю, что тотъ не чаялъ, какъ его сплавить, и, наконецъ, сослался на болѣзнь и сказалъ ему въ видѣ прощальнаго привѣтствія: «Ну, Богъ васъ благословить». По уходѣ разговорчиваго и обладающаго необыкновенно громкимъ голосомъ гостя, оставившаго намъ свою книгу («Изъ области туманнаго», по выраженію дяди), дядя замѣтилъ, благодушно улыбаясь:

— Онъ въ гробъ меня вгонитъ своимъ разговорами.

Книгу Л. я прочиталъ. Сначала она мнѣ показалась интересной, хотя и компилятивной, а затѣмъ, когда пошли разсужденія объ оккультизмѣ, «солнечномъ сплетеніи», «астральныхъ мірахъ и духовной авіаціи», я постарался скорѣй ее закончить.

Богъ съ ней совсѣмъ!

Бѣжу въ Публичную бібліотеку, куда меня часто подвозитъ дядя по пути къ Синоду. Читаю Введенскаго и Лапшина. Сегодня былъ у инспектора академіи Зорина. Онъ былъ на засѣданіи совѣта. Оставилъ карточку съ просьбой разрѣшить пользоваться академической бібліотекой. Изъ университета извѣстій объ экзаменѣ пока не получено. Жду у моря погоды. Быстротой движеній Русь похвастаться не можетъ.

Сегодня по обычаю въ семь часовъ вечера катались при тринадцатиградусномъ морозѣ съ дядей по городу. Одно оконце, какъ почти всегда, было открыто, и пушистыя чистыя снѣжинки привѣтливо и мягко влетали къ намъ въ карету.

Дядя былъ довольно разговорчивъ и сообщилъ мнѣ сущность своихъ жизненныхъ девизовъ. Вотъ они: трудъ, честность, гуманность, служеніе Богу въ людяхъ:

— Аскетизма я не понимаю,—сказалъ онъ, завертываясь по-теплѣе въ шубу.

Ежедневно дядя поручаетъ мнѣ разсылать деньги «отъ Константина Антоновича» (курьера митрополичьяго дома) въ разные концы Россіи.

На дняхъ послали въ Казань одну за другой двѣ сотни г-жѣ Десницкой, нашей дальней родственницѣ. Двукратная посылка разъ за разомъ обусловлена была тѣмъ, что у меня потерялась почтовая расписка въ отправленіи денегъ, и мы забыли, отосланы деньги или нѣтъ. Рѣшено было послать еще, и за мою халатность г-жа Десницкая меня потомъ очень благодарила.

17-го февраля 1911 г.

Сегодня дядя отправилъ меня съ собственноручнымъ письмомъ въ канцелярію попечителя петербургскаго учебнаго округа къ помощнику попечителя А. А. Остроумову. Въ письмѣ было сказано, что было бы желательно назначить меня преподавателемъ въ одну

изъ петербургскихъ гимназій. Въ округѣ всѣ швейцары, замѣтивъ на конвертѣ письма надпись: «отъ митрополита петербургскаго», отнесли ко мнѣ чрезвычайно предупредительно. Аудіенціи тоже ждать долго не пришлось.

Меня вскорѣ ввели въ канцелярію и представили А. А. Остроумову, уже прочитавшему письмо. Помощникъ попечителя былъ очень деликатенъ, однако заявилъ, что въ Петроградѣ гимназій реальныхъ очень немного, и всѣ мѣста въ нихъ заняты. Есть свободное мѣсто учителя русскаго языка въ Новгородѣ, куда и совѣтоваль мнѣ поступить Остроумовъ, указывая, между прочимъ, на удобство сообщенія между Петербургомъ и Новгородомъ. Отвѣтъ я не далъ сразу. Обѣщаль подумать, т. е. посоветоваться съ дядей.

Дядя посоветоваль не отказываться отъ мѣста, разъ его предлагаютъ.

18-го февраля 1911 г.

Сегодня снова направился въ округъ; по пути, въ трамваѣ натолкнулся на Остроумова, съ которымъ разговорились, причѣмъ я выразилъ согласіе ѣхать въ Новгородъ.

24-го февраля 1911 г.

Изъ округа получена бумага о назначеніи меня 22-го февраля преподавателемъ новгородскаго реального училища, причѣмъ мнѣ предлагалось незамедлительно туда отправиться. Дядя любилъ аккуратность и велѣлъ мнѣ упаковывать чемоданы.

Началась новгородская эра моей жизни. Изъ Новгорода время отъ времени я навѣщаль дядю, окруженнаго родственниками и близкими, и видѣлъ, какъ онъ слабѣеть.

— Хотя доктора и успокаиваютъ меня, а чувствую, что недолго протяну,—говорилъ онъ.

Философскими вопросами я уже старался его не донимать. Онъ говорилъ мало, страданія переносилъ съ безропотнымъ терпѣніемъ, и всѣ его слова были преисполнены любви, примиренія и всепрощенія...

Въ послѣдній разъ я его посѣтилъ, когда онъ лежалъ въ постели въ безсознательномъ состояніи и безъ надежды на выздоровленіе...

М. Вадковскій.

РАЗРЫВЪ РОССІИ СЪ БОЛГАРІЕЙ ВЪ 1886 ГОДУ

1.

УЩУКСКІЙ митрополитъ Григорій, человекъ очень умный и хитрый, наканунѣ войны 1877 года убѣждавшій въ своемъ пастырскомъ посланіи болгаръ оставаться вѣрными султану и въ первые годы правленія князя Баттенберга обнаруживавшій неприязнь къ русскимъ, въ 1878 году, когда кто-то изъ русскихъ военачальниковъ спросилъ его въ Санъ-Стефано, неужели болгары окажутся впоследствии такими же неблагодарными въ отношеніи Россіи, какъ сербы и румыны, отвѣтилъ: «Болгары будутъ относительно васъ тѣмъ, чѣмъ вы сами ихъ сдѣлаете». И дѣйствительно, отъ нашего умѣнія зависѣло использовать создавшееся для насъ положеніе покровителей болгарскаго народа, призваннаго нами къ жизни. Для него Россія выработала самую либеральную конституцію, законы, ссудила его деньгами, оружіемъ и инструкторами, поставила во главѣ его князя, въ помощь ему нарядила своихъ генераловъ. Заботы ея о болгаряхъ напоминаютъ тѣ благодѣянія, которыми, бывало, въ семидесятыхъ годахъ помѣщики въ Россіи, поселившіеся въ деревнѣ, оказывали въ порывѣ братской любви крестьянамъ своего села, воздвигая больницы и школы, приходя имъ на помощь деньгами и совѣтами съ цѣлью поднять ихъ благосостояніе и избавить ихъ отъ міроѣдовъ и кулаковъ. Нерѣдко благія намѣренія помѣщика были не поняты крестьянами, превратно истолкованы

ими въ смыслѣ желанія помѣщика ограничить ихъ свободу и закабалить ихъ вновь. Побуждаемые подозрѣніемъ и подстрекаемые тѣми же міроѣдами и кулаками, отъ вліянія которыхъ помѣщикъ думалъ ихъ освободить, крестьяне нерѣдко обращали свою злобу на него самого, его поджигали, его разоряли. Потерпѣвъ убытки и испытавъ горькое разочарованіе, помѣщикъ во многихъ случаяхъ удалялся, возмущенный неблагодарностью людей, которыхъ онъ собирался осчастливить. Такое положеніе, въ общихъ очертаціяхъ, напоминаетъ то, въ которомъ находилась Россія по отношенію къ болгарамъ тридцать лѣтъ назадъ, въ исходѣ 1886 года.

За семь лѣтъ существованія княжества Россія пеклась о немъ, какъ о своемъ дѣтищѣ, заботясь объ его счастьѣ и благоденствіи и оберегая его отъ внѣшнихъ и внутреннихъ его враговъ, отъ происковъ Австріи и отъ раздоровъ партій ¹⁾. Но эта опека раздражала болгаръ; они, столь недавно освободившись отъ турецкаго ига, ревниво охраняли свою независимость и съ подозрѣніемъ оглядывались на возможность русской оккупациі, хотя въ намѣреніяхъ императорскаго правительства таковая никогда не предполагалась. Говоря о болгарахъ, слѣдуетъ имѣть въ виду лишь тѣхъ изъ нихъ, которые стояли у власти или играли какую-нибудь роль, такъ какъ самый народъ въ большей части еще въ то время слѣпо вѣрилъ въ русскаго царя и смотрѣлъ на князя Александра, какъ на его «момче» или ставленника. Но и тогда партійная агитація стремилась постепенно вселить въ народъ недовѣріе къ намѣреніямъ русскаго правительства и умалить значеніе тѣхъ жертвъ, которыя Россія понесла, освободивъ Болгарію. Со временемъ, безъ сомнѣнія, народъ болѣе или менѣе поддастся этимъ внушеніямъ. Большинство же болгарскихъ дѣятелей, которые многимъ были обязаны Россіи, выражали прямо свою ненависть къ ней.

Извѣстны слова Петко Каравелова, воспитанника московскаго университета: «Намъ не надо ни русскаго меда, ни русскаго жала».

Нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на свое безкорыстіе и желаніе одного добра Болгаріи, мы не сумѣли воспользоваться исключительнымъ положеніемъ для того, чтобы сохранить свой авторитетъ

¹⁾ Уже въ тырновскомъ собраніи, созванномъ для обсужденія и принятія органическаго статута, обозначались двѣ политическія партіи: одна либеральная и народная, къ которой принадлежало подавляющее большинство собранія, и другая, весьма немногочисленная, извѣстная подъ названіемъ консервативной, но, въ сущности, отличавшаяся отъ первой предпочтеніемъ, явно оказываемымъ Западу. Во главѣ первой стояли наиболѣе вліятельные изъ болгарскихъ дѣятелей Драганъ Цанковъ и Петко Каравеловъ, вторая же сплотилась вокругъ Стоилова, Грекова и Начевича. Первое министерство было составлено изъ консерваторовъ, которые во внутренней политикѣ стремились къ ограниченію правъ народнаго представительства и къ усиленію власти князя, а во внѣшней—къ сближенію съ западными державами, въ частности съ Австріей и Англійей.

въ княжествѣ и что нами было допущено немало ошибокъ и промаховъ.

Мы посадили на княжескій престолъ принца Александра Баттенберга, который намъ измѣнилъ, и, когда мы въ томъ убѣдились, не лишили его своей поддержки. Тырновская конституція, нами созданная и одобренная, была основана на самыхъ либеральныхъ началахъ; такъ какъ она ограпичивала власть князя, онъ домогался ея измѣненія; мы категорически не отвергли его стремленій, и хотя переворотъ 27-го апрѣля 1881 года, пріостановившій дѣйствіе конституціи, и состоялся безъ нашего согласія, но въ болгарскомъ народѣ создалось убѣжденіе, что актъ, дарованный Россіей, былъ ею же опороченъ. Этому мнѣнію способствовали наши враги. Австрія и Германія, а также и то обстоятельство, что мы сами поддерживали власть князя послѣ переворота, произведеннаго имъ. Такое отношеніе русскаго правительства къ князю, нарушившему присягу, которую онъ принесъ народному собранію соблюдать конституцію, подорвало довѣріе въ болгарахъ къ русскимъ. Еще сильнѣе потерпѣло наше обаяніе, когда мы въ сентябрѣ 1885 года воспротивились образованію цѣлокупной Болгаріи. Дѣло соединенія было дорого болгарамъ; никто изъ нихъ не могъ понять, почему Россія не сочувствовала ему. На совершившееся вслѣдствіе переворота 6-го сентября, безъ нашего вѣдома и участія, соединеніе русское правительство отвѣтило отозваніемъ русскаго военнаго министра князя Кантакузена и всѣхъ русскихъ офицеровъ, находившихся на болгарской службѣ. Это отозваніе произошло въ тотъ моментъ, когда Болгарія готовилась отразить вторженіе сербовъ, напавшихъ на болгаръ по наущенію Австріи. Пораженіе сербовъ упрочило положеніе князя Александра. Значительная часть болгарскаго народа привѣтствовала въ немъ объединителя отечества и побѣдителя сербовъ; народъ, не посвященный въ истинныя причины недовольства русскаго двора княземъ, приходилъ въ недоумѣніе, почему, когда князь посягалъ на народныя вольности, Россія покровительствовала ему, а когда онъ осуществилъ замѣтную мечту народа о цѣлокупной Болгаріи, Россія отвернулась отъ него.

II.

Между тѣмъ императорское правительство имѣло полное основаніе сѣтовать на князя и ему не довѣрять. Въ началѣ 1885 г. князь Александръ велъ подъ рукою, чрезъ посредство своихъ приверженцевъ, усиленную пропаганду противъ Россіи, разсыпаясь одновременно передъ русскимъ представителемъ въ любезности и въ завѣреніяхъ своей привязанности къ государю императору и преданности ему.

Съ своей стороны, правившая либеральная партія съ Петко Каравеловымъ во главѣ, состоявшая большею частью изъ недоучившихся русскихъ семинаристовъ пошиба 60-хъ и 70-хъ годовъ, самаго крайняго направленія, ненавидѣла официальную Россію и пыталась подкопаться подъ сохранившійся еще въ болгарскомъ народѣ нашъ авторитетъ и устранить всякое наше вліяніе на ходъ болгарскихъ дѣлъ. Пока эта партія опасалась князя Александра, стремившагося къ самовластію, она старалась жить съ русскимъ представителемъ въ мирѣ, пользуясь имъ для упроченія своего положенія, и скрывала свои настоящія цѣли и намѣренія. Но съ апрѣля 1885 г. между княземъ и Каравеловымъ произошло сближеніе, главнымъ основаніемъ котораго было несомнѣнное желаніе отдѣлаться отъ русскихъ какимъ бы то ни было способомъ. Мѣшая князю опереться на армию для того, чтобы совершенно захватить власть, а либераламъ—вполнѣ и до конца проводить въ народѣ ихъ крайнія теоріи, русскіе являлись общими врагами, и на этой почвѣ борьбы сошлись элементы, казавшіеся до того непримиримо враждебными. Но борьба эта представлялась дѣломъ далеко не легкимъ въ виду тѣмъ симпатій, которыя еще питалъ къ Россіи простой народъ, и того значенія, которое слово Россія имѣло еще въ его глазахъ. Наши противники могли ожидать, что въ случаѣ открыто враждебныхъ дѣйствій противъ насъ большинство болгаръ станетъ на нашу сторону и что мы выйдемъ изъ столкновенія побѣдителями. Для борьбы нужно было найти почву, на которой наши противники оказались бы сильнѣе насъ, даже въ глазахъ простого народа. Подобной почвой могла быть только идея соединенія обѣихъ Болгарій, служившая со времени послѣдней войны идеаломъ каждаго болгарина. Наши противники не ошиблись въ своихъ расчетахъ, рѣшившись воспользоваться настроеніемъ народа для достиженія своихъ затаенныхъ цѣлей.

Потерявшій довѣріе Россіи и Болгаріи, ненавидимый особенно либералами, участіе которыхъ во власти онъ, въ свою очередь, переносилъ лишь съ нескрываемымъ отвращеніемъ, князь Александръ не могъ не сознавать шаткимъ и непрочнымъ своего положенія въ странѣ, въ которой онъ не сумѣлъ пустить корней и привлечь на свою сторону симпатій своихъ подданныхъ. Особенно шаткость эта проявилась въ началѣ 1885 года, когда софійская и румелийская пресса, не стѣсняясь, обсуждала такъ называемый династическій вопросъ, поднятый вождемъ народной партіи, прежнимъ другомъ Каравелова, а впоследствии его злѣйшимъ соперникомъ, Драганомъ Цанковымъ. Послѣдній громко заявлялъ, что князь долженъ былъ либо снова заслужить благорасположеніе русскаго государя, либо отказаться отъ престола. На этотъ разъ на защиту князя выступила вся каравеловская партія; но ея искренность не могла не казаться крайне подозрительной, такъ какъ не далѣе,

какъ весною 1885 года, нѣкоторые ея органы прямо называли князя Александра вормъ²⁾). Баттенбергъ при подобныхъ обстоятельствахъ чувствовалъ, что онъ держался въ Болгаріи только благодаря раздору партій и ихъ недовѣрію къ намѣреніямъ Россіи. Сдѣланныя княземъ попытки опереться прямо на народъ, снискавъ въ его средѣ популярность, не удались, такъ какъ стоявшіе близко къ населенію вожаки либераловъ имѣли всегда возможность вліять на него и отражать направленные противъ нихъ интриги князя. На армію, пока ею командовали русскіе офицеры, князь равнымъ образомъ не могъ положиться, такъ какъ ему приходилось постоянно опасаться, что въ случаѣ какого-либо кризиса русскіе употребятъ свое вліяніе на войска, чтобъ побудить ихъ оставаться нейтральными зрителями событій. Такимъ образомъ въ началѣ 1885 г., послѣ шестилѣтняго управленія Болгарією, князь очутился вполнѣ въ ней изолированнымъ и могъ ожидать съ минуты на минуту, что его попросятъ удалиться изъ страны. Поправить свое положеніе онъ могъ только какимъ-либо героическимъ средствомъ, а таковымъ при существовавшихъ условіяхъ могло явиться воссоединеніе Восточной Румеліи съ княжествомъ. Его пламенно желали всѣ болгары; оно, въ случаѣ удачи, несомнѣнно, дѣлало его самымъ популярнымъ человѣкомъ среди его подданныхъ и надолго укрѣпляло его положеніе въ странѣ. Онъ тѣмъ легче рѣшился на этотъ шагъ, будучи твердо убѣжденнымъ, что Россія волей-неволей должна будетъ поддержать его въ дѣлѣ, которому большинство русскихъ не могло не сочувствовать. Онъ рассчитывалъ съ нашей помощью возстановить свой престижъ въ Болгаріи съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, укрѣпившись и заручившись поддержкою своихъ подданныхъ, обратиться противъ насъ. Расчетъ его въ этомъ отношеніи оказался невѣрнымъ. Неодобреніе движенія русскимъ государемъ и отозваніе нашихъ офицеровъ поставили его въ крайне затруднительное положеніе. Но отступать онъ уже не могъ подъ опасеніемъ со срамомъ потерять престолъ, для сохраненія котораго онъ рискнулъ не только собственною честью, но и будущностью и благоден-

¹⁾ Для характеристики личности князя Александра и тогдашняго его положенія, а также отношеній болгаръ къ ихъ государю умѣстно будетъ привести слѣдующее. Въ февралѣ 1885 года въ газетѣ «Свирка» (Свистокъ), редакторомъ которой состоялъ Петковъ, появилась статья, обвинявшая князя въ кражѣ денегъ, отпускаемыхъ на содержаніе дворца и другіе расходы. Прокурорскій надзоръ привлекъ Петкова къ отвѣтственности за клевету. Петковъ сослался на свидѣтелей: гофмаршала князя барона Ридезеля и другихъ лицъ, состоявшихъ при князѣ. Судь отказалъ Петкову въ вызовѣ свидѣтелей, въ виду чего подсудимый, съ своей стороны, отказался защищаться, сославшись на то, что судъ лишилъ его возможности подтвердить свидѣтельскими показаніями факты, приведенные въ обличительной статьѣ. Судь приговорилъ Петкова къ штрафу въ размѣрѣ 600 франковъ, которые были собраны по подпискѣ въ засѣданіи суда, причемъ первый взносъ былъ произведенъ самимъ прокуроромъ, поддерживавшимъ обвиненіе.

ствіемъ болгарскаго народа. Пускаясь въ подобное предпріятіе, князь, однако, заручился поддержкою Англій и на ея помощь онъ разсчитывалъ въ будущемъ. Пока же онъ добился удаленія русскихъ офицеровъ изъ арміи. Радости своей по этому поводу онъ не скрывалъ и при вступленіи въ Филиппополь заявилъ, что онъ считалъ день, въ который ему удалось наконецъ видѣть національныя войска подъ командою болгарскихъ офицеровъ, счастливѣйшимъ въ своей жизни, причемъ тутъ же презрительно отозвался о русскихъ, сказавъ, что они покинули свои посты въ минуту опасности.

Такіе же мотивы, а именно желаніе избавиться отъ русской опеки и уронить престижъ Россіи въ глазахъ народа, побудили либераловъ поставить на карту будущность Болгаріи. Въ борьбѣ съ нами имъ нужно было указать народу на такую цѣль, достиженіе которой являлось бы для него важнѣе сохраненія привязанности къ Россіи. Либеральная партія въ лицѣ Каравелова стояла тогда во главѣ управленія. Она первое время пользовалась нашимъ сочувствіемъ и поддержкою. Пока Каравеловъ нѣсколько сдерживалъ крайнія мнѣнія своихъ главныхъ приверженцевъ и пока дѣйствія его не шли вразрѣзъ ни съ намѣреніями, ни съ интересами Россіи, намъ не было причинъ враждебно относиться къ нему. Но съ весны 1885 года въ прессѣ и въ школахъ началась дѣятельная антирусская и социалистическая пропаганда ¹⁾. Попытка русскаго

¹⁾ Появились крайне враждебныя Россіи и оскорбительныя для русскихъ статьи въ газетахъ «Свирка», «Напредъ», а въ особенности въ первомъ номерѣ журнала «Современный Показатель», въ которомъ содержалась нападенія на православную церковь и нанесены оскорбленія русскимъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ. Отвѣтственнымъ редакторомъ этого журнала подписалась Живкова, состоявшая на княжеской службѣ въ качествѣ воспитательницы младшаго класса женской гимназіи. Русскій дипломатическій агентъ Кояндеръ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы заставить болгарское министерство высказаться насчетъ того, какъ оно смотритъ на антирелигіозную и антирусскую, а также революціонную пропаганду, которая замѣчалась въ особенности въ учебныхъ заведеніяхъ. 20-го іюня онъ написалъ ноту министру иностранныхъ дѣлъ Цанову, въ которой, жалуясь на крайнее пайравленіе журнала, просилъ министра увѣдомить его, правда ли, что Живкова состояла на болгарской службѣ. Цановъ отвѣтилъ, что онъ снесся съ министромъ правосудія Радославовымъ (теперешній предсѣдатель совѣта) и министромъ просвѣщенія Королевымъ насчетъ этой статьи и что Живкова черезъ двѣ недѣли останется за штатомъ. Тогда Кояндеръ потребовалъ, чтобы былъ напечатанъ въ «Державномъ Вѣстникѣ» мотивированный приказъ о смѣщеніи Живковой, и прибавилъ, что если его требованіе не будетъ исполнено, онъ сочтетъ министровъ сочувствовавшими нападкамъ на Россію. Цановъ сослался на неисполнимость этого требованія въ виду уже состоявшагося наканунѣ отчисленія Живковой отъ должности. На просьбу Кояндера высказать сожалѣніе правительства и изяснить въ «Державномъ Вѣстникѣ» причины отчисленія Живковой Цановъ отказался обратиться съ извинительной нотой, признавъ домогательство Кояндера клонившимся къ униженію болгарскаго правительства. 23-го іюня Кояндеръ отвѣтилъ Цанову, что, убѣдившись въ тайномъ сочувствіи министровъ авторамъ антирусскихъ пасквилей, онъ не могъ болѣе имѣть ни личныхъ, ни полуофи-

дипломатическаго агента Кояндера остановить это движеніе привела лишь къ охлажденію между нимъ и Каравеловымъ, который, сбросивъ носимую до того времени маску, открыто сталъ на сторону личностей, проповѣдывавшихъ вражду къ существующимъ въ Россіи строю и порядкамъ.

Оппозиція, конечно, воспользовалась этимъ охлажденіемъ, а такъ какъ хорошія отношенія съ русскимъ агентствомъ очень помогали Каравелову въ его усиліяхъ сохранить преданное ему большинство народныхъ представителей, онъ могъ опасаться, что съ открытіемъ засѣданій собранія вѣсть объ его разрывѣ съ агентствомъ дурно отзовется на его положеніи и дастъ оппозиціи и князю предлогъ для низверженія либеральнаго министерства. Поэтому Каравелову и его партіи, желавшимъ сохранить власть, необходимо было поднять собственный престижъ. Предпринявъ воссоединеніе обѣихъ Болгарій, либералы надѣялись, что при удачѣ въ такомъ національномъ дѣлѣ они настолько сильно завладѣютъ глубокими симпатіями населенія, что послѣднее не обратитъ вниманія на негодованіе русскаго правительства, вызванное дѣйствіями болгарскаго кабинета.

Такимъ образомъ, въ мысли обѣихъ инициаторовъ движенія, князя и либераловъ, переворотъ долженъ былъ прежде всего служить для укрѣпленія ихъ положенія. Расчеты ихъ оправдались вполнѣ, переворотъ имъ удался, и соединеніе Болгаріи съ Румеліей было завершено (хотя и не въ той формѣ, которая была желательна болгарамъ) на конференціи пословъ великихъ державъ въ Константинополѣ 24-го марта (5-го апрѣля) 1886 года подписаніемъ протокола, по которому генераль-губернаторство Восточной Румеліи было ввѣрено князю болгарскому. Немного рапѣе, 19-го февраля (3-го марта) 1886 года сербско-болгарская распря кончилась миромъ, заключеннымъ въ Бухарестѣ. Князь Александръ торжествовалъ.

III.

Престижъ князя Александра, искусственно подогрѣтый его приверженцами и вступившею съ нимъ въ союзъ либеральной партіей, оставшейся у власти, поднялся среди населенія, въ особенности среди такъ называемой интеллигенціи страны. Простой народъ, однако, далеко не сочувствовалъ князю. При сопоставленіи

ціальныхъ сношеній съ ними и оставался въ Софіи исключительно для защиты правъ и преимуществъ, выговоренныхъ трактатами и конвенціями. Какъ потомъ оказалось, министры дѣйствовали по указанію князя, который подъ конецъ испугался послѣдствій разрыва и приказалъ имъ уступить. Кояндерь удовольствовался полученіемъ извинительной ноты и сообщеніемъ въ «Державномъ Вѣстникѣ» о посылкѣ таковой съ изложеніемъ ея содержанія.

того вліяння, которое прибрѣлъ князь въ этомъ народѣ, съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣло въ его глазахъ имя Россіи, перевѣсъ все-таки оставался на сторонѣ послѣдней. Какъ бы ни былъ великъ ударъ, нанесенный русскому имени его врагами, постаравшимися вселить въ народѣ сознаніе, что Россія покинула Болгарію въ минуту самую трудную для княжества, тѣмъ не менѣе народъ инстинктивно понималъ, что острымъ кризисомъ, который испытывало княжество, онъ былъ обязанъ главнымъ образомъ своему князю, дурныя отношенія котораго къ Россіи отражались на народѣ. Онъ чувствовалъ также, что въ случаѣ крайней опасности Болгарію защитить все-таки не безславный князь и не покровительствовавшая ему Англія, а мощная рука Россіи.

И князь отлично сознавалъ въ этомъ отношеніи свое положеніе въ странѣ. Онъ зналъ, что тутъ ему не помогутъ его покровители. Хотя тогда ему нечего было бояться за свой престолъ, такъ какъ внѣшняя сила, которой онъ опасался, ушла, но, кромѣ внѣшней поддержки, которую могла ему оказать Россія, ему была особенно необходима опора ея внутри страны, и поэтому ему было выгодно, хотя бы внѣшнимъ образомъ, быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ освободительницей болгарскаго народа. Князь зналъ, что та самая либеральная партія, съ которой онъ тогда временно былъ въ союзѣ и которая вслѣдствіе искусной пропаганды прибрѣла многочисленныхъ приверженцевъ въ полупросвѣщенныхъ слояхъ населенія, въ случаѣ ссоры съ нею, повернется противъ него, и орудіемъ ея будетъ служить не что иное, какъ ненавистное ей имя Россіи; теряя въ глазахъ населенія, пока стояла она у власти, эта партія прибрѣтала значительную силу, уйдя въ ряды оппозиціи.

Вотъ причины, заставившія князя искать внѣшняго сближенія съ Россіей и надѣяться на то, что увѣреніями въ преданности и любви онъ склонитъ государя положить гнѣвъ на милость. Причины эти побудили князя, исключеннаго изъ списковъ русской арміи, издать приказъ, которымъ онъ торжественно приносилъ благодарность государю за непрестанныя заботы о созданной имъ болгарской арміи и признавалъ, что эта армія всѣмъ обязана воспитавшимъ ее русскимъ военнымъ наставникамъ. Причины эти заставили князя даже послѣ снятія съ нею русскаго мундира воздерживаться отъ всякаго неосторожнаго и несомнѣннаго проявленія его непріязненныхъ чувствъ къ Россіи. Въ разговорахъ съ коллежскимъ ассессоромъ Богдановымъ, управлявшимъ русскимъ агентствомъ, князь старался оправдать свои дѣйствія и доказывалъ, что переворотъ 6-го сентября 1886 года не былъ направленъ противъ Россіи, которая не могла не сочувствовать соединенію обѣихъ Болгарій и что онъ произошелъ совершенно неожиданно для самого князя. При этомъ князь съ негодованіемъ опровергалъ обвиненіе въ томъ, что онъ непріязненно отозвался о русскихъ офицерахъ.

Объясненія князя съ Богдановымъ возобновлялись нѣсколько разъ въ виду порученія, даннаго Богданову, склонить князя къ измѣненію содержанія нѣкоторыхъ статей соглашенія, заключеннаго Болгаріей съ Портой 20-го января (1-го февраля) 1886 года, статей, непріемлемыхъ Россіей; въ ихъ числѣ значилась та, по которой Болгарія обязалась предоставить свои войска въ полное распоряженіе султана въ случаѣ нападенія на его европейскія владѣнія и выговорила себѣ право на такую же помощь со стороны Турціи. Князь долго не соглашался и вдавался въ разсужденія и объясненія, которыя, какъ всѣмъ было извѣстно, не всегда соотвѣтствовали истинѣ.

Князь Александръ повѣдалъ Богданову, что онъ никогда не добивался быть болгарскимъ княземъ. Одна лишь воля государя заставила его согласиться. Онъ плакалъ и умолялъ не налагать на него такое тяжелое бремя, но, подчинившись волѣ государя, онъ всецѣло посвятилъ себя благу Болгаріи. Взявъ на себя дѣло соединенія, онъ поступилъ такъ потому, что хотѣлъ исполнить завѣтъ Александра II. Когда государь его отпускалъ въ Болгарію, онъ сказалъ: «Что я и Россія сдѣлали для Болгаріи, то Европа разрушила; тебя я избралъ княземъ Болгаріи именно для того, чтобы ты былъ орудіемъ, черезъ которое, несмотря на козни враговъ Россіи и Болгаріи, восторжествуетъ правое дѣло». Потомъ, передавая князя болгарской депутаціи, государь сказалъ ей, что передаетъ его съ рукъ на руки болгарамъ, которыхъ просить любить избраннаго имъ князя, какъ залогъ счастья и благоденствія будущей воссоединенной Болгаріи. Не могъ же онъ, князь, свято храня въ сердцѣ этотъ завѣтъ, отказаться онъ дѣла, которое, хотя и несвоевременно, но уже было начато, и онъ былъ вполне убѣжденъ, что будетъ поддержанъ Россіей. Его обвиняли въ томъ, что онъ въ этомъ случаѣ послушался англійскихъ совѣтовъ и наущеній, преподанныхъ ему изъ видовъ враждебныхъ Россіи во время его пребыванія въ Англіи на свадьбѣ брата, но это несправедливо, такъ какъ онъ даже не имѣлъ случая говорить съ лордомъ Сольсбери. Исключительная его забота имѣла цѣлью благо Болгаріи, потому если онъ былъ вреденъ для нея, то готовъ уйти. Онъ нисколько не держался за свой престолъ, какъ за положеніе, безъ котораго онъ не могъ обойтись, такъ какъ у него было независимое положеніе у себя дома. Но онъ не хотѣлъ уйти опозореннымъ. Пускай Россія или Болгарія, единственно кто могъ удалить его изъ Болгаріи, скажутъ ему, за что они хотѣли его удаленія, хотя бы это было лишь потому, что онъ просто не нравился Россіи, съ которой Болгарія не могла пребывать въ дурныхъ отношеніяхъ, и онъ готовъ подчиниться своей участи. И если онъ уйдетъ, то уйдетъ съ убѣжденіемъ, что онъ глубоко несчастный человѣкъ, но совѣсть его будетъ спокойна, такъ какъ въ немъ останется сознаніе, что, принявъ Болгарію изъ рукъ

человѣка, котораго онъ любилъ и уважалъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ, болѣе своего родного отца, онъ работалъ исключительно въ интересахъ страны, порученной ему; они на всю жизнь останутся ему дороги, и за судьбой Болгарин, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ всегда будетъ слѣдить съ самымъ живымъ участіемъ.

Князь горько жаловался и говорилъ, что не заслужилъ того униженія, которому онъ подвергся въ Россіи. Онъ съ отчаянія заплакалъ, когда до него дошло глубоко поразившее его извѣстіе объ исключеніи его безъ суда изъ русской арміи. И этимъ не ограничились. Онъ зналъ, что батальонъ, въ который онъ былъ зачисленъ покойнымъ государемъ, въ рядахъ котораго онъ сражался въ прошлую войну наравнѣ съ простыми солдатами и который былъ для него поэтому дороже всего на свѣтѣ, былъ собранъ на площади, съ барабаннымъ боемъ было объявлено о его отчисленіи, и офицеры тутъ же сорвали его вензеля со своихъ погоновъ.

Но все это горе и униженіе онъ готовъ перенести и простить; единственно съ чѣмъ не могъ онъ примириться, это съ тѣмъ, что отъ него отняли всякую возможность оправдаться. Русскія газеты возводятъ на него всякія обвиненія, и онъ не имѣлъ средствъ ихъ опровергнуть, такъ какъ газетамъ было запрещено принимать отъ него сообщенія самаго невиннаго характера.

Прикрываясь своею покорностью передъ государемъ, князь Александръ замышлялъ только о возможно большемъ сосредоточеніи въ своихъ рукахъ военнаго управленія края. Въ арміи, на которую возлагалъ большія надежды, онъ стремился стать самовластнымъ хозяиномъ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти въ ея средѣ широкую популярность. Предоставивъ военному министру майору Никифорову одну хозяйственную часть, онъ удержалъ за собой управленіе всей арміей и подчинилъ непосредственно себѣ начальника штаба арміи, по докладамъ котораго отдавались всѣ приказанія о производствѣ, награжденіи и назначеніи на должности офицеровъ. Эти распоряженія князя были встрѣчены очень неодобрительно Каравеловымъ и солидарнымъ съ нимъ военнымъ министромъ Никифоровымъ. Каравеловъ не допускалъ, чтобы армія всецѣло попала въ руки князя, такъ какъ онъ самъ всѣми силами старался имѣть вліяніе на нее съ цѣлью воспользоваться этимъ орудіемъ на тотъ случай, если бы князь рѣшился отдѣлаться отъ своего перваго министра, котораго онъ лишь терпѣлъ, какъ неизбежное зло. Но того и другого, и князя и его перваго министра, соединяла ненависть къ Россіи. Они рука объ руку работали надъ уничтоженіемъ русскаго вліянія, превратно истолковывая дѣйствія русскаго правительства и пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы задавить въ народѣ проявленія сочувствія къ Россіи. Въ газетѣ Каравелова: «Тырновская Конституція» указывалось, что послѣ провозглашенія соединенія Россія отозвала своихъ офицеровъ,

чтобы деморализировать болгарскую армию и вызвать недовольство противъ князя; она возбуждала народъ противъ единенія въ ущербъ болгарской самостоятельности и независимости; она употребляла свое вліяніе, чтобы уговорить Порту занять Восточную Румелию войсками. Не одною клеветою болгарское правительство дѣйствовало на народъ, но и всякими мѣрами застраиванія.

19-го февраля праздновалось всегда въ Болгаріи заключеніе Санъ-Стефанскаго договора. Князь въ 1886 году приурочилъ къ этому дню заключеніе Бухарестскаго мира съ Сербіей и изданіе указа о демобилизаціи. Въ появившемся по этому случаю манифестѣ князь указалъ, что болгарскій народъ, всегда отличавшійся трудолюбіемъ и любовью къ тишинѣ и порядку, оправдаетъ довѣріе султана, принявшаго во вниманіе горячія желанія народа и расширившаго предѣлы страны, вѣрною управленію князя. Такое явное отчужденіе его, посредствомъ всенароднаго акта, отъ глубоко вкоренившихся въ народѣ вѣрованій и понятій, произвело удручающее впечатлѣніе на благомыслящее населеніе. Не имѣя другихъ средствъ выразить свое негодованіе, нѣсколько гражданъ Софіи собрались у Драгана Цапкова и подписали телеграмму на имя государя съ выраженіемъ безграничной преданности и признательности ему. При этомъ они высказали свой протестъ противъ того, что болгарское правительство, съ цѣлью умаленія памяти о великомъ дѣлѣ, совершенномъ Россіей, выдвинуло на первый планъ празднованіе мира съ Сербіей. Князь, —разсуждали они,—нарочно соединилъ празднованіе обоихъ событій и заставилъ митрополита болѣе получаса съ крестомъ въ рукахъ при входѣ въ соборъ ожидать своего пріѣзда, чтобы было объяснено въ Константинополѣ, что молебень былъ отложенъ по случаю заключенія мира съ Сербіей и въ подтвержденіе этого объясненія было указано на изданный въ этотъ день позорный манифестъ.

Ненормальное положеніе, въ которое была поставлена Болгарія политикой князя, натянутыя отношенія съ Россіей, съ одной стороны, а съ другой—тѣ новыя отношенія подчиненія и зависимости, въ которыя поощряемое къ тому Англійей болгарское правительство рѣшилось вступить къ Турціи, вызвали сильное негодованіе въ населеніи княжества и особенно среди людей, отдававшихъ себѣ отчетъ въ томъ злѣ, которое могло произойти для будущности Болгаріи отъ тогдашней политики правительства. Къ этимъ причинамъ недовольства присоединилось тяжелое экономическое положеніе, въ которомъ находилось княжество вслѣдствіе переживаемаго кризиса. Народъ началъ понимать, что его обманули; въ результатѣ оказалось, что послѣ братоубійственной войны лишь произошла перемѣна генералъ-губернатора въ Румелии и княжество стало въ положеніе турецкой провинціи. Поля оставались не обработанными; скотъ погибъ; мужское населеніе вступило въ войска. По реквизи-

ціоннымъ квитанціямъ на сумму отъ 25 до 30 милліоновъ франковъ правительство платить не въ состояніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ разладъ и рознь проникли въ войска княжества. Въ средѣ болгарской военной молодежи стали замѣчаться различныя теченія и мало-по-малу, подъ вліяніемъ тѣхъ и другихъ побужденій, образовывались, въ весьма неопредѣленной формѣ, сообразныя съ этими теченіями группы. Главными поводами къ группировкѣ офицеровъ служили назначенія въ чины и связанныя съ ними матеріальныя выгоды, а также отличія и награды, при раздачѣ которыхъ князь и начальникъ штаба арміи Петровъ руководствовались болѣе личными цѣлями и расчетами, чѣмъ заслугами награждавшихся офицеровъ.

Переворотъ 6-го сентября и сербско-болгарская война создали такое положеніе, которое дало поводъ ко многимъ неудовольствіямъ среди офицеровъ. Не было никакой возможности устранить эти жалобы, такъ какъ, удовлетворяя однихъ, высшее военное начальство тѣмъ самымъ вызывало ропотъ со стороны другихъ. Такъ, напримѣръ, упраздненіе отрядовъ и дивизій, которые были сформированы во время войны, естественно повлекло за собою недовольство начальниковъ этихъ крупныхъ частей, такъ какъ они оказались безъ мѣстъ и стали получать весьма незначительное содержаніе по чинамъ, которые не превышали вообще чина подполковника. Если же военное начальство распорядилось бы дать имъ полки, то оно возбудило бы тотчасъ ропотъ полковыхъ командировъ, которыхъ пришлось бы понизить, отобравъ у нихъ части, командуемая ими. Большинство такихъ старшихъ офицеровъ, оставшихся послѣ войны безъ мѣстъ, оказались принадлежавшимъ къ румелійской милиціи. Они и составляли отдѣльную партію недовольныхъ.

Между офицерами собственно княжества замѣтно выдѣлялась группа людей, безусловно преданныхъ князю. Она состояла, за исключеніемъ начальника штаба арміи Петрова, изъ флигель-адъютантовъ князя. Къ нимъ примыкали нѣкоторые, скорѣе принадлежавшіе къ партіи Каравелова, какъ-то: военный министръ Никифоровъ и начальникъ артиллеріи Пановъ. Затѣмъ отдѣлялась небольшая группа офицеровъ, которые, служивши долгое время въ Россіи, прониклись сильными симпатіями къ ней и потому стояли на дурномъ счету у князя. Къ ихъ числу принадлежалъ товарищъ министра Бендеревъ. Люди эти отдавали себѣ отчетъ во всемъ злѣ, которое происходило для молодой болгарской арміи оттого, что она лишилась руководства своихъ русскихъ наставниковъ и попала въ руки молодыхъ и неопытныхъ болгарскихъ офицеровъ. Они порицали антирусское направленіе князя и его правительства и единственнымъ спасеніемъ своего отечества считали не только возвращеніе русскихъ офицеровъ, которое, какъ они хорошо понимали, было немислимо при условіяхъ того времени, а просто окку-

пацію Болгаріи русскими войсками. Небольшой этой группѣ втайнѣ сочувствовали наиболѣе благоразумные изъ младшихъ офицеровъ, но они боялись высказываться, опасаясь преслѣдованій.

Натянутость отношеній болгарскаго правительства съ Россіей выразилась всего ярче 24-го марта, въ день рожденія князя Александра. Онъ былъ отпразднованъ болѣе торжественно, чѣмъ обыкновенно, по предложенію англійскаго посланника Ласселя. Всѣ представители, за исключеніемъ русскаго, присутствовали въ мундирахъ на молебнѣ и принесли поздравленія. Надъ домомъ русскаго агентства не былъ поднятъ флагъ въ виду того, что 2-го марта, въ день восшествія на престолъ императора Александра III, князь не прислалъ своего представителя въ агентство, тогда какъ наканунѣ онъ съ многочисленною свитою былъ на торжественной панихидѣ по императорѣ Александрѣ II. Неподнятіе 24-го марта флага надъ домомъ русскаго агентства произвело крайне сильное впечатлѣніе на жителей Софіи и окрестностей и непріятное на князя, который, желая оправдать свое воздержаніе отъ участія въ празднованіи дня восшествія на престолъ государя, увѣрялъ, что онъ посылалъ 2-го марта съ поздравленіемъ своего маршала въ агентство, чего въ дѣйствительности не было.

IV.

Въ народномъ собраніи, открытомъ 2-го іюня подъ предсѣдательствомъ Степана Стамбулова рѣчью князя, выставившаго своею заслугою то, что оно состояло изъ представителей болгарскаго народа по сю и ту сторону Балканъ, правительство располагалъ большинствомъ, которое оно пріобрѣло на выборахъ, произведенныхъ подъ сильнымъ давленіемъ.

Въ комиссіи изъ семи депутатовъ, составлявшей отвѣтъ на тронную рѣчь князя, числились отъ оппозиціи Стоиловъ и Черневъ; послѣдній предложилъ проектъ адреса, въ которомъ заявлялъ, что результаты, достигнутые въ дѣлѣ соединенія, не отвѣчали огромнымъ жертвамъ, понесеннымъ болгарами и славнымъ успѣхамъ на поляхъ брани, и что созданное положеніе внушало основательныя опасенія за будущее. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказалъ въ адресѣ глубокую скорбь въ виду натянутости отношеній между Россіей и Болгаріей. Оппозиція настойчиво требовала отъ князя восстановленія правильныхъ и дружественныхъ отношеній съ Россіей и признавала единственнымъ исходомъ тогдашняго положенія созваніе великаго народнаго собранія. Чтеніе проекта оппозиціи вызвало цѣлую бурю въ собраніи; онъ былъ отвергнутъ и представленъ проектъ большинства. Принимая депутацію съ отвѣтомъ на его рѣчь, князь сказалъ, что онъ силенъ поддержкою, оказываемою ему кабинетами берлинскимъ, вѣнскимъ и лондонскимъ, что

онъ Россіи не боится, такъ какъ она была изолирована и всегда встрѣтитъ въ Европѣ противодѣйствіе въ достиженіи своихъ видовъ на Болгарію.

Между тѣмъ въ странѣ росло недовольство; убѣжденіе, что князь и Каравеловъ вошли въ соглашеніе съ иностранцами, чтобы обкрадывать народъ, получило сильное распространеніе. Войну съ Сербіей считали неизбѣжной. Изъ Румелии приходили самые тревожные слухи; населеніе отказывалось платить подати; правительство собиралось возобновить палочную расправу.

Объ изгнаніи князя, которому приписывали все зло, разсуждали свободно. Многие считали его проводникомъ нѣмецкаго вліянія. Нѣкоторые увѣряли даже, что онъ хотѣлъ разорить Болгарію, чтобы нѣмцамъ было легче ею завладѣть и чтобы, по крайней мѣрѣ, если бы она досталась Россіи, то возвращенной и разоренной.

Такое положеніе вызвало среди нѣкоторыхъ офицеровъ движеніе, душою котораго былъ товарищъ министра Бендеревъ; ближайшими участниками его въ планѣ изгнанія князя считались капитаны Вазовъ и Дмитріевъ. Посвященный въ дѣло Никифоровъ отнесся къ нему сочувственно; но Каравеловъ и Цановъ, сначала какъ будто сдавшіеся на доводы военнаго министра, потомъ испугались и отстранились отъ всякаго участія въ немъ. Заговорщиковъ сильно тревожила мысль о цѣлости Болгаріи; они питали надежду на Россію, что она охранитъ княжество отъ нападенія со стороны Сербіи или Турціи. Извѣстія о заговорѣ показались высшему начальству въ Петербургѣ мало вѣроятными, самый заговоръ несерьезнымъ, даже просто ловушкой для пасты, почему Богданову было предписано быть попрежнему осторожнымъ и держаться въ сторонѣ, дабы не скомпрометировать ни себя, ни русское правительство.

Заговорщики воспользовались переводомъ въ Сливницу, для возведенія укрѣпленій на сербской границѣ, перваго пѣшаго полка, преданнаго князю, и замѣной его въ Софіи вторымъ полкомъ. 9-го (21-го) августа, въ три съ половиной часовъ утра войсками и народомъ былъ свергнутъ князь Баттенбергъ и по подписаніи отреченія увезенъ въ монастырь близъ Софіи. Переворотъ совершился безъ кровопролитія.

Образовалось временное правительство изъ предсѣдателя митрополита Климента, членовъ Цанкова, Бурмова, Христо Стоянова, Радославова, Величкова и майора Никифорова, при главнокомандующемъ Груевѣ. Послѣ благодарственнаго молебна митрополитъ Климентъ отъ имени болгарскаго народа, въ присутствіи огромной толпы, собравшейся передъ русскимъ агентствомъ, сказалъ, что въ настоящую критическую минуту Болгарія возлагаетъ всѣ надежды на Россію и молить колѣннопреклонно государя спасти Болгарію. Въ отвѣтъ на донесенія Богданова о совершившихся событіяхъ

онъ получилъ предписаніе быть крайне сдержаннымъ: ему слѣдовало не вмѣшиваясь въ распри партій, стараться по возможности сгнать ихъ, дабы предупредить внутренніе раздоры, которые могли быть гибельны для страны. Ему разрѣшалось заявить болгарамъ, что Россія будетъ попрежнему руководствоваться относительно ихъ чувствами безкорыстнаго доброжелательства, что объ оккупациі Болгаріи мы и не думали и что наше содѣйствіе будетъ всегда на сторонѣ тѣхъ изъ болгаръ, которые будутъ направлять свои усилія на поддержаніе въ странѣ порядка и спокойствія съ тѣмъ, чтобы обезпечить ея будущее благосостояніе. Богданову поручалось передать временному правительству, что все вліяніе Россіи направлено къ тому, чтобы охранить Болгарію отъ внѣшнихъ опасностей, которымъ подвергъ ее необдуманннй образъ дѣйствій князя Александра. Такъ какъ болгарская казна была пуста, то Богданову разрѣшалось выдать заимообразно въ распоряженіе временнаго правительства 800 т. фр. изъ оккупационнаго фонда, оставшагося еще послѣ войны 1877 года.

По совѣту Богданова были приняты надлежащія мѣры къ выѣзду князя, и онъ вмѣстѣ съ братомъ былъ отвезенъ на ближайшую дунайскую пристань и посаженъ на пароходъ, который ихъ доставилъ въ Рени.

Султанъ, несмотря на побужденія англичанъ занять Восточную Румелію, заявилъ, что онъ полагается на миролюбіе русскаго императора и не предприметъ никакихъ мѣръ, не посовѣтсвавшись съ державами. Извнѣ опасность миновала, но внутри княжества волненіе не могло успокоиться вслѣдствіе слабости временнаго правительства и раздора партій.

11-го августа были: въ Софіи временное правительство и главнокомандующій; въ Тырновѣ—диктаторъ во имя князя; въ Румеліи главнокомандующій Муткуровъ. Временное правительство совершенно растерялось. Вслѣдствіе самыхъ тревожныхъ слуховъ изъ всей Болгаріи и Румеліи участники переворота съ Груевымъ явились къ Богданову съ заявленіемъ, что они должны бѣжать, ибо въ противномъ случаѣ имъ грозитъ смерть и что единственный человѣкъ, способный спасти страну отъ междоусобицы,—Каравеловъ. Тогда Богдановъ убѣдилъ послѣдняго взять дѣло въ свои руки съ условіемъ, чтобы князь не возвращался. Каравеловъ потребовалъ обезпеченія внѣшней безопасности и, когда Богдановъ прочелъ ему полученную телеграмму императорскаго министерства, обѣщавшую эту гарантію, онъ согласился образовать новое правительство съ условіемъ поддержки его со стороны агентства, на что Богдановъ далъ ему слово. По объявленіи временному правительству о состоявшемся соглашеніи оно выразило полную готовность отказать отъ власти и употребить всѣ свои усилія для спасенія отечества. Новое правительство образовалось изъ регентовъ: Кара-

велова, Стамбулова и майора Никифорова и министровъ: Стойлова, майора Панова, Орошанова, Ивана Гешова, Ивацчева и Радославова. Стойловъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, официально явился къ Богданову съ заявленіемъ отъ Каравелова, что новое правительство во всемъ будетъ слушаться совѣтовъ Россіи и желало бы послать депутацію къ государю.

Между тѣмъ, Стамбуловъ, имѣя на своей сторонѣ Муткурова, провозгласившаго себя главнокомандующимъ въ Филиппополѣ, стоялъ на учрежденіи намѣстничества отъ имени князя. Плевненскій и Тырновскій полки были на сторонѣ Стамбулова, въ рукахъ котораго находилась телеграфная линія отъ Софіи до Рущука. Въ Софіи ждали столкновенія между ставшими на позицію внѣ города войсками переворота и первымъ полкомъ, командиръ котораго Поповъ требовалъ возвращенія князя, грозя правительству арестомъ. Въ странѣ развивалась анархія. Каравеловъ продолжалъ переговоры съ Стамбуловымъ, который добивался власти лично для себя. Въ Софіи многіе были убѣждены въ томъ, что Каравеловъ обманетъ и вернетъ князя. И дѣйствительно, переговоры его съ Стамбуловымъ пришли къ слѣдующему соглашенію: Стамбуловъ настаивалъ на учрежденіи намѣстничества; князь возстанавливался на престолѣ въ зависимости отъ рѣшенія народнаго собранія; но съ цѣлью дать ему удовлетвореніе за униженіе онъ пріѣдетъ въ одинъ изъ болгарскихъ городовъ; къ нему выѣдетъ Каравеловъ съ Гешовымъ и Стамбуловымъ и, представивъ положеніе дѣлъ, заявитъ, что или князь не долженъ долѣе претендовать на престолъ, или правительство откажется отъ власти. Если князь согласится на эти доводы, то издастъ прокламацію и, назначивъ регентство, уѣдетъ. Богдановъ замѣтилъ на это Каравелову, что соглашеніе его съ Стамбуловымъ о временномъ пріѣздѣ князя, какъ удовлетвореніи его за униженіе, могло имѣть значеніе лишь настолько, насколько оно парализовало сопротивленіе Стамбулова и успокаивало иностранныхъ агентовъ, но что о такомъ пріѣздѣ не могло быть и рѣчи.

Всѣ эти извѣстія сообщались Богдановымъ телеграммами 12-го, 13-го и 14-го августа; нанихъ государь помѣтилъ: «Это просто чепуха, и видно, что всѣ въ Софіи не понимаютъ, что дѣлаютъ, и Богдановъ въ томъ числѣ». По приказанію государя, было сообщено Богданову для объявленія болгарскимъ властямъ, что въ Софію отправлялся свиты его величества генераль-майоръ князь Долгоруковъ съ особеннымъ порученіемъ изучить положеніе и способствовать совѣтами временному правительству въ видахъ какъ утвержденія порядка въ странѣ, такъ и установленія правильныхъ отношеній, которыя служили бы обезпеченіемъ противъ гибельныхъ для Болгаріи недоразумѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ Богданову указывалось, что русское правительство не могло довѣрять лицамъ, захватившимъ власть въ

Софіи, но считало необходимымъ не отнимать у нихъ надежды на возможность сближенія съ Россіей, дабы если не предупредить, то по крайней мѣрѣ отдалить съ ихъ стороны какіе бы то ни было неблагопріятные для насъ происки. Съ этой точки зрѣнія, Богданову предписывалось поддерживать сношенія съ властями, зорко наблюдая за ними, равно какъ за настроеніемъ умовъ.

Въ это время Баттенбергъ успѣлъ изъ Рени проѣхать во Львовъ и оттуда собирался возвратиться въ Болгарію, по вызову Стамбулова и его партіи, поддержанныхъ англичанами. Въ виду пріѣзда князя 17-го августа въ Руцукъ Стамбуловъ издалъ прокламацію, въ которой называлъ сверженіе князя измѣной отечеству и назначилъ регентство въ составѣ его, Стамбулова, Славейкова, Спундскаго и министровъ Радославова, Начевича, Живкова и полковника Николаева. Правительство Каравелова пало. Князь Александръ, прибывъ 17-го августа въ Руцукъ, былъ встрѣченъ Стамбуловымъ и затѣмъ, принявъ бразды правленія, проѣхалъ въ Тырново, Филиппополь и Софію, куда въѣхалъ 23-го. Въ этотъ день дипломатическій корпусъ рѣшилъ поднять флаги и отдѣльно поздравить князя. Богдановъ былъ въ крайне затруднительномъ положеніи, изъ котораго онъ не находилъ выхода своими средствами. Еще 15-го августа онъ телеграфировалъ: «Положеніе печальное; я безсиленъ дѣйствовать. Глубоко убѣжденъ, что если не буду уполномоченъ немедленно заявить, что оккупационный корпусъ садится на суда, то провозглашеніе князя неминуемо». На этой телеграммѣ государь помѣтилъ: «Вздоръ». Когда же князь уже пріѣхалъ въ Руцукъ 17-го августа, Богдановъ просилъ о разрѣшеніи ему немедленно уѣхать или объ увольненіи его отъ службы. Но, предвидя, однако, что ему предстояла встрѣча съ княземъ, онъ ходатайствовалъ объ указаніи ему, какъ поступить по возвращеніи Баттенберга въ Болгарію. Въ отвѣтъ Богданову было указано, что въ случаѣ приглашенія дипломатическаго корпуса участвовать въ торжественной встрѣчѣ князя нашему представителю слѣдовало рѣшительно уклониться отъ этого и стараться убѣдить въ томъ же агентовъ Германіи и Австріи. Этимъ запросомъ Богдановъ избѣгъ оплошности, которую совершилъ императорскій вице-консулъ въ Руцукѣ Шатихинъ, встрѣтивъ князя на пристани въ парадной формѣ вмѣстѣ съ другими иностранными представителями. Этимъ ловко воспользовался князь, чтобы упомянуть въ телеграммѣ, посланной имъ изъ Руцука государю 15-го августа, о присутствіи русскаго представителя при его встрѣчѣ, какъ доказательствѣ того, что императорское правительство не одобряло направленнаго противъ особы князя революціоннаго акта. Эта телеграмма кончалась словами: «Россія даровала мнѣ мою корону, и эту корону я готовъ вручить ея монарху».

На эту телеграмму послѣдовалъ отвѣтъ государя: «Получилъ телеграмму вашего высочества. Не могу одобрить возвращенія

вашего въ Болгарію, предвидя злополучныя послѣдствія для страны, уже подвергшейся столь тяжкимъ испытаніямъ. Миссія князя Долгорукова становится несвоевременной. Я воздержусь отъ всякаго вмѣшательства въ печальное положеніе дѣлъ, до котораго доведена Болгарія, пока вы будете тамъ оставаться. Вашему высочеству предстоитъ рѣшить, что вамъ надлежитъ дѣлать. Предоставляю себѣ судить о томъ, къ чему обязываютъ меня чтимая мною память моего родителя, интересы Россіи и миръ на Востокѣ».

Еще до пріѣзда князя въ Софію начались аресты. Толпа копныхъ и пѣшихъ солдатъ расхаживала по улицамъ города и оцѣпляла дома лицъ, подлежащихъ задержанію. Арестованъ митрополитъ Климентъ и подъ копноемъ проведенъ пѣшкомъ по улицамъ. Той же участи подверглись Каравеловъ, Цановъ, Никифоровъ и др. Войска переворота сражались съ тѣми, которыя были на сторонѣ князя. Собирались разстрѣливать безъ всякаго суда задержанныхъ главныхъ зачинщиковъ переворота: Груева, Бендерова и Дмитріева, почему Богдановъ счелъ своимъ долгомъ просить заступничества германскаго представителя въ Софіи Сальтерна, который получилъ отъ Бисмарка предписаніе посоветовать князю не прибѣгать къ казнямъ. Во многихъ мѣстностяхъ происходила рѣзня; населеніе обуяло страхъ. Люди, сочувствовавшіе низверженію князя, произведенному во имя сближенія съ Россіею, считая ее виновницею переворота, обвиняли ее въ предательствѣ, такъ какъ она допускала гибель самыхъ лучшихъ людей Болгаріи, бросивъ ихъ на произволъ мстительности князя. Они полагали, что возвращеніемъ Баттенберга задѣвалась честь русскихъ, почему вліяніе Россіи было сильно поколеблено. Между тѣмъ, сторонники князя распространяли въ народѣ, что онъ возвращался по волѣ государя; а самъ князь не думалъ отрекаться отъ престола и ожидалъ присылки Долгорукова съ цѣлью успокоенія умовъ: онъ надѣялся, опираясь на Россію, взвалить на нее отвѣтственность за всѣ репрессивныя мѣры, Богдановъ находилъ, что только немедленное энергическое вмѣшательство Россіи могло спасти нашихъ приверженцевъ и предотвратить обманъ.

22-го августа состоялся торжественный въѣздъ въ Софію; послѣ благодарственнаго молебна во дворцѣ состоялся приемъ, на который явился австрійскій представитель Буріаль; ни русскаго, ни германскаго представителей не было; остальные, за исключеніемъ французскаго, выѣзжали за городъ навстрѣчу князю. Того же 22-го августа пришла вышеприведенная телеграмма государя князю; она произвела въ Софіи потрясающее впечатлѣніе. Цѣлый день въ агентство приходили лица, желавшія списать ее. Принимая вышихъ офицеровъ, князь обратился къ нимъ съ рѣчью, прерываемою слезами и лобзаніями; онъ говорилъ, что, несмотря на измѣну немногихъ офицеровъ, большинство ихъ спасло честь арміи, съ которой онъ всегда будетъ

душою. Оставаться въ Болгаріи онъ не можетъ, такъ какъ этого не желаетъ русскій царь, почему онъ былъ вынужденъ отказаться отъ престола въ интересахъ самостоятельной Болгаріи, ибо, въ противномъ случаѣ, совершилась бы русская оккупация. Въ тотъ же день князь позвалъ Богданова къ себѣ и просилъ передать государю, что онъ рѣшился уѣхать изъ Болгаріи какъ можно скорѣе, что онъ никогда не былъ, какъ его обвиняли, врагомъ Россіи и что рано или поздно государь убѣдится въ этомъ. Возвратился онъ исключительно для того, чтобы легкость его низверженія не могла служить поощреніемъ для другихъ. Онъ намѣревается облечь свое добровольное отреченіе въ такую форму, что такъ какъ онъ служилъ единственнымъ препятствіемъ сближенію Россіи съ Болгаріей, то, сердечно любя болгарскій народъ и будучи искренно преданъ Россіи, онъ уходитъ и надѣется, что съ его уходомъ будутъ устранены всѣ печальныя недоразумѣнія, гибельно отзывавшіяся на Болгаріи. Такъ какъ возставшіе струмскіе артиллерійскіе полки сдались, то его законная власть возстановилась. Онъ желалъ бы, чтобы партія, преданная ему, получила увѣреніе въ томъ, что съ его отъѣздомъ самостоятельность народа не будетъ нарушена, точно такъ же, чтобы партія, ему противная, была убѣждена въ томъ, что Россія согласна на форму, въ которую онъ думаетъ облечь свой уходъ. Онъ полагалъ призвать вожаковъ партій и передать имъ на обсужденіе вопросъ о регентствѣ; все высказанное ими онъ постарается согласить съ намѣреніями Россіи и проситъ о сообщеніи ему отвѣта русскаго правительства по этому вопросу. ¹⁾

На слѣдующій день, 23-го августа, князь принялъ Сальдерна и сказалъ ему, что онъ вернулся лишь для того, чтобы на немъ не лежалъ позоръ изгнанія какъ собаки. Ему было необходимо уѣхать немедленно. Къ арміи онъ не питаетъ никакого довѣрія. Въ заговорѣ были замѣшаны все военное министерство, всѣ почти части войскъ и тѣ самые полковые командиры, которые вчера встрѣчали его съ энтузіазмомъ.

Въ тотъ же день къ Богданову явились Каравеловъ, Стамбуловъ, Радославовъ, Стоиловъ и Гешовъ и просили передать русскому правительству ихъ ходатайства и заявленія: 1) Они считали отреченіе князя совершившимся фактомъ. 2) Они желали знать, поддержитъ ли Россія то временное правительство, которое образуется изъ выдающихся лицъ всѣхъ партій и будетъ строго и безпристрастно охранять порядокъ. 3) Согласно ли русское правительство на избраніе князя, произведенное по существовавшей конституціи? 4) Кого Россія предложила бы въ кандидаты на болгарскій престолъ? 5) Какія намѣренія ея относительно соединенія обѣихъ Бол-

¹⁾ На донесеніи Богданова о его аудіенціи у князя государь написалъ: «Я на все согласенъ, лишь бы онъ убрался поскорѣе изъ страны».

гарій, считавшагося болгарами необходимымъ? 6) Какія предложенія она предъявляла къ Болгаріи съ тѣмъ, чтобы окончательно устранены были всѣ печальныя недоразумѣнія послѣдняго времени? 7) Они просили гарантировать выпускъ краткосрочныхъ билетовъ казначейства и ручались за сохраненіе порядка среди войскъ и народа.

Изъ разговора съ означенными лицами Богдановъ замѣтилъ ихъ опасенія подпасть подъ управленіе русскаго губернатора и желаніе получить поскорѣе своего князя.

Между тѣмъ Баттенбергъ, увѣряя, что онъ, преклоняясь передъ волею государя, покидаетъ Болгарію, задумалъ вмѣстѣ съ своими приверженцами планъ, по которому войска должны были протестовать противъ его ухода и препятствовать его отъѣзду. Стамбуловъ и Радославовъ, съ своей стороны, объѣзжая иностранныя агентства, кромѣ русскаго, заявляли, что они не выпустятъ князя, если державы не гарантируютъ независимости Болгаріи и правъ ея народа. Въ томъ же смыслѣ князь заявилъ Богданову, что войска не выпустятъ его изъ страны, боясь за ея независимость и за собственную безопасность, что можно успокоить офицеровъ, лишь поручившись имъ въ отношеніи Россіи за то и другое, и изложилъ свою просьбу въ письмѣ. Въ немъ онъ просилъ Богданова поручиться, что Россія гарантируетъ независимость и права болгарскаго народа и послѣ отъѣзда князя. Богдановъ отказался дать подобное заявленіе безъ особаго разрѣшенія и донесъ, что князь 21-го августа подписалъ указъ о созывѣ на 30-го августа обыкновеннаго народнаго собранія, изъ чего Богдановъ заключалъ, что князь оттягивалъ свой отъѣздъ до послѣдней крайности. На свое донесеніе Богдановъ получилъ соотвѣтствующія указанія изъ Петербурга. Ему велѣно было сказать князю, что государь, оставаясь вѣрнымъ своему слову, не видитъ возможности непосредственно входить въ положеніе дѣлъ въ Болгаріи, пока князь остается въ странѣ, и предпочитаетъ предоставить князю принять, въ случаѣ его отъѣзда, къ сохраненію порядка и спокойствія тѣ мѣры, которыя внушатъ ему благоразуміе и высказанное имъ участіе къ судьбѣ Болгаріи. Богданову поручалось напомнить князю, что императорское правительство всегда держалось внѣ интересовъ и распрей партій, что оно не переставало удерживать самого князя отъ партійной политики и руководствовалось исключительно лишь безкорыстнымъ желаніемъ обезпечить благоденствіе Болгаріи. Эти самыя начала будутъ и впредь руководить Россіею въ отношеніи къ болгарскому народу,

На сдѣланныя Каравеловымъ, Стамбуловымъ и др. заявленія Богданову разрѣшалось отвѣтить: «Россія готова будетъ поддерживать временное правительство, лишь бы оно являлось не представителемъ интересовъ отдѣльной политической партіи, а руковод-

ствовало общимъ благомъ страны, требовавшимъ прежде всего прекращенія внутреннихъ распрей и возстановленія спокойствія. Не считая еще своевременнымъ предлагать кандидатовъ на княжество, Россія предпочитала отложить это до того времени, когда успокоится страна и возстановится порядокъ. Россія будетъ готова содѣйствовать дѣлу соединенія, но подь условіемъ, чтобы болгары отказались достигнуть этой цѣли насильственными мѣрами, которыя могли только подвергнуть страну новымъ тяжелымъ испытаніямъ. Установленіе прежнихъ тѣсныхъ отношеній между Россіей и Болгаріей будетъ вполне зависеть отъ искренности усилій временнаго правительства заставить забыть прискорбное прошедшее; всякія новыя условія съ нашей стороны признавались безцѣльными»...

На письмо князя, полученное агентствомъ, Богданову разрѣшалось отвѣтить, что Россія, создавшая Болгарію своею кровью, не могла и думать о посягательствахъ на независимость и права болгарскаго народа. Если бы, въ случаѣ отъѣзда князя, потребовалось, съ нашей стороны, проявленіе воздѣйствія, то оно будетъ имѣть цѣлью лишь прекращеніе раздоровъ, примиреніе враждебныхъ партій и обезпеченіе общественной безопасности.

Несмотря на то, что русское агентство отказалось выдать князю просимое имъ заявленіе, онъ распустилъ слухъ, будто бы агентство поручилось ему за то, что, по его удаленіи, не будетъ ни русской оккупаци, ни военнаго министра, ни русскихъ офицеровъ. Затѣмъ въ разговорѣ съ Богдановымъ князь ему сознался, что онъ объявилъ собравшимся у него офицерамъ и вожакамъ партій, будто бы агентство гарантировало ему словесно сохраненіе самостоятельности болгарскаго народа и невмѣшательство русскихъ въ гражданское и военное управленіе. Сдѣлавъ же онъ это съ цѣлью успокоить болгаръ ввиду своего отъѣзда. Въ тотъ же день въ агентство явились Радославовъ и Тончевъ и настаивали на выдачѣ имъ письменнаго заявленія въ смыслѣ словъ князя, въ чемъ имъ было отказано. Цѣль распушенія вышеуказаннаго слуха заключалась въ томъ, чтобы представить князя защитникомъ преданныхъ ему офицеровъ и ходатаемъ за народныя права, такъ какъ князя не покидала надежда вторичнаго избранія его на болгарскій престолъ.

26-го августа князь издалъ манифестъ болгарскому народу, въ которомъ онъ объявлялъ, что покидаетъ страну съ цѣлью облегчить возстановленіе добрыхъ отношеній между Болгаріей и ся освободительницей, Россіей. Онъ удостовѣрялъ, что получилъ отъ императорскаго правительства обѣщаніе русскаго царя, что независимость, свобода и права государства останутся неприкосновенными и никто не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла. Отказываясь отъ престола, онъ являлъ передъ всѣми, насколько дороги ему были интересы его отечества, за благо котораго онъ былъ готовъ

пожертвовать всё, даже и тѣмъ, что дороже жизни. Регентами онъ назначилъ Стамбулова, Каравелова и Муткурова.

Приводя этотъ манифестъ, Богдановъ подтвердилъ, что изложенное въ немъ ручательство русскаго правительства ни имъ, ни пріѣхавшимъ въ Софію его замѣстителемъ коллежскимъ ассессоромъ Неклюдовымъ, никогда и ни въ какой формѣ выражено не было.

Того же 26-го августа, въ 4 часа дня князь, провожаемый дипломатическимъ корпусомъ, офицерами и большой толпой, выѣхалъ изъ Софіи въ Вѣну.

V.

Княжеская партія не упывала, рассчитывая заставить народное собраніе высказаться за переизбраніе князя. Эту партію составляли старшіе офицеры, опасавшіеся болѣе всего возвращенія русскихъ военныхъ; они надѣялись на то, что князь, вернувшись въ Болгарію, обезпечитъ за ними тѣ должности, которыя уже они занимали. Съ ними князь стоворился о мѣрахъ для своего переизбранія. Задомо съ офицерами дѣйствовали люди, которымъ по тѣмъ же причинамъ было выгодно возвращеніе Баттенберга; они проводили мысль, что князь служить залогомъ противъ русскихъ посягательствъ. Чтобъ всецѣло подчинить себя правительству, собраніе и населеніе, партія князя намѣревалась продолжить, елико возможно, военное положеніе и держать войска сосредоточенными въ Софіи. На противниковъ сторонники князя собирались дѣйствовать терроромъ; съ этой цѣлью были привезены въ столицу усиленныя шайки палочниковъ. Офицеры, замѣшанные въ переворотъ, подлежали безошадному преслѣдованію; послѣднимъ указомъ князя велѣно расформировать Струмскій и первый артиллерійскій полки и военное училище, а ихъ знамена уничтожить.

Въ составъ министерства вошли Радославовъ, какъ предсѣдатель совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ, Начевичъ—иностранныхъ дѣлъ, Николаевъ—военный, затѣмъ Стоиловъ, Ванчевъ и Гешовъ. Составъ регентства и министровъ произвелъ удручающее впечатлѣніе на всѣхъ благонамѣренныхъ; не менѣе тревоги вызвало созданное на 30-е августа незаконное народное собраніе, выборы на которое были произведены въ маѣ путемъ террора, подъ давлениемъ Каравелова и Стамбулова.

Въ день тезоименитства императора Александра III, 30-го августа, митрополитъ Климентъ отслужилъ торжественный молебенъ въ присутствіи регентовъ, всѣхъ министровъ и многолюдной толпы; затѣмъ правительство въ полномъ составѣ посѣтило агентство; отъ имени регентовъ Стамбуловъ выразилъ въ своей рѣчи чувство преданности болгарскаго правительства государю и надежду на

то, что онъ не лишитъ Болгарію своего благоволенія и покровительства.

По открытіи народнаго собранія была составлена отъ его имени привѣтственная телеграмма государю, отправленная агентствомъ. Въ ней выражались представителями Болгаріи чувства глубокой любви и преданности къ русскому императору. Они были увѣрены въ томъ, что послѣ всего случившагося въ послѣднее время въ Болгаріи натянутость отношеній между императоромъ и болгарскимъ правительствомъ исчезнетъ и что государь возьметъ, какъ и прежде, подъ свою защиту болгарскій народъ и его народное дѣло по объединенію болгарскихъ земель, ихъ самобытность и самостоятельность. Одновременно агентство получило извѣщеніе о томъ, что государь императоръ повелѣлъ отправить въ Софію генерал-майора барона Каульбарса, въ качествѣ временно управляющаго дипломатическимъ агентствомъ. Ему было поручено держаться внѣ партійныхъ интересовъ и раздоровъ и стараться сплотить враждебныя другъ другу партіи, чтобъ направить ихъ усилія къ восстановленію въ странѣ порядка и спокойствія. Отъ результатовъ этой послѣдней попытки образумить ослѣпленныхъ вожаконъ болгарскихъ партій и оказать народу содѣйствіе къ выходу изъ критическаго положенія должны были зависѣть наши будущія отношенія къ болгарамъ; но во всякомъ случаѣ императорское правительство ни подъ какимъ видомъ не изъявляло согласія на возвращеніе въ Болгарію князя Александра или же на избраніе кого-либо изъ его братьевъ, такъ какъ подобный оборотъ дѣла былъ бы предвѣстникомъ новыхъ осложненій на Балканскомъ полуостровѣ.

Между тѣмъ отвѣтъ народнаго собранія на тронную рѣчь регентства былъ составленъ въ выраженіяхъ, неблагопріятныхъ Россіи. Въ немъ порицался въ самыхъ рѣзкихъ формахъ переворотъ, требовалось примѣрное наказаніе виновныхъ, говорилось о великомъ патріотизмѣ и самопожертвованіи бывшаго князя, выказанныхъ его отреченіемъ.

Собраніе разошлось 5-го сентября. На официальномъ банкетѣ депутатовъ Стамбуловъ произнесъ рѣчь, въ которой осуждалъ въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ политику государя, предостерегалъ болгаръ отъ непрошенныхъ благодѣтелей и увѣрялъ депутатовъ въ полной поддержкѣ западныхъ державъ.

Низверженіе принца Баттенберга не принесло успокоенія Болгаріи и не улучшило ея отношеній къ Россіи. Мы въ немъ никакого участія не принимали и не вѣрили въ успѣшный исходъ заговора, о которомъ предупреждалъ министерство первый секретарь, управлявшій русскимъ агентствомъ въ Софіи. Министръ Н. К. Гирсъ, находившійся въ Франценсбадѣ, 5-го (17) августа телеграфировалъ своему товарищу Влангали, что сообщенія Богданова о заговорѣ

ему казались очень подозрительными, а государь на телеграммѣ Богданова отъ 9-го августа о сверженіи князя помѣтилъ: «Комедія это или нѣтъ? Вотъ вопросъ». На донесеніе Богданова о готовящемся движеніи онъ получилъ наставленіе, что бы ни случилось, держаться въ сторонѣ и на каждый случай спрашивать указанія министерства; оно разсчитывало распорядиться за тридевять земель событіями, которыя смѣнялись съ часу на часъ.

По соглашенію, заключенному съ Россіей въ Берлинѣ 15-го (27) марта 1884 года, Австрія и Германія обѣщались, между прочимъ, признавать законность преобладающаго и рѣшающаго вліянія Россіи въ Болгаріи и Восточной Румеліи. Всѣ три державы уговорились не допускать никакого измѣненія въ территориальномъ *statu quo* Балканскаго полуострова безъ предварительнаго соглашенія между собою и противодѣйствовать всякой попыткѣ нарушить это *status quo* или измѣнить его помимо ихъ согласія, почему императорское правительство обратилось къ Австріи и Германіи съ просьбой оказать нашимъ агентамъ въ Болгаріи и Восточной Румеліи ихъ содѣйствіе съ цѣлью предупредить внутреннюю смуту въ этихъ странахъ и устранить осложненія, могущія возникнуть на всемъ Балканскомъ полуостровѣ.

Въ это время наши послы, графъ Шуваловъ и князь Лобановъ-Ростовскій, отсутствовали изъ Берлина и Вѣны.

Нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Берлинѣ, графъ Муравьевъ, свидѣлся съ княземъ Бисмаркомъ, лишь Баттенбергъ вернулся въ Болгарію. Онъ сказалъ Муравьеву, что вся эпопея болгарскаго князя была результатомъ увлеченія старухи, сумѣвшей накопить достаточно денегъ, чтобъ оказать услугу своему любимцу. Англійская королева откладывала ежегодно со времени своего вступленія на престолъ по 100 т. фунтовъ. Эти деньги она очень умѣло тратила на принца Баттенберга, подкупая въ пользу его самыя вліятельныя газеты, какъ-то: «Кельнскую» и «Гамбургскія Извѣстія». Англійское правительство сочувствовало образу дѣйствій королевы, пользуясь имъ, какъ средствомъ для разстройства соглашенія трехъ императоровъ въ виду того, что Баттенбергъ былъ полякъ по матери ¹⁾. Равнымъ образомъ и Австрія смотрѣла на него, какъ на поляка, она поддерживала принца, надѣясь на него въ случаѣ столкновенія съ Россіей. Бисмаркъ удивлялся тому, что мы изъ великодушія выпустили принца, когда онъ появился въ Рени.

Въ Вѣнѣ графъ Кальноки передалъ нашему повѣренному въ дѣлахъ, князю Кантакузену, что императоръ Францъ-Иосифъ, находя съ монархической точки зрѣнія сверженіе принца Баттен-

¹⁾ Мать его—графиня Гауке, братъ которой, подъ именемъ Босака, предводительствовалъ шайками мятежниковъ во время возстанія 1863 года.

берга опаснымъ прецедентомъ, затруднялся признать болгарское временное правительство.

Изъ вышеизложеннаго видно, что князь Александръ имѣлъ основаніе рассчитывать на поддержку нѣкоторыхъ державъ при своемъ возвращеніи въ Болгарію, на которое императоръ Александръ III не могъ согласиться.

Съ большимъ трудомъ Неклюдову удалось добиться отерочки суда надъ офицерами, участвовавшими въ переворотѣ, Груевымъ и Бендеревымъ, до пріѣзда генерала Каульбарса. Знамя Струмскаго полка было сожжено вмѣстѣ съ георгиевской лентой.

Баронъ Каульбарсъ, по пріѣздѣ своемъ въ Софію 13-го (25) сентября, получилъ въ видѣ инструкціи слѣдующія указанія: 1) на регентство мы могли смотрѣть лишь какъ на фактическое правительство, а не какъ на законное. 2) Необходимо было помѣшать суду надъ офицерами, участвовавшими въ переворотѣ, такъ какъ при существовавшемъ возбужденіи страстей нельзя было рассчитывать на безпристрастіе при обсужденіи дѣла. 3) Избраніе въ созванное великое народное собраніе, пока страна находилась на военномъ положеніи, незаконно, а потому рѣшенія такого собранія не могли считаться имѣвшими законную силу. 4) При существовавшемъ возбужденномъ состояніи мы не могли предлагать кандидатовъ на княжество, но никогда не согласились бы на переизбраніе князя Александра или же на избраніе кого-либо изъ его братьевъ.

На пути въ Софію баронъ Каульбарсъ узналъ изъ газетъ, что мы противились суду надъ зачинщиками переворота, и телеграфировалъ изъ Орсова о своихъ опасеніяхъ, что мы потеряемъ свой авторитетъ, если будемъ сопротивляться этому вполне законному требованію болгаръ.

Было вполне естественно, что русское правительство принимало мѣры къ спасенію отъ смертнаго приговора офицеровъ-болгаръ, причастныхъ къ заговору и бывшихъ на русской службѣ, но, съ другой стороны, правительство княжеское имѣло полное основаніе привлекать возмущившихся офицеровъ болгарской службы къ отвѣтственности. Требованіе Россіи сталкивалось съ правами конституціоннаго государства, которыя болгарское правительство ревниво охраняло. Изъ этого одного примѣра ясно, насколько исполненіе, во всей совокупности задачи, возложенной на барона Каульбарса, было затруднительно и требовало особаго искусства и такта.

Каульбарсу по пріѣздѣ было велѣно передать болгарамъ отвѣтъ государя на привѣтственную телеграмму народнаго собранія. Въ немъ государь выражалъ надежду на то, что какъ болгарскій народъ, такъ и правительство докажутъ на дѣлѣ искренность выраженныхъ ими чувствъ преданности, воздержатся въ будущемъ отъ дѣйствій и заявленій несогласныхъ съ хорошо извѣстнымъ болгарамъ взглядомъ его величества на полсженіе страны и постараются прекра-

тить партійные раздоры. Назначенному для завѣдыванія агентствомъ въ Софіи генералу барону Каульбарсу поручено служить посредникомъ при передачѣ болгарамъ всемилостивѣйшихъ указаній въ видахъ обезпеченія странѣ счастливой будущности и возстановленія прежнихъ отношеній между Россіей и княжествомъ. Въ случаѣ готовности болгаръ сообразоваться съ означенными указаніями государь не откажетъ, съ своей стороны, позаботиться о преуспѣяніи ихъ народныхъ интересовъ. Еще до пріѣзда Каульбарса былъ обнародованъ указъ о назначеніи выборовъ въ великое народное собраніе на 28-го сентября. Каульбарсъ получилъ настоятельное требованіе министра Гирса склонить болгаръ къ тому, чтобы эти выборы были отложены, такъ какъ при существованіи въ странѣ военнаго положенія обнародованіе указа о выборахъ было незаконно и рѣшенія такого собранія не будутъ имѣть значенія въ нашихъ глазахъ.

Въ виду этихъ указаній баронъ Каульбарсъ обратился къ болгарскому правительству съ нотой, въ которой, сославшись на доводы русскаго министра, совѣтовалъ болгарамъ: 1) отложить выборы на возможно болѣе отдаленный срокъ; 2) чтобы вывести страну изъ того возбужденнаго состоянія, въ которомъ она находилась и чтобы дать возможность выборамъ произойти безъ принужденія и въ болѣе нормальныхъ условіяхъ, немедленно снять военное положеніе и освободить въ то же время изъ-подъ стражи всѣхъ заключенныхъ по случаю событій 9-го августа. Приводя содержаніе этой ноты въ своемъ донесеніи, Каульбарсъ указалъ на то, что въ ней онъ совѣтовалъ, а не требовалъ; но на словахъ онъ продолжалъ убѣждать министровъ согласиться и считалъ необходимымъ въ этомъ не уступить.

Означенную ноту Каульбарса болгарское министерство разослало всѣмъ иностраннымъ представителямъ въ Софіи, заявивъ, что оно готово снять военное положеніе, но не могло исполнить двухъ другихъ предложеній, такъ какъ, удовлетворяя ихъ, оно бы нарушило конституцію. Въ виду этой ноты Каульбарса и возраженій болгарскаго министерства, англійскій посоль въ Петербургѣ заявилъ Н. К. Гирсу, что англійское правительство признавало мнѣніе болгарскихъ министровъ совершенно основательнымъ. Графъ Кальноки, узнавъ о требованіяхъ Россіи, объяснилъ князю Лобанову, что онъ воздержится отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Болгаріи. Такого рѣшенія полагалъ держаться и берлинскій кабинетъ.

Въ первыхъ своихъ донесеніяхъ Каульбарсъ сообщалъ, что успокоительный, сговорчивый образъ дѣйствій, рядомъ съ твердостью нашихъ требованій, начиналъ приносить плоды. Указъ о снятіи военнаго положенія былъ подписанъ. Правительство ежедневно засѣдало, изыскивая средства, чтобы выпустить офицеровъ и отложить выборы. Послѣднее условіе для министровъ было самое трудное,

ибо переизбраніе Баттенберга было организовано самымъ тщательнымъ образомъ. Отлагая выборы, они боялись быть непослѣдовательными въ глазахъ своихъ партій и потерять значеніе. Вся баттенберговская агитація тотчасъ бы прекратилась, если бы нами былъ названъ кандидатъ. Каульбарсъ, предполагая объѣхать Болгарію и Румелію, испрашивалъ на то разрѣшеніе, полагая, что его внезапное появленіе въ провинціи и прямое обращеніе къ народу успокоили бы умы и предупредили бы всякія затрудненія.

Но надежда Каульбарса на уступчивость болгарскихъ правителей исчезла черезъ нѣсколько дней; прямое вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла страны задѣло самолюбіе правителей и грозило паденіемъ ихъ честолюбивыхъ замысловъ. Представители иностранныхъ державъ поощряли сопротивленіе министровъ русскихъ требованіямъ. Такъ какъ правительство продолжало слѣдовать внушеніямъ, враждебнымъ Россіи, Каульбарсу было разрѣшено лично объѣхать Болгарію и выражалась надежда на то, что непосредственное его соприкосновеніе съ населеніемъ не останется безъ вліянія на расположеніе умовъ. Эта поѣздка, однако, совершенная въ разгаръ избирательной агитаціи, имѣла самыя пагубныя послѣдствія для русскихъ интересовъ. Генераль появлялся на митингахъ, вмѣшивался въ выборы, чѣмъ окончательно раздражилъ болгаръ и вызвалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлый рядъ дѣйствій со стороны толпы, враждебно настроенной, явно оскорбительныхъ для русскаго достоинства. Хотя въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ въ Плевнѣ и Систовѣ, населеніе встрѣтило Каульбарса съ привѣтствіями, умоляя о защитѣ противъ угнетенія правительства и видя во временной русской оккупациі единственную мѣру спасенія, но въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Руцукѣ и Шумлѣ, его приняли враждебно. Отъ поѣздки въ Тырново и въ Румелію онъ отъказался.

Насилія надъ русскими подданными, находившимися въ Болгаріи, нападеніе на зданіе дипломатическаго агентства въ Софіи и вызывающій образъ дѣйствій правившей партіи по отношенію къ русскому вице-консульству въ Варнѣ побудили русское правительство, по представленію Каульбарса, къ отправкѣ крейсеровъ «Забіяка» и «Память Меркурія» въ Варну. Эта демонстрація должна была служить только угрозою на случай болѣе серьезныхъ осложненій. Вслѣдствіе настоянія Россіи офицеры, заключенные подъ стражу по обвиненію въ совершеніи переворота 9-го августа, были освобождены. Созванное, вопреки нашимъ протестамъ, великое народное собраніе избрало 27-го октября княземъ Болгаріи датскаго принца Вальдемара, а по отказѣ его принять предложеніе собраніе разошлось, подтвердивъ полномочія регентства.

Видя бесплодность своихъ усилій привести болгарскихъ правителей къ соглашенію съ нами, Каульбарсъ предложилъ временно

занять Варну и объявить, что мы тамъ остаемся до тѣхъ поръ, пока не составится министерство изъ лицъ, которымъ мы могли бы довѣрять, и до полного водворенія порядка въ странѣ. Онъ опасался, что надъ нами болгары станутъ открыто глумиться, если бы мы продолжали писать только однѣ строгія ноты, не принимая мѣръ къ ихъ поддержанію. Но въ отвѣтъ ему было сообщено, что занятіе Варны, хотя бы и временное, но безъ предварительнаго соглашенія съ державами, повлекло бы за собою большія осложненія, а возможность такого соглашенія была сомнительна ¹⁾.

Это положеніе Россіи сознавали болгарскіе правители, почему они не обращали вниманія на все жалобы Каульбарса, рассчитывая на его отозваніе. Избѣненіе каваса генеральнаго консульства въ Филиппополь толпой солдатъ и людей разнаго сброда, оставшееся безъ удовлетворенія, послужило предлогомъ къ выѣзду Каульбарса, съ разрѣшенія императорскаго правительства, со всеми русскими агентами Болгаріи и Восточной Румелии. Ему было велѣно передъ отъѣздомъ передать болгарскому правительству слѣдующую декларацию: «Государю императору угодно было прислать меня въ Болгарію съ порученіемъ заявить всему болгарскому народу чувства искренняго доброжелательства его величества. Я передалъ болгарскимъ правителямъ какъ выраженія этихъ чувствъ, такъ и благонамѣренные совѣты, которые, по мнѣнію императорскаго правительства, должны были способствовать выходу страны изъ ея затруднительнаго положенія. Ни одинъ изъ означенныхъ совѣтовъ не былъ выполненъ въ той мѣрѣ, въ какой Россія считала себя въ правѣ ожидать. При этомъ агентамъ императорскаго правительства пришлось быть свидѣтелями дерзкихъ покушеній противъ русскихъ подданныхъ и лицъ, имѣющихъ право на покровительство Россіи, къ каковымъ покушеніямъ болгарскіе правители продолжаютъ относиться съ полнымъ невниманіемъ. Наконецъ, созваніе великаго народнаго собранія для выбора новаго князя не только безъ предварительнаго соглашенія съ представителемъ Россіи, но даже послѣ того, какъ со стороны его было открыто заявлено о несвоевременности такого шага, послужило несомнѣннымъ доказательствомъ твердой рѣшимости регентства итти въ разрѣзъ съ мнѣніемъ императорскаго правительства. Признавая бесполезнымъ ввиду вышеизложеннаго мое дальнѣйшее пребываніе въ Болгаріи, я объявляю, что нынѣшніе правители страны окончательно утратили довѣріе Россіи и что императорское правительство находитъ невозможнымъ

¹⁾ Въ 1886 г. между Англійей и Россіей отношенія были натянуты, между прочимъ, изъ-за того, что императоръ Александръ III лишилъ на будущее время городъ Батумъ преимуществъ порто-франко, каковымъ онъ былъ признанъ по Берлинскому договору.

поддерживать сношенія съ болгарскимъ правительствомъ въ настоящемъ его составѣ».

8-го ноября 1886 года генераль баронъ Каульбарсъ выѣхалъ изъ Софіи въ Россію, предписавъ всеѣмъ нашимъ консуламъ послѣдовать его примѣру.

Такимъ образомъ тридцать лѣтъ тому назадъ порвалась связь между Россіей и Болгаріей къ великой радости иностранныхъ державъ и къ торжеству болгарскихъ правителей. Болгарскій народъ въ безсиліи молчалъ.

С. Горяиновъ.

ОТСТУПЛЕНИЕ СЕРБСКОЙ АРМИИ ЧЕРЕЗЪ АЛБАНИЮ.

(Изъ личныхъ впечатлѣній и переживаній).

I.

ГОВОРИЯ объ отступленіи сербской арміи черезъ Албанию, нельзя не указать, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, на нѣкоторыя обстоятельства, которыя непосредственно предшествовали вторженію австрійцевъ, нѣмцевъ и болгаръ въ Сербію. Имѣя передъ глазами эти обстоятельства, легче будетъ представить себѣ, съ одной стороны, общее нравственное состояніе сербскаго народа и войска, а съ другой—станутъ понятнѣе и многія явленія, которыя наблюдались во время самаго отступленія.

Въ 1912 и 1913 гг., какъ извѣстно, Сербія выдержала три войны: балканскую, сербско-болгарскую и албанское возстаніе.

Австрія, объявляя войну Сербіи, рассчитывала, что Сербія достаточно ослаблена, чтобы съ ней можно было легко покончить. И вотъ въ 1914 году Австрія предпринимаетъ одно за другимъ три нашествія на Сербію, объявляя, что она шлетъ карательную экспедицію въ отомщеніе за сараевское убійство. Враги хоронили Сербію и надъ ея могилой ставили крестъ. Но Богъ хотѣлъ, чтобы правда восторжествовала. Сербія увѣнчалась славой, а Австрія покрылась срамомъ.

Блестящія побѣды сербовъ имѣли громадное значеніе: во-первыхъ, онѣ удержали въ рукахъ союзниковъ дорогу: Бѣлградъ—Нишъ—Софія—Царьградъ, которую стремились имѣть въ ру-

какъ нѣмцы для сообщенія съ Болгаріей и Турціей; во-вторыхъ, дорогу: Салоники—Нишъ—Радевацъ—Дунай, имѣвшую значеніе для сообщенія Россіи съ Западной Европой, и, въ-третьихъ, Сербія привлекла на себя около милліона непріятельскихъ штыковъ, что признаетъ и австрійскій генеральный штабъ. Побѣда сербовъ надъ австрійцами дала возможность и Сербіи и союзникамъ вздохнуть свободнѣе и обезпечила со 2-го декабря 1914 года, когда король Петръ во главѣ своего войска вошелъ въ освобожденный Бѣлградъ, вплоть до сентября 1915 года періодъ затишья на сербскомъ фронтѣ. Побѣды сербовъ, наконецъ, произвели огромный подъемъ духа у южныхъ славянъ, мечтавшихъ объ объединеніи съ сербами въ одно сильное славянское государство.

Но Сербія не могла ни минуты отдохнуть на лаврахъ побѣдъ: пришлось оглянуться на послѣдствія блестящей, но неравной борьбы: не были ли это Пирровы побѣды? Пришлось лечить открытыя, глубокія и зіяющія раны послѣ троекратнаго нападенія сильнаго противника; нужно было пополнить огромные матеріальные дефекты въ составѣ войскъ и ихъ снабженіи, а равнымъ образомъ и пойти навстрѣчу нуждамъ народа, лишеннаго въ значительной степени, въ мѣстахъ вражескаго вторженія, хлѣба и крова.

При такомъ положеніи вещей Сербія употребила все усилія, чтобы пополнить пробѣлы въ соотвѣтственныхъ отрасляхъ для встрѣчи новаго нашествія австро-германцевъ, которымъ они явно грозили Сербіи, указывая даже время нападенія.

Сербія не могла сама выставить достаточнаго количества войскъ для защиты восточныхъ границъ, а между тѣмъ пришлось принять борьбу съ соединенными австро-германскими силами, предварительно отвергнувъ предложеніе со стороны Германіи, что она оставитъ Сербію въ покоѣ и дастъ ей впослѣдствіи Боснію и Герцеговину, если только Сербія предоставитъ ей свободный провозъ военныхъ транспортовъ по дорогѣ Бѣлградъ—Нишъ—Софія—Константинополь.

Четырнадцать германскихъ дивизій, подъ командой Макензена, и четыре австрійскія дивизіи — вотъ тѣ силы, которыя въ сентябрѣ кинулись на Сербію при полной военно-технической подготовкѣ.

II.

Въ началѣ нападенія австро-германцевъ сербы держались мужественно, дорогою цѣной уступая каждый шагъ родной земли. Нашимъ войскамъ, расположеннымъ вдоль болгарской границы, былъ данъ приказъ: всякое проявленіе враждебныхъ отношеній къ болгарамъ будетъ караться смертной казнью.

Болгары между тѣмъ двинулись нѣсколькими колоннами противъ старыхъ нашихъ границъ, въ направленіи Зайчара, Княжевца

и Пирота, а въ Новой области по дорогамъ, ведущимъ къ Враньѣ, Скоплью и Велесу. У сербовъ было около 20.000 солдатъ на восточномъ фронтѣ отъ Пирота до Гевгели (греческой границы), причемъ три четверти этихъ солдатъ было набрано въ Новой области и они были почти безъ всякой военной подготовки, а многое недоставало и въ отношеніи вооруженія: противъ болгаръ мы, за небольшимъ исключеніемъ, не имѣли даже скорострѣльной артиллеріи, а пользовались старыми пушками системы Дебанжа.

Все, что мы имѣли, было брошено на сѣверный фронтъ противъ соединенныхъ австро-нѣмецкихъ войскъ. При такихъ обстоятельствахъ болгарамъ не трудно было, хотя наши войска и оказывали упорное сопротивленіе, добраться до нашей главной желѣзнодорожной артеріи,—сначала около Вранья, а затѣмъ у Велеса и Скопльа. Въ первыхъ числахъ октября 1915 года началась эвакуація Скопльа—сперва по направленію къ Салоникамъ, а затѣмъ, когда болгары подошли къ Велесу, по направленію Коссова поля, по желѣзной дорогѣ Скоплье—Митровица.

Скоплье представлялъ центръ политической и административной жизни Новой области Сербіи. Поэтому вопросъ объ его эвакуаціи являлся чрезвычайно сложнымъ, а затрудненія возрастали, съ одной стороны, вслѣдствіе недостатка вагоновъ и транспортныхъ средствъ, съ другой—вслѣдствіе быстроты, съ которой нужно было совершать эвакуацію.

Въ Скопльѣ не было войскъ, кромѣ жаңдармеріи и воспитанниковъ подъ-офицерской школы; эти части и были употреблены на всевозможныя службы въ городѣ, какъ-то: на станціи желѣзной дороги, для охраны складовъ военныхъ запасовъ, общей безопасности и проч.

Нужно сказать, что жители Скопльа въ эти критическіе моменты, относились къ сербскимъ военнымъ и гражданскимъ властямъ довольно дружелюбно: не произошло съ ихъ стороны ни беспорядковъ, ни непосредственныхъ враждебныхъ проявленій. Напротивъ, всѣ старались помочь военнымъ и гражданскимъ властямъ въ дѣлѣ эвакуаціи и снабженіи войскъ припасами.

Провожая уѣзжающихъ, скопльяны повторяли пожеланія «до скорого свиданія». Такое поведеніе скопльянцевъ являлось для насъ тѣмъ утѣшительнѣе, что въ городѣ дѣйствительно было много лицъ, принадлежавшихъ къ болгарскимъ организаціямъ еще изъ времени общей болгарской пропаганды въ Македоніи, а съ другой стороны, дало поводъ многимъ семействамъ офицеровъ, чиновниковъ и гражданъ—остаться въ Скопльѣ.

Въ Скопльѣ находилось около 1.500 раненыхъ и больныхъ воиновъ. Такъ какъ желѣзная дорога Скоплье—Митровица была занята перевозкою боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ для войскъ, то многимъ изъ больныхъ и раненыхъ пришлось уходить пѣшкомъ,

а около четырехсотъ солдатъ съ тяжелыми поврежденіями и различными болѣзнями пришлось оставить въ Скопльѣ. Въ этихъ трудныхъ условіяхъ санитарной службы неоцѣнимыя услуги оказала намъ англійская миссія, во главѣ которой стояла лэди Пэдджетъ, супруга бывшаго англійскаго посланника въ Сербіи. Эта энергичная и храбрая женщина рѣшилась остаться въ Скопльѣ и принять на себя всѣ заботы о раненыхъ и больныхъ воинахъ, хотя ей представлялась полная возможность заблаговременно уѣхать въ Салоники или въ Приштину. Мало того, лэди Пэдджетъ приложила всѣ старанія, чтобы отступающія войска могли за-

Приштина, главный городъ области Коссова поля.

пастьсь достаточнымъ количествомъ санитарнаго матеріала и лекарствъ. Доставляя этотъ матеріалъ на станцію желѣзной дороги на своихъ автомобиляхъ, она собственными руками бросала въ вагоны все, что представлялось необходимымъ имѣть въ запасѣ. 9-го октября когда уходилъ послѣдній поѣздъ изъ Скопльи и когда лэди Пэдджетъ должна была уже подъ шрапнельнымъ огнемъ возвращаться въ больницу, находящуюся въ противоположной отъ Скопльи сторонѣ города, я обратилъ ея вниманіе, что она остается въ Скопльѣ единственнымъ хранителемъ и защитникомъ сербскихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ.

Благородная и гуманная женщина приняла это какъ священный долгъ, который она за все время пребыванія въ Скопльѣ исполняла съ такой настойчивостью и энергіей, что заботы ея даже импонировали болгарамъ, дышавшимъ глубокой ненавистью къ сербамъ.

Впослѣдствіи, когда миссія лэди Пэдджетъ возвращалась въ

Англию, я узналъ, что въ больницахъ въ Скопльѣ, послѣ отступленія нашихъ войскъ было 1.300 раненыхъ болгаръ и 960 раненыхъ сербовъ, въ числѣ которыхъ нужно считать и 400 оставленныхъ при эвакуаціи Скопльа. Эти цифры показываютъ, сколькихъ жертвъ стоило болгарамъ взятіе Скопльа.

Послѣ упорнаго сопротивленія съ нашей стороны Скоплье пало 9-го октября, а войска наши отступили къ ущелью Качаникъ и Коссову полю.

Болгары преслѣдовали насъ по пятамъ. Южно-восточную часть Коссова поля, на линіи Качаникъ—Гилянъ, нужно было удержать въ нашихъ рукахъ во что бы то ни стало, потому что, въ противномъ случаѣ, болгары вошли бы въ Коссово поле и, занявъ желѣзную дорогу Качаникъ—Митровица, предупредили бы, съ одной стороны, эвакуацію и наше отступление въ направленіи Призрѣна и Албаніи, а съ другой—очутилась бы въ тылу сѣверныхъ армій, которыя дѣйствовали противъ нѣмцевъ, наступавшихъ также по направленію къ Коссову полю, гдѣ рассчитывали добиться капитуляціи сербскихъ армій.

Задача задержать болгаръ на юго-востокѣ Коссова поля и, если возможно, пробиться на югъ Сербіи, гдѣ находилась французская армія, выпала на долю генерала Бойовича, который принялъ командованіе наканунѣ паденія Скопльа отъ генерала Дам. Поповича. Задача была и трудная и отвѣтственная, но, благодаря энергіи, боевому искусству и незначительной помощи, посланной съ сѣвернаго фронта, генераль Бойовичъ успѣлъ задержать и приковать болгаръ къ ущелью Качаникъ и къ ряду горъ, опоясывающихъ юго-восточную часть Коссова поля со стороны Гиляна. Послѣ этого въ половинѣ октября 1915 года положеніе представлялось въ слѣдующемъ видѣ: на сѣверѣ Коссова поля со стороны старыхъ границъ Сербіи мы были опоясаны желѣзнымъ нѣмецкимъ полукругомъ, а съ востока и юга болгарами; у противниковъ былъ общій планъ и общая цѣль: бросить сербскія арміи на Коссово поле, которое неминуемо должно было сдѣлаться ихъ могилой. Въ желѣзномъ кольцѣ кругомъ нашихъ войскъ оставалось свободное отверстіе только на западѣ Коссова въ направленіи Албанскихъ горъ. На Коссовомъ полѣ сосредоточилось все, что могло быть удалено изъ старыхъ и новыхъ границъ Сербіи: всѣ дороги съ сѣвера, востока и юга заняты были бѣженцами, военными транспортомъ и эвакуированнымъ имуществомъ городовъ и государства, все тянулось къ Коссову полю, какъ къ послѣднему убѣжищу, хотя никто не отдавалъ себѣ отчета, что дальше будетъ...

III.

Борьба на сѣверѣ, востокѣ и югѣ Коссова поля велась съ нашей стороны на жизнь и смерть. Въ теченіе второй половины октября и первой половины ноября наши войска съ неимовѣрными усиліями постепенно задерживали стягиваніе желѣзнаго кольца, и лишь когда исчезъ послѣдній лучъ надежды на чью-либо помощь, послѣдовалъ приказъ нашей верховной команды объ отступленіи на западъ—въ направленіи Албанскихъ горъ.

Въ теченіе указаннаго времени штабъ арміи Новой области, во главѣ съ генераломъ Бойовичемъ, находился на станціи желѣзной дороги Феризовичъ, откуда шла шоссеиная дорога въ Призрѣнъ, а затѣмъ перемѣстился на слѣдующую станцію Липлянь, и, наконецъ, перешелъ въ Грачаницу, церковь въ восточной части Коссова поля.

Въ Феризовичѣ и въ Липлянь штабъ помѣщался въ вагонахъ желѣзной дороги, а отъ этихъ станцій вели дороги къ Призрѣну и вообще къ Албаніи. Этой-то дорогой на Призрѣнъ и началось въ концѣ октября и началѣ ноября знаменитое сербское отступление, безпримѣрное въ исторіи народовъ и войнъ.

Кто принадлежалъ къ составу штаба южной арміи, тотъ имѣлъ возможность наблюдать, какъ въ кинематографѣ, весь процессъ этого отступления и самыя разнообразныя его картины. Дорога отъ Липляна къ Призрѣну была завалена автомобилями, лошадьми, мулами, ослиами, повозками, военными и частными; этой дорогой слѣдовали: члены правительства, бывшіе министры, депутаты, штабъ верховной команды, дипломатическій корпусъ, бѣженцы, иностранныя миссіи врачей, санитарныя учрежденія и, наконецъ, самъ король Петръ I.

Совершалось не бѣгство, но какое-то рѣшительное и холодное переселеніе въ Албанію, какъ будто бы въ этой дикой странѣ ждали насъ съ распростертыми объятіями. Во всякомъ случаѣ, для большинства Албанія казалась лучше, заманчивѣе, чѣмъ позорная сдача непріятелю.

Престолонаслѣдникъ Александръ проѣхалъ тою же дорогою. Онъ, впрочемъ, часто пріѣзжалъ до послѣдняго момента въ штабъ арміи генерала Бойовича, чтобы освѣдомиться о положеніи дѣлъ на фронтѣ; при этомъ онъ никогда не пропускалъ случая справиться о числѣ раненыхъ, больныхъ и о снабженіи войскъ припасами.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, между прочимъ, онъ спросилъ меня:

— А гдѣ теперь вашъ братъ, майоръ докторъ Р. Жераичъ?

— Въ Приштинѣ, въ больницѣ, какъ хирургъ, ваше высочество; туда онъ перешелъ изъ Ниша.

— Передайте ему мой поклонъ,—сказалъ престолонаслѣдникъ ласково.

Я упоминаю этотъ случай потому, что доктора Ристо Жеранча хорошо знали многіе петроградцы, а, во-вторыхъ, и потому, что о немъ придется еще упоминать въ дальнѣйшемъ изложеніи нашего отступленія черезъ Албанію.

Менѣ всего слѣшилъ оставить поле Коссово старый король Петръ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ короля 3-го ноября въ церкви Грачаницѣ, куда переѣхалъ изъ Липляна штабъ генерала Бойовича.

Маститый, сѣдой монархъ вошелъ во дворъ церкви такой поступью, что прямо видно было, что его желѣзная воля противостоитъ и старости, и болѣзни, и несчастію родной страны. Онъ вошелъ въ церковь Грачаницу, въ которой царь Лазарь въ 1389 году пріобщалъ святыхъ тайнъ войско передъ роковою битвою съ турками. Въ этотъ моментъ предъ глазами окружающихъ невольно возстали образы давняго и грознаго прошлаго и невольно навязывались сравненія и удивительное сходство печальнаго былого съ настоящимъ...

Король помолился Богу и, затѣмъ, сопровождаемый генераломъ Бойовичемъ, поѣхалъ на Гилянскія позиціи, гдѣ наши рѣдкія цѣпи солдатъ дѣлали послѣднія отчаянныя усилія задержать болгаръ. Король желалъ лично показаться солдатамъ и офицерамъ. Появленіе короля среди сражающихся имѣло огромное значеніе.

Король возвратился въ Приштину, главный городъ на Коссовомъ полѣ.

IV.

На другой день болгары напали значительными силами. Постепенно они заняли Гилянъ и приблизились къ Грачаницѣ и Приштинѣ. Болгары хотѣли во что бы то ни стало занять Приштину раньше, чѣмъ австро-нѣмцы, которые стояли верстахъ въ тридцати къ сѣверу отъ этого города. Было уже очевидно, что наши удержаться не смогутъ. Поэтому послѣдовалъ приказъ верховнаго командованія—отступать по направленію Призрѣна, Дяковицы и Печи. Штабъ арміи генерала Бойовича оставался въ Грачаницѣ до послѣдней крайности, а я поѣхалъ въ Липлянъ съ намѣреніемъ распорядиться объ отправкѣ въ указанныхъ направленіяхъ раненыхъ, которые были доставлены на эту станцію изъ Приштины и Митровицы, а затѣмъ и о перевозкѣ санитарнаго матеріала и лекарствъ.

Но это было не легко исполнить, ибо всѣ транспортныя средства были заняты перевозкой боевыхъ припасовъ. Мало того, всѣ повозки, военныя и частныя, которыя проѣзжали черезъ

Призрѣнъ, главный городъ Старой Сербіи.

Люмъ-Кула, на западь отъ которой въ Албанію нѣтъ дорогъ, точно такъ же, какъ отъ Дьяковицы и Печи, откуда и начались самыя тяжелые моменты отступленія сербской арміи.

Липлянь, задерживали лица, служащія при складахъ военныхъ запасовъ, и въ каждую бросали по одному или по два ящика патроновъ.

Когда король Петръ, проѣзжая черезъ Липлянь, увидѣлъ способъ отправки снарядовъ, онъ приказалъ остановить свой автомобиль и положить въ него также два ящика патроновъ. Примѣръ короля подѣйствовалъ отлично, потому что послѣ этого многіе сходили съ повозокъ, чтобы дать возможность нагружать боевые припасы.

Подобнымъ же способомъ мнѣ удалось обезпечить перевозку значительной части раненыхъ офицеровъ и солдатъ, а также и нѣкоторую часть санитарнаго матеріала и лекарствъ.

Не теряя времени, я поѣхалъ въ Призрѣнь и оттуда послалъ нѣсколько автомобилей, которые должны были захватить оставшуюся часть санитарнаго матеріала, но не успѣли автомобили доѣхать до Липляна, какъ болгары заняли Феризовичъ, и дорога къ Липлянской станціи оказалась въ опасности. Такимъ образомъ, громадное количество санитарнаго матеріала, находившагося въ Приштинѣ, Митровицѣ и Липлянѣ, досталось въ руки нѣмцевъ и болгаръ.

V.

На пути въ Призрѣнь я засталъ въ Сухой-Рѣкѣ русскую миссію доктора Сычева. Хотя эта миссія отступала вмѣстѣ съ нашими тыловыми частями, тѣмъ не менѣе члены ея находили и время и средства устраивать по дорогѣ питательные пункты. Признаюсь, я ни разу не видалъ болѣе умѣстной, существенной и благодатной помощи. Проходившіе солдаты въ Сухой-Рѣкѣ находили и чай, и горохъ, и хлѣбъ, приготовленные русской миссіей въ такое время, когда нужно было думать только о самомъ себѣ.

Когда, наконецъ, послѣдній изъ членовъ этой миссіи докторъ Киселевъ уѣхалъ, оставшійся въ этомъ пунктѣ запасъ чая, гороха и риса я приказалъ солдатамъ забрать въ свои сумки.

Воснныя операціи происходили съ такою быстротою, что штабъ арміи Новой области въ теченіе одной недѣли долженъ былъ перемѣщаться съ одной позиціи на другую—Грачаница, Липлянь, Штимле, Сухая-Рѣка,—пока наконецъ не прибылъ въ Призрѣнь 11-го ноября. Части арміи остались на позиціяхъ, удерживая наступленіе непріятеля. Въ то же самое время сѣверныя наши арміи отступали на Печь (Инекъ) и Дьяковницу, задерживая нѣмцевъ.

Наше нравственное состояніе было тяжелое и неопредѣленное.

Приказъ объ отступленіи въ Албанію дѣйствовалъ на солдатъ очень неблагоприятно, въ особенности на тѣхъ, которые участвовали въ албанскомъ походѣ 1912 года и во время возстанія албанцевъ и которые по личному опыту знали, что значить пере-

ходъ черезъ Албанию въ зимнее время, гдѣ нѣтъ дорогъ и гдѣ ихъ ждутъ засады албанцевъ.

Недостатокъ жизненныхъ припасовъ, какъ для людей, такъ и для лошадей, который ощущался еще на коссовскихъ позиціяхъ, отнималъ также всякую охоту забираться въ Албанскія горы. Но всѣ усилія враговъ, направленные къ деморализаціи нашихъ армій, остались тщетными: въ ужасной душевной борьбѣ народныхъ массъ, вызванной разрѣшеніемъ внезапно возникшаго мучительнаго вопроса, сдаться врагамъ или обречь себя на изгнаніе, оставляя семьи безъ средствъ и защиты, постепенно побѣждала любовь къ свободѣ и независимости. Ядро сербскаго войска и сербскаго духа осталось непоколебимымъ и вѣрнымъ планамъ верховнаго командованія и обѣщаніямъ союзниковъ.

Въ періодъ созрѣванія и разрѣшенія этой ужасной дилеммы среди жителей Новой области можно было замѣтить нѣсколько вѣяній; одни говорили: мы македонцы и можемъ жить независимо отъ сербовъ и болгаръ; другіе увѣряли, что имъ все равно, кто будетъ владѣть Македоніей—сербы или болгары; и, наконецъ, третьи выдавали себя явно за сторонниковъ сербовъ или болгаръ. Но всѣ эти политическія тенденціи въ сущности наблюдались въ отдѣльныхъ группахъ городского населенія, а вся остальная масса жителей Новой области, не исключая и магометанскаго населенія, положительно стояла на сторонѣ сербовъ, потому что ихъ считали не только освободителями отъ турецкаго владычества, но и отъ гнета болгарско-македонскихъ организацій и комитовъ, дѣйствовавшихъ огнемъ и мечомъ для созданія болгарской національности.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что Новая область принадлежала Сербіи всего три года, что все это время прошло въ кровопролитныхъ войнахъ, что вся тяжесть войны и военныхъ налоговъ надала на Новую область точно такъ же, какъ и на области старыхъ границъ, и что сербамъ недоставало времени, чтобы внести въ среду своихъ новыхъ подданныхъ какіе-нибудь плоды культуры въ болѣе широкихъ размѣрахъ или позаботиться объ ихъ благосостояніи.

При всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ комплектованіе арміи въ Новой области совершалось безъ всякихъ затрудненій, протестовъ или возмущеній со стороны жителей. Составъ арміи, боровшейся противъ болгаръ, состоялъ на $\frac{3}{4}$ изъ македонцевъ. Они боролись противъ болгаръ такъ же, какъ и наши солдаты, хотя вообще они не успѣли помириться еще съ общей и обязательной воинской повинностью. Ни въ одномъ случаѣ затрудненій и несчастій, въ которыхъ не разъ находилась армія, жители Новой области, не считая албанскихъ комитовъ, не показали враждебныхъ отношеній ни къ нашей военной, ни къ гражданской, ни къ полицейской властямъ. Напротивъ, многіе изъ жителей Новой области

считали своимъ долгомъ слѣдовать за арміей. Значительная часть солдатъ-македонцевъ находится и теперь съ нами въ Салоникахъ и въ Корфу. Для отступленія черезъ Албанію не предпринималось никакихъ насильственныхъ мѣръ, а верховная команда разрѣшила всѣмъ, принадлежащимъ къ послѣдней оборонѣ (ниже 18 и выше 45 лѣтъ), остаться въ Сербіи.

Эти факты, совершившіеся на нашихъ глазахъ, доказываютъ, что македонцы имѣли больше симпатій къ сербамъ, которые владѣли ими въ теченіе трехъ самыхъ неблагоприятныхъ лѣтъ, чѣмъ къ болгарамъ, которые въ продолженіе 40-лѣтней пропаганды, поддерживаемой различными политическими теченіями, стремились всѣми силами и средствами сдѣлать изъ нихъ чистыхъ болгаръ. Эти же факты, понимаемые въ широкомъ смыслѣ, доказываютъ, насколько жители Новой области связали свою будущность съ судьбой Сербіи и какъ глубоко былъ правъ покойный русскій посланникъ при сербскомъ дворѣ Н. Г. Гартвигъ, говоря: «Защищая идеалы сербовъ, я убѣжденъ, что я вѣрою и правдою служу Россіи и славянству».

Въ Призрѣнѣ сосредоточились всѣ установленія и учрежденія Сербіи, приготавливаясь съ лихорадочной поспѣшностью къ переходу черезъ Албанію. Повозки, автомобили, лошади, войска, иностранныя миссіи, санитарныя учрежденія заполняли улицы. Голова кружилась въ этомъ бушующемъ морѣ неволи, горя, слезъ, холодныхъ приказаній, рѣшительности, малодушія, отчаянія, надежды, эгоизма и всего того, что всплываетъ наружу, когда народъ и отдѣльный человѣкъ ищетъ опоры для своего существованія.

Наконецъ я узналъ, что король, верховный штабъ, правительство и штабъ арміи Новой области пойдутъ дорогой изъ Призрѣна по направленію: Люмъ-Кула, Визировъ Мостъ, Спасъ, Скутари.

Послѣ этого я отправился въ призрѣнскій военный госпиталь, гдѣ находился начальникъ санитарнаго управленія верховнаго штаба—полковникъ Генчичъ. Я засталъ его буквально осажденнымъ врачами, миссіями, сестрами милосердія, санитарями, требовавшими объясненій, распоряженій и транспортныхъ средствъ. Благодаря его энергичному и рѣшительному образу дѣйствій, онъ справлялся съ возникавшими внезапно затрудненіями довольно быстро и удовлетворительно.

VI.

Въ этомъ госпиталѣ я нашелъ больнымъ и майора Ристо Жеранча, состоявшаго директоромъ госпиталя въ Нишѣ. Огромный и тяжелый переходъ отъ Ниша до Приштины, а затѣмъ до Призрѣна, въ связи съ очень плохимъ питаніемъ, значительно повліялъ на его здоровье.

Д-ръ Ристо Трифоновичъ Жеранчъ, майоръ сербской службы, директоръ госпиталя въ Нишѣ, погибшій жертвою долга при отступленіи сербской армии черезъ Албанію въ селѣ Рапе 21 ноября 1915 г.

Личность этого врача сдѣлалась въ Сербіи очень популярною, извѣстна и петроградской публикѣ и всѣмъ иностраннымъ врачевнымъ миссіямъ и врачамъ, побывавшимъ въ Нишѣ и Бѣлградѣ въ теченіе 4-лѣтнихъ войнъ Сербіи.

Поэтому я считаю себя въ правѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ рѣдкомъ человѣкѣ и врачѣ, такъ какъ его послѣднія

минуты служенія Сербіи и страждущему человѣчеству связаны съ отступленіемъ сербовъ черезъ Албанію.

Докторъ Ристо Жераичъ родился въ Невесинѣ въ Герцеговинѣ въ 1874 году. Онъ принадлежалъ къ извѣстной въ Босніи и Герцеговинѣ фамиліи. Во время турецкаго владычества дѣдъ доктора Жераича состоялъ «кнезомъ» (старшиной) въ Невесинѣ и принималъ участіе въ дѣлахъ турецкаго суда, въ качествѣ представителя сербскаго православнаго населенія, а отецъ его погибъ въ началѣ герцеговинскаго возстанія въ 1875 году.

Докторъ Жераичъ еще мальчикомъ пріѣхалъ въ Петроградъ, гдѣ кончилъ вторую гимназію и императорскую военно-медицинскую академію въ 1903 году, какъ стипендіатъ славянскаго благотворительнаго общества.

Въ томъ же году онъ поступилъ въ Маріинскую больницу, гдѣ оставался врачомъ до самаго послѣдняго времени, изучая спеціально хирургию подъ руководствомъ профессора Троянова, извѣстнаго хирурга и директора больницы. Будучи, по мнѣнію Троянова, неутомимымъ труженикомъ и владѣя недюжинными способностями, онъ скоро завоевалъ себѣ видное положеніе среди врачей Маріинской больницы и петроградскихъ медицинскихъ обществъ, въ которыхъ нерѣдко выступалъ въ качествѣ докладчика по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ хирургіи.

Несмотря на 25-лѣтнее пребываніе въ Петроградѣ Р. Жераичъ не забывалъ ни Сербіи, ни идеаловъ сербства, ни своей родни въ Невесинѣ, которой отдалъ весь свой скромный заработокъ, чтобы обезпечить ея существованіе и образованіе молодежи. Всѣ сербы, пріѣзжавшіе въ Петроградъ, изъ какихъ бы то ни было концовъ Балканскаго полуострова, безусловно находили радушный пріемъ у Р. Жераича.

Въ началѣ балканской войны онъ ни минуты не задумался поѣхать въ Сербію, гдѣ остался около года въ Нишѣ, въ качествѣ завѣдывающаго хирургическимъ отдѣленіемъ военнаго госпиталя, послѣ чего возвратился въ Петроградъ. Сербско-болгарская война заставила его снова поѣхать въ Сербію, гдѣ онъ остался до конца албанскаго возстанія, и опять возвратился въ Петроградъ.

Наконецъ, когда Австрія объявила войну Сербіи, мы видимъ Жераича снова въ Нишѣ, въ качествѣ директора втораго военнаго госпиталя, въ которомъ помѣщалось до 1500 кроватей.

Этою послѣднею поѣздкой онъ отдалъ Сербіи свои огромныя медицинскія познанія, свой неимовѣрный трудъ и свою жизнь. Его спеціальная медицинская разносторонняя подготовка и административная дѣятельность обратили на себя вниманіе и нашихъ высшихъ санитарныхъ органовъ и иностранныхъ спеціалистовъ.

Онъ умѣлъ непрерывно работать и дать работу персоналу больницы. Онъ умѣлъ внушить любовь къ труду и предоставить каж-

дому инициативу въ работѣ по мѣрѣ его способности. Каждый врачъ, санитаръ, сестра милосердія, студентъ въ его больницѣ работали съ наибольшей затратой физическихъ и умственныхъ силъ и притомъ съ полнымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ въ работѣ, а это, несомнѣнно нужно приписать авторитету, такту и педагогическому опыту Жераича, которые онъ приобрѣлъ въ Маріинской больницѣ и искусно пересадилъ въ собственный госпиталь въ Нишѣ. Въ его госпиталь царили порядокъ и дисциплина, а его операціонный и перевязочный залъ, въ которомъ огромный персоналъ работаль съ удивительной гармоніей, доставляль специалистамъ истинное удовлетвореніе.

Однажды пріѣхаль изъ Ниша въ Скоплѣ профессоръ Морисонъ, главный хирургъ англійской миссіи лэди Пэдджетъ, работавшій въ Скоплѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ и съ видимымъ энтузіазмомъ сталъ мнѣ объяснять, какъ онъ былъ въ Нишѣ, во второмъ госпиталѣ нѣсколько дней и какъ онъ въ лицѣ доктора Жераича видѣлъ первокласснаго хирурга и замѣчательнаго врача.

Какъ знакъ признанія его врачебной дѣятельности, Р. Жераичъ имѣль русскія, сербскія и черногорскія отличія, а до какой степени онъ полюбилъ сербскаго солдата, съ которымъ, въ сущности, познакомился на операціонномъ столѣ, пропустивъ черезъ свои руки до 30.000 раненыхъ въ теченіе 4-лѣтней войны Сербіи, доказываетъ и тотъ фактъ, что онъ въ началѣ прошлаго года поступилъ на сербскую военную службу въ чинѣ майора, оставляя въ Петроградѣ видное и врачебное и общественное положеніе. По поводу этого онъ мнѣ сказалъ: «Считаю, что девятилѣтней службой въ Маріинской больницѣ для бѣдныхъ я исполниль свой долгъ передъ Россіей за полученное образованіе, а остальное время я ужъ посвящу службѣ сербскому молодцу-солдату, тѣмъ болѣе, что въ Сербіи очень мало врачей».

15-го ноября въ составѣ штаба армии Новой области генерала Бойовича мы оставили Призрѣнъ и поѣхали около полудня дорогой въ Люмь-Кулу, въ Албанію. Ѣхали мы въ закрытомъ автомобилѣ, причемъ я сѣлъ съ шоферомъ, а братъ помѣстился съ остальной компаніей.

Не успѣли мы отѣхать отъ города и 2 версты въ направленіи къ сѣверо-западу, какъ съ лѣвой стороны дороги въ горахъ раздався выстрѣлъ, и пуля просвистала мимо моей головы и головы шофера. Этому всѣ до крайности удивились, потому что наши войска задерживали болгаръ верстахъ въ семи отъ Призрѣна.

— Это первый привѣтъ албанцевъ, — сказалъ я моимъ спутникамъ.

VII.

Мы доѣхали до Дрина, и затѣмъ дорога вела лѣвымъ берегомъ по теченію Дрина къ западу. Не доѣзжая версты пяти до Люмъ-Кулы, мы принуждены были остановиться: дорога была загромождена повозками и другими транспортами. Скоро за нами пріѣхалъ генералъ Бойовичъ. Видя, что дальше невозможно ѣхать на автомобилѣ, онъ вышелъ, и мы пошли за нимъ пѣшкомъ. Генералъ сначала подумалъ, что беспорядокъ на дорогѣ зависитъ отъ недостатка умѣлаго распоряженія. Но когда мы пришли въ Люмъ-Кулу, то увидѣли, что причиной задержки транспортовъ является старый римскій мостъ, построенный на рѣкѣ Люмѣ при впаденіи въ Дринъ. Мостъ имѣлъ форму чрезвычайно остраго лука и былъ покрытъ льдомъ, дѣлавшимъ переходъ черезъ него очень затруднительнымъ, какъ для повозокъ, такъ и для людей. Солдаты были принуждены, толкая повозки, помогать лошадямъ и быкамъ для перехода черезъ этотъ мостъ. Наши автомобили едва успѣли перебраться на слѣдующій день. Люмъ-Кула—это въ сущности одна казарма, предназначенная для помѣщенія стражи, охранявшей безопасность дороги. Никакихъ другихъ жилыхъ помѣщеній кругомъ не было, хотя и цѣлый этотъ край Албаніи называется—Люма.

Отъ Люмъ-Кулы дорога отступленія нашей арміи шла въ двухъ направленіяхъ: одна вела къ югу, въ направленіи Дебра и Битоля, а другая къ западу по теченію Дрина до Спаса, а затѣмъ черезъ Фети и Пуки до Скутари.

Въ этомъ второмъ направленіи долженъ былъ ѣхать и штабъ арміи Новой области съ генераломъ Бойовичемъ; въ составѣ этого штаба находились и мы съ братомъ, я какъ начальникъ санитарной части арміи, онъ въ качествѣ младшаго врача при штабѣ.

Штабъ выѣхалъ изъ Люмъ-Кулы 17-го ноября, а отдѣльныя части арміи остались между Люмъ-Кулой и Призрѣномъ, защищая отступленіе, разрушая и уничтожая всѣ средства снабженія войскъ и транспортовъ, которыя не могли быть взяты и переправлены на лошадяхъ, мулахъ и ослахъ.

Въ Люмъ-Кулѣ, по берегамъ Люмы и Дрина остались цѣлыя горы матеріаловъ: зажженныхъ автомобилей, военныхъ повозокъ и испорченныхъ пушекъ. Солдаты и офицеры бросали все, что нельзя было нести на плечахъ или навьючить на лошадей. Брали только оружіе и самое необходимое для жизни въ горахъ.

Я и братъ положили на своихъ верховыхъ лошадей нѣсколько одѣялъ, шинели и часть обмундированія, но принуждены были задержаться часа на два послѣ отъѣзда генерала Бойовича, пока нашли лошадей для того, чтобы взять хотя бы часть санитарнаго

Мостъ на рѣкѣ Бѣлый Дринъ у села Брути.

Везировъ мостъ на рѣкѣ Бѣлый Дринъ.

матеріала, лекарствъ и съѣстныхъ припасовъ, безъ которыхъ намъ невозможно было двинуться въ дикія албанскія горы.

О какомъ-либо нападеніи албанцевъ нельзя было и думать, во-первыхъ, потому, что передъ нашимъ штабомъ ѣхалъ король и весь составъ верховнаго штаба, а, во-вторыхъ, потому, что предполагалось, что албанцы во главѣ съ Эссадь-пашой дали сербамъ «бесу», т.-е. честное слово въ безопасности во время перехода черезъ Албанію.

Дорога отъ Люмъ-Кулы вела въ гору, и мы пошли пѣшкомъ (вереть 6) до моста у села Брути, который вель на правую сторону Дрина. Дорога была узкая, мерзлая, скользкая. Лошади и люди шли одинъ за другимъ гуськомъ. Для облегченія ходьбы я взялъ двѣ желѣзныя лопаты, на которыя опирался. Братъ посмотрѣлъ на этотъ способъ моего передвиженія и замѣтилъ: «Брось эти лопаты: онѣ очень тяжелыя; тебя онѣ больше утомятъ».

Одинъ изъ солдатъ, который слышалъ это замѣчаніе, подошелъ ко мнѣ и, протягивая мнѣ палку съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, сказалъ: «Ради Бога, господинъ полковникъ, оставьте эти лопаты, а возьмите эту палку».

По выраженію его лица и тону я замѣтилъ, что онъ дѣлаетъ эту услугу, руководимый какою-то суевѣрною боязнію.

— Развѣ нехорошо брать лопату въ дорогу?

— Не годится: напоминаетъ рытье могилы...—сказалъ убѣжденно солдатъ, почти отнимая изъ моихъ рукъ лопаты.

Я приказалъ одну изъ нихъ укрѣпить на вьюкѣ лошади, а другую, дѣйствительно, бросилъ.

Чѣмъ больше мы приближались къ мосту Брути, тѣмъ больше накоплялось лошадей и частей войскъ передъ мостомъ, такъ что наконецъ сдѣлалось положительно невозможно провести нашихъ лошадей.

Мостъ черезъ Дринъ у села Брути былъ очень узкимъ и построеннымъ въ формѣ двухъ высокыхъ, очень узкихъ луковъ, такъ что переходъ черезъ мостъ представлялъ большія затрудненія и опасности: почти изъ каждой партіи лошадей и людей при переходѣ черезъ мостъ кто-нибудь спотыкался и падалъ въ Дринъ съ высоты 10—15 метровъ, разбиваясь о рѣчныя скалы, гдѣ и оставался, или исчезалъ въ шумно-кипящихъ волнахъ Дрина.

Я употребилъ всевозможныя усилія, чтобы съ нашими лошадьми пробиться до моста, но, къ сожалѣнію, это не удавалось, хотя не оставалось до моста и 200 шаговъ. Справа былъ Дринъ, слѣва—крутыя горы, а впереди—набитые клиномъ военные транспорты, ждавшіе съ нетерпѣніемъ переправы. Наконецъ, послѣ пятичасовыхъ усилій, мы рѣшились перейти пѣшкомъ черезъ мостъ и ждать перехода лошадей на правомъ берегу Дрина, около сторожевой будки, гдѣ можно было развести огонь, такъ какъ былъ сильный

морозъ. Наши вѣстовые и солдаты развьючили лошадей и перенесли на рукахъ наши вещи, аптеку и съѣстные припасы. Такъ насъ застала и ночь.

Стоя и лежа у огня передъ сторожевой будкой, мы долго смотрѣли, какъ лошади и люди спускались, скатывались или сползали съ самой высокой точки крутого каменнаго моста—къ намъ, на правый берегъ Дрина. «Чрезвычайно интересная лента для кинематографа», сказалъ майоръ Жераичъ.

Въ этотъ моментъ съ значительной высоты моста одинъ солдатъ оплошалъ и полетѣлъ въ рѣку.

Такія картины, несмотря на всѣ предупредительныя мѣры, сдѣлались обыкновенными; солдаты съ берега каждое такое несчастіе сопровождали довольно равнодушнымъ крикомъ: «Съ Богомъ, вѣчная память!»

Каково же было наше изумленіе, когда этотъ солдатъ началъ бороться съ волнами Дрина и, не выпуская своей сумки и ружья, добрался до берега къ намъ! Громовое «браво» товарищей раздавалось въ горахъ, привѣтствуя этотъ единственный случай спасенія.

Мы ввели его въ будку и предоставили ему самое почетное мѣсто у огня, гдѣ онъ могъ перевести духъ и высушить одежду.

Послѣ нѣкотораго времени майоръ Жераичъ спросилъ его:

— Ну, что, каково въ Дринѣ? Ушибся ты?

— Не особенно пріятно — сказалъ солдатъ, улыбаясь, — я ударился животомъ о камень, который былъ подъ водой, но вода-то подхватила меня быстро, и я воспользовался этимъ. А, впрочемъ, скажу вамъ правду: разъ я не погибъ въ рукопашномъ бою въ Бѣлградѣ, когда впервые напали нѣмцы, то я зналъ, что меня не проглотитъ и Дринъ. Вотъ тогда въ Бѣлградѣ былъ настоящій адъ, а выкупаться въ Дринѣ—ничего...

Пока солдатъ говорилъ это, докторъ Жераичъ обратился ко мнѣ:

— Вотъ тебѣ типъ сербскаго солдата. Видишь, сколько въ немъ самоувѣренности и нравственной силы. Развѣ этотъ юморъ его въ минуту, когда его жизнь висѣла на волоскѣ, не ставитъ его въ ряды истинныхъ героевъ.

Вмѣсто отвѣта брату, я протянулъ солдату кусокъ кукурузнаго хлѣба.

— Спасибо, господинъ полковникъ, а то я не ѣлъ уже три дня. Мою-то торбу, должно быть, я и вынесъ изъ Дрина потому, что она была пустою.

Наши лошади перешли черезъ мостъ на слѣдующій день, около 9 часовъ утра, и мы не замедлили двинуться въ путь правымъ берегомъ Дрина, по направленію Везирова моста. Съ нами шель, хорошо вооруженный, персоналъ главнаго депо военныхъ складовъ въ Скопльѣ; этотъ персоналъ былъ свободенъ послѣ того, какъ онъ свои магазины и склады аммуниціи взорвалъ или раздалъ частямъ

войскъ. Передъ нами и позади насъ шли разныя части войскъ, такъ что мы были совершенно спокойны отъ нападенія албанцевъ.

Въ полдень 18-го ноября мы перешли Везировымъ мостомъ на лѣвый берегъ Дрина. Этотъ мостъ имѣлъ также два лука, но стороны его не были такъ круто покаты, какъ у моста вблизи Брути.

Тутъ мы застали 12-й пѣхотный полкъ, командиръ котораго сообщилъ мнѣ, что нашъ штабъ уѣхалъ утромъ дорогой вдоль Дрина и будетъ на ночлегѣ въ селѣ Спасѣ, откуда дорога поворачиваетъ на западъ отъ Дрина—прямо въ Скутари.

При этомъ онъ предложилъ мнѣ и брату ѣхать съ его полкомъ въ Скутари дорогой, которая ведетъ прямо отъ Везирова моста черезъ Петку, Михайну, Пуки—въ Скутари.

Предложеніе это невозможно было принять потому, что дорога черезъ Спасъ была лучше, на многихъ мѣстахъ поправлена нашими войсками для болѣе удобнаго проѣзда короля, правительства и штаба верховной команды и, наконецъ, потому, что эта дорога казалась болѣе безопасной.

Поэтому мы продолжали путь лѣвымъ берегомъ Дрина къ Спасу.

Насъ застала ночь въ одномъ селѣ, отъ котораго до Спаса оставалось треть дороги. Такъ какъ тутъ мы нашли хлѣба, сыра и сѣна для лошадей, которыя нѣсколько недѣль почти ничего не ѣли, то мы рѣшились тутъ ночевать, рассчитывая въ теченіе завтрашняго дня ускорить маршрутъ. Съ нами оставались на ночлегѣ еще нѣкоторыя вооруженныя части нашихъ войскъ, и это обстоятельство дѣйствовало на насъ успокаивающимъ образомъ.

VIII.

На другой день мы двинулись дальше къ Спасу.

Морозъ сталъ слабѣе, погода прояснилась; Дринъ и окружающія его снѣжныя горы сверкали на солнцѣ. Наше общество шло въ самомъ лучшемъ расположеніи духа.

— Если намъ удастся все время путешествовать черезъ Албанию такъ, какъ теперь, то это не будетъ не бѣгство, а настоящее путешествіе туристовъ,—сказалъ майоръ Жераичъ, очевидно, восхищенный дикими красотами албанскихъ горъ.

Мы дошли до одной сторожевой будки, которая представляла развалины, и тутъ остановились, чтобы отдохнуть и дать время солдатамъ и лошадямъ, шедшимъ позади насъ, собраться.

Въ этомъ мѣстѣ къ намъ подошелъ одинъ состоящій у насъ на службѣ военный врачъ, родомъ грекъ, съ двумя дамами. Одна изъ нихъ, одѣтая въ полумужской костюмъ, была невѣстою доктора, а другая—его будущая теща. Они пошли изъ Призрѣна безъ всякой предварительной подготовки для путешествія, и докторъ просилъ насъ не оставлять ихъ въ дорогѣ.

Отступление воеводы Путника. Какъ больного, его несли въ нарочно приспособленномъ креслѣ въ родѣ будки (съ кроватью).

Общество это было намъ не особенно пріятно, потому что могло замедлять наше путешествіе, а, кромѣ того, теща оказалась словоохотливой, и ея языкъ не зналъ отдыха.

— Вы должны принять во вниманіе, что я пріѣхала со своей дочерью изъ Россіи помогать и лечить сербскихъ воиновъ. Я женщина, воодушевленная сербскимъ духомъ; не хочу сдаваться нѣмцамъ и болгарамъ, будучи даже вотъ такой старой. Вы не имѣете права оставлять насъ безъ помощи въ дорогѣ...

Пока теща говорила, мы бросили взглядъ на правую сторону Дрина, отъ берега котораго почти отвѣсно возвышались горы, черезъ которыя лентой вдоль рѣки проходила горная дорога. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на этой дорогѣ мы видѣли оставленныхъ лошадей и быковъ, а были замѣтны и солдаты, но невозможно было отличить, какіе это солдаты, оставшіе, больные, раненые или мертвые. Никому изъ насъ не приходило въ голову, что албанцы сдѣлали нападеніе на одну изъ нашихъ частей войскъ, которая шла отъ Дьяковицы къ Везирову мосту, и что разсматриваемое мѣсто представляетъ побоище.

Мы двинулись дальше и, не доходя до Спаса 3—4 версты, припуждены были остановиться: всѣ части войскъ, шедшія передъ нами, стали вдругъ возвращаться отъ Спаса назадъ.

Прибывшіе офицеры объяснили загадку: сегодня утромъ произошло нападеніе албанцевъ, которые заняли вершину горъ съ правой стороны Дриѣа; они стрѣляютъ по нашимъ войскамъ, не только на правой сторонѣ, но и на лѣвой его сторонѣ, не допуская пройти въ Спасъ.

Подшло нѣсколько раненыхъ, которые подтвердили это.

— Еще вчера вечеромъ были слышны крики албанцевъ съ той стороны Дрина: «Эй, сербскіе командиры! вы побѣждены австрійцами, нѣмцами и болгарамъ. Они поручили намъ добивать васъ. Сдавайтесь или всѣ погибнете».

И, дѣйствительно, албанцы въ разныхъ мѣстахъ заняли засады. Убитыхъ на лѣвой сторонѣ Дрина грабили жители сосѣднихъ горъ, выдававшіе себя за друзей и сторонниковъ Эссадъ-паши. На правой сторонѣ Дрина изъ состава Моравской дивизіи погибло болѣе 300 солдатъ и 20 офицеровъ; изъ числа послѣднихъ 12 осталось на мѣстѣ убитыми. Въ числѣ убитыхъ былъ командиръ полка и 4 батальонныхъ командиры.

На мѣстѣ, гдѣ мы остановились для разьясненія положенія дѣлъ, собралось значительное число солдатъ и 7 офицеровъ, сопровождавшихъ транспорты отдѣльныхъ частей войскъ.

— Что же дѣлать теперь?—спросилъ я офицеровъ, какъ старшій по чину между ними.

— Нужно возвратиться обратно къ Везирову мосту, а затѣмъ прямой дорогой идти въ Скутари.

Я сдѣлалъ попытку склонить офицеровъ продолжать путь черезъ Спасъ, указывая, что албанцы послѣ борьбы и грабежа разбрелись и что нигдѣ не слышно стрѣльбы.

— Было бы безумно идти въ огонь, подъ выстрѣлы албанцевъ, когда у насъ есть болѣе безопасная, хотя нѣсколько и болѣе длинная дорога,—отвѣтили офицеры, съ чѣмъ я и согласился.

Мы повернули тоже обратно по направленію къ Везирову мосту.

Образовалась цѣлая колонна, имѣвшая въ составѣ не менѣе 100 человекъ вооруженныхъ солдатъ и жандармовъ.

Солдаты шли молча, офицеры глядѣли мрачно, да и насъ двухъ стала угнетать невеселая перспектива перехода черезъ Албанию.

Не успѣли мы возвратиться до развалинъ сторожевой будки, гдѣ утромъ дѣлали остановку, какъ верстахъ въ трехъ передъ нами послышался частый ружейный огонь.

Очевидно, албанцы напали на какую-то часть нашихъ войскъ, слѣдовавшую за нами въ Спасъ. Мы очутились въ ловушкѣ, отрѣзанными какъ отъ Спаса, такъ и отъ Везирова моста; съ одной стороны былъ Дринъ, съ другой высокія непроходимыя горы.

— Офицеры на совѣщаніе,—скомандовалъ я, желая удержать вооруженныхъ солдатъ въ группѣ, чтобы они не разбрелись, и предупредить замѣшательство въ колоннѣ. Оказалось, что одинъ офицеръ и одинъ солдатъ, которые участвовали въ покореніи той части Албаніи (Люма), гдѣ мы находились, знали дорогу отъ сторожевой будки черезъ горы до села Петки, которое находилось на пути Везировъ мостъ—Скутари.

Зная положительно, что этой дорогой должны проходить многія части нашихъ войскъ, мы рѣшились одолѣть всѣ трудности этого пути въ надеждѣ ускользнуть отъ встрѣчи съ вооруженными толпами албанцевъ. Наша колонна стала подниматься въ гору тропинкой, гуськомъ, одинъ за другимъ, оставляя Дринъ. Мои заботы были больше всего направлены къ тому, чтобы удержать вооруженную часть солдатъ вблизи транспортовъ нашей колонны, которые сопровождало очень много солдатъ безъ оружія, принадлежавшихъ къ разнымъ продовольственнымъ частямъ нашей армии, а было также не мало и раненыхъ.

Затрудненія возрастали съ каждымъ часомъ, потому что офицеры и вооруженные солдаты принадлежали къ разнымъ частямъ войскъ, и каждый изъ нихъ сибѣшилъ, какъ можно скорѣе, присоединиться къ своей части.

Усилія мои обезпечить нашу колонну охраной, составленной изъ числа бывшихъ тутъ вооруженныхъ солдатъ и офицеровъ, увѣнчались до нѣкоторой степени успѣхомъ: колонна продолжала путь въ извѣстномъ боевомъ порядкѣ, соотвѣтствовавшемъ опасностямъ отъ албанцевъ.

Мы взобрались на первый хребетъ горъ, который поднимался отъ Дрина. Нашимъ взорамъ открылись необъятныя и мрачныя горы Албаніи, а позади насъ, въ глубинѣ, широкой и длинной лентой извивался Дринъ. На правой и лѣвой сторонѣ Дрина, по направленію къ Везирову мосту, слышенъ былъ ружейный и пулеметный огонь; отъ этой пальбы окружающія насъ горы дрожали и какъ-то жалобно стонали, словно каждый выстрѣлъ наносилъ имъ самимъ глубокія раны.

Насъ встрѣтило нѣсколько албанцевъ, которыя были безъ оружія. Одному изъ нихъ мы дали лошадь и одно одѣяло, чтобы онъ повелъ насъ до села Петки.

Теща доктора-грека, запыхавшись отъ ходьбы, стала звать на помощь, чтобы ея не оставляли въ горахъ.

Одинъ изъ офицеровъ уступилъ ей свою лошадь, и тещу усадили на лошадь. Албанецъ пошелъ съ нами показывать дорогу.

Сознавая всю опасность пути, я предложилъ своему брату пойти въ одно изъ албанскихъ селъ и тамъ остаться у одного изъ вліятельныхъ албанцевъ на «бесу», т. е. на честное слово, въ безопасности, пока не пройдетъ гроза. За хорошія деньги это можно устроить, пока не будетъ опредѣлено положеніе нашихъ армій.

Я имѣлъ нѣкоторый опытъ и нѣсколько былъ знакомъ съ внутренней жизнью албанцевъ. Предложеніе это брату не понравилось, а сопровождавшимъ насъ лицамъ показалось прямо наивнымъ.

Я попробовалъ освѣдомиться объ этомъ обстоятельстве у албанца, нашего провожатаго.

— Въ нашемъ селѣ у насъ все бѣдные люди, и васъ никто не смѣетъ принять на «бесу». Для этого нужно найти какого-нибудь «бсга» или старшину племени: только имъ можно довѣриться.

Такъ какъ вблизи не было ни селъ, ни упомянутыхъ лицъ, то и я отказался отъ приведенія въ исполненіе своей мысли.

Преодолевая всѣ затрудненія въ пути—снѣгъ, морозъ; ледъ и страхъ отъ внезапнаго нападенія, мы пришли поздно вечеромъ въ село Петку и остановились для почлега подъ открытымъ небомъ.

Провожавшій насъ албанецъ возвратился, но, уходя, сказалъ мнѣ:

— Сегодня дорога хорошая и завтра будетъ хорошая, а послѣ-завтра наступитъ оттепель, грязь по колѣно и разливъ рѣкъ. Знайте, дорога ваша будетъ очень тяжелой послѣзавтра,—прибавилъ албанецъ, какъ мнѣ показалось, подчеркивая каждое слово. Почему онъ подчеркивалъ время тяжелаго пути именно «послѣзавтра», я не могъ дать себѣ опредѣленнаго отчета.

Ночь въ селѣ Петкѣ прошла благополучно. Албанцы только украли у насъ нѣсколько лошадей, но мы-то собственно и не горевали объ этомъ, потому что корму для лошадей совершенно не было. Для насъ самихъ единственное кушанье была «мамалыга» (кукурузная каша).

Д-ръ М. Жеричъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА Г-НА АСКЕНАЗИ ВЪ РЕДАКЦІЮ „ГОЛОСА МИ-
НУВШАГО“ (№ 11, НОЯБРЬ 1916 Г.).

АЮСЬ, ЧТО въ моей іюньской статьѣ по поводу письма императрицы Елисаветы Алексѣевны вкрался выраженія, которыя не подходят для исторической статьи, и что мое предположеніе о «руссофобствѣ» профессора львовскаго университета неумѣстно. Сознаніе мое suprae все же не можетъ сгладить того впечатлѣнія, которое на меня произвело напечатанное письмо г-на Аскенази въ «Голосѣ Минувшаго». Почему предметъ частной бесѣды на историческую тему не можетъ быть предметомъ публичной полемики? Такой постановки вопроса я продолжаю не понимать и прямо заявляю, что въ этомъ не чувствую за собой вины. Профессоръ Аскенази могъ убѣдиться изъ бесѣдъ со мной, насколько я цѣню его научныя изслѣдованія, и посылка моихъ различныхъ книгъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что и понынѣ мои чувства остались прежними. Если тема о происхожденіи князя Адама исчерпана, то и здѣсь я готовъ уступить компетентности г-на Аскенази. Что же касается напечатанныхъ теперь отрывковъ изъ дневника князя Адама Чарторыйскаго, то они хотя и свидѣтельствуютъ о чувствахъ влюбленности къ императрицѣ, но отнюдь не служатъ для меня доказательствомъ существованія любовной связи между ними. Очевидно, это дѣло вполне индивидуальное, и я въ дальнѣйшую полемику съ профессоромъ вступать не намѣренъ, т. к. она ни къ чему не приведетъ, никого не убѣдитъ и не выяснитъ окончательно тѣхъ обстоятельствъ, которыя остались тайной.

Въ заключеніе могу заявить, что я былъ далекъ отъ намѣренія чѣмъ-либо уязвить почтеннаго профессора львовскаго университета.

Великій князь Николай Михайловичъ.

12 декабря 1916 года.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Русскій Біографическій Словарь. Жабокритскій-Зяловскій. Петроградъ. 1916.
Стр. 588. Цѣна 5 руб.**

ЕСМОТРИ на вызванныя войной крайне неблагопріятныя условія для печатанія новыхъ книгъ, императорское русское историческое общество, подъ руководствомъ своего августѣйшаго предѣлателя, энергично продолжаетъ выпускать дальнѣйшіе томы своего «Русскаго Біографическаго Словаря», въ настоящее время уже близкаго къ окончанію.

Редакторы только что вышедшаго въ свѣтъ тома, Е. С. Шумигорскій и М. Г. Курдюмовъ, отнеслись къ своей задачѣ весьма тщательно, благодаря чему пропусковъ въ немъ почти нѣтъ.

Все-таки слѣдовало бы помѣстить біографіи такихъ дѣятелей, какъ писатель Павелъ Андреевичъ Жаандръ, известный чудака и благотворитель Василій Григорьевичъ Жуковъ, талантливый поэто-юмористъ, братъ известной артистки Екатерины Николаевны Жулевой, Гавріиль Николаевичъ, когда-то очень популярный подъ псевдонимомъ Скоробного Поэта, затѣмъ протоіерей Андрей Ивановичъ Журавлевъ, авторъ выдержавшей нѣсколько изданій известной книги «Полное историческое извѣстіе о такъ называемыхъ старообрядцахъ» и знатокъ раскола вообще, или замѣчательный статистикъ Михаилъ Парфентьевичъ Заблоцкій-Десятовскій.

Желательно, чтобы въ біографіи того или иного политическаго дѣятеля была указана полная дата его жизни, что, къ сожалѣнію, въ «Біографическомъ Словарѣ» дѣлается не всегда. Такъ, напримѣръ, въ жизнеописаніи знаменитаго дѣятеля Пріамурскаго края и героя сраженія при Петропавловскѣ, адмирала Василя Степановича Завойка, мы не находимъ года его кончины.

Въ біографіи Ивана Александровича Заборовскаго (стр. 133—134), гораздо болѣе извѣстнаго, конечно, не въ качествѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора, а боевого генерала, по женской линіи прапрадѣда знаменитаго «бѣлаго генерала», не лишне было бы подробнѣе коснуться инцидента Заборовскій—Бонапарте.

Въ 1789 году, во время пребыванія Ивана Александровича въ Италіи, гдѣ онъ вербовалъ корсиканцевъ на нашу службу, ему послалъ прошеніе двадцатилѣтній, тогда невѣдомый міру, поручикъ Наполеонъ Бонапарте, позднѣе императоръ французовъ, въ первый разъ пожелавшій—вторично въ 1792 году—поступить на нашу службу. Дѣло разстроилось изъ-за того, что Бонапарте не соглашался поступить въ нашу армію чиномъ ниже, какъ это практиковалось въ то время въ отношеніи иностранцевъ, а требовалъ себѣ чина майора (Біографъ Заборовскаго, г. Н. З., передаетъ этотъ инцидентъ иначе).

Вышеупомянутое преданіе находитъ подтвержденіе себѣ и въ другихъ источникахъ. Такъ, Ростопчинъ въ своей «La vérité sur l'incendie de Moscou» (Paris. 1823, p. 27) категорически утверждаетъ, что не разъ имѣлъ въ рукахъ подлинное прошеніе будущаго императора (J'ai eu cette lettre plusieurs fois entre les mains). Къ величайшему сожалѣнію, оригинала не удалось пока найти въ нашихъ архивахъ, даже въ дѣлахъ Заборовскаго. Что касается французскихъ историковъ, они упорно отрицаютъ легенду о попыткѣ Наполеона Бонапарте служить подъ русскими знаменами. Слѣдуетъ также помнить, что воображеніе у Федора Васильевича Ростопчина было весьма богатое.

Въ библиографіи о Заборовскомъ г. Н. З. почему-то пропустилъ посвященную специально ему брошюру графа П. Шереметева. Не лишне было бы упомянуть затѣмъ, что послѣ Ивана Александровича остались записки разнообразнаго содержанія, между прочимъ, по сельскому хозяйству.

Если кто можетъ быть доволенъ тѣмъ, что попалъ на страницы нашей книги «въ большемъ количествѣ», такъ это представители фамиліи Загряжскихъ, никакой особенной роли въ исторіи Россіи не игравшей. Біографіи ея двадцати пяти представителей и представительницъ занимаютъ дѣлѣхъ десять страницъ (стр. 159—169) и всѣ принадлежатъ перу г-жи Корсаковой. Одна бѣда, что въ эту миниатюрную монографію о родѣ Загряжскихъ попали и такіе его члены, которые сами по себѣ ничего не представляютъ.

Чтобы не быть голословнымъ, укажемъ хотя бы на Александра Владимировича Загряжскаго. Сей мужъ, изволите ли видѣть, прославился тѣмъ, что присутствовалъ при встрѣчѣ персидскаго посольства и иногда дивалъ и почевалъ на государевомъ дворѣ! За такія «государственныя заслуги» Александра Загряжскаго смѣло можно было бы и не включать въ «Русскій Біографическій Словарь».

Но фамилію двадцать шестого Загряжскаго мы тщетно искали въ нашей книгѣ, а генералъ-поручика Ивана Александровича Загряжскаго обойти молчаніемъ было нельзя. Онъ принадлежалъ къ числу завзятыхъ театраловъ своего времени. Его театръ въ селѣ Кирьянѣ былъ единственнымъ изъ частныхъ и общественныхъ театровъ въ Тамбовской губерніи. Въ павловское

время его владѣлецъ ежегодно платилъ крупную по тогдашнему курсу сумму въ сто рублей на дѣла благотворенія.

Другое солнце незакатное — біографіи князей Солнцевыхъ-Засѣкиныхъ (стр. 260—265), написанныя тою же г-жою Корсаковой. Но и изъ двѣнадцати Засѣкиныхъ часть тоже попала въ словарь по недоразумѣнію или за компанію. Едва ли имѣеть право на безсмертіе князь Иванъ Никитичъ (стр. 264). Въдѣ всѣ его подвиги, если вѣрить его біографу, заключаются въ томъ, что въ 1669 году онъ дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Симеона Алексѣевича, а спустя двадцать четьре года участвовалъ въ крестномъ ходѣ, вообще же сопровождалъ царя Ѳедора Алексѣевича въ его загородныхъ походахъ и бывалъ назначаеми въ крестные ходы!

Въ наше, по крайней мѣрѣ, время, столь бѣдное такими неутомимо благотивными людьми, какъ вышеупомянутый князь Солнцевъ-Засѣкинъ, подобныя заслуги едва ли бы внесли въ формуляръ.

Къ чести императорскаго русскаго историческаго общества слѣдуетъ замѣтить, что его словарь не издается на самой распространенной въ настоящее время и даже рекомендуемой бумагѣ «защитнаго цвѣта».

Нѣкоторыя біографіи, напримѣръ, Загоскина, Варооломея Зайцева, славнаго химика Зинина и, главнымъ образомъ, жизнеописаніе знаменитаго поэта В. А. Жуковскаго, написаны съ особенной любовью и полнотою. Съ другой стороны, трудно объяснить, почему отведено двадцать страницъ такой ничтожной и дрянной личности, какъ Платонъ Зубовъ.

В. А. Алексѣевъ.

Россія и Италія. Сборникъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся сношеній Россіи съ Италіей. Изданіе императорской академіи наукъ. Томъ 1 (2 вып.), 2 (2 вып.) и 3-й (2 вып.). Петроградъ. 1907—1916.

Когда въ 1880 году папою Львомъ XIII были открыты двери ватиканскаго тайнаго архива, то въ Римъ массами устремились историки, чтобы воспользоваться неисчерпаемыми богатствами этого хранилища документовъ перво-степенной важности. Но и правительства западно-европейскихъ государствъ сразу оцѣнили ту громадную услугу, которую оказалъ наукѣ папа Левъ XIII. Немедленно стали они снаряжать не только научныя миссіи въ Римъ, но и устраивать тамъ историческіе институты съ цѣлью систематическаго изученія и изданія документовъ Ватиканскаго архива ¹⁾. Имѣлся и въ Россіи планъ устройства историческаго института въ Римѣ, такъ какъ ватиканскій архивъ заключаетъ въ себѣ въ высшей степени цѣнныя матеріалы въ особенности по западно-русской исторіи. Но осуществленъ проектъ этотъ не былъ, какъ это у насъ нерѣдко случается, за недостаткомъ средствъ на научныя и просвѣтительныя цѣли. Поэтому академія наукъ, чтобы хотя нѣсколько подвинуть разработку документовъ ватиканскаго архива по русской исторіи, пришла къ рѣшенію учредить особую должность ученаго корреспондента въ Римѣ и возло-

¹⁾ См. мою брошюру «Иностранные историческіе институты въ Римѣ». Варшава, 1914.

жить на него обязанность обследованія итальянскихъ архивовъ и библиотекъ, а также подготовки къ изданію отобранныхъ въ нихъ документовъ. Понятно, что на одно лицо возлагался такимъ образомъ непомерный трудъ. То, надъ чѣмъ работаютъ цѣлыя комиссіи западно-европейскихъ ученыхъ, у насъ должно выполнять одно лицо. Этимъ и объясняется характеръ и содержаніе изданія академіи наукъ, заголовокъ котораго приведенъ мною выше.

Е. Ф. Шмурло, ученому корреспонденту академіи наукъ, пришлось прежде всего начать свои занятія въ Римѣ съ ознакомленія съ различными описаніями ватиканскаго архива, съ каталогами его, съ характеромъ документовъ, хранящихся въ немъ, съ различными фондами, изъ которыхъ онъ состоитъ, и т. п. обстоятельные отчеты обо всемъ этомъ, равно какъ и о нѣкоторыхъ другихъ римскихъ архивахъ и библиотекахъ, заполняютъ главнымъ образомъ содержаніе сборника «Россия и Италия», причемъ авторъ обращаетъ особенное вниманіе на тѣ документы, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ Россіи. При этомъ Е. Ф. Шмурло не ограничивается только указаніемъ на содержаніе тѣхъ или другихъ документовъ, но часто приводитъ ихъ въ извлеченіи, когда они представляютъ особенный интересъ для русскаго историка. Такъ, напр., II томъ (выпускъ I) «Сборника» онъ посвящаетъ очень подробному описанію донесеній нунціевъ изъ Польши въ Римъ въ XVI вѣкѣ, въ которыхъ встрѣчается не мало свѣдѣній, а также и отдѣльныхъ документовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ исторіи русскихъ земель, а во второмъ выпускѣ этого тома проф. Шмурло на основаніи данныхъ польской нунціатуры рассказываетъ о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ исторіи отношеній Рима въ XVI в. къ московскимъ царямъ, о стремленіи папъ привлечь послѣднихъ къ лигѣ противъ турокъ, о попыткахъ пропаганды католицизма въ Восточной Европѣ. Во второмъ выпускѣ перваго тома онъ сообщаетъ свѣдѣнія о бумагахъ іезуитскаго архива, которыя послѣ занятія Рима въ 1870 году войсками Виктора-Эмануила II попали въ руки итальянскаго правительства и хранятся въ настоящее время тамъ въ государственномъ архивѣ. Среди этихъ бумагъ находятся, между прочимъ, письма польскихъ іезуитовъ, въ которыхъ встрѣчается много свѣдѣній о дѣятельности ихъ въ западно-русскихъ земляхъ. И проф. Шмурло даетъ длинныя выписки изъ этихъ интересныхъ писемъ, ярко рисующихъ работу іезуитовъ въ Западной Руси.

Въ I выпускѣ послѣдняго появившагося пока тома сборника «Россия и Италия» ученый корреспондентъ академіи наукъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ рассказываетъ о томъ, что ему посчастливилось добиться разрѣшенія заниматься въ почти недоступномъ для историковъ архивѣ конгрегации *de propaganda fide*. Въ приложеніи къ отчету за 1908—1909 годъ онъ даетъ любопытныя извлеченія изъ нѣкоторыхъ документовъ, которыми ему удалось воспользоваться въ указанномъ архивѣ. Часть этихъ документовъ относится къ біографіи Юрія Крижанича; заслуживаютъ также вниманія документы и свѣдѣнія, сообщаемые Е. Ф. Шмурло о сношеніяхъ Московскаго государства съ Римомъ въ концѣ XVII вѣка послѣ ихъ возобновленія въ 1673 году.

Собирая, между прочимъ, документы для задуманнаго спеціальнаго изданія «Папскій престолъ и русскій православный Востокъ въ 1578—1587 годахъ»,

Е. Ф. Шмурло узналъ, что въ нѣкоторыхъ испанскихъ архивахъ онъ также можетъ найти нужные ему матеріалы. Дѣйствительно, предпринятая имъ въ 1912 году поѣздка въ Испанію не осталась безъ результатовъ. Свои научныя разысканія тамъ онъ велъ въ Симанкскомъ архивѣ, а также въ библиотекѣ кафедральнаго собора города Толедо. Отчету о занятіяхъ въ указанныхъ архивѣ и библиотекѣ посвященъ 2-ой выпускъ III тома «Россіи и Италіи». Авторъ даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о Симанкскомъ архивѣ и сообщаетъ выписки изъ его инвентаря о хранящихся въ немъ рукописяхъ, которыя относятся къ исторіи Россіи. По своему обыкновенію онъ приводитъ то въ пересказѣ, то въ извлеченіи тѣ или иные болѣе важные документы. Что касается библиотeki кафедральнаго собора въ Толедо, то тамъ нашлись особенно интересовавшія проф. Шмурло бумаги нунція Больньети, попавшія туда случайно, благодаря дару испанскаго кардинала Лоренсана, архіепископа толедскаго, вывезшаго ихъ вмѣстѣ съ другими рукописями изъ Италіи въ началѣ XIX столѣтія. Въ этомъ же выпускѣ Е. Ф. Шмурло помѣстилъ небольшую статью подъ заглавіемъ: «Россія и Испанія въ послѣднюю четверть XVI вѣка», являющуюся плодомъ его занятій въ Испаніи.

Изъ вышесказаннаго видно, какая масса самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ по исторіи Россіи разбросана въ сборникѣ «Россія и Италія». Дѣйствительно, во время трудолюбивыхъ занятій въ ватиканскомъ и иныхъ итальянскихъ архивахъ Е. Ф. Шмурло черезъ его руки прошло не мало интересныхъ документовъ по русской исторіи, съ которыми онъ и знакомитъ. Жаль только, что многое изъ сообщаемаго имъ легко можетъ ускользнуть отъ вниманія историковъ, такъ какъ только ко второму тому этого сборника приложенъ личный и географическій указатель, столь необходимый для изданій подобнаго рода.

Н. Любовичъ.

В. Боголюбовъ. Н. И. Новиковъ и его время. Москва. 1916. Стр. 480. Ц. 3 р. 50 к.

Интересная, живо, вдумчиво написанная книга. Авторъ съ большимъ искусствомъ и нескрываемою симпатіей къ Н. И. Новикову, вполне владея литературой, ему посвященной, изобразилъ жизнь и дѣятельность этого выдающагося дѣятеля, чья свѣтлая личность и подвигъ жизни, настойчивое исканіе правды, стремленіе создать самостоятельное общественное мнѣніе, общественную инициативу—привлекали къ нему живой интересъ цѣлаго ряда изслѣдователей съ того времени, когда представилась возможность произнести въ печати имя Новикова, бывшее подъ цензурнымъ запретомъ послѣ катастрофы, постигшей его въ 1792 году. Трудъ на долю г. Боголюбова выпалъ не малый: онъ тщательно пересмотрѣлъ новиковскіе журналы, обширную литературу по интересующему его вопросу, сумѣлъ сказать много новаго, пересмотрѣть и отвергнуть нѣкоторые установленныя въ литературѣ взгляды на разные стороны дѣятельности Новикова.

Авторъ изслѣдованія, охватывающаго въ 23 главахъ всю жизнь и дѣятельность Новикова, говоритъ, что само время Новикова является той эпохой,

откуда ведутъ свое начало и русская интеллигенція и тѣ идеалы свободного гражданскаго самоопредѣленія и общественной справедливости, которые, развиваясь и пополняясь, до сихъ поръ стоятъ передъ проснувшейся общественной совѣстью. Главная роль въ этомъ общественномъ движеніи безспорно принадлежитъ Новикову, почему время съ 70-хъ по 90-е годы XVIII вѣка можетъ быть названо временемъ Новикова, какъ окрашенное ярко дѣятельностью и личностью его. Этимъ и объясняется не проходящій интересъ къ нему.

Корень общественнаго настроенія Новикова, его сознательнаго пониманія общественнаго служенія, какъ первый шагъ долга гражданина, сначала въ роли журналиста, а затѣмъ организатора просвѣтительно-благотворительнаго «Дружескаго» общества—лежитъ, по справедливому замѣчанію г. Боголюбова, въ глубокомъ возбужденіи общественнаго чувства, какимъ характеризуется начало екатерининскаго царствованія, и которое особенно рельефно проявилось въ екатерининской законодательной комиссіи, путь же журналиста былъ ему указанъ самой императрицей. Авторъ даетъ яркую характеристику просвѣтительной философіи XVIII вѣка и особенно созданной этой философій идеи естественнаго права, а также и отношенія къ этой философій самой императрицы Екатерины. Г. Боголюбовъ довольно подробно знакомитъ читателя съ содержаніемъ новиковскихъ сатирическихъ журналовъ «Трутня», «Живописца» и «Копелька», сравнивая идеи, въ нихъ высказывавшіяся, съ официальной сатирой Екатерины, и въ особой главѣ даетъ оцѣнку историческаго значенія новиковской сатиры, отразившей въ себѣ весь процессъ роста самодѣятельнаго общественнаго міросозерцанія, обличавшей конкретные, наиболѣе характерные недостатки этого общества въ особю серьезномъ, выдержанномъ тонѣ, съ неустаннымъ призывомъ къ общественной самодѣятельности. Одна изъ основныхъ мыслей сатиры Новикова.—что «всѣ люди равны, нѣтъ людей подлыхъ»; «единственно возможная разница—это разница добродѣтелей и просвѣщенія». Очень удачно авторъ разбираетъ ярко проявившійся націонализмъ въ новиковской сатирѣ, который онъ противопоставлялъ націонализму Екатерины и Фонвизина. Болѣе удачными, по нашему мнѣнію, вышли главы, посвященныя масонству, его взаимному отношенію къ вольтерьянству. Между вольтерьянствомъ и масонствомъ, по словамъ г. Боголюбова, разница была не въ идейномъ содержаніи, а лишь въ настроеніи: люди съ логическимъ складомъ ума захватывались вольтерьянствомъ, натуры сентиментальныя тяготѣли къ масонству. Оцѣнивая мистицизмъ нашихъ масоновъ, авторъ задѣваетъ любопытный вопросъ о значеніи мистицизма Новикова и отношеній къ просвѣщенію и свѣтской наукѣ; онъ говоритъ, что этотъ мистицизмъ, густо окутывающій основную нравственную идею масонства, не могъ сдѣлаться орудіемъ обскурантизма уже по одному тому, что рядомъ съ признаніемъ правъ чловѣческаго разума, поскольку его выводы не противорѣчили Св. Писанію, и онъ призывалъ горячо къ просвѣщенію. Въ извѣстной мѣрѣ этотъ мистицизмъ явился даже переходнымъ мостомъ, по которому люди, оторванные отъ завѣтовъ старины и въ то же время напуганные радикализмомъ идей просвѣтительной философіи, могли пробраться къ настоящему свѣту положительной науки. Грустно становится, что широко поставленная просвѣтительно-благотворитель-

ная дѣятельность Новикова, несомнѣнно, создавшаго общественное движеніе, какъ мы упомянули выше, вызвала сначала подозрительное, затѣмъ явно враждебное отношеніе правительства, и кончилась для Новикова страшной катастрофой—допросомъ извѣстнаго Шешковскаго, а затѣмъ заключеніемъ въ Шлиссельбургѣ. Тѣ страницы, гдѣ авторъ рисуетъ отношенія Екатерины къ масонству въ концѣ 70-хъ годовъ и въ эпоху революціи и особенно описаніе гоненій на московскихъ масоновъ, а также подробности слѣдствія и приговора надъ Новиковымъ и его единомышленниками—полны глубокаго драматизма. Новиковъ изъ состоятельнаго человѣка превращенъ былъ въ нищаго, его солидное книгоиздательское предпріятіе было подорвано въ корнѣ.

Въ общемъ книга читается съ не ослабѣвающимъ интересомъ отъ первой до послѣдней страницы. Не можемъ только въ заключеніе не высказать сожалѣнія, относящагося къ второстепенному дефекту книги, а именно, что авторъ не воспользовался изслѣдованіями г. Семенникова, которыя, можетъ быть, нѣсколько измѣнили бы въ деталяхъ взгляды его на журнальную дѣятельность Новикова. Цѣну книги нельзя признать слишкомъ большою по ея объему и при теперешней цѣнѣ бумаги.

В. М.

**Памяти Измаила Ивановича Срезневскаго. Книга 1. Пгр. 1916 г. Стр. VIII+420.
Съ портретомъ. Цѣна 2 р. 50 к.**

Появленіе настоящей книги особенно умѣстно теперь, когда ожесточенная борьба съ германизмомъ заставляетъ насъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовать свое славянское происхожденіе и надѣяться въ свѣтломъ будущемъ на дружеское единеніе и союзъ всѣхъ народовъ, связанныхъ съ нами узами племенного родства.

И. И. Срезневскій, благодаря своему знаменитому трехлѣтнему путешествію по славянскимъ землямъ (1839—1842), одинъ изъ первыхъ сумѣлъ потомъ съ университетской кафедрой вдохнуть эту любовь къ славянству въ всѣмъ многочисленнымъ слушателямъ и ученикамъ. Онъ же первый у насъ получилъ степень доктора славяно-русской филологіи.

Правда, самъ почившій ученый потомъ сосредоточился почти исключительно на занятіяхъ нашимъ роднымъ языкомъ и изученіи его древнѣйшихъ памятниковъ, но брошенные имъ сѣмена по изученію славянства принесли добрые плоды.

Кипучая колоссальная, почти невѣроятная для одного человѣка учено-литературная и педагогическая дѣятельность Срезневскаго изображена въ краткомъ біографическомъ очеркѣ, составленномъ сыномъ почившаго, Вс. Изм. Срезневскимъ, всего на 60 страницахъ. Конечно, этого очень мало, какъ мало бы для изложенія подобной задачи и цѣлой книги въ объемѣ, равномъ настоящей. До извѣстной степени недостатокъ этотъ восполняется краткой статьей о харьковскомъ періодѣ жизни Срезневскаго проф. Сумцова, болѣе обширнымъ очеркомъ проф. Францева «И. И. Срезневскій и славянство» и занимающей менѣе печатнаго листа, но весьма содержательной рѣчью акад. Соболевскаго «Заслуги И. И. Срезневскаго». Далѣе, и самъ Вс. Изм. Срезневскій, сознававшій, очевидно, излишнюю краткость очерка, но затруднявшійся, по вполне понятнымъ причинамъ, расширить его, вознаградила отчасти всѣхъ

интересующихся подробностями жизни его родителя приложеніемъ подробнаго библиографическаго указателя «Матеріаловъ для біографіи И. И. Срезневскаго (печатные источники)». Наконецъ, не надо забывать, что настоящая книга, посвященная памяти великаго ученаго, есть только первая.

Огромное большинство образованныхъ людей нашего времени знаетъ и цѣнить И. И. Срезневскаго, какъ автора многихъ высокоцѣнныхъ филологическихъ трудовъ. Отсюда недалеко до представленія его сухимъ кабинетнымъ ученымъ. Но что это представленіе ошибочно, станеть понятно всякому, кто дастъ себѣ трудъ прочесть въ настоящей книгѣ интересную статью дочери почившаго, О. И. Срезневской, «Художественныя произведенія И. И. Срезневскаго и его отношеніе къ поэзіи вообще». Скажемъ сейчасъ же, что заглавіе этой статьи нѣсколько не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Во-первыхъ, художественныхъ произведеній у И. И. Срезневскаго было сравнительно очень немного. Онъ былъ въ молодости авторомъ нѣсколькихъ повѣстей, писалъ стихи, но большая часть ихъ осталась не напечатанной. Но онъ высоко цѣнилъ и понималъ поэзію и вообще изящную литературу. Поэтому правильнѣе было бы, какъ это и сдѣлано въ экономіи распределенія матеріала работы г-жи Срезневской, въ заглавіи выдвинуть на первый планъ отношеніе И. И. Срезневскаго къ поэзіи вообще, а потомъ уже упомянуть объ его художественныхъ произведеніяхъ. Но, кромѣ этого, въ статьѣ много говорится о любви почившаго ученаго къ природѣ и искусствамъ. Наконецъ, стр. 209—210 характеризуютъ намъ Срезневскаго, какъ образцоваго семьянина. Такимъ образомъ, работа г-жи Срезневской содержитъ характеристику лучшихъ сторонъ духовной природы ея почившаго родителя и показываетъ, какъ богато былъ одаренъ онъ и въ этомъ отношеніи.

Наконецъ, помимо кабинетной ученой дѣятельности, И. И. Срезневскій былъ болѣе сорока лѣтъ профессоромъ университета. Характеристику отношеній почившаго къ своимъ слушателямъ находимъ въ живыхъ воспоминаніяхъ также покойнаго нынѣ профессора московскаго университета И. Вл. Цвѣтаева. И въ этомъ отношеніи Срезневскій былъ на высотѣ призванія. Онъ не только читалъ высоконаучныя лекціи, но старался, что особенно важно, возбудить у своихъ слушателей любовь къ наукѣ и стремленіе работать самимъ по мѣрѣ силъ и возможности на этомъ поприщѣ. Примѣняя къ нему то, что онъ самъ сказалъ про Ломоносова, можно замѣтить, что «онъ любилъ науку не въ себѣ одномъ, а во всѣхъ ей преданныхъ, вездѣ и во всемъ, и теплилъ любовь эту въ юношахъ». Мало того, зная тоще обычно кошельки этихъ юношей, онъ неустанно заботился объ освобожденіи ихъ отъ платы за ученіе, о назначеніи стипендіи, уроковъ и т. п.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что библиографія литературы объ И. И. Срезневскомъ составлена Вс. Изм. Срезневскимъ съ особой любовью и тщательностью. Это ободряетъ насъ на внесеніе сюда поправки и дополненія. 1) Постоянные читатели «Историческаго Вѣстника» хорошо знаютъ, что въ подписи Г. Л. И. послѣднюю букву нельзя принимать за сокращенное обозначеніе фамиліи даннаго лица (см. библиограф., № 338), и 2) статья Б. В. Глинскаго «Семидесятипятилѣтіе Петербургскаго университета» перепечатана въ книгѣ того же автора «Очерки изъ исторіи русскаго прогресса».

М.

**Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. 14. Полтава. 1916.
Стр. 238+15.**

Больше половины настоящаго очерка выпуска пошло на статью А. А. Несвицкаго «Чума. Мѣропріятія противъ заноса чумной заразы въ Полтавской губерніи въ XIX вѣкѣ (1813 и 1829 г. г.)». Приложивъ къ своей работѣ правила и инструкции, авторъ замѣчаетъ, что все онѣ «представляютъ собою не только историческій интересъ далекаго прошлаго, но могутъ быть принимаемы во вниманіе въ иныхъ случаяхъ и въ настоящее время». Далѣе въ разбираемой книгѣ продолжаютъ «Матеріалы по археологій Полтавской губерніи» г. Макаренка. Любопытны тутъ соображенія автора относительно, такъ сказать, мѣсторожденія серебрянаго ритона (сосуда), найденнаго въ 1746 г. въ «Кропивянской сотнѣ Переяславскаго полка». Г. Павловскій сообщаетъ въ томъ же выпускѣ «Трудовъ» о такъ называвшейся прежде милиціи—о «Полтавскомъ губернскомъ земскомъ войскѣ» въ 1806—07 г. г. Далѣе г. Бучкевичъ касается исторіи села Жухи, которые въ настоящее время принадлежатъ потомку казненаго Кочубея, князю Викт. Серг. Кочубею. А г. Павловскій ведетъ рѣчь «о спиртныхъ напиткахъ въ Полтавской губерніи въ началѣ прошлаго вѣка».

Г. Неутрѣвскій помѣстилъ статью «Одна изъ мѣръ борьбы съ голодомъ въ 1833 г. въ Полтавской губерніи (архивное дѣло о переселенцахъ)». Она наводитъ на мысль о томъ, что нѣкогда у насъ усердная опека народа соревновала, случалось, и съ энергичной заботой о немъ. Колоритную архивную мелочь выискалъ г. Павловскій. Въ 1833 г. коллежскій регистраторъ, частный учитель Масальскій пожелалъ послать «свою рѣчь поздравительную» императору Николаю I. Масальскій отправилъ просьбу насчетъ этого генераль-губернатору кн. Н. Г. Репнину. Тотъ, «отдавая должное чувствамъ автора, не одобрилъ слога, о чемъ и увѣдомилъ сосницкаго земскаго исправника, предписавъ ему убѣдить автора употреблять время на гораздо полезнѣйшія занятія».

Г. г. Слабченкомъ и Астрябомъ предложены матеріалы «Къ исторіи малорусскихъ дворянскихъ родовъ (Красовскіе)» и «Войсковая и городская старшина въ малорусскихъ полкахъ въ 1725 г.».

А. Нахимовъ.

Ю. Каменевъ. Объ А. И. Герценѣ и Н. Г. Чернышевскомъ. Изданіе книгоиздательства «Жизнь и Знаніе». Петроградъ. 1916. Стр. 142. Цѣна 1 рубль.

Почти все помѣщенные въ книгѣ очерки были напечатаны въ разныхъ журналахъ. Тамъ бы имъ и оставаться. Но г. Ю. Каменевъ почелъ необходимымъ издать ихъ, вѣдшей ради поучительности, отдѣльною книжкой. Въ книжкѣ помѣщены четыре статьи: «О русскомъ месіианизмѣ», «А. И. Герценъ и нѣмецкіе демократы послѣ 1848 г.» (I. Рейнгольдъ Зольгеръ, II. Герценъ въ журналѣ нѣмецкихъ демократовъ), «Герценъ, Чернышевскій и 19 февраля» (I. Либеральныя схемы, народничество и Чернышевскій, II. А. Герценъ), «Либерализмъ и демократія» (III. Н. Г. Чернышевскій и рецензія на трехтомное изданіе «Огней» переписки съ родными Чернышевскаго).

70 лѣтъ тому назадъ велись наиболѣ ярые и яркіе споры западниковъ со славянофилами. 60 лѣтъ назадъ—соціалистовъ съ либералами. Съ тѣхъ поръ идеологія русской перодовой интеллигенціи оставалась незыблемой вплоть чуть ли не до 1905 года. Къ числу подобныхъ раритетовъ относится и книжка Ю. Каменева. Въ ней все та же публицистика, отучающая мыслить. Либерализмъ предаётъ интересы демократіи. Насмѣшки надъ мессіанизмомъ политическихъ своихъ противниковъ и собственная мало чѣмъ оправдываемая върамессіанистическая въ «новый классъ, способный къ рѣшительной борьбѣ со всѣми формами рабства». Идеологи нашего либерализма, утверждаетъ г. Ю. Каменевъ, «берутъ себѣ въ наставники эпигоновъ славянофильства и Достоевскаго. Это значить, что они строятъ на почвѣ, насквозь пропитанной психологіей докантилистической Руси». Но, вѣдь, если всякія «теоретическія построенія» есть «надстройка» (базисъ—«экономика»), то и «демократическое послѣдіе русскихъ «просвѣтителей»—Герцена, Чернышевскаго и Добролюбова, увы, какъ бы не оказалось «надстройкой» на базисѣ «докантилистической Руси»! Прimitивному хозяйству соотвѣтствуетъ и примитивное мышленіе.

Герценъ съ его вѣрою въ общину и въ особую міровую роль Россіи, конечно, ошибался, но его кругозоръ былъ несравнимо шире, какъ политическаго дѣятеля, чѣмъ у Чернышевскаго съ Добролюбовымъ, хотя бы въ силу того богатаго жизненнаго опыта, которымъ онъ обладалъ. Что могъ противопоставить этому опыту Чернышевскій (и тѣмъ паче Добролюбовъ), искушенный въ журналистикѣ, но врядъ ли въ политической борьбѣ? Не собираніе распыленныхъ силъ, а дразненіе общественной воли, разединеніе и безъ того уже пассивно воспринимающаго всѣ событія общества на враждующія и сплетничающія группки, вотъ что выходило, на нашъ взглядъ, вмѣсто широкаго и стройнаго движенія. Это ли было нужно Россіи?

Русская буржуазія, по мнѣнію г. Ю. Каменева, «сразу попала въ полосу империализма» и поэтому «сразу предъявила требованія на наиболѣ реакціонную идеологію, которая знаменовала бы... взаимоприспособленіе и взаимопроникновеніе буржуазныхъ и добуржуазныхъ элементовъ». Но вѣдь это положеніе еще слѣдуетъ доказать точно и неопровержимо или по крайней мѣрѣ сослаться на того, кто эти доказательства представилъ.

Впрочемъ, у г. Ю. Каменева все такъ. Ему важны не лица и событія сами по себѣ, а постольку, поскольку они служатъ его предвзятымъ, публицистическимъ заданіямъ, предрѣшеннымъ, напередъ поставленнымъ цѣлямъ. Нисколько не желая выступать въ роли защитниковъ «либеральной буржуазіи, ниже «русскаго мессіанизма», а желая точнаго, возможно doskonaльнаго и правдиваго изслѣдованія всякаго жизненнаго или литературнаго явленія, что единственное одно можетъ приблизить къ истинѣ и помочь реальному учету силъ, мы всегда будемъ противъ такихъ «очерковъ» съ ихъ дѣтской игрушечной забавой, мишурой обветшалыхъ словъ и понятій, коимъ мѣсто давно на заднихъ полкахъ архивовъ.

Влад. Княжнинъ.

Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ началѣ XX столѣтія. Часть I. Пгр. 1916. Стр. 388. Ц. 3 р. 50 к.

Новая книга нашего извѣстнаго ученаго имѣетъ животрепещущій интересъ. Въ ней освѣщены событія вчерашняго дня, которыя переживали всѣ зрѣлые люди и которыя становятся исторіей только для молодежи. Поэтому положеніе историка, смѣло берущагося за рассказъ о своемъ времени, вдвойнѣ затруднительно. Онъ не можетъ быть вполне безпристрастнымъ, онъ не можетъ отдѣлаться отъ своихъ партійныхъ взглядовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему закрыты нѣкоторые источники, нужные для правильнаго сужденія о международной политикѣ. Значительная часть дипломатическихъ документовъ остается секретной. Несмотря, однако, на эти неизбѣжные недостатки, исторія XX вѣка, написанная такимъ вдумчивымъ и прекрасно подготовленнымъ писателемъ, какъ Н. И. Карѣвъ, и въ высшей степени полезна и соотвѣтствуетъ назрѣвшей потребности современнаго общества. Она разъясняетъ общія причины, вызвавшія колоссальную войну 1914 года. Особенно важна въ этомъ отношеніи глава, посвященная Германіи, въ которой мы находимъ блестящую характеристику имперскихъ канцлеровъ Бюлова и Ветманъ-Гольвега. Авторъ очень ясно и выпукло представляетъ германскую манію величія. «Побѣды Пруссіи надъ Даніей, Австріей и Франціей (въ XIX вѣкѣ) и объединеніе увеличенною Пруссіей большей части Германіи окончательно вскружили германскія головы. Уже раньше въ писаніяхъ германскихъ философовъ, историковъ и публицистовъ, начиная съ Гегеля, довольно сильно звучала нота національнаго превознесенія, соединеннаго съ презрительнымъ отношеніемъ къ другимъ народамъ и въ частности къ славянамъ, теперь же это сдѣлалось общей національной чертой въ самыхъ большихъ размѣрахъ» (стр. 222). При этомъ распространенномъ въ германской націи настроеніи весьма естественно было крайнее развитіе идей и чувствъ, которыя коротко можно опредѣлить, какъ стремленіе къ міровому господству, къ гегемоніи не только въ Европѣ, но и на всемъ земномъ шарѣ. Французскій министръ Локруа писалъ въ 1905 году, что не только императоръ Вильгельмъ—вся Германія хочетъ покорить всѣ народы своему вліянію и поглотить Европу, что это чувство распространено во всѣхъ классахъ общества, при дворѣ и въ городахъ, у юнкеровъ и пролетаріевъ, у консерваторовъ и социалистовъ. Генераль Бернгарди рекомендовалъ въ 1901 г. измѣнить прежній взглядъ на войну, навѣянный сантиментальными соображеніями о значеніи культуры; война не необходимое зло, къ которому дозволительно обращаться лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, а, напротивъ, облагораживающее народную душу и великое потому благо, находящееся въ распоряженіи государства для осуществленія его стремленій. Такъ, заключаетъ авторъ, готовилась Германія, готовилось государство и готовилась нація къ войнѣ за господство надъ міромъ (стр. 232).

Профессоръ Карѣвъ оговаривается, что пишетъ не для ученыхъ историковъ, не для практическихъ политиковъ и не для профессиональныхъ публицистовъ, едва ли могущихъ найти въ его книгѣ много для себя новаго, а для нѣкоторой части такъ называемой большой публики, желающей знать самое недавнее

прошлое въ жизни Западной Европы. Думается, авторъ не совсѣмъ правъ. Публика, несомнѣнно, прочтетъ его книгу съ живымъ интересомъ. Но и публицистамъ принесетъ она значительную пользу, благодаря разностороннему освѣщенію извѣстныхъ фактовъ и полнотѣ изложенія. Въ послѣднее время внезапно поднимаются вопросы о выступленіи Португаліи, о Скандинавской униі, объ отношеніи Норвегіи къ Германіи, и публицистъ, которому придется говорить объ этихъ мало извѣстныхъ факторахъ европейской политики, найдетъ много поучительнаго въ главѣ, отведенной Н. И. Карѣевымъ второстепеннымъ государствамъ.

П. В.

Флайшгансъ. Янъ Гусъ. Переводъ Е. Петровской подъ редакціей Н. Петровскаго. М. 1916 г. Стр. 664. Цѣна 2 р. 75 к.

Гусъ—одно изъ любимыхъ у насъ историческихъ именъ. Русская наука можетъ похвалиться не однимъ серьезнымъ трудомъ о Гусѣ и гуситствѣ. Но, какъ справедливо замѣчаетъ г. Петровскій, наше отношеніе къ Гусу было всегда нѣсколько предвзятымъ и одностороннимъ. Въ его дѣятельности насъ больше всего интересовала вѣроисповѣдная точка зрѣнія: Гусъ былъ близокъ намъ, потому что мы искали и находили въ его проповѣди отблескъ давнихъ кирилло-меѳодіевскихъ тенденцій. Среди католическихъ патеровъ онъ казался намъ православнымъ до такой степени, что по поводу 500-лѣтія со дня его смерти нѣкоторые серьезно поднимали вопросъ о возможности его канонизаціи. Нечего и говорить, какъ мало научна и какъ мало церковна такая точка зрѣнія. Гусъ, несмотря на свою борьбу съ духовенствомъ и папою, никогда не переставалъ быть католикомъ. Съ другой стороны, г. Петровскій совершенно правъ, говоря, что «и наша церковь не только въ пятнадцатомъ, но и въ слѣдующихъ вѣкахъ отнеслась бы къ Гусу не лучше отцовъ Констанцскаго собора». Гусъ важенъ и дорогъ намъ не столько какъ богословъ или проповѣдникъ, въ томъ или другомъ вопросѣ приближавшійся къ православію, сколько какъ характеръ, какъ великій общественный и народный дѣятель, для котораго не было пропасти между словомъ и дѣломъ, для котораго вѣрить значило и жить по вѣрѣ и умереть за вѣру. Такимъ его рисуетъ въ своей книгѣ Флайшгансъ. Гусъ у него не иконописное изображеніе, а человѣкъ со всѣми его слабостями. Но отъ этого онъ не только не теряетъ, но, можетъ быть, и выигрываетъ въ своемъ величій. Ибо жизнь Гуса сама по себѣ уже доказываетъ, какъ велика и непреодолима сила человѣческаго духа, когда онъ чувствуетъ за собой правду.

Слѣдя, какъ развивался и крѣпъ характеръ Гуса, авторъ, конечно, долженъ былъ подробно остановиться на области, въ которой проявлялась его дѣятельность. Береть университетскаго профессора и священническаго посохъ опредѣлили ея границы, и Гусъ вырисовывается передъ нами ясно, какъ религиозный реформаторъ и проповѣдникъ и какъ борець за народное чешское просвѣщеніе. Г. Флайшгансъ не вдается въ разсужденія, не разбираетъ богословскихъ вопросовъ, не дѣлаетъ выводовъ. Онъ только спокойно и просто излагаетъ, но въ концѣ концовъ у читателя сами собой слагаются выводы, и ясно ему становится, въ какомъ отношеніи находилась проповѣдь Гуса къ ученію Виклефа

и какая роль принадлежит чешскому реформатору въ великомъ реформаціонномъ движеніи XV и XVI вѣковъ. Во весь ростъ на фонѣ личностей подобныхъ папѣ Юанну XXIII вырисовывается Гусъ и какъ проповѣдникъ слова Божія въ Виѣдемской часовнѣ, какъ строгій и неумолимый обличитель нравовъ и дикихъ мнѣній современныхъ ему священниковъ, которые не стѣснялись въ отвѣтъ на всякую критику своей дѣятельности съ дерзкимъ богохульствомъ утверждать, что «наихудшій священникъ лучше паллучшаго мірянина, что онъ—отецъ Бога и творецъ тѣла Божьяго, ибо во время литургіи пресуществляетъ хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову, что онъ лучше самой Дѣвы Маріи, ибо она лишь разъ родила Христа, священникъ же ежедневно создаетъ его на алтарѣ». Какъ молотъ, крѣпко, властно и смѣло звучало слово Гуса; чѣмъ больше было навалокъ, тѣмъ непреклоннѣе оно становилось, пока наконецъ не привело его на констанцскій костеръ. Просто, безъ всякой аффектаціи, рассказываетъ г. Флайшгансъ о послѣдней трагедіи Гуса, какъ и на самомъ дѣлѣ просто и безъ аффектаціи, незамѣтно для самого себя принявъ Гусъ свой мученичскій вѣнецъ.

Какъ университетскій профессоръ, Гусъ очень удачно представленъ въ окруженіи тогдашнихъ ученыхъ, которые въ ихъ табардахъ и кукуляхъ, оторванные отъ жизни, занимались серьезно торжественными и головоломными играми, считая природу дѣломъ дьявола и науку сводя къ хитроумнымъ схоластическимъ спорамъ на темы о томъ, «можетъ ли дьяволъ крестить», или «говорилъ ли Адамъ по-еврейски». Единственно, что связывало профессоровъ съ чешской жизнью, были привилегіи и доходы, которые получали они съ народа. Со своимъ свѣтлымъ славянскимъ умомъ, съ ясно выраженнымъ чешскимъ народнымъ смысломъ Гусъ и здѣсь выступилъ новаторомъ, защитникомъ жизни и справедливыхъ требованій чешскаго народа.

Съ этой стороны дѣятельности Гуса, народно-патріотической, тѣсно связано значеніе его и въ исторіи чешскаго языка и литературы. Эта часть книги г. Флайшганса нѣсколько сокращена редакторомъ перевода. Между тѣмъ, именно здѣсь всего нагляднѣе и осязательнѣе и для нашего времени результаты работы Гуса. Это онъ создалъ современную чешскую азбуку съ ея различительными значками, это онъ установилъ чешское правописаніе, положилъ прочныя основы выработкѣ литературнаго языка и наконецъ онъ же завѣщаль чехамъ блясти его чистоту, противопоставляя всякимъ на него иностраннымъ налетамъ. Черта, которой и намъ нелишне было бы позаимствоваться у чеховъ, ибо съ одной стороны лѣнь поискать въ своемъ языкѣ нужное слово, а съ другой—стремленіе порисоваться своей мноученостью, многихъ изъ насъ заставляютъ безъ нужды уснащать родной языкъ иностранными словами.

Большое достоинство книги г. Флайшганса въ томъ, что Гусъ выступаетъ въ ней въ тщательно обдѣланной рамкѣ современнаго ему быта. Авторъ не упускаетъ случая показать корни, связывающіе Гуса съ его краемъ и народомъ. Благодаря этому, біографія отдѣльнаго лица у него часто превращается въ картину средневѣковья. Приложенныя къ книгѣ иллюстраціи еще болѣе содѣйствуютъ наглядному изображенію того времени.

Переводъ и редакція очень хороши. Мы бы только думали, что незачѣмъ

оставлять безъ перевода чешскій предлогъ *z, ze*. Форма «Петръ изъ Младеновиць» правильнѣе и не менѣе близка къ истинѣ, чѣмъ употребляемая переводчицей форма «Петръ зъ Младеновиць».

Андрей Сиротининъ.

М. Чайковскій. Письма П. И. Чайковскаго и С. И. Танѣва. Изданіе П. Юргенсона въ Москвѣ. Стр. 188+VI. Цѣна 2 руб.

Названная сейчасъ книга, недавно вышедшая въ свѣтъ, должна была составлять первый томъ предпринятой къ изданію М. П. Чайковскимъ переписки знаменитаго его брата, композитора П. И. Чайковскаго, съ выдающимися людьми его времени. Къ сожалѣнію, авторъ этой книги, Модестъ Ильичъ Чайковскій, скончался, и мы имѣемъ лишь одинъ томъ, но представляющій большой интересъ по затрагиваемымъ корреспондентами вопросамъ и высказываемымъ ими взглядамъ по этимъ вопросамъ. Оба они знаменитости.

Сергій Ивановичъ Танѣвъ—ученикъ Петра Ильича Чайковскаго по композиции, занявшій по настояніямъ послѣдняго его кафедру въ московской консерваторіи; впоследствии директоръ этой консерваторіи. С. И. Танѣвъ прославился не столько своими композиціями, сколько теоретическими, весьма цѣнными трудами. Онъ никогда не смотрѣлъ на себя, какъ на выдающагося автора, и отлично понималъ, насколько ему далеко до своего профессора въ области творчества.

Съ другой стороны, Танѣвъ съ первыхъ шаговъ своей самостоятельной дѣятельности, сохраняя полныя любви и признательности къ своему наставнику отношенія, «осмѣливался идти не по указкѣ своего профессора, а самъ предназначивъ себѣ дорогу къ проявленію своего таланта и уклонялся отъ нетерпѣливыхъ поучаній къ творчеству со стороны Петра Ильича». Эти разногласія и самостоятельное отношеніе каждаго изъ корреспондентовъ къ искусству даютъ обонмъ прекрасный поводъ высказывать свои взгляды на разные вопросы, затрагиваемые обонми, и весьма интересный матеріалъ для чтенія, не только для музыкантовъ, но и для всѣхъ интересующихся музыкой и ея задачами.

Возникающія иногда пренія несколько не портятъ ихъ прекрасныхъ отношеній,—напротивъ, дружескія отношенія крѣпнютъ и даже настолько, что ученикъ постепенно превращается въ авторитетнаго совѣтника, становящагося судьей произведеній своего профессора: по его приговору (неодобрительному) Чайковскій разорвалъ симфоническую поэмъ «Воевода» и отказался отъ печатанія третьяго фортепианнаго концерта (оба сочиненія вышли посмертнымъ изданіемъ подъ редакціей Танѣва). Изъ многочисленныхъ вопросовъ, которыхъ касаются въ своей перепискѣ названные корреспонденты, остановимся на представляющихъ наибольшій интересъ для читающей публики.

Первый вопросъ, конечно, о творчествѣ. Чайковскій писалъ Танѣву: «Гдѣ насиліе, тамъ нѣтъ вдохновенія; гдѣ нѣтъ вдохновенія, тамъ нѣтъ искусства... Вообще, Сережа, музыканту, по моему крайнему разумію, слѣдуетъ избѣгать лукавыхъ мудрствованій, а дѣлать такъ, какъ Богъ на душу кладетъ. Все

крайности, всё нелѣпости, всё сумбурныя звукоизверженія новой русской школы происходятъ отъ лукавыхъ мудрствованій».

Отъ вопроса о творчествѣ вообще естествененъ переходъ къ вопросу, какъ писать оперы; Танѣевъ отлично понимаетъ, что «творческій даръ, мелодическая прелесть оборотовъ, тонкая чувствительность къ гармоническимъ сочетаніямъ, все это индивидуальныя свойства таланта, которыхъ отъ художника не переймешь, если они не даны «самой природой».

Чайковскій: «Ихъ слѣдуетъ писать (впрочемъ, точно такъ же, какъ и все остальное) такъ, какъ Богъ на душу положитъ. Я всегда стремился какъ можно правдивѣе, искреннѣе выразить музыкой то, что имѣлось въ текстѣ. Правдивость же и искренность не суть результатъ уметствованій, а непосредственный продуктъ внутренняго чувства. Дабы чувство это было живое, теплое, я всегда старался выбирать сюжеты, въ коихъ дѣйствуютъ настоящіе, живые люди, чувствующіе такъ же, какъ и я. Поэтому мнѣ невыносимы вагнеровскіе сюжеты, въ коихъ никакой человѣчности нѣтъ... Итакъ, выбравши сюжетъ и принявшись за сочиненіе оперы, я давалъ полную волю моему чувству, не прибѣгая ни къ рецепту Вагнера, ни къ стремленію быть оригинальнымъ. При этомъ несколько не препятствовалъ вѣяніямъ духа времени вліять на меня».

Очень любопытенъ взглядъ обоихъ великихъ музыкантовъ на Вагнера, завѣщавшаго у насъ послѣднее время, вопреки мнѣніямъ всѣхъ нашихъ выдающихся музыкальных дѣятелей о немъ (Рубинштейнъ, Бородинъ, Кюи, Ларошъ и мн. др.), такое широкое мѣсто, что пришлось вытѣснить чуть ли не всѣхъ нашихъ отечественныхъ композиторовъ изъ репертуара родной лирической сцены.

Вотъ что говоритъ Чайковскій: «Въ Вѣнѣ я слышалъ «Валкирію» Вагнера и имѣлъ случай провѣрить свое первое байрейтское впечатлѣніе. Если въ самомъ дѣлѣ музыкѣ суждено имѣть въ лицѣ Вагнера своего главнаго и величайшаго представителя, то можно прийти въ отчаяніе. Неужели это послѣднее слово искусства, неужели этой претенціозной, тяжеловѣсной и бездарной дребеденю будутъ наслаждаться грядущія поколѣнія, подобно тому, какъ мы теперь наслаждаемся девятой симфоніей Бетховена, въ свое время признававшейся тоже чепухой? Если да, то это ужасно» (1877 г.). Танѣевъ чрезъ двѣнадцать лѣтъ: «Воротился въ Москву къ представленію «Нибелунговъ», которыхъ внимательно выслушалъ, только не вынесъ двухъ первыхъ актовъ «Гибели боговъ» и въ началѣ третьяго уѣхалъ. «Валкирію» слышалъ два раза. Вагнеръ меня въ высшей степени заинтересовалъ, въ особенности въ отношеніи гармоніи и инструментовки. Многому у него можно научиться, между прочимъ и тому, какъ не слѣдуетъ писать оперы. Когда-нибудь я подробно поговорю съ тобой о немъ».

Не можемъ не привести, хотя бы въ самомъ сжатомъ видѣ, нѣсколькихъ мыслей Чайковскаго объ его «Онѣгинѣ», являющихся отвѣтомъ на указаніе Танѣева на несценичность оперы: «Я вамъ на это отвѣчу, что мнѣ на несценичность плевать. Фактъ, что у меня нѣтъ сценической жилки, давно признанъ. Несценично, такъ и не ставьте и не играйте. Я написалъ эту оперу, потому что въ одинъ прекрасный день мнѣ съ невыразимой силой захотѣлось положить на музыку все, что въ «Онѣгинѣ» просится на музыку. Я работалъ съ неописаннымъ наслажденіемъ и увлеченіемъ, мало заботился о томъ, есть ли движеніе.

эффекты и т. д. Плевать мнѣ на эффекты. Да и что такое эффекты?.. «Онѣгинъ» никогда не будетъ пользоваться успѣхомъ, я это напередъ знаю (письмо писано въ 1878 г.). Никогда я не найду артистовъ, могущихъ хотя приблизительно отвѣчать моимъ требованіямъ. Казенщина, рутина нашихъ сценъ, бессмыслица постановки, система держать инвалидовъ, не давая ходу молодымъ, все это дѣлаетъ мою оперу почти невозможной на сценѣ... Да, это опера, лишенная будущности»...

Позаимствуемъ еще нѣсколько мыслей обоихъ великихъ музыкантовъ относительно новой русской школы. Чайковскій: «Мнѣ кажется, что эпоха наша отличается стремленіемъ композиторовъ не къ великому и грандіозному, а къ хорошему и пикантному. Что такое, напр., новая русская школа, какъ не фантастическій культъ всего пріятнаго, вкуснаго? Прежде сочиняли, творили, теперь подбираютъ, изобрѣтаютъ разныя вкусныя комбинаціи. Идея перестала быть цѣлью: она средство, поводъ къ изобрѣтенію того или другого гармоническаго или оркестроваго эффекта... Французъ этотъ (рѣчь идетъ о Бизе, авторѣ «Карменъ») отдаетъ дань испорченности вѣка, но оставаясь художникомъ, а не дѣлаясь наподобіе нашихъ гг. Кюи и К^о какой-то музыкальной кухаркой».

Танѣевъ: «Вся изобрѣтательность обращается въ одну сторону: найти такое послѣдованіе аккордовъ, какого до сихъ поръ ни у кого не было. Въ сущности между ними (французами) и нашими петербуржцами нѣтъ *никакой* разницы, кромѣ той, что французъ сдѣлаетъ вещь изящную, а нашъ, русскій, грубую и неотесанную... Что можетъ быть комичнѣе петербургскихъ музыкантовъ, *намотренно* смѣшавшихъ наши пѣсни съ самыми новѣйшими ухищреніями гармоніи и сдѣлавшихъ изъ этого цѣлую теорію. Наша ошибка заключается въ томъ, что мы охотно становимся въ конецъ европейскаго движенія. Не надо забывать, что прочно только то, что корнями своими гнѣздится въ народѣ»...

В. Васкинъ.

С. М. Чевкинъ. Шестая держава. Этнографія невѣдомой страны. Книгоиздательство «Звѣзда». Пгр. 1916. Стр. 223. Ц. 1 р. 75 к.

Г. Чевкинъ задался любопытною цѣлью ознакомить читателей съ этнографіей невѣдомой для широкой массы публики страны—провинціальной прессы въ наши дни. Въ беллетристической формѣ, въ своего рода «очеркахъ нравовъ» авторъ сумѣлъ дать дѣйствительно много интереснаго матеріала, рассказаннаго весьма выпукло, ярко, часто съ рѣзкими подчеркиваніями, уклономъ къ шаржу и карикатурности. Это придаетъ его произведенію характеръ памфлета, что, впрочемъ, еще болѣе усиливаетъ интересъ рядового читателя, для котораго собственно и предназначается авторомъ его увлекательная книга.

Главный герой «Шестой державы»—Порфирій Филипповичъ Будрейко, фельетонистъ «Южнаго Вѣстника», человекъ даровитый, энергичный, смѣлый, умный, обладающій крѣпкою волею, пробивается упорно и увѣренно изъ мелкой провинціальной печати въ столичную, на широкой литературный путь. Его коллеги, редакторъ Бубенцовъ, студентъ Галина и завѣдующій хроникой

Иванъ Ивановичъ—главные работники газеты. ея ядро. Въ эти типы обрисованы авторомъ достаточно ярко. Ихъ нравы, редакціонные обычаи, взгляды, убѣжденія и характеры заключаютъ въ себѣ много типическаго именно для провинціальной прессы. Фигуры талантливаго писателя-бродяги Вендта-«Прохожаго» и спившагося, размѣнявшаго на мелочи свой талантъ и погибшаго «на днѣ» Лабзина отдають нѣкоторую портретностью, жизненны и правдивы; печальная судьба послѣдняго производитъ на читателя глубокое впечатлѣніе. Провинціальное общество описано мѣткими и рѣзкими штрихами.

Наибольшій интересъ возбуждается тогда, когда на сцену появляется конкурентъ «Южнаго Вѣстника»—газета «Утро», издаваемая какимъ-то акціонернымъ обществомъ, во главѣ котораго стоитъ всесильный банкиръ-еврей Майзелісь. Здѣсь авторъ сумѣлъ дать правильную и правдивую характеристику новыхъ вѣяній и новыхъ людей, явившихся въ наши дни на смѣну прежнимъ русскимъ либеральнымъ журналистамъ. Описание этой борьбы между новыми и старыми людьми въ нашей прессѣ полно захватывающаго злободневнаго интереса. Конечно, побѣда оказалась на сторонѣ банкира-еврея, и прежніе русскіе журналисты принуждены были капитулировать. Работа въ новой газетѣ, новые вѣянія и порядки, новые люди и новыя пѣсни, замѣнившіе старинный русскій «Южный Вѣстникъ», нашли себѣ у г. Чевкина продуманное яркое отраженіе.

Конецъ «Шестой державы» разочаровываетъ читателя своей искусственностью; авторъ даетъ возможность своему главному герою фельетонисту Будрейко собрать нѣкоторую сумму денегъ, съ которыми онъ мечтаетъ уѣхать въ столицу; но до отъѣзда въ столицу фельетонистъ отправляется путешествовать за границу и случайно погибаетъ при какомъ-то кораблекрушеніи. Къ чему эта гибель? Читатели ждали описанія его приключеній въ столичной печати, ожидали этнографіи этой страны, которая для нихъ представляетъ еще большій интересъ, чѣмъ провинціальная пресса.

Въ общемъ книжка г. Чевкина безусловно интересна, заключаетъ въ себѣ много правды, намѣчаетъ рядъ серьезныхъ большихъ вопросовъ нашей общественной, даетъ широкой читающей массѣ въ общемъ правильное представленіе о томъ, насколько можно и нужно вѣрить «свободному слову» нашей новѣйшей повседневной печати. Не сомнѣваемся, что, какъ и всякія «разоблаченія», «Шестая державка» найдетъ немало читателей. Д. М.—ко.

Б. Л. Богаевскій. Очеркъ земледѣлія Аѳинъ. Петроградъ. 1916. (Оттискъ изъ «Ж. М. Н. П.» за 1915 г.). Стр. 137.

Названная книга является prolegomena къ печатаемой авторомъ работѣ «Земледѣльческая религія Аѳинъ». Указавъ на важность для выясненія происхожденія и развитія аграрныхъ культовъ точнаго представленія объ исторіи самой страны съ точки зрѣнія естественно-исторической, Б. Л. Богаевскій въ первомъ изъ двухъ этюдовъ, составляющихъ книгу, «Очеркъ исторіи аѳинской равнины» останавливается на геологической исторіи Аттики, на измѣненіяхъ въ ея топографіи и на связанныхъ съ послѣдними перемѣнахъ въ составѣ ея раститель-

наго и животнаго населенія. Пользуясь работами геологовъ, палеонтологовъ и палеоботаниковъ и комбинируя съ ними результаты собственнаго наблюденія, онъ отмѣчаетъ консервативность природы Греціи, при которой весьма сходный растительный міръ находится на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, что и въ древнѣйшую эпоху страны. Установивъ породы животныхъ и растений, встрѣчавшихся въ Атикѣ въ неолитическую эпоху, авторъ разсматриваетъ животный и растительный міръ микенской Греціи, поскольку онъ извѣстенъ намъ по изображеніямъ на памятникахъ, и кончаетъ выводомъ, что аѳинское земледѣльческое хозяйство продолжало существовать въ своихъ характерныхъ чертахъ въ классической Греціи, какъ и въ исходѣ микенскаго періода, и продолжаетъ во многихъ своихъ особенностяхъ встрѣчаться еще и въ настоящее время.

Второй этюдъ, «Очеркъ земледѣльческаго хозяйства Аѳинъ», переноситъ пашу уже въ историческое время и посвященъ техникѣ аѳинскаго земледѣлія. Здѣсь авторъ прежде всего останавливается на характеристикѣ климатическихъ условій страны, съ ея неравномѣрнымъ чередованіемъ тепла и холода, влажности и засухи. Въ связи съ этимъ подробно разсматривается бытовой земледѣльческій календарь древнихъ аттиковъ, примѣнявшійся при сельско-хозяйственныхъ работахъ и опредѣляемый не столько числами, сколько восхожденіемъ и захожденіемъ созвѣздіи и разнаго рода переменами въ жизни природы. Переходя ближе къ разсмотрѣнію сельско-хозяйственныхъ работъ, авторъ останавливается на заботахъ древнихъ о сохраненіи и распределеніи влаги по полямъ, что было безусловно необходимо въ виду сухости аттической равнины, такъ рѣзко отличной въ этомъ отношеніи отъ сосѣдней Беотіи. Удобреніе, второе необходимое условіе для успѣшнаго произрастанія растений, требовавшее особаго вниманія въ виду особенностей легкой известковой почвы Атики, останавливаетъ на себѣ вниманіе автора прежде, чѣмъ онъ принимается за описаніе разныхъ системъ обработки земли въ древней Атикѣ (хищническая однопольная система и обычная двухпольная) и времени и методовъ вспашки. Разсмотрѣніе времени посѣва и разнаго рода растений, сѣявшихся въ древности на аттическихъ поляхъ, составляетъ предметъ слѣдующей главы. Замѣчу кстати, что на таблицѣ на стр.86, гдѣ дано время «посѣва хлѣбныхъ и бобовыхъ злаковъ по Теофрасту», *Vicia* *stassica* лучше, кажется, было бы перевести по-русски болѣе употребительнымъ терминомъ «мышинный горошекъ», чѣмъ «гусиный». Кромѣ того, я вообще сомнѣваюсь, можно ли сказать: бобовые злаки. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ касается всѣхъ послѣдующихъ моментовъ работы, связанной съ воздѣлываніемъ всякаго рода хлѣбныхъ: полотья, цвѣтенія хлѣбныхъ, созрѣванія, жатвы, молотбы и уборки уже чистаго зерна. Послѣднюю часть работы составляетъ описаніе «посаднаго» хозяйства. Въ составъ растений воздѣлываемыхъ такимъ способомъ, входятъ: благородная маслина, смоковница и виноградная лоза. Описаніемъ огородно-садовой культуры овощей и плодовыхъ деревьевъ заканчивается весь второй этюдъ, въ которомъ авторъ, на ряду съ описаніемъ техническихъ приемовъ сельскаго хозяйства, вездѣ старается отмѣтить аниматистическія воззрѣнія древнихъ грековъ на жизнь растенія, давшая начало аграрнымъ культамъ, обѣщанная авторомъ книга о которыхъ будетъ, вѣроятно, весьма интересной работой, если судить по этому введенію въ нее и по другимъ статьямъ автора, живо и съ лю-

бовью изображающаго сельскую жизнь древнихъ земледѣльцевъ и ихъ религіозныхъ воззрѣній, вытекающія изъ тѣсной связи съ матерью-землею, кормилицей всего существующаго на ней.

А. Захаровъ.

Профессоръ И. И. Соколовъ. 1) Собраніе документовъ, относящихся къ исторіи епархій константинопольской церкви отъ второй половины XV вѣка до настоящаго времени. Стр. 277+XVII. П. 1916. Ц. 2 р.—2) Епархія константинопольской церкви настоящаго времени. Стр. 115. П. 1915. Ц. 75 к.

Эти изданія проф. И. И. Соколова, хорошо извѣстнаго въ Россіи и за границей своими учеными изслѣдованіями изъ исторіи греко-восточной церкви, объединены общимъ содержаніемъ и являются несомнѣннымъ научнымъ вкладомъ въ церковно-историческую литературу.

Что касается перваго труда, то онъ представляетъ собраніе греческихъ документовъ—въ числѣ ста двадцати, относящихся къ исторіи епархій константинопольской церкви отъ второй половины XV вѣка до настоящаго времени. Въ составъ собранія вошли: патриаршіе и синодальные акты, сигиліи, посланія и грамоты объ учрежденіи новыхъ епархій, о возведеніи епископій и архіепископій въ достоинство митрополій, о соединеніи или раздѣленіи епархій, о возвышеніи митрополій въ эфіціальномъ синтагматонѣ епархій, подчиненныхъ вселенскому патриаршему престолу, объ увеличеніи или уменьшеніи состава епархій, о положеніи патриаршихъ экзархій, о пожалованіи митрополитамъ новыхъ титуловъ въ связи съ перемѣнами въ общемъ состояніи тѣхъ или иныхъ епархій, наконецъ. синтагматіоны и каталоги епархій, входившихъ въ предѣлы константинопольской церкви. Самый ранній изъ опубликованныхъ въ собраніи документовъ относится приблизительно къ 1490 году, а самый поздній—къ марту 1913 года.

Историческіе матеріалы, вошедшіе въ составъ разсматриваемаго изданія, извлечены проф. Соколовымъ изъ различныхъ рукописныхъ собраній. Большая ихъ часть, именно сто два документа заимствованы изъ Патриаршаго архива въ Константинополѣ, тринадцать документовъ списаны съ кодексовъ патриаршей бібліотеки въ Іерусалимѣ, три документа получены изъ Патриаршаго архива въ Дамаскѣ, одинъ документъ изданъ по рукописи монастыря св. Георгія Перистереота въ Понтѣ и одинъ документъ опубликованъ на основаніи рукописей монастырей Богородицы Сумела и св. Іоанна Предтечи (Вазелона) въ Понтѣ и синодальной бібліотеки въ Москвѣ. Нѣкоторые изъ документовъ были и раньше извѣстны по опубликованію преимущественно въ различныхъ греческихъ журналахъ, но русскій ученый призналъ необходимымъ включить ихъ въ свое собраніе, такъ какъ даетъ правильный ихъ текстъ, извлеченный изъ официальныхъ рукописныхъ кодексовъ и свободный отъ перѣдкихъ въ прежнихъ изданіяхъ уклоненій отъ оригинала.

Второй трудъ представляетъ историческій очеркъ, посвященный трудному вопросу—объ епархіяхъ константинопольской церкви. Авторъ говоритъ здѣсь объ общемъ епархіально-административномъ составѣ константинопольскаго патриархата настоящаго времени, объ архіепископіяхъ, митрополіяхъ и еписко-

пяхъ, сообщаетъ очень важныя свѣдѣнія о порядкѣ открытія новыхъ митрополій въ константинопольской церкви, гдѣ въ послѣдніе годы было учреждено десять митрополій, уясняетъ смыслъ синтагматона или каталога епархій и значеніе митрополическихъ титуловъ; говоритъ о титулярныхъ епископахъ и патриаршихъ экзархіяхъ къ константинопольскомъ патриархатѣ. Очеркъ отличается новизною и оригинальностью содержанія и читается съ интересомъ.

к.

Письма морского офицера 1806—1809 гг. П. Н. Панафидина. Съ портретомъ автора. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. Пгр. 1916. Стр. 128. Цѣна не означена.

Многіе члены древняго дворянскаго рода Тверской губерніи Панафидиныхъ въ теченіе болѣе полутораста лѣтъ, со временъ императрицы Екатерины II, непрерывно служили на судахъ нашего доблестнаго флота, и одинъ изъ нихъ, Павелъ Николаевичъ, принималъ дѣятельное участіе въ его дѣйствіяхъ подъ начальствомъ Сенявина въ Адриатическомъ морѣ въ 1806—1807 годахъ. Онъ велъ въ то время свой дневникъ, изданный въ настоящее время въ формѣ писемъ Б. Л. Модзалевскимъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Письма эти читаются съ большимъ интересомъ. Читатель, помимо свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ, встрѣчаетъ много любопытнаго о мало извѣстныхъ вообще островахъ Архипелага, на которыхъ побывалъ въ это время Панафидинъ, о морскихъ бояхъ нашихъ съ турецкимъ флотомъ при Дарданеллахъ 10-го и 11-го мая и у Аѳонской горы 19-го июня 1807 года и, наконецъ о переходѣ на лиссабонскій рейдъ, причемъ, миновавъ уже Гибралтаръ, эскадра наша выдержала чрезвычайно сильную бурю, живо описанную на страницахъ 76—79. Читатель припомнитъ, конечно, что въ 1805—1807 годахъ мы сражались вмѣстѣ съ Англіею противъ Франціи и ея союзницы Турціи, но послѣ заключенія Тильзитскаго мира въ 1807 году мы очутились ревностными союзниками Франціи и стали дѣйствовать противъ Англіи, и потому нашей эскадрѣ, находившейся въ Архипелагѣ, пришлось уходить отъ бывшихъ союзниковъ-англичанъ и возвращаться въ Петербургъ, подвергаясь встрѣчѣ гдѣ-либо на пути съ англійскимъ флотомъ. Послѣднее и не замедлило послѣдовать. Выдержавъ бурю, причинившую не мало различныхъ поврежденій судамъ эскадры, послѣдняя прибыла въ устье рѣки Таго 16-го ноября 1807 года и простояла въ Лиссабонѣ до конца августа 1808 года. Авторъ при этомъ сообщаетъ не мало свѣдѣній объ этомъ живописномъ городѣ. Португалія сначала была страной нейтральною, и суда наши спокойно пребывали въ ея столицѣ. Между тѣмъ Наполеонъ, дѣйствуя въ Испаніи, занялъ также и Португалію и ея столицу Лиссабонъ. Англичане не замедлили сдѣлать большую высадку у Мафры, подъ командою Дальремпля, который разбилъ французскія войска подъ начальствомъ Жюно при мѣстечкѣ Виміера и принудилъ его заключить капитуляцію на оставленіе Португаліи во власти англичанъ, включивъ о нашемъ флотѣ условіе, что онъ долженъ оставаться, какъ въ нейтральномъ портѣ. Однако адмиралъ англійскій Коттонъ, стоявшій съ сильнымъ флотомъ передъ Лиссабономъ, не призналъ этого

условія и требовалъ безусловной сдачи нашихъ судовъ. Вице-адмиралъ Сенивинъ на это не согласился и заявилъ ему, что взорветъ все свои корабли и не дастъ ни одного англичанамъ (стр. 92). Послѣ долгихъ объясненій стороны (Сенивинъ и Коттонъ) заключили конвенцію, по которой все войска, на русскихъ корабляхъ бывшія, должны возвратиться въ Россію, сохраняя все почести военныя, корабли же возвращаются въ томъ точно видѣ, въ какомъ они теперь находятся, по заключеніи съ Россією мира, черезъ шесть мѣсяцевъ, пребывая все время на англійскомъ содержаніи (стр. 93). Послѣ этого наши корабли оставили въ октябрѣ 1808 года предестный Лиссабонъ и были направлены въ Портсмутъ. Затѣмъ 15-го сентября 1809 года экипажи съ кораблей были отправлены въ Россію. На этомъ оканчиваются любопытныя письма Панафидина, въ которыхъ имѣется не мало также свѣдѣній объ извѣстномъ силачѣ, русскомъ геркулесѣ, капитанѣ 1-го ранга Дмитріи Александровичѣ Лукинѣ, котораго непріятельское ядро разорвало пополамъ въ сраженіи при Аѳонской горѣ. Письма снабжены г. Модзалевскимъ, какъ обыкновенно, множествомъ примѣчаній и читаются очень легко.

П. Майковъ.

Сергій Рунинъ. «Отклики». №№ 1—6. 1916 г. Цѣна по 20 коп.

Развитіе политической жизни неминуемо влечетъ за собой и обратную сторону этого явленія—развитіе партійности. А развитіе партійности, въ свою очередь, имѣетъ своимъ вреднымъ послѣдствіемъ потерю свободы сужденій, обязанность судить о всемъ не такъ, какъ подсказываютъ разумъ и совѣсть, а какъ это заранѣе указано партійной программой. При такихъ условіяхъ людямъ безпартійнымъ, олицетворяющимъ собою, по выраженію одного англійскаго государствовѣда, «совѣсть страны», нѣтъ возможности высказать въ важныя минуты государственной жизни свое отдѣльное, независимое отъ партійныхъ программъ мнѣніе.

Съ этимъ зломъ въ Англій борются посредствомъ т. н. литературы памфлетовъ, т. е. брошюръ и летучихъ листовъ на злобы дня. Писатель, скрывшій себя подъ псевдонимомъ «Сергій Рунинъ», переноситъ этотъ приѣмъ на русскую почву. Его «Отклики»—это рядъ брошюръ страницъ по 25—30, выходящихъ не періодически, приблизительно раза два въ мѣсяць и посвященныхъ важнѣйшимъ текущимъ событіямъ. «Мобилизація духа», «Правда о Витте», «Двѣ сестры—Россія и Польша», «Что должна дѣлать Дума во время войны?», «Война и правительство», «Война и все остальное»—вотъ темы, на которыя откликается г. Рунинъ въ первыхъ шести выпускахъ своего изданія. Общая точка зрѣнія автора—національно-прогрессивная, та самая, которая силою обстоятельствъ должна будетъ властно заявить о себѣ послѣ войны, а независимость его положенія даетъ ему возможность высказать не мало здравыхъ мыслей, которыя органы нынѣ существующихъ партій предпочитаютъ не развивать.

А. М. Б.

Г. Масперо. Египетъ. Авторизованный переводъ Н. Д. Гальперинъ подъ редакціей А. М. Эфроса. Съ 565 рисунками и 4 таблицами въ краскахъ. Книгоиздательство «Проблемы эстетики». Москва. Стр. 402. Цѣна 3 р. 50 к., въ переплетѣ 4 р. 50 к.

Серія сочиненій по исторіи искусства, подъ названіемъ «*Arts—una, species—mille*», выпускаемая парижской фирмой Гашеть и выходящая почти одновременно на всѣхъ европейскихъ языкахъ, въ русскомъ изданіи обогатилась новымъ томомъ, посвященнымъ исторіи древне-египетскаго искусства. Эта работа маститаго египтолога совершенно разрушаетъ обычное представленіе о неизмѣнности египетскаго искусства на всемъ протяженіи многовѣковой исторіи долины Нила. Застывшія въ условныхъ формахъ египетская архитектура, живопись и скульптура, представленіе о которыхъ возникло главнымъ образомъ благодаря тѣмъ изданіямъ, гдѣ египетское искусство стилизовано рисовальщиками, при ближайшемъ изученіи оказалось, какъ можно было ожидать а priori, подверженнымъ той же эволюціи, какъ и всякое другое искусство. Этапы этой эволюціи и излагаетъ Масперо въ своей книгѣ.

Оставляя въ сторонѣ древнѣйшее доисторическое искусство Египта, такъ какъ, по словамъ автора, онъ «въ противоположность многимъ, держится того взгляда, что нельзя, не злоупотребляя словомъ, считать искусствомъ тѣ грубые образы, въ которыхъ каждый пробуждающійся къ жизни народъ пытается отпечатлѣть предметы и существа, замѣчаемые имъ вокругъ себя, или идеи, которыя они внушаютъ ему», Масперо всю исторію египетскаго искусства дѣлитъ на такія группы: тинисское искусство; мемфисское искусство; искусство еиванское, въ которомъ надо различать два періода: отъ XI до XVII дин. и отъ XVIII до XXI дин. и которое можно разбить на нѣсколько особыхъ школъ: собственно еиванскую, гермополискую и тинисскую; и, наконецъ, самосскую эпоху, въ концѣ которой на египетское искусство оказываетъ сильное вліяніе искусство Греціи. Къ сожалѣнію, мы въ настоящее время еще не имѣемъ возможности представить въ полной послѣдовательности весь ходъ развитія одного изъ великихъ искусствъ міра: въ немъ мѣстами встрѣчаются пробѣлы, и Масперо нисколько не думаетъ скрывать этого, признавая свою работу намѣчающей этапы искусства долины Нила лишь въ общихъ чертахъ. Онъ въ самомъ началѣ книги отмѣчаетъ недостаточность нашихъ свѣдѣній о происхожденіи египетскаго искусства и объ его первыхъ шагахъ; отмѣчаетъ пробѣлу между памятниками XIII и XVII династій; указываетъ на фрагментарность дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ искусствѣ нѣкоторыхъ другихъ періодовъ; признаетъ, что съ развитіемъ нашихъ познаній объ искусствѣ Месопотаміи, Сиріи, Малой Азіи и Эгейскаго моря придется, вѣроятно, допустить значительную долю чужеземныхъ вліяній въ искусствѣ второй еиванской эпохи и т. д. Своеобразіе приѣмовъ египетскихъ художниковъ Масперо ставитъ въ связь съ религіозныхъ характеромъ египетскаго искусства, которое было средствомъ обезпечить всѣмъ живымъ существамъ (въ томъ числѣ, по своеобразному взгляду египтянъ, и боже-отвамъ) счастливую и безконечную жизнь за гробомъ, а это зависѣло отъ прочности матеріала, примѣнявшагося для построекъ и скульптурныхъ изображеній,

и отъ приданія имъ наиболѣе прочной формы. Съ другой стороны, матеріаль обусловливалъ самое выполненіе произведеній искусства: трактовка лицъ, напр., въ деревянныхъ или металлическихъ статуяхъ отлична отъ трактовки ихъ въ статуяхъ каменныхъ. То обстоятельство, что громадное большинство статуй изображаетъ лицъ въ молодомъ возрастѣ, обусловливается желаніемъ изобразить ихъ во цвѣтѣ силъ, чтобы не заставить двойника влачить загробное существованіе въ тѣлѣ, изнуренномъ старостью. Отъ тѣсной связи между искусствомъ и религіей зависитъ и то, что красота многихъ египетскихъ памятниковъ вполне выясняется только послѣ долгаго ихъ изученія и комментирования. Помимо чистаго искусства, въ книгѣ разсмотрѣны и искусства прикладныя—разнаго рода ремесла, ювелирное дѣло и т. п. Къ книгѣ приложены очень полезныя библиографическія свѣдѣнія по затронутымъ въ ней вопросамъ. Рисунки въ общемъ сдѣланы очень отчетливо для своего небольшого размѣра, исключая весьма немногихъ, гдѣ масса краски сливается и не даетъ возможности разсмотрѣть детали (таковы рисунки: 88, 221, 223, 224, 265, 327, 413, 469, 485, 493, 529, 532, 533 и 514). Въ заключеніе нужно коснуться большого вообще мѣста въ переводахъ, именно транскрипціи собственныхъ именъ. Если ранѣе переводчики принимали транскрипцію тѣхъ авторовъ, которыхъ они переводили, то теперь уже возможно, пользуясь трудами русскихъ египтологовъ, употреблять принятое послѣдними правописаніе и писать Сенусертъ, а не Сануасритъ; Сети, а не Сетуи; Тахарка, а не Таарку; Тутмосъ, а не Тутморисъ; Дашуръ, а не Даххуръ и т. д.

А. Захаровъ.

Центральная Азія. Изслѣдованіе о цѣпяхъ горъ и по сравнительной климатологіи Александра фонъ-Гумбольдта. Въ переводѣ съ французскаго языка доктора П. И. Бороздина, подъ редакцію проф. Д. Н. Анучина. Томъ I, 345 стр. 2 карты, съ портретомъ Гумбольдта, примѣчаніями и со вступительными статьями гг. проф. Анучина и Обручева. Москва. 1915 Цѣна. 3 руб.

Императоръ Николай I въ своихъ непрестанныхъ заботахъ объ изученіи нашего отечества выразилъ въ 1827 г. своему министру финансовъ Е. Ф. Канкрину желаніе, чтобы въ виду большой пользы, которая можетъ послѣдовать для науки и государства, состоялась ученая поѣздка въ восточную Россію, именно на Уралъ и далѣе въ колыванскія рудныя копи. Канкринъ, бывший ранѣе въ перепискѣ съ извѣстнымъ Александромъ Гумбольдтомъ¹⁾, по вопросу о платинѣ, незадолго передъ этимъ открытой на Уралѣ, предложилъ ему принять на себя исполненіе желанія императора, выразивъ при этомъ свои на это условія. Гумбольдтъ отвѣтилъ, что онъ можетъ отправиться въ путеше-

¹⁾ Этотъ Александръ-Фридрихъ-Вильгельмъ Гумбольдтъ (род. 14-го сент. 1769 г. въ Берлинѣ, гдѣ и умеръ, имѣя 90 лѣтъ, 6-го мая 1859 г.), очень рано приобрѣлъ большую извѣстность своимъ путешествіемъ въ 1799—1804 годахъ по Южной Америкѣ, Мексикѣ, Перу, по Андамъ, Кордильерамъ и т. д., на изданіе котораго потребовалось около 30 лѣтъ; оно имѣетъ 30 томовъ in folio и было переведено на многіе европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій. Позднѣе онъ написалъ свой знаменитый «Космосъ».

ствіе не ранѣ весны 1829 года, взявъ съ собою молодого профессора химіи и минералогіи Роде, приче́мъ всѣ расходы по путешествію отъ Петербурга на Уралъ и далѣе должны быть отнесены на счетъ русскаго правительства; расходъ же по переѣзду отъ Берлина до Петербурга и обратно онъ, Гумбольдтъ, беретъ на свой счетъ. Но это 18/30 января 1830 г. Гумбольдту было сообщено Канкринимъ о переводѣ ему немедленно въ Берлинъ 1200 дукатовъ (червонцевъ) на проѣздъ изъ Берлина въ Петербургъ и обратно: по прибытіи же его въ столицу имперіи ему будетъ вручено на ближайшіе расходы по поѣздкѣ десять тысячъ рублей (ассигнаціями въ то время), половина предоставляемой ему на путешествіе суммы. Кроме того, для его путешествія были заказаны четырехмѣстная коляска съ верхомъ и бричка на рессорахъ, для инструментовъ и багажа. Гумбольдта въ поѣздкѣ долженъ былъ сопровождать горный чиновникъ Мешенинъ, говорившій по-нѣмецки или по-французски, и курьеръ, говорившій также по-нѣмецки, или же съ высочайшаго разрѣшенія фельдъегеръ. Направленіе путешествія и его цѣль вполнѣ предоставлялось опредѣлить самому Гумбольдту; русское правительство желало единственно содѣйствовать наукѣ и принести, насколько возможно тѣмъ, пользу промышленности Россіи, особенно горному дѣлу. Всѣмъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ, горнымъ начальникамъ предписано было содѣйствовать экспедиціи; послѣдніе должны были отдавать членамъ ея помѣщенія и въ случаѣ надобности отряжать офицеровъ и рабочихъ на средства казны. Помимо этого, императоръ повелѣлъ принимать Гумбольдта всюду съ почестями, установленными для сенаторовъ и генераловъ (стр. 103).

Гумбольдтъ прибылъ въ Петербургъ 18-го апрѣля (1-го мая) 1829 года, былъ милостиво принятъ императоромъ, имѣлъ успѣхъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ столицы, присутствовалъ въ засѣданіи императорской академіи наукъ въ качествѣ ея почетнаго члена и произнесъ слово о приспособленіяхъ для производства магнитныхъ наблюденій, осматривалъ столицу и всѣ ея музеи и собранія и т. д. и затѣмъ 8-го (20-го) мая, вмѣстѣ съ профессорами Эренбергомъ (ботаникъ) и Росе, а также служителемъ Зейфертомъ, двинулся изъ Петербурга на Москву, которую осматривали дня четыре, Владимиръ, Муромъ, Нижній-Новгородъ, откуда на лодкѣ или баркѣ поѣхалъ въ Казань, а потомъ въ Пермь, гдѣ находилось тогда главное горное управленіе Урала. Тутъ Гумбольдтъ принималъ у себя губернатора. Предоставляя читателямъ ознакомиться непосредственно съ весьма живымъ и любопытнымъ описаніемъ путешествія Гумбольдта, составленнымъ г. Д. Н. Анучинимъ, скажемъ только что экспедиція осмотрѣла уральскіе заводы, была въ Тобольскѣ, въ Барнаулѣ, въ Барабинской степи, посѣтила главнѣйшіе рудники алтайскаго горнаго округа, была 1-го августа въ Усть-Каменогорской крѣпости и, переѣхавъ черезъ р. Нарымъ границу Россіи съ Китаемъ, прибыла въ Бухтарму, а затѣмъ была въ Семипалатинскѣ, откуда направилась на Омскъ, по бывшимъ въ то время пограничнымъ линіямъ, и далѣе на Міяссъ, Златоустъ и Оренбургъ, гдѣ пробыла пять дней, и посѣтила Илецкую защиту, славящуюся своими залежами каменной соли. Изъ Оренбурга Гумбольдтъ рѣшился ѣхать по тракту на Вуздулукъ, Самару, Саратовъ, въ Уральскъ, чтобы осмотрѣть ловлю (багре-

нѣ) рыбы, а затѣмъ направился на Вольскъ и посѣтилъ нѣмецкія колоніи на лѣвомъ берегу Волги. Имъ овладѣло радостное и трогательное чувство, когда такъ далеко отъ родины онъ услышалъ родную рѣчь и увидѣлъ отечественные порядки и обычаи. Посѣтивъ Саратовъ, экспедиція продолжала путь на Астрахань, откуда на пароходѣ ѣздила на Бирючью косу, въ 85-ти верстахъ отъ города. Изъ Астрахани, сдѣлавъ уже 12.000 верстъ, экспедиція спѣшила возвратиться черезъ Воронежъ и Тулу въ Москву, гдѣ Гумбольдтъ былъ почтенъ торжественнымъ засѣданіемъ общества естествоиспытателей при университетѣ. Тутъ же онъ узналъ о всемілостивѣйшемъ награжденіи его орденомъ св. Анны 1-й степени, украшеннымъ императорскою короною, причѣмъ императоръ приказалъ не брать съ него денегъ за матеріалъ и дипломъ. Пробывъ въ Москвѣ около семи дней, Гумбольдтъ со спутниками прибылъ 1-го (13-го) ноября въ Петербургъ, гдѣ нѣкоторое время ожидалъ дня, когда могъ явиться государю, который въ это время былъ нездоровъ и не могъ его принять. Онъ получилъ отъ его величества соболѣю шубу стоимостью въ пять тысячъ рублей ассигнаціями и вазу, самую лучшую во дворцѣ, въ семь футовъ высотой вмѣстѣ съ пьедесталомъ, которую оцѣнивали въ 35—40 тысячъ рублей ассигнаціями. Гумбольдтъ возвратилъ 7050 рублей, оставшіеся у него изъ выданной ему на поѣздку суммы, и 3-го (15-го) декабря направился въ Берлинъ зимою, гдѣ и занялся своимъ сочиненіемъ «L'Asie centrale», появившимся только черезъ 14 лѣтъ, именно въ 1843 году, который онъ посвятилъ его императорскому величеству.

Въ настоящее время первый томъ этого труда, касающійся преимущественно путешествія по Уралу и въ Сибири, а также взглядовъ на орографію и геологію внутренней Азіи, явился въ переводѣ доктора Бороздина на рускомъ языкѣ, въ изданіи, предпринятомъ г. С. И. Шанинымъ. Извѣстность проф. Д. Н. Анучина, принявшаго на себя редакцію перевода, является достаточнымъ ручательствомъ въ точности и правильности онаго, и остается только пожелать полного успѣха этому очень интересному изданію и съ нетерпѣніемъ ожидать появленія второго тома.

П. М. Майковъ.

Н. А. Соловкинъ. По южному побережью Каспія. Астрабадъ—Мазандеранъ—Гилянъ. Пгр. 1916.

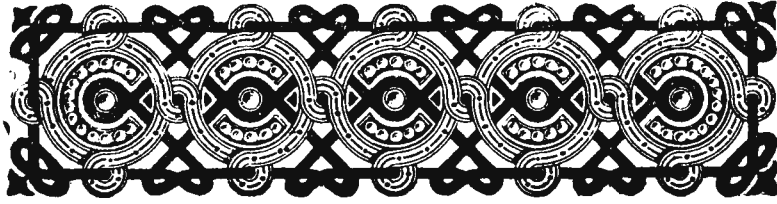
Настоящая книга содержитъ въ себѣ подробное и интересное описаніе южнаго побережья Каспійскаго моря и является первой по этому вопросу среди русскихъ трудовъ по Персіи. Здѣсь даны географическое описаніе южно-каспійскаго побережья, иллюстрированное прекрасными фотографіями, и обстоятельная гидрографическія и метеорологическія свѣдѣнія и таблицы объ этой части Каспійскаго моря. Затѣмъ авторъ рассказываетъ о главнѣйшемъ рыбномъ промыслѣ на побережьѣ, картинно описывая ловъ рыбы, ея заготовку на рыбныхъ промыслахъ и приготовленіе свѣжей и паюсной икры, далѣе авторомъ даются свѣдѣнія о прибрежномъ населеніи, его жизни и, въ частности, жизни нахо-

длежащих на персидскомъ побережьи русскихъ, состоящихъ тамъ на службѣ, и поселенцевъ, наконецъ, въ книгѣ приводятся историческія свѣдѣнія объ интересахъ Россіи на южномъ побережьи Каспія, объ экономической нашей тамъ дѣятельности и имѣющихся для этого перспективахъ.

Весь этотъ трудъ составляетъ плодъ пятилѣтней службы автора въ качествѣ доктора на судахъ нашей Каспійской флотиліи и, кромѣ того, д-ръ Соловкинъ нѣсколько времени пробылъ на службѣ на нашей Астрабадской морской станціи и участвовалъ въ 1912—13 гг. врачомъ стѣбальной съемки Каспійскаго моря. Такимъ образомъ, все это описаніе, за исключеніемъ небольшой исторической части, основано на продолжительномъ практическомъ ознакомленіи д-ра Соловкина съ южно-каспійскимъ побережьемъ, и потому помѣщенные въ немъ свѣдѣнія цѣнны для каждаго русскаго тамъ дѣятеля или направляющагося туда. Затѣмъ вся книга написана д-ромъ Соловкинымъ такъ живо, что и вообще интересна для прочтенія, не говоря уже о полезности ознакомленія для каждаго русскаго съ этимъ сопредѣльнымъ съ Россіей краемъ. Въ заключеніе нельзя не привѣтствовать использованіе авторомъ своего пребыванія на службѣ въ нашемъ Каспійскомъ флотѣ и пожелать, чтобы и другіе русскіе дѣятели, находясь на службѣ на отдаленныхъ нашихъ окраинахъ и чужеземныхъ странахъ, использовали бы столь же продуктивно для Россіи и нашей историко-географической литературы свое тамъ пребываніе.

В. Гурьевъ.

Съ 15 ноября по 15 декабря 1916 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

Robert Joseph Kerner. The foundations of slavic bibliography. Chicago. 1916.

H. Rosental. A list of Russian, ether slavic and baltic periodicals in the New-York Public library. New-York. 1916.

А. Окуловъ. На Амылѣ рѣкѣ и др. рассказы. Кн-во «Сѣверные дни». М. 1916. Стр. 245. Ц. 1 руб 75 коп.

Разсказы г. А. Окулова нельзя отказать въ занимательности, но нѣкоторая техническая безпомощность автора, его явное подражаніе Джеку Лондону, Гамсулу и прочимъ «поэтамъ бродяжничества», ослабляютъ впечатлѣніе. Положительныя достоинства разсказовъ г. Окулова состоятъ въ искреннемъ тонѣ автора, въ его хорошей наблюдательности и въ обиліи матеріаловъ, съ которыми авторъ еще не въ силахъ, повидимому, совладать какъ слѣдуетъ.

Н. С. Гольдинъ. Паденіе сословно-земскаго строя въ Прусской монархіи. Харьковъ. 1916. Стр. XV+362. Ц. 2 руб.

Н. Марѣвъ. Исторія Западной Европы въ началѣ XX столѣтія (1901—1914). Т. VII, часть I, главы I—VIII. (Международныя отношенія до 1907 года.—Внутренняя политика отдѣльныхъ странъ до 1914 г.). Пг. 1916. Стр. XVI+388. Ц. 3 руб. 50 коп.

Временникъ. В. Хлѣбниковъ. Божидаръ. Г. Петниковъ. Ник. Асѣвъ. М. 1917. Ц. 50 коп.

Воронежская Старина. Вып. 14-й. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1916. Стр. II+311+5+431. Ц. 3 руб.

Дѣйствія нижегородской ученой архивной комиссіи. Первое прибавленіе къ каталогу 1911 г. библиотеки нижегородской ученой архивной комиссіи. Вып. I. Нижегородскій отдѣлъ. Н.-Новгородъ. 1916. Стр. 116. Ц. не обозн.

А. Я. Садовскій. «Одно ли лицо Кузьма Мининъ и Кузьма Захарѣвъ Мининъ Сухорукъ». Новый документъ о протопопѣ Саввѣ Еуфимьевѣ. Изданіе Нижегородской архивной комиссіи. Н.-Новгородъ. 1916. Стр. 16. Ц. не обозн.

И. П. Ювачевъ. Война и вѣра. Очерки всемірной войны 1914—16 г.г. Изданіе Всероссійскаго Александро-Невскаго братства трезвости. Пг. 1917. Стр. 304+XI. Ц. не обозн.

Петроградскій мировой судъ за 50 лѣтъ. 1866—1916. Пг. 1916. Т. I. Стр. XXVIII+814. Т. II. Стр. 670. Ц. за оба тома 10 р.

Н. Хоцановъ. Разборъ стихотворенія Пушкина «Передъ гробницею святой». Стр. 8. Годъ, мѣсто и цѣна изданія не об.

Н. М. Языковъ о мировой литературѣ. Кн-во «Центрифуга». М. 1916. Стр. 14. Ц. 50 коп.

Въ настоящей брошюрѣ собраны отзывы поэта Языкова о русской и иностранной литературѣ, почерпну-

тые изъ его дерптскихъ писемъ (1822—29 г.г.), именно—о Жуковскомъ, Грибоѣдовѣ, Козловѣ, Пушкинѣ, Боратынскомъ, Вяземскомъ, Тибуллѣ, Кальдеронѣ (любопытно намѣчена параллель съ Шекспиромъ), английскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ писателей и проч. Брошюра снабжена небезполезными примѣчаніями С. Боброва. Цѣна, даже по нынѣшнимъ временамъ, слишкомъ высока.

Извѣстія состоящей подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора таврической ученой архивной комисіи. № 53. Подъ ред. А. И. Маркевича. Симферополь. 1916. Стр. II+358. Ц. не об.

Профессоръ Н. И. Стороженко. Очеркъ истории западно-европейской литературы. Лекціи, читанныя въ московскомъ университетѣ. Изданіе учениковъ и почтителей. Изданіе 4-е. Москва. 1916. VI+412 стр. Ц. 2 руб. 25 коп.

Лекціи покойнаго профессора Н. И. Стороженка въ теченіе восьми лѣтъ выходятъ уже четвертымъ изданіемъ. Это лучше всего указываетъ на ихъ распространеніе среди читающей публики, а преимущественно между учащейся молодежью. Конечно, совершенно излишне говорить о содержаніи столь распространенной книги или касаться ея достоинствъ, вообще присущихъ работамъ Н. И. Стороженка. Напомнимъ лишь, что лекціи охватываютъ литературу средневѣковую, эпоху Возрожденія и литературу новаго времени, оканчивая XVIII в. Текстъ лекцій въ новомъ изданіи, какъ и вполне естественно, остался безъ перемѣнъ, но библиографическія указанія вновь пересмотрѣны и дополнены профессоромъ М. Н. Розановымъ, и къ книгѣ приложенъ прекрасно исполненный портретъ Н. И. Стороженка. Печатаніе книги происходило подъ наблюденіемъ И. Н. Бороздина.

А. З.

Шишковскій, Болеславъ. Россія и Польша. (Задачи момента.) Изъ записки, представленной правительству въ ноябрѣ сего года. Пг. 1916. Стр. 16. Ц. не об.

Сущность брошюры сводится къ доказательству положенія, что для Польши необходима автономія государственная, основанная на династическомъ союзѣ съ Россіей.

А. А. Яриловъ. Наука о почвѣ—русская наука. Моск. о-во сел. хозяйства. Воронежъ. 1916. Стр. 24. Ц. не об.

Альманахъ для юношества. Хрестоматія для домашняго чтенія, подъ ред.

А. Н. Анненской. Съ иллюстраціями М. Добужинскаго, Д. Кардовскаго, Б. Кустодіева и В. Чемберса. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пг. 1916. Стр. 289. Ц. 3 руб.

Въ «Альманахѣ» вошли отрывки и мелкіе рассказы Тургенева, Достоевскаго, А. Толстого, Станюковича, Короленко, Ант. Чехова, Горькаго, Куприна и Л. Андреева; выборъ для юношества изъ произведеній послѣднихъ трехъ писателей весьма затруднителенъ, но составительница удачно справилась со своей задачей. Выѣшность изданія изящна; прекрасны иллюстраціи.

Ю. Наменевъ. Экономическая система империализма. Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пг. 1916. Стр. 104. Ц. 1 руб.

Ал. Богдановъ. Подъ ласковымъ солнцемъ. Рассказы и стихотворенія. Т. I. Изданіе «Жизнь и Знаніе». Стр. 250. Ц. 1 руб. 50 коп.

Содержаніе рассказовъ взято по большей части изъ быта нашей деревни и уѣздныхъ городковъ съ ихъ темнымъ суевѣріемъ и провинциальной типой. Сюжеты не даютъ ничего новаго; въ стилѣ и манерѣ письма проглядываетъ подражаніе Горькому. Но авторъ хорошо знаетъ изображаемый имъ бытъ и умѣетъ найти для своего изложенія мягкій и сердечный тонъ. Стихотворенія въ общемъ стоятъ ниже прозы.

О. Рунова. Лунный свѣтъ. (Собр. соч. т. II). Кн-во «Жизнь и Знаніе». Пг. 1916. Стр. 384. Ц. 2 руб.

Если рассказы г-жи О. Руновой и нѣсколько блѣды въ художественномъ отношеніи, то все же они искренни, написаны на тему, которая горячо волнуетъ автора; переживанія и психологія ея героинь передаются съ возможною точностью и полнотой. Книжка оставляетъ пріятное впечатлѣніе.

Вл. Нелединскій. Томленіе духа. Вольные сонеты. Пг. 1916. Ц. 2 руб.

Трудная форма сонета авторомъ не вездѣ выдержана, но нѣкоторыя стихотворенія очень удачны и красивы. Любопытны характеристики поэтовъ, хотя не со всѣмъ здѣсь можно согласиться. Есть немало искреннихъ и музыкальныхъ стиховъ о внутреннихъ переживаніяхъ и думахъ поэта; многочисленныя разсужденія объ Италіи, Англіи, религіи, книгахъ и проч. надуманны, холодны и риторичны. Невыдержанность «вольныхъ» сонетовъ не увеличиваетъ достоинствъ сборника г. Нелединскаго.

Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Ч. II. Греція. Составили

Д. А. Жариновъ, Н. М. Никольскій, С. И. Радцигъ и В. Н. Стерляговъ. Съ рис. Изданіе т-ва «Міръ». М. 1917. Стр. X+522. Ц. 3 руб. 75 коп.

Адр. Круковский. Забытые критики. (Къ 50-лѣтію смерти А. В. Дружинина и Ап. А. Григорьева). (Отд. оттискъ изъ «Русск. Филолог. Вѣстника». 1916 г., №№ 1 и 2). Пг. 1916. Стр. 34. Ц. не об.

Г. Круковский знакомитъ въ общихъ чертахъ съ трудами и главнѣйшими положеніями двухъ видныхъ, но забытыхъ не по заслугамъ критиковъ. Краткій обзоръ ихъ литературныхъ заслугъ, можетъ быть, заинтересуетъ нѣкоторыхъ любителей литературы и заставитъ поближе ознакомиться съ ихъ трудами, заключающими въ себѣ немало живого, талантливаго и некрепкаго, что внесено ими въ сокровищницу русскаго самосознанія.

Отчетъ и дѣятельность англо-русскаго педагогическаго общества за 1915—16 г.г. Пг. Стр. 16. Ц. не об.

Труды оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. XXXIII. Оренбургъ. 1916. Стр. 163. Ц. 50 коп.

Свѣдѣнія для нижнихъ чиновъ лейб-гвардіи конной артиллеріи. Составлены флигель-адъютантомъ шт.-кап. Линевинымъ, дополнены и изданы г.г. офицерами запасной батареи въ 1916 г. Пг. 1916. Стр. 139. Ц. не об.

Отчетъ о дѣятельности галицко-русскаго благотворительнаго общества въ Петроградѣ за 1915 г. Пг. 1916. Стр. 16. Ц. не обозн.

В. А. Пановъ. Къ исторіи народовъ Средней Азии. I Сюнь-ну (Хунну). Турецкое происхожденіе народа Сюнь-ну (Хунну) китайскихъ лѣтописей. Изданіе А. В. Даттана. Владивостокъ 1916. Стр. 81. Ц. не об.

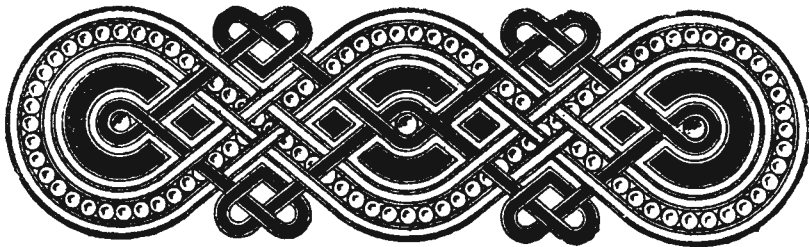
Н. Шульговскій. «Терновый вѣнецъ» (вѣнокъ сонетовъ). П. 1916. Ц. 30 коп. Весь чистый доходъ на лазаретъ для раненыхъ при гимн. Имп. Человѣкъ. о-ва.

Въ стихахъ «Терноваго вѣнца» сочится мученическая кровь страдающаго человѣколюбца. Не знаешь, что раньше отмѣтить, глубину содержания, полнаго искренности и благородства, или образность и яркость стиха.

Краткая исторія русской православной миссіи въ Китаѣ, составленная по случаю исполнявшагося въ 1913 г. 200-лѣтняго юбилея ея существованія. Пекинъ. 1916. Стр. 22. Ц. не об.

Названная книжка заключаетъ въ себѣ много любопытнаго историческаго матеріала о судьбахъ и распространѣніи православія въ Небесной имперіи, о невѣдомыхъ намъ страстныхъ и преданныхъ высокой идеѣ работниковъ на этомъ поприщѣ, знакомитъ съ ихъ личностями и учеными и просвѣтельными заслугами. Къ книгѣ приложена очень цѣнная библиографическая справка по разработанному вопросу. «Исторія русской правосл. миссіи» глубоко поучительна, и ея распространѣніе въ широкой массѣ читателей было бы весьма желательно. Въ Петроградѣ эту книгу можно получить на Воронежской улицѣ д. 100.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

М. А. Бакунинъ и политическія его мечтанія о будущности Австріи, Германіи и Россіи.—Финляндцы въ ихъ отношеніяхъ къ представителямъ русской власти въ Финляндіи.—Страничка изъ благотворительной дѣятельности императрицы Маріи Александровны.

ПОГО предвзятыхъ мнѣній и твердо, повидимому, установившихся историческихъ репутаций получаютъ иногда совершенно новое освѣщеніе при болѣе глубокомъ изученіи нашей старины. Мы ищемъ въ исторіи подтвержденія своимъ взглядамъ, отношеніямъ и даже страстямъ, и въ результатъ даже научныя историческія изслѣдованія, при видимомъ стремленіи авторовъ быть объективными, очень часто, если не всегда, страдаютъ односторонностью въ изложеніи фактовъ нашего прошлаго и въ характеристикѣ нашихъ историческихъ дѣятелей. Въ особенности бываетъ замѣтно это, когда въ исторію вторгается публицистика: въ борьбѣ партій, въ стремленіи объяснить и обосновать свои убѣжденія, гдѣ ужъ думать объ исторической правдѣ? А. между тѣмъ, сіюлошъ и рядомъ оказывается, что старыя мѣрки, старыя характеристики лицъ и событій были по меньшей мѣрѣ не соотвѣтствующими при болѣе широкомъ изученіи предмета. То же случилось и съ характеристикой М. А. Бакунина, извѣстнаго эмигранта и революціоннаго дѣятеля Николаевскаго царствованія, прославленнаго у насъ въ Россіи за «анархиста» и «апостола всеразрушенія».

Въ «Нашей Старинѣ» А. Е. Кауфманъ рисуеъ его нѣсколько съ иной точки зрѣнія. «Трудно,—говоритъ онъ,—было бы искать у Бакунина какой-либо определенной системы или обстоятельно разработаннаго представленія о бу-

душем стрѣ государства. Его ученія и теоріи—это смѣсь изъ нечистаго анархизма, коллективизма, социализма, коммунизма и т. п. Для Россіи у него одни идеалы, для Запада—другіе. «У насъ нѣтъ отечества,—гласить одна изъ его программъ.—Мы стремимся къ созданію свободнаго человѣческаго міра, основаннаго на трудѣ, на равенствѣ, на солидарности всѣхъ человѣческихъ существъ».

«А одновременно съ этимъ Бакунинъ предоставляетъ славянамъ устраиваться съ сохраненіемъ своихъ племенныхъ и національных особенностей. Онъ даже допускаетъ установленіе самимъ царемъ разумнаго порядка вещей, который онъ заранѣе привѣтствуетъ.

«Славянолюбіе Бакунина заслуживаетъ особеннаго вниманія. Можно смѣло сказать, что, живи онъ въ наши дни, онъ стоялъ бы горячо за борьбу съ ненавистнымъ ему пангерманизмомъ и австрійцами. Съ Австрією «разрушитель государствъ» боролся въ своихъ выступленіяхъ на пражскомъ славянскомъ съѣздѣ въ 1848 году и по окончаніи съѣзда—во время святодуховскаго возстанія чеховъ, которымъ онъ самъ руководилъ, какъ бывший артиллерійскій офицеръ.

«Въ своей опубликованной тогда въ газетѣ «Dzennik Domowy» статьѣ Бакунинъ мечталъ о братскомъ союзѣ всѣхъ народовъ славянскаго племени; онъ проповѣдывалъ о святой «связи рода и крови» для исполненія общаго призванія. «Австрія—чудовище, сплетенное хитростью, насиліемъ и преступленіемъ,—говоритъ онъ въ «Воззваніи къ славянамъ русскаго патріота».—Распаденіе этой Австріи будетъ освобожденіемъ и поднятіемъ многихъ порабощенныхъ австрійскому единству народовъ». Венгерцевъ Бакунинъ называетъ «бѣшенными врагами нашей расы, которые, насчитывая четыре милліона, осмѣлились наложить свое иго на восемь милліоновъ славянъ».

«Порою Бакунинъ доходилъ даже до славянскаго «мессіанизма». «Славяне должны быть огнемъ,—воскликаетъ онъ въ томъ же воззваніи:—чтобы творить чудеса. Идите апостолами пробуждающагося славянства. Соединитесь вы, славянскіе народы Австріи! Соединитесь всѣ вмѣстѣ и заключите между собою священный и настоящій союзъ!» «За антиславянскую политику многихъ славянъ,—писалъ онъ въ 1848 году,—Богъ попустилъ, что славяне поднали игу нѣмцевъ»...

«Своему славянолюбію Бакунинъ не измѣнилъ и много лѣтъ спустя, когда успѣлъ уже поплатиться за него тюрьмою и когда надъ его головою висѣлъ топоръ австрійскаго палача. Въ письмѣ къ Герцену въ 1861 году изъ С.-Франциска, гдѣ онъ очутился послѣ бѣгства своего изъ Сибири, онъ писалъ: «Разрушеніе, полное разрушеніе Австріи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ, не говорю—дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво»...

«И пангерманизму объявлена была Бакунинымъ безпощадная война, во имя славянскаго дѣла и осуществленія его любимой идеи—общеславянской федераціи. Раздраженіе противъ нѣмцевъ, насадителей у насъ бюрократической системы со всѣми ея прелестями, проходитъ чрезъ многія бакунинскія воззванія и статьи. На конгрессѣ «лиги мира и свободы» въ 1867 году Бакунинъ имѣлъ смѣлость предъ лицомъ собравшихся нѣмцевъ указать на недопустимое

владычество 200 тысяч нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ (считая и Петербургскую губернію) надъ 3 милліонами чуждыхъ имъ латышей и эстовъ. Онъ требуетъ отказа нѣмцевъ отъ населенныхъ славянами земель и упрекаетъ нѣмецкихъ радикаловъ въ томъ, что у нихъ «двѣ мѣрки», когда идетъ рѣчь о нѣмцахъ и о другихъ народахъ. Нѣсколькими годами раньше, въ своемъ обращеніи къ польскимъ и славянскимъ друзьямъ, Бакунинъ грозилъ даже русскимъ нѣмцамъ отсылкой ихъ въ Германію и попутно выражалъ упреки и польскимъ патріотамъ за то, что они требуютъ слишкомъ многого и претендуютъ на Литву, Вѣлоруссію, Лифляндію, Курляндію и Украйну съ Києвомъ...

«Какъ бы мы ни смотрѣли на дѣятельность и личныя качества М. А. Бакунина, надо признать, что среди политическихъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей его эпохи его крупная фигура занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Онъ выдавался своимъ солиднымъ образованіемъ, замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ и неукротимою энергіею. Императоръ Николай I, когда великій революціонеръ, сидѣвшій въ Алексѣевскомъ рavelинѣ Петропавловской крѣпости, по желанію государя, изложилъ свое политическое сredo, выдалъ ему такую аттестацію: «Бакунинъ умный, хорошій малый, но опасный человѣкъ. Его надо держать взаперти». Со своимъ политическимъ сredo Бакунинъ ознакомилъ и императора Александра II, которому совѣтовалъ созвать земскій соборъ, взять въ свои руки «народное дѣло» и дать народу «землю и волю». «Народъ,—гласитъ одно изъ бакунинскихъ воззваній,—почитаешь въ царѣ символическое представленіе единства, величія и славы русской земли... Царь—родъ русскаго Христа, отецъ и кормилецъ русскаго народа, весь проникнутый любовью къ нему и мыслью о его благѣ... Руководимый царемъ, земскій соборъ создалъ бы новую Россію на основаніяхъ вольныхъ, широкихъ, безъ потрясеній, безъ жертвъ». Вотъ о чемъ мечталъ «апостоль всеразрушенія!» И какъ знать, не возсѣдалъ ли бы Бакунинъ гдѣ-нибудь не на крайне-лѣвыхъ мѣстахъ Тарвическаго дворца, если бы нашъ представительный строй не возникъ съ такимъ значительнымъ запозданіемъ!»

Въ «Мемуарахъ» Як. Аренберга, финляндца, архитектора по профессіи, рисуются «благодарные» и «любяные» финляндцы по отношенію къ Россіи («Гол. Мин.»). Центромъ тяжести воспоминаній Аренберга, ихъ несомнѣннымъ достоинствомъ, являются характеристики русскихъ генераль-губернаторовъ Финляндіи второй половины XIX в. и начала XX. Невозможно безъ грусти читать эти воспоминанія не только потому, что эти генераль-губернаторы, за малыми исключеніями, оказываются въ изображеніи Аренберга стоявшими не на высотѣ предлежавшихъ имъ государственныхъ задачъ; тщательно подчеркивая во всѣхъ возможныхъ случаяхъ необходимость обособленности Финляндіи и благожелательное отношеніе къ этому дѣлу большинства русскихъ администраторовъ, Аренбергъ совершенно обходитъ вопросъ о безправіи русскихъ людей въ Финляндіи, у самыхъ воротъ русской столицы, хотя сами финляндцы пользуются всѣми правами русскихъ гражданъ на всемъ пространствѣ имперіи. О русскомъ народѣ, по мемуарамъ Аренберга, финляндцы вовсе не думали: всѣ ихъ помыслы заключались въ томъ, чтобы обхаживать русскихъ высокопоставленныхъ лицъ и мѣстныхъ администраторовъ съ цѣлью охранять

или даже расширять свои привилегіи, «получать» и ничего не давать. Эта рабья политика, далекая от истиннаго пониманія государственной связи населенія Финляндіи съ исконнымъ населеніемъ великой имперіи, конечно, заставляла культурныхъ финляндцевъ съ особеннымъ усердіемъ изучать личныя качества нужныхъ имъ русскихъ людей съ цѣлью эксплуатировать эти качества въ свою пользу. Оттого и самыя характеристики русскихъ государственныхъ дѣятелей въ Финляндіи въ изображеніи Аренберга отдають топкой, хотя и не зависящей отъ воли автора ироніей отчасти щедринскаго пошиба: это «благосклонные», «просвѣщенные» градоначальники, жаждущіе популярности и чистой преданности управляемыхъ, обхаживаемые толпой плутоватыхъ, себѣ на умѣ обывателей. Въ этомъ обхаживаніи культурные финляндцы совершенно забывали о политическихъ, географическихъ и экономическихъ факторахъ, связывающихъ ихъ съ Россіей независимо отъ доброй воли и личныхъ достоинствъ или недостатковъ градоначальниковъ, даже вопреки имъ; они забывали, что если финляндское благососаніе зиждется только на связи Финляндіи съ Россіей, то и Россія не можетъ отказаться отъ Финляндіи, не переставъ быть великой державой и не отступившись отъ своихъ балтійскихъ гаваней; они забывали о томъ, что нельзя же все время только «получать», ничего не давая взамѣнъ. Политики маленькихъ народцевъ, вслѣдствіе этого, превращаются въ политикановъ, мелкими цѣлями старающихся добиться великихъ цѣлей, но въ своихъ маленькихъ хитростяхъ, въ угодничествѣ предъ вліятельными лицами, совершенно упускающихъ серьезность дѣла. Послѣдній изъ финляндскихъ генераль-губернаторовъ Финляндіи, описанныхъ Аренбергомъ, кн. Ив. Мих. Оболенскій, казалось, былъ уступчивъ свыше всякой мѣры по отношенію къ финляндскимъ притязаніямъ,—до такой степени, что съ началомъ политической забастовки въ Гельсингфорсѣ въ 1905 году просто сдалъ свою позицію и устранился отъ власти, возбудивъ даже своими дѣйствіями негодованіе прямыхъ своихъ подчиненныхъ—русскихъ офицеровъ, не сдѣлавшихъ поэтому своему начальнику обычнаго прощальнаго визита. Но финляндцы ждали отъ князя Оболенскаго чего-то еще большаго, чего, конечно, ни кн. Оболенскій, ни другіе финляндскіе милостивцы никакъ не могли имъ дать, т. е. полной автономіи. Какъ простились финляндцы со своимъ милѣйшимъ княземъ, который даже свою фамилію шуточно переименовывалъ въ «Аболенскаго» (отъ города Або),—живописно рисуется не безъ чувства національной гордости самъ Аренбергъ слѣдующими прочувствованными строками:

«Подходя къ генераль-губернаторскому дому, я увидѣлъ огромную толпу народа (нѣкоторые насчитывали въ ней 20—30 тысячъ), собравшуюся на Эспланадной и Фабианской улицахъ и дальше вдоль бульваровъ. Люди наполнили всю улицу, сидѣли на оградѣ, окружающей Капеллу, топтали газоны и живыя изгороди; воздухъ оглашался топотомъ ногъ и грозными гуломъ голосовъ. Среди этого общаго гула слышались отдѣльныя восклицанія, которыя взлетали, какъ звуковыя ракеты, когда кому-нибудь угрожала опасность быть раздавленнымъ или задушеннымъ.

«Вестибюль генераль-губернаторскаго дома на двѣнадцать ступеней выше поверхности Эспланадной улицы и на двѣ ступени выше поверхности двора.

Лишь только я вошелъ, какъ меня встрѣтилъ отвратительный амміачный запахъ. Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ сильнѣе становилось зловоніе—меня начинало тошнить. Я прошелъ черезъ вестибюль и открылъ дверь во дворъ. Здѣсь стояла команда казаковъ, верхомъ на лошадяхъ, въ полной боевой готовности. Они пришли два дня тому назадъ. За эти дни подстилка подъ лошадьми свалаялась, и конскій навозъ лежалъ высокой кучей, такъ что жидкія нечистоты (всѣ стоки были закрыты) текли черезъ порогъ вестибюля.

«Дикія и грубыя калмыцкія лица выражали усталость и скуку отъ мучительныхъ карауловъ, безъ всякой защиты отъ солнца и вѣтра. Лошади были безпокойны. При всякомъ стукѣ дверей или воротъ онѣ шарахались, такъ что звейѣла сбруя и аммуниція. Толпа, стоявшая на улицѣ, и не подозрѣвала, что таилось здѣсь за стѣнами двора.

«Я вошелъ въ небольшую, когда-то великолѣпную курительную комнату. Тутъ стояли солдаты въ полной аммуниціи, въ папахахъ, съ ранцами за плечами и заряженными ружьями; въ игорной залѣ и столовой было то же самое. Совершенно новый, дорогой брюссельскій коверъ въ игорной, для предохраненія отъ порчи, былъ покрытъ нумерами «Новаго Времени», которые подъ грубыми солдатскими каблуками изорвались въ клочки и вдавились въ нѣжный ворсъ ковра. Онъ былъ совершенно испорченъ. Солдаты ѣли и спали на полу этихъ комнатъ. Окна на улицу не открывались, чтобы публика не могла узнать, какія были приняты мѣры предосторожности: поэтому воздухъ въ комнатѣ былъ ужасный. Мы были словно въ осажденномъ домѣ. Иллюзія (sic) увеличивалась еще оттого, что по Фабіанской улицѣ отъ времени до времени проходилъ патруль изъ трехъ человекъ и разгонялъ мужчинъ и женщинъ рѣшительнаго вида и съ блѣдными лицами, которые часами стояли тутъ, ожидая, что будетъ дальше. Я наблюдалъ изъ-за полуопущенныхъ гардинъ и жалюзи и, казалось, могъ читать на ихъ лицахъ затаенную мысль. Они стояли сплошной сѣрой массой, нервно двигая челюстями (sic). И мнѣ невольно вспоминалось то, что я читалъ о Людовикѣ XVI и Маріи-Антуанеттѣ, когда они сидѣли въ Тюльери, подстерегаемые толпой парижскихъ санкюлотовъ...

«Когда князь говорилъ со своими близкими, то мнѣ очень хотѣлось знать его тайныя мысли. Была ли эта неслыханная, съ его точки зрѣнія, терпѣливость по отношенію къ осаждающимъ его резиденцію народнымъ массамъ основана на императорскомъ приказѣ, гласившемъ, что, что бы ни случилось, никакихъ кровавыхъ столкновеній и тѣмъ болѣе никакихъ избіеній не должно быть въ Финляндіи? Общественное мнѣніе Европы съ трудомъ мирилось съ ними въ Одессѣ, Харьковѣ и Кіевѣ; тѣмъ болѣе оно не терпѣло бы ихъ въ конституціонной Финляндіи.

«Или онъ хотѣлъ удалить своихъ домашнихъ съ тѣмъ, чтобы потомъ выпустить казаковъ и разсѣять толпу? Я убѣжденъ, что исполненіе такого приказа произвело бы настоящій ураганъ. Ни о какихъ баррикадахъ, ни о какомъ вооруженномъ сопротивленіи не могло быть и рѣчи уже по той простой причинѣ, что, вопреки сплетнямъ «Новаго Времени», у насъ не было оружія.

«Въ концѣ концовъ, это чрезвычайно важное для насъ рѣшеніе—не прибѣгать къ насилію и кровопролитію—было продиктовано ему чувствомъ по-

рядочности и природной добротой. Пусть думают, что хотят, но я убѣжденъ въ томъ, что здѣсь сказалась его мягкая натура южанина. Онъ былъ человѣкъ чувства, безъ всякой склонности къ властолюбію. При живости и горячности темперамента онъ быстро переходилъ отъ одного настроенія къ другому; но такъ какъ въ то же время онъ былъ пассивенъ по натурѣ, то его настроенія рѣдко переходили въ дѣйствія. Онъ больше обращалъ вниманія на доступныя и практичныя средства, чѣмъ на самую цѣль, несмотря на то, что эта цѣль внезапно измѣняла свое положеніе, окраску и значеніе. Самодержавіе въ Россіи добровольно капитулировало. Вѣрно одно, что отъ одного его слова, мановенія руки зависѣла тогда участь Финляндіи. Мы должны ему быть вѣчно благодарны за то, что онъ избралъ этотъ путь, который потомъ привелъ насъ къ манифесту 4 ноября 1905 года, тѣмъ болѣе, что злонамѣренные люди изъ числа его собственныхъ соотечественниковъ и разные науськиватели и храбрецы изъ нашихъ старались представить этотъ вопросъ несравненно болѣе труднымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ... Въ то время, какъ депутація конституціоналистовъ находилась у генераль-губернатора и, какъ онъ выразился объ одномъ изъ ея членовъ, «*faisait jabot*», обсуждала положеніе или, вѣрнѣе, диктовала свои приказанія, русская свита князя оставалась въ сосѣдней комнатѣ, негодуя на его слабость.

«Князь самъ сказалъ, что ему дали отставку здѣсь, въ Финляндіи. Онъ думалъ, что все-таки сдѣлалъ для нея кое-что, но люди никогда не бываютъ благодарны. Онъ не чувствуетъ никакого желанія объясняться съ людьми, которые совершенно не умѣютъ себя держать. Онъ далъ полную волю своему негодованію. Оно вылилось въ самую рѣзкую форму, соотвѣтственно его темпераменту. Передъ нимъ стояли небрежно, держа руки въ карманахъ; говорили грубо и заносчиво о вещахъ, которыхъ генераль-губернатору можно было объяснить въ двухъ словахъ. Ему стоило только нажать кнопку, и всѣ эти люди были бы сметены съ лица земли.

«Я поблагодарилъ его за выказанный имъ тактъ и за то, что онъ не вызвалъ войскъ.

«—Не меня благодарите,—сказалъ онъ съ живостью:—благодарите мою жену. Не разъ, а десять, двадцать разъ она говорила мнѣ: «Никакого насилія, никакого кровопролитія».

«И съ тѣмъ же волненіемъ онъ добавилъ:

«—Пусть другіе попробуютъ взяться за этотъ финляндскій вопросъ. Говорятъ, что г.г. В. и М. въ Петербургѣ уже назначили мнѣ преемника. Онъ юристъ и какъ разъ подходитъ для рѣшенія этого вопроса: съ нимъ легче сладить адвокату, чѣмъ военному».

«Тутъ я завелъ было рѣчь о его переѣздѣ въ Свеаборгъ, но получилъ довольно рѣзкій отвѣтъ, содержанія котораго я тогда совсѣмъ не понималъ, хотя онъ длиненъ и многословенъ. Впоследствии я узналъ отъ него самого, что между офицерами, принадлежавшими къ двумъ родамъ оружія въ Гельсингфорсѣ, былъ такой же антагонизмъ—хотя и въ меньшей степени,—какой существовалъ въ Портъ-Артурѣ между флотскими и сухопутными офицерами. Флотскіе офицеры стали на сторону кн. Оболенскаго: онъ былъ морскимъ кадетомъ и лейте-

нантомъ флота. Положеніе чрезвычайно обострилось: офицеры арміи отказались даже сдѣлать прощальный визитъ князю.

«Онъ, со своей стороны, утверждалъ, что даже сомнѣвается въ безусловной вѣрности войскъ, что вполне оправдалось годъ спустя во время бунта въ Свеаборгѣ. Взбунтовались сухопутныя войска, между тѣмъ какъ моряки овладѣли крѣпостью (въ Кронштадтѣ было какъ разъ наоборотъ).

«Такимъ образомъ, князь ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ переѣзжать въ Свеаборгъ. Онъ помѣстился въ флотскихъ казармахъ, откуда перешелъ на «Славу», и наконецъ, когда отставка его была принята, прямо направился на вокзалъ. Отъѣздъ его былъ настолько поспѣшный, что онъ не успѣлъ проститься.

Благодарный Аренбергъ такъ напутствовалъ князя И. М. Оболенскаго:

«Мое окончательное мнѣніе о князѣ такое. Онъ не былъ государственнымъ человѣкомъ (sic!) . Онъ не былъ въ состояніи выработать программу своей дѣятельности. Онъ не обладалъ личнымъ авторитетомъ,—зависящимъ прежде всего отъ твердости характера,—который бы дозволилъ ему отстоять свои взгляды предъ сильной националистической партией въ столицѣ имперіи или предъ ея противниками. Но онъ былъ достаточно уменъ, чтобы понимать все это, и поэтому онъ, при своемъ богатствѣ и независимости, повидимому, уже съ самаго начала задумалъ покинуть свой постъ. Для страны (т. е. Финляндіи) было большимъ счастьемъ, что въ критическій моментъ, во время великаго переворота, когда все висѣло на волоскѣ, онъ слѣдовалъ внушеніямъ своего добраго характера и съ неожиданною для его характера твердостью сумѣлъ отстоять свой взглядъ, несмотря на противодѣйствіе окружающихъ. Самъ онъ считалъ, что страна должна быть ему благодарна за это, и его глубоко огорчало, что онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ».

Финляндцы всегда будутъ обманываться, вмѣстѣ со своими милостивцами, въ своихъ ожиданіяхъ до тѣхъ поръ, пока не научатся съ уваженіемъ относиться у себя дома къ правамъ и нуждамъ великаго своего сосѣда—русскаго народа. Этому-то уваженію и не научили, ихъ ни доморощенные политикацы, ни русскіе администраторы... Но, безъ сомнѣнія, это рано или поздно сдѣлаетъ время и желѣзная логика исторической необходимости.

Интересную картину русскихъ правовъ въ области бюрократическаго усмотрѣнія сообщаетъ «Русская Старина» за царствованіе императора Александра II въ статьѣ г. Мелега «Императорская фамилія въ Крыму». Изъ нея ясно видно, что наилучшія начинанія, исходившія даже съ высоты трона, искажались злонамѣренностью или недомысліемъ исполнителей, стремившихся къ личнымъ цѣлямъ. Императрица Марія Александровна, оставившая своею личностью свѣтлый слѣдъ въ русской исторіи, извѣстна была своею отзывчивостью къ нуждамъ несчастныхъ и обездоленныхъ. Даже во время пребыванія своего въ Крыму, гдѣ она находила облегченіе отъ мучившей ее болѣзни, императрица Марія Александровна находила время и возможность заниматься широкой, осмысленной благотворительностію на пользу неимущихъ больныхъ, стекавшихся на южный берегъ Крыма со всѣхъ концовъ Россіи. «По мѣрѣ того, какъ

ея величество поправлялась,—разсказывает г. Мелега:—до нея начали доходить слухи, что въ Ялтѣ квартиры настолько поднялись въ цѣнѣ, что стали недоступны для бѣдныхъ больныхъ. Вѣсть эта, отчасти совершенно несправедливая, показала ея величеству крайне прискорбною, и она близко приняла къ сердцу положеніе тѣхъ несчастныхъ, которые, кромѣ физическихъ страданій, принуждены были лишать себя самаго необходимаго для сбереженія денегъ на расплату за квартиру. Вскорѣ послѣ этого стало извѣстно, что, имѣя во главѣ Боткина, Губошина, графа Мордвинова, инженера Струве, адмирала Чихачева, съ пожертвованіемъ 50 тысячъ со стороны государыни императрицы, образовалось общество съ цѣлью удешевленія квартиръ и содержанія прѣзжихъ въ Ялтѣ. Естественно, что благая мысль эта принадлежала заботливой матери, но, увы, къ всеобщему сожалѣнію, она не была реализована такъ, какъ думала государыня. Антрепенеры на составленный ими капиталъ вздумали воздвигнуть въ Ялтѣ роскошную гостиницу, стоимость и содержаніе которой не дозволяли имъ облегчить участь бѣдныхъ». Построенное ими зданіе, нынѣ гостиница «Россія», сдается въ аренду и вовсе не служитъ для благотворительныхъ цѣлей, и такимъ образомъ капиталъ, пожертвованный императрицей, послужилъ только для вящаго обогащенія и безъ того не бѣдныхъ г.г. предпринимателей.

1-го декабря 1916 года русское общество и русская литература почтили память Николая Михайловича Карамзина по случаю исполнившагося 150-лѣтія со дня его рожденія (1-го декабря 1766 года). Прекрасная и плодотворная жизнь этого замѣчательнаго человѣка была посвящена цѣликомъ служенію Россіи и русскому народу. Получивъ европейское образованіе и закончивъ его въ дни юной молодости продолжительнымъ путешествіемъ по Западной Европѣ, онъ показалъ себя истиннымъ европеемъ, научившись уважать родной народъ свой и признавъ его право на моральное равенство въ кругу европейскихъ народовъ. «Русскій,—писалъ онъ,—долженъ знать, по крайней мѣрѣ, цѣну свою». Въ этомъ отношеніи Карамзинъ проявилъ нравственное и умственное свое превосходство надъ огромнымъ большинствомъ своихъ соотечественниковъ, европеизмъ которыхъ выражался въ рабскомъ подражаніи Западу и презрѣніи къ родному языку, быту и исторіи. Величіе нравственной своей личности, сравнительно съ современниками своими, Карамзинъ проявилъ и въ самомъ характерѣ своей дѣятельности. Для русскаго дворянина его эпохи служба государству мыслима была только на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, въ рамкахъ габели о рангахъ; для Карамзина—она получила другой смыслъ—въ служеніи русскому просвѣщенію, на поприщѣ родного слова, въ пробужденіи и созиданіи національныхъ основъ русскаго духа и творчества. Въ журнальной, беллетристической и исторіографической своей дѣятельности—повсюду онъ вѣренъ былъ своей мысли о необходимости разработки русскаго литературнаго языка и русской исторіи, какъ основъ духовной жизни народа, такъ какъ только эти духовныя богатства давали Россіи возможность войти въ семью просвѣщенныхъ народовъ въ качествѣ полноправнаго члена и принять участіе въ дальнѣйшей культурной работѣ человѣчества. Къ Карамзину и всѣмъ его трудамъ вполне примѣнимы стихи Пушкина: онъ

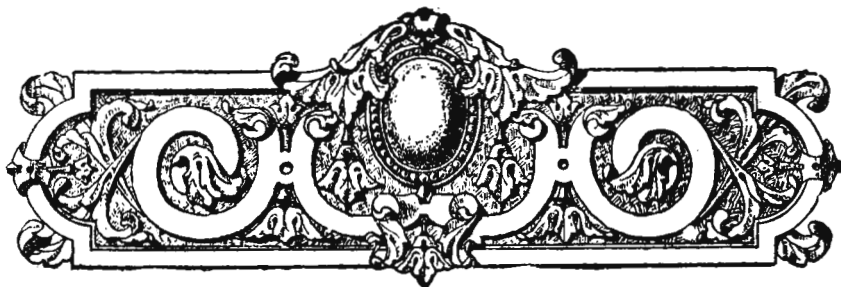
... не презиралъ страны своей родной,
Онъ зналъ ея предназначенье.

80 лѣтъ прошло со времени кончины этого великаго русскаго человѣка, но точные размѣры его вліянія на развитіе русскаго самосознанія все еще недостаточно выяснены, такъ какъ мы мало еще знаемъ свою исторію первой половины XIX вѣка. Этимъ только объясняемъ мы себѣ и разнорѣчивые взгляды на Карамзина, какъ общественнаго и литературнаго дѣятеля, существующіе отчасти и въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что «западническое» теченіе въ нашей литературѣ долгое время, хотя совершенно безосновательно, стремилось присвоить себѣ Карамзина цѣликомъ. Немало недоразумѣній создано вокругъ главнѣйшаго труда его—«Исторіи государства Россійскаго», въ которомъ современники видѣли выраженіе несимпатичныхъ имъ политическихъ тенденцій, а потомство—преимущественно приложеніе нравственныхъ, этическихъ началъ къ исторіи государства. Какъ бы то ни было, и этотъ монументальный памятникъ служенія Карамзина его родинѣ былъ для своего времени своего рода откровеніемъ, когда, по свидѣтельству современниковъ, русскіе люди впервые узнали и полюбили свою исторію: наука русской исторіи получила свое начало именно со времени появленія первыхъ восьми томовъ «Исторіи государства Россійскаго».

Новѣйшія историческія разысканія о второй половинѣ царстванія императора Александра I въ достаточной степени уясняютъ затруднительное положеніе, въ которомъ находился Карамзинъ при совершеніи своей огромной исторіографической работы. Несомнѣнно одно, что, дѣлая иногда уступки времени, лицамъ и обстоятельствамъ, чтобы спасти свой трудъ и обезпечить дальнѣйшее его продолженіе, Карамзинъ неизмѣнно оставался вѣрнымъ сыномъ своего народа, отстаивавшимъ его политическіе и духовные интересы, и не вступалъ въ сдѣлку съ своей совѣстью въ своихъ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ, подчеркивавшихъ противорѣчіе его взглядовъ на русскія дѣла со взглядами его высокаго собесѣдника. Впрочемъ, императоръ Александръ умѣлъ слушать и умѣлъ уважать чужія мнѣнія, хотя бы они не согласовались съ его собственными.... Преемникъ его, императоръ Николай, въ борьбѣ своей съ «либералистами», пробовалъ опереться, въ періодъ суда надъ декабристами, на содѣйствіе Сперанскаго и Карамзина. Сперанскій, дѣйствительно, не обманулъ ожиданій государя, но Карамзинъ уклонился отъ вмѣшательства въ это дѣло, хотя и обратилъ вниманіе государя на Д. Н. Блудова, впоследствии графа; мало того, онъ рѣзко порицалъ въ присутствіи государя направленіе политики его предшественника. Чѣмъ бы закончились отношенія Николая I къ исторіографу, сказать трудно, потому что 22-го мая 1826 г. Карамзинъ скончался, остановившись въ писаніи XII тома своей «Исторіи» на полусловѣ.

Е. Шумигорскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРАТЪ и Шарлотта Корде. — Въ «La Revue Hebdomadaire» извѣстный французскій писатель Артуръ Шюке рассказываетъ со всѣми выясненными въ наше время подробностями одинъ изъ самыхъ сильныхъ эпизодовъ французской революціи—убійство Марата.

Героиня этого событія Шарлотта Корде или, правильнѣе, Марія-Шарлотта Корде д'Арманъ—сама себя она называла всегда Марія, а подписывалась просто Корде—была второю изъ трехъ дочерей небогатаго дворянина изъ сѣверной Франціи. Семья Корде была строго роялистская, и оба ея брата эмигрировали въ Кобленцъ вмѣстѣ съ другими защитниками стараго порядка. Несмотря на это и на полученное ею монастырское воспитаніе, Марія Корде не была ни ревностной католичкой, ни пламенной роялисткой. Чтеніе классиковъ, проникновеніе античнымъ духомъ сдѣлало изъ нея деистку и республиканку. Когда въ семьѣ пили однажды за здоровье Людовика XVI, она наотрѣвъ отказалась присоединиться къ этому тосту, заявивъ, что «слабый король недостойнъ бытъ королемъ!» Этотъ же классическій духъ, которымъ бредили французы время революціи, сдѣлалъ изъ нея ненавистницу тирана, какимъ представлялся ей Маратъ, и вызвалъ въ ней рѣшимость покончить съ этимъ кровожаднымъ человѣкомъ.

Молодая дѣвушка бѣжала изъ Каена, оставивъ отцу записку, что она уѣзжаетъ въ Англію. На самомъ же дѣлѣ съ первымъ дилижансомъ она направилась въ Парижъ, куда и прибыла 11 іюля, въ полдень. Города она не знала и

потому поѣхала въ первую попавшуюся гостиницу, какой оказалась «Hotel de la Providence» на улицѣ Старыхъ Августинцевъ. Здѣсь содержательница и слуги засыпали ее вопросами о томъ, что дѣлается въ Каенѣ. Чтобы не возбуждать подозрѣній насчетъ цѣли своего прибытія въ Парижъ, Шарлотта Корде отвѣтила, что въ городѣ все спокойно и на площади людей не больше, чѣмъ въ обыденное время.

Занявъ маленькую комнатку, Шарлотта Корде немедленно отправилась къ одному изъ депутатовъ конвента Деперре, которому привезла рекомендательное письмо и пакетъ отъ его знакомаго Барбару. Сначала она не застала его дома и передала посылку его дочери. Во время обѣда она явилась вторично и просила Деперре устроить ей свиданіе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. «Какъ ваше имя?» спросилъ Деперре. Посѣтительница взяла его карточку и написала на ней карандашомъ: «Корде».

На другой день, 12 іюля, Деперре самъ зашелъ къ молодой дѣвушкѣ и вмѣстѣ съ нею направился въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но министра Гара видѣть имъ не удалось: онъ принималъ депутатовъ только по вечерамъ, отъ восьми до десяти часовъ.

Вернувшись въ гостиницу, Шарлотта послала мальчика купить ей бумаги и чернилъ и принялась за составленіе своего знаменитаго «Посланія къ французамъ». Въ этомъ посланіи Шарлотта въ нѣсколько напыщенномъ тонѣ объявляетъ, что «смерть Марата пошатнетъ кровавые троны Дантона и Робеспьера». «Я хочу, чтобы мой послѣдній вздохъ былъ полезенъ моимъ согражданамъ. Пусть моя голова, которую будутъ носить по Парижу, будетъ эмблемой единенія всѣхъ друзей закъна».

Наступило 13 іюля—день кровавой драмы. Еще наканунѣ Шарлотта освѣдомилась у коридорнаго, бываетъ ли Маратъ въ конвентѣ. Оказалось, что «другъ народа» боленъ: у него экзема, и онъ уже давно не выходитъ изъ дому. Шарлотта рѣшается ѣхать къ нему сама.

Прикрѣпивъ на груди свое посланіе къ французамъ и свое метрическое свидѣтельство, Шарлотта отправляется рано утромъ въ галереи Пале-Рояля, чтобы заготовить орудіемъ убійства—большимъ кухоннымъ ножомъ, только что отточеннымъ. Уличные глашатаи всякихъ новостей кричали уже о казни тринадцати національныхъ гвардейцевъ, обвиненныхъ въ покушеніи на убійство Леонардо Бурдона, и эта новость еще болѣе укрѣпила Шарлотту въ ея рѣшеніи. Она нанимаетъ извозчика и приказываетъ ему везти себя къ Марату, но тотъ не знаетъ его адреса. Послѣ нѣкоторыхъ разспросовъ оказалось, что «другъ народа» живетъ въ улицѣ Кордильеровъ, въ домѣ № 30. Домъ этотъ, трехэтажный и мрачный, былъ разрушенъ въ 1876 году.

Чтобы попасть къ Марату, нужно было пройти подъ ворота и подняться по лѣстницѣ. Квартира его состояла изъ четырехъ комнатъ съ ванной: передняя, столовая, ванна выходила окнами на дворъ; спальня, гостиная и кабинетъ — на улицу.

Несмотря на взятую на себя роль народнаго трибуна, Маратъ далеко не былъ ни пуританиномъ, ни человѣкомъ строгихъ нравственныхъ правилъ. Это былъ мелкій неудачникъ, свѣдаемый жаждой почестей. До революціи онъ старался

пристроиться при дворѣ графа д'Артуа, въ качествѣ врача гвардіи, посвящалъ свои сочиненія Людовику XVI. Позднѣе онъ серьезно претендовалъ на должность директора академіи наукъ въ Мадридѣ, увѣряя, что его книга о свѣтѣ злитъ собою сочиненіе Ньютона и произведетъ полный переворотъ въ наукѣ.

Революція толкнула этого неудачника въ политику, гдѣ ему съ самаго начала хотѣлось разыграть роль неподкупнаго и неумолимаго народнаго трибуна. Въ іюль 1791 г. онъ предлагаетъ парижанамъ убить Лафайетта и Бальи, перебить депутатовъ, подкупленныхъ, по его мнѣнію, дворомъ, и повѣсить ихъ окровавленные останки въ залѣ засѣданій конвента на страхъ будущимъ измѣнникамъ.

Проживая въ Парижѣ, онъ состоялъ въ связи съ нѣкоей Симонной Эврарь, которую выдавалъ за свою жену. «Когда Марать переѣхалъ ко мнѣ,—говорила Эврарь:—онъ былъ такъ бѣденъ, что я истратила на него большую часть своего состоянія». Симоннѣ въ это время было 29 лѣтъ, и для Марата она была неопцнмой помощницей. Около нея группировались: ея старшая сестра Екатерина Эврарь, прислуга Жанетта Марешаль и привратница Марія Пэнъ.

Въ одиннадцать часовъ утра Шарлотта Корде входила уже въ квартиру Марата. Ее встрѣтила Симонна Эврарь и на просьбу доложить о ней Марату, которому ей надо сообщить очень важныя извѣстія, отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ: гражданинъ Марать боленъ и никого не принимаетъ. Шарлотта пишетъ ему письмо: «Я пріѣхала изъ Каена. Ваша любовь къ отечеству должна побудить васъ узнать заговоры, которые тамъ составляются. Жду вашего отвѣта»

Отвѣта нѣтъ.

Шарлотта пишетъ второе письмо, которое рѣшается отвезти сама, и въ семь часовъ вечера снова ѣдетъ въ улицу Кордильеровъ. Она теперь принарядилась и даже воспользовалась услугами сосѣдняго парикмахера, который, убирая ей голову, не переставалъ коситься на лежавшій на окнѣ поже въ ножпахъ.

На этотъ разъ ей открываетъ дверь служанка Жанетта Марешаль. Она также не хочетъ пустить ее въ комнату. Происходитъ препирательство и шумъ. Марать, сидѣвшій въ ваннѣ, слыша голоса, кричитъ: «Пусть она войдетъ».

Шарлотту ведутъ въ комнату, гдѣ стояла ванна, имѣвшая видъ сапога. Комнатка маленькая, въ ней всего одинъ стулъ и маленькій столикъ. На стѣнѣ виситъ карта Франціи съ раздѣленіемъ на департаменты. На ней надпись крупными буквами: «смерть», и изображеніе двухъ скрещенныхъ пистолетовъ.

Марать сидѣлъ въ ваннѣ, закутанный сверху. Руки у него были свободны.

Когда Шарлотта вошла въ комнату, Эврарь, словно предчувствуя бѣду, неоднократно заглядывала въ ванну подъ предлогомъ получить отъ Марата указанія насчетъ стола.

Въ общемъ бесѣда Марата съ Шарлоттой Корде продолжалась около десяти минутъ. Узнавъ о мнимыхъ заговорщикахъ въ Каенѣ, Марать записалъ ихъ имена и воскликнулъ:

— Черезъ нѣсколько дней я заставлю гильотинировать ихъ въ Парижѣ.

Эти слова рѣшили участь Марата: Шарлотта поднялась и, быстро выхвативъ нсажъ, ударила имъ «друга народа». Левіе пробилъ ему грудь между первымъ

и вторымъ ребромъ, прошло въ верхнюю часть праваго легкаго и въ лѣвый желудочекъ сердца.

— Спасите! На помощь!—закричалъ было Марать, но скоро языкъ пересталъ повиноваться ему. Кровь хлынула цѣлымъ потокомъ, доходившимъ до столовой. Напрасно вбѣжавшая Симонна Эвраръ старалась ее удержать правой рукой. На помощь прибѣжалъ сосѣдь, зубной врачъ, Лафонде. Желая перевязать рану, онъ отнимаетъ руку Симонны: кровь продолжаетъ бѣжать рѣкой. Пульса уже нѣтъ! Марать умеръ.

Между тѣмъ Шарлотта, не теряя хладнокровія, вышла изъ ванны и направилась въ переднюю. Тутъ находились три женщины, складывавшія журналъ Марата, и разсылный Лоранъ Базъ, разносившій этотъ журналъ по городу. Онъ схватилъ Шарлотту и ударомъ кулака сбиль ее съ ногъ. Едва она успѣла приподняться, какъ онъ снова повалилъ ее на землю и притиснулъ.

На шумъ сбѣжались сосѣди, передъ домомъ какъ изъ земли выросла огромная толпа. Безъ четверти восемь явился полицейскій комиссаръ Гелляръ. Шарлотту обыскали: въ карманахъ ея нашли пятьдесятъ эку, ея второе письмо къ Марату, паспортъ и ключъ отъ чемодана, а на груди—ножны отъ ножа, метрическое свидѣтельство и посланіе къ французамъ.

Объ убійствѣ дали знать комитету общественнаго спасенія. Къ концу допроса прибыли четыре члена комитета: Шабо, Друэ, Лежандръ и Мэръ. Особенно свидѣтельствовалъ противъ Шарлотты первый изъ нихъ, «безстыдный капуцинъ», какъ его называла м-ше де-Роланъ. Думая устрашить преступницу, онъ крикнулъ, что она сложитъ свою голову на эшафотѣ.

— Я это знаю,—хладнокровно отвѣчала Шарлотта.

Потомъ прибыли члены городского совѣта для опечатанія квартиры Марата.

Въ полночь полицейскіе подъ сильнымъ конвоемъ увезли Шарлотту въ тюремъ Аббатства. Толпа пыталась учинить самосудъ и остановила карету. Шарлотта упала въ обморокъ.

Придя въ себя, она спросила:

— Какъ, неужели вы имѣете еще такую власть надъ этими каннибалами-парижанами?

17 іюля 1793 г. эта удивительная по силѣ своего характера дѣвушка была гильотинирована въ Парижѣ.

— Завоеваніе французами Алжира¹⁾.—Въ апрѣлѣ 1827 г., во время праздника Вафрами, французскій консулъ въ Алжирѣ, Деваль, по обыкновенію явился въ Казбахъ, чтобы привѣтствовать дея Гуссейна. Давно уже разъяренный противъ Франціи, дея не далъ консулу раскрыть рта и сталъ обвинять его въ томъ, что онъ становится между нимъ и французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Оправданія Девалья только подлили масла въ огонь, и дея, потерявъ душевное равновѣсіе, трижды ударилъ консула ручкою своего зонтика и приказалъ ему немедленно убираться изъ дворца.

Деваль, разумѣется, поспѣшилъ донести о всемъ происшедшемъ своему правительству. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Правительство Карла X

¹⁾ «Revue Hebdom.», 28 oct. 1916.

прислало на алжирскій рейдъ фрегатъ подъ командой капитана Колле, которому было поручено потребовать отъ дея немедленнаго извиненія. Взявъ на бортъ своего корабля Деваля, Колле отправилъ дею ноту, требуя, чтобы алжирскій морской министръ явился къ нему съ извиненіями и чтобы на всѣхъ фортахъ было выкинута французское знамя, которому долженъ быть сдѣланъ салютъ въ сто пушечныхъ выстрѣловъ.

Дей отказался исполнить эти требованія. Въ то же время одинъ изъ подчиненныхъ ему беевъ разрушилъ казенное французское зданіе въ Каллѣ, что послужило началомъ крупныхъ беспорядковъ. Согласно съ полученными инструкціями, капитанъ Колле обложилъ Алжиръ блокадой, но эта блокада оказалась, конечно, недостаточнымъ средствомъ, чтобы привести строптиваго дея къ повиновенію. Блокада длилась цѣлыхъ три года, стоила французской казнѣ каждый годъ до семи милліоновъ франковъ и не давала никакихъ существенныхъ результатовъ.

Французское правительство первоначально не имѣло въ виду ввязываться въ войну съ алжирцами и употребляло всѣ средства, чтобы уладить распрю мирнымъ путемъ. Съ этою цѣлью 21 іюля 1829 г. Колле былъ замѣненъ контръ-адмираломъ Бретонньеромъ, который черезъ посредство сардинскаго консула вошелъ въ переговоры съ деемъ и просилъ у него аудіенціи. Два раза съѣзжалъ Бретонньеръ на берегъ и пытался образумить дея. Послѣдній, поощренный нерѣшительностью французскаго правительства, сказалъ адмиралу:

— У меня есть порохъ и пушки. Если мы не придемъ къ соглашенію, то я васъ не задерживаю.

На другой день на глазахъ огромной толпы, собравшейся на набережной, корабль «La Provence» подъ флагомъ парламентаря вышелъ изъ алжирскаго порта. Вдругъ послышался пушечный выстрѣлъ, а за нимъ другіе, и вокругъ корабля запрыгали алжирскія ядра. Бретонньеръ не отвѣчалъ на выстрѣлы и вышелъ изъ порта съ небольшими поврежденіями.

Дей Гуссейнъ скоро раскаялся и понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, вновь оскорбивъ и Францію, и международное право. Но было уже поздно: французскій министръ-президентъ Полиньякъ не могъ дальше затягивать дѣло и сталъ готовить экспедицію. Сначала французское правительство возымѣло было странную идею поднять противъ Гуссейна своего рода крестовый походъ изъ представителей всѣхъ христіанскихъ державъ, имѣвшихъ дѣло съ Алжиромъ, причемъ предлагалось возложить мщеніе за оскорбленную Францію на египетскаго пашу Магомета-Али. Но вскорѣ эта странная идея Полиньяка была оставлена, и Франція рѣшила дѣйствовать силою собственнаго оружія.

Въ концѣ января 1830 г. въ Парижъ былъ вызванъ изъ Бренна вице-адмиралъ Дюперре, которому и было поручено командованіе флотомъ. Для сформированія сухопутныхъ силъ экспедиціи была образована особая комиссія во главѣ съ энергичнымъ генераломъ барономъ д'Оссе. Армія, предназначенная для дѣйствій противъ Алжира, состояла изъ 37 тысячъ пѣхоты и четырехъ тысячъ кавалеріи подъ общимъ начальствомъ военнаго министра, генерала Бурмона.

25 мая экспедиція на 175 корабляхъ разнаго рода, въ числѣ которыхъ было 7 пароходовъ, отправилась изъ Тулона; тутъ были не только генералы, уже

стяжавшіе себѣ извѣстность, но и нѣкоторыя будущія знаменитости въ родѣ Макъ-Магона и Пелисссе, отличившагося потомъ подѣ Севастополемъ.

13 июня, послѣ сильной бури, долго бросавшей корабли по морю, французская эскадра появилась подѣ стѣнами Алжира. Флотъ прошелъ мимо и направился къ полуострову Сиди-Феррухъ, гдѣ на другой день произошла высадка экспедиціоннаго отряда. Нѣсколько тысячъ турокъ и арабовъ, пытавшихся оказать сопротивление, были прогнаны безъ большого труда.

Послѣ цѣлаго ряда схватокъ французы черезъ двадцать дней послѣ высадки были уже подѣ стѣнами Алжира. Гуссейнъ-дей, видя, что дѣло приняло плохой оборотъ, объявилъ себя побѣжденнымъ и штался было спасти свое положеніе путемъ уступокъ, но было уже поздно. Противъ него образовался заговоръ въ самомъ дворцѣ: заговорщики предполагали убить его, возвести на престолъ одного изъ его родственниковъ и немедленно вступить въ переговоры съ французами, а если эти переговоры не помогутъ, прибѣгнуть къ посредничеству Англии. Заговоръ этотъ былъ открытъ наканунѣ того дня, когда заговорщики рассчитывали привести его въ исполненіе. Семеро главнѣйшихъ виновниковъ заплатились жизнью, другіе были изгнаны. Пытаясь спастись, Гуссейнъ-дей разослалъ своихъ эмиссаровъ проповѣдывать священную войну противъ невѣрныхъ. Были приняты всѣ мѣры для отраженія французовъ, но все вниманіе алжирскихъ стратеговъ направлялось почему-то только на берегъ моря. Сухопутная оборона была довольно слабая, и французы не преминули воспользоваться этимъ. Главное сраженіе съ турецкими войсками произошло около ихъ укрѣпленнаго лагеря Стауэли. Непрительская армія, находившаяся подѣ командой родственника Гуссейна, состояла изъ 50 тысячъ человекъ. Но, несмотря на свое численное превосходство, турки были разбиты генераломъ Бурмонемъ на голову.

28 июля вся французская армія была уже подѣ стѣнами алжирской столицы. Артиллерія открыла жестокую бомбардировку. Особенно упорное сопротивление оказывала старая цитадель султана Каласси. Но французамъ удалось взорвать ея стѣны. Тогда арабы, видя свое дѣло проиграннымъ, прикрѣпили къ финиковому дереву бѣлую рубашку. Это былъ знакъ сдачи.

Напрасно хитрый Гуссейнъ старался какъ-нибудь обойти французовъ. Генераль Бурмонъ потребовалъ безусловной капитуляціи. Дею были гарантированы его личная свобода и его богатства и разрѣшено было отправиться вмѣстѣ съ его гаремомъ въ Неаполь. Алжиръ сталъ французскимъ владѣніемъ.

— Карикатуристы о военныхъ событіяхъ.— Война вызвала къ жизни новую отрасль публицистики: разъясненіе обществу смысла совершающихся событій, отраженіе волнующихъ его чувствъ при помощи графическихъ изображеній, т. е. того способа, который французы называютъ общимъ именемъ «*carricature*». Слово это не имѣетъ значенія непременно чего-то смѣшнаго. Напротивъ, *carricature* можетъ, какъ увидимъ ниже, имѣть весьма мрачный и прискорбный смыслъ, не лишенный, конечно, сатирическаго характера.

Развитію современной карикатуры посвящено въ «*Revue de deux Mondes*» нѣсколько статей Роберта де-ля-Сизеранна. Не останавливаясь въ нашемъ из-

влечені на карикатурахъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, мы приведемъ здѣсь главу о развитіи направленіи карикатуры у нейтральныхъ народовъ.

Первой изъ нейтральныхъ странъ по мстительной ироніи противъ нѣмецкой грубости и упоенія войной можно считать Голландію, а въ Голландіи первымъ карикатуристомъ Луи Ремекерса. Бороться съ врагами при помощи карикатуры стало національной традиціей Голландіи: стоитъ вспомнить, какъ сражался своимъ карандашомъ Романъ де-Хугъ противъ Людовика XIV, котораго больно задѣвалъ ѣдкій юморъ этого голландскаго карикатуриста.

До войны Ремекерсъ былъ мирнымъ портретистомъ, приобрѣтшимъ себѣ нѣкоторую извѣстность портретами выдающихся людей Голландіи. Нѣмецкій цинизмъ, холодная жестокость, проявленная ими въ началѣ войны, когда нѣмцы мнили себя побѣдителями, наконецъ, нѣмецкая ложь и лицемеріе возмutilи его до глубины души и превратили изъ художника въ политическаго карикатуриста, скоро прославившагся на весь мiръ. Карикатуры Ремекерса были такъ остры, что голландское правительство старалось всѣми способами помѣшать его дѣятельности, ссылаясь на то, что онъ подвергается опасности нейтралитетъ страны. Одно время была даже закрыта газета «Telegraaf», въ которой онъ обыкновенно помѣщаетъ свои рисунки. Нѣмцы, съ своей стороны, старались дискредитировать сатирика, распуская про него слухи, что онъ подкупленъ Англіей. Но всѣ эти усилія остались безрезультатны, и альбомы ремекерсовскихъ карикатуръ, расходясь по всему свѣту, не мало испортили нѣмцамъ крови. Каждое тевтонское звѣрство закрѣпляется въ чувствахъ людей и въ памяти потомства соответствующимъ рисункомъ. Разстрѣливаютъ нѣмцы миссъ Кавелль—Ремекерсъ изображаетъ плавающую въ лужѣ крови женщину съ завязанными глазами, а надъ ней солдатъ съ ружьемъ, въ позѣ счастливаго охотника, которому удалось застрѣлить дичь. Потопленіе «Лузитаніи» вызываетъ другую картину: мертвецы, тѣсно прижавшись другъ къ другу, конвульсивно изогнутые, еще продолжаютъ держаться за обломокъ взорваннаго парохода, а кругомъ на поверхности воды плаваютъ еще живые, съ расширенными отъ ужаса глазами, съ растрепанными волосами, въ отяжелѣвшихъ отъ морской воды одеждахъ.

Слѣдующій рисунокъ переноситъ насъ въ Парижъ вслѣдъ за налетомъ чепелина: по улицѣ несутъ носилки, на которыхъ видна блѣдная, окровавленная дѣвочка. За носилками идетъ убитый горемъ рабочій: еще нѣсколько часовъ тому назадъ его ребенокъ игралъ и рѣзвился, веселя его отцовское сердце. Теперь это обезображенный трушникъ, который несутъ на кладбище. Подпись подъ рисункомъ: «Культура съ неба». Не щадя никого и ничего, нѣмцы бомбардируютъ и разрушаютъ соборъ въ Реймсѣ, и на рисунокѣ Ремекерса каменное изваяніе Св. Дѣвы, стоявшее у входныхъ вратъ собора, сплшитъ закрыть себѣ голову полами своего каменнаго одѣянія. «Военная необходимость»—гласитъ подпись. Избѣненіе жителей бельгійскихъ городовъ заставляетъ возмущеннаго Ремекерса изобразить Вильгельма въ видѣ Ирода, избивающаго младенцевъ. «Они кричатъ: «мама» (moeder),—говоритъ онъ самъ съ собой:—а мнѣ слышится: «убійца» (moerder),

Жертвой язвительнаго карандаша голландскаго художника сдѣлался въ

особенности пресловутый Бергарди. Съ обстриженной «гигиенично» головой, съ низкимъ бычьимъ лбомъ, съ затянутымъ ремнемъ брюхомъ и съ неизбежной острокопечной каской въ рукѣ, онъ предлагаетъ «старой кокеткѣ»-смерти букетъ изъ человѣческихъ череповъ и длинныхъ высохшихъ рукъ.

Вотъ картина германскаго наступленія въ Кале: обширная равнина, залитая водой, по которой мѣстами плаваютъ, мѣстами торчатъ разлагающіеся германскіе трупы. «Мы еще немного продвинулись впередъ: наши кладбища доходятъ теперь до моря», гласитъ подпись.

Для Ремекерса война ужасный бичъ, несущій на землю слезы и горе. Вотъ дѣлный рядъ колѣнопреклоненныхъ и распростертыхъ ницъ женщинъ въ траурѣ, съ опущенными подъ тяжестью горя головами. Это матери. Вотъ длинный рядъ другихъ—крестьянки, горожанки, женщины высшихъ классовъ. Онѣ идутъ, взявшись за руки, вперивъ въ даль не видящіе ничего глаза. Это вдовы. Вотъ длинная вереница дѣтей, большихъ и малыхъ, которыя, прижимаясь другъ къ другу, идутъ неизвѣстно куда, спрашивая: гдѣ лежатъ наши отцы? Это сироты.

На одномъ изъ самыхъ сильныхъ рисунковъ Ремекерса изображена полуразрушенная деревня. На первомъ планѣ оконченнѣе уже трупы двухъ разстрѣлянныхъ стариковъ. Около нихъ трупъ мальчика съ широко раскрытыми глазами. Его держитъ за руку мать, сошедшая отъ горя и ужаса съ ума. Такова «новѣйшая война».

Слѣдующій рисунокъ переноситъ насъ въ госпиталь. Около постели умирающаго солдата стоятъ отвернувшіеся въ сознаніи своего безсилія сестра милосердія и докторъ. Молодой солдатъ умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ, конвульсивно изгибаясь отъ боли: это жертва нѣмецкихъ удушливыхъ газовъ, у которой выжжены легкія.

А вотъ другая не менѣ сильная картинка: на кровати, закрытое простыней, лежитъ тѣло убитой молодой женщины. Около сидитъ убитый горемъ мужъ, закрывъ лицо руками. Маленькая дѣвочка, стараясь утѣшить отца, спрашиваетъ въ недоумѣніи: «Мама вѣд не сдѣлала ничего дурного?»

Другой голландскій художникъ-кариатуристъ подвизается на страницахъ «Amsterdammer». Это Иоганнъ Бракенсикъ, особенно обратившій на себя вниманіе большимъ рисункомъ, подъ заглавіемъ: «Погоня за счастьемъ». Обезумѣвшій кайзеръ, за которымъ видна смерть, несетъ черезъ трупъ мира къ своему счастью—къ коронѣ міра, мелькающей передъ нимъ. Ослѣпленный этимъ видѣніемъ, онъ и не видитъ, что передъ нимъ пропасть, внизу которой сіяетъ надпись: «революція». Иронія Бракенсика направляется иногда и въ сторону союзниковъ. На улицѣ лежатъ три трупа: бельгійца, черногорца и серба. Около нихъ остановились и совѣщаются три полицейскихъ: англійскій полицменъ, французскій сержантъ и итальянскій карабинеръ. Спрятавшись за фонаремъ, уличный мальчишка кричитъ имъ: «Эй, покровители! Если вы дѣйствительно хотите покровительствовать, то не слѣдуетъ являться слишкомъ поздно!»

Рядомъ съ Бракенсикомъ въ Голландіи надо поставить еще Георгія ванъ Ремдонка и Иоганна Колетта.

Въ Швейцаріи лучшимъ сатирическимъ журналомъ считается «Nebelspalter», издаваемый на нѣмецкомъ языкѣ въ Цюрихѣ. Это журналъ германофильскій,

него карикатуры часто можно счесть за перепечатку изъ нѣмецкихъ журналовъ. Главнымъ образомъ онъ старается вышучивать англичанъ, причѣмъ любимой темой его карикатуръ являются цвѣтныя войска и даже обезьяны, которыхъ англичане призывали для «обезпеченія торжества европейской цивилизаціи». Лордъ Грей на страницахъ «Nebelspalter» представляется всегда спѣшащимъ вперегонку съ Германіей, но вѣчно отъ нея отстающимъ. Недавно «Nebelspalter» изобразилъ греческаго короля и генерала Саррайля ѣдущими вмѣстѣ въ коляскѣ. «Прислушайтесь, какъ народъ привѣтствуетъ ваше величество», говоритъ генераль. «Да, но я не знаю хорошенько, привѣтствуетъ ли онъ насъ по случаю вашего отъѣзда, или васъ по случаю вашего удаленія». Карикатуры этого журнала, какъ и все, впрочемъ, нѣмецкое, довольно грубы, а текстъ подъ ними отличается обычной нѣмецкой тяжеловѣсною.

Сатирическая пресса С.-А. Соединенныхъ Штатовъ почти вся на сторонѣ союзниковъ, причѣмъ американскіе художники любятъ возвращаться къ тому начальному моменту исторіи Штатовъ, когда маркизъ Лафайеттъ оказалъ юному государству помощь противъ его метрополи. Такъ «Life» изобразилъ комнату съ игрушками. Огромный левъ бросается на крошечнаго игрушечнаго американца, который изъ всѣхъ силъ старается защититься отъ него своей деревянной саблей. Сзади игрушечный Лафайеттъ, схвативъ льва за хвостъ, не даетъ ему окончательно расправиться съ его противникомъ. Характернѣе всего для этого журнала рисунокъ, изображающій повѣшеннаго, черты котораго сильно напоминаютъ Вильгельма: это наказаніе тирану.

Другой журналъ: «Evening Sun», пародируя знаменитую карикатуру «Punch» на Бисмарка—«Отпущенный лопманъ», изображаетъ подъ тѣмъ же заглавіемъ корабль, на борту котораго Вильгельмъ и Тирпицъ, а по трапу спускается «отпущенный лопманъ»—цивилизациа.

Въ третьемъ журналѣ: «Eagle» изображенъ турокъ, читающій о нѣмецкихъ жестокостяхъ въ Бельгіи. «О, Аллахъ!—воскликаетъ турокъ:—я долженъ вмѣшаться въ это дѣло во имя человѣколюбія».

Мишенью американскихъ сатирическихъ изданій обыкновенно является «pro-german», сторонникъ Германіи, а любимый темой—нѣмецкое панибратство съ Господомъ Богомъ. На одномъ рисункѣ изображенъ огромный сатана, осѣнившій крыльями императора и шепчущій ему въ ухо: «Перестань же величать меня Богомъ. Мнѣ непріятно это слово».

Не доставляютъ нѣмцамъ особаго удовольствія и испанскіе карикатуристы. Мадридскій журналъ «Blanco y Negro» изображаетъ двухъ бесѣдующихъ акулъ, радующихся войнѣ, которая можетъ «продлиться еще сто лѣтъ». Особенно разрабатываетъ испанская печать тему о стремленіи Германіи добиться такъ или иначе мира. Сатира на de Gascia изображаетъ Вильгельма, галантно предлагающаго руку миру. «Спасибо,—отвѣчаетъ миръ:—но вамъ нужно сначала смыть кровь съ вашихъ рукъ».

На другомъ рисункѣ Вильгельмъ выбираетъ себѣ птицу къ Рождеству. «Я удовольствовался бы вотъ этимъ голубкомъ», говоритъ онъ, указывая на вѣстника мира. Но увы! птица мира не дается нѣмцамъ въ руки, словно закодированный кладъ.

— Герцогиня Беррійская въ Прагѣ.—Въ «*Revue de Paris*» де-Продель-де-ла-Мазъ опубликовалъ не лишеныя интереса документы, касающіеся герцогини Беррійской и послѣдняго короля изъ Бурбоновъ, Карла X: это переписка между герцогиней, ея свекромъ Карломъ X, ея дядей, австрійскимъ императоромъ Францемъ II, и извѣстнымъ Меттернихомъ. Переписка эта относится къ тому моменту, когда герцогиня, освобожденная изъ тюрьмы и отправленная въ Прагу, пыталась опять занять прежнее мѣсто при дворѣ Франціи и осуществить свои материнскія права на воспитаніе ея сына, будущаго графа де-Шамбора. Ей хотѣлось навязать своему свекру своего морганатическаго мужа, графа Луккези-Палли. Этого она до извѣстной степени добилась, ибо австрійскому императору удалось склонить Карла X къ примиренію съ невѣсткой на извѣстныхъ условіяхъ. Мѣсто жительства ей было назначено въ замкѣ Бранденсъ, недалеко отъ Крази, куда она и прибыла въ 1834 г. Карлъ X встрѣтился съ ней очень любезно и держался корректно и относительно ея мужа, графа Луккези-Палли, но герцогиня сама испортила все дѣло, желая немедленно забрать въ свои руки воспитаніе своихъ дѣтей, тогда какъ Карлъ считалъ, что, выйдя вторично земужъ, она тѣмъ самымъ лишила себя этого права. Въ одномъ изъ опубликованныхъ теперь писемъ къ императору Францу герцогиня горько жалуется на обстановку, въ которой находятся ея дѣти, и требуетъ, чтобы къ ея сыну былъ приставленъ способный офицеръ, который училъ бы его военному дѣлу. Ей мерещилось, что Карлъ X хочетъ искусственно продлить дѣтство этого мальчика «для удовольствія нѣкоторыхъ безсмысленныхъ людей, которые все еще мечтаютъ о политическихъ комбинаціяхъ, несомвѣстимыхъ съ правомъ моего сына». Она умоляла императора вступить въ это дѣло и повліять на Карла X. Потому ли, что Францъ II не сумѣлъ этого сдѣлать, или потому, что Карлъ X счелъ такое вмѣшательство въ дѣла французскаго двора неумѣстнымъ, но выступленіе австрійскаго императора не имѣло успѣха. Обращеніе самой герцогини къ своему свекру также осталось безъ результата. Между герцогиней, французскимъ и австрійскимъ дворами возникалъ крупный раздоръ. Подъ предлогомъ болѣзни, пражская изгнанница просила у императора разрѣшенія переѣхать изъ Праги въ Венецію, но Меттернихъ нашелъ что Венеція, «эта гостинная Европы», не годится для резиденціи герцогини, и предложилъ Францу II перевести свою племянницу въ Горицу, маленькій городокъ недалеко отъ итальянской границы. Герцогиня, ожидавшая въ это время прибавленія своего семейства, была крайне оскорблена этимъ. Ей казалось, что ее отправляютъ въ ссылку, что ей намекаютъ на необходимость скрыть предстояшіе роды. Она рѣшила оставаться въ Бранденсъ. Чтобы удалить ее какъ-нибудь изъ Праги, Карлъ X, несмотря на грубый тонъ ея писемъ, пошелъ на уступки и распорядился насчетъ военнаго воспитанія ея сына. Сначала постъ этого воспитателя былъ предложенъ маркизу де-Латуръ-Мобуру, который, однако, отказался отъ предложенія, и тогда вмѣсто него былъ назначенъ маркизь де-Готпуль, ушедшій, впрочемъ, съ этого мѣста черезъ нѣсколько недѣль. Въ одномъ изъ писемъ герцогиня особенно настаиваетъ на томъ, что воспитаніе будущаго французскаго короля должно быть подчинено общественнымъ интересамъ. Не отрицая правильности ея взгляда, Карлъ X упорно, однако, отворачивается

отъ ея совѣтовъ. Любопытны письма Меттерниха къ императору, въ которыхъ онъ указываеь на необходимость удалить герцогиню во избѣжаніе соблазна съ родами въ намѣченную имъ Горицу. Но Меттернихъ нашелъ себѣ достойнаго соперника: герцогиня искусственно затягивала переговоры, чтобы остаться въ пужный моментъ въ Бранденсѣ.

Опубликованныя письма ярко отражаютъ этотъ небольшой періодъ «маленькой исторіи» Европы, перѣдко оказывавшей огромное влияние и на «большую».

— Одинъ изъ членовъ конвента въ старости ¹⁾.—Послѣ побѣды, одержанной французами надъ пруссаками у Вальми, 21 сентября 1792 г., военный министръ Сервант-де-Жербей былъ смѣщенъ, и выборъ Ролана, тогдашняго главы министерства, остановился на Жакъ-Никола Пашѣ. Конецъ жизни этого члена конвента долго оставался загадочнымъ. И только теперь одному ученому удалось добыть документальныя данныя о послѣднихъ годахъ жизни этой крупной личности.

Однажды вечеромъ въ ноябрѣ 1795 г. бывшій военный министръ, прозванный «папа Пашъ», выѣхалъ изъ Парижа, спрятаппый въ возѣ съ соломою; онъ сумѣлъ пробраться въ Арденны, въ Тэнъ-ле-Мутъе, старинное аббатство, которое онъ приобрѣлъ въ 1791 г., послѣ конфискаціи церковныхъ имуществъ во Франціи. Прибытіе его прошло незамѣченнымъ, мѣстные крестьяне не узнали его. Онъ показывался на людяхъ очень рѣдко, разговаривалъ совсѣмъ мало. Пристрастился къ цвѣтоводству, ухаживалъ за своимъ садомъ и той самой рукой, которая подписала указъ о признаніи жиропдистовъ внѣ закона и занесла ужасное показаніе малолѣтняго дофина противъ своей матери, писалъ статьи о «Разведеніи плодовыхъ деревьевъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Арденновъ».

Однажды, въ августѣ 1803 г., его старый другъ Монжъ, ученый математикъ, одинъ изъ основателей парижской политехнической школы, явился съ Наполеономъ въ Мезьеръ, въ окрестностяхъ котораго находилось помѣстіе Паша, и, отправившись къ нему туда, убѣждалъ его согласиться на очень выгодныя предложенія, сдѣланныя отъ имени Наполеона. Но папа Пашъ предпочелъ вести свой уединенный образъ жизни.

Сынъ его, Жанъ Пашъ, стыдился своего имени и называлъ себя баронъ Пашъ. Людовикъ XVIII пожаловалъ ему баронскій титулъ и крестъ св. Людовика. Онъ часто навѣщалъ своего друга, барона де-Бруа, въ его замкѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ помѣстьемъ Тэнъ-ле-Мутъе, но онъ никогда не заглядывалъ къ своему отцу, и старый революціонеръ умеръ 15 ноября 1823 г., примирившись съ вѣрой своихъ отцовъ. Управление этого военнаго министра, говорить историкъ Мерсье, было для Франціи губительнѣе нашествія цѣлой вражеской арміи.

— Наполеонъ I и дороговизна.—Въ интереснѣйшихъ мемуарахъ герцогини д'Абрантесъ сохранилась записъ, характеризующая отношеніе Наполеона къ столь большому вопросу, какъ дороговизна съѣстныхъ припасовъ вообще и хлѣба въ частности.

¹⁾ «La Vie Illustrée», 1916.

Однажды въ 1812 году, рассказываетъ авторъ мемуаровъ, въ Сень-Клу собралась цѣлая толпа приглашенныхъ. Всѣ обратили вниманіе на то обстоятельство, что императоръ кажется крайне озабоченнымъ и опечаленнымъ. Увидѣвъ герцога Бассано, императоръ приказалъ ему послѣ мессы собрать совѣтъ, пригласить министра внутреннихъ дѣлъ и сказать Монталиве, чтобы тотъ немедленно собралъ всѣ имѣющіеся въ Парижѣ свѣдѣнія объ урожаѣ текущаго года. Порученіе было не безъ затрудненій исполнено. Въ три часа началось засѣданіе совѣта. И тутъ всѣмъ было видно, что императоръ крайне озабоченъ.

— Какоеъ урожай?—спросилъ онъ у Монталиве.

Спрошенный отвѣтилъ, что урожай ожидается великолѣпный. Марэ уклонился отъ столь категорическаго увѣренія, равно какъ и прочіе члены совѣщанія, но, въ общемъ, большинство участниковъ совѣщанія удостовѣрило, что урожай будетъ хорошій. Императоръ сидѣлъ съ угрюмымъ видомъ въ креслѣ, положивъ правую руку на ручку кресла, а лѣвою подпирая голову. Потомъ, выслушавъ мнѣніе большинства, онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на собравшихся своимъ глубокимъ и пронизывающимъ взоромъ и медленно произнесъ слѣдующія слова.

— Ну, хорошо, а я вамъ, господа, говорю: все, что намъ говорятъ о хорошемъ урожаѣ,—неправда! Напротивъ, урожай будетъ очень плохой, какъ и въ прошломъ году, и это дѣло очень серьезное. Вы всѣ знаете, какъ важно для спокойствія всей Франціи и особенно самого Парижа, чтобы прежде всего было обезпечено достаточное количество хлѣба! Я видѣлъ десять разъ народныя волненія, которыхъ не было бы, если бы у народной массы было что ѣсть. Необходимо самымъ внимательнымъ образомъ заняться этимъ вопросомъ. Подумайте только о томъ, что въ народѣ есть вообще недовольство, даже тогда, когда имѣется посредственный урожай, и даже тогда, когда урожай хорошъ!

Нѣкоторое время царилъ молчаніе.

— Въ концѣ концовъ,—заговорилъ Монталиве,—вы, ваше величество, не должны питать ни малѣйшаго безпокойства! Правда, хлѣбъ будетъ дорогъ, но его хватить!

Едва Монталиве договорилъ послѣднее слово, какъ Наполеонъ вскочилъ на ноги и крикнулъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ:

— Что вы этимъ хотите сказать, говоря: хлѣбъ будетъ дорогъ, но недостатка не будетъ? Да о комъ, по вашему мнѣнію, я забочусь? О богачахъ? Очень они мнѣ нужны! Я знаю, что, имѣя деньги, на этомъ свѣтѣ можно все добыть! Но я добиваюсь того, чтобы хлѣбъ былъ у народной массы и чтобы онъ былъ хорошъ, чтобы его было много, чтобы онъ былъ дешевъ! Я хочу, чтобы поденщикъ на свой заработокъ могъ прокормить свою семью!

По мѣрѣ того, какъ императоръ, прекрасный въ своемъ гнѣвѣ, говорилъ его голосъ все повышался и повышался. Къ концу рѣчи казалось, что это гремитъ громъ и что своды зала засѣданія дрожать.

Наступило молчаніе. Потомъ императоръ заговорилъ снова:

— Господа! Когда я буду находиться далеко отъ Франціи,—не забывайте, что первою заботою той власти, которую я на время моего отсутствія оставляю

въ вашихъ рукахъ, должно быть охраненіе общественнаго спокойствія и благосостоянія и что средства пропитанія образуютъ главное основаніе спокойствія и довольства, особенно для народной массы!

— Историческіе анекдоты.—Въ 1859 году въ Италію долженъ былъ прибыть императоръ Наполеонъ III, намѣревавшійся принять начальствованіе надъ соединенными итало-французскими войсками для войны противъ австрійцевъ.

Итальянскій сенаторъ Плецца, который въ то время являлся чрезвычайнымъ комиссаромъ короля въ Александрію, долженъ былъ организовать приемъ императора и его свиты. Плецца немедленно обратился къ королю Эмануилу II съ просьбою о переводѣ его въ другое мѣсто. Король, очень цѣнившій старика сенатора за его неподкупную честность и трудоспособность, вызвалъ Плеццу къ себѣ и освѣдомился, чѣмъ вызвана подача прошенія.

— Видите ли, ваше величество, въ чемъ дѣло!—заявилъ Плецца.—Бѣдетъ сюда императоръ Франціи, и такъ далѣе! А я, вѣдь, относительно придворнаго этикета ничего не смыслу!

— Развѣ?—притворно удивился король, отлично знавшій сенатора и его демократичность.—Такъ-таки ничего?

— Да право же ничего!—твердилъ сконфуженно сенаторъ.—Вѣдь, можетъ быть, вы, ваше величество, припомните, что при дворѣ я если и бывалъ, то только по служебной надобности!

Король отвѣтилъ:

— Вашу руку, Плецца! Лучшаго представителя я и найти не могъ бы! Вѣдь что касается придворнаго этикета,—то я самъ долго старался понять, что это за штука! Да такъ ничего и не понял!

Въ дни, когда будущій «понтифексъ максимусъ» Левъ XIII былъ еще только кардиналомъ, однажды онъ совершалъ объѣздъ своей епархіи и забрался въ довольно глухое мѣсто. При докладѣ о положеніи дѣлъ въ данномъ приходѣ мѣстный священникъ заявилъ кардиналу, что за однимъ единственнымъ исключеніемъ всѣ сплошь обитатели даннаго мѣста отличаются религіозностью, преданы церкви, нравы въ большинствѣ случаевъ стоятъ на должномъ уровнѣ. Въ общемъ—все обстоитъ благополучно. Вотъ только это «исключеніе»...

— Что такое?—освѣдомился кардиналъ.

— Да имѣется одинъ старикъ, который въ церковь не заглядываетъ, исповѣдываться наотрѣзъ отказывается, здорово попиваетъ...

— И очень старъ сей грѣшникъ?

— Да, дожилъ, не покаявшись, до девяноста лѣтъ!

Кардиналъ пожелалъ лично познакомиться съ «нераскаяннымъ грѣшникомъ». Тотъ поддержалъ свою репутацію и отказался явиться въ «паррокію», то есть домъ мѣстнаго благочиннаго. Съ тонкой улыбкой кардиналъ заявилъ:

— Что дѣлать? Если гора не идетъ къ Магомету, Магометъ можетъ пойти къ горѣ!

И въ самомъ дѣлѣ отправился въ домъ «нераскаяннаго». Тотъ, соблюдая традиціонныя правила гостепримства, принялъ сановнаго гостя достаточно любезно. Кардиналъ въ сдержанной, корректной формѣ задалъ девяносто-

лѣтнему грѣшнику вопросъ, какъ это тотъ ухитрился, не посѣщая церкви, не имѣя вѣры въ Бога, все-таки дожить до столь преклоннаго возраста?

— Очень просто!—не задумываясь, отвѣтилъ спрошенный.—Я, видите ли, никогда не занимался чужими дѣлами и не заботился о томъ, что меня совсѣмъ не касается!

Уже сдѣлавшись папою, Левъ XIII не разъ вспоминалъ объ этой встрѣчѣ и освѣдомлялся, не раскаялся ли старый грѣшникъ. Но тотъ выдержалъ характеръ и умеръ почти столѣтнимъ, не проявивъ никакого раскаянiя.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ фондѣ. 6-го декабря, подъ предсѣдательствомъ С. А. Венгерова, состоялось обыкновенное очередное, а затѣмъ чрезвычайное общее собраніе членовъ литературнаго фонда. Въ очередномъ засѣданіи секретарь комитета Е. П. Султанова доложила отчетъ по секретарской части о дѣятельности комитета за время съ 1-го ноября по 6-е декабря. Въ теченіе этого періода комитетъ оказалъ денежную помощь дѣятелямъ литературы въ 42 случаяхъ на сумму въ 2.425 рублей. Кромѣ того, по ходатайству комитета, дочери одного писателя предоставлена стипендія въ гимназии М. Н. Стоюниной. Въ отчетѣ отмѣчается пожертвованіе въ тысячу рублей И. О. Абельсона на выдачу пособій писателямъ, призваннымъ на театръ военныхъ дѣйствій. Устроенный комитетомъ литературный вечеръ въ память Л. Н. Толстого далъ чистаго дохода 545 руб. 25 коп. Доложенный затѣмъ Н. С. Русановымъ отчетъ по казначейской части констатируетъ, что литературный фондъ владѣетъ процентными бумагами на 1.153.458 руб. и наличными деньгами въ 20.915 руб. 72 коп.; общая цифра расходовъ съ 1-го ноября по 6-е декабря по всѣмъ операціямъ комитета составляетъ 13.590 руб. 18 коп., причѣмъ въ видѣ продолжительныхъ пособій было выдано 1.920 руб., а пенсій 1.536 руб. Собраніе оба отчета утвердило. Членъ комитета, профессоръ П. Н. Сакулинъ, сдѣлалъ докладъ объ увѣковѣченіи памяти Н. Н. Златовратскаго. Для этой цѣли почитателями покойнаго писателя собрано до сихъ поръ 2.111 руб. 59 коп. Литературный фондъ, полагая, что капиталъ достигнетъ болѣе значительныхъ размѣровъ, въ свое время выработалъ правила для пользованія собраннымъ капиталомъ, предусматривающія рядъ просвѣтительныхъ учрежденій для народа имени Н. Н. Златовратскаго. Однако прошло болѣе 15 лѣтъ со времени учрежденія капитала,

и въ результатѣ собрана лишь указанная сравнительно небольшая сумма. Согласно выраженному желанію вдовы и дѣтей покойнаго писателя, а также нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ жертвователей, профессоръ П. Н. Сакулинъ предлагаетъ собранію измѣнить правила о назначеніи капитала, чтобы на имѣющуюся уже сумму, которая врядъ ли увеличится притокомъ новыхъ большихъ пожертвованій, можно было соорудить на могилѣ Н. Н. Златовратскаго подходящій памятникъ, а затѣмъ выпустить дешевую народную бібліотеку имени покойнаго писателя. Собраніе это предложеніе приняло. Въ происшедшемъ чрезвычайномъ собраніи былъ рассмотрѣнъ докладъ комитета относительно толкованія 5 параграфа устава фонда, предусматривающаго право лишь вдовъ и сиротъ писателей и ученыхъ на помощь общества. Въ докладѣ указывается, что слѣдуетъ въ исключительныхъ случаяхъ предоставлять комитету литературнаго фонда оказывать пособія и другимъ близкимъ лицамъ и ближайшимъ родственникамъ умершаго писателя. Членъ комитета В. Д. Набоковъ, развивая положенія доклада, указалъ, что долготѣняя практика фонда и требованія жизни заставляютъ дѣятелей комитета считаться не только съ буквой устава, но и съ общимъ смысломъ его и вытекающими отсюда требованіями нравственнаго порядка. Нельзя поэтому отказывать въ помощи пугающемуся отцу, брату или сестрѣ извѣстнаго писателя, когда они обращаются за таковою, или же женѣ писателя, съ которой онъ, хотя и не состоялъ въ законномъ бракѣ, но былъ связанъ долготѣними семейными узами. Собраніе приняло положенія доклада въ нѣсколько измѣненной формулировкѣ, предложенной А. В. Пѣшеховымъ. Произведены были затѣмъ дополнительные выборы членовъ ревизіонной комиссіи. Избранными оказались: В. Н. Цѣховская (Ольпемъ), П. Г. Мижуревъ и П. Я. Рыссь.

Юбилей профессора Н. И. Веселовскаго. 22-го ноября исполнилось 25-лѣтіе ученой дѣятельности извѣстнаго русскаго археолога профессора Н. И. Веселовскаго. Чествованіе юбиляра состоялось въ императорскомъ петроградскомъ археологическомъ институтѣ, профессоромъ котораго онъ состоялъ въ теченіе всѣхъ 25 лѣтъ своей ученой дѣятельности. Отъ слушателей обоихъ курсовъ профессору Н. И. Веселовскому былъ поднесенъ адресъ, а отъ сослуживцевъ и администраціи института—цѣнное подпошение.

Пятидесятилѣтіе научной дѣятельности В. Ф. Ошанина. Въ декабрѣ 1916 года исполнилось пятидесятилѣтіе со времени опубликованія первой научной работы извѣстнымъ нашимъ географомъ и энтомологомъ В. Ф. Ошанинымъ. По окончаніи въ 1865 году курса московскаго университета и специальныхъ занятій по зоологіи за границей В. Ф. въ 1872 году переселился въ Ташкентъ и въ теченіе 35 лѣтъ почти безвыѣзднаго своего пребыванія въ Туркестанскомъ краѣ послѣдовательно занималъ должности директора школы шелководства, директора учительской семинаріи и наконецъ—женской гимназіи въ Ташкентѣ. Въ Туркестанѣ В. Ф. Ошанинъ являлся однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ пионеровъ русской культурной работы, которыхъ такъ умѣлъ привлекать въ только что завоеванный тогда край извѣстный его генераль-губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ. Въ 1876 году В. Ф. участвовалъ въ качествѣ натуралиста въ извѣстной Алайской военной экспедиціи

Скобелева, дѣля съ «бѣлымъ генераломъ» всѣ трудности этого похода. Въ 1878 году К. П. фонъ-Кауфманомъ было ввѣрено нынѣшнему юбиляру руководство особой ученой экспедиціей въ совершенно невѣдомыя тогда области горной Бухары. Выполнивъ это отвѣтственное порученіе, В. Ф. Опанинъ сдѣлалъ выдающіяся географическія открытія: имъ былъ открытъ и описанъ, между прочимъ, совершенно до того времени неизвѣстный громаднѣйшій горный хребетъ, названный путешественникомъ хребтомъ Петра Великаго. За время службы своей въ Туркестанѣ и послѣ нея В. Ф. выполнилъ рядъ другихъ научныхъ работъ и опубликовалъ нѣсколько выдающихся изслѣдованій по энтомологіи и географіи. Какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ края, онъ неизмѣнно оказывалъ широкое содѣйствіе всѣмъ пріѣзжимъ изслѣдователямъ. Послѣ переселенія въ нашу столицу В. Ф. принималъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ живѣйшее участіе въ работахъ зоологическаго музея императорской академіи наукъ и русскаго энтомологическаго общества, которое избрало его въ 1910 году своимъ почетнымъ членомъ, а за послѣдніе три года избираетъ его ежегодно на должность вице-президента.

Юбилей А. А. Плещеева. 23-го ноября исполнилось 40 лѣтъ литературной дѣятельности извѣстнаго драматурга и журналиста Александра Александровича Плещеева. Въ юности А. А. Плещеевъ былъ актеромъ. Служилъ въ провинціи, потомъ въ Москвѣ, гдѣ ему приходилось играть въ тогдашнемъ Пушкинскомъ театрѣ съ Далматовымъ, Писаревымъ, Андреевымъ-Бурлакомъ. Въ московскомъ Маломъ театрѣ онъ получилъ дебютъ въ роли Платона («Правда хорошо, а счастье лучше»), но вскорѣ уѣхалъ въ Петроградъ, гдѣ былъ принятъ на Александринскую сцену. Черезъ годъ, однако, А. А. оставилъ и Александринскій театръ, и вообще свою сценическую карьеру, отдавшись мало-по-малу литературной работѣ. Началъ писать юбиляръ въ юмористическихъ изданіяхъ, а изъ ежедневной прессы—въ «Петербургской Газетѣ». Въ 1884 году А. А. Плещеевъ принялся за изданіе еженедѣльника «Театральнѣйшій Мірокъ» и привлекъ къ участію въ своемъ дѣлѣ такія силы, какъ Д. Д. Минаевъ, С. Атава, С. Н. Лѣсковъ, С. Я. Надсонъ и др. Однако вести журналъ ему пришлось очень недолго; и; передавъ его въ другія руки, А. А. снова сталъ искать пріюта въ чужихъ изданіяхъ. Разновременно онъ сотрудничалъ въ «Петербургской Газетѣ», «Листкѣ», «Новостяхъ», «Новомъ Времени», «Театрѣ и Искусствѣ», «Нивѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ» и др. Съ момента возникновенія «Вечерняго Времени» А. А. Плещеевъ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ этой газеты. Лѣтъ пятнадцать назадъ юбиляръ вновь попытался приняться за изданіе театральнаго еженедѣльника «Петербургскій дневникъ театраловъ», но и это его дѣтище просуществовало недолго. А. А. Плещеевъ пользуется заслуженной популярностью въ качествѣ страстнаго балетомана и балетнаго критика. Его книга «Нашъ балетъ» выдержала нѣсколько изданій, причемъ нѣкоторыя ея части были переведены на французскій языкъ. Юбиляръ является также плодовитымъ драматургомъ. Многія его пьесы (всего имъ написано около сорока драматическихъ произведеній) шли въ Петроградѣ на Александринской сценѣ и въ театрѣ А. С. Суворина. Мягкій, корректный, неизмѣнно благожелательный къ театральнымъ дѣятелямъ, А. А. Плещеевъ по праву пользуется общей любовью

и уваженіемъ. Въ день сорокалѣтія его дѣятельности отъ души пожелаемъ юбиляру еще долгіе годы такъ же бодро и плодотворно трудиться на пользу родного искусства.

Императорское одесское общество исторіи и древностей, желая посылно ознаменовать 75-лѣтіе со дня рожденія своего почетнаго члена и вице-президента Александра Львовича Бертъе-Делагарда, опредѣлило учредить премію его имени за составленіе русской библиографіи по исторіи и археологіи Крыма (по 1 января 1917 года). Работы (въ рукописи или напечатанныя) должны быть представлены къ 14 ноября 1917 года. Премія (въ 400 рублей) можетъ быть выдана полностью или въ какой-либо части. Премированная рукописная работа можетъ быть напечатана въ «Запискахъ Общества» съ выдачею автору 100 отисковъ.

Къ 50-лѣтію существованія рижской Александровской гимназіи. 10-го января 1918 года исполняется 50-лѣтіе существованія рижской Александровской гимназіи, старѣйшей русской гимназіи въ Ригѣ и одного изъ первыхъ русскихъ учебныхъ заведеній на Прибалтійской окраинѣ. Комиссія, избранная педагогическимъ совѣтомъ для составленія историческаго очерка гимназіи, приступая къ исполненію возложенной на нее задачи, обращается ко всѣмъ бывшимъ питомцамъ рижской Александровской гимназіи, а также и къ служившимъ въ ней съ покорнѣйшею просьбою о присылкѣ своихъ біографическихъ свѣдѣній и воспоминаній о времени своего пребыванія въ гимназіи, а также другихъ матеріаловъ, могущихъ представить интересъ для историческаго очерка. Матеріалы по минованіи надобности могутъ быть возвращены. За присылку и указаніе матеріаловъ комиссія будетъ глубоко благодарна. Всѣ сообщенія просятъ направлять на имя предсѣдателя комиссіи, директора гимназіи П. И. Бояринова, гор. Верро, Лифляндской губерніи.

НЕКРОЛОГИ.

ВОТЪЯНОВЪ, М. И. 5-го декабря скончался почетный опекунъ, генераль-отъ-инфантеріи Михаилъ Ивановичъ Вотьяновъ. Покойный родился въ 1835 году. Свою военную службу онъ началъ, по окончаніи курса морского кадетскаго корпуса, мичманомъ въ Черноморскомъ флотѣ и явился однимъ изъ героевъ обороны Севастополя на Малаховомъ курганѣ, гдѣ былъ два раза коптуженъ. Его боевыя заслуги въ Севастополѣ отмѣчены орденомъ св. Георгія 4-й степени и производствомъ въ лейтенанты. Послѣ крымской кампаніи покойный перевелся въ л.-гв. Финляндскій полкъ поручикомъ и разстался съ морской службой. Молодого поручика влекла боевая обстановка и жажда подвиговъ. Въ 1861 году онъ перевелся на Кавказъ въ Житомирскій полкъ съ назначеніемъ для особыхъ порученій къ главнокомандующему кавказской арміи. За боевыя заслуги при покореніи Кавказа М. И. былъ произведенъ въ подполковники и награжденъ золотымъ оружіемъ и орденомъ св. Станислава 2-й степени. Съ 1867 года въ теченіе одиннадцати лѣтъ покойный командовалъ закаленнымъ въ кавказскихъ бояхъ Кабардинскимъ полкомъ и былъ одновременно начальникомъ сперва Хасавъ-Юртовскаго округа, потомъ временнаго военнаго отдѣла Терской области. На его долю выпало подавленіе возстанія горцевъ въ началѣ русско-турецкой войны 1877 года. За это онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и въ распоряженіе главнокомандующаго кавказской арміи. Затѣмъ въ мирное время М. И. дѣятельно занимался боевой подготовкой арміи въ качествѣ сперва бригаднаго командира, затѣмъ начальника 13-й и 23-й пѣхотныхъ дивизій и командира 1-го и 18-го армейскихъ корпусовъ. Въ 1900г. онъ временно командовалъ войсками виленскаго военнаго округа, съ 1903 по 1911 годъ былъ членомъ военнаго совѣта и потомъ почетнымъ опекуномъ по петроградскому присутствію опекунскаго совѣта. Русско-японская война 1904 года волновала его. Онъ не мирился съ своей дѣятельностью въ военномъ совѣтѣ и стре-

мился на театр военных дѣйствій. Въ концѣ войны М. И. былъ назначенъ командующимъ третьей манчжурской арміей и командовалъ ею съ апрѣля по декабрь 1905 г. вмѣсто боевыхъ встрѣчъ съ японцами ему пришлось принимать мѣры къ подавленію въ арміи смуты. Покойный чутко слѣдилъ за военной литературой и отзывался на военные злобы дня, печатая свои статьи въ «Новомъ Времени», «Русскомъ Инвалидѣ»: «О поднятіи стрѣлковаго дѣла», «О дуэляхъ» и др. Во время послѣдней войны велъ военные обзоры въ «Петроградской Газетѣ». Отдѣльно имъ изданы: «Воспоминанія севастопольца и кавказца и нѣкоторыя мысли по военнымъ вопросамъ», «За годъ войны» (1905 г.). (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14640).

† **Будищевъ, А. Н.** Алексѣй Николаевичъ Будищевъ, скончавшійся 22 ноября, извѣстенъ, какъ авторъ множества разсказовъ, нѣсколькихъ романовъ и пьесъ. Уроженецъ Саратовской губерніи, покойный готовился быть докторомъ, но студентомъ-медикомъ московскаго университета увлекся литературнымъ трудомъ и покинулъ университетъ на четвертомъ курсѣ. А. Н., какъ и Чеховъ, началъ съ юмористики въ «Будильникѣ», «Развлеченіи», «Осколкахъ» и другихъ юмористическихъ журналахъ. Его маленькіе разсказы имѣли крупный успѣхъ. Въ нихъ сказались его наблюдательность, юморъ и умѣнье въ немногихъ словахъ набросать яркій типъ, изобразить дѣйствующихъ лицъ въ положеніи, наиболее для нихъ характерномъ. Собранные и изданные отдѣльнымъ томомъ подъ заглавіемъ: «Разныя понятія», они быстро разошлись. Одновременно съ разсказами-мипіатюрами покойный напечаталъ рядъ своихъ стихотвореній на разнообразныя темы, по преимуществу о веснѣ и любви. Лирика его отличалась изящностью и мелодичностью. Переселившись изъ Москвы въ Петроградъ въ 90-хъ годахъ, А. Н. сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Новаго Времени», писалъ разсказы и маленькіе фельетоны на злобы дня. Затѣмъ его разсказы-сцены печатались въ «Петроградской Газетѣ», «Россіи», «Руси». Въ послѣдніе годы его сотрудничество сосредоточилось въ «Русскомъ Богатствѣ» и другихъ журналахъ и газетахъ. Кромѣ небольшихъ разсказовъ, покойный написалъ и издалъ отдѣльными книгами романы: «Степные волки», «Я и онъ», «Лучшій другъ» и другіе. Не чуждъ онъ былъ и театру. Вмѣстѣ съ А. М. Федоровымъ онъ передѣлалъ въ драму разсказъ «Катастрофа» и написалъ нѣсколько пьесъ. Изъ нихъ драма «Живые и мертвые» шла съ успѣхомъ въ московскомъ Маломъ театрѣ. Послѣдніе годы А. Н. жилъ въ Гатчинѣ. Какъ человекъ, онъ отличался необычайной скромностью, застѣнчивостью и сердечностью. Умеръ онъ на 49 году своей жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14628).

† **Верховской, В. М.** Послѣ кратковременной болѣзни 1 декабря скончался инженеръ путей сообщенія, тайный совѣтникъ Владиміръ Михайловичъ Верховской, видный техническій и административный дѣятель по вѣдомству путей сообщенія. Покойный получилъ высшее образованіе на математическомъ факультетѣ московскаго университета и въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія; короткое время служилъ по воднымъ сообщеніямъ на Волгѣ, а затѣмъ при возникновеніи въ шестидесятыхъ годахъ желѣзнодорожнаго строительства всецѣло отдался послѣднему. Принималъ участіе въ качествѣ инженера при постройкѣ Варшавской, Московско-Курской и другихъ желѣзныхъ дорогъ, со-

стоялъ управляющимъ Петергофской и Ростово-Владикавказской желѣзныхъ дорогъ. Перейдя затѣмъ на службу въ центральное управление, занималъ постъ главнаго инспектора и директора департамента. Въ этотъ періодъ службы на желѣзныхъ дорогахъ, благодаря его инициативѣ, установлено безперегрузочное движеніе товарныхъ вагоновъ, тогда какъ до его предложенія вагоны перегружались на каждой узловой станціи. Покойный не оставался чуждымъ многимъ техническимъ вопросамъ, въ томъ числѣ и огнестойкому строительству. На выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ имъ былъ устроенъ показательный огнестойкій поселокъ. Прослуживъ въ вѣдомствѣ 55 лѣтъ, покойный въ послѣднее время состоялъ членомъ совѣта министра путей сообщенія. Покойный помѣстилъ много трудовъ по техническимъ вопросамъ въ журналѣ министерства путей сообщенія, въ частности по изслѣдованію рельсовъ. Его перу принадлежитъ исторія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14637).

† **Гридинъ, Ф. А.** Скончался въ Москвѣ 20-го ноября на 73 году жизни старѣйшій изъ московскихъ журналистовъ Ф. Д. Гридинъ. Начиная съ университетской скамьи, Ф. Д. работалъ періодически, какъ хроникеръ, въ газетахъ «Голось» А. А. Краевского, «Порядокъ» М. М. Стасюлевича, «Молва»—изданіе Полетики. Состоялъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ общества драматическихъ писателей, далъ рядъ переводовъ съ иностранныхъ пьесъ, въ свое время исполнявшихся на сценахъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ Ф. Д. выпустилъ въ свѣтъ въ своемъ переводѣ сочиненія: Вермореля—«Дѣтели 1851 года», Гарридо—«Современная Испанія», Эрмана-Шатриана—«Школьный учитель». Два другихъ его изданія—«Исторія 1848 годъ» Луи Блана и «Другъ народа» Вермореля—по волѣ судьбы тогдашняго времени не видѣли свѣта, подвергнувшись запрещенію и сожженію. Въ издавшейся В. Чуйкомъ «Библіотекѣ иностранныхъ писателей» Ф. Д. далъ впервые въ своемъ переводѣ съ итальянскаго 13 новеллъ Бокаччіо изъ его «Декамерона», «Переписку Вольтера съ Екатериной», рядъ статей. Какъ самостоятельный редакторъ-издатель, покойный Ф. Д. издавалъ въ Петроградѣ въ 1882—1884 гг. журналъ «Искусство», въ которомъ участвовали корифеи русской и иностранной литературы: проф. Ор. Миллеръ, Н. Морозовъ, проф. Бородинъ (авторъ оперы «Игорь»), Додэ, Демфи, Хепшъ и др. Покинувъ Петроградъ, Ф. Д. почти въ теченіе десяти лѣтъ издавалъ въ Москвѣ ежедневную газету «Театръ и Жизнь», посвященную вопросамъ сценическаго искусства и изящной литературѣ, при ближайшемъ руководствѣ А. Н. Островскаго и непосредственномъ участіи такихъ представителей русской литературы, какъ С. А. Юрьевъ, Фегъ, Тарновскій. Въ продолженіе 16 лѣтъ Ф. Д. сотрудничалъ въ газетахъ «Русскій Листокъ» и «Раннее Утро» подъ редакторствомъ Н. Л. Казецкаго. Въ 60-хъ годахъ принималъ близкое участіе въ журналѣ «Дѣло» Гр. Благосвѣтлова. Ф. Д. однимъ изъ первыхъ журналистовъ посѣтилъ по порученію А. А. Краевского Японію, какъ только она открыла доступъ европейцамъ. Преодоливъ съ большимъ трудомъ и даже опасностью для жизни переѣздъ по Сибири на лошадяхъ, рискуя погибнуть въ тундрахъ, Ф. Д. добрался до Владивостока, откуда съ разрѣшенія генералъ-адмирала великаго князя Константина Николаевича на военномъ фрегатѣ «Баянъ» переѣхалъ въ Іокогаму. Въ

Японіи Ф. Д. пришлось познакомиться съ епископомъ Николаемъ, тогда еще архимандритомъ. Бывая у него, онъ познакомился съ директоромъ школы иностранныхъ языковъ Вата-Неба, который предложилъ ему взять на себя лекціи въ его школѣ и читать японцамъ о русской литературѣ. Покойный подолгу жила въ различныхъ государствахъ Западной Европы, былъ лично знакомъ со многими политическими дѣятелями, въ совершенствѣ владѣлъ нѣсколькими языками и обладалъ огромной эрудиціей. (Некрологъ его: «Раннее Утро», 1916, № 270).

† **Дубровский, П. М.** 30-го ноября, въ 4 часа пополудни, въ петроградской Александровской больницѣ, послѣ тяжелой болѣзни и перенесенной операци, на 60-мъ году жизни скончался редакторъ журнала «Сельское хозяйство и лѣсоводство» Павелъ Михайловичъ Дубровский. Воспитанникъ Петровской сельскохозяйственной академіи, выпуска 1882 года, П. М. сохранилъ до своей кончины лучшія традиціи «Петровки», духъ общественности и умеръ на посту, занимая съ честью его, какъ редакторъ старѣйшаго сельскохозяйственнаго ежемѣсячника научно-практическаго направленія. Умеръ онъ далеко не въ преклонномъ возрастѣ, но въ послѣдніе годы тяжелый недугъ—болѣзнь почекъ, приковывавшая его часто къ постели,—къ сожалѣнію, не давалъ ему возможности проявлять свою дѣятельность въ сферѣ общественнаго служенія, частью и внѣшнія причины мѣшали тому (П. М. состоялъ предсѣдателемъ 1-го сельскохозяйственнаго отдѣленія вольнаго экономического общества, вынужденнаго прекратить свою дѣятельность). Агрономическій міръ въ лицѣ П. М. понесъ невоснаградимую потерю и при томъ въ такое время, когда и безъ того ряды его порѣдѣли и когда является особенная нужда въ дѣятеляхъ на агрономическомъ поприщѣ. Полтавское общество сельскаго хозяйства обязано участію П. М. въ его работахъ своей хорошей репутаціей. Полтавское опытное поле, нынѣ опытная станція ему же обязаны не мало своей выдающейся дѣятельностью въ средѣ учреждений этого рода. Наконецъ, въ качествѣ редактора журнала, П. М. знакомилъ русскій агрономическій міръ съ выдающимися явленіями какъ русской, такъ и заграничной агрономической жизни, въ особенности съ агрономической жизнью Америки, удѣляя ей вниманіе помѣщеніемъ въ журналъ приложеній—переводовъ выдающихся произведеній американской агрономической литературы. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1916, № 334).

† **Е. Д. Ильина-Пожарская.** 9-го ноября въ домѣ писателей въ Петроградѣ скончалась старая писательница Е. Д. Ильина-Пожарская. Покойная начала свою литературную дѣятельность въ 70-хъ годахъ, помѣщая въ различныхъ изданіяхъ рассказы, пьесы, и т. д. Ея пьеса «Въ своихъ сѣтяхъ» въ 80-хъ годахъ ставилась на сценѣ Александринскаго театра. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» покойная помѣстила свой рассказъ «Подруга по институту». (Некрологъ ея: «День», 1916, № 318).

† **Залеманъ, К. Г.** 30-го ноября, рано утромъ скоростижно скончался академикъ К. Г. Залеманъ. Покойный родился въ Ревелѣ въ 1849 г. Окончилъ курсъ факультета восточныхъ языковъ петроградскаго университета и по защитѣ диссертаци на тему «Четверостишія Хакани» получилъ въ 1875 г. степень магистра персидской словесности. Въ адъюнкты академіи наукъ К. Г. Залеманъ

былъ избранъ въ 1886 г. по историко-филологическому отдѣленію. Покойный состоялъ директоромъ азіатскаго музея, завѣдующимъ русскимъ нумизматическимъ кабинетомъ, членомъ петроградскаго бюро междунагоднаго союза академій, бюро по междунагодной библиографіи, комиссіи по изданію монгольскихъ книгъ и т. д. К. Г. былъ почетнымъ членомъ многихъ инострапныхъ ученыхъ учреждений. Перу покойнаго принадлежить рядъ научныхъ трудовъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1916, № 331).

† **Каракашъ, Н. И.** 23-го ноября въ Петроградѣ скоропостижно скончался профессоръ, докторъ геологій и минералогій Николай Ивановичъ Каракашъ. Н. И. Каракашъ родился въ 1862 году, окончилъ петроградскій университетъ, приобрѣлъ извѣстность, какъ изслѣдователь геологій Крыма, Кавказа, Урала и другихъ мѣстностей Россіи. Перу покойнаго принадлежить рядъ научныхъ трудовъ. Въ послѣдніе годы Н. И. много труда и энергіи вложилъ въ организацію петроградскихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ, председателемъ совѣта и комитета которыхъ онъ состоялъ. Кромѣ того, покойный читалъ лекціи по геологій въ женскомъ педагогическомъ институтѣ и петроградскомъ университетѣ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1916, № 324).

† **Направникъ, Э. Ф.** Въ ночь съ 9-го на 10-е ноября послѣ продолжительной болѣзни скончался въ Петроградѣ заслуженный дирижеръ императорской оперы и извѣстный композиторъ Эдуардъ Франковичъ Направникъ. Направникъ родился 12-го (24) августа 1839 года въ Богеміи. Въ императорскую юрскую оперу Направникъ поступилъ 10-го сентября 1863 года на должность органиста и пианиста. Первымъ капельмейстеромъ Направникъ былъ назначенъ 15 мая 1869 года и оставался въ этой должности до кончины. По высочайшему повелѣнію 7-го сентября 1913 года Направникъ былъ оставленъ пожизненно на службѣ со званіемъ заслуженнаго капельмейстера императорской русской оперы. Кромѣ оперы, Направникъ дирижировалъ еще симфоническими концертами императорскаго русскаго музыкальнаго общества съ 1869 до 1881 года и многими отдѣльными концертами. Изъ сочиненій Направника, образующихъ довольно большой списокъ въ 77opus'овъ и четыре оперы, наибольшимъ успѣхомъ пользуется опера «Дубровскій», входящая въ репертуаръ императорскихъ и частныхъ сценъ. Нѣкоторое понятіе о значеніи Направника въ исторіи русской оперы дадутъ слѣдующія цифры. Разучено и поставлено было Направникомъ всего 80 оперъ: 45 оперъ русскихъ и 35 иностранныхъ. Только четыре русскія оперы, выдающіяся по своему значенію, были поставлены на Направникомъ: «Князь Игорь», «Орестейя», «Китежъ» и «Хованщина». Пять оперъ, поставленныхъ до 1869 года («Жизнь за Царя», «Русланъ и Людмила», «Русалка», «Юдишь» и «Рогвѣда»), съ этого года шли всегда подъ управленіемъ Направника. Такимъ образомъ, первое, самое важное истолкованіе всей русской оперной литературы петроградскаго публика воспринимала изъ рукъ Направника, и насколько такое истолкованіе было пріемлемо для авторовъ, видно изъ того, что не только Чайковскій, бывшій личнымъ другомъ Направника, но и Римскій-Корсаковъ, отнюдь не питавшій къ нему лично дружественныхъ чувствъ, и Кюи, членъ когда-то такъ шумѣвшей «могучей кучки», до сихъ поръ не могли бы найти лучшаго исполнителя своихъ оперъ. Въ 1911 году, когда ставилась «Капитанская дочка», Кюи просилъ

именно Направника, уже болѣвшаго тогда старческими немощами, дирижировать его оперой. Точно также весь иностранный репертуаръ, включая «Кольцо Нибелунга» Вагнера, былъ исполненъ подъ управленіемъ Направника, и для иллюстраціи значенія, которое имѣла въ этомъ случаѣ его палочка, приведу только одинъ примѣръ. Поставленный въ 1868 году подъ управленіемъ К. Н. Лядова «Лоэнгринъ» Вагнера не имѣлъ никакого успѣха, пока въ 1870 году Направникъ не разучилъ его вновь, и съ того времени эта опера неизмѣнно служила украшеніемъ нашего репертуара. Какъ дирижеръ, Направникъ принадлежалъ къ тому типу артистовъ, которые выдвигаютъ впередъ автора, стараясь, по возможности, менѣе выдѣлять свою артистическую индивидуальность. Съ технической стороны, по изумительной тонкости слуха, по необычайной власти надъ исполненіемъ, зависящей отъ способности одновременно выполнять нѣсколько психическихъ функций, по обширности теоретическихъ знаній Направникъ принадлежалъ къ числу самыхъ первоклассныхъ дирижеровъ. Въ заключеніе отмѣчу еще постоянныя заботы Направника о матеріальномъ положеніи наиболѣе близкихъ его сердцу оркестра и хора, для которыхъ Направникъ учредилъ на проценты съ пожертвованнаго имъ капитала 6 стипендій въ гимназіяхъ для дѣтей артистовъ оркестра и хора. (Некрологъ его: «День», 1916, № 311).

† **Пэрна, А. Я.** 3-го декабря скончался отъ болѣзни сердца молодой ученый А. Я. Пэрна, эстонецъ родомъ. Околчизъ горный институтъ менѣе семи лѣтъ тому назадъ, онъ сразу приобрѣлъ репутацію солиднаго научнаго работника своими трудами по геологіи и палеонтологіи Южнаго Урала. За первую же палеонтологическую работу по фаунѣ девона Урала А. Я. получилъ премію императорскаго минералогическаго общества. Весною 1916 г. имъ была защищена диссертация на должность адъюнкта горнаго института по каѳедрѣ палеонтологіи. Покойный много работалъ также и на педагогическомъ поприщѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1916, № 14642).

† **Поспѣловъ, А. И.** Въ Москвѣ скончался извѣстный сифилидологъ, заслуженный профессоръ московскаго университета А. И. Поспѣловъ. А. И. Поспѣловъ, сынъ врача, родился въ Рязанской губ., гдѣ въ 1864 г. и поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. Еще въ бытность свою студентомъ онъ отличился своей работой «о дѣйствиіи юдистаго и бромистаго калия на организмъ» и получилъ за нее медаль. Въ 1869 г. А. И. окончилъ университетъ и поступилъ въ качествѣ ординатора въ клинику кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Въ 1879 г. онъ отправился за границу, гдѣ работалъ подъ руководствомъ выдающихся специалистовъ-венерологовъ и дерматологовъ. Въ 1884 г. онъ возвратился въ Москву и былъ назначенъ приватъ-доцентомъ московскаго университета по каѳедрѣ дерматологіи и сифилидологіи. Въ 1887 г. онъ былъ удостоенъ званія профессора московскаго университета. Съ того времени начинается широкая клиническая и научная дѣятельность А. И. Еще раньше онъ составилъ проектъ тѣхъ мѣръ, какія необходимо принять для уменьшенія и предотвращенія сифилиса въ Москвѣ. По его же инициативѣ при Мясницкой больницѣ была организована школа для акушерокъ, изучающихъ сифилисъ; эта школа извѣстна подъ именемъ курсовъ Поспѣлова, А. И.

являлся основателем московскаго общества венерологовъ и дерматологовъ, которое занимаетъ выдающееся мѣсто среди европейскихъ обществъ этого рода. Покойный пользовался большою популярностью и извѣстностью въ медицинскомъ мѣрѣ и создалъ школу врачей. За научныя заслуги покойный былъ избранъ почетнымъ членомъ петроградскаго общества дерматологовъ и сифилидологовъ. Лѣтъ 6 тому назадъ А. И. ушелъ изъ больницы и отдался отъ медицинской дѣятельности. Скончался А. И. на 71 году жизни. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1916, № 15943).

ГЕНРИ СИТОНЪ-МЕРРИМЕНЪ

ВЪ ШАТРАХЪ КЕДАРА

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Б. МИХАЙЛОВА

ПЕТРОГРАДЪ
1917

Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Ново време“. Зртелезъ. 19

I:

Посѣвъ.

Судьбѣ было угодно, чтобы комедія нѣсколькихъ жизней разыгралась довольно далеко отъ нашего времени—въ 1838 г. Завязка ей была положена въ одинъ темный вечеръ на большой дорогѣ изъ Гетсхеда въ Дургамъ. Шелъ сильный дождь, и свѣжій юго-восточный вѣтеръ гналъ соленую пыль съ Сѣвернаго моря вдоль узкой полосы земли, такой же бесплодной и холодной, какъ и воды этого непривѣтливаго моря.

Въ Честеръ-ле-Стритѣ собрался большой митингъ людей, которые въ это время были извѣстны подъ именемъ чартистовъ. Такъ какъ недавно былъ издавъ законъ, воспрещавшій всякія собранія при свѣтѣ факеловъ, то этотъ митингъ состоялся при свѣтѣ убывающей луны, которая, впрочемъ, уже давно скрылась за облаками. Среди порывовъ вѣтра и непрерывнаго дождя ораторы одинъ за другимъ развивали взгляды, такіе же мрачные, какъ окружающая ихъ ночь, къ которымъ сыны Нортумбріи съ ихъ рѣзко очерченными лицами прислушивались съ видимымъ раздраженіемъ, бормоча себѣ подъ носъ какія-то слова.

Немногіе понимали въ то время, что движеніе вспыхнуло въ рабочихъ центрахъ сѣвера и средней Англіи, должно будетъ распространиться съ удивительной быстротой всякой народной страсти и продолжится не одинъ десятокъ лѣтъ. Да и изъ чартистовъ немногіе надѣялись на осуществленіе даже половины своихъ желаній

Собравшіеся на митингъ въ Честеръ-ле-Стритѣ требовали расширенія избирательнаго права, закрытаго голосованія и права засѣдать въ парламентѣ не только богатымъ, но и бѣднымъ. Этотъ митингъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ другихъ митинговъ въ разныхъ частяхъ Англіи. Онъ былъ противозаконенъ, Онъ могъ грозить опасностями для тѣхъ, кто въ немъ принималъ

участіе, и адвокаты увѣряли, что къ организаторамъ его могло быть предъявлено обвиненіе въ государственной измѣнѣ. На этомъ митингѣ, какъ и на всѣхъ другихъ, были люди, ведшіе свою собственную игру изъ своихъ спокойныхъ убѣжищъ и выдвигавшіеся впередъ на фронтъ политической борьбы.

Съ однимъ изъ нихъ намъ и придется познакомиться.

Джоффри Горнеръ по радикализму своихъ воззрѣній шелъ впереди своего времени. То былъ умный, хорошо воспитанный джентльменъ, способный на крупныя дѣла. Горнеръ связалъ свою судьбу съ чартистами по тому же чувству досады на міръ, въ силу котораго человѣкъ женится на не подходящей для него женщинѣ только потому, что подходящая недостаточно оцѣнила его.

На митингѣ онъ объявилъ себя сторонникомъ нравственнаго воздѣйствія, но въ глубинѣ своего сердца онъ примыкалъ къ тѣмъ, кто рассчитывалъ только на физическую силу. Изъ Дургама онъ явился въ сопровожденіи цѣлой свиты недовольныхъ и теперь возвращался туда пѣшкомъ вмѣстѣ съ мѣстными коноводами движенія.

Митингъ въ Честеръ-ле-Стритѣ былъ только тѣнью надвигающихся событій въ родѣ шестива двадцати тысячъ человѣкъ, всякихъ насилій и кровопролитія, братоубійственной борьбы и колеблющагося, нерѣшительнаго правосудія.

Привыкшіе работать подъ землею, углекопы большей частью хранили молчаніе, но по ихъ суровымъ, умнымъ лицамъ видно было, что рѣчи, которыя они только что выслушали, произвели на нихъ сильное впечатлѣніе, что въ ихъ сильныхъ душахъ зажглась крѣпкая надежда на успѣхъ. Вотъ при помощи этого опаснаго матеріала Джоффри Горнеръ задумалъ сыграть свою роль.

Среди общаго молчанія вдругъ раздался чей-то громкій голосъ:

— Товарищи,—крикнулъ кто-то, когда толпа достигла перекрестка:— идемъ и перебьемъ стекла у Прейделя!

Гулъ одобренія пронесся по толпѣ, словно внезапно налетѣвшій на камыши вѣтеръ. Желанія дѣйствовать зашевелились въ душѣ этихъ молчаливыхъ людей съ могучими мускулами.

Горнеръ наскоро посоветовался съ своими товарищами. Стоило ли рисковать и пускать въ ходъ власть, которая въ сущности была номинальной? Основнымъ правиломъ чартизма въ этотъ періодъ было держаться въ границахъ закона и только намекать, гдѣ это было нужно, что за словами могутъ послѣдовать и сильныя дѣйствія.

Сэръ Джонъ Прейдель, къ которому чартисты относились съ большою нелюбовью, былъ членомъ парламента и вмѣстѣ съ большинствомъ подалъ свой голосъ за мѣры, направленныя противъ чартистовъ. Въ придачу къ этому предосудительному факту онъ

былъ тори и пользовался въ мѣстѣ своего жительства нѣкоторымъ вліяніемъ. Сосѣди называли его честолюбцемъ, который хочетъ оставить въ наслѣдство сыну титулъ пэра. Въ глазахъ толпы хочетъ мѣстный магнатъ являлся олицетвореніемъ тираніи, противъ которой они поднимали протестъ. Джоффри Горнеръ видѣлъ въ немъ политическаго противника и опаснаго для него конкурента. Горнеръ не зналъ, что дѣлать, и молчалъ.

Предложеніе разгромить Преиделя было встрѣчено полнымъ сочувствіемъ со стороны наиболѣе энергичной части толпы, которая немедленно и повернула на дорогу, ведущую къ Динъ-Холлю. Остальные, которыхъ было большинство, поступили такъ, какъ всегда поступаетъ большинство, колеблющееся и неувѣренное въ себѣ. Они затаили пѣсню на слова, недавно напечатанныя въ «Сѣверномъ Либералѣ».

Гости, съѣхавшіеся въ Динъ-Холль на охоту, сидѣли еще за обѣдомъ, когда толпа показалась въ примыкавшемъ къ дому паркѣ. Разговоры о выводкахъ и ружьяхъ разомъ смолкли, когда послышался гулъ грубыхъ голосовъ. Сэръ Джонъ Преидель, еще живой и проворный человѣкъ, несмотря на свои сѣдые волосы и изборожденное морщинами лицо, быстро взглянулъ въ окно. Онъ сидѣлъ молча, постукивая пальцами по своему стакану, и почти не принималъ участія въ общемъ разговорѣ. Онъ, кажется, не слыхалъ, что говорилось вокругъ него и, если иногда по его землистому лицу пробѣгала улыбка, то она вызывалась какой-нибудь остротой его сына Альфреда Преиделя, веселаго и беззаботнаго молодого человѣка, сидѣвшаго въ концѣ стола. Всякій разъ, какъ задумчивый взоръ Преиделя останавливался на его сынѣ, у котораго уже не было матери, его глаза на мгновеніе освѣщались какой-то подавленной грустью. Поверхностные наблюдатели утверждали, что сэръ Джонъ Преидель честолюбивый человѣкъ. «Но не за себя», прибавляли немногіе, кто его зналъ ближе.

Лишь только до него донесся шумъ вломившейся толпы, взоры сэра Джона невольно обратились къ сыну.

— Что тамъ такое?—спросилъ Альфредъ Преидель, вставая.

— Чартисты—отвѣчалъ сэръ Джонъ.

Альфредъ обвелъ глазами присутствующихъ. Онъ одинъ былъ здѣсь солдатъ, очень недавно, правда, ибо не успѣли высохнуть чернила, которыми онъ подписалъ контрактъ о службѣ, но все же солдать.

— Здѣсь насъ одиннадцать человѣкъ,—сказалъ онъ,—да двое внизу, кое у кого есть еще слуги. Предположимъ, насъ всего человѣкъ пятнадцать. Этого мало, и мы не выдержимъ.

Едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ первый залпъ чамней полетѣлъ въ окно. Осколки стекла посыпались на полъ.

Раздались крики женщинъ, сидѣвшихъ въ гостиной. Мужчины быстро поднялись. Альфредъ Прейдель съ горящими глазами бросился было къ двери, но отецъ уже опередилъ его.

— Не ходи,—сказалъ онъ совершенно спокойно и только поблѣднѣвъ сильнѣе обыкновеннаго.—Я самъ поговорю съ ними. Они не посмѣютъ тронуть меня. Вѣроятно, они уже разбѣжались сами.

— Въ такомъ случаѣ мы пустимся за ними въ погоню!—вскричалъ Альфредъ.

Въ его позѣ, въ его голосѣ слышался тотъ демонъ борьбы, который всегда дремлетъ въ людяхъ англо-саксонской расы.

— Господа, идемъ!—съ веселымъ смѣхомъ обратился онъ къ гостямъ.

Тѣ толпой бросились вонъ изъ комнаты, бросая на столъ свои салфетки.

— Идемъ! Прочтимъ ихъ, какъ бить стекла!—кричалъ Альфредъ Прейдель, подбѣгая къ стойкѣ съ палками.

Дождь безъ утомона барабанилъ по крышѣ обширной четырехугольной передней, а въ открытомъ каминѣ грустно завывалъ вѣтеръ.

Всѣ поспѣшно вооружались палками и нахлобучивали свои шляпы. Даже ревматики, забывъ о своей болѣзни, и не думали надѣвать пальто.

— Мы будемъ узнавать другъ друга по манишкамъ,—спокойно замѣтилъ какой-то человекъ, вскарабкиваясь на стулъ, чтобы достать висѣвшую на стѣнѣ толстую индѣйскую дубинку.

Альфредъ подбѣжалъ къ двери, которая вела въ помещеніе слугъ. На его зовъ явилось изъ кухни и чулановъ нѣсколько человекъ.

— Берите, что попадетъ подъ руку—палку, кочергу или эти старыя ружья и дѣйствуйте ими, какъ дубинами, бейте сильнѣе и чаще. Мы атакуемъ этихъ негодяевъ, ничего другого намъ не остается. Идемъ.

И онъ съ дюжиной людей выбѣжалъ изъ двери.

Переходъ изъ освѣщенныхъ комнатъ въ темноту сначала заставилъ ихъ остановиться и сгруппироваться вокругъ Альфреда Прейделя. Хриплые крики, въ которыхъ совершенно терялся голосъ Джоффри Горнера, показали имъ, гдѣ находились нападавшіе. Послѣ перваго залпа камнями даръ рѣчи вернулся къ Горнеру.

— Назадъ! Расходитесь по домамъ!—кричалъ онъ, поднимая руки.

Въ этотъ моментъ отворилась дверь, и хлынувшій изъ нея свѣтъ заставилъ его поспѣшно отвернуться. Черезъ минуту онъ понималъ, что произошло, но было уже поздно.

Альфредъ, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста, съ крикомъ бросился въ атаку и съ поднятой палкой устремился прямо на Горнера, стоявшаго какъ разъ передъ нимъ. Тотъ успѣлъ подставить свою палку и парировать ударъ. Потомъ вдругъ съ яростью ударилъ Прейделя прямо въ голову и, вспомнивъ о женѣ и дѣтяхъ, сталъ быстро прокладывать себѣ путь сквозь толпу и исчезъ въ темнотѣ. Его приверженцы также разбѣжались во всѣ стороны, словно овцы передъ собакой.

— Альфредъ! Альфредъ!—послышался ему чей-то голосъ.

Горнеръ, часъ и даже десять минутъ тому назадъ совершенно далекій отъ мысли о какомъ бы то ни было насиліи, теперь бѣжалъ по дорогѣ безъ оглядки. Его сердце готово было выскочить изъ груди, а глаза смотрѣли совершенно безсознательно. Онъ не спотыкался и не падалъ, но рѣшительно не различалъ ничего и не отдавалъ себѣ отчета, куда онъ бѣжалъ.

А въ это время Альфредъ Прейдель лежалъ безъ всякаго движенія на лужайкѣ передъ домомъ своего отца.

II.

Жатва.

Когда непосѣдливый, суетливый Фредерикъ Конингемъ жилъ въ молодости въ Дублинѣ, многіе предсказывали, что ему предстоитъ хорошая будущность. Многіе прибавляли при этомъ: «чортъ бы его побралъ», какъ бы для облегченія своей души и совѣсти.

— Я полагаю, что я лѣнивъ, и, что еще хуже, я понимаю, что я глупъ,—заявилъ Конингемъ своему учителю, когда тотъ прежде, чѣмъ послать его держать адвокатскіе экзамены, вздумалъ было приняться за него какъ слѣдуетъ.

Учитель не отвѣтилъ ничего, сохраняя про себя убѣжденіе, что этотъ самый необузданный изъ его учениковъ вовсе не глупъ. Экзамень прошелъ благополучно, и по истеченіи установленнаго срока Фредерикъ Конингемъ былъ причисленъ къ ирландскимъ судебнымъ учрежденіямъ, гдѣ коронный совѣтникъ объявилъ ему, что онъ теперь настоящій джентльменъ, и разрѣшилъ ему носить этотъ титулъ.

Всѣ эти событія остались далеко позади, и три дня послѣ того, какъ толпа перебила стекла у сэра Прейделя, Конингемъ сидѣлъ одинъ въ своей квартирѣ на Норфолькской улицѣ, погруженный въ раздумье о томъ, что обѣщанное ему будущее все еще было передъ нимъ.

Впрочемъ, наличность такого рода непріятнаго факта не могла поколебать его уравновѣшенности и, выбивая свою трубку о рѣшетку камина, онъ продолжалъ беззаботно мурлыкать про себя

какую-то популярную пѣсенку. При свѣтѣ камина его лицо казалось довольно красивымъ и не оставляло никакого сомнѣнія насчетъ того, въ какой странѣ онъ родился. У него были быстрые голубые глаза, четырехугольный подбородокъ, небольшіе вьющіеся волосы и широкія плечи,—словомъ, все обличало въ немъ ирландца. Впрочемъ, что-то твердое въ очертаніяхъ его рта говорило о примѣси въ немъ англо-саксонской крови. Можно было думать, что мать у него была англичанка.

Высыпавъ пепелъ изъ трубки, онъ приставилъ горячій чубукъ къ уху дремавшаго около него фокстерьера. Не двигаясь съ мѣста, собака издала рычаніе, словно хотѣла сказать, что и она не лишена чувства юмора и отлично понимаетъ шутку.

Черезъ минуту собака встала и стала прислушиваться. Дверь отворилась, и вошелъ Джоффри Горнеръ.

— Боже мой, Горнеръ!—воскликнулъ Конингемъ.—Откуда ты?

— Съ сѣвера.

— Ага! Садись. Что ты тамъ дѣлалъ?

Горнеръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и усѣлся въ указанное ему кресло. Онъ постарѣлъ лѣтъ на пять съ того момента, когда они видѣлись въ послѣдній разъ. Конингемъ пристально глядѣлъ на своего пріятеля, который упорно смотрѣлъ на каминъ.

— Какъ поживаетъ Эдиъ?—съ беззаботнымъ видомъ спросилъ онъ наконецъ.

— Хорошо.

— А малютка?

— Тоже.

Конингемъ опять взглянулъ на своего пріятеля. Глаза Горнера смотрѣли жестко, какъ у человѣка, потерявшаго всякую надежду. Губы его были сухи и плотно сжаты. Вообще у него былъ такой видъ, какъ будто онъ игралъ огромную игру, поставивъ на карту свою жизнь.

Остроглазая собака, лежавшая на цыновкѣ, умно поглядывала то на одного, то на другого собесѣдника. Минуту тому назадъ въ этой комнатѣ царилъ пріятный уютъ, спокойная и довольная атмосфера, которую нѣкоторые люди какъ бы носятъ съ собой безъ всякихъ видимыхъ причинъ. Но какъ только Горнеръ переступилъ порогъ, съ нимъ, казалось, ворвался и шумъ улицы: въ комнатѣ каждый звукъ сталъ громче и самый воздухъ, какъ будто, задрожалъ отъ сильной борьбы. Фокстерьеръ, лежа на цыновкѣ, пересталъ дремать и внимательно слѣдилъ за гостемъ и хозяиномъ.

Конингемъ набилъ свою трубку. Повернувшись къ столу, онъ взялъ лежавшую на немъ коробку съ спичками, постукалъ по ней пальцами и поставилъ обратно, потомъ, крѣпко прижавъ табакъ большимъ пальцемъ, онъ вдругъ спросилъ Горнера:

— Что съ тобой?

— Еще не знаю, но, должно быть, я разорень.

— Вотъ глупости!—весело возразилъ Конингемъ — Самые лучшие люди, насколько я знаю, банкроты. Посмотри на меня: всѣ мои статьи возвращаются редакціями обратно. Денегъ нѣтъ, а долговъ—одинъ Богъ знаетъ сколько, и тѣмъ не менѣе я вполне счастливъ

— Да, но ты вѣдь одинъ.

Конингемъ вопросительно поглядѣлъ на Горнера своими веселыми глазами.

— А, можетъ быть. Ты, вѣроятно, хочешь сказать, что я живу одинъ. Но это не значитъ, что я одинъ, о, далеко нѣтъ. Пріятелей у меня масса, особенно когда настаетъ моментъ, когда я получаю дивидендъ.

— Но нѣтъ людей, которые бы висѣли у тебя на шеѣ,—не безъ раздраженія замѣтилъ Горнеръ.

— Да, такого дурака не нашлось. Но, съ другой стороны, нѣтъ вѣдь и людей, которые бы хоть чуточку заботились обо мнѣ. Ну же, не падай духомъ. Скажи, что съ тобой? Въ банкѣ у меня еще найдется семнадцать фунтовъ и десять шиллинговъ и хоть это не Богъ вѣсть какое богатство, но если тебѣ нужно...

— Спасибо, денегъ мнѣ не нужно. Мнѣ и семнадцати тысячъ фунтовъ было бы недостаточно.

Горнеръ замолчалъ, покусывая нижнюю губу, и уставился въ огонь своими сухими глазами.

— Причина это,—сказалъ онъ наконецъ и подалъ Конингему вырѣзку изъ газеты.

Тотъ безъ особаго интереса прочелъ замѣтку о митингѣ въ Честерѣ и нападеніи на домъ сэра Прейделя.

— Да,—замѣтилъ онъ, окончивъ чтеніе:—дѣло отличное. За храбрыми словами послѣдовали трусливыя дѣла. Если тутъ замѣшалась политика, то, совѣтую тебѣ, брось это дѣло, Горнеръ. Политика это палка съ чистыми концами, но ты, кажется, схватилъ ее за другой конецъ. Избили молодого Прейделя и, какъ опасаются, довольно сильно.

— Да,—значительно промолвилъ Горнеръ.

Конингемъ бросилъ на него удивленный взглядъ и вторично болѣе внимательно прочелъ газетную вырѣзку. Потомъ онъ поднялъ взглядъ на Горнера и встрѣтился съ его глазами.

— Чортъ возьми!—шопотомъ сказалъ онъ.

Горнеръ молчалъ. Собака спокойно заворочалась, и, казалось, весь мѣръ затаилъ дыханіе.

— А если онъ умретъ?—сказалъ наконецъ Конингемъ.

— Именно,—отвѣчалъ Горнеръ, заливаясь смѣхомъ приговореннаго къ смерти.

Конингемъ повернулся въ креслѣ. Онъ сидѣлъ, упершись локтями въ колѣна и, закрывъ лицо руками, пристально смотрѣлъ на старую цыновку. Въ такомъ положеніи они оставались нѣсколько минутъ.

— Что же ты думаешь объ этомъ?—проговорилъ наконецъ Горнеръ.

— Не знаю, что и думать. Ума у меня никогда не было, хотя я желалъ бы его имѣть въ эту минуту. Тебѣ придется пойти къ кому-нибудь другому, у кого есть хорошіе мозги, и потолковать съ нимъ.

Говоря эти слова, онъ опять повернулся въ креслѣ и еще разъ медленно и внимательно перечиталъ газетную замѣтку. Горнеръ смотрѣлъ на него, горя отъ ожиданія.

«Рудокопами предводительствовалъ какой-то пріѣзжій изъ Лондона,—громко читалъ Конингемъ:—повидимому, адвокатъ, произнесшій на митингѣ рѣчь. Имя этого человѣка остается не выясненнымъ, равно какъ и мѣсто его пребыванія. Его быстрое исчезновеніе подтверждаетъ распространившіеся слухи, что именно этотъ агитаторъ нанесъ ударъ Альфреду Прейделю, отъ котораго онъ такъ пострадалъ. Власти пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы разыскать этого явнаго преступника и тайнаго труса».

Конингемъ отложилъ вырѣзку и опять взглянулъ на Горнера, который на этотъ разъ уже не поглядѣлъ на него и не спросилъ, что онъ думаетъ. Горнера занимали другія мысли, но онъ боялся останавливаться на нихъ, и въ то же время не могъ отогнать ихъ отъ себя—мысли о молодой женѣ, о дѣтяхъ, появленіе которыхъ на мгновеніе пріотворило для него двери рая. Конингемъ прервалъ эти размышленія громкимъ смѣхомъ.

— Нашелъ средство!—вскрикнулъ онъ.—Просто, какъ азбука. Въ газетѣ сказано, что этотъ пріѣзжій изъ Лондона былъ адвокатъ, негодяй и трусъ. Чортъ возьми, да вѣдь это я!

И онъ весело вскочилъ съ кресла.

— Пошелъ прочь, Тимъ,—закричалъ онъ на собаку и, отолкнувъ ее ногой, сталъ на цыновку.

— Слушай,—продолжалъ онъ.—Все это пройдетъ. Все забудется черезъ какую-нибудь недѣлю. Будетъ еще какой-нибудь митингъ, положимъ въ Южномъ Валисѣ, разобьютъ еще нѣсколько оконъ, проломаютъ голову еще какому-нибудь молодому человѣку и о Честеръ-ле-Стритѣ (вотъ такъ названіе! никогда и не слыхалъ о немъ!) забудутъ.

Горнеръ сидѣлъ, поджавъ губы, и внимательно слушалъ ирландца. Любовь къ женщинѣ совершенно лишила его мужества. А Конингемъ смѣялся все веселѣе и веселѣе, по мѣрѣ того, какъ развертывался его планъ. По собственному сознанію, онъ не отличался особой силой ума, зато онъ былъ смѣлый и рѣшительный

человѣкъ. Ростомъ онъ былъ въ шесть футовъ и глядѣлъ на своего пріятеля, поблѣднѣвшаго и съжившагося въ креслѣ, сверху внизъ.

— Для меня нѣтъ ничего легче, какъ исчезнуть тайнымъ образомъ, чтобы навлечь на себя подозрѣніе. Меня ничто здѣсь не удерживаетъ. Связей у меня здѣсь нѣтъ никакихъ. Когда молодой Прейдель поправится, когда разобьютъ достаточное количество оконъ и люди будутъ заняты другимъ, тогда могу вернуться къ своимъ кліентамъ и я.

— Я не могу согласиться на это.

— Вотъ пустяки какіе, —возразилъ Конингемъ, со свойственной его расѣ быстротой нащупавъ больное мѣсто Горнера.—Вѣдь это дѣлается ради Эдиои и ребенка.

Горнеръ сидѣлъ молча, и Конингемъ черезъ минуту продолжалъ:

— Все, что надо сдѣлать теперь, это отвлечь отъ тебя подозрѣніе. Направить всѣхъ по ложному слѣду. Когда увидятъ, что поймать меня нельзя, тогда понемногу забудутъ обо всемъ.

Горнеръ завозился на креслѣ: все это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало мыслямъ, бродившимъ въ его головѣ.

— Это очень легко сдѣлать,—продолжалъ ирландецъ.—Напечатать замѣтку въ двухъ-трехъ газетахъ, оставить здѣсь въ комнатѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, будетъ сдѣланъ обыскъ, нѣсколько клочковъ бумаги уличающаго содержанія—вотъ и все. Къ тому же репутація у меня и безъ того неважная: ирландецъ носить на себѣ клеймо вездѣ. Если меня арестуютъ, то я какъ-нибудь вывернусь, докажу свое alibi, или какъ-нибудь иначе. Современемъ дѣло забудется, и я выйду сухъ изъ воды. Ну, Джоффри, не падай же духомъ! Человѣкъ твоего сорта не долженъ унывать отъ такихъ неудачъ!

Онъ стоялъ, разставивъ ноги и глубоко засунувъ руки въ карманъ. Въ его глазахъ сверкала рѣшимость, а по губамъ ползла веселая улыбка.

— Вѣдная Эдиои!—произнесъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, видя, что Горнеръ не отвѣчаетъ ничего на его предложеніе.—Вѣдное дитя! Тебѣ повезло, Горнеръ.

Горнеръ покачалъ головой и молчалъ. Но уже это молчаніе показывало, что дѣло выиграно. Онъ уже не протестовалъ и не сопротивлялся планамъ своего пріятеля. Дѣло было слажено, и онъ зналъ это.

Конингемъ пустился развивать свой планъ далѣе съ характерной для него стремительностью.

— Прежде всего, намъ не надо терять времени. Миѣ надо исчезнуть сегодня вечеромъ. Замѣтка должна появиться въ газетахъ завтра. По всей вѣроятности, я отправлюсь въ Испанію. Тамъ, кажется, опять оживились карлисты. Знаешь, Горнеръ, па-

рикъ и судейская тога никогда не прельщали меня, и я велико-лѣпно проведу время...

Онъ остановился, замѣтивъ, что Горнеръ глядитъ на него съ какой-то ревностью.

— Я хотѣлъ бы знать?—спросилъ онъ:—былъ ли ты когда-нибудь влюбленъ въ Эдию?

— Нѣтъ, мой другъ, я никогда не былъ въ нее влюбленъ, хотя я и зналъ ее гораздо раньше тебя.

Онъ замолчалъ. Какъ-то само собой неожиданно мелькнула въ его головѣ мысль, что есть люди, которые хуже всего бываютъ въ несчастіи, но онъ тутъ же постарался найти разныя извиненія для Горнера.

И съ прежней веселостью онъ пустился развивать планы, которые нѣкоторыми своими подробностями обнаруживали, что ему уже не въ первый разъ приходится обманывать констэбля.

Пока наши пріятели бесѣдовали такимъ образомъ, появился еще одинъ общій другъ, начинавшій уже входить въ славу журналистъ.

Нѣкоторое время разговоръ велся о всякихъ злобахъ дня, потомъ журналистъ, какъ бы въ шутку, замѣтилъ:

— Слышалъ новость?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Конингемъ.

— Альфредъ Прейдель—тотъ самый, который оказалъ сопротивление чартистамъ въ Честеръ-ле-Стритѣ, вчера утромъ скончался.

Фредерикъ Конингемъ остановился прямо передъ Горнеромъ, который все еще сидѣлъ въ своемъ низкомъ креслѣ у камина.

— Вотъ какъ,—промолвилъ онъ серьезно.—Въ такомъ случаѣ я долженъ ѣхать.

— Что ты хочешь этимъ сказать? —спросилъ журналистъ, бросивъ на него быстрый взглядъ: въ немъ проснулась профессиональная ищейка.

— Ровно ничего. Я просто долженъ уѣхать, вотъ и все, дружище. Я не могу удѣлить тебѣ, къ сожалѣнію, сегодняшній вечеръ: ты самъ понимаешь, что мнѣ надо еще уложиться.

Съ этими словами онъ обернулся къ Горнеру. Тотъ уже пришелъ въ себя, но его лицо было попрежнему закрыто руками.

— У тебя есть деньги, Джоффри?

— Да. Вотъ двадцать фунтовъ,—отвѣчалъ Горнеръ хриплымъ голосомъ.

— Мнѣ онѣ понадобятся.

Журналистъ взялъ свою шляпу и палку. Онъ медленно подошелъ къ двери и, обернувшись на порогъ, увидаль, что Горнеръ протягиваетъ Конингему пачку банкнотовъ.

— Уходи, пожалуй, и ты,—сказалъ ирландецъ. — Насколько я знаю, вамъ обоймъ по пути.

Горнеръ поднялся съ мѣста, и Конингемъ съ легкимъ смѣхомъ вытолкнулъ его за дверь.

— Проводи его до дому, Блэкъ,—сказалъ онъ журналисту:— Горнеръ по вечерамъ склоненъ впадать въ меланхолію.

III.

Судно на морѣ.

— Чего мы ждемъ? Ждемъ еще двухъ пассажировъ—знатныхъ лэди, какъ говорятъ. Капитанъ уже съѣхалъ за ними на берегъ.

Такъ отвѣчалъ Фредерику Конингему первый помощникъ капитана судна «Гранвилль» изъ Лондона, согрѣвая дыханіемъ свои пальцы, ибо солнце уже зашло за дымомъ Бордо, а съ Медока дулъ рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ.

«Гранвилль» стоялъ на якорѣ по срединѣ Гаронны, благополучно спустивъ съ палубы свой грузъ — пустые бочки изъ-подъ бургундскаго и принявъ на бортъ нѣсколько пассажировъ. Мало найдется на континентѣ столь холодныхъ мѣстъ, какъ залитый солнцемъ Бордо, когда въ зимнее время задуетъ здѣсь вѣтеръ съ Атлантическаго океана. Въ такіе дни по плоской равнинѣ съ холодной бурой поверхностью, кое-гдѣ испещренной бѣлыми пятнами, носится цѣлое облако мелкаго снѣга.

Кромѣ Конингема, на борту «Гранвилля» были еще два пассажира, забившіеся въ каюту, два француза, ѣхавшіе изъ Лондона въ Альжесирасъ, по пути въ Алжиръ.

Со свойственнымъ ему добродушіемъ Конингемъ скоро такъ освоился со всѣми на борту, что его присутствіе было одинаково пріятно и на кормѣ, въ пассажирскомъ отдѣленіи, и въ каютѣ капитана. Даже первый помощникъ капитана, существо весьма мрачное, отличавшійся обычнымъ въ его ремеслѣ злоупотребленіемъ и большимъ пессимизмомъ по отношенію къ роду человѣческому, мало-по-малу растаялъ подъ вліяніемъ Конингема, столь весело относившагося къ такой ужасной погодѣ.

— Съ дамами во всякомъ случаѣ будетъ меньше хлопотъ, чѣмъ съ пустыми боченками,—замѣтилъ Конингемъ:—ибо онѣ будутъ сидѣть смирно у себя внизу.

Помощникъ капитана знаменательно качнулъ головой и запустилъ въ носъ здоровую дозу табаку.

— Всякій причиняетъ хлопоты по-своему,—сказалъ онъ тономъ женатаго человѣка, съ котораго взяли клятву не употреблять спиртныхъ напитковъ.

Судно было уже готово идти въ море и, какъ всегда бываетъ въ

такомъ положеніи, на душѣ у моряка было не спокойно до тѣхъ поръ, пока не поднятъ якорь.

— Вотъ отваливаетъ отъ набережной лодка, — прибавилъ онъ. И, дѣйствительно, сквозь пургу и наступавшій сумракъ можно было разглядѣть приближавшееся къ судну черное пятно. Помощникъ капитана вызвалъ на палубу буфетчика, и этотъ бородатый слуга, которому предстояло устраивать дамъ, выпрыгнулъ изъ корабельнаго корпуса съ засученными рукавами, невзирая на дувшій рѣзкій вѣтеръ. Начинался приливъ, и такъ какъ Гаронна не ручеекъ для увеселительныхъ прогулокъ съ дамами, то явился откуда-то малый съ толстой веревкой въ рукахъ. Не такъ-то легко взойти на бортъ судно во время прилива, когда свещеть вѣтеръ и пальцы коченѣютъ такъ, что нельзя держать веревку. «Гранвилль», везшій грузъ угля въ Альжесирасъ, низко лежалъ надъ водой, раскачиваясь своимъ старомоднымъ корпусомъ на двухъ якоряхъ.

— Бросай веревку, — закричалъ помощникъ капитана матросу, который вышелъ впередъ.

Близость земли и приближеніе женщинъ, этихъ не менѣе опасных *bêtes noires*, казалось, взволновало просоленную душу помощника капитана съ «Гранвилля»

Мысль о томъ, что конецъ веревки, если его не удастся бросить какъ слѣдуетъ, прогуляется по его собственной персонѣ, а, можетъ быть, сознаніе того, что его пальцы оцепенѣли отъ холода, все же, казалось, сильно дѣйствовало на нервную систему малаго, стоявшаго у трапа. Онъ бросилъ веревку, повидимому, очень удачно. Два конца ея мелькнули на фонѣ сѣраго неба, а вслѣдъ за этимъ обнаружилось какое-то смятеніе. Англійское ругательство, пущенное съ палубы судна, встрѣтилось съ французскимъ выраженіемъ неудовольствія съ лодки. Потомъ веревка шлепнулась въ воду ярдахъ въ десяти отъ человѣка, который стоялъ на лодкѣ съ багромъ въ рукахъ. На кормѣ лодки сидѣли двѣ дамы, закутанныя до самыхъ глазъ. Въ ихъ позѣ ясно сказывалось безнадежное отчаяніе, охватившее этихъ южныхъ красавицъ въ тотъ моментъ, когда онѣ сѣли на эту лодку. Передняя часть ея была завалена чемоданами и другимъ багажомъ, неизмѣнно сопутствующимъ женщинамъ.

На веслахъ сидѣлъ всего одинъ гребець, который направлялъ лодку въ самую середину рѣки съ такимъ расчетомъ, чтобы описать кругъ и спокойно подѣхать къ судну. Теперь этотъ гребець, бросивъ весла, стоялъ съ багромъ въ рукѣ, ожидая неминуемаго толчка. Неудачливый малый, стоя на кормѣ, дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы вытянуть изъ воды неловко брошенную веревку, но нечего было и думать, чтобы бросить ее второй разъ. А помощникъ капитана пустилъ по его адресу цѣлый рядъ такихъ оіредѣленій, которыя не предвѣщали для провинившагося ничего хорошаго. Только что лодочникъ приготовился уцѣ

питься за судно, какъ сильнымъ порывомъ вѣтра лодку качнуло въ другую сторону прежде, чѣмъ онъ успѣлъ схватиться за якорную цѣпь, и онъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ въ лодку. Едва поднявшись на ноги, онъ ударился прямо грудью о багоръ и полетѣлъ въ воду.

— Ко мнѣ!—закричалъ онъ и исчезъ въ мутной водѣ. Черезъ секунду онъ вынырнулъ недалеко отъ судна, и помощникъ капитана, быстрый, какъ молнія, бросилъ ему всю скатанную веревку. Тотъ проявилъ что-то обезьянье и схватился за нее съ необыкновенной цѣпкостью. Помощникъ капитана и буфетчикъ принялись тянуть веревку.

Въ эту минуту сзади нихъ раздались всплески. Обернувшись назадъ, они увидѣли, что Конингемъ, сбросивъ съ себя верхнее платье, боролся съ волнами ярдахъ въ десяти отъ кормы «Гранвилля» и, почти исчезая въ вечернихъ сумеркахъ, плылъ прямо къ лодкѣ.

Вода, протекавшая по самой солнечной долинѣ Франціи, была удивительно тепла, и Конингемъ, быстро оправившись отъ своего прыжка, попалъ въ боковое теченіе. Лодка была недалеко, прямо передъ нимъ, и въ полутемнотѣ онъ могъ различить, какъ одна изъ женщинъ поднялась съ своего мѣста и двигалась дальше, а другая, прижавшись къ лодкѣ, кричала отъ ужаса. Болѣе храбрая изъ женщинъ принялась уже поднимать тяжелое весло, когда Конингемъ крикнулъ ей по-французски:

— Не падайте духомъ! Я сейчасъ буду около васъ!

Обѣ женщины повернулись на крикъ. Въ сумракѣ ихъ лица выдѣлялись бѣлыми пятнами. Никто больше не промолвилъ ни слова. Черезъ нѣсколько секундъ Конингемъ былъ уже около лодки. Схватившись руками за руль, онъ на половину высунулся изъ воды.

—Если вы будете любезны перейти на другую сторону лодки,—сказалъ онъ:—то я могу вскарабкаться, не рискуя опрокинуть лодку.

— Если мама нѣсколько наклонится, этого будетъ достаточно,—сказала одна изъ фигуръ, та, которая хотѣла ѣхать дальше. Голосъ былъ ясный, низкій и обличалъ большое самообладаніе. Казалось, будто его обладательница была чѣмъ-то недовольна.

— Можетъ быть, вы и правы,—сказалъ Конингемъ серьезно.

Дама, сидѣвшая на носу, послушалась дочери, и лодка поднялась настолько, что Конингемъ довольно легко впрыгнулъ въ нее изъ воды. Вскарabкавшись на бортъ, онъ началъ дрожать крупной дрожью, ибо вѣтеръ рѣзалъ, какъ ножомъ.

Та, которая была помоложе, стала осторожно пробираться назадъ къ своему мѣсту и стала что-то очень серьезно говорить матери. Крѣпкая, но впечатлительная, та непрерывно качалась взадъ и впередъ, а въ промежуткахъ между воплями и стонами

по-испански призывала къ себѣ на помощь всѣхъ святыхъ. По временамъ, очевидно, для разнообразія она обращалась къ Самому Господу Богу, поручая ему свою душу.

— У моей матери—сказала незнакомка Конингему, который схватился за весла, —сердце какъ у кролика, да еще очень молодого.

— Я могу успокоить ее: никакой опасности нѣтъ, —промолвилъ Конингемъ.

— Вы англичанинъ....

— Да, и, когда нужно, очень хладнокровный. Если ваша матушка умѣритъ свои молитвы и будетъ сидѣть спокойно, мы поѣдемъ впередъ быстрѣе.

Онъ говорилъ очень отрывисто. Разстояніе, которое проходила лодка при каждомъ ударѣ его весель, свидѣтельствовало о силѣ его мускуловъ, и болѣе пожилая дама шепотомъ разсыпалась ему въ благодарностяхъ, имѣя, повидимому, причины скорѣе полагаться на земную помощь, чѣмъ на вмѣшательство небесъ.

— Я хотѣла бы помочь вамъ, —сказала молодая особа съ такимъ выраженіемъ, которое говорило объ энергіи, обыкновенно не встрѣчающейся у ея землячекъ. Она говорила по-французски, но съ акцентомъ, и Конингемъ догадался, что она испанка. Онъ воображалъ, что подъ верхними накидками на ней непременно надѣта мантилья и что ея головка отличается той граціозной посадкой, которую можно встрѣтить только на этомъ полуостровѣ.

— Благодарю васъ, но мы и такъ подвигаемся недурно. Видите вы судно?

Она поднялась и стала всматриваться въ темноту черезъ его голову. На Конингема пахнуло какими-то духами, и со свойственной ему быстротой онъ рѣшилъ, что незнакомка такъ же прекрасна, какъ и неустрашима!

— Оно совсѣмъ недалеко, —промолвила она. —Они машутъ фонарями, чтобы показать намъ путь.

По тону видно было, что ея мысли недолго останавливались на «Гранвиллѣ».

— Вы морякъ?

— Нѣтъ, но, къ счастью, кое-что понимаю въ этомъ дѣлѣ.

— Но вы путешествуете на «Гранвиллѣ»?

— Да.

Конингемъ пристально глядѣлъ на свою собесѣдницу изъ-за весель, но никакъ не могъ различить черты ея лица. Ея голосъ тѣмъ не менѣе былъ очень пріятенъ для него, и онъ пожелалъ узнать, спокойно ли въ это время года у береговъ Испаніи.

— Наши моряки—храбрый народъ, но они осторожны. Я думаю, что ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ бы того, что вы сейчасъ сдѣлали. Не правда ли, намъ грозила опасность?

— Лодку могло нанести на какое-нибудь судно на якорь, и она могла опрокинуться. Могло также васъ отнести въ открытое море. А на борту «Гранвилля» не было въ готовности лодки, которая могла бы послѣдовать за вами.

— Да. И вы спасли насъ. Вамъ, англичанамъ, мужества не занимать стать. А моя мать вмѣсто того, чтобы поблагодарить васъ, продолжаетъ расточать хвалу Иакову и Иоанну, сыновьямъ Заведеевымъ, словно это сдѣлали они.

— Къ Заведю я не имѣю никакого отношенія,—съ веселымъ смѣхомъ отвѣчалъ Конингемъ.

— Юлія,—строго произнесла пожилая дама, и ея голосъ звучалъ такъ густо, словно шелъ изъ какого-нибудь боченка:—Юлія, я пожалуюсь на тебя отцу Конхѣ, который, конечно, не похвалитъ тебя за это. Святые, которымъ я молилась, сами были рыбаками и, стало быть, могутъ лучше всего сообразить опасность, которой мы подвергались. Что касается васъ, сударь, то, будьте увѣрены, вы будете навсегда записаны въ моемъ молитвенникѣ.

— Благодарю васъ, сударыня,—серьезно промолвилъ Конингемъ.—Въ свое время при болѣе подходящей обстановкѣ я надѣюсь выразить вамъ и свою благодарность.

Въ этотъ моментъ лодку окликнулъ чей-то голосъ съ «Гранвилля». Спрашивали, все ли обошлось благополучно и въ лодкѣ ли мистеръ Конингемъ. Успокоившись на этотъ счетъ, помощникъ капитана, очевидно, обратился къ другому дѣлу, требующему его вниманія: крики и ругательства неловкаго малаго давали нѣкоторыя указанія на его характеръ.

Подъ сильными и частыми ударами Конингема лодка благополучно и безъ всякихъ приключеній шла вдоль длиннаго чернаго корпуса «Гранвилля». Скоро, однако, обнаружилось, что хотя всякая опасность уже исчезла, однако затрудненія еще не прекратились, ибо когда лодка остановилась и съ «Гранвилля» спустили лѣстницу, то старшая изъ дамъ наотрѣзъ отказалась подниматься по ней, ссылаясь на то, что она этого не можетъ. Лодочникъ-французъ, дрожавшій въ надѣтомъ на него черномъ пальто и испускавшій сильный запахъ коньяка, поддерживаемый помощникомъ капитана и буфетчикомъ, уговаривалъ ее не бояться. А въ самой лодкѣ Конингемъ по-французски, а молодая незнакомка по-испански представляли ей всѣ резоны, ссылаясь на небесное воинство и стараясь убѣдить ее, что если оно помогло ей пережить такую страшную опасность то, конечно, теперь поможетъ ей совершить этотъ небольшой подвигъ.

Но пожилая дама продолжала колебаться. Тогда помощникъ капитана, спустившись въ лодку, схватилъ не особенно любезно Конингема за руку и съ силою толкнулъ его къ лѣстницѣ.

— Г. Конингемъ, вамъ вовсе не было надобности оставлять судно

такимъ образомъ. Вѣдь вы рискуете умереть отъ холода. Идите на бортъ и предоставьте этихъ женщинъ мнѣ. Отправляйтесь къ себѣ въ каюту, а буфетчикъ принесетъ вамъ что-нибудь теплое.

Конингему оставалось только повиноваться, и онъ скоро очутился подъ теплымъ одѣяломъ. У него началась лихорадка, и ему поочередно было то холодно, то жарко.

Такъ какъ капитанъ былъ уже на борту, то «Гранвилль» поднялъ якорь и повернулся своимъ тупымъ носомъ къ холодному морю. Волны были довольно велики, большія деревянные мачты и снасти стали поскрипывать, и судно быстро освободило свою корму.

Огни Польяка—въ тѣ времена еще бѣдной рыбацкѣй деревушки—остались за кормою.

Въ теченіе слѣдующихъ дней, когда ощущеніе весенней теплоты возвращало къ жизни всѣхъ, кто могъ дышать на верхней палубѣ, Конингемъ все еще лежалъ въ своей маленькой каютѣ, не замѣчая ничего. Когда же лихорадка прекратилась, у него осталось только ощущеніе странной усталости. Онъ едва могъ приподниматься, чтобы подкрѣпиться той пищей, которую съ грубоватой услужливостью готовилъ для него буфетчикъ.

— За какимъ чортомъ бросился я въ воду къ этимъ двумъ женщинамъ?—спрашивалъ онъ самъ себя въ длинные часы вынужденнаго бездѣйствія.

IV.

Первый шагъ.

Маленькій городокъ Альжесирасъ лежитъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ виду Гибралтара и отдѣляется отъ этой крѣпости широкимъ заливомъ. Прямая дорога ведетъ отъ него въ Кадиксъ. Другая дорога, немногимъ лучше, чѣмъ верховая тропинка, идетъ отсюда къ сѣверу въ Химену, черезъ пробковый лѣсъ между Рондой и моремъ.

Говорили, что когда-то по этой дорогѣ шла большая контрабанда и не было пассажира, который высаживался бы въ Альжесирасѣ или Гибралтарѣ и не проносилъ бы съ собой какой-нибудь контрабанды, въ родѣ, напримѣръ, табаку, который можно было спрятать совершенно безопасно.

Альжесирасъ съ его бѣлыми домами и красивой церковью, съ сонной набережной, гдѣ плещутся и сверкаютъ на солнцѣ голубыя воды, населенъ, надо правду сказать, порядочнымъ-таки отребьемъ. Онъ является убѣжищемъ контрабандистовъ, которыхъ мѣстныя пѣсни и легенды восхваляютъ, какъ самыхъ храбрыхъ, веселыхъ, романтическихъ борцовъ противъ закона. Въ этой странѣ человѣкъ, имѣющій возможность сказать, что его предки были контрабандисты, можетъ держать голову высоко и смотрѣть на честныхъ людей сверху внизъ.

«Гранвилль», бросившій якорь у сѣверной оконечности грубой каменной набережной, скоро освободился отъ своихъ пассажировъ: женщины съѣхали на берегъ съ нескрываемой радостью, осыпавъ тысячею благодарностей Конингема, храбрость котораго повлекла за собой столь печальныя послѣдствія. Онъ все еще лежалъ въ постели, хотя и поправлялся. Сказать по правдѣ, онъ и самъ не спѣшилъ въ общую каюту, и вышелъ на палубу лишь тогда, когда обѣ женщины уже уѣхали.

Два дня, проведенные подъ благословеннымъ безоблачнымъ небомъ этихъ мѣстъ, возстановили его здоровье, и онъ сталъ приготовляться къ отъѣзду на берегъ. Было уже за полдень, когда перевозившая его лодка ткнулась въ песчаный берегъ, и прибрежные лѣнтяи, безъ которыхъ не обходится ни одинъ портъ въ Средиземномъ морѣ, проведя часы денного зноя въ философской апатіи ко всему, теперь выстроились длиннымъ рядомъ на набережной, проявляя достойный себя и равнодушный интересъ къ новопривышему. Нѣсколько мальчишекъ, старый солдатъ, нѣсколько артиллеристовъ изъ сосѣдняго форта, очень красиваго, но совершенно бесполезнаго, священникъ и торговка апельсинами представляли собою центры, вокругъ которыхъ собиралась цѣлая толпа какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Конингему предстояло сойти на берегъ.

— Клянусь Ваххомъ!—воскликнулъ священникъ, задерживая передъ своимъ длиннымъ носомъ шепотку табаку:—англичавинъ! Посмотрите на его золотую цѣпочку.

Это замѣчаніе вызвало нѣсколько односложныхъ звуковъ. Стоявшіе на набережной принялись наблюдать за благополучной выгрузкой вещей Конингема съ видомъ людей, которые одновременно рады и удивлены его видѣть. То обстоятельство, что кто-то долженъ былъ съѣхать на берегъ, когда и на борту было такъ хорошо, представлялось имъ достойнымъ ихъ вниманія, но никакъ не подражанія.

Никто и не подумалъ помочь чѣмъ-нибудь Конингему: въ Испаніи зрители держать руки всегда въ карманахъ.

— Англичане путешествуютъ обыкновенно для собственнаго удовольствія,—замѣтилъ старый солдатъ, кивая головой по направленію къ Гибралтару, блестящему черезъ заливъ въ розовой мглѣ.

Священникъ молча стяхнулъ съ своей поношенной рясы слѣды табаку. То былъ необыкновенно высокій и худой человекъ, какой-то сѣрый, съ глубокими морщинами, шедшими этъ глазъ къ подбородку. Очертанія его рта были правильны и нѣжны, а по губамъ бѣгала усмѣшка, готовая распуститься въ веселую улыбку. Темные глаза были ослѣнены сѣрыми рѣсницами, но въ одномъ изъ нихъ таилась та же усмѣшка, что и въ углу рта.

— Каждый протягиваетъ ножки по одежкѣ,—замѣтилъ онъ и, повернувшись къ Конингему, который въ эту минуту тронулся къ

гостиницѣ, вѣжливо приподнял шляпу. Кучки зрителей рассыпались, а мальчишки направились къ воротамъ форта, гдѣ игра въ мячъ была въ самомъ разгарѣ.

«Ну, у падре видъ довольно тощій, — подумалъ про себя Конингемъ. — Приглашу-ка я его отобѣдать со мной».

Когда у Конингема были деньги, имъ неизмѣнно овладѣвало желаніе поскорѣе истратить ихъ.

Вотъ почему онъ направился прямо въ «Морскую гостиницу», не отличавшуюся, повидимому, ни внутреннимъ комфортомъ, ни вѣшней чистотой. Но, какъ во всякой испанской гостиницѣ, дѣйствительность оказалась лучше, чѣмъ можно было подозрѣвать, и Конингему дали комнату, которая была нехороша лишь тѣмъ, что не обладала почти никакой обстановкой. Съ помощью нѣсколькихъ десятковъ испанскихъ словъ, бывшихъ въ его распоряженіи, Конингемъ объявилъ, что ему нужно, и спросилъ, какъ ему добратъся до Ронды.

— Вы знаете въ Рондѣ генерала Винченге? — спросилъ онъ.

— Да... по слухамъ. Кто его не знаетъ въ Андалузій? — отвѣчалъ хозяинъ гостиницы, дородный человѣкъ, когда-то державшій столъ въ офицерскомъ собраніи въ Гибралтарѣ.

— У меня письмо къ генералу Винченге, и я долженъ ѣхать немедленно. Теперь въ Испаніи времена бурныя.

Полное лицо трактирщика вдругъ приняло хитрое выраженіе. Онъ оглянулся черезъ плечо, чтобы убѣдиться, что его никто не слышитъ.

— Ваше превосходительство совершенно правы, — отвѣчалъ онъ. — Но для такого человѣка, какъ я, не все ли равно, та или другая сторона возьметъ верхъ, карлисты или Христина? Вѣдь деньги попрежнему останутся деньгами.

— Но здѣсь, на югѣ, карлистовъ вѣдь нѣтъ?

— Кто знаетъ, — проговорилъ трактирщикъ, махнувъ рукою. — Все, что вашему превосходительству будетъ угодно приказать, будетъ исполнено, — прибавилъ онъ услужливо. — Вотъ столовая, а вотъ здѣсь — небольшая гостиная, гдѣ обыкновенно сидятъ дамы. Но теперь, въ зимнее время, у насъ въ гостиницѣ только одни мужчины.

— Но бываютъ и постояльцы? — спросилъ Конингемъ.

— Да... почти всегда. Въ Альжесирасѣ всегда есть путешественники, знатные люди, въ родѣ, на примѣръ, вашего превосходительства. Одни пріѣзжаютъ съ коммерческими дѣлами, другіе по политическимъ соображеніямъ...

— Ни одна муха не влетитъ въ закрытый ротъ, другъ мой, — вдругъ раздался въ дверяхъ чей-то голосъ.

Оба обернулись и увидѣли сзади себя того самого священника, который былъ свидѣтелемъ прибытія Конингема.

— Извините, сибьоръ,—сказаль старикъ, комкая въ рукахъ свою и безъ того помятую шляпу.—Извините за то, что я прерваль вашъ разговоръ. Я пришелъ во время, ибо мнѣ послышалось слово «политика».

И онъ погрозилъ тонкимъ пальцемъ трактирщику, который съ поклономъ устремился къ двери.

— Мигуэль,—продолжалъ священникъ:—ты, вѣрно, хочешь сдѣлать такъ, чтобы этотъ господинъ не могъ остановиться въ твоей проклятой гостиницѣ? Я, сибьоръ, тоже путешественникъ и въ данную минуту являюсь постояльцемъ этой гостиницы. Позвольте назвать себя. Моя фамилія—Конха, отецъ Конха, священникъ, какъ видите.

Конингемъ кивнулъ головой и безъ всякихъ церемоній разсмѣялся.

— Очень радъ, что встрѣтился съ вами,—сказаль онъ.—Я уже слышалъ о васъ. Меня зовутъ Конингемъ, я англичанинъ, какъ вы слышите. По-испански я знаю очень мало.

— Ну, это придетъ само собой,—заговорилъ священникъ, подвигаясь къ окну,—и, вѣроятно, очень скоро, если вы останетесь на нѣкоторое время въ этой странѣ. Позвольте дать вамъ совѣтъ—не очень быстро изучайте нашъ языкъ.

Онъ покачалъ головой и снова подвинулся къ раскрытому окну.

— Здѣсь есть веранда, на которой недурно посидѣть послѣ обѣда. Не присядемъ ли мы? У этого стула только три ножки, но это ничего, позвольте мнѣ его. А вотъ другой. Этотъ лучше.

Все это онъ говорилъ съ серьезной учтивостью, свойственной его землякамъ. Каждый испанецъ, даже послѣдній погонщикъ муловъ, чувствуетъ себя настоящимъ джентльменомъ и умѣетъ дѣйствовать соответствующимъ образомъ.

Падре Конха обладалъ пріятнымъ голосомъ и любилъ дѣлать своей большой и не особенно опрятной рукой широкіе жесты, отдававшіе церковной каедрой.

Онъ направился къ верандѣ, гдѣ стояли небольшіе столы и кресла и апельсинныя деревья въ четырехъугольныхъ зеленыхъ кадкахъ.

— Закажемъ бутылочку вина, не правда ли?—сказаль онъ и съ серьезнымъ видомъ хлопнулъ въ ладони, чтобы позвать служителя—восточный обычай, до сихъ поръ сохранившійся еще на полуостровѣ.

Принесли и откупорили бѣтылку вина. За этой церемоніей священникъ слѣдилъ съ озабоченнымъ видомъ хозяина, который желаетъ угостить своего гостя. Съ видомъ знатока онъ попробоваль вино.

— Могло быть хуже,—замѣтилъ онъ.—Прошу извиненія: вино не изъ лучшихъ.

Въ манерахъ старика была какая-то простота, подкупавшая Конингема.

— Превосходное вино,—сказалъ онъ.—Имъ Испанія привѣтствуетъ мой прїѣздъ.

— Стало быть, вы въ первый разъ въ этой странѣ,—безразлично промолвилъ старикъ, бросая взглядъ на море, гдѣ тихо покачивалось нѣсколько фелюгъ.

— Да.

Конингемъ повернулся и тоже взглянулъ на море.

Было уже далеко за полдень, и затишье, нависшее въ атмосферѣ, дѣлало разговоръ даже между новыми знакомцами болѣе медленнымъ, болѣе свободнымъ, чѣмъ у насъ на свѣжемъ сѣверѣ. Когда англичанинъ послѣ минуты молчанія повернулся опять, чтобы хорошенько всмотрѣться въ своего собесѣдника, онъ увидалъ только глубокіе сѣрые глаза, устремленные на него.

— Испанія,—заговорилъ падре Конха,—удивительная страна. Она богата, красива, обладаетъ климатомъ, подобнаго которому нѣтъ во всей Европѣ. Но Богъ и дьяволъ здѣсь ближе другъ отъ друга, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Короче сказать, нѣтъ страны болѣе любопытной для человѣка, который путешествуетъ ради удовольствія.

— Я путешествую не совсѣмъ ради удовольствія.

— А,—протянулъ падре и медленно забарабанилъ пальцами по столу.

— Я спѣшилъ уѣхать изъ Англїи,—легкомысленно объявилъ Конингемъ.

— А!

— И мнѣ нельзя вернуться туда раньше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Я хотѣлъ было поступить на службу въ армію и досталъ письмо къ генералу Винченге, который живетъ въ Рондѣ. Ронда, насколько я знаю, расположена въ горахъ, миляхъ въ шестидесяти отсюда.

— Да,—задумчиво отвѣчалъ священникъ:—до Ронды дѣйствительно будетъ миль шестьдесятъ.

Говоря это, онъ не спускалъ глазъ съ лодки, приближавшейся къ берегу со стороны Гибралтара. Вѣтеръ упалъ, и сидѣвшіе въ лодкѣ, спустивъ парусъ, шли на веслахъ, затаивъ какую-то пѣсню, далеко разносившуюся по поверхности соннаго моря. Это была обычная альжесирасская лодка, построенная для перевозки угля и полдюжины пассажировъ,—словомъ; обычная рыбацья лодка, пропахнувшая табакомъ. Скоро она уткнулась въ берегъ, и пассажиры, которыхъ было съ полдюжины, перелѣзли черезъ бортъ на узкую песчаную отмель. Одинъ изъ нихъ, одѣтый лучше другихъ, съ яркимъ свѣтломъ въ петлицѣ пиджака, несъ съ собой длинный плащъ на яркой бархатной подкладкѣ, безъ котораго испанецъ не выходитъ послѣ заката солнца. Онъ бросилъ взглядъ по направленію къ гостиницѣ и, очевидно, сталъ что-то говорить о ней

съ лодочникомъ, стоявшимъ передъ нимъ въ самой самоувѣренной позѣ.

Священникъ поднялъ и осушилъ свой стаканъ.

— Я долженъ просить васъ извинить меня. Вечерняя служба не ждетъ, а я слышу, что уже звонять,—сказалъ онъ и, важно поклонившись, вышелъ.

Оставшись одинъ, Конингемъ погрузился въ не особенно глубокия мысли человѣка, привыкшаго жить сегодняшнимъ днемъ. Онъ былъ увѣренъ, что прошлое умираетъ, и это была, конечно, ошибка. Прошлое только спитъ, и мы всегда носимъ его въ себѣ, и счастливы тѣ, кто носить его, не тревожа, не давая ему подниматься на поверхность.

Солнце сѣло, и Гибралтаръ, словно огромный левъ, протянувшийся по заливу, началъ уже исчезать въ наступающемъ полумракѣ, какъ въ столовой раздался шумъ чьихъ-то шаговъ. Конингемъ машинально повернулъ голову, думая, что это падре Конха. Но въ дверяхъ стоялъ красивый смуглый человѣкъ, средняго роста, съ длинными закрученными кверху усами и выправкой солдата. Незнакомецъ поспѣшилъ снять свой плащъ: въ Испаніи считается признакомъ дурного тона заговорить съ незнакомымъ лицомъ, не снявъ предварительно плаща.

— Синьоръ,—сказалъ онъ, дѣлая шляпой жестъ, отдававшій скорѣе лагеремъ, чѣмъ придворной утонченностью:—синьоръ, вы, насколько я знаю, изволите ѣхать въ Ронду?

— Да.

— Я тоже имѣлъ намѣреніе пробраться черезъ горы и рассчитывалъ попасть сюда то время, чтобы встрѣтить одного пріятеля, который уже поѣхалъ сюда. Но здѣсь я получилъ письма, которыя заставляли меня ѣхать въ Малагу. Вы, вѣроятно, уже догадываетесь, что я пришелъ просить васъ объ одномъ одолженіи.

Онъ подвинулъ впередъ стулъ и сѣлъ, вытащивъ изъ кармана серебряный портсигаръ и предлагая папиросу англичанину. Въ его манерахъ было что-то живописное. Его лицо и движенія свидѣтельствовали объ энергіи, которая въ этой сонной Испаніи казалась неумѣстной, намекала на то, что онъ былъ родомъ не изъ Андалузіи, а изъ Ламанча, гдѣ сосредоточенъ весь умъ Испаніи, или, можетъ быть, изъ пылкой Каталоніи, гдѣ всѣ недовольные чувствуютъ себя въ своей тарелкѣ среди ея бурныхъ, выжженныхъ холмовъ.

Это былъ настоящій испанскій гидальго, въ лучшемъ значеніи этого слова—чистоплотный не хуже любого англичанина, вѣжливый, находчивый и въ то же время всюду несущій за собой атмосферу меланхолии и романтизма, которая до сихъ поръ присуща мужчинамъ и женщинамъ аристократическаго происхожденія.

— Я просилъ бы только отвезти письмо и передать его дамѣ,

которой оно адресовано. О, я отдалъ бы пять лѣтъ моей жизни, чтобы только дотронуться губами до ея руки.

Онъ вздохнулъ и слегка размѣялся какимъ-то многозначительнымъ смѣхомъ и закурилъ новую сигару. Потомъ, немного помолчавъ, онъ вынулъ изъ кармана письмо и положилъ его на столъ передъ Конингемомъ. Оно было адресовано синьоритѣ Х. В. и слегка пахло какими-то нѣжными духами.

— Письмо влюбленнаго,—простодушно замѣтилъ Конингемъ.

Испанецъ взглянулъ на него и пожалъ плечами.

— Съ вашей сѣверной холодной страной вы ничего не понимаете,—промолвилъ онъ.—Если вы поживете въ Испаніи, то, можетъ быть, какая-нибудь черноглазая особа и дастъ вамъ урокъ. Но,—добавилъ онъ, впадая съ неожиданной быстротой въ театральнѣйшій тонъ,—если вы увидите и влюбитесь въ нее, я убью васъ.

Конингемъ громко размѣялся и протянулъ руку за письмомъ.

— Адресъ недостаточно ясенъ,—дѣловито замѣтилъ онъ.—Какимъ же образомъ я могу отыскать эту даму?

— Ее зовутъ Баренна, синьорита Баренна. Въ Рондѣ этого достаточно.

Конингемъ взялъ письмо и осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

— Важное дѣло?—спросилъ онъ.

— Чрезвычайно.

Испанецъ всталъ и взялъ со спинки стула свой плащъ, не упустивъ случая показать его яркую подкладку.

— А теперь дайте слово, что въ собственныя руки доставите это письмо синьоритѣ Бареннѣ и будете держать это въ тайнѣ?

— Съ удовольствіемъ,—беззаботно сказалъ Конингемъ.

Испанецъ повернулся и, облокотившись одной рукой на стулъ, посмотрѣлъ на своего собесѣдника почти съ яростью.

— Вы англичанинъ, а честное слово англичанина пользуется кредитомъ по всему міру,—сказалъ онъ.—На сѣверѣ, на моей родинѣ, гдѣ сражался Веллингтонъ, крестьяне даже говорятъ, вмѣсто «клятва»: «слово англичанина».

Онъ набросилъ плащъ на плечи и смотрѣлъ на своего собесѣдника съ улыбкой гордости.

— Ну, adio,—произнесъ онъ.—Меня зовутъ Ларральде. Это, впрочемъ, не важно. Adio!

И, вѣжливо поклонившись, онъ вышелъ съ веранды. Конингемъ видѣлъ, какъ онъ направлялся къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно высаживались съ кораблей. Повидимому, этотъ странный человѣкъ хотѣлъ исчезнуть такъ же внезапно, какъ и появился. Конингемъ подошелъ къ краю веранды и сталъ слѣдить за отплытіемъ лодки, на которой прибылъ сюда его новый знакомый.

Пока онъ стоялъ здѣсь, изъ открытой двери столовой тихо вышелъ старъ слуга. Онъ видѣлъ, что Конингемъ оставилъ

письмо на столѣ. Безшумно двигаясь въ своихъ старыхъ поношенныхъ башмакахъ, онъ подошелъ къ столу и прочелъ адресъ, стоявшій на розовомъ душистомъ конвертикѣ.

Когда англичанинъ вернулся къ своему столу, на верандѣ уже никого не было.

V.

Контрабанда.

За часъ до захода солнца передъ «Морской гостиницей» въ Альжесирахъ стояли двѣ лошади, переступая съ ноги на ногу и покусывая удила. Хозяинъ гостиницы, широкоплечій человекъ чрезвычайно некрасивой наружности, внимательно осматривалъ ремни и пряжки сбруи, словно онъ опасался, что они не совѣмъ въ порядкѣ. Лошади были худы, съ торчащими врозь ушами и съ такимъ меланхолическимъ видомъ, который, казалось, говорилъ о томъ, что въ будущемъ онѣ уже не ждали ничего хорошаго. Сѣдла и сбруя отличались весьма театральнымъ характеромъ. Они привели бы въ восторгъ художника и въ отчаяніе кавалериста. Бахрома и кисти изъ яркой шерсти свѣшивались какъ-то удивительно неумѣстно. Зато ремни казались мало надежны, сѣдла были деревянные и грозили серьезными поврежденіями всаднику, если бы ему вздумалось упасть. Оно поднималось по крайней мѣрѣ на цѣлый футъ надъ спиною лошади и таило внутри себя пустое пространство, въ которое можно было прятать табакъ и другіе контрабандные товары.

— Я возьму съ собой самого маленькаго изъ этихъ головорѣзовъ,—сказалъ Конингемъ, пропуская мимо себя наканунѣ вечеромъ проводниковъ, проходившихъ передъ нимъ на дворѣ гостиницы, словно на какомъ-то парадѣ.

Послѣ такого заявленія хозяинъ гостиницы объяснилъ Консенсіону Варѣ, что англійскій генераль выбралъ его только потому, что онъ, хозяинъ гостиницы, разъяснилъ ему, что честнѣе проводника не сыскать во всемъ Альжесирахъ.

— Скажи ему,—отвѣтилъ Консенсіонъ, перекладывая губами сигару:—что мой дѣдъ былъ контрабандистомъ, а мой отецъ убитъ гражданской гвардіей.

Поправивъ одну подушку и съ сомнѣніемъ покачавъ головой около другой, Консенсіонъ закурилъ новую папиросу и слегка вздрогнулъ: на утреннемъ воздухѣ было довольно холодно. Видя, что Конингемъ еще завтракаетъ при тускломъ свѣтѣ масляной лампы, онъ, не выказывая особыхъ признаковъ нетерпѣнія, осторожно кашлянулъ, очевидно, желая довести до свѣдѣнія одного джентльмена, что другой его ждетъ.

Уплативъ по счету со щедростью, которая вполнѣ понятна бываетъ только бѣдному человѣку, Конингемъ вышелъ на дворъ,

настроенный, по обыкновению, самымъ благосклоннымъ образомъ ко всѣмъ людямъ, и слегка кивнулъ головой на важный поклонъ проводника.

— Эти лошади?—спросилъ онъ.

Консенсіонъ Вара растопырилъ руки.

— Равныхъ имъ нѣтъ во всей Андалузіи,—отвѣчалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ я очень жалѣю Андалузію,—съ добродушной усмѣшкой сказала Конингемъ.

Они сѣли на лошадей и поѣхали, озаряемые тусклымъ и холоднымъ свѣтомъ ранняго утра. Море было темно-синее. Гибралтаръ, до котораго было миль пять, казался какимъ-то сѣрымъ облакомъ на фонѣ загоравшейся зари. Весь міръ сталъ какъ будто чище, словно ночь прошлась губкой по лицу земли, смывъ съ нея все невзрачное и некрасивое. Воздухъ былъ свѣжъ и насыщенъ ароматомъ травъ, растущихъ по обѣ стороны дороги.

Консенсіонъ, двинувшись въ путь, заплѣлъ какую-то пѣсню, столь же древнюю, какъ и его ремесло, въ которой говорилось объ отважномъ контрабандистѣ.

Дорога въ Ронду вела черезъ дубовый лѣсъ возлѣ Химены, оставляя Санъ-Рокъ на правой сторонѣ. Этотъ путь былъ выбранъ проводникомъ Конингема: въ горахъ путей не мало, но ни одинъ изъ нихъ нельзя рекомендовать. Коротая путь въ пѣснѣ, Консенсіонъ безпрестанно покуривалъ папиросу, заѣзжая въ каждый трактиръ и не пропуская случая покалякать съ женщиной и обмѣняться словомъ съ мужчиной. Онъ честно исполнилъ договоръ и, лишь только луна вошла надъ остроконечными, покрытыми снѣгомъ вершинами Сьерры-Невады, указалъ впереди на огни Госина—горной деревушки, не пользовавшейся хорошей репутаціей.

Разсвѣтъ слѣдующаго дня засталъ путешественниковъ въ сѣдлѣ. Дорога была еще хуже. Почти отвѣсный путь велъ ихъ все вверхъ въ область, гдѣ листва встрѣчается рѣже, а земледѣліе неизвѣстно совсѣмъ. Въ одномъ мѣстѣ они обернулись назадъ и увидѣли Гибралтаръ, который выдавался изъ воды, словно какой-то зубъ. Проливъ казался отсюда рѣкой, другимъ берегомъ которой была возвышенная мѣстность вокругъ Цеуты.

— Тамъ уже Африка,—важно сказалъ Консенсіонъ и пустилъ лошадь опять вверхъ.

Люди въ этихъ горахъ имѣли такой же дикій видъ, какъ и вся ихъ страна. Раза два путники проѣзжали около пастуха, сторожившаго въ горахъ стадо овецъ и одѣтаго въ козлиную шкуру и большой плащъ, спадавшій съ его плечъ,—настоящаго потомка Измаила и тѣхъ сыновей его, которые жили въ шатрахъ Кедарскихъ. Нѣсколько погонщиковъ муловъ объѣхали ихъ, чтобы дать лошадямъ возможность пройти, и вполголоса обмѣнялись съ проводникомъ Конингема какими-то словами. То были настоящіе жи-

вописные разбойники съ цѣлымъ арсеналомъ ножей, торчавшихъ изъ-за ихъ яркихъ поясовъ. Андалузскій крестьянинъ словно предназначенъ къ тому, чтобы шесть дней въ недѣлю внушать страхъ своимъ одѣянiемъ и видомъ. Чернокожій и черноволосый, онъ подставляетъ свой подбородокъ пирульнику обыкновенно разъ въ недѣлю, и путешественникъ робкаго характера хорошо сдѣлаетъ, если будетъ ѣхать только по воскресеньямъ. Къ концу недѣли, и особенно въ субботу, каждый небритый прохожій дѣлается разбойникомъ, способнымъ на самые темные и гнусные подвиги, а черезъ двадцать четыре часа страна окажется населенной такимъ чистымъ, честнымъ и красивымъ народомъ, какого не найти еще на землѣ.

Всѣ жилища давно уже остались позади, а лошади карабкались со скалы на скалу, словно кошки. Не было никакого намека на тропинку, и Консенсiонъ останавливался раза два, чтобы ориентироваться.

Было уже около двухъ часовъ пополудни, когда, спустившись по руслу давно высохшаго ручья, Консенсiонъ объявилъ, что надо сдѣлать привалъ, и предложилъ дать лошадямъ отдохнуть, пока онъ пообѣдаетъ. Какъ и въ предшествующій день, проводникъ велъ себя настоящимъ джентльменомъ, который дѣлаетъ Конингему великую честь, усѣвшись рядомъ съ нимъ и развязавъ свой небольшой мѣшокъ съ провизiей. Она состояла изъ сушеныхъ фигъ и хлѣба, который онъ прежде, чѣмъ приняться за него, предложилъ своему спутнику. Со своей стороны, и Конингемъ подѣлился съ проводникомъ своимъ запасомъ, а потомъ закурилъ сигару, которую тотъ предложилъ ему.

Пока они мирно занимались ѣдой, надъ ними на скалѣ показался какой-то человекъ. Онъ явился съ такой внезапностью, которая говорила не въ его пользу. Проводникъ, держа ножъ въ рукѣ, взглянулъ наверхъ и въ отвѣтъ на жестъ незнакомца поднялъ руку.

— Кто это?—спросилъ Конингемъ.—Какой-нибудь вашъ другъ? Скажите ему, чтобы онъ не подходилъ къ намъ, мнѣ этого вовсе не нужно.

— Это вовсе не мой другъ. Но онъ, очевидно, честный малый. Въ этихъ горахъ надо беречься только гражданской гвардiи. У нихъ палецъ всегда на спускѣ, и стрѣляютъ они безъ предупрежденiя.

— Все равно,—рѣшительно заявилъ англичанинъ:—скажите ему, чтобы онъ оставался на почтительномъ разстоянiи. А! у него еще товарищъ. А вотъ и два мула.

Дѣйствительно, изъ-за огромной скалы появился другой человекъ, столь же мало располагающей наружности. Онъ велъ пару тяжело нагруженныхъ муловъ.

Консенсіонъ и первый незнакомецъ, который находился уже на разстояніи ярдовъ двѣнадцати, обмѣнялись между собою нѣсколькими словами на мѣстномъ нарѣчїи, изъ которыхъ Конингемъ не понялъ ничего ровно.

— Стой и ни съ мѣста!—закричалъ онъ по-испански.— Иначе я буду стрѣлять. Если со мной произойдетъ что-нибудь, синьоръ Вара, то я прежде всего буду стрѣлять въ васъ.

— Онъ говорить,—съ достоинствомъ отвѣтилъ Консенсіонъ:— что они честные торговцы, ѣдутъ по дорогѣ къ Рондѣ и были бы рады ѣхать вмѣстѣ. Если у васъ есть желаніе, то вы можете стрѣлять.

Конингемъ разсмѣялся.

— Нѣтъ, у меня вовсе нѣтъ желанія убивать кого бы то ни было, но по нынѣшнимъ временамъ каждый долженъ оберегать самъ себя.

— Только не противъ честнаго контрабандиста.

— А это контрабандисты?

— Они, по крайней мѣрѣ, выдають себя за контрабандистовъ. Я знаю ихъ столько же, сколько и ваше превосходительство.

Второй незнакомецъ былъ уже на разстояніи окрика и тоже началъ говорить по-испански. Его рассказъ совпадалъ съ тѣмъ, что Консенсіонъ услышалъ отъ перваго.

— Почему бы намъ не ѣхать вмѣстѣ до Ронды?—спросилъ онъ, выходя впередъ съ видомъ полного довѣрія, которымъ произвелъ гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ всякія увѣренія въ своей честности.

Взглядъ у него былъ спокойный, а его манеры говорили за то, что онъ былъ воспитанъ для чего-то лучшаго, чѣмъ контрабандная перевозка табаку черезъ Сьерру. Одѣтъ онъ, впрочемъ, былъ не лучше своего товарища.

Оба проводника инстинктивно двинулись вмѣстѣ. Консенсіонъ повелъ свою лошадь подъ уздцы, ибо дорога была такова, что ѣхать верхомъ было немислимо. Конингемъ сдѣлалъ то же самое, а его спутникъ повелъ мула на веревкѣ, какъ это обычно дѣлается въ Андалузїи.

Надъ ними стоялъ яркій день, и отъ скалъ вѣяло жаромъ, отъ котораго пересыхало въ горлѣ. Конингемъ былъ утомленъ и не особенно довѣрялъ своимъ спутникамъ, которые, впрочемъ, были, очевидно, всецѣло погружены въ свои мысли.

Такъ подвигались они впередъ съ полчаса, какъ вдругъ неожиданный окрикъ со скалъ заставилъ ихъ сразу остановиться. Бѣлыя полотняныя кэпи гражданской гвардіи и яркій отблескъ солнечныхъ лучей на ихъ вооруженїи показывали, что требованїями ихъ нельзя было пренебрегать. Въ одно мгновенїе ока спутникъ Консенсіона пустился бѣжать, перепрыгивая со скалы на скалу съ такой быстротой, которую могъ вызвать только страхъ

немедленной смерти. Вслѣдъ ему грянуль выстрѣль, эхомъ прокатившійся по горамъ. Пуля ударила недалеко отъ него въ скалу, на которой сдѣлала голубоватый слѣдъ. Словно заяцъ, охваченный безотчетной паникой, метался этотъ человѣкъ изъ стороны въ сторону, тщетно ища убѣжища, гдѣ его не могло быть.

Конингемъ взглянулъ наверхъ и увидѣлъ облачко бѣлаго дыма, разстилавшееся по стального цвѣта небу. Грянуль второй выстрѣль, и бѣглець упалъ за камень. Онъ, впрочемъ, сейчасъ же поднялся, постоялъ съ минуту, какъ-то странно кашлянуль и сѣлъ на землю, прислонившись къ большому камню.

— Онъ убить!—воскликнулъ Консенсіонъ, бросая свою папиросу. — Охъ, ужъ эта гражданская гвардія!

— Здѣсь или въ Рондѣ, завтра или послѣзавтра, не все ли равно?—пробормоталъ спутникъ Конингема.

Англичанинъ обернулся и взглянулъ на человѣка съ спокойными глазами.

— Они пристрѣлятъ и меня, но только не теперь.

Консенсіонъ молча ожидалъ, пока подойдетъ стража. Эти люди охотятся всегда парами, въ которыя входятъ люди различнаго возраста: законъ находить, что старая голова и молодая рука даютъ наилучшее соединеніе. У старшаго изъ нихъ была настоящая волчья фізіономія. Онъ отдалъ шепотомъ какія-то приказанія своему товарищу и пошелъ къ мулу. Срѣзавъ наружную обертку тюка, который свѣшивался съ сѣдла, онъ задумчиво покачалъ головой. Въ тюкѣ были ящики съ патронами—на тысячу штукъ каждый. Старикъ съ сѣрымъ лицомъ обернулся и сталъ смотрѣть, какъ тотъ складываетъ ящики на землю.

— Попался въ концѣ концовъ,—произнесъ онъ съ печальной улыбкой. — Попался, Антоній.

Тотъ слабо улыбнулся и хотѣлъ было открыть ротъ, но челюсти его какъ-то дрожали, и онъ перешелъ границу, которую не охраняетъ никакой земной часовой.

— Этотъ господинъ,—заявилъ человѣкъ съ спокойными глазами, проводникъ котораго заплатилъ такъ дорого за отказъ остановиться: — этотъ господинъ мнѣ совершенно посторонній. Кажется, онъ англичанинъ.

— Да, — подтвердилъ Конингемъ.

Старый солдатъ смотрѣлъ то на одного, то на другого.

— Можетъ быть, — сказала онъ наконецъ: — но сегодняшнюю ночь ему придется провести въ тюрьмѣ въ Рондѣ. Завтра генераль-капитанъ разберетъ это дѣло.

— У меня есть письмо къ генераль-капитану, — сказалъ Конингемъ, вытаскивая изъ кармана пачку бумагъ. Между ними были и розовый конвертъ, врученный ему Ларралде въ Альжесирасѣ. Онъ о немъ совершенно забылъ и теперь со злобой поло-

жилъ его обратно. Найдя наконецъ нужное письмо, онъ передалъ его солдату, который молча прочелъ адресъ и отдалъ письмо обратно.

— Тебя я знаю,—сказалъ онъ человѣку, который стоялъ около Конингема. — И Консенсіона Вару мы тоже знаемъ всѣ.

Тотъ только пожалъ плечами. Закуривъ новую папиросу, онъ съ беззаботнымъ видомъ замурлыкалъ какую-то народную пѣсенку, поглядывая кругомъ себя невиннымъ взоромъ.

Старый солдатъ повернулся и что-то сказалъ вполголоса своему товарищу, который подошелъ къ убитому и спокойно закрылъ его лицо плащомъ. Плащъ этотъ онъ придавилъ по угламъ камнями, и отошелъ съ сознаниемъ исполненнаго долга: гражданская гвардія была облечена правомъ стрѣлять въ кого бы то ни было, и сопротивленіе и бѣгство при встрѣчѣ съ ней могли имѣть одинаково роковыя послѣдствія.

Не обращая болѣе вниманія на трупъ убитаго, словно это была какая-нибудь крыса, старшій изъ солдатъ приказалъ Консенсіону показывать дорогу и scomандовалъ: «впередъ».

— Если вы вздумаете бѣжать, то рискуете получить пулю въ спину. На этотъ разъ дѣло идетъ только о нѣсколькихъ фунтахъ табаку.

Стало уже вечерѣть, когда передъ небольшимъ безмолвнымъ отрядомъ показалась вдали Ронда, расположенная, какъ обычно строились мавританскія крѣпости, на вершинѣ отвѣсной горы. Ронда, насколько извѣстно, была послѣдней въ Испаніи твердыней мавровъ. Населеніе около нея до сего времени полумавританское, и изъ-за рѣшетчатыхъ оконъ выглядываютъ такія лица съ глубокими черными глазами, въ которыхъ трудно отыскать черты какого-либо европейскаго народа.

Когда путники вошли въ городъ, узкія улицы были уже пусты, и лишь изрѣдка къ дверямъ низенькихъ домиковъ подходили мулы, стуча своими копытами по булыжной мостовой. Чтобы пройти по Рондѣ съ южной стороны, путники должны были пересѣчь всю мавританскую часть города, которая отдѣляется отъ испанской части широкой трещиной въ скалѣ, благодаря чему городу не страшны никакія атаки.

Переходя мостъ, перекинутый черезъ ущелье, въ которое солнце не заглядываетъ никогда, даже въ полдень, путники выбрались на болѣе широкія улицы новаго города и, повернувъ налѣво черезъ высокія ворота, оказались на дворѣ казармъ гражданской гвардіи.

VI.

Въ Рондѣ.

Когда Конингемъ проснулся послѣ ночи, пролетѣвшей въ глубокомъ снѣ, который даетъ превосходное пищевареніе и беззаботность, около его кровати стоялъ тюремный служитель. Менѣ спокойный человѣкъ, можетъ быть, погрузился бы въ нервную тревогу при видѣ этого существа съ довольно свирѣпой физиономіей, у котораго въ рукахъ не было, впрочемъ, ничего, кромѣ визитной карточки.

— Самъ генераль-капитанъ пожаловалъ въ такой ранній часъ, — объявилъ онъ. — Ему передали письмо вашего превосходительства, и генераль-капитанъ едва успѣлъ проглотить свой утренній кофе.

— Это дѣлаетъ честь вашему генераль-капитану, — промолвилъ Конингемъ, поднимаясь. — Холодной воды, — продолжалъ онъ, — полотенце, мой багажъ и тогда зови уже и генераль-капитана.

Служитель, загадочно улыбаясь, принесъ все требуемое, и когда англичанинъ окончилъ свой туалетъ, повелъ его внизъ.

На дворѣ обширнаго зданія, бывшаго прежде монастыремъ, а потомъ превращеннаго въ казармы гражданской гвардіи, стоялъ, покуривая папиросу, невысокаго роста человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Увидѣвъ Конингема, онъ двинулся ему навстрѣчу съ улыбкой, которую можно было бы назвать не иначе, какъ ангельской. Его глубокіе черные глаза отъ этой улыбки почти совсѣмъ спрятались за вѣками, а большіе торчащіе усы открывали рядъ бѣлыхъ, какъ перламутръ, зубовъ.

— Я готовъ упасть вамъ въ ноги, — заговорилъ онъ на довольно сносномъ англійскомъ языкѣ. — Ошибка, допущенная съ предъявителемъ письма отъ моего стариннаго друга генерала Ватерсона, — мы сражались съ нимъ вмѣстѣ во времена Веллингтона, — такая ошибка прямо опозорила меня!

Онъ пожималъ руку Конингема, обнималъ своими руками, маленькими и бѣлыми, заглядывалъ ему въ лицо и наконецъ, отступивъ назадъ, залился веселымъ смѣхомъ. Его голосъ, казалось, былъ нарочно приспособленъ для дамскихъ гостиныхъ и вовсе не напоминалъ ни лагеря, ни битвы. Отъ платка, который онъ вытаскилъ изъ рукава, въ утреннемъ воздухѣ тонкой струей понесся запахъ духовъ.

— Вы генераль Винченге? — спросилъ Конингемъ.

— Да, да.

Очевидно, въ голосѣ англичанина слышался скептицизмъ, которымъ и былъ вызванъ этотъ вопросъ.

— Вы очень любезны, что явились такъ рано. Я провелъ ночь отлично. А вчера мнѣ дали хорошій ужинъ. Гражданская стража,

впрочемъ, совершенно не виновата въ томъ, что я былъ арестованъ: я, кажется, попалъ въ дурное общество.

— Да. Ваши спутники занимались тѣмъ, что доставляли боевые припасы карлистамъ. Мы уже нѣсколько недѣль старались захватить ихъ. Раньше это сходило имъ съ рукъ удачнѣе.

Онъ захохоталъ и пожалъ плечами.

— Ихъ проводникъ Антоній, или какъ тамъ его зовутъ, умеръ, насколько я знаю.

— Да, если вы называете это умереть,—подтвердилъ Конингемъ. Генераль поднялъ брови съ легкой grimасой, которая должна было служить выраженіемъ сожалѣнія къ семьѣ бѣднаго Антонія, или какъ его тамъ зовутъ, лишившейся своего кормильца.

— А второй изъ нихъ? Онъ, повидимому, хорошій малый?—спросилъ Конингемъ.

Генераль поднялъ затянутую въ перчаткѣ руку, какъ будто желая отстранить какое-то надвигающееся несчастье.

— Онъ умеръ сегодня...въ шесть часовъ утра.

Конингемъ быстро взглянулъ на этого выхоленнаго солдата: онъ начиналъ его понимать. Вѣдь на генерала Винченге пріѣзжали взглянуть, какъ на самаго свирѣпаго сторонника королевы Изабеллы.

— Отъ той же самой болѣзни?

— Отъ той же,—спокойно отвѣтилъ генераль.

Онъ взялъ Конингема подъ руку и предупредительно повелъ его черезъ дворъ къ воротамъ, гдѣ на вытяжкѣ стоялъ часовой. Генераль отвѣтилъ ему дружескимъ кивкомъ головы.

— Англичане, — продолжалъ генераль, пожимая Конингему руку, — оказали намъ такъ много услугъ, что я не могу позволить, чтобы одинъ изъ нихъ провелъ хоть одну лишнюю минуту въ заключеніи. Вы говорите, что вы хорошо тамъ устроились. Надѣюсь, что вамъ дали чистое полотенце и все прочее?

— Да, благодарю васъ,—отвѣчалъ Конингемъ, подавляя въ себѣ желаніе разсмѣяться.

— Прекрасно. Ронда великолѣпное мѣсто, какъ вы сами скоро убѣдитесь. Самое интересное это мавританскія развалины. Я пошлю своего слугу за вашимъ багажомъ. Само собой разумѣется, что мой бѣдный домъ къ вашимъ услугамъ. Вы будете жить у меня, пока мы не найдемъ вамъ какого-нибудь дѣла. Вы не откажетесь принять мое гостепріимство?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Конингемъ:—если только не стѣсню васъ.

Генераль взглянулъ на своего дюжаго спутника, словно хотѣлъ смѣрять его глазами.

— Я живу,—заговорилъ онъ безпечнымъ тономъ, какъ будто желая сказать, что природа хотѣла сдѣлать его жизнь легкой и

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинныхъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ДЕКАБРЬ 1916 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

Богословіе.

КАРТАШЕВЪ, А. Реформа, реформація и исполненіе церкви. П. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

СИНГАЛЕВИЧЪ, С. 95 тезисовъ Мартина Лютера. К. 1916. Ц. 30 к.

Философія, психологія, логика.

ЗАПИСКИ Петроградскаго Религіозна-Философскаго общества, 1914—15 гг. Вып. VI. П. 1916. Ц. 1 р. 60 к.

ЛОССКИЙ, Н. Матерія въ системѣ органическаго міровоззрѣнія. М. 1916. Ц. 50 коп.

ПОВАРНИНЪ, С. Логика отношеній. П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

ШИЛКАРСКИЙ, В. Типологическій методъ въ исторіи философіи. Т. I. Юрьевъ. 1916. Ц. 5 руб.

КОМЪ, ДАВИДЪ. Исслѣдованіе о чловѣческомъ умѣ. П. 1916. Ц. 2 р.

Беллетристика, поэзія, драматическія сочиненія.

БЕНЕВИЦКИЙ, И. Враги, драмат. сцена. Казань, 1916. Ц. 50 к.

БОГДАНОВЪ, А. Полю ласковымъ солнцемъ, равек. т. I. П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

БУХОВЪ, А. Чортова колесо. П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

ВАРНКЪ, Л. Муза Барковская. Романъ. Изд. 4-е. 1916. Ц. 2 р. 50 к.

ГЛИНЪ, Г. Когда его часъ насталь. М. 1916. Ц. 1 р. 75 к.

ДЕВЯТНИНЪ, И. На томъ берегу (драма). Н. 1916. Ц. 90 к.

— Старческіе годы принца Шармель. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ. П. 1916. Ц. 75 к.

— Реквиемъ, драмат. сцена. П. 1916. Ц. 75 к.

— У грани прошлаго, драм. этюдъ. Н. 1914. Ц. 50 к.

«Истор. вѣст.», январь 1917 г., т. СXLVII.

1/419

- ДМИТРЕНКО, Л. Смѣны души. Стихотвор. О. 1916. Ц. 2 р.
 ЗЕМЛЯ. Сборникъ XIX. М. 1916. Ц. 2 руб.
 КОРЕЛЛИ, М. Подъ бременемъ власти, ром. П. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
 КОРОВИЦЪ, Е. Мой уголокъ, стихи М. 1916. Ц. 1 р.
 КРЕСТОВСКИЙ, В. Очерки кавалерийской жизни. 1916. Ц. 2 р.
 — Тамара Бендавидъ. Романъ. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
 — Тьма египетская. Ром. П. 1916. Ц. 2 р. 25 к.
 КРИНИЦКИЙ, МАРКЪ. Дорога въ тылу. М. 1916. Ц. 2 руб.
 — Маскарадъ чувствъ. П. 1916. Цѣна 2 руб.
 КРЫЖАНОВСКАЯ, В. Паутина. Ром. П. 1916. Ц. 3 р. 50 к.
 ЛАЗАРЕВСКИЙ, В. Новыя дѣвушки. П. 1916. Ц. 2 руб.
 ЛЕНСКИЙ, В. Рабы любви. Рассказъ. 1916. Ц. 2 руб.
 ЛИНДЪ, О. Въ поискахъ принца, ром. М. 1916. Ц. 2 руб.
- ЛОККЪ УИЛЬЯМЪ. Звѣзда моря. Романъ. П. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
 — Любимый бродяга. Романъ. 1916. Ц. 2 руб.
 — Симонъ Шутникъ. Романъ. 1916. Ц. 2 р. 25 к.
 — Сумерки жизни. Романъ. 1916. Цѣна 2 руб.
 ЛУЧИНИНЪ, Л. Вырубленный садъ. Стихотв. П. 1916. Ц. 80 к.
 ОГНИ. III книга. Латышскій сборникъ. П. 1916. Ц. 1 р. 75 к.
 ОРКАЛЪ. Любовь и голодъ, разск. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
 ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ. Сборн. стих. под редакц. Брюсова. М. 1916. Ц. 5 р.
 РОСЛАВЛЕВЪ, А. Покойникъ Посудевскій. П. 1916. Ц. 1 р. 75 к.
 РУНОВА, О. Лунный свѣтъ. П. 1916. Ц. 2 р.
 ТИМКОВСКИЙ, Н. Дворянскій берлога, ром. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
 ТОЛСТОЙ, А. Н. Искры. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
 ТУФАНОВЪ, А. Эолова арфа, стих. П. 1916. Ц. 1 р. 35 к.

Исторія, біографія и археологія.

- АНДЕРСОНЪ, В. Императоръ и аббатъ. исторія одного народнаго анекдота. Т. I. Казань. 1916. Ц. 3 р. 50 к.
 БОРОДИНЪ, А. Иновемцы—ратные люди на службѣ въ Московскомъ государствѣ. П. 1916. Ц. 50 к.
 ГОЛЬДИНЪ, Н. Паденіе сословно-земскаго строя въ прусской монархіи. X. 1916. Ц. 2 р.
 ЖАРИНОВЪ, Д. и друг. Древній міръ въ памятникахъ его письменности, ч. II. Греція. М. 1916. Ц. 3 р. 75 к.
 КАРЪЕВЪ, Н. Исторія Западной Европы въ началѣ XX столѣтія. П. 1916. Ц. 3 р. 50 к.
 КНЯЗЬКОВЪ, С. Очерки изъ исторіи допетровской Руси. П. 1916. Ц. 3 р. 50 к.
 ЛОВЯГИНЪ, А. Историческіе и біографическіе очерки. В. I, II. 1916. Ц. 3 р.
 ЛЯСКОРОНСКИЙ, В. Къ вопросу о мѣстоположеніи въ предѣлахъ Южной Россіи района, въ котор. проповѣдывалъ Бруновъ въ нач. XV вѣка. П. 1916. Ц. 45 к.
 ПЕТРОГРАДСКІЙ МИРОВОЙ СУДЪ за 50 лѣтъ, 1866—1916 гг., т. I, II. П. 1916. Ц. 10 руб.
 ПОКРОВСКИЙ, С. Сѣверо-Восточная Россія въ исторію-археологическомъ отношеніи. Казань. 1916. Ц. 60 к.
 СВЯТОЙ КРАМЪ Родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ въ Казани. 1841—1916 гг. Казань. 1916. Ц. 3 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- АНТИПА, Е. Законъ 27 августа 1916 года о воспрещеніи повышать цѣны на жилища помѣщенія. О. 1916. Ц. 40 к.
 — Землевладѣніе и землепользованіе по закону 2 февраля 1915 года. О. 1916. Ц. 2 р. 25 к.
 ВОДОВОЗОВЪ, В. На Балканахъ. Статьи. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
 ГАНДЕРЪ, К. Текущіе счета Государственнаго банка и чековое обращеніе. П. 1916. Ц. 30 к.
 ГРУЗЕНБЕРГЪ, О. О петроградской адвокатской громадѣ. П. 1916. Ц. 60 к.
- ЗАМЫСЛОВСКИЙ, Г. Убіеніе Андруши Ющинскаго. П. 1916. Ц. 5 р.
 МАЙСКИЙ, В. Ллойдъ-Джорджъ. П. 1916. Ц. 50 коп.
 МОСКОВСКАЯ Городская Дума. 1913—1916 гг. М. 1916. Ц. 1 р.
 ПАРИШИНЪ, Н. Отсрочки и освобожденіе по призывамъ въ армію. Зачисленіе на особый учетъ. П. 1916. Ц. 3 р.
 ТРУБЕЦКОЙ, Е. Энциклопедія права. М. 1916. Ц. 1 р. 20 к.
 ЦЕМОВИЧЪ, М. Идея мира. О. 1916. Ц. 1 р.

Искусство.

- РЕРИХЪ. Художествен. монограф. П. 1916. Е. 48 руб.
 РОЗАНОВЪ, В. Изъ восточныхъ мотивовъ, вып. II по подпискѣ. П. 1916. Ц. 3 р.
- УЧЕБНЫЙ АТЛАСЪ по исторіи древнерусскаго искусства. В. I. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

Естествознаніе и математика.

ИГНАТЬЕВЪ, Е. Наша земля. П. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
ИОВЛЕВЪ, Н. Элементарный курсъ | геометріи Лобачевского. К. 1916. Ц. 2 р. 25 коп.
ЛЕБЕДИНСКІЙ, В. Электричество и магнетизмъ. П. 1916. Ц. 2 р. 80 к. |
|--|--|

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- КОЛОМІЙЦЕВЪ, Н. Масло, торговля Россіи масломъ. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- НЕЙШТУБЕ, С. Болѣзни домашнихъ птицъ и ихъ леченіе. П. 1916. Ц. 1 р. 50 коп.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АСТАФЬЕВЪ, А. Инженерный календарь на 1917 г. Цѣна за обѣ части 3 р. 75 к.
КОЛЕСОВЪ, А. Забѣтки и совѣты стараго формовщика, руководство для чугуно-мѣдно-литейныхъ и по новому чугуну. П. 1916. Ц. 3 р. 50 к.
МАУРИНЪ, Е. Водоснабженіе сель, деревень и др. П. 1916. Ц. 3 р.
НИКИФОРОВЪ, О. Основы топографіи. П. 1916. Ц. 2 р. 50 к. | ОБРАЗЦОВЪ, В. Экономическіе подъѣздыныя пути. М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
ОРЛОВСКІЙ, Н. Пневматическія шины. П. 1916. Ц. 4 г.
СЕНЧУКЪ, М. и ВАСИЛЬЕВЪ, А. Альбомъ всемскихъ школьныхъ зданій, планы и фасады. П. 1916. Ц. 3 р.
ФРИДЪ, С. Сборникъ дешевыхъ рецептовъ. Кіевъ. 1916. Ц. 2 р. 10 к.
ШТЕЙНГЕЛЬ, Г. Двухтактный реверсивный двигатель Дизеля и его испытанія. П. 1916. Ц. 75 к. |
|--|---|

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

ВЕРБИЦКІЙ, М. Туберкулезъ легкихъ. П. 1916. Ц. 1 р.	МАРГОЛИНЪ, Д. Практическ. рецен тура. Кіевъ. 1916. Ц. 65 к.

Военное и морское дѣло.

АНДОГСКІЙ, Н. Ружейный дробовой снарядъ. П. 1916. Ц. 80 к.
ГОЛОВИЗНИНЪ, М. Инженерныя вой- | ска въ Русско-Японскую войну 1904—1915 гг. П. 1916. Ц. 10 р. съ атласомъ.
КОЗЛОВЪ, Н. Фортификація. П. 1916. Ц. 2 р. 50 к. |
|---|---|

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

ВАСИЛЬЕВЪ, А. Математика. К. 1916. Ц. 60 к.
ДАНИЛОВЪ, В. Методика русскаго языка. Кіевъ. 1916. Ц. 1 р. 40 к.
ЛЕКСИНЪ, Н. Опытъ практическаго руководства по методикѣ ариеметикки. К. 1916. Ц. 2 р. 80 к.
ПРОГРАММЫ для высшихъ начальныхъ училищъ. П. 1916. Ц. 60 коп. | САНЧУРСКІЙ, Н. Грамматика латинскаго языка, ч. I. П. 1916. Ц. 1 р. 20 к.
СИНГАЛЕВИЧЪ, С. Страница изъ методики исторіи. Казань. 1916. Цѣна 40 коп.
ТУРАЕВЪ, Б. Исторія древняго Востока. П. 1916. Ц. 40 к. |
|---|--|

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.

на

новый національно-прогрессивный общественно-политический еженедельникъ съ ежемѣсячными литер.- научн. приложениями

РУССКАЯ БУДУЩНОСТЬ

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКА

- 1) Обзоры внутренней и вѣшной политики. 2) Статьи научно-общественныя. 3) Церковныя вопросы. 4) Областной отдѣлъ. Письма изъ провинціи. 5) Славянской отдѣлъ. Обзоръ славянской печати. 6) Рабочій отдѣлъ. Письма рабочихъ. 7) Земскій отдѣлъ. 8) Торгово-промышленный отдѣлъ. 9) Иностранная хроника. 10) Письма изъ-за границы. 11) Военно-морской отдѣлъ. 12) Запросы, письма въ редакцію и друг.

Въ ежемѣсячныхъ приложенияхъ будутъ помѣщаемы романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія и статьи по научнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Еженедельникъ выходитъ размѣромъ не менѣе 3 печатныхъ листовъ in 4°; ежемѣсячники отъ 6 до 8 листовъ in 8°.

Подписная цѣна еженедельника вмѣстѣ съ прилож. на 1917 г. съ перес. и дост. на домъ **10 р.**, на 1/2 г. — **6 р.**, на 1/4 г. — **4 р.**, за границу — **13 р.**

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, для рабочихъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору допускается скидка: на годъ — **8 р.**, на 1/2 г. — **5 р.**, на 1/4 г. — **3 р.** Цѣна комплекта за 1915 годъ со дня выхода журнала **3 руб. 50 коп.** вмѣстѣ съ приложениями.

Продолжается подписка на 1916 годъ на прежнихъ условіяхъ.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна № еженедельника **30 коп.**, ежемѣсячнаго приложения **60 к.**

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, а также въ книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., 40, и въ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени» въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Гостинный Дворъ, Суковная линия 19), въ конторѣ «Вечерняго Времени» (Невскій пр., 52), въ жел.-дор. кіоскахъ.

Розничная продажа въ книжныхъ магазинахъ, у газетчиковъ, въ Пассажахъ и въ кіоскахъ желѣзныхъ дорогъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:

Петроградъ, Преображенская ул., 13, кв. 8.

Телефонъ № 612-86.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ 1917 г.

СТРАН.

Историческая лѣтопись	III—XXXII
---------------------------------	-----------

Иллюстраціи: 1) Вудро Вильсонъ, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.—2) Генералъ Николай Николаевичъ Баратовъ.—3) Генералъ Пивель, новыя главнокомандующій, замѣнившій Жоффра, герой Вердена.

I. Штиссельбургская трагедія. Прологъ. (Историческій романъ). Льва Жданова.	289
II. Воспоминанія К. А. Манна. III—V. (Продолженіе). К. А. Манна.	308
III. Единъ Господь. (Изъ недавняго прошлаго). Петра Васильковскаго.	339
IV. Исторія не одной взятки. (Разсказъ сибиряка). Н. Козырева.	355
V. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ. III. (Продолженіе). Е. С. Каменскаго.	361
Иллюстрація: Освященіе часовни (изъ французской брошюры того времени).	
VI. Среди отошедшихъ. (Изъ моихъ воспоминаній). Р. И. Сементковскаго.	381
VII. Какъ я сталъ учителемъ. (Изъ воспоминаній). Андрея Сиротинина.	396
VIII. 260-й папа. (Очеркъ). М. Первухина.	410
Иллюстраціи: 1) Его святѣйшество папа Бенедиктъ XV.—2) Кардиналь Гаспари.	
IX. Изъ донесеній баварскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Ольри (Olgy) въ первые годы царствованія (1802—1806) императора Александра I. (Съ предисловіемъ великаго князя Николая Михайловича). (Окончаніе).	425
X. Ю. Д. Бѣляевъ. (Некрологъ). Б. Б. Глинскаго.	471
Иллюстрація: Юрій Дмитриевичъ Вѣляевъ.	
XI. Отступленіе сербской арміи черезъ Албанію. (Изъ личныхъ впечатлѣній и переживаній). (Продолженіе). Д-ра М. Жеранча.	489
Иллюстраціи: 1) Отступленіе сербской арміи и бѣженцевъ къ границамъ Албаніи и Черногоріи.—2) Переправа одного сербскаго отряда въ бродѣ р. Дрина у села Спасъ, гдѣ на правой сторонѣ этой рѣки въ горахъ подверглась нападенію албанцевъ Моравская дивизія, отступавшая (См. слѣд. стран.)	

отъ Дьяковицы.—3) Король Петръ въ дорогѣ черезъ Албанію.—4) Гор. Велесъ, съ занятіемъ котораго болгарами сербамъ было прекращено отступленіе на югъ къ греческой границѣ.—5) Геройская смерть д-ра Р. Жерауча, умирающаго на рукахъ его брата во время нападенія изъ засады албанцевъ 21 ноября 1915 года въ селѣ Рапе.—6) Король Петръ на пути изъ Сербіи къ албанской границѣ.

XII. Критика и библиографія 520

1) А. А. Шахматовъ. Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка. Часть I. Историческій процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій. Петроградъ. 1916. А. С.—2) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Петроградъ. 1916. Дипломатическая переписка английскихъ представителей при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны. п. Майнова.—3) Владиміръ Вальденбергъ. «Древнерусскія ученія о предѣлахъ царской власти». Пгр. 1916. Александра Тринкова.—4) С. Ф. Либровичъ. На книжномъ посту. Воспоминанія. Записки. Документы. Пгр. и Москва. 1916. Съ портретомъ М. О. Вольфа. Вл. Мн.—5) А. М. Ловягинъ. Историческіе и библиологическіе очерки. Выпускъ первый. Пгр. 1917. А. Малынова.—6) І. Бѣлогодъ. Акты и документы, относящіяся къ устройству и управленію римско-католической церкви въ Россіи. Томъ I. Петроградъ. 1916. І. Васильева.—7) Круманъ, В. На зарѣ англійскаго гуманизма. Англійскіе корреспонденты первыхъ итальянскихъ гуманистовъ въ ближайшей своей обстановкѣ. Наслѣдованіе. Одесса. 1916. Н. Любимича.—8) Памятники мировой литературы. Античные писатели. Театръ Еврипида. Переводъ съ введеньемъ и послѣсловіемъ Н. Ф. Анненскаго, подъ редакціей и съ комментариемъ Ф. Ф. Зѣлинскаго. Т. I: Алкеста, Андромаха, Вакханки, Гекуба. Москва. 1916. С. Цыбульскаго.

XIII. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника» 534

XIV. Новости исторіи. Е. С. Шумигорскаго. 537

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 545

1) Парижъ накануне великой революціи.—2) Изъ исторіи современной Болгаріи.—3) Египтяне въ изображеніи англійскаго чиновника.—4) Изъ исторіи военно-морской техники.—5) Гривъ въ Римѣ.

XVI. Смѣсь 562

1) Академія наукъ въ 1916 году.—2) Юбилейный праздникъ въ университетѣ.—3) Въ кассѣ литераторовъ.—4) Въ обществѣ ревнителей исторіи.—5) Къ юбилею К. А. Воевскаго.—6) Юбилей кн. Д. П. Голицына-Муравлева.—7) Полувековой юбилей публицистической дѣятельности Н. А. Сяболова.—8) И. В. Шпажвинскій.—9) Старая Москва по дѣламъ московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ.

XVII. Некрологи 571

1) Бабецкій, Е. М.—2) Витмеръ, А. Н.—3) Евсевичъ, И. А.—4) Ермоловъ, А. С.—5) Злобинъ, И. М.—6) Соловьевъ, Н. Ф.

Приложенія: 1) Портретъ К. А. Манна.—2) Въ шатрахъ Кедара. Историческій романъ Генри Ситонъ-Мерримена. Переводъ съ англійскаго А. Б. Михайлова. VII—IX. Продолженіе.

О ПОДПИСКѢ

на

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1917 году.

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» будетъ издаваться въ 1917 г. на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тридцать семь лѣтъ (1880—1916 г.).

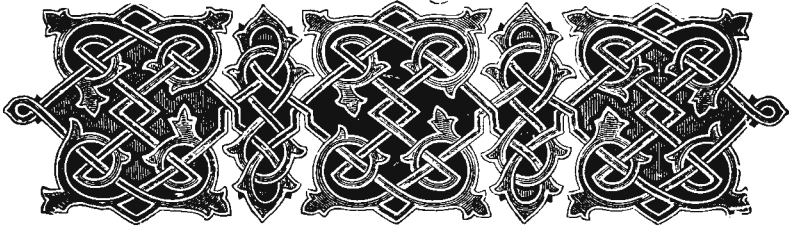
Въ виду значительнаго повышенія цѣны на бумагу и удорожанія типографскихъ работъ, подписная цѣна на «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» въ 1917 г. повышается еще на 3 р. Такимъ образомъ подписная цѣна за 12 книжекъ въ годъ (со всеѣми приложеніями) **четырнадцать рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора «ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА» въ Петроградѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій пр., д. № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ магазина «Новаго Времени».

К. А. МАННЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РИДЦАТАГО ноября на фронтахъ союзниковъ во Франціи происходили преимущественно артиллерійскіе бои. Непріятельская артиллерія бомбидировала Монастырь. Потопленъ французскій пароходъ «Algérie».

Французскій министр-президентъ Бріанъ выступилъ въ палатѣ депутатовъ съ декларацией по поводу германскаго предложенія о мирѣ, въ которой это предложеніе оцѣнивается, какъ попытка разъединить союзниковъ умы и деморализовать союзные народы. Выступление Бріана противъ веденія какихъ-либо переговоровъ съ Германіей было встрѣчено единодушными рукоплесканіями всей палаты.

Общественное мнѣніе Россіи и всѣхъ союзныхъ намъ странъ съ трогательнымъ единодушіемъ отвергаетъ нѣмецкое предложеніе о мирѣ.

1-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что на желѣзной дорогѣ Тарнополь—Золочевъ наши аэропланы удачно сбрасывали бомбы на станцію Плуговъ и въ обозъ у дер. Нуще къ сѣверо-востоку отъ этой дороги. Въ районѣ ст. Потуторы и къ востоку отъ дер. Липица-Дольная оживленный артиллерійскій и минометный огонь. Попытки противника производить поиски сильными развѣдывательными партіями на рѣкѣ Нараювкѣ въ районѣ д. Подшумлянце прекращены нашимъ огнемъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ наша артиллерія успѣшно обстрѣливала мѣстечко Коросмезо, вызвавъ въ немъ семь пожаровъ.

На румынскомъ фронтѣ въ теченіе 29-го ноября противникъ продолжалъ свои атаки въ направленіи на Бузео. Наши конныя и пѣхотныя части вошли

въ соприкосновеніе съ противникомъ къ западу и юго-западу отъ Бузео. Выдвинувшаяся къ западу наша конница въ теченіе 29-го ноября вела упорный бой съ противникомъ, дѣйствуя въ пѣшемъ и конномъ строю.

1-го декабря въ палатѣ общинъ канцлеръ англійскаго казначейства и лидеръ этой палаты Бонаръ-Лоу, говоря о сдѣланныхъ мирныхъ предложеніяхъ, заявилъ: «Внеся послѣднія предложенія объ ассигнованіи кредитовъ, Асквиль сказалъ: «Союзники требуютъ справедливаго возмездія за прошлое и полной гарантіи для будущаго». Это требованіе остается основой нашей политики и оно попрежнему является рѣшеніемъ правительства его величества». Слова Бонара-Луи вызвали единодушное одобреніе всей палаты.

1-го декабря, какъ бы въ отвѣтъ на германскія предложенія о мирѣ, англійское правительство обратилось къ парламенту за разрѣшеніемъ призвать подъ знамена въ періодъ обученія, оканчивающійся 18-го марта 1917 года, еще миллионъ человѣкъ, кромѣ числа рекрутовъ, на призывъ которыхъ въ періодъ 1916—1917 г.г. уже получено согласіе парламента. Вмѣстѣ съ этимъ дополнительнымъ призывомъ общій контингентъ войскъ составитъ 5 миллионъ человѣкъ.

Британскія войска близъ Муши-о-Буа къ югу отъ Арраса проникли въ германскія траншеи и нанесли непріятелю довольно значительныя потери.

Посланники державъ согласія вручили греческому правительству ультимативную ноту съ требованіемъ о переводѣ войскъ въ Фессалію, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи часть войскъ была сосредоточена въ Пелопонессѣ. Нота устанавливаетъ 24-часовой срокъ для отвѣта. Во второй нотѣ заявлены условія удовлетворенія за событія, происшедшія 18-го ноября. Греческое правительство приняло ультиматумъ цѣликомъ.

2-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ районѣ Зубильно (къ югу отъ м. Киселинъ) противникъ дважды открывалъ заградительный огонь и пытался выходить изъ своихъ окоповъ, каждый разъ попытки эти прекращались нашимъ ружейнымъ, пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Въ районѣ Грабковце наши развѣдчики ночью обнаружили непріятельскую цѣпь впереди его проволочныхъ загражденій. Забросавъ противника ручными гранатами, развѣдчики заставили его отойти въ свои окопы. Около 5 часовъ дня, послѣ интенсивнаго артиллерійскаго огня, сосредоточеннаго по району Баткупъ—Гукаловскій лѣсъ и по участку Карабовце—Млыновце, противникъ перешелъ въ наступленіе отъ д. Грабковце по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги Золочевъ—Тарнополь, но, встрѣченный дружнымъ огнемъ нашей пѣхоты и артиллеріи, залегъ въ 300—400 шагахъ впереди нашихъ окоповъ. Однако въ районѣ Млыновце противнику удалось было ворваться въ окопы одной изъ нашихъ ротъ, но подошедшими резервами противникъ былъ выбитъ обратно. Подъ прикрытіемъ темноты и тумана противникъ атаковалъ наши заставы въ районѣ къ востоку отъ деревни Конюхи и принудилъ одну изъ нихъ отойти въ первую линію окоповъ. На участкѣ другой заставы противникъ залегъ передъ проволочными загражденіями. Наши аэропланы имѣли вчера три воздушныхъ боя въ районахъ Залежце, Нушча и Млыновце и во

всѣхъ трехъ случаяхъ заставили противника удалиться вглубь своего расположенія.

На румынскомъ фронтѣ наши и румынскія войска въ районѣ Бузео подъ натискомъ противника отходятъ, прикрываясь арьергардами.

Въ связи съ этимъ отходомъ начали отходить и войска, занимавшія позицію на р. Яломицѣ.

2-го декабря въ засѣданіи Государственной Думы министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ слѣдующее о сдѣланномъ нашимъ непріятелями предложеніи о мирѣ:

«Слова о мирѣ, раздавшіяся изъ того лагеря, на которомъ лежитъ вся тяжесть отвѣтственности за зажженный имъ небывалый въ лѣтописяхъ исторіи міровой пожаръ, при всей ихъ необычности, не были для союзниковъ неожиданными. За два съ половиною года, что длится война, Германія не разъ упоминала о мирѣ. Она говорила о немъ своимъ войскамъ и населенію передъ каждымъ долженствовавшимъ быть рѣшающимъ военнымъ предпріятіемъ. Послѣ каждаго разсчитаннаго на внѣшній успѣхъ военного успѣха она пыталась нащупать почву для мира, то въ ту, то въ другую сторону. И широко обрабатывала въ этомъ направленіи печать нейтральныхъ странъ. Всѣ означенныя попытки нѣмцевъ встрѣчали со стороны союзныхъ державъ спокойный и рѣшительный отпоръ.

«Нынѣ, извѣрившись въ возможности пробить брешь въ нашемъ незыблемомъ союзѣ, Германія выступаетъ съ официальнымъ предложеніемъ начать мирныя переговоры.

«Для того, чтобы имѣть возможность оцѣнить это предложеніе, необходимо разобратъ какъ въ его сущности, такъ и въ обстоятельствахъ, при которыхъ оно сдѣлано. По существу германское предложеніе не содержитъ никакихъ реальныхъ указаній на характеръ того мира, о которомъ въ немъ говорится. Оно повторяетъ устарѣвшую легенду, что война была навязана центральнымъ державамъ. Отмѣчается побѣдоносность австро-германскихъ войскъ и непреодолимость ихъ сопротивленія. Предлагая затѣмъ приступить къ переговорамъ о мирѣ, центральныя державы выражаютъ убѣжденіе, что предложенія, которыя имѣютъ быть ими сдѣланы, обезпечать существованіе, честь и свободное развитіе «ихъ» народовъ и окажутся пригодными для возстановленія прочнаго мира. Вотъ и все, что содержится въ сообщеніи, за исключеніемъ угрозы продолжать воню до побѣдоноснаго конца и переложить въ случаѣ отказа отвѣтственность за продолженіе кровопролитія на насъ и нашихъ союзниковъ.

«Въ какихъ обстоятельствахъ дѣлается германское предложеніе? Вражескія войска опустошили и занимаютъ Бельгію, Сербію, Черногорію, часть Франціи, Россіи и Румыніи. Австро-германцы только что провозгласили мнимую самостоятельность части Польши и пытаются этимъ путемъ наложить руку на весь польскій народъ. Для кого, кромѣ Германіи, можетъ быть выгодна подобная обстановка для начала мирныхъ переговоровъ?

«Но еще ярче обрисуются мотивы германскаго выступленія, если принять во вниманіе внутреннее положеніе нашихъ враговъ. Не говоря уже о противозаконной попыткѣ принудить населеніе русскои Польши поднять оружіе

противъ собственного отечества, достаточно упомянуть о вводимой нѣмцами всеобщей трудовой повинности, чтобы оцѣнить всю тяжесть положенія, въ которомъ находятся наши враги. Попытаться въ послѣднюю минуту использовать свои временные территориальные захваты, пока не обнаружилась ихъ внутренняя слабость, вотъ истинный смыслъ выступленія германцевъ. Въ случаѣ неудачи они используютъ отказъ союзниковъ пойти на миръ внутри своихъ странъ для поднятія слабѣющаго духа населенія.

«Но есть и другая безразсудная цѣль ихъ выступленія: въ своемъ непониманіи истиннаго духа, одушевляющаго Россію, наши враги льстятъ себя надеждою, что у насъ найдутся малодушные люди, которые хотя на минуту дадутъ себя обмануть лживыми предложеніями. Этому не бывать. Сердце не дрогнетъ ни у одного русскаго. Съ тѣмъ большимъ объединеніемъ соберется вся Русь и станетъ стѣною кругомъ своего Верховнаго Вождя, въ началѣ войны провозгласившаго, что «Онъ не заключитъ мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли нашей».

«Съ тѣмъ большею энергіей русское правительство будетъ стремиться къ выполненію задачъ, заявленныхъ среди васъ въ первый день возобновленія нашихъ занятій, а именно къ положительной общей работѣ, какъ единственному вѣрному средству для достиженія близкой сердцу cadaго изъ насъ цѣли—конечнаго сокрушенія врага. И русское правительство отвергаетъ съ негодованіемъ мысль о самой возможности нынѣ прервать борьбу и тѣмъ дать Германіи возможность воспользоваться послѣднимъ случаемъ подчинить Европу своей гегемоніи. Всѣ уже принесенныя неисчислимыя жертвы были бы уничтожены преждевременнымъ заключеніемъ мира съ врагомъ, силы котораго подорваны, но не обезврежены и который ищетъ передышки подъ обманнымъ лозунгомъ прочнаго мира».

«Въ этомъ непоколебимомъ рѣшеніи Россія находится въ полнѣйшемъ единодушіи со всѣми своими доблестными союзниками. Всѣ мы одинаково проникнуты жизненною для насъ необходимостью довести войну до побѣдоноснаго конца. И не дадимъ остановить насъ на этомъ пути никакимъ уловкамъ нашихъ враговъ».

2-го декабря было получено извѣстіе о новой побѣдѣ французовъ. Послѣ артиллерійской подготовки, которая продолжалась нѣсколько дней, французы атаковали непріятельскія линіи къ сѣверу отъ Дуомона, между Маасомъ и Вевромъ на фронтѣ болѣе 10 километровъ. Атака была произведена въ 10 часовъ утра. Непріятельскій фронтъ былъ повсюду сломенъ въ глубину приблизительно на 3 километра. Помимо большого числа непріятельскихъ траншей, французы заняли деревни Вашерь-о-Вилль, Лувмонъ, ферму Шамбреть, укрѣпленія Ардомонъ и Безонво. Французы захватили большое число плѣнныхъ, которые пока еще точно не сосчитаны. Около 7.500 германцевъ, изъ нихъ 200 офицеровъ, уже прошли черезъ французскіе контрольные посты. Французы захватили или разрушили большое число орудій тяжелой, полевой и траншейной артиллеріи и значительное количество военнаго снаряженія. Несмотря на неблагоприятную погоду, летчики съ блестящимъ успѣхомъ участвовали въ сраженіи.

Французы достигли полного успѣха: войска исполнены большого одушевленія, потери французовъ незначительны. Въ теченіе ночи съ 2-го на 3-е декабря на правомъ берегу Мааса противникомъ не было произведено ни одной попытки контръ-атакъ. На всемъ протяженіи французскаго новаго фронта происходитъ довольно сильный орудіиный огонь. Подтверждается, что четыре французскихъ дивизіи, произведшія 2-го декабря атаку между Маасомъ и Вевромъ, разбили по крайней мѣрѣ пять германскихъ дивизій, двинувшихъ въ бой всѣ полки. Французы захватили плѣнныхъ ото всѣхъ этихъ полковъ. Произведенное французами внезапное нападеніе дало имъ возможность захватить еще плѣнныхъ также въ районѣ Шевонкура.

На французскій фронтъ прибыли двѣ португальскія дивизіи.

Британскія войска отразили атаку непріятели въ окрестностяхъ Лебэ. Британскія войска перешли въ наступленіе на фронтѣ Тигра и находятся въ 2½ миляхъ отъ Куть-эль-Амары.

Итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ Соннино сообщилъ палатѣ депутатовъ о полученіи имъ ноты центральныхъ державъ, причемъ заявилъ, что союзники будутъ дѣйствовать въ полномъ согласіи между собою.

3-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: Въ районѣ къ востоку отъ деревни Конюхи бой изъ-за окопа нашей заставы, занятаго германцами, продолжался вчера до 7 часовъ вечера. Окопъ четыре раза переходилъ изъ рукъ въ руки, и въ результатъ южная часть его все же осталась въ рукахъ противника. Мелкія части противника, пытавшіяся приблизиться къ нашему расположенію въ районѣ Тезуполя, нашимъ огнемъ были загнаны въ свой окопы. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ сильныя развѣдывательныя партіи противника, приблизившись къ нашимъ окопамъ въ районѣ Рафаилова, открыли огонь по нашему расположенію, однако огнемъ нашихъ постовъ были отогнаны, и наши развѣдчики вышли для преслѣдованія противника.

На румынскомъ фронтѣ, на молдавской границѣ наступленіе въ долину р. Ойтузь было отбито.

На Черномъ морѣ для разрушенія мельницъ, снабжавшихъ болгарскую армію мукой, 30-го ноября наши суда съ успѣхомъ обстрѣляли портъ Балчикъ, будучи при этомъ безрезультатно обстрѣляны береговыми батареями и атакованы гидроаэропланами и подводной лодкой.

3-го декабря на фронтѣ Трентино развитіе военныхъ дѣйствій было задержано сильными бурями. Въ теченіе нѣсколькихъ дней болгары безъ всякой военной необходимости варварски бомбардируютъ городъ Битоль (Монастырь), убивая мирное населеніе и разрушая частныя дома.

3-го декабря вечеромъ, къ сѣверу отъ высоты «60», у Ипрскаго выступа британская артиллерія встрѣтила внезапнымъ заградительнымъ огнемъ небольшою непріятельскою отрядъ, приближавшійся къ британскимъ траншеямъ съ намѣреніемъ сбросить въ нихъ гранаты. Противникъ не сдѣлалъ никакихъ попытокъ проникнуть въ британскія траншеи. Ночью съ 3-го на 4-го декабря наблюдалась нѣкоторая артиллерійская дѣятельность къ сѣверу отъ Анкра и къ сѣверу отъ Ипра.

4-го декабря сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: На ковельскомъ направленіи, въ районѣ Большаго и Малаго Порска, противникъ, около 3 часовъ дня, послѣ предварительной артиллерійской подготовки, перешелъ въ наступленіе, отбитое нашимъ огнемъ. Въ 4^{1/2} часа дня противникъ возобновилъ артиллерійскій огонь и снова перешелъ въ атаку, уже болѣе значительными силами, но атака эта также была отбита. Съ наступленіемъ темноты бой затихъ. Силы наступавшаго противника опредѣлялись около 4 батальоновъ. Около часа ночи противникъ снова перешелъ въ атаку въ районѣ Малаго Порска, послѣ чего ему удалось занять часть окоповъ одной изъ нашихъ ротъ. Въ ночь на 4-е декабря изъ деревни Кабаровце дважды выѣзжалъ бронированный автомобиль противника и обстрѣливалъ наши окопы. Попытки развѣдчиковъ противника переправиться черезъ р. Быстрицу въ районѣ Тезуполя были остановлены нашимъ огнемъ. Въ районѣ Старый Ли-сецъ наши развѣдчики произвели удачный поискъ, захвативъ плѣнныхъ. Въ районѣ къ юго-западу отъ Валепутна высланные нами развѣдчики были встрѣчены сильнымъ огнемъ противника; на ихъ поддержку двинулись два батальона, которые и потѣнили противника. Противникъ отвѣтилъ атакой крупными силами. Атака была отбита штыками, причемъ захвачено 50 плѣнныхъ; преслѣдуя противника, наши войска ворвались въ его окопъ на высоту, продолжавъ нѣсколько рядовъ застѣкъ и проволокъ. Высота закрѣплена за нами.

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ горы Каракая, что въ 15 вер. западнѣе Калкита, наша рота вышла въ тылъ турецкой заставѣ, силой около 60 человекъ и атаковала ее. Часть заставы была переколота, часть разбѣжалась. На хамаданскомъ направленіи наши конныя развѣдочныя части, наступавшія съ вернѣе шоссе Казвинъ—Хамаданъ, были остановлены огнемъ съ высотъ на линіи Кумезанъ—Маранъ. Другія части, дѣйствовавшія южнѣе того же шоссе, изъ района Уліа—Аджахарабъ продвинулись почти до долины Фалпанъ-Чая, гдѣ были задержаны болѣе сильными частями противника.

На румынскомъ фронтѣ въ теченіе 3 декабря противникъ, продолжая движеніе за нашими отходящими войсками, пытался атаковать въ районѣ шоссе и желѣзной дороги Бузес—Рымнику-Серать и въ районѣ Батогу, къ югу отъ станціи Филипешти. На первомъ направленіи наша конница дважды бросалась въ атаку на конницу противника, которая, однако, атаки не принимала и отходила за свою пѣхоту. Въ районѣ Батогу атаки были отбиты. Въ Добруджѣ противникъ значительными силами атаковалъ наши части въ районѣ Тестемеле и занялъ эту деревню.

4-го декабря на французскомъ фронтѣ на правомъ берегу Мааса французскія войска, развивая свой успѣхъ, продвинулись до гѣса Карьеръ и захватили селеніе Безонво. Ожесточенная атака, произведенная 3 декабря вечеромъ германцами на позиціи у высоты Пуавръ, была совершенно отбита огнемъ французской артиллеріи, и французы полностью удерживаютъ новую линію своего фронта. Притокъ плѣнныхъ продолжается, и число ихъ уже превышаетъ въ настоящее время 9.000 человекъ, изъ которыхъ 250 офицеровъ. Точное выясненіе захваченнаго французами военнаго матеріала еще не произведено, но до настоящаго времени уже насчитано 81 орудіе, частью захвачен-

ныхъ и частью приведенныхъ въ негодность. На остальномъ протяженіи фронта продолжалось обычная орудійная перестрѣлка при чемъ непріятель съ особенной энергіей обстрѣливалъ новыя линіи французскаго расположенія на фронтѣ Вашерь-о-Вилль—Безонво и участокъ Шамбреть.

Вудро Вильсонъ, президентъ Съверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

5-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: Занятая наканунѣ противникомъ часть окопа одной изъ нашихъ ротъ въ районѣ Малаго Порска отбита нашими войсками, и положеніе наше возстановлено. Въ районѣ Волдуры сорвался непріятельскій аэростатъ и вѣтромъ унесенъ въ глубь нашего расположенія. О спускѣ его свѣдѣній не получено. На рѣкѣ На-

раювкѣ, въ районѣ Хербутова наши развѣдчики разогнали большую партію нѣмцевъ, захвативъ при этомъ плѣнныхъ. Въ долину р. Уса наши войска овладѣли гребнемъ высотъ, при чемъ захвачено 3 офицеровъ и 25 нижнихъ чиновъ плѣнниковъ, одинъ пулеметь и много оружія. Къ востоку отъ деревни Глясхютте нами занято нѣсколько высотъ. Здѣсь взято въ плѣнъ 3 офицера и 211 нижнихъ чиновъ и одинъ «пулеметь». Контръ-атаки противника на занятія высоты отбиты.

На румынскомъ фронтѣ въ районѣ къ западу и юго-западу отъ Рымнику-Серать наблюдались только поиски развѣдчиковъ. Въ районѣ станціи Филипешти и въ районѣ д. Батогу противникъ переходилъ въ наступленіе, но нашимъ огнемъ былъ остановленъ.

5-го декабря на французскомъ фронтѣ къ югу отъ Соммы непріятельскій отрядъ, пытавшійся приблизиться къ французскимъ линіямъ на юго-востокъ отъ Верни, былъ отброшенъ гранатнымъ огнемъ. На правомъ берегу Мааса вслѣдъ за артиллерійской подготовкой, о которой сообщалось выше, германцы произвели къ вечеру ожесточенную атаку французскихъ новыхъ позицій, причемъ имъ удалось задержаться только въ одномъ пунктѣ фермы Шамбретъ, непосредственные подступы къ который французы попрежнему удерживаютъ за собой. Цифра плѣнныхъ, захваченныхъ французами со 2 декабря на верденскомъ фронтѣ въ настоящее время установленная съ точностью, достигаетъ 11.387 человекъ, изъ которыхъ 284 офицера. Количество захваченнаго или приведеннаго въ негодность военного матеріала равняется 115 орудіямъ, 44 минометамъ и 107 пулеметамъ.

Главнoкомандующимъ французскимъ сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ фронтомъ назначенъ генераль Нивель, то есть арміями, дѣйствующими на западномъ фронтѣ. Положеніе генерала Нивеля такое же, какое занималъ генераль Жоффръ до 2 декабря 1915 года, когда онъ былъ назначенъ главнoкомандующимъ всѣми французскими силами, включая и войска на Ближнемъ Востокѣ.

Въ началѣ настоящей кампаніи Нивель въ чинѣ полковника командовалъ 5-мъ артиллерійскимъ полкомъ. Впослѣдствіи Нивель пріобрѣлъ большую извѣстность и выказалъ себѣ героя въ качествѣ защитника Вердена, гдѣ ему былъ порученъ одинъ изъ важнѣйшихъ секторовъ Флери-Дуомонъ-Во на правомъ берегу Мааса.

Послѣ ожесточеннаго боя французы отбросили непріятеля отъ фермы Шамбретъ, которая вновь полностью находится въ рукахъ французовъ. Въ этомъ дѣлѣ захвачены 2 пулемета.

6-го декабря штабъ Верховнаго Главнoкомандующаго сообщилъ, что въ районѣ Грабковце, что на желѣзной дорогѣ Тарнополь—Злочевъ, наши батареи разсѣяли пѣхотную колонну противника силою до батальона. Къ югу отъ Вржежанъ противникъ обстрѣливалъ районъ д. Потуторы орудіями крупнаго калибра. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ противникъ силою до двухъ ротъ пытался атаковать наше расположеніе на высотахъ въ 2-хъ верстахъ восточнѣ Холло (къ югу отъ горы Ля-Мунтелю), но былъ отброшенъ нашимъ огнемъ.

На румынскомъ фронтѣ въ районѣ д. Батогу (западнѣ Визирю) разверну-

лись два эскадрона противника съ конной батареей, но подъ огнемъ нашей артиллеріи въ безпорядкѣ повернули. 2 орудія и ящики были подбиты нашей артиллеріей и брошены противникомъ.

6-го декабря Брианъ заявилъ въ сенатѣ, что выработанный сообща союзниками отвѣтъ дастъ знать центральнымъ имперіямъ о невозможности серьезнаго отношенія къ ихъ просьбѣ о мирѣ. Ллойдъ-Джорджъ въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ общинъ, заявилъ, что Англія поддерживаетъ отвѣтъ Франціи и Россіи на ноту о мирныхъ переговорахъ и будетъ ждать отъ Германіи заявленій объ условіяхъ и гарантіяхъ болѣе вѣрныхъ и надежныхъ, чѣмъ тѣ, которыя она нарушила. Въ итальянской палатѣ депутатовъ министръ иностранныхъ дѣлъ бар. Соннино выступилъ съ рѣчью по поводу германскаго предложенія о мирныхъ переговорахъ, въ которой высказалъ полное согласіе довести борьбу съ непріятелемъ до полного конца въ тѣсномъ и дружномъ единеніи съ союзниками.

6-го декабря на правомъ берегу рѣки Мааса и въ особенности въ районахъ Безоново—Лѣсъ Корьеръ и Шамбретъ происходилъ болѣе сильный артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ, не сопровождаемый дѣйствіями пѣхоты. На остальномъ протяженіи фронта велся артиллерійскій огонь съ перерывами.

На другихъ фронтахъ, кромѣ артиллерійскихъ боевъ, не произошло ничего выдающагося.

Посоль Сѣверо-Американскихъ Штатовъ вручилъ 7 декабря германскую ноту съ мирными предложеніями русскому правительству.

7 декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: Въ районѣ къ юго-западу отъ Бродъ противникъ послѣ получасового огня тяжелой артиллеріи по окопамъ у д. Пониковице повелъ наступленіе цѣпами на наше расположеніе, но нашимъ огнемъ былъ загнанъ въ свои окопы. Повторная попытка атаковать наши части также не имѣла успѣха. На рѣкѣ Быстрицѣ въ районѣ Іезуполя, Сѣлецъ и Богородчаны-Старе наши развѣдчики, преодолевъ проводочныя загражденія, атаковали сторожевое охраненіе противника и ворвались въ послѣднее селеніе. Противникъ, потерявъ нѣсколько человекъ убитыми, бѣжалъ въ безпорядкѣ, оставивъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько плѣнныхъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ наши сильныя развѣдывательныя партіи производятъ поиски въ районѣ къ западу и югу отъ горы Ботосу.

На румынскомъ фронтѣ ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Въ направленіи Рымнику—Бузео удачныя дѣйствія нашихъ развѣдывательныхъ частей. На лѣвомъ берегу Дуная въ районѣ дер. Парлита атаки противника отбиты. Въ Добруджѣ, на правомъ флангѣ столкновенія передовыхъ частей, наиболѣе интенсивныя на правомъ нашемъ флангѣ, въ районѣ д. Черна и въ центрѣ—въ районѣ д. Антнажеа.

На Черномъ морѣ 3-го декабря непріятельскій гидроаэропланъ подъ охраной истребителя сбросилъ безрезультатно бомбы въ Сулинъ. Истребитель былъ сбитъ нашимъ летчикомъ Рагозинымъ и упалъ въ море, но изъ-за свѣжей погоды захватить его не удалось.

На французскомъ фронтѣ въ теченіе дня 7-го декабря непріятель энер-

гично бо... проваль французскія линіи, а именно участки Беллуа въ Сантеррѣ, Велле-Прессуарь и Аблэнкуръ. Французская артиллерія энергично отвѣчала.

День 7-го декабря отмѣчается цѣлымъ рядомъ удачныхъ налетовъ французскихъ авіаторовъ. Такъ, было сброшено 48 снарядовъ надъ вокзаломъ въ Анизи. Вечеромъ 7-го декабря четыре французскихъ летчика сбросили 420 килограммовъ взрывчатыхъ веществъ надъ станціями Бриель-сюръ-Мезъ, Шарлевилль и Мезьеръ. Въ тотъ же вечеръ 11 летчиковъ сбросили 47 снарядовъ 120-миллиметроваго калибра надъ вокзаломъ, бивуаками непріятеля и обозами въ пути. На фронтѣ рѣки Соммы четыре непріятельскихъ аппарата были сбиты французскими летчиками: одинъ близъ Маланкура, второй въ въ окрестностяхъ Клери, третій—въ 400 метрахъ отъ Девилльи, четвертый къ югу отъ Руа-ле-Гранъ. Послѣдній сбитъ подпоручикомъ Нунгиферомъ и представляетъ 21-й аппаратъ, сбитый имъ за время войны. Одинъ изъ летчиковъ, преслѣдуя непріятельскій аппаратъ, столкнулся съ нимъ, при чемъ оба аппарата упали и разбились.

7-го декабря на фронтѣ рѣки Струмы и на участкахъ Мазадага происходилъ съ перерывами артиллерійскій бой, носившій болѣе ожесточенный характеръ въ районѣ высоты «1050». На македонскомъ фронтѣ продолжается дождливая погода, сильно препятствующая развитію военныхъ дѣйствій.

7-го декабря появилось сообщеніе командующаго британскими войсками въ Восточной Африкѣ генерала Смэтса: «Бой продолжается въ окрестностяхъ Кибаты, гдѣ сильныя непріятельскія атаки были отбиты 2-го декабря. Нѣсколько германскихъ отрядовъ, которымъ удалось утвердиться на нашихъ выдвинутыхъ впередъ позиціяхъ, были въ концѣ концовъ выбиты оттуда въ слѣдующую ночь. Гребень къ сѣверо-востоку отъ Кибаты былъ захваченъ и удержанъ нами 3-го декабря. Наши аэропланы съ успѣхомъ произвели налетъ на непріятельскія позиціи, нанеся имъ чувствительныя потери».

7-го декабря на бельгійскомъ и итальянскомъ фронтахъ происходили преимущественно артиллерійскіе бои.

8-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

На золочевскомъ направленіи противникъ велъ оживленный огонь по нашему расположенію въ районѣ д. д. Гарбузова и Гукаловце. Наша артиллерія разсѣяла нѣсколько группъ пѣхоты и конницы, двигавшихся отъ д. Присовце къ сѣверу. Попытки противника переправиться черезъ р. Цѣнювку (лѣвый притокъ Золотой Липы) въ районѣ д. Шибалинъ остановлены нашимъ огнемъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ наши части овладѣли частью высоты въ районѣ къ юго-востоку отъ желѣзной дороги Кимполунгъ-Якобени.

На кавказскомъ фронтѣ въ районѣ с. Телме, что сѣверо-западнѣе Калкита, партія нашихъ развѣдчиковъ, выбивъ турокъ изъ части ихъ окоповъ, разрушила оборонительныя сооруженія и землянки. Въ горахъ свирѣпствуетъ метель. Въ Персиі, въ 50 верстахъ сѣверо-западнѣе Хамадана, наши части заняли переваль Субаши.

На румынскомъ фронтѣ на лѣвомъ берегу Дуная къ сѣверу отъ Бузео дѣйствія нашихъ передовыхъ частей. Отъ шоссе Бузео—Рымники до шоссе

Инсурацей—Визиру перестрѣлка передовыхъ частей и артиллеріи. По обѣимъ сторонамъ шоссе Инсурацей—Визиру противникъ силами до полка пѣхоты и полка конницы ведетъ наступленіе, которое задерживается нашимъ огнемъ.

На фронтѣ Пырлита—Станкуца противникъ потѣснилъ наши передовыя части. Въ Добруджѣ противникъ перешелъ въ наступленіе на фронтѣ отъ Дуная до Башкіой. Въ районѣ Балабанча и Башкіой ему удалось захватить рядъ высотъ; нашей контръ-атакой съ нѣкоторыхъ изъ нихъ противникъ собитъ, за обладаніе другими ведется бой.

На Черномъ морѣ нашей подводной лодкой потоплены у Босфора пароходъ и 12 нарусныхъ судовъ.

8-го декабря британская главная квартира во Франціи сообщила: «Въ теченіе ночи мы въ окрестностяхъ Гоммекура проникли въ германскія линіи и произвели тамъ большія поврежденія. Нами взяты плѣнные во время другого набѣга, совершеннаго нами сегодня раннимъ утромъ на германскія траншеи къ сѣверу отъ Арраса. Сегодня утромъ къ сѣверу отъ Невшпель мы взяли въ плѣнъ германскій патруль, начальникъ котораго былъ убитъ.

«Ночью къ сѣверу отъ Ипра германцы взорвали камуфлетъ. Германская артиллерія проявила особенную дѣятельность на правомъ флангѣ нашихъ линій къ сѣверу отъ Соммы и въ окрестностяхъ Фестюбера и Ипра. Наша артиллерія энергично отвѣчала на огонь непріятели. Мы также обстрѣливали германскія траншеи у Гоммекура и въ окрестностяхъ Лооса и Гюллюха».

8-го декабря на французскомъ фронтѣ непріятель подвергъ ожесточенной бомбардировкѣ линіи въ участкѣ Лувмонъ—Во; французская артиллерія отвѣчала на огонь. Въ различныхъ пунктахъ фронта произошли другіе, довольно оживленные артиллерійскіе бои. Во время одного изъ этихъ боевъ между Берри-о-Бакъ и Реймсомъ французскимъ огнемъ были уничтожены непріятельскіе аппараты для удушливыхъ газовъ. Въ теченіе ночи съ 8-го на 9-е декабря происходила довольно сильная артиллерійская дѣятельность въ районѣ Лувмонъ—Риель, на правомъ берегу Мааса.

На Ближнемъ Востокѣ на фронтѣ Струмы произошли столкновенія патрулей. Въ районѣ къ сѣверу отъ Монастыря продолжается артиллерійскій бой.

8-го декабря на Корфу, по официальному сербскому сообщенію, происходили мѣстные бои, отличавшіеся особеннымъ ожесточеніемъ въ районѣ высоты «1050». Русскія войска въ этомъ дѣлѣ проявили энергичную дѣятельность.

На фронтѣ англичанъ во Франціи 7-го декабря вечеромъ сильный отрядъ противника приблизился къ ихъ позиціямъ противъ Ланса. Лишь нѣсколькимъ германцамъ удалось проникнуть въ британскую траншею, однако они были немедленно оттуда вытѣснены, и весь непріятельскій отрядъ былъ отброшенъ. Къ юго-западу отъ Армантьера часть британскихъ войскъ съ успѣхомъ проникла въ непріятельскіе окопы. При внезапномъ нападеніи, произведенномъ къ сѣверу отъ Арраса, о которомъ упоминалось выше, англичане захватили свыше 50 плѣнныхъ. 8-го декабря продолжается дѣятельность артиллеріи, отличающаяся особымъ напряженіемъ на участкѣ англійскаго фронта между Соммой и Анкромъ и въ окрестностяхъ Ипра. 7-го декабря болѣе благоприятная погода позволила британскимъ летчикамъ развить значи-

тельную деятельность. Во время совершенных ими полетов была сброшена одна тонна взрывчатых веществ на расположенные в тылу германских позиций пункты, имеющие военное значение. Произошли многочисленные воздушные бои, в которых был уничтожен один неприятельский аппарат, а 6 аппаратов были повреждены и принуждены снизиться. Англичане не считают 4 аппаратов.

На итальянском фронте 8-го декабря установилась прекрасная погода, вследствие чего итальянская артиллерия и летчики проявили большую деятельность. На фронте Трентино артиллерийская деятельность достигла особенного напряжения в долине Адидже и на плоскогорье Азиаго. Неприятельские аэропланы пытались проникнуть за итальянские линии, но эти попытки были отбиты огнем зенитных батарей. На фронте Юлийских Альп неприятельская артиллерия проявила особенную деятельность в участке Плавья, в средней части Изонцо, к востоку от Вертойбицы, Горицы и Монфальконе; итальянские батареи успешно отвечали, обстреливая местонахождения войск в Комено.

8-го декабря в Египте англичане одержали серьезную победу, о которой официально сообщили: «8-го декабря нашими войсками занят египетский город Эль-Ариш, который в течение двух лет находился в руках неприятеля. В виду сильно укрепленной позиции, воздвигнутой неприятелем у Мас-Саида, и оборонительных укреплений, возведенных вокруг Эль-Ариша, неприятель, повидимому, полагал, что здесь он может оказать серьезное сопротивление. Таким образом, наше быстрое продвижение совершенно изменило расчеты неприятеля и предупредило подход к нему подкреплений, вследствие чего в ночь на 6-ое декабря он оставил эту позицию раньше, чем наши передовые посты вошли с ним в соприкосновение, отступив к востоку и югу. Занятие Эль-Ариша, после двухлетнего нахождения его в руках неприятеля, представляет собою серьезный удар для ту-рок, как с нравственной, так и с военной точек зрения».

9-го декабря штаб Верховного Главнокомандующего сообщил: На рвк Стоходь, в район д. Геленин, наши разведчики произвели удачный поиск, захватив при этом в плен 7 германцев. 8-го декабря, около 3-х часов дня наш летчик штабс-ротмистр Козаков сбил австрийский аэроплан, появившийся над Луцком. При падении аэроплана унтер-офицер этот был убит, а раненый офицер-наблюдатель взят в плен. Аппарат разбился. К северу от железной дороги Золочев—Тарнополь противник, после интенсивного огня, атаковал наши части в районе Звижень и, несмотря на наш огонь, овладел было частью разрушенного окна одной из рот, однако, встреченный фланговой контр-атакой соседних рот, был отброшен. На рвк Быстриц нашим артиллерийским огнем обращена в бегство рота противника, приблизившаяся к нашему сторожевому охранению в район д. Кривич. Кроме того, наша артиллерия развела колонну противника до двух рот, двигавшуюся с юга к д. Хлѣбова.

На кавказском фронте ничего существенного не произошло. В горах сильный снег, местами значительные обвалы.

На румынскомъ фронтѣ, на лѣвомъ берегу Дуная незначительныя активныя попытки противника наступать отбиты огнемъ. Въ Добруджѣ противникъ превосходными силами атаковалъ наши части по всему фронту. Послѣ оказаннаго сопротивленія наши части начали отходъ къ сѣверу. Лихой атакой одного изъ нашихъ полковъ болгары, наступавшіе восточнѣе озера Бабадагъ отъ д. Енисала, были сброшены въ озеро и болото; большая часть ихъ утонула, 115 человекъ взято въ плѣнъ.

На Черномъ морѣ нами потоплены у Босфора 2 турецкія моторныя канонерскія лодки.

9-го декабря, кромѣ мелкихъ стычекъ, артиллерійскихъ боевъ и налетовъ авиаторовъ, на французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ фронтѣ ничего особенно выдающагося не наблюдалось.

10-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: Въ районѣ оз. Колдычевскаго (сѣверо-восточнѣе Барановичей) непріятельская артиллерія подь вечеръ проявила усиленную дѣятельность, а съ наступленіемъ сумерекъ къ нашимъ окопамъ одновременно двинулись нѣсколько развѣдывательныхъ партій, одѣтыхъ въ бѣлые халаты. Встрѣченные нашимъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, наступавшіе загнаны обратно въ свои окопы. На остальномъ фронтѣ происходила перестрѣлка и поиски развѣдчиковъ.

На кавказскомъ фронтѣ въ 30 верстахъ западнѣе Гюмишь-Ханы, близъ Атъ-Куней наши развѣдчики произвели поискъ, причѣмъ взяты плѣнные.

Къ юго-востоку отъ Ванскаго озера нашъ отрядъ выбилъ противника изъ селеній, находящихся сѣверо-восточнѣе Вастана.

Къ сѣверо-западу, западу и юго-западу отъ Рымнику-Серать противникъ отгѣснилъ наши передовыя части. Оживленные бои происходили въ районѣ Раковичени—Вадуль—Соресчи. Въ районѣ Балаченуль одна наша рота, проникнувъ ночью въ д. Рошюру, испортила здѣсь четыре конныхъ орудія и переколола находившійся здѣсь спавшій эскадронъ; подошедшій изъ Кокирленка батальонъ противника окружилъ роту, но рота пробилась, унося съ собой убитыхъ и раненыхъ товарищей. Наступательныя попытки незначительныхъ частей пѣхоты противника у Вишани и конницы у Станкуца, отбиты нашимъ огнемъ и разсѣяны. Въ Добруджѣ наши части отходили къ сѣверу. Противникъ, продолжая наступленіе, поддерживалъ соприкосновеніе съ нашими аррьергардами.

10-го декабря, въ 6 ч. вечера посломъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ была передана нашему министру иностранныхъ дѣлъ нота президента В. Вильсона, въ коей, руководствуясь гуманитарными соображеніями и интересами нейтральныхъ государствъ, высказывается пожеланіе о заключеніи мира. Съ такими же нотами обратились американскіе послы къ французскому министру-президенту и министру иностранныхъ дѣлъ Бриану и къ итальянскому премьеръ-министру барону Соннино. Содержаніе этого историческаго документа въ общемъ таково.

Предложеніе это сдѣлано въ самой дружественной формѣ. Въ нотѣ указывается, что предложеніе исходитъ не только отъ друга, но и отъ представителя нейтральной націи, интересы которой серьезно затронуты войной. Забота

президента о скорѣйшемъ окончаніи войны вытекаетъ изъ необходимости опредѣлить способы для охраны своихъ интересовъ въ случаѣ, если война будетъ вестись только ради нея самой. Вильсонъ предлагаетъ, чтобы въ ближайшемъ времени былъ изысканъ удобный моментъ, когда можно будетъ просить всѣ воюющіе народы объ открытомъ изложеніи ихъ взглядовъ, какъ относительно условій, на которыхъ война могла бы быть закончена, такъ и относительно соглашеній, которыя могли бы почитаться удовлетворительными, дабы имѣть возможность сопоставить эти взгляды въ ихъ совокупности. Вильсонъ заявляетъ, что ему безразлично, какими способами будетъ осуществлено его пожеланіе, онъ не опредѣляетъ какихъ-либо методовъ или средствъ. Онъ устанавливаетъ только, что государственные дѣятели воюющихъ странъ выставляютъ однѣ и тѣ же цѣли, заключающіяся въ обезпеченіи правъ и привилегій всѣхъ народовъ, гарантій въ будущемъ противъ гнета однихъ надъ другими и возобновленія войны. Каждый готовъ обсуждать вопросъ объ образованіи лиги народовъ, имѣющей цѣлью обезпечить въ будущемъ миръ, но каждый считаетъ при этомъ, что сначала необходимо ликвидировать настоящую войну на условіяхъ, которыя вполнѣ гарантировали бы независимость, территориальную цѣлость и политическую и экономическую свободу воюющихъ народовъ. Вильсонъ указываетъ на причины, по которымъ народъ и правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ заинтересованы жизненнымъ образомъ въ мѣрахъ для обезпеченія мира въ будущемъ. Онъ горитъ нетерпѣніемъ осуществить въ совмѣстной работѣ поставленныя цѣли, но для этого нужно прежде всего, чтобы кончилась война. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты не имѣютъ права предлагать какія-либо условія, способствующія окончанію войны, но Вильсонъ считаетъ своимъ правомъ и своею обязанностью подчеркнуть, насколько глубоко Соединенные Штаты заинтересованы въ ея окончаніи съ точки зрѣнія нейтральныхъ державъ и всей цивилизаціи. Вильсонъ считаетъ, что онъ не имѣетъ право предложить немедленно же произвести сопоставленіе взглядовъ на условія, которыя должны предшествовать окончательнымъ соглашеніямъ о всеобщемъ мирѣ, столь для всѣхъ желательномъ. До настоящаго времени отвѣтственные лица обѣихъ сторонъ еще ни разу не высказывали официальнымъ образомъ опредѣленныхъ цѣлей, и міру предоставляется угадывать, каковы будутъ результаты войны.

Нота оканчивается словами: «Возможно, что условія, на которыхъ сочтутъ себя обязанными настаивать воюющія державы, окажутся не столь непримиримыми, какъ опасаются, и что обмѣнъ взглядовъ сможетъ подготовить пути для конференціи и установить прочное и немедленное согласіе народовъ». Вильсонъ не предлагаетъ ни мира, ни посредничества. Онъ только проситъ предварительной зондировки вопросовъ, чтобы мы могли узнать, сколь далеки еще мы отъ мира, къ которому стремится все человѣчество со все возрастающей силою. Вильсонъ полагаетъ, что мотивы, одушевляющіе его въ данномъ случаѣ, и цѣль, которую онъ преслѣдуетъ, заставить прислушаться къ его словамъ всѣхъ заинтересованныхъ, и выражаетъ пожеланіе, чтобы отвѣтъ, который онъ подучить, внесъ новый свѣтъ въ создавшееся положеніе.

Послѣ выпуска вышеприведенной ноты о предложеніи мира правительство

Генераль Николай Николаевич Баратовъ.

Америки подтвердило еще раз о своемъ намѣреніи продолжать сохраненіе попрежнему нейтралитета. Швейцарскій союзный совѣтъ обратился 10-го декабря къ воюющимъ державамъ съ нотой, въ которой сообщаетъ, что швейцарское правительство, исполненное глубокаго стремленія къ миру, готово быть полезнымъ своими слабыми силами дѣлу окончанія неслыханныхъ бѣдствій войны и будетъ искать основы для возстановленія плодотворной общей работы

«Истор. вѣстн.», февраль 1917 г., т. сѣдм.

II

народовъ. Поэтому швейцарскій союзный совѣтъ съ радостью пользуется случаемъ, доставленнымъ президентомъ Вильсономъ, для того, чтобы поддержать усилія, сдѣланныя имъ для облегченія сближенія воюющихъ народовъ въ цѣляхъ установленія истиннаго мира.

На Карсо итальянскія войска внезапнымъ наступленіемъ заняли нѣсколько воронкообразныхъ углубленій въ известковой мѣстности и укрѣпили ихъ для обороны.

На островахъ Греціи вспыхнуло возстаніе, провозглашается независимость страны. Въ Аѣинахъ происходятъ аресты либераловъ. Въ Катерини высадилось 10 тысячъ французскихъ войскъ. Всюду на островахъ Греціи совершенно прекращены телеграфныя сношенія съ Аѣинами и провозглашается независимость страны.

По случаю отсрочки засѣданія англійскаго парламента королемъ Георгомъ произнесена тронная рѣчь о необходимости продолженія войны до восстановленія правъ, поправныхъ врагамъ, въ которой между прочимъ говорится: «Мужественное продолженіе войны должно быть единственной нашей цѣлью до тѣхъ поръ, пока мы не восстановимъ правъ, столь безжалостно поправныхъ нашими врагами, и пока не установимъ безопасность Европы на прочной основѣ».

10-го декабря на французскомъ и итальянскомъ фронтахъ велись артиллерійскіе бои.

На Ближнемъ Востокѣ на фронтѣ Струмы во время успѣшнаго набѣга на Кавакли, къ востоку отъ Сереса, англичанами взяты были въ плѣнъ турки.

Англійскіе моряки энергично бомбардировали непріятельскія траншеи въ окрестностяхъ Неогори.

Въ Египтѣ и Месопотаміи англичане совершили рядъ удачныхъ налетовъ на непріятельскія расположенія.

11-го декабря въ Яссахъ, послѣ торжественнаго молебствія на открытіи совѣщанія правительства съ депутатами и сенаторами, румынскій король Фердинандъ обратился со слѣдующимъ посланіемъ: «Гг. сенаторы и депутаты! Война, обогрившая кровью весь міръ въ теченіе двухъ лѣтъ, доказала, что Австро-Венгрія, при современныхъ условіяхъ своего существованія, не можетъ болѣе служить факторомъ европейскаго равновѣсія. Поэтому, для защиты интересовъ нашей расы, національности и обезпеченія единства въ будущемъ, Румынія принуждена была выступить, соединивъ свою судьбу съ судьбою державъ, побѣда которыхъ обезпечитъ Европѣ существованіе на основахъ національнаго принципа. Румынія объявила войну Австро-Венгріи, Германія, Болгарія и Турція заявили о своей солидарности съ Австріей и направили противъ насъ свои самыя ожесточенныя усилія. Наша армія выдержала борьбу при тяжелыхъ условіяхъ съ доблестью, отвѣчающей самымъ славнымъ традиціямъ нашихъ предковъ. Взирайте на будущее съ полнымъ довѣріемъ. До сихъ поръ война требовала отъ насъ великихъ и тяжелыхъ жертвъ. Мы принесли ихъ съ мужествомъ и сохранимъ полную вѣру въ конечную побѣду нашихъ союзниковъ, бокъ-о-бокъ съ которыми, несмотря на всѣ трудности и страданія, мы рѣшили энергично бороться вплоть до конца. Мое правительство предста-

вить на ваше обсужденіе различные законопроекты, связанные съ войною, а также требованія кредитовъ на нужды нашей дорогой арміи. Я увѣренъ, что представители націи устранять всѣ недоразумѣнія, дабы родина и иностранныя государства вообщю убѣдились въ полной гармоніи и весь міръ увидѣлъ полную солидарность народа, сознающаго величіе настоящаго момента и свою роль въ исторіи. Нынѣшнія стремленія и жертвы связываютъ меня и мою династію еще сильнѣе съ румынской націей, которая найдетъ въ своемъ королѣ защиту и опору своихъ правъ и вождельній. Передъ общей опасностью мы всѣ должны быть вдохновлены горячимъ чувствомъ патріотизма, объединиться сердцемъ и мыслями, окружить любовью и восхищеніемъ нашихъ воиновъ, защищающихъ землю своихъ предковъ, попранную непріателемъ. Крестьянинъ долженъ знать, что онъ сражается за національное единство, за свободу политическую и экономическую. Доблесть его даетъ ему еще большія права на землю, имъ защищаемую, и налагаетъ на насъ еще болѣе, чѣмъ когда-либо, долгъ осуществить по окончаніи войны аграрныя, а также и избирательныя реформы, на основѣ которыхъ было избрано это учредительное собраніе. Мы молимъ Всевышняго защитить Румынію и повести къ побѣдѣ наши войска, столь испытанныя судьбою, но преисполненные довѣрія къ силамъ своей родины и къ будущему своей расы. Воскликнемъ же единогласно: «Да здравствуетъ наша доблестная армія, да здравствуетъ Румынія!»

11-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: Послѣ артиллерійскаго и ружейнаго огня по нашему предмостному укрѣпленію у д. Болдуры противникъ двумя взводами перешелъ въ наступленіе, но былъ разсѣянъ нашимъ огнемъ. Попытки противника атаковать наше сторожевое охраненіе на р. Быстрицѣ въ районѣ д. Ляховце (къ югу отъ Богородчанъ) легко отражены ружейнымъ огнемъ и ручными гранатами. У села Яблонка (къ западу отъ Золотвины) наши развѣдчики окружили полевой караулъ противника и нѣсколько человекъ взяли въ плѣнъ. Въ Лѣсистыхъ Карнатахъ наши войска, послѣ артиллерійской подготовки, атаковали окопы противника на высотахъ къ сѣверу отъ р. Уса и послѣ ожесточенной рукопашной схватки овладѣли ими. При этомъ нами взято 3 пулемета и плѣнными 100 нижнихъ чиновъ при 5 офицерахъ. Части закрѣпляются на южномъ склонѣ захваченныхъ высотъ.

На румынскомъ фронтѣ въ теченіе всего дня противникъ развивалъ активныя дѣйствія въ районѣ между долиной Кассича-Забала. Въ районѣ Гальбенуль — Дрогуль противникъ при поддержкѣ сильной артиллеріи неоднократно атаковалъ наши части; ожесточенный бой здѣсь продолжается весь день. Въ районѣ Батогу и Визиру наступательныя попытки небольшихъ частей противника были остановлены огнемъ. Въ Добруджѣ противникъ продолжалъ атаковать наши части, отходившія въ Исактѣ. Непрiятельскіе аэропланы сбросили бомбы въ районѣ Перিশорулъ и Браилова. Въ районѣ станціи Янка на линіи Бузео—Браиловъ спустился германскій аэропланъ; офицеръ-наблюдатель и 2 нижнихъ чина взяты въ плѣнъ.

11-го декабря на общемъ протяженіи французскаго фронта въ теченіе дня

п*

не произошло ничего выдающагося, за исключеніемъ ожесточенной бомбардировки въ районѣ Адромана, на правомъ берегу рѣки Мааса.

12-го декабря Государь Императоръ обратился къ арміи и флоту со слѣдующимъ приказомъ.

Среди глубокаго мира, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, Германія, втайнѣ издавна подготовлявшаяся къ порабощенію всѣхъ народовъ Европы, внезапно напала на Россію и ея вѣрную союзницу Францію, что вынудило Англію присоединиться къ намъ и принять участіе въ борьбѣ. Проявленное Германіей полное пренебреженіе къ основамъ международнаго права, выразившееся въ нарушеніи нейтралитета Бельгіи, и безжалостная жестокость германцевъ въ отношеніи мирнаго населенія въ захваченныхъ ими областяхъ понемногу объединили противъ Германіи и ея союзницы Австріи всѣ великія державы Европы.

Подъ натискомъ германскихъ войскъ, до чрезвычайности сильныхъ своими техническими средствами, Россія, равно какъ и Франція, вынуждены были въ первый годъ войны уступить врагу часть своихъ предѣловъ, но эта временная неудача не сломила духа ни нашихъ вѣрныхъ союзниковъ, ни въ насъ, доблестныя войска Мои. А тѣмъ временемъ путемъ напряженія всѣхъ силъ государства разница въ нашихъ и германскихъ техническихъ средствахъ постепенно сглаживалась. Но еще задолго до этого времени, еще съ осени минувшаго 1915 года, врагъ нашъ уже не могъ овладѣть ни единой пядью русской земли, а весной и лѣтомъ текущаго года испыталъ рядъ жестокихъ пораженій и перешелъ на всемъ нашемъ фронтѣ отъ нападенія къ оборонѣ. Силы его, видимо, истощаются, а мощь Россіи и ея доблестныхъ союзниковъ продолжаетъ неуклонно расти.

Германія чувствуетъ, что близокъ часъ ея окончательнаго пораженія, близокъ часъ возмездія за всѣ содѣянные ею правонарушенія и жестокости. И вотъ подобно тому, какъ во время превосходства въ своихъ боевыхъ силахъ надъ силами своихъ сосѣдей Германія внезапно объявила имъ войну, такъ теперь, чувствуя свое ослабленіе, она внезапно предлагаетъ объединившимся противъ нея въ одно неразрывное цѣлое союзнымъ державамъ вступить въ переговоры о мирѣ.

Естественно, желаетъ она начать эти переговоры до полнаго выясненія степени ея слабости, до окончательной потери ея боеспособности. При этомъ она стремится для созданія ложнаго представленія о крѣпости ея армій использовать свой временный успѣхъ надъ Румыніей, не успѣвшей еще приобрѣсти боевого опыта въ современномъ веденіи войны.

Но если Германія имѣла возможность объявить войну и напасть на Россію и ея союзницу Францію въ наиболѣе неблагопріятное для нихъ время, то нынѣ окрѣпши за время войны союзницы, среди коихъ теперь находится мощественнѣйшая Англія и благородная Италія, въ свою очередь, имѣютъ возможность приступить къ мирнымъ переговорамъ въ то время, которое онѣ сочтутъ для себя благопріятнымъ.

Время это еще не наступило, врагъ еще не изгнанъ изъ захваченныхъ имъ областей. Достиженіе Россіей созданныхъ войною задачъ, обладаніе Царь-

градомъ и проливами, равно какъ созданіе свободной Польши изъ всѣхъ трехъ ея нынѣ разрозненныхъ областей—еще не обезпечено.

Заклѣчить нынѣ миръ значило бы не использовать плодовъ несказанныхъ трудовъ вашихъ, геройскія русскія войска и флотъ.

Труды эти, а тѣмъ болѣе священная память погибшихъ на поляхъ доблестныхъ сыновъ Россіи не допускаютъ и мысли о мирѣ до окончательной побѣды надъ врагомъ, дерзнувшимъ мыслить, что если отъ него зависѣло начать войну, то отъ него же зависить въ любое время ее окончить.

Я не сомнѣваюсь, что всякій вѣрный сынъ Святой Руси, какъ съ оружіемъ въ рукахъ вступившій въ ряды славныхъ Моихъ войскъ, такъ равно и работающій внутри страны на усиленіе ея боевой мощи или творящій свой мирный трудъ, проникнуть сознаниемъ, что миръ можетъ быть данъ врагу лишь послѣ изгнанія его изъ нашихъ предѣловъ, только тогда, когда, окончательно сломленный, онъ дастъ намъ и нашимъ вѣрнымъ союзникамъ прочныя доказательства невозможности повторенія предательскаго нападенія и твердую увѣренность, что самою силою вещей онъ вынужденъ будетъ къ сохраненію тѣхъ обстоятельствъ, которыя онъ на себя приметъ по мирному договору.

Будемъ же непоколебимы въ увѣренности въ нашей побѣдѣ, и Всевышній благословитъ наши знамена, покроетъ ихъ вновь неувыдаемой славой и даруетъ намъ миръ, достойный вашихъ геройскихъ подвиговъ, славныя войска Мои,—миръ, за который грядущія поколѣнія будутъ благословлять вашу священную для нихъ память.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

12-го декабря нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ Н. Н. Покровский въ бесѣдѣ съ редакторами петроградскихъ газетъ заявилъ:

«Курсъ русской внѣшней политики останется прежній. Никакія перемѣны въ личномъ составѣ правительства не вносятъ ни измѣненій, ни колебаній въ разѣ намѣченное направленіе, по коему идетъ Россія, согласно предначертаніямъ Державнаго своего Вождя.

Война ожесточенная и небывалая по размѣрамъ продолжается съ прежнимъ напряженіемъ всѣхъ силъ обѣихъ борющихся сторонъ.

О томъ, какъ Императорское правительство относится къ выступленію непріятеля съ предложеніемъ мира, послѣдовавшему въ минувшій вторникъ, общество уже освѣдомлено изъ рѣчи, которую произнесъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ Государственной Думѣ 2-го текущаго декабря. Въ ней указано, что какъ содержаніе новѣйшаго предложенія, такъ и обстоятельства, при коихъ оно дѣлается, не позволяютъ прійти къ иному выводу, какъ тому, что германцы хотятъ использовать свои временныя территоріальныя захваты, готовятся поднять слабѣющій духъ своего населенія на случай отказа союзниковъ, и наконецъ, не понимаютъ истиннаго духа Россіи, рассчитывая на возможность малодушія съ нашей стороны.

Высказанное президентом Вильсоном пожелание относительно заключения мира не мѣняет политической обстановки, созданной неискреннимъ и безсодержательнымъ предложеніемъ мира, сдѣланнымъ Германіей. Мы отдаемъ справедливую дань человѣколюбивымъ стремленіямъ президента Соединенныхъ Штатовъ и вполне сознаемъ, насколько отражается война на интересахъ нейтральныхъ державъ, главнымъ образомъ изъ-за способа ея веденія врагами. Однако мы не можемъ не имѣть въ виду, что американское предложеніе послѣдовало почти одновременно съ германскимъ. Въ теоріи германское предложеніе является мирнымъ предложеніемъ, въ дѣйствительности же это военное выступленіе, такъ какъ германское правительство, не указавъ никакихъ мирныхъ условий въ своей нотѣ, горделиво выставляетъ себя побѣдителемъ. Вступленіе при такихъ условіяхъ въ мирные переговоры съ Германіей означало бы признаніе нами этого факта. Мы же не побуждены и поэтому не можемъ этого признать.

Въ противовѣсъ тѣтней надеждѣ германцевъ порукою окончанія войны намъ служить блестящая доблесть нашихъ войскъ, закалившихся въ горнилахъ тяжелыхъ испытаній, и за которыми стоитъ весь великій русскій народъ, который проникся одной мыслью о необходимости отстоять родную землю и свое будущее свободное развитіе.

Другой залогъ и условіе побѣды—это непоколебимая крѣпость союза, связующаго насъ съ нашими соратниками. На берегахъ Соммы и Марны, на вершинахъ Горицы, на македонскомъ фронтѣ они тѣснятъ общаго врага, и Россія счастлива отдать ихъ отвагѣ и самопожертвованію дань своего восхищенія. Каждый изъ насъ знаетъ, чѣмъ мы взаимно обязаны другъ другу и какъ повелительно необходимо наше тѣснѣйшее единеніе для успѣха общаго дѣла.

Россія съ непоколебимой твердостью будетъ биться рука объ руку со своими союзниками до тѣхъ поръ, пока врагъ не будетъ сломленъ.

Но болѣе того: и въ эпоху мира Россія надѣется поддержать тѣснѣйшія отношенія съ теперешними друзьями. Союзъ съ Франціей и Англіей, расширенный присоединеніемъ къ нему Италіи, останется краеугольнымъ камнемъ нашей внѣшней политики и послѣ войны. Доказательствомъ крѣпости узъ, связующихъ союзниковъ, является соглашеніе о будущей судьбѣ Константинополя и проливовъ, о которомъ говорилъ предсѣдатель Совѣта Министровъ въ своей думской деклараціи 19-го ноября.

Дружное мирное сотрудничество со всѣми нашими нынѣшними друзьями желательно въ будущемъ и на экономической почвѣ, причѣмъ начало такой работы уже положено на недавней междусоюзнической конференціи въ Парижѣ, которая изучала способы освобожденія отъ торгово-экономическаго германскаго засилія послѣ войны и рѣшенія которой построены на мысли о свободномъ дружественномъ сотрудничествѣ союзниковъ.

Экономической гегемоніи Германіи долженъ быть положенъ предѣлъ такъ же, какъ и ея гегемоніи политической. Для насъ одной изъ коренныхъ задачъ этой войны является завоеваніе для Россіи свободы хозяйственнаго развитія, которую сковывали наши торговые договоры съ Германіей. Будущія условія внѣшней торговли Россіи должны обезпечить безпрепятственное развитіе не-

исчерпаемыхъ производительныхъ силъ нашей родины и завершенія ея промышленнаго оборудованія.

Интересы славянъ попрежнему остаются неизмѣнно близкими русскому сердцу. Въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, наша мощная поддержка и содѣйствіе особенно необходимы въ дѣлѣ возрожденія и національнаго развитія славянскихъ народовъ, ставшихъ вмѣстѣ съ нами на защиту права и справедливости.

Послѣднія событія въ Греціи вызвали весьма понятное безпокойство общественнаго мнѣнія какъ у насъ, такъ и за границей. Съ самаго начала войны державы-покровительницы, въ рукахъ которыхъ находится судьба Греціи, обязанной имъ своимъ существованіемъ, основываясь на неоднократныхъ формальныхъ заявленіяхъ греческаго правительства, имѣли право рассчитывать если не на благожелательное къ нимъ отношеніе, то во всякомъ случаѣ на благоразуміе. Къ сожалѣнію, благодаря проiscaмъ нашихъ враговъ и легкомысленному попустительству представителей власти великодушіе державъ, относившихся къ Греціи, какъ сильный къ слабому, было неправильно истолковано въ нѣкоторыхъ кругахъ этой страны и понято, какъ признакъ слабости. Вамъ извѣстны обстоятельства нападенія въ Аѣинахъ на воинскія части нашихъ союзниковъ, и кровавые безпорядки, разыгравшіеся на этой почвѣ на аѣинскихъ улицахъ. Кромѣ этого, союзныя державы въ настоящее время не могутъ ни на одну минуту допустить возможности существованія условій, угрожающихъ ихъ военнымъ интересамъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ къ мѣрамъ, принятымъ уже ранѣе, нынѣ державы имѣютъ въ виду присоединить еще нѣкоторыя рѣшительныя требованія военнаго характера, которыя должны покончить съ «греческою» неопредѣленностью.

Что касается Румыніи, то расчеты нашихъ враговъ легкими географическими побѣдами смутить румынскій народъ и поколебать его твердое рѣшеніе бороться въ рядахъ союзниковъ совершенно не оправдались. Румыны съ непоколебимой твердостью и мужествомъ отнеслись къ ниспосланнымъ имъ временнымъ испытаніямъ. Вамъ, конечно, извѣстно, что Россія всецѣло пошла на помощь своей союзницѣ. То участіе, которое русскій народъ со всей своей арміей принимаетъ въ судьбахъ Румыніи, должно разсѣять злостныя навѣты непріятели о томъ, что Румынія брошена и оставлена на произволъ судьбы. Въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, Россія и Румынія представляютъ изъ себя единый и неразрывный фронтъ въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ.

На Дальнемъ Востока главными факторами нашего международнаго положенія являются установившіяся у насъ съ Японіей отношенія, по своему характеру равнозначашія союзнымъ. За время настоящей войны японское правительство оказывало и продолжаетъ оказывать намъ въ дѣлѣ снабженія нашихъ армій услуги, упоминать о которыхъ можно лишь съ чувствомъ глубокой признательности. Созданное же соглашеніемъ 30 іюня настоящаго года политическое сотрудничество наше съ Японіей завершаетъ цѣль связывающихъ Россію, Францію, Англію и Японію узъ и служитъ поэтому источникомъ полной устойчивости нашего положенія на Дальнемъ Востока.

Побѣдоносный исходъ міровой борьбы является цѣлью, къ которой должны стремиться всѣ силы Россіи. Наше общественное мнѣніе это ясно сознаетъ, и наша печать вѣрно отражаетъ всеобщее убѣжденіе. Въ твердой вѣрѣ, что Россія отстоитъ въ историческія минуты своего развитія свои права, министерство иностранныхъ дѣлъ почерпаетъ тѣ силы, которыя ему необходимы для исполненія возложенной на него отвѣтственной задачи».

12-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ: На рѣкѣ Быстрицѣ наши развѣдчики произвели удачные поиски въ районѣ Старый Ли-сець, захвативъ плѣнныхъ, винтовки и ручныя гранаты. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ, на молдавской границѣ, въ районѣ къ сѣверу отъ долины Уса противникъ нѣсколькими повторными атаками пытался вернуть занятыя нами вчера высоты, подготавливая атаки ураганнымъ огнемъ артиллеріи. Наши войска подпускали противника къ окопамъ и почти въ упоръ разстрѣливали его и забрасывали ручными гранатами. Всѣ контръ-атаки отражены, причемъ пртивнику нанесены тяжелыя потери. Южные склоны высотъ усыяны трупами. За весь день нами взято въ плѣнъ 8 офицеровъ, 218 нижнихъ чиновъ и захвачено 3 пулемета и 1 бомбометъ. На румынскомъ фронтѣ въ районѣ рѣки Касина и горахъ Вранчеа противникъ продолжалъ наступленіе и атаки, потѣснивъ мѣстами румынскія части. Съ утра 11-го декабря легкая и тяжелая артиллерія противника усиленно обстрѣливала наши войска по обѣ стороны шоссе Бузео—Рымникъ и въ районѣ Сакаричюль —Баленечуль; особенно сильный огонь противникъ развивалъ къ сѣверу отъ шоссе, послѣ чего повелъ атаку и овладѣлъ высотой къ югу отъ Раковичени. Контръ-атакой нашихъ войскъ противникъ былъ сбитъ съ этой высоты, но части наши вскорѣ вновь ее оставили, такъ какъ противникъ засыпалъ ее снарядами. Всѣ атаки противника въ прочихъ районахъ лѣваго берега Дуная, особенно сильныя въ районѣ Дрогуль, были отбиты нашимъ огнемъ. Въ Добруджѣ лѣвое крыло нашихъ войскъ оставило Исакчу и Тульчу, которыя и заняты противникомъ. На правомъ флангѣ въ теченіе дня артиллерійская стрѣльба съ обѣихъ сторонъ, болѣе интенсивная въ районѣ Дунай—деревня Греча.

1-го декабря главнокомандующій нашими арміями сѣвернаго фронта ген. Рузскій обратился со слѣдующимъ приказомъ по войскамъ: «При первыхъ извѣстіяхъ о мирныхъ предложеніяхъ нашихъ противниковъ я счелъ необходимымъ предупредить объ этомъ васъ, войска армій сѣвернаго фронта, и высказать, что непріятель предлагаетъ намъ лишь временный миръ, рассчитывая собраться съ новыми силами для новой войны, и что долгъ нашъ передъ родиной и тѣми героями, кой положили уже свою жизнь на бранномъ полѣ, довести войну до побѣдоноснаго конца. Нынѣ предложенія непріятели вручены нашему правительству, и вся Россія уже единодушно высказалась противъ ихъ принятія въ полномъ единеніи съ нашими доблестными союзниками и съ тѣмъ, что лежитъ на душѣ у каждаго изъ насъ, войновъ. Враги наши пытаются свалить на насъ вину за пролитіе крови, а между тѣмъ всѣ знаютъ, что не мы, а они объявили намъ войну. Они попираютъ временно занятыя ими земли, какъ Россійскаго государства, такъ и нашихъ союзниковъ, разоряютъ ихъ, безжалостно обращаются съ мирными жителями и тѣми, кто имѣлъ несчастье попасть къ

Генераль Нивель, новый главнокомандующий, замѣнивший Жоффра, герой Вердена.

нимъ въ плѣнъ. У враговъ нашихъ попрежнему одна цѣль—завоевать наши земли; ихъ миръ—это новая злостная хитрость. Не поддадимся ей, а будемъ, исполняя волю Державнаго Вождя, твердо и самоотверженно бороться, какъ рѣшили и союзники наши, до полной побѣды, безъ которой настоящий прочный миръ невозможенъ. Въ этой борьбѣ нашъ святой долгъ передъ отечествомъ.

«Главнокомандующій генералъ-адъютантъ Рузскій».

12-го декабря, въ 7-мъ часу вечера, швейцарскій посланникъ при русскомъ правительствѣ г. Одые явился въ министерство иностранныхъ дѣлъ и вручилъ министру Н. Н. Покровскому ноту федеральнаго совѣта швейцарскаго правительства въ пользу мира. Въ нотѣ этой говорится: «Президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ только что обратился къ правительствамъ державъ согласія и центральныхъ имперій съ нотой въ пользу мира. Президентъ Вильсонъ сообщилъ ее также федеральному совѣту Швейцарской республики. Совѣтъ республики, вдохновленный горячимъ желаніемъ возможно скорого прекращенія настоящей войны, вступилъ еще около 5 недѣль тому назадъ въ сношеніе по этому поводу съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ своей нотѣ президентъ Вильсонъ указываетъ, какъ было бы желательно прійти къ заключенію международныхъ соглашеній съ цѣлью надолго и основательно устранить возможность повторенія катастрофы, подобной той, отъ которой теперь страдаютъ всѣ народы. Въ первую очередь президентъ Вильсонъ настаиваетъ на необходимости положить конецъ войнѣ, не формулируя самъ мирныхъ предложеній, не предлагая самъ своего мирнаго посредничества. Президентъ Вильсонъ ограничивается вопросомъ, направленнымъ къ воюющимъ государствамъ, въ цѣляхъ освѣдомиться, можетъ ли уже теперь человечество считать, что приблизился моментъ благоприятный. Великодушный личный починъ президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ возбудилъ въ Швейцаріи глубокое сочувствіе. Вѣрная обязанностямъ, возлагаемымъ на нее соблюденіемъ строжайшаго нейтралитета, связанная дружественными чувствами одинаково съ обѣими группами воюющихъ державъ, изолированная въ центрѣ ужасающей схватки народовъ, серьезно угрожаемая въ своихъ духовныхъ и матеріальныхъ интересахъ,—наша родина всемирно стремится къ миру. Швейцарская республика готова содѣйствовать всѣми своими слабыми силами тому, чтобы положить конецъ ужасамъ войны, которые она ежедневно наблюдаетъ, между прочимъ принимая на своей территоріи интернированныхъ плѣнныхъ, тяжело раненыхъ и больныхъ, эвакуированныхъ въ Швейцарію.

«Швейцарія также склонна содѣйствовать созданію и упроченію основъ плодотворнаго сотрудничества между народами. Поэтому федеральный совѣтъ Швейцарской республики съ радостью пользуется случаемъ, чтобы подкрѣпить усилія президента Соединенныхъ Штатовъ Америки. Федеральный совѣтъ почелъ бы себя счастливымъ, если бы ему удалось хотя бы въ самой скромной мѣрѣ оказать содѣйствіе сближенію между воюющими державами и установленію прочнаго мира».

12-го декабря итальянское морское министерство извѣстило: «Въ ночь на 10-е декабря неприятельская эскадра атаковала въ Отрантскомъ проливѣ нѣ-

сколько небольших сторожевыхъ судовъ, но была тотчасъ же замѣчена французскими контръ-миноносцами. Послѣ ожесточеннаго огня съ обѣихъ сторонъ непріятель, преслѣдуемый итальянскими и союзными судами, посланными на подкрѣпленіе, скрылся, благопріятствуемый ночной темнотой. Потери, понесенныя непріателемъ, неизвѣстны. Одинъ французскій контръ-миноносецъ и одно сторожевое судно въ Отрантскомъ проливѣ получили лишь незначительныя матеріальныя поврежденія.

12-го декабря англійское правительство сообщило: «Ночью мы совершили увѣнчавшіеся успѣхомъ набѣги на непріятельскія траншеи къ западу отъ Анкръ, къ юго-западу отъ Леонъ и къ востоку отъ Армантьеръ, захвативъ много плѣнныхъ. Значительная артиллерійская дѣятельность происходила днемъ 12-го декабря. Непріятельскіе оборонительныя укрѣпленія и штабы подверглись сильной бомбардировкѣ, причинившей большія поврежденія.

«Въ Солуни на дойранскомъ фронтѣ наши войска съ успѣхомъ произвели набѣгъ на основную непріятельскую линію между Дойранскимъ озеромъ и Гевгели. Непріятелю были нанесены серьезныя потери. Было разрушено нѣсколько установокъ для артиллерійскихъ орудій. Аэропланы съ большимъ успѣхомъ бомбардировали вокзалъ Ксанти и скопившіеся тамъ непріятельскіе обозы. Одинъ непріятельскій аэропланъ былъ уничтоженъ, другой принужденъ былъ нашими аппаратами снизиться.

«Въ Египтѣ днемъ 10 декабря наши войска послѣ боя, начавшагося въ 9 часовъ утра, овладѣли сильной непріятельской позиціей Магъ-Дабатъ, въ 20 миляхъ отъ Эль-Арнша. Захвачено 1.130 плѣнныхъ, 2 орудія и большое количество прочаго оружія и военнаго матеріала. Потери непріятеля значительны. Наши аэропланы участвовали въ сраженіи, дѣйствуя при помощи бомбъ и пулеметовъ съ небольшой высоты. Въ настоящее время они продолжаютъ тревожить непріятеля».

Итальянцами отбито неожиданное нападеніе непріятельскихъ патрулей на высоту «86» близъ Горицы.

13-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что на нашемъ западномъ фронтѣ противникъ обстрѣливаетъ интенсивнымъ артиллерійскимъ огнемъ районы деревки Пеняки, Манаювъ и лѣсъ Гукаловце. Къ югу отъ Бржежанъ противникъ ведетъ огонь по занятымъ нами къ востоку отъ д.д. Липица-Дольная и Свистельники высотамъ. На молдавской границѣ въ долинѣ р. Касина румынскія войска лихой атакой вернули одну изъ утеряннхъ ими вчера высотъ.

На румынскомъ фронтѣ противникъ вель ожесточенныя атаки въ верховьяхъ р. Сушица, въ районѣ Драгославце, но былъ отброшенъ контръ-атаками румынъ, захватившихъ при этомъ 3 пулемета. Въ верховьяхъ р. Рымника противникъ оттѣснилъ наши передовыя части, отошедшія на главную позицію. Въ долинѣ р. Кильнау, что къ западу отъ Рымника-Сератъ, всѣ атаки противника отбиты нашимъ огнемъ. Въ теченіе всего дня противникъ значительными силами вель рядъ атакъ на фронтѣ Филипешти—Липкотьянка, отбитыхъ съ большими для него потерями. Особенно ожесточенный бой шелъ у д. Фи-

липешти, которая, будучи сожжена неприятельской артиллерией, оставлена нами. Въ Добруджѣ происходила перестрѣлка сторожевыхъ частей.

На фронтахъ союзниковъ во Франціи, Бельгіи и Македоніи происходила преимущественно артиллерійская перестрѣлка.

Англичане подошли къ правому берегу Тигра и затѣмъ укрѣпили и расширили позиціи къ югу и востоку отъ Кута.

На египетскомъ фронтѣ въ сраженіи у Магдабаха англичане взяли въ плѣнъ 1,350 человекъ.

Французское правительство постановило пожаловать Жоффри званіе маршала Франціи.

13-го декабря американскій посоль въ Берлинѣ Джерардъ передалъ въ Нью-Йоркъ слѣдующій отвѣтъ на ноту Вильсона:

«Великодушное предложеніе, сдѣланное президентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ съ цѣлью созданія основы для установленія прочнаго мира, было получено и рассмотрѣно германскимъ правительствомъ съ тѣмъ же дружескимъ чувствомъ, которое нашло себѣ выраженіе въ сообщеніи президента. Президентъ подчеркиваетъ тѣ цѣли, которыя близки его сердцу, и предоставляетъ свободу въ выборѣ средствъ. Немедленный обмѣнъ мнѣній кажется германскому правительству наиболѣе подходящимъ средствомъ для достиженія желаемого результата; поэтому оно предлагаетъ въ духѣ заявленія, сдѣланнаго 29 ноября, когда оно притягивало руку для мирныхъ переговоровъ, созвать немедленно конференцію делегатовъ воюющихъ державъ въ нейтральномъ мѣстѣ. Германское правительство считаетъ также, что великое дѣло предупрежденія будущихъ войнъ можетъ быть начато лишь послѣ окончанія настоящей войны. Оно выражаетъ готовность, когда наступитъ этотъ моментъ, съ удовольствіемъ и безъ оговорокъ содѣйствовать Соединеннымъ Штатамъ въ этомъ благородномъ дѣлѣ». Отвѣтъ заканчивается словами обычной дипломатической вѣжливости.

14-го декабря сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: На нашемъ западномъ фронтѣ, въ районѣ р. Березины, къ сѣверо-востоку отъ м. Вишневъ, во время поиска нашимъ развѣдчикамъ удалось ворваться въ окопы противника, гдѣ германцы были переколоты. На ковельскомъ направленіи противникъ, силами отъ 2 до 3 ротъ, повелъ наступленіе на наше расположеніе въ районѣ Малаго Порска, но нашимъ огнемъ былъ отброшенъ съ большими потерями. Противникъ велъ артиллерійскій огонь по нашему расположенію въ районѣ Дубе, Пеняки, Чепеле и Звиженъ и перешелъ въ наступленіе въ районѣ Дубе и Пеняки; наступленіе успѣха не имѣло, и въ обоихъ мѣстахъ противникъ былъ остановленъ нашимъ огнемъ. На рѣкѣ Быстрицѣ наша артиллерія разсыяла роту противника, двигавшуюся изъ села Космачи въ сѣверо-восточномъ направленіи. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ, на молдавской границѣ, къ сѣверу отъ рѣки Уса, наши части сбили заставу противника и захватили пулеметь; въ этомъ же районѣ нашимъ стрѣлкамъ, пользуясь туманомъ, удалось вытащить двѣ 15-сантиметровыя траншейныя мортиры, брошенныя противникомъ въ бою 10 декабря.

На Кавказскомъ фронтѣ въ ночь на 12-е декабря около батальона турокъ

повели наступленіе въ районѣ Петра-Каль, по нашимъ огнемъ наступленіе было остановлено; послѣдовавшей затѣмъ нашей атакой турки были отброшены въ свои окопы. Въ районѣ Шарафъ-Кане, что западнѣе Муша, наши развѣдчики выбили турокъ изъ ихъ окоповъ и захватили плѣнныхъ. Въ районѣ оз. Ванъ наши части, сбивъ сторожевое охраненіе турокъ, развили наступленіе и заняли д. Атаманъ; турки силою до батальона подъ нашимъ натискомъ отошли къ востоку.

На румынскомъ фронтѣ противникъ въ теченіе дня произвелъ рядъ жестокихъ атакъ почти на всемъ фронтѣ нашего расположенія. Въ районѣ верхняго теченія р. Рымникъ къ сѣверу отъ Мегура ему удалось нѣсколько потѣснить наши конныя части и пѣхотныя части румынъ. На Рымникскомъ шоссе наши части, отбивъ рядъ атакъ, были все же принуждены оставить разрушенную артиллерійскомъ огнемъ первую линію окоповъ. Атаки противника на прочихъ участкахъ отбиты съ большими для него потерями, причѣмъ у с. Валеа-Сельчей при контръ-атакахъ нами захвачено нѣсколько пулеметовъ. Бой по всему фронту продолжается. Въ Добруджѣ происходили дѣйствія мелкихъ частей.

Въ отвѣтъ на ноту президента Вильсона австро-венгерское правительство предлагаетъ созвать конференцію представителей воюющихъ державъ. Болгарскій посланникъ передалъ швейцарскому правительству отвѣтъ своего правительства на швейцарскую ноту. Въ тронной рѣчи японскаго императора отмѣчается упроченіе союза съ Англіей и заключеніе соглашеній съ Россіей и Франціей.

15-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: На западномъ фронтѣ тяжелая и гаубичная артиллерія противника обстрѣливаютъ участки нашихъ позицій въ районѣ къ востоку отъ Заркувъ, въ районѣ Пеняки, гдѣ частью повреждены наши окопы, а также участки Гарбузовъ, лѣсъ Гукаловце и Августовка. На рѣкѣ Нараюнкѣ (лѣвый притокъ Золотой Липы) наши развѣдчики переправились на западный берегъ въ районѣ д. Свистельники, отогнали сторожевое охраненіе противника и перетащили на нашъ берегъ матеріалъ для проволочныхъ загражденій. Попытки противника переправиться черезъ Днѣстръ къ югу-востоку отъ Галича у Семиковце прекращены нашимъ огнемъ. На молдавской границѣ противникъ значительными силами перешелъ въ наступленіе на фронтѣ отъ д. Глясхютте до Сесмезо и, потѣснивъ наши части, занялъ рядъ высотъ въ районѣ къ сѣверу и югу отъ долины р. Дофтяны и въ долинѣ р. Ойтузъ къ востоку отъ Сосмезо. Бой продолжается. Наступленіе противника къ югу отъ Сосмезо остановлено нашимъ огнемъ. Нашей батареей подбитъ непріятельскій аэропланъ, опустившійся въ районѣ Окна. Летчикъ и наблюдатель взяты въ плѣнъ.

На Кавказскомъ фронтѣ весь перевалъ къ югу отъ Атамана (южнѣе Вана) занятъ нами. Турки отступили по направленію селенія Или.

На румынскомъ фронтѣ послѣ упорнаго сопротивленія наши части подъ давленіемъ превосходящихъ силъ противника были потѣснены на участкѣ у желѣзной дороги въ районѣ Рымнику-Сератъ и принуждены отойти за р. Рымникъ. Атаки противника къ югу до Дуная отбиты съ большими для него

потерями, причѣмъ къ западу отъ Визиру славное участіе въ отбитіи атакъ приняли англійскіе броневые автомобили. Доблестный командиръ англійскаго автомобильнаго отряда былъ раненъ въ бою 13 декабря при отбитіи атакъ противника. Тѣмъ не менѣе 14-го декабря онъ вновь руководилъ боемъ своихъ броневыхъ автомобилей, обратившихъ противника въ бѣгство. Въ Добруджѣ атаки противника на фронтъ нашего сторожевого охраненія всюду отбиты огнемъ, за исключеніемъ д. Ракель, которая занята противникомъ.

На лѣвомъ берегу Мааса французскими войсками отбита атака германцевъ къ востоку отъ Муртома. Въ Голландіи, около Нимвегена, спустился бипланъ съ двумя германцами, который интернированъ. Между Италіей и Даніей заключено торговое соглашеніе подобно соглашенію Даніи съ Англійей и Франціей.

Три скандинавскихъ государства обратились къ воюющимъ съ нотой, въ которой присоединяются къ точкѣ зрѣнія Вильсона. Содержаніе этого обращенія таково:

Три скандинавскихъ правительства, ссылаясь на предложеніе президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, сдѣланное въ цѣляхъ облегчить принятіе мѣръ, направленныхъ къ установленію прочаго мира, заявляютъ, что, по ихъ мнѣнію, они нарушили бы свой долгъ въ отношеніи какъ своихъ народовъ, такъ и всего человѣчества, если бы не выразили глубочайшаго сочувствія всѣмъ усиліямъ, могущимъ положить конецъ все возрастающему количеству страданій и потерь, какъ моральныхъ, такъ и матеріальныхъ. Три скандинавскихъ правительства выражаютъ надежду, что предпринятый президентомъ Вильсономъ шагъ поведетъ къ результатамъ, достойнымъ того возвышеннаго духа, какимъ этотъ шагъ былъ внушенъ.

Германское и австрійское правительство передали Швейцаріи отвѣтъ на ея ноту.

«Германское правительство,—говорится здѣсь,—подобно Вильсону, полагаетъ, что великая задача предотвращенія войнъ въ будущемъ должна быть разрѣшена лишь по прекращеніи теперешней борьбы народовъ, и тогда Германія съ радостью и готовностью приметъ участіе въ работѣ для достиженія этой благородной цѣли. Если Швейцарія останется вѣрной своимъ благороднымъ традиціямъ и со своей стороны выкажетъ готовность содѣйствовать упроченію общаго мира, то таковое ея намѣреніе будѣтъ горячо привѣтствоваться германскимъ народомъ и правительствомъ».

16-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ:

Попытки развѣдчиковъ противника приблизиться къ нашимъ окопамъ въ районѣ Сыдовуцки (къ югу отъ Броды) отбиты нашимъ огнемъ. Противникъ продолжаетъ вести артиллерійскій огонь по нашему расположенію въ районѣ лѣса Гукаловце и вер. Грабковце. На молдавской границѣ въ долинѣ рѣки Ойтузь наступленіе противника продолжается. Въ нѣсколькихъ пунктахъ идутъ бои за обладаніе высотами въ районѣ къ востоку отъ Сосмезо.

На румынскомъ фронтѣ противникъ атаковалъ румынъ на фронтѣ къ сѣверу и югу отъ р. Касина у румынской границы и къ западу отъ Совежа и оттѣснилъ ихъ на версту къ востоку. Въ районѣ Кюждони и Костомиру (въ

30 и 15 вер. къ сѣверу отъ Рымнику-Серать) идутъ бои, причемъ всѣ атаки румынами отбиты. Наши и румынскія части, занявшія позицію по лѣвому берегу р. Рымникъ, доблестно отбили всѣ атаки противника, встрѣчая его контръ-атаками. Также отбиты всѣ атаки на участкѣ отъ желѣзной дороги у Рымнику-Серать до Больду (къ юго-востоку отъ Рымнику-Серать), гдѣ противникъ нашей энергичной контръ-атакой былъ опрокинутъ. Въ теченіе дня противникъ силою до двухъ дивизій велъ наступленіе въ направленіи с. Амара (10 вер. южнѣ Больду), къ вечеру бой затихъ. У с. Филипенги нами отбита атака противника. На остальныхъ участкахъ велся артиллерійскій огонь. Въ Добруджѣ по всему фронту противникъ велъ атаки на наше сторожевое охраненіе.

На фронтахъ союзниковъ во Франціи и Бельгіи военныя операціи ограничивались преимущественно артиллерійскимъ огнемъ; неприятельская атака въ районѣ Босежура французами отражена. Англійскіе аэропланы бомбардировали ангары въ Демиръ-Гиссарѣ. Румынскому генералу Константину Прессану поручена королемъ реорганизація румынской арміи, уведенной съ фронта.

Итальянское правительство заявило Японіи о желаніи заключить новый торговый договоръ. Нидерландское правительство опубликовало оранжевую книгу, содержащую протестъ Нидерландовъ противъ полета германскихъ дирижаблей и отказъ Германіи отъ обсужденія международнымъ третейскимъ судомъ захвата «Медеи».

17-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

Въ районѣ сѣвернѣ озера Колдычево нашими развѣдчиками была атакована застава противника, причемъ захвачены плѣнные. На Огинскомъ каналѣ, южнѣ Новинка, партія развѣдчиковъ атаковала нѣмецкій офицерскій карауль. Послѣ штыковой схватки противникъ бѣжалъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ плѣнныхъ и раненыхъ. Наша артиллерія удачнымъ огнемъ разсѣяла три роты противника, двигавшіяся по лощинѣ западнѣ д. Присовце (къ западу отъ Зборова). На рѣкѣ Быстрицѣ партія нашихъ развѣдчиковъ атаковала выдвинутый впередъ окопъ противника въ районѣ д. Пациковъ; часть защитниковъ была переколота, часть взята въ плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ раненый офицеръ. Атака эта, принятая австрійцами за главную атаку, вызвала со стороны противника беспорядочный артиллерійскій огонь, продолжавшійся нѣсколько часовъ. Въ томъ же районѣ наша артиллерія удачно обстрѣляла батарею противника, расположенную къ югу отъ д. Рыбно. На молдавской границѣ, въ районѣ къ сѣверу и къ югу отъ долины р. Ойтузь, противникъ велъ настойчивыя атаки на наше расположеніе. Повторными ударами ему удалось занять нѣсколько высотъ, потѣснивъ при этомъ наши войска нѣсколько къ востоку. Наши войска укрѣпляются на новыхъ позиціяхъ къ сѣверу отъ д. Хоржа и къ востоку и югу отъ д. Сосмезо.

На румынскомъ фронтѣ противникъ ведетъ упорныя атаки въ верхнемъ теченіи р. Касина, на молдавской границѣ и къ западу отъ Совежа у верховьевъ р. Сушница и вдоль р. Путна къ западу отъ с. Коса противникъ значительными силами при содѣйствіи тяжелой и легкой артиллеріи продолжалъ упорныя атаки на фронтѣ къ сѣверо-востоку отъ Рымнику-Серать, направляя

главный ударъ вдоль желѣзной дороги. Ему удалось овладѣть д. Бордесчи на р. Римна и потѣснить наши части у д. Валесчи (въ 15 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Римнику-Серать). Къ югу до Дуная атаки противника отбиты съ большими для него потерями.

17-го декабря французскій морской министръ сообщаетъ о потопленіи 14-го декабря въ Средиземномъ морѣ подводной лодкой броненосца «Gaulois», который затонулъ въ полчаса. Благодаря дисциплинѣ, господствовавшей на броненосцѣ до послѣдней минуты, и хладнокровію, проявленному всѣми чинами броненосца, а также благодаря своевременному прибытію сторожевыхъ судовъ на мѣсто взрыва, погибло всего четыре человѣка, изъ коихъ двое убиты взрывомъ.

На французскомъ и бельгійскомъ фронтѣ наблюдалась чрезвычайно напряженная дѣятельность, особенно у Диксмюда и Стеенстраате.

На всемъ фронтѣ итальянская артиллерія проявляла оживленную дѣятельность, обстрѣливая непріятельскія позиціи. Непріятель вновь неоднократно открывалъ огонь по городу и окрестностямъ Горицы, однако не причинилъ значительнаго вреда. На Карсо произведенная непріателемъ попытка внезапнаго нападенія на выдвинутые впередъ окопы итальянцевъ была легко отбита итальянской пѣхотой.

Въ Македоніи англичане произвели нѣсколько удачныхъ нападеній на противниковъ на Струмѣ.

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

(Историческій романъ).

Вмѣсто предисловія.

ИМПЕРАТОРЪ Іоаннъ III, ребенокъ, владѣвшій трономъ всего чотыреста чотыре дня, а затѣмъ почти двадцать три года томившійся въ тяжкомъ заточеніи, лишенный не только власти и сана, но даже своего собственнаго имени... его печальная смерть въ тотъ самый мигъ, когда отважный безумецъ, пѣхотный подпоручикъ Мировичъ, уже успѣлъ сломать тюремные запоры и готовился освободить вѣнчаннаго узника... казнь самого Мировича,—все это имена и событія, вокругъ которыхъ за полтора вѣка сплелось не мало легендъ; имъ же посвящено больше сорока специальныхъ сочиненій и статей.

Талантливо, живо написанный большой романъ Данилевскаго извѣстенъ ужъ не мало дѣтъ широкой публикѣ, которая особенно интересуется историческими произведеніями родной беллетристики.

Казалось бы, нѣтъ нужды и основанія выступать съ новымъ романомъ на эту захватывающую, но довольно исчерпанную тему.

Между тѣмъ, оно не совсѣмъ такъ.

Крупныя историческія событія подобны горнымъ вершинамъ. Стоя у самаго подножія цѣпи, видишь ближніе, невысокіе холмы, утесы, отдѣльныя скалы... И только отойдя на значительное разстояніе, можно охватить жаднымъ взоромъ всю гордую горную

гряду, уловить очертанія ея снѣговыхъ вершинъ и провалы-пропасти между каменными громадами, уходящими въ далекое небо отъ темной земли!

И откуда ни бросишь издалека жадный взглядъ на горную цѣпь, съ каждой новой точки открываются новыя красоты и подробности, не замѣченныя прежде, не видныя оттуда, гдѣ раньше стоялъ пораженный наблюдатель...

При ознакомленіи съ яркими историческими событіями время играетъ ту же роль, какъ пространство при созерцаніи горныхъ вершинъ. И сто пятьдесятъ лѣтъ, протекшихъ со дня гибели главныхъ героевъ нашей правдивой повѣсти, даютъ лишь большую возможность вскрыть хотя бы отчасти невидимыя нити, о которыхъ ни романистъ, ни строгій историкъ не могли бы повѣдать широко публикѣ еще десять лѣтъ тому назадъ, при старыхъ порядкахъ, когда строй русской жизни, совершенно еще не порушенный, ждалъ хотя бы малѣйшаго обновленія.

«Къ несчастію рожденный!»—такъ назвала умная Екатерина II Иоанна Антоновича, когда ознакомилась подробнѣе съ его исторіей. Но это не помѣшало ей подтвердить жестокою, тайною «инструкцію», согласно которой гибель и постигла «несчастливца». По ея же конфирмаціи казненъ былъ неудачный избавитель вѣнчаннаго узника, Мировичъ.

И не только эти двѣ тѣни ждуть, чтобы чья-либо рука раскрыла завѣсу тайны и забвенія, опущенную надъ шлиссельбургской трагедіей въ теченіе полутора вѣка... Не надъ ними только нависло проклятіе рока, ведущее къ гибели.

Большая работа ждетъ еще многихъ историковъ и романистовъ, если они зададутся цѣлью прослѣдить судьбу дѣтей тишайшаго царя Алексѣя Михайловича, прижитыхъ отъ первой жены его, Марьи Ильиничны Милославской.

Всѣхъ ихъ было тринадцать человекъ и почти всѣ умерли рано, до времени. А кто выжилъ и даже царилъ, подобно Θεодору или Иоанну V Алексѣевичу, тѣ были хилы, слабы духомъ и тѣломъ. Дальнѣйшее потомство осталось лишь у Иоанна V, всего пять дочерей. Изъ нихъ царствовавшая десять лѣтъ Анна Иоанновна умерла безъ законнаго наслѣдника, оставивъ послѣ себя тоже довольно печальную память. Внука сестры своей, Екатерины Иоанновны, сына родной своей племянницы, Анны Леопольдовны, выданной за герцога Антона Брауншвейгскаго, младенца Иоанна III, назначила умирающая императрица своимъ преемникомъ при регентѣ герцогѣ Биронѣ, бывшемъ конюхѣ, а потомъ—всесильномъ фаворитѣ російской повелительницы...

Но судьба и тутъ стерегла своихъ «обреченныхъ».

Власть, попавшую въ слабыя, неумѣлыя руки, отважно и легко исторгла наслѣдница другой, болѣе счастливой линіи, Елизавета,

дочь Петра. И, несмотря на многіе дворцовыя перевороты, на всю игру случая, которому отведена была главнѣйшая роль въ исторіи Россіи XVIII вѣка, власть осталась въ рукахъ потомковъ Петра, рожденнаго тѣмъ же Алексѣемъ отъ второй жены, отъ простой, здоровой дѣвушки, отъ Наталіи Нарышкиной.

Оставаясь въ рамкахъ опредѣленной задачи, поставленной содержаніемъ настоящаго романа, нельзя теперь же коснуться этого широкаго вопроса, использовать всю историческую канву, на которой такъ причудливо переплелись люди и событія. Если въ настоящей хроникѣ удастся мнѣ съ новой стороны освѣтить «дѣло Мировича» и образъ многострадальнаго узника, императора Іоанна III, если эти двѣ тѣни яснѣе вырисуются, окруженныя толпою своихъ современниковъ, и теплая жалость проснется въ душѣ у читателя по отношенію къ тѣмъ, кто долго и мучительно страдалъ, чей даже прахъ давно ислѣлся въ невѣдомыхъ міру, позабытыхъ могилахъ,—большаго я и не жду и сочту, что скромную задачу свою удалось мнѣ выполнить до конца.

Л. Ж.

Царское Село,
1915 г.

Прологъ.

Дворцовый переворотъ

(24 ноября 1741 г.)

Ясный зимній день угасаль.

Шесть звонкихъ ударовъ прозвучало отъ Петропавловской крѣпости, пронеслось высоко въ воздухѣ надъ оледенѣлой Невой, и сейчасъ же мелодично и печально завели куранты свой неизмѣнный напѣвъ: «Коль славень...»

Зимній дворецъ стройной, затихшей громадой темнѣлъ въ сѣломъ сумракѣ, среди снѣговыхъ просторовъ рѣки, сосѣдней площади и ближнихъ улицъ, облитый сіяніемъ полной луны. Еще съ самаго полудня прозрачно-блѣдный, круглый ликъ луны сторожилъ въ небесахъ, когда скроется за чертою морскою красноватый ликъ солнца. И не успѣлъ тотъ уйти на покой, какъ его ночная сестра уже получила полную силу и заструила потоки зеленовато-золотистаго, невѣрнаго свѣта, обманчиваго и баюкающаго, какъ сама ночь.

Первые огоньки загорѣлись въ окнахъ дворца, въ смежныхъ съ нимъ богатыхъ домахъ и казенныхъ зданіяхъ, также какъ и въ казармахъ, протянувшихся безконечными корпусами здѣсь и

2*

тамъ, по сосѣдству съ дворцомъ. А навстрѣчу огонькамъ лѣваго берега вспыхнули, засверкали частые, прихотливо-разсѣянные огоньки въ окнахъ жилищъ, которыми окаймлень и правый берегъ красавицы Невы.

Только крѣпость, укрывая за своими стѣнами затаспную, незримую жизнь, не загорѣлась огоньками; ея темныя очертанія четко вырѣзались среди густѣющаго сумрака, какъ нѣмая угроза кому-то..

Свѣтомъ и блескомъ полны парадные покои дворца, гдѣ правительница Анна Леопольдовна на обычномъ куртагѣ принимаетъ высшую русскую знать и иностранныхъ министровъ-резидентовъ, посланниковъ и пословъ разныхъ державъ. Свергнувъ насильника Бирона, отдаливъ отъ себя затѣмъ и честолюбца Миниха, главнаго пособника въ совершившемся переворотѣ, принцесса Анна создала себѣ новыя связи, окружилась сильными людьми самыхъ различныхъ направленій и партій, стараясь выиграть время и упрочить за малюткой-императоромъ такъ удачно захваченную ею власть. Но въ то же время, заботясь о сынѣ, мать не забывала и себя; намѣчала кое-какія мѣры, при помощи которыхъ надѣялась закрѣпить власть лично за собой до совершеннолѣтія болѣзненнаго младенца-императора. И даже, въ случаѣ его преждевременной смерти, готовилась сама овладѣть престоломъ, для чего были сдѣланы необходимые шаги и даже составленъ заранѣе манифестъ.

Только ради такихъ сложныхъ, широкихъ плановъ, желая заручиться большимъ числомъ приверженцевъ и друзей, правительница,—застѣнчивая, нелюдимая по природѣ, преодолевая свою нелюбовь къ шуму, къ обществу,—принуждаетъ себя долгими часами оставаться среди толпы раззолоченныхъ придворныхъ, ласково улыбается однимъ, милостиво бесѣдуетъ съ другими, стараясь очаровать всѣхъ и привлечь на свою сторону прямыми поощреніями или неявными обѣщаніями...

А мысли ея далеко отъ этихъ шумныхъ покоевъ, отъ этой надѣвшейся давно, льстивой, продажной толпы чванныхъ и злыхъ людей.

Анна видитъ свою опочивальню, обширный покой, заставленный мягкой, удобной мебелью, гдѣ любитъ проводить цѣлые дни, накинувъ на себя просторный шлафрокъ, окутавъ платкомъ непричесанную голову, такъ часто страдающую отъ нестерпимыхъ болей. Рядомъ видится ей еще покой, гдѣ бѣлѣютъ двѣ дѣтскія кроватки: сына-императора, которому въ августѣ только исполнился годъ, и новорожденной дѣвочки, принцессы Екатерины.

Рожденный отъ нелюбимаго Анною, слабовольнаго занки-муха, принца Антона, первенецъ принцессы напоминаетъ лицомъ свою некрасивую мать и покойную императрицу Анну, сестру родной его бабушки, Екатерины Иоанновны, принцессы Мекленбургской. Зато дѣвочка пошла совсѣмъ не въ царскую семью.

Своимъ крохотнымъ, но уже поблѣвшимъ, хорошенькимъ личикомъ малютка удивительно напоминаетъ красавца графа Линара, только сегодня вернушагося въ невскую столицу изъ дипломатической поѣздки, которую поручила совершить правительница графу, своему всеми признанному фавориту.

Впервые увидавъ на пріемѣ у императрицы красавца-графа прибывшаго ко двору въ качествѣ посланника отъ польскаго и саксонскаго короля, принцесса Анна еще шестнадцатилѣтней дѣвушкой страстно полюбила Линара, при помощи подруги, фрейлины Юліаны фонъ-Менгденъ, завязала съ нимъ переписку и даже просила императрицу выдать ее замужъ за очаровательнаго иностранца.

Но государыня давно задумала выдать племянницу за владѣтельнаго принца, желая перваго же сына отъ этого брака сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, россійскимъ императоромъ.

Такъ все и вышло, какъ мечтала Анна Иоанновна. Но затѣмъ, по смерти императрицы, Линаръ, удаленный было на время, снова появился на берегахъ Невы. Когда же мать младенца-императора, свергнувъ Бирона, стала великою княгиней-правительницей, красавецъ-графъ немедленно занялъ опредѣленное положеніе фаворита и получилъ почетное званіе оберъ-камергера россійскаго двора.

Утомленный продолжительной тряской по русскимъ дорогамъ, которыя и зимою и лѣтомъ очень плохи, графъ вкратцѣ лишь доложилъ объ исходѣ порученія правительницѣ и не пошелъ на пріемъ, оставаясь ожидать Анну на ея половинѣ, въ маленькой угловой комнаткѣ, замѣняющей рабочій кабинетъ принцессѣ.

Здѣсь, въ полумглѣ, въ тишинѣ, протянувшись на мягкомъ диванчикѣ, такъ хорошо ему знакомомъ, разстегнувъ камзолъ и пряжки платья,—графъ скоро сладко и крѣпко уснулъ, пригрѣтый огнемъ камина, пылающаго между двумя высокими, рѣзными дверьми, ведущими въ дѣтскую императора и во внутренніе покои дворца.

Графъ спалъ довольно долго, когда осторожно раскрылась первая дверь и вошла сюда Юліана фонъ-Менгденъ, дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ, стройная, пухленькая, средняго роста, держа передъ собою небольшой канделябръ. Огни его ярко озаряли нѣжное, съ легкимъ румянцемъ личико, пріятныя и острыя черты котораго напоминали бѣлую мышку, готовую напроказить каждый мигъ...

Небольшіе, но живые, темные глазки дѣвушки, прорѣзанные немного наискось, по-китайски, рѣзко выдѣлялись на бѣломъ личикѣ, обрамленномъ невысокой прической изъ пудренныхъ

волось; локоны каскадомъ ниспадали на покатыя, декольтированныя плечи, оттѣняя вѣжныя линіи стройной, тонкой шейки.

Войдя на цыпочкахъ, Юліана прислушалась къ ровному, глубокому дыханію спящаго красавца, полюбовалась его лицомъ, сильной фигурой, небрежно раскинутой на диванѣ, осторожно подошла поближе и поставила канделябрь на столикъ у дивана.

Небольшая комната до сихъ поръ слабо была освѣщена пламенемъ камина; потомъ—прибавилось невѣрное мерцаніе свѣчей, горящихъ въ канделябрѣ. Пока его несли, свѣчи причудливо кидали лучи и тѣни по стѣнамъ. Теперь же вся комнатка озарилась ровнымъ свѣтомъ и приняла уютный, веселый видъ.

Прижавъ палецъ къ губамъ, словно удерживая смѣхъ, готовый хлынуть звонкой волною, глядѣла на спящаго дѣвушка, не зная, что ей дѣлать?

Должно быть, нервный графъ Линаръ сквозь сонъ почувствовалъ на лицѣ этотъ жадный взоръ влюбленной дѣвушки, или свѣтъ близкаго канделябра прокрался подъ закрытыя вѣки; но онъ зашевелился тревожно, на мигъ раскрылъ глаза, снова сомкнулъ ихъ, шурясь отъ свѣта. Потомъ внезапно совсѣмъ раскрылъ ихъ и, вскочивъ, сѣлъ на диванъ и торопливо сталъ приводить въ порядокъ свой нарядъ, бормоча:

— Боже мой, я заспался... Идетъ ея высочество, не правда ли?..

Звонкій хохотъ дѣвушки, прорвавшійся серебрянымъ каскадомъ, заставилъ графа остановиться на полусловѣ, на полужестѣ, и онъ застылъ съ выраженіемъ нѣмого вопроса на изумленномъ лицѣ.

— Успокойся, мой дорогой. Наша повелительница явится не раньше, чѣмъ черезъ полчаса или даже позже... Я только что была у императора и его сестры... Дѣвочка особенно прелестна, не такъ ли?..—лукаво грозя графу, бросила Менгденъ и, весело смѣясь, продолжала:

— Не даромъ Анна такъ любитъ малютку-дочь и ея... отца!.. Ха-ха-ха!.. Я, по приказанію принцессы, отпустила всѣхъ изъ дѣтской, даже мамку... Дѣти спать... Имъ никто не нуженъ... А мы ихъ побережемъ... Не такъ ли?.. И... поболтаемъ на свободѣ, мой милый женихъ... мой будущій супругъ!..

И, совсѣмъ какъ кошечка, она изогнулася своимъ стройнымъ станомъ, склонилась надъ сидящимъ, обожгла его глаза двумя поцѣлуями, острыми, словно укусъ пчелы, и сразу откинулася назадъ, видя, какъ жадно рванулись руки графа, желая охватить ея стройную талію.

Опытный красавецъ понялъ намекъ о полномъ ихъ одиночествѣ въ этихъ покояхъ и не заставилъ ожидать дѣвушку... Вторымъ движеніемъ онъ уже настигъ ее, привлекъ, усадилъ къ себѣ на ко-

лѣни и сталъ цѣловать все сильнѣе... все дольше не отрывая своихъ губъ отъ алаго ротика чувственной плутовки.

А та защищалась такъ слабо и только шептала:

— Ахъ, что ты дѣлаешь... могутъ войти... Моя пудра... Ты со-
всѣмъ испортишь мнѣ прическу. Да пожалѣй же... потише... моя
пудра!..

Когда жадные, бурные поцѣлуи графа прекратились на-
конецъ и онъ выпустилъ дѣвушку, она, вся пылающая, рванулась
съ дивана прямо къ зеркалу надъ каминомъ, стала приводить въ
порядокъ свой туалетъ, лифъ... Достала изъ хорошенькаго ри-
дикюля, висящаго на рукѣ, пудру, пушокъ и старательно при-
пудрила снова прическу, кое-какъ приведенную сю въ прежній
видъ.

— Боже мой, на кого я похожа!.. Что вы со мною сдѣлали?..
Что, если бы принцесса вдругъ вошла!.. Она обо всемъ бы дога-
далась и тогда... О, это ужасно!.. Вы еще смѣетесь!.. Ужасный че-
ловѣкъ!..

— Не плакать ли мнѣ, моя перламутровая змѣйка!—снова по-
дойдя къ дѣвушкѣ и теперь осторожно привлекая ее на грудь,
спросилъ графъ.

— Конечно, я часто готова рыдать... Меня мучить совѣсть,
едва я подумаю, что мы обманываемъ нашу благодѣтельницу...
Анна такъ намъ вѣрить... а мы... Это ужасно!—съ дѣланнымъ тра-
гизмомъ воскликнула хитрая дѣвушка, закатывая глаза.—Я...
знаете, я не выдержу и признаюсь принцессѣ... Будь что будетъ!..
Но обманывать лучшую свою подругу... Нѣтъ, это выше моихъ
силъ... Душа моя этого не выносить... Вѣдь мы...

— Что мы, дорогой мой мышенокъ?.. Ровно ничего особеннаго.
Мы—женихъ и невѣста по волѣ той же нашей повелительницы...
Это ей показалось необходимымъ, чтобы свое имя спасти отъ на-
реканій... Намъ очень скоро придется играть комедію законнаго
нѣжнаго супружества... Вотъ мы, какъ усердные актеры, и дѣ-
лаемъ небольшую пробу.

— О... ты!.. Ты ужъ слишкомъ усерденъ!—не выдержавъ при-
творства, искренно-горячо шепнула ему на ухо дѣвушка, снова
загораясь огнемъ при воспоминаніи о недавнихъ бурныхъ ла-
скахъ.—Плутъ!.. Ужъ молчи. Не то я опять стану смѣяться. А
теперь надо быть пайньками... скоро она придетъ... Намъ слѣ-
дуетъ успокоиться... Сядемъ, потолкуемъ...

— Какъ умныя дѣти?.. Идетъ! Кстати, я за двѣ недѣли отсут-
ствія мало что и слышала изъ здѣшнихъ новостей... Отчего ты такъ
опечалилась?.. Развѣ есть что-нибудь плохое?

— Какъ сказать... И сама я не пойму... Что-то готовится...

Какъ будто бы даже затѣвается съ нашей стороны... Она послушалась твоего совѣта... Готовъ манифестъ, которымъ императорская власть передается Аннѣ, если мальчикъ умретъ до совершеннолѣтія.

— Я вовсе не такъ думалъ...—перебилъ Линарь.

— Подожди, я знаю. Ты совѣтовалъ теперь же объявить себя полновластной государыней до того времени, пока императору исполнится шестнадцать лѣтъ... Но тутъ всѣ остерегають отъ подобнаго шага... Тѣмъ болѣе, что шведскія войска, несмотря на пораженіе, нанесенное имъ подъ Вильманстрандомъ, еще угрожаютъ нашимъ предѣламъ... А ихъ вождь, Левенгауптъ, выпустилъ и разослалъ по нашимъ городамъ дерзкій манифестъ, въ которомъ прямо говорить, что будто бы шведы явились по приказу своего короля, который намѣренъ избавить русскую націю отъ тяжкаго чужеземнаго притѣсненія и безчеловѣчной тираниі... Король шведскій желаетъ лишь предоставить Россіи свободное избраніе законнаго и справедливаго правительства...

— Это же явный намекъ на принцессу Елизавету Петровну!—вырвалось съ тревогой у Линара:—я давно говорилъ Аннѣ, надо окончательно убрать съ дороги эту опасную особу...

— И о томъ принято рѣшеніе... Вчера Тимирязевъ принесъ проектъ бумаги, которую вынуждена будетъ подписать Елизавета...

— Отреченіе?.. Полное?.. Наконецъ-то... За себя... и за своихъ будущихъ наслѣдниковъ...

— Отъ кого это?.. Отъ Разумовскаго?—спросила Юліана.

— Отъ него... и мало ли еще отъ кого другого можетъ случиться... А затѣмъ—монастырь!.. Не правда ли?

— Да! Все такъ ужъ и рѣшено... Вопросъ въ нѣсколькихъ дняхъ... Нужно столкнуться съ нѣкоторыми вліятельными лицами... обезопасить себя со стороны солдатъ, расположенныхъ къ дочери Петра...

— Солдаты!?. Вздоръ!.. Лишнихъ нѣсколько тысячъ червонцевъ... десятокъ бочекъ вина... и солдаты продадутъ свои услуги любому выходцу изъ ада, если ему, кромѣ ихъ пьяной души, понадобятся еще и острые палаши или птыки...

— Пожалуй, вѣрно, милый другъ... Но и о томъ надо подумать... Вотъ ты вернулся... Придется тебѣ похлопотать. Больше положиться ни на кого нельзя намъ. А ужъ тогда мы заживемъ спокойно... Имперія надолго и прочно очутится у насъ въ рукахъ...

И снова звонко и радостно расхохоталась дѣвушка, словно увидала передъ собою что-то очень веселое и пріятное...

Но тутъ же сразу погасила свой смѣхъ и стала прислушиваться, напоминая чуткаго звѣрька, стоящаго на тропѣ ночью.

— Слышишь, тамъ движеніе, голоса... Она сейчасъ придетъ... Ложись опять... Я скажу, ты не просыпался... Такъ лучше... Прости!.. Сегодня ночью я сплю у себя... Жду!..

Снова уколола друга поцѣлуемъ, прямо въ губы и скрылась, унося съ собою канделябръ, оставляя комнату въ полумгль, озаренную только огнемъ пылающаго камина.

Протившись съ блестящимъ обществомъ, собраннымъ на куртажъ, правительница, окруженная фрейлинами и нѣсколькими придворными дамами, съ горделивымъ видомъ, надменно-молчаливая, направилась на свою половину по пустыннымъ, ярко освѣщеннымъ покоемъ Зимняго дворца.

У дверей спальни, которыя были распахнуты пастежь двумя нажами, Анна остановилась, отпустила свиту и быстро переступила порогъ, за которымъ ее уже ожидала вѣрная Юліана фонъ-Менгденъ.

Дверь закрылась. Анна бросилась прямо на грудь своей подругѣ, невнятно шепча:

— Боже мой... я такъ измучена... Я такъ устала... Умираю отъ усталости... Въ постель, въ постель бы поскорѣе... Раздѣвай меня!..

Мгновенная перемѣна совершилась съ этой некрасивой, но еще молодой, стройной женщиной, такой величественной и властной на видъ за мигъ передъ тѣмъ.

Обычно маловыразительное, суровое лицо приняло жалкій, растерянный видъ, стало еще некрасивѣе и старообразнѣе, чѣмъ всегда. Нижняя губа отвисла, какъ это бывало у матери принцессы, Екатерины Иоанновны, и у слабоумнаго дѣда, Иоанна Алексѣевича, придавая тотъ же оттѣнокъ идиотизма и лицу принцессы.

Съ помощью подруги добралась усталая женщина до кушетки, опустилась на нее и, полулежа, оставалась почти неподвижной, пока Юлія раздѣвала и переодевала ее, суетясь, волнуясь и повторяя внушительно:

— Ну, что ты!.. Ну, перестань!.. Приди въ себя!.. Не маленькая, чай!.. Не изволь входить въ дезесперацію... Не съ чего, слышь... А и было бы съ чего, такъ все наладимъ. Графъ вернулся, такъ онъ намъ поможетъ хорошо... Успокойся... Ну, успокойся и скажи, что тамъ случилось?.. Да вотъ, на... понюхай соли... Сразу легче станетъ...

Изъ своего неизсякаемаго ридикюля Юлія достала флаконъ съ нюхательной солью, быстро поднесла его къ носу подруги-повелительницы.

Но та нетерпѣливо оттолкнула флаконъ вмѣстѣ съ услужливой рукой.

— Пусти! Оставь... не надо!—послышался истерическій выкликъ:—не помогутъ мнѣ твои соли... Голову... Голову скорѣе повяжи... Никто мнѣ не поможетъ!..

Юліана быстро взяла приготовленный платокъ, окутала и обвязала имъ голову Аннѣ, а та продолжала тоскливо вздыхать и вдругъ, разрывая воротъ свободнаго пеньюара, словно и онъ душилъ ее, запричитала тоскливо-жалобно:

— О-хъ, тоска меня давить... воздуху не хватаетъ... задыхаюсь... душно мнѣ!.. Чую... чую близкую бѣду... окружила она меня.. близко... И сказать о томъ даже некому... Ни на единого человѣка для опоры склониться не могу... Вѣрить некому... предатели кругомъ, кто посильнѣе... А кто вѣренъ, у тѣхъ силы нѣтъ... Ты?.. что ты можешь?.. А она, проклятая... Словно почувяла новости про монастырь... Что-то мнѣ готовить!.. Лордъ Финчъ мнѣ письмо нынче показаль, какое отъ его короля пришло... черезъ Копенгагенъ мнѣ вѣсти даютъ, что сильная партія встала за Елизавету... на гибель всему нашему дому... И сыну, и мнѣ... и всѣмъ!.. А я безсильна... Завтра же велю арестовать ее. Ни на что не погляжу... Пускай тамъ... будь, что будетъ!.. Послушай, скажи, Юліана... Почему дано все ей... этой проклятой, ненавистной женщинѣ!.. Красива, умна... всѣ за нее... Слушай, скажи по правдѣ... Слышь, неужто я ужъ такая противъ нея плохая... несчастная?.. За что?.. Почему?.. Дай зеркало!..

Вырвавъ у подруги небольшое ручное зеркало въ золотой оправѣ, Анна сначала не рѣшилась даже поглядѣть въ него, продолжая истерически выкрикивать свои безсвязныя, надрывистыя жалобы.

— Моложе, слышь, я ее. И кровь у насъ одна, царская... Права наши одни... У меня и поболѣ правъ... Мой дѣдъ—старше былъ, чѣмъ ея отецъ... И онъ сидѣлъ раньше на тронѣ... И тетка Анна моему сыну престоль отдала... Почему же за нее всѣ стоятъ?.. Чѣмъ чаруетъ она людей?.. Развѣ я ужъ такая?..

Не досказавъ, Анна кинула быстрый взглядъ въ зеркало, но, очевидно, безстрастное, холодное стекло дало слишкомъ неслестный отвѣтъ. Она съ силой отшвырнула зеркало, бормоча поблѣднѣлыми губами:

— Проклятая... Ненавистная!.. Видѣть бы, какъ она умирать станетъ... какъ корча станетъ ее ломать!.. Какъ потускнѣютъ темныя, огнистыя очи... пышная коса отвалится... какъ она... О, Господи!—вдругъ, въ припадкѣ набожнаго страха, обратясь къ кіоту, стала молить растерянная женщина:—Господи, прости мой грѣхъ!.. Защити младенца, отрока Іоанна... и отроковицу Екатерину... Не карай ихъ за безумныя слова мой!..

Долго, беззвучно молилась Анна, но, очевидно, какая-то посторонняя мысль мѣшала ей спокойно бесѣдовать съ Божествомъ. Физическій страхъ исказилъ и безъ того некрасивое лицо. То и дѣло кидала она взгляды въ уголъ, куда полетѣло брошенное зеркало, жалобно зазвенѣвъ стекломъ при ударѣ о паркетъ.

Наконецъ, не выдержавъ тревоги, Анна обратилась къ по другѣ:

— Взгляни... взгляни скорѣе... Тамъ... тамъ оно... скорѣе...

И въ ожиданіи отвѣта даже закрыла руками лицо, присѣвъ на скамеечку, стоящую передъ аналоемъ.

— Что такое, милая?!.. Да приди ты въ себя!—спокойно, словно не понимая словъ и страха больной женщины, спросила Юліана:— чего ты хочешь?

— Взгляни, говорю... Разбилось!.. Оно разбилось!.. Слышно было, звонко такъ упало. Скажи, разбилось?..

— А!.. Нѣтъ!—спокойно подымая зеркало и кладя его тамъ же, на столикъ, отвѣтила Юлія:—цѣлехонько, какъ и было.

— Врешь!.. Покажи... Покажи, говорю тебѣ, мерзкая!—злбно уже прикрикнула Анна:—слышь, лгунья подлая!.. И ты мнѣ лжешь... и ты меня за носъ водить затѣяла, на сворочкѣ держать хочешь... Кажи его сюда!.. Слышишь, гадина!.. А то и сама я...

Анна вскочила, но дѣвушка предупредила ее, теряя желѣзную выдержку и самообладаніе, которое помогало ей справляться съ необузданнымъ характеромъ госпожи.

— Ну, гляди... на, вотъ!—порывисто подала ей зеркало Юліана:— гляди, ежели глупостямъ вѣру даешь!.. Ну, разбито въ кусочки... Ну, и что же!..

— Нѣтъ, ничего!—совсѣмъ погасшимъ голосомъ, сразу словно обезсиленная, замѣтила Анна, опускаясь въ кресло, стоящее тутъ же:—вотъ... когда теткѣ Аннѣ помирать... за три дня передъ тѣмъ тоже большое зеркало въ гардеробѣ... натрое расколосось... треснуло.

Сказала—и застыла, почти безмысленно глядя передъ собою неподвижнымъ взоромъ, а нижняя губа отвисла еще больше.

— Милая!.. Да ей же сколько лѣтъ было!—стараясь казаться веселой, притворно-беззаботнымъ тономъ подхватила Юлія, особенно не любившая такихъ припадковъ апатіи въ своей подругѣ.— Да и хворала сильно государыня... А и то сказать: зеркало-то въ гардеробѣ само по себѣ кокнуло—расколосось.. а не кто-либо его такъ... объ землю!.. Попробуй, вонъ, деревянный свой шифоньеръ такъ стукни... не то стеклышко... и онъ развалится!.. Ну, подурили и будетъ, *chère princesse!*..

— Господи, дай силъ...—словно не слыша уговоровъ Юліаны, шептала Анна, сидя попрежнему неподвижно, съ окаменѣлымъ взглядомъ...

— Что ты тамъ причитаешь еще?.. Ну, скажи, милая... Ну, прошу тебя!..—взмолилась, не на шутку встревоженная, дѣвушка.

— Силья прошу у Господа... Измучена я!.. Тетка... Биронъ.. всѣ угнетали... Теперь и власть у меня... а покою нѣту... Господи, дай силы...

Обѣ затихли. Часы въ крѣпости пробили десять. Удары пронеслись гулко въ морозномъ воздухѣ и смолкли.

Анна, словно прислушиваясь къ звону или къ чему-то иному, слышному только ей одной, вдругъ стала тихо напѣвать мотивъ похороннаго марша.

— Тра-ра-ра-рира-та-та! Тра-ра-ра...

— Милая... что съ тобою... очнись!.. Опомнись! — стала молить подругу Юлія, осторожно хватая ее за руки, за плечи.

— А что... ничего!—словно просыпаясь, заговорила Анна:—чего ты испугалась?.. Или тоже разслышала...

— Что тамъ еще я услышать могла?..

— Маршъ похоронный играютъ за окномъ... тотъ самый, что на погребеньи у государыни покойной... Слышишь: тра-ра-ра...

— Тыфу ты, Господи!—всплеснула даже руками Юліана:—очнись! Что ужъ нынче мерещиться тебѣ стало?.. Часы бьютъ... Да куранты въ покояхъ въ дальнихъ играютъ на новыхъ часахъ, что изъ Англій тебѣ присланы... А тебѣ померещилося... Господи... Хоть лекарей зови, да и только... Положимъ, одинъ ужъ и то наготовѣ!—лукаво улыбаясь, рѣшительно заговорила дѣвушка, прибѣгая къ послѣднему средству:—пойду, разбужу графа... Онъ такъ сморился, что и не слышалъ, какъ я заходила провѣдать его... Отведешь съ нимъ душу; авось и страхи всѣ глупые позабудешь... Сейчасъ я...

— Постой, погоди!—оживляясь, остановила подругу правительница:—развѣ не видишь, на кого я похожа... Страшная, блѣдная, словно мертвецъ... Румяна дай... и все тамъ... Волосы поправь... такъ!.. брови подведи... рѣсницы... Поди, слезами смыла все... Готово... Ну, погляжусь теперь... Ничего... Хоть не страшная стала, какъ прежде... Туды зови его... Къ дѣтямъ я пройду... взгляну... за нихъ помолюся...

Юліана быстро вышла. Анна тоже перешла въ сосѣдній покой, подошла сперва къ богатой колыбели подъ балдахиномъ съ императорской короной наверху, гдѣ подъ горностаевымъ одѣяльцемъ спалъ Іоаннъ.

Съ тоскою и любовью глядѣла мать на блѣдное, худенькое личико младенца. Глаза его, какъ вообще у припадочныхъ дѣтей, были полуоткрыты и обведены черною тѣнью. Онъ порывисто дышалъ и сильно вздрагивалъ во снѣ.

«Какой заморышек!—думала мать:—какъ блѣдень... и все вздрагиваетъ во снѣ... Хорошо, что хоть припадка не было, вотъ ужъ третій день... Авось, окрѣпнетъ... Господи!..»

Перейдя затѣмъ къ постелькѣ дочери, полненькой и румяной въ ея два мѣсяца отъ роду, Анна залюбовалась малюткой совѣмъ съ иными чувствами и, нѣжно улыбаясь, даже тихо стала напѣвать колыбельную пѣсню, подслушанную ею у кормилицы:

Спи, малюточка, ясна звѣздочка!..
Почивай, усни, сладкій сонъ мани!.. Баю-баюшки!..

Потомъ пришла головою къ спеленатымъ ножкамъ малютки и тихо зашептала:

— Господи... я буду терпѣть... Я все снесу... Дѣтямъ моимъ только бы горя не знать... Господи!..

— Какое дивное зрѣлище!—прозвучалъ въ дверяхъ голосъ Линара, который показался въ покоѣ безъ Юліаны. Та скромно осталась рядомъ, въ опочивальнѣ Анны, оберегая покой влюбленныхъ отъ неожиданнаго вторженія чьего-либо:—отчего я не художникъ, не ваятель!—съ дѣланнымъ наѣсомъ продолжалъ фаворитъ.

Попѣлуй Анны, поспѣшившей ему навстрѣчу, прервалъ его тираду.

— Милый!.. Наконецъ-то я тебя вижу!.. На свободѣ... наединѣ!.. Ты усталъ... Но мнѣ не хотѣлось тебя отпускать... Столько дней разлуки! Вы не разлюбили, графъ, своей Ани?..

— Можно ли спрашивать!?. А вы меня?..

— Вы даже не смѣете спрашивать!.. Наконецъ, мои письма... развѣ они не все сказали вамъ!..

— О, нѣтъ!.. Я чувствую, я знаю... Милая... повелительница моя...

— Нѣтъ... вы—мой повелитель!.. Какъ бы я хотѣла быть вашей передъ всѣми... безъ притворства и лжи... безъ укрытѣя!.. А если бы Господь взялъ у меня до срока его... моего Ваню... я бы хотѣла, чтобы вашъ... чтобы нашъ ребенокъ занялъ тронъ... И выросъ бы такой же отважный, умный и сильный, какъ его отецъ... и склонился бы передъ нимъ—цѣлый мѣръ!..

— Божество мое!—сильно обнимая некрасивую, но въ этотъ мигъ оживленную, похорошѣвшую женщину:—ежели бъ вы знали.. Голова моя горитъ... Мнѣ хочется шептать вамъ столько... такихъ нѣжныхъ словъ... Милая...

— И у меня кружится голова... сердце замираетъ... Только здѣсь—молчите!.. Уйдемъ... При нихъ—молчите... Туда!..

И она увлекла графа въ небольшую уборную, сосѣднюю съ дѣтской и съ ея опочивальней, гдѣ мягкая мебель, разставленная кругомъ, звала къ нѣгѣ и ласкамъ...

Юліана въ это самое время въ опочивальнѣ Анны, взявъ какую-то книгу, придвинула ближе къ камину кресло, столикъ со свѣчой, усѣлась и разсѣянно перелистывала страницу за страницей, чутко прислушиваясь къ шопоту, долетающему изъ уборной, къ шуму шаговъ, нарастающему и стихающему по сосѣднимъ коридорамъ и покоямъ, когда прислуга или часовые, дежурящіе вблизи, мѣрили изъ конца въ конецъ затихшіе переходы дворца.

Неожиданно чьи-то знакомые, невѣрные, тяжелые шаги слышались за входною дверью. Послышался стукъ. Юліана вздрогнула, но слегка гнусавый голосъ заики-принца, прозвучавшій сейчасъ же, успокоилъ дѣвушку.

Принцъ Антонъ что-то говорилъ дежурному камеръ-лакею, который сопровождалъ его.

— Кто тамъ!—громко окрикнула Юліана:—ея высочество изволить почивать... Кто это смѣетъ тревожить?..

— Барр-ронесс-са, э-э-это я!—послышался тягучій отвѣтъ. Судя по голосу, принцъ былъ сильно нетрезвъ.—Этто—я!.. По в-важж-жному дѣбъ-ѣблу... отво-оорите!.. Ска-аажите женѣ: крайне-ее спѣбъ-ѣшно... Что-оо-же вы моо-оолчите?!.

Пока онъ говорилъ, Юліана распахнула дверь, ведущую въ уборную, и громко, такъ что могла слышать Анна, подала голосъ принцу:

— Это вы, ваше высочество!.. Я разбужу... скажу... только врядъ ли можно будетъ вамъ свидѣться... Принцесса совсѣмъ больна... Сейчасъ придетъ врачъ...

— Hundert Teifel!..—грубо выругался Антонъ:—воо-ть не въ чаа-ась захвоо-оорала! Ннну-не стаа-ану тревоо-ожить... Ннну-у, я поо-ойду... добро-оой ноо-очи!.. А-а-а вы—че-еертенокъ, баронесса... Право, чертенокъ!.. Бѣбъ-ѣсенокъ...

Голосъ, бормоча, удалился... Стихли шаги.

Анна и Линаръ показались въ спальнѣ, охваченные тревогой.

— Что ему надо?.. Онъ здѣсь?—шепнула Анна подругѣ.

— Ушель!—громко успокоила Юліана:—я сказала: мы ждемъ врача...

— И отлично... Сейчасъ—я его видѣть не могу... Пока—до завтра, графъ!.. Берегите себя. Вы не забыли портфель?..

— О-нѣтъ!—и Линаръ тронулъ боковой карманъ мундира, гдѣ лежалъ туго-набитый бумажникъ, только что переданный ему влюбленной правительницей:—благодарствую за все... а за память—особливо!.. Почивайте спокойно... И вамъ—доброй ночи, нашъ ангель-хранитель!—графъ церемонно поцѣловалъ руку Юліи.

— Проводи его сюда!—указывая на замаскированную потайную дверь у изголовья своей пышной кровати, сказала Анна:—такъ будетъ лучше... никто не увидитъ... Завтра—жду!

Они обмѣнялись воздушнымъ поцѣлуемъ.

Юліана раскрыла потайную дверь, за которой темнѣлъ узкій проходъ въ стѣнѣ, ведущій къ Лебяжьему каналу. Графъ, скрываясь, успѣлъ шепнуть ей:

— Приду... не забудь!—и тѣма поглотила его.

Юліана захлопнула дверцу, незамѣтную въ стѣнѣ.

Вернувшись къ подругѣ, дѣвушка застала ее у камина, мечтательную и грустную.

— Боже мой... какъ я счастлива... и какъ я несчастна!—блѣдно улыбаясь, шепнула Анна.

— Вѣрю... понимаю... Но... пора спать!—принимаясь за ночной туалетъ принцессы, рѣшительно заявила Юліана.

— Да... пора... пора!—отдаваясь въ распоряженіе дѣвушки, согласилась Анна. И пока та расчесывала ей на ночь волосы, снимала лишнее платье, мѣняла бѣлье, Анна, закрывъ глаза, говорила:

— Знаешь, я устрою маскарадъ... Ему и себѣ, Жюли, я сдѣлаю нарядъ особенный, «генія изъ царства голубой феи»... Голубое все... усыпанное брильянтами... чтобы слѣпило глаза... А потомъ... Стой!.. Снова, слышишь?!—вздрагнувъ, испуганно зашептала Анна, уже стоя у постели, куда собиралась уложить ее Юліана.

— Что еще опять!.. Ничего не слышно!—досадливо отозвалась дѣвушка, вслушиваясь въ окружающую тишину:—за дверью шагаетъ дежурный часовой...

— Не то... глупая, недогадливая какая ты нынче... За окномъ... снова звучитъ этотъ маршъ.

— Вѣтеръ шумитъ въ деревьяхъ сада... вотъ и все!..—стоя у окна, пояснила Юлія.

— Безтолковая ты совсѣмъ... Спать ступай... Я тоже хочу...

И Анна плотнѣе укуталась въ одѣяло.

— Спасибо на милости... доброй ночи!—обиженнымъ тономъ отозвалась Юліана, на дѣлѣ очень довольная такимъ поворотомъ, и пошла къ дверямъ.

Но Анна соскочила съ постели, быстро нагнала подругу, обняла, увлекла къ постели, усадила съ собою рядомъ.

— Нѣтъ... нѣтъ... прости меня!.. Я не думала обидѣть... Знаешь, Жюли, это у меня отъ отца. Вспылю—и все забуду!.. Я не отпущу тебя... Не пойму я, что нынче со мною... Сердце такъ щемитъ... Который часъ?

— Полночь... Чу... и куранты бьютъ, слышишь!.. Пора угомониться... Ляжемъ и уснемъ!—со вздохомъ проговорила Юліана:—я потушу огонь...

Анна, слушавшая, какъ перезванивали «куранты» за Невой, вздрогнула.

— Нѣтъ... не надо, не туши... Пусть горитъ. Я не выношу темноты... Лампадъ мнѣ мало... Пусть свѣтло бу... Ай... кто тамъ!—

глядя въ темный уголь за изголовьемъ постели, вскрикнула Анна, заражая и подругу своимъ ужасомъ.

— Гдѣ?.. Кто!..—спросила Юліана, глядя въ тотъ же уголь расширенными глазами и крѣпко обнимая Анну, прижавшуюся къ ней:—ты просто больна!.. Я позволю, позову кормилицу, людей...

— Нѣтъ... нѣтъ, не надо!—успокаиваясь, прошептала Анна:—мнѣ сейчасъ такъ ясно привидѣлось... будто покойная государыня стоитъ тамъ, въ углу... гдѣ эти зыбкія тѣни...

— Весь день думала о ней, вотъ и почудилось!—снова овладѣвъ собою, замѣтила Юліана.

— Да... да!.. Давай, помолимся, Жюли... Ты—бѣришь?.. Молись... и я буду...

Ставъ на колѣни передъ кіотомъ, гдѣ мерцали неугасимыя лампы, она стала тихо и усердно молиться. Юліана пробормотала тоже нѣсколько словъ въ родѣ молитвы и пошла доканчивать свой ночной туалетъ.

— Ну, вотъ, и легче стало!—соннымъ голосомъ заявила Анна, кончая молитву и укладываясь въ постель:—иди скорѣй ко мнѣ... мнѣ будетъ не такъ страшно... Веселѣе вдводемъ...

Послѣднія слова уже трудно было разобрать. Сразу, глубоко, какъ засыпають дѣти, заснула эта нервная, измученная тревогами женщина.

Юліана, окончивъ свой ночной туалетъ, тоже повязала платкомъ распущенные волосы, сняла чулки, сбросила пеньюаръ и уже собиралась забраться на постель, зайдя съ другой стороны и приподнявъ тяжелый, штофной пологъ. Но Анна вдругъ застонала, стала шевелиться во снѣ, бормоча что-то. Юліана прислушалась и разслыхала невнятную мольбу.

— Нѣтъ... нѣтъ!.. Пу...сти... Пусти!.. Ахъ!..

Съ крикомъ очнулась отъ своего кошмара правительница и сѣла на постели, дрожащая, блѣдная, съ лицомъ, покрытымъ потомъ. Озираясь тупо, она продолжала бормотать, словно въ полуснѣ:

— Что со мною?.. Гдѣ я?.. Въ тюрьмѣ!.. Гдѣ сынъ?.. Взяли?.. Увели?.. Сынъ!..

— Господь съ тобою! Мы—здѣсь, во дворцѣ!—Успокойся!—подавая пить, заговорила ласково дѣвушка:—что тебѣ приснилось? Приди въ себя...

— Ничего!—все еще тупо озираясь, откликнулась соннымъ голосомъ Анна:—потомъ тебѣ скажу... Такой сонъ... Сейчасъ—мнѣ тяжело говорить!.. Спать хочу смертельно... Передъ бѣдою такъ спится, говорить!..

И уже снова голова опустилась на подушки, а черезъ нѣсколько мгновеній сильное, ровное дыханіе, стало подымать нѣжную, красивую грудь Анны такъ спокойно, какъ бываетъ только въ глубокомъ снѣ.

Убѣдясь, что тревога прошла, Юліана тоже улеглась, мечтами переносясь въ свою комнатку тутъ же, во дворцѣ, гдѣ въ эту самую минуту, быть можетъ, Линаръ стучится осторожно у запертыхъ, нѣмыхъ дверей...

«А что, если потихоньку убѣжать... на минутку?.. Только сказать ему... что нельзя... что я должна быть при больной принцессѣ... да... такъ лучше будетъ!..»

Еще прислушавшись къ дыханію спящей, Юліана накинула на рубаху капотикъ, въ мягкихъ туфляхъ беззвучно скользнула по ковру и черезъ дверь, ведущую въ уборную, исчезла изъ спальни.

Тишина воцарилась кругомъ. Слышно было, какъ мышь скреблась гдѣ-то въ углу, какъ трещали въ каминѣ дрова, подброшенные недавно самою Юліаной...

Вдругъ за входной дверью послышались сдержанные, но тяжелые шаги нѣсколькихъ человѣкъ, звякнуло что-то и стихло, словно оружіе столкнулось штыкъ о штыкъ на ходу... Негромкій женскій голосъ отдалъ короткое, властное приказаніе... Дверь распахнулась, и порогъ опочивальни безъ всякихъ предупреденій переступила тучная женщина средняго роста, окутанная военнымъ плащомъ. Кираса, надѣтая сверхъ лифа, блестяла на груди, которая сильно вздымалась, какъ бы отъ послѣднаго бѣга.

За нею толпилось нѣсколько рослыхъ гвардейцевъ-гренадеръ, среди которыхъ замѣшалось нѣсколько преображенцевъ и севеновцевъ въ своихъ яркихъ мундирахъ и высокихъ киверахъ. Всѣ были съ оружіемъ, лица у нихъ были возбужденныя, красныя, столько же отъ морознаго воздуха, какъ и отъ вина, розданнаго имъ передъ началомъ «дѣйствія»... Запахъ алкоголя разливался отъ солдатъ, смѣшиваясь съ тонкимъ ароматомъ, наполняющимъ комнату, исходящимъ отъ одежды и бѣлья двухъ женщинъ, здѣсь проводящихъ ночь.

За дверью видна была еще болѣе многочисленная группа гвардейцевъ и среди нихъ—фаворитъ Елизаветы, Алексій Разумовскій, ея врачъ Лестокъ, душа заговора, блестящій Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, преображенскій поручикъ Грюнштейнъ и другіе.

Цесаревна, оставивъ ихъ въ пріемной, вошла одна въ опочивальню къ Аннѣ. Поглядѣвъ на правительницу, которая спала, ничего не чуя, Елизавета сильнымъ, груднымъ голосомъ громко проговорила:

— Пора вставать, сестрица!..

Такъ называла она Анну, хотя та и приходилась ей племянницей.

Раскрывъ глаза, Анна увидала надъ собою румяное, красивое лицо «сестрицы-тетки». Каптановы, пышные волосы на ходу

выбились изъ-подъ офицерской треуголки, надѣтой вмѣсто обычнаго головного убора.

Думая, что тяжелый сонъ еще продолжается, Анна стала протирать глаза... Нѣтъ... Лицо слишкомъ четко обозначается, залитое свѣтомъ.

— Какъ... это ты, сударыня?!—сначала сурово заговорила растерянная женщина, не понимая, какъ попала ея соперница въ этотъ покой ночью, когда караулы семеновцевъ разставлены по всему дворцу, а преданный генераль-адъютантъ, Петръ Салтыковъ, дежурить во главѣ ихъ... Но слѣдующій взглядъ Анны скользнулъ мимо Елизаветы по рослымъ фигурамъ солдатъ, стоящихъ поодаль... Она поморщилась, почуявъ запахъ вина и зимней заношенной аммуниціей, пропитанной потомъ... И все поняла.

— Такъ вотъ что!—прошептала, совершенно подавленная, Анна:—я погибла!.. Мы—погибли... Переворотъ... заговоръ... Но... молю васъ... принцесса!.. Сестрица!.. Не трогайте моихъ дѣтей... Я и мужъ... мы готовы на все!.. Уѣдемъ... не вернемся сюда никогда! Владѣйте трономъ спокойно и навсегда!.. Только—пощадите малютокъ...

И, скользнувъ съ постели, Анна даже припала къ колѣнямъ цесаревны, стала ловить ея руки, желая ихъ облить слезами, цѣловать, только бы была исполнена просьба матери, не нанесли бы вреда двумъ невиннымъ существамъ...

— О, успокойтесь!—мягко, съ неожиданнымъ приливомъ состраданія заговорила Елизавета, въ которой до этой минуты страхъ за себя, опасеніе неудачи—подавляли всѣ остальные человѣческія чувства. Только сейчасъ, видя, какъ легко все устроилось, какъ безъ единой капли крови досталась ей полная побѣда, Елизавета выказала себя кроткой, доброю женщиною, какою была отъ природы. Поднявъ Анну, она обняла ее, усадила и проговорила твердо, почти торжественно:

— Ни вамъ, ни дѣтямъ вашимъ бояться нечего... И никому иному... Еще собираясь итти на нынѣшній подвигъ, рѣшивъ вернуть себѣ наслѣдіе отца, какъ того пожелали наши вѣрныя войска и иные... я тогда же дала передъ Богомъ клятву: никого не губить, не убивать и не казнить до смерти!.. И вамъ особливо бояться нечего... Я понимаю: вы и сами не виноваты... Но... власть, полученная вами незаконно, должна быть моею... Одѣвайтесь... собирайтесь... Я приказала не тревожить младенца-императора... Его я возьму съ собою... А принцъ Антонъ... Онъ, должно быть, тоже ужъ готовъ и ожидаетъ васъ внизу... Отсюда васъ перевезутъ пока въ Лѣтній дворецъ... А тамъ... посмотримъ...

— Одну?..

— Нѣтъ... съ дѣтьми, съ супругомъ... со всѣми наиболѣе близкими фрейлинами и прислугой... Вы назовете ихъ...

— Юліана... моя Юліана!

— Я здѣсь!—откликнулась Мендгенъ, стоя на порогѣ дѣтской, все въ томъ же пеньюарѣ:—меня не пускали... Я здѣсь!..

И она кинулась на помощь Аннѣ, начавшей терять силы.

Ребенокъ-императоръ, напуганный суматохой, необычнымъ говоромъ и шумомъ, заплакалъ въ сосѣднемъ покоѣ.

— Пусть кормилица съ няней несутъ малютку и сестру его внизъ, въ караулку... Я иду туда!—распорядилась Елизавета:—а вы одѣвайтесь и тоже приходите скорѣе, сестрица.

И милостиво, по-царски, поклонившись растерянной, низложенной правительницѣ, новая повелительница Россіи вышла изъ опочивальни.

А когда ребенка—сверженного императора—принесли къ ней въ караулку, Елизавета совсѣмъ растрогалась. Она взяла на руки Іоанна и проговорила, взволнованная:

— Бѣдное дитя!.. Ты—невинно... Но родители твои несутъ тяжкую вину и должны поплатиться за нее...

Черезъ полчаса вся «Брауншвейгская фамилія», какъ называли въ народѣ и при дворѣ Анну, ея мужа и дѣтей,—была увезена въ Лѣтній дворецъ.

На русскій тронъ вступила Елизавета, дочь Великаго Петра. Несмотря на морозную ночь, народъ толпился по Невскому, встрѣчая сани цесаревны громкими кликами:

— Урра!!! Да здравствуетъ государыня Елизавета Петровна!

Малютка Іоаннъ, за свое короткое царствованіе уже привыкшій къ этимъ проявленіямъ народнаго восторга, развеселился и сталъ улыбаться, махать ручками, вырываясь изъ объятій Елизаветы, которая везла его, заботливо кутая въ теплый плащъ.

— Бѣдняжка!—грустно улыбаясь, замѣтила она Разумовскому, сидящему рядомъ:—онъ доволенъ!.. Ты не знаешь, малютка, народъ кричитъ и радуется, что ты—лишился короны!..

Остерманъ, Минихъ, Бестужевъ-Рюминъ, Головкинъ, Левенвольде и многіе другіе вліятельные приверженцы Брауншвейгской фамиліи были арестованы въ ту же ночь и на утро увезены въ Шлиссельбургъ...

Безкровный переворотъ 24-го ноября 1741 года совершился.

Левъ Ждановъ,

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ К. А. МАННА ¹⁾.

III.

Происхождение богатства Лазаревыхъ.—Основаніе Лазаревского института восточныхъ языковъ.—Заботы о немъ Лазаревыхъ.—Поступленіе въ институтъ автора воспоминаній.—Положеніе образовательной части въ институтѣ.—И. И. Давыдовъ, П. П. Рیمانъ.—Учительскій персоналъ.—Ө. Л. Морозкинъ, П. М. Перевлѣскій, В. П. Гривцовъ.—Результаты пребыванія автора въ институтѣ.—Семейныя затрудненія.

ИЗВѢСТНО, что большое состояніе Лазаревыхъ находится въ связи съ пріобрѣтеніемъ русскимъ правительствомъ третьяго въ мірѣ по необыкновенной величинѣ своей (194³/₄ карата) алмаза, одного изъ чудесъ минеральнаго царства, служащаго украшеніемъ императорскаго скипетра. Алмазъ этотъ былъ поднесенъ императрицѣ Екатеринѣ ея фаворитомъ, княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ и былъ пріобрѣтенъ покупкою у тогдашняго придворнаго банкира (впослѣдствіи графа, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и командора) Ивана Лазаревича Лазарева. Относительно же способа появленія этой необычайной драгоценности въ Россіи сложились легенды. Одни утверждали, будто алмазъ выкраденъ изъ казнохранительницы Надиръ-шаха; другіе—будто онъ пріобрѣтенъ былъ Лазаревымъ за безцѣнокъ отъ какого-то не знавшаго ему цѣны челоуѣка; третьи—будто какой-то кавказскій житель, по порученію Лазарева, врѣзалъ драгоценный камень себѣ въ ногу и въ такомъ видѣ перенесъ его изъ Индіи черезъ Кавказскія горы и доставилъ въ Петербургъ.

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СХVII, стр. 43.

Одинъ изъ воспитанниковъ института восточныхъ языковъ, впослѣдствіи инспекторъ его, уроженецъ Индіи, человѣкъ весьма образованный и серьезный, Николай Осиповичъ Эминъ сообщилъ въ 1866 году въ «Русскій Архивъ» современныя подлинныя бумаги, разъясняющія это дѣло.

Подлинное донесеніе астраханскаго мѣщанина Гилянчева тамошнему губернатору И. И. Якобію 1778 года свидѣтельствуесть, что тестъ его, Гилянчева, армянинъ Григорій Сафразъ, родомъ жулфинецъ (въ Индіи), переѣхавшій въ Россію изъ Голландіи, купилъ «рѣдкую въ свѣтѣ вещь, алмазный камень дорогой цѣны». Сафразъ считался астраханскимъ купцомъ, а Иванъ и Якимъ Лазаревы были родные его племянники. Камень этотъ въ 1767 году былъ положенъ на сохраненіе въ голландскомъ банкѣ, и потомъ въ 1772 году проданъ племяннику Ивану Лазареву за сто двадцать пять тысячъ рублей, а въ 1774 году перепроданъ князю Орлову за чтыреста тысячъ рублей съ уплатой въ семилѣтніе сроки.

Основателемъ института восточныхъ языковъ гг. Лазаревыхъ былъ графъ Иванъ Лазаревичъ Лазаревъ. У него возникла мысль учредить учебное заведеніе для армянъ въ Москвѣ, и онъ, умирая, оставилъ своему младшему брату, Якиму Лазаревичу, средства для выполненія этой воли, именно двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями. Учебное заведеніе, открытое въ 1815 году, по первоначальной мысли учредителей, предназначалось для тридцати бесплатныхъ воспитанниковъ изъ дѣтей бѣдныхъ армянъ и состояло изъ четырехкласснаго училища. Первоначальное число воспитанниковъ съ двадцатыхъ годовъ начало значительно увеличиваться своекоштными пансіонерами и приходящими. Вообще надо отдать справедливость либерализму Лазаревыхъ. Они учреждаютъ училище не гдѣ-нибудь на окраинахъ Россіи, поближе къ своимъ, но въ центрѣ государства, въ Москвѣ, гдѣ есть университетъ, изученіе русскаго языка они дѣлають основою всего образованія, причеьмъ вскорѣ уже начинаютъ принимать пансіонеровъ безъ различія націй и вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ, никакого фанатизма, никакихъ узкихъ племенныхъ взглядовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они хлопочуть всѣми силами, чтобы сдѣлать институтъ равноправнымъ съ гимназіями, чтобы онъ подготовлялъ къ университету, чтобы ему предоставлены были права и преимущества учебныхъ заведеній второго разряда вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было испрошеніе въ 1824 году высочайшаго соизволенія на подчиненіе института главному начальству всесильнаго графа Аракчеева. Послѣ этого главное завѣдываніе институтомъ переходило преемственно къ главноначальствующимъ третьимъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. Благодаря этому могущественному покровительству, институтъ въ 1837 году получилъ права и преимущества учебныхъ заве-

деній второго разряда. Съ этого времени до слѣдующаго преобразованія, послѣдовавшаго въ 1848 году, когда институтъ былъ сдѣланъ лицеемъ для изученія восточныхъ языковъ, т. е. въ тотъ періодъ, когда я тамъ воспитывался, это было заведеніе съ программой общаго гимназическаго курса, усиленнаго для желающихъ преподаваніемъ персидскаго и турецкаго языковъ (армянскій языкъ былъ обязательенъ только для однихъ армянъ). Пожертвованія фамиліи Лазаревыхъ были очень велики и простирались въ первое пятидесятилѣтіе института, за которое я имѣю свѣдѣнія, до 862 тысячъ рублей.

Въ одинъ воскресный день августа 1839 года меня повезли въ армянскій институтъ. Матушка выбрала праздничный день подъ тѣмъ предлогомъ, что будто я въ воскресенье нѣсколько попривыкну и въ понедѣльникъ могу уже приняться за ученіе. Но «умыселъ другой тутъ былъ». Понедѣльникъ былъ уже рабочій день, и матушка съ утра должна была ѣхать на уроки; воскресенье же было свободно, и она могла забросить меня въ институтъ на пути изъ воспитательнаго дома въ холерное заведеніе. На калибернаго извозчика въ этотъ разъ помѣстились бокомъ лицами въ противоположныя стороны матушка и еще какая-то толстая Анна Алексѣевна, что-то вродѣ приживалки временъ владимирскаго періода съ узломъ. Меня также куда-то между ними приткнули. Въ институтѣ уже побѣдали, и толстый нѣмецъ, Карлъ Андреевичъ Гуттендорфъ, типичный булочникъ, храпѣлъ на диванѣ въ пріемной, когда меня туда ввели. Меня передали съ рукъ на руки, и я страшно разрыдался, когда дверь затворилась за матушкой и я остался въ первый разъ въ жизни въ совершенно незнакомомъ домѣ, посреди незнакомыхъ людей. Гуттендорфъ, послѣобѣденный сонъ котораго такъ неприятно нарушили, и который, повидимому, хотѣлъ продолжать его, передразнилъ меня, какъ я плачу, и, увидавъ, что черезъ коридоръ проходитъ одинъ изъ воспитанниковъ, велѣлъ ему отвести меня въ садъ. Я зашагалъ, всхлипывая, внизъ по чугунной лѣстницѣ и черезъ темный широкій коридоръ. Садъ поразилъ меня своимъ великолѣпіемъ. Въ сущности очень небольшой и плохо содержимый, онъ послѣ церковнаго двора показался мнѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ. А тутъ посреди его я увидалъ еще какую-то пирамиду съ золотымъ шаромъ на вершинѣ: небольшой четырехгранный столбъ съ надписями на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ черными буквами въ память основателей института и со стихами въ честь ихъ. Эти вирши на русскомъ и армянскомъ языкахъ еще долгое время составляли для меня предметъ благоговѣнія: какіе, должно быть, это великіе люди, что памятникъ имъ поставленъ! Въ саду было пусто, потому что большинство воспитанниковъ по случаю праздничнаго дня было распущено по домамъ, а въ заведеніи оставались только тѣ, у которыхъ не было ни рода, ни племени. Въ одномъ углу

играли въ лапту. Занятіе было интересное, но воспитанники говорили на какомъ-то незнакомомъ мнѣ языкѣ. Другіе ходили парочками, о чемъ-то разсуждали и осматривали новичка съ ногъ до головы. Я вошелъ вглубь одной аллеи и очутился въ той половинѣ сада, которая была предназначена, какъ я не замедлилъ узнать, для взрослыхъ, для учениковъ высшихъ классовъ, какъ особая привилегія лѣтъ и познаній. Здѣсь я увидѣлъ нѣсколькихъ Голяфовъ, по крайней мѣрѣ по сравненію со мною, потому что я долженъ былъ въ то время представлять очень невзрачную фигурку: худой, тщедушный, блѣдный, въ какомъ-то подобіи казакина съ густо собранными сборками вокругъ талии, передѣланномъ изъ стараго байкового салона матушки. Я дошелъ до угловой бесѣдки, гдѣ нѣсколько такихъ Голяфовъ о чемъ-то бесѣдовали.

— Ты, щенокъ, какъ сюда попалъ?—обратился ко мнѣ одинъ изъ нихъ.

Названіе показалось мнѣ обиднымъ, и я что-то отвѣтилъ. Возраженіемъ былъ сильный тумакъ, и я въ зашеи былъ выгнанъ изъ рая съ приговоркой, что я лучше буду помнить запретъ не ходить въ эту часть сада. Я еще не успѣлъ опомниться отъ такого неожиданнаго приключенія, какъ услышалъ сзади меня чей-то голосъ:

— А у тебя спину изорвали.

Я обернулся и увидѣлъ одного воспитанника изъ армянъ, который и началъ мнѣ на спинѣ прилаживать вырванный уголокъ матеріи, но, повидимому, это ему не удавалось, да притомъ гнилая матерія такъ и лѣзла во все стороны. Самъ я, разумѣется, ничего не могъ видѣть у себя на спинѣ, но, какъ кажется, зрѣлище было интересное, потому что другіе мальчуганы также столпились вокругъ меня. Результатъ былъ тотъ, что я перезнакомился почти со всеми воспитанниками изъ малолѣтняго отдѣленія. Объ этомъ эпизодѣ я вспомнилъ много лѣтъ спустя. Въ Александринскомъ театрѣ давали одну изъ оперетокъ Оффенбаха. На сценѣ фигурировалъ какой-то швейцарскій адмираль-самозванецъ въ чужомъ мундирѣ, который у него лопнулъ на спинѣ по шву. Финаль оперетки заключался въ томъ, что все остальные лица пѣли очень мелодично и печально, произнося постоянно: «А у васъ, адмираль, спина разорвана». «Я это уже гдѣ-то видѣлъ,—ломалъ я себѣ голову:—гдѣ это?» И вдругъ воспоминаніе дальняго дѣтства осѣнило меня.

Я такъ и не увидѣлъ въ этотъ день своей спины. Но, должно быть, она представляла что-нибудь очень замѣчательное, потому что все прибывавшіе вечеромъ изъ дому въ институтъ обращали вниманіе на мою спину и, тыкая пальцемъ въ моемъ направленіи, произносили что-нибудь въ родѣ слѣдующаго:

— У него спина разорвана?

Наконецъ вечеромъ же за ужиномъ обратилъ вниманіе на мою спину и дежурный надзиратель.

— Какъ это угораздило тебя такъ разорвать себѣ спину?—спросилъ онъ.

Я отвѣтилъ, что упалъ, т. е. солгалъ, и это былъ первый актъ моей общественной жизни. До сихъ поръ я совершенно до нея не прикасался, я не выходилъ изъ семейства. Это былъ первый день моей жизни въ обществѣ, внѣ семейства. Никто меня не училъ, что жаловаться на товарищей начальству стыдно; напротивъ того, дома меня учили, что лгать и совѣстно, и грѣшно, а между тѣмъ, солгавъ, я поступилъ и противъ уваженія къ начальству, и противъ заповѣди, чтобы только выгородить какого-то сорванца, отдувашаго меня ни за что, ни про что. Безъ сомнѣнія, въ эту минуту я руководствовался не какими-нибудь логическими соображеніями, это было просто результатомъ врожденнаго человѣку чувства недовѣрія къ «власти», желанія самому распорядиться самимъ сбою. Являясь у насъ въ зародышѣ при первомъ сознаніи и развиваясь потомъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, оно образуетъ характеръ и обуславливаетъ весь прогрессъ человѣчества. Хороши были бы мы, если бы безусловно исполняли все то, чему учили насъ «старшіе», хоть въ тотъ періодъ времени, когда мнѣ приходилось учиться въ институтѣ...

Наверху, въ спальнѣ, меня нашелъ дядька Григорій, которому матушка поручила мою особу за какое-то ежемѣсячное вознагражденіе. Оказалось, что толстая Анна Алексѣевна была взята для того, чтобы устроить мою постель и уложить въ сундукъ подъ кроватью бѣлье. Меня, какъ сверхштатнаго, помѣстили куда-то за перегородку вмѣстѣ съ дежурнымъ надзирателемъ. На другой день я наконецъ увидѣлъ свою спину: она была въ такомъ положеніи, что Григорію пришлось провозиться чуть ли не часъ времени, чтобы привести ее въ сколько-нибудь приличный видъ. Потасовка, данная мнѣ такъ несправедливо въ первый день моего поступленія въ институтъ, или какія другія обстоятельства, которыхъ не помню, снискали мнѣ особое расположеніе одного изъ Голіаеовъ, по фамиліи Турбина. Онъ подзывалъ меня къ себѣ или подходилъ ко мнѣ при каждомъ удобномъ случаѣ, и никто послѣ этого уже не трогалъ меня пальцемъ. Но для самого его причинять мнѣ боль, повидимому, было удовольствіемъ, и на моихъ плечахъ и рукахъ почти не сходили синяки. Черезъ годъ онъ окончилъ курсъ, и я потомъ никогда не встрѣчалъ его въ жизни.

Въ институтѣ Лазаревыхъ я пробылъ до 1846 года, и этотъ періодъ времени въ отношеніи хода въ немъ образованія можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: до 1843 года и послѣ. Въ первой половинѣ ходъ образованія въ институтѣ былъ изъ рукъ вонъ плохъ; съ 1843 года онъ значительно улучшился, но все-таки до степени удовлетворительности никогда не достигалъ. Нѣсколько причинъ обуславливало такое положеніе вещей. Прежде всего надо сказать

что въ началѣ сороковыхъ годовъ это заведеніе окончательно еще не сформировалось, Оно только недавно получило права казенныхъ учебныхъ заведеній второго разряда, но приемы и обстановка образованія оставались пока прежніе—частнаго пансіона для ивородцевъ. Такъ какъ курсъ продолжался только четыре года, то образованію нельзя было дать серьезную подкладку, а между тѣмъ право держать экзаменъ въ университетъ или получить чинъ по окончаніи курса въ институтѣ привлекало сюда маменькиныхъ сынковъ изъ русскихъ, сынковъ, для которыхъ семилѣтній гимназическій курсъ казался тяжелымъ. При помощи разныхъ дополнительныхъ уроковъ у профессоровъ или протекціи кое-какъ удавалось втиснуть малаго въ университетъ или добывали ему чрезъ институтъ первый чинъ и тѣмъ заканчивали его образованіе. Вообще при опредѣленіи въ институтъ имѣлось въ виду не приобрѣтеніе образованія, а достиженіе какой-нибудь практической цѣли, скорѣйшее полученіе какихъ-либо правъ. Подборъ учителей былъ крайне неудовлетворительный. Должность инспектора исправлялъ очень умный и ученый профессоръ московскаго университета, очень извѣстный въ то время Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, но онъ не жилъ въ институтѣ, а только пріѣзжалъ отъ времени до времени, чтобы наблюдать за ходомъ ученія. Могъ ли имѣть большое вліяніе его надзоръ при такихъ условіяхъ? Во главѣ же института находился старый артиллерійскій генераль-майоръ Петръ Петровичъ Римапъ, рѣшительно не имѣвшій никакого понятія объ образованіи. Да онъ, кажется, и не занимался имъ, а ограничивался наблюденіемъ за внѣшнимъ порядкомъ, карательными мѣрами и хозяйствомъ. Въ классахъ онъ совсѣмъ не бывалъ и только вечеромъ послѣ ужина, когда мы ложились спать, онъ неизмѣнно проходилъ по спальнямъ, наблюдая преимущественно за тѣмъ, чтобы рубашки были надѣты задомъ напередъ, т. е. завязаны сзади. Кто научилъ его такъ носить рубашку, не знаю, но нарушеніе такого правила обыкновенно вызывало цѣлую бурю. Его харканье раздавалось на весь институтъ, какъ только онъ выходилъ изъ своей квартиры, и мы, заслышавъ этотъ трубный для насъ звукъ, начинали перекликаться: «Мець, мець, мець!» (по-армянски господишь). Это служило предостерегательнымъ знакомъ, чтобы приготовиться къ приему начальства, и все получало благопристойный видъ. Если присоединить ко всему этому еще очень несовершенные приемы образованія вообще въ то время, крайнюю неудовлетворительность учебниковъ, то надо удивляться, какъ мы могли вынести изъ такой школы тѣ небольшія свѣдѣнія, которыя у насъ оказались. Когда посмотрю на моихъ племянниковъ, какъ рационально, основательно и послѣдовательно, шагъ за шагомъ, развиваютъ ихъ теперь въ гимназіяхъ, и посравню, какъ учили меня, «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

Для примѣра расскажу, какъ мы учились русскому языку, преподаваніе котораго должно было имѣть особое значеніе въ институтѣ, такъ какъ тамъ на половину были инородцы. Въ первомъ и во второмъ классѣ мы ограничивались зубреніемъ наизусть грамматики, зубреніемъ отрывковъ изъ хрестоматіи и переписываніемъ этихъ отрывковъ въ тетради. Этимологическихъ разборовъ—никакихъ, кажется, потому, что самъ учитель былъ въ этомъ нетвердъ. Учителемъ былъ очень дряхлый старикъ, сѣдой, сморщенный, согбенный, по фамиліи Смирновъ. Разъ какъ-то онъ подзываетъ меня къ себѣ къ каѳедрѣ.

— Когда можно зайти къ вашему брату, гимназисту? Мнѣ нужно спросить его кое о чемъ, касающемся гимназіи.

Я отвѣчалъ, что въ воскресенье.

— Ну, такъ скажите ему, что я приду къ вамъ въ будущее воскресенье, въ двѣнадцатомъ часу.

Я передалъ брату, Смирновъ явился, переговорилъ и ушелъ. На другой день въ классѣ онъ очень сердитымъ голосомъ опять потребовалъ меня къ каѳедрѣ и задалъ мнѣ такую головоломку:

— Что это твои родители, повидимому, не знаютъ первыхъ правилъ вѣжливости! Какъ! Наставникъ ихъ сына приходитъ къ нимъ въ домъ, и они ничего! Хоть поставили бы водочки! Что же ты думаешь: я приходилъ, чтобы справляться у твоего брата? Великая мнѣ невидаль твой братъ! Я могъ бы справиться и въ гимназіи. Ты, если бы былъ умный мальчикъ, а не дуракъ, сказалъ бы родителямъ: поставьте Александру Васильевичу хорошенькую закусочку, угощеніе; онъ будетъ ко мнѣ добрѣе. Такъ вотъ, погоди же! Когда шкуру-то спустятъ съ тебя за мои нули, вспомнишь пословицу: «Сухая ложка ротъ деретъ».

Впрочемъ, я не помню, чтобы онъ мнѣ метилъ за мою недогадливость. Онъ, кажется, былъ человекъ добрый. Но этотъ эпизодъ можетъ служить мѣриломъ какъ обезпеченности въ матеріальномъ отношеніи наставниковъ того времени, такъ и степени ихъ нравственнаго развитія.

Не помню, чтобы въ первыхъ классахъ я училъ синтаксисъ, но очень хорошо помню, что въ третьемъ классѣ я уже изучалъ риторикъ. Ничего нельзя себѣ представить болѣе противоположнаго Смирнову, какъ второй мой учитель російской словесности. Это былъ Семень Егоровичъ Ранчъ, переводчикъ въ стихахъ Виргиліевыхъ «Георгикъ», Тассова «Освобожденнаго Іерусалима» и Аріостова «Неистоваго Орланда». Отличный знатокъ классической древней и иностранной словесности, поэтъ, онъ постоянно виталъ мыслью гдѣ-то далеко за стѣнами класса, вѣроятно, даже не на землѣ, а на небѣ. Крайне деликатный, тщедушный, маленькій, съ слабымъ голосомъ, онъ совершенно не годился быть наставникомъ необузданной толпы невоспитанныхъ мальчишекъ, какими мы

тогда были. Зато мы его просто въ грошь не ставили. Онъ требовалъ одного зубренія риторики Кошанскаго, но мы вовсе не готовили уроковъ, замѣтивъ, что онъ рѣшительно не обращаетъ никакого вниманія на отвѣты и ставить обыкновенно хорошіе баллы. Были такіе фокусники, которые отвѣчали даже не урокъ, а какой-то наборъ фразъ, въ которыхъ по временамъ слышались только термины изъ риторики. Другіе просто читали по книгѣ у него подъ носомъ. Въ одной изъ современныхъ эпиграммъ Райчъ названъ «Божья коровка». Это въ высшей степени справедливо.

Не болѣе поучительны были уроки исторіи. Учитель Добровольскій имѣлъ очень почтенную наружность и Анну на шеѣ, но, кромѣ весьма плохого учебника того времени Кайданова, не допускалъ никакихъ авторитетовъ въ своемъ предметѣ. Онъ зналъ этотъ учебникъ паизусть слово въ слово, буквально безъ преувеличенія, и безгранично наслаждался, когда какой-нибудь искусный зубрило изъ учениковъ такъ же сдавалъ ему заданный урокъ. Зажмуривъ глаза отъ наслажденія, онъ унивался гармоніею кайдановской прозы, отбивалъ тактъ рукой и приговаривалъ съ добродушнѣйшею улыбкою: «Satis pro peccatis» или «Ça va, ça va».

Относительно собственно воспитательной части надо отдать справедливость, что въ это суровое время неумѣренныхъ жестокихъ наказаній институтъ Лазаревыхъ составлялъ исключеніе. Это не значить, чтобы розга не признавалась и здѣсь лучшимъ карательнымъ и исправительнымъ средствомъ въ воспитаніи. Къ этому благодѣтельному средству прибѣгали въ институтѣ такъ охотно, что, я хорошо помню, одинъ изъ моихъ товарищей по классу, сдѣлавъ расписаніе дней и часовъ для разныхъ уроковъ и занятій на всю недѣлю и наклеивъ его у себя въ столѣ, помѣстивъ въ этомъ расписаніи въ субботу отъ пяти до шести часовъ «посѣканцію», тоже какъ предметъ преподаванія. Но въ институтѣ пороли какъ-то отечески, по-домашнему, не доводили это наказаніе до степени пытки, истязанія наказуемаго до ожесточенія, какъ въ другихъ современныхъ казенныхъ заведеніяхъ. По воспитательной части въ институтѣ было соблюдено все, что требовалось педагогіей того времени, т. е. были набраны надзиратели, французы и нѣмцы, преимущественно ex-солдаты de la grande armée Наполеона, оставшіеся въ Россіи съ 1812 года и занимавшіеся здѣсь воспитаніемъ русскаго юношества за нищенское вознагражденіе. Что полезнаго могли они передать намъ въ отношеніи общежитія или нравственности, не знаю, точно такъ же, какъ и надзиратели изъ армянъ, которые дополняли комплектъ французовъ и нѣмцевъ. По предмету же знанія нашего иностранныхъ языковъ выходило на повѣрку такъ, что не они научали учениковъ говорить по-французски и по-нѣмецки, но ученики общими силами вбивали имъ въ память самыя необходимыя русскія разговорныя фразы, которыми

эти бывшіе наши завоеватели и обходились, какъ умѣли. Допущеніе въ институтъ разговора на русскомъ языкѣ было необходимо уже и потому, что въ числѣ воспитанниковъ находились армяне, которымъ была несравненно важнѣе практика въ русскомъ языкѣ, чѣмъ въ нѣмецкомъ или французскомъ, и, безъ сомнѣнія, допущеніе насъ, русскихъ, въ армянскій институтъ обусловливалось отчасти тѣмъ соображеніемъ, что мы поможемъ армянамъ выучиться по-русски.

Годъ проходилъ за годомъ. По вечерамъ въ субботу или наканунѣ праздника матушка за мной аккуратно присылала кухарку, чтобы проводить меня домой, и я былъ несказанно счастливъ до слѣдующаго вечера, хотя дома не представлялось мнѣ никакого веселія. Вся прелесть положенія заключалась въ свободѣ и отсутствіи начальства. Я учился такъ себѣ, не болѣе, какъ посредственно, но меня переводили изъ класса въ классъ очень исправно и относились къ моимъ отвѣтамъ на экзаменахъ крайне снисходительно. Задерживать меня въ классѣ значило обременять гг. Лазаревыхъ продолженіемъ на годъ ихъ вынужденнаго благодѣянія. Такимъ образомъ черезъ три года, когда мнѣ едва минуло тринадцать лѣтъ, я очутился въ четвертомъ, т. е. въ высшемъ классѣ и черезъ годъ долженъ былъ держать экзаменъ въ университетъ, а такъ какъ въ послѣдній принимались юноши не моложе шестнадцати лѣтъ, да я притомъ былъ такъ слабъ въ наукахъ, что не могъ надѣяться выдержать вступительный экзаменъ, то для матушки опять начались со мною хлопоты. Но въ 1844 году въ институтѣ произошелъ большой переворотъ, который имѣлъ самое благотворное вліяніе какъ на это заведеніе, такъ и на меня лично.

Не знаю, подъ чьимъ вліяніемъ и по чьей рекомендаціи въ этомъ году назначенъ былъ директоромъ института профессоръ московскаго университета по кафедрѣ гражданскаго права рѣчи Фѣдоръ Лукичъ Морошкинъ, умный и практичный человѣкъ, прекрасный профессоръ, авторъ извѣстнаго сочиненія «О владѣніи» и «Объ уложеніи царя Алексѣя Михайловича», произнесенной на университетскомъ актѣ и считавшейся классическою. Со вступленіемъ его въ институтъ къ четыремъ классамъ былъ прибавленъ еще пятый, высшій, набраны очень хорошіе учителя, учебныя занятія получили правильное и серьезное направленіе, обращено вниманіе на нравственную сторону воспитанниковъ, на развитіе въ нихъ благороднаго соревнованія, самолюбія, чувства чести. Съ великою благодарностью вспоминаю я объ этомъ достойномъ человѣкѣ, хотя, долженъ сказать, общій характеръ его отношеній къ воспитанникамъ былъ таковъ, что вызывалъ со стороны послѣднихъ не чувство любви, но чувство уваженія и страха. Этимъ чувствомъ окружается у меня и теперь его высокая строгая фигура въ отдаленномъ прошломъ, на разстояніи трехъ слишкомъ десятковъ лѣтъ, Матушка

обратилась къ нему за совѣтомъ, что со мною дѣлать. Мнѣ необходимо было остаться въ институтѣ еще три года. Объ успѣхѣхъ ходатайства у гг. Лазаревыхъ относительно продолженія срока благодѣянія на прежнемъ основаніи нечего было и думать, такъ какъ князь Голицынъ и Пѣвцова были уже въ могилѣ. Морошкинъ посоветовалъ матушкѣ просить, чтобы мнѣ разрѣшено было лишніе годы оставаться въ институтѣ на правахъ вольноприходящихъ. Лазаревы согласились, и два послѣдніе годы я каждый день во всякую погоду маршировалъ съ Никитскаго бульвара, гдѣ мы тогда жили, на Мясницкую и обратно, т. е. дѣлалъ никакъ не менѣе десяти верстъ въ день и всегда пѣшкомъ.

Основываясь на собственномъ опытѣ, могу вывести заключеніе, что шесть лѣтъ совершенно достаточно даже для посредственныхъ способностей, чтобы подготовиться къ поступленію въ университетъ, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы въ первыхъ низшихъ классахъ образованіе производилось какъ можно болѣе рационально и основательно, чтобы мальчикъ воспринималъ не памятью, но сознательно, для чего ему въ этомъ возрастѣ весьма важно содѣйствіе репетиторовъ. На правильно и прочно построенномъ фундаментѣ легко строить самое зданіе. Мое образованіе сложилось по совершенно противоположной системѣ, если въ немъ искать какую-нибудь систему. Только со вступленіемъ Морошкина въ должность начальника института и по установленіи правильного хода образованія началъ я сознательно относиться къ наукамъ, но это было уже время не положенія основъ гимназическаго курса, но время завершенія его. Я съ жаромъ принялся за работу подъ руководствомъ новыхъ наставниковъ, сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ въ классѣ, но, не имѣя твердыхъ основъ въ знаніи, долженъ былъ прибѣгать къ собственнымъ оригинальнымъ приѣмамъ. Имѣя я блестящую память, я сдѣлался бы, по всей вѣроятности, зубрилой. Но, къ счастью, память моя никогда не выдѣлялась особенно, и я долженъ былъ пускать въ ходъ сообразительность и силу мышленія. Такъ, не зная твердо четырехъ правилъ ариѳметики, я дѣлалъ даже умноженіе и дѣленіе не на основаніи таблицы умноженія и правилъ дѣленія, но по какой-то особенной системѣ умозаключеній. Если бы къ этой цифрѣ прибавить столько-то, то вышла бы круглая сумма; если же вычестъ изъ этой суммы столько-то, то должно получиться столько-то. Всю эту сложную операцію я дѣлалъ вмѣсто того, чтобы, напримѣръ, произвести въ умѣ $6 \times 7 = 42$. Въ наукахъ я выучился улавливать суть дѣла, отбрасывая все, что имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Мои отвѣты всегда были сухи, кратки, но очень логичны и потому производили на учителей отличное впечатлѣніе, совершенно закрывая передъ ними малую основательность моихъ знаній. Такой анализъ, такая постоянная и усиленная работа мысли къ разрѣшенію задачъ, давно уже рѣшенныхъ

и составляющихъ общее достояніе всѣхъ, знакомыхъ съ азбукою науки, чрезвычайно изощряла мою мыслительную способность. Я началъ очень много читать и наострился въ ороеграфіи путемъ чисто механическимъ, привычкою. Въ числѣ почтенныхъ и уважаемыхъ наставниковъ, которые начали намъ тогда преподавать, двое: учитель латинскаго языка Арсеній Ивановичъ Меншиковъ и учитель математики Михаилъ Федоровичъ Спасскій, были въ то же время профессорами въ московскомъ университетѣ. Но особенно дороги въ моемъ воспоминаніи: Петръ Мироновичъ Перевлѣскій, учитель русской словесности, и Василій Павловичъ Гривцовъ, учитель исторіи. Къ обоимъ у меня сохранилось не только чувство благодарности и уваженія, но чувство любви и сердечной привязанности, особенно къ послѣднему. Мое чувство къ Гривцову очень походило на то, которое въ женскихъ институтахъ называютъ «обожаніемъ». Присутствовать на его урокахъ и слушать его рассказы было для меня, и не для одного меня, истиннымъ наслажденіемъ, а получить отъ него похвалу—большою наградою.

Петръ Мироновичъ Перевлѣскій, сынъ дьякона Рязанской губерніи, села Перевлѣса, отъ котораго получилъ фамилію, воспитаникъ рязанской семинаріи и московскаго университета, въ 1839 году былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ рязанскую гимназію, а съ 1843 года переѣхалъ въ Москву, гдѣ и оставался до 1852 года, когда перешелъ профессоромъ въ лицей. Отличный знатокъ русскаго языка и словесности, онъ оставилъ послѣ себя видный слѣдъ въ нашей педагогической литературѣ, какъ авторъ нѣсколькихъ руководствъ по части изученія русскаго и славянскаго языковъ и изданіемъ избранныхъ сочиненій Ломоносова, Тредьяковскаго, Кантемира, Фонвизина, стихотвореній Н. Языкова и памятниковъ старо-славянскаго языка. Какъ человѣкъ еще молодой и современно образованный, онъ началъ къ намъ относиться не путемъ принужденія и страха, а старался затронуть наше самолюбіе, возбудить наше сознаніе, обращаясь къ намъ не какъ къ кускамъ мяса для тычковъ и розогъ, но какъ къ человѣческимъ созданіямъ, хотя еще несовершеннолѣтнимъ, но тѣмъ не менѣе могущимъ уже разсуждать и чувствовать. Для насъ эти приемы, а равно требованіе не зубренія, а сознательнаго отношенія къ предмету и ясныя съ его стороны толкованія были совершенною новостью, и воспитаники стали къ нему въ очень дружескія отношенія. Ко мнѣ онъ съ перваго же времени началъ относиться очень ласково, и близость нашего общенія еще болѣе скрѣпилась тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ приходящій полупансіонеръ, я каждый день въ пять часовъ послѣ уроковъ долженъ былъ шагать домой въ тѣ же страны, гдѣ и онъ жилъ, и онъ иногда подвозилъ меня, или въ хорошую погоду мы совершали путь домой вмѣстѣ пѣшкомъ. По праздникамъ я довольно часто заходилъ къ нему. Онъ началъ называть меня

уменьшительнымъ именемъ и эту привычку сохранилъ и впоследствии, когда мы сошлись съ нимъ въ Петербургѣ, когда я былъ уже на службѣ. Наши дружескія отношенія не прекращались во все время, пока смерть не похитила его въ самомъ разгарѣ его педагогической дѣятельности. Неудачная женитьба подѣйствовала на его здоровье такъ разрушительно, что онъ лишился разсудка и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого несчастія умеръ въ 1866 году.

Василій Павловичъ Гривцовъ былъ значительно старше Перелѣскаго по лѣтамъ, но также принадлежалъ къ новой школѣ преподавателей. Онъ привлекалъ насъ къ себѣ безпредѣльною своею добротою, задушевностью отношеній и увлекалъ замѣчательнымъ даромъ разсказа. Онъ просто переносилъ слушателей въ изображаемую имъ эпоху, заставлялъ биться сердце отъ сочувствія къ добру, отъ негодованія къ злу, отъ страха предъ опасностями того или другого историческаго героя. Въ разсказахъ Гривцова историческіе герои являлись передъ нами не въ видѣ какихъ-нибудь манекеновъ, покрытыхъ архивной пылью, но въ видѣ живыхъ лицъ, и, сколько могу теперь сообразить, почтенный наставникъ въ этихъ увлекательныхъ изображеніяхъ подвиговъ поборниковъ свободы и правды и противопоставленіи ихъ злоупотребленіямъ власти и произвола бросалъ полною рукою съмена добра и гражданственности въ юныя сердца жадныхъ слушателей. Подобная живая рѣчь всегда необходима въ преподаваніи, но не надо забывать, что это происходило... когда всякая свободная мысль преслѣдовалась, какъ государственное преступленіе, когда цензура тщательно гасила каждый лучъ политическаго свѣта, когда доносы составляли основу управленія. Чтобы представить тогдашнее положеніе науки, скажу, напримѣръ, что даже противъ невиннаго, тщательно процензурованнаго и уже изданнаго учебника русской исторіи Устрялова предъявлялись министру слѣдующія обвиненія: въ учебникѣ стоитъ «Владимиръ Святой», а не «Святой Владимиръ»; тамъ разсказано, какъ царь Алексѣй Михайловичъ «для спасенія своего любимца (Морозова) самъ вышелъ къ народу и ласковою рѣчью укротилъ недовольныхъ», слѣдовало бы эту слабость исключить изъ книги учебной; сказано: «Разинъ распустилъ молву, что идетъ освободить крестьянъ отъ помѣщиковъ»,—слѣдовало бы объ этой подробности сказать въ общихъ выраженіяхъ: дать народу выгоды и т. д... Гривцовъ далъ намъ не этотъ казенный учебникъ, но «Разказы для дѣтей изъ русской исторіи» Ишимовой, руководя нами въ пользованіи этою, собственно дѣтскою, книгою при помощи своихъ устныхъ разсказовъ. Устраненіе правительственнаго учебника не только предохранило насъ отъ усвоенія казенныхъ взглядовъ на отечественную исторію, но и вкоренило въ насъ любовь къ ней.

Онъ былъ потомъ нѣкоторое время директоромъ ярославскаго лицея.

Миръ праху обоихъ васъ, дорогія для меня лица! Вамъ я обязанъ пробужденіемъ той любви къ правдѣ и знанію, которыя доставили мнѣ такую поддержку въ нравственномъ отношеніи и вмѣстѣ съ искусствомъ и литературою такъ много усладили въ жизни...

Таковъ былъ ходъ моего образованія въ институтѣ. Дома я не находилъ никакой поддержки въ отношеніи приготовленія уроковъ, никакого надзора или руководства. Матушка продолжала давать уроки съ ранняго утра до поздней ночи, слѣдовательно, отсутствовала изъ дому, и, хотя денежныя обстоятельства съ каждымъ годомъ все улучшались, мы продолжали жить болѣе чѣмъ скромно. Ужасное положеніе, въ которомъ она осталась послѣ смерти мужа съ кучею малолѣтнихъ дѣтей и изъ котораго она выпуталась только при помощи самопожертвованія и страшнаго, тяжелаго труда, и боязнь очутиться опять въ такомъ положеніи при какой-нибудь серьезной невгодѣ развили въ ней бережливость, доходившую до скупости. Она рассчитывала каждую копейку и начала откладывать излишки на черный день. Наше семейство почти никого не принимало и рѣшительно нигдѣ не бывало; по праздникамъ, и то не всегда, мои визиты ограничивались посѣщеніемъ сестры и младшаго брата въ воспитательномъ домѣ и холерномъ заведеніи да бесѣдами со старой няней Матреной Борисовной, превратившейся въ очень неискusstную нашу кухарку, безпредѣльно меня любившей и баловавшей. Мы переѣхали на другую квартиру, на Никитскій бульваръ, въ домъ Владимірова, но новое наше помѣщеніе отличалось только болѣе центральнымъ положеніемъ въ городѣ, въ отношеніи же тѣсноты и некомфортабельности не разнилось отъ прежняго. Такимъ образомъ я считалъ праздникомъ праздникъ, когда изрѣдка, преимущественно на святкахъ или на масленицѣ, мы подымались всей семьей въ театръ, чтобы посмотрѣть балетъ или послушать оперу. Силою этихъ раннихъ впечатлѣній, мнѣ кажется, объясняется та страсть къ театру, которую я приобрѣлъ на всю жизнь. Русская опера, гаснувшая съ каждымъ годомъ, замѣнилась въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ нѣмецкою, которая была прислана изъ Петербурга. Благодаря ей, я познакомился съ тѣми грандіозными, образцовыми произведеніями оперной музыки, которыя даются до сихъ поръ (1881 годъ) на всѣхъ оперныхъ сценахъ: съ «Робертомъ» Мейербера, «Жидовкой» Галеви, «Фенеллой» Обера, «Карломъ Смѣлымъ» (Вильгельмомъ Теллемъ) Россини. Исполненіе было очень хорошо: басъ Ферзингъ отличался превосходнымъ голосомъ, теноръ Голландъ прекрасно игралъ, Нейрейтеръ была прекрасная пѣвица. Балетъ со столь любимой въ то время танцов-

щицей Санковской также шель прекрасно, особенно помню: «Сильфиду», «Дѣву Дуная» и «Возстаніе въ Сералѣ». Во второй половинѣ сороковых годовъ нѣмецкая опера смѣнилась итальянскою, и я услышалъ оперы: «Лючію», «Лукрецію», «Пуританъ», «Сонамбулу», также при удовлетворительномъ исполненіи. Теноръ Сальви и контральто Виетти были замѣчательные артисты. Все это было для меня новостью, и страсть моя къ театру сильно во мнѣ укоренялась, но на удовлетвореніе ея у меня было очень мало средствъ. Матушка очень рѣдко брала ложу въ театръ, а карманныхъ денегъ у меня вовсе не имѣлось. Иногда только успѣвалъ я сколачивать нѣсколько гривенъ изъ экономіи отъ тѣхъ денегъ, которыя выдавались мнѣ въ дни совершенно исключительной дурной погоды на извозчика для проѣзда въ институтъ. Бѣжишь, бывало, подъ снѣгомъ и дождемъ, чтобы выгадать какой-нибудь двугривенный. Иногда скапливалось столько, что я могъ участвовать въ ложѣ, которую по субботамъ мы брали въ складчину чуть не цѣлымъ классомъ. Но какое громадное удовольствіе доставляло все это, какъ мы интересовались всѣмъ этимъ, какъ въ теченіе всей недѣли боялись, чтобы какая-нибудь дурная отмѣтка не лишила право воспользоваться субботнимъ вечеромъ! Нѣтъ, положительно, сколько вредно излишнее количество театральныхъ развлеченій для молодого возраста, столько полезно умѣренное пользованіе. Поскольку неумѣренность въ этомъ отношеніи порождаетъ пресыщеніе и равнодушіе, настолько полезно и благодѣтельно дѣйствуетъ благоразумное введеніе ихъ въ систему воспитанія, въ особенности при условіи предоставленія выбора ихъ самому юношѣ, чрезъ назначеніе ему карманныхъ денегъ, чтобы онъ могъ пользоваться этими развлеченіями въ компаніи съ товарищами. Лучше всякихъ наказаній и страховъ этотъ способъ содѣйствуетъ достиженію тѣхъ цѣлей, которыя имѣетъ въ виду воспитаніе.

Трудовая жизнь, которую вела матушка и, вслѣдствіе этого, отчужденіе нашего семейства отъ знакомствъ дѣлали то, что всѣ мои товарищи дѣтства ограничиваются предѣлами института. И здѣсь выборъ былъ довольно ограниченный, потому что болѣе чѣмъ на половину институтъ состоялъ изъ азіатовъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы въ нашемъ учебномъ заведеніи существовалъ какой-нибудь антагонизмъ между воспитанниками различныхъ національностей и вѣроисповѣданій. Напротивъ того, мнѣ пріятно теперь, въ лѣта сознательнаго отношенія къ дѣлу, вспомнить, что ни малѣйшей розни въ этомъ случаѣ у насъ не существовало. Тѣмъ не менѣе между мальчиками-азіатами было болѣе общихъ интересовъ, привычекъ, болѣе семейныхъ и мѣстныхъ связей, чтобы дружиться между собою.

IV.

Поступленіе въ университетъ.—Московский университетъ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія.—Настроеніе студенчества.—И. Г. Рѣдкинъ, Н. И. Крыловъ, Ф. Л. Морошкинъ, С. И. Баршевъ, В. Н. Лешковъ, Т. Н. Грановскій, С. М. Соловьевъ.—Гроза, нависшая надъ университетомъ въ 1848 году.—Попечитель В. И. Назимовъ.—Генераль-губернаторъ графъ А. А. Закревскій и его управленіе Москвой.—Отношеніе его къ университету.

«Въ университетѣ»—какое нѣжное, захватывающее сердце чувство соединяется съ этимъ словомъ! И свобода располагать своимъ временемъ и занятіями, и юношескія мечты и надежды на будущее, и интересъ къ наукѣ, и сознаніе, что ты начинаешь уже быть человекомъ и гражданиномъ,—все въ этомъ словѣ. Окончившіе курсъ въ Лазаревскомъ институтѣ не пользовались правами поступать въ университетъ безъ повѣрочнаго экзамена въ стѣнахъ послѣдняго, и вотъ въ августѣ 1846 года мнѣ пришлось пройти черезъ это трудное и страшное для меня испытаніе. Полагаю, что отчасти это испытаніе было облегчено тѣмъ обстоятельствомъ, что директоръ института Морошкинъ и преподаватели главнѣйшихъ предметовъ, латинскаго языка и математики, были профессорами университета, слѣдовательно, принуждены были по необходимости мирволить своимъ воспитанникамъ или ходатайствовать за нихъ предъ своими товарищами-экзаминаторами. Соображая теперь всю степень неосновательности моихъ первоначальныхъ познаній въ наукахъ, сомнѣваюсь, чтобы я могъ безъ такой протекціи пройти въ университетъ. Неужели экзаменующіе профессора не замѣтили въ моихъ познаніяхъ отсутствія всякаго фундамента?! Какъ бы то ни было, я попалъ въ университетъ, на юридическій факультетъ, къ несказанной радости моей матушки, имѣвшей очень скромное мнѣніе о моихъ способностяхъ и продолжавшей смотрѣть на меня съ чувствомъ нѣкоторой жалости и снисхожденія. Я облекся въ студенческой вицъ-мундиръ съ синимъ воротникомъ и побывалъ въ институтѣ у оставшихся еще тамъ моихъ товарищей? Боже, какъ я былъ доволенъ и счастливъ, какъ было легко на сердцѣ! Когда я стоялъ въ коридорѣ, окруженный товарищами, которые меня спрашивали о подробностяхъ экзаменовъ, проходилъ Морошкинъ и, поздравивъ меня, спросилъ, какими соображеніями я руководствовался, избирая юридическій факультетъ. Я очень затруднился отвѣтомъ и пробормоталъ что-то несвязное. Оказывается, что я объ этомъ вовсе не думалъ до сдѣланнаго вопроса и, какъ теперь соображаю, попалъ на этотъ факультетъ потому, что некуда болѣе было дѣваться. Къ медицинѣ я чувствовалъ отвращеніе, къ математикѣ былъ неспособенъ; я любилъ исторію, словесность, но такъ называемой «словесной», филологическій факультетъ былъ для меня недоступенъ, потому что для него необходимо было знать

греческій языкъ, а этого языка въ институтѣ не преподавалось. Оставался одинъ юридическій факультетъ, но никакъ не соображенія о выгодахъ чиновничьей карьеры привлекали меня къ нему. Этихъ соображеній мнѣ въ то время и на умъ не приходило.

Наконецъ, 6-го сентября 1846 года былъ тотъ многозначительный день, когда я впервые услышалъ университетскую лекцію. Помѣстившись на одной изъ ближайшихъ къ кафедрѣ лавокъ въ большой юридической аудиторіи съ тетрадкой бѣлой бумаги передъ собой и очиненнымъ гусинымъ перомъ въ рукахъ (стальныхъ перьевъ въ то время еще не было, какъ не было телеграфовъ, фотографій, пальто, папирсъ), я весь превратился въ слухъ. Предстояла лекція по исторіи русскаго законодательства. На кафедре взошелъ красивый, краснощекій, кудрявый, очень симпатичный молодой человекъ съ быстрымъ, живымъ взглядомъ. Это былъ Константинъ Дмитриевичъ Кавелинъ.

«Милостивые государи!» началъ онъ.

«Ого,—подумалъ я:—значить, и я—милостивый государь; это уже не шутка». И я съ гордостью выпрямился.

У меня сохранилась эта первая лекція, записанная мною слишкомъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ.

«Внутренній бытъ народа,—началъ онъ,—представляетъ множество самыхъ разнообразныхъ отношеній: между частными лицами, между государствами, между государемъ и народомъ. Всѣ эти отношенія опредѣляются извѣстными правилами, называемыми законами. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы показать, какіе были законы, какъ они измѣнялись и почему они такъ измѣнялись; это—предметъ исторіи законодательства. Но такъ какъ мы будемъ разсматривать это только въ Россіи, то—предметъ законодательства русскаго. Многіе говорятъ, что исторія законодательства начинается съ того времени, когда народъ получилъ письменные законы, но это несправедливо. Законы не заключаются въ однихъ писанныхъ приказаніяхъ; обычаи народа также должны войти въ составъ ихъ...»

Оказывалось, что, слушая внимательно, я къ великой моей радости все понималъ, что излагаемое профессоромъ интересовало меня, что, отбрасывая цвѣты краснорѣчія и разныя поясненія и повторенія и безъ того яснаго, имѣя въ виду одно дѣло, безъ труда можно было ухватить и записать ходъ главныхъ, основныхъ мыслей, хотя профессоръ говорилъ скоро. Слѣдующій часъ былъ свободный, и мы, сосѣди, начали, помогая одинъ другому, пополнять и исправлять записанное. Оказалось, что у меня было записано короче другихъ, но схвачено все существенное, такъ что мои записки послужили основою для прочихъ. Съ этого же времени къ записаннымъ мною лекціямъ стала обращаться цѣлая группа товарищей.

Мои записки всегда твердо сохраняли руководящую нить, и по нимъ было очень удобно и пріятно готовиться къ экзамену.

О какой-нибудь стенографіи мы въ то время не имѣли ни малѣйшаго понятія. Мы записывали лекціи попросту цѣлыми словами съ сокращеніями, придумывавшимися каждымъ записывавшимъ по удобству. О литографированіи лекцій профессоровъ, по просмотрѣ ихъ послѣдними, также не было и помину. Мы должны были собираться другъ у друга по вечерамъ, чтобы свѣрять, выправлять, заполнять пробѣлы записанныхъ лекцій. Отсутствие литографированныхъ лекцій, которыя можно было бы всегда купить, приносило много пользы. Оно заставляло молодыхъ людей посѣщать лекціи, интересоваться тѣмъ, что происходитъ въ университетѣ, весь годъ, а не во время однихъ только экзаменовъ; занимаясь составленіемъ лекцій, поневолѣ лишній разъ проходить ихъ содержаніе, причемъ возбуждались споры, вопросы, обращаться къ источникамъ, разнымъ книгамъ, даже къ самимъ профессорамъ за разъясненіями. Не то теперь (іюнь 1881 года). Литографированіе лекцій сдѣлало то, что университетъ вовсе не посѣщается, а лекціи покупаются готовые передъ экзаменомъ. Мой племянникъ Константинъ Б., окончившій курсъ въ петербургскомъ университетѣ, по цѣлымъ годамъ не бывалъ въ университетѣ. Такъ какъ при переходѣ съ третьяго курса на четвертый экзамена не требуется, и онъ сдается на четвертомъ курсѣ за два года вмѣстѣ, то мой племянникъ ухитрился оба года ни разу не быть на лекціи у профессора международного права Мартенса. Только передъ самымъ экзаменомъ онъ побывалъ на двухъ-трехъ послѣднихъ его лекціяхъ, чтобы знать хотя въ лицо профессора. Въ мое время необходимость ежедневнаго посѣщенія стѣнъ университета дѣлалось второю натурою: тамъ образовывались у насъ близкія связи между товарищами и между профессорами и воспитанниками, тамъ проникались мы тѣмъ духомъ любви къ правдѣ и наукѣ, который, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію по преданію, проникалъ все существо учащихся и переносился потомъ послѣдними въ самую жизнь. Тамъ пріобрѣтали мы ту нѣжную любовь къ университету, которую сохраняли до самой смерти, въ какихъ бы отдаленныхъ мѣстахъ отъ Москвы мы ни находились. День 12-го января, день основанія университета, для насъ всегда оставался святымъ, сердце въ этотъ день испытывало нѣжное чувство любви къ нашей общей *almae materis*. Безъ сомнѣнія, не одна необходимость ежедневнаго посѣщенія стѣнъ университета для записыванія лекцій была причиною усвоенія молодежью этого благотворнаго духа, этой сердечной связи учащихся съ мѣстомъ воспитанія. Положеніе Москвы какъ нельзя болѣе благопріятствовало правильному ходу образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи. Будучи богатымъ, многолюднымъ городомъ, обладавшимъ всеми научными

пособіями, Москва не была, однако, мѣстопробываніемъ центральной власти, а потому между воспитывавшимися въ университетѣ не могло укорениться того чувства предвкушенія служебныхъ выгодъ, которыя въ Петербургѣ являлись если не главнымъ, то однимъ изъ существеннѣйшихъ двигателей къ пріобрѣтенію университетскаго образованія. Такое чужданіе въ университетѣ служебныхъ выгодъ, а не научныхъ знаній, сильное въ Петербургѣ и теперь, было, безъ сомнѣнія, еще сильнѣе въ сороковыхъ годахъ, когда единственный исходъ для получившихъ университетское образованіе составляла государственная служба. Этого направленія почти не существовало въ мое время въ московскомъ университетѣ.

Въ этотъ первый годъ читался еще только одинъ факультетскій, т.-е. чисто-юридическій предметъ—энциклопедія законовѣдѣнія—профессоромъ Петромъ Григорьевичемъ Рѣдкинымъ. Многословное, туманное, запутанное, наполненное повтореніями и отступленіями въ сторону чтеніе Рѣдкина дѣлало способъ записыванія мною лекцій особенно подходящимъ. Я приловчился отбрасывать все такія повторенія и отступленія профессора, дробилъ его длинныя, тяжелыя фразы на отрывочныя, мелкія, и лекціи чрезвычайно выигрывали въ ясности. Но зато для экзамена сокращенныя такимъ путемъ лекціи требовали почти дословнаго заучиванія: до такой степени одна мысль вытекала изъ другой, и ничего не оставалось лишняго. Рѣдкинъ, котораго студенты очень уважали за его прямой характеръ и либеральное направленіе и экзаменовъ котораго боялись, очень хвалилъ ясность моего отвѣта на экзаменѣ моему бывшему инспектору института Лазаревыхъ Ѡ. Л. Морошкину, который былъ ассистентомъ на экзаменѣ энциклопедіи, и я видѣлъ, какъ искренно радовался почтеннѣйшій Ѡедоръ Лукичъ за своего бывшего воспитанника.

Переименовываю профессоровъ юридическаго факультета, которыхъ я слушалъ въ университетѣ на слѣдующихъ курсахъ.

Лекціи профессора римскаго права Никиты Ивановича Крылова служили для меня предметомъ искренняго удивленія и почитанія. По внѣшности это былъ малаго роста человѣкъ съ наружностью и ужимками, нѣсколько напоминавшими обезьяну. Благоговѣніе самого профессора предъ римскимъ правомъ было такъ велико, что въ его курсѣ оно рисовалось какимъ-то продуктомъ божественной премудрости, а не ума человѣческаго. О попыткѣ критики въ его лекціяхъ не было и рѣчи, но зато какое превосходное, образцовое изложеніе! Точность опредѣленій этого права, законченнаго въ жизни, полнота его и послѣдовательность дали возможность Крылову составить курсъ лекцій, поразительный по своей ясности, стойкости и логичности. Въ этомъ курсѣ каждое слово было взвѣшено, не допускалось ничего лишняго, не было никакихъ повтореній, все вытекало послѣдовательно одно изъ дру-

того, ничего недосказаннаго. Подобный способъ изложенія какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ складу моего ума, и для меня теперь ясенъ отзывъ Крылова, такъ меня удивившій, когда онъ, выслушавъ мой отвѣтъ на экзаменѣ третьяго курса, выразился, обращаясь къ моимъ товарищамъ, столпившимся вокругъ экзаменаціоннаго стола:

— Не знаю, какъ и оцѣнить такой превосходный отвѣтъ—и, поставивъ мнѣ пять (высшій баллъ), прибавилъ сверху два крестика.

Я не помню содержанія отвѣта, но помню, что отвѣчалъ съ большимъ жаромъ и увлеченіемъ, доказывалъ что-то разными доводами, основанными на строгомъ выводѣ умозаключеній.

Почтенный Ѳедоръ Лукичъ Морошкинъ, читавшій русское гражданское право и судопроизводство, предсталъ передо мною на университетской кафедрѣ совершенно въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ въ институтѣ. Въ институтѣ онъ былъ такой строгій, серьезный; въ университетѣ его лекціи были живы и отличались природнымъ юморомъ. Онъ употреблялъ иногда такія мѣткія, чисто русскія выраженія и сравненія, что мы отъ души смѣялись. Онъ былъ большимъ знатокомъ исторіи русскаго права и нашихъ дѣйствующихъ законовъ, но не подвергалъ ихъ на лекціяхъ почти никакому критическому разбору и не объяснялъ намъ никакихъ несовершенствъ нашего тогдашняго законодательства. Казалось, что все такъ и должно быть, что все у насъ верхъ мудрости, совершенства и обезпеченности. Вѣроятно, не убѣжденіе, но опасеніе правительственнаго надзора и доносовъ за либерализмъ дѣлало его такимъ послѣдователемъ существенныхъ порядковъ.

Профессоръ уголовного права, Сергій Ивановичъ Баршевъ, не былъ такъ сдержанъ въ своихъ сужденіяхъ о современномъ ему состояніи его науки, но далеко не отличался такою талантливостію, какъ Морошкинъ или Крыловъ. Его курсъ уголовного права, напечатанный имъ отдѣльною книгою, былъ написанъ крайне тяжелымъ языкомъ. Въ этомъ печатномъ курсѣ авторъ былъ несравненно сдержаннѣе, чѣмъ при изустномъ изложеніи на лекціяхъ, которыя онъ читалъ пронзительнымъ дискантомъ, крайне неувлекательно и неинтересно, и нерѣдко давалъ въ нихъ по нашему законодательству такіе отзывы, за которые ему очень не поздоровилось бы, если бы эти отзывы сдѣлались извѣстны правительству. Баршевъ вообще пользовался репутаціей очень правдиваго чело-вѣка въ жизни, и студенты его уважали.

Очень оригинальную личность представлялъ собою профессоръ Василій Николаевичъ Лешковъ. Онъ читалъ два предмета: международное право и полицейское право, послѣднее подъ названіемъ общественнаго. Чрезвычайно трудолюбивый, безза-вѣтно преданный наукѣ, стойкій въ убѣжденіяхъ онъ являлъ собою очень симпатичную личность для студентовъ, хотя слѣдить

за его лекціями было не легко, вслѣдствіе крайне неясной его дикціи. Онъ говорилъ такъ, какъ будто у него во рту была каша, и брызги слюны такъ и летали во всѣ стороны. Сидѣть близко къ его кафедрѣ было небезопасно. Въ это ужасное время мракобѣсія и деспотизма Лешковъ осмѣливался говорить о правахъ общества и самостоятельности общественныхъ союзовъ. Лешковъ былъ славнофилъ по убѣжденію, но не въ крайнихъ его проявленіяхъ. Онъ изучалъ основательно европейскую науку и принималъ всѣ ея результаты и формы; онъ только старался вложить въ эти формы содержаніе русской жизни. Правда, нѣкоторые его взгляды отличались большою оригинальностью. Такъ, въ Домостроѣ онъ видѣлъ законченную научную систему, въ верви—организованную общину, которой могли позавидовать Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты!.. Педагогическая дѣятельность Лешкова, несмотря на его строгость, носила отпечатокъ постоянной гуманности и для всѣхъ равной мягкости.

О профессорѣ финансоваго права, Мильгаузенѣ, такъ мало сохранилось у меня воспоминаній, что я даже позабылъ его имя и отчество. Помню, что онъ читалъ дѣльно и вообще былъ чловѣкъ очень порядочный, но самая измѣна моей памяти относительно него доказываетъ, что впечатлѣніе, произведенное его лекціями и особой, не было глубоко.

Затѣмъ къ профессорамъ юридическаго факультета необходимо еще причислить профессора церковнаго права, священника Терновскаго, сухаго, строгаго и очень несимпатичнаго студентамъ. Онъ не останавливался ни предъ Божественными, ни предъ чловѣческими законами, чтобы доказать свѣтъ истины, находившейся въ его лекціяхъ, но доказывалъ только одно: что при неумолимой строгости его экзаменовъ и полной съ его стороны возможности дурною отмѣткою повредить каждому противъ него не было другихъ средствъ, какъ зубреніе читавшейся имъ амальгамы, которая составляла предметъ глумленія и кощунства для всѣхъ студентовъ.

Кромѣ этихъ главныхъ предметовъ, чисто юридическихъ, читались на юридическомъ факультетѣ еще нѣсколько вспомогательныхъ, какъ-то: исторія, всеобщая и русская, русская словесность, политическая экономія и статистика и нѣкоторые другіе. Въ числѣ профессоровъ этихъ предметовъ были высокоталантливыя личности. Достаточно сказать, что Тимоѣей Николаевичъ Грановскій, бывший въ то время въ лучшей порѣ своей дѣятельности, читалъ всеобщую исторію. Что за поэтическая личность, какая глубина мысли, какое увлекательное изложеніе! И онъ читалъ безъ всякой тетрадки, даже безъ писанной программы передъ собою! Аудиторія его всегда была полна студентовъ, собиравшихся даже съ другихъ факультетовъ, а такъ какъ у него былъ очень

слабый голосъ, то присутствующіе, чтобы не прорѣнить ни одного слова, окружали его кафедрю густою, сплошною толпою, стояли на ступеняхъ кафедры, записывали, примостившись какъ-нибудь поближе. Тишина невозмутимая обыкновенно царила въ аудиторіи; чувство благоговѣнія къ профессору проникало всѣхъ безразлично и безгранично.

Лекціи русской исторіи Сергѣя Михайловича Соловьева, который въ то время только что составилъ себѣ громкое имя своими диссертациями на степень магистра и доктора и готовилъ къ печати начало своего монументальнаго труда «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», занявшаго всю его жизнь, далеко не были такъ увлекательны, но отличались своею дѣльностью и глубиною взглядовъ, основанныхъ на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Русская исторія въ его изложеніи представлялась не сборникомъ фактовъ, а органическимъ развитіемъ живого цѣлага. Лекціи политической экономіи и статистики читалъ Александръ Ивановичъ Чивилевъ съ образцовою ясностью и послѣдовательностью. Лекціи русской словесности Степана Петровича Шевырева были нѣсколько приторно-сладки, но дышали любовью къ предмету и вообще къ добру. Наконецъ, я слушалъ лекціи Михаила Никифоровича Каткова, составившаго себѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ изданіемъ «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» громкое имя публициста, но долженъ сознаться, что ни одинъ профессоръ не оставилъ въ университетѣ такъ мало слѣдовъ своими лекціями, какъ онъ. Впрочемъ, по не зависѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, о которыхъ скажу ниже, онъ читалъ не тотъ предметъ, къ которому готовился: вмѣсто философіи—логику и, повидимому, если судить по легкости, съ которой онъ относился къ нашимъ отвѣтамъ на экзаменахъ, самъ не придавалъ большого значенія своимъ лекціямъ. На насъ же, студентовъ, его лекціи производили впечатлѣніе тяжелаго, бесполезнаго бремени, и запутанное отвлеченное изложеніе ихъ не возбуждало ни малѣйшаго интереса. Никакъ нельзя было по нимъ сказать, что Катковъ чрезъ короткое время сдѣлается такимъ виднымъ дѣятелемъ на практической почвѣ.

Въ періодъ времени съ 1846—1850 гг., когда я былъ въ университетѣ, стряслась надъ нимъ бѣда, которая даже въ царствованіе императора Николая I была неожиданностью... Въ 1848 году прогремѣла февральская революція: Парижъ, Вѣна, Берлинъ, Пешть, Туринъ, Венеція, Неаполь подняли голову, какъ бы подъ вліяніемъ электрическаго тока. Хотя у насъ было все спокойно, но при такихъ обстоятельствахъ у сосѣдей надобно было отыскать среду, откуда можно было ожидать хоть въ будущемъ «духа противленія». Среда была найдена: университеты и печать. Послѣдовало ограниченіе числа студентовъ въ каждомъ университетѣ, въ томъ числѣ въ московскомъ, тремястами. Въ двухъ округахъ

званіе попечителя было соединено съ званіемъ генераль-губернатора. Отъ профессоровъ потребовали подробныхъ программъ на ревизію особаго комитета. Каѳедра философіи была упразднена, преподаваніе психологіи возложено на профессора богословія, введено обязательное обученіе студентовъ маршированію, установлены строгія правила для ношенія ими форменной одежды. Попечителемъ московскаго университета былъ назначенъ генераль-фронтоникъ Владимиръ Ивановичъ Назимовъ, о крайней ограниченности и невѣжествѣ котораго въ научномъ отношеніи начало ходить въ то время множество самыхъ курьезныхъ анекдотовъ между студентами и въ московскомъ обществѣ. Такъ, рассказывали, что, пріѣхавъ въ университетъ, онъ засталъ студентовъ за урокомъ маршированія. Смутившись присутствіемъ такого военнаго знатока изучаемаго дѣла, студенты нѣсколько замѣшкались, и двое, стоявшихъ рядомъ въ шеренгѣ, подняли ноги: одинъ правую, а другой лѣвую. Привычный взглядъ Назимова тотчасъ же замѣтилъ неправильность, и онъ грознымъ голосомъ закричалъ: «Кто тамъ поднялъ обѣ ноги?» и былъ очень разсерженъ, когда студенты на такое проявленіе силы сообразительности своего мудраго попечителя отвѣчали громкимъ смѣхомъ. Осматривая университетъ и будучи введенъ въ гербарій, Назимовъ попросилъ показать ему гербъ Назимовыхъ. Въ зоологическомъ музеѣ онъ спросилъ имя одной птицы, ему отвѣчали: «Орель».—«Не можетъ быть»,—заявилъ мудрецъ,—орель бываетъ двуглавый, а у этого одна голова. У васъ музей неправильно комплектуется», сдѣлалъ онъ еще выговоръ. На университетскомъ дворѣ, увидавъ кучу мусора, онъ высказалъ свое неудовольствіе смотрителю дома, сказавъ, что онъ не знаетъ даже, какъ убирать мусоръ: для этого обыкновенно вырываютъ яму и туда его зарываютъ. «А куда же дѣвають вырытую землю?»—хотѣлъ спросить смотритель, но не посмѣлъ.

Можетъ быть, въ этихъ анекдотахъ была и доля вымысла, но il n'y a point de fumée sans feu. Про другого не стали бы сочинять подобныхъ анекдотовъ. Не одинъ московскій университетъ, но вся Москва, святая, благочестивая, вѣрнопопданная, «устарѣлая въ преданности», какъ называли ее въ высочайшихъ манифестахъ, по какой-то непонятной связи мыслей императора Николая I поставлена была въ осадное положеніе за вины западно-европейскихъ революціонеровъ. Въ смирную Москву былъ присланъ новый военный генераль-губернаторъ, графъ Закревскій, облеченный большими полномочіями карать и миловать, снабженный очень строгими инструкціями. «Графъ»—такъ коротко стали его называть, и всѣ знали, что дѣло идетъ о Закревскомъ,—началь проявлять свою власть быстро и рѣшительно. «Духа» политическаго «противленія» нигдѣ въ Москвѣ не замѣчалось; все было спокойно. По выраженію Карамзина, «мужи ратные думали свое

дѣло, мужи умные—тоже», но могли быть какія-нибудь нарушенія тишины и установленныхъ порядковъ въ жизни общественной или частной, и Закревскій, давъ себя прежде всего знать издашемъ различныхъ стѣснительныхъ для обывателей Москвы правилъ по полиціи, принялся за подведеніе этихъ сферъ жизни къ знаменателю благоустройства и благочинія. Терпя дѣйствіе существовавшихъ законовъ, которые мы изучали въ университетѣ, лишь изъ снисхожденія, онъ рядомъ установилъ свой собственный порядокъ разбирательства дѣлъ, короткій, какъ Богъ на душу положить, болѣе при помощи отеческихъ внушеній, острстки, угрозъ выслать изъ Москвы административнымъ порядкомъ, не лѣнясь примѣнять эту угрозу и на дѣлѣ. Всѣ полѣзли къ нему со своими дѣлами. Купчиха жаловалась на своего мужа, что онъ ведетъ нетрезвую жизнь, и послѣ сильнаго внушенія «графа» купецъ даетъ подписку, что исправится, да кстати и жертвуетъ солидную сумму на благотворительное учрежденіе по назначенію «графа». Произзошелъ семейный разладъ,—«графъ» также судья и примиритель; набуянилъ кто въ публичномъ мѣстѣ,—также отеческое наставленіе и взыскаііе. Ему все извѣстно, что дѣлается въ семействахъ, при помощи шпіоновъ и распечатанныхъ писемъ. Закревскій былъ простой, совершенно необразованный солдатъ, но на него падали лучи изъ Петербурга, и онъ былъ большой хлѣбосоль, задавалъ на всю Москву пиры и балы, на которыхъ хозяйничали его жена и дочь, — послѣдняя еще не вышла въ то время при живомъ мужѣ за второго мужа и носила фамилію графини Нессельроде ¹⁾. О примѣрахъ произвола «графа», объ его грубости, о развратѣ его жены и дочери вездѣ въ Москвѣ перешептывались, но, благодаря его положенію въ Москвѣ и пирамъ, лица, принадлежавшія къ чванной московской аристократіи, усерднѣйшимъ образомъ пресмыкались въ его переднихъ, добиваясь чести быть приглашенными на празднества, и потомъ хвастались, что удостоились этой чести.

Слова: «графъ», «графъ», «графъ», слышались въ Москвѣ повсюду до тошноты, лакейство передъ нимъ доходило до отвращенія. Ни одного независимаго, громкаго голоса; если говорили противъ него, то шопотомъ, оглядываясь, нѣтъ ли доносчиковъ.

«Графъ» не считалъ возможнымъ оставить безъ своего благотворнаго вниманія и университетъ, хотя послѣдній находился уже безъ того подъ строжайшимъ надзоромъ разныхъ властей и въ томъ числѣ такого благонадежнаго лица, какъ Назимовъ. Универ-

¹⁾ Извѣстно, что графъ Закревскій въ слѣдующее царствованіе былъ смѣненъ съ своего поста за излишнее чувство любви къ дочери. Онъ выдалъ ее замужъ при живомъ мужѣ за другого и снабдилъ новобрачныхъ заграничнымъ паспортомъ, въ чемъ и принесть повинную государю. Авт.

ситету явно показываемо было недоверіе и немилость, его терпѣли не болѣе, какъ неизбѣжное зло, но все-таки терпѣли, и во всѣхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ него виденъ былъ со стороны властей какой-то мистическій образъ. Грановскій въ разговорѣ съ однимъ изъ бывшихъ своихъ слушателей сравнивалъ страхъ предъ университетомъ съ тѣмъ страхомъ, который варвары испытывали передъ Римомъ. И не мудрено: университетъ представлялъ Европу; уничтожить его значило оторваться отъ Петра Великаго и Екатерины, а этого не смѣли сдѣлать и поэтому душили понемногу, стараясь оставить одну форму безъ содержанія.

О всякой шалости, о всякомъ случаѣ буйства студентовъ аккуртно доводилось до свѣдѣнія Закревскаго, и имъ разсматривалось, не было ли тутъ чего-нибудь политическаго. Въ подобнаго рода дѣлахъ и Закревскій, и Назимовъ были люди совершенно компетентные. «Но что дѣлають тамъ профессора, черти бы ихъ побрали? Буйства они себѣ никакого не позволяютъ, но они что-то тамъ «читаютъ», да притомъ не по книгамъ, а такъ, наизусть: На книги есть цензура, а тутъ чортъ знаетъ что такое! Поди, отвѣчай за нихъ; можетъ быть, и что-нибудь противозаконное!» И, вотъ, въ одинъ прекрасный день Закревскій, никого не предупредивъ, пріѣзжаетъ вдругъ въ университетъ, чтобы накрыть злоумышленниковъ на мѣстѣ преступленія. Войдя въ первую попавшуюся залу, онъ очутился на лекціи греческой словесности профессора Гоффмана, которую онъ читалъ по-латыни. Хотя для Закревскаго всѣ языки, кромѣ русскаго, были одинаково неизвѣстны, онъ все-таки не ожидалъ такого афронта и, посидѣвъ двѣ-три минуты, рѣшительно увидѣлъ, что тутъ никакого толка не доберешься. Вынужденный такимъ образомъ ретироваться, онъ явился въ нашу залу, такъ называемую малую юридическую, гдѣ профессоръ Крыловъ читалъ римское право. Наученный опытомъ, Закревскій уже отказался отъ предложеннаго ему кресла и, опершись на саблю, сталъ подлѣ кафедры и предложилъ Крылову продолжать лекцію. Крыловъ началъ читать прерванную лекцію, мы опять заскрипѣли перьями.

— Какъ это они успѣвають такъ скоро писать за вами?—прервалъ черезъ нѣсколько фразъ мудрый сановникъ.

— Они, ваше сіятельство, записываютъ сокращенно, потомъ вечеромъ вмѣстѣ собираются и дополняютъ, исправляютъ записанное,—отвѣчалъ Крыловъ.

Этимъ и окончилось прохожденіе университетскаго курса Закревскимъ: болѣе нога его никогда не была въ этомъ притонѣ всякихъ зловредныхъ ученій и пустой траты времени.

V.

Студенты старшаго курса московскаго университета въ періодъ его разгрома.— Стѣсненіе обывателей полицейскими мѣропріятіями.—Выпускные экзамены.—Политическія идеи въ студенчествѣ.—Д. Е. Кожанчиковъ.—Семейныя событія.—Фанни Эльснеръ.—Переѣздъ автора въ Петербургъ.

На меня лично этотъ московскій режимъ не распространился. Въ то время, когда онъ вступалъ въ силу и получалъ развитіе, въ 1849 и 1850 гг., я уже принадлежалъ къ оканчивающимъ курсъ: императоръ Николай I считалъ насъ уже неисправимыми, махнулъ на насъ рукой, профессора продолжали читать прежній курсъ своихъ лекцій, маршировкѣ насъ вовсе не учили. Университетское начальство сосредоточило свое попечительство на низшихъ курсахъ, принадлежавшихъ къ этимъ курсамъ хотѣло спасти отъ гибели. Только въ двухъ отношеніяхъ чувствовалось много стѣсненія. Намъ вмѣнено было въ обязанность носить треугольную шляпу и шпагу не только при мундирѣ въ исключительныхъ случаяхъ, въ высокаторжественные дни и въ общественныхъ собраніяхъ, когда обычай требуетъ фрака, но и ежедневно. Это требованіе усложнялось, когда въ Москву пріѣзжалъ императоръ или великій князь Михаилъ Павловичъ. На эти дни заставляли насъ шляпы, которыя мы обыкновенно носили вдоль головы, носить поперекъ, съ поля, вѣроятно, чтобы такимъ неудобнымъ помѣщеніемъ головного убора побудить насъ ни минуты не забывать о присутствіи августѣйшихъ особъ въ первопрестольной столицѣ. Всѣ треугольныя студенческія шляпы были сдѣланы, чтобы ихъ носить вдоль головы; помѣщенныя поперекъ, онѣ не держались, сбивались вѣтромъ, падали при каждомъ неосторожномъ движеніи головы и вообще представляли самый печальный видъ. А тутъ приходилось еще при встрѣчѣ съ императоромъ или великими князьями становиться во фронтъ и спускать шинель съ лѣваго плеча... Особенно намъ страшенъ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Со страстью виртуоза преданный дѣлу фронтальной выправки, онъ питалъ къ студентамъ по неспособности ихъ къ этой важной наукѣ безграничное презрѣніе и посылалъ ихъ на гауптвахту для исправленія за несоблюденіе формы.

Другое стѣсненіе касалось не однихъ студентовъ, но вообще московскихъ обывателей. Извѣстно, какое высокое наслажденіе для истаго москвича имѣетъ чаепитіе въ трактирѣ подъ звуки такъ называемой машины, т.-е. органа или оркестріона, разыгрывающаго цѣлыя годы десятка два все однѣхъ и тѣхъ же мелодій. Какъ прирожденные москвичи, и мы, студенты, по часамъ просиживали за двумя или тремя «парами» чая (счисленіе, основанное на количествѣ кусковъ сахара, поданнаго къ чаю), обсуждая всякія

событія, только что прочтенныя въ послѣднемъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей», выходившихъ только три раза въ недѣлю тетрадами, или въ «Сѣверной Пчелѣ» Греча и Булгарина, единственныхъ двухъ газетахъ того времени, или обмѣниваясь взглядами по поводу прослушанной лекціи профессора. У студентовъ были свои излюбленные трактиры, свои любимые столы, свои знакомые полые, красивые ярославцы въ бѣлыхъ длинныхъ рубахахъ, прислуживавшіе имъ, знавшіе не только вкусы нашихъ желудковъ, но и наши университетскіе интересы, надежды и опасенія, знавшіе, какой предметъ кто читаетъ, какъ кто экзаменуетъ, кто какого профессора боится. Что, казалось бы, могло быть болѣе законнаго и позволительнаго, какъ подобное препровожденіе времени? Однако Закревскій нашель и здѣсь возможнымъ сдѣлать неприятность обывателямъ Москвы, да еще какую неприятность: прямо поразилъ въ сердце. По какимъ-то высшимъ государственнымъ соображеніямъ, онъ призналъ необходимымъ возвысить сумму, платившуюся откупщикамъ трактирщиками за право продажи вина и водки въ трактирахъ. Трактирщики уперлись, объясняя, что они не въ силахъ вносить сумму болѣе той, какую до тѣхъ поръ платили. Закревскій въ наказаніе велѣлъ печатать въ трактирахъ органы, стоившіе ихъ владѣльцамъ десятки тысячъ рублей и доставлявшіе такую усладу посѣтителемъ. И такое произвольное распоряженіе имѣло силу нѣсколько лѣтъ, до слѣдующаго царствованія. «Но неужели трактирщики не могли жаловаться на такую несправедливость? Что же молчала печать?»—спроситъ современный москвичъ въ удивленіи (іюль 1881 года). Но не надо забывать, что, по тогдашнимъ понятіямъ, жалоба трактирщиковъ на распоряженіе начальства имѣла бы значеніе осужденія распоряженія правительства съ составленіемъ скопа или заговора, т.-е. значеніе политическаго преступленія, а за это одна дорога—Сибирь. «Московскія Вѣдомости» же, если бы и захотѣли подѣлиться своими мыслями съ читателями по этому предмету, не могли бы этого сдѣлать по той простой причинѣ, что такого безчинства не позволилъ бы цензоръ, подчиненный «графу» и просматривавшій каждую строчку.

Быстро промелькнули четыре года университетской жизни. Я проходилъ курсъ наукъ очень хорошо, получалъ на экзаменахъ постоянно высшіе баллы и получалъ ихъ при помощи не зубренія, но путемъ сознательнаго усваиванія каждаго предмета. Выучившись почти самоучкой свободно читать по-французски, я читалъ много разныхъ французскихъ книгъ, но недостатокъ моего первоначальнаго образованія мѣшалъ мнѣ въ моемъ специальномъ предметѣ обращаться непосредственно къ латинскимъ источникамъ, и я судилъ о нихъ только по французскимъ или русскимъ переводамъ. На экзаменѣ же латинскаго языка пришлось мнѣ смошен-

ничать и притомъ такъ, что я самъ удивился моей удали. Вслѣдствіе недостаточнаго знанія латинскаго языка со стороны студентовъ, онъ преподавался въ университетѣ. Это былъ профессоръ Фабриціусъ, который читалъ намъ *corpus juris civilis* Юстиніана, т.-е. заставлялъ насъ переводить его. Экзаменъ приближался уже къ концу, и я былъ вызванъ послѣднимъ. Произошло какое-то замѣшательство, надо было перенести баллы изъ черноваго списка въ бѣловой, и профессоръ вмѣстѣ съ ассистентомъ занялись этимъ, не указавъ мнѣ на страницу, которую предназначалось мнѣ перевести. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ профессору съ вопросомъ, я смѣло развернулъ книгу на знакомомъ мнѣ мѣстѣ и началъ готовиться къ переводу, а потомъ указаль ее къ переводу профессору. Дерзость была такъ велика, что прошла благополучно, и я получилъ удовлетворительную отмѣтку.

Что касается политическихъ моихъ убѣжденій, то чтеніе французскихъ книгъ имѣло на это большое вліяніе. Мнѣ удалось прочесть въ то время книгу Луи Блана «*Histoire de dix ans*», строго запрещенную. Она произвела на меня большое впечатлѣніе, хотя была не что иное, какъ памфлетъ. Я бредилъ высказанными въ ней теоріями, казавшимися мнѣ неопровержимыми. Потомъ я перешелъ къ другимъ социалистическимъ сочиненіямъ. А *chaque selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres*—сдѣлалось моею теоріею. Но послѣ и этого стало мало, и *la propriété c'est un vol*—вотъ та теорія, которую я проповѣдывалъ по Прудону. То же, что и теперъ. Немного ушла впередъ учащаяся молодежь въ увлеченіи: доказательство, что нѣтъ ничего ужаснаго въ ся бредняхъ. Поставленный лицомъ къ лицу съ опытомъ жизни, я не замедлилъ убѣдиться, что въ этихъ завиральныхъ идеяхъ нѣтъ ни на грошъ практической правды. А если бы въ то время сдѣлались извѣстны правительству мои теоріи, разрушена была бы вся карьера.

Русскія книги, вышедшія въ то время, какъ по части исторіи, такъ и беллетристики, русскіе журналы читались мною съ жадностью, хотя все это было искажено цензурой. Надо замѣтить, что въ это время вышли «Мертвыя души» Гоголя.

Въ числѣ нашихъ знакомыхъ этого времени очень интересную личность представлялъ Дмитрій Евѣимовичъ Кожанчиковъ, впоследствии извѣстный книгопродавецъ и издатель. Какъ товарищъ моего брата по гимназіи, онъ ходилъ къ намъ. Мы съ братомъ Клавдіемъ спали на полу въ той самой комнатѣ, гдѣ пила матушка чай вечеромъ, по возвращеніи съ уроковъ. Сюда приходилъ братъ съ Кожанчиковымъ, какъ уже взрослые, чтобы бесѣдовать съ матушкой. Бывало проснешься, сквозь сонъ увидишь эту картину и затѣмъ уснешь опять какъ убитый. Кожанчиковъ былъ сынъ крѣпостнаго человѣка, управлявшаго имѣніемъ Загоскина, автора «Юрія Милославскаго», директора московскихъ театровъ. Отецъ

отдалъ его въ гимназію, но сынъ не долго въ ней оставался и, кажется, будучи еще во второмъ классѣ, женился по любви. Рябой, неуклюжій, съ огромнымъ ротомъ, онъ былъ крайне некрасивъ собою. Кожанчиковъ долженъ былъ выйти изъ гимназіи и поступилъ по найму въ дирекцію театровъ. Здѣсь онъ проводилъ меня иногда въ театръ даромъ, что при отсутствіи у меня копейки денегъ было для меня большимъ удовольствіемъ. Такъ, помню, когда въ Москвѣ существовала итальянская опера, я видѣлъ при его посредствѣ одинъ разъ «Велизарія» Доницетти; я единственный только разъ и видѣлъ эту оперу. Черезъ нѣсколько времени, однако, эти подарки билетовъ получили постоянный характеръ.

Братъ уѣхалъ въ Петербургъ, я поступилъ въ университетъ. Однажды пришелъ ко мнѣ Кожанчиковъ и засталъ меня за чтеніемъ «Histoire de dix ans» Луи Блана. Надо сказать, что я чрезвычайно увлекался этой запрещенной книгой. Я началъ переводить Кожанчикову теоріи социалистовъ и коммунистовъ, которыя были изложены въ ней довольно ясно, и онъ вздумалъ записывать подь мою диктовку. Кожанчиковъ и до этого времени интересовался нашей литературой и читалъ почти все новое, что появлялось у насъ по части беллетристики или исторіи, но французскаго языка онъ вовсе не зналъ. Теперь ему пришлось познакомиться съ новыми теоріями, да еще коснуться запрещеннаго. Можно себѣ представить, какой это представляло интересъ.

Вскорѣ я ему предложилъ вмѣсто того, чтобы переводить книгу, выучиться по-французски и началъ съ нимъ читать романъ Жоржъ-Зандъ «Indiana». Онъ принялся за дѣло съ величайшимъ рвеніемъ. Года черезъ два, когда я окончилъ курсъ въ университетѣ, онъ читалъ книги по-французски уже очень порядочно. У него былъ шкапъ, биткомъ набитый запрещенными книгами на французскомъ языкѣ, проповѣдующими теоріи самыя крайнія, невозможныя. Отъ такихъ теорій шкапъ его могло взорвать: такими взрывчатыми теоріями онъ былъ наполненъ. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ Кожанчиковъ перебрался въ Петербургъ и при помощи Краевскаго завелъ книжный магазинъ въ Петербургѣ, потомъ въ Казани, въ Варшавѣ. До 1875 года онъ велъ издательскую дѣятельность на большую руку.

Мой французскій языкъ помогъ Кожанчикову жениться во второй разъ, когда онъ овдовѣлъ съ кучею дѣтей. Онъ женился на гувернанткѣ своихъ дѣтей, нѣмкѣ, говорившей немного по-французски, съ которой онъ такимъ образомъ могъ объясняться въ своихъ чувствахъ. Она оказалась очень хорошею женщиной и народила ему, въ свою очередь, много дѣтей. Я поддерживалъ съ нимъ всю жизнь самыя близкія отношенія, и онъ былъ постояннымъ моимъ партнеромъ въ преферансъ, въ который онъ игралъ со страстью, хотя всегда по маленькой.

Въ эти годы произошли еще два знаменательныхъ событія въ нашей жизни. Матушка купила домъ и купила не совсѣмъ удачно, а сестра вышла замужъ и вышла еще неудачнѣе. И, къ сожалѣнію, я былъ совѣтникомъ въ обоихъ дѣлахъ. Не знаю, какія побужденія руководили матушкою при покупкѣ дома, на который она истратила деньги, съ такимъ трудомъ нажитыя. Домъ былъ неудобный и неудобный для нашего житья. Пришлось пристраивать флигель, что при отсутствіи у матушки всякой опытности въ этого рода дѣлахъ было болѣе чѣмъ неосторожно. Замужество сестры съ Павломъ Давыдовичемъ Бражниковымъ было также необдуманно и сдѣлано, повидимому, чтобы выдать ее за кого-нибудь замужъ. Онъ служилъ въ то время въ канцеляріи московскаго генералъ-губернаторства и жилъ однимъ жалованьемъ въ тысячу двѣсти рублей ассигнаціями. Не справившись надлежащимъ образомъ, что это за человѣкъ, начали устраивать сватовство, и я, къ сожалѣнію, принималъ въ немъ участіе. Бракъ оказался крайне несчастливъ. Воспитанникъ базилианскаго монастыря, Бражниковъ усвоилъ себѣ пріемы отношенія къ женѣ и воспитанія дѣтей, основанные на безпрекословномъ повиновеніи и истязаніи дѣтей. По сварливому своему характеру онъ не могъ ужиться ни на одномъ мѣстѣ, ни на частномъ, ни на казенномъ, постоянно ссорился и мѣнялъ мѣста. Все это отражалось на семьѣ самымъ тяжкимъ образомъ. Наконецъ, проживъ съ женою двадцать шесть лѣтъ, онъ бросилъ семью на произволъ судьбы, составивъ себѣ порядочное состояніе при помощи денегъ, полученныхъ въ приданое, и различныхъ аферъ. Онъ не только не помогалъ многочисленной семьѣ, но преслѣдовалъ ее, жену и дѣтей, клеветою, доносами и всякими низкими способами. Въ оправданіе его я долженъ сказать, что всѣ поступки его были такъ невѣроятны, безобразны и противоестественны, что нельзя было не приписать ихъ сумасшествію. Я помогалъ сестрѣ и помогъ издать «Англо-русскій» и «Русско-англійскій» словари, ею составленные. Кромѣ того, она давала уроки музыки и этимъ докончила воспитаніе своихъ дѣтей. 14-го декабря 1881 года ея не стало: сильныя огорченія и оскорбленное самолюбіе съ одной стороны, непрерывная забота и работа съ другой—внезапно положили конецъ ея многострадальной жизни. Съ ней сдѣлался ударъ. Кончина ея произвела страшное впечатлѣніе на всѣхъ окружающихъ, такъ какъ она казалась совершенно здоровою. Горестъ дѣтей не знала предѣловъ. Не оконченный «Русско-англійскій словарь» поступилъ на попеченіе дочери ея, племянницы моей, Татьяны, подъ моимъ ближайшимъ надзоромъ ¹⁾).

¹⁾ Послѣ смерти К. А. Манна 27-го декабря 1882 г. дѣло печатанія «Англо-русскаго» и «Русско-англійскаго» словарей А. Александрова сосредоточилось всецѣло въ

Правительственный гнетъ Закревскаго распространился и на сферу общественной жизни, и московскіе театры были доведены въ 1848 году и послѣдующихъ ближайшихъ годахъ до степени совершеннаго ничтожества, особенно оперный театръ, какъ будто здѣсь-то и скрывалась главная опасность престолу и отечеству. Прощѣталъ только балетъ, въ который была приглашена изъ-за границы извѣстная танцовщица Фанни Эльснеръ. Она приводила Москву въ восторгъ до такой степени, что почитатели ея таланта послѣ одного изъ спектаклей выпрягли изъ ея кареты лошадей и на себѣ отвезли ее домой.

Въ концѣ мая 1850 года я окончилъ курсъ въ университетѣ. Не могу сказать, чтобы чувство было особенно радостное: сердце какъ-то сжалось. Я жилъ университетскою жизнью и теперь вдругъ становился полноправнымъ гражданиномъ... Матушка удѣлила мнѣ изъ своего капитала сотни двѣ-три и обмундировала меня съ грѣхомъ пополамъ. Для того, чтобы судить, какъ полно было это обмундированіе, достаточно сказать, что у меня не было сюртука, а былъ фракъ и лѣтнее пальто; теплое же пальто и шинель обѣщано было прислать въ Петербургъ. Но зато пальто было свѣтлоголубого цвѣта, а панталоны къ нимъ свѣтло-желтаго. Мой братъ послѣ назвалъ ихъ «аптекарскими». Этотъ цвѣтъ былъ нами избранъ вмѣстѣ съ моимъ другомъ Θεоктистовымъ, по примѣру извѣстнаго московскаго франта, князя Вадбольскаго. Упоминаю объ этомъ, чтобы показать, какъ мы были въ то время легкомысленны и какъ мало имѣли понятія о франтовствѣ. Не то, что теперь, когда каждому студенту извѣстны всѣ тайны туалета еще съ перваго курса. Одно только пальто, да и то небеснаго цвѣта!

Моей матушкѣ хотѣлось поскорѣе сбыть меня съ рукъ долой, а потому я не засидѣлся въ Москвѣ. Въ послѣднихъ дняхъ іюля я уже отправился въ Петербургъ къ моему старшему брату, который служилъ въ Петербургѣ уже четыре года,—не понимая порядкомъ, что я оставлялъ въ Москвѣ и что приобрѣталъ въ Петербургѣ. Я отправлялся въ дилижансѣ, потому что желѣзной дороги въ то время еще не было. Нѣсколько товарищей, оставшихся

ея рукахъ, причѣмъ каждое послѣдующее изданіе той и другой части настолько отличается отъ предыдущаго въ смыслѣ цѣлесообразности подбора лексическаго матеріала, а равно полноты и точности переводовъ, что въ новѣйшихъ своихъ изданіяхъ 1910 г. объемъ названныхъ словарей увеличился по сравненію съ первыми изданіями чуть ли не вдвое. Въ виду изложеннаго, въ опроверженіе всевозможныхъ вымышленныхъ свѣдѣній объ авторахъ словарей А. Александрова, помѣщенныхъ въ различныхъ энциклопедическихъ словаряхъ, находимъ неизлишнимъ разъяснить, что словаря А. Александрова представляютъ собою по преимуществу женскій трудъ, являющійся образцомъ исключительной эрудиціи и работоспособности и что выдающіяся достоинства этихъ словарей вызвали на нихъ спросъ за границу и своевременно отмѣчены были иностранной ученой критикой. Съ 1897 г. Т. П. Бражникова состоитъ въ замужествѣ со мною. А. М.

еще въ Москвѣ, собрались проводить меня, матушка, сестра.. Сильно защемило мое сердце, когда я сѣлъ въ карету, заливаясь слезами. Въ Петровскомъ паркѣ, чрезъ который лежалъ нашъ путь, дождался насъ Василій Михайловичъ Лосевъ. Онъ вышелъ ко мнѣ на дорогу, чтобы хоть знаками пожелать мнѣ счастливаго пути. Я опять не могъ сдержать слезъ и долго потомъ не былъ въ состояніи успокоиться.

Послѣ четырехдневнаго путешествія въ сообществѣ съ какимъ-то англичаниномъ, говорившимъ немного по-французски, я 1-го августа 1850 года въ девятомъ часу утра вступилъ на почву Петербурга.

К. А. Маннъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЕДИНЪ ГОСПОДЬ.

(Изъ недавняго прошлаго) ¹⁾.

I.

А ГЛАВНОЙ городской площади, примыкавшей къ единственной въ городѣ православной церкви, съ ранняго утра замѣтно было особое оживленіе. Обычно здѣсь ютились лишь ожидавшіе ѣздоковъ извозчики, да о-бокъ съ ихъ дрожками разгуливали сытые, нахохлившіеся голуби. Прохожіе появлялись рѣдко. Если же кто случайно и попадалъ на площадь, то торопливо шагаль къ улицѣ, какъ бы стѣняясь, что рѣшился пройти по безлюдной площади. Сегодня же здѣсь чуть не съ разсвѣтомъ появились адъютантъ мѣстнаго полка поручикъ Сосницкій, четыре батальонныхъ адъютанта и всѣ полковые жалонеры съ яркими значками ихъ ротъ и батальоновъ, прикрѣпленными къ штыкамъ винтовокъ.

— Эй, восьмая рота, прими немного вправо!—сидя верхомъ, громко выкрикиваль поручикъ Сосницкій, выравнивая жалонеровъ.—Третья, чуть влѣво. Еще, еще немного. Вотъ такъ, довольно... Двѣнадцатая, чище въ затылокъ. Чище!..

Жалонеры, держа ружья «подъ высь», старательно тянули впередъ свои подбородки, пристально впивались глазами въ затылокъ впереди стоящаго товарища и, семеня ногами, принимали то на-

¹⁾ Въ этомъ сказѣ всѣ фамиліи, за исключеніемъ К. В. Церпицкаго, вымышлены.

лѣво, то направо, пока адъютантъ, назвавъ нумеръ роты, не кричалъ: «Стой! Довольно!»

Готовились къ смотру. И падкіе до зрѣлицъ горожане мало-помалу заполняли площадь, чтобы занять лучшее мѣсто. Прежде всего изъ ближайшихъ домовъ собралась босоногая дѣтвора. Потомъ къ нимъ примкнули свободные по случаю праздничнаго дня гимназисты и гимназистки. Еще позднѣе подошли разные мастеровые, приказчики и конторщики. Когда же звонкій благовѣсть въ церкви и многочисленныхъ костелахъ возвѣстилъ объ окончаніи службы, изъ всѣхъ улицъ хлынула огромная пестрая толпа, быстро запрудившая всю площадь.

Занимая громадное пространство, сплошь застроенное гигантскими домами, обширными фабриками и заводами, уѣздный городъ Лодзь, какъ по красотѣ своихъ стросній, такъ и по количеству населенія, не только превосходилъ большинство русскихъ губернскихъ городовъ, но почти уподоблялся столичному городу. Роскошные магазины, великолѣпные отели и кафе, прекрасные, широкіе тротуары, чудныя, высланныя плитками мостовыя, нарядная толпа—все это производило впечатлѣніе большого «заграничнаго» города. Однако большимъ и «культурнымъ» онъ былъ лишь по внѣшности. Въ дѣйствительности же населеніе Лодзи жило мелкими, будничными интересами. Церковный парадъ мѣстнаго гарнизона, пожаръ хотя бы самаго незначительнаго зданія, проѣздка пожарныхъ—привлекали толпы народа, не знавшаго здѣсь другихъ развлеченій, кромѣ уличныхъ скандаловъ, происшествій и другихъ мелочныхъ событій типическаго уѣзднаго характера.

Дѣлясь по національности на четыре обособленные группы, изъ которыхъ самыми многочисленными были еврейская и польская, а наименьшей русская, лодзинцы тѣмъ не менѣе знали всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ жителей своего города, о многихъ изъ нихъ могли рассказать всю подноготную, включительно до того, кто и что готовить на обѣдъ, интересовались семейными событіями своихъ согражданъ и сплетничали даже о незнакомыхъ при каждой встрѣчѣ другъ съ другомъ. Три мѣстныя газеты, польская, еврейская и нѣмецкая, какъ вѣрныя дочери провинціального города, не уступали въ сплетничаньѣ читателямъ, любили вторгаться въ частную жизнь обывателей, охотно сообщали не провѣренные слухи и вообще конкурировали другъ съ другомъ, стараясь дать какъ можно больше новостей. Впрочемъ, всѣмъ тремъ имъ рѣдко удавалось предупредить четвертую, наиболѣе быструю и ловкую газету, отличавшуюся отъ остальныхъ трехъ городскихъ газетъ тѣмъ, что у нея не было ни редактора, ни редакціи, ни наборщиковъ, ни типографіи, ни даже обязательной принадлежности всякаго изданія—названія. Нигдѣ не печатаясь, газета эта имѣла столько газетчиковъ, сколько было гражданъ въ городѣ, и потому распространявшіяся ею но-

вості облетали огромную Лодзь почти съ быстротой молніи. «Шу-шу-шу», раздавалось часто на ушко въ одномъ концѣ города, и скоро то же «шу-шу-шу», только нѣсколько пріукрашенное новыми подробностями, слышалось уже на другомъ концѣ. И сообщенія этой газеты, распространявшіяся на всѣхъ языкахъ, какими пользовались лодзинцы, проникали изъ дома въ домъ, изъ одной сословной и національной группы въ другую, не исключая даже самой замкнутой—нѣмецкой. Стоило какой-нибудь парочкѣ подольше задержаться въ городскомъ саду, объ этомъ двуногая газета уже трубила на всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ кафе и кондитерскихъ. А ужъ если въ городъ пріѣзжало новое лицо, въ видѣ вновь назначеннаго полицеймейстера, новаго командира мѣстнаго полка или хотя бы незначительнаго акцизнаго чиновника, «шу-шу» гудѣло и шумѣло съ особымъ рвеніемъ. Интересныя подробности о новомъ лицѣ сыпались со всѣхъ сторонъ, какъ изъ рога изобилія. И долгое время Лодзь питалась только разговорами о новомъ согражданинѣ.

II.

Двуногая газета, а за ней и всѣ три печатныя газеты задолго подготавливали лодзинцевъ къ предстоящему смотру издавна стоявшаго здѣсь 37-го Екатеринбургскаго полка. Едва ли не раньше, чѣмъ появился приказъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», здѣсь пронесся слухъ, что полкъ приметъ новый командиръ, извѣстный полковникъ Церпицкій, имя котораго не разъ упоминалось на столбцахъ столичной прессы.

Дѣльный, энергичный, исполнительный служака и требовательный начальникъ, Церпицкій въ молодыхъ чинахъ обратилъ уже на себя вниманіе начальства, быстро двинулся по службѣ, сталъ лично извѣстенъ государю и рано получилъ полкъ, шефомъ котораго былъ молодой еще тогда императоръ Германіи, нынѣ царствующій Вильгельмъ II. Это обстоятельство, въ связи съ пріѣздомъ Вильгельма въ Россію, и послужило началомъ болѣе широкой популярности Церпицкаго. Раньше о немъ поговаривали только въ военныхъ кругахъ. Разсказывали о его лихой службѣ подъ начальствомъ Скобелева; передавали о находчивости и остроуміи молодого полковника; записывали и запоминали его мѣткія *bons mots*. Но все это лишь среди военныхъ. Штатское общество о Церпицкомъ не слыхало. А тутъ вдругъ о немъ заговорили во всѣхъ салонахъ Петербурга, затѣмъ Москвы, а оттуда разсказы о смѣломъ и лихомъ полковникѣ проникли и въ провинцію.

Первый разсказъ былъ таковъ.

Во время пребыванія Вильгельма въ Россіи послѣдній посѣтилъ Красное Село и, наблюдая здѣсь маневры красносельскихъ

войскъ, былъ восхищенъ молодецкой атакой одного изъ полковъ полевого редута.

— Это гвардія?—спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество,—отвѣтили Вильгельму.— Это 85-й пѣхотный Выборгскій имени вашего величества полкъ.

— Ахъ, вотъ какъ,—самодовольно улыбаясь, проговорилъ императоръ, бывший какъ разъ въ формѣ своего русскаго полка.— Такъ это мой полкъ, почетнымъ карауломъ отъ котораго я уже имѣлъ случай любоваться? Нельзя ли пригласить ко мнѣ его командира, полковника Церпицкаго? Я хочу, еще разъ выразить ему свое удовольствіе.

Увѣдомленный о желаніи шефа, Церпицкій лихо подскакалъ къ императорскому павильону.

— Благодарю васъ,—обратился къ нему Вильгельмъ:—что вы такъ чудно обучили мой полкъ. Я надѣюсь, что такіе молодцы сумѣютъ столь же доблестно взять не только полевою редутъ на маневрахъ, но и любой городъ, хотя бы и столицу, во время войны.

— Они уже брали, ваше величество,—не моргнувъ глазомъ, отвѣтилъ Церпицкій.

— Да? Какую же именно?

— Берлинъ, ваше величество.

III.

Вслѣдъ за этимъ разсказомъ посыпались и другіе. Къ одному правдивому факту досужіе краснобаи приплетали съ десятокъ вымышленныхъ. Церпицкій сталъ входить въ моду. Гдѣ-то появился его портретъ, перепечатанный другими изданіями. И скоро о немъ заговорили, какъ объ одномъ изъ выдающихся и оригинальнѣйшихъ офицеровъ русской арміи. «Церпицкій за словомъ въ карманъ не полѣзеть»; «Церпицкій дастъ отвѣдъ какому угодно начальству»; «Церпицкій здороваётся съ солдатами за руку»; «для офицеровъ это настоящая гроза»; «Церпицкій чрезвычайно строгъ, но въ то же время добръ и справедливъ»; «Церпицкій всегда готовъ выкинуть такую штучку, что только ахнешь». Подобная характеристика далеко разлетѣлась по Руси и успѣла докатиться до Лодзи задолго до того, какъ Церпицкій, благодаря столкновенію съ начальникомъ дивизіи, долженъ былъ сдать командованіе шефскимъ Выборгскимъ полкомъ и принять заброшенный на далекую окраину 37-й Екатеринбургскій полкъ.

Падкая до новостей Лодзь, конечно, уже знала о конфликтѣ Церпицкаго съ его начальникомъ, и мѣстныя газеты, главнымъ образомъ двуногая, передавая всевозможные и даже невозможные анекдоты о Церпицкомъ, называли его кандидатомъ на освободившійся постъ командира мѣстнаго Екатеринбургскаго полка.

На этотъ разъ газеты оказались правы. Получаемый въ полку офиціозный «Русскій Инвалидъ» подтвердилъ слухъ о назначеніи Церпицкаго въ Лодзь, а скоро полковымъ адъютантомъ была получена и телеграмма отъ новаго командира, извѣщавшаго о днѣ своего прибытія.

Екатеринбуржцы лихорадочно готовились къ смотру. Въ казармахъ и на дворѣ всюду чистили, скребли, мыли. Портные, подъ руководствомъ завѣдующаго хозяйствомъ, занялись починкой и пригонкой обмундирования. Ротные командиры съ утра и до ночи гоняли солдатъ «церемоналомъ». Капельмейстеръ разучивалъ съ музыкантами полковой маршъ того полка, гдѣ началъ свою службу Церпицкій. Офицерство спѣшно приводило въ порядокъ потрепанные мундирчики. Командиръ нестроевой роты насѣдалъ на обозныхъ и мастеровыхъ, заставляя все чистить и чинить. Словомъ, работы было всѣмъ по горло, и работали не токмо за совѣсть, но больше за страхъ, ибо знали, что отъ глаза Церпицкаго ничего не скроешь.

Слѣдѣвшую на екатеринбуржцевъ лихорадку раздѣляли и штатскіе граждане Лодзи, особенно женскій полъ, достаточно освѣдомленный о представительной и статной наружности молодого и холостого полковника. О романическихъ приключеніяхъ его здѣсь рассказывали гораздо больше, чѣмъ зналъ онъ самъ, и потому женскій муравейникъ волновался не меньше офицеровъ, ожидавшихъ грознаго начальника. Заботливыя маменьки готовили наряды для своихъ дочерей-невѣстъ, а кокетливыя дамочки шили и для себя. Болѣе же богатыя модницы отправились даже въ Варшаву, чтобы тамъ въ первоклассныхъ магазинахъ запастись послѣдними *cris de mode*.

IV.

Но вотъ, наконецъ, пріѣхалъ Церпицкій. Вѣсть объ этомъ мгновенно облетѣла весь городъ, а слѣдомъ за ней пронеслась другая вѣсть: пріемъ полка будетъ происходить завтра, въ воскресенье, на городской площади, тотчасъ по окончаніи обѣдни.

Рѣдко лодзинская православная церковь видѣла въ своихъ стѣнахъ столько молящихся, какъ сегодня. Обычно тутъ собирались кое-кто изъ русскихъ чиновниковъ, немногія наиболѣе религіозныя дамы да пять-шесть офицеровъ и подпрапорщиковъ, назначаемыхъ въ церковь по наряду для сопровожденія солдатъ. Теперь же средину храма занималъ весь полкъ въ полномъ составѣ; впереди стояли всѣ мѣстные чиновники съ ихъ чадами и домочадцами; рядомъ съ ними въ бѣлыхъ платьяхъ усердно молились полковыя дамы; а по бокамъ, позади нижнихъ чиновъ и на хорахъ, тѣсно толпились мѣстные обыватели и обывательницы, предпочитавшіе на сей разъ вмѣсто костела посѣтить православный храмъ.

Любительскій хоръ, усиленный голосами лучшихъ полковыхъ пѣвчихъ, въ теченіе всей обѣдни исполнялъ исключительно концертные напѣвы, придавая тѣмъ богослуженію великопраздничную торжественность. Духовенство облачилось въ лучшія ризы. Отецъ настоятель, исполнявшій одновременно обязанности полкового священника, произнесъ витѣватое привѣтственное слово. А переполнившая храмъ публика, не вслушиваясь ни въ напѣвы пѣснопѣній, ни въ слова молитвъ и проповѣди, старалась поближе протиснуться впередъ, пылливо вытягивала шею, наполненная одною мыслью, однимъ желаніемъ получше рассмотреть знаменитаго полковника.

Служба кончилась. Присутствовавшая въ церкви городская знать прикладывалась къ кресту. Солдаты, скрипя сапогами, то ропливо направились къ выходу, чтобы поскорѣе занять обозначенныя жалонерами мѣста. Офицеры суетились, кричали, выравнивая ряды ротъ. Кругомъ же изъ всѣхъ улицъ вливались на площадь потоки пестрой толпы. Дамы и барышни въ роскошныхъ нарядахъ, франты въ котелкахъ и мягкихъ шляпахъ, учащіяся въ формѣ, рабочіе въ праздничныхъ пиджакахъ, какія-то женщины въ платочкахъ—все это перемѣшалось, двигалось, гудѣло и, толкая другъ друга, стремилось пробраться къ рядамъ войскъ. Гдѣ-то слышался звонкій смѣхъ; гдѣ-то спорили; кто-то на кого-то кричалъ; въ другомъ мѣстѣ раздавался визгливый плачъ ребенка и гдѣ-то тамъ же ему вторилъ тоже визгливый, разсыпчатый лай собачонки. Прифрантившіеся околоточные и городовые, держа руки вытянутыми впередъ, ходили между рядами полка и толпой, прося публику отодвинуться назадъ и не напирать.

Вдругъ громкій, зычный окрикъ неожиданно вырвался изъ слитнаго гула звуковъ и почти мгновенно придавилъ шумъ толпы:

— Смирна-а! Глаза налѣво! Слушай, на кра-уль!

Грянулъ маршъ. Площадь смолкла, на мгновеніе замерла, потомъ снова зашезелилась. Взоры всѣхъ устремились къ храму.

Отъ церкви, верхомъ на бѣломъ конѣ, медленно двигался интриговавшій всѣхъ Церпицкій. Привезенный имъ съ собою красавецъ-конь, игриво приплясывая, кольцомъ согнулъ свою стройную шею и, слегка встряхивая головою, привычно продвигался сквозь густую толпу.

Привѣтливо улыбаясь, бравый полковникъ высоко взмахнулъ рукой, давъ знакъ музыкантамъ замолчать, и, лишь только замерли звуки марша, звонко бросилъ:

— Здорово, молодцы екатеринбуржцы!

— Здравія желаемъ, выше высокоблагородіе!—въ тактъ, какъ одинъ, вырвалось изъ тысячи солдатскихъ глотокъ,

V.

Начался объѣздъ рядовъ. На площади водворилась полная тишина. Толпа зорко всматривалась въ высившуюся на конѣ фигуру представительнаго полковника. А онъ, держа поводья въ лѣвой рукѣ и подбоченившись правой, не торопясь объѣзжалъ ряды полка, все также привѣтливо улыбаясь и заглядывая въ глаза каждому солдату.

— Разстегнуть мундиры!—послышалась вдругъ его громкая команда.

Офицеры, недоумѣвая, въ чемъ дѣло, повторили приказаніе, съ любопытствомъ ожидая дальнѣйшаго. Недоумѣвала и публика, услышавшая странную команду. Раздѣвать солдатъ здѣсь, на городской площади,—такого случая еще не было никогда. Любопытство заворожило толпу. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на прославленнаго чудака.

Между тѣмъ, «чудакъ» безостановочно продолжалъ объѣздъ и только время отъ времени обращался къ отдѣльнымъ солдатамъ съ приказаніемъ:

— Раскрой больше мундиръ, покажи грудь.

У лѣваго фланга восьмой роты Церпицкій вдругъ остановилъ лошадь и, нахмуривъ брови, пристально уставился на маленькаго, тщедушнаго солдатика, растерянно глядѣвшаго на новаго начальника.

— Покажи крестъ!—строго, но громко проговорилъ полковникъ.

Солдатъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, потупилъ глаза, снова поднялъ ихъ, опять потупилъ, но не шевельнулся и не проронилъ ни слова.

— Крестъ покажи!—еще громче выкрикнулъ Церпицкій.—Глухой ты, что ли, не слышишь? Гдѣ у тебя крестъ?

Перепуганный солдатъ молчалъ. Переминаясь съ ноги на ногу, онъ только сопѣлъ и опускалъ голову все ниже и ниже. Большой съ горбинкой носъ подергивался, какъ у плачущаго ребенка. На лбу выступили капельки пота. А вся фигура его какъ-то странно съежилась, точно онъ силился пробуравить ногами землю и скрыться въ ея нѣдрахъ.

— Командиръ батальона, пожалуйста сюда!—строго позвалъ Церпицкій сѣденькаго подполковника, стоявшаго тутъ же поодаль.—Отчего у него нѣтъ на груди креста?

Подполковникъ, приложивъ руку къ козырьку, быстро засеменилъ къ грозному командиру и удивленно переводилъ глаза съ дрожащаго солдата на статнаго красиваго полковника. Черные, какъ смоль, волосы, горбатый носъ, миндалевидные глаза и боль-

шія, приостренныя на верхушкѣ уши солдата ясно выдавали его семитическое происхожденіе, и сѣденькій подполковникъ недоумѣвалъ: неужели командирь не догадывается, что передъ нимъ стоитъ еврей?

— Ну, что жъ вы молчите?—нетерпѣливо и вызывающе произнесъ Церпицкій:—отчего у вашего солдата нѣтъ креста?

— Это еврей, господинъ полковникъ,—отвѣтилъ батальонный командирь.

— Ахъ, ты еврей?—обратился снова Церпицкій къ солдату.

— Т-т-акъ т-то-цно, ваше вишокородіе,—заикаясь отъ волненія, скороговоркой выпалилъ онъ.

— Покажи цицесь! Гдѣ у тебя цицесь?

Солдатикъ опять потупился, опять задрожалъ и молчалъ.

— Если ты еврей, такъ покажи цицесь!—приставалъ Церпицкій на всю площадь.—Ну, слышишь ты, живѣе! Цицесь покажи! Всякій порядочный христіанинъ имѣетъ крестъ, а всякій достойный еврей носить цицесь. Гдѣ же твой цицесь?

Громкій голосъ полковника разносился по всей площади. Изъ конца въ конецъ слышались его вопросы, и толпа насторожилась и замерла, прикованная необычайной сценой. Робкая фигура солдата не была видна публикѣ; не были слышны и его тихіе отвѣты. Но по смыслу словъ Церпицкаго всѣ догадывались о происходившемъ тамъ, въ рядахъ полка.

— Что?! У тебя нѣтъ цицеса?—отчетливо выкрикивалъ новый командирь.—Не носишь? И ты послѣ этого еще смѣешь называть себя евреемъ? Ты негодай, мерзавецъ, а не еврей,—гремѣло по площади.—Господа офицеры, я требую, чтобы всѣ нижніе чины имѣли на себѣ установленные ихъ религіей символы. У христіанъ долженъ быть крестъ, а у иудеевъ цицесь. Я требую этого. Служба родинѣ не должна отнимать отъ церкви ея вѣрныхъ сыновъ. Напротивъ, мы здѣсь обязаны внушить имъ не только любовь къ отечеству, но прежде всего любовь и повиновеніе къ Богу, Который у всѣхъ народовъ одинъ. Пусть всякъ вѣруетъ и молится по-своему, но важно, чтобы онъ молился, важно, чтобы онъ соблюдалъ установленные его религіей обряды и завѣты. Помните это, господа, и знайте, что я не допущу у себя въ полку безвѣрія.

Церпицкій оборвалъ свою рѣчь и медленно двинулся вдоль фронта. А молчавшая толпа вдругъ загудѣла, зашумѣла. Какъ сдавленный рокотъ волнъ, послышалось сдержанное «браво, браво», и гдѣ-то въ гушѣ толпы даже сорвались хлопки одобренія.

VI.

Смотръ окончился поздно. Поздно разошлась и публика. Но подробности смотра въ тотъ же вечеръ разлетѣлись по всему городу. О Церпицкомъ говорили въ каждомъ домѣ, въ каждой лачугѣ,

отъ центра до окраинъ. Говорили старики и молодые, русскіе и поляки, нѣмцы и евреи. Когда же въ ближайшіе послѣ того дни Церпицкій, не въ примѣръ своимъ предшественникамъ, сдѣлалъ визиты всѣмъ именитымъ гражданамъ, безъ различія сословія и національности, онъ сталъ общимъ кумиромъ, привлекомъ къ себѣ симпатіи всѣхъ группъ лодзинскаго населенія.

— О, это человекъ,—говаривали въ чопорномъ польскомъ обществѣ.—Вы знаете, онъ былъ въ фарномъ костелѣ, простоялъ всю мшу, затѣмъ отправился къ пробоцу и, поцѣловавъ ему руку, просилъ благословить его на жизнь въ новомъ городѣ.

— Ну, да вѣдь Церпицкій родомъ полякъ. Онъ такъ хорошо воспитанъ,—самодовольно замѣчали тронутые слушатели.

Въ нѣмецкомъ обществѣ Церпицкаго цѣнили за прекрасный нѣмецкій выговоръ и за то, что онъ лично извѣстенъ кайзеру и имѣетъ нѣмецкій орденъ.

Русская часть населенія гордилась своимъ знаменитымъ соотечественникомъ. Что же касается еврейской среды, то эпизодъ съ ихъ единовѣрцемъ солдатомъ на смотру передавался здѣсь изъ устъ въ уста, причемъ самые набожные евреи, умиленно качая головами, неизмѣнно приговаривали: «какой умъ, какое благородство!»

Церпицкій, конечно, не слышалъ этихъ разговоровъ. Но отношеніе горожанъ ясно показало ему, что Лодзь приняла его болѣе чѣмъ благосклонно. Гдѣ бы онъ ни появлялся, его встрѣчали привѣтливыми улыбками, привѣтливими рѣчами. Родовитые поляки, надменные банкиры и фабриканты не замедлили отвѣтить на визитъ. Изъ разныхъ домовъ посыпались приглашенія «на чашку чаю», «на партію въ винтъ». И Церпицкій никому не давалъ повода обижаться: онъ откликался на всякій зовъ и всюду умѣлъ очаровать общество.

Прошелъ мѣсяць. Вся Лодзь уже успѣла полюбить новаго обаятельнаго командира. Изъ полковой среды стали, правда, просачиваться слухи, что Церпицкій чрезвычайно строгъ, даже жестокъ, что онъ грубъ съ офицерами и панибратствуетъ съ солдатами. Однако въ штатскомъ населеніи этотъ слухамъ не придавали значенія или, вѣрнѣе, придавали обратное значеніе. «Что жъ, что грубъ,—разсуждала невоенная Лодзь.—А Церпицкій... Ну, да у него каждый человекъ... Помните, тогда на смотру?..»

Разговоры въ такомъ родѣ мгновенно подавляли проникавшіе изъ полка слухи. Грубость Церпицкаго Лодзь объясняла по-своему, а многіе, видя, что полкъ замѣтно подтянулся, даже радовались и, при свиданіи съ бравымъ полковникомъ, высказывали ему свое восхищеніе.

VII.

Какъ и мѣсяцъ назадъ, Лодзь снова готовилась къ торжеству. На сей разъ, впрочемъ, не вся, не сверху донизу, а лишь избранное ея общество, что, однако, не мѣшало волноваться всему городу.

— Вы слышали, въ полковомъ собраніи будетъ парадный обѣдъ?— спрашивали другъ друга и въ золоченыхъ гостиныхъ, и въ разныхъ конторахъ, и въ полутемныхъ маленькихъ лавчонкахъ.

— Какъ же, какъ же, говорятъ, Церпицкій пригласилъ чуть ли не полгорода.

И, дѣйствительно, чего никогда не бывало раньше, Церпицкій разослалъ приглашеніе не только крупнымъ должностнымъ лицамъ, но и многимъ обывателямъ, съ кѣмъ за мѣсяцъ пребыванія въ городѣ успѣлъ завязать знакомство.

Къ назначенному часу парадная дверь офицерскаго собранія широко распахнулась въ ожиданіи приглашенныхъ гостей. Многочисленные вѣстовые, въ новыхъ, хорошо пригнанныхъ мундирахъ, молчаливо толпились въ швейцарской. Офицеры-распорядители, во главѣ съ хозяиномъ собранія, заботливо осматривали столы, провѣряя положенные у приборовъ билетки съ фамиліями гостей. Въ сосѣдней со столовой комнатѣ стояли за пюпитрами музыканты, готовые по первому знаку капельмейстера грянуть встрѣчный маршъ. Полковныя дамы, въ бѣлыхъ платьяхъ, перетянутыхъ лентами цвѣта полка, вполголоса шушукались въ сосѣднихъ гостиныхъ. Въ бильярдной же комнатѣ, первой отъ входа, прислонившись къ бильярду, стоялъ одѣтый въ элегантный мундиръ полковникъ Церпицкій, окруженный группою тоже затянутыхъ въ мундиры офицеровъ.

Къ семи часамъ начался съѣздъ. Первымъ пріѣхалъ полицеймейстеръ съ женой. За ними явился настоятель собора и почти одновременно всѣ мѣстные видные чиновники. Затѣмъ городской голова, онъ же предсѣдатель лодзинскаго общества фабрикантовъ и заводчиковъ. А чуть позже стали прибывать крупнѣйшіе фабриканты, банкиры, владѣльцы огромныхъ оптовыхъ складовъ и конторъ, адвокаты, врачи, биржевые маклера и другіе мѣстные дѣятели. Всѣхъ ихъ Церпицкій встрѣчалъ лично, каждому, привѣтливо улыбаясь, говорилъ нѣсколько любезныхъ словъ, потомъ поручалъ офицерамъ проводить прибывшихъ въ гостиныя, а самъ оставался встрѣчать новыхъ гостей.

Обѣдать сѣли ровно въ семь. Умѣло распредѣливъ гостей за поставленными покоемъ столами, Церпицкій помѣстился въ центрѣ, далъ знакъ капельмейстеру, и вмѣстѣ со звономъ ложекъ полились слегка заглушенные спущенной портьерой звуки излюбленнаго полковыми оркестрами «Турецкаго дозора».

Столовая имѣла нарядный, торжественный видъ. Ярко горѣли огромныя, взятые на прокатъ люстры. Еще ярче сверкали безчисленные брилльянты, украшавшіе уши, грудь, прически и руки расфранченныхъ городскихъ дамъ. Ослѣпительно бѣлѣли отгбенные фраками сорочки штатскихъ гостей. Не уступая имъ въ бѣлизнѣ, блестяли искусно подкрахмаленныя скатерти и салфетки. Прелестными пятнами пестрѣли тамъ и сямъ разбросанныя по столамъ цвѣты. Зеркальными бликами переливались графины, рюмки и стаканы.

Такой парадной обстановки стѣны собранія не видѣли еще никогда. Но также никогда не видѣли онѣ и такого общества. Преобладаніе штатскихъ костюмовъ надъ мундирами, обиліе драгоценностей на дамахъ, ихъ баснословно дорогіе, недоступныя для офицерскихъ женъ наряды—впервые появлялись въ скромномъ собраніи армейскаго захолустнаго полка. Впервые же появлялись здѣсь и большинство гостей, среди которыхъ преобладали ясно выраженные лица потомковъ плодovitаго Израиля.

VIII.

Гремѣла музыка. Звенѣла посуда. Слышался слитный гулъ голосовъ. Вѣстовые, въ бѣлыхъ гимнастеркахъ и въ бѣлыхъ вязаныхъ перчаткахъ, на цыпочкахъ ходили вокругъ столовъ, смѣняя приборы.

Вдругъ Церпицкій поднялся во весь ростъ, постучалъ ножомъ по тарелкѣ, и разомъ все смолкло и взоры всѣхъ обратились къ нему.

— Господа!—громко, отчетливо произнесъ онъ, обводя глазами всѣхъ, сидѣвшихъ за столомъ.—Прежде всего позвольте мнѣ отъ лица всего нашего полкового общества принести вамъ сердечную благодарность за то, что вы не отказали пожаловать на нашъ первый товарищескій обѣдъ...

Онъ отвѣсилъ низкій поклонъ, выпрямился, съ минутку помолчалъ, затѣмъ продолжалъ:

— Я не стану, господа, останавливаться на старой истинѣ, что «въ единеніи сила». Не стану утомлять васъ доказательствомъ ея безспорности. Да и вообще не мнѣ, скромному солдату, а не присяжному оратору, приличествуетъ выступать съ длинными рѣчами. Замѣчу только, что, какъ солдатъ, я высоко цѣню единеніе, ибо именно въ немъ залогъ успѣха и всякой побѣды...

— Bravo, bravo!—пронесся дружный, но тихій гулъ по столовой.—Bravo!

На лица гостей слетѣла пріятная улыбка. Многіе что-то шепнули ближайшимъ сосѣдямъ и снова уставились на оратора.

— Но побѣды,—продолжалъ послѣ недолгой паузы Церпицкій,—бываютъ не только во время войны. Не менѣе цѣнны побѣды

мирнаго времени, когда, въ сущности, и выковывается мощь государства. Преодолѣть народную распущенность, лѣнь и косность, выработать наилучшія формы жизни, зажечь свѣточки знанія во всѣхъ уголкахъ страны, создать тихую, располагающую къ производительному труду обстановку, примирить все общество и сдѣлать изъ него единую дружную семью — развѣ все это не великія побѣды? Развѣ достиженію ихъ не поспособствуетъ единеніе всѣхъ насъ?..

— Вѣрно!.. Bravo!.. Bravo!—прервали его новые возгласы.

— Итакъ, господа,—выждавъ, пока гости успокоились, опять заговорилъ Церпицкій:—первый бокаль я поднимаю за единеніе, за наше знакомство и будущую дружную работу на благо отечества...

— Ура!—прокатилось по столовой.—Урра!

Оркестръ заигралъ тушь. Гости, шумно отодвинувъ стулья, чокались другъ съ другомъ, направлялись чокнуться съ хозяиномъ, а тотъ, въ свою очередь, съ бокаломъ въ рукахъ двинулся навстрѣчу къ гостямъ.

Обойдя всѣ столы и возвратясь на мѣсто, онъ снова постучалъ ножомъ, подавая знакъ, что хочетъ говорить. Однако сидѣвшій рядомъ съ нимъ городской голова попросилъ уступить ему очередь, и, поднявъ высоко бокаль, громко прокричалъ:

— За здоровье нашего высокоуважаемаго хозяина, урра!

— Урра! Урра!—подхватили гости и офицеры.

Опять задвигали стульями; опять начались чоканья. Въ музыкантской грянулъ полковой маршъ.

— Довольно, господа!.. Довольно!.. Благодарю васъ!—старался успокоить собравшихся Церпицкій.

IX.

«Ура» нѣсколько разъ обрывалось, смолкалъ и оркестръ. Потомъ снова кричали «ура», и снова гремѣли аккорды марша. Наконецъ, послѣ настойчивыхъ просьбъ сіяшаго привѣтливою улыбкою командира, офицеры, а за ними и гости заняли свои мѣста. Не садился только Церпицкій. Опираясь кончиками пальцевъ обѣихъ рукъ въ край стола, онъ нетерпѣливо позвякивалъ шпорами и ждалъ полного успокоенія.

— Тихе, тихе!—останавливали другъ друга сидѣвшіе за столомъ.—Дайте говорить. Полковникъ хочетъ что-то сказать. ..

Мало-по-малу наступила тишина.

— Я хочу,—началъ Церпицкій,—извиниться передъ вами. Извиниться за то, что въ вашемъ присутствіи займусь, такъ сказать, семейными дѣлами...

— Пожалуйста!.. Просимъ!.. Просимъ!..—загудѣли гости.—Просимъ,—подхватили звонкіе голоса дамъ.

— Господа офицеры!—обратился тогда онъ къ своимъ подчиненнымъ.—Я много ѣздилъ по Россіи, много видѣлъ воинскихъ частей, но ни одинъ полкъ не поразилъ меня такъ, какъ нынѣ высочайше ввѣренный мнѣ полкъ. Пріѣхавъ сюда и осмотрѣвъ полковыя зданія, я былъ непріятно пораженъ, что здѣсь имѣются и прекрасныя столовыя, и кухни, и бани, и пріемный покой, то есть все то, что потребно для тѣла, и нѣтъ самаго главнаго, гдѣ можно было бы напитать, очистить и уврачевать душу. Отсутствие полкового храма, вотъ что удивило и защемило сердце мое. Конечно, я далекъ отъ мысли винить въ этомъ кого-нибудь изъ васъ. Не стану пенять я и государству. Чрезмѣрно велика Россія, чрезмѣрны и ея нужды. Но развѣ не нашъ долгъ прійти въ данномъ случаѣ на помощь? Развѣ, отказавшись отъ лишней утѣхи, отъ лишняго сладкаго куска, не сможемъ мы, по мѣрѣ силъ, внести свою лепту и положить починъ тому великому дѣлу, которое выше и важнѣе всего, важнѣе жизни нашей? Мала была лепта вдовицы, но вспомните, какъ велико было значеніе ея. Господа офицеры, я призываю васъ исполнить нашъ долгъ, долгъ вѣрныхъ сыновъ единаго для всѣхъ народовъ Бога. Нѣкоторое отчисленіе отъ нашего жалованія, а кто можетъ, тѣхъ и единовременное добротное даваніе, я вѣрю, помогутъ намъ воздвигнуть то, безъ чего нашъ полкъ сиротливъ, какъ младенецъ безъ матери... Адыютантъ! Позвольте мнѣ подписной листъ, я первый положу починъ... А теперь, милостивыя государыни и милостивые государи,—перебилъ самъ себя Церпицкій, обращаясь къ гостямъ:—я еще разъ прошу вашего извиненія. Сегодня первый случай, когда я вижу всѣхъ своихъ офицеровъ не въ служебной обстановкѣ, и мнѣ не хотѣлось упустить этого случая, чтобы не предложить имъ въ частной бесѣдѣ то, что вотъ уже мѣсяць не даетъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью.

X.

Церпицкій утомленно опустился на стулъ, при гробовомъ молчаніи всѣхъ присутствовавшихъ. Никто не ѣлъ. Никто не шевелился. Одинъ адыютантъ, быстро соскочивъ съ мѣста, шмыгнувъ въ дежурную комнату и черезъ минуту вынесъ оттуда вложенный въ папку листъ бумаги, чернильницу и вставочку. Но не успѣлъ онъ еще подойти къ командиру, какъ поднялся одинъ изъ крупнѣйшихъ лодзинскихъ фабрикантовъ, Самуиль Гирштейнъ, и, видимо волнуясь, тихо проговорилъ:

— Позвольте, господинъ полковникъ, сказать мнѣ нѣсколько словъ.

— Пожалуйста, пожалуйста,—торопливо пригласилъ Церпицкій, слегка наклоняя голову.

Всѣ присутствующіе обратились въ сторону фабриканта. Оста-

новился адъютантъ, держа въ рукахъ папку и чернила. Офицеры зашикали на стучавшихъ тарелками и ножами вѣстовыхъ, и тѣ тоже замерли.

— Только что мы имѣли удовольствіе, господинъ полковникъ, прослушать вашу блестящую рѣчь о силѣ единенія,—слегка картавя, заговорилъ владѣлецъ огромнѣйшей ткацкой фабрики.— Короткую, но прекрасную рѣчь, хотя вы и оговорились, что вы солдатъ, а не ораторъ. Пусть такъ, не буду спорить. Добавлю только, что дай Богъ намъ побольше и такихъ солдатъ, и такихъ ораторовъ. Это мое мнѣніе...

— Вѣрно, вѣрно!—подхватили голоса слушателей.

— Цѣнень не тотъ ораторъ,—продолжалъ Гирштейнъ:—который долго и красно говоритъ. Краснбайству весьма часто грошъ цѣна. Цѣнно содержаніе рѣчи, мысль. И вотъ потому-то я и называю вашу рѣчь блестящей. Въ ней блещутъ перлы вѣчной истины. Она была проникнута высшимъ благородствомъ. Да, правда: сила въ единеніи. И такое единеніе нужно у насъ въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другой странѣ. Одно бѣда: многіе говорятъ о необходимости единенія и очень мало кто слѣдуетъ этому мудрому правилу. А вы... вы, господинъ полковникъ,—ораторъ повысилъ голосъ:—вы съ первыхъ вашихъ шаговъ въ нашемъ городѣ показали всѣмъ намъ, что единеніе для васъ не пустой звукъ, не красивый жестъ, а путеводная звѣзда. Единъ Богъ, единъ для всѣхъ—вотъ первыя слова, которыя услышала изъ вашихъ устъ Лодзь еще тамъ на площади, во время смотра. Бѣдный солдатъ, вызвавшій ваше негодбаніе и вашу страстную рѣчь къ господамъ офицерамъ о необходимости требовать отъ лицъ разныхъ религій выполнять ихъ завѣты, уже этотъ одинъ фактъ показалъ намъ, что да въ вашихъ глазахъ Богъ дѣйствительно одинъ для всѣхъ. Единъ и для православныхъ и для моихъ единовѣрцевъ, для всѣхъ. Сейчасъ, въ обращеніи къ господамъ офицерамъ по поводу вашей прекрасной мысли о возведеніи храма вы снова подчеркнули, что Богъ единъ для всѣхъ народовъ. Глубокоуважаемый господинъ полковникъ, это святыя, истинныя слова. Это... это...—отъ волненія онъ запнулся, не находя сразу нужныхъ словъ:—это... это великая мысль величайшей и тоже единой и равно священной для всѣхъ книги, Библии. Мы разнo молимся, но молимся одному Богу. Пусть еврей, какъ вы требуете того отъ солдатъ, еврей носить цицесъ, а христіанинъ крестъ. Но оба они дѣти одного Отца. Еврей долженъ итти въ синагогу, христіанинъ въ церковь. Это ихъ первѣйшій долгъ, святая обязанность. Храмъ, какъ бы онъ ни назывался,—всегда домъ Божій. И для вѣрнаго слуги Бога всякій храмъ святыня. Господинъ полковникъ, мы имѣли случай убѣдиться, что вы чтите и уважаете не только одну православную религію. Мы слышали, какъ вы требуете отъ солдатика-еврея быть вѣрнымъ сыномъ его церкви. Поз-

вольте вамъ сказать, что такое честное, безпристрастное отношеніе можетъ быть доступно и другимъ. Вы цѣните вѣрующаго, чтущаго завѣты своей религіи еврея, я цѣню вѣрующаго христіанина. Вы требуете, чтобы онъ даже на службѣ не отклонялся отъ своихъ обрядовъ, я хочу, чтобы ваши солдаты-христіане имѣли свой храмъ. Итакъ, позвольте мнѣ, господинъ полковникъ, присоединиться къ вашему предложенію, обращенному къ господамъ офицерамъ, и тоже внести свою лепту на это великое, важное дѣло. Я готовъ,— послѣ нѣкоторой паузы добавилъ онъ,—взять на себя всѣ расходы, сколько нужно, чтобы приобрести необходимый для постройки кирпичъ.

Раскраснѣвшійся, утомленный долгой, взволновавшей его рѣчью, Гирштейнъ грузно опустился на стулъ и, доставъ шелковый, надушенный платокъ, легонокъ и многократно, точно бы въ его рукахъ была пуховка, отеръ влажный лобъ и лысину. Нѣсколько мгновений въ залѣ таилось напряженное молчаніе. Растерянно и недоумѣвающе переглядывались офицеры, бросая въ то же время вопросительные взгляды въ сторону Церпицкаго, который, какъ и во время рѣчи, сидѣлъ, откинувшись на спинку стула, задумчиво склонивъ голову и вертя въ пальцахъ хлѣбный шарикъ. Но вотъ онъ выпрямился и порывисто всталъ.

— Я очень тронутъ,—задушевно, растягивая слова, произнесъ наконецъ онъ.—Ваше предложеніе взволновало и потрясло меня. Щедра, по-царски щедра ваша жертва. Но не это, нѣтъ, не ваша щедрость сладкой болью защемила мое сердце. Величіе души, величіе глубокой вѣры вашей—вотъ что спазмами сжимаетъ мое горло и душитъ слова. Я застигнуть врасплохъ... Я не ожидалъ ничего подобнаго. И какой отвѣтъ я могу дать вамъ? Кто можетъ протестовать? Кто смѣетъ не принять вашей лепты? Спасибо, великое спасибо вамъ! И я увѣренъ, что мои офицеры раздѣляютъ сейчасъ тѣ же чувства, что волнуютъ и меня...

Оглушительные аплодисменты офицеровъ прервали рѣчь Церпицкаго. Повскакавъ съ своихъ мѣстъ, они слѣдомъ за командиромъ направились къ Гирштейну, продолжая рукоплескать въ честь щедраго жертвователя.

— Bravo, bravo!—слышалось кругомъ.—Удивительно!.. Безподобно!..

И, сконфуженно улыбаясь, Гирштейнъ едва успѣвалъ пожимать тянувшіеся къ нему десятки рукъ. Долго продолжалось чествованіе, долго раскланивался смущенный фабрикантъ. И лишь послѣ настойчивыхъ его просьбъ офицеры успокоились и разошлись по мѣстамъ.

Тогда поднялся директоръ мѣстнаго банка, высокій съ сильной просѣдью толстякъ Циперштейнъ и громкимъ, басистымъ голосомъ попросилъ разрѣшенія присоединить и его имя къ числу жертво-

вателей. Вслѣдъ за нимъ послѣдовали такія же заявленія и отъ другихъ гостей. И въ нѣсколько минутъ принесенный адъютантомъ листъ покрылся десятками подписей.

Постройка храма была обезпечена.

XI.

Прошло много лѣтъ.

Много должностей смѣнилъ послѣ того Церпицкій. Много удивительныхъ исторій рассказываютъ о немъ.

Давно покоится его прахъ на тихомъ, скромномъ кладбищѣ, подъ скромнымъ желѣзнымъ крестомъ. И настанетъ время (оно обязательно для всѣхъ), когда забудутъ его имя, забудутъ эти исторіи, и самый крестъ, изъѣденный ржавчиной, превратится въ прахъ.

Но въ далекой Лодзи, въ несчастной, многострадальной Лодзи, гдѣ безчинствуютъ сейчасъ соратники бывшего шефа полка Церпицкаго, еще долго будетъ высится чудный каменный храмъ — единственный православный храмъ, воздвигнутый на средства единовѣрцевъ дрожавшаго на смотру солдата-еврея, не имѣвшаго на себѣ священныхъ шнуричковъ цнца.

Петръ Васильковскій.

ИСТОРИЯ НЕ ОДНОЙ ВЗЯТКИ.

(Разсказъ сибиряка).

I.

АМЪ, СИБИРЯКАМЪ, реформированные законы императора Александра II при введеніи ихъ въ Сибири, таки вскочили въ копеечку, потому что ихъ у насъ не вводили, а «ввозили», и это не шутка.

Максима Ивановича, бійскаго исправника, у насъ по всю пору безъ смѣха не могутъ вспомнить. Теперь это смѣху подобно, а въ тѣ времена, когда законы реформированные вводили, горя мы, сибиряки, хватили волю.

Началось это съ того, съ чего обычно начинается. Министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ губернаторамъ указъ сенатскій о введеніи въ Сибири дѣйствія новыхъ законовъ. Губернаторы препроводили указъ исправникамъ для руководства и соблюденія. Получилъ указъ, а къ нему 48 томовъ новыхъ законовъ, и нашъ бійскій исправникъ, Максимъ Ивановичъ Бочаговъ. Большіе мозги были у него, человѣкъ былъ тертый и даже «вытертый» изъ Россіи за нѣкое вольное обращеніе съ закономъ (злые языки болтали), а, получивши сенатскій указъ, крѣпко призадумался. Легко сказать губернатору: «вводи», молъ, Максимъ Ивановичъ, законы, а какъ и чѣмъ—циркуляръ губернатора не обмолвился ни словомъ. Хотя Максимъ Ивановичъ человѣкъ былъ, говорю, мозговатый, но отвлеченно мыслити не умѣлъ и мозга своего отвлеченностями утруждать не любилъ. И такъ засѣла у него загвоздка въ мозгу о введеніи законовъ, что сна.

*

покою лишился. Разъ сотню перечиталь губернаторовъ указъ,— просвѣтлѣнія ума не получилъ. Даль письмоводителю прочитать; тотъ и на свѣтъ посмотрѣль, и плотность бумаги изслѣдовалъ, а до смысла не докопался. Тяжкодумный писарь наконецъ додумался, что въ губернаторскомъ указѣ не иначе, какъ описка: написано, дескать, ввести, а надо читать «ввезти», и что произошло это отъ невеликой грамотности дѣлопроизводителя... И не иначе, что такъ, потому что, вмѣсто дѣлопроизводителя, написано дѣтопроизводитель.

— Губернаторъ-то, чай, читаль, что подписываль?—попробоваль побить Максимъ Ивановичъ своего упрямого письмоводца губернаторскимъ авторитетомъ.

— А дѣтопроизводителя-то и не замѣтилъ,—съязвилъ письмоводитель, упрямясь въ своей увѣренности, что законы надо вво- зить, а не вводить.

— Ну, хорошо, упрямый ты статуй, ввези-то законы я ввезу, скажемъ, въ одну станицу, но я же и вывезу, не оставяль же мнѣ всѣ законы въ одной станицѣ? Другіе, значить, безъ законовъ останутся?.. Нѣтъ, тутъ что-то не то.

Въ отчаяніи Максимъ Ивановичъ развернулъ первый томъ законовъ, прочиталь первыя страницы и даже похолодѣль отъ ужаса: Никто изъ жителей Россійской имперіи не можетъ отговариваться незнаніемъ законовъ». Масимъ Ивановичъ протеръ глаза и смахнулъ холодныя капельки со лба. Дѣло осложнилось. Что же это, значить, и онъ долженъ знать всѣ законы? Максимъ Ивановичъ и раньше не жаловаль это каверзное слово: онъ по опыту зналь, что законами пользуются разные крамольники да эти адвокатишки, чтобъ дѣлать пакости начальству. И вдругъ онъ, исправникъ, долженъ знать законы? Онъ долженъ изучать всѣ эти толстыя томы законовъ и не только изучать, но и обучать этимъ ненавистнымъ законамъ населеніе ввѣреннаго ему уѣзда? Нѣтъ, тутъ что-нибудь не такъ. Гдѣ это водится, чтобы исправникъ изучаль законы?

И вотъ, сударь вы мой, пишетъ Максимъ Ивановичъ почтительный рапортъ въ «губернію». Черезъ двѣ недѣли получился отвѣтъ, составленный въ очень нелестныхъ для самолюбія Максима Ивановича выраженіяхъ и съ подтвержденіемъ немедленно ввести законы въ уѣздѣ. Конечно, ввести, а не ввезти, и дѣлопроизводитель на этотъ разъ былъ написанъ правильно, безъ намека на его дѣтоспособность... Старый воробей, самъ прошедшій хорошую школу, поняль, что... Короче говоря, тяжело вздохнулъ, а, вздохнувши, отсчиталь три Екатерины и отправилъ собственноручно въ губернію.

Если бы только Максимъ Ивановичъ зналь, если бы онъ зналь, развѣ бы онъ поѣхаль?

— Чалдонъ, варнакъ, чтобъ меня черти затряхнули,—не жалѣль крѣпкихъ словъ для себя Максимъ Ивановичъ, когда тайна со введеніемъ законовъ раскрылась такъ глупо, такъ просто.

Во-первыхъ, губернскіе зубоскалы насмѣялись надъ его опытнымъ мозгомъ, а, во-вторыхъ, зря пропали двѣ Екатерины. Хорошо, что тайна раскрылась послѣ второй, могли бы и третью Екатерину выблазнить. И только дома, когда волненія и передрыги стали улегаться, и едва не сбѣжавшая Екатерина была запрятана въ завѣтный мѣшочекъ, Максимъ Ивановичъ сталъ выработать образъ дѣйствій. Тощее брюхо къ разсужденію, наипаче государственнаго характера, глухо. Максимъ Ивановичъ плотно пообѣдалъ, выпилъ по обыкновенію листовки, затянулся трубкой и, устроившись поудобнѣе на диванѣ, принялся изучать полученные законы. Статья первая свода законовъ и раньше смутно бороздила тупой мозгъ Максима Ивановича, наводя на нѣкія возможности, но въ данную минуту, когда его взоръ упалъ на первую статью, Максима Ивановича внезапно ослѣпило. Какъ просто!.. Въ порывѣ удовольствія Максимъ Ивановичъ быстро вскочилъ, швырнулъ трубку въ уголь, прошелся по комнатѣ, сдѣлалъ необыкновенно свирѣпое лицо и, вышята грудь, громко отскукивая каблуками, подошелъ къ зеркалу. На секунду замеръ въ величественной позѣ, потомъ сдѣлалъ въ зеркалѣ себѣ «глазки» и звучно расхохотался. Буйный бѣсъ неудержимаго веселья захватилъ его, и онъ, пріятно взволнованный, крупными шагами заходилъ по комнатѣ. На минуту лицо его омрачилось, но тотчасъ же опять просвѣтлѣло, и, кому-то доказывая, онъ убѣдительно говорилъ:

— А ты наплюй, велика важность двѣ Екатерины! Тутъ тебѣ, Максимъ Ивановичъ, не двумя Екатеринами пахнетъ... Ежели ты, глубокоуважаемый Максимъ Ивановичъ, не будешь глупъ, такъ... двѣсти двадцать двѣ Екатерины заработаешь!

Максимъ Ивановичъ на мгновение задумался, но тотчасъ весело отвѣтилъ себѣ вслухъ:

— Долженъ же ты за труды себѣ что-нибудь взять!... Свистуновъ!—крикнулъ онъ черезъ дверь:—живо Петра Назарыча!

II.

Утромъ въ погожій лѣтній день къ казачьей станицѣ Подгорной подкатила бричка Максима Ивановича, а черезъ четверть часа у зданія станичнаго управленія остановился таинственный тарантасъ, конвоируемый сидящимъ письмоводителемъ и двумя урядниками. Населеніе станицы все было на работѣ. Прибывшій безъ всякаго предупрежденія станичныхъ властей Максимъ Ивановичъ незамедлительно приказалъ бить въ набатъ. Вскорѣ на призывные звуки набата сбѣжалось все населеніе станицы. Естественно, пріѣздъ начальства привлекъ вниманіе, и около правленія собрался весь людъ Подгорной.

Максимъ Ивановичъ приказалъ старшинѣ одѣть знакъ съ цѣпью,

взошелъ на крыльцо и зычнымъ, команднымъ голосомъ крикнулъ притихшей толпѣ:

— Шапки долой!... На колѣни!...

Недоумѣвающая толпа испуганно замерла и поспѣшно бросилась на колѣни.

— Господинъ писмоводитель, прошу читать указъ государя императора.

Надъ головами оробѣвшей и ошеломленной неожиданностью толпы раздались непонятныя слова сенатскаго указа. Для пущаго впечатлѣнія Максимъ Ивановичъ самъ замеръ въ видѣ каменнаго изваянія, взявъ шашку на карауль.

Эффектъ получился необычайный. Бабы заголосили, завизжали ребятки тоненькими голосами, мужики являли видъ необычайно растерянный. Не давая толпѣ опомниться и сколько-нибудь прійти въ себя, Максимъ Ивановичъ далъ знакъ полицейскимъ развязать тарантасъ. Медленно, не спѣша, словно священнодѣйствуя, полицейскіе стали извлекать таинственные томы изъ груды укутывавшихъ ихъ брезентовъ. Тѣмъ же чиннымъ манеромъ томы были перенесены съ воза и положены на присутственный столъ станичнаго правленія.

Спрятавъ шашку въ ножны и взявъ подъ козырекъ, Максимъ Ивановичъ съ необычайнымъ благоговѣніемъ взялъ первый томъ свода законовъ, вынесъ его на крыльцо и, изобразивъ на своемъ лицѣ священный трепеть, прочиталъ замершей толпѣ:

— Статья I¹⁾,—солгалъ Максимъ Ивановичъ.—Никто изъ гражданъ Россійской имперіи не имѣетъ права отговариваться незнаціемъ закона. Поняли?...

Въ отвѣтъ послѣдовало гробовое молчаніе.

— Поняли или нѣтъ?—сердито переспросилъ исправникъ.

— Не поняли? Староста, растолкуй имъ, что съ сего числа въ станицѣ Подгорной по указу сената, резолюціи губернатора и моему приказанію введены законы Россійской имперіи, незнаніе коихъ влечетъ за собою,—Максимъ Ивановичъ запнулся и опять посмотрѣлъ въ книгу,—каторгу не выше двадцати лѣтъ.

Максимъ Ивановичъ выдержалъ паузу, окинулъ свирѣпымъ взоромъ сходъ и продолжалъ:

— Итакъ, каждый изъ васъ, независимо отъ пола, возраста, долженъ наизусть изучить двѣнадцать томовъ законовъ и тридцать шесть томовъ къ нимъ разъясненій, а буде таковое распоряженіе сената не будетъ исполнено, то...—Максимъ Ивановичъ многозначительно указалъ пальцемъ туда, гдѣ Макары гоняютъ телятъ.—Черезъ мѣсяць я пріѣду и произведу первый экзамень, дабы убѣдиться, тверды ли вы въ знаніи законовъ, чтобы по долгу службы и присяги донести о семъ сенату.

¹⁾ На самомъ дѣлѣ 93.

Максимъ Ивановичъ сдѣлалъ особенное удареніе на послѣднемъ словѣ. И потомъ, внезапно размягшимъ голосомъ, какъ человѣкъ, исполнившій непріятную для него обязанность, просто сказалъ:

— Пойду отдохнуть немного, а вы тутъ обсудите, братцы, все съ Петромъ Назарычемъ.

Что переживали подгорновцы въ эту минуту, показавшуюся цѣлыми часами, догадаться не трудно. Буря всевозможныхъ чувствъ охватила несчастныхъ, и сдерживаемое страхомъ передъ начальствомъ волненіе теперь получило наконецъ выходъ. Шутка сказать, одолѣть въ мѣсяцъ груды этихъ увѣсистыхъ даже на подъемъ томовъ, зазубрить на зубокъ каждую статью закона и отвѣтить безъ сучка и задоринки строгому господину исправнику! Года не хватитъ, не только что мѣсяца, чтобы одолѣть эту книжную бѣду, неожиданно свалившуюся, какъ снѣгъ, среди лѣта. Какъ будутъ изучать законы неграмотные, а ихъ, почитай, девять десятыхъ села? Какъ быть съ ребятами, бабами, глухими стариками? Да и время горячее, страдное, каждый часъ дороже рубля, поля не будутъ ждать, пока мужики будутъ проходить курсъ законовъ. А не выучить законовъ тоже нельзя—на каторгу угодишь.

Нѣкоторыя горячія головы рекомендовали крайнія мѣры: отмѣнить только что введенные, или, точнѣе, ввезенные законы—закопать или сжечь ненавистныя книги и концы въ воду. Но умудренные долготою лѣтъ люди житейскаго опыта совѣтовали испытать старинное, испытанное средство, которое рѣдко-рѣдко не выручало.

Попушукались старики, потолковали и уполномочили старшину поговорить съ письмоводителемъ касательно отмѣны законовъ.

— Родители жили наши и дѣтей плодили, и мы жили безъ этихъ самыхъ законовъ, ни къ чему намъ эти законы, хлопотъ съ ними много и вамъ и намъ, да и бѣды только наживешь,—дипломатично вель разговоръ старшина съ письмоводителемъ.—А ежели что касательно суда, то можемъ присягу дать, что въ судъ ни-ни, сами все разберемъ, до суда не допустимъ... А ежели касаемо что благодарности, то и за этимъ не постоимъ. Вызовьте ужъ какъ-нибудь, ваше благородіе,—просилъ старшина.

Первый натискъ письмоводителя старшина принялъ спокойно и только подумалъ: «Ежели такъ громко, то, значить, думаетъ сорвать не мало». Когда въ своемъ благородномъ негодованіи письмоводитель дошелъ до упоминанія каторги, старшина мысленно предпологавшуюся рублевку съ «головы» рѣшилъ увеличить самъ до двухъ рублей. Но строгій хранитель законовъ былъ неумолимъ.

Обезкураженный неудачей, но не теряющій надежды старшина, посулившій уже тройку съ головы, сталъ просить полномочій увеличить смазку до «синенькой». Завѣтная ассигнація ускорила разрѣшеніе вопроса о введеніи законовъ въ станицѣ Подгорной. Къ взаимному удовольствію сторонъ, вопросъ разрѣшился такъ:

ччрезъ часъ старшина вручилъ письмоводителю по пяти рублей съ мужичьей головы, по три рубля съ бабьей и по два съ ребячьей, начальство же забереть съ собой ненавистные законы и отралпортуеть, это законы въ станицѣ Подгорной введены, что въ знаніи законовъ жители тверды и при испытаніи оказали хорошіе успѣхи.

Когда Максимъ Ивановичъ изрядно выпался, онъ позвалъ Петра Назарыча, пересчиталъ мзду. Насчитавъ восемь тысячъ, семь положилъ себѣ въ бумажникъ, восьмую вручилъ письмоводителю. Иванъ Назарычъ тысячу взять взялъ, но поблагодарилъ довольно сухо и со вздохомъ посмотрѣлъ на бумажникъ Максима Ивановича, изрядно вздувшійся.

Радости подгорновцевъ не было предѣла, когда наконецъ вечеромъ бричка исправника и тарантасъ съ законами скрылись за околицей станицы. На радостяхъ былъ отслуженъ молебень, а на утро слѣдующаго дня у многихъ подгорновцевъ болѣли головы послѣ изрядной выпивки на радостяхъ.

Тѣмъ временемъ Максимъ Ивановичъ пріѣхалъ въ другую станицу, «ввезъ» законы, получилъ мзду, вывезши законы, и уѣхалъ въ третью, изрядно награждая себя мужицкими рублями за свою государственную дѣятельность.

Весьма возможно, что введеніе законовъ въ своемъ уѣздѣ Максимъ Ивановичъ закончилъ бы благополучно, если бы письмоводитель довольствовался обусловленнымъ процентомъ за «искорененіе» «ввезенныхъ» законовъ.

Но «повадился кувшинъ по воду ходить, тутъ ему и голову сломить». Круто поссорились однажды Максимъ Ивановичъ и письмоводитель. Заболѣлъ онъ внезапно и уѣхалъ домой. А вскорѣ въ губернской канцеляріи въ синей обложкѣ появилось «дѣло» исправника Максима Ивановича Бочагова. Вслѣдъ за чистосердечнымъ показаніемъ письмоводца къ «дѣлу» была подшита копія постановленія прокурора о розыскѣ и задержаніи коллежскаго совѣтника Бочагова на предметъ преданія его суду по обвиненію его въ «ввозѣ» и «вывозѣ» законовъ російскихъ.

Острымъ чутьемъ Максимъ Ивановичъ пронюхалъ объ опасности, бросилъ доходные законы на попеченіе урядниковъ, а самъ безслѣдно исчезъ. Иные говорили, что Максимъ Ивановичъ черезъ Владивостокъ бѣжалъ въ Японію; другіе же божились, что Максимъ Ивановичъ ушелъ только въ другую губернію и «смѣнялся», т. е. преобразилъ свою внѣшность, выправилъ «законный» паспортъ и, сдѣлавшись изъ коллежскаго совѣтника просто «милостивымъ государемъ», занялся частной адвокатурой...

Всяко болтали люди...

Н. Козыревъ.

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ¹⁾.

III.

Поѣздка въ Данію въ 1866 году.—Путешествіе по Волгѣ.—Бракосочетаніе великаго князя съ датскою принцессой Дагмарой и пребываніе въ Москвѣ.—Путешествіе за границу.—Пребываніе въ Парижѣ, Копенгагенѣ, Берлинѣ и Ниццѣ.

Въ 1866 году, 29-го мая, цесаревичъ съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ на яхтѣ «Штандартъ» отправились въ Данію, гдѣ была сельско-хозяйственная выставка въ Ааргузѣ. Передъ отъѣздомъ наслѣдникъ былъ встрѣченъ великимъ княземъ: Николаемъ Николаевичемъ, Константиномъ Николаевичемъ, его сыномъ Николаемъ, а также принцемъ Альбертомъ, которые проводили его на пароходъ. Въ Кронштадтѣ путешественники попрощались съ великими князьями, пересѣли на яхту «Штандартъ» и пустились въ дальнѣйшій путь. 30-го мая яхта вышла изъ залива въ открытое море, началась маленькая качка, но великій князь былъ веселъ и проводилъ день въ обществѣ графа Перовскаго, полковника Литвинова, адъютанта князя Барятинскаго, воспитателя Георгія Бока, доктора Обломіевскаго и другихъ. 31-го мая поднялся такой сильный вѣтеръ съ качкой, что страдающіе морскою болѣзью начали тоскливо морщиться. Адмиралъ Головачевъ, видя страданія пассажировъ, предложилъ переждать вѣтеръ и дожидаться конвойнаго «Олафа». Всѣ съ радостью приняли пред-

¹⁾ Продолженіе. «Ист. Вѣстн.», т. CXLVII, стр. 86.

ложеиіе, и «Штандартъ» въ 12 часовъ дня бросилъ якорь въ гавани мѣстечка Слитагамъ. Сойдя съ парохода, великіе князья съ графомъ Перовскимъ тотчасъ же отправились на охоту въ лѣсъ, а остальные пассажиры въ обществѣ мѣстнаго студента осмотрѣли мѣстечко. Охота продолжалась два часа, и великіе князья, щедро расплатившись за гостепрїимство мѣстныхъ жителей, отправились на яхту¹⁾. 1-го іюня яхта «Штандартъ» подошла къ Копенгагену, гдѣ произошла помолвка цесаревича съ принцессой датской Дагмарой. Курьеромъ объ этомъ счастливомъ событіи былъ посланъ адъютантъ цесаревича А. А. Козловъ, который засталъ государя и императрицу въ селѣ Ильинскомъ. Цесаревичъ пробылъ въ Даніи цѣлый мѣсяцъ и возвратился въ Царское Село 2-го іюля. По возвращеніи изъ Даніи цесаревичъ говорилъ: «Я такъ радъ, что перестану чувствовать себя скитальцемъ и найду пристань и домъ свой»²⁾.

Яхта «Штандартъ» прибыла изъ Даніи на цѣлыя сутки ранѣе, чѣмъ ожидали.

Государь выѣзжалъ навстрѣчу и вмѣстѣ съ цесаревичемъ вернулся въ Петергофъ³⁾.

Между тѣмъ, по инициативѣ государя, для знакомства съ русскимъ народомъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владимиръ Александровичъ должны были совершить путешествіе по Волгѣ.

8-го августа 1866 года въ Петергофѣ собрались всѣ участвующие въ поѣздкѣ цесаревича и его брата Владимира Александровича, а именно: графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій, полковникъ Литвиновъ, профессора Побѣдоносцевъ и Бабстъ, художникъ Боголюбовъ, князь Мещерскій, адъютанты князь Барятинскій и Козловъ, секретарь Оомъ и докторъ Гиршъ. Во дворцѣ былъ отслуженъ напутственный молебень, и затѣмъ всѣ путешественники отправились на поѣздъ. Маршрутъ былъ слѣдующій: Тверь, Рыбинскъ, Ярославль, Кострома, Нижній-Новгородъ и Казань и обратно черезъ Москву. Такъ какъ на все путешествіе было назначено двѣ недѣли, то, само собою разумѣется, пребываніе въ каждомъ городѣ было кратковременное.

Интересъ этой поѣздки заключался только въ томъ фактѣ, что это была первая поѣздка молодого цесаревича по Россіи. Въ то же время путешествіе это, вкорѣ послѣ 4-го апрѣля 1866 года, получило для государя краснорѣчивый характеръ выраженія къ нему народныхъ радости, преданности и любви.

9-го августа, въ часъ пополудни прибыли на станцію Тверь. На протяженіи 4 верстъ отъ станціи до города толпился народъ,

¹⁾ Изъ неизданныхъ записокъ Н. П. Литвинова.

²⁾ «Мои воспоминанія» кн. Мещерскаго, изд. 1898 г.

³⁾ Газета «Голось» за 1866 годъ, № 182.

встрѣчавшій августѣйшихъ путешественникомъ радостными криками «ура». Посѣтивъ соборъ, ихъ высочества направились въ губернаторскій домъ, гдѣ были приготовлены для нихъ апартаменты. Принявъ хлѣбъ-соль отъ города, августѣйшіе путешественники посѣтили гимназію, гдѣ происходили классныя занятія, и осмотрѣли музей, которымъ особенно интересовался цесаревичъ. Въ гимназіи попечительница новоторжскаго женскаго училища, въ богатомъ старорусскомъ костюмѣ, поднесла наследнику сапоги, туфли и ермолку, шитые золотомъ, какъ издѣлія города Торжка. Потомъ посѣтили женскую гимназію, пріютъ и Отрочъ-монастырь, въ которомъ при Іоаннѣ Грозномъ былъ задушенъ святитель Филиппъ. При возвращеніи по иллюминированнымъ улицамъ города заѣхали въ дворянское собраніе. Цесаревичъ вынесъ симпатичныя впечатлѣнія отъ знакомства съ губернаторомъ княземъ Багратиономъ и предводителемъ дворянства княземъ Мещерскимъ, оба умные, прямые, съ чисто русскою душою. Здѣсь же имъ были представлены поэтъ Глинка и декабристъ Муравьевъ-Апостолъ, доживавшій свой вѣкъ въ уединеніи города Твери ¹⁾).

На другой день пароходъ «Наяда» съ августѣйшими путешественниками подошелъ къ берегу города Корчевы, гдѣ на пристани депутация поднесла хлѣбъ-соль отъ города. Помолившись въ соборѣ и проѣхавъ по улицамъ города, наследникъ уѣхалъ въ село Кимры, гдѣ мѣстныя дѣвушки поднесли хлѣбъ-соль и стерлядей. Въ тотъ же день посѣтили городъ Клязминъ, приняли хлѣбъ-соль и отбыли въ городъ Рыбинскъ. Здѣсь цесаревичъ пробылъ цѣлый день, посѣтилъ учебныя заведенія, соборъ и канатную фабрику Журавлева. Въ Рыбинскѣ купечество угостило цесаревича обѣдомъ на славу, главнымъ образомъ волжскими стерлядями. Изъ Рыбинска проѣхали въ Ярославль, гдѣ пробыли два дня. Ярославль, какъ древній русскій городъ, понравился цесаревичу, который, проѣзжая по городу, любовался старыми церквами. Онъ посѣтилъ соборъ, лицей, духовное училище, сиротскій домъ и больницу. На другой день было назначено народное гулянье, но вслѣдствіе дурной погоды гулянье не удалось. Подъ впечатлѣніемъ невообразимой давки толпы при встрѣчахъ цесаревичъ не разъ высказывалъ удивленіе, какъ слаба вездѣ полицейская власть. На это ярославскій губернаторъ адмиралъ Унковскій очень вѣрно отвѣтилъ цесаревичу, что «полиція въ Россіи имѣетъ назначеніе чисто символическое, она ничего не охраняетъ, потому что не можетъ ничего охранять, а она существуетъ лишь для свидѣтельствованія о силѣ русскаго Бога надъ Россіей и надъ каждымъ ея уголкомъ... Какъ сила, полиція есть только насмѣшка надъ силою, это такая же полиція, какъ та, которая фигурируетъ въ иныхъ пьесахъ въ театрахъ... но

- 1) «Мои воспоминанія» кн. Мещерскій.

въ то же время чѣмъ же держится благоустройство въ Россіи, чѣмъ охраняются права жизни, собственности, какъ не силою русскаго Бога?»¹⁾

Плавая по Волгѣ цесаревичъ останавливался въ маленькихъ городахъ, чтобы войти въ церковь и принять властей и привѣтствія народа. Такъ, путешественники посѣтили города Мышкинъ, Мологу и Романово-Борисоглѣбскъ, сдѣлавъ для каждаго изъ нихъ эпоху въ скромной ихъ жизни.

Въ городѣ Угличѣ, когда цесаревичъ поднялся по лѣстницѣ на берегъ, то онъ очутился буквально въ морѣ десятковъ тысячъ народа; толпа эта громкими криками выражала свой восторгъ. Цесаревичъ сѣлъ въ коляску, чтобы ѣхать въ соборъ, но лошади, испуганныя толпою, стали подниматься на дыбы, и наслѣднику пришлось выйти изъ экипажа и идти пѣшкомъ. Двое полицейскихъ съ неимовѣрнымъ трудомъ прокладывали дорогу, и кое-какъ удалось пробиться до церкви, а народъ все прибывалъ, толпа начала пытаться пробраться въ соборъ, желѣзныя рѣшетки не выдержали и сломались подъ напоромъ народныхъ массъ. Поэтому протоіерей собора посовѣтовалъ цесаревичу, въ виду страшныхъ размѣровъ толпы, не идти на пароходъ обратнымъ путемъ, совершенно основательно опасаясь скопленія народа на самомъ берегу, надъ оврагомъ, не столько для великихъ князей, сколько для самой толпы, которая могла при этомъ напорѣ сорваться въ обрывъ.

Вмѣсто прежняго пути протоіерей предложилъ таинственный ходъ подземельемъ прямо изъ церкви на Волгу. Такъ и сдѣлали. При свѣтѣ фонарей августѣйшіе путешественники пробрались прямо на Волгу. Вслѣдствіе слишкомъ большой толпы народа цесаревичъ лишенъ былъ возможности осмотрѣть историческія примѣчательности древняго Углича²⁾.

14-го августа цесаревичъ посѣтилъ городъ Кострому, гдѣ народъ встрѣтилъ великихъ князей восторженно, при прибытіи въ соборъ наслѣднику цѣловали руки, такъ что онъ вполне былъ вынужденъ отдаться народу, ласки котораго не можетъ выразить грубое описаніе. Это колыбель дома Романовыхъ, гдѣ родился Иванъ Сусанинъ, преданность котораго царской семьѣ навѣки будетъ напоминать поставленный этому простому крестьянину въ Костромѣ памятникъ. Посѣтивъ всѣ учебныя заведенія, пріюты, соборы и острогъ, великіе князья были на народномъ праздникѣ на Сусанинской площади, а на другой день выѣхали въ Нижній-Новгородъ.

Какъ только цесаревичъ узналъ, что нижегородскіе купцы и городское общество готовятъ ему богатую встрѣчу, то онъ, еще

¹⁾ «Мои воспоминанія», кн. Мещерскаго.

²⁾ «Мои воспоминанія», кн. Мещерскаго.

11-го августа, телеграфировалъ губернатору, что такая встрѣча, сопряженная съ большими расходами, ему не желательна, а деньги, собранныя на нее, просилъ употребить на общественныя нужды ¹⁾).

17-го августа цесаревичъ на пароходѣ «Поспѣшный» прибылъ въ Нижній-Новгородъ. Для встрѣчи его былъ вызванъ изъ Петербурга хоръ музыки конной гвардіи, который исполнилъ торжественный маршъ, подъ звуки трубачей наслѣдникъ со свитою вступили на берегъ, посѣтили городской соборъ, поклонились гробницѣ Минина, обошли старинныя соборы и другія церкви, побывали въ гимназіи, женскомъ институтѣ, больницѣ и женскомъ монастырѣ, а вечеромъ были въ театрѣ. На другой день у ихъ высочествъ былъ пріемъ военныхъ, дворянства и купечества; при этомъ пріемѣ дворяне поднесли три стипендіи, двѣ первыхъ имени ихъ высочествъ, а третью имени высоконазначенной невѣсты Дагмары. Ардатовское общество поднесло хлѣбъ-соль, а нижегородское— четырехъ крупныхъ стерлядей, которые тутъ же бились живыми въ особомъ садкѣ. По окончаніи пріема наслѣдникъ со свитою отправились на ярмарку, гдѣ ознакомились съ выставкою сельскихъ и мануфактурныхъ произведеній. Цесаревичъ обратилъ вниманіе на русскіе и чувашскіе лапти, цѣною по 4 и 5 копеекъ за пару. Затѣмъ осмотрѣли баржи съ персидскими товарами и хлѣбомъ. Вечеромъ высокіе гости были въ циркѣ. На другой день, 18-го августа, продолжался осмотръ ярмарки съ посѣщеніемъ разныхъ торговыхъ предпріятій. Послѣ обѣда былъ устроенъ народный праздникъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ цесаревичъ провелъ три дня. 19-го августа, въ день пріема, представлялась только что прибывшая въ Нижній-Новгородъ сѣверо-американская депутація, посѣтившая Петроградъ «для выраженія сочувствія американскаго народа по поводу сохраненія жизни государя Александра II, уму и сердцу котораго обязаны 20 милліоновъ русскихъ рабовъ, получившихъ въ 1861 году свободу». Цесаревичъ еще раньше познакомился съ депутатами на балу, данномъ въ честь американскихъ гостей въ Петергофѣ.

22-го августа цесаревичъ прибылъ въ Казань. Изъ собора, гдѣ было молебствіе, всѣ путешественники пріѣхали въ домъ губернатора. Тамъ собрались представители всѣхъ сословій, которые поднесли цесаревичу хлѣбъ-соль. Послѣ завтрака великіе князья посѣтили Казанскій дѣвичій монастырь, у игуменьи котораго пили чай. Возвратясь оттуда, у ихъ высочествъ былъ большой обѣдъ для военныхъ, дворянства и купечества. За обѣдомъ игралъ хоръ музыки лейбъ-гвардіи Коннаго полка, привезенный изъ Нижняго-Новгорода. Вечеромъ августѣйшіе путешественники были на балу

¹⁾ «Голось» за 1866 годъ.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1900 г., ст. Матросова.

въ дворянскомъ собраніи, данномъ казанскимъ дворянствомъ. На другой день, 23-го августа, высокіе гости посѣтили дѣтскій пріютъ, университетъ, войсковой лагерь, Родіоновскій институтъ и военный госпиталь¹⁾.

Еще задолго до пріѣзда великихъ князей въ Казань министръ внутреннихъ дѣлъ Валувевъ извѣщалъ губернатора Нарышкина, что цесаревичъ хочетъ быть на одной изъ ярмарокъ или на большомъ базарѣ, чтобы ближе видѣть народъ. Поэтому города Казанской губерніи: Козмодемьянскъ и Чебоксары, лежавшіе на пути слѣдованія высокыхъ гостей, убрались по-праздничному; сюда и въ Казань толпами стекался народъ, а въ день пріѣзда съ ранняго утра весь берегъ Волги покрылся народомъ въ своихъ разноцвѣтныхъ костюмахъ. Нетерпѣніе видѣть августѣйшихъ гостей было столь сильно, что городская публика съ большимъ запасомъ цвѣтовъ отправилась на встрѣчу нарохода «Поспѣшнаго», который и встрѣтили за 12 верстъ отъ города. Какъ только сталъ приставать «Поспѣшный» къ пристани, хоръ конногвардейской музыки грянулъ гимнъ «Боже, Царя храни», народъ закричалъ «ура». Наслѣдникъ съ губернаторомъ сѣлъ въ первую коляску и двинулся въ городъ. Передъ самымъ городомъ, около триумфальной арки, августѣйшіе путешественники были встрѣчены воспитанницами дѣтскихъ пріютовъ, которыя усыпали путь цвѣтами. Раздался звонъ колоколовъ вѣхъ казанскихъ церквей, и народъ провожалъ цесаревича громкимъ «ура» и бѣжалъ за его коляскою. У дома губернатора наслѣдникъ принялъ почетный караулъ и ординарцевъ, а при входѣ въ домъ былъ встрѣченъ супругою Нарышкина, которая поднесла прекрасные букеты цвѣтовъ. Тутъ же депутаціи купечества, ремесленнаго и мѣщанскаго обществъ и старшинъ крестьянъ поднесли хлѣбъ-соль. Затѣмъ цесаревичу были представлены инородцы Казанской губерніи: чуваша, черемисы, мордва, вотяки и татары. По возвращеніи изъ поѣздки по городу великіе князья посѣтили супругу губернатора, пили у ней чай и слушали артистовъ итальянской оперы, а, выйдя на балконъ, долго любовались прекраснымъ фейерверкомъ. На балу въ дворянскомъ собраніи дворяне поднесли большой, писанный масляными красками портретъ принцессы Дагмары. На балу великіе князья принимали участіе въ танцахъ. При посѣщеніи на другой день университета цесаревичъ обратилъ вниманіе на столъ, чернильницу и перья, принадлежавшія Державину, и на ариѳметику, писанную по-французски рукою Суворова. Въ этотъ день на Арскомъ полѣ былъ народный праздникъ, на который великіе князья весело смотрѣли съ губернаторской дачи. Тамъ они пили чай и наблюдали за угощеніемъ народа. Пробывъ съ полчаса на народномъ праздникѣ,

¹⁾ Газета «Голосъ» за 1866 годъ.

великіе князья отправились на пристань, гдѣ передали губернатору тысячу рублей для раздачи бѣднымъ ¹⁾.

Изъ Казани августѣйшіе путешественники спустились внизъ по Волгѣ въ Спасскій затонъ, лежащій въ 118 верстахъ отъ Казани. На всемъ пути, по обѣимъ сторонамъ горѣли костры и смоляныя бочки, освѣщая путь въ село Никольское, куда великіе князья пожелали принять предложеніе на охоту.

Вотъ какъ описываетъ В. Молоствовъ ²⁾, сынъ хозяйки села Никольскаго, посѣщеніе цесаревичемъ села Никольскаго: «Всѣ дома Спасскаго затона были разукрашены фонарями, и вся дорога отъ пристани до села (23 версты) была освѣщена кострами и смоляными бочками, а Щербенцкій лѣсъ горѣлъ бенгальскими огнями. Когда ихъ высочества подѣхала къ нашему дому, то были встрѣчены нашею матушкою и сестрами. Послѣ первыхъ привѣтствій всѣ пошли въ гостиную, гдѣ былъ приготовленъ чай. Подойдя къ его высочеству, я сказалъ: «Разрѣшите мнѣ, ваше высочество, обратиться къ вамъ съ просьбой»,—стоявшій позади наслѣдника графъ Перовскій строго и неодобрительно взглянулъ на меня, но когда я смѣло продолжалъ, говоря, что наши бывшіе дворовые желаютъ поднести хлѣбъ-соль и просятъ милостиво принять ее, то графъ Перовскій весь просіялъ. Когда его высочество вышелъ на балконъ, то старшій изъ 83 дворовыхъ поднесъ на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль и сказалъ: «Благодарю васъ, ваше императорское высочество, за честь, которую вы сдѣлали, посѣтивъ нашихъ господъ. Будьте милостивы, не откажите намъ принять и нашу хлѣбъ-соль». Наслѣдникъ милостиво принялъ хлѣбъ-соль изъ рукъ старца и, обращаясь къ брату Александру, сказалъ: «Прошу васъ отнести ко мнѣ въ комнату». Поговоривъ съ дворовыми, наслѣдникъ сказалъ: «Благодарю васъ еще разъ за вашу хлѣбъ-соль. Мнѣ пріятно слышать отъ вашего прежняго помѣщика, что и послѣ освобожденія вы остались у него на службѣ. Отъ души желаю и надѣюсь, что ваши добрыя отношенія не измѣнятся и что вы попрежнему будете исполнять ваши обязанности».

«День закончился фейерверкомъ. На другой день назначена была охота. Наслѣдникъ ѣхалъ въ коляскѣ со мной и очень интересовался жизнью и бытомъ крестьянъ, сколько у нихъ земли, какъ они обрабатываютъ землю, какой ведутъ образъ жизни, занимаются ли промысломъ и хорошо ли работаютъ... Началась охота. День былъ очень жаркій, и охота не удалась. Потомъ началась облава. Въ 11 часовъ великіе князья вошли въ великолѣпно устроенную для нихъ бухарскую палатку, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Послѣ завтрака въ лѣсу всѣ вышли изъ палатки, и толпа народа

¹⁾ «Казанскія Вѣдомости» за 1866 годъ.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1912 года.

окружила ихъ высочества. Священникъ поднесъ наслѣднику нѣсколько старинныхъ татарскихъ монетъ. Проходя мимо народа, наслѣдникъ былъ остановленъ крестьяниномъ, упавшимъ передъ нимъ на колѣни и протягивавшимъ ему трехрублевую бумажку. На вопросъ, для чего онъ даетъ ему эти деньги, крестьянинъ отвѣчалъ: «Хочу тебѣ подарить». Тогда наслѣдникъ сказалъ: «Возьми обратно и отдай бѣднымъ». Но крестьянинъ сталъ шарить у себя за пазухой и досталъ оттуда пять рублей и подалъ наслѣднику. Его высочество поблагодарилъ его, но денегъ не принялъ, сказавъ: «На это купи твоимъ дѣтямъ что-нибудь нужное». Еще нѣсколько челѣвѣкъ подошли и просили принять старинныя монеты. На охотѣ было убито 2 волка, 11 лисицъ и 145 зайцевъ; изъ нихъ великими князьями застрѣлено 2 волка, 10 лисицъ и 80 зайцевъ.

«На другой день, передъ отъѣздомъ, графъ Перовскій сказалъ мнѣ, что наслѣдникъ приказалъ раздать дворовымъ тысячу рублей. Я не хотѣлъ принять эти деньги и просилъ Нарышкина взять на себя трудъ раздачи и объявить дворовымъ о пожалованіи наслѣдника. При прощаніи ихъ высочества поблагодарили насъ за устроенный пріемъ, а наслѣдникъ сказалъ: «Когда будете въ Петербургѣ, посѣтите насъ».

Изъ села Никольскаго великіе князья выѣхали 24-го августа прямо въ Москву, а оттуда прибыли въ Царское Село 28-го августа.

Впечатлѣніе о поѣздкѣ наслѣдника по Волгѣ было самое благоприятное. На всѣхъ пріемахъ цесаревичъ являлся оживленнымъ и веселымъ. Онъ, видимо, старался на каждого произвести хорошее впечатлѣніе. Главные разговоры велись за обѣдомъ; тутъ великій князь внимательно спрашивалъ и внимательно слушалъ. Отъ этихъ застольныхъ бесѣдъ получались впечатлѣнія тѣмъ болѣе пріятныя, что ему говорили съ охотою, съ оживленіемъ и откровенностью. До самой послѣдней минуты своего путешествія цесаревичъ былъ веселъ и въ духѣ; онъ разъ двадцать, по крайней мѣрѣ, высказывалъ ту мысль, что ничто такъ не полезно, какъ ѣздить по Россіи и разговаривать съ живыми людьми. «Вотъ земство, напримѣръ,—говорилъ великій князь:—я откровенно долженъ сказать, что слышалъ о немъ въ Петербургѣ, но имѣлъ самое смутное о немъ представленіе, а понялъ я его суть только теперь, изъ разговоровъ на мѣстѣ съ мѣстными людьми»¹⁾).

Наслѣдникъ самъ убѣдился въ огромномъ и могучемъ чувствѣ русскаго народа и его преданности своему царю.

Въ этомъ же 1866 году, 14-го сентября, прибыла изъ Даніи высоконаренченная невѣста цесаревича, принцесса Дагмара. 12-го октября происходило миропомазаніе, а 13-го октября происходило обрученіе съ избранною имъ невѣстою. 28-го октября въ церкви

¹⁾ «Мои воспоминанія» кн. Мещерскаго.

Зимняго дворца произошло бракосочетаніе наслѣдника цесаревича и великаго князя Александра Александровича съ великою княжною Марією Оедоровною.

Въ 1867 году, 20-го апрѣля, по установленному обычаю, молодые высоконовобрачные отправились въ Москву, гдѣ съ высоты Краснаго крыльца поклонились народу русскому. Въ этой поѣздкѣ ихъ сопровождали государь и великій князь Владимиръ Александровичъ. На станціи Клинь ихъ встрѣтили московскій генераль-губернаторъ князь Долгоруковъ, который представилъ имъ депутацію отъ клинскаго городского общества, поднесшую хлѣбъ-соль и блюдо съ свѣжими фруктами. Другая депутація клинскихъ ямщиковъ тоже поднесла хлѣбъ-соль, и одна новоторжская купчиха поднесла издѣлія своей фабрики изъ кожи, вышитыя золотомъ. Государь представилъ подносителей цесаревнѣ. Затѣмъ передъ окнами царскихъ покоевъ былъ сожженъ фейерверкъ и засвѣтилась иллюминаціонная декорация. Въ первомъ часу ночи поѣздъ прибылъ на платформу Петровско-Разумовскую, гдѣ былъ встрѣченъ старшими лицами военнаго и административнаго міра Москвы. По выходѣ изъ вагоновъ царскій поѣздъ въ экипажахъ направился въ Петровскій дворецъ, гдѣ августѣйшіе путешественники и ночевали.

На другой день, 21-го апрѣля, состоялся торжественный вѣздъ цесаревны въ первопрестольную Москву. Народъ съ ранняго утра занялъ всѣ тротуары и площади, балконы и даже крыши домовъ по пути высочайшаго проѣзда отъ триумфальныхъ воротъ до Кремля. Войска въ парадной одеждѣ заняли всю лѣвую сторону. Въ 11 часовъ утра прибылъ къ триумфальнымъ воротамъ государь и тотчасъ же сѣлъ на сѣраго коня, а цесаревичъ тоже верхомъ сталъ на флангъ конвоя. Затѣмъ прибыла цесаревна въ открытой коляскѣ, запряженной шестеркою съ жокеями. Ея высочество, въ бѣломъ платьѣ и розовой мантильѣ, находилась въ коляскѣ вмѣстѣ съ княгиней и княжною Куракиными. Командующій войсками, генераль-адъютантъ Гильденштуббе, подаль рапортъ цесаревнѣ, и затѣмъ кортежъ двинулся легкой рысью. Впереди ѣхалъ эскадронъ конницы, а потомъ двигалась коляска цесаревны, по правую сторону коей ѣхалъ на конѣ государь императоръ, а по лѣвую наслѣдникъ цесаревичъ. У Иверской часовни государь и ихъ высочества прикладывались къ иконѣ Божіей Матери, потомъ кортежъ подѣхалъ къ Успенскому собору, гдѣ было совершено молебствіе. Поклонившись святынѣ въ Успенскомъ соборѣ, царское шествіе направилось въ Архангельскій и Успенскій соборы и потомъ вошли на Красное крыльцо, гдѣ на верхней площадкѣ крыльца стоялъ городской голова съ депутатами городского общества и поднесъ хлѣбъ-соль на роскошномъ блюдѣ. Величественную картину представлялъ въ это время Кремль, наполненный народомъ: звонъ колоколовъ, пальба изъ пушекъ, звуки народнаго гимна и клики востор-

женнаго народа въ отвѣтъ на царскій поклонъ съ высоты Краснаго крыльца. То было русское народное торжество.

При первомъ зажженномъ фонарѣ улицы Москвы наполнились народомъ, который желалъ видѣть августѣйшихъ особъ, предполагавшихъ кататься на устроенной городомъ иллюминаціи. Въ девять часовъ вечера государь съ цесаревной и наслѣдникомъ въ коляскѣ выѣхалъ изъ дворца, въ сопровожденіи московскаго генераль-губернатора и свиты верхами. Царскій поѣздъ направился по освѣщеннымъ улицамъ до Страстнаго монастыря, по Тверскому и Пречистенскому бульвару и обратно въ Кремль.

На другой день наслѣдникъ и цесаревна принимали военныхъ начальниковъ, губернаторовъ и дворянъ. Дамы, одѣтыя въ русскія платья, были приняты вслѣдъ за ними. На приѣмѣ цесаревна была одѣта въ бѣлое русское платье съ екатерининской лентой черезъ плечо; возлѣ нея стоялъ наслѣдникъ въ свитскомъ мундирѣ и андреевской лентѣ. Церемонія приѣма кончилась къ 3 часамъ, а затѣмъ цесаревичъ принималъ депутацію московскихъ единовѣрцевъ. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, наслѣдникъ приложился къ иконѣ, которую поднесли депутаты, и вспоминалъ о прежнемъ посѣщеніи единовѣрческихъ церквей на Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ.

23-го апрѣля царская семья была у обѣдни въ дворцовой церкви. Послѣ обѣдни былъ произведенъ церковный парадъ въ залахъ дворца. Послѣ парада августѣйшій шефъ Александровскаго военнаго училища ¹⁾ приказалъ сложить ружья и самъ повелъ юнкеровъ по заламъ дворца, указывая ихъ достопримѣчательности. Въ этотъ день государь пригласилъ всѣхъ офицеровъ и фельдфебелей къ своему столу. Какъ извѣстно, вторымъ шефомъ училища состоялъ наслѣдникъ цесаревичъ, и потому онъ присутствовалъ на парадѣ.

Въ третьемъ часу государь съ наслѣдникомъ и цесаревной катались въ открытой коляскѣ на гуляньѣ подъ Новинскимъ. Въ 5 часовъ во дворцѣ былъ большой обѣдъ. Вечеръ царская семья провела въ театрѣ. Давали балетъ «Конекъ-Горбунокъ». Въ антрактахъ публика требовала играть гимнъ и датскій маршъ. На другой день, 24-го апрѣля, царская семья посѣтила этнографическую выставку, почетнымъ предсѣдателемъ которой состоялъ великій князь Владимиръ. Вечеромъ царская семья была на блистательномъ балу, данномъ московскимъ генераль-губернаторомъ, княземъ Долгоруковымъ.

25-го апрѣля государь съ наслѣдникомъ и цесаревной посѣтили митрополита Филарета, потомъ они были въ Екатерининскомъ, Александровскомъ и Елизаветинскомъ институтахъ. Вечеромъ

¹⁾ Александровское военное училище 23-го апрѣля празднуетъ свой батальонный праздникъ.

государь съ наслѣдникомъ и великимъ княземъ Владиміромъ были въ Маломъ театрѣ, гдѣ давали «Женитьбу». 26-го апрѣля государь съ наслѣдникомъ посѣтили Александровское военное училище, а въ три часа вмѣстѣ съ цесаревной прибыли въ воспитательный домъ, гдѣ воспитанницы поднесли цесаревичъ букетъ цвѣтовъ. Вечеромъ московское дворянство въ залахъ Дворянскаго собранія дало большой балъ. 27-го апрѣля былъ назначенъ смотръ войскамъ, но вслѣдствіе ненастной погоды смотръ былъ отмѣненъ. Въ этотъ день былъ осмотрѣнъ военный госпиталь, а цесаревна посѣтила концертъ Вурма и Шрадика, который былъ данъ въ маломъ залѣ Дворянскаго собранія. Въ этотъ же день великіе князья посѣтили имѣніе графа Воронцова-Дашкова, гдѣ и оставались до слѣдующаго дня. 28-го апрѣля наслѣдникъ съ цесаревной посѣтили выставку художниковъ, гдѣ цесаревичъ былъ поднесенъ художественный альбомъ. Въ этотъ же день царская семья, по древнему обычаю, посѣтила Троице-Сергіеву лавру. Несмотря на ненастную погоду, народъ толпился въ лаврѣ, которую цесаревна видѣла въ первый разъ. Послѣ обѣдни поклонились мощамъ святителя Сергія и прикладывались къ мѣстнымъ образамъ. Въ покояхъ митрополита Филарета былъ приготовленъ завтракъ, по окончаніи котораго царская семья возвратилась въ Москву. 29-го апрѣля царская семья не выѣзжала изъ дворца, а принимала только нѣкоторыхъ лицъ. 30-го апрѣля въ залахъ дворца былъ данъ большой балъ, на которомъ было 900 человекъ приглашенныхъ. 1-го мая царская семья посѣтила въ Сокольникахъ народное гулянье. Стеченіе народа было несмѣтное. Погода стояла холодная и мокрая. Московское купечество для приѣма государя и молодыхъ выстроило на Ширяевомъ полѣ въ Сокольникахъ павильонъ, стоившій 40 тысячъ. Павильонъ былъ безъ печей, а погода стояла не по сезону сырая. Такимъ образомъ, всѣ посѣтители мерзли и постоянно то надѣвали, то снимали верхнія платья. Императорская фамилія въ англійскомъ экипажѣ, сдѣлавъ нѣсколько туровъ по аллеямъ, поспѣшила въ павильонъ, который окружала тысячная толпа. Государя съ молодыми усадили передъ особою эстрадою, задернутою занавѣсью. Когда занавѣсъ была отдернута, передъ царскою семьею предсталъ хоръ московскихъ цыганъ, во время пѣнія которыхъ подавали чай. Наступили сумерки, и всѣ перешли на галереи смотрѣть фейерверкъ, который вышелъ очень удачнымъ. Иллюминація по аллеямъ; растянутая на огромное пространство, вышла тоже очень эффектною ¹⁾.

Послѣ фейерверка царская фамилія оставила Сокольники и прямо отправилась на желѣзную дорогу для отъѣзда въ Петро-

¹⁾ «Московскія Вѣдомости» за 1867 годъ.

¹⁾ «Русская Старина» за 1907 годъ. «Записки» Инсарскаго.

градъ, куда прибыла 2-го мая. Изъ письма наслѣдника къ великому князю Михаилу Николаевичу видно, что «пребываніе въ Москвѣ оставило прекрасное впечатлѣніе. Вообще было весело, и цесаревна принимала военныхъ и московскихъ дамъ, и ей пришлось много говорить, что она исполнила очень хорошо».

Навстрѣчу молодымъ выѣхала изъ Царскаго Села императрица съ великими князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами на станцію Колпино и сопровождала государя съ наслѣдникомъ и цесаревною въ Петроградъ. Въ ожиданіи царской семьи на станціи въ Петроградѣ собрались всѣ члены императорской фамилии, находившіеся въ столицѣ; туда же прибылъ король эллиновъ Георгъ I и масса офицеровъ.

4-го мая на Царицыномъ лугу происходилъ майскій парадъ. Послѣ объѣзда войскъ государь остановился противъ дворца принца Ольденбургскаго и протянулъ руку великому князю Константину Николаевичу, который снялъ флотскую шляпу и поцѣловалъ государя. Въ это время съ крѣпости загремѣли пушечные выстрѣлы, и народъ узналъ, что король эллиновъ сосватанъ съ великою княжною Ольгою Константиновною¹⁾. На этомъ парадѣ присутствовали императрица, наслѣдникъ и цесаревна.

Въ этомъ году, 7-го мая, наслѣдникъ съ цесаревной отправились на корветѣ «Аскольдъ» черезъ городъ Ригу въ Копенгагенъ. Въ Ригѣ молодая чета была встрѣчена мѣстными властями. Ихъ высочества проѣхали въ городъ, убранный флагами, и, среди ликования народа, остановились у русской церкви, гдѣ и былъ отслуженъ молебенъ. Изъ церкви ихъ высочества поѣхали прямо на пароходъ, который направилъ свой курсъ въ Копенгагенъ. 10-го мая, въ 4 часа дня, русская эскадра показалась въ виду Копенгагена, и старый король на яхтѣ «Шлезвигъ» отправился ей навстрѣчу. Какъ только «Аскольдъ» поровнялся съ яхтой «Шлезвигъ», король тотчасъ же перешелъ на адмиральскій русскій корабль.

Было 6 часовъ, когда «Аскольдъ» подошелъ къ пристани, у которой ожидала путешественниковъ вся королевская семья съ дѣтьми и масса народа. Послѣ привѣтствій король съ цесаревичемъ и королева съ цесаревной отправились къ дворцу наслѣднаго принца датскаго, гдѣ русская чета должна была имѣть свое пребываніе. Тотчасъ же по приѣздѣ наслѣдникъ съ цесаревной прошли на балконъ дворца и привѣтствовали собравшійся датскій народъ. Черезъ два дня въ Копенгагенъ приѣхалъ король эллиновъ, родной братъ русской цесаревны, спѣшившій на серебряную свадьбу своихъ отца и матери. 15-го мая состоялось въ столицѣ Даніи торжество серебряной свадьбы королевской четы. По этому случаю Копенгагенъ былъ великолѣпно украшенъ. Въ этотъ день 75.000 человекъ

¹⁾ «Голосъ» 1867 года.

народа были угощены обѣдомъ на королевскій счетъ, а вечеромъ во дворцѣ былъ данъ большой балъ, на которомъ цесаревна танцевала первую кадрили съ королемъ эллиновъ, а наслѣдникъ съ королевой датской.

Черезъ два дня, 17-го мая, цесаревичъ оставилъ датскій дворъ и отправился въ городъ Кельнъ, гдѣ присоединился къ свитѣ государя и вмѣстѣ съ великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ прибылъ 20-го мая въ Парижъ. На станціи желѣзной дороги ихъ встрѣтилъ императоръ Наполеонъ III, великая княгиня Марія Максимилиановна съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ и ея сестрой, великой княжной Евгеніей Максимилиановной. Съ вокзала кортежъ двинулся въ слѣдующемъ порядкѣ: 2 берейтора верхомъ, взводъ уланъ, карета, въ которой занимали мѣста оба императора и оба великіе князя, потомъ ѣхала въ шести каретахъ свита государя и великихъ князей, кортежъ замыкала эскадронъ уланъ. Со станціи желѣзной дороги кортежъ отправился сначала въ Тюльерійскій дворецъ, гдѣ императрица Евгенія вышла навстрѣчу государю внизъ большой лѣстницы дворца и гдѣ государь представилъ ея величеству обоихъ своихъ сыновей, а потомъ произошло взаимное представленіе свиты государя и императора французовъ. Изъ Тюльерійскаго дворца императорскій кортежъ отправился въ Елисейскій дворецъ, предназначенный для жительства царской семьѣ, причемъ государю были отведены комнаты Наполеона I, а наслѣднику—апартаменты императрицы. Черезъ нѣсколько времени государь съ сыновьями отправились въ русскую церковь, гдѣ отслушали молебенъ. Вечеромъ они были въ театрѣ «Варьете» на опереткѣ «Grande—duchess de Gerolschtein», гдѣ весело смѣялись и остались довольны музыкой Оффенбаха. На другой день царская семья посѣтила парижскія скачки въ Булонскомъ лѣсу, на которыхъ собралось 400 тысячъ народу. Государь съ сыновьями находились въ императорской трибунѣ вмѣстѣ съ Наполеономъ III и бельгійскими королемъ и королевой. Какъ извѣстно, на этихъ скачкахъ разыгрывался большой призъ въ 100.000 франковъ. Въ этотъ день у Наполеона состоялся большой обѣдъ.

22-го мая, утромъ, послѣ прогулки, царская семья посѣтила соборъ Парижской Богоматери и тюрьму Conciergerie, въ которой были заключены знаменитыя жертвы революціи. Въ 4 часа государь съ сыновьями катались верхомъ въ Булонскомъ лѣсу, а вечеромъ обѣдали у русскаго посла, барона Бруннова.

23-го мая государь съ сыновьями въ 11 часовъ утра посѣтилъ домъ инвалидовъ, гдѣ ихъ встрѣтили ветераны въ парадной формѣ; потомъ прошли къ гробницѣ Наполеона I, а затѣмъ были на всемирной выставкѣ промышленности и обѣдали въ Тюльери. При посѣщеніи выставки на Марсовомъ полѣ государь съ великими князьями остановились передъ русской избой и русской конюшней. Г. Коре-

щенко встрѣтилъ государя съ хлѣбомъ-солью. Осмотрѣвъ русскія произведенія, царская семья осталась въ русскомъ ресторанѣ завтракать. Послѣ обѣда въ Тюльери, государь съ великими князьями слушали оперу «Африканка» въ театрѣ «Grand Opéra», а потомъ были на большомъ балу въ русскомъ посольствѣ, на которомъ собралось около 800 приглашенныхъ. На этомъ балу присутствовали Александръ II, Наполеонъ III, прусскій король Вильгельмъ и прочіе высокіе гости.

24-го мая государь съ великими князьями совершили прогулку по Парижу, осмотрѣли Пале-Рояль и завтракали въ ресторанѣ «Trois frères Provençaux». Послѣ прогулки государя посѣтилъ король прусскій Вильгельмъ, который при выходѣ его изъ кареты былъ встрѣченъ наслѣдникомъ и великимъ княземъ Владимиромъ. Оба великіе князя проводили своего дѣда до кабинета государя.

25-го мая въ честь русскаго государя происходилъ смотръ войскамъ. Музыка играла «Боже, Царя храни», знамена склонились, и войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Былъ пятый часъ дня, государь въ открытой коляскѣ вмѣстѣ съ Наполеономъ и великими князьями отправились во дворецъ. У правой коляски ѣхалъ верхомъ шталмейстеръ Бургуанъ, а у лѣвой—Рембо. Когда экипажъ двинулся, то Бургуанъ приказалъ ѣхать не тою дорогою, которою обыкновенно ѣздятъ изъ Лонгшана въ Парижъ, но нѣсколько правѣе первой. Какъ только поворотомъ лошадей опредѣлилось направленіе движенія, то въ ту же секунду съ одного изъ деревьевъ послѣшно слѣзъ какой-то человекъ въ блузѣ и бросился бѣжать къ экипажу. Неизвѣстный уже почти подскочилъ къ экипажу, какъ Рембо далъ шпоры коню и бросился на неизвѣстнаго. Раздался выстрѣлъ. Пистолеть разорвало, но пуля все-таки вышла изъ дула и пробила ноздри лошади Рембо. Кровь брызнула въ экипажъ.... государь совершенно хладнокровно поворотилъ голову на звукъ выстрѣла и пожалъ плечами. Наполеонъ мгновенно схватилъ за руку государя и какъ бы заслонилъ его собой. Народъ бросился на убійцу и повалилъ его на землю. Толпа дергала его во всѣ стороны съ криками: «Это не французъ» («ce n'est pas un Français»). Подоспѣвшіе сержанты выхватили убійцу изъ рукъ толпы и отправили въ полицію.

Наполеонъ, увидѣвъ великаго князя Владимира, покрытаго кровью, быстро наклонился къ нему со словами: «Вы весь въ крови! Вы ранены?» Оказалось, что мундиръ Наполеона, а также мундиры государя и наслѣдника были забрызганы кровью. Августѣйшія особы тогда замѣтили, что кровь обрызгала всю внутрен-

¹⁾ Газета «Голось» за 1867 годъ.

ность коляски, но что ни одинъ изъ нихъ не раненъ. Наслѣдникъ и великій князь Владимиръ бросились обнимать государя, а Наполеонъ обнялъ всѣхъ высочайшихъ особъ. На первомъ же допросѣ убійца показалъ, что онъ Березовскій, шляхтичъ Волынской губерніи, и что онъ работалъ въ Парижѣ на фабрикѣ Гуэна. Злой умыслъ свой питалъ уже два года и только ждалъ случая. «Какъ вы могли стрѣлять въ государя, находящагося здѣсь въ качествѣ гостя Франціи, гостя императора и того правительства, которое васъ пріютило и кормило?»—«Да, правда,—отвѣчалъ Березовскій,— я совершилъ большое преступленіе противъ Франціи», и залился слезами. Затѣмъ сказали ему: «Вѣдь, стрѣляя въ русскаго императора, вы рисковали убить и императора Наполеона?»—«О, нѣтъ!—возразилъ онъ:—пуля поляка не могла дать промаха; она должна была попасть прямо въ царя. Я хотѣлъ избавить свѣтъ и императора Александра отъ угрызеній совѣсти, которыя не должны давать ему покоя».

Въ этотъ же день государь съ обоими великими князьями былъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ на балу. Государь былъ спокоенъ и, принятый съ величайшимъ сочувствіемъ, привѣтливо обращалъ свою рѣчь къ извѣстнымъ ему особамъ. Императрица Евгенія была чрезвычайно взволнована. Она еще не пришла въ себя отъ столь ужаснаго для хозяевъ происшествія. Послѣ ужина царская семья уѣхала къ себѣ во дворецъ.

26-го мая въ русской церкви собрались всѣ сановники, посланники, свита и толпа русскихъ, проживавшихъ въ Парижѣ. Государь съ великою княгинею Маріею Николаевною и великими князьями прибыли ровно въ часъ. Оба сына государя были въ черныхъ сюртукахъ. Затѣмъ въ церковь прибыли Наполеонъ съ императрицею Евгеніею и прусскій король съ наслѣднымъ принцемъ. Наполеонъ былъ въ парадной формѣ и въ лентѣ св. Андрея Первозваннаго, а прусскіе принцы—въ черныхъ фракахъ

Послѣ молебствія государь съ наслѣдникомъ и великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ посѣтили Луврскій дворецъ и оставались тамъ очень долго. Вечеромъ они были въ театрѣ, гдѣ публика громко выражала имъ сочувствіе и сдѣлала овацію. Изъ театра царская семья посѣтила балъ въ русскомъ посольствѣ. На балу государь и великіе князья были во фракахъ, лентахъ и въ высокіхъ черныхъ чулкахъ.

27-го мая государь съ дѣтьми катался по городу верхомъ, а вечеромъ городъ Парижъ чествовалъ его большимъ баломъ, на которомъ государь былъ въ формѣ павлоградскихъ гусаръ, наслѣдникъ—въ лейбъ-казачьемъ мундирѣ, а великій князь Владимиръ—въ кавалергардскомъ.

28-го мая государь съ обоими сыновьями, императрицей Евгеніею и прусскимъ королемъ отправились въ Версаль—эту велико-

лѣпную резиденцію Людовика XIV. Въ Версалѣ были пущены всѣ фонтаны, и народъ привѣтствовалъ гостей императрицы. Гости поѣхали кататься по садамъ и парку въ 12 экипажахъ и завтракали въ Маломъ Трианонѣ. Послѣ завтрака возвратились въ Парижъ почтовою дорогою черезъ Сень-Клу и Севръ.

29-го мая царская семья съ Наполеономъ и императрицею Евгеніею вновь посѣтила выставку. Вечеромъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ былъ балъ, на которомъ наслѣдникъ танцевалъ съ принцессою Луизою Гессенскою. Государь и великіе князья были во фракахъ, въ короткихъ панталонахъ и черныхъ чулкахъ. Таково было требованіе этикета. Газета «*Vie Parisienne*», описывая балъ, замѣчаетъ, что наслѣдникъ поражалъ своимъ серьезнымъ видомъ, съ которымъ онъ выслушивалъ всѣ обращенія къ нему рѣчи. Та же газета, описывая балъ въ Тюльери, говоритъ, что императрица Евгенія въ одной фигурѣ танцевъ сама пригласила цесаревича на вальсъ. Всѣ дамы были очарованы привѣтливостью Александра Александровича.

Наконецъ, 30-го мая государь съ императрицею Евгеніею и Наполеономъ отправились въ Фонтенебло, причемъ государь съ Евгеніею сидѣли въ коляскѣ на заднихъ мѣстахъ, а Наполеонъ на переднемъ. Великіе князья, свита и конвой сопровождали ихъ; такимъ образомъ, они доѣхали до станціи Страсбургской желѣзной дороги, гдѣ масса публики и всѣ русскіе и поляки провожали царскую семью. Англичане поднесли государю адресъ. Государь уѣхалъ въ Берлинъ, а цесаревичъ въ Копенгагенъ ¹⁾.

Одинъ изъ русскихъ, бывшихъ въ то время въ Парижѣ, пишетъ, что Наполеонъ былъ на высотѣ своей славы. Парижъ блисталъ изяществомъ и роскошью. Ко всякому слову Наполеона прислушивались. Въ Парижѣ, наполненномъ русскими, только и было разговоровъ о бывшемъ посягательствѣ на жизнь Александра II, но настроеніе французовъ было тогда далеко не въ нашу пользу. Императрица Евгенія, послѣ австро-прусской войны, опасаясь за короля прусскаго, чтобы его не оскорбила французская толпа, ошиблась. Король, всюду гулявшій одинъ, своею благодушною наружностью завоевалъ симпатіи французовъ и сдѣлался популяренъ, тогда какъ нашъ Александръ II—напротивъ. Оваціи ему начались лишь послѣ выстрѣла Березовскаго. Не шло къ государю и штатское платье, какъ-то нескладно сидѣвшее на немъ. Для бала въ Тюльери пришлось надѣвать фракъ и чулки. Все это сердило Александра II. Въ Тюльери онъ былъ не въ духѣ: эта одежда стѣсняла его и не шла къ нему. На балу государь, по своей военной привычкѣ, въ отвѣтъ на поклоны, кивалъ лишь головой и то неза-

¹⁾ Газета «Голось» за 1867 годъ.

мѣтно, тѣмъ болѣе, что накрахмаленный воротникъ мѣшалъ ему. Всѣ обратили вниманіе, что Наполеонъ никогда такъ низко не кланялся, особенно дамамъ, какъ въ этотъ разъ. Императрица Евгенія особенно была любезна и слѣдила за каждымъ шагомъ нашего государя. Много толковъ вызвано тѣмъ, что она, послѣ выстрѣла Березовскаго, въ извозчикъей каретѣ поспѣшила въ Елисейскій дворецъ и въ избыткѣ чувствъ при всѣхъ бросилась на шею императора Александра II, поздравляя его съ избавленіемъ отъ опасности ¹⁾.

Освященіе часовни (изъ французской брошюры того времени).

Изъ письма цесаревича къ великому князю Михаилу Николаевичу видно, что наслѣдникъ не былъ очарованъ Парижемъ, и, вѣроятно, правъ былъ рецензентъ газеты «Vie Parisienne», сообщавшій о серьезномъ видѣ его на парижскихъ торжествахъ. Вотъ что пишетъ самъ цесаревичъ о своемъ впечатлѣніи въ Парижѣ: «О Парижѣ много я могъ бы написать, но напишу только о впечатлѣніи, которое онъ сдѣлалъ на меня. Такого грустнаго воспоминанія я еще ниоткуда не выносилъ, какъ изъ Парижа. Не говорю объ этомъ печальномъ случаѣ 25-го мая, который окончательно испортилъ все хорошее воспоминаніе о Парижѣ, но вообще все наше пребываніе тамъ было такое пустое и такое ненужное. Я до сихъ поръ не могу понять, къ чему мы ѣздили въ Парижъ, къ чему было

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1894 года. Статья князя Д. Д. Оболенскаго.

показывать такое дружественное отношеніе къ этому семейству Наполеона. Увѣряли, что французы такъ рады пріѣзду государя и что пріемъ будетъ великолѣпный. Пріемъ былъ хорошъ; но что здѣсь особеннаго: вывели войска, и толпа зѣвакъ и любопытныхъ пришла глазѣть на это зрѣлище. Такъ же приняли короля прусскаго и всѣхъ прочихъ королей, а султана вдвое лучше, да еще съ большимъ энтузіазмомъ. Вотъ тебѣ и французы! Имъ все равно, кого принимать, своего ли императора, или китайскаго; все тѣ же крики: «Vive L'Empereur»—и только. Былъ тамъ братъ японскаго тайкуна; ему они кричали: «Vive les chinois». Каждый день видишь съ утра до ночи массу экипажей, пѣшихъ и конныхъ, и все это веселится цѣлый день и каждый день. Театры постоянно набиты биткомъ. Какое блаженство, когда мы выбрались изъ этого вертепа! Ты можешь себѣ представить въ какомъ я былъ ужасномъ положеніи все время послѣ выстрѣла 25-го мая! Нельзя было ручаться за каждый день, что не повторится еще разъ то же самое. Можешь себѣ представить, какъ я себя чувствовалъ въ эти дни! Никогда не забуду это ужасное чувство всякій разъ, когда мы выѣзжали изъ дома. Всякій разъ я молился, потому что, проѣзжая толпу, того и смотри, что выстрѣлятъ. Теперь кончаю о Парижѣ» ¹⁾.

Изъ Парижа цесаревичъ прибылъ въ Копенгагенъ 1-го іюня, встрѣченный всей датской фамиліей, и тотчасъ же уѣхалъ въ Фреденсборгъ, гдѣ былъ встрѣченъ королемъ Христіаномъ IX и цесаревною Марією Θεодоровною. Вскорѣ цесаревичъ съ королемъ датскимъ присутствовали при освященіи моста, перекинутаго съ острова Фальстера, черезъ гульбергскій проливъ, на островъ Лалаандъ. Во время пребыванія цесаревича въ Фреденсборгѣ сильное впечатлѣніе произвело на датскій дворъ извѣстіе объ изгнаніи изъ Шлезвига семействъ, уклоняющихся отъ прусской воинской повинности. Датскія дамы тотчасъ же открыли комитетъ для пріема пожертвованій брилліантовыми и золотыми вещами въ пользу изгнанныхъ семействъ.

5-го сентября наслѣдникъ съ цесаревною выѣхали изъ Копенгагена, посѣтили Дармштадтъ и Висбаденъ и 17-го сентября прибыли въ Берлинъ. Здѣсь они остановились въ домѣ русскаго посольства, сдѣлали официальные визиты, и наслѣдникъ принялъ въ аудіенціи президента совѣта министровъ, графа Бисмарка. Пробывши только одинъ день въ Берлинѣ, ихъ высочества отправились въ Царское Село, куда и прибыли 23-го сентября.

Въ 1868 году по Варшавской желѣзной дорогѣ цесаревичъ выѣхалъ черезъ Берлинъ, Дармштадтъ и Страсбургъ въ Ниццу для присутствованія при освященіи часовни, сооруженной на мѣстѣ кончины покойнаго наслѣдника Николая Александровича, котораго онъ такъ сильно любилъ.

Въ Берлинѣ цесаревичъ прибылъ 9-го марта, въ 5 часовъ утра, и остановился въ русскомъ посольствѣ. Въ 11 часовъ онъ посѣтилъ короля и наслѣднаго принца, а потомъ присутствовалъ на смотру 4 полковъ гвардейской пѣхоты. Послѣ завтрака цесаревичъ дѣлалъ визиты прусской королевской фамиліи, а въ 2 часа принималъ у себя короля. Вечеромъ наслѣдникъ былъ на семейномъ обѣдѣ у короля и въ ночь на 10-е марта выѣхалъ въ Ниццу. 13-го марта на станціи желѣзной дороги въ Ниццѣ собрались для встрѣчи наслѣдника префектъ города, военные чины и русская колонія. Наслѣдникъ прибылъ въ Ниццу въ седьмомъ часу вечера и пожелалъ, чтобы ему были представлены русскія дамы, которыхъ представлялъ нашъ посолъ, князь Орловъ. Послѣ приѣма дамъ представлялись проживавшіе въ Ниццѣ генераль-адъютанты: Назимовъ, Ахматовъ, баронъ Будбергъ и другіе.

Цесаревичъ остановился въ отелѣ «De Luxembourg» на набережной «Promenade des Anglais». Свиту его составляли: графъ Перовскій, шталмейстеръ Стюрлеръ, генераль Рихтеръ и адъютанты: князь Барятинскій и Козловъ. Гофмаршалъ двора наслѣдника Скарятинъ прибылъ раньше и распорядился всей церемоніей освященія. На другой день, 14-го марта, утромъ происходило освященіе часовни ¹⁾, построенной надъ той комнатой, въ которой скончался покойный Николай Александровичъ. Вилла Берманъ была куплена государемъ; самый домъ былъ сломанъ, а на его мѣстѣ построена часовня, окруженная померанцевыми деревьями. При выѣздѣ на полукруглый дворъ стоятъ каменные устои для воротъ съ высѣченными крупнымъ рельефомъ на одномъ: «1865» «Souvenir», а на другомъ «Память». Часовня украшена дивными образами, изготовленными въ Петроградѣ, а вокругъ по стѣнамъ вѣланы образа, пожертвованные гвардейскими полками. Закладка часовни была произведена 2-го марта 1867 года. Служба въ часовнѣ продолжалась около часа; служилъ протоіерей Полежаевъ, пѣлъ хоръ пѣвчихъ изъ мѣстныхъ жителей. По провозглашеніи многолѣтня процессія вышла изъ часовни и обошла вокругъ нея, сопровождаемая цесаревичемъ и свитою. Послѣ освященія была панихида за упокой того, котораго такъ любила вся Россія. На церемоніи присутствовали батальонъ французской пѣхоты, жандармы и пожарные, выстроенные передъ часовней.

На другой день цесаревичъ пригласилъ къ обѣду префекта города Ниццы, командующаго мѣстными войсками, князя Орлова, князя Мещерскаго, князя Витгенштейна, г. Мацнева и свиту. Пре-

¹⁾ «Голось» 1867 года.

¹⁾ Въ настоящее время около часовни построена каменная красивая церковь въ старорусскомъ стилѣ.

Примѣч. авт.

фектъ передалъ привѣтствіе императора Наполеона, на что цесаревичъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ отправиться въ Парижъ для личнаго привѣтствія императора французовъ.

Наслѣдникъ выѣхалъ изъ Ниццы 16-го марта, пожертвовавъ 5.000 франковъ въ пользу бѣдныхъ. 18-го марта цесаревичъ былъ въ Штутгартѣ, 19-го въ Дармштадтѣ для посѣщенія своихъ родственниковъ, а 20-го марта прибылъ въ Берлинъ. Послѣ обѣда у короля выѣхалъ въ Петроградъ, куда прибылъ 22-го марта.

Е. Каменскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СРЕДИ ОТОШЕДШИХЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

И тихъ мой будетъ поздній часъ,
И смерти добрый геній
Шепнетъ, у двери постучась:
«Пора въ жилище тѣней».

Пушкинъ.

I.

Варшава 50-хъ годовъ прошлаго вѣка.—Паскевичъ, комета и Крымская кампанія.—Старики-заговорщики: Тутчекъ, Фундуклей, Павлицевъ, Мухановъ, графъ Нессельроде и др.—Ордонангаузъ.—Саксонская площадь и памятникъ полякамъ.

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ о выдающихся людяхъ, съ которыми я встрѣчался въ дѣтствѣ въ Варшавѣ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ «князь», какъ всѣ его тогда называли, или официально: намѣстникъ царства Польскаго, генераль-фельдмаршалъ Паскевичъ, свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Эриванскій. Я тогда и не подозрѣвалъ, что у него такое торжественное, длинное имя. Для меня это былъ просто добрый старикъ, дряблый и слабый, мимоходомъ трепавшій меня по щекамъ или совавшій мнѣ леденецъ въ ротъ. Онъ мнѣ даже казался смѣшнымъ. Но объ этомъ потомъ. Теперь же отмѣчу только, что въ моихъ воспоминаніяхъ этотъ слабый и добрый старикъ сливается съ представленіемъ о необычайномъ небесномъ явленіи и о метаморфозѣ, происшедшей съ другими окружавшими меня въ дѣтствѣ стариками.

Небесное явленіе, о которомъ я упомянулъ, была огромная комета, ядро которой виднѣлось на одной сторонѣ небосклона въ то время, какъ хвостъ, постепенно расширяясь, занималъ все видимое

пространство на противоположной сторонѣ. Это было величественное зрѣлище, наводившее страхъ на суевѣрныхъ людей и наполнявшее нашу дѣтскую душонку чувствомъ, близкимъ къ ужасу. Какъ только начинало смеркаться, огненное небесное явленіе выступало все ярче, и взрослымъ стоило большого труда успокоить насъ, малышей, особенно когда наступало время ложиться спать. Занавѣски спускались, въ домѣ водворялась тишина, но мы всѣми фибрами чувствовали, что тамъ за занавѣсками происходитъ нѣчто страшное. Обычный крикъ протяжно перекликавшихся часовыхъ: «слуша-а-ай!» дѣйствовалъ прежде на насъ успокоительно, но съ тѣхъ поръ, какъ стала появляться эта ужасная комета, онъ казался намъ зловѣщимъ и только усиливалъ нашу нервность. Страхъ нашъ доходилъ до того, что мы будили взрослыхъ, прося ихъ посидѣть у нашихъ кроватей, пока, обезсиленные отъ утомленія, не засыпали.

Въ безпокойствѣ, которое мы причиняли взрослымъ, мы были, однако, не одни виноваты. Насъ-то они успокаивали, а сами между собою вели далеко не успокоительныя бесѣды. Ихъ усиленно занималъ вопросъ, что собственно означаетъ грозное небесное явленіе. По ихъ понятіямъ, оно не означало что-нибудь пріятное, веселое, радостное. Наоборотъ, оно непременно предвѣщало непріятное, дурное, тревожное, даже катастрофическое, въ родѣ грандіозной войны, если не свѣтопреставленія. Преобладали, однако, толки о войнѣ. И дѣйствительно, она скоро разразилась.

Эта была война 1853—56 гг. Театръ военныхъ дѣйствій былъ далеко. Я не слышалъ грома орудій, не видѣлъ ужасовъ войны, не видѣлъ даже раненыхъ или плѣнныхъ. Тѣмъ не менѣе война глубоко врѣзалась въ мою память—и вотъ почему.

Въ головѣ ребенка міръ отражается иначе, чѣмъ въ головѣ взрослогаго. Это понятно, но менѣе понятно, что хотя мы всѣ и были дѣтьми, но рѣдко кто изъ насъ умѣетъ понять жизнь ребенка, вдуматься въ его мысли, побужденія, чувства. Въ данномъ случаѣ произошло слѣдующее: мы, дѣти, почувствовали, что помѣнялись ролями со взрослыми. Шушуканье, кажется, было нашею дѣтское привилегією: вѣдь у насъ было столько тайнъ, важныхъ для насъ и нисколько не интересныхъ для взрослыхъ. И вдругъ стали шушукаться именно они. Они тихонько, точно мы, маленькіе заговорщики, обсуждали что-то очень важное, иногда какъ будто горячились, не повышая, однако, голоса; наоборотъ, чѣмъ сильнѣе они волновались, тѣмъ тише говорили, точь-въ-точь какъ мы, дѣти. Это шушуканье меня очень заинтересовало, и я невольно прислушивался, причѣмъ тотчасъ же сдѣлалъ открытіе, что разговоры стариковъ удивительно какъ походятъ на уроки географіи моей сестры, которой учитель показывалъ карту, поясняя: «Вотъ это — Англія, это — Франція, Германія, Австрія, Турція, Сардинія, Россія».. Старики тоже постоянно повторяли названія этихъ странъ, причѣмъ

чаще всего называли Россію. Не менѣе часто упоминали они и о старомъ князѣ, и я никакъ не могъ уяснить себѣ, какое отношеніе имѣеть князь къ этому подобію урока географіи.

Только впослѣдствіи, когда я уже былъ ученикомъ старшихъ классовъ гимназіи и студентомъ, я уяснилъ себѣ, что это были за старики. Тутъ были: старый боевой генераль, мой опекунъ Тутчекъ, въ теченіе 26 лѣтъ занимавшій постъ варшавскаго коменданта, чловѣкъ очень образованный и начитанный; извѣстный геодезистъ, генераль Теннеръ, начальникъ триангуляціи въ царствѣ Польскомъ; сенаторъ Фундуклей, создатель первой женской гимназіи не только въ Россіи, но и въ мірѣ вообще, замѣчательный экономистъ, труды котораго послужили основаніемъ для работъ Милютина по крестьянской реформѣ 1864 г., историкъ Павлищевъ, одинъ изъ первыхъ, если не первый русскій ученый изслѣдователь историческихъ судебъ Червонной Руси, основатель «Варшавскаго Дневника» (какъ извѣстно, онъ былъ женатъ на родной сестрѣ Пушкина, бывшей также однимъ изъ видныхъ членовъ русскаго варшавскаго общества въ 50-хъ годахъ); историкъ же Мухановъ, печетель варшавскаго учебнаго округа, усердный собиратель историческихъ документовъ, графъ Нессельроде, племянникъ канцлера, большой меломанъ, дочь котораго великосвѣтская красавица и піанистка, знаменитая Калерджи, сдѣлала не мало для искусства въ Польшѣ (такъ, она извлекла изъ провинціальной глуши Монюшка, доставила ему популярность въ Варшавѣ, содѣйствовала постановкѣ его «Гальки», мирно покоившейся въ его портфель двѣнадцать лѣтъ, и назначенію его директоромъ варшавской оперы), маркизъ Паулуччи, генераль Дьяковъ и мн. др. Я тутъ перечислилъ только дѣятелей, образы которыхъ глубоко врѣзались въ мою память, вѣроятно, потому, что я чаще съ ними встрѣчался, или потому, что они особенно ласково относились ко мнѣ. Но, повторяю, я въ то время не могъ имѣть никакого представленія объ ихъ заслугахъ, объ ихъ государственномъ или общественномъ значеніи. Все это выяснилось для меня только впослѣдствіи. вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ, какъ невѣрно судять тѣ, кто представляетъ себѣ николаевскихъ дѣятелей сухими формалистами, лишеными собственной инициативы и только исполняющими приказанія своего повелителя. Вспоминая окружавшихъ меня въ дѣтствѣ стариковъ, я преклоняюсь передъ ихъ заслугами и преисполненъ къ нимъ чувства благодарности и за себя, за то, что они своими ласками и совѣтами внесли тамъ много тепла въ мою зарождавшуюся жизнь.

Но я остановился на томъ, какъ эти старики разыгрывали въ моемъ представленіи роль заговорщиковъ. Ихъ собранія происходили въ хорошую погоду въ Саксонскомъ саду, въ ненастную же часто въ ордонангаузѣ.

. Это еще что?—спросить съ недоумѣніемъ современный читатель.

Ордонансгаузы давно переименованы въ комендантскія управления. Но комендантское управление это—чистѣйшая проза, а ордонансгаузъ окруженъ для меня цѣлымъ цвѣтникомъ яркихъ, милыхъ, благоухающихъ воспоминаній.

Собственно, ничего поэтического въ варшавскихъ ордонансгаузѣ было. Большое двухъэтажное квадратное зданіе съ громаднымъ дворомъ, на которомъ можно было хотя бы объѣзжать лошадей, съ канцеляріями, архивомъ, квартирами для многочисленныхъ служащихъ: плацмайора, бау-адъютанта и прочихъ чиновъ, онъ находился на углу лучшей варшавской улицы, Краковскаго предмѣстья, и Королевской, выходя заднимъ фасадомъ на Саксонскую площадь, тогда еще не застроенную и примыкавшую, въ свою очередь, къ знаменитому Саксонскому саду. Теперь онъ значительно окорначенъ: въ немъ возникли даже новыя улицы. Но въ мое время это былъ цѣлый паркъ, расположенный въ самомъ центрѣ города и привлекавшій въ хорошую погоду всю Варшаву, желавшую на другихъ помотрѣть и себя показать, потолковать съ знакомыми или нужными людьми безъ обязательства считаться визитами. Садъ этотъ находился въ двухъ шагахъ отъ ордонансгауза, который ничѣмъ не отличался отъ другихъ казенныхъ заведеній подобнаго рода, но для насъ, малышей, это былъ цѣлый міръ,—міръ огромный, таинственный и чрезвычайно занимательный. Чего стоила ужъ одна наша квартира, занимавшая два этажа въ 12 большихъ комнатъ съ двумя людскими, съ антресолями, четырьмя прихожими, банею, конюшнею, сараемъ, садомъ,—тутъ было гдѣ развернуться, поиграть, пошалить, тѣмъ болѣе, что доступъ во все зданіе намъ былъ постоянно открытъ. Да и народу въ нашей квартирѣ было не мало: опекунъ, я съ сестрой, внучка опекуна, взрослая дѣвушка, только что окончившая Смольный, учитель, двѣ гувернантки, экономка съ сыномъ-кадетомъ и дочерью, поваръ, судомойка, вѣстовой, часовой у входа въ квартиру, лакей, двѣ горничныя, кучеръ, конюхъ, а по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ народу было еще больше, потому что у насъ постоянно гостило не мало дѣвочекъ и мальчиковъ, дѣти знакомыхъ семействъ, товарки и товарищи по играмъ и шалостямъ, въ которыхъ, помню, особенно отличался Ваня Прянишниковъ, позднѣйшій художникъ, превосходный рисовальщикъ, умершій въ 1909 г. и работавшій преимущественно въ американскихъ журналахъ: онъ былъ всѣхъ насъ старше, и выдумкамъ его не было конца... Всѣ эти люди вносили богатое содержаніе въ нашу дѣтскую жизнь, за исключеніемъ развѣ только часового у подъѣзда, который слишкомъ однообразно отдавалъ ружьемъ честь проходившимъ военнымъ и всегда стоялъ истуканомъ, не отвѣчая ни словомъ, ни улыбкой на всѣ наши затрыванія. Если къ этому прибавить свободу, которою мы пользовались, любовное отношеніе къ намъ взрослыхъ, общую непринужденность, обусловленную добродушіемъ опекуна, увеселительныя

поѣздки въ окрестности, домашніе спектакли съ устройствомъ сцены въ громадной нашей залѣ, то не трудно будетъ понять, почему чуждое и тяжеловѣсное названіе «ордонанстаузъ» окружено для меня пріятными, веселыми, милыми воспоминаніями и кажется мнѣ гораздо болѣе поэтическимъ, чѣмъ сухое и ничего не говорящее моему сердцу названіе: комендантское управленіе.

Зданіе ордонанстауза было, какъ сказано, отдѣлено отъ Саксонскаго сада Саксонскою площадью, тогда пустою. Теперь эта площадь застроена православнымъ соборомъ, но въ мое время на всей площади, ближе въ Саксонскому саду, виднѣлся только не особенно высокій темный обелискъ съ надписью: «Полякамъ, павшимъ за вѣрность своему Государю», и съ перечисленіемъ ихъ фамилій. Когда я на пятомъ году жизни научился читать, я замѣтилъ, что среди этихъ фамилій красуется и фамилія моего тезки, генерала Сементковскаго. Съ тѣхъ поръ меня занималъ вопросъ, что это за генералъ Сементковскій, имѣеть ли онъ что-нибудь общее со мною, и почему поляки «пали за вѣрность своему государю»? Каждый разъ, когда я проходилъ мимо этого обелиска и не былъ занятъ чѣмъ-нибудь другимъ, я самъ задавался этимъ вопросомъ и задавалъ его другимъ. Отвѣты получались по большей части для меня невразумительные, и поэтому приходилось обращаться все къ новымъ лицамъ. Ясно было только то, что этотъ генералъ не имѣеть со мною ничего общаго, и что онъ только назывался такъ, какъ и я назывался, подобно тому, какъ нашъ лакей панъ Крупскій не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ паномъ Крупскимъ, который состоялъ капельдинеромъ въ театрѣ и раздѣвалъ и одѣвалъ насъ, когда мы приходили въ свою ложу. Но, кромѣ этого, я ничего не понималъ. Поляковъ убили за то, что они остались вѣрны своему государю. Государя я зналъ, зналъ и поляковъ. О государѣ (Николаѣ Павловичѣ) часто говорили въ домѣ, и я не разъ разсматривалъ его портреты. Зналъ и поляковъ, съ которыми встрѣчался на каждомъ шагу. Они всегда были такъ милы со мною, а стрѣляли другъ въ друга, потому что одни любили государя (такъ я объяснялъ себѣ слово «вѣрность»), а другіе его не любили. «Кто же далъ имъ пушки и ружья?»—спрашивалъ я взрослыхъ. «Да самъ государь далъ,—отвѣчали мнѣ:—т. е. не самъ государь, а его братъ, который раньше былъ государемъ». Помню, недоумѣніемъ моимъ не было конца, и я все спрашивалъ, какъ государь могъ дать пушки и ружья тѣмъ, кто стрѣлялъ въ поляковъ, любившихъ его, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ меня не образумилъ мой опекунъ. На мой вопросъ онъ мнѣ отвѣтилъ вопросомъ же. «А почему сегодня хорошая погода?»—«Потому что дождика нѣтъ».—«А почему дождика нѣтъ?» — «Не знаю», сказалъ я, подумавъ. — «И не будешь знать, пока не поучишься, да и то далеко не все узнаешь. Ну, и почему одни поляки стрѣляли въ другіхъ, ты узнаешь, когда поучишься. Знать можно только то, чему

человѣкъ учился, и разсуждать слѣдуетъ только объ этомъ»... «А ты географіи учился?»—прервалъ я вдругъ опекуна.—«Почему ты спрашиваешь?»—«Потому что ты съ другими дѣдушками все говоришь объ Англіи, Франціи, Турціи, Сардиніи»...

Опекунъ мой отъ души расхохотался и отвѣтилъ, что онъ географію уже въ корпусѣ училъ, когда былъ маленькимъ мальчикомъ.

Когда я впослѣдствіи вспоминалъ этотъ разговоръ, мнѣ ясно представлялось, почему старики, окружавшіе меня въ дѣтствѣ, такъ таинственно шептались о Крымской кампаніи. Они не хотѣли огласки, не хотѣли вступать въ бесѣду о политикѣ съ другими людьми, не посвященными въ нее. Помню, опекунъ, даже когда я уже былъ студентомъ, постоянно уговаривалъ меня отложить разсужденія о политикѣ до окончанія курса: надо сперва учиться, а потомъ рѣшать вопросы этого рода. А я уже на школьной скамьѣ питалъ особенное пристрастіе къ политическимъ и историческимъ наукамъ. Но тѣмъ не менѣе мой опекунъ настаивалъ на своемъ, и только когда я уже кончилъ курсъ въ университетѣ, гдѣ я посвятилъ себя изученію государственныхъ наукъ, вступалъ со мною въ бесѣды о текущей политикѣ.

Очевидно, въ то время придерживались платоновскаго правила, что управлять и законодательствовать должны только философы, т. е. люди, специально посвятившіе себя этому дѣлу. Какъ извѣстно, приблизительно въ томъ же смыслѣ высказался немного позже и такой прогрессивный мыслитель, какъ Дж. Ст. Милль въ своихъ знаменитыхъ «Разсужденіяхъ о представительномъ правленіи». Вотъ эта точка зрѣнія и господствовала среди стариковъ, окружавшихъ меня въ дѣтствѣ. Они очень много сами занимались политикой, но очень не любили, когда непосвященные, по ихъ мнѣнію, ею занимались. Мой опекунъ всякую свободную минуту читалъ газеты, начиная съ «Московскихъ Вѣдомостей» и кончая «Колоколомъ», книги и брошюры политическаго или историческаго содержанія, злободневныя брошюры на политическія темы, но все это держалось подъ замкомъ изъ опасенія, что онѣ попадутъ въ постороннія руки, въ руки людей, неспособныхъ ихъ оцѣнить съ надлежащей точки зрѣнія. Вотъ почему, бесѣдуя между собою объ этихъ вопросахъ, старики производили впечатлѣніе заговорщиковъ.

II.

Отношеніе правительства и общества къ турецкимъ войнамъ. — Варшавскій генералитетъ въ парикахъ и варшавскій балегъ. — Страсть къ сплетнямъ. — Новое царствованіе и мой отъѣздъ въ школу.

Какая перемѣна произошла въ этомъ отношеніи на моемъ вѣку! Лѣтъ двадцать спустя, когда подготовлялась освободительная война 1877—78 гг., разговоры о ней велись совершенно открыто.

Всѣ чувствовали себя призванными рѣшать вопросы внѣшней политики: правящіе и неправящіе были убѣждены, что ихъ взгляды могутъ непосредственно вліять на жизнь, что стоить правительству сказать: да или нѣтъ, рѣшить вопросъ такъ или иначе,—и войны не будетъ, или же она будетъ. Никто не задавался вопросомъ, что это была уже одиннадцатая война съ Турціей, что, начиная съ половины XVI в., съ тѣхъ поръ, какъ дьякъ Ржевскій разбилъ турокъ у Очакова, во главѣ правительства у насъ стояли люди различнаго направленія или настроенія, что Іоаннъ Грозный, и «гораздо тихій» Алексѣй Михайловичъ, и великій Петръ, и нерѣшительная Анна Іоанновна, и блестящая Екатерина, и благословенный Александръ, и царь-рыцарь Николай, и Царь-Освободитель—всѣ вели войны съ Турціей и что въ различные эти царствованія и русское общество было различно настроено, и что тѣмъ не менѣе войны чередовались неизмѣнно, такъ что на столѣтіе приходится отъ одной до четырехъ русско-турецкихъ войнъ. Всѣ были убѣждены, что ходъ событій зависитъ исключительно отъ современниковъ. А чѣмъ руководствовались они въ своихъ соображеніяхъ или рѣшеніяхъ? Императоръ Николай Павловичъ чувствовалъ себя призваннымъ защищать въ Россіи и въ Европѣ консервативные принципы противъ революціонныхъ и представить себѣ не могъ, что онъ вступитъ въ борьбу съ такою легитимною властью, какъ власть австрійскаго императора; князь Паскевичъ, какъ бы предчувствуя, что Россіи и Австріи все равно не ужиться и что рано или поздно имъ придется вступить въ вооруженную борьбу, утверждалъ что путь въ Царьградъ ведетъ черезъ Вѣну, а русское общество тогда обсуждало вопросъ келейно, производя впечатлѣніе заговорщиковъ, какъ старики, окружавшіе меня въ дѣтствѣ. Но и впослѣдствіи, когда оно, какъ въ освободительную войну конца 70-хъ годовъ, могло уже разсуждать всенародно, при посредствѣ печати, въ гостиныхъ и разныхъ собраніяхъ, вопросъ рѣшался съ точки зрѣнія какого-нибудь общаго принципа, въ родѣ предпочтенія, которое надо оказывать внутреннему обновленію отечества передъ задачами внѣшними, пасифизма, династическаго характера войнъ и т. д. Но менѣе всего обсуждались тѣ историческія причины, которыя привели къ одиннадцати войнамъ съ Турціей и могли привести къ двѣнадцатой, дѣйствительно теперь разразившейся. Императоръ Николай I считалъ себя столпомъ консервативныхъ интересовъ, примѣрно какъ нѣкоторая часть русскаго общества считала себя призванной защищать либеральные принципы, но и та, и другая сторона охотно приносили въ жертву реальные внѣшніе интересы страны внутреннимъ, признаваемымъ болѣе существенными.

Но въ счастливую пору дѣтства я, конечно, и понятія не имѣлъ обо всѣхъ этихъ «проклятыхъ» вопросахъ. Для меня существовали

только люди, которые меня окружали, люди живые, баловавшие меня, услаждавшие мою жизнь, что, однако, мнѣ не мѣшало подмѣчать ихъ слабости. Какая неблагодарность! Впрочемъ, эта неблагодарность простиралась не особенно далеко. Я даже любилъ эти слабости: онѣ сближали меня съ этими добрыми людьми, хотя между ними и мною было громадное разстояніе—полувѣковая, а то и болѣе продолжительная жизнь съ ея испытаніями, разочарованіями, размышленіями, умственнымъ трудомъ, словомъ, со всѣмъ, что удаляетъ стариковъ отъ дѣтей. Старые, милые заговорщики! Они не подозрѣвали, какъ ихъ глубокомысленныя соображенія о тайнахъ политики сближали съ ними насъ, дѣтей. Старики, а, смотришь, тоже что-то скрываютъ, кого-то боятся, шепчутся, оглядываются, не подслушиваетъ-ли кто-нибудь, не выдастъ ли ихъ? А старый князь? Онемъ говорятъ вполголоса, какъ мы говоримъ о нашихъ родителяхъ, опекунахъ, его какъ будто боятся, но мы чувствуемъ, что онъ такой же старичокъ, какъ всѣ остальные, что его что-то роднитъ съ нами, дѣтьми. Какой онъ бывалъ смѣшной, когда въ Крещеніе идетъ со всѣми генералитетомъ въ дворцовомъ саду на водосвятіе, на Вислу, слегка сторбленный, съ парикомъ на головѣ, какъ другіе генералы, прикрывающіе свою лысину париками, да какими уморительными, кто чернымъ, какъ смоль, кто рыжимъ, кто свѣтлорусымъ или бѣлымъ, какъ ленъ, должно быть, въ память о прежнемъ цвѣтѣ своихъ волосъ. Это былъ странный маскарадъ, обращавшій на себя общее вниманіе. Иногда князь представлялся намъ даже жалкимъ. Это вызывалось не только старческою его дряхlostью, но и многообразными сплетнями и толками объ его домашней жизни. Мы, дѣти, ничего не знали о томъ, что государь называлъ его «своимъ другомъ», своимъ «отцомъ-командиромъ», «славою» и «исторією своего царствованія», основателемъ новаго единаго царства — «царства славянскаго». Мы всего этого не знали, да и врядъ ли все это много сказало бы нашему уму. Но сплетни и толки, распространенные о старомъ князѣ, доходили до насъ, дѣтей, и вполнѣ соответствовали тому, что намъ говорили глаза,—что не герой въ нашемъ смыслѣ этого слова находится передъ нами, а слабый челоувѣкъ, ничѣмъ не отличающійся отъ остальныхъ людей. Говорили, что князь побаивается своей супруги, очень энергичной дамы, что когда князь одаривалъ щедро кого-нибудь изъ уходившихъ слугъ, княгиня поджидала награжденнаго и изъ пяти червонцевъ оставляла одинъ, говоря, что и оставленнаго болѣе, чѣмъ нужно; говорили, что князь, какъ и окружавшій его генералитетъ, очень любить хорошенькихъ и поэтому въ балетѣ ихъ такъ много, что княгиня и вообще супруги генераловъ этимъ почему-то недовольны, и т. д. и т. д. Всѣ эти сплетни не умолкали среди разныхъ лицъ, окружавшихъ меня въ дѣтствѣ, среди разныхъ чиновниковъ, особенно изъ поляковъ, ихъ женъ, дочерей. И все это моему дѣтскому

уму было болѣе доступно, чѣмъ разсужденія о политикѣ, о государственныхъ вопросахъ, волновавшихъ стариковъ и составлявшихъ обычную тему ихъ разговоръ.

Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ! Я постепенно подрасталъ, и постепенно государственные вопросы стали для меня такой же родной стихіей, какъ для старичковъ, окружавшихъ меня въ дѣтствѣ. Но, прислушиваясь къ тому, чѣмъ заняты другіе, я часто приходилъ къ заключенію, что они не далеко отъ сплетенъ и толковъ, во время моего дѣтства занимавшихъ прислугу и мелкихъ чиновниковъ, что ихъ гораздо болѣе интересуетъ, говоря примѣрно, какіе фавориты были у Екатерины II и въ какихъ отношеніяхъ она съ ними находилась, чѣмъ великія ея государственныя дѣла и реформы. Какъ часто я вспоминалъ въ послѣдствіи дни моего дѣтства въ этомъ отношеніи, особѣнно же время, когда умеръ старый князь, ему на смѣну явился князь Д. М. Горчаковъ, произошла перемѣна царствованія и подготавливалось польское повстаніе. Но тутъ и въ моей жизни произошелъ крутой переломъ. Изъ родного дома мнѣ пришлось уѣхать въ далекую, какъ мнѣ казалось, страну, гдѣ находилась школа, въ которую меня опредѣлили. Объ это школѣ стоитъ поговорить именно въ настоящее время, когда происходитъ пересмотръ основъ нашего гимназическаго образованія.

III.

Гимназія подъ Венденомъ: Биркенру.—Гимназіи полвѣка тому назадъ и теперь.— Мои законоучителя: оо. Мутовозовъ, Пospѣловъ, Добролюбовъ, Полисадовъ и Заркевичъ.

Гимназія, въ которую меня опредѣлили, была извѣстна въ 40-хъ и 50-хъ гг. во всей Россіи, называлась Биркенру и находилась въ окрестностяхъ Вендена. Обслуживала она преимущественно прибалтійскія губерніи, но въ ней были ученики изъ Архангельска и Астрахани, изъ Перми и Варшавы, словомъ, изъ всей Россіи. Преобладали протестанты, но было не мало католиковъ и православныхъ, въ томъ числѣ много учениковъ, которые пріобрѣли въ послѣдствіи широкую извѣстность: до меня въ ней воспитывались В. Θ. Тиммъ, создатель «Русскаго Художественнаго Листка», увѣковѣчившій карандашомъ главные эпизоды величественной эпопеи, достопамятной защиты грознаго Севастополя, генераль-адъютантъ А. И. Пантелѣевъ, грудью защищавшій честь русскаго оружія въ кампанію 1877—78 гг. и заслужившій при взятіи Филиппополя георгіевскій крестъ. Вообще изъ стѣнъ заведенія вышло не мало георгіевскихъ кавалеровъ. Назову только тѣхъ, которые мнѣ въ данную минуту памяты: князь И. Н. Шаховской, баронъ Г. Г. Тизенгаузенъ, баронъ Э. И. Цеймернъ. Затѣмъ назову изъ бывшихъ учениковъ извѣстнаго врача и профессора А. Я. Гюббенета, не менѣе

извѣстнаго физика Р. Г. Ленца. Кто изъ болѣе пожилыхъ петроградцевъ не помнитъ окулиста, графа И. Х. Магавли, или кто изъ русскихъ не любовался картинами моего непосредственнаго товарища извѣстнаго художника К. А. Савицкаго? Всѣ они воспитанники этой школы, а изъ однородной школы въ Феллинѣ вышелъ мастеръ русской поэтической рѣчи, нашъ поэтъ Феть. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что очень мало изъ воспитанниковъ венденской гимназiи записалось въ число людей 20-го числа. Есть между ними художники, писатели, врачи, адвокаты, ученые, техники, очень много сельскихъ хозяевъ, промышленныхъ дѣятелей, но чиновниковъ очень мало. Такъ и чувствуешь, что большинство воспитанниковъ—люди съ собственной инициативой, что проторенная дорога спокойной бюрократической карьеры ихъ не особенно соблазняетъ, что они принадлежатъ къ типу людей, которые «просятъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой». Это какой-то особый отпечатокъ, лежащій на моихъ товарищахъ, ихъ предшественникахъ и преемникахъ.

Но прежде, чѣмъ я коснусь болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ, съ которыми меня столкнула эта школа, прежде, чѣмъ я выясню, какъ гимназія, въ которой я воспитывался, воспитывала людей энергичныхъ, съ собственной инициативой, въ которыхъ Россія такъ сильно нуждается, и какъ она рѣшила вопросы, такъ сильно насъ теперь занимающіе въ виду предстоящаго преобразованія нашихъ гимназій, скажу нѣсколько словъ о моихъ законоучителяхъ-священникахъ; имъ я отведу первое мѣсто.

Когда я слышу разсужденія о томъ, что къ православію и къ православной церкви равнодушны иногда даже люди, которыхъ никакъ нельзя причислить къ невѣрующимъ, я невольно ихъ вспоминаю, вспоминаю оо. Мутовозова, Пospѣлова, Боголюбова, Полисадова, Заркевича. Всѣ они умерли, но всѣ живы въ моей памяти.

Изъ этихъ пяти священниковъ только одинъ рисуется мнѣ истиннымъ пастыремъ душъ, для котораго слово Божіе было чѣмъ-то болѣе значительнымъ, чѣмъ средствомъ занять опредѣленное положеніе въ обществѣ и пользоваться выгодами, съ нимъ связанными, Это былъ отецъ Пospѣловъ.

Онъ принялъ венденскій православный приходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ и моимъ законоучителемъ послѣ о. Мутовозова, о которомъ всѣ воспитанники презрительно отзывались: «попъ». Мы съ К. А. Савицкимъ, поражавшимъ насъ уже тогда своими способностями къ рисованію, часто порывались брать о. Мутовозова подъ свою защиту, такъ какъ были воспитаны въ духѣ православія и любви къ православной церкви, но руки у насъ опускались. Дѣло въ томъ, что нашъ законоучитель говорилъ иногда на урокахъ явныя даже для насъ, дѣтей, несообразности. Но это еще бы ничего: на его урокахъ присутствовали только православные, и мы бы не выдали батюшку. Бѣда была въ томъ, что батюшка страдалъ общерос-

сійскою слабостью и не умѣлъ этого скрывать. Бывало онъ идетъ къ намъ изъ Вендена, пошатываясь, а кто-нибудь изъ воспитанниковъ идетъ за нимъ, подражая его колеблющейся походкѣ при еле сдерживаемомъ смѣхѣ остальныхъ школьниковъ. Какое уже тутъ могло быть уваженіе къ православной церкви и къ православію! И дѣло было не столько въ томъ, что о. Мутовозовъ пилъ, пили и учителя, пили и мы, воспитанники, при случаѣ пиво. Но чтобы кто-нибудь изъ насъ при исполненіи своихъ обязанностей могъ быть пьянъ,—это казалось просто дикимъ и невозможнымъ.

Кажется, о. Мутовозовъ былъ человѣкъ доброй души, но это не принималось во вниманіе. Отдѣльная личность набрасывала тѣнь на всѣхъ служителей православной церкви и на самое православіе — тѣнь, тѣмъ болѣе густую, что дѣтямъ, мало знавшимъ и мало видѣвшимъ, фигура о. Мутовозова заслоняла приблизительно все, что они знали о православіи.

Вѣроятно, и духовное начальство обратило вниманіе на слабость о. Мутовозова, потому что онъ скоро исчезъ, и на его мѣстѣ появился довольно молодой еще священникъ, воспитанникъ московской духовной академіи, о. Пospѣловъ.

Какая тутъ произошла перемѣна! Православный храмъ въ Венденѣ, до того пустовавшій, сталъ по воскресеньямъ и праздникамъ наполняться крестьянскимъ людомъ, набожно внимавшимъ истовой молитвѣ и убѣжденной проповѣди о. Пospѣлова на родномъ латышскомъ языкѣ. Не только самая церковь была переполнена, народъ наполнялъ и паперть, и ограду, и какъ жалѣли тѣ, кто опаздывалъ, что не услышатъ словъ любимаго пастыря. А у насъ въ школѣ? Презрительная кличка «попъ» исчезла; всѣ уже говорили: священникъ. Метаморфоза у насъ въ школѣ произошла потому, что никто уже не сомнѣвался, что о. Пospѣловъ ни въ чемъ не уступаетъ другимъ преподавателямъ, а можетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ихъ превосходить. Такъ, на примѣръ, лютеранскій священникъ, преподававшій въ выпускномъ классѣ древне-еврейскій языкъ для учениковъ, готовившихся къ поступленію на богословскій факультетъ (мы болѣе или менѣе всѣ уже въ школѣ избирали себѣ профессію, знали, кто чѣмъ въ жизни будетъ заниматься), какъ-то заболѣлъ: нашъ батюшка вызвался помочь воспитанникамъ въ ихъ занятіяхъ; и оказалось, что онъ знаетъ древне-еврейскій языкъ ничуть не хуже, даже, пожалуй, лучше, своего лютеранскаго собрата. Помню, какой гордостью мы, православные, преисполнились, когда по училищу разнеслась вѣсть, что нашъ батюшка не менѣе ученъ, чѣмъ лютеранскій. Впрочемъ, вся школа уже раньше убѣдилась въ его достоинствахъ, всѣ мы уже питали къ нему чувство уваженія, и это невольно отражалось на отношеніяхъ моихъ товарищей-лютеранъ къ православію и православной церкви. Надо было видѣть, съ какою готовностью они принимали предложеніе батюшки прочесть на Страстной

въ православной церкви евангеліе на разныхъ языкахъ. Эта готовность нисколько не уступала моей готовности принимать участіе въ пѣснопѣніяхъ лютеранской церкви (меня просили объ этомъ ввиду моей музыкальности и хорошаго голоса). Словомъ, благодаря новому батюшкѣ, всякое разобщеніе между нами, школьниками, на религіозной почвѣ исчезло, и религія уже не мѣшала намъ чувствовать себя одной дружной семьей. Впрочемъ, объ о. Поспѣловѣ я уже писалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» («Въ Лифляндской Швейцаріи», 1895 г.) Отмѣчу здѣсь только еще одну деталь, имѣющую ближайшее отношеніе къ тому, что я хочу сказать о гимназическомъ образованіи въ 50-хъ и 60-хъ годахъ.

Филаретовскій катехизисъ служилъ и тогда руководствомъ при изученіи православной вѣры. Мы, школьники, заучивали его наизусть, потому что многое было для насъ въ немъ совершенно непонятно. Такъ было при отцѣ Мутовозовѣ, и какъ онъ ни старался намъ его объяснять, «вода во облацѣхъ» становилась отъ этого только еще «темиѣ». При о. Поспѣловѣ дѣло круто измѣнилось. Выходило вотъ что: не онъ намъ объяснялъ катехизисъ, а, напротивъ, мы его ему объясняли. Это, конечно, надо понять *cum grano salis*. Въ классѣ происходила дружная работа, направленная къ тому, чтобы всѣмъ выяснилось истинное значеніе всякой мысли, всякаго слова. Умъ нашъ работалъ во-всю, и центръ тяжести этой работы лежалъ не въ запоминаніи, а въ соображеніи, логическомъ мышленіи, находчивости, преодолѣніи трудностей именно въ этомъ направленіи. Въ началѣ работа шла медленно, но постепенно она ускорялась, и весь классъ преодолевалъ подъ конецъ трудности какъ бы шутя, И мы никогда не отвѣчали на вопросы катехизиса словами самого катехизиса, а собственными, и притомъ вполне сознательно: сбить насъ было если не невозможно, то трудно.

Когда я поступилъ въ петербургскую гимназію, гдѣ я окончилъ гимназическій курсъ, картина опять измѣнилась. Нашъ законоучитель, духовникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, о. Боголюбовъ, обязательно требовалъ, чтобы мы отвѣчали словами самого катехизиса при скудныхъ и не особенно вразумительныхъ объясненіяхъ съ его стороны, и результатъ получался при помощи единицъ, или, какъ онъ ихъ изображалъ, при помощи «могилокъ съ крестами», блестящій, но только въ другомъ отношеніи: лучшихъ учениковъ можно было разбудить ночью, предложить въ разбивку какой угодно вопросъ, и они отвѣчали, нисколько не задумываясь, съ быстротою молніи, слово въ слово по катехизису. Правда, при этомъ иногда оказывалось, что вмѣсто надлежащаго отвѣта они давали отвѣтъ на другой вопросъ, не сообразивъ всей нелѣпости этой замѣны, но да здравствуетъ работа памяти! Ученикъ изъ разумнаго существа съ собственной инициативой, дающаго себѣ ясный отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ, превращался въ машину, автоматъ.

Эта деталь бросает яркій свѣтъ на коренное различіе въ способѣ преподаванія въ двухъ гимназіяхъ. Къ несчастію для Россіи, наше гимназическое образованіе развилось въ духѣ изощренія памяти. Отцы Боголюбовы одержали верхъ надъ отцами Поспѣловыми.

Остановлюсь кстати здѣсь еще на одномъ изъ моихъ законоучителей, на о. Полисадовѣ, читавшемъ лекціи богословія въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ я завершилъ свое образованіе.

Прекрасный ораторъ, духовный писатель, бывшій настоятель нашей посольской церкви въ Берлинѣ, красивый мужчина, извѣстный богословъ, о. Полисадовъ производилъ бы прекрасное впечатлѣніе, если бы... Впрочемъ, онъ дѣйствительно многихъ очаровалъ и шагнулъ высоко, такъ что былъ даже настоятелемъ собора Петропавловской крѣпости; зато и паденіе его было глубокое.

Въ то время (это было во второй половинѣ 60-хъ годовъ) властителемъ думъ среди молодежи былъ Дарвинъ. Съ общехристіанской и православной точки зрѣнія можно было возразить многое противъ того широкаго толкованія, которое тогда придавалось ученію Дарвина въ русскихъ радикальныхъ кружкахъ. Я допускаю даже, что опровергать это широкое толкованіе долженъ былъ всякій христіанинъ, призванный пецись о душѣ нашего брата, безбородога юнца. Но долгъ свой въ этомъ отношеніи могли сознавать только люди, для которыхъ христіанство и православіе не было простымъ орудіемъ достиженія цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ религіею; опровергать же ученіе Дарвина было крайне неудобно, потому что оно пользовалось широкою популярностью среди студентовъ и профессоровъ. Вполнѣ это понималъ, повидимому, и о. Полисадовъ, и вотъ онъ выпутался изъ неудобнаго своего положенія.

Посвящаетъ о. Полисадовъ цѣлую лекцію опроверженію ученія знаменитаго естествоиспытателя, предваря аудиторію, что онъ постарается изложить полностью доводы, выработанные богословскою наукою противъ ученія Дарвина. И вотъ онъ начинаетъ ее опровергать, причемъ все время на его устахъ играетъ ироническая улыбка: дескать, если не проникнетесь основательностью этихъ доводовъ, то меня этимъ не обидите. Лекція приближалась къ концу, и мы все время чувствовали, что у ученаго богослова есть что-то на умѣ, что онъ намъ раскроетъ только на прощанье, послѣ того, какъ всѣ богословскіе доводы будутъ исчерпаны. Ожиданіе наше усиливается и къ звонку пріобрѣтаетъ уже степень ясно выраженнаго нетерпѣнія. Лицо профессора окончательно процвѣтаетъ, озаряясь широкою улыбкою.

— Можетъ быть, — говоритъ онъ: — всѣ эти доводы и основательны, но мнѣ они не нужны, ибо я ученіе Дарвина признаю глупымъ и даже для себя оскорбительнымъ. Взгляните на меня, господа (о. Полисадовъ былъ очень красивый мужчина), — взгляните на меня и

скажите по чистой совѣсти: можно ли повѣрить, что я происхожу отъ обезьяны?

Аудиторія оглашается взрывомъ хохота, раздаются даже аплодисменты, и о. Полисадовъ съ улыбкой побѣдителя выходитъ въ коридоръ, а по его уходѣ студенты говорятъ другъ другу: «Нечего сказать, хотя и попъ, а умница».

Это конецъ лекціи, а вотъ и начало другой.

О. Полисадовъ пріѣхалъ изъ-за границы. Онъ очень элегантенъ и не менѣе самоувѣренъ. Каждый нервъ въ немъ такъ и говоритъ: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ. И дѣйствительно, онъ всходитъ на кафедру, окидываетъ аудиторію твердымъ взглядомъ и сразу побѣждаетъ даже тѣхъ юнцовъ, которые скептичиѣ всѣхъ относятся къ религіи вообще и къ православію въ особенности.

— Вотъ,—говоритъ онъ:—жилъ я за границей, ходилъ я тамъ человѣкомъ между людьми, а вернулся къ роднымъ пенатамъ и опять козломъ сталъ.

Выдвигаетъ о. Полисадовъ граціознымъ движеніемъ руки свою бороду, а аудиторія хохочетъ.

Возьмемъ, для завершенія картины, о. Полисадова на экзаменѣ. Экзаменуюсь я и беру билетъ о Гегелѣ. Признаюсь, богословіе, какъ его преподавалъ нашъ профессоръ, приходилось мнѣ по не душѣ, и я курсъ перелисталъ кое-какъ, тѣмъ болѣе, что батюшка, какъ намъ хорошо было извѣстно, пользовался и экзаменами, чтобы подогрѣвать свою популярность, т. е. экзаменовалъ болѣе чѣмъ снисходительно. Отвѣчая, я даже забылъ, что я отвѣчаю изъ богословія, и старался просто очертить философскую систему Гегеля, не касаясь того, что можно противъ нея возразить съ богословской точки зрѣнія. О. Полисадовъ слушалъ меня внимательно и походилъ на kota, котораго щекочутъ за ухомъ. Когда я кончилъ, онъ отнесся съ полнымъ одобреніемъ къ моему отвѣту и прибавилъ:

— Представьте себѣ, у насъ въ богословіи Гегель выходитъ дуракъ-дуракомъ, а изъ вашего отвѣта я вижу, что онъ былъ умница. Получайте 5+. Вамъ плюсъ не пригодится, но не могу иначе: прекрасно отвѣчали.

Я поклонился и ушелъ, но, кажется, мнѣ рѣдко въ жизни человѣкъ былъ менѣе симпатиченъ, чѣмъ о. Полисадовъ въ эту минуту.

О. Заркевичъ, мой духовникъ, также выдающійся богословъ, былъ прямою противоположностью о. Полисадова. Если послѣдній былъ воплощенная самоувѣренность, то первый былъ воплощенная скромность. Наменяя на свою жену Вѣру, даму очень высокаго роста, въ то время, какъ онъ самъ былъ ниже средняго, онъ рекомендовалъ себя такъ: «Я—попъ маленькій, но Вѣра моя велика». Что-то заискивающее было въ этомъ каламбурѣ, точно онъ боялся, что его заподозрятъ въ чрезмѣрной преданности православію, и старался увѣрить, что онъ—человѣкъ свободомыслящій. Иногда онъ, какъ

человѣкъ умный и наблюдательный, не могъ удержаться отъ скрытой ироніи по адресу передовой Россіи. Помню, напримѣръ, какъ онъ рассказывалъ, что, проходя мимо университета во время экзаменовъ (онъ былъ настоятелемъ церкви въ Павловскомъ училищѣ), онъ, встрѣчаясь со студентами, часто замѣчалъ, что они, миновавъ его, отплевывались, чтобы не провалиться. Это было въ 60-хъ годахъ.

— Намъ, попамъ,—добавлялъ онъ:—еще долго будетъ житься на Руси хорошо, если даже цвѣтъ интеллигенціи такъ еще зараженъ предрассудками.

Конечно, это была иронія надъ передовой Россіей, но и иронія надъ православіемъ, такъ какъ выходило, что вліяніе его основано на невѣжествѣ и предрассудкахъ. Въ общемъ, однако, о. Заркевичъ, какъ человѣкъ, стоялъ неизмѣримо выше о. Полисадова. Но и онъ не могъ содѣйствовать престижу православія, потому что слишкомъ опасался повредить себѣ въ глазахъ общества, выступая человѣкомъ преданнымъ религіи. Долженъ признаться, что дальнѣйшая жизнь и встрѣчи съ другими священниками (а встрѣчалъ я ихъ не мало) только подтвердили убѣжденіе, которое я себѣ составилъ еще въ молодости, именно что почетъ, которымъ пользуется религія въ обществѣ, гораздо меньше зависитъ отъ ея догматовъ или обрядовъ, чѣмъ отъ нравственныхъ качествъ ея представителей.

Р. И. Сементковскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КАКЪ Я СТАЛЪ УЧИТЕЛЕМЪ.

(Изъ воспоминаній).

КАКЪ легкомысленно прожилъ я свою жизнь! Никогда ни о чемъ я серьезно не думалъ, никогда не ставилъ себя заранѣе опредѣленныхъ цѣлей и не шелъ къ нимъ строго обдуманнѣмъ путемъ.

Отецъ оставилъ намъ съ братомъ небольшое состояніе, на которое мы могли бы жить безбѣдно, какъ Богъ на душу положить. Такъ мы долгое время и жили безъ дальнихъ думъ и безъ заботъ. Въ Москвѣ цѣлые дни проводилъ я, бывало, въ Румянцовскомъ музеѣ, читая книги о русскомъ театрѣ и нашихъ старыхъ драматическихъ писателей, Сумарокова, Ломоносова, Плавильщикова, «Россійскій Театръ» изъ библіотеки извѣстнаго библіофила Полторацкаго, и, когда, бывало, идешь туда по Моховой, юный и радостный, рядомъ такіе же юные и такіе же свѣтлые звонко бѣжали по камнямъ весенніе ручейки, а мартовское или апрѣльское солнце пригрѣвало насъ всѣхъ своей лаской, привѣтливое, молодое, улыбающееся. А вечеромъ уже ждали насъ съ покойнымъ моимъ товарищемъ Шумовскимъ милые верхи Малаго театра, гдѣ чуть не по двадцати разъ видѣли мы «Каширскую Старину» съ Федотовой и Никулиной, «Грозу» съ Ермоловой и «Горе отъ ума» съ Самаринѣмъ въ роли Фамусова. Тогда еще восторги зрителей не были регламентированы, и послѣ каждаго дѣйствія, иногда чуть не до восьми разъ, подымался занавѣсъ, а все еще не умолкали крики театральной молодежи:

— Фодотова, solo!

— Никулин-а-а solo!

Когда же наступало лѣто, закрывался университетъ и «песнь дни» выгоняли насъ изъ Москвы, я бралъ съ собою книжку стиховъ Феокрита и, перелагая звонкіе греческіе стихи въ неуклюжіе русскіе гексаметры, бродилъ по тихимъ улицамъ Орла и его городскому саду, гдѣ такой хорошій и далекій открывался видъ на Оку и городъ, или же въ своемъ родномъ Дятковѣ ходилъ собирать грибы и, ни о чемъ не думая, вдыхать душнстый запахъ вѣсковыхъ брынскихъ сосенъ:

Сладко, подъ солнцемъ пригрѣвшись, лежать,
Вольно отдаться мечтѣ благодать!

Безоблачно и ясно было голубое, весеннее утро. Не хотѣлось братья за весла... Лодка тихо и незамѣтно плыла сама куда-то въ даль, и только няня, бывало, иногда спрашивала своего питомца, какъ онъ будетъ жить, да гимназическій товарищъ мой Хинъ, вычитавъ въ моемъ переводѣ Феокрита стихъ: «Горе моей бородѣ, что я вырастилъ такъ неразумно!» смѣялся надо мной. Но ни дружескія шутки товарища, ни переведенныя мною самимъ сожалѣнія древняго грека о своемъ легкомысліи не могли меня научить вопросамъ практическаго благоразумія и разсудка, уму-разуму, какъ сказали бы въ старину, и я жилъ безопасно, чужой всякой хлопотливости.

Но когда человѣкъ не думаетъ о самомъ себѣ, за него начинаютъ думать судьба. Состояніе наше было помѣщено въ дѣло одного изъ близкихъ нашихъ знакомыхъ. Онъ обанкротился, и мы, еще вчера люди состоятельные, были выброшены на берегъ буквально безъ копейки денегъ въ карманѣ. Осталась только коляска да пара рысаковъ...

Что тутъ было дѣлать? Посадили мы Тихона съ Пелагеей, нашихъ слугъ, служившихъ у насъ чуть не съ самаго рожденія, въ коляску съ рысаками и приказали имъ ѣхать къ моему двоюродному брату въ деревню, а сами съ тетей поѣхали туда же по желѣзной дорогѣ. Но, какъ ни хорошо было въ деревнѣ, поневолѣ приходилось подумать о томъ, что же дѣлать дальше. И вотъ купилъ я себѣ пачку бумаги и гербовыхъ марокъ, поставилъ передъ собой чернильницу и написалъ цѣлыхъ 8 прошеній во всѣ 8 учебныхъ округовъ Россійской имперіи съ просьбой сдѣлать меня учителемъ. И сталъ ждать...

И по истинѣ, если судьба даетъ намъ тяжелые уроки жизни, Богъ никогда не оставляетъ безъ помощи. Лежатъ выброшенные на берегъ бурю челнъ и снасти, а надъ ними уже голубѣетъ небо и золотитъ ихъ своими лучами. Слово о полевыхъ лиліяхъ вѣчно и непреложно. Деньги!.. Если онѣ дѣйствительно нужны, онѣ при-

дутъ какъ разъ въ-время и неизбежно. Не о нихъ надо заботиться. Истину эту испыталъ я столько разъ въ своей жизни.

До того времени, о которомъ я рассказываю, братъ мой чуть не 8 лѣтъ искалъ себѣ какого-нибудь мѣста. Напрасно. Я и раньше подавалъ прошенія объ учительскомъ мѣстѣ въ Москвѣ, были у меня превосходныя рекомендаціи чуть не отъ самого министра, и все-таки я въ результатѣ былъ записанъ только кандидатомъ, которымъ, кстати сказать, состою еще и понынѣ, хотя давно уже окончилъ службу въ другомъ округѣ и выслужилъ пенсію. Теперь и братъ и я—мы оба сразу получили занятія. О братѣ вспомнилъ его товарищъ и устроилъ его въ земствѣ, а я сдѣлался-таки учителемъ: изъ восьми закинутыхъ удочекъ клюнула одна.

Ждалъ я, впрочемъ, цѣлое лѣто. Изъ семи округовъ такъ и не пришло ни привѣта, ни отвѣта, и марки мои, если я ихъ, впрочемъ, приложилъ, по свойственной всѣмъ канцеляріямъ нашего министерства любезности, не захотѣли прикрѣпить собою неудачу моимъ исканіемъ. Но на этотъ разъ я не ограничился писаніемъ прошеній и постучался въ двери округа нѣсколько иначе. Я вспомнилъ, какъ мы кончали нашу 4-ую московскую гимназію и какъ нашъ учитель словесности, П. А. Кулаковскій, впоследствии профессоръ варшавскаго университета, прощаясь съ нами, сказалъ намъ: «Если будетъ вамъ что-нибудь нужно, пишите мнѣ; что могу, то сдѣлаю»,—и написалъ ему, напомнивъ эти слова. Доброе слово, если оно отъ сердца идетъ,—дѣло. Вдобавокъ какъ разъ въ это время въ «Русскомъ Архивѣ» покойный П. И. Бартенева напечаталъ мою еще на гимназической скамьѣ начатую работу о Рылѣевѣ. Наконецъ еще одно письмо изъ Орла пошло обо мнѣ къ попечителю, и въ результатѣ я былъ назначенъ учителемъ.

Это событіе произошло въ Варшавѣ 3 сентября 1890 года. Но я въ это время еще ничего о своей судьбѣ не зналъ и былъ въ Москвѣ, ожидая, что въ мой нумеръ въ меблированныхъ комнатахъ придетъ ко мнѣ какой-нибудь литературный заработокъ. Но такъ какъ просить и искать я не умѣлъ, а къ такимъ «писателямъ», какъ я, заработки сами не приходятъ, то послѣ напрасныхъ ожиданій поѣхалъ я восвояси, а когда мальцевская узкоколейная дорога подвезла меня по дорогѣ въ Людиново къ Дяткову, неожиданная встрѣча со старой и доброй нашей знакомой.

— Поздравляю.

— Съ чѣмъ?

— Какъ съ чѣмъ? Вы назначены учителемъ.

— Куда?

— Гдѣ-то около Варшавы.

Черезъ два часа я взбѣгаю по лѣстницѣ нашего дома, и меня встрѣчаетъ тетя съ письмомъ. Развертываю:

...«вы назначены на мѣсто штатнаго учителя древнихъ языковъ

въ петроковскую мужскую гимназію съ окладомъ въ 750 рублей въ годъ, о чемъ сообщая, прошу васъ немедленно прибыть къ мѣсту служенія».

Петроковъ! Гдѣ же это онъ? Роемся въ географіяхъ. Нѣту. Семьсотъ пятьдесятъ рублей. Маловато! Вѣдь это всего только 60 рублей въ мѣсяць, жалованье, на которое я нѣсколько лѣтъ спустя опредѣлили въ монополію сидѣльцемъ своего лакея Тихона.

Ну, ничего! Какъ бы то ни было, что-то есть. Обозначилась впереди дорога, и черезъ два дня я уже спѣшилъ въ путь.

Помню я этотъ вечеръ. Въ Брянскѣ была пересадка на Полѣвскія дороги. Надо было ждать поѣзда часа три, и я пошелъ по лугамъ къ Деснѣ и городу. Впереди версты за двѣ передо мной на зеленыхъ горахъ бѣлѣлись старыя брянскія церкви, а изъ-за горъ солнце, уже низкое, бросало свои косые, почти параллельные землѣ лучи и яркимъ золотомъ золотило поемные луга Десны. По дорогѣ ѣхали съ пустыми телѣгами наши полѣвскіе, всѣ обросшіе бородами мужики на горизонтѣ синѣли родные лѣса. Прощалось со своимъ сыномъ Полѣвье, а впереди передо мной тамъ гдѣ-то за горами разстилалась новая жизнь, и я шелъ ей навстрѣчу. Въ этомъ океанѣ невѣдомой мнѣ жизни, передъ лицомъ неизвѣстности какой ничтожной пылинкой я былъ. Что я зналъ, что везъ съ собою, если не считать бѣлья, уложеннаго мнѣ въ чемоданъ заботливою рукою тети, да образка на груди, которымъ еще въ далекіе-далекіе годы, сдерживая слезы, благословила своего десятилѣтняго воспитанника няня въ часъ разлуки, отправляя его на ученіе въ далекую Москву.

Учитель! Да какое же право я имѣлъ быть учителемъ! Развѣ только то, что когда-то гимназистикомъ игралъ въ школу и на линованной въ крестики бумагѣ, выписавъ изъ каталога Черенинской бібліотеки списокъ воображаемыхъ своихъ учениковъ, ставилъ имъ отмѣтки. Никогда ни одной педагогической книжки не прочелъ я, ни одного урока въ жизни своей никогда и никому не давалъ. Бросьте въ воду щепку: поплыветъ! А между тѣмъ она не только лодкой, но и въ весла не годится. Такой жалкой щепкой въ педагогіи былъ я, а между тѣмъ меня дѣлали рулевымъ, и я долженъ былъ руководить сотнями малолѣтнихъ дѣтей.

Ставъ учителемъ, я становился и общественнымъ дѣятелемъ, но что же я былъ за общественный дѣятель! До сихъ поръ меня исключительно интересовали вопросы искусства и эстетики, наша поэзія, старинный нашъ театръ, старинная литература. Впрочемъ, я не правъ. Еще съ пятого класса гимназіи меня уже притягивала къ себѣ почему-то трагическая исторія декабристовъ. Я перечелъ всѣ ихъ записки, еще въ 1881 году помѣстилъ нѣсколько о нихъ замѣтокъ въ «Русской Старинѣ», а въ 1883 году, будучи ученикомъ 7-го класса, напечаталъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» біографію

князя Одоевского, но собственно общественно-политическая сторона ихъ дѣятельности меня такъ мало интересовала, что въ томъ же 7-мъ классѣ, составляя біографію любимѣйшаго изъ декабристовъ, Рылѣева, помню, все собирався спросить у своего брата, что собственно такое конституція, да такъ и не собрался. О Россіи, ея устройствѣ, общественной и политической жизни я понятія не имѣлъ, а между тѣмъ теперь становился однимъ изъ винтиковъ государственной машины.

Я ѣхалъ въ Польшу, край съ особенной культурой и прошлымъ, съ особымъ положеніемъ въ настоящемъ. Но я ни прошлаго, ни настоящаго Польши не зналъ и только одно о ней зналъ—привѣтъ и ласку, которою неизмѣнно дарили насъ съ братомъ въ Москвѣ Вит. Карловичъ и Анна Антоновна Яновскіе, старые знакомые нашего отца, у которыхъ мы каждый день пили чай и обѣдали. Зналъ еще я стихи Тютчева объ одноплеменномъ орлѣ и задушевные строки Хомякова:

Вспомнимъ, мы родные братья,
Дѣти матери одной.
Братьямъ братскія объятія,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Привилегіи! Я понятія о нихъ не имѣлъ и, когда ѣхалъ въ Польшу, и не думалъ, что мои 60 рублей въ мѣсяцъ за 15 уроковъ (въ имперіи та же сумма давалась за 12 уроковъ) дѣлаютъ изъ меня особу привилегированную. Впрочемъ, какъ человѣкъ практическій, я не остался безъ стремленія проникнуть въ предстоящую мнѣ жизнь и въ послѣднее свое пребываніе въ Москвѣ на всякій случай забѣжалъ къ одной знакомой дамѣ, знавшей польскій языкъ, и узналъ отъ нея, какъ по-польски называется самоваръ—samowar,—чтобы не остаться въ Варшавѣ безъ чая, зашелъ еще къ Вольфу, купилъ себѣ старинное, съ картинками изданіе поэмы Словацкаго «Янъ Бѣлецкій» и безъ словаря началъ разгадывать смыслъ ея стиховъ, какъ нарочно въ началѣ поэмы трудныхъ для пониманія:

Oto się ciemna otwarła księgarnia...

Въ остальномъ, а, иначе говоря, во всемъ польская жизнь была для меня по истинѣ темной, неразгаданной книгой, къ которой и ключа-то у меня настоящаго не было.

Но это все видно только теперь. Тогда, несмотря на свои 25 лѣтъ, былъ я еще совершенное дитя, и такимъ выбрасывала меня судьба на чужбину, ибо, хотя и наша, Польша навсегда останется для насъ, хотя и близкой, хотя и родной, но, конечно, не нашей. Недаромъ же тамошніе наши русскіе чиновники, получая отпускъ куда-нибудь въ Минскъ, Смоленскъ или Харьковъ, говорятъ, забывая официальную номенклатуру, что они ѣдутъ въ Россію.

А меня изъ Россіи и родныхъ брянскихъ лѣсовъ, мѣрно и тихо, погромыхая по рельсамъ, увозилъ поѣздъ Полѣсской дороги въ Польшу. Только что прошла еще тогда по пинскимъ топямъ Брянско-Брестская линія. Поѣздъ шель съ большими передышками, точно страдалъ астмой, и останавливался на станціяхъ по часу и по два, а то и еще больше, и не зѣаю уже, на третій или на четвертый только день я увидѣлъ Варшаву. Извозчикъ водворилъ меня въ «Польскую гостиницу»—«Hôtel Polski» на Долгой улицѣ въ старой части города, и на меня глянули впервые тѣсно столпившіяся на узкой улицѣ красныя черепичатыя кровли...

Первымъ моимъ движеніемъ было пойти къ Кулаковскому—онъ, какъ редакторъ «Варшавскаго Дневника», жилъ чуть ли не рядомъ, на Медовой—и забѣжать въ книжную лавку и купить себѣ польско-русскій словарь Дубровскаго—какъ сейчасъ помню его желтую обложку—и 4 маленькихъ томика стихотвореній Мицкевича. Первое, что мнѣ попало здѣсь на глаза, было предисловіе къ «Пану Тадеушу», такое трогательное, такое нѣжное, такое грустное, такой страстной тоской по утраченной родинѣ проникнутое:

О, горе, горе намъ, изгнанникамъ, сюда
Бѣжавшимъ въ трепетѣ въ тяжелые года—

Повторялъ я, шагая изъ угла въ уголъ въ своемъ номерѣ и примѣняя эти стихи къ себѣ, конечно, безъ всякаго права. Я не самъ стремился въ Польшу, меня толкнула туда судьба, а въ жизни нашей только то, что самъ человѣкъ сдѣлаетъ для себя, можетъ быть вредно. Что приходитъ извнѣ, всегда бываетъ полезно и при данныхъ условіяхъ даже необходимо. Во всякомъ случаѣ въ ту минуту я не могъ испытывать никакого горя уже потому, что былъ во власти новыхъ впечатлѣній. Кулаковскій между прочимъ посовѣтовалъ мнѣ представиться попечителю, которымъ былъ тогда Апухтинъ, и вотъ я единственный разъ за всѣ 13 лѣтъ службы своей въ польской провинціи предсталъ передъ свѣтлыя очи попечителя. Какъ сейчасъ вижу себя, маленькаго, въ скромномъ черномъ сюртукѣ, въ углу пріемной. Попечитель сказалъ мнѣ нѣсколько не суровыхъ, не ласковыхъ словъ на общемъ пріемѣ и направилъ меня въ канцелярію, а тамъ я узналъ, что мои 750 рублей жалованья выросли, благодаря побочнымъ урокамъ, до 1080 рублей и, довольный, что теперь будетъ намъ чѣмъ жить съ тетей и слугами, отправился въ Петроковъ.

Признаюсь, не безъ нѣкотораго смущенія подѣзжалъ я къ мѣсту своего служенія. По дорогѣ въ Варшаву пришлось мнѣ больше 12 часовъ въ Брестѣ-Литовскомъ ждать поѣзда, и я пошелъ посмотрѣть городъ. Боже, что это былъ за городъ! Я невольно подумалъ: неужели и Петроковъ будетъ такимъ? Грязь, вонь, ду-

хота и бѣдность ужасающія! Какой-то рыжій еврей въ длинномъ, мною еще невиданномъ архалукѣ мнѣ встрѣтился. Я его о чемъ-то спросилъ, но онъ, какъ испуганный звѣрь, отшатнулся отъ меня. Тогда еще Брестъ былъ, вѣроятно, гнѣздомъ самыхъ правовѣрныхъ хассидовъ и были даже мѣста, гдѣ съ одной стороны улицы на другую тянулись между домами проволоки или веревки. Тамъ какъ евреямъ въ субботу ничего нельзя переносить, то по этимъ веревкамъ сами переѣзжали изъ дому въ домъ ведра съ водой и разные предметы хозяйства. Глушь была страшная, и страшно было подумать, что въ такомъ городѣ придется провести свою молодость!

Поѣздъ пришелъ въ Петроковъ уже ночью. Когда я вышелъ со своимъ чемоданчикомъ на крыльцо вокзала, я, къ удивленію, увидѣлъ, что нѣтъ ни одного извозчика.

— Гдѣ же извозчики?

— А у насъ ихъ всего только и есть пять на цѣлый городъ. Разобрали. Да я вамъ отнесу вещи самъ въ гостиницу. Пожалуйста.

И мой чемоданъ мелькнулъ передо мной въ воздухѣ и черезъ секунду уже красовался на синей рубашкѣ носильщика. Мнѣ пришлось покорно слѣдовать за нимъ, и городъ, выражаясь высокопарно, принялъ насъ въ свои объѣты или, продолжая въ томъ же стилѣ, можно бы сказать: въ сѣть своихъ улицъ, если бы въ Петроковѣ не было всего только три параллельно идущихъ улицы.

Мы шли по главной изъ нихъ, которую губернаторъ Кахановъ изъ соображеній, очевидно, государственной важности, противъ желанія жителей приказалъ переименовать въ Петербургскую, а жители упорно продолжали и продолжаютъ называть Калишской. Всякій городъ въ таинственномъ освѣщеніи темно-синей ночи пріобрѣтаетъ своего рода заманчивость и интересъ, кажется лучшимъ и болѣе многообѣщающимъ. Ночныя тѣни, какъ румяна на поблекшемъ лицѣ красавицы, затушевываютъ всѣ прорѣхи и даже полуразвалившаяся дыра принимаетъ романтически-загадочный видъ. А улица, по которой мы шли, съ ея чистенькими, свѣтлыми, двухъэтажными домами, обсаженная каштанами и бѣлой акаціей, еще зелеными въ эту пору, была въ самомъ дѣлѣ недурна. У меня отъ сердца отлегло. Черезъ семь минутъ пути носильщикъ остановился, и мы съ моимъ чемоданомъ попали въ распоряженіе «Виленской гостиницы», а еще черезъ какихъ-нибудь полчаса я уже мирно спалъ на новомъ мѣстѣ въ старомъ и знаменитомъ когда-то въ Польшѣ трибунальскомъ городѣ, а теперь небольшомъ губернскомъ городѣ съ 30.000 жителей, изъ которыхъ половина была еврей, а половина—поляки.

На слѣдующій день было уже 8 часовъ утра, когда я проснулся и, одѣвшись, подошелъ къ окну. Прямо передо мною былъ маленькій городской садъ и Петербургская улица, а подъ ея зелеными каштанами, закинувъ ранцы за спину, уже двигались маленькія фи-

гурки гимназистовъ въ сѣрыхъ шинеляхъ. Я подумалъ: это все мои будущіе ученики. Между ними и мною впервые здѣсь протянулась связь и, глядя на эти сѣренькія шинельки, которыхъ обладатели будутъ поручены моему руководству, мнѣ вдругъ стало страшно за себя, и всталъ передо мною наконецъ вопросъ: да могу ли я быть учителемъ?

Я отошелъ отъ окна на середину комнаты и сталъ на колѣни. Въ пустомъ номерѣ гостиницы не было иконки, но Богъ незримо былъ надо мною, и, сколько было силы въ душѣ, я жарко-жарко, со слезами сталъ просить Его, да дастъ Онъ мнѣ силу и крѣпость учить этихъ дѣтей, принести имъ пользу, оказать добро. Молилъ Его помочь мнѣ, меня научить, наставить, вразумить, а если я этого не стою и не могу быть учителемъ, указать мнѣ скорѣе другую дорогу и вернуть на родину. И думаю, что молитва эта, внезапно вырвавшаяся изъ переполненной души, была услышана Богомъ. Если посреди ошибокъ, паденій и заблужденій было что-нибудь въ моей учительской дѣятельности хорошаго, корень всего этого надо было бы искать здѣсь, въ этомъ номерѣ захолустной гостиницы.

Молитва эта была единственной педагогической пропедевтикой, которую я прошелъ, какъ учитель. Не въ изученіи методовъ и педагогическихъ пріемовъ я почерпнулъ силу для преподаванія. Я нашелъ ее въ сердцѣ своемъ, раскрытомъ передъ Богомъ. И Богъ не оставилъ меня безъ помощи.

Около 12 часовъ я, отыскавъ гимназію нашу, помѣщавшуюся, какъ всѣ учебныя заведенія царства Польскаго, въ старомъ монастырскомъ зданіи при піарскомъ костелѣ, поднимался уже по гимназической лѣстницѣ въ средній коридоръ, гдѣ была учительская, а по коридору ходили въ это время, совѣщаясь о немудреныхъ тайнахъ гимназическаго строительства, лица, которыя держали въ своихъ рукахъ бразды гимназическаго правленія—инспекторъ съ приземистой и сутуловатой фигурой, изъ мундирнаго фрака котораго всегда торчалъ сзади кончикъ носового платка, а рядомъ съ нимъ съ подобающей директорскому сану важностью пѣтушисто выступалъ директоръ съ пріятной русскою физиономіей. Мы вошли въ учительскую. Раздался звонокъ. Коридоры внезапно наполнились тѣмъ характернымъ жужжаніемъ, которое напоминаетъ собою шумъ отъ потревоженнаго пчелинаго улья. *Apres fre-shunt*—приходило мнѣ часто на языкъ эти слова. Ко мнѣ съ журналомъ подъ мышкой подлетѣлъ какой-то толстенькій учитель во фракѣ и такъ крѣпко трясъ мою руку, какъ будто мы были вѣковѣчными друзьями. Подошли другіе будущіе мои товарищи, изъ которыхъ по неопытности я поляковъ принялъ за русскихъ, а русскихъ за поляковъ,—и меня охватила гимназическая обстановка, а на слѣдующій день я уже долженъ былъ давать свой первый урокъ.

И теперь, когда я вспоминаю объ этомъ своемъ первомъ урокѣ, я поражаюсь своему легкомыслію. Неужели я не готовился къ нему! Помню только, какъ я вошелъ съ директоромъ въ свой первый классъ, куда я былъ назначенъ класснымъ наставникомъ, объявилъ своимъ ученикамъ, что мы займемся разборомъ, и развернулъ наугадъ лежащую передо мной книгу— это была хрестоматія Полевого. Надо жъ было, чтобъ она развернулась на отрывкѣ изъ «Дѣтства и отрочества» Толстого, гдѣ цѣлый первый абзацъ занимала всего только одна фраза:

«Счастливая, счастливая, невозвратная пора дѣтства! Какъ не любить, не лелѣять воспоминанія о ней!»

Надо было найти въ ней подлежащее и сказуемое, а въ ней не было, повидимому, ни того, ни другого. Помню отлично свое затруднительное положеніе. Не знаю, какъ я изъ него вывернулся, но уже черезъ три-четыре дня директоръ, посѣщавшій мои уроки, нашель, что дѣло обученія стоитъ удовлетворительно, а только дисциплина еще слаба. Дѣйствительно, едва только онъ успѣлъ уйти съ перваго урока, какъ уже со скамеекъ поднялись два пальца, и я услышалъ:

— Господинъ учитель, позвольте выйти!

Я отпустилъ, но за первыми двумя пальцами поднялась другая пара, третья, застучала дверь, и я увидѣлъ, что если такъ буду я итти навстрѣчу всѣмъ желаніямъ моей дѣтвы, то останусь безъ учениковъ. Скоро это все, однако, прекратилось, и я вошелъ не въ свою роль—я никогда никакой роли не игралъ—а въ свое новое положеніе и сталъ учителемъ, какъ всѣ.

Такъ, говорятъ, иногда учать плаванію: столкнуть человѣка въ глубокое мѣсто и говорить: *плыви!* Опасность утонуть поневолѣ заставляетъ работать и руками и ногами, и начинаешь плавать.

Что мнѣ помогло? Думаю, что, кромѣ всего того, о чемъ я уже говорилъ, вѣрный жизненный инстинктъ. Я могъ бы искать милостей начальства и стать чиновникомъ, однимъ изъ тѣхъ, которые, выпятивъ грудь, хотя и не съ золотыми, а всего только золочеными пуговицами, въ синемъ—по цвѣту вѣдомства—кашнѣ на шеѣ и въ фуражкѣ съ кокардой гордо выступаютъ въ сознаниіи своего государственнаго достоинства по улицѣ. Богъ охранилъ меня отъ этого. Одинокій и заброшенный въ чужой и не русскій городъ, я могъ бы раздѣлить участь кучки своихъ русскихъ товарищей, которые, будучи оторваны отъ родной почвы и родного народа, коротали время за картами и въ ресторанахъ за бутылкой вина или водки. Воспоминаніе въ домѣ нашемъ, тихомъ, чинномъ, литературныя наклонности, и, наконецъ, семейная обстановка—близость тети моей, которая скоро со слугами нашими переѣхала ко мнѣ, спасли меня отъ этого паденія. Съ товарищами-поляками я не могъ сойтись близко, кромѣ одного изъ нихъ, да и то литвина: они

жили замкнуто. Но я съ самаго перваго шага своего въ Польшѣ не понялъ умомъ, а почувствовалъ сердцемъ, что служить Россіи въ Петроковѣ можно, служа только отданнымъ мнѣ на попеченіе польскимъ дѣтямъ, а имъ служить нельзя было, не зная ихъ края, ихъ исторіи, ихъ языка и литературы, и я не разставался съ книжечками Мицкевича, все глубже и глубже при помощи своихъ товарищей-поляковъ проникая въ тайны польскаго языка, и, гуляя по улицамъ Петрокова или за городъ, «на будки», училъ наизусть «Крымскіе сонеты» Мицкевича. Я даже увлекъ немножко въ эту сторону милаго и добраго товарища своего, В. Зайцева, котораго въ концѣ концовъ засосала-таки тина провинціальной жизни. И характерно, что это невинное занятіе въ то время считалось небезопаснымъ. Прекрасно помню, какъ однажды, гуляя у желѣзнодорожнаго сада, стали мы вмѣстѣ декламировать стихи изъ мицкевичевскихъ «Трехъ Будрысовъ» о польской дѣвушкѣ. Вдругъ мой товарищъ остановился и, засмѣявшись, замѣтилъ:

— Что бы намъ сказалъ директоръ, если бы услышалъ, что мы декламируемъ польскіе стихи!

Но я этого не боялся, и хотя изъ осторожности, когда къ намъ приходилъ знакомый чиновникъ отъ губернатора, пряталъ свои польскія книжки въ ящикъ письменнаго стола, продолжалъ, однако, свои занятія. И хорошо сдѣлалъ! Они сблизили меня съ тѣми, для кого я существовалъ въ Петроковѣ,—съ моими учениками.

Милые, дорогіе! Я полюбилъ ихъ съ перваго же дня, когда они пчелинымъ роємъ осыпали меня, тогда еще новичка, въ черномъ сюртукѣ, робкаго и застѣнчиваго, и замелькали предо мной свѣтлыя польскія головки, не по-дѣтски серьезные, черные глазки маленькихъ евреевъ и среди нихъ два-три нашихъ простодушныхъ русскихъ мальчика. Милые! Они стали для меня съ тѣхъ поръ моими самыми близкими знакомыми, моими друзьями, моими самыми желанными, самыми дорогими, самими почетными гостями, и въ ихъ ласкѣ была для меня единственная дѣйствительно цѣнная, дѣйствительно дорогая для меня награда.

Среди дѣтей этихъ я самъ, несмотря на свои 25 лѣтъ, былъ еще дитя, и это, должно быть, помогло нашему сближенію. Многіе изъ нихъ, вырастая въ ненормальныхъ условіяхъ народно-политической борьбы, были, кажется, во многомъ даже опытнѣе своего учителя. Помню, какъ однажды на урокъ русскаго языка въ первомъ классѣ маленькой Свидвинскій—теперь уже давно покойный—выискалъ въ приложеніяхъ къ грамматикѣ Кирпичникова и Гилярова по истинѣ педагогическую фразу для упражненія въ диктантѣ: «Обрусѣніе иногда происходитъ и безъ обрусенія», или что-то въ этомъ родѣ, гдѣ дѣло шло о различеніи глаголовъ *обрусить* и *обрусеть*, и, поднявъ два пальца, задалъ своему русскому учителю коварный вопросъ:

— Господинъ учитель, что такое обрусеніе?

Но жало вопроса проскользнуло мимо меня. Скоро всё мои ученики увидѣли, что я пришелъ къ нимъ не съ посягательствомъ на ихъ народную душу, не съ обрусительной программой, а съ однимъ единственно только чувствомъ—съ любовью къ нимъ, и тотъ же самый Свидвинскій, бывало, на квартирѣ моей на Московской улицѣ, залѣзая подъ столъ, рычалъ тигромъ и пугалъ входившихъ ко мнѣ новыхъ гостей, своихъ товарищей. Я не звалъ ихъ къ себѣ. Они сами пришли.

Это было вечеромъ, спустя мѣсяць или полтора моего приѣзда. Я въ своей маленькой комнаткѣ, сидя за самоваромъ, поправлялъ диктовки. Вдругъ робкій стукъ въ дверь. Я отворилъ, а за дверью, прижимаясь другъ къ другу и толкая другъ друга, сѣренькія шинели и изъ-подъ фуражекъ искрящіяся улыбкой глазки. Стоять и улыбаются. Конечно, двери раскрылись широко, и черезъ минуту я уже угощалъ своихъ гостей чаемъ, и они толпились вокругъ меня, смотря, какъ я поправлялъ въ ихъ присутствіи ихъ же тетрадки. Имъ было это ново и непривычно и, вѣроятно, занимательно, а для меня это былъ настоящій праздникъ на далекой чужбинѣ, и радость, свѣтлая радость жизни, осенью—свѣтлый май.

И взаправду май. Они были дѣти, я еще молодъ, и играла надъ ними улыбка молодой, расцвѣтающей жизни. Съ тѣхъ поръ все было отдано мною гимназіи. Забыты литературныя работы, забыты всё обычные интересы жизни. Я жилъ только гимназіей, о ней думалъ, просыпаясь, не выходилъ изъ нея, покуда не пробивалъ послѣдній звонокъ, вечеромъ на столъ являлись тетрадки, и съ мыслью о томъ, что дѣлать завтра, я засыпалъ, и во снѣ-то мерещились вопросы, и отвѣты, и разныя событія нашей мелкой гимназической жизни. А по воскресеньямъ квартира моя наполнялась живымъ шумомъ ученическихъ голосовъ. Тетя, бывало, занята работой въ сосѣдней комнатѣ, что-нибудь шьетъ или вяжетъ, а мы играемъ въ жмурки или въ сосѣди, а уставши, садимся загадывать другъ другу загадки или разсматриваемъ книги.

Ученики мои стали для меня не только близкими знакомыми, но и моими учителями. Педагогическихъ книжекъ какъ до моего учительства, такъ и послѣ я не читалъ: ужъ очень онѣ скучны и не талантливы. Посѣщать уроки старшихъ товарищей и у нихъ учиться преподаванію не полагалось. Но *docendo discimus*, говаривала старая латинская поговорка. И правда! Если любишь кого-нибудь, развѣ не найдешь въ любящемъ сердцѣ своемъ къ нему подхода? развѣ не выищешь, не откроешь для него пути, на которомъ легко было бы постигнуть тайны книжной премудрости? И въ живомъ непосредственномъ общеніи съ учениками вырабатывались и новые методы, и новые приемы обученія. Конечно, они, вѣроятно, были когда-нибудь и гдѣ-нибудь запротоколированы какимъ-нибудь присяжнымъ пе-

дагогомъ, но здѣсь, добытые прямо изъ жизни и сердца, они получили всю яркость и свѣжесть новизны, отблескъ живого творчества. Признаться, учитель и самъ былъ не большихъ познаній въ латыни и, хотя перевелъ на русскій языкъ Теренціева «Форміона», но никогда не занимался специально древними языками и до сихъ поръ не твердъ въ вопросѣ о томъ, мужескаго или женскаго рода пресловутые *mons, dens, fons*. Но развѣ въ этомъ суть? И развѣ не давно уже слѣдовало бы дать по шапкѣ всѣмъ этимъ никому ненужнымъ исключеніямъ? Важно было не это, а то, что хотѣлось и самому научиться и другихъ научить предмету въ его основныхъ существенныхъ чертахъ, и эта жажда вызывала къ жизни неожиданные методы. Не знаю, какъ они называются, но самый любимый изъ нихъ я бы назвалъ перипатетическимъ.

Учились походя, учились безпрестанно, и во время перемѣнъ, прогуливаясь его коридору то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ учениковъ, и по дорогѣ изъ гимназіи домой, и вечеромъ при встрѣчѣ на улицѣ, и часто, бывало, гулявшіе въ Бернардинскомъ саду имѣли возможность видѣть, какъ мы, ходя по дорожкамъ, весело и шутя спрятали латинскіе и греческіе глаголы, и черезъ какіе-нибудь полчаса у меня въ домѣ уже играли мы въ жмурки. Потомъ зато на урокахъ во время общаго вопроса спряжений у насъ разыгрывались въ классѣ цѣлыя симфоніи по латинскимъ спряженіямъ. У одного изъ товарищей досталъ я книжку латинскихъ разговоровъ изъ школьнаго обхода. Лучшіе ученики, зараженные примѣромъ учителя, выучили отсюда добровольно названія гимназическихъ предметовъ, нѣсколько оборотовъ рѣчи, и мы потомъ вели латинскіе разговоры. Въ классѣ своемъ я, кромѣ русскаго и латинскаго, потомъ преподавалъ и греческій, и исторію, и, когда стали мы проходить исторію Греціи и Рима, я оставался съ желающими послѣ уроковъ, рассказывалъ имъ—ужь какъ, это теперь только одинъ Богъ знаетъ,—по латыни урокъ на слѣдующій день, стараясь выражаться простыми фразами, а они мнѣ повторяли рассказанное по-латыни же. Когда же наступила наконецъ пора вникнуть въ тайны Цезаревой стратегіи и заняли насъ героическіе бои нервіевъ съ римлянами, подъ Петроковымъ у Пржиглова, гдѣ съ пригорка спускается къ лугамъ Люціонжи лѣсъ, устроили мы настоящій бой. Надѣланы были деревянные луки. Нервіи скрылись въ лѣсу въ засадѣ и вдругъ съ чисто галльской стремительностью налетѣли на стойкіе римскіе легіоны.

Гдѣ теперь эти нервіи? Одинъ уже спитъ въ могилѣ—засыпало его свѣжкою житейскою метелью,—другіе разбрелись и разошлись духовно.

Холодомъ смерти и вѣтромъ судьбы разбросало всѣхъ розно!

Но знаю, гдѣ бы вы ни были, въ Америкѣ ли, въ стѣнахъ ли католическаго монастыря, или въ эмиграціи за границей, или у

насъ на постахъ разныхъ прокуроровъ и столоначальниковъ, или въ кабинетѣ ученаго, вы, за немногими исключеніями, гдѣ по моей винѣ не удалось мнѣ завязать крѣпкую нить пріязни, вспомните о нашихъ прогулкахъ и ученіи съ добрымъ чувствомъ. Порукою—ваша улыбка при встрѣчѣ и сердечное пожатіе дружеской руки.

Если бѣ этого не было, жизньъ прошла бы даромъ, и нечѣмъ было бы ее вспомнать!

Теперь же, когда вспоминаются на закатѣ жизни эти давніе годы, изъ сердца просится наружу одно обращенное къ вамъ слово: *спасибо*. Спасибо за ласку, за участіе, за привѣтъ, за всю радость жизни. А если было что мною вамъ сдѣлано дурного—а оно, конечно, было—простите: ошибки мои не дурными были продиктованы побужденіями.

Такъ я сталъ учителемъ гимназіи. Теперь это уже время далекаго прошлаго. Нынѣшніе учителя не приходятъ въ классъ безъ портфеля. Они заранѣе учатся и педагогикѣ, и методикѣ, и дидактикѣ, о которыхъ мы, старые учителя, и не слыхивали. Они проходятъ спеціальныя педагогическіе курсы. Они знаютъ все возможные методы и приемы обученія, знаютъ не только по книжкамъ, но и по живому примѣру, потому что еще студентами приходятъ учиться на уроки къ опытнымъ преподавателямъ. Они сами даютъ предварительно пробныя уроки. Наконецъ, они, можетъ быть, даже работали въ лабораторіяхъ педагогической психологіи или опытной психологической педагогики. Словомъ, имъ и книги въ руки. И, однако, мнѣ, старому учителю, хочется имъ сказать одно. Все ихъ педагогическія знанія, весь арсеналъ нашей педагогической учености важенъ и полезенъ. Пусть педагоги забираютъ съ собой въ путь какъ можно больше этого багажа, но, гордые своимъ ученымъ аппаратомъ, пусть, однако, помнятъ, что это только багажъ и что этотъ мертвый капиталъ только тогда имѣетъ цѣну, когда при немъ стоитъ живой человѣкъ. Пусть помнятъ, что дѣло воспитанія и обученія дѣтей не поддается сухимъ, отвлеченнымъ и безжизненнымъ формуламъ. Педагогія — это не наука, не ремесло, не умѣніе. Это—живое творчество, гдѣ сердце сердцу говоритъ, гдѣ не умомъ, а всею существомъ своимъ дѣйствуетъ человѣкъ и огнемъ собственной души зажигаетъ въ дѣтяхъ огонь знаній и добрыхъ чувствъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ ни важно педагогическое умѣніе, оно ничто, если не усвоить себѣ учитель душою главнаго педагогическаго правила, первоосновы всякой педагогіи, а оно выражается всего только въ трехъ словахъ:

Живи, твори, люби.

Живи! Это значить не замыкай своей жизни въ узкій кругъ тетрадокъ, записныхъ книжекъ съ отмѣтками, кондуитныхъ жур-

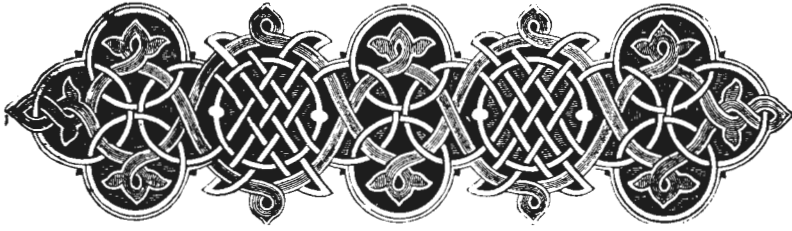
наловъ, учебниковъ и даже педагогическихъ книжекъ. Не отдѣляйся отъ жизни твоего народа, страны, человѣчества, а прежде всего отъ жизни тѣхъ, среди кого ты живешь, отъ своихъ учениковъ. Пусть на всѣ ихъ боли, тревоги и радости откликается сердце твое, ибо помни, что прежде, чѣмъ стать хорошимъ учителемъ, надо быть живымъ человѣкомъ.

Твори! Это не значить, чтобы ты имѣлъ право творить со своими учениками, что тебѣ угодно и по своему или данному тебѣ чужому образцу создавать какую-то улучшенную «новую породу людей». Помилуй Богъ! Какъ мудрые садовники, мы должны только рѣзрыхлять почву для растенія и устранять все, мѣшающее его росту, чтобы ввѣренныя намъ дѣти могли проявить вполне цвѣтъ своей особой индивидуальности, всю полноту лица, даннаго имъ Богомъ. Твори!—Это значить неустанно и творчески работай надъ самимъ собой, ибо не довольно для человѣка быть открытымъ на всѣ зовы жизни. Мельница, если на нее съ одинаковой силой дуютъ со всѣхъ сторонъ вѣтры, остается неподвижной. Надо изъ себя самого создать центръ движенія, творческую ячейку, возводя все переработанное въ душѣ и усвоенное къ высшему началу жизни. Говоря по старинному, непрерывно созидай изъ себя самого храмъ Божій или, выражаясь по современному, работай, чтобъ вышелъ изъ тебя наконецъ совершенный человѣкъ. И не бойся, если скажутъ, что это недостижимо. Пусть только ученики твои видятъ въ тебѣ это непрестанное стремленіе къ правдѣ, пусть только учуютъ полетъ высь, —и этого уже довольно. Они сами невольно потянутся за тобой въ ту же сторону, къ идеализму, безъ котораго долу пригибается и гаснетъ духовно человѣкъ, какъ чахнетъ, блѣднѣетъ и умираетъ растеніе, не видящее свѣта.

И, наконецъ, —и это, можетъ быть, самое главное—*люби!* Люби дѣло свое и еще больше люби живыхъ дѣтей, съ которыми имѣешь дѣло. Если будешь любить ихъ, сама любовь эта укажетъ тебѣ путь правый и убережетъ отъ ошибокъ, ибо правда словъ этихъ вѣковѣчна: «Любовь милосердствуетъ, любовь все покрываетъ, всему учитъ». Любовь—это главное созидательное и творческое начало жизни, а педагогія—повторяю еще разъ—это не искусство и не наука. Это—живое творчество.

Андрей Сиротининъ.

260-Й П А П А.

(Очеркъ.)

ВЪ КОНЦѢ августа и началѣ сентября 1914 года, когда въ другихъ мѣстахъ Европы грохотали пушечные и ружейные выстрѣлы и потоками лилась чело-вѣческая кровь, въ «Вѣчномъ городѣ» шла другая, безкровная, но яростная битва: совершались выборы преемника въ страданіяхъ и великой горести опочившему его святѣйшеству папѣ Пію X, дни котораго были сокращены грозными событіями нашей бурной эпохи.

Смерти Пія X ждали давно: на моей памяти—начиная съ 1908 года; какъ только наступало знойное римское лѣто, бѣдный старикъ, осужденный пребывать въ стѣнахъ Ватикана, начиналъ томиться, тоскуя по простору полей и моря, по морскому воздуху любимой Венеціи, и начиналъ хирѣть.

Каждое лѣто въ нѣдрахъ самаго Ватикана возникала глухая борьба: близкіе къ Пію X люди и немногіе либеральные кардиналы заговорили о томъ, что въ интересахъ пошатнушагося здоровья его святѣйшества, въ интересахъ простой гуманности слѣдовало бы отправить хворающаго старца хоть на нѣсколько недѣль къ морю или въ горы. Въ нѣсколькихъ десяткахъ километровъ отъ изнывающаго, отъ варящагося въ собственномъ соку Рима вѣдь имѣются въ горахъ принадлежащіе и сейчасъ папамъ обширные дворцы, чудесные парки, величественные храмы. Тамъ папа ожилъ бы. Тамъ онъ запасся бы здоровьемъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Но въ консервативномъ лагерѣ, руководимомъ отцами іезуитами, всякія поползновенія «либераловъ» встрѣчали рѣзкій и неумолимый отпоръ: «непримиримые» не желали ни въ коемъ случаѣ отпустить папу изъ Ватикана—по политическимъ мотивамъ.

Выставлялся возникшій въ 1870 году, при Пій IX, тезисъ, не утратившій остроты и до нашихъ дней:

Папа! не только глава іерархіи католической церкви, но и государь. Папа насиліемъ лишень и своихъ территоріальныхъ владѣній, и своихъ суверенныхъ правъ. Въ знакъ протеста противъ этого насилія, совершеннаго королевской Италіей, папа сдѣлался «добровольнымъ ватиканскимъ узникомъ». Уйти изъ Ватикана не только на нѣсколько мѣсяцевъ, но и на нѣсколько минутъ—это значитъ фактически перестать быть «ватиканскимъ узникомъ», то есть отказаться отъ принципа.

Да, въ интересахъ Пія X, какъ человѣка, конечно, было бы нужно ради здоровья выйти изъ Ватикана. Но Пій X смертенъ, а принципъ безсмертенъ. Уйдя изъ Ватикана хотя бы ради спасенія своей жизни, онъ дѣйствовалъ бы не въ интересахъ папства, какъ такового, а въ интересахъ своихъ личныхъ. А интересы личные должны ступать передъ интересами института. Слѣдовательно...

Въ 1914 году лѣтомъ папѣ сдѣлалось очень худо. Онъ явно умиралъ. Римъ заволновался. Ватиканъ заколебался. Начались частные переговоры: какъ отнесется итальянское правительство къ возможности временнаго переселенія его святѣйшества изъ Ватикана въ горы?

Обвиняемое ватиканскими изуверами въ атеизмъ и прочихъ смертныхъ грѣхахъ итальянское свѣтское правительство отвѣтило жестомъ, полнымъ благородства: немедленно былъ изготовленъ специальный поѣздъ для предоставленія его въ распоряженіе умирающаго старца, и отданъ былъ приказъ принять исключительныя мѣры къ тому, чтобы папа могъ проѣхать и поселиться въ избранномъ имъ мѣстѣ, не будучи рѣшительно ничѣмъ тревожимъ по пути.

Надо замѣтить, что по существу въ этихъ мѣрахъ охраненія спокойствія папы едва ли даже и надобность-то имѣлась: у старика были многочисленные политическіе враги, но его глубоко уважали за кристальную чистоту и святость личной жизни всѣ, и, какъ человѣкъ, онъ пользовался колоссальными симпатіями.

Народныя массы съ ихъ безошибочнымъ чутьемъ, съ ихъ умѣньемъ рѣшать всѣ вопросы не по политическимъ формуламъ, а по голосу сердца къ проекту отправленія папы въ горы отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ, больше даже—съ огромнымъ участіемъ.

И вотъ папскій специальный поѣздъ стоялъ на рельсахъ. А въ Ватиканѣ—въ Ватиканѣ все еще кипѣла борьба.

Въ эти дни мнѣ пришлось встрѣтиться съ однимъ «княземъ церкви», съ очень замѣтнымъ кардиналомъ, чистокровнымъ рим-

ляниномъ, бывшимъ въ опалѣ изъ-за независимости своихъ сужденій и изъ-за рѣзкости языка. Принципіальный врагъ ордена іезуитовъ, кардиналъ на мой вопросъ, выѣдетъ ли папа Пій X изъ Ватикана, отвѣтилъ, не обинуясь:

— Да его раньше удавятъ, чѣмъ выпустятъ!

И вотъ, когда въ Бельгін, Франціи и въ Польшѣ грохотали выстрѣлы и лилась кровь, въ Римѣ, въ Ватиканѣ приносилась безкровная жертва Молоху политики: знойнымъ лѣтомъ 1914 года умиралъ убитый войной папа Пій X.

Конклавъ для избранія преемника почившему Пію X долженъ былъ собраться въ концѣ августа. Недѣли еще за полторы до начала засѣданій конклава въ Римѣ началъ по традиціямъ функционировать... тотализаторъ.

Играли на папу.

Въ какомъ-нибудь невзрачномъ магазинчикѣ, торгующемъ церковной утварью и разными религіозными сувенирами для пилигримовъ, въ грязной табачной лавочкѣ, у шустраго мѣнялы, у какого-то биржевика,—конечно, тайкомъ отъ полиціи,—принимались ставки «на папу» и дѣлались соответствующія записи.

Вамъ предъявляли списокъ всѣхъ кардиналовъ, имѣющихъ право быть избираемыми въ папы, особый списокъ имѣющихъ наибольшіе шансы быть выбранными, своего рода «нашихъ фаворитовъ»,—и при желаніи давались компетентныя указанія обо всѣхъ возможныхъ кандидатахъ.

1-го сентября, когда конклавъ уже конституировался и приступилъ къ работамъ, пишущій эти строки былъ свидѣтелемъ горячихъ объясненій нѣсколькихъ страстныхъ игроковъ на папу. Одинъ, извѣстный спортсменъ, завсегдатай конскихъ скачекъ, не то помѣшанный, не то юродивый, не то оригиналъ, «конте» и помѣщикъ изъ окрестностей Рима, пользующійся особой популярностью за свои въ общемъ безобидныя выходки въ римскихъ народныхъ массахъ, неистово махая руками и сверкая глазами, говорилъ:

— Феррата! Ставлю тысячу лиръ на Феррата! Онъ сейчасъ на три корпуса впереди!

Тихонькій, смирененькій красноносый старичекъ съ фіолетовыми губами, злой ростовщикъ и ханжа, отставной римскій нотаріусъ и, Божьею милостью, владѣлецъ биткомъ набитыхъ мелкими жильцами дряхлыхъ паллацо въ Трастевере, хихикая, отзывался:

— Не подобаеъ сіе! Это не скачки! Но если ужъ на то пошло, я, грѣшный, не прочь поставить тысточку! Но не на Феррата! Феррата—горячъ! Онъ скоро выдохнется! Я ставлю на монсиньора Альярди! И то только въ знакъ моей личной преданности и глубокаго уваженія къ сему святому человѣку!

Обливавшаяся отъ жары потомъ немовѣрно тучная римская матрона сонно мигала черными глазами, нервно позѣвывала, и, почесывая могучія плечи-окорока грязными, но закованными въ броню изъ драгоценныхъ перстней обрубковатыми пальцами, бормотала растерянно:

Его святѣйшество папа Бенедиктъ XV.

— Ужь и не знаю, на кого ставить! Кто говоритъ—на Серафини! Онъ, будто бы, дойдетъ! А кто этого... француза... Мерсье... очень рекомендуетъ!

— Французъ? Французъ за флагомъ останется послѣ первой же баллотировки записками! На десять корпусовъ останется! До финиша ему не дойти! Не дамъ за француза и одной лиры!—негодовалъ «конте»-спортсменъ.

Къ вечеру того же дня перваго сентября 1914 года въ Римѣ шушукались:

— Маффи далеко ушелъ впередъ! Самый сильный кандидатъ! Говорять, изъ 57 голосовъ за нимъ свыше двадцати! Но и Серафини оказывается достаточно сильнымъ: около пятнадцати голосовъ за него подано!

На слѣдующій день Маффи имѣлъ 26 голосовъ, Серафини 24. И рядомъ съ ними стала вырастать раньше державшаяся въ тѣни незамѣтная фигура новаго, невѣдомо кѣмъ выдвигавшагося кандидата въ папы, архіепископа болонскаго, смиреннаго монсиньора Джакомо Делла Кьеза. «Французъ» Мерсье, одинъ изъ благороднѣйшихъ «князей церкви католической», съ самаго начала имѣлъ всего одинъ голосъ,—говорять, кардинала Аметта,—да такъ съ этимъ единымъ голосомъ и «шелъ» до конца.

Добравшись до 26 голосовъ, Маффи, наиболѣе сильный кандидатъ, на нихъ и застылъ. Серафини держался въ непосредственной близости къ нему. Тайный тотализаторъ въ Римѣ работалъ во всю: на Маффи было максимальное количество ставокъ. Тотъ же самый юродивый римскій графъ, спортсменъ и оригиналъ, поставилъ на новаго фаворита — 15.000 лиръ. И... проигралъ, какъ проиграло огромное большинство азартныхъ игроковъ. Говорять, какой-то крупный биржевикъ «проставилъ» на Серафини 100.000, а одна благочестивая вдовица потеряла на Феррата тысячъ около десяти. Мелкія ставки группировались уже возлѣ имени монсиньора Делла Кьеза начиная со 2-го сентября, значительно усилились за день 3-го сентября.

Четвертаго сентября надъ почернѣвшей трубой зала засѣданій конклава въ Ватиканѣ показался густой черный дымъ,—давно ожидавшійся сигналъ окончанія выборовъ: избраннымъ оказался тотъ, у кого въ началѣ конклава имѣлось очень мало шансовъ—монсиньоръ Джакомо Делла Кьеза. И съ того момента, какъ кардиналъ-деканъ провозгласилъ «Habemus papam!»—въ исторію вошелъ 260-ый папа подъ именемъ Бенедикта XV.

Маленькая параллель.

Въ 1903 году на конклавѣ послѣ смерти Льва XIII былъ избранъ въ папы монсиньоръ Джузеппе Сарто, патріархъ Венеціи. Въ Римѣ на конклавѣ монсиньоръ Сарто уѣзжалъ съ твердымъ намѣреніемъ вернуться въ любимую и любившую старика Венецію. Даже, въ видахъ экономіи, и билетъ-то взялъ «туда и обратно»: со скидкой.

Когда извѣстны стали результаты баллотировки, старикъ испугался. И раньше онъ твердилъ, что никакихъ притязаній на папскую рогатую тиару не предъявляеть, а тутъ искреннимъ об-

разомъ растерялся. Растерялся и испугался колоссальной отвѣтственности—до слезъ. Съ трудомъ у него удалось вырвать согласіе подчиниться желанію большинства, не оставлять дольше церковь безъ верховнаго руководителя ея дѣлъ, вѣрующихъ—безъ папы. И на первыхъ порахъ старикъ на каждомъ шагу проявлялъ эту растерянность. Чуть-чуть не совершилъ страшнаго съ точки зрѣнія непримиримыхъ политиковъ Ватикана преступленія: чуть-чуть не благословилъ народъ, собравшійся на площади Сантъ-Пьетро изъ историческаго окна Ватикана, какъ это продѣлывали въ былыя времена всѣ папы до того, какъ они обратились въ ватиканскихъ добровольныхъ узниковъ.

Совершенно не то наблюдалось на конклавѣ 1914 года: монсиньоръ Джакомо Делла Кьеза все время держалъ себя съ гордымъ достоинствомъ. Когда выяснилось, что за нимъ обезпечено законное большинство голосовъ, онъ принялъ это, какъ должное. На обращеніе кардинала-декана, принимаетъ ли избраніе, совершенно спокойно, тихимъ, но твердымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Подчиняюсь волѣ Божьей!

Ни испуга, ни растерянности, ни слезъ, ни колебаній.

Принялъ избраніе, какъ должное...

Онъ держалъ себя послѣ избранія такъ, что ни у кого не могло оставаться малѣйшаго сомнѣнія:

Человѣкъ этотъ многіе годы, быть можетъ, десятки лѣтъ мечталъ именно о папской тиарѣ. И мало того, что мечталъ—домогался ея, неустанно, не покладая рукъ, работалъ. Избраніе не могло застигнуть его врасплохъ. Онъ приготовился заранѣе, какъ готовится къ концу партіи хорошій шахматный игрокъ. Онъ, насколько могъ, предусмотрѣлъ всѣ ходы, вплоть до того, когда можно было противникамъ объявить шахъ и матъ...

Я стоялъ въ одномъ изъ внутреннихъ дворовъ Ватикана, когда новый папа подошелъ къ окну съ балкономъ преподать римлянамъ традиціонное благословеніе. Въ ожиданіи этого момента толпа смущенно гудѣла. Особой радости не было. Ликовали только невѣдомо откуда вдругъ появившіеся священники и монахи, рыжіе, сѣроглазые, мужиковатые, въ которыхъ опытный, наметавшійся глазъ римскаго простолюдина сейчасъ же опредѣлялъ «форестьеровъ», и именно баварцевъ и австрійцевъ.

Они переглядывались, они пожимали другъ другу руки, они поздравляли другъ друга.

Глядя на ихъ ликованіе, стоявшій рядомъ со мной толстый пузатый римскій виноторговецъ съ головой античнаго сенатора вдругъ насупился и вымолвилъ:

— *Acidenti!* Что это означаетъ? «Тедески» ликують, какъ будто они въ папы провели своего, чистокровнаго нѣмца! Вотъ такъ штука! Гмъ! Странно!

Помолчавъ немного, онъ обратился ко мнѣ:

— Синьоръ! Вы — журналистъ? Ну, вы, журналисты, все знаете.... Правда ли, что въ началѣ еще, до конклава, кардиналь Альярди, говорятъ, заявилъ Саландрѣ, будто конклавъ ни въ коемъ случаѣ не выберетъ въ папы человѣка, враждебнаго Италиі?

— Говорятъ....

— Такъ... такъ чего же tedesки чуть не пляшутъ отъ радости? Непонятное что-то.... Совсѣмъ непонятное!

Это непонятное стало понятнымъ только потомъ, когда выяснилась по дѣйствіямъ политическая фізіономія новаго, двѣсти шестидесятаго папы римскаго, Бенедикта XV.

Да позволить мнѣ мой читатель маленькую экскурсію въ область исторіи: мнѣ хочется вспомнить тѣхъ предшественниковъ нынѣшняго папы, которые носили то же имя Бенедикта XV.

Бенедиктъ I правилъ съ 574 по 578 годъ и былъ римляниномъ по происхожденію. При немъ Италия подверглась нападенію варваровъ лангобардовъ. Бенедиктъ II правилъ съ 684 по 685 годъ, всего шесть мѣсяцевъ, прославился благотворительностью, признанъ святымъ католической церкви. Бенедиктъ III, съ 855 по 858 г., считается изобрѣтателемъ пресловутаго «обола святого Петра», дающаго и теперь ежегодно многіе милліоны въ пользу папскоі казны. Бенедиктъ IV, съ 900 по 904 годъ, прославился упорной, но бесплодной борьбой съ безнравственностью клира. Слѣдующій Бенедиктъ V, прозванный «Грамматикомъ» за свою ученость, правилъ съ 964 по 965 годъ и былъ сверженъ Оттономъ Великимъ. Дни свои окончилъ въ изгнаніи. Бенедикту VI еще менѣ повезло: сынъ знаменитой императрицы Теодоры заключилъ его въ тюрьму, а лже-папа Бонифацій VII приказалъ удавить заключеннаго, что и было произведено въ 974 году, на второй годъ послѣ избранія. Бенедиктъ VII, съ 975 по 984 годъ, велъ жестокую борьбу съ лже-папой Бонифаціемъ VII и побѣдилъ его. Бенедиктъ VIII, съ 1012 по 1024 годъ, изъ рода графовъ Тусколо, являлся папой-государемъ, человекомъ крайне жестокимъ и воинственнымъ. Для изгнанія византійцевъ изъ Апуліи пользовался услугами разбойниковъ-нормановъ. Ему во многомъ былъ подобенъ его племянникъ, папа Бенедиктъ IX, правившій съ 1033 по 1049 годъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ безнравственныхъ и звѣрски-жестокихъ папъ. Папой онъ сталъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду. Продавъ папское доистонство за приличную мзду своему врагу лже-папѣ Іоанну XX. Отрекшись отъ престола, поступилъ въ монастырь въ Гроттаферратѣ, гдѣ велъ буйную и развратную жизнь. Умеръ всего 33 лѣтъ отъ роду. Бенедиктъ X, правившій съ 1058 по 1059 годъ, считается лже-папой. Прославился своимъ грубымъ, абсолютнымъ невѣжествомъ, заслужившимъ ему

прозвище «Минчю» или «Минкьонэ», то есть, дословно, остолопа. Бенедиктъ XI, правившій съ 1303 по 1304 годъ, извѣстенъ былъ своимъ искреннимъ благочестіемъ и стремленіемъ очистить нравы духовенства. По выраженію какого-то лѣтописца, «и бысть за сіе

Кардиналь Гаспари.

отравленъ кардиналами». По легендѣ, враги его поднесли ему блюдо съ отравленными фигами. Бенедиктъ XII, французъ родомъ, былъ избранъ въ Авиньонѣ въ 1334 году, тамъ же и умеръ въ 1342, прославившись свирѣпыми расправами съ еретиками. Бенедиктъ XIII, съ 1724 по 1730 годъ, былъ человѣкомъ строгихъ нравилъ. Тщетно боролся съ распущенностью нравовъ римлянъ. Ве-

«Истор. вѣстн.», февраль 1917 г., т. сxlvii.

9

недиктъ XIV, «папа Ламбертини», былъ съ 1740 по 1756 годъ папой-либераломъ, человѣкомъ очень культурнымъ и талантливымъ. Либерализмъ свой довелъ до переписки съ.... Вольтеромъ.

Кто таковъ нынѣшній папа, Бенедиктъ XV, въ столь трудныя, я бы сказалъ, трагическія времена добившійся осуществленія своихъ домогательствъ и на шестидесятомъ году жизни возложившій на главу свою папскую тиару?

Джакомо Делла Кьеза родился въ 1854 году въ Генуѣ. Отцомъ его былъ маркизъ и богачъ Джованни Делла Кьеза, потомокъ стариннаго аристократическаго рода, и донна Джованна Мильорати. Ребенкомъ Джакомо Делла Кьеза былъ некрасивымъ, угрюмымъ, очень хилымъ. Его сверстники недолюбливали его, не принимали участвовать въ играхъ, обвиняя въ плаксивости и въ ябедничествѣ. Дразнили «клирикомъ». Въ классической школѣ Джакомо держался тоже въ сторонѣ отъ товарищей, занимался прилежно, особыхъ способностей не проявлялъ, но выдѣлялся усердіемъ и послушаніемъ. Будучи еще мальчикомъ тринадцати лѣтъ, онъ однажды заявилъ отцу, что его мечтой является служить церкви.

Отецъ сухо отвѣтилъ:

— Теперь объ этомъ рано разговаривать. Ты долженъ сначала учиться, кончить курсъ гимназіи и университета. Потомъ—потомъ видно будетъ!

Сверстники маленькаго гимназиста дразнили его «будущимъ папой», не подозрѣвая, что онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлается «державнымъ епископомъ церкви римской».

Въ 1875 году Джакомо Делла Кьеза кончилъ курсъ юридическаго факультета генуэзскаго университета. У его товарищей по университету о немъ сохранилось мнѣніе:

— Человѣкъ скрытный, болѣзненно самолюбивый и честолюбивый, упорный и мстительный, съ способностями ограниченными, съ взглядами узкими, но съ желѣзной волей.

Изъ Генуи Джакомо Делла Кьеза перебрался въ Римъ, поступилъ въ «колледжіо Капранико» и прошелъ курсъ теологіи въ грегорианскомъ университетѣ, руководимомъ орденомъ іезуитовъ. Въ 79 году онъ былъ посвященъ во священники, поступилъ въ «Академіа де Нобили Экклезиастичи» въ Римѣ, питомцы которой, сплошь сыновья аристократическихъ фамилій, готовятся къ карьерѣ высшихъ администраторовъ и дипломатовъ католицизма. Тогда же на его усердіе, молчаливость и усидчивость обратилъ вниманіе знаменитый Рамполла. Съ тѣхъ поръ судьба этихъ двухъ людей была тѣсно связана. Выдвигаясь до высшихъ степеней, честолюбивый и высокообразованный Рамполла вытягивалъ съ собой и Джакомо Делла Кьеза, который на протяженіи не одного десятка

лѣтъ въ римскихъ кругахъ носилъ прозвища, едва ли льстящія его самолюбію: «уши Рамполлы» и «тѣнь Рамполлы».

Въ 1903 году скончался Левъ XIII. Бывшій при немъ государственнымъ секретаремъ монсиньоръ Рамполла вышелъ въ отставку и подвергся опалѣ со стороны Пія X. Бывшій до этого момента правой рукой Рамполлы, монсиньоръ Делла Къеза зналъ слишкомъ много секретовъ Ватикана, и Ватиканъ постарался отъ него избавиться, но путемъ почетной опалы: Делла Къеза получилъ санъ архіепископа болонскаго. Въ этомъ почетномъ изгнаніи онъ и пробылъ семь долгихъ лѣтъ, покуда смерть не унесла Пія X.

Конклавъ 1914 года избралъ Джакомо Делла Къеза въ папы. Новый папа принялъ имя Бенедикта XV.

По этому поводу по Риму сейчасъ же пошелъ калабуръ, основанный на синонимахъ:

— Новый папа—не левъ и не Пій,—говорять—Бенедиктъ. Можетъ быть. Но кто его знаетъ? (Ne Leone, ne Pio,—discono—Benedetto, mo chi vo sa?)

То есть:

— Новый папа не левъ и не благочестивый. Говорять—благословенный. Можетъ быть... А только кто его знаетъ?

Первыми шагами новаго папы были шаги чисто политическаго характера.

Италія, а съ Италіей и весь культурный міръ—ждали отъ новаго папы опредѣленнаго отношенія къ великому и грозному конфликту, заставляющему міръ обливаться кровью. Ожидали,—невѣдомо почему,—что папа всѣмъ своимъ дѣйствительно могучимъ авторитетомъ осудить и самую войну во имя высшихъ завѣтовъ Христа и ея истинныхъ виновниковъ.

Въ Римѣ ходила интересная легенда слѣдующаго свойства:

— Австрія и Германія начали войну вопреки совѣтамъ Пія X, который, будучи человѣкомъ миролюбивымъ и искренно благочестивымъ, вообще къ войнѣ относился отрицательно. Императоръ Францъ-Иосифъ, уже начавъ войну, обращался къ Пію X съ двумя просьбами: преподать специальное пастырское благословеніе австрійскимъ войскамъ и прислать ради воодушевленія этихъ войскъ какую-нибудь реликвию. Домогательства эти усердно поддерживались дипломатическими представителями Пруссіи и Баваріи при Ватиканѣ. Всѣ баварскіе, саксонскіе, прусскіе и австрійскіе кардиналы, а съ ними и кардиналы испанскіе, стояли за выполненіе этой просьбы, пытаясь убѣдить, что въ результатѣ великой войны выиграетъ дѣло католичества.

Пія X очень волновали эти домогательства и сердили. Наконецъ онъ наотрѣзъ отказалъ удовлетворить просьбу Франца-

Иосифа и одному изъ своихъ приближенныхъ взволнованно сказалъ:

— Затѣяли кровавое дѣло, да еще хотятъ, чтобы я своимъ благословіемъ санкціонировалъ безпримѣрную бойню! Не могу!

Передъ смертью Пій X,—продолжаетъ та же легенда,—сознавая, что умираетъ, молилъ близкихъ лицъ отъ его имени просить новаго папу повліять на императора Австро-Венгрии и на «кайзера», склоняя ихъ къ немедленному прекращенію войны.

4-го сентября Джакомо Делла Кьеза превратился въ Бенедикта XV. Уже 15-го сентября появилась первая энциклика новаго папы.

«Ad beatissimi», въ которой очень мало, очень расплывчато, въ крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорилось объ отрицательномъ отношеніи папы къ войнѣ вообще, ни единымъ словомъ не говорилось о ся виновникахъ, не высказывалось по ихъ адресу никакого осужденія. Но зато въ той же энцикликѣ настойчиво выдвигался старый, сданный въ архивъ вопросъ о свѣтскомъ владычествѣ папъ, высказывалось неудовольствіе на то обстоятельство, что, не будучи теперь свѣтскими государями, не обладая Римомъ и Римской областью, папы дескать лишены возможности свободно и безпрепятственно высказываться по поводу волнующихъ міръ событій.

Италія объявила въ началѣ, что она намѣрена держаться строгаго нейтралитета. Какъ разъ въ это время вся свора ультракатолическихъ газетъ и журналовъ, на три четверти содержимыхъ— это не секретъ!—на подачки Ватикана, вела страстную пропаганду необходимости вмѣшаться въ войну противъ Франціи.

Католики Франціи, Бельгіи, Англии, Россіи осыпали Ватиканъ пламенными мольбами о защитѣ гражданскаго населенія отъ звѣрствъ, творимыхъ нѣмцами въ Бельгіи и Польшѣ, австрійцами и венгерцами въ Польшѣ и Сербіи.

Нѣмцы бомбардировали соборы въ Суасонѣ и Реймсѣ, нѣмцы и австрійцы оскверняли католическіе костелы въ Польшѣ, разстрѣливали бельгійскихъ, французскихъ и польскихъ священниковъ. Папа молчалъ. Ватиканъ не отзывался. Имъ обоимъ было гораздо важнѣе поднятіе вопроса о «попираемыхъ свѣтскимъ государствомъ историческихъ правахъ папъ на Римъ».

Католики нейтральныхъ странъ прибѣгали къ авторитету папы, чтобы рѣшить, чье дѣло—правое. Косвенный отвѣтъ за папу давала итальянская клерикальная печать, безъ усталы травившая и облидавшая помоями Англию, Францію, Сербію и Россію.

Въ самой Италіи съ ходомъ событій, именно подъ влияніемъ сообщеній о творимыхъ нѣмцами звѣрствахъ, грубо низменныхъ цѣляхъ предпринятой ими войны, о варварскихъ способахъ веденія этой войны и, наконецъ, о грозящихъ и независимости самой

Италіи завоевательныхъ планахъ безумнаго кайзера—росло и принимало гигантскіе размѣры народное негодованіе. Народныя массы начинали понимать, что за разгромленной дочиста, искалѣченной Сербіей и Бельгіей, ограбленной и изувѣченной Франціей придетъ очередь и Италіи, и начали требовать разрыва союза съ нѣмцами и австрійцами, объявленія войны въ защиту драгоцѣннѣйшаго достоянія міра—гуманной культуры. Въ эти дни главный органъ католической партіи въ Италіи, служащій для Ватикана офиціозомъ, «*Unita Catolica*» писалъ:

«Если Италія объявитъ войну, то всѣ ея католики, исполняя долгъ передъ отечествомъ, конечно, стануть подъ ружье,—но безъ малѣйшей охоты, безъ энергіи, безъ энтузіазма. Ибо они не смогутъ тогда воскликнуть:

«Съ нами Богъ!

«И они пойдуть на войну, какъ агнецъ идетъ на закланіе!»

Для всего католическаго міра позиція, занятая въ міровомъ конфликтѣ папой Бенедиктомъ XV, стала становиться ясной еще въ концѣ 1914 года. Зашевелились правительства заинтересованныхъ странъ. Стали прибывать въ Римъ офиціальныя и неофиціальныя представители, добиваясь у папы осужденія Германіи и Австріи хотя бы въ отношеніи только творимыхъ ими эксцессовъ. Отъ всѣхъ этихъ просьбъ Бенедиктъ XV систематически отдѣльвался заявленіемъ, что папство должно придерживаться и придерживается фактически строжайшаго нейтралитета.

Тогда же свободная печать Италіи, не обинуясь, отвѣтила:

— То же дѣлалъ Понтій Пилать, когда рѣчь шла о томъ, чтобы распять Іисуса Хрисета!

Ниже мы увидимъ, что заявленіе о «строжайшемъ нейтралитетѣ» было, мягко говоря, уклоненіемъ отъ истины: папа Бенедиктъ XV съ перваго момента былъ участникомъ войны и опредѣленно сталъ на одну сторону, въ чемъ потомъ онъ самъ признался публично: онъ былъ союзникомъ Австро-Венгріи и Германіи, врагомъ Франціи, Бельгіи, Англии, Россіи, Сербіи, а потомъ—и своего собственнаго отечества—Италіи.

Истина всплыла наружу послѣ трехъ интервью съ газетными работниками, которыхъ папа Бенедиктъ XV удостоилъ своего довѣрія. Первымъ изъ этихъ журналистовъ былъ нѣкій Вигандъ, американскій нѣмецъ, завѣдомый политическій агентъ Германіи. Аудіенцію ему у Бенедикта XV исхлопоталъ фонъ-Мюльбергъ, прусскій посланникъ при Ватиканѣ.

Этому германскому агенту Бенедиктъ XV высказалъ сугубое сожалѣніе о томъ, что «нѣкоторыя нейтральныя страны способствуютъ продолженію войны и увеличенію жертвъ путемъ снабженія сражающихся боевыми припасами».

Какъ извѣстно, въ заграничномъ оружіи и припасахъ нуждались только члены антигерманской коалиціи. Поставляла имъ оружіе Америка. И еще, какъ извѣстно всему міру, это оружіе служило имъ всѣмъ для самозащиты, а не для нападенія, ибо съ самаго начала нападающей стороною были именно Германія и Австрія, угрожавшія раздавить Сербію, Францію, Англію и Россію и фактически раздавившія Бельгію.

Такимъ образомъ, папа Бенедиктъ XV высказывалъ свое пастьерское сожалѣніе:

— Зачѣмъ онѣ защищаются?! Если бы не защищались, Германія и Австрія скорехонько дорѣзали бы ихъ, и все было бы хорошо!

Первое интервью нѣмецкаго шпіона съ папой вызвало общее недоумѣніе и общее негодованіе. Печать не только заинтересованныхъ, но и нейтральныхъ странъ въ первый моментъ заявила, что мы, виѣ всякихъ сомнѣній, имѣемъ дѣло съ наглымъ нѣмецкимъ мошенничествомъ или съ грубѣйшей мистификаціею. Кое-гдѣ отрицалась даже самая аудіенція Виганда у папы Бенедикта XV.

Послѣ того, какъ шумъ достигъ небывалыхъ размѣровъ, кардиналъ Гаспари, играющій при папѣ Бенедиктѣ роль государственнаго секретаря, выступилъ съ заявленіемъ, что Вигандъ, дѣйствительно, былъ принятъ его святѣйшествомъ, что бесѣда имѣла мѣсто, но что Вигандъ придалъ словамъ папы слишкомъ опредѣленное значеніе. Въ отвѣтъ Вигандъ заявилъ, что текстъ его бесѣды съ папой былъ просмотрѣнъ и одобренъ самимъ папой.

Слѣдомъ за Вигандомъ папу интервьюировали испанскій журналистъ Кадеганъ и французскій Латани. Въ разговорѣ съ обоими Бенедиктъ XV, во-первыхъ, признался, что онъ употреблялъ всѣ усилія, дабы не допустить Италію вступить въ войну противъ Австріи, и, во-вторыхъ, что онъ лишенъ матеріала для сужденія о совершаемыхъ эксцессахъ, ибо, дескать, обѣ стороны взаимно обвиняютъ другъ друга.

Латани заявилъ:

— Но вѣдь нѣмцы разгромили великія святыни католицизма— соборы въ Реймсѣ и въ Суасонѣ!

Папа на это отвѣтилъ:

— Потому что тамъ, говорятъ, были французскіе наблюдательные военные посты!

При этомъ папа сдѣлалъ видъ, будто ему неизвѣстно слѣдующее обстоятельство: католическое духовенство указанныхъ соборовъ подъ клятвой удостовѣрило, что никакихъ наблюдательныхъ постовъ на нихъ не было. Такимъ образомъ, для папы, главы католической іерархіи, показанія его же собственныхъ подчиненныхъ— священниковъ и епископовъ—равносильны нулю, а цѣнны показанія лютеранскихъ..... генераловъ. Папа вѣрить не католическимъ

архієпископамъ, не кардиналамъ, его же избравшимъ на престолъ, а германскимъ агентамъ...

Латани задалъ папѣ щекотливый вопросъ объ его отношеніи къ такимъ фактамъ, какъ звѣрское потопленіе мирнаго невооруженнаго пассажирскаго парохода съ женщинами и дѣтьми. Такъ была потоплена «Лузитанія», по личному приказанію Вильгельма.

— А не думаете ли вы, что противна всяческимъ законамъ гуманности попытка Англій при помощи морской блокады уморить голодомъ семидесятимилліонное населеніе Германіи?

При этомъ папа, высокообразованный человекъ, юристъ, дипломатъ, крупный политическій дѣятель, сдѣлалъ видъ, что онъ не понимаетъ колоссальной разницы между блокадою и нападеніемъ, то есть между мѣрой, имѣющей цѣлью сдачу сопротивляющихся, и убійствомъ людей, которые лишены даже возможности защищать свою жизнь.

Латани задалъ вопросъ объ отношеніи Бенедикта XV къ злодѣяннѣямъ, совершеннымъ нѣмцами въ Бельгіи, гдѣ германскія войска разстрѣляли нѣсколько десятковъ католическихъ священниковъ, что удостовѣрено формальнымъ разслѣдованіемъ католическаго же духовенства и донесеніями бельгійскихъ епископовъ папѣ.

Папа на это отвѣтилъ:

— Да вѣдь обвиненія идутъ съ двухъ сторонъ! Вонъ, австрійцы обвиняютъ русскихъ въ томъ, что русскіе поставили подъ австрійскій огонь нѣсколько тысячъ евреевъ!

Папа опять-таки сдѣлалъ видъ, что онъ не понимаетъ разницы между твердо установленнымъ свидѣтельскими показаніями фактомъ и совершенно голословнымъ заявленіемъ грубо заинтересованныхъ лицъ, сваливающихъ свою вину на чужую голову....

Интервью съ Латани было каплей, переполнившей чашу долготерпѣнія. Бѣдному государственному секретарю, кардиналу Гаспари, пришлось нѣсколько разъ выступать въ печати, въ попыткахъ смягчить ужасное впечатлѣніе, произведенное на міръ папскими заявленіями, папскою грубой пристрастностью. Сначала «Осерваторе Романо» выставилъ чрезвычайно сомнительный съ канонической точки зрѣнія тезисъ, что у папы съ Латани была «частная бесѣда» и что истиннымъ выраженіемъ мнѣній папы, какъ папы, служатъ не частныя бесѣды, а официально публикуемые акты. Когда оппозиція указала на крайнюю опасность такого тезиса, отмѣтивъ, что папа зналъ, что бесѣда вовсе не частная, а предназначена для печати, и что папа говорилъ не какъ частный человекъ, синьоръ Джакомо Делла Кьеза, а именно какъ папа римскій, — тогда монсиньоръ Гаспари цѣлымъ рядомъ выступленій пытался доказать, что Латани исказилъ не только форму, но и смыслъ папскихъ заявленій.

Но всё эти выступления пользы не принесли. Волнение и негодование въ католическомъ мѣрѣ, буйное ликование въ Германіи и Австріи, серьезныя политическія осложненія—все это заставило папу, грубо выражаясь, пойти на попятный дворъ и поторопиться съ изъясненіемъ своихъ чувствъ особой симпатіи по отношенію къ Франціи и особенно Бельгіи, обѣщая высказать и сужденіе по поводу германско-австрійскихъ звѣрствъ.

Однако сдѣланнаго уже не исправишь, сказаннаго не вернешь назадъ. Культурный мѣръ никогда не позабудетъ того, что въ роковыя моменты папа Бенедиктъ XV поступилъ даже хуже Понтія Пилата: тотъ, вѣдь, не былъ духовнымъ, а былъ свѣтскимъ до мозга костей, и былъ язычникомъ, и даже, умывая руки, все же твердилъ, что, по его мнѣнію, совершается преступленіе. Этотъ—глава церковной іерархіи великаго католическаго міра, обязанный самимъ своимъ саномъ къ тому, чтобы блюсти мораль, чтобы судить и осуждать все то, что противно завѣтамъ Христа. Если бы онъ хоть остался нейтральнымъ въ самомъ дѣлѣ! А то вѣдь онъ откровенно сталъ на сторону нѣмцевъ!

Исторія уже зарегистрировала дѣянія «260-го папы». Матеріаль для сужденія и приговора надъ нимъ—уже собранъ. Объ этомъ позаботился самъ Бенедиктъ XV....

М. Первухинъ.

ИЗЪ ДОНЕСЕНІЯ БАВАРСКАГО ПОВѢРЕННАГО ВЪ ДѢЛАХЪ ОЛЪРИ
(OLRY) ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ (1802—1806)
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ¹⁾,

(Съ предисловіемъ великаго князя Николая Михайловича).

С.-Петербургъ,
конецъ февраля 1806 г.

Дополнительный бюллетень.

В СѢМЬ бросилось въ глаза, что личныя сношенія между собой государей, кабинетовъ и вліятельныхъ за границей лицъ привело императора по возвращеніи его изъ путешествія въ особое настроеніе, сообщило ему увѣренность и, я бы сказалъ, нѣкотораго рода надменность, которыя не были ему раньше свойственны. Къ несчастью, этимъ новымъ качествамъ недостаетъ большей твердости характера, которая замѣнила бы кратковременное упрямство, для того, чтобы этотъ государь могъ править самъ и поддерживать свои мнѣнія. Никто не сомнѣвался, что въ большинствѣ случаевъ эти качества были бы безконечно полезныѣ и болѣе соответствовали бы обстоятельствамъ и предписываемой ими умѣренности, чѣмъ тѣ, которыя, благодаря любимцамъ, интригѣ и подкупу, съ ловкостью, свойственной этому двору, одерживаютъ теперь верхъ. Послѣ битвы при Аустерлицѣ мы уже видѣли замѣчательный примѣръ этого. Этотъ монархъ, какъ онъ обрисовалъ въ своей официальной кор-

¹⁾ Окончаніе, «Истор. Вѣстн.», CXLVII, стр. 112.

респонденціи, вынесъ изъ военныхъ неудачъ и рѣзни, которой онъ былъ свидѣтелемъ, явное отвращеніе къ войнѣ и сопутствующимъ ей бѣдствіямъ. Это отчужденіе явно сказывается во всѣхъ тайныхъ непріятныхъ чувствахъ, порожденныхъ оскорбленнымъ самолюбіемъ или явившихся по другимъ причинамъ. Эти первые признаки благопріятствуютъ стремленіямъ къ челоуѣколюбію и къ прочному и продолжительному миру. Любовь вмѣстѣ съ этими чувствами, повидимому, еще болѣе укрѣпляетъ его въ этихъ мысляхъ. Г-жа Нарышкина, счастливая тѣмъ, что опять овладѣла императоромъ, что такъ льститъ ея тщеславію, только и дѣлаетъ, что повторяетъ ему, что она надѣется удержать его у себя и болѣе не терять. Этой фразой встрѣтила его и императрица-мать.

Съ того времени императрица-мать пошла путемъ, который удивилъ весь дворъ и показалъ зрителямъ, до какой степени желаніе имѣть какое-нибудь вліяніе и честолюбивое стремленіе играть роль заставляють ее то и дѣло вдаваться въ крайности. До отъѣзда императора и его молодыхъ совѣтниковъ она окружала себя лицами, выдававшимися своей гордостью и оппозиціонными принципами и имѣвшими по своему возрасту, происхожденію и богатству право на особенное уваженіе въ этой странѣ, въ родѣ Шереметевыхъ, Салтыковыхъ, Куракиныхъ, Румянцовыхъ, Ланскихъ, стараго графа Строганова и нѣкоторыхъ другихъ, среди которыхъ фигурировалъ недавно графъ Головкинъ, котораго министры съ цѣлью удалить отсюда послали въ Китай, и князь Бѣлосельскій, которому она съ нѣкотораго времени оказываетъ честь, принимая его въ своемъ интимномъ обществѣ въ Эрмитажѣ. Всѣ, кто входили въ этотъ кружокъ, настолько отличались отъ молодого двора, что, казалось, они нарочно старались выставить въ смѣшномъ видѣ его буржуазную простоту. Во дворцѣ и въ городѣ рѣчи, принципы, манеры, экипажи, великолѣпіе—все у нихъ было полной противоположностью тому, что окружало императора, у котораго манія не принимать и не носить никакихъ орденовъ, всюду вмѣшиваться въ толпу съ той скромностью, которая есть только маска честолюбія и которая, вмѣсто того, чтобы дѣлать его популярнымъ, придавала его поступкамъ характеръ чего-то неприличнаго, бросавшагося всѣмъ въ глаза.

Но, не имѣя силъ повліять своимъ примѣромъ на наклонности своего сына и его ближнихъ, императрица-мать вздумала съ нѣкотораго времени итти къ нимъ навстрѣчу, льстить имъ, привлекать ихъ на свою сторону, открыто высказывая расположеніе въ ихъ сторону, вызванное ихъ недавнимъ образомъ дѣйствій и ихъ политическими убѣжденіями. Вотъ почему она заявила князю Чарторыйскому и Новосильцову, что она убѣждена въ ихъ истинной привязанности къ ея сыну, къ его интересамъ и славѣ въ обстоятельствахъ столь чрезвычайныхъ, что не слѣдовало падать духомъ отъ

препятствій, что настало время, когда Россія должна полагаться на свою собственную энергію, чтобы достигъ положенія, соответствующаго ея достоинству и общественному благу.

Съ этого времени тѣ же самые министры, которыхъ прежде она избѣгала съ очевидною щепетильностью даже при случайныхъ встрѣчахъ съ ними во дворцѣ, стали допускаться на ея вечера и бывали тамъ довольно часто. Этотъ переворотъ далъ поводъ придворнымъ, хорошо ее знающимъ, говорить, что еще не извѣстно, откуда былъ ей данъ хорошій совѣтъ, что такое поведеніе могло быть ей продиктовано только съ намѣреніемъ повредить имъ въ глазахъ императора, которому уже давно надоѣли политическіе происки его матери и ея стремленіе имѣть вліяніе на политическія дѣла и который усвоилъ себѣ привычку поступать наоборотъ во всемъ,— въ государственныхъ и правительственныхъ дѣлахъ и въ политикѣ—во всемъ, гдѣ она старалась проявить свое вліяніе, и въ то же время оказывать ей самую нѣжную сыновнюю привязанность и явное уваженіе къ ея указаніямъ, ко всему, что касается ея благотворительности, къ ея заступничеству, разъ оно не касается политическихъ дѣлъ. Такимъ образомъ императоръ предоставилъ ей всѣ хлопоты по приему герцога Брауншвейгскаго, который каждый день обѣдаетъ и ужинаетъ у нея. Чтобы сдѣлать этотъ приемъ еще болѣе милостивымъ, къ ея столу приглашается и графъ фонъ-Гольцъ ¹⁾. Послѣдовательность, съ которою она пользуется всеми этими случаями, чтобы проявлять во всякомъ видѣ свою ненависть къ Франціи и отчужденіе и презрѣніе къ ея союзникамъ, носитъ характеръ удивительнаго ожесточенія. Говоря, между прочимъ, объ одной статѣ «Moniteur», которая укоряетъ императора въ томъ, что въ своемъ Эрмитажѣ онъ скопировалъ парижскій музей, она выразилась такъ: «Конечно, мы не имѣемъ такихъ средствъ пріобрѣтать себѣ картины, какъ Бонапартъ. Онъ грабитъ ихъ у сосѣдей и безстыдно воруетъ ихъ, тогда какъ мы покупаемъ ихъ за дорогую цѣну». Я знаю, что она все открытѣе и открытѣе высказываетъ свои враждебныя въ этомъ направленіи чувства. Явный прозелитизмъ по отношенію къ прусскимъ министрамъ—вотъ задача, которую она, повидимому, себѣ поставила.

Если громкія проявленія общественнаго мнѣнія и шаги, о которыхъ я писалъ въ своемъ первомъ бюллетенѣ, могли внушить нѣкоторымъ надежду на возможность перемѣны министерства, то послѣдующія событія далеко не оправдываютъ этихъ расчетовъ, давая въ то же время все болѣе и болѣе причинъ желать ея, какъ въ нашихъ интересахъ, такъ и ради спокойствія Европы. Въ самомъ дѣлѣ, молодые министры прилагаютъ всѣ усилія и развиваютъ невѣроятную дѣятельность, чтобы привлечь императора къ своимъ

¹⁾ Представитель Пруссіи при русскомъ дворѣ.

идеямъ, и если первое время происки и сплетни разныхъ партій вокругъ императора и заставляли ихъ иногда испытывать неприятности и сталкиваться съ «я такъ хочу», то теперь это только проявилось въ одномъ распоряженіи, которое онъ сдѣлалъ безъ ихъ участія и въ силу котораго распредѣленіе наградъ нашло себѣ мѣсто между его адъютантами, гвардейскими и армейскими офицерами. Въ пристрастіи къ министрамъ императоръ зашелъ такъ далеко, что для того, чтобы защитить ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ всякихъ обвиненій, онъ какъ-то отвѣтилъ лицамъ, старавшимся использовать противъ нихъ непріятныя воспоминанія объ Аустерлицѣ: «Если вамъ нужны виновники, то виновникъ одинъ я, ибо воля моя была во всемъ». Этотъ отвѣтъ зажалъ ротъ всѣмъ, кромѣ Трощинскаго. У него хватило твердости высказать въ кабинетѣ государя мнѣніе, которое онъ заявилъ и въ совѣтѣ и о которомъ я сообщалъ въ моемъ № 17. Оно вызвало слишкомъ сильные разговоры, такъ что я не могу не отмѣтить здѣсь это почтенное, мужественное и патріотическое заявленіе. Императоръ, утомленный постоянной критикой этого министра, разсердился до такой степени, что сказалъ ему по-русски: «молчи», что по-русски выходитъ суровѣе, чѣмъ по-французски. Однако, несмотря на это суровое обращеніе, Трощинскій возразилъ: «Ваше величество, я для того и министръ, чтобы говорить вамъ правду, когда вы дѣлаете мнѣ честь и совѣтуетесь со мною, и я всегда буду ее говорить. Вы, конечно, вольны дѣлать со мною, что признаете въ данный моментъ нужнымъ». Императоръ въ нервномъ раздраженіи бросился на диванъ. Но затѣмъ его доброе сердце взяло верхъ, и онъ отпустилъ Трощинскаго, пожавъ ему руку въ знакъ благодарности.

По мѣрѣ того, какъ г-жа Нарышкина пріобрѣтаетъ вліяніе на императора, молодые министры, которые до сихъ поръ не придавали ей особенной важности и не считали ее достойной своего вниманія, начали ухаживать за нею, стараясь сдѣлать изъ нея новую точку опоры для себя. Орудіемъ для прикрытія этой интриги является теперь князь Четвертинскій, братъ фаворитки великаго цнязя. Это молодой человекъ, преисполненный благородства и не разъ сталкивавшійся какъ со своими сестрами, такъ и съ императоромъ и великимъ княземъ Константиномъ, открыто порицалъ неосмотрительныя выходки съ ихъ стороны, могущія скомпрометировать честь его семьи, причемъ говорилъ объ этомъ въ особенности съ великимъ княземъ Константиномъ крайне несдержанно и неосторожно. На этотъ счетъ передавали такой рассказъ. Великій князь Константинъ въ разговорѣ по этому поводу вспылилъ до того, что сказалъ ему нѣсколько фразъ, съ которыми трудно примириться, съ какой бы высоты онъ ни исходили. Князь отвѣтилъ, что оскорбленіе отъ этихъ рѣчей падаетъ на него самого, ибо онъ знаетъ, что его ограждаетъ званіе великаго князя Россійской имперіи. Тотъ

поднялъ перчатку въ надеждѣ на то, что уже одинъ видъ, будто онъ принимаетъ вызовъ, заставитъ Четвертинскаго покончить разговоръ, но князь съ раздраженіемъ повторилъ отвѣтъ, когда-то данный принцу Конде: «Ваше высочество, это честь слишкомъ велика, чтобы я могъ отказаться отъ нея». На другой день великій князь не вспоминалъ больше объ этомъ.

Возвращаясь къ нити этой интриги, проводникомъ и орудіемъ которой сдѣлался князь Багратіонъ. Четвертинскій былъ прикомандированъ къ этому генералу во время послѣдней кампаніи въ качествѣ офицера его генеральнаго штаба и, понятно, за свои заслуги и поведеніе былъ рекомендованъ благосклонности императора. Въ знакъ благодарности Четвертинскій, съ своей стороны, приглашаетъ своихъ сестеръ, которыя рѣдко кого удостоиваютъ своимъ посѣщеніемъ, на чашку чая къ Багратіону, у котораго въ то время собиралась вся военная молодежь, въ особенности князь Петръ Долгорукій, ставшій болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сѣятелемъ всякой вражды, да еще великій князь, князь Чарторыйскій, Новосильцовъ, Александръ Голицынъ и другіе. Такимъ образомъ завязываются связи и образуется цѣлая цѣпь знакомствъ, изъ которыхъ стараются создать систему протекціи, съ цѣлью укрѣпить довѣріе государя къ теперешнимъ министрамъ и ихъ власти и оградить ихъ отъ отвѣтственности, овладѣвъ заранѣе всѣми доступами къ власти и сердцу императора. Эти собранія, на которыя для отвода глазъ приглашаются и кос-какія незначительныя личности, тѣмъ болѣе бросаются въ глаза, что они происходятъ въ отсутствіе жены Багратіона и на нихъ бывають обѣ сестры, которыя съ нею на ножахъ. Но такого рода пренебреженія къ приличіямъ здѣсь нипочемъ, разъ дѣло идетъ о средствахъ добиться успѣха. Легко понять, какой вѣсъ создаетъ вліянію министровъ довѣріе и вліяніе женщины, которая быстрыми шагами идетъ къ положенію общепризнанной фаворитки и которая при этомъ съ нѣкотораго времени стѣсняется такъ мало, что ее однажды вечеромъ встрѣтили одну въ саняхъ съ императоромъ. Этотъ поворотъ г-жи Нарышкиной налѣво къ этой партіи тѣмъ болѣе бьетъ въ глаза, что она не была ни участницей, ни довѣреннымъ лицомъ въ ея первыхъ проискахъ около императора. Всѣ тѣ, которые давно уже работали въ этомъ направленіи со всѣмъ усердіемъ и честолюбивыми надеждами, въ родѣ Волконскихъ ¹⁾, Толстыхъ ²⁾, обвиняють ее въ неблагодарности.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ интригъ слѣдуетъ замѣтить, что никогда еще князь Чарторыйскій не являлся такимъ открытымъ сторонникомъ и защитникомъ Австріи, какъ въ этотъ послѣдній періодъ времени. Даже при дворѣ замѣтили, какъ тщательно князь Черторый-

¹⁾ Князь Петръ Михайловичъ.

²⁾ Графъ Николай Александровичъ.

скій избѣгаетъ встрѣчи съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, что не требуется ни его долгомъ, ни положеніемъ дѣль. Рассказываютъ, что однажды, заставъ герцога за обѣдомъ у императора въ то время, когда онъ былъ увѣренъ, что тотъ приглашенъ къ императрицѣ-матери, онъ незамѣтно скрылся и такимъ образомъ лишился чести обѣдать у государя и долженъ былъ ѣхать въ другое мѣсто (послѣдовали союзы, которые явились для укрѣпленія вліянія его самого и лицъ, ему помогающихъ въ дипломатическомъ корпусѣ, которыхъ я уже описывалъ, какъ корифеевъ войны). Этотъ союзъ, продиктованный общимъ сознаніемъ ошибокъ отдѣльныхъ входящихъ въ него лицъ и шаговъ, предпринятыхъ его врагами, становится страшнѣе, чѣмъ когда-либо, благодаря присоединенію къ нему г-жи Нарышкиной. Судя по страстямъ и принципамъ, одушевляющимъ этотъ союзъ, приходится предполагать, что если представится случай, то онъ сдѣлается опаснымъ для мира и нашихъ интересовъ и вреднымъ для тѣхъ надеждъ, которыя Пруссія могла бы со своей стороны видѣть въ искреннемъ и сердечномъ сближеніи съ здѣшнимъ кабинетомъ.

Я знаю, что ненависть къ Пруссіи княгини Чарторыйской сыграла не малую роль въ обществѣ, собравшемся въ Пулавахъ, и въ совѣтахъ, клонившихся къ тому, чтобы напасть на Пруссію и силою увлечь ее въ коалицію. Эта женщина сохранила самое непримиримое воспоминаніе о томъ, какъ она стояла на колѣняхъ передъ маркизомъ Луккезини во время послѣднихъ переговоровъ о свободѣ Польшѣ, предшествовавшихъ ея гибели и раздѣлу ея владѣній. Она пошла на это униженіе, чтобы добиться помощи Пруссіи въ пользу избранія ея сына, того самаго, который теперь здѣсь министромъ, и попытаться отклонить эту державу отъ кандидатуры намѣченнаго ею принца Людвигъ Вюртембергскаго, котораго она предполагала возвести на польскій престолъ. *Manet alta mente repostum!* Вотъ почему князь Чарторыйскій показалъ себя достойнымъ отпрыскомъ фамиліи, которая давно уже питаетъ къ Пруссіи глубокую вражду, и именно тогда онъ получилъ самую могущественную поддержку. Изъ моего бюллетеня № 1 видно, по какимъ особеннымъ причинамъ присоединился къ этой цѣпи оппозиціи Новосильцовъ, противъ которой всѣ усилія и всѣ хитрости Пруссіи, какъ бы онѣ ни были ловки, грозятъ остаться безплодными, и эта партія будетъ держать въ рукахъ императора, каковы бы ни были его личныя впечатлѣнія и мнѣнія. И я повторяю, что понадобится необыкновенное стеченіе обстоятельствъ, чтобы все это перемѣнилось. Наблюдатели могли убѣдиться въ этой истинѣ, даже вопреки самымъ яркимъ выраженіямъ благосклонности и отличіямъ, которыя императоръ оказалъ герцогу Брауншвейгскому. Въ тотъ день, когда его высочество поѣхалъ въ театръ, Нарышкинъ, старшій братъ котораго занимаетъ должность главнаго директора теа-

тра, выбралъ для представленія «Тартюфа». Надо предварительно замѣтить, что такъ именно называли въ придворныхъ кружкахъ этого принца еще до его прибытія австрійскіе ставленники и его недоброжелатели, не знавшіе о цѣли его прибытія и утверждавшіе, что этотъ во всѣхъ отношеніяхъ почтенный принцъ—лжець, фарисей и чрезмѣрный льстець. Вотъ почему, когда герцогъ произнесъ у императрицы-матери пышную похвалу Россіи, воскликнувъ: «Съ какимъ изумленіемъ увидѣлъ бы Петръ Великій, если бы онъ могъ возстать изъ гроба, теперешнее довольство Россіи, увеличеніе ея благополучія, блескъ его имперіи», императрица дала ему отвѣтъ, двусмысленное значеніе котораго бросается въ глаза: «Да, ваше высочество, но развѣ и съ вашей стороны Фридрихъ Великій не могъ бы одинаково подивиться увеличенію его монархіи? Правда, онъ дѣйствовалъ иными средствами, т. е. болѣе экономно, съ меньшими издержками, чѣмъ въ тѣ времена».

Не успѣлъ герцогъ выйти, какъ всѣ придворные подняли крикъ и стали аплодировать тонкой насмѣшливости этого отвѣта, какъ будто бы они боялись, что императрица вложила ее въ свой отвѣтъ неумышленно.

Возвѣщая къ представленію «Тартюфа». Когда герцогъ появился въ императорской ложѣ, публика, ожидавшая, что вслѣдъ за нимъ войдетъ императорская фамилія, о пріѣздѣ которой ходили слухи, начала аплодировать, но, увидѣвъ только герцога, графа фонъ-деръ-Гольца и прикомандированнаго къ нимъ Нарышкина, стала шикать, стараясь показать, что она ошиблась. Тѣ, кому еще не открылъ глазъ этотъ первый моментъ, должны были почувствовать это еще яснѣе по замѣтному подчеркиванію, съ которымъ аплодировали стихамъ, которые въ концѣ пьесы произноситъ полицейскій, обращаясь къ Орегону:

Remettez- vous, monsieur, d'une alarme si chaude
 Nous vivons sous un Prince, ennemi de la fraude,
 Un prince dont les yeux se font jour dans les coeurs
 Et que ne peut tromper tout l'art des imposteurs.

Celui ci n'était pur pour le pouvoir surprendre
 Et de piéger plus fins ou le voit se defendre¹⁾.

Выборъ этой пьесы произвелъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что намѣчалась другая. Но Нарышкинъ, очевидно, захотѣлъ поступить одновременно гениально и по придворному и продержалъ насъ въ

¹⁾ Успокойтесь, сударь, отъ жестокой тревоги. Мы живемъ въ царствованіе государя, который врагъ всякихъ обмановъ, котораго глаза проникаютъ въ наши души и котораго не можетъ обмануть никакое искусство обманщиковъ Этому подъ силу оказалось обмануть его, и, какъ видно, самыя тонкія плутни не могутъ служить защитой».

театръ съ этой комедіей въ пяти актахъ, къ которой присоединилъ еще «Багдадскаго Калифа», до одиннадцати часовъ вечера. Нужно было видѣть перешептываніе, ироническія гримасы сидѣвшихъ въ креслахъ соучастниковъ Нарышкина, чтобы яснѣе понять его намѣренія. Тѣмъ не менѣе на проявленіе самой изысканной предупредительности, поскольку она исходила отъ императора, можно смотрѣть какъ на результатъ, одушевляющаго его желанія отблагодарить за всю дружественность, съ которой принимали въ Берлинѣ его и его брата, или дать понять о его болѣе серьезныхъ видахъ. Но что касается окружающей и господствующей вокругъ него партіи, то все это имѣетъ видъ лицемѣрія, замѣтнаго даже неопытному глазу. Новое доказательство этой истины можно найти въ тайныхъ интригахъ, которыя, какъ мнѣ извѣстно, происходили въ этотъ моментъ, чтобы найти средство замѣнить кѣмъ-либо другимъ Алонеуса ¹⁾, почти единственнаго человѣка среди русскихъ пословъ, который имѣетъ репутацію безпартійности и который по своему образу дѣйствій и увѣреннымъ принципамъ, несмотря на обвиненія въ слѣпой преданности прусскому двору и его проектамъ, сумѣлъ заставить оцѣнить себя здѣсь и полюбить въ Берлинѣ. Я не могу съ увѣренностью сказать, что эти интриги будутъ имѣть успѣхъ, но ему, навѣрно, будетъ трудно избѣжать бури, которая ему угрожаетъ.

Я вхожу въ эти подробности потому, что онѣ находятся въ связи съ тысячами другихъ обстоятельствъ, которыя показываютъ мнѣ, что если таковы въ глубинѣ души секретные планы этой партіи относительно Пруссіи, то это можетъ дать намъ понятіе о тѣхъ, которые она питаетъ относительно насъ. Съ другой стороны, эти случаи тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманіе, что тѣ же самыя лица относятся съ довѣріемъ къ генералу Мерфельду. Въ особенности я долженъ обратить вниманіе на то, что по этому поводу въ придворныхъ сферахъ обнаружилось довольно рѣдкое явленіе: я имѣю въ виду замѣтную разницу въ поведеніи общества и министровъ. Многія изъ высокопоставленныхъ лицъ не отдали визита австрійскому генералу, который дважды посылалъ къ нимъ свои визитныя карточки, но отъ нихъ не получилъ ни одной. По этому случаю говорили о графѣ Орловѣ. По крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно, что онъ въ новый годъ закрылъ свои двери австрійскому консулу, равно какъ и графъ Шуваловъ. Вообще Мерфельдъ встрѣтилъ въ столицѣ холодный пріемъ. Онъ могъ убѣдиться въ этомъ даже у министра Гурьева и у Волконскихъ, которые не отстаютъ отъ двора. Не жалѣютъ и сарказмовъ. Увидѣвъ его, нѣкто замѣтилъ своему сосѣду: «Поразительно, какъ онъ похожъ на Карла XII. Не находите ли вы, что эта виѣшность ему подходитъ болѣе всего?»

¹⁾ Русскій посланникъ въ Берлинѣ.

Пикантнѣе всего, что эти слова были обращены къ князю Чарторыйскому.

Арестъ генерала Мальтица и генераль-адъютанта Винцингероде, который слухи ставили въ связь съ послѣдними событіями въ Моравіи и о которомъ я сообщалъ въ прошломъ году въ своемъ бюллетенѣ за № 68, повидимому, превратился въ немилость, вслѣдствіе которой первый удаленъ въ Выборгъ, а второй до сихъ поръ долженъ жить въ имѣніи своей жены въ Польшѣ. Но теперь нѣтъ недостатка въ слухахъ, что эта опала постигла ихъ не столько вслѣдствіе подозрѣнія ихъ въ измѣнѣ въ пользу Австріи, сколько вслѣдствіе выговора, сдѣланнаго имъ императоромъ по поводу упущеній служебнаго характера, обнаружившихся въ нѣсколькихъ бояхъ.

Массовая раздача георгіевскихъ и владимирскихъ крестовъ, которую произвелъ монархъ послѣ кампаніи, актъ, который, какъ я уже говорилъ, онъ исполнилъ своею собственною властью, показался вообще скорѣе милостью гвардіи, чѣмъ заслуженной ею наградой. Вотъ почему я не могу изобразить достаточно сильно то глухое недовольство, которое царитъ въ арміи. Всѣ тѣ, которые съ отличіемъ служили при Екатеринѣ, уходятъ, какъ они выражаются, отъ «капральства» императора и великаго князя, говоря, что они могли видѣть, къ чему привели ихъ всѣ эти мелочи въ родѣ застегнутыхъ пуговицъ, перетянутыхъ талій и автоматическихъ движеній на парадахъ. Все это не то, что образуетъ армію, которую можно было бы выставить противъ непріятеля, въ особенности, когда командованіе ввѣряется людямъ молодымъ и неопытнымъ (намекъ на адъютантовъ императора, которые въ битвѣ подъ Аустерлицемъ скакали въ разныя стороны, развозя противорѣчивыя приказанія, что, конечно, не мало способствовало смѣшенію и безпорядку въ войскахъ въ моментъ схватки). Вотъ почему отставки сдѣлались столь частыми, что за послѣднія шесть недѣль всѣ газеты полны ими. Чтобы облегчить назначеніе новыхъ лицъ, императоръ долженъ быть издать указъ, по которому лица, желающія поступить на службу, должны обращаться непосредственно не къ нему, а къ военному министру, которому даны полномочія предоставлять имъ мѣста.

Среди отрядовъ, которые были отправлены къ мѣсту военныхъ операцій, больше всего пострадали отъ этой системы парадовъ и капральскаго духа войска, составляющія корпусъ, которымъ командовалъ великій князь. Трудно себѣ представить, какія мученія онъ заставлялъ ихъ терпѣть. (Извѣстно, что этотъ отрядъ составляла гвардія, прекрасный гарнизонъ Петербурга). Онъ требовалъ, чтобы весь путь до Ольмюца въ 1.500 верстъ, который былъ совершенъ усиленными переходами, солдаты, несмотря на трудность пути и неумѣстность украшеній, какъ на парадѣ, шли съ тѣмъ же равнѣніемъ и въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они проходили на смотрахъ

передъ императоромъ. Раздраженные и изнуренные подобными маршами солдаты, подъ тяжестью всего того, что имъ приходилось нести на себѣ, падали мертвыми направо и налево. Такимъ образомъ онъ, не желая разстаться съ своей методой, потерялъ при переходѣ до границы почти 2.000 человекъ. Съ офицерами обращались не лучше. Передъ отправленіемъ онъ установилъ длину и ширину ихъ чемодановъ, въ которыхъ могли быть только предметы самые необходимые для ихъ одѣянія, размѣры которыхъ были точно установлены. Онъ строго запретилъ брать съ собой экипажи и предметы комфорта. Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ этого распоряженія онъ на разсвѣтѣ ходилъ самъ, стараясь обнаружить, не нарушилъ ли кто-нибудь его. Онъ приказалъ сжечь нѣсколько кибитокъ, нагруженныхъ запрещенными вещами, которыя офицеры отправили впередъ, въ надеждѣ, что ихъ удастся скрыть отъ его бдительности. Онъ превратилъ ихъ въ пепель со всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ находилось. Одинъ офицеръ потерялъ такимъ образомъ всѣ деньги въ ассигнаціяхъ, которыя семья дала ему для облегченія походныхъ расходовъ. Вотъ почему тѣ, кто склоненъ оправдывать его пребываніе въ резервѣ во время битвы подъ Аустерлицемъ, говорятъ, что онъ поступилъ такъ изъ страха быть убитымъ своими же.

Напрасно полиція и почтовое вѣдомство старается слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что можетъ бросить лучъ свѣта съ этой стороны. Напрасно задерживали и захватывали почтовую корреспонденцію. Эти строгости заставили публику прилагать еще большія усилія, чтобы добраться до истины и фактовъ. Вотъ почему отвѣтъ князя Долгорукова, о которомъ я говорилъ въ № 30 моихъ бюллетеней, раздобывался съ своего рода неистовствомъ. Почтовые служащіе сдѣлали изъ этой рѣдкости предметъ выгодной спекуляціи. Въ Петербургѣ платили по пяти рублей, чтобы только прочесть въ теченіе нѣсколькихъ минутъ задержанную газету. Я знаю, что въ Москвѣ давали по тридцати рублей, чтобы получить возможность прочесть одинъ изъ этихъ знаменитыхъ бюллетеней, гдѣ говорилось о вѣтрогонахъ и представлялись другія болѣе тяжкія обвиненія, къ которымъ москвичи относились въ особеннымъ одобреніемъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, хоть это откроетъ глаза императору.

Изъ моей переписки можно было видѣть, какъ мало осуществилась эта надежда. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ на глазахъ событія развернулись совершенно иначе. Съ этого именно времени все было отравлено; шпіонство, въ особенности за мной, было установлено за всѣми, кто не принадлежитъ къ этой партіи, которая крѣпнеть со дня на день вслѣдствіе всеобщей къ ней ненависти и которая неминуемо произведетъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ новый взрывъ въ зависимости отъ того, заставятъ ли обстоятельства посредниковъ отложить его или приблизить. Единственный шансъ, остаю-

щійся друзьямъ этой страны, всецѣло зависить отъ политической системы, которую можетъ принять Фоксъ. А пока публичное обсужденіе дѣль въ англійскомъ парламентѣ открыло намъ большіе секреты. Восьмая отдѣльная статья присоединена къ союзному трактату и соглашенію о финансовой помощи, заключенное между Англійей и Россіей, показало участь, уготованную намъ въ случаѣ, если коалиція будетъ имѣть успѣхъ. Точно также пятая отдѣльная статья того же трактата объясняетъ Пруссіи ту нѣжность, которую до сего времени къ ней проявляли, и всѣ особенныя хлопоты, которыя безъ ея вѣдома были предприняты въ ея пользу въ апрѣлѣ прошлаго года.

Все доказываетъ яснѣе и яснѣе, что враждебность къ Австріи имѣетъ устойчивый характеръ. Я знаю отъ нѣсколькихъ раненыхъ русскихъ офицеровъ, которые только что вернулись сюда изъ Вѣны, что графъ Разумовскій ¹⁾, прощаясь съ ними, сказалъ: «До пріятнаго свиданія. Я надѣюсь, что вы, господа, съ вашими войсками скоро вернетесь въ эти окрестности».

Газета Архенгольда, давно уже не появлявшаяся здѣсь, въ началѣ этого года стала выходить снова, и ея январскій номеръ въ значительной степени обязанъ своимъ распространеніемъ политической статьѣ о новомъ королевствѣ, Баваріи, статьи, которая, по моему мнѣнію, вышла изъ-подъ пера австрійца, потому что въ концѣ концовъ она посвящена извращенію нашихъ политическихъ отношеній и своеобразному доказательству того, что мы становимся одинаково страшными и Пруссіи, и Россіи, что у обѣихъ этихъ державъ для того, чтобы парировать ударъ, есть только одно средство—тѣсный союзъ. Статья говоритъ въ томъ же духѣ и по поводу отношеній между Пруссіей и Россіей и оканчивается слѣдующими любопытными фразами: «При теперешнемъ нарушеніи европейскаго равновѣсія судьбы обѣихъ державъ—Пруссіи и Австріи—неразрывно связаны между собой. Паденіе одной державы неизбежно повлечетъ за собой паденіе другой. Горе той, которая падетъ первой. Но вдвое ужаснѣй будетъ судьба той, которая подпадетъ послѣдней общей судьбѣ нѣмецкихъ государствъ».

Между прочимъ я освѣдомленъ, что интриги, о которыхъ я говорилъ, съ каждымъ днемъ усиливаются вокругъ великой княгини. Чтобы отговорить ее отъ брака съ нашимъ принцемъ, стараются доказать ей несомнѣстимость всего того, что дѣлается у насъ, съ совершеніемъ этого акта. И сквозь все это не трудно предвидѣть рѣшеніе отказаться отъ этого проекта, который я считаю уже окончательно принятымъ.

Сама царствующая императрица не свободна, повидимому, отъ неудовольствія, которое возбуждаютъ здѣсь нѣмецкіе дворы. По

¹⁾ Графъ, впоследствии князь Андрей Разумовскій, русскій посланникъ въ Вѣнѣ,

крайней мѣрѣ, она никогда не казалась въ такомъ пренебреженіи и уединеніи. Это всѣмъ бросается въ глаза, и, согласуя свое поведеніе съ поведеніемъ окружающихъ императрицъ, она избавляетъ себя отъ непріятности и ненависти, которую всегда открыто проявляла къ Франціи и ея союзникамъ императрица-мать.

Государыня, занимающая тронъ вмѣстѣ съ Александромъ, при дворѣ кажется не всероссійской императрицей, а скорѣе лицомъ, стоящимъ, какъ мы, въ оппозиціи и въ немилости. Если прибавить къ этому духъ, который сквозитъ въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ Австрій, рѣчь англійскаго короля при открытіи парламента, въ которой онъ заявилъ, что русскій императоръ вѣренъ принципамъ, которыми руководствуется союзъ этихъ двухъ державъ, если вспомнить, что все это было скаазно вслѣдъ за прибытіемъ графа Строганова и посылкой депеши въ Лондонъ съ аустерлицкаго поля сраженія и, слѣдовательно, послѣ всѣхъ событій, которыя могли отмѣчать благопріятную перемѣну, если поразмыслить насчетъ прочнаго положенія и образа дѣйствій генерала Мерфельда, которые я послѣдовательно изложилъ, то можно будетъ судить, дѣйствительно ли мои опасенія имѣютъ основанія и позволялъ ли мой долгъ смягчать ихъ.

Я прибавлю еще одно соображеніе, необходимое для пониманія изложенныхъ въ этомъ бюллетенѣ подробностей— о планахъ, которые до сихъ поръ питали въ петербургскомъ кабинетѣ насчетъ Пруссіи, а именно: эти планы представляютъ полную противоположность съ теперешними заявленіями не столько относительно герцога Брауншвейгскаго, какъ это должно бы быть, сколько по адресу графа фонъ-дерь-Гольца. И эту противоположность, которая появилась особенно съ послѣднихъ чиселъ февраля, еще болѣе подчеркиваетъ замѣтное паденіе въ такой же мѣрѣ престижа соперницы Пруссіи. Съ этого времени общество стало относиться къ графу Мерфельду еще холоднѣе. Донесеніе о битвѣ при Аустерлицѣ, напечатанное въ петербургской газетѣ, которую я послалъ вамъ, должно звучать въ австрійскихъ умахъ не лучше той категорической статьи, которою князь Петръ Долгорукій отвѣчалъ въ 26 номерѣ «Гамбургской Газеты» на оправданіе, которое тамъ напечаталъ фонъ-Ностицъ по поводу своего поведенія въ дѣлѣ подъ Голлабрунномъ.

Въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, какъ то поднимавшееся, то опускавшееся вліяніе обѣихъ этихъ державъ на русскія дѣла измѣнилось со времени свиданія въ Мемелѣ. Кажется, какъ будто это повышение и пониженіе сдѣлались предметомъ биржевой спекуляціи, то проигрывающей, то выигрывающей въ ставкѣ на Петербургъ, смотря по тому, какой оборотъ принимаютъ политическія дѣла. Этой буссолью нельзя пренебречь при наблюденіяхъ. Она очень часто помогала мнѣ разбираться въ этой странѣ, гдѣ каждое движеніе

фавора имѣеть какое-нибудь значеніе, какое-нибудь измѣненіе въ отношеніяхъ текущаго момента, и въ этомъ случаѣ она не была для меня бесполезна.

БЮЛЛЕТЕНЬ

дополнительный къ моей политической корреспонденціи.

Рѣдкая эпоха представляетъ зрѣлище болѣе достойное вниманія, чѣмъ то, которое въ настоящее время представляетъ положеніе этой имперіи. Никогда сознаніе великой монархіи, несмотря на надѣтную маску и горделивую позу, не казалось такъ подавленнымъ упреками и горькими воспоминаніями. Шестьдесятъ дней какъ будто разрушили дѣло цѣлаго вѣка, неопытность и самонадѣянность въ одну рѣшающую минуту затемнили планы нѣсколькихъ славныхъ царствованій, разрушили славные труды Петра и Екатерины и заставили увянуть лавры Меншикова, Миниха, Румянцова, Потемкиныхъ и Суворовыхъ. Престижъ могущества и страха, которымъ Павелъ I ужаснулъ Европу, несмотря даже на свою непослѣдовательность и нелѣпую энергію, теперь отошелъ въ область преданій. Занавѣсъ разорвана. Побѣда при Аустерлицѣ, влекущая за собой свои неотразимыя послѣдствія, была пророчески названа удивительнымъ человѣкомъ, сумѣвшимъ ее закрѣпить за собой, «побѣдой Европы», и она дѣйствительно стала такой по своему смыслу. Россія въ настоящее время почти безъ союзниковъ, безъ внѣшняго вліянія, съ нетвердымъ внутреннимъ управленіемъ, лишенная своего протектората, оторванная по своему географическому положенію, которое представляло ея главную силу, предстала передъ глазами изумленной Европы въ обнаженномъ видѣ, словно бездыханный трупъ гиганта, чудовищный ростъ котораго давно ей внушалъ страхъ.

Множество ошибокъ и дѣйствій, чуждыхъ истиннымъ интересамъ Россіи, политика то австрійская, то англійская, вмѣсто того, чтобы быть національной, тронъ, занятый безхарактернымъ молодымъ человѣкомъ, окруженнымъ и руководимымъ фаворитами, съ добрымъ сердцемъ, всегда робкимъ отъ сознанія своей посредственности, не вооруженнымъ ни желѣзнымъ скипетромъ, ни желѣзной головой, одинокимъ среди наиболѣе испорченнаго двора, самаго невѣжественнаго и самаго тщеславнаго, — вотъ, безъ сомнѣнія, причины, которыя повлекли къ столь унижительнымъ послѣдствіямъ, вотъ впечатлѣнія, которыя невольно проглядываютъ на лицахъ, на которыхъ еще недавно сіяли самыя ненавистныя и самыя дерзкія надежды.

Если военныя неудачи и отвращеніе къ войнѣ привели, какъ я уже говорилъ въ своемъ бюллетенѣ за № 2 по поводу событій послѣдней войны, къ многочисленнымъ отставкамъ и подготовили значительное число ихъ къ будущему сентябрю, срокъ, къ которому приурочены просьбы такого рода, то политическіе результаты молча обнаруживаютъ тѣ же самые признаки упадка духа въ государственномъ управленіи и министерствѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей, министръ финансовъ графъ Васильевъ, министръ юстиціи князь Лопухинъ, московскій генераль-губернаторъ Беклешовъ, г. Алопеусъ и многіе другіе высокопоставленные люди стараются посредствомъ предстоящей имъ отставки, о чемъ они уже возбудили ходатайство, изъять свое имя изъ современной лѣтописи и избавиться отъ будущаго сотрудничества, которое, по ихъ взгляду, не можетъ не быть безславнымъ. Словомъ, это гигантское государство, лишенное той нравственной силы и силы общественнаго мнѣнія, которыя главнымъ образомъ и создаютъ уваженіе къ государству, дошло до того, что, несмотря ни на какую позицію, которую оно захочетъ или будетъ въ состояніи занять въ будущемъ, оно должно бояться за свои собственные ресурсы, за самыя дорогіе свои интересы, послѣ того, какъ оно присутствовало при отложеніи, пораженіи или гибели своихъ союзниковъ и не отомстило за все это.

Не излагая здѣсь еще разъ событій, о которыхъ я уже говорилъ, стоитъ остановиться на одну минуту на прибытіи въ Константинополь Леру. По требованію простаго секретаря, посланнаго императоромъ Наполеономъ, диванъ, покорный со времени французской революціи былъ покоренъ рѣшеніямъ петербургскаго кабинета, теперь ломаетъ съ нимъ копья и сбрасываетъ цѣпи, которыя политика, сила и подкупъ, казалось, одинаково сдѣлали крѣпкими. И то же самое русское министерство, которое ежегодно тратило милліоны, чтобы держать въ своихъ рукахъ сераль, проникать въ его тайны и направлять его дѣйствія, министерство, у котораго на жаловань были всѣ драгоманъ, готовые къ его услугамъ, теперь для того, чтобы воспротивиться этой перемѣнѣ, не можетъ сдѣлать ничего, кромѣ бесполезныхъ усилій и тщетныхъ протестовъ. Ничто не могло произвести такого огромнаго впечатлѣнія на умы, какъ это важное событіе. Все, что я могъ бы сказать по этому поводу, отставало бы отъ дѣйствительности. Франція, угрожая то своей арміей, то своимъ вліяніемъ на Востокъ и на Зундъ, казалось, заявляетъ Россіи, что скоро она будетъ въ состояніи по своему усмотрѣнію запираеть оба выхода для сбыта ея произведеній, этого единственнаго источника ея богатства и торговаго благосостоянія.

Сѣверная Азія, гдѣ одно чувство страха передъ русскимъ оружіемъ одерживало побѣды, гдѣ сосѣдніе, пограничные съ имперіей

народы стали мало-по-малу ея покоренными данниками, повидному, если не освобождается отъ этого ига, то, по крайней мѣрѣ, становится для Россіи театромъ новыхъ бѣдствій, новыхъ униженій. Двѣ кампаніи противъ Персіи, одна за другой, привели лишь къ тому, что, несмотря на успѣхи, въ которыхъ крылся источникъ будущихъ пораженій и опустошеній, свойственныхъ этому климату, русскіе потеряли двухъ генераловъ и двадцать тысячъ людей. Посольства, торжественно возвѣщенные и снаряженные, которымъ было поручено передать императорамъ Японіи и Китая великолѣпные подарки, надъ приготовленіемъ которыхъ столичныя фабрики трудились цѣлый годъ, получаютъ приказаніе вернуться. Ихъ отправляютъ обратно послѣ того, какъ русское правительство напечатало для свѣдѣнія Европы пышные отчеты о блестящемъ приѣмѣ и благосклонности, съ которой были приняты его послы. Къ этимъ послѣднимъ событіямъ будетъ небезынтересно прибавить событія, которыя помогаютъ уяснить себѣ важность всего происшедшаго. Россія предприняла эту войну съ Персіей не столько для того, чтобы отомстить персамъ за ихъ набѣги на Грузію, сколько съ цѣлью закончить завоеваніе этой провинціи и присоединить къ владѣніямъ имперіи все, что находится между Чернымъ и Каспійскимъ морями.

Главная цѣль этой войны заключалась, безъ сомнѣнія, въ томъ, чтобы овладѣть Баку, лучшимъ портомъ въ южной части Каспійскаго моря, расположеннымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ плаваніе становится безопаснымъ, гдѣ противъ Барферуша находится наиболѣе удобный проходъ во внутреннюю Азію, который могъ бы открыть дорогу и въ Индію. Форстеръ, сдѣлавшій путешествіе отъ Бенгаліи до Петербурга, назвалъ въ своемъ сочиненіи эту дорогу весьма удобной. Въ этомъ и могла заключаться тайная причина войны, о чемъ, однако, знаетъ Англія, которой не нужно угадывать ее. Но, кромѣ этой, какъ я укажу далѣе, неудачѣ русскаго посольства въ Китаѣ, могла содѣйствовать и еще одна причина, рядомъ съ нѣкоторыми другими, менѣе важными обстоятельствами.

Впрочемъ, смерть подъ стѣнами Баку князя Циціанова, о которомъ я писалъ въ моемъ бюллетенѣ за № 27, послужила большей радостью для русскои арміи, чѣмъ для персовъ. Грузинъ родомъ, князь Циціановъ сохранилъ въ своемъ характерѣ вспылчивость и азіатскій деспотизмъ, который дѣлалъ изъ него не вождя, а тирана его арміи. Я зналъ нѣсколькихъ генераловъ, служившихъ подъ его начальствомъ: князя Волконскаго, Талызина, князя Вяземскаго, и всѣ трое должны были просить о переводѣ вслѣдствіе дерзостей, униженій и насилій, которымъ они подвергались, и, въ свою очередь, дать отставку начальникамъ частей, бывшихъ подъ ихъ командой. Такимъ образомъ я мало-по-малу узнаю, что лица, которыя, какъ мы видѣли, обивали въ Петербургѣ пороги перед-

нихъ, эти самыя лица, получивъ власть, вдали отъ него, проявляютъ такое самовластiе, требуютъ такого почитанiя себя и такихъ проявленiй почестей, коихъ даже не воздають императору въ столицѣ. Счастье, если эти злоупотребленiя не выходятъ изъ сферы, окружающей самого сатрапа. Но обыкновенно онъ безъ всякой человѣчности давить силою своей власти на народъ. Здѣсь онъ считаетъ, что ему все позволено, ибо онъ владѣеть всѣми доступами къ власти, является и судьей, и стороною. Замѣчанiе, всегда оправдывающееся въ этой странѣ: чѣмъ добрѣе, человѣчнѣе, снисходительнѣе монархъ, тѣмъ жесточе угнетаютъ народъ его ставленники, не боящіеся воздѣйствiя на нихъ верховной власти. Потери русскихъ были чувствительны не вслѣдствiе смерти этого князя. Чтобы оцѣнить событiя, мною изложенныя, надо остановиться на причинахъ, приведшихъ ихъ къ пораженiямъ и несчастiямъ въ этой странѣ.

Свѣдѣнiя самыя вѣрныя, которыя я получилъ отъ служившихъ тамъ офицеровъ, доказываютъ мнѣ, что въ Персiи можно было одержать побѣду, не подвергая себя потерямъ, но что тамъ почти всегда боролись безъ особенной славы. Способъ, которымъ эти варвары ведутъ войну, есть скорѣе способъ флибустьеровъ, способъ междоусобной войны, чѣмъ обычной войны одной державы противъ другой. Ихъ армiя, напоминающая на половину европейскiя войска, на половину армiю кочевниковъ, пользуется своимъ прекраснымъ знакомствомъ съ горами, укромными мѣстами, дорогами, ущельями и бродами. Со всѣхъ сторонъ персы бросаются назадъ и впередъ, нападая на фланги армiи, и потомъ обращаются въ бѣгство. Сопротивленiе они оказываютъ только въ засадѣ. Здѣсь храбрость и тактика, конечно, очень часто одерживаютъ верхъ, но всегда съ потерями. Такимъ образомъ они всегда тревожатъ армiю, не даютъ ей отдохнуть. Наступаютъ сильныя жары, и армiя, даже при побѣдоносномъ наступленiи, истощается. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, невыносимый климатъ, вызывающiй болѣзни, довершаютъ ея ослабленiе. Начинается отступленiе. Въ этотъ моментъ превосходство переходитъ на сторону варваровъ: они внезапно нападаютъ на отряды и вырѣзаютъ ихъ, постоянно предпринимаютъ внезапныя атаки, убиваютъ отставшихъ и больныхъ. Остатки армiи съ трудомъ наконецъ достигаютъ какого-нибудь мѣста или какой-нибудь позицiи въ Грузiи. Здѣсь слухи о пораженiи и надежда стряхнуть съ себя иго вооружили уже новыхъ враговъ, которыхъ приходится укрощать. Кампанiя кончена. Вотъ вѣрная исторiя двухъ лѣтъ войны въ этой части Азiи.

Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что Англiя, всегда внимательная къ тому, чтобы запереть даже самыя отдаленныя подступы къ Индiи всякой европейской державѣ, а особенно Россiи, планы которой она уничтожаетъ съ особымъ усердiемъ и ловкостью, не мало со-

дѣйствовала возбужденію этихъ народовъ при помощи своихъ индійскихъ эмиссаровъ и своихъ связей съ шейхами и афганцами, которые имѣютъ болѣе или менѣе тѣсное соприкосновеніе съ теперешней Персіей. Все это дѣлалось для того, чтобы побѣды Россіи не привели ее въ соприкосновеніе съ Индіей, которая могла бы въ будущемъ открыть ей заманчивыя перспективы и раскрыть ей глаза на блестящія возможности, которыя Англій важно скрыть отъ этой державы. При помощи старыхъ укоренившихся предразсудковъ, своихъ капиталовъ и золота, предназначеннаго для подкупа нѣкоторыхъ нужныхъ лицъ, Англія держитъ эту державу въ опекѣ, возмутительной даже для посторонняго зрителя. Ничто не доказываетъ такъ узость мысли и близорукость, съ которыми управляется эта имперія, гдѣ торговля, военный флотъ, благотворительныя учрежденія, министерство народнаго просвѣщенія, академіи, фабрики,—являются уже съ давнихъ поръ предметомъ роскоши и политическаго обезьянства. Все это можетъ производить впечатлѣніе издали, но не въ состояніи ввести въ обманъ тѣхъ, кто изучалъ нравы, администрацію, характеръ ея управленія, географію и рабство народовъ Россіи. Варварство еще долго будетъ просвѣчивать сквозь лоскъ цивилизаціи, блестящая виѣшность которой можетъ обмануть прохожаго, подобно блуждающимъ огнямъ, которые увлекаютъ путешественника въ неизвѣстную страну. Но этотъ лоскъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ для монархіи, онъ гложетъ и тайно разъѣдаетъ ее, мѣшаетъ незамѣтному и методическому воздѣйствію природы и благодѣтельному вліянію свѣта, который движетъ соки во всѣхъ ея частяхъ и угрожаетъ сразу перевести ее изъ равняго дѣтства въ дѣтство старости, не давая ей пройти черезъ блестящій промежуточный періодъ юности и зрѣлаго возраста.

Я могу слегка только затронуть здѣсь этотъ вопросъ, не разбирая его, какъ онъ того заслуживаетъ. Это составило бы тему для цѣлаго мемуара. Возвращаюсь къ англійскимъ проискамъ, поскольку они имѣютъ отношеніе къ крушенію русскихъ плановъ насчетъ Китая и Японіи.

Достаточно, конечно, того, что посольства въ Китай и Японію были затѣяны министерствомъ торговли и преслѣдовали цѣль явно коммерческую. Это заставило Англію, дѣла которой процвѣтаютъ въ Китаѣ день ото дня, оказать противодѣйствіе видамъ Россіи и, насколько возможно, оградить себя отъ ея конкуренціи и ея участія въ богатыхъ барышахъ, которые она извлекаетъ изъ этой части свѣта и которыми она лишь съ сожалѣніемъ дѣлится съ Америкой, устранивъ оттуда большею частью Голландію. Тѣмъ же способомъ она дѣйствуетъ и противъ русскихъ учреждений на сѣверовосточномъ берегу Америки по ту сторону Камчатки, надъ уничтоженіемъ которыхъ она работаетъ неустанно. Американскій консулъ и лица, посылаемые въ эти мѣста русскимъ правительствомъ, не скрывали

отъ меня этой истины, не смѣя въ то же время сообщить ее правительству. Даже туземцы боятся усиленія англійскаго вліянія въ ихъ странѣ и тѣхъ средствъ, которыми она будетъ вредить всѣмъ, кто покажетъ себя ея врагами. Эти самыя лица думаютъ, что англичане, къ которымъ Китай, говорятъ, обнаруживаетъ гораздо большую благосклонность изъ тѣхъ же цѣлей, коварно раскрыли ему тайныя намѣренія, въ которыхъ подозрѣвали русское посольство. Этотъ фактъ, а также затрудненія, созданныя графомъ Головкинымъ и инцидентъ съ Резановымъ, о которомъ я скажу ниже, безъ сомнѣнія, и вызвали эти неудачи. Каковы бы ни были причины, но нѣтъ человѣка менѣе пригоднаго для поста, на которомъ надо было приспособляться къ чужимъ обычаямъ, нравамъ и привычкамъ, чѣмъ этотъ графъ Головкинъ. Это—лживый и тонкій придворный и въ то же время наглый, надменный и нетерпимый, какъ скоро онъ можетъ управлять и повелѣвать чѣмъ-нибудь. Въ этомъ отношеніи его характеръ былъ настолько извѣстенъ, что всѣ молодые люди, его родственники и нѣкоторые другія лица, поторопившіеся пристроиться къ этому посольству, узнавъ о неограниченныхъ полномочіяхъ, данныхъ императоромъ послу, хотѣли отказать отъ мѣста, но было уже поздно. По дорогѣ у него возникали безчисленныя столкновенія какъ съ лицами его свиты, такъ и съ мѣстными губернаторами. Дѣло дошло до того, что въ Иркутскѣ смѣнили сибирскаго губернатора, о которомъ онъ отправилъ въ министерство самый неблагопріятный отзывъ. Нѣсколько ученыхъ, въ родѣ астронома Шуберта, присоединившись къ этому дипломатическому каравану въ надеждѣ на открытія и по своему рвенію къ наукѣ, разстались съ нимъ въ дорогѣ. Но не все ли имъ равно? Я уже сказалъ, что это порученіе было возложено на Головкина только для того, чтобы удалить его изъ Петербурга, въ увѣренности, что онъ самъ сломаетъ себѣ шею. Вотъ почему слѣдуетъ прислушиваться къ тому, что говорятъ о его надменности, его невѣжливымъ отказамъ, о его характерѣ и о постигшемъ его паденіи, которое онъ приписываетъ отсутствію инструкцій и глупости министра торговли, мѣста котораго, какъ я знаю, онъ уже нѣсколько лѣтъ добивается. Вотъ вамъ образчикъ патріотизма въ этой странѣ.

Я долженъ, однако, прибавить къ этимъ свѣдѣніямъ, что поведеніе г. Резанова должно быть въ особенности благопріятно тайнымъ и давнимъ прояскамъ Англии. Этотъ посланникъ, ухвативъ, какъ я уже сообщилъ въ своихъ письмахъ, изъ Японіи и сдѣлавъ экскурсію на Алеутскіе острова, направился моремъ въ Кантонъ, не предвидя тѣмъ случайностей, вслѣдствіе которыхъ прибытіе русскаго посольства въ Китай замедлилось на два мѣсяца, и, не догадываясь, что неожиданное его появленіе можетъ быть истолковано въ другую сторону и расчитывая найти все въ лучшемъ видѣ, онъ вошелъ въ этотъ китайскій портъ на одномъ изъ вооруженныхъ судовъ экспе-

дипліи Крузенштерна. О нежданномъ появленіи иностраннаго фрегата было немедленно доложено китайскому императору. Послѣ непріятностей, которыя онъ имѣлъ съ графомъ Головкинымъ на границѣ, императоръ усмотрѣлъ въ этомъ враждебный насильственный актъ и приказалъ захватить корабль, его экипажъ и г. Резанова и въ то же время отправилъ приказъ остановить и отослать обратно посольство, направлявшееся въ это время въ Пекинъ, до котораго оно такъ и не добралось.

Послѣ прибытія прикомандированнаго къ этому посольству молодого Гурьева, который пріѣхалъ сюда курьеромъ, распустили слухи, что послѣ дружественныхъ разъясненій относительно всего происшедшаго, данныхъ китайскому императору Головкинымъ въ то время, когда онъ возвращался на русскую границу, затрудненія были сняты и Резановъ отпущенъ на свободу. Чтобы дать еще болѣе явное удовлетвореніе императору Александру, мандарину, на котораго былъ возложенъ пріемъ и представленіе русскаго посольства, отрубили голову. Я еще не знаю, въ какой степени заслуживаетъ довѣрія это извѣстіе, распространенное агентами правительства, но оно находится въ противорѣчій со всеміи секретными и специальными свѣдѣніями.

Необдуманнѣйшій образъ дѣйствій г. Резанова, безъ сомнѣнія, носитъ характеръ неопытности и грубаго незнанія, но мы уже привыкли видѣть, что здѣсь дають и мѣста и отличія такимъ взбалмошнымъ людямъ, которые ни о чемъ не догадываются и воображаютъ, что они могутъ исполнять самыя важныя должности только по тому одному, что они на нихъ назначены. Они подбираютъ для себя обыкновенно всякія ничтожества и вслѣдствіе своей неспособности дѣлаются ихъ данниками и рабами. А эти люди, ищущіе обогащенія и большую часть жизни проведеншіе въ бѣдности, устраиваютъ аукціонъ, смотря по важности дѣлъ, подвѣдомственныхъ имъ начальникамъ. Черезъ нихъ лучше всего можно проникнуть въ разные секреты и подробности. Но для этого нужны деньги. Такими дѣльцами, къ которымъ сходятся все дѣла, являются въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ нѣкій Сперанскій, у товарища министра этого министерства графа Строганова—нѣкій Кутайсовъ, у Новосильцова—Дружининъ. Изъ этого порядка исключеній мало. Это по отношенію къ внутреннему управленію. Если же прибавить сюда за границей Разумовскихъ и Воронцовыхъ, то нечего удивляться отсталости этой имперіи. Насчетъ подкупа этихъ двухъ русскихъ пословъ въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ—я здѣсь даже открылъ недвусмысленныя доказательства. Оберъ, бывший директоромъ канцеляріи департамента иностранныхъ дѣлъ со времени Екатерины II при разныхъ министрахъ—графъ Панинъ, Безбородко, Ростопчинъ, Александръ Куракинъ, чловѣкъ, выдвинувшійся своей проsvѣщенностью, систематичностью и политическими познаніями,

разсказывалъ мнѣ, что Воронцовъ всякій разъ, какъ министерство давало понять, что оно не согласно съ тѣмъ, что онъ требовалъ въ пользу британскаго правительства, писалъ въ министерство столь рѣзкія донесенія, что однажды графъ Панинъ, свидѣтельство котораго нельзя подозрѣвать, положилъ Оберу (Aubert) на столъ выдержку изъ одного такого донесенія и спросилъ его, что онъ объ этомъ думаетъ. Прочитавъ бумагу, Оберъ сказалъ: «Я нахожу, что сентъ-джемскій кабинетъ ужъ слишкомъ не стѣсняется въ своемъ образѣ дѣйствій и принимаетъ такой тонъ, какъ будто онъ приказываетъ, а не проситъ насъ». — «Но все, что я вамъ далъ прочесть, идетъ отъ Воронцова», отвѣчалъ графъ Панинъ. Тотъ же самый Оберъ сообщилъ мнѣ по секрету, что онъ вышелъ изъ послѣдняго министерства Куракина, гдѣ онъ дѣлалъ всѣ дѣла, только потому, что назначеніе старика Воронцова канцлеромъ показало ему, что не на что больше разсчитывать и что Россія болѣе, чѣмъ когда-либо, будетъ игрушкой Англіи. Подтвержденіемъ этого послужила недавно непріятность, которой онъ подвергся во время постыднаго возобновленія торговаго договора съ Англіей. Замѣчанія на этотъ договоръ, которыхъ отъ него требовали и въ которыхъ онъ высказался противъ возобновленія трактата и привелъ цѣлый рядъ соображеній, ужаснувшихъ англійскую партію, навлекли на него ненависть. Чтобы показать, что ее не считаютъ даже нужнымъ скрывать, его лишили подарка, который полагался ему по должности послѣ заключенія трактата. Если присоединить все это къ тому, что я уже говорилъ въ моихъ предшествовавшихъ бюллетеняхъ, и прибавить сюда еще достовѣрный фактъ, что англійскіе послы часто прибѣгали къ сверхсмѣтнымъ кредитамъ и въ одинъ годъ расходовали до милліона фунтовъ стерлинговъ, то можно будетъ видѣть, до какой степени пустили корни въ Петербургѣ власть и подкупъ со стороны сентъ-джемскаго кабинета и сколькими средствами онъ здѣсь располагаетъ:

Доказательство подкупа Разумовскаго еще болѣе существенно. Бывшій цензоръ, а нынѣ директоръ одной изъ только что открывшихся казенныхъ гимназій, статскій совѣтникъ Энгельбахъ увѣрялъ меня, что послѣ смерти бывшаго посла въ Парижѣ Колычева ему было поручено семьей покойнаго пересмотрѣть и привести въ порядокъ его бумаги. Среди другихъ замѣчательныхъ вещей онъ нашелъ точный счетъ, написанный и присланный д'Антрегомъ, тѣмъ суммамъ, которыя были въ разное время даны Разумовскому вѣнскимъ дворомъ или же уплачены за него. Общій итогъ этого счета доходилъ до шести милліоновъ флориновъ.

... Не знаю, представили ли императору эту картину ненадежности его посла, но отъ того же Обера я знаю, что въ началѣ царствованія, во время министерства князя Куракина, ему часто приходилось имѣть въ рукахъ депеши Разумовскаго, на которыхъ въ томъ мѣ-

стѣ, гдѣ посолье выражалъ завѣреніе въ своемъ усердіи и вѣрности, императоръ иронически писалъ карандашомъ саркастическія замѣчанія, доказывавшія, какъ мало онъ ему вѣрилъ. Было бы непонятно, какъ въ виду такого мнѣнія о немъ императора посолье-взяточникъ могъ такъ долго оставаться на своемъ посту, если бы онъ не пользовался особымъ покровительствомъ князя Чарторыйскаго. Зато никто не удивится этому покровительству, если узнаетъ, что одно очень ловкое лицо, прикомандированное къ департаменту иностранныхъ дѣлъ, пробывъ нѣкоторое время въ Вѣнѣ, потомъ по возвращеніи своемъ передавало князю о мемуарахъ, которые явились плодомъ его наблюденій надъ дѣйствіями, средствами и планами этой монархіи. Но тотъ даже виду не показалъ, что слушаетъ его, и не обнаружилъ никакого желанія познакомиться съ этими мемуарами. Тогда тотъ замолчалъ и спряталъ свои мемуары въ портфель. Между тѣмъ событія оказались сильнѣе покровительства, оказываемаго графу Разумовскому, и теперь уже извѣстно, какъ я писалъ, что по данному ему приказанію онъ прислалъ 11-го (23-го) апрѣля прошеніе объ отставкѣ и только обстоятельства задержали до сего времени отъѣздъ его преемника. Князь Александръ Куракинъ человекъ честный и умѣренный, всегда всецѣло преданный своимъ государямъ. Онъ не обладаетъ блестящими способностями, но соединяетъ съ здравымъ смысломъ и безпристрастіемъ умѣнье выслушать хорошій совѣтъ. Его единственной страстью является чванство, а слабостями—проистекающіе отсюда наклонности и вкусы. Я полагаю, что мы одобримъ этотъ выборъ. Я всегда старался поддерживать съ нимъ добрыя сношенія, даже при моемъ теперешнемъ удаленіи отъ міра, и если у насъ продолжаютъ питать интересъ къ этому дѣлу, то нашему посланнику въ Вѣнѣ надо поддерживать эти связи при помощи знаковъ отличія, къ отнѣткамъ котораго князь очень чувствителенъ, и которыя ничего не стоитъ приправить такимъ образомъ, чтобы удовлетворить его самолюбію. Нѣкоторые полагаютъ, что его миссія въ Вѣнѣ есть только этапъ къ посольству въ Парижѣ, если отношенія между Россіей и Франціей, вмѣсто того, чтобы испортиться, снова наконецъ наладятся.

Если поразмыслить о щедрости русскаго правительства относительно Стадіона, то невольно начинаешь думать, что здѣсь намѣревались отплатить такимъ же подкупомъ, какъ и подкупъ со стороны вѣнскаго двора. Кромѣ великолѣпныхъ подарковъ, которые были даны ему и его женѣ, императоръ купилъ все, что еще оставалось: картины, вина, запасы, и все это по самымъ высокимъ цѣнамъ. Вспомнимъ, что тѣ же самыя приемы были пущены въ ходъ нѣсколько времени назадъ по отношенію къ графу Гольцу. Было извѣстно, что онъ имѣетъ долги и испытываетъ денежныя затрудненія. Ему сдѣлали весьма благовидныя предложенія и при томъ въ самой де-

ликатной формѣ, но онъ остался глухъ къ нимъ, и его честность отвергла всѣ предложенія, которыя ему были сдѣланы даже черезъ посредство князя Чарторыйскаго.

Не будетъ, конечно, неумѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о назначеніи маркиза де-ла-Мезонфора на небывалое до сихъ поръ мѣсто—повѣреннаго въ дѣлахъ русскаго двора при герцогѣ Брауншвейгскомъ. Тайная цѣль этой миссіи, если только обстоятельства ей позволятъ осуществиться, насколько я знаю по слухамъ, состоитъ въ томъ, чтобы установить контроль за русской миссіей въ Берлинѣ, въ особенности если предположить, что г. Алопеусъ могъ бы еще остаться тамъ, а на сѣверѣ Германіи, гдѣ вліяніе Франціи растетъ съ такой быстротой, имѣтъ какого-нибудь корреспондента, способнаго слѣдить за движеніями различныхъ дворовъ, заключенныхъ въ этотъ кругъ, а также, пользуясь своими французскими связями, и за внутренней жизнью Франціи, поддерживая тамъ политическія движенія, которыя все еще являются мечтою нѣкоторыхъ головъ, и химерическія надежды, которыми они себя убаюкиваютъ.

Де-ла-Мезонфоръ постарался увѣрить всѣхъ, что онъ былъ близкимъ другомъ герцога Брауншвейгскаго во время своего многолѣтняго пребыванія въ его столицѣ, и далъ такимъ образомъ понятъ императорскому послу, что на будущее время онъ можетъ вліять на рѣшенія берлинскаго кабинета черезъ герцога, мнѣнія котораго пользуются большимъ вѣсомъ въ Пруссіи, даже у самого короля; что послѣ всего того, что было здѣсь во время его пребыванія, этого достигнуть не такъ уже трудно и что во всякомъ случаѣ это дастъ точку опоры для противодѣйствія французскому вліянію въ Берлинѣ и подготовить для петербургскаго кабинета обстоятельства, при помощи которыхъ впоследствии можно будетъ придать больше силы новымъ конъюнктурамъ. Уже во время пребыванія здѣсь герцога разсчитывали использовать болѣе производительно Мезонфора. Графъ фонъ-деръ-Гольцъ самъ увѣдомилъ объ этомъ свой дворъ и предупредилъ объ этомъ герцога. Онъ догадался объ этомъ по той торопливости, съ которой Мезонфоръ являлся къ нему каждый день справиться о днѣ его пріѣзда для того, чтобы, по его словамъ, выѣхать навстрѣчу своему покровителю и другу и дать его высочеству доказательство своей привязанности и признательности. Князь Долгорукій, съ которымъ онъ состоитъ въ тѣсной дружбѣ, отправился навстрѣчу герцогу именно отъ него. Отъ него же онъ получилъ указанія относительно того, какъ слѣдуетъ держать себя съ его высочествомъ.

По тѣмъ подробностямъ, которыя я сообщилъ о русскихъ послахъ за границей, легко будетъ усмотрѣть, что внутри имперіи найдется еще болѣе доказательствъ, до какой степени добрый Александръ позволяетъ увлекать себя даже противъ своего убѣжденія.

Этотъ государь въ общемъ отличается такую слабостью, вслѣдствіе которой гороскопъ его царствованія, несмотря на его хорошія буржуазныя качества, выходитъ не очень внушающимъ почтеніе и, можетъ быть, даже гибельнымъ для него. Послѣ трехъ лѣтъ царствованія всѣ его осуждаютъ; его дворъ, его армія и даже большая часть тѣхъ неблагодарныхъ людей, которые его окружаютъ, начинаютъ говорить о немъ между собою съ величайшимъ презрѣніемъ. Я самъ слышалъ, какъ между генералами и гвардейскими офицерами о немъ отзывались какъ о д и Распознавъ его, придворные до такой степени злоупотребляютъ его добротой, что когда имъ захочется получить ленту или какую-нибудь милость, они начинаютъ на него сердиться и такимъ образомъ достигаютъ своей цѣли. Изъ множества анекдотовъ на этотъ счетъ я расскажу только случай со смоленскимъ губернаторомъ и генераль-инспекторомъ находящихся въ этой губерніи войскъ, княземъ Борисомъ Голицынымъ. По-моему, этотъ случай наиболѣе изумителенъ и характеренъ. Когда князь Голицынъ пріѣхалъ въ Петербургъ, императоръ былъ недоволенъ имъ и, вопреки обычаю, установленному относительно губернаторовъ такого ранга, не пригласилъ его къ своему столу. Обиженный этой холодностью, князь, несмотря на это, явился въ обѣденный часъ въ гостиную, гдѣ обыкновенно собирались приглашенные къ обѣду. Прежде, чѣмъ выйти изъ своего кабинета къ столу, императоръ обыкновенно справлялся о тѣхъ, кто находился въ столовой. Оберъ-гофмейстеръ назвалъ между присутствующими и князя Голицына. Раздраженный императоръ послалъ спросить князя, какія у него дѣла во дворцѣ. Тотъ отвѣчалъ графу Толстому, что по праву, которое ему даетъ установленный этикетъ, онъ пріѣхалъ для того, чтобы обѣдать съ его величествомъ, въ полной увѣренности, что его не пригласили только по забывчивости. Императоръ, оскорбленный такимъ нахальствомъ, приказалъ оберъ-гофмаршалу удалить его и сказать, чтобы онъ сейчасъ же уѣзжалъ. Но этотъ трусливый придворный, опасаясь стать орудіемъ быстро проходящаго гнѣва монарха и оскорбить вліятельную семью, проситъ удалить его отъ исполненія этого приказанія и приводитъ ему вышеизложенныя причины.

— Въ такомъ случаѣ,—гнѣвно сказалъ императоръ,—позовите ко мнѣ военнаго губернатора. Можетъ быть, у него хватитъ характера исполнить мое приказаніе.

Является военный губернаторъ. Тѣ же возраженія, чтобы отклонить императора отъ этого рѣшенія, которое онъ считаетъ слишкомъ оскорбительнымъ. Императоръ незамѣтно стихаетъ и садится за столъ. Князь Голицынъ тоже садится, какъ ни въ чемъ не бывало, и добродушный монархъ приходитъ къ убѣжденію, что онъ уже достаточно отомстилъ ему тѣмъ, что не сказалъ съ нимъ

ни слова и пустиль противъ него нѣсколько саркастическихъ замѣчаній среди тѣхъ, кто сидѣлъ рядомъ съ этимъ безстыднымъ гостемъ. Послѣ обѣда князь Голицынъ, не говоря ни слова, уѣхалъ, а черезъ три дня совершенно спокойно отправился въ свою губернію. Никогда еще ни въ одной тайной исторіи какого-нибудь двора не рассказывалось о поступкѣ столь дерзкомъ, подрывающемъ почтеніе, уваженіе и повиновеніе своему монарху, которой едва ли можно было повѣрить послѣ предшествующаго царствованія и при томъ при дворѣ наслѣдника деспотическихъ русскихъ самодержцевъ. Вотъ почему можно видѣть, какъ ослабѣваютъ одна за другою всѣ пружины, всѣ устои въ этой монархіи. Все распатано, даже военная дисциплина, которую императоръ скорѣе видитъ въ костюмѣ, въ какой-нибудь пуговицѣ, въ вышукѣ, чѣмъ въ слѣпомъ и строгомъ повиновеніи, безъ которой не можетъ быть вооруженной силы. Когда одинъ офицеръ, по фамиліи Шоласъ, недавно принятый на службу, впервые являлся во дворецъ для представленія императору въ формѣ своего полка, императоръ, замѣтивъ, что воротникъ у него былъ не того цвѣта, приказалъ въ присутствіи двора арестовать его, отнял у него при всѣхъ шпагу и приказалъ отправить его на гауптвахту. Сконфуженный и испуганный такой суровостью, этотъ несчастный готовъ былъ съ отчаянія покончить съ собой. Конногвардейскій офицеръ Ланской, любимый адъютантъ великаго князя Константина, обязанъ своей немилостью, вслѣдствіе которой онъ былъ причисленъ къ послу Моркову въ Парижѣ, только пуговицѣ, которая не была застегнута около воротника. Это повлекло за собою сначала арестъ, потомъ такія строгости со стороны великаго князя, съ которыми не можетъ примириться честь и которыя заставили Ланского подать въ отставку.

Съ другой стороны, рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, недовольная слишкомъ частыми ученіями, которыя ей дѣлалъ ея капитанъ, собирается въ казармахъ, обсуждаетъ этотъ вопросъ и составляетъ на него жалобу. Капитанъ, узнавъ объ этомъ противозаконномъ собраніи своихъ солдатъ, приноситъ жалобу командиру полка. Но тотъ принимаетъ жалобу мятежниковъ, докладываетъ ее императору, который довольствуется лишь тѣмъ, что отправляетъ въ Сибирь наиболѣе мятежныхъ солдатъ и дѣлаетъ замѣчаніе командиру полка Депреядовичу за то, что онъ принялъ отъ нихъ жалобу.

Другой офицеръ, которому было приказано конвоировать съ отрядомъ въ 150 человѣкъ партію рекрутовъ, останавливается въ одной деревнѣ. Его солдаты, несмотря на его приказаніе, разбредаются, напиваются пьяными. Онъ хочетъ ихъ наказать, но они поднимаютъ мятежъ, хватаютъ его за воротъ и заставляютъ продолжать все, что имъ было угодно. Офицеръ донесъ обо всемъ импе-

ратору, который приказываетъ прогнать солдатъ сквозь строй, каждаго восемь разъ, и обрушиваетъ весь свой гнѣвъ на офицера, который былъ разжалованъ въ солдаты. Этотъ государь не умѣетъ ни наказывать въ-время, ни награждать. Онъ какъ будто хочетъ нанести смертельный ударъ самой благородной цѣли, съ которой даются воинскія награды, раздавая ихъ массами, безъ всякаго соображенія съ заслугами, какъ это онъ дѣлалъ со своими адъютантами.

Послѣ возвращенія гвардіи онъ поступилъ такъ же относительно почти всѣхъ офицеровъ гвардейскаго корпуса. Вслѣдствіе этого армія недовольна, прежніе служаки громко говорятъ, что они носятъ георгіевскіе кресты только потому, что ихъ сѣдые волосы и давность ихъ заслугъ свидѣтельствуютъ, что они получили ихъ раньше, а не теперь. Своихъ новыхъ сотоварищей недавняго производства они называютъ «кавалерами аустерлицкаго пораженія». Не могу сказать, до какой степени приниженъ и упалъ духъ арміи отъ сознанія того, что она уступила свое первенство, сознанія, замѣнившаго увѣренность въ ея непобѣдимости, которою она была проникнута. Умные люди приходятъ на этотъ счетъ къ признаніямъ, которыя съ каждымъ днемъ дѣлаются все единодушнѣе, и разоблаченія, въ которыхъ не приходится сомнѣваться, идутъ со всѣхъ сторонъ.

Въ различныхъ отрасляхъ внутренняго управленія гнетъ, отсутствіе правосудія, продажность, взяточничество, произволъ и деспотизмъ начальниковъ, легкій подкупъ подчиненныхъ еще болѣе подрываютъ любовь и уваженіе къ монарху народовъ и возбуждаютъ недовольство противъ него старинныхъ фамилій, удаленныхъ отъ власти и вліянія. Примѣры этого, которые я могъ привести, такъ многочисленны, что невозможно перечислить ихъ здѣсь. Достаточно сказать, что даже относительно сената, этого первенствующаго государственнаго учрежденія, какъ политическаго, такъ и судебного, существуютъ списки или такса взятокъ. Списки эти обращаются между адвокатами и служатъ основаніемъ при ихъ соглашеніи съ тяжущимися. Лучшій способъ подсчитать массу контрабанды, ввезенной въ ту или иную часть имперіи, это подсчитать внесенные на храненіе капиталы начальниковъ главныхъ таможенъ. Начальство горныхъ заводовъ эксплуатируетъ ихъ скорѣе для себя, чѣмъ для правительства. Завѣдующій почтой, принимающей только письма, идущія за границу, собираетъ съ однихъ лишь торговцевъ Петербурга болѣе 200 тысячъ рублей незаконныхъ сборовъ. Я могу ручаться за это, такъ какъ онъ самъ, безъ всякаго стѣсненія, говорилъ мнѣ объ этомъ. Я говорю обо всемъ этомъ лишь вкратцѣ, ибо я никогда бы не кончилъ, если бы вздумалъ коснуться этой стороны разныхъ отраслей управленія. И все это происходитъ на глазахъ императора. Судите сами, какое

ужасное зрѣлище представляетъ это взяточничество, которое по мѣрѣ удаленія отъ столицы увеличивается въ геометрической прогрессіи. Вотъ почему бразды правленія ослабли, и все соскакиваетъ со своего стержня. Въ совѣтѣ, если иногда нѣкоторые мужественные и просвѣщенные люди и призываютъ истину на помощь интересамъ государства, если императоръ и самъ чувствуетъ эту истину и подъ вліяніемъ своего добраго сердца видитъ ее, то приближенные, которымъ онъ наиболѣе вѣритъ, стараются тотчасъ же ее затемнить. Я уже говорилъ о нихъ и характеризовалъ ихъ настолько, что нѣтъ надобности вновь распространяться о ихъ воззрѣніяхъ, о ихъ не-вѣжествѣ и наглости.

Недостатокъ энергіи и характера, въ которыхъ, по-моему, ни одинъ монархъ не нуждается до такой степени, какъ государь, призванный занимать этотъ тронъ, этотъ недостатокъ русскіе приписываютъ главнымъ образомъ воспитанію, которое получилъ этотъ государь. Я не достаточно хорошо знаю Лагарпа, но его упрекаютъ въ томъ, что принципы, которые онъ внушилъ своему ученику, не соотвѣтствуютъ тому назначенію, къ которому тотъ призванъ. Несомнѣнно, здѣсь коренная ошибка, но нашъ Александръ, навѣрно, былъ бы очень хорошимъ гражданиномъ въ Бернѣ или какимъ-нибудь превосходнымъ маркграфомъ. Его наклонности, его вкусы, даже самая его доброта дѣлаютъ его иностранцемъ въ его собственной странѣ, гдѣ онъ всегда будетъ только добрымъ императоромъ, который плохо будетъ хранить достояніе своихъ предковъ и значительно ухудшитъ его и который кончитъ, можетъ быть, тѣмъ, что самъ станетъ его жертвой. Никогда еще государь не былъ до такой степени не на высотѣ своей страны и изумительныхъ обстоятельствъ и событій этого вѣка. Ему никогда не забудутъ его бѣгства подъ Аустерлицемъ и перваго проявленія страха и отращенія къ войнѣ послѣ битвы, въ которой онъ, однако, показалъ нѣкоторое мужество. Все это событія въ его жизни, которыя трудно поправить въ глазахъ Европы, его собственнаго народа и въ особенности русской арміи, храбрость, увѣренность и стремительность которой зависятъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, отъ поведенія и примѣра ея вождей. Въ то же время онъ обнаруживаетъ ту тонкость впечатлѣній, которой характеризуется слабость характера и въ которой большую часть и слѣдуетъ искать причину колебаній и политическихъ перемѣнъ, которыя, какъ мы уже видѣли и еще увидимъ, будутъ происходить въ разныхъ направленіяхъ.

Когда я переносусь къ началу царствованія этого государя, я едва могу вѣрить всему тому, что происходитъ теперь. Видя новую организацію министерствъ, усиленіе власти сената, установленіе до нѣкоторой степени отвѣтственности министровъ, чело-вѣколюбивыя начала, которыя сказывались во всѣхъ актахъ,

нисходящихъ съ трона, и которыя должны были повести къ уничтоженію рабства крестьянъ, можно было сказать, что Александръ желаетъ распространить аѳинскую республику на имперію въ три тысячи лье протяженіемъ, съ населеніемъ, большею частью состоящимъ изъ варваровъ. Но въ то время онъ проводилъ интимные вечера у Лагарпа, совѣтовался съ нимъ и слушалъ его съ тѣмъ почтеніемъ, съ какимъ ученики Платона относились къ урокамъ этого знаменитаго философа. Извѣстно, что впоследствии этотъ столь любимый наставникъ былъ выпровоженъ и удаленъ въ тотъ моментъ, когда онъ рассчитывалъ вернуться въ Россію и ожидалъ на границѣ паспорта.

Императоръ въ началѣ своего царствованія относился къ Бонапарту съ энтузіазмомъ. Точно также первое время послѣ возвращенія съ поля битвы онъ говорилъ о его военныхъ талантахъ и великодушій съ удивленіемъ. По этому поводу я расскажу одинъ случай, который дастъ понятіе и о другихъ. Въ министерство графа Кочубея, непосредственно послѣ удаленія князя Куракина, надо было написать письмо Бонапарту, тогда еще первому консулу. Редакція этого письма была поручена императоромъ самому графу Кочубею. Два проекта, составленные министромъ, были одинъ за другимъ отвергнуты императоромъ, находившимъ, что въ нихъ не было тѣхъ оборотовъ, которые въ достаточной степени, какъ онъ того хотѣлъ, выражали бы особое уваженіе, которое онъ, по его словамъ, питалъ къ этому великому человѣку, и почтеніе, которое онъ хотѣлъ ему выразить. Наконецъ графъ Кочубей, потерявъ терпѣніе отъ такой неудачи, съ неудовольствіемъ бросилъ это письмо на столъ Обера и сказалъ ему: «Я только напрасно буду стараться. Императоръ все думаетъ, что я недостаточно польстилъ этому выскочкѣ. Попробуйте, можетъ быть, это удастся вамъ». Вотъ какія выраженія употреблялъ задѣтый за живое министръ. Оберъ набросалъ письмо, полное всякой лести, и онъ получилъ полное одобреніе.

Я вспоминаю, что въ началѣ моего пребыванія въ Петербургѣ, гдѣ я внимательно слѣдилъ за нововведеніями, которыя казались въ такомъ противорѣчій съ правительственными принципами одинъ старикъ, съ которымъ я говорилъ объ этомъ, безъ стѣсненія, сказалъ мнѣ: «Видно, что вы еще не знаете нашей страны. Года черезъ два все это будетъ заброшено и забыто». Въ самомъ дѣлѣ, облегченія, которыя принесли съ собою первые акты царствованія Александра и на которыя наложилъ руки царствующій въ дворянствѣ олигархическій духъ, въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время сведены на нѣтъ. Но подъ этими тайными замыслами тлѣетъ огонь, и событія могутъ вызвать взрывъ гораздо скорѣе, чѣмъ думаютъ. Императоръ иногда проявляетъ въ своихъ дѣйствіяхъ внезапность и упрямство, которыя онъ по своей добротѣ принимаетъ

за проявленіе властности и, повидимому, гордится этимъ. Но, какъ мы уже знаемъ, люди пользуются другимъ моментомъ, другимъ предлогомъ, чтобы склонить его къ тому, что имъ желательно. Невозможно скрывать отъ себя, что болѣе всего роняетъ этого монарха все увеличивающійся скандалъ, вызванный его отношеніями къ Нарышкиной. Въ этомъ случаѣ онъ, повидимому, презираетъ даже ту необходимость скрывать свою связь, которая составляетъ приманку для деликатнаго любовника, и не признаетъ обязательности извѣстнаго поведенія для государя, который, не говоря о причинахъ, связанныхъ съ политикой и съ нравами, состоитъ въ бракѣ съ особой столь же скромной, какъ и красивой, столь же добродѣтельной, какъ и одинокой даже въ той горести, которую ей причиняетъ это нескрываемое увлеченіе. Не менѣе тяжелое впечатлѣніе должно все это производить и на народъ, который знаетъ только внѣшнюю сторону религіи и который руководствуется лишь окружающими его злоупотребленіями, фанатизмомъ и суевѣріями.

Каждый день между ними происходятъ свиданія на прогулкѣ или на улицѣ. Они выходятъ изъ дома въ одно и то же время, чтобы лучше разсчитать свои встрѣчи. Это до такой степени всемъ извѣстно, что жители тѣхъ кварталовъ, по которымъ они проѣзжаютъ, знаютъ по ихъ появленію, который часъ. Можно подумать, что это преувеличеніе, но это вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ. Судите по слѣдующему факту, что должна испытывать императрица. На этихъ дняхъ она гуляла въ Лѣтнемъ саду со своей сестрой и княгиней Голицыной, рожденной Шаховской. Императоръ, который не видѣлъ ихъ и котораго онѣ, въ свою очередь, не видѣли, замѣтивъ издали въ одной изъ боковыхъ аллей Нарышкину, сошелъ съ лошади и подошелъ къ ней. Въ это время императрица, сидѣвшая на скамейкѣ, поднялась, чтобы пройтись еще, и направилась, сама того не желая, какъ разъ въ ту самую аллею, гдѣ находилась влюбленная парочка. Она тотчасъ повернула назадъ, вышла изъ сада и направилась на Англійскую набережную, чтобы продолжить свою прогулку вдоль Невы. Императоръ и Нарышкина вскорѣ разстались. Какъ будто нарочно для того, чтобы оскорбить супругу обожателя Нарышкиной, случай привелъ послѣднюю какъ разъ на ту же набережную. Въ ту минуту, когда она велѣла остановить свою карету противъ Сената, чтобы выйти изъ нея, императоръ уже догналъ ее. Онъ наклонился съ лошади и просунулъ голову въ карету, чтобы имѣть возможность говорить болѣе интимно со своей фавориткой. Въ этомъ-то положеніи его снова увидала императрица, возвращавшаяся съ прогулки.

Эта прекрасная фаворитка не страдаетъ, однако, склонностью къ ссорамъ и бурямъ, которыя, раздражаясь, только усиливаютъ скандалъ и которыя женщины, увѣренныя въ своей власти, умѣютъ

вызывать своей тактикой для того, чтобы потомъ лучше воспользоваться плодами примиренія. Я расскажу одинъ случай довольно пикантный, ибо онъ повлечетъ за собою разлуку на нѣсколько мѣсяцевъ.

На послѣднемъ придворномъ балу въ концѣ масленицы императоръ танцевалъ съ женою молодого графа Строганова ¹⁾, находящагося теперь въ Англии, въ которую онъ когда-то былъ сильно влюбленъ. Говорятъ (и этому приходится вѣрить, ибо это подтверждаетъ общій голосъ, столь безпощадный къ женской репутаціи), что она осталась вѣрной женой, не поддавшись соблазнителью, прелестямъ котораго придаютъ такой вѣсь его всемогущество и государственная казна. Какъ бы то ни было, Нарышкина изъ любви или по легкомыслію отнеслась ревниво къ проявленію милости и любезности императора съ графиней Строгановой во время танцевъ и осыпала его потомъ самыми горькими упреками. Тотъ, задѣтый за живое ихъ рѣзкостью, быстро отошелъ отъ нея. Нарышкина въ отчаяніи удалилась. Черезъ нѣсколько минутъ императоръ тщетно разыскивалъ ее. Она уѣхала домой. Вотъ сцена во всей ея точности. Императоръ, посовѣтовавшись со своими приближенными, рѣшилъ принять обиженный видъ, чтобы дать ей почувствовать ея несправедливость, приказавъ въ то же время слѣдить, какъ это будетъ ею принято. Снова пришлось выступить оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Ему было разрѣшено объявить Нарышкиной, что императоръ сердится на нее. Но тотъ исполняетъ данное порученіе съ лукавствомъ русскаго придворнаго, который не удовольствуется благодарностью стороны, заинтересованной въ посредничествѣ этого посланника боговъ, и повертываетъ все дѣло такъ, чтобы еще болѣе отравить и продлить холодныя отношенія. Нарышкина держится гордо, но въ то же время къ ней зовутъ Франка для консультаціи: она очень больна, событія, разыгравшіяся на балу, причинили ей всевозможныя страданія, какія только можетъ испытывать женщина. Императоръ черезъ пять дней не выдержалъ и отправился къ ней. Происходитъ примиреніе столь же нѣжное, какъ и трогательное, и прекрасные глаза, наполненные слезами, даютъ ему понять, что состояніе ея здоровья дѣлаетъ необходимымъ пользованіе ваннами въ Теплицѣ или Эгерѣ. Въ себя отъ отчаянія императора врачъ бросается къ нему. Тотъ приказалъ дать ему точный и вѣрный отчетъ о состояніи здоровья Нарышкиной. Франкъ настаиваетъ на водахъ въ Богеміи, императоръ наконецъ соглашается, отъѣздъ назначенъ въ половинѣ мая и, чтобы ускорить, очевидно, не путешествіе, а возвращеніе, Александръ посылаетъ ей на путевые расходы двѣсти тысячъ рублей. Слѣдуетъ замѣтить, что послѣ

¹⁾ Графиня Софья Владимировна, рожденная Голицына.

своего возвращенія изъ арміи онъ заказалъ великолѣпную шкатулку, украшенную брилліантами и стоившую ему триста тысячъ рублей. Эту шкатулку онъ также подарилъ ей. Въ послѣдній годъ онъ проявилъ не меньшую щедрость и относительно ея мужа. Кромѣ ордена святаго Александра Невскаго и званія оберъ-егермейстера, которыми была оплачена его снисходительность, императоръ косвеннымъ образомъ далъ ему еще триста тысячъ рублей. Узнавъ, что Нарышкинъ хочетъ продать невоздѣланную землю въ одномъ изъ своихъ имѣній, императоръ приказалъ сдѣлать оцѣнку этого участка. Въ смѣтѣ было сказано, что земля можетъ стоить самое большое сто двадцать тысячъ рублей. Тогда онъ сдѣлалъ видъ, что онъ желаетъ купить эту землю, и сказалъ Нарышкину, что, узнавъ о его желаніи продать этотъ участокъ своего имѣнія, онъ предлагаетъ ему за него триста тысячъ рублей. Оберъ-егермейстеръ съ радостью принялъ это предложеніе, и сдѣлка была заключена съ немедленной уплатой денегъ.

Нѣкоторые, однако, увѣряютъ, что они замѣчаютъ, что любовь императора уменьшается по мѣрѣ того, какъ ему приходится платить. Достоверно, однако, извѣстно, что государь довольствуется и другими увлеченіями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ его отношеніями къ Нарышкиной, и придворные изъ вассаловъ этой особы, повидимому, чрезвычайно встревожены ея отъѣздомъ. Они находятъ, что она рискуетъ отдать свое мѣсто другой, и многіе изъ нихъ уже не такъ расточаютъ ей при постороннихъ похвалы, какъ это они дѣлали раньше со свойственными имъ низкими цѣлями.

Ходитъ другой слухъ, будто императрица беременна, что уже замѣтны признаки этого и что это счастливое событіе привело императора къ тайной мысли незамѣтно порвать съ Нарышкиной. Чтобы покончить съ нею какъ можно удобнѣе, онъ съ этой цѣлью рѣшилъ ввести ее въ гавань. Прибавляютъ, что съ цѣлью отнять и у мужа поводы жалѣть о его щедрости и о потерѣ столь плодотворнаго золотого дна, императоръ приказалъ выдать ему для уплаты его долговъ, подъ видомъ безпроцентнаго займа, восемьсотъ тысячъ рублей (факты, впрочемъ, какъ будто не подтверждаютъ этого слуха).

Кончая эти замѣтки среди самыхъ критическихъ обстоятельствъ, я долженъ прибавить, что спокойствіе дѣльцовъ иногда нарушается неопредѣленностью ихъ положенія и опасностями для государства, которыя вызвало ихъ поведеніе. Голосъ общественнаго мнѣнія, который страшнѣе всего, когда эти теченія идутъ подъ землей, повидимому, дошелъ до ихъ сознанія, вызвалъ въ нихъ угрызения, но угрызения такія, которыя моралисты называютъ пассивными. Объ этомъ я сужу по обнаружившимся розыскамъ и обыскамъ, которые можно видѣть въ дѣйствіяхъ полиціи.

Такъ какъ я знаю отъ одного изъ главныхъ лицъ въ этой странѣ, что я тоже являюсь ихъ объектомъ, несмотря на милостивое ко мнѣ отношеніе великаго князя, которое онъ выказываетъ при встрѣчахъ и на прогулкахъ, обращаясь со мной запросто, точно такъ же, какъ и князь Чарторыйскій и Новосильцевъ, когда мнѣ приходится бывать съ ними въ клубѣ или въ театрѣ, гдѣ они всегда занимаютъ мѣсто передъ оркестромъ, то мое вниманіе привлекло то обстоятельство, что многіе другіе также увлекаются этой дѣятельностью. Мнѣ сообщили, что управляющему полиціей Эртелю ¹⁾ отпущено двѣсти тысячъ рублей на организацію секретнаго отдѣленія, состоящаго изъ лицъ, бывающихъ въ обществѣ, которыя обладаютъ достаточной интеллигентностью и ловкостью, чтобы втираться въ довѣріе и держать нити въ своихъ рукахъ и которыя по внѣшности не должны выдавать родъ своихъ занятій, какъ теперешняя полиція, которая обмундирована по военному и которую видно вездѣ, гдѣ она шныряетъ. Чтобы возбудить усердіе Эртеля, ему дали въ награду пятьдесятъ тысячъ рублей. Для этихъ наблюденій въ особенности рекомендуются тѣ изъ генераловъ и офицеровъ, которые уже служатъ здѣсь за счетъ правительства гг. адъютантовъ аустерлицкой битвы. Эти шпионы должны имѣть свою цѣль между прочимъ подкупъ нашихъ людей, перехватываніе нашихъ шифровъ, развѣдываніе нашихъ мѣропріятій и связей и тому подобныя прелести, которыя неизбѣжно сопутствуютъ подозрѣніямъ, какъ скоро власть дѣлается озабоченной и обезпеченной. Эти мѣры исходятъ, разумѣется, изъ того же источника, откуда сумѣли доказать ихъ необходимость, ибо всѣ эти безразсудные люди, стоящіе сейчасъ у власти, чувствуютъ, что ихъ участь зависитъ отъ участи куклы, которой они играютъ. Тяжело видѣть, какъ этотъ добродушный императоръ самъ стремится къ своей гибели. Этого иначе нельзя объяснить, какъ рокомъ, который въ нашу великую и памятную эпоху увлекъ уже столько государствъ къ ихъ гибели и уничтоженію. Одинъ отставной генералъ-лейтенантъ сказалъ мнѣ какъ-то буквально слѣдующее: «Только надежда на беременность императрицы и на появленіе прямого наслѣдника и заставляетъ насъ мириться съ управленіемъ глупцовъ и съ боязнью быть управляемыми чудовищемъ». Нѣкоторые также усмотрѣли въ перемѣнахъ, которыя, говорятъ, произошли среди окружающаго императрицу-мать во время отсутствія императора и въ особенности въ теченіе восьми или десяти дней безмолвія, которые отчасти предшествовали и послѣдовали за Аустерлицкой битвой и когда вообще безпокоились за участь императора, признаки того, что она приняла свое рѣшеніе на случай этой потери. Я не позволилъ бы себѣ высказать увѣренность въ томъ, что съ ея стороны

¹⁾ Отъ имени сего господина пронзотель Эртелевъ переулочъ.

существуютъ извѣстные планы, но видно, что эта женщина, не перестающая быть честолюбивой и скрытной, старается съ ревностью и послѣдовательностью использовать всѣ обстоятельства, чтобы привлечь къ себѣ народную любовь. Ея щедрость, ея религиозное притворство, показаніе своихъ благодѣяній, вся обстановка, ея посѣщеніе тѣхъ благотворительныхъ учреждений, которыя подчинены ей, все носить этотъ характеръ. Одной противоположностью между ея образомъ жизни и жизнью молодого двора она образуетъ почти государство въ государствѣ. Она всегда имѣетъ видъ главы оппозиціи, и даже въ настоящій моментъ публика занята вопросомъ о бурной ссорѣ, которая произошла между нею и императоромъ. Мы видимъ, что она мѣняетъ свой образъ мыслей и принципы, смотря по обстоятельствамъ, въ которыя ее ставятъ его дѣльцы. Я не считаю ее ни довольно злобной, ни достаточно мужественной, чтобы совершить знаменитое преступленіе Екатерины, но въ ней достаточно честолюбія и слабости, чтобы стать послѣ его сверженія орудіемъ какого-нибудь темнаго преступленія, не входившаго въ ея расчеты. Кто не вспомнить по этому поводу своего рода соучастіе или, по крайней мѣрѣ, молчаливое согласіе теперешняго императора на катастрофу, постигшую его несчастнаго отца? Я чувствую всю отвратительность подобныхъ подозрѣній въ кругу нашихъ идей. Я самъ съ ужасомъ отказываюсь отъ нихъ. Но развѣ я не въ той странѣ, гдѣ самымъ неблагодарнымъ всегда оказывается тотъ, кого болѣе всего осыпали милостями? Не въ той ли странѣ, гдѣ на каждомъ шагу между командирами гвардіи и высшими сановниками государства, рядомъ съ трономъ, я вижу убійцъ двухъ императоровъ? Наконецъ, не въ той ли странѣ, гдѣ дворцовыя революціи такъ же часты, какъ и въ турецкомъ сералѣ? Я содрогаюсь, излагая эти мысли, но разъ онѣ существуютъ, я не считаю возможнымъ ихъ скрывать, какъ бы страшны онѣ ни были.

Другая не менѣе страшная опасность, которой подвергается императоръ, это засилье вокругъ него англійской партіи. Его стараются укрѣпить до такой степени, чтобы онъ не могъ избавиться отъ него безъ риска погибнуть, хотя бы онъ въ одинъ прекрасный день и увидаль самъ бездну, въ которую его ведутъ. Надо посмотрѣть, съ какой старательностью англійскій посланникъ привлекаетъ теперь въ свой домъ и ухаживаетъ за всѣми молодыми людьми, которые имѣютъ хоть какое-нибудь значеніе по своему положенію и репутациі. Никогда онъ не жилъ такъ, какъ живетъ съ нѣкотораго времени. Его домъ открытъ только тѣмъ, кто отличается нѣкотораго рода преданностью Англии. Остальныхъ тамъ часто принимаютъ такъ, чтобы у нихъ пропала охота явиться сюда второй разъ. Замѣчательна близость Мерфельда съ этой партіей. Это всѣмъ бросается въ глаза: онъ почти всегда и вездѣ съ англійскимъ посломъ и въ этомъ случаѣ онъ точно повторяетъ ошибки Стадіона. Даже

врачи являются внутри дворца развѣтвленіемъ англійскаго за-силія, ими успѣшно пользуются не столько въ области ихъ искусства, сколько ради ихъ вкрадчивой тактики, чтобы подкупить черезъ нихъ. Они на сторожѣ всего, что происходитъ. Особенно прославился на этомъ поприщѣ Робертсонъ. Вотъ почему онъ часто ѣздитъ въ Англію за новыми инструкціями и вновь появляется въ рѣшительныя минуты. Нельзя себѣ представить ихъ зависть и непріязнь къ Франку, слава, личныя заслуги и сдержанное поведеніе котораго могли до сего времени одерживать верхъ надъ ихъ интригами и клеветами.

Я въ особенности постарался на этотъ разъ обрисовать характеръ императора и, вернувшись къ этому вопросу, я вдался въ большія подробности. Ибо я полагаю, что точное знакомство съ правительствами и съ окружающими ихъ лицами даетъ болѣе вѣрное основаніе бояться ихъ или надѣяться на нихъ, чѣмъ вся сила государствъ и имперій имъ подвластныхъ. Тутъ то же самое, что съ арміей: не численность, а тактика управляетъ ея движеніями и даетъ ей цѣну, которая составляетъ ея силу и превосходство.

Составлено въ С.-Петербургѣ въ началѣ мая 1806 г.

Дополнительный бюллетень къ моимъ депешамъ за №№ 66, 67, 68, составленный въ С.-Петербургѣ 19 (31) декабря 1805 года.

Пока разьединеніе двухъ державъ является лишь слѣдствіемъ кратковременныхъ разногласій, отдѣльныхъ интересовъ, мелкаго соперничества и другихъ второстепенныхъ причинъ, несогласія, которыя могутъ возникнуть изъ этого, перемежаются и видоизмѣняются съ обстоятельствами, которыми это положеніе вызвано. Все въ это время сосредоточивается въ нѣдрахъ кабинетовъ, и народы, на которые распространяется ихъ власть, остаются, такъ сказать, нейтральными. Но въ эпохи рѣшающія, въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ одинъ народъ падаетъ въ глазахъ другого, и если общественному сознанію нанесенъ ударъ великими соблазнами, то это чувство выражается въ презрѣніе и въ ненависть, просачивается въ отдѣльныхъ людей и, сдѣлавшись національнымъ, начинаетъ съ этого времени играть роль въ политическихъ комбинаціяхъ и даже можетъ служить основаніемъ для правительственныхъ соображеній о системѣ ихъ отношеній и союзовъ.

Съ этой точки зрѣнія я считаю, что обстоятельства, раскрышіяся передъ глазами Россіи, т.-е. гнилость органовъ этой монархіи, ея паденіе въ общественномъ мнѣніи этой имперіи, упадокъ общаго къ ней довѣрія, являются по отношенію къ намъ величайшей изъ побѣдъ, одержанныхъ надъ Австріей. Все это настолько вѣрно, что отнынѣ она будетъ считаться, такъ сказать, второсте-

пенной державой, даже въ томъ случаѣ, если бы до войны она вступила въ большую часть своихъ владѣній. И можно не безъ основанія полагать, что битва при Ульмѣ будетъ для общаго порядка этой монархіи тѣмъ же, чѣмъ была битва при Рокруа для Испаніи. Событія, послѣдовавшія и предшествовавшія концу предпоследней войны, воспоминанія о которыхъ теперь воскресли, кажется, должны быть для Россіи наслѣдственной причиною недовѣрія, презрѣнія и ненависти по отношенію къ ней. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ.

Со времени послѣднихъ неудачъ полиція должна была слѣдить какъ можно строже, чтобы предупредить схватки между русскими и нѣмцами-ремесленниками и предотвратить открытыя нападенія на нихъ въ общественныхъ мѣстахъ, лавкахъ, въ гостиницахъ. Эти люди съ патріархальными бородами воображали, что все нѣмцы должны быть австрійцами, и потому, встрѣчая ихъ, бранили ихъ и называли подлецами и измѣнниками, присоединяя сюда другія, еще болѣе энергичныя слова своего языка, и нерѣдко производили нападенія на нихъ, такъ что приходилось прибѣгать къ самымъ быстрымъ мѣрамъ, чтобы удержать ихъ отъ насильственныхъ дѣйствій и бѣшенства, которому неудержимо предавались эти рьяные патріоты. Изъ писемъ генерала Кутузова я, съ другой стороны, знаю, что въ теченіе нѣкотораго времени ему пришлось приложить все старанія къ тому, чтобы смягчить среди его солдатъ проявленіе презрѣнія, которое они оказывали своимъ товарищамъ австрійцамъ. Между прочимъ, онъ принужденъ былъ объявить имъ, что среди нихъ нѣтъ ни генераловъ, ни солдатъ изъ ульмской арміи, и привести еще нѣсколько соображеній того же характера. Кажется, окончательное отвращеніе австрійцевъ къ войнѣ объясняется отчасти нелестными о нихъ отзывами ихъ союзниковъ. Это презрѣніе шло такъ далеко, что во время раздачи хлѣба послѣ битвы подъ Аустерлицемъ русскіе, умирая отъ голода, бросали подвозившееся имъ еще австрійское продовольствіе, говоря, что они боятся, какъ бы не заразиться отъ нихъ подлостью и вѣроломствомъ.

Императоръ Александръ раздѣлялъ это мнѣніе своей арміи. Чтобы дать понятіе объ этомъ, достаточно будетъ привести его характерный въ этомъ отношеніи отзывъ. Въ интимной, откровенной бесѣдѣ о событіяхъ государь выразился такъ: «Наконецъ, чтобы дать вамъ понятіе, до какой степени эти австрійцы плуты и предатели (это его подлинныя слова), я ограничусь только замѣчаніемъ, что Стадіонъ среди нихъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть». Если этотъ отзывъ такъ же лестенъ, какъ и заслуженъ, то по нему легко замѣтить, какой скандалъ произвело здѣсь зрѣлище генерала, смиренно идущаго въ свою главную квартиру выклянчивать, какъ здѣсь говорили, миръ, того

самаго генерала, который только и дѣлалъ, что проповѣдывалъ войну, даже противъ Пруссіи, который въ обществѣ при упоминаніи имени Бонапарта набрасывался на него, какъ гарпія, и совмѣстно со своимъ адъютантомъ Штуттергеймомъ находилъ для него лишь одни ругательства.

Я долженъ прибавить еще здѣсь о томъ, что произошло на военномъ совѣтѣ, состоявшемся немедленно послѣ дѣла подъ Аустерлицемъ, и о чемъ я узналъ изъ надежнаго источника.

Генераль Кутузовъ былъ противъ того, чтобы давать битву, онъ хотѣлъ отступить къ тѣмъ 3.600 человекамъ, которые прибыли изъ арміи Михельсона и которыхъ берегли, пока не опредѣлились движенія Пруссіи, вовлекшія ее въ борьбу. Говорятъ, онъ бросился на колѣни передъ императоромъ, умоляя его, если уже онъ рѣшилъ дать битву, отдѣлиться отъ австрійцевъ и при атакѣ не рассчитывать на нихъ. Онъ заявилъ, что ему извѣстно о ихъ подавленности и что онъ убѣжденъ, что они только внесутъ беспорядокъ въ армію, что онъ беретъ отвѣтственность за все на свою голову и что, если ужъ этого такъ хотятъ, онъ берется побѣдить съ одними русскими, хотя они и въ меньшемъ числѣ, или по крайней мѣрѣ умереть со славою. Съ тѣхъ поръ событія оправдали мнѣніе генерала, котораго вездѣ хвалятъ. Увѣряютъ, что немедленно послѣ первыхъ же схватокъ часть австрійцевъ отступила и сдалась, бросивъ оружіе, тогда какъ другіе, чтобы получить возможность слѣдовать за ними и сдѣлать то же самое, стали стрѣлять въ русскихъ, которые съ яростью негодованія бросились въ штыки на этихъ подлыхъ дезертировъ. Говорятъ, что колонна генерала Эссена, отосланная или остановленная по распоряженію принца Іоанна Лихтенштейнскаго, которому было передано общее командованіе, прибыла къ мѣсту своего назначенія уже послѣ битвы и не могла принять въ ней участія. Достоверно только то, что императоръ самъ сказалъ, что онъ еще никогда не видалъ, чтобы окрошку приготавливали столь быстро, какъ изъ этихъ австрійскихъ корпусовъ, которые на его глазахъ положили оружіе. Его генераль-адъютантъ Уваровъ, командовавшій артиллеріей, увѣрялъ меня, что увидавъ издали, какъ австрійская колонна приближалась къ непріятелю безъ всякой поддержки кавалеріи, онъ сейчасъ же приказалъ полку русскихъ драгунъ сдѣлать движеніе для ея прикрытія, но когда онъ подошелъ поближе, то онъ увидѣлъ, что австрійцы бѣжали со всѣхъ ногъ, чтобы сдаться въ плѣнъ. Но французы, замѣтивъ развертываніе русской кавалеріи и, очевидно, боясь какого-нибудь стратегическаго плана, открыли огонь по бѣгущимъ австрійцамъ, которые, словно кролики, стали метаться во всѣ стороны между кавалеріей и французскими батальонами и сначала были разстрѣляны французскими стрѣлками, а потомъ смяты русской кавалеріей, которая, оставшись одна противъ непріятеля, рисковала быть окру-

женной, но пробилась черезъ этихъ несчастныхъ, которые не знали, куда дѣваться, лишь бы избавиться отъ смерти.

Ко всѣмъ этимъ рассказамъ прибавляютъ еще, что въ промежуткѣ, который предшествовалъ битвѣ, германскій императоръ только осматривалъ лошадей, запряженныхъ въ повозки съ его богатствами, и заботился только о томъ, чтобы пустить ихъ въ надлежащемъ направленіи и обезопасить свои сокровища, что потомъ онъ явился въ качествѣ, такъ сказать, перебѣжчика во французскій лагерь и поручилъ себя великодушію побѣдителя. Вслѣдствіе такой измѣны австрійцевъ флангъ русской арміи былъ обнаженъ и среди вызваннаго этимъ смятенія и беспорядка различные русскіе корпуса дѣйствовали разрозненно, безъ опредѣленнаго плана, руководствуясь только своей храбростью. Какъ бы ни сказывалось въ этихъ подробностяхъ самолюбіе, стремящееся оправдать свое поражение, тѣмъ не менѣе я нахожу, что онѣ заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что, съ другой стороны, мы имѣемъ откровенныя признанія того, что сдѣлалъ военный геній французскаго императора, чтобы закрѣпить за собою побѣду. Вотъ это-то почти единственное признаніе и заставляетъ чувствовать всю тяжесть общей непрязни къ виновникамъ этого сраженія. Къ этому отношенію общественное мнѣніе имѣетъ въ виду великаго князя Константина, который на военномъ совѣтѣ, о которомъ я уже говорилъ, на благоразумное мнѣніе генерала Кутузова возразилъ, что тотъ со страха говорить вздоръ. Но въ особенности оно обвиняетъ генералъ-адъютанта князя Петра Долгорукаго. Говорятъ, что, будучи посланъ до начала сраженія къ Бонапарту, онъ велъ себя при этомъ свиданіи съ необдуманностью школьника, со всѣмъ тщеславіемъ и дерзостью русскаго, который считаетъ себя важнымъ человѣкомъ. Передаютъ, что когда императоръ Наполеонъ ему сказалъ, что за исключеніемъ Италіи и вопроса о вознагражденіи онъ во всемъ остальномъ полагается на рѣшеніе императора Александра, князь Долгорукій отвѣтилъ, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, что его государь не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не будутъ исполнены условія, о которыхъ онъ уже сообщилъ. Послѣ этихъ словъ Бонапартъ повернулся къ нему спиной и прибавилъ съ живостью: «Хорошо, въ такомъ случаѣ мы будемъ драться», и потомъ громко крикнулъ своему конюху: «Коня!»—и уѣхалъ, оставивъ русскаго уполномоченнаго сконфуженнымъ. Французскій императоръ, повидимому, рассказалъ объ этомъ императору германскому во время свиданія, которое произошло между этими двумя государями послѣ битвы. Наполеонъ будто бы сказалъ ему, что вся пролитая въ этотъ день кровь слѣдствіе неудачнаго выбора присланнаго къ нему русскаго парламентаря. И, дѣйствительно, князь Долгорукій, вернувшись въ лагерь, больше всего содѣйствовалъ рѣшенію вступить въ битву. Онъ засталъ императора въ раз-

говорѣ съ княземъ Багратиономъ. Доложивъ ему сначала о своихъ переговорахъ съ императоромъ Наполеономъ, онъ замѣтилъ, что государь глубоко задумался. Полагая по его наружному виду, что онъ колеблется, и, можетъ быть, уступить этому движению, Долгорукій обратился къ князю Багратиону, который любилъ ловить рыбу въ мутной водѣ, и сказалъ ему что-то на ухо. Потомъ, вернувшись вмѣстѣ къ императору, они оба сказали ему: «Если ваше величество, отступите, онъ приметъ насъ за трусовъ». «Трусовъ?—сказалъ государь:—лучше умереть». Въ этотъ-то моментъ и было окончательно рѣшено дать битву, и ничто уже не могло заставить императора отказаться отъ нея. Чарторыйскій и Новосильцовъ напрасно пытались отговорить его отъ этого. Его величество, говоря, отвѣтилъ имъ съ неудовольствіемъ, что это не дѣло министровъ и ихъ не касается. Изъ этого видно, что, несмотря на превосходныя качества, которыми надѣленъ этотъ государь, въ немъ есть и упрямство, и часто ничтожныя причины ведутъ за собою величайшія событія. То же лицо, которое сообщало мнѣ эти свѣдѣнія, прибавило: «Бонапартъ намъ доказалъ, что мы дѣти въ военномъ дѣлѣ, и было бы излишне говорить о противоположности между стройностью движеній его арміи и беспорядочностью нашей. Казалось, онъ игралъ съ нами въ шахматы». Всѣ военные разныхъ чиновъ, возвратившись изъ арміи, единогласно говорили то же самое. Это даетъ болѣе точную картину теперешнихъ впечатлѣній и настроенія народа и общества.

Что касается министерства, то каково бы ни было его упорство, событія должны были сильно измѣнить его направленіе. Повидимому, ему невозможно долго сопротивляться этому движению общественнаго мнѣнія. Съ другой стороны, противоположная партія воспользовалась его отсутствіемъ для того, чтобы наточить свое оружіе, а послѣднія неудачи дали въ этомъ случаѣ могучее оружіе. Главнымъ виновникомъ войны можно по всей справедливости считать Новосильцова. Этотъ министръ, наиболѣе приближенный къ особѣ императора, пользующійся, повидимому, его полной довѣренностью, преданный англійской партіи, вмѣстѣ съ русскимъ посломъ въ Лондонѣ, графомъ С. Р. Воронцовымъ, другимъ слугою британскаго кабинета, потрясаетъ небо и землю, чтобы проповѣдывать крестовый походъ. Со времени своего возвращенія изъ Англій, гдѣ партія Питта, лъстя и ухаживая за нимъ, овладѣла его тщеславіемъ, онъ потерялъ всякую мѣру въ этомъ отношеніи. Его великолѣпно поддерживалъ начальникъ инженерной части генералъ Сухтеленъ, вліяніе котораго въ этомъ случаѣ было самымъ рѣшительнымъ и который дѣйствовалъ по указаніямъ возбуждавшаго его герцога Серра-Каприола и графа де-Местра. Великій князь Константинъ, министръ Гурьевъ, морской министръ адмиралъ Чичаговъ, генералъ-адъютантъ Винцингероде и еще нѣсколь-

ко ставленниковъ и излюбленныхъ людей Австрiи съ жаромъ работали въ томъ же направленiи. Къ нимъ же надо причислить датскаго посланника барона Блома, который имѣеть большiя связи среди влiятельныхъ лицъ и который въ отсутствiе австрiйскихъ агентовъ распространялъ ихъ писанiя противъ насъ, способствовалъ черезъ г-жу Ливенъ распространенiю ихъ въ императорской фамилии и однажды въ обществѣ сдѣлалъ неприличный выпадъ, напавъ на меня по поводу рѣшенiй, принятыхъ моимъ государемъ, на что я отвѣтилъ такъ, какъ этого требовалъ мой долгъ.

До того времени, какъ былъ рѣшенъ окончательный разрывъ, въ средѣ тайныхъ совѣтовъ, которые держалъ его величество, было много влiятельныхъ и умныхъ голосовъ оппозици, которые высказывались противъ войны. Между ними слѣдуетъ отмѣтить министра финансовъ графа Васильева и министра юстици графа Лопухина. Императрица-мать по какому-то странному противорѣчию, которое съ нѣкотораго времени замѣчается въ ея поведенiи и о которомъ я уже сообщалъ въ своемъ донесенiи за № 63, поддерживала ихъ тогда всѣмъ своимъ авторитетомъ, точно такъ же, какъ и оберъ-гофмейстеръ графъ Толстой, его братъ, петербургскiй военный губернаторъ, бывшiй вице-канцлеръ князь Александръ Куракинъ, министръ торговли графъ Румянцовъ и его братъ. На этихъ совѣщанiяхъ съ особой силой говорилъ графъ Васильевъ и старался доказать бесполезность и опасность этой войны для Россiи. Онъ въ особенности упиралъ на недостатокъ довѣрiя къ вѣнскому кабинету, чему Австрiя дала поразительныя доказательства Павлу I какъ во время послѣдней войны, такъ почти во всѣхъ войнахъ, которыя велись совмѣстно съ этой державой.

Истощенiе средствъ, которыя теперешнiй императоръ довелъ съ начала своего царствованiя до цвѣтущаго и столь счастливаго для государственнаго кредита состоянiя, дало ему послѣднiй поводъ къ сопротивленiю, и онъ закончилъ свою рѣчь словами, что по совѣсти онъ считаетъ своею обязанностью высказываться противъ войны.

Но партiя, о которой я говорилъ выше, одержала надъ нимъ верхъ.

Что касается лично императора, то онъ безъ особаго сочувствiя, но и безъ сопротивленiя присоединился къ большинству совѣта или своихъ совѣтниковъ. Съ тѣхъ поръ его возбудили еще болѣе мнимыми замѣчанiями на его счетъ императора Наполеона, которыя тщательно ему передавались, разукрашенные всѣми цвѣтами лондонскаго курьера. Перчатка была брошена, результаты взвѣшены и извѣстны.

Теперь мы дошли до момента возвращенiя императора въ свою стъ лицу.

Наступила новая эпоха для всѣхъ партій. Прежде всего приготовились къ сраженію придворные, для которыхъ орудіемъ являлась интрига, а побѣда выражалась удаленіемъ соперника. Интересы и горе отечества были забыты. Движенія всѣхъ соперниковъ министерства, сторонниковъ и противниковъ войны, соперницъ материнской и супружеской нѣжности—сосредоточились вокругъ юнаго императора. Поѣздкой въ Гатчину, которую предприняли обѣ императрицы, чтобы встрѣтить императора, вдовствующая императрица, кромѣ желанія встрѣтить и обнять сына, стремилась также возстановить свое вліяніе на него и свое политическое значеніе, уже давно потускиѣвшее. А царствующая императрица по своему болѣе скромному и справедливому честолюбію стремилась только вновь овладѣть чувствами своего августѣйшаго супруга. Особенно волновались придворныя дамы изъ тѣхъ, которыя считали, что онѣ имѣютъ нѣкоторыя права на его сердце, и которыя рассчитывали на прежнія увлеченія на сторонѣ и на новыя впечатлѣнія, и эти публичныя проявленія волненія не были чужды расчетамъ любви и порока, честолюбія и тщеславія. Госпожа Кочубей, которой два года тому назадъ удалось обратить на себя вниманіе императора, со своими двоюродными сестрами съ утра отправилась въ толпу народа, чтобы участвовать въ кликахъ народа, надѣясь; что столь явное усердіе будетъ замѣчено тѣмъ, кому оно оказывается, и вызоветъ его признательность. Нѣкая госпожа Чернышева со своими дочерьми, поджидавшая императора въ одномъ изъ коридоровъ дворца, схватила его, когда онъ проходилъ, и противъ его воли поцѣловала его одежду и плечо. Госпожа Нарышкина, которой обладаніе сердцемъ императора, придавало больше храбрости, ожидала не безъ волненія, что недавнія воспоминанія и власть ея чаръ приведутъ къ ея ногамъ ея августѣйшаго поклонника. Не прерывавшаяся переписка съ нимъ и сношенія черезъ курьера, питая въ ней надежду на ея триумфъ, вознаграждали ее за лишенія и за тревоги, которыя она испытывала во время его отсутствія. Вечеромъ между этими дамами вспыхнуло явное соперничество въ аллегорическихъ иллюминаціонныхъ щитахъ и медальонахъ, украшавшихъ ихъ дома. Всѣ умники мучались въ поискахъ соотвѣтственныхъ къ нимъ надписей. Надпись у Кочубей состояла изъ шифра императора и слѣдующихъ словъ: «Императору и отечеству». У Нарышкиной было имя «Александръ», а вокругъ—«Благодѣтелю міра». Злые языки пропѣли немного по этому поводу, но ея триумфъ былъ полный. Императоръ сдѣлалъ ей визитъ въ самый день своего пріѣзда. На другой день отъ избытка радостныхъ чувствъ, которыя ея пришлось пережить, она, разумѣется, заболѣла. Я знаю, что его величество самъ давалъ прекрасной больной прописанныя ей лекарства, получая за то самую услужливую и нѣжную благодарность. До сихъ поръ связь императора съ

этой прекрасной полькой была облечена тайной, которой требуютъ приличіе и другія соображенія относительно весьма скромной и добродѣтельной императрицы. Но со времени возвращенія императора Нарышкина не скрываетъ уже своего фавора и каждый день получаетъ все болѣе и болѣе яркія доказательства этого расположенія. Поэтому всѣ, кто дорожить придворными почестями, всѣ на колѣняхъ передъ ней. Несмотря на то, что ея мужъ знаетъ объ этой постыдной связи и получаетъ въ награду за это всякіе ордена, онъ и князь Александръ Голицынъ, прокуроръ Святѣйшаго Синода, являющійся по этой должности патріархомъ греческой церкви, засыпанный отъ имени императора разными порученіями, смотря по обстоятельствамъ, устанавливають, ускоряють или замедляютъ сладкія минуты этой связи. Эта связь, оскорбляющая и удручающая императрицу, по мѣрѣ того, какъ она дѣлается все болѣе и болѣе открытой, способствуетъ только тому, что необдуманное поведеніе, оказавшееся столь гибельнымъ подъ Аустерлицемъ, подрываетъ уваженіе и любовь русскихъ къ императору и своего рода повсемѣстный его культъ.

Нападки противъ молодыхъ министровъ стали болѣе явными, а общественныя невзгоды придавали имъ болѣе серьезный характеръ. Нужно замѣтить по этому поводу, что въ союзѣ между тремя министрами: Чарторыйскимъ, Новосильцовымъ и Строгановымъ, въ союзѣ, который, несмотря на нерѣдкое различіе ихъ мнѣній, остается непоколебимымъ, несмотря на усилія разныхъ лицъ разъединить ихъ, въ этомъ союзѣ предметомъ происковъ противоположной партіи служить по преимуществу первый. Страхъ, который стала возбуждать къ себѣ Польша послѣ первыхъ впечатлѣній 2-го декабря, давалъ для этого особые поводы, и опозданіе князя дало его врагамъ время для того, чтобы ее использовать. Какъ только распространились первыя вѣсти о поражении, а онъ предшествовали приѣзду императора, вездѣ только говорили между собою и въ общественныхъ мѣстахъ, что князь Чарторыйскій согласился на эту войну только потому, что онъ предвидѣлъ, что пораженія русскихъ приведутъ армію Бонапарта въ его отечество, что онъ не сомнѣвался, что побѣдитель подниметъ тамъ знамя возстанія и навяжетъ сейму въ короли князя Чарторыйскаго, поддерживавъ его избраніе своей побѣдоносной арміей! Видите, прибавляли при этомъ, онъ не приѣзжаетъ только потому, чтобы попасться въ плѣнъ и подъ предлогомъ своего плѣненія сохранить на себѣ маску. Объ этихъ странныхъ обвиненіяхъ можно говорить потому, что они обнаруживаютъ интриги этого двора и не столько ловкость; сколько безстыдство молокососовъ (*lacticiens*), которые, сваливъ кого-нибудь съ мѣста какимъ бы то ни было позорнымъ и нелѣпнымъ способомъ, всегда жаждутъ воспользоваться всѣмъ, что ведетъ къ ихъ возвышенію. Зная о клеветахъ, направленныхъ

противъ него, онъ недавно сказалъ одному иностранному послу, жаловавшемуся на предубѣжденія, съ которыми ему пришлось бороться въ отсутствіе министра: «Вы должны знать, до какой степени наша публика любитъ сплетничать, но, къ счастью, мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно». По этому поводу я долженъ, однако, сказать, что узналъ изъ хорошаго источника, что князь не высказывался рѣшительно за войну. Чтобы характеризовать его участіе въ этомъ дѣлѣ, нужно было бы сказать, что онъ далъ увлечь себя союзу или тріумвирату, о которомъ я выше говорилъ.

За этими глухими происками послѣдовали представленія, не лишеныя, быть можетъ, заднихъ мыслей, честолюбивыхъ и завистливыхъ, но изложенныя въ патріотическомъ духѣ. Князь Лопухинъ не удовольствовался осужденіемъ поведенія молодыхъ министровъ, но, говорятъ, представилъ императору докладную записку, въ которой онъ сильно нападаетъ на политику кабинета послѣднихъ лѣтъ и доказываетъ, что именно ему обязана имперія тѣмъ унижительнымъ и критическимъ положеніемъ, въ которомъ она теперь находится, лишившись своего достоинства, своего вліянія за границей и, очевидно, скомпрометировавъ на будущее время свои собственные интересы. Къ этой запискѣ онъ присоединилъ и свое прошеніе объ отставкѣ (она не была принята), говоря, что правда, которую онъ себѣ позволилъ сказать императору, пожалуй, можетъ его оскорбить, но что въ минуту, когда рѣчь идетъ о славѣ и безопасности отечества, онъ счелъ своимъ долгомъ воспользоваться привилегіей, которую ему даетъ его постъ, чтобы повергнуть къ подножію трона свои представленія. Много другихъ лицъ также писали императору письма въ томъ же смыслѣ, напоминая ему о поведеніи Екатерины II во время первой войны съ Франціей и жалуясь, что такая держава, какъ Россія, находится въ зависимости то отъ Австріи, то отъ Англій, и приписывая этому недостатку русской политики всѣ затрудненія и неудачи, уже ее постигшія и грозящія ей въ будущемъ. Общественное мнѣніе на этотъ счетъ такъ рѣзко выразилось въ Москвѣ, что генералъ-губернаторъ этого города Беклешовъ счелъ долгомъ специально доложить объ этомъ императору. Дворянство этой второй столицы, гдѣ въ это время собирается дворянство почти всей имперіи, почувствовало себя оскорбленнымъ и смущеннымъ благодарностью, которую императоръ прислалъ изъ своей главной квартиры исключительно городу Петербургу. Императорскій рескриптъ, въ которомъ она была изложена, приложенъ къ моему донесенію № 62. Московское дворянство находило, что оно принесло не меньше жертвъ ихъ любви къ отечеству и на нужды арміи, чѣмъ обыватели Петербурга. Въ теченіе нѣсколькихъ дней ходили слухи, что императоръ лично отправился въ Москву, чтобы смягчить эти жалобы и утишить ихъ своимъ присутствіемъ.

Наконецъ нащупали всё слабыя стороны министерства. Раздавались громкія жалобы на неопытность совѣтниковъ, на ихъ молодость и страсти, но государь, говорятъ, сразу положилъ конецъ этимъ нареканіямъ, сказавъ въ одномъ разговорѣ окружающимъ: «Я никогда не забуду доказательствъ преданности Чарторыйскаго и Новосильцова, которыя я получилъ въ этихъ обстоятельствахъ». Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что во время сраженія они сопровождали его всюду, тогда какъ оберъ-гофмаршалъ Толстой въ минуту опасности держался вдали. Будучи настоящимъ придворнымъ, онъ сумѣлъ обратить въ шутку это отсутствіе мужества и самъ рассказывалъ, что въ рѣшительныя минуты онъ держался за германскимъ императоромъ, въ полной увѣренности, что около него онъ найдетъ безопасность, подобающую гражданскому чину, и что въ самомъ дѣлѣ ему никогда не приходилось видѣть императора болѣе неподвижнымъ на своемъ посту.

Нѣкоторые объясняли затянувшееся пребываніе Новосильцова въ Пулавахъ, въ то время, когда императоръ направлялся въ Берлинъ, какъ знакъ немилости, но я узналъ, что это временное удаленіе отъ особы императора было сдѣлано только въ угоду берлинскому двору, недовольному этимъ министромъ и прямо давшему объ этомъ понять императору черезъ князя Петра Долгоручаго, какъ меня увѣряли. Этотъ послѣдній съ жадностью честолюбія схватился за это обстоятельство. Будущее покажетъ, не явится ли онъ въ этомъ дѣлѣ такимъ неловкимъ, какимъ онъ показалъ себя и по отношенію къ Наполеону, когда обстоятельства складывались гораздо неблагопріятнѣе для Россіи. Замѣчаютъ, однако, что министры, стоящіе теперь у власти, чаще вступаютъ въ непосредственное сношеніе съ императоромъ, тогда какъ прежде все дѣлалось черезъ посредство ихъ молодыхъ коллегъ. Лица, опытыя въ распознаваніи этихъ различныхъ фазъ, увѣряютъ, что со стороны императора это было средствомъ привлечь ихъ къ себѣ, зажать имъ ротъ и затушевать тѣ промахи, которые онъ самъ надѣлалъ, не слушая совѣтовъ умныхъ людей, которые, быть можетъ, избавили бы его отъ позора, пораженія, пролитія крови и бесполезной растраты средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что только сознаніе, что императоръ раздѣлялъ съ окружающими его ихъ ошибки, спасаетъ ихъ и прикрываетъ ихъ всѣмъ его авторитетомъ.

На этомъ я было и окончилъ этотъ небольшой отчетъ, но, не найдя случая переслать его вамъ, я воспользовался этимъ промежуткомъ времени и прибавилъ къ нему дальнѣйшее теченіе событий. Нужно, чтобы молодые министры почувствовали всю трудность ихъ положенія и чтобы эти различныя нападки устроили ихъ, несмотря на явное покровительство, которое монархъ оказываетъ, защищая ихъ отъ всѣхъ. Князю Чарторыйскому пришлось, со своей стороны, составить общій обзоръ своей политической дѣя-

тельности съ того момента, когда онъ былъ поставленъ одинъ во главѣ департамента внѣшней политики. Эта работа, говорятъ, написана прекрасно, и, если вѣрить тому, что мнѣ рассказывали, она приписываетъ всѣ неудачи коалиціи поведенію Пруссіи и оппозиціи, которую встрѣтило мнѣніе министра въ то время, когда онъ хотѣлъ, чтобы русская армія перешла Вислу и чтобы открыто былъ поставленъ вопросъ о войнѣ или военной помощи берлинскаго кабинета. Онъ утверждаетъ, что этотъ сильный шагъ увлекъ бы его непременно и что тогда положеніе дѣла измѣнилось бы совершенно. И въ самомъ дѣлѣ мысль, что всякаго рода предубѣжденія и враждебность противъ Пруссіи сдѣлались всеобщими среди арміи и дворянства, явилась началомъ противонѣмецкаго движенія въ Россіи. Вотъ почему это оправданіе, при всей его въ сущности неосновательности, пользуется успѣхомъ, опираясь на господствующія теперь въ странѣ идеи. Чарторыйскій прибавляетъ ко всему этому, что его политика была большею частью подчинена и раздѣлялась канцлеромъ Воронцовымъ до самой смерти послѣдняго (умеръ въ 1805 г.). Наконецъ, триумvirатъ пускаетъ со своей стороны въ ходъ все, чтобы подкрѣпить свою защиту и удержать за собою поле битвы. И онъ остается еще хозяиномъ положенія настолько, что они отняли у графа Румянцова входившій въ составъ министерства торговли департаментъ внутреннихъ сообщеній съ тѣмъ, чтобы отдать его въ руки Сухтелена.

Стоитъ привести здѣсь рассказъ, который заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Нѣкій французскій эмигрантъ, по имени Мезонфоръ, человекъ образованный, ловкій и способный, стараясь снискать расположеніе этой партіи, написалъ историческую пьесу для театра изъ временъ первыхъ лѣтъ Генриха IV, подъ заглавіемъ: «Свадьба д'Обинье». Пьесу эту онъ смастерилъ, примѣняясь къ современному положенію. Она полна всевозможныхъ намековъ на императора и его молодыхъ друзей.

Обинье, удаленный отъ двора за эпиграммы противъ королевы-матери, выведенъ въ тотъ моментъ, когда бракъ его разстраивается. Когда дядя его невѣсты дѣлаетъ ему упрекъ въ томъ, что изъ-за краснаго словца онъ сдѣлался изгнанникомъ, Обинье отвѣчаетъ: «Я изгнанникъ только по виду, но я не изгнанъ изъ сердца нашего молодого короля, который никогда не забываетъ своихъ друзей». Далѣе онъ восклицаетъ: «Да, нашъ молодой государь достоинъ имѣть друзей. Если онъ не надѣляетъ ихъ лентами и другими внѣшними отличіями, то это только потому, что онъ хочетъ, чтобы ихъ награждало не тщеславіе, а его сердце». Такіе намеки разсѣяны во множествѣ по всей пьесѣ, которая въ первый разъ была сыграна на этихъ дняхъ въ Эрмитажѣ при всеобщемъ одобреніи того состоянства въ привязанности, съ которымъ императоръ относился

къ своимъ друзьямъ, ибо въ этомъ источникъ счастья и любви къ нему его народовъ.

Лица, бывшія на этомъ представленіи, говорили мнѣ, что вдовствующая императрица не разъ хмурилась по поводу роли королевы-матери, но императоръ, напротивъ, былъ такъ очарованъ духомъ, въ которомъ написана эта пьеса, что усиленно аплодировалъ указаннымъ мною намекамъ и старался дать понять всѣмъ то удовольствіе, которое они ему доставляютъ, и смыслъ, который онъ имъ придаетъ.

Всѣ эти обстоятельства, которыя въ другомъ мѣстѣ могутъ показаться не заслуживающими вниманія, здѣсь говорятъ многое. Кто не жилъ долго въ этой странѣ, тотъ даже не можетъ представить себѣ всѣ рычаги, которые пускаютъ здѣсь въ ходъ, не имѣютъ понятія о ловкости, съ которой проводятъ со всѣхъ сторонъ окруженную и сбитую съ толку власть, какъ умѣютъ выжидать и учитывать моментъ, когда можно дѣйствовать, вліять или вредить. Здѣсь даже ангелъ попался бы въ ловушку. Было бы трудно представить себѣ средину между слабостью, которая предоставляетъ всему итти по волѣ фавора, и деспотизмомъ, который сокрушаетъ все подъ своимъ желѣзнымъ скипетромъ. И сказать, что на здѣшнемъ тронѣ даже добродѣтель, несмотря на божественное предвѣдѣніе, рисковала бы пасть, значить опредѣлить въ немногихъ словахъ положеніе Александра.

Заканчивая этотъ обзоръ, я долженъ прибавить, что на судѣ общественнаго мнѣнія лишь немногія репутаціи остались незапятнанными. Послѣ событій подъ Аустерлицемъ, казалось, всѣ похвалы были только для тѣхъ, кого уже не было въ живыхъ. Императоръ, прибывшій послѣ пораженія весьма поспѣшно, безъ всякихъ приближенныхъ, говорятъ, былъ похожъ на бѣглеца, покинувшего свою армію. Великій князь, такъ настаивавшій на разрывѣ съ Франціей, не переставалъ съ пути умолять своего августѣйшаго брата, чтобы ему и гвардіи, которой онъ командовалъ, было позволено итти на врага, и это публика осуждала болѣе всего. Государь, видимо, не приобрѣлъ въ этомъ случаѣ особыхъ правъ на народное уваженіе. Почти всѣ очевидцы утверждаютъ, что во время сраженія онъ постоянно держался позади арміи съ генераломъ Жанковичемъ, командовавшимъ его полкомъ, и пресловутымъ Штуттергеймомъ, ненависть котораго къ французамъ мы раздѣляли. При помощи хвастовства, клеветы и карикатуръ въ этомъ искусствѣ онъ обнаружилъ большой талантъ, онъ вкрался въ благосклонность великаго князя, который сдѣлался орудіемъ его интригъ. Отправляясь изъ Петербурга, онъ, по преимуществу въ будуарѣ княгини Багратіонъ, разрубалъ французовъ пополамъ, какъ Скандербекъ, но въ день битвы онъ, говорятъ, сталъ невидимымъ нигѣмемъ, котораго не могли найти даже лучшія подзорныя трубы

главной квартиры. Князь Багратионъ, котораго петербургскіе бюллетени представляли намъ какъ славу и пѣла арміи и который, несомнѣнно, имѣлъ на это нѣкоторое право, не свободенъ отъ горькихъ упрековъ за ту роль, которую онъ сыгралъ въ военномъ совѣтѣ, повлекшемъ за собою битву. Генераль-адъютанты Ливень и Волконскій подвергались еще болѣе тяжкому обвиненію, ибо оно касалось ихъ личной храбрости.

Такимъ образомъ, нигдѣ противоположности не сходятся такъ, какъ въ Петербургѣ. Поэтому-то тутъ нерѣдко можно слышать и похвалы Бонапарту. Наши молодые офицеры, вернувшись съ равнинъ Моравіи, гдѣ они успѣли оцѣнить этого великаго человѣка, отчасти сообщили публикѣ свои чувства. Первые почувствовали эту прививку женщины. Поэтому за шляпами à la Багратионъ послѣдовали шляпы à la Наполеонъ, какъ ни старалась полиція умѣрить эту моду.

То же самое произошло и съ нами: въ началѣ, когда торжествующая коалиція сражалась въ нашей странѣ, мы были для нихъ измѣнниками, не заслуживающими никакого уваженія, теперь мы умные люди, хорошо знающіе Австрію и постоянное уменьшеніе могущества коалиціи. Въмѣсто увлеченія Австріей вошло въ разговорку презрѣніе, которое она заслуживала, и нерѣдко можно слышать, какъ русскій крестьянинъ, жалуясь на плутовство другого, говорить: «Онъ поступилъ со мною, какъ австріецъ, и я не хочу имѣть съ нимъ никакого дѣла».

Я закончу соображеніемъ, которое, кажется, подтверждалось все время на опытѣ, а именно, что люди необыкновенные завоевываютъ сердца народовъ и покоряютъ ихъ себѣ столько же волшебствомъ—если могутъ такъ выразиться—прикосновеніемъ ихъ великихъ качествъ, сколько своимъ оружіемъ и политикой. Имъ предшествуетъ и за ними слѣдуетъ неотразимое очарованіе. Оно сопровождаетъ и волочашаго ихъ цѣпи плѣннаго съ поля битвы, и побѣжденнаго, который рассчитываетъ избѣгнуть ихъ при помощи бѣгства. Вотъ почему можно было сказать, что Наполеонъ создалъ себѣ русскую партію путемъ пораженія русскихъ. Нельзя себѣ представить, съ какимъ удивленіемъ и уваженіемъ говорятъ о немъ безпристрастные военные и съ какой силой онъ вбилъ въ нихъ мысль о своемъ военномъ превосходствѣ: это, можетъ быть, первый ударъ, нанесенный великолѣпному состоянію духа русской арміи. Первое же французское посольство въ Петербургѣ, навѣрно, найдетъ здѣсь въ наличности всѣ элементы для новой партіи, расположенной помогать французамъ и поддерживать гармоническую и умственную связь, несмотря на предубѣжденія и ненависть тѣхъ, которые стоятъ теперь у кормила правленія. Чтобы собрать эти разрозненные элементы и укрѣпить ихъ, нужно только немного ловкости и побольше денегъ, не столько, впрочемъ, чтобы ихъ под-

купить, сколько ослѣпить. Почему бы Франціи и ея союзникамъ не попытаться вырвать у ихъ общихъ враговъ вліяніе, которое они имѣли на здѣшній дворъ только для того, чтобы въ угоду своему честолюбію тревожить или приводить въ отчаяніе Европу? И если нужно отдать справедливость лояльности и безпристрастію, съ которыми Павелъ I и Александръ I исполняли свои обязательства, то нужно, съ другой стороны, поражаться тѣмъ отсутвіемъ русской политики, которая держала этотъ дворъ въ зависимости отъ Австріи и Англійи и съ давняго времени сдѣлала изъ него недостойное орудіе въ ихъ рукахъ, благодаря Разумовскимъ и Воронцовымъ, вѣрнымъ слугамъ тѣхъ правительствъ, при которыхъ они аккредитованы, а не своего отечества и государя.

Наконецъ, если для этой державы сдѣлалось неисправимой привычкой находиться подъ чьимъ-нибудь руководствомъ, то почему бы въ одинъ прекрасный день не объединить нашихъ усилій, чтобы пріобрѣсти на нее вліяніе такимъ образомъ, чтобы это наиболѣе соответствовало нашимъ интересамъ, спокойствію и счастью всего міра и ея собственному благополучію.

Я видѣлъ недавно Чыяттополи, дорогой кавалеръ. Я далъ ему письмо и докладную записку. Я ему прочелъ черновыя письма и далъ объясненія. Онъ въ самыхъ лучшихъ условіяхъ для исполненія этого дѣла, и я убѣжденъ, что онъ получитъ желательный исходъ и что все это можно будетъ обсудить здѣсь. До свиданія, счастливаго пути. Мой поклонъ m-me де-Брей.

Искренно готовый къ вашимъ услугамъ.

Ю. Д. БЪЛЯЕВЪ.

(Некрологъ).

Въ лицѣ трагически скончавшагося 5-го января с. г. Юрія Дмитріевича Бѣляева русская журналистика понесла тяжкую утрату. Покойный былъ человѣкъ талантливый, отзывчивый, разнообразныхъ дарований, пользовавшійся большою популярностью въ широкихъ кругахъ общества, благодаря своему симпатичному характеру и умѣнью сблизиться съ людьми, располагать ихъ къ себѣ, заинтересовывать собою и дѣлать ихъ своими друзьями и поклонниками. Этими свойствами Бѣляева и объясняется то, что кончина его вызвала и въ печати, и въ обществѣ чувства несказанной грусти и всѣ, и знавшіе его лично, и знакомые съ нимъ по его писаніямъ, искренно соболѣзновали о рано погибшемъ русскомъ талантливомъ человѣкѣ, обѣщавшемъ въ будущемъ еще шире развернуть Богомъ данныя ему способности. Театральный критикъ, фельетонистъ, беллетристъ, карикатуристъ, драматургъ,—вотъ тѣ разнообразные поприща отечественнаго творчества, гдѣ онъ составилъ себѣ красивое имя, оставилъ добрый жизненный слѣдъ и гдѣ сплелъ свое литературное наслѣдіе со многими видными произведеніями родной словесности, родного искусства.

Н. И. Афанасьевъ въ «Новомъ Времени» (№ 14.669) даетъ о покойномъ слѣдующія библиографическія свѣдѣнія:

Покойный родился 28-го ноября 1876 года въ Симбирскѣ. Дѣтство его прошло на Волгѣ. Учился онъ сперва въ симбирской гим-

нази. Когда его семья переселилась въ Петроградъ, онъ поступилъ въ Ларинскую гимназію. Писать Ю. Д. сталъ рано, сотрудничалъ сперва въ «Сѣверѣ» Мерца, «Живописномъ Обзорѣніи», затѣмъ въ «Театрѣ и Искусствѣ», «Новостяхъ» и въ газетѣ «Россія» при А. В. Амфитеатровѣ. Онъ съ раннихъ лѣтъ увлекался театромъ и постепенно специализировался на театральныхъ рецензіяхъ. Его выдающіяся дарованія были замѣчены покойнымъ А. С. Суворинымъ, и тотъ пригласилъ въ 1899 году Бѣляева въ «Новое Время» для работы по театральному отдѣлу. Съ того времени Ю. Д. не разставался съ «Новымъ Временемъ» и сталъ потомъ дѣятельнымъ сотрудникомъ и «Вечерняго Времени». Онъ издалъ иллюстрированныя монографіи: «В. Ф. Коммиссаржевская», «Л. Б. Яворская». Его критическія статьи о театрѣ собраны и изданы въ двухъ книжкахъ: «Актеры и пьсы» и «Мельпомена». Много путешествуя и занимаясь исторіей раскола, покойный написалъ рядъ этнографическихъ очерковъ, вышедшихъ отдѣльной книгой «Въ нѣкоторомъ царствѣ». Его прельщала родная старина, ее онъ изучилъ и старался воскресить старые годы по преимуществу въ своихъ пьесахъ.

Въ теченіе трехъ трехлѣтій Ю. Д. избирался директоромъ Литературно-Художественнаго общества, а въ бытность В. П. Далматова директоромъ театральной школы имени А. С. Суворина преподавалъ въ ней сценическое искусство.

Въ частной жизни покойный былъ прекраснымъ товарищемъ, чуткимъ къ чужимъ радостямъ и горю, занимательнымъ рассказчикомъ. Когда онъ рассказывалъ, его нельзя было слушать безъ восторга и возрастающаго любопытства. Всѣ, знавшіе покойнаго, дорожили знакомствомъ съ нимъ не только какъ съ талантливымъ человѣкомъ, но и какъ съ рѣдкимъ по тонкому уму и юмору себе-сѣдникомъ, отъ котораго бѣжала скука. Такихъ яркихъ, талантливыхъ и жизнерадостныхъ людей, какимъ былъ Ю. Д. Бѣляевъ, очень немного на тускломъ фонѣ нашей будничной жизни.

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что главнымъ поприщемъ литературной дѣятельности Бѣляева былъ театръ и все къ театру относящееся. По сему предмету К. Я. Шумлевичъ, стоявшій близко къ покойному, даетъ не лишеныя интереса свѣдѣнія, отвѣчая тѣмъ на вопросъ: при какихъ обстоятельствахъ зародилось въ немъ тяготѣніе къ сценѣ? Онъ говоритъ («Вечернее Время» № 1715):

«Въ 1894 году Бѣляевъ жилъ въ Крыму, въ Поли-Сараѣ, въ семьѣ Модеста Писарева и Стрепетовой. Это была типичная актерская семья, тамъ онъ впервые сталъ встрѣчаться съ актерами и приглядываться къ ихъ быту. Отсюда и пошла его любовь къ театру, который впоследствии занялъ такое важное мѣсто въ его жизни. Своему прекрасному русскому языку онъ обязанъ академику А. Н. Веселовскому, подъ руководствомъ котораго онъ изучалъ старые русскіе духовные стихи. Съ Веселовскимъ Юрій Дмитрие-

вичъ познакомился черезъ его сына, съ которымъ вмѣстѣ учился, въ Ларинской гимназіи. Въ томъ же 1894 году Юрій Бѣляевъ, тогда 18-лѣтній юноша, начинаетъ писать стихи».

Не окончивъ курса гимназіи, Бѣляевъ посвящаетъ себя цѣликомъ литературѣ и, какъ мы видимъ изъ приведеннаго его некролога, на первыхъ порахъ онъ подвизается въ «Живописномъ Обозрѣніи» редакціи А. К. Шеллера и въ «Сѣверѣ» Мерца. Какъ извѣстно, Шеллеръ любилъ окружать себя молодыми начинающими писателями, поддерживалъ ихъ на избранномъ ими литературномъ пути, наставляя и руководя ихъ первыми опытами. Изъ многихъ тѣхъ, кто въ 80-хъ годахъ окружалъ Шеллера, выработались впоследствии довольно видные литературные дѣятели, перешедшіе теперь въ разрядъ «почтенныхъ» писателей съ именемъ и положеніемъ. Вотъ въ числѣ этихъ-то шеллеровскихъ юношей мы встречаемъ и Бѣляева, сначала въ видѣ простаго гостя гостепріимнаго редактора «Живописнаго Обозрѣнія», а потомъ и секретаря этого популярнаго въ свое время иллюстрированнаго журнала; но содружество Шеллера и Бѣляева было недолгое, и, насколько мнѣ помнится, покойный тоже нынѣ Сѣверцовъ-Полиловъ передавалъ, что старый писатель-романистъ рѣзко отстранилъ отъ себя въ чемъ-то провинившагося своего ученика, порвавъ съ нимъ всяческія связи.

Болѣе осядло укрѣпился Бѣляевъ въ театральномъ журналѣ А. Р. Кугеля: «Театръ и Искусство», гдѣ подъ руководствомъ моего стараго коллеги по университету онъ уже твердо всталъ на ноги и началъ обращать на себя вниманіе театральныхъ сферъ, читающей публики и критики, какъ подающій большія надежды молодой театральнй рецензентъ. Редакторъ «Театра и Искусства» посвятилъ своему бывшему сотруднику и секретарю вслѣдъ за его кончиной двѣ статьи—въ «Днѣ» и въ собственномъ журналѣ. Въ послѣднемъ (№ 2 за 1917 г.) онъ такъ вспоминаетъ о быломъ времени ихъ совмѣстной работы:

«Для насъ Бѣляевъ былъ не только талантливымъ рецензентомъ, авторомъ милыхъ пьесъ и театрално-историческихъ очерковъ, но однимъ изъ первыхъ по времени ближайшихъ сотрудниковъ. Бѣляевъ давно ушелъ и даже отдалился отъ насъ—улыбавшаяся ему быстро бѣгущая жизнь поставила слишкомъ много соблазновъ—но для меня Бѣляевъ неизмѣнно оставался однимъ изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній по журналу, роднымъ по сердцу человѣкомъ.

«Вотъ онъ передо мной, безъ малаго 20 лѣтъ назадъ, худощавый, высокій, черноватый юноша. Что-то печаталъ въ «Живописномъ Обозрѣніи», у Мерца и служилъ натурой для фото-этюдовъ журнала. Помню, показывалъ какую-то группу, кажется, въ лодкѣ, и себя съ бородой среди другихъ. Фото-этюды были тогда совершенною еще новостью, и юношѣ Бѣляеву очень нравилось, что онъ позировалъ. Статейки, которыя онъ приносилъ мнѣ, были написаны его очень мелкимъ, съ закорючками почеркомъ—*pattes de mouche*, какъ говорятъ французы,—и

причиняли много огорченій моимъ глазамъ. Несмотря на отсутствіе всякой опытности и беспорядокъ въ мысляхъ, было что-то нѣжное, изящное, блестящее въ этихъ его первыхъ произведеніяхъ, которыя приходилось передѣлывать и переписывать, что ему, видимо, доставляло мало удовольствія. Но въ этой черновой работѣ постепенно крѣпло и выравнивалось его дарованіе. Онъ очень скоро набрелъ на то, что впоследствии стало главной основой его литературныхъ работъ—историческіе очерки русскаго театра. Серія статей его «Русскіе водевилисты» обратила общее вниманіе. Въ нихъ чувствовалось главное—какое-то сліяніе, внутреннее сродство Бѣляева съ этими водевильстами. Ихъ легкость, ихъ порханіе, видимая беззаботность жизни расцвѣтали, такъ сказать, подъ перомъ Бѣляева. Видно было, что онъ искренній и любящій племянникъ или внучатый племянникъ—«дядюшки Водевила», такого, какимъ его зналъ «годъ сороковый», въ манишкѣ, похожей на жабо, узкихъ брючкахъ и сипемъ сюртучкѣ или полуфракѣ въ талію, со смѣшно подрыгивающею пожкой».

Къ замѣткѣ А. Кугеля о Бѣляевѣ мнѣ еще придется вернуться, а пока отмѣчу, что изъ редакціи «Театра и Искусства» онъ вышелъ уже вполне отшлифованнымъ писателемъ и литературно-театральнымъ критикомъ, прекрасно ознакомленнымъ съ исторіей русскаго театра и со всѣми вопросами, связанными съ жизнью сцены въ ея современности. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, съ возникновеніемъ газеты А. В. Амфитеатрова «Россія», мы встрѣчаемъ его въ числѣ тѣхъ лицъ, кто создалъ бойкому оппозиціонному органу бывшаго фельетониста «Новаго Времени» особый успѣхъ и обратилъ на него вниманіе широкихъ общественныхъ круговъ. Въ «Россіи» Бѣляевъ помѣщаетъ рядъ остроумныхъ рецензій, съ мѣткими характеристиками лицъ, о коихъ шла рѣчь въ рецензіяхъ, блестящихъ и по способу изложенія и захватывающаго интереса. Одна изъ его работъ здѣсь, именно о нынѣ покойной Савиной, очень пространныя и талантливо написанная, обратила на себя вниманіе такого «мастера пера» и знатока сцены, какъ Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ, и онъ пожелалъ, чтобы Бѣляевъ какъ можно скорѣе былъ ему представленъ. Молодой писатель поспѣшилъ, конечно, на зовъ ветерана нашей журналистики и, переступивъ порогъ его кабинета, нашелъ здѣсь привѣтъ, ласку и любовь. Суворинъ, этотъ юноша душою съ сѣдыми волосами влюбился можно сказать, въ своего новаго знакомаго, влюбился, какъ нѣкогда онъ влюбился въ Антона Чехова, приблизилъ къ себѣ и ввелъ въ свою нововременскую редакціонную семью, гдѣ Бѣляевъ вскорѣ и занялъ почетное мѣсто и нашелъ себѣ обезпеченное положеніе. Съ этого времени имя Юрія Бѣляева самымъ тѣснымъ образомъ связано съ исторіей «Новаго Времени» за послѣднія почти 20 лѣтъ, а также съ «Вечернимъ Временемъ» за время его существованія. И въ той и другой газетѣ Бѣляевъ становится баловнемъ редакторовъ, любимцемъ сотрудниковъ и товарищей по перу и любимымъ писателемъ подписчиковъ и читателей обѣихъ газетъ.

Любовью къ своему безвременно почившему другу и объясняется то обиліе нѣжныхъ статей, которыя были посвящены его памяти со стороны оставшихся въ живыхъ дѣятелей и «Новаго», и «Вечерняго Времени».

Воспроизведу здѣсь въ интересахъ главнымъ образомъ нашихъ провинціальныхъ читателей нѣкоторыя выдержки изъ этихъ статей, полагая, что тѣмъ самымъ я болѣе твердо закрѣплю въ литературѣ память о Бѣляевѣ. Газета прочтена, брошена и забыта, журналъ остается, и будущій лѣтописецъ нашей современности не по газетамъ, а по журналамъ будетъ судить, что въ свое время волновало и привлекало вниманіе общественныхъ круговъ.

А. Ксюнинъ въ обѣихъ газетахъ посвятилъ памяти своего товарища по перу и личнаго друга наибольшее количество статей. На слѣдующій же день по его кончинѣ онъ такъ отозвался въ «Новомъ Времени» на поразившее всѣхъ извѣстіе о безвременной гибели Бѣляева:

«Умеръ Юрій Бѣляевъ. И дикими, и нелѣпыми кажутся эти три слова. Весь—жизнь, талантъ, остроуміе, веселость,—такой, къ которому тянуло въ минуты тоски и одиночества, въ минуты, когда давила вся окружающая суета и свистопляска.

«Бѣляевъ—писатель, тонкій, наблюдательный, не банальный, со своими словечками, мѣтками, замѣнявшими то, что другой не сумѣлъ бы сказать въ длинной фразѣ.

«Бѣляевъ—драматургъ, изящный, стильный, тоскующій о красивой старинѣ, зараженный дѣдовскимъ весельемъ, мечтающій подъ душистыми липами брошенной усадьбы.

«Бѣляевъ—критикъ, совершенно оригинальный, не имѣвшій себѣ подражателей, часто злой, но только по-своему—добродушно, всегда чуткій, необыкновенно воспримчивый, проникавшій въ искусство, Боже упаси—не скучный и не трафаретный.

«И все-таки вы не знали всего Бѣляева! Поразительный рассказчикъ, увлекательный, отъ котораго не хотѣлось уходить, котораго всѣ слушали, на котораго приглашали, какъ на тонкое блюдо.

«И еще главное—такимъ даже не всѣ друзья знали Бѣляева. Какъ цвѣтокъ, поражающій при первомъ взглядѣ только своей красотой,—онъ раскрывался, когда прохожій не могъ обидѣть грубымъ прикосновениемъ. Такимъ я узналъ Бѣляева въ варшавскіе дни. Когда нѣмцы стояли у стѣнъ его любимаго города, Бѣляевъ преобразился. Онъ приходилъ въ мой скромный номеръ поздно ночью и оставался до разсвѣта. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ: онъ понималъ свое безсиліе и не зналъ, какъ и чѣмъ помочь. И Бѣляевъ—шутникъ, остроумецъ, «насмѣшникъ», какъ его нѣкоторые называли, превращался въ скорбнаго, страдающаго...

«Неужели умеръ?.. И никогда не придетъ въ редакцію, чтобы расшевелить своей шуткой?

«Сидятъ всѣ сумрачные. Обсуждаютъ какой-нибудь чрезвычайно важный вопросъ, кто-то доказываетъ, кто-то опровергаетъ. И вдругъ появляется Бѣляевъ. Два-три мѣткихъ словца, удачное сравненіе, и сразу мѣняется настроеніе. Врывается какой-то просвѣтъ, все покрывается талантливымъ словомъ. Въ немъ—высшее и самое дорогое въ жизни.

«Когда сегодня узнали о нелѣпой смерти, чувство горечи и обиды охватило. Погибъ! Иначе трудно назвать эту неожиданную и жестокую смерть».

Въ этотъ же день А. Ксюнинъ писалъ въ «Вечернемъ Времени» (№ 1713) о своемъ другѣ:

«Юрій Бѣляевъ... Большая, яркая, красочная фигура популярнаго и любимаго писателя.

Весь оригиналенъ. Свой, неедѣланный, никому не подражавшій, одаренный громаднымъ талантомъ, чутьемъ и мѣткостью настоящаго газетчика, любовнымъ обожаніемъ искусства.

«Своихъ рѣдко чѣмъ возьмешь,—а Юрія Бѣляева читали и свои, пишушіе. Читали, смаковали, смѣялись вмѣстѣ съ нимъ при встрѣчѣ, а больше, впрочемъ, слушали самого Бѣляева и восхищались.

— Какъ вы его назвали, Юрій Дмитріевичъ?..

«Бѣляевъ улыбался, прищуривалъ глаза, что-то смѣшное дѣлалъ рукой, пускалъ свое словечко и, замѣчая, что хотятъ, чтобы разсказалъ, начиналъ съ пустяка, будто конфузился, потомъ расходился и «бралъ всѣхъ въ оборотъ». Тоже его выраженіе. А сколько ихъ ходитъ въ публикѣ? Когда-нибудь вспомнимъ, соберемъ, а можетъ и насъ судьба унесетъ скоро за нимъ.

«Сейчасъ горько и досадно. Вы только читали, знали по фельетонамъ, пьесамъ и рецензіямъ. А мы любили! Часто жили имъ. Когда дѣлалась газета, Бѣляевъ былъ незамѣнимъ. Онъ «освѣжалъ» всѣхъ, подбадривалъ своей чуткостью, незначительными замѣчаніями поворачивалъ, мѣнялъ настроеніе.

«А въ театрѣ... Нѣсколько разъ былъ съ нимъ на репетиціяхъ. Смотритъ со стороны, первичаетъ, посмѣивается, потомъ не вытерпитъ, пойдетъ самъ, перевернетъ все по-своему. Двумя-тремя словами, жестомъ, интонаціей голоса оживитъ, заставитъ понять, вдохновитъ.

«Въ счастливыя минуты, когда былъ въ ударѣ, садился за рояль, подбиралъ, напѣвывалъ. Либо старый, обвѣянный ароматомъ мечтательности романсъ, либо русскую, печальную и разгульную. И самъ Юрій Бѣляевъ былъ такимъ. И смѣялся, и плакалъ, и горевалъ, и радовался, всегда заражалъ, захватывалъ другого.

«И та же судьба, что многихъ талантливыхъ русскихъ людей! Вспоминается Чеховъ... У нихъ было много общаго: оба одинаково провели свою молодость и оба росли около старика Суворина. Онъ любилъ Бѣляева, какъ любилъ все выдающееся, незаурядное, талантливое.

«Новая могила... Варламовъ, Савина, Юрій Бѣляевъ. Одинъ за другимъ ушли изъ театра: А отъ насъ—изъ газеты ушелъ принцъ мечтательности. Ушелъ другъ любимый и радовавшій».

Въ томъ же номерѣ «Вечерняго Времени» бар. Н. Стюартъ писалъ:

«Не стало Юрочки Бѣляева... Какъ сейчасъ вижу его входящимъ въ кабинетъ редактора, садящимся молча на подоконникъ.

«Посидитъ, посидитъ, скажетъ нѣсколько словъ и выйдетъ.

«— Юрочка!—кликнетъ его кто-нибудь.

«— Что?—лѣниво обернувшись, броситъ онъ въ дверяхъ и уйдетъ.

«А черезъ полчаса возвращается и молча кладетъ на столъ передъ Борисомъ Алексѣевичемъ Суворинымъ карикатуру, смѣшную до нелзя. Всѣ покатываются со смѣха, и Юрочка оживляется и полуднамеками,

съ разстановками, какъ-то совершенно особенно рассказываетъ какой-нибудь анекдотъ.

«Юрочка любилъ театръ, любилъ искусство, литературу, да онъ все любилъ. Последнее время, однако, улыбка все рѣже и рѣже освѣщала его лицо. И немудрено. Юрочка любилъ Россію и былъ русскимъ до мозга костей, и не просто русскимъ, но русскимъ писателемъ и публицистомъ.

«Театральный критикъ, юмористъ; писатель легкаго жанра,—и тѣтъ, большой русскій писатель, сродни Гоголю, только скошенный безпощадной смертю раньше времени. И Юрочки не стало...

Люцій въ № 1715 «Вечерняго Времени» такъ отозвался на смерть Бѣляева:

«Вы, наши первыя актрисы, наши крѣпостныя Дидоны, Андромахи и Федры, наши оброчныя Лекувреръ и гаремныя Камарго, вы, которымъ онъ посвятилъ свою пьесу и эти трогательныя строки, слышите ли вы насъ?»

«Вы, прекрасныя незнакомки, счастливыя Параша и несчастныя Сороки-воровки, вашимъ подвигамъ, страданіямъ и успѣхамъ—его удивленіе, его любовь, знаете ли вы о нашемъ горѣ?»

«Простите его въ послѣдній разъ, что онъ потревожилъ ваши тѣни, снова собралъ вашъ хороводъ, разставилъ кулисы, зажегъ лампу и крикнулъ вамъ: «На сцену!»

«Онъ вторгся въ старую жизнь за молодостью, которую такъ любилъ, за этой Псишей, вьющейся, какъ весенняя бабочка надъ вашими засохшими цвѣтами.

«Тогда былъ вашъ и нашъ праздникъ, а сегодня мы его хоронимъ.

«На траурномъ вѣнкѣ сказано, что теряетъ «Вечерне Время»:

«Незамѣнимаго сотрудника и дорогого друга».

«Русская литература, театръ, журналистика—лишились Юрія Бѣляева, а мы, кто знали его ближе,—Юрочки.

«У могильнаго холма не до оцѣнки Бѣляева, да и не намъ, современникамъ, слѣдуетъ это дѣлать. Нужно только записать и запомнить все, что мы знали о немъ. Но, Боже, какъ это много, какъ все это интересно, какъ все это исключительно.

«Перебираешь мысли, и кажется страннымъ: неужели онъ жилъ съ нами? Юрій Бѣляевъ въ XX вѣкѣ, когда вся его жизнь и онъ самъ—30-е годы прошлаго столѣтія. Я часто представлялъ себѣ Бѣляева въ кругу Пушкина, князя Вяземскаго, А. Тургенева и часто рисовалъ его одной изъ фигуръ нащокинскаго домика.

«И манера его письма и любовь къ театру («Живите въ театрѣ, любите театръ, умрите въ театрѣ») и даже его карикатуры. Помните карикатуры Пушкина?»

«А привычки, а образъ жизни Бѣляева, гдѣ «вино и эпиграммы» нерѣдко лились рѣкой.

«А. А. Плещеевъ вспоминаетъ, что въ молодости Бѣляевъ носилъ баки и молодые журналисты называли его «нашъ Пушкинъ—съ баками». Пушкинскаго въ Бѣляевѣ было далеко не только въ однѣхъ бакахъ.

«Бѣляевъ весь въ прошломъ, Бѣляевъ поэтъ, фантастъ и романтикъ сумѣлъ также сохранить восторги для настоящаго.

«Его хвалебныя статьи и рецензіи рѣдкое очарованіе, подлинныя стихотворенія въ прозѣ, поэмы, до которыхъ у насъ не поднимался никто.

Его языкъ это не красивость, которую противопоставляютъ красотѣ, а то, что сказалъ Фетъ: «Тотъ цвѣтокъ, что иссохъ и свалился, золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣннѣ».

«Бѣляевъ какъ-то по-старинному умѣлъ влюбляться въ талантъ, и эта влюбленность потомъ переходила въ обожаніе пажы. Его увлеченія Ермоловой, Савиной, Коммиссаржевской были искренни, длительны и трогательны...

«...Я видѣлъ на столѣ у Бѣляева портретъ Коммиссаржевской, на которомъ она написала изъ «Чайки»: «Когда я думаю о своемъ призваніи, я не боюсь смерти».

«Бѣляевъ меньше всего думалъ о своемъ призваніи. Онъ пѣлъ, какъ Божья птичка.

Не знаю, откуда пришла я,
И выросла гдѣ я.
Не знаю—я птичка лѣсная,
Иль фея.

«Помните, въ «Потонувшемъ колоколѣ»—полуробенка, полуфею, очаровательное созданіе фантазіи, блуждающій огонекъ—это выраженіе поэтической мечты, творческаго вдохновенія, для котораго смерть заключается въ соприкосновеніи съ реальнымъ міромъ...

«...Бѣляева больше нѣтъ. Смерть не различаетъ ни Пушкина, ни Толстого, ни Савину, ни Сальвини. У насъ отняли нашу «нечаянную радость»—Юрочку. Жутко, нелѣпо, обидно».

А. А. Плещеевъ въ № 1713 «Вечерняго Времени» именуеть Бѣляева «поэтомъ старины» и говорить:

«Бѣляевъ-драматургъ занялъ мѣсто въ сторонѣ отъ драматурговъ его современниковъ.

«Онъ не пытался разрѣшать государственные и общественные вопросы, не сочинялъ патологическихъ пьесъ.

«Онъ самъ по себѣ, онъ пошелъ по своей дорогѣ, а не потянулся въ хвостъ драматурговъ, считающихъ себя Олимпомъ драматургіи.

«Юрій Дмитріевичъ остался чистымъ художникомъ. Онъ воскресилъ на сценѣ старину, вспомнилъ о крѣпостной актрисѣ, о кокеткѣ изъ Торжка, объ историческомъ загородномъ трактирѣ на Петергофскомъ шоссе, слава котораго началась при Екатеринѣ («Красный Кабачекъ»), наконецъ еще недавно онъ показалъ нѣпѣтней публикѣ «Марцинкевича», гдѣ веселился и отплясывалъ старый Петербургъ.

«Ароматъ русской старины увлекалъ Юрія Дмитріевича и пробуждалъ, благодаря его пьесамъ, любовь къ стариинѣ въ обществѣ. Теперь стариной бредятъ всѣ, и я не преувеличу, если скажу, что Бѣляевъ былъ и остался до своей ранней смерти поэтомъ старины.

«И въ жизни Юрій Дмитріевичъ не проходилъ мимо старины, оставившая вниманіе на предметахъ, шептавшихъ ему объ отжитомъ времени.

«Перелистывая исторію театра, Бѣляевъ нашелъ въ ней свой идеаль—Варвару Асенкову, актрису, ученицу Сосницкаго. Онъ сдѣлался ея пламеннымъ почитателемъ, восторженно говорилъ и писалъ о ней, какъ будто видѣлъ ее передъ собой.

«Онъ влюбился въ Асенкову, которая умерла задолго до его рожденія, она мелькала въ его мечтахъ, какъ очаровательная тѣнь».

Красивымъ словомъ простился въ «Новомъ Времени» (№ 14.669) съ покойнымъ Поселянинъ. Онъ сказалъ:

«Онъ писалъ съ восторгомъ, заражая имъ другихъ, о томъ, что его взволновало въ авторѣ или актерѣ. Зато тамъ, гдѣ все плоско и вымучено,—уже по одному лѣнивому тону Бѣляева вы могли заключить, какъ было «неинтересно».

«Въ немъ была несомнѣнная мистичность. Живое чувство «чего-то» неуловимаго, что ходить надъ жизнью и вкрадывается въ самыя, повидимому, прозаическія ея складки, и мистичны были, въ большинствѣ случаевъ, нарисованные имъ пейзажи, такіе задушевные и простые.

«Но, при всей мистичности своей, онъ былъ сочнымъ бытовикомъ. «Можно сказать, что въ повѣстяхъ и пьесахъ его «пучило бытомъ», начиная съ его извѣстной «Пиши». Столько всюду у него яркихъ бытовыхъ сценъ, картина за картиной—все для красочнаго жанра.

«И въ этомъ отношеніи сочный и полнокровный Бѣляевъ такъ не подходилъ на всю эту болѣзненную символистику, съ неясными, раскрывающимися образами, съ неопредѣленнымъ бытомъ.

«Красивый бытъ тридцатыхъ и сороковыхъ и болѣе раннихъ годовъ его особенно привлекалъ, и онъ столько же восхищался бисерной игрой Савиной въ Натальѣ Петровнѣ («Мѣсяцъ въ деревнѣ» Тургенева), какъ ея изумительными костюмами и прелестными старомодными зонтиками съ костяной ручкой въ ея рукѣ.

«Самое общественно-крупное изъ написаннаго имъ есть, вѣроятно все, «Пиша». Тутъ вылилъ онъ свою любовь къ русскому актерству, которое терновымъ путемъ шло изъ-подъ быта крѣпостной «театральной школы» къ тому положенію, которое заняло теперь, и въ тяжелыхъ тискахъ хранило свою прекрасную душу, съ жаждой красоты и свободы.

«Изъ современности онъ мастерски рисовалъ нашу грѣшную жизнь съ ея страстишками и ложью и сияющимъ нерѣдко въ этомъ мусорѣ жемчугомъ хорошихъ и большихъ чувствъ.

«Онъ далъ такъ мало изъ того, что могъ бы дать, что долженъ былъ дать. И въ этомъ трагизмъ его жизни.

«Столько роившихся въ его душѣ образовъ и намѣреній унесъ онъ въ могилу. «Теперь рѣчей исчезло обаянье».

«Не скоро русскій театръ наживетъ такого требовательнаго и ревниваго, подчасъ ворчливаго, но пылкаго, чуткаго и вѣрнаго друга.

«Смѣявшійся и плакавшій смѣхомъ и слезами сцены,—онъ лежитъ бездыханенъ и неподвиженъ.

«Но онъ лѣжить не одинокъ.

«Тише. Тише.

«Яркіе образы окружили таинство смерти.

«Проходятъ тяжелою поступью видѣнія... Вотъ на сцену выбѣжала и веселымъ голосомъ заговорила о важныхъ вещахъ смѣшная Комедія... Кто-то плачетъ, чье-то сердце рвется въ высоту, къ правдѣ... Чистыя поднимающія душу волны хлынули со сцены въ жизнь.

«Овладеваетъ читателемъ только тотъ, кто самъ глубоко и искренно взволнованъ.

«Только тотъ образъ выходитъ у автора живымъ и дѣйствительнымъ, который онъ вынапчилъ въ своей душѣ, съ которымъ онъ сжился, который сталъ на время его душой, его страстью, его недугомъ... Подобіе рожденію человѣка въ боляхъ и въ мукахъ.

«Бѣляевъ былъ прежде всего человѣкъ театра.

«О, это не было отношеніе къ театру большинства изъ насъ... Сходить посмотрѣть пьесу, «о которой говорятъ», не смѣть ни опредѣленно

похвалить, ни опредѣленно похулить, боясь «сказать не то», въ антрактѣ болтать о постороннемъ и забыть всю пьесу, не успѣвъ еще выйти изъ театральнаго зданія.

«У него театръ былъ страстью захватывающею и испепеляющею, единственнымъ семейнымъ очагомъ его души, то ненавидимымъ, то обожаемымъ, всегда волнующимъ.

«Онъ любилъ театръ—«весь театръ». Не только то, что видимъ мы, «публика», профаны. Онъ любилъ любовью преувеличенною, забирающею вширь и вглубь.

«Его безпокойная мысль то старалась проникнуть въ тайну стараго покинутаго храма сцены, какъ сѣдой деревянный давно запертый театръ Елагина острова, гдѣ ему чудились старыя тѣни.

«То онъ подслушивалъ возню мышей въ хламъ тлѣющихъ декораций... Съ какой-то жутью мысль его манила темная пустота зрительнаго зала въ тѣ часы ночи, когда все живое ушло изъ театра, и въ этой пустотѣ что-то движется, шепчетъ, тоскуетъ, ищетъ и любитъ.

«Съ какимъ-то суевѣріемъ онъ прилѣплялся душой къ нѣкоторымъ дорогимъ тѣнямъ русскаго театра. Такимъ идоломъ его души была трогательная Асенкова.

«Неподалеку отъ главнаго храма Смоленскаго кладбища легла она въ безвременно скошенной молодости и безотчетной прелести своей и застыла милая улыбка на блеклыхъ чертахъ акварельныхъ портретовъ.

«Все было въ ней: талантъ съ умомъ и красота,

«И скрылось все, какъ легкая мечта».

«Но за эту мечту давнихъ десятилѣтій онъ схватился и для себя ее оживилъ, и ей поклонялся.. Ея бюстъ, ея портреты, догадка объ ея роляхъ... И, быть можетъ, какъ въ театрѣ, гдѣ жизнь такъ чудно и такъ странно сплелась съ выдумкой, гдѣ все вымыселъ и все, въ то же время, правда, быть можетъ, временами ожившій образъ Асенковой спускался къ ея поклоннику въ той реальности, въ какой стоять для насъ сильнѣйшія и новѣйшія созданія литературы.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ привести здѣсь отзывы другихъ товарищей по редакціямъ, которыми они помянули почившаго друга и соратника по газетамъ. Писали о Бѣляевѣ еще и М. Меньшиковъ, и К. Медвѣдскій, и Н. Штиглицъ, и Е. Семеновъ и др., а также близко къ нему стоявшій Н. Кравченко, чьей статьей я ниже воспользуюсь; теперь же, во избѣжаніе нареканій, что я привожу здѣсь лишь мнѣнія одного, такъ сказать, лагеря, я воспроизведу и характеристику покойнаго писателя, сдѣланную А. Кугелемъ (Номо Novus), опустивъ изъ этой характеристики все то полемическое, что имъ было направлено по адресу Эртелева переулка.

Въ «Днѣ» (№ 1542) Номо Novus писалъ:

«Какъ рецензентъ, Ю. Д. Бѣляевъ былъ для Суворина неоцѣнимъ: онъ писалъ такъ, что могъ не только сравняться съ уже отставшимъ отъ этого дѣла К. А. Скальковскимъ, но и затмить его. Бѣляевъ умѣлъ иронизировать, гдѣ нужно посмѣяться, сяззвить; не заботясь или мало заботясь о существѣ дѣла, позабавить или заинтересовать, красиво расцвѣтить иную ветошь, а еще, сверхъ того, *par dessus le marché*, и это было уже его собственное, бѣляевское—дать превосходный порою опытъ холодноватой, но прозрачной и стилистически совершенной лирики.

Юрій Дмитрієвич Б'ляєв.

Бѣляеву особенно удавались портреты артистовъ. Онъ ихъ нарисовалъ много. Вънѣшнѣ они были чрезвычайно похожи и написаны съ большою мѣткостью, и, какъ всегда, душа ихъ творчества оставалась неуясненной. Вообще анализъ не былъ сильной стороной критическихъ опытовъ Бѣляева. Онъ чувствовалъ красоту и форму, какъ художникъ, а не какъ энтузіастъ. Онъ любилъ всего больше красоту старую, старую жизнь, старыя камни, старыя книги, картины. Его самыя лучшія очерки—это очерки стараго театра, какой-нибудь 1840-ой годъ въ Петербургѣ, Асенкова въ гусарскихъ рейтузахъ, Живокини съ табакеркой въ одной рукѣ и краснымъ водевильнымъ платкомъ—въ другой. Поклоняясь театральной старинѣ, онъ нашелъ скоро и форму для своихъ пьесъ. Всѣ онѣ, какъ «Псиша», «Красный Кабачекъ», «Путаница», представляли реставрацію стараго театра.

«Псиша» вся цѣликомъ есть такая, какъ нынче выражаются, реконструкция стараго помѣщичьяго театра, съ душою крѣпостной рабыни и съ классическимъ фронтономъ на первомъ планѣ. И добродумъ пьесы, молодой помѣщикъ,—я забылъ, какъ его зовутъ,—мартинистъ и либераль, громить «существующій порядокъ вещей», также съ точки зрѣнія театра. Бѣляевъ, можно сказать, обожалъ историческій стиль, старыя прически, фижмы, шляпки; порою вся красота пьесы (какъ, напримѣръ, «Въ дамѣ изъ Торжка») была въ живыхъ подробностяхъ прошлаго, въ какихъ-то засушенныхъ цвѣткахъ и недо-молвкахъ...

«Бѣляевъ живописенъ и интересенъ, какъ осколокъ стараго барскаго времени. Иной разъ, слушая его и наблюдая за нимъ, казалось, что онъ самъ пришелъ изъ этого 1840 года, изъ партера Александринскаго театра, гдѣ хлопалъ водевиллю, и сейчасъ поѣдетъ въ Большой театръ, въ маскарадъ, чтобы интриговать штабъ-офицершу или, можетъ быть, генеральскую дочь своею загадочною холодною, своими каламбурами и остроуміемъ, пересыпанными «крупной солью свѣтской злости». Онъ былъ органически чуждъ, и, я даже скажу, враждебенъ современности, пахнущей «михрюткинымъ» потомъ. И холодность, и нѣкоторый цинизмъ, и саркастическая усмѣшка на устахъ—все это у Бѣляева было такое, какъ у роковыхъ «обольстителей» въ романахъ Писемскаго. Это была заблудившаяся душа, перепутанная капризомъ исторіи и хронологіи.

«Подобно тому, какъ его красивая, черноволосая голова подернулась сѣдиною, такъ и его романтической обликъ сталъ рано выдавать черты газетной суеты и торопливости.

«Но и со всѣми этими «чертами изъ жизни» сошелъ въ могилу изящный, тонкій и совсѣмъ незаурядный человѣкъ...

Въ своемъ собственномъ журналѣ «Театръ и Искусство» (№ 2 с. г.) тотъ же авторъ писалъ:

«И какъ первый, болѣе или менѣе значительный критическій опытъ Бѣляева былъ посвященъ историческому опыту о русскихъ водевильстахъ, такъ и первая его пьеса—одноактная «Путаница»—была апофеозомъ водевиля. Въ «Прологѣ» этой пьесы появляется Путаница, миленькая, маленькая особа въ темно-зеленой бархатной шубкѣ, съ большой горностаевой муфтой, и подъ завываніе вьюги говоритъ о старомъ водевилѣ—добромъ старомъ водевилѣ—гдѣ всѣ, по обыкновенію, «сѣхались, перепутались и разѣхались». Все это натворила она, Путаница, душа водевиля. А водевиль это—«золотая театральная пыль». И Путаница произносить слѣдующій куплетъ:

Ахъ, я боюсь, что пѣть мы разучились,
И пропадетъ послѣдній нашъ куплетъ—
Ошибки всѣ, которыя бѣ случились,
Простите намъ... «за выслугою лѣтъ».
Я перепутала въ концѣ, да и въ началѣ,
Но такъ кончатъ случилось мнѣ впервой.
Простите Путаницѣ, какъ ей всѣ прощали,
Когда у насъ былъ годъ сороковой.

«Бѣляевъ до конца усердно собиралъ эту «золотую театральную пыль». И «Псиша»—въ сущности театральныи водевиль, съ мелодраматической приправой. И «Дама изъ Торжка», и даже «Красный Кабачекъ», и его послѣдняя пьеска «Семья Пятчковыхъ». Отдѣльно стоитъ «Царевна-лягушка», но, по правдѣ сказать, это и самая слабая да и наименѣе характерная для Бѣляева [пьеса. «Душа театра» рисовалась Бѣляеву именно такой—либо Путаницей, либо Псишей. И неизмѣнной героиней Бѣляева, его «принцессой грезь», «Princesse Lointaine» была Асенкова въ накидкѣ, похожей на ментикъ, или въ гусарскихъ рейтузахъ, или на колѣняхъ предъ разгнѣваннымъ водевильнымъ батюшкой. Однажды—ему уже тогда было за 30, и онъ давно распрощался съ «Театромъ и Искусствомъ»,—онъ позвонилъ мнѣ по телефону, сказавъ: «у меня есть замѣчательная вещь». И онъ прѣѣхалъ, въ ужасную осеннюю непогодь, и привезъ тщательно завернутый въ бумагу какой-то портретъ Асенковой, старинную литографію, отысканную у антикварія. Съ упоеніемъ смотрѣлъ онъ на литографію и щелкалъ пальцами по портрету.

«Водевиль есть вещь, а прочее—все гиль». Почему бы и не такъ? Это была, во всякомъ случаѣ, сущая правда для Бѣляева. Водевильная Путаница питаетъ любовь, романтику, поэзію. Она порождаетъ скачки жизни, очаровательность, хаотичность и бессистемность «какъ беззаконная комета въ кругу расчисленномъ свѣтилъ». Старый водевиль былъ комической сказкой—противоположеніемъ безжалостной, аксіоматически-вѣрной дѣйствительности. Сила водевиля была не только въ томъ, что онъ забавлялъ, но и въ томъ, что онъ выбивалъ нашу мысль изъ размѣренныхъ путей документальной достовѣрности, что появлялась Путаница и путала, путала, путала... Если бы А. не приняли за Б.—не было бы водевиля. Въ этомъ, конечно, нѣтъ нужды, т. е. чтобы А. казался Б., но жизнь стала бы непроходимо скучной, если бы А. всегда казался именно тѣмъ, что онъ есть.

«И было еще нѣчто въ старомъ водевилѣ, что привлекало такъ Бѣляева—это ароматъ стиля. Въ стилѣ величайшее очарованіе поэзіи, потому что стиль есть завершеніе цикла, эпохи, художественныхъ формъ. Въ современности обыкновенно не бываетъ и не можетъ быть настоящаго стиля, потому что настоящее «течетъ», находится въ образованіи, и къ нему пристаеъ всякій соръ, все, что «довлѣетъ дневи». Истинный стиль всегда въ прошломъ, и потому люди съ хорошо развитымъ художественнымъ вкусомъ любятъ старину. Бѣляевъ любилъ старину, и былъ человѣкъ со вкусомъ, потому что любилъ ее. И, выбирая темы и эпохи отдаленныя, онъ отдавался естественному для себя влеченію къ какой-то легкой, дымчатой воздушной перспективѣ, ловилъ нѣкоторую безплотность, нѣкоторую очаровательную схему. Онъ, дѣйствительно, превосходно чувствовалъ стиль, и когда подъ его руководствомъ и наблюденіемъ была поставлена «Перикола», я удивился, какъ живо и тонко, въ легчайшихъ очертаніяхъ онъ схватилъ стиль третьей имперіи, весь этотъ чувственно-дразнящій бонапартизмъ, овѣянный Оффенбахомъ. Въ «Дамѣ изъ Торжка», собственно, нѣтъ ничего, кромѣ обыкновеннѣйшаго анекдота, и если

угодно, водевиля, но опять стиль, аромат, словно вынули изъ шкатулки старое кружево, съ запахомъ процѣженного временемъ опопонакса. Дамы жеманны, съ высокими таліями, въ бѣлыхъ чулочкахъ. У кавалеровъ—кэпи и висячія бакенбарды. Это было давно и потому это было прекрасно».

Въ томъ же почти духѣ и направленіи характеризовала въ «Рѣчи» скончавшаго писателя и театральнѣй критикъ этой газеты г-жа Любовь Гуревичъ, а также А. Амфитеатровъ въ «Русской Волѣ».

Такимъ образомъ мы видимъ, что, сопоставляя все сказанное о Бѣляевѣ писателями разныхъ лагерей, подчасъ рѣзко враждебныхъ другъ другу, онъ вырисовывается передъ нами и какъ художникъ, и какъ человѣкъ въ необычайно симпатичномъ свѣтѣ, въ красивыхъ очертаніяхъ, подернутыхъ порою дымкою грусти и сожалѣнія о безвременно погибшемъ талантливомъ русскомъ писателѣ, порою орошенныхъ слезами горести объ угасшемъ другѣ. Къ приведеннымъ характеристикамъ я не стану прибавлять чего-нибудь своего. Всѣмъ сказаннымъ почти очерченъ полностью Юр. Дм. Бѣляевъ. Надѣюсь, что на страницахъ «Историческаго Вѣстника» еще появятся воспоминанія о покойномъ, которыя намъ обѣщаны, и тогда читатели въ достаточной полнотѣ уяснятъ себѣ, кого потеряла въ лицѣ почившаго русская жизнь. Несомнѣнно и теперь одно: потеря велика и въ нашей періодической печати еще, быть можетъ, надолго останется вакантнымъ мѣсто для русскаго театральнаго критика, дѣйствительно всѣми фибрами души понимавшаго родную жизнь въ ея прошломъ и настоящемъ. Послѣ Скальковскаго, Суворина и Бѣляева это мѣсто вакантно, и, какъ долго намъ придется ожидать новаго пришельца, трудно сказать. Остается въ живыхъ еще В. Буренинъ, но онъ по части театральнѣй критики давно безмолвствуетъ...

При какихъ же обстоятельствахъ погибъ Бѣляевъ? Какъ протекали его послѣдніе дни? Какимъ грустнымъ финаломъ эти дни закончились?

Н. И. Кравченко такъ описываетъ послѣдній сознательный день жизни Юрочки Бѣляева въ «Вечернемъ Времени»:

«Я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ тотъ печальный день, когда онъ захворалъ. Былъ хорошій морозный день 6-го декабря. На улицахъ висѣли флаги, чувствовалось что-то праздничное. Я только что вышелъ съ эскизной выставки въ обществѣ поощренія художествъ и шелъ по Морской, когда меня кто-то окликнулъ.

«На саночкахъ ѣхалъ Бѣляевъ. Онъ остановилъ извозчика и позвалъ съ собою «посидѣть».

«— Не могу, братъ, тороплюсь. Хочу заѣхать еще въ «Вечернее Время».

«— Пустяки. Поѣдемъ. Посидимъ, позавтракаемъ. Ты можешь оттуда протелефонировать.

«Бѣляевъ умѣлъ, когда хотѣлъ, говорить такъ, что ему трудно было отказать, да и притомъ—я не знаю болѣе живого, оригинальнаго и умнаго собесѣдника—я согласился и мы поѣхали.

«Въ ресторанѣ мы сѣли за отдѣльный маленькій столикъ, намъ подали въ кувшинѣ хорошаго хереса, и свѣжій, розовый отъ мороза и хорошаго самочувствія Бѣляевъ началъ свой непередаваемый разговоръ.

«Въ его рѣчахъ, въ выраженіи лица чувствовалась особенная приподнятость. Видно было, что съ человѣкомъ происходитъ какой-то переломъ. Говорилъ онъ со мною слегка глухимъ голосомъ, чтобы насъ не слышали еще рѣдкіе сосѣди.

«— Знаешь,—говорилъ онъ:—эта война все передѣляетъ. Она и ужасна и въ то же время должна повліять на всѣхъ въ хорошемъ смыслѣ слова. Я не могу отдѣлаться отъ этой мысли. Она меня всегда беспокоитъ. Все кажется, что нужно сдѣлать что-то большое, а что—не знаю. Но нужно, нужно! Они не понимаютъ, что такое эта война.

«Онъ эту фразу повторялъ часто. Помню, что то же самое онъ говорилъ мнѣ и въ 1915 году во Львовѣ. Кто это «они»—не опредѣлялъ въ точности. Казалось, что это всѣ.

«— Люди должны стать совсѣмъ другими. Послѣ войны искусствомъ будутъ дорожить еще больше. И всѣ художники будутъ вдумчивѣе, глубже. Войну надо почувствовать, проникнуть въ нее. Мнѣ кажется, что съ нѣмцами ведутъ борьбу неправильно. Мы и они—разные люди. Нужно бы понять ихъ міровоззрѣніе, стать на ихъ точку зрѣнія. А у насъ все по старому—сентиментальничаютъ. Какіе-то романтики! Страдаютъ и гибнуть люди, способные къ высокой культурѣ, побуждаютъ разбойники.

«Я теперь часто не могу долго спать. Встаю въ шесть часовъ утра и сажусь за работу. Но спокойно писать не могу. Все война. Она не даетъ мнѣ покоя, не даетъ возможности сосредоточиться.

«Такимъ послѣдовательнымъ, сосредоточеннымъ Бѣляева я никогда не видалъ и не слышалъ.

«Вскорѣ онъ опять перешелъ на разговоръ о художникахъ, объ искусствѣ въ связи съ войной. Говорилъ о томъ, что не понимаютъ, какъ слабо они ее изображаютъ, что всѣ работы очень поверхностны, что никто не захватываетъ ее глубоко, не показываетъ ея ужасовъ, почти звѣриную борьбу обозленныхъ, оступившихъ и презирающихъ смерть людей.

«Я указалъ ему на то, что и на художниковъ война дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ, что и они не могутъ сосредоточиться на работѣ, что всѣ чего-то ждутъ.

«— Да, это правда. Только побѣда подниметъ нашъ духъ, дастъ возможность работать.

«— Знаешь, Юрій Дмитріевичъ, ты сейчасъ какой-то особенный,—сказалъ я.—Такимъ я тебя еще не видалъ никогда.

«— А вотъ напиши мой портретъ. Такой! Только, знаешь, въ чемъ-нибудь сѣромъ. Чтобы все было сѣрое. И небольшой, вотъ такой.

«И онъ показалъ рукой по грудь.

«Время бѣжало незамѣтно. Было 3 часа.

«— Ну, что жъ, поѣдемъ. Ты хотѣлъ навѣстить Гольштейна.

«— Нѣтъ, не поѣду сейчасъ. Хочу домой. Хочется опять побыть съ самимъ собой.

«На углу Морской мы расстались, а на другой день утромъ я уже узналъ печальную вѣсть: поздно вечеромъ, когда онъ поднимался по лѣстницѣ, съ нимъ сдѣлался припадокъ, онъ упалъ, разбился и въ безпамятствѣ былъ принесенъ въ квартиру.

«Бѣдный Юрій Дмитріевичъ! Онъ умеръ тогда, когда все существо его, все творчество тянулось къ чему-то иному, большому».

Болѣе подробно повѣствуется о всемъ трагическомъ событіи въ «Вечернемъ Времени» (№ 1714) въ статьѣ «Болѣзнь Ю. Д. Бѣляева». Тутъ мы читаемъ:

«Ю. Д. Бѣляевъ захворалъ 6-го декабря 1916 года. Возвращаясь изъ «Отель-де-Франсъ» и поднимаясь къ себѣ въ квартиру, онъ остушился, упалъ навзничъ и былъ перенесенъ близкими въ комнату.

«Къ Ю. Д. Бѣляеву были приглашены врачи и однимъ изъ первыхъ старшій врачъ больницы св. Николая Чудотворца, докторъ Л. О. Финкельштейнъ. Въ первые же дни болѣзни вслѣдъ за бессознательнымъ состояніемъ впервые появились судороги, которыя были настолько сильны, что приходилось опасаться за его жизнь. Однако, благодаря принятымъ мѣрамъ, положеніе Ю. Д. стало нѣсколько лучше, судороги прекратились, но во время судорожныхъ припадковъ, повидимому отъ кровоизліянія начался правосторонній параличъ.

«У Ю. Д. Бѣляева отнялись правая рука и нога и была поражена рѣчь.

«Къ рождественскимъ праздникамъ состояніе здоровья Ю. Д. Бѣляева снова нѣсколько улучшилось, но 31 декабря рѣзко поднялась температура, и приглашенными врачами былъ заподозрѣнъ плевмоническій процессъ (воспаленіе легкихъ), который по всемъ признакамъ начался отъ застоя кровеносныхъ сосудовъ.

«Въ Новый годъ температура стала быстро повышаться, и процессъ сталъ дѣлать страшные успѣхи. Дѣятельность сердца изъ-за перенесенныхъ страданій въ теченіе мѣсяца значительно ослабла, и врачами были приняты всѣ возможные мѣры къ тому, чтобы возбудить работу сердца. До послѣдняго момента Ю. Д. Бѣляеву не переставали впрыскивать камфару, давать кислородъ, кофеинъ, ставили ледъ, дѣлали кровопусканія и пр. Увы, старанія врачей были безплодны. Ю. Д. Бѣляевъ скончался на рукахъ пользовавшаго его доктора Финкельштейна, не приходя въ сознаніе, 5-го января, въ 3¹/₂ часа дня.

«Ю. Д. Бѣляевъ съ самаго начала болѣзни былъ окруженъ идеальнымъ уходомъ. Весь мѣсяцъ болѣзни за Ю. Д. Бѣляевымъ ухаживали двѣ сестры милосердія, студентъ военно-медицинской академіи, фельдшеръ. Къ больному были приглашены и неоднократно бывали на консультаціи профессора: Вельяминовъ, Пуссепъ, Сиротининъ, приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи Яновскій, д-ръ Михайловскій, а когда начался процессъ въ легкихъ—проф. Чигаевъ.

«Нѣсколько разъ со времени болѣзни къ Ю. Д. Бѣляеву возвращалось сознаніе, и онъ былъ въ состояніи только узнавать окружающихъ, просить пищу. Во время агоніи у постели Ю. Д. Бѣляева все время находились докторъ Яновскій, Финкельштейнъ, проф.

Пуссепъ, фельдшеръ и сестра милосердія. Послѣдніе часы онъ не произнесъ ни одного слова.

«По мнѣнію пользовавшаго Ю. Д. съ самаго начала болѣзни Л. О. Финкельштейна, если бы ему суждено было остаться въ живыхъ, умственная трудоспособность его была бы значительно понижена. Того же мнѣнія придерживается и проф. Пуссепъ.

«Послѣ Ю. Д. Бѣляева осталось много неоконченныхъ работъ. Послѣдніе три-четыре года Ю. Д. дѣлалъ наброски для нѣсколькихъ пьесъ. Ю. Д. Бѣляевъ задумалъ между прочимъ четырех-актную пьесу «Татарка», о которой онъ часто говорилъ своимъ друзьямъ, и пьесу, въ которой должна быть появиться Асенкова.

«Ю. Д. Бѣляевъ хотѣлъ также въ нынѣшнемъ году выпустить книгу о театрѣ. Въ нее должны были войти нѣкоторыя статьи, рецензиі за послѣдніе годы».

Насколько пишущему эти строки изъ личныхъ пріятельскихъ встрѣчъ съ Бѣляевымъ извѣстно, одними этими планами онъ не ограничивался. Его талантъ, по моему мнѣнію, вопреки мнѣнію А. Кугеля по сему предмету, становился болѣе концентрированнымъ, болѣе углублялся въ историческія нѣдра русской жизни, откуда онъ собирался почерпать и темы, и содержаніе своихъ будущихъ работъ. Его занимали и приковывали его вниманіе къ себѣ не только темы, подходящія для «водевиля», для жанровой картинки, но и нѣчто болѣе широкое по своей исторической перспективѣ.

Мнѣ за послѣдніе 2—3 года случалось вплотную подходить къ духовнымъ запросамъ покойнаго и, хотя онъ даже какъ будто сердился на меня, когда я говорилъ ему о его талантливости, о Богомъ дарованныхъ ему способностяхъ, а потому и объ ответственности его передъ родиною, какъ писателя и художника, тѣмъ-не мѣнѣ онъ не скрывалъ передо мною нѣкоторыхъ замысловъ и, между прочимъ, говорилъ мнѣ, что ему очень хотѣлось бы написать историческій романъ, имѣющій непосредственную связь съ переживаемыми нынѣ событіями. Равнымъ образомъ объ историческихъ темахъ онъ допытывался и у моего сотоварица по редакціи Е. С. Шумигорскаго. Удалось ли бы ему сотворить тутъ что-нибудь крупное, гадать не приходится. Мнѣ кажется, что да; но для этого ему, быть можетъ, слѣдовало бы нѣсколько отдалиться отъ шумной обстановки, которая его окружала и которая имѣла на него подчасъ неблагоприятное вліяніе. Да онъ, пожалуй, объ этомъ и самъ подумывалъ. Такъ, незадолго до своей кончины, проводя со мною вечеръ, онъ говорилъ, что мечтаетъ современемъ поселиться на Дону, и именно при сляніи этой многоводной исторической русской рѣки съ Донцомъ.

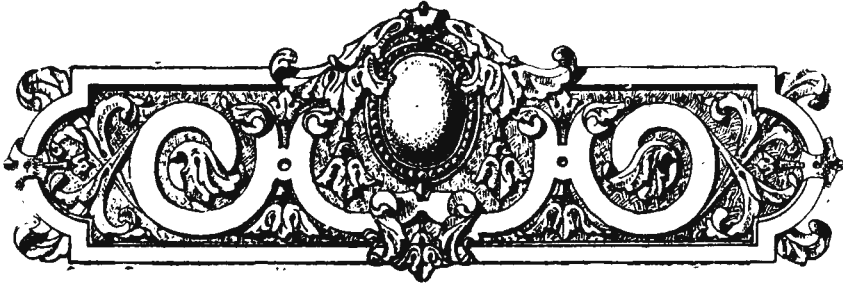
— Мѣсто я себѣ тамъ уже присмотрѣлъ,—говорилъ онъ.— Хорошо тамъ—тамъ Русью пахнетъ, не то, что въ излюбленномъ тобою ингерманландскомъ болотѣ. Какой здѣсь во всѣхъ отношеніяхъ мракъ, а тамъ свѣтъ, просторъ, тишина и Божья благодать...

Я никогда не забуду этого вечера, проведеннаго съ нимъ. Онъ былъ такъ красоченъ въ своихъ разговорахъ, въ своихъ повѣствованіяхъ, въ коихъ сказывался настоящій художникъ, гармонично слившій въ своемъ лицѣ литературность и сценичность. Онъ рассказывалъ, какъ бы играя, съ мимикой, жестами, переноса своего собесѣдника именно въ ту среду и обстановку, откуда бралась тема повѣствованія. Такъ въ свое время умѣлъ рассказывать только И. Ѳ. Горбуновъ, но не въ тѣхъ рассказахъ, которые предназначались для галерки Александринскаго театра, а въ тѣхъ, которые позволили А. Ѳ. Кони провозгласить Горбунова художникомъ русской рѣчи.

Похороны Ю. Бѣляева состоялись 8 января на кладбищѣ Александро-Невской лавры при торжественной обстановкѣ. Тѣло его покоится рядомъ съ могилою композитора Н. Ѳ. Соловьева.

Б. Глинскій.

ОТСТУПЛЕНИЕ СЕРБСКОЙ АРМИИ ЧЕРЕЗЪ АЛБАНИЮ¹⁾.

(Изъ личныхъ впечатлѣній и переживаній).

А СЛѢДУЮЩІЙ день (20-го ноября) наша колонна двинулась по направленію къ селу Михайны, лежащему на пути къ Скутари.

Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, участвовавшій въ покореніи Албаніи въ 1912 году, зналъ дорогу. Майоръ Жераичъ присоединился къ самой первой группѣ солдатъ, желая замедлить ихъ ходьбу, чтобы колонна не осталась безъ защиты. Это было очень важно, потому что многіе солдаты ночью ушли, не заботясь объ оставшихся.

Отдавая нѣкоторыя распоряженія, касавшіяся общей дисциплины и безопасности, я отсталъ отъ колонны на нѣсколько шаговъ. Съ лѣвой стороны дороги, которая вела черезъ какую-то рѣку прямо съ горы, окутанныя туманомъ, поднимался очень крутой холмъ, покрытый лѣсомъ, среди котораго виднѣлись скалистые утесы.

Внезапно съ высоты одной изъ этихъ скалъ поднялся воронъ и, прозвительно каркнувъ, пролетѣлъ надъ самой моей головой; я невольно вздрогнулъ и замахнулся на него палкой. Уходи прочь, аловѣщая птица!

Дикость природы и остальные условія нашей дороги вполне отвѣчали картинѣ, выраженной въ нашей народной пѣснѣ: «Воютъ волки, каркаютъ вороны: будетъ борьба, будетъ много крови и мяса».

¹⁾ Продолженіе, «Истор. Вѣстн.», т. CXLVII, стр. 202.

Въ этоѣ самый моментъ я услышалъ частые ружейные выстрѣлы въ головѣ нашей колонны.

Я задрожалъ отъ страха за жизнь своего брата и, не думая ни о чемъ другомъ, кинулся впередъ съ такою силою, съ какою я любилъ его. Проталкиваясь между лошадьми и людьми по дорогѣ, я добрался до первыхъ рядовъ. Братъ былъ очень взволнованъ, что я отсталъ. Я перевелъ дыханіе и сталъ оправдываться. Солдаты и офицеры залегли по одну и другую сторону дороги; всѣ были въ нерѣшительности, продолжать ли путь, или нѣтъ. Я зналъ, что отступленія не можетъ быть, потому что мосты на Дринѣ были минированы и, конечно, будутъ взорваны, если бы болгары или нѣмцы продолжали преслѣдованіе сербской арміи. Поэтому мы рѣшились продолжать путь, пославъ впередъ развѣдчиковъ. Но солдаты неохотно слѣдовали указаніямъ, оправдываясь или слабостью, или неимѣніемъ патроновъ. Напрасно имъ доказывали, что всѣ неминуемо погибнуть, если храбро не будутъ защищаться и дѣйствовать одинъ за всѣхъ и всѣ за одного.

Майоръ Жеранчъ взялъ одного солдата и пошелъ дорогой на развѣдку; солдаты повиновались безусловно только въ томъ случаѣ, если кто-нибудь изъ офицеровъ показывалъ примѣръ, но собственной инициативы они почти были лишены. Они покорно предавались судьбѣ; ими владѣла какая-то апатія къ жизни и борьбѣ. Офицеры знали отлично расположеніе духа у своихъ солдатъ, и вслѣдствіе этого они почти не дѣлали серьезныхъ попытокъ, чтобы возвратить воинамъ ихъ энергію и желаніе жизни, будучи увѣрены, что этого невозможно добиться въ томъ смыслѣ, какъ это требуетъ истинная военная дисциплина.

Одинъ изъ офицеровъ такъ оправдывался передо мной:

— Солдаты устали и измучены физически и нравственно продолжительной и непрерывной борьбой въ Сербіи. Пока они находились на родной землѣ, они съ большимъ самоотверженіемъ переносили и голодъ, и холодъ, и всѣ невзгоды неравной борьбы. Теперь уже дошло до точки замерзанія: ни во что и никому солдатъ больше не вѣрить. Мнѣ нечѣмъ ихъ больше воодушевить...

И въ самомъ дѣлѣ, и солдаты, и офицеры шли черезъ Албанію словно по инерціи, поддерживаемые какой-то глубоко въ душѣ затаенной искрой надежды на лучшее будущее; эта божественная искра надежды выражалась въ единомъ чувствѣ—желаніи скорѣе выбраться изъ этого кромѣшнаго ада Албанскихъ горъ, куда ихъ толкнули невидимыя и непонятныя силы, независимо отъ вражьихъ ордъ.

И солдаты стремились всѣми силами къ Скутари, какъ въ обѣтованную землю, гдѣ, думали они, будетъ конецъ ихъ четырехлѣтнимъ страданіямъ. Эти чувства были такъ интенсивны, что подавляли въ частности и чувства личнаго самосохраненія и общей солидарности.

Должно быть, албанцы замѣтили, что мы предпринимаемъ мѣры къ правильной оборонѣ, потому что огонь съ ихъ стороны сразу утихъ. У насъ были убиты два солдата и три лошади. Ясно было, что это нападеніе совершило нѣсколько человекъ албанцевъ. Майоръ Жераичъ, находившійся впереди въ качествѣ развѣдчика, даль знать, чтобы колонна двинулась впередъ. Одинъ изъ офицеровъ подошелъ ко мнѣ со словами:

— Вашъ братъ насъ удивилъ: это докторъ-герой, и вы можете вполнѣ гордиться имъ.

Признаться, эта похвала доставила мнѣ больше безпокойства, чѣмъ удовольствія, потому что братъ стоялъ на самомъ опасномъ мѣстѣ. Мы прошли около 7—8 верстъ, не слыша выстрѣловъ. Дорогой мы догнали группу солдатъ, которые ускользнули отъ насъ изъ Петки и на которую напали албанцы, убивъ изъ нихъ нѣсколько человекъ и лошадей.

— Такъ всегда и бываетъ, когда не хотите слушать совѣтовъ,— сказалъ майоръ Жераичъ укоризненно, желая ихъ сплотить для общей и совмѣстной защиты.

Такъ какъ многіе изъ этихъ солдатъ разбѣжались и спрятались въ горахъ, то мы стали кричать, чтобы они выходили и присоединялись къ намъ. Дорогой очень часто мы стали уже находить группы людей, лошадей и оставленныхъ быковъ.

Между прочимъ, мы догнали тутъ одного плѣннаго босняка, который своимъ страшнымъ видомъ обратилъ на себя мое вниманіе.

— Откуда ты тутъ?—спросилъ я его.

— Да вотъ, я шелъ было съ однимъ своимъ товарищемъ, тоже плѣннымъ, позади частей войскъ. Вдругъ навстрѣчу намъ вышелъ вооруженный винтовкой албанецъ и потребовалъ отдать ему деньги, которыхъ мы, понятно, не имѣли.

«Товарищъ заявилъ ему объ этомъ довольно рѣзко, а албанецъ взялъ да выстрѣломъ и убилъ его наповаль».

«Тогда мнѣ не оставалось ничего другого, какъ броситься на него, и между нами завязалось единоборство. Я успѣлъ повалить албанца на землю и, не имѣя никакого оружія, пришлось хватить его за горло зубами. Потомъ, когда онъ пересталъ сопротивляться, я вынулъ у него изъ-за пояса ножъ и прикончилъ съ нимъ... Жаль товарища, онъ былъ хорошей и храбрый солдатъ»,—сказалъ боснякъ съ печальнымъ видомъ.

Мы дали ему немного хлѣба.

Мимо убитыхъ мы проходили индифферентно, но проходить мимо раненыхъ было очень тяжело, а все-таки иной разъ приходилось.

Одинъ нашъ жандармъ сидѣлъ у дороги раненый и, видя, что ему никто не приходитъ на помощь, обратился ко мнѣ:

— Ради Бога, г. полковникъ, не проходите и вы, но помогите.

У него былъ сложный (пулевой) переломъ голени. Я задержалъ верховую лошадь одного изъ офицеровъ. Хотя братъ находился впереди, но видно было, что онъ слѣдилъ за каждымъ моимъ шагомъ. Какъ только я взялъ за узду лошадь и остановился, онъ тотчасъ же возвратился ко мнѣ и молча, съ удивительной быстротой и ловкостью отрубилъ солдатскимъ ножомъ нѣсколько вѣтокъ и приготовилъ шину. Положивъ быстро повязку на ногу опытной рукой, онъ затѣмъ помогъ посадить раненаго на лошадь. Это была послѣдняя медицинская помощь майора Жераича сербскому солдату.

Пока мы были заняты этой работой, наша колонна и солдаты порядочно ушли. Мы слѣшили догнать ихъ, такъ какъ остались на дорогѣ одни и становилось жутко.

— Ради Бога не отставай и не удаляйся отъ вооруженной нашей группы солдатъ. Ты видишь, что албанцы стрѣляютъ главнымъ образомъ въ лошадей и въ людей, находящихся около нихъ. Пусть другіе заботятся о раненыхъ, а не ты.

Я видѣлъ, что у него происходила душевная борьба долга и опасенія за нашу жизнь.

Поэтому я желалъ его успокоить.

— Ступай ты впереди, а я пойду потихоньку, потому что усталъ. За мою жизнь не бойся: албанская пуля меня не беретъ,—добавилъ я въ шутку.

Мы стали взбираться на самую высокую гору, находившуюся на нашемъ пути, имѣвшую высоту до 1000 метровъ. Взойдя на самую верхушку горы, мы увидѣли двѣ рѣзкія половины Албаніи, раздѣленныя хребтомъ горъ, тянувшимся надъ Михайною съ сѣвера на югъ: на востокѣ отъ этого хребта поднимались высокія, снѣжныя, суровыя, покрытыя туманомъ горы, на западѣ же горы становились ниже, не были покрыты снѣгомъ и видны были слѣды зелени. Всѣ обрадовались этой пріятливости природы западной части Албаніи, куда вель путь къ Скутари и Адриатикѣ.

Мнѣ удалось задержать солдатъ на горѣ, чтобы дать возможность отставшимъ нагнать колонну. Когда все было въ порядкѣ, мы двинулись подъ гору, къ Михайнѣ.

Вдругъ изъ окрестнаго лѣса раздались выстрѣлы. Солдаты остановились. Послѣ нѣкотораго колебанія офицерамъ удалось построить солдатъ въ боевой порядокъ. Пули свистали надъ нашими головами и около насъ. Я приказалъ брату итти передо мною на нѣсколько шаговъ.

Огонь съ нашей стороны по лѣсу, направо и налево, хотя нападающихъ не было видно, имѣлъ свое дѣйствіе: албанцы перестали стрѣлять.

Колонна продолжала путь.

Отступление сербской армии и бѣженцевъ къ границамъ Албаніи и Черногоріи.

Спустя нѣсколько времени, солдаты, сопровождавшіе лошадей въ тыловой части, стали насъ догонять, объявляя:

— Убили много лошадей и три солдата; есть и раненые.

Возвращаться для оказанія помощи раненымъ было невозможно, хотя по ружейному огню изъ лѣса видно было, что албанцевъ немного. Мнѣ было больно, что нашихъ 50—60 штыковъ не въ состояніи наказать какой-нибудь десятокъ дерзкихъ албанцевъ.

— Удивительно,—сказалъ майоръ Жераичъ:—что при столькихъ пуляхъ, павшихъ около насъ, никто не погибъ изъ нашей среды. Поневолѣ приходится быть фаталистомъ и вѣрить въ судьбу.. Но ты все-таки не отставай, но поѣзжай верхомъ...

— Чтобы доставить албанцамъ болѣе удобную мишень,—отвѣтилъ я въ шутку и продолжалъ путь пѣшкомъ.

Дорогой мы снова стали встрѣчать трупы и раненыхъ, оставленныхъ какой-то предыдущей частью, подвергшейся нападенію.

Пришлось снова распорядиться—подбирать раненыхъ.

Благодаря этой задержкѣ, многіе изъ солдатъ съ оружіемъ ускользнули впередъ, оставляя колонну.

Мы стали спускаться въ долину Михайны, гдѣ протекала какая-то горная рѣка. Шелъ мелкій дождикъ. Я шелъ въ черкесской буркѣ, а братъ былъ въ нителѣ, потому что шинель мѣшала ходьбѣ. Дорога была каменистая, очень покатая и грязная. Сталъ спускаться мракъ. Наши верховыя лошади, на которыхъ были наши шинели, шубы и одѣяла, успѣли перебраться черезъ рѣку съ одной частью колонны. Пока мы пришли къ рѣкѣ, насъ окутала такой густой мракъ и туманъ, что дальше невозможно было сдѣлать и шагу. Нѣсколько лошадей скатилось въ пропасть. Пришлось дѣлать приваль на дорогѣ, на самомъ берегу рѣки, пробивавшейся съ шумомъ между скалъ. Мѣсто было чрезвычайно опасное, но меня утѣшало то обстоятельство, что передъ нами, верстахъ въ шести, шла Вардарская дивизія.

Солдаты наши были голодные, усталые и мокрые; офицеры были озлоблены, что невозможно продолжать путь. Было холодно и вѣтрено. Мы долго рѣшали вопросъ, разводитъ ли огонь, или нѣтъ. Но холодъ побѣдилъ всѣ опасенія. Солдаты развели огонь на самой дорогѣ, имѣвшей съ одной стороны подрытые края съ кустами, служившими и намъ прикрытіемъ отъ дождя.

Добраться до огня, чтобы толкомъ погрѣться, было не легко, потому что насъ было много, а дровъ было очень трудно достать, такъ какъ мѣсто было каменистое.

Однако я успѣлъ помѣстить брата, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ, у огня, а самъ расположился позади его.

Я положилъ его себѣ на грудь, какъ ребенка, стараясь насъ обоихъ защитить буркой отъ холода.

Ни приказанія, ни просьбы, ни предложенная мною награда не дѣйствовали, чтобы кто-нибудь изъ солдатъ принесъ намъ шубы и шинели съ лошадей, находившихся на той сторонѣ рѣки передъ нами, не дальше одной версты: мѣсто остановки, рѣка и мракъ были такъ ужасны, что никто не рѣшался сдѣлать ни одного шага въ сторону.

Ужасную ночь провели мы въ Михайнѣ. Ожидая ежеминутно нападенія албанцевъ, такъ какъ по дорогѣ видѣли много нашихъ убитыхъ, нужно было по крайней мѣрѣ 12 часовъ провести въ глубокой грязи, безъ подстилки и верхней одежды.

Офицеры сидѣли вокругъ огня въ мрачномъ расположеніи духа. Теща доктора-грека, не выдержавъ усталости, легла безъ всякой подстилки въ холодную грязь, поворачиваясь время отъ времени къ огню, какъ бревно, тогда какъ будущіе молодые, сидя, наклонившись на нее, старались обогрѣться.

Кругомъ сидѣли, стояли, лежали солдаты. Нѣкоторые изъ офицеровъ, стараясь разогнать общую угрюмость, повели разговоръ:

— Болгары дѣйствительно знали, когда писали въ своихъ газетахъ передъ мобилизаціей, что насъ бросятъ въ Албанию и что она будетъ нашей гробницей,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Очень трудно будетъ выйти изъ этихъ тупцовъ и унести голову,—сказалъ майоръ Жераичъ угрюмо.

— Эхъ, если бы мы отступали черезъ Албанию такъ, какъ наступали въ кампанію 12-го года, когда брали заложниковъ, а не полагались на слово Эссады-паши, то албанцы не смѣли бы дѣлать съ нами такихъ чудовищныхъ звѣрствъ,—сказалъ кто-то.

— Въ самомъ дѣлѣ, противъ насъ въ Албаніи воюютъ: зима, голодъ и тайная албанская винтовка. Нужно имѣть много терпѣнія, мужества и энергіи, чтобы все это перешагнуть,—добавилъ я.

Пока одни, такимъ образомъ разговаривали «о злобахъ дня въ Албаніи», а другіе дремали, я случайно бросилъ взглядъ черезъ огонь и рѣку на противоположную возвышенность, покрытую скалами, мелкимъ лѣсомъ и снѣгомъ. Въ самой серединѣ этой горы обрисовывалась одна снѣжная пелена, которой скалы, деревья и мѣстами оттаявшій снѣгъ давали самые причудливые образы. Вдругъ изъ этой пелены моему воображенію представилась горная русалка-вила, воспѣваемая въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ: она то рвала цвѣты, то дѣлала букеты, то переносила ихъ съ мѣста на мѣсто, то вдругъ становилась во весь ростъ, обрисовываясь въ полной красѣ, въ зѣирной одеждѣ, то вдругъ протягивала руку въ направленіи нашего пути, показывая что-то.

Я перемѣнилъ положеніе тѣла и направленіе взгляда. Вдругъ изъ снѣжной пелены мнѣ представился образъ какой-то святой женщины, чей ликъ я часто видалъ на стѣнахъ старыхъ сербскихъ монастырей въ Македоніи. Эта святая то стояла неподвижно, какъ

мумія, то проявляла всё признаки жизни и движеній, показывая одной рукой тоже по направленію нашего пути на западъ.

И сколько бы я впослѣдствіи ни мѣнялъ положенія и направленія взгляда, тѣмъ не менѣе каждый разъ обязательно появлялся то одинъ, то другой силуэтъ, и каждый разъ повторялись ихъ движенія и непонятная мнѣ мимика.

Сначала эта иллюзія меня забавляла, но когда она стала появляться чаще и притомъ противъ моей воли, то я невольно сталъ беспокоиться: что за образы?.. неужели это предзнаменованіе? неужели русалка готовить цвѣты для нашихъ могилъ?.. Или, можетъ быть, лекарственные травы для леченія ранъ?.. Вѣдь и албанецъ сказалъ мнѣ у Дрина, что завтра будетъ самый тяжелый день для насъ.

Я очень любилъ брата, который, опираясь спиной на мою грудь, полудремалъ у огня. Я инстинктивно сталъ прикрывать его колѣни и плечи буркой. Немного успокоившись, я обратился къ нему:

— Слушай, Ристо! Посмотри на снѣжныя очертанія въ серединѣ противоположной горы. Даютъ ли онѣ какую-либо картину?

— Я вижу ликъ старой женщины, которая что-то показываетъ рукой...—отвѣтилъ онъ серьезно и замолчалъ. Видно, что и у него воображеніе работало. Я чувствовалъ, что онъ не желаетъ дальше говорить, чтобы не внушать мнѣ суевѣрныхъ мыслей. Послѣ небольшой паузы онъ прибавилъ:—Нужно беречься въ дорогѣ. Силуэтъ предупреждаетъ объ опасности...

Въ эту минуту изъ мрака словно вынырнулъ вооруженный солдатъ:

— Наконецъ-то я васъ нашель,—крикнулъ онъ:—вотъ уже два часа, какъ я кружусь около васъ, чтобы убѣдиться, вы ли это, или албанцы.

Мы и испугались и обрадовались, когда увидали, что это нашъ племянникъ Бошко, который находился въ томъ отрядѣ нашей колонны, на который напали албанцы передъ нами.

— Гдѣ же остальные?—закричали мы въ одинъ голосъ.

— Всё въ горахъ; разлетѣлись какъ куропатки. Пойду выводить ихъ на дорогу.

Храбрый солдатъ исчезъ во мракѣ. Не прошло и часу времени, какъ онъ снова возвратился въ сопровожденіи 10 вооруженныхъ солдатъ. Пришелъ и майоръ Ристичъ, человѣкъ пожилой, игравшій видную роль въ заговорѣ противъ короля Александра. Онъ угрюмо сѣлъ у костра, измученный холодомъ, голодомъ и опасностью въ горахъ.

Пришедшіе солдаты хотѣли тоже погрѣться, но такъ какъ теща доктора-грека занимала почти половину мѣста у костра, то это дало поводъ солдатамъ протестовать и стали даже собираться уходить отъ насъ. Желая имѣть въ распоряженіи какъ можно больше

вооруженных людей, я имъ устроилъ мѣсто у костра, приказавъ тещѣ встать.

Когда Бошко увидѣлъ, что мы, оба брата, безъ верхней одежды, онъ снова исчезъ во мракѣ по направленію, гдѣ находились наши верховыя лошади. Спустя нѣкоторое время, онъ принесъ намъ шубы и два одѣяла. Подавая намъ эти вещи, онъ обратился къ солдатамъ, сидѣвшимъ у костра, съ укоризной:

Переправа одного сербскаго отряда въ бродъ р. Дрина у села Спаса, гдѣ на правой сторонѣ этой рѣки въ горахъ подверглась нападенію албанцевъ Моравская дивизія, отступавшая отъ Дьяковицы.

— Эхъ, какъ вы смѣшно выглядите. Развѣ не могъ никто изъ васъ оказать такую ничтожную услугу полковнику и майору? Видно, вы не нуждаетесь и въ награждѣ, хотя ни у одного изъ васъ нѣтъ куска хлѣба въ торбѣ.

Остатокъ ночи прошелъ въ хлопотахъ о пищѣ: у одного имѣлась мука, у другого соль, у третьяго котелокъ или кружка, у четвертаго чай, у пятаго—нѣсколько кусковъ сахару. Нужно было все это собрать, чтобы приготовить завтракъ—мамалыгу и чай.

Разсвѣло и 21-го ноября. Мы живо собрались въ путь, желая какъ можно скорѣе догнать первую половину отряда. Лошадей мы послали черезъ рѣку лѣвымъ берегомъ, а сами пошли по правой сторонѣ

рѣки, приче́мъ я снова употребилъ всѣ усилія задержать воору́жен-ныхъ солдатъ около насъ.

Въ самомъ началѣ дороги, спустившись съ горы, къ намъ приближалась одна старая албанка, одѣтая въ лохмотья. Она дѣлала видъ, что идетъ за водою къ рѣкѣ, а между тѣмъ посматривала на насъ лукавыми, сверкающими черными глазами. Майоръ Жераичъ, бывший на значительномъ разстояніи впереди, потому что мы шли гуськомъ по узкой дорожкѣ, крикнулъ мнѣ по-русски:

— Эта женщина—албанскій развѣдчикъ. Встрѣча нехорошая. На насъ нападутъ.

Я подошелъ къ албанкѣ и спросилъ ее:

— Ведеть ли этотъ путь въ Пуки и Скутари?

— Точно такъ,—отвѣтила она по-сербски:—ваши лошади снова перейдутъ рѣку на вашу сторону, а затѣмъ дорога пойдетъ прямо въ Пуки.

— А есть въ этихъ окрестностяхъ ваши комиты?

— Нѣтъ, нѣтъ, въ этомъ мѣстѣ не бойтесь комитовъ.

Я оставилъ албанку въ покоѣ, и такъ какъ все, сказанное ею насчетъ дороги, оправдалось, я позабылъ о ней.

Отойдя версты три отъ мѣста ночлега, мы вдругъ услышали позади насъ раздирающіе душу крики. Докторъ-грекъ, весь растрепанный, безъ шапки, бѣжалъ за нами, призывая майора Жераича, чтобы онъ возвратился и оказалъ помощь его невѣстѣ, которая упала въ рѣку вмѣстѣ съ лошадыю.

— Что же вы сами не окажете помощь вашей невѣстѣ?—спросилъ я съ неудовольствіемъ.

— Я не хирургъ,—оправдывался онъ.

— Какія же поврежденія?

— Я видѣлъ только, какъ она упала въ рѣку, и побѣжалъ сюда: ради Бога возвратитесь; она сломала и ноги и руки.

Въ это время прибѣжалъ солдатъ и заявилъ, что дѣвушку уже вытащили и посадили снова на лошадь. Переломы ногъ и рукъ существовали только въ воображеніи бѣднаго доктора.

Намъ пришлось перейти значительную возвышенность, чтобы спуститься въ долину рѣки Сиреча. Дорогой мы снова находили много труповъ и раненыхъ, которыхъ пришлось брать съ собой. На мѣстѣ перехода рѣки Сиречь вливалась еще одна рѣка (вѣроятно, та, которая идетъ отъ Михайны, гдѣ мы ночевали), вслѣдствіе чего переправа была очень затруднительной для людей.

Одинъ изъ офицеровъ, собравъ около 10 лошадей, организовалъ переправу солдатъ.

Ниже мѣста нашей переправы, шагахъ въ 50, собралось чело́вѣкъ сорокъ албанцевъ, между которыми замѣтны были женщины и дѣти. Словно шакалы, они хватали все, что падало въ воду,—лошадей, торбы, одѣяла и другія мелочи; съ лошадей они тутъ же снимали

шкуры для обуви. Вообще работа ихъ походила на рыбную ловлю. Никто изъ насъ и не думалъ мѣшать имъ. Но эта толпа албанцевъ приблизилась къ группѣ солдатъ, которые еще не успѣли переправиться на лошадахъ, съ очевидными намѣреніями отнимать у солдатъ ружья, сумки и даже деньги. Офицеръ, руководившій переправой, не выдержалъ до конца, и порядочное число солдатъ осталось на томъ берегу рѣки, стало быть, въ рукахъ албанцевъ. Съ большими усиліями мнѣ удалось остановить на этой сторонѣ рѣки человекъ 15 вооруженныхъ солдатъ и заставить ихъ держать ружья въ рукахъ, чтобы албанцы могли видѣть, что наши солдаты еще не ушли, оставляя безоружныхъ и раненыхъ товарищей на милость и немилость ихъ.

Эта мѣра помогла: албанцы перестали грабить, а оставшіеся солдаты перешли рѣку въ бродъ.

Братъ пошелъ было впередъ, но, увидя, что я задержался, возвратился ко мнѣ. Тогда я приказалъ солдатамъ двинуться въ путь по направленію къ Рапе-Хану и къ селу Рапе; насъ двое пошли вмѣстѣ съ этими солдатами. Мы скоро догнали еще нѣсколько солдатъ и офицеровъ. Большинство нашей колонны было передъ нами; позади насъ шли солдаты, большею частью безъ оружія и раненые, а также нѣсколько женщинъ и дѣтей. Вооруженнымъ солдатамъ я приказывалъ идти потише, потому что я самъ былъ чрезвычайно утомленъ ходьбой, а съ другой стороны потому, что по возвышенностямъ съ правой стороны дороги видны были албанцы.

Это присутствіе албанцевъ вызвало у брата сильное безпокойство.

— Вѣрь, что эта задержка у рѣки можетъ быть фатальной. Посмотри, какъ они сторожатъ насъ, словно звѣри.

Въ это самое время мы встрѣтили одного жандарма Эсадъ-паши, шедшаго къ намъ отъ Рапе-Хана въ формѣ, съ винтовкой и ременнымъ патронтажемъ. Я остановилъ его вопросомъ:

— Эй, пріятель, есть ли тутъ албанскіе комиты? Свободна ли дорога?

Онъ съ улыбкой отвѣтилъ:

— Разъ вы перешли Люму и эту рѣку и вынесли свои головы на плечахъ, то нечего опасаться. Нѣтъ комитовъ.

Это его заявленіе меня успокоило, а братъ закачалъ головой:

— Не вѣрь этому.

Мы прошли Рапе-Ханъ и стали подниматься въ гору. Я едва влачилъ ноги. Брату стало жаль меня:

— Почему ты не сядишься на лошадь, но отстаешь и распинаешься за дѣлный свѣтъ. Я не понимаю твоей инертности за нашу жизнь. Помни хорошенько, что если что-нибудь случится съ тобой, я тоже не двинусь ни шагу дальше; оба погибнемъ. Предоставь всѣхъ самимъ себѣ, а мы пойдемъ въ головѣ колонны, гдѣ для насъ меньше опасности.

Офицеры и солдаты, шедшіе съ нами, вполне соглашались съ братомъ. Я шелъ изо всѣхъ силъ. Окрестность дороги, поднимавшейся въ гору, была покрыта мелкимъ лѣсомъ, не представлявшимъ, какъ мнѣ показалось, удобствъ для прикрытія засады албанцевъ, которые обыкновенно для этого выбираютъ мѣста ущелій и высотъ. Такъ какъ при томъ съ нами было около 20 вооруженныхъ солдатъ и три офицера, то я успокоился, и мы продолжали разговоръ. Я сталъ оправдываться въ задержкахъ:

— Вы, можетъ быть, и правы, утверждая, что въ головѣ колонны менѣе опасно, чѣмъ въ серединѣ или хвостѣ ея. Но, мнѣ кажется, будетъ несправедливо принуждать начальника санитарной части одной арміи, котораго судьба бросила въ чрезвычайныя условія военной жизни, чтобы онъ относился безучастно къ моральному состоянію и дисциплинѣ войскъ. И врачъ арміи, и врачи меньшихъ частей должны всегда въ этомъ отношеніи помогать своимъ начальникамъ для достиженія конечной цѣли, а въ особенности въ настоящихъ, единственныхъ и исключительныхъ моментахъ, когда въ глазахъ солдата имѣютъ значеніе только личная инициатива и примѣръ. Развѣ ты не пошелъ первымъ въ развѣдку у села Петки, подвергая жизнь громаднѣйшей опасности?.. Вѣдь это не являлось обязанностью врача, но долгомъ серба и человѣка: нужно было помочь общей бѣдѣ. Твое поведеніе тогда, какъ врача, сконфузило даже старыхъ боевыхъ офицеровъ...—прибавилъ я съ нѣкоторымъ удареніемъ, обращаясь къ брату.

— Это на нашъ счетъ! полноте, г. докторъ! Въ четыре года непрерывной войны офицеры принесли въ жертву все, что имѣлось и что возможно было дать...—сказалъ одинъ изъ нихъ довольно рѣзко.

— Безусловно это такъ. Но этими жертвами въ такіе критическіе моменты, которые мы переживаемъ, нельзя оправдывать апатію солдатъ и начальниковъ частей къ настоящему и будущему. Каждый человѣкъ теперь намъ очень дорогъ: когда настанетъ время освободить отечество, мы должны будемъ въ концѣ концовъ опять считаться только съ собственными силами.

До верхушки горы оставалось шаговъ 100. Братъ прервалъ нашъ разговоръ:

— Будетъ время судить да рядить о причинахъ и послѣдствіяхъ происходящаго. Теперь нужно спѣшить выбраться изъ этихъ тупиковъ и догнать главную группу солдатъ. Эти наши задержки могутъ стоить намъ жизни, а между тѣмъ, въ сущности, отъ этихъ задержекъ общей пользы не видно, если подвести итоги того, что сдѣлано нами въ дорогѣ...

Мы прибавили шагу и вышли на самую верхушку горы, представлявшей переваль къ Рапе.

Передъ нами открылось маленькое, углубленное плато, гдѣ находилось село Рапе, которое имѣло шагахъ въ 300 отъ насъ, съ

Король Петръ въ дорогѣ черезъ Албанію.

правой стороны дороги, на небольшомъ возвышеніи двѣ албанскія избы, а съ лѣвой стороны дороги, немного дальше въ горахъ—три избы.

Не успѣли мы спуститься покатою дорогой и 20 шаговъ отъ горнаго перевала къ Рапе, какъ въ хвостѣ нашей колонны раздалась выстрѣлы; звуки неслись къ намъ съ правой каменистой, лѣсистой части горнаго сѣдла.

— Къ оружію, солдаты!—крикнулъ я, остановившись на одну минуту.—Нужно разогнать этихъ албанскихъ разбойниковъ и грабителей.

Но солдаты и офицеры продолжали путь впередъ, какъ бы не слыша моей команды. Остановился одинъ только майоръ Ристо Жеранчъ. Онъ снялъ винтовку съ плеча и, желая дать примѣръ солдатамъ, молча возвратился назадъ шаговъ на десять отъ меня.

Онъ сталъ тутъ у дороги, готовясь къ прицѣлу, забывъ все предосторожности и совѣты благоразумія...

Я повторилъ призывъ, не спуская глазъ съ брата...

Одинъ офицеръ остановился и быстро сказалъ:

— Солдаты утомились и не имѣютъ патроновъ: невозможно заставить ихъ принять борьбу.

Одна женщина, ѣхавшая верхомъ, остановилась на самой вершинѣ перевала, что-то спрашивая и не замѣчая, что задерживаетъ людей и лошадей, идущихъ позади ея гуськомъ.

— Проходи, проходи, не загораживай дорогу,—крикнулъ я нетерпѣливо.

Братъ стоялъ съ винтовкою въ рукахъ на возвышавшейся лѣвой сторонѣ дороги, и еще въ то время, пока до насъ не успѣла долетѣть ни единая пуля, я вдругъ всѣмъ существомъ почувствовалъ опасность. Съ большимъ трудомъ, преодолевая внутреннее волненіе, я крикнулъ брату.

Но онъ стоялъ неподвижно... Какъ будто не слышалъ моего окрика... или не было времени: вдругъ изъ непосредственной нашей близи грянулъ выстрѣлъ, и я услышалъ два зловѣщихъ звука: хлопокъ-фью.

Винтовка упала изъ рукъ брата; онъ задрожалъ, повернулся ко мнѣ и, сдѣлавъ два шага, съ однимъ глубокимъ «охъ» упалъ лицомъ на землю.

Я видѣлъ, что ударъ смертеленъ... Одинъ моментъ я стоялъ въ оцѣпенѣніи. Мимо меня проходили солдаты по большей части безъ оружія, печально опустивъ головы. Огонь изъ лѣсу усиливался, а съ нашей стороны—ни выстрѣла. Я остановилъ одного нашего проходившаго тутъ жандарма и одного солдата, имѣвшихъ ружья:

— Воины, сдѣлайте нѣсколько выстрѣловъ, хотя бы въ воздухъ. Нельзя оставить майора убитымъ безъ нашего отвѣта албанцамъ. Возвѣстите хотя смерть майора, если бороться не хватаетъ силъ...

Они послушались и открыли огонь по лѣсу. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, жандармъ обратился ко мнѣ съ добродушнымъ вопросомъ, какъ будто бы ничего особеннаго не случилось на дорогѣ:

— Не правда ли, г. полковникъ, что эхо отъ моей винтовки лучше всѣхъ слышится въ горахъ?

Онъ стрѣлялъ съ видимымъ удовольствіемъ, улыбаясь послѣ каждаго выстрѣла, словно эхо отъ его винтовки поражало невидимыхъ враговъ въ горахъ. Пока они стрѣляли, отступая шагъ за шагомъ и задерживая приближеніе албанцевъ, я бросился къ брату и, припавши къ землѣ, повернулъ его лицомъ кверху, взявъ его голову на руки:

— Дорогой братъ, живъ ли ты?

Одинъ короткій вздохъ и закатъ его глазъ отвѣтили мнѣ:

— Нѣтъ, умеръ.

Наплывъ мыслей и чувствъ приковалъ меня къ нему.

Святая жертва братской любви, долга и чести! Вотъ итоги твоей заботы обо мнѣ и беззащитныхъ войнахъ...

Пули свистали надо мной и рыли песокъ около нашихъ головъ; наконецъ я выпрямился во весь ростъ и, смотря на ту сторону, откуда долетали пули, крикнулъ:

— Цѣлтесь хорошенько, албанцы! Одна ваша пуля сразила мое счастье, вторая не въ силахъ убить меня.

Новое жужжаніе пуль вывело меня изъ моментальнаго отчаянія. Я былъ въ нерѣшительности, что дѣлать.

На покойномъ и благородномъ лицѣ доктора Ристо Жераича, лежавшаго передо мною на землѣ, не было перемѣнъ. Не видно было и крови...

Я вспомнилъ, что у него находятся и всѣ наши средства къ жизни, но протянуть руку къ карману мертваго брата не хватало силъ.

— Разъ я потерялъ тебя, пусть не станетъ и этихъ средствъ.

Мысль дѣлать двѣ жертвы вмѣсто одной показалась мнѣ равной самоубійству; поэтому наконецъ я рѣшился разстаться съ братомъ и побрелъ одинъ, опираясь на палку, дорогой за отрядомъ, издавая стоны, какъ будто бы албанская пуля разорвала мое собственное сердце.

Не прошелъ я и 50 шаговъ, какъ пули засвистали кругомъ меня съ того мѣста, гдѣ я оставилъ своего брата.

Я сталъ переходить то на лѣвую, то на правую сторону дороги, сопровождаемый залпами съ разныхъ сторонъ возвышенностей, гдѣ албанцы были скрыты. Казалось, албанцы тѣшились, охотясь за мной, какъ за зайцемъ. Наконецъ я принужденъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ сторону съ дороги, въ лѣсъ, надѣясь найти прикрытіе. Но залпы раздавались съ возвышенности, гдѣ находились двѣ албанскія избы. Пули ударяли въ деревья и ломали вѣтви. Я начиналъ жалѣть, что не остался съ братомъ. Вдругъ передо

мною открылся глубокий песчаный оврагъ, по срединѣ котораго протекалъ горный потокъ. Сопровождаемый градомъ пуль, не долго думая, я съѣлъ на песокъ и скатился въ оврагъ, задержавшись у одного камня, черезъ который протекала вода.

Я былъ разбитъ и душевно и физически. Не успѣлъ я перевести дыханіе, какъ пуля щелкнула въ камень, на который я опирался, выше самой моей головы. Стрѣляли съ противоположной стороны дороги, куда проходила наша колонна. Ясно было, что албанцы меня замѣтили, но дальше идти было невозможно, потому что мѣст-

Гор. Велесъ, съ занятіемъ котораго болгарами сербамъ было прекращено отступленіе на югъ къ греческой границѣ.

ность была открытая. Я рѣшился остаться тутъ въ ожиданіи албанцевъ.

Дорога, которою шель нашъ отрядъ, вела черезъ гору, раздѣлявшую село Рапе и село Пуки. Я находился шагахъ въ ста ниже дороги. Внезапно я замѣтилъ, что пространствомъ, отдѣлявшимъ меня отъ дороги, пробираются нѣсколько албанцевъ. Словно змѣи, они ползли, пробираясь отъ камня къ камню, отъ дерева къ дереву, наблюдая съ величайшимъ вниманіемъ, что происходитъ на дорогѣ, которою шла колонна. Вниманіе ихъ было такъ сильно занято дорогой, что ни одинъ изъ нихъ не посмотрѣлъ въ мою сторону, и они

всѣ прошли въ направленіи пути нашей колонны. Въ этотъ самый моментъ открыли огонь съ нашей стороны, съ дороги, и эхо разнеслось по горамъ. Вѣсть, переданная изъ хвоста колонны, что погибли полковникъ и майоръ Жераичъ, возымѣла дѣйствіе. Одному офицеру удалось организовать правильную оборону.

— Эхъ, для меня поздно, братцы,—сказалъ я болѣзненно.

Открытый огонь по лѣвой и правой сторонѣ дороги заставилъ

Героическая смерть д-ра Р. Жераича, умирающаго на рукахъ его брата во время нападенія изъ засады албанцевъ 21 ноября 1915 года въ селѣ Рапе.

албанскіе выстрѣлы умолкнуть. Горы успокоились, и я видѣлъ изъ оврага, какъ нашъ отрядъ переходилъ самую вершину горы по направленію къ Пуки. Нападеніе началось около 2¹/₂ часовъ, а закончилось въ три часа пополудни. Какъ только наши солдаты вступили въ борьбу, албанцевъ и слѣдъ простыль.

Я оставался въ оврагѣ, у камня часа два въ ожиданіи албанцевъ, держа въ одной рукѣ палку, а въ другой маленькій револьверъ. Сказать по правдѣ, мнѣ очень было неприятно имѣть такое ничтожное оружіе въ рукахъ, когда нужно было защищаться.

Поэтому я искренно пожалѣлъ, что уступилъ свой офицерскій револьверъ одному знакомому въ Скопльѣ.

Сталъ спускаться мракъ; я весь былъ мокрый, и меня пробирала сильная дрожь. Кругомъ ни звука, ни живой души. Я всталъ и рѣшилъ выбраться изъ оврага, но это было не такъ-то легко: берегъ былъ песчаный, рыхлый; добравшись съ помощью палки до верху, я нѣсколько разъ скатывался въ оврагъ. Наконецъ мнѣ удалось ухватиться за вѣтви деревьевъ и выйти на дорогу. Надо было рѣшить, куда направиться: возвратиться ли къ брату, или продолжать путь за отрядомъ въ Пуки? Такъ какъ албанцы въ это время выходятъ на дорогу, чтобы грабить убитыя жертвы, то я направился въ Пуки съ тяжелымъ сердцемъ, потому что мнѣ хотѣлось повидать еще разъ брата. Невольно блеснула мысль: а, можетъ быть, я въ первомъ пылу ошибся въ діагнозѣ смерти?

Въ это время навстрѣчу мнѣ шелъ албанецъ. Замѣтивъ, что я иду прямо къ нему, онъ своротилъ съ дороги въ лѣсъ. Тогда я крикнулъ ему:

— Эй, пріятель! Давай «бесу»!

Албанецъ отвѣтилъ:

— Нельзя дать «бесу».

— Веди меня домой.

— Нельзя, комиты кругомъ.

— Я комитовъ-то и ищу: веди домой,—скомандовалъ я рѣшительно.

Онъ посмотрѣлъ недоумѣвающе и сказалъ:

— Пойдемъ.

Предварительно свистнулъ два-три раза кому-то, и, получивъ отвѣтъ, онъ повелъ меня лѣсомъ черезъ овраги, говоря что-то по-албански о комитахъ.

Я вспомнилъ, что братъ однажды сказалъ, что мы оба погибнемъ въ Албаніи.

Но въ этотъ моментъ я не думалъ о жизни: тяжелое чувство угнетало меня: зачѣмъ я не предупредилъ несчастья? Зачѣмъ я остановился?.. Зачѣмъ я брату позволилъ возвратиться и стать подъ албанскія пули, когда мы только что говорили объ опасности?

Мои мысли прервалъ албанецъ возгласомъ: «шить!» Въ темнотѣ я замѣтилъ избы. Оставивъ меня, албанецъ вошелъ въ избу, а потомъ возвратился и сказалъ:

— Входи свободно.

Я вошелъ въ очень просторную избу, посрединѣ которой горѣлъ костеръ; кругомъ сидѣли албанцы и нѣсколько нашихъ раненыхъ солдатъ.

Раненые были чрезвычайно изумлены моимъ появленіемъ, ибо считали меня убитымъ.

— Развѣ вы живы, господинъ полковникъ?—сказали всѣ они въ одинъ голосъ.

— А откуда вы здѣсь? — спросилъ я.

— Да вотъ, раненные и ограбленные, мы добрались до этой избы.

— А гдѣ хозяинъ?

— Онъ ушелъ куда-то. Сейчасъ придетъ.

Я приказалъ имъ молчать, а самъ сѣлъ подальше отъ огня въ ожиданіи хозяина.

Войдя въ избу, хозяинъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «беса».

Благодаря тому, что я зналъ нѣсколько турецкихъ и албанскихъ словъ, я объяснилъ ему, что сегодня убить майоръ и что я хочу его видѣть, живого или мертвого, потому что это мой братъ.

Хозяинъ многозначительно замахалъ головой и послѣ нѣкоторой паузы отвѣтилъ:

— Завтра, теперь нельзя выйти изъ дому. Всюду комиты. Завтра, завтра,—добавилъ онъ рѣшительно.

По его тону и жестикуляціи мнѣ не трудно было угадать, что хозяинъ ужъ видѣлъ майора мертвымъ, потому что отъ его дома до мѣста убійства брата не было 300 шаговъ.

Солдаты тоже стали уговаривать меня не выходить на дорогу и не подвергаться напрасно опасности.

подавляя пустыя надежды и страстныя желанія застать брата живымъ, я послушался ихъ совѣтовъ, потому что, какъ врачъ, хорошо зналъ признаки смерти.

Я сѣлъ около огня. Хозяинъ спросилъ, нѣтъ ли у меня золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Нужно, молъ, отдать ему на сбереженіе, чтобы все это не взяли комиты.

Я ему отвѣтилъ искренно, что у меня такихъ денегъ не имѣется, въ удостовѣреніе чего и вынулъ бумажникъ и кошелекъ.

Бумажными деньгами хозяинъ не интересовался, а взялъ нѣсколько серебряныхъ монетъ. Въ моемъ кошелькѣ находился какой-то жетонъ, въ формѣ позолоченной медали, имѣвшей на одной и другой сторонѣ изображенія. Медаль эта представляла памятку какого-то народнаго праздника въ Загребѣ, въ Хорватіи, и не имѣли никакой особенной цѣнности, но тѣмъ не менѣе она очень понравилась албанцамъ.

Тогда я взялъ эту медаль изъ рукъ одного албанца и подаль женѣ хозяина, высокой, красивой, черноокой албанкѣ, какъ мой подарокъ. Она сконфузилась и приняла это съ большой благодарностью.

Должно быть, хозяинъ не повѣрилъ, что у меня нѣтъ золотыхъ и серебряныхъ денегъ. Ему неловко было предпринимать насильственные мѣры, потому что онъ далъ «бесу». Поэтому онъ перевелъ меня въ сосѣднюю избу, гдѣ принимаютъ гостей. Въ этой избѣ огонь горѣлъ въ каминѣ.

Хозяинъ исчезъ, а появилось нѣсколько албанцевъ-сосѣдей, которые сѣли вокругъ камина. Я понялъ, что онѣ пришли не на вечеринку, но по дѣлу. И дѣйствительно, послѣ нѣкотораго молчанія самый старшій албанецъ подошелъ ко мнѣ и, стоя, сказалъ:

— Давай деньги.

Я снова вынулъ бумажникъ и, сосчитавъ деньги, отдѣльно сотенныя и десятифранковыя бумажки, протянулъ ему; онъ презрительно посмотрѣлъ на бумажки и охотно уступилъ мнѣ сотенныя, а десятифранковыя задержалъ, не понимая цѣнности бумажекъ.

Между прочимъ, неимѣние золотой и серебряной монеты причиняло сербской арміи въ Албаніи безчисленныя затрудненія и часто давало поводъ къ кровавымъ столкновеніямъ при покупкѣ жизненныхъ припасовъ для людей и лошадей: албанцы признавали только золотую и серебряную монету.

— Давай золото и серебро,—крикнулъ албанецъ и сталъ меня ощупывать кругомъ пояса.

— Нѣтъ у меня въ поясѣ денегъ,—отвѣтилъ я.—Деньги эти остались у майора, котораго вы убили сегодня.

И дѣйствительно, у майора Жераича было до 30.000 франковъ и, кромѣ того, золотой портсигаръ, представлявшій большую цѣнность, какъ подарокъ престолонаслѣдника Александра въ турецкую войну.

Но албанецъ не отставалъ:

— Давай, давай скорѣй!

Показавъ ему на погоны, я отвѣтилъ:

— Я офицеръ и разъ говорю, что нѣтъ, значить, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, давай...—онъ разстегнулъ мнѣ на груди двѣ пуговицы кителя и показалъ на мою фуфайку, а потомъ на сапоги. Это меня раздражило:

— Нѣтъ, не дамъ. Стыдно офицеру остаться безъ одежды и обуви зимой, при такомъ морозѣ.

Албанецъ нахмурилъ брови, и я ждалъ нападенія. Остальные албанцы стояли кругомъ меня. Насталъ моментъ, когда человекъ забываетъ все...

Въ эту критическую минуту вошла къ намъ албанка и подошла къ камину. Увидя, въ какомъ я положеніи, она обратилась къ албанцу, причемъ ея черные глаза сверкали молніей:

— Это мой домъ, моя беса.

Албанецъ отступилъ, какъ песь, получившій хорошій ударъ.

Въ то же время въ избу вошли одѣтые въ форму четыре вооруженныхъ винтовками и патронтажами албанца. Я смотрѣлъ на нихъ подозрительно, пока они переодѣвались въ обыкновенную албанскую одежду, оставляя ружья.

Вошелъ и хозяинъ, неся въ рукахъ бумажныя деньги:

— Мой домъ—моя беса,—сказалъ онъ, протягивая мнѣ деньги.

Король Петръ на пути изъ Сербіи къ албанской границѣ.

Желая показать ему, что я не думаю о грабежѣ, я сказалъ:

— Я деньги эти подарилъ тебѣ, съ тѣмъ, чтобы ты далъ ужинъ раненымъ солдатамъ. Возьми ихъ.

— Въ такомъ случаѣ, спасибо,—сказалъ онъ и положилъ деньги въ карманъ.

Спустя немного времени, дѣйствительно, принесли солдатамъ хлѣба, гороха, сыру и молока.

— А кто эти вооруженные люди?—спросилъ я у хозяина, постоянно думая о комитахъ, о которыхъ я такъ много слышалъ.

— Это моя родня, члены этого дома, они жандармы на службѣ Эссады-паши; днемъ они стерегутъ дороги отъ комитовъ, а вечеромъ приходятъ домой ночевать.

Они подошли къ намъ и сѣли у огня.

Незамѣтно всматриваясь въ черты ихъ лица, мнѣ положительно показалось, что одинъ изъ нихъ былъ тотъ жандармъ Эссады-паши, который встрѣтилъ насъ ниже Рапе-Хана и который сказалъ: «Нѣтъ комитовъ до Пуки».

Мнѣ стала понятной служба этихъ Эссадовыхъ жандармовъ въ отношеніи общественной безопасности: какъ чиновники Эссады-паши, нашего сторонника, они идутъ свободно дорогой, оцѣнивая силу частей нашихъ войскъ и выгоды, которыя можно извлечь при нападеніи, затѣмъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, даютъ знакъ для нападенія своимъ людямъ. Такъ они поступили и съ нашимъ отрядомъ. Я вспомнилъ слова брата:

— Не вѣрь этому.

Одинъ изъ нихъ зналъ нѣсколько словъ по-сербски, и онъ началъ разговоръ со мной:

— Есть у тебя деньги?

Въ одномъ изъ кармановъ у меня было франковъ 10 никкелевой монетой, завернутой въ формѣ патрона. Я подаль ихъ хозяину: глядя на то, какъ онъ внимательно, улыбаясь, считалъ эти гроши, мнѣ было ясно, что эта монета имѣла въ его глазахъ больше цѣны, чѣмъ всѣ мои бумажныя деньги.

— А что еще у тебя въ карманахъ кителя?

Я вынулъ градусникъ, карандашъ, перо. Всѣ эти вещи переходили изъ рукъ въ руки, внимательно разсматривались и потомъ ихъ возвращали мнѣ.

— Есть у тебя портсигаръ?

Я вынулъ серебряный, грязный портсигаръ, который они осматрѣли.

— Сколько стоитъ?

— 3—4 франка,—сказалъ я, уменьшая его цѣну, такъ какъ они не были увѣрены, серебряный портсигаръ, или нѣтъ. Мнѣ возвратили его.

— Есть у тебя часы?

Глаза албанца засверкали, когда я ему подаль золотые часы съ надписью имени моего брата.

Я долженъ былъ показать ему; какъ заводятся, какъ переводятся стрѣлки и, наконецъ, какая имъ цѣна.

— Подари ихъ мнѣ.

— Съ удовольствіемъ, если ты меня проводишь завтра до Пуки.

Такимъ же порядкомъ взяты были револьверъ и другія мелочи, которыя я тоже подарилъ.

Хотя для меня было внѣ сомнѣнія, что эти жандармы являются и развѣдчиками и нападающими, я попробовалъ осторожно узнать что-нибудь отъ нихъ:

— Скажите, пожалуйста, кто это сдѣлалъ нападеніе сегодня на насъ?

— Комиты,—отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ.

— Но кто же эти комиты?

— Это мусульмане, проклятые турки. Эссадъ-паша имѣетъ сторонниковъ турокъ, а турокъ хочетъ денегъ. Мы, католики-миридиты, тоже сторонники Эссадъ-паши, но мы защищаемъ васъ, сербовъ, отъ нападеній мусульманъ. Да, да, отъ мусульманъ-комитовъ, которые убиваютъ и насъ, и васъ,—прибавилъ онъ убѣдительно.

— А могутъ ли эти мусульмане-комиты прійти въ вашъ домъ?—спросилъ я, видимо, испуганный, припоминая, что въ меня стрѣляли изъ этого дома.

— О, нѣтъ, тогда бы жители этихъ горъ всѣ возстали противъ нихъ,—сказалъ одинъ жандармъ, а хозяинъ прибавилъ съ улыбкой:

— Не бойся. Они не придутъ ко мнѣ въ домъ.

«Комиты-мусульмане—это только пугало ваше для насъ,—подумалъ я:—они находятся и въ этомъ домѣ и въ его окрестности». Я въ этомъ еще больше убѣдился на слѣдующій день.

Потомъ они пошли спать, а меня оставили тутъ у огня съ нѣкоторыми ранеными. Ночь провелъ я на сырой землѣ, поворачиваясь и высушивая одежду, размышляя о постигшемъ меня несчастіи.

Хозяинъ спалъ въ той же избѣ, и каждый разъ, какъ просыпался, онъ вслухъ молился Богу. Молитва этого разбойника какъ-то странно звучала въ моихъ ушахъ.

Въ шесть часовъ утра 22-го ноября, еще до разсвѣта, въ избу вошелъ хозяинъ, два Эссадовыхъ жандарма, въ формѣ и вооруженіи, и три солдата-албанца.

— Пойдемъ въ Пуки, нѣтъ комитовъ,—обратился онъ ко мнѣ. Они не хотѣли и слышать о моей просьбѣ пойти предварительно на то мѣсто, гдѣ братъ погибъ.

Я пошелъ за ними въ Пуки дорогою, которою прошла наша колонна, рассчитывая, что впослѣдствіи возвращусь на это мѣсто. Дорогой я видѣлъ трупы людей и лошадей и любопытствовалъ,

кто вчера погибъ. На одномъ мѣстѣ я нашель цѣлую груду труповъ и одну лошадь.

Я узналъ въ этой грудѣ чиновника-казначея Ужицкаго округа въ Сербіи, его жену, горничную и семилѣтнюю дочь Зорку, которая была еще жива. Всѣ были ограблены и почти голые. Несчастный ребенокъ имѣлъ поверхностную рану груди и сквозную рану бедеръ, безъ перелома костей.

— Нельзя ли взять этого ребенка домой и передать его одной изъ нашихъ частей, которыя будутъ проходить тутъ?—обратился я къ хозяину.

Пока я объяснялся съ хозяиномъ, передъ нами на возвышеніяхъ, раздѣляющихъ Рапе и Пуки, послышался ружейный и пулеметный огонь.

Хозяинъ прислушался, а потомъ мнѣ отвѣтилъ:

— Я возьму ребенка Бога-ради,—и дѣйствительно онъ приказалъ одному албанцу отнести ребенка домой.

Дорогу расчищала отъ албанцевъ Вардарская дивизія, шедшая передъ нашей колонной вчера, во главѣ съ полковникомъ Милутиновичемъ.

Это предположеніе подтвердилъ одинъ Эссадовъ жандармъ, который пришелъ къ намъ навстрѣчу отъ того мѣста, гдѣ происходила борьба.

— Сюда наступаетъ много сербскихъ солдатъ,—сказалъ онъ.

Это, конечно, меня очень обрадовало, такъ какъ я былъ увѣренъ, что полковникъ Милутиновичъ непременно пошлетъ мнѣ помощь, какъ только узнаетъ, что я нахожусь въ бѣдѣ.

Вдругъ хозяинъ обратился ко мнѣ:

— Много комитовъ. Ты иди съ этимъ жандармомъ назадъ. Затѣмъ онъ повернулся къ жандарму:

— Ты возьми этого человѣка на бесу.

Мои протесты не помогали. Пришлось возвращаться назадъ той же дорогой.

— Куда же мы идемъ?—спросилъ я провожавшаго меня жандарма.

— Я тебя передамъ племенному старшинѣ-мусульманину; придется итти часовъ пять отсюда. Идемъ скорѣе.

Я пришелъ въ ужасъ: то, что представляетъ для албанца часъ ходьбы, для европейца равняется по крайней мѣрѣ тремъ часамъ.

— Лучше отведи меня въ домъ Марка Прена, гдѣ я ночевалъ,—сталъ просить я.

Онъ засмѣялся:

— Нельзя. Комиты.

Мы прошли домъ, гдѣ я ночевалъ, и стали приближаться къ тому мѣсту, гдѣ братъ погибъ. Въ глазахъ у меня потемнѣло, въ ушахъ появился звонъ. Кругомъ дороги разбрелись албанцы безъ

оружія, подбирая вещи, брошенные нашими солдатами во время вчерашняго нападенія, и довершая грабежь убитыхъ.

Навстрѣчу къ намъ спустились съ перевала горы два албанца. Они объяснили жандарму что-то, показывая рукой черезъ гору. Къ сожалѣнію, я ничего не понялъ. Вдругъ жандармъ обратился ко мнѣ:

— Ступай въ домъ Марка Прена: нѣтъ комитовъ. Смотри, не медли,—прибавилъ онъ, поглядывая на албанцевъ, рассказывавшихъ около дороги.—Я не могу тебя больше провожать.

Какъ это вдругъ случилось, что нѣтъ комитовъ, я понялъ поздно, когда снова пришелъ въ домъ, гдѣ я ночевалъ.

— Такъ нѣтъ комитовъ?—переспросилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ я пойду посмотрѣть на брата. Это передъ нами на горѣ.

Жандармъ закачалъ головой неодобрительно, но все-таки пошелъ со мной, потому что ему было по дорогѣ.

Мы поднялись до верхушки перевала; я устремилъ взглядъ на то мѣсто, гдѣ вчера оставилъ брата; но тутъ его не было.

Перейдя перевалъ, я въ нѣсколькихъ шагахъ увидѣлъ трупъ, лежащій на спинѣ поперекъ дороги, въ рубашкѣ, кальсонахъ, фуфайкѣ и шакѣ; я подошелъ въ волненіи и узналъ доктора Ристо Жеранча, котораго убійцы и мародеры перетасили до этого мѣста, снимая ему остальные части одежды.

Какъ пораженный громомъ, я смотрѣлъ на трупъ брата.

— Милый Ристо! Возможно ли, чтобы и ты превратился въ одинъ изъ тѣхъ труповъ, которыхъ мы вчера находили и оставляли въ дорогѣ?!

На спокойномъ и добромъ лицѣ доктора Ристо Жеранча сегодня тоже не было перемѣнъ. Со страхомъ преступника и виновника старался я разглядѣть черты его лица, боясь прочесть себѣ упрекъ... Но отъ него не вѣяло ни холодной укоризной, ни горечью; лицо его и мертвое дышало тѣми же чувствами братской любви и сознаниемъ исполненнаго долга. И эти чувства, которыя я прочелъ на мертвомъ лицѣ незабвеннаго брата, явились для меня той могучей силой, которая удержала въ равновѣсіи и мое сердце, и мой разумъ.

Онъ былъ въ околѣнѣніи. Пуля, переломивъ ему лѣвую плечевую кость, прошла сквозь грудную клѣтку и правую мышцу навывлетъ.

— Уходи, мнѣ некогда ждать,—сказалъ жандармъ.

Неужели оставить его на дорогѣ? Вѣдь нечѣмъ и могилу вырыть.. Невольно мнѣ припомнился солдатъ, отобравшій изъ моихъ рукъ желѣзную лопату въ Люмъ-Кулѣ.

Я взялъ его на руки и попросилъ одного албанца помочь мнѣ снести его съ пути. Мы перенесли его на лѣвую сторону дороги (пдя въ Скутари) и горнаго перевала, гдѣ онъ погибъ, и положили между двухъ деревьевъ на возвышеніи, откуда видны были на всѣ стороны Албанскія горы. Жандармъ все время торопилъ меня уходить, а албанецъ, помогавшій мнѣ при переносѣ тѣла, подошелъ и рѣзко произнесъ:

— Заплати!

Я почувствовалъ какое-то глубокое отвращеніе къ этому албанцу, но быстро опомнился и далъ ему свой кошелекъ, въ которомъ было нѣсколько монетъ. Человѣкъ пять подбѣжало къ нему, и они стали считать деньги.

Видя, что они довольны тѣмъ, что нашли въ кошелекъ, я подошелъ къ нимъ:

— Ради Бога, выройте могилу и похороните майора. Дайте въ этомъ бесу.

— Беса, беса!—закричали они

Я бросилъ послѣдній взглядъ на трупъ брата, посмотрѣлъ на албанцевъ, выглядывавшихъ, какъ гіены изъ лѣсу, взглянулъ на албанскія вершины, раскинутыя во всѣ стороны, одна выше другой, и покрытыя снѣгомъ, отражавшимъ утренніе лучи солнца.

— Съ Богомъ Ристо! Ты всегда любилъ природу, и вотъ судьба тебѣ предопредѣлила покоиться вѣчно тамъ, гдѣ можно любоваться самыми величественными видами природы и сравнивать ихъ красоты съ ужасной дикостью человѣка...

Жандармъ приказалъ одному албанцу отвести меня въ домъ Марка Прена.

Въ этомъ домѣ происходило что-то необычайное: раненая Зорка, перенесенная съ дороги, лежала на снѣгѣ у костра. Я сдѣлалъ ей перевязку ранъ, а албанка принесла ей молока.

— Папу ударила пуля въ ухо, а маму—въ голову,—говорила дѣвочка, показывая тѣ мѣста, въ которыя попали пули и убили ея родителей.

Въ домѣ стали собираться и уносить куда-то въ горы жизненные припасы: кукурузный хлѣбъ, сыръ, молоко, потомъ кожи одѣяла, бѣлье и т. д. Большинство этихъ вещей были грабленныя. Жандармы Эсадь-паши, родня хозяина, снова переодѣлись въ обыкновенную албанскую одежду, а оружіе спрятали; всѣ очень спѣшили, стараясь какъ можно скорѣе куда-то переселиться въ горы.

— Самъ чортъ не разберетъ, что эти албанцы дѣлали,—сказалъ мнѣ одинъ раненый, который утромъ, когда всѣхъ выгнали изъ дому, не могъ уйти съ остальными.— Они унесли все и не оставили ничего намъ для ѣды.

Замѣтивъ жандарма, уже переодѣтаго, которому я далъ свои часы, я спросилъ:

— Куда вы уходите? Не боятесь ли комитовъ?

— Нѣтъ комитовъ,—сказаль онъ и быстро ушелъ въ горы, откуда въ то же время возвращалась албанка, наша хозяйка.

Я повторилъ ей предыдущій вопросъ.

Она мнѣ мимикой представила положеніе вещей:

— Съ той стороны (показывая направленіе въ Пуки)—сербскій аскеръ, съ противоположной стороны (показывая къ Рапе-Хану)—тоже аскеръ.

Руками она показывала мнѣ, какъ комиты съ двухъ сторонъ окружены и попали въ ловушку.

— Аскеръ вашъ сжигаетъ дома. Пусть аскеръ возьметъ кукурузу (она показала на амбары), но прошу тебя: дай бесу, чтобы мнѣ не сожгли домъ.

Все объяснилось: домъ находился у дороги, и хозяинъ долженъ былъ имѣть доказательства своей лояльности. Поэтому, когда наши войска шли въ значительномъ количествѣ, исчезали и жандармы Эскадръ-паша и комиты, но какъ только показывались болѣе мелкія части, тотчасъ же появлялись жандармы и комиты, то есть мѣстные жители. Съ тѣмъ же расчетомъ хозяинъ дѣлалъ намъ услуги и даже благотворительныя и гуманныя дѣла, какъ переносъ раненой Зорки къ себѣ домой. Не прошло и часа послѣ того, какъ насъ оставили въ домѣ однихъ, какъ упомянутый раненый закричалъ:

— Господинъ полковникъ, наши войска идутъ дорогой въ Пуки.

— Позови сюда кого-нибудь,—крикнулъ я изъ дому, сидя у костра съ Зоркой.

Явились сербскіе четники во главѣ съ Константиномъ Печанцемъ, ведя связаннымъ албанца, который въ качествѣ жандарма утромъ водилъ меня и который указаль мнѣ мое мѣстопребываніе. Это спасло ему жизнь, потому что у четниковъ расправа короткая.

Въ то же самое время дорогой стала проходить Моравская дивизія, которая вела борьбу съ албанцами на правой сторонѣ Дрина, около Спаса.

Четники привели двѣ лошади: одну для раненаго, который находился со мной, другую для Зорки. Послѣднюю одинъ солдатъ все время долженъ былъ нести на рукахъ, пока наконецъ не перedalъ ее въ больницу въ Скутари, гдѣ она и выздоровѣла.

Я присоединился къ штабу дивизіи, начальникомъ которой состоялъ полковникъ Миличъ. Тутъ я узналъ и про ихъ несчастіе, происшедшее вблизи Спаса, о чемъ уже упомянуто, а также, что и Бѣлградскій отрядъ имѣлъ вблизи Ороша столь же огромныя потери, какъ и они, потерявъ 19 офицеровъ.

Вообще не осталось почти ни одной части нашихъ войскъ, которымъ бы албанцы не нанесли какого-либо чувствительнаго ущерба, благодаря наущеніямъ и кознямъ нашихъ смертельныхъ враговъ—австро-пѣмцевъ и болгаръ.

Мнѣ было невыносимо тяжело разстаться съ роковымъ для меня селомъ Рапе (высота 889), гдѣ я оставилъ лучшаго въ мірѣ брата и друга. Когда мы взобрались на возвышенность, которая раздѣляетъ село Рапе отъ Пуки, мы замѣтили нашихъ 20 солдатъ убитыми и ограбленными. Этихъ солдатъ послалъ въ Рапе полковникъ Милутиновичъ, чтобы помочь полковнику и майору Жераичамъ. Дойдя до этого мѣста, солдаты замѣтили засаду албанцевъ и прилегли за прикрытія, приготовившись къ борьбѣ.

Такъ какъ албанцы не только не открывали огонь, но даже стояли по сосѣднимъ холмамъ открыто, какъ будто они и не думали нападать, то Бошко, нашъ племянникъ, который велъ этихъ солдатъ въ Рапе, гдѣ погибъ майоръ Жераичъ, имѣлъ время сдѣлать предложеніе, чтобы одинъ изъ солдатъ сѣлъ на мою верховую лошадь, которую онъ велъ съ собою, и поѣхалъ въ Пуки, удаленное не болѣе, какъ на полчаса пути, попросить у начальника дивизіи Милутиновича еще 30 вооруженныхъ солдатъ для подкрѣпленія, потому что онъ не могъ вѣрить албанцамъ.

Солдаты были до такой степени изнурены, что каждый изъ нихъ предпочелъ остаться подъ прикрытіемъ въ ожиданіи помощи, чѣмъ ѣхать въ Пуки. Тогда Бошко обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ моему вѣстовому.

— Полно, пожалуйста, какимъ же образомъ начальникъ дивизіи довѣритъ мнѣ 30 вооруженныхъ солдатъ. Лучше поѣзжай ты самъ, а мнѣ уступи твою винтовку.

Сказано—сдѣлано. Какъ только Бошко отѣхалъ нѣсколько шаговъ, албанцы стали ему кричать:

— Эй, молодець, возвратись!—Но тотъ махнулъ рукой и поѣхалъ дальше.

Тогда албанцы обратились къ солдатамъ, лежавшимъ подъ прикрытіемъ:

— Эй, сербы, солдаты, идите свободно, не бойтесь: мы сторонники Эссадъ-паши.

Наивные люди вышли на открытое мѣсто; подлые албанцы открыли огонь и всѣхъ перебили; одинъ только мой вѣстовой Драгутинъ, раненый шестью пулями, успѣлъ спастись въ Пуки, откуда былъ перенесенъ въ Скутари.

При видѣ убитыхъ тутъ солдатъ, расположенныхъ въ рядъ и окоченѣвшихъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, я почувствовалъ въ душѣ благоговѣніе къ этимъ людямъ: я почувствовалъ, какой великій грѣхъ я совершилъ вчера, называя въ моментъ общай и личной невзгоды этихъ мучениковъ трусами...

Нѣтъ, на свѣтѣ не найдется храбреца и героя, который съ правомъ дерзнулъ бы бросить такой упрекъ въ лицо сербскому вонну... И мертвый въ горахъ Албаніи онъ былъ великъ!

Привыкнувъ въ теченіе четырехлѣтнихъ войнъ видѣть въ сербскомъ солдатѣ постоянного побѣдителя, начальники и наши союзники стали даже забываться, требуя отъ сербскаго солдата и такихъ свойствъ духа и тѣла, которыя принадлежать высшимъ существамъ, а не пормальному человѣку...

Моравская дивизія прибыла въ Пуки, гдѣ и остановилась на ночлегъ. Надежды найти тутъ склады и запасы продовольствія не сбылись... Бывшая въ эту ночь въ нѣсколькихъ верстахъ впереди Вардарская дивизія дала знакъ пушечнымъ выстрѣломъ, что и она находится тутъ на ночлегѣ. Благодаря этому, у всѣхъ стало какъ-то легче на душѣ, потому что въ районѣ Пуки, въ окрестностяхъ котораго было очень много албанцевъ, собралось значительное количество нашихъ войскъ съ пулеметами и горной артиллеріей. Дорогой всѣ мои вещи и аптека пропали. Поэтому я не мало удивлялся, когда одинъ изъ незнакомыхъ мнѣ солдатъ принесъ мою черкесскую бурку.

— Это ваша бурка, г. полковникъ. Я нашелъ ее въ горахъ, упавшую съ лошади, когда албанцы утромъ нападали на насъ.

Такъ какъ бурка принадлежала моему брату, а я остался въ одномъ кителѣ, то это вниманіе и сочувствіе солдата останется неизгладимымъ въ моемъ воспоминаніи.

На слѣдующій день (23-го ноября) я оставилъ Моравскую дивизію въ Пуки и отправился въ село Души, гдѣ засталъ штабъ Вардарской дивизіи. Радужный пріемъ со стороны начальника дивизіи полковника Милутиновича доставилъ мнѣ истинное облегченіе въ моемъ несчастіи. Между прочимъ, онъ разсказалъ мнѣ, что онъ самъ чуть не погибъ вчера при нападеніи албанцевъ, отправляя подъ градомъ пуль въ Скутари тещу доктора-грека, которая ему и сообщила о смерти Р. Жеранча.

Начальникъ дивизіи ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій. Недостатокъ жизненныхъ припасовъ какъ для людей, такъ и для лошадей былъ очень чувствителенъ. Люди съ трудомъ переносили лишенія и недостатокъ хлѣба...

На другой день, 24-го ноября, я переправился на паромѣ черезъ Дринъ у села Мильеть въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка составляетъ границу между Албаніей и Черногоріей, и пришелъ въ Любане (село въ двухъ часахъ отъ Скутари), гдѣ нашелъ штабъ генерала Бойовича.

И здѣсь оказалась та же неизвѣстность положенія, та же неопредѣленность и заботы о дальнѣйшей судьбѣ войскъ. Было только замѣтно, что австрійскіе агенты рѣютъ въ окрестностяхъ Скутари.

Наконецъ, дня черезъ два (27-го ноября), съ разрѣшенія генерала Бойовича, я поѣхалъ въ Скутари — городъ, куда наши солдаты спѣшили съ такой неодолимой энергіей и надеждой на отдыхъ и миръ.

Каково было разочарованіе, когда и въ этомъ городѣ, вслѣдствіе огромнаго количества войскъ и бѣженцевъ, невозможно было найти достаточно продовольствія и когда каждый день австрійскіе аэропланы стали бросать въ не защищенный городъ бомбы, которыя убивали, калѣчили и разрушали все, что попадалось въ немъ!

Многіе горько раскаивались, зачѣмъ не остались въ Сербіи, у родного очага.

Но, къ счастью, скоро послѣдовало болѣе опредѣленное и положительное извѣстіе, что наши союзники берутъ сербскую армію подъ свою мощную защиту. Это извѣстіе сильно повліяло на подъемъ духа и послужило неисчерпаемымъ источникомъ энергіи для дальнейшей борьбы и новыхъ жертвъ арміи.

Вообще отступление сербской арміи черезъ Албанію до Скутари, какъ упомянуто раньше, совершалось какъ бы по инерціи, безъ опредѣленной надежды на помощь союзниковъ, и это время можно бы назвать первымъ періодомъ отступленія.

Въ Скутари эти смутныя надежды превратились въ полное и безграничное довѣріе къ союзникамъ, и съ этого момента начинается уже второй, не менѣе знаменательный и исключительный въ исторіи періодъ транспортировки (въ Корфу, Бизерту, Италию, Солунь) и реорганизации сербскихъ войскъ подъ непосредственнымъ руководствомъ и защитой союзниковъ.

Въ военномъ госпиталѣ въ Скутари я нашелъ моего вѣстового Драгутина, раненаго шестью пулями, рассказавшаго мнѣ, какъ очевидецъ, печальную судьбу, постигшую вышеупомянутый взводъ на возвышенности между Рапе и Пуки.

Когда я вошелъ въ отдѣленіе больницы, гдѣ находился Драгутинъ, я замѣтилъ, какъ на одной изъ кроватей быстро поднимается раненый съ наложенными съ головы до ногъ повязками. Глаза его то сверкали, то потухали, лицо покрывала то блѣдность, то яркая краска; очевидно, что я показался ему привидѣніемъ. Недоумѣвая, онъ вдругъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и бросился ко мнѣ:

— Вы ли это, господинъ полковникъ?..

— Береги повязки, — отвѣтилъ я, поддерживая его и подавляя внутреннее волненіе.

— Что мнѣ повязки, когда вы живы... — сказалъ Драгутинъ, опускаясь въ изнеможеніи на кровать.

Въ томъ же Скутари я нашелъ и жандарма, открывшаго первый огонь по албанцамъ въ Рапе, когда я въ нерѣшительности стоялъ вблизи мертваго брата. Онъ подошелъ ко мнѣ съ улыбкой: — Помните ли, какъ эхо отъ моей винтовки раздавалось по горамъ. Не правда ли, моя винтовка лучше всѣхъ? Я успѣлъ убить двухъ албанцевъ, которые стрѣляли въ васъ, а мнѣ вотъ девять пуль только испортили одежду, не сдѣлавъ даже ни одной царапины. Ужо заплатятъ

миѣ албанцы за шпнель и панталоны,—добавилъ онъ, показывая пулевья отверстія на своей одеждѣ съ задушевнымъ и искреннимъ смѣхомъ.

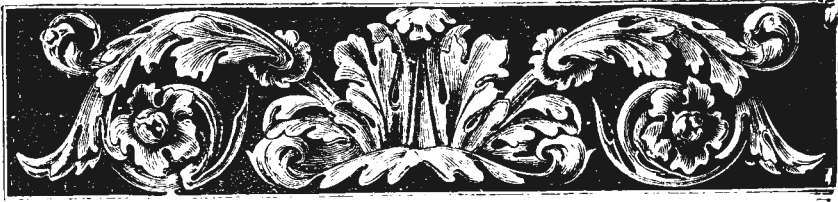
Пройдетъ и всемірная война, которая выдвинетъ множество крѣпкихъ духомъ и тѣломъ героевъ, но ни одна изъ націй не превзойдетъ сербскаго воина въ величіи сердца и духа.

Въ настоящее время враги готовятся воздвигнуть надъ могилой Сербіи крестъ. Но враги забываютъ, что крестъ символъ воскресенія, что сербы живы и что они чаютъ своей національной и государственной жизни во имя всепобѣждающей правды и свободы.

Д-ръ М. Жераичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. А. Шахматовъ. Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка. Часть I. Историческій процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій. Петроградъ. 1916. Стр. 146. Ц. 1 р. 50 к.

НИГА академика А. А. Шахматова—это лекціи, читанныя имъ студентамъ петроградскаго университета. Въ нихъ въ сжатомъ видѣ изложены результаты всѣхъ предыдущихъ изслѣдованій автора. И чѣмъ сконцентрированнѣе изложеніе, тѣмъ больше видно, какое скрывается за нимъ богатство содержанія, какъ вѣско слово автора и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ оно жизненно. У насъ еще до сихъ поръ склопны смотрѣть на науку языкознанія, какъ на мертвое буквоѣдство. Книга г. Шахматова наглядно показываетъ всю ошибочность этого взгляда: въ исторіи звуковъ языка передъ нами оживаетъ прошлое нашего народа и притомъ такія его стороны, о которыхъ не помнятъ историческія свидѣтельства. Авторъ говоритъ о звукахъ языка, а расширяетъ наши историческіе горизонты. Будутъ ли оправданы наукой всѣ его заключенія, или нѣтъ, лекціи его во всякомъ случаѣ должны стать настольной книгой всякаго, кто занимается русскими языкомъ и исторіей: съ добытыми имъ выводами нельзя не считаться.

Авторъ начинаетъ книгу съ вопроса о прародинѣ индо-европейцевъ и славянъ. Последнюю онъ находитъ на теперешнемъ сѣверо-западѣ Россіи, въ Балтійскомъ побережьи, точнѣе на нижнемъ теченіи Нѣмана и Сѣверной Двины. Изъ многихъ доводовъ, сюда относящихся, отмѣтимъ одинъ. Восточнѣе черты, идущей отъ острова Эзеля черезъ Курляндію на Гродну, Каменецъ-Подольскъ и Кишиневъ, не растетъ, за исключеніемъ западной части,

Лифляндіи, ни плочъ, ни тисъ. Между тѣмъ и плочъ и тисъ—слова общеславянскія; значитъ, славяне имѣли возможность видѣть ихъ въ дикомъ состояніи на своей прародиנѣ. На юго-западъ, а частью и на западъ отъ славянъ сидѣли вѣсточные германцы, Спалы или Сполы (откуда наше исполинъ), а послѣ занявшіе ихъ мѣсто готы, называвшіе себя *thiuda* (откуда наше Чудь и слово чужой). Когда, повинувъсь общему тяготѣнію, всѣхъ варварскихъ племень къ средиземноморской культурѣ, готы изъ Повиселья двинулись на югъ, славяне заняли ихъ поселенія на Вислѣ, и очень возможно, что память объ этомъ сохранилась въ самомъ названіи ляхской земли Лядскою: лядь передавало германское слово *Land*. Такимъ образомъ Повиселье стало какъ бы второй прародиной славянъ.

Утвержденіе гунновъ въ Средней Европѣ остановило движеніе славянъ на югъ и вмѣстѣ съ тѣмъ было поводомъ къ раздѣленію единого доселѣ славянства на западное и вѣсточное. Западнымъ славянамъ открылись пути въ Германію съ ея разрѣженнымъ, благодаря передвиженіямъ народовъ на югъ, населеніемъ. Что касается вѣсточныхъ славянъ, то паденіе гунновъ въ V вѣкѣ очистило имъ путь на югъ. Г. Шахматовъ думаетъ, что они двинулись двумя путями—западнымъ по ту сторону Прута и другимъ, болѣе вѣсточнымъ. Первымъ шли словене, вторымъ—анты. Здѣсь, по мнѣнію Шахматова, надо видѣть причину распадѣнія вѣсточнаго славянства на двѣ половины—южную и вѣсточную. Анты—это предки славянъ русскихъ. Они въ своемъ движеніи на югъ заняли южную Россію до Днѣпра, переходя и за Днѣпръ и осаживаясь у Азовскаго моря. Область между Прутомъ и Днѣпромъ—это первая прародина русскаго народа. Скудныя извѣстія объ антахъ—это первыя данныя русской исторіи.

Удержаться антамъ въ южной Россіи долго не удалось: ихъ выбили оттуда болгары и авары. Изъ чувства самосохраненія анты подались назадъ и заняли земли вверхъ по Днѣпру и Днѣстру, современную Вольтю и сѣверную часть Кіевской губерніи. Это—вторая прародина русскаго племени, колыбель нашего народа, но сюда русскіе пришли съ юга. Вотъ почему Несторъ выводитъ всѣхъ славянъ съ Дуная. Вотъ почему лѣвый притокъ Днѣпра характерно называется у насъ Десной: очевидно, эта рѣка приходилась справа шедшему вверхъ по теченію населенію.

Вольтю такимъ образомъ стала исходной точкой дальнѣйшаго разселенія русскаго народа. Переходъ на лѣвый берегъ Днѣпра вызвалъ первое раздробленіе русской семьи. Лѣвобережная часть населенія скоро выдѣлила изъ себя двѣ вѣтви—вѣточно-русскую, занявшую бассейнъ Донца, крайней гранью которой стало потомъ княжество Тмутараканское, и сѣверно-русскую, завладѣвшую истоками Западной Двины, Ловати и Вислы. Анализъ языка сѣверно-русской вѣтви привелъ, какъ извѣстно, г. Шахматова къ заключенію, что она подверглась сильному польскому вліянію. Въ то время, когда съ Днѣпра Русь двинулась на сѣверъ, германскія племена потѣснили западныхъ славянъ, и всѣ они подались на востокъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, а именно радимичи, которые, по свидѣтельству еще Нестора, «были отъ рода ляховъ», заняли верхнее Поднѣпровье и стали на пути русской колониза-

ції. Русскіе отбросили ихъ на востокъ въ теперешнія Орловскую и Калужскую губерніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и заимствовали отъ нихъ особенности польской рѣчи, смѣшеніе звуковъ ч и ц и др. Ляшская среда, черезъ которую имъ пришлось пробиваться, наложила на нихъ свою печать. Такимъ образомъ возникли три вѣтви русскаго племени: сѣверная, восточная и южная съ соотвѣтствующими имъ особенностями говоровъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ показываетъ, какъ постепенно образовались отсюда современныя нарѣчія русскаго языка: малорусское, бѣлорусское и великорусское, съ двумя его вѣтвями, сѣверно-великорусской и южно-великорусской. Эта часть книги отличается меньшей стройностью изложенія, но богатство наблюдений, остроуміе догадокъ и предположеній, основательность выводовъ, широкая трактовка предмета, при которой чисто филологическіе вопросы освѣщаютъ далекія перспективы исторической жизни, остаются прежними. Особенно интересны здѣсь главы, посвященныя вліянію государственной жизни на развитіе языка, въ частности объединяющей роли языка Кіева, слѣдомъ чего осталось и въ теперешнемъ московскомъ говорѣ малорусское произношеніе звука г въ словахъ, обозначающихъ власть и государственныя установленія: господинъ, государь, погость.

Любопытно, что, когда въ свое время появились первые результаты изслѣдованій г. Шахматова, они неожиданно нашли себѣ между прочимъ отзвукъ въ области, далекой отъ науки. Недавно умершій польскій писатель, Адамъ Шиманскій, долго жившій въ нашей Калужской губерніи, нашель въ мѣстнѣ г. Шахматова относительно ляшскаго происхожденія радимичей подтвержденіе своимъ собственнымъ этнографическимъ наблюденіямъ, результатомъ чего явилась его повѣсть «Аксинья». Это—мелочь, но она въ данномъ случаѣ характерна. Настоящая наука хранить тѣсную связь съ жизнью: въ жизни она коренится и оттуда черпаетъ свою силу, а съ другой стороны и сама дѣйствуетъ на жизнь. Таковы и лекціи г. Шахматова.

А. С.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 148. Петроградъ. 1916. Стр. 544. Цѣна 3 р. Дипломатическая переписка англійскихъ представителей при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны. XV.

Вышедшій недавно 148 томъ сборника императорскаго русскаго историческаго общества составляетъ 15-ый томъ дипломатической переписки англійскихъ представителей при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны и содержитъ въ себѣ главнымъ образомъ переписку бывшаго за время съ 28 января 1750 по 20 декабря 1753 г., почти четыре года, англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ полковника Гая Дикенса съ герцогомъ Ньюкастельскимъ. Главный трудъ по этому изданію принадлежитъ генералъ-лейтенанту Н. С. Ермолову, при участіи котораго извлеченъ упомянутый матеріалъ изъ лондонскаго архива (Public Office Russia). На долю г. Горяинова досталось этотъ матеріалъ напечатать, снабдивъ его небольшимъ, но очень любопытнымъ введеніемъ и также весьма скуднымъ указателемъ личнымъ именъ. Изъ введенія узнаемъ, что о полковникѣ

и посланникъ Гаѣ Дикенсъ не имѣется никакихъ біографическихъ свѣдѣній. Въ этомъ можно нѣсколько усомниться, потому что непосредственно за этими словами сообщается, что онъ пріѣхалъ немолодымъ человѣкомъ въ 1755 г., чувствовалъ себя старымъ, не привыкъ къ свѣтской жизни, не обладалъ средствами, былъ остороженъ, исполнительенъ, не имѣлъ дипломатическаго навыка, но обладалъ наблюдательностью и т. д. Все это, конечно, свѣдѣнія біографическія, и потому, казалось бы, осторожнѣе было не выражаться категорически, что біографическихъ свѣдѣній о Гаѣ Дикенсѣ не имѣется, но, по наступленіи благоприятныхъ мирныхъ дней, направить тщательные поиски ¹⁾ за такими свѣдѣніями, конечно, въ лондонскіе архивы министерствъ, какъ иностранныхъ дѣлъ, такъ и военныхъ, въ которыхъ, съ большою вѣроятностью, должны быть свѣдѣнія о посланникѣ и о полковникѣ, бывшемъ въ перепискѣ съ герцогомъ Ньюкастельскимъ; о такихъ особенно выдающихся по служебной части лицахъ большею частью имѣются свѣдѣнія въ архивахъ, и часто требуется не мало времени, чтобы ихъ отыскать.

Что же касается свѣдѣній, сообщаемыхъ Дикенсомъ, то хотя они во многомъ подтверждаютъ высказанное уже нашимъ извѣстнымъ историкомъ С. М. Соловьевымъ (см. кн. V «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» изд. 1911 г.)²⁾, тѣмъ не менѣе читатель прочтетъ съ интересомъ сообщаемое имъ о канцлерѣ А. П. Бестужевѣ, о его долгахъ и способахъ погашенія оныхъ, обращаясь за помощью къ союзнымъ государствамъ, объ отношеніяхъ его къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая, по словамъ Дикенса, была женщиной рѣшительной и отважной, преисполненной нескрываемой неприязни къ Фридриху II, королю прусскому, и т. д. Сношенія непосредственныя Россіи съ Англіей за время пребыванія Гаѣ Дикенса касались по преимуществу, если не исключительно, вопроса о субсидіи, которую очень желала получать Россія, при ея финансовыхъ затрудненіяхъ, отъ морскихъ державъ, Англіи и Голландіи, за содержаніе значительнаго корпуса войскъ на лифляндскихъ границахъ для сдержанія Пруссіи, а также о болѣе тѣсномъ сближеніи русскаго и англійскаго дворовъ, что входило въ основаніе политики канцлера Бестужева (см. С. М. Соловьева «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», книга V, стр. 733, 799). Помимо дипломатическихъ свѣдѣній, Гаѣ Дикенсъ ²⁾ сообщалъ немало свѣдѣній о составѣ и расположеніи русскихъ войскъ и торговлѣ Россіи съ Персією, объ англичанахъ, имѣвшихъ въ то время фабрики въ Россіи, о бѣдствіяхъ, испытываемыхъ Россією отъ пожаровъ, наводненій и т. д. Все это, конечно, очень любопытно, и нельзя не пожалѣть, что весьма немногіе изъ нашихъ соотечественниковъ будутъ имѣть возможность непосредственно ознакомиться съ ними по той причинѣ, что большая часть донесеній Дикенса изложена на англійскомъ языкѣ, пока еще въ обществѣ нашемъ мало распространенномъ. Едва ли можно съ основательностью предположить, чтобы всѣ интересующіеся

¹⁾ Такъ какъ г. Горяиновъ не упоминаетъ что таковыя поиски были проведены уже, то мы считаемъ правильнымъ выводъ, что таковыя произведены не были своевременно, о чемъ нельзя не пожалѣть, конечно.

²⁾ Замѣтимъ при этомъ, что С. М. Соловьевъ не упоминаетъ о Гаѣ Дикенсѣ въ своемъ упомянутомъ трудѣ.

отечественною исторією, обладали знаніемъ не только французскаго и нѣмецкаго языковъ, но еще и англійскаго и другихъ иностранныхъ языковъ, требовать же этого знанія нѣтъ никакой возможности въ настоящее время. Поэтому подобныя изданія являются изданіями не столько для нашихъ соотечественниковъ, сколько для иностранцевъ, при чемъ нельзя не обратить вниманіе на слѣдующую особенность, которая, сколько намъ извѣстно, въ иностранныхъ литературахъ не встрѣчается. Къ тексту книги, изложенной по преимуществу на англійскомъ языкѣ, — русскаго текста въ ней вовсе нѣтъ, — остается общепринятый указатель личныхъ именъ на русскомъ языкѣ, т. е. на языкѣ, который въ текстѣ книги совершенно не встрѣчается? Зачѣмъ это и почему? Неужели можно принять, что всякій, не владѣющій англійскимъ языкомъ настолько, чтобы прочесть англійскую книгу, будетъ пользоваться указателемъ, составленнымъ къ этой книгѣ на русскомъ языкѣ? Замѣтимъ при этомъ, что указатель составленъ до чрезвычайности кратко, до того, что не означено даже, въ какомъ государствѣ служилъ указанное лицо; напр., Барковъ — генераль-майоръ, Вольфъ — бригадиръ, Витковицъ — бригадиръ, Крафтъ — бригадиръ и т. д. При этомъ пропущены въ указатель: Штокманъ, упомянутый на стр. 392 текста, Берденвицъ — упомянутый на стр. 392 текста; но зато въ число существительныхъ личныхъ включено существительное нарицательное статудеръ, переводимое на русскій языкъ словомъ штатгальтеръ, а извѣстный графъ Лосъ (Loss), саксонскій посланникъ въ Парижѣ, обращенъ въ Лося (Лось). названіе извѣстнаго звѣря, обитающаго въ сѣверныхъ частяхъ нашей имперіи. Польза подобныхъ указателей крайне сомнительна... П. Майковъ.

Владимиръ Вальденбергъ. «Древнерусскія ученія о предѣлахъ царской власти».
Пгр. 1916. Стр. IX+463. Ц. 3 руб.

Принимая во вниманіе новизну и сложность предмета, затронутого г. Вальденбергомъ, мы должны признать его работу въ высокой степени удачной. «Предлагаемая книга есть изслѣдованіе по исторіи политическихъ идей, — пишетъ Вл. Вальденбергъ въ началѣ своего труда и, поясняя, продолжаетъ: — авторъ не даетъ выводовъ о томъ, каковы были предѣлы царской власти въ древней Руси. Его выводы касаются исключительно литературныхъ явленій». Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что разбираемая книга является у насъ въ своемъ родѣ первой; извѣстныя работы М. А. Дьяконова («Власть московскихъ государей») и В. Саввы («Московскіе цари и византійскіе василевсы». Харьковъ, 1910) были посвящены изученію историческихъ фактовъ, а не идей, какъ книга г. Вальденберга. Кромѣ того, какъ упомянутыя сейчасъ, такъ и нѣкоторые другія, подобныя имъ, работы охватывали обыкновенно небольшой періодъ времени, а г. Вальденбергъ разсматриваетъ политическія идеи русскихъ писателей, начиная съ времени св. Владимира и кончая XVII вѣкомъ.

На всемъ протяженіи труда своего авторъ одинаково внимателенъ, освѣдомленъ и — что цѣннѣе всего — безпристрастенъ. Касаясь самыхъ различныхъ политическихъ идей, нерѣдко и такихъ, сущность которыхъ не утратила своей живучести и до нашего времени, г. Вальденбергъ всегда умѣетъ удержаться отъ

выраженія своихъ личныхъ симпатій и антипатій. Быть можетъ, въ этомъ и заключается разгадка того, что означенная книга съ начала до конца читается съ не ослабѣвающимъ интересомъ.

Къ числу наиболѣе удачныхъ и яркихъ мѣстъ въ книгѣ слѣдуетъ отнести страницы, посвященныя разбору сочиненій Ивана Пересвѣтова (стр. 324—335), а наибольшей внутренней обстоятельностью и опредѣленностью проникнута, по нашему мнѣнью, характеристика политическаго ученія патріарха Никона (стр. 373 и слѣд.). «Католическій характеръ ученія Никона не подлежитъ никакому сомнѣнью» (стр. 391)—столь рѣшительные выводы въ книгѣ г. Вальденберга встрѣчаются не часто, но тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, производимое ими.

Очень интересенъ также разборъ мнѣній о характерѣ власти византійскихъ императоровъ (стр. 40—81). Коснувшись этой главы, отмѣтимъ, въ заключеніе, что какъ здѣсь, такъ и вообще въ своей работѣ,—авторъ проявилъ чрезмѣрную осторожность, которая можетъ быть признана даже прямымъ недостаткомъ его книги. А именно: г. Вальденбергъ нигдѣ не выразилъ ясно и точно своего собственнаго мнѣнія о самодержавіи; изъ нѣкоторыхъ же его замѣчаній, особенно частыхъ какъ разъ въ главѣ о Византіи, можно вывести заключеніе, что авторъ не всегда разграничиваетъ съ надлежашей строгостью понятія самодержавія и самовластия и удѣляетъ слишкомъ поверхностное вниманіе природѣ тѣхъ силъ, коими царская власть ограничивается. Укажемъ, для примѣра, что по «Законамъ Ману» царская власть является, несомнѣнно, ограниченной, но въ то же время эта «ограниченность» не имѣетъ ничего общаго съ западно-европейскими конституціями и даже противоположна имъ. Точно такъ же въ Египтѣ, въ Византіи, въ Россіи мы встрѣчаемъ «ограничительныя» тенденціи, но источникомъ ихъ являются исключительно религіозныя воззрѣнія, вслѣдствіе чего полнота самодержавія египетскаго фараона или византійскаго василевса никоимъ образомъ не нарушается, а лишь отдѣляется непродолимую пропастью отъ уклона въ самовластіе и «тиранію».

Несмотря, однако, на отмѣченную нами недоговоренность г. Вальденберга, книга его должна быть привѣтствуема не только какъ первая попытка сгруппировать политическія мнѣнія древнерусскихъ писателей, но и какъ попытка, безспорно, удачная.

Александръ Тиняковъ.

С. Ф. Либровичъ. На книжномъ посту. Воспоминанія. Записки. Документы. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Петроградъ и Москва. 1916. Стр. 496—III, съ портретомъ М. О. Вольфа. Цѣна не обозначена.

Авторъ этой книги болѣе сорока лѣтъ прослужилъ въ книжной фирмѣ М. О. Вольфъ. Результатомъ наблюденій и встрѣчъ съ русскими писателями, государственными дѣятелями и другими высокопоставленными лицами въ «Литературномъ почти-клубѣ» или «Маврикіевой каморкѣ», въ № 18-мъ Гостиного двора въ Петербургѣ и являются настоящія воспоминанія. Несмотря на нѣкоторую анекдотичность и хронологическую непослѣдовательность (авторъ слишкомъ искусственно расположилъ матеріалъ, раздѣливъ его на группы въ родѣ: «Среди писателей и книгъ», «Высокопоставленные книголюбы», «Друзья

и сотрудники» и пр.), книга даст много любопытнаго и цѣннаго даже для историковъ литературы.

Бойкій книгопродавецъ, прѣхавшій изъ Варшавы, Маврикій Вольфъ въ 1853 г. открылъ въ Петербургѣ собственную книжную лавку и въ то же время занялся издательствомъ русскихъ книгъ. Предпримчивый, прекрасно всегда освѣдомленный съ настроеніями книжнаго рынка, энергичный хозяинъ, дѣлавшій все самолично, онъ къ 80-мъ годамъ прошлаго вѣка расширилъ свое предпріятіе до весьма обширныхъ размѣровъ, тѣмъ болѣе, что особо конкурирующихъ съ нимъ фирмъ тогда не было и въ поминѣ.

Въ очеркахъ г. Либровичъ повѣствуетъ о цѣломъ рядѣ посѣтителей книжной лавки Вольфа. Прежде всего это литераторы. Вотъ Гончаровъ съ записною книжкой, въ которую онъ заносилъ все, казавшееся ему интереснымъ, составляющій для «Голоса» библиографическія замѣтки, конечно, безъ подписи, издающій собраніе своихъ сочиненій у Глазунова и послѣ этого долго не показывающійся у Вольфа и даже письменно извиняющійся передъ книгопродавцемъ. Вотъ В. П. Бурнашевъ—«первенецъ русской литературной богемы», играющій на собраніяхъ у Вольфа незавидную роль шута, чиновникъ III-го отдѣленія, сплетникъ, котораго всѣ остерегаются, покупающій на старости лѣтъ на устроенную для него Лѣсковымъ подписку клавесинъ. Вотъ прокуроръ-поэтъ, Н. П. Семеновъ, признающій только одного Мицкевича. Вотъ Потанинъ, являющійся къ Вольфу въ полущубкѣ и принятый за артельщика. Вотъ Терпигоревъ-Атава, не признающій себя писателемъ-художникомъ, занимающійся вышиваніемъ туфель и другихъ тому подобныхъ вещей по сукну, показывающій гостямъ свою «библіотеку»—темную комнату, всю уставленную винами, наливками, ликерами, и «лабораторію», гдѣ Терпигоревъ самолично изготовлялъ самыя крѣпкіе напитки; не державшій въ квартирѣ ни одной картины, ни одной гравюры на томъ основаніи, что это «портитъ стѣны»; подносящій щенка съ выдачею ему «метрическаго свидѣтельства». Вотъ Стасюлевичъ, дающій самый лестный отзывъ о бездарной «Исторіи Юлія Цезаря» издѣлія Наполеона III, навязанной Вольфу въ русскомъ переводѣ самимъ императоромъ французомъ. Вотъ исторія съ изданіемъ сочиненій гр. Льва Толстого, на котораго не находится издателей. Вотъ поэтъ-переводчикъ А. И. Струговщиковъ, запрашивающій съ Вольфа м и л л и о н ъ рублей «и ни копейки меньше» за свой переводъ «Фауста» и внезапно переменяющій рѣшеніе, готовый отдать переводъ задаромъ, терзающій издателя безконечными поправками и корректурами и умирающій до выхода въ свѣтъ своей работы. Вотъ исторія съ переводомъ «Божественной Комедіи», когда пришлось представить особую «докладную записку» духовной цензурѣ, поднять цѣну на изданіе до 20 рублей, и все же нашлись подписчики, ужаснувшіеся соблазна и возмутившіеся «кошунствомъ» поэта и обращавшіеся къ петербургскому градоначальнику съ жалобой, требуя сожженія всѣхъ экземпляровъ. Вотъ знаменитый издатель «Нивы», Адольфъ Фёдоровичъ Марксъ, служавшій Вольфа, въ архивѣ котораго сохранилась слѣдующая расписка: «Дано Марксу на сапоги шесть рублей» и «Шесть рублей получилъ сполна Марксъ»,—этотъ Марксъ непременно хотѣлъ на портретъ Бисмарка въ «Нивѣ» подписать: «самый вѣрный другъ Россіи». Вотъ Писемскій, призывающій къ

себѣ отъ времени до времени бѣженистовъ и продающій имъ всё книги, даже... съ собственноручными надписями авторовъ.

Любопытенъ разсказъ г. Либровича о литературныхъ секретаряхъ издательства. Среди нихъ были В. Д. Спасовичъ, В. Р. Зотовъ, П. И. Вейнбергъ, П. П. Полевой, М. Л. Песковскій и др. «Въ кругъ работы этихъ секретарей, помимо обширной корреспонденціи по литературнымъ и издательскимъ дѣламъ, входили библиографическія статейки о всѣхъ вольфовскихъ изданіяхъ. Какъ только какое-нибудь вольфовское изданіе выходило изъ печати, Вольфъ передавалъ экземпляръ своему секретарю для составленія краткой библиографической замѣтки, какъ матеріала для каталога своихъ изданій. Придавая этимъ замѣткамъ особенное значеніе, Вольфъ платилъ за нихъ секретарямъ отдѣльный, построчный, иногда довольно значительный гонораръ, при чемъ не только не препятствовалъ авторамъ помѣщенію этихъ замѣтокъ въ газетахъ и журналахъ, но, напротивъ, за принятую въ журналъ и помѣщенную въ какомъ-нибудь изданіи замѣтку платилъ еще большій гонораръ...» (стр. 387).

Не менѣе любопытны типы сановниковъ. Такъ, одинъ изъ нихъ получалъ, подъ видомъ «необходимыхъ трудовъ для научныхъ изслѣдованій» безъ цензурнаго просмотра, все, что только имѣлось и вновь выходило за границу по... эротикѣ и порнографіи и составилъ единственную въ своемъ родѣ «секретную библіотеку». Другой интересовался сочиненіями о государственныхъ переворотахъ. Третій—собиралъ беллетристику о «скандальныхъ приключеніяхъ при царствовавшихъ и царствующихъ дворахъ» и т. д. Вотъ знаменитые графъ Д. А. Толстой и К. П. Побѣдоносцевъ, оба придерживающіеся того убѣжденія, что просвѣщеніе—очень опасно для государства и должно быть доступно немногимъ, избраннымъ. Характеренъ разсказъ г. Либровича о томъ, какъ графъ Д. Толстой оттягалъ у Вольфа висѣвшіе въ магазинѣ два барельефныхъ портрета императрицы Екатерины II. На всѣ доводы Вольфа, что онъ портреты не продаетъ, что они приобрѣтены для украшенія магазина, Толстой непремѣнно требовалъ уступки ихъ ему.

— Иначе мы съ вами враги,—замѣтилъ, полушутя, Толстой.

Пришлось подчиниться волѣ министра, ссориться съ которымъ было крайне опасно. Но когда Вольфъ наотрѣзъ отказался принять плату, Толстой, передавая въ кассу магазина одинъ рубль, сказалъ:

— А все-таки вы разрѣшите внести хоть одинъ рубль, чтобы никто не могъ сказать, что я взялъ эти портреты, не заплативъ за нихъ...

Свѣтлѣйшій князь А. А. Ливень нерѣдко говорилъ, что «хотя императоръ Александръ II и именуется «самодержавнымъ императоромъ», но на самомъ дѣлѣ его самодержавіе очень ограничено тѣми вліяніями, взглядами и опасеніями, которыхъ придерживаются высшіе круги и съ которыми приходится считаться. Никто-де изъ тѣхъ, кто не вращается при дворѣ, не знаетъ, какъ трудно императору, горячо преданному своимъ реформаторскимъ идеямъ, ладить съ массою вліятельныхъ лицъ, удерживающихъ государя въ его лучшихъ намѣреніяхъ, частью изъ личныхъ соображеній, частью изъ страха передъ какою-то воображаемою народною смутю». Или вотъ нѣкій финансистъ, устраивающій по случаю важнаго раута у себя на квартирѣ библіотеку на одну ночь.

Многое переменялось за сорокъ лѣтъ. И, читая эти безпритязательно написанные очерки, въ которыхъ тѣмъ ярче выступаютъ картины наивно-отсталого быта, не знаешь, что дѣлать: смѣяться ли, или горевать.

Въ книгѣ не мало документовъ: писемъ, расписокъ, расчетовъ разныхъ писателей. Этого рода матеріалъ является, поскольку онъ новъ, довольно цѣннымъ приобрѣтениемъ для исторіи литературы.

Вл. Кв.

А. М. Ловягинъ. Историческіе и библиологическіе очерки. Выпускъ первый. Пгр. Изданіе Т. А. Ловягиной. 1917. Стр. 1+155. Цѣна 3 рубля.

Въ этомъ выпускѣ изъ очерковъ А. М. Ловягина, написанныхъ преимущественно за время съ 1893 по 1905 гг., лишь немногіе воспроизводятся въ томъ видѣ, въ которомъ они въ первый разъ появились въ печати: большинство было подвергнуто авторомъ переработкѣ. Двѣ статьи напечатаны впервые. Вышеназванная книга очень разнообразна по своему содержанию, и потому, естественно, будетъ читаться не всѣми съ одинаковымъ вниманіемъ и производительностью. Но, думается, должна быть признана и своя общинтересность за этимъ сборникомъ, изложеннымъ литературно и доступно, по крайней мѣрѣ для каждаго среднеобразованнаго читателя.

Въ первомъ очеркѣ «Начало Рима» авторъ касается домысловъ покойныхъ ученыхъ В. И. Модестова и А. Θ. Эпмана касательно все той же постоянно разгадываемой «царской легенды».

Въ статьѣ «Константинъ Великій» г. Ловягинъ прежде всего оговаривается, что біографія этого—«одного изъ величайшихъ монарховъ»—страдаетъ отъ субъективизма, «особенно различаются по результатамъ разысканія историковъ противоположныхъ религіозныхъ воззрѣній, въ томъ числѣ и антирелигіозныхъ и безрелигіозныхъ». И затѣмъ бѣгло, но выпукло авторъ очерчиваетъ «дни и труды» Константина. Особливо красочно написанъ г. Ловягинымъ очеркъ, рисующій «необычайную личность» Колумба. До извѣстной степени сезоннымъ для нашихъ дней является статья «Греческій проектъ», гдѣ развивается мысль, что «не Потемкинъ, а Безбородко смотрѣлъ на греческій проектъ, какъ на нѣчто вполне доступное выполнению». Любопытство многихъ читателей, пусть и разныхъ умственныхъ тяготѣній, задѣнуто въ сборникѣ статьи на такія темы: «Древнеаѳинскій народный судъ у Аристофана и Аристотеля», «Александръ Македонскій въ Туркестанѣ», «Старинныя русскія географическія карты», «Персидскій торгъ и книга Адама Олеарія», «Случай князя Потемкина» (гдѣ опубликованы весьма любопытныя записочки къ нему отъ Екатерины II), «Конституція 1791 г.», «Мишле».

Выразительны у автора, основательно всегда освѣдомленнаго и начитаннаго, не столько логика и цѣлостность идей, сколько трактовка заданий, весьма далекая отъ легонькой, тенденціозно-расхожей комплиятивности, отъ пресловутой «научной популярности».

А. Наложковъ.

І. Бѣлоголовъ. Акты и документы, относящіеся къ устройству и управленію римско-католической церкви въ Россіи. Томъ І. Петроградъ. 1916. Стр. XXIII+482. Цѣна 6 руб.

Авторъ настоящаго труда, молодой, но трудолюбивый и серьезный ученый, профессоръ императорской католической духовной академіи І. Бѣлоголовъ, затѣялъ большую работу: собрать и издать, по возможности, весь историческо-юридическій матеріалъ, относящійся къ управленію католической церкви въ Россіи съ царствованія императрицы Екатерины Второй до настоящаго времени. Вышедшій пока первый томъ, изданный на личныя средства составителя, включаетъ высочайшіе указы, регламенты, манифесты и прочія узаконенія Екатерины II, Павла I, Александра I, имѣющіе какое бы то ни было, хотя бы самое отдаленное, отношеніе къ католицизму.

Въ обширномъ вступленіи къ этому труду, основанномъ исключительно на подлинныхъ документахъ, мы находимъ точное представленіе объ отношеніи законодательной власти къ католикамъ, проживающимъ въ Россіи, съ XIII столѣтія до воцаренія императрицы Екатерины II.

Въ этотъ періодъ отечественной исторіи правовое положеніе католицизма въ нашемъ государствѣ было совершенно неопредѣленно: законодательныя нормы, созданныя для отдѣльныхъ, случайно образовавшихся приходо- и колоній, а также и дипломатическія сношенія правительства съ иностранными державами или вовсе не касались вопроса о правовомъ положеніи католической церкви у насъ, или же затрагивали его косвеннымъ образомъ. Съ присоединеніемъ Польши, гдѣ широко была развита религіозная и просвѣтительная дѣятельность свѣтскаго и монашескаго духовенства, императрицъ Екатерины II пришлось создать новую отрасль русскаго законодательства: установить правовыя рамки жизни и дѣятельности католическаго духовенства и паствы. Начиная съ 1766 года послѣдовалъ цѣлый рядъ указовъ, имѣющихъ цѣлью создать опредѣленную систему устройства и управленія польско-католической церкви въ Россіи. Въ виду этого обстоятельства авторъ началъ свою группировку документовъ съ царствованія Екатерины II, оставляя въ забвеніи очень важныя съ нѣкоторой точки зрѣнія указы императора Петра I, Екатерины I, Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны и Петра III.

Въ книгѣ напечатано 244 документа, за время съ 1766 года по 1825 г. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ такой обширной работѣ нашлись нѣкоторые недостатки и пропуски.

Во вступленіи, среди нѣсколькихъ незначительныхъ опечатокъ, мы должны отмѣтить двѣ важныя. Манифестъ Петра Великаго о привлеченіи иностранцевъ въ Россію былъ изданъ 16 апрѣля 1702 г., а не 16 февр. (стр. III). Уставъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій былъ составленъ не въ 1757 г., а въ 1857 г. (стр. XX). По всей вѣроятности, по винѣ типографіи два указа 1772 г. поставлены передъ указами 1766 г. (стр. 1—4). Изъ времени Екатерины II пропущено 8 указовъ (Полн. собр. Зак. т. XVI № 11980, XVII № 12303 и 12322, XIX № 14122, XXI № 15700 и 15812, XXIII № 17081 и 17264), изъ времени Павла I—3 указа (П. С. З. т. XXIV № 18416, XXV № 18418, XXVI № 19412) и изъ времени Аде-

ксандра 1—9 указовъ (П. С. З. т. XXVII № 20583, № 20988 и 21014, XXVIII № 21208 и 21452, XXXII № 25287, XXXVI № 27875, XXXVII № 28304 и XXXVIII № 29605), относящихся къ этой области.

Кромѣ того, при чтеніи иногда чувствуется недостатокъ историческихъ объясненій текста указовъ. Для наглядности содержимаго матеріала не мѣшало бы прибавить предметный указатель и систематическое распределение матеріала по разнымъ отдѣламъ и отраслямъ церковнаго устройства и управленія.

Эти ничтожныя пробѣлы въ сравненіи съ такимъ громаднымъ сборникомъ, конечно, не роняютъ достоинства книги, тѣмъ болѣе, что ихъ можно исправить или въ концѣ всего изданія, или же при появленіи слѣдующаго тома. Нѣтъ сомнѣнія, что изданные документы представляютъ глубокий научный и жизненный интересъ. Книгою профессора І. Вѣлоголова не можетъ не пользоваться ни юристъ, ни историкъ, работающіе надъ положеніемъ римско-католической церкви въ Россіи и надъ вопросомъ о вѣротерпимости русской законодательной власти. Даже не специалисты найдутъ въ этомъ цѣнномъ сборникѣ документовъ много полезнаго и интереснаго. Это—комментарій правовѣда для объясненія статей устава духовныхъ дѣлъ, цѣнный матеріалъ для историка, серьезное чтеніе для всякаго интеллигента, желающаго ознакомиться съ терпимостью нашего правительства по отношенію къ католикамъ въ частности и вообще къ католицизму. Дай Богъ, чтобы трудъ профессора І. Вѣлоголова нашелъ не только многихъ читателей, но также и многихъ подражателей. Пора намъ соби- рать и сгруппировать документы, относящіеся къ точному представленію общественной жизни въ разныя историческія эпохи нашего великаго государства.

І. Васильевъ.

Крусманъ, В. На зарѣ англійскаго гуманизма. Англійскіе корреспонденты первыхъ италіанскихъ гуманистовъ въ ближайшей своей обстановкѣ. Исслѣдованіе. Одесса. 1916.

Монографія, заголовокъ которой приведенъ мною выше, представляетъ, въ сущности, біографію двухъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей, которые въ бытность свою въ Италіи завели тамъ случайно знакомство съ нѣсколькими италіанскими гуманистами. Жизнь и дѣятельность одного изъ этихъ англичанъ—Ричарда де-Бери—относится къ первой половинѣ XIV вѣка. Онъ былъ епископомъ дурэмскимъ, несъ обязанности канцлера и пользовался большимъ расположеніемъ короля Эдуарда III, который часто возлагалъ на него важныя дипломатическія порученія, вслѣдствіе чего ему приходилось предпринимать путешествія на континентъ. Другой англичанинъ, о которомъ трактуетъ эта монографія, Томасъ Эрундель, игравшій видную политическую роль въ царствованія королей Ричарда II и Генриха IV. Онъ занималъ постъ канцлера и архіепископа кентерберійскаго.

Во время одного изъ своихъ путешествій въ Авиньонъ Ричардъ де-Бери познакомился тамъ съ Петраркою. Повидимому, Петрарка послѣ этого знаком-

ства писалъ къ нему нѣсколько разъ. Дошли ли до него эти письма, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ знаменитый итальянскій гуманистъ отвѣта отъ Ричарда де-Бери не получилъ. Что касается Томаса Эрунделя, то онъ во время своего вынужденнаго путешествія въ Италию посѣтилъ Флоренцію и завелъ тамъ знакомство съ канцлеромъ этой республики—извѣстнымъ гуманистомъ Коллючіо Салютати. Нѣсколько писемъ флорентинскаго канцлера къ Томасу Эрунделю дошли до нашего времени, но остались съ его стороны, повидимому, безъ всякаго отвѣта. Эти скудныя данныя о сношеніяхъ англичанъ съ итальянскими гуманистами въ XIV вѣкѣ послужили главною основою для изслѣдованія г. Крусмана о зарожденіи въ Англіи гуманистическаго движенія въ указанное время. Связавъ искусственно въ своей монографіи біографіи Ричарда де-Бери и Томаса Эрунделя, не имѣвшихъ никакого отношенія другъ къ другу, однимъ общимъ заглавіемъ: «Заря англійскаго гуманизма», авторъ во что бы то ни стало старается оправдать это заглавіе въ своемъ изслѣдованіи. Но такъ какъ положительныхъ данныхъ для того, чтобы говорить о развитіи гуманистическаго движенія въ Англіи въ итальянскомъ духѣ въ XIV вѣкѣ нѣтъ, то авторъ прибѣгаетъ къ разнаго рода догадкамъ, предположеніямъ, обильно пересыпая ихъ разсужденіями и соображеніями, что нужно понимать подъ гуманизмомъ и эпохою Возрожденія. Въ чрезвычайно подробной біографіи Ричарда де-Бери г. Крусманъ рисуетъ намъ его, по крайней мѣрѣ, какъ бібліофила, собирателя рукописей, обладателя по тому времени обширной бібліотеки, около котораго группировался кружокъ ученыхъ. Но о Томасѣ Эрунделѣ и этого сказать нельзя. По свидѣтельству самого автора, Томаса Эрунделя и Коллючіо Салютати сблизили совсѣмъ не гуманистическіе вкусы. Въ одномъ мѣстѣ своей книги г. Крусманъ такъ своеобразно объясняетъ, почему онъ зачислилъ архіепископа кентерберійскаго въ число гуманистовъ: «О духовномъ обликѣ Томаса Эрунделя мы... знаемъ такъ мало, что въ концѣ концовъ въ цѣпь англійскихъ гуманистовъ его приходится включать лишь какъ корреспондента Коллючіо Салутати: разъ тотъ счелъ кентерберійскаго архіепископа достойнымъ обмѣниваться съ нимъ мыслями, онъ, значить, въ его духовныхъ качествахъ нашелъ кое-что себѣ близкое и для себя цѣнное» (стр. 517, прим.). Такіе доводы наврядъ ли убѣдятъ кого-либо въ томъ, что заря англійскаго гуманизма ярко занималась въ XIV вѣкѣ.

Къ сожалѣнію, авторъ приступилъ въ своему изслѣдованію съ предвзятой идеей и не обратилъ должнаго вниманія на то оживленіе въ области мысли, которое произошло вообще въ указанную эпоху въ разныхъ государствахъ Западной Европы. Но новое умственное движеніе происходило въ каждой странѣ самостоятельно въ зависимости отъ всего склада ея историческаго развитія. Въ особенности замѣтный разрывъ съ средневѣковымъ міросозерцаніемъ наблюдается, между прочимъ, и въ Англіи въ политической, соціальной и церковной исторіи которой XIV вѣкъ сыгралъ такую важную роль. И многое, въ чемъ г. Крусману хочется видѣть вліяніе въ Англіи итальянскаго гуманизма, было въ ней, несомнѣнно, продуктомъ самобытнымъ.

Нельзя отказать г. Крусману въ большомъ трудолюбіи, а также въ начитанности и эрудиціи: но, къ сожалѣнію, его объемистое сочиненіе дало несо-

размѣрно малые научные результаты сравнительно съ затраченнымъ трудомъ. Впрочемъ, многія мѣста его книги какъ бы говорятъ о томъ, что и самъ авторъ снѣ вполне удовлетворенъ своей работой.

Н. Любовичъ.

Памятники міровой литературы. Античные писатели. Театръ Еврипида. Переводъ съ введеніями и послѣсловіями И. Ѳ. Анненскаго, подъ редакціей и съ комментариемъ Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. Т. I: Алкеста, Андромаха, Вакханки, Гекуба. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Въ 1909 году въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта скончался извѣстный педагогъ, еще болѣе извѣстный ученый, поэтъ и мыслитель, Иннокентій Теодоровичъ Анненскій. Его перу принадлежитъ цѣлый рядъ критическихъ и научныхъ статей, стихотворныхъ переводовъ. Онъ, между прочимъ, уразумѣлъ идею античнаго міра, его красоту, правду и воплотилъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. И. Ѳ. переводилъ Еврипида и настолько сроднился съ греческимъ поэтомъ, усвоилъ его языкъ и сжился съ сюжетомъ, что самъ сочинилъ нѣсколько пьесъ въ духѣ великаго трагика. Тутъ И. Ѳ. Анненскій оставался вѣрнымъ тѣмъ принципамъ, которые провозгласилъ въ своей «Книгѣ отраженій» (Спб. 1906 г.). Переживая мысли и чувства, черпаемые изъ оригинала, И. Ѳ. въ своихъ переводахъ тѣмъ не менѣе былъ вездѣ оригиналенъ, былъ самимъ собою; по-своему онъ понималъ античный міръ, по-своему переводилъ и писалъ вообще, съ нимъ, быть можетъ, не всякій соглашался, не всякій его понималъ; у него даже были противники, но на ряду съ ними были послѣдователи и ученики: онъ создалъ цѣлую школу.

И. Ѳ. посвятилъ Еврипиду лучшіе годы своей жизни и не только перевелъ всѣ почти его трагедіи, но къ большинству изъ нихъ составилъ введенія и послѣсловія, далъ критическій разборъ. И. Ѳ. успѣлъ, правда, выпустить лишь первый томъ своего труда («Театръ Еврипида», 1906 г.), но большинство трагедій и статей были напечатаны въ специальныхъ журналахъ, кое-что осталось въ рукописяхъ. Теперь издательство М. и С. Сабашниковыхъ среди «Памятниковъ міровой литературы» выпустило первый томъ Еврипида подъ редакціей профессора Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. Послѣдній долженъ былъ: 1) проштудировать весь громадный матеріалъ, оставшійся послѣ И. Ѳ. Анненскаго, 2) измѣнить порядокъ трагедій, давъ вмѣсто хронологическаго—алфавитный (въ первомъ томѣ напечатаны: «Алкеста», «Андромаха», «Вакханки», «Гекуба»: всего будетъ пять томовъ), 3) написать вводныя статьи къ нѣкоторымъ трагедіямъ, измѣнить редакцію другихъ, гдѣ этого требовали новыя научныя данныя, 4) передѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самый переводъ. Эту часть своего труда профессоръ Зѣлинскій выполнилъ съ большою осторожностью и не дѣлая тѣхъ измѣненій, на которыя, по всей вѣроятности, не согласился бы первый авторъ. Кромѣ того, Ѳ. Ф. Зѣлинскій далъ краткій комментарий къ каждой трагедіи. Это—комментарій весьма цѣнный. Такъ, напр. (на стр. 399), профессоръ Зѣлинскій приводитъ слова изъ плача Агавы въ «Вакханкахъ», которыми впослѣдствіи воспользовался авторъ византійской драмы «Страсти Христовы».

Тебя я мертвого въ рукахъ держу.
 О, какъ могла бы бережно, мой милый,
 Къ груди своей тебя прижать; оплакивать....
 Какъ приласкать растерзанные члены,
 Облобызать мной вскормленную плоть.
 Дай, старче, голову несчастной жертвы
 Приладимъ къ тѣлу и, насколько можемъ,
 Его останки воссоединимъ.
 О милый ликъ, ланиты молодя...
 Нѣтъ, нѣтъ, покровомъ осѣнимъ главу.
 О образъ окровавленный, о члены
 Изборожденные...
 Какимъ мнѣ саваномъ тебя покрыть,
 Чьи руки вѣрныя тебя омоютъ.

Итакъ, русскій читатель, получившій уже безсмертныя творенія Софокла, получить въ скоромъ времени всего Еврипида. Нужно пожелать, чтобы драмы обоихъ величайшихъ поэтовъ приобрѣли теперь право гражданства на русской сценѣ, чтобы эти драмы въ обработкѣ такихъ переводчиковъ-поэтовъ, какъ И. Θ. Анненскій и Θ. Ф. Зѣлинскій, ставились у насъ съ подобающей ихъ величю обстановкѣ, чтобы онѣ исполнялись съ музыкою, пѣніемъ, танцами, составляющими необходимые элементы древней трагедіи и античнаго театра вообще. А для этого необходимъ переводъ лирическихъ частей греческой драмы размѣромъ подлинника; такой переводъ и сдѣланъ профессоромъ Зѣлинскимъ въ трагедіяхъ Софокла. Покойный И. Ф. Анненскій игнорировалъ эти условія въ первоначальныхъ переводахъ, но въ послѣднихъ принималъ уже во вниманіе.

И вотъ для композитора, пишущаго музыку къ Еврипиду, было бы весьма цѣнно получить хоры по-русски съ соблюденіемъ греческаго ритма. Передо мною какъ разъ музыка англійскаго композитора С. Н. Ллойд къ «Алкестѣ». Подъ нотами подписаны греческія и англійскія слова. Къ величайшему сожалѣнію, русскихъ словъ подписать невозможно, такъ какъ переводчикъ не считался съ подлинникомъ.

А Еврипида мало читать избраннымъ читателямъ; его должны смотрѣть массы въ театрѣ. Красота божественна, и правда вѣчна; онѣ обѣ безсмертны.

С. Цыбульскій.

Съ 15 декабря 1916 г. по 15 января 1917 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

Андрей Сиротининъ. Съ родныхъ полей. Не свои стихи. Пгр. 1916. Стр. XI, 297. Ц. 1 р. 25 к.

Извѣстный знатокъ судебъ славянства, талантливый переводчикъ съ древнихъ языковъ, г. Сиротининъ собралъ въ настоящей привлекательно изданной книжкѣ цѣлый рядъ прекрасно переданныхъ имъ произведенийъ родныхъ намъ славянскихъ поэтовъ. Переводчикъ раздѣлилъ свой сборникъ на 10 отдѣловъ: «Славянскій вѣнокъ Пушкину», «Изъ «пѣсень о волѣ» Антона Ашкерца», «Польскіе мотивы», «Звонъ Праги Чешской», «Пѣсни высокихъ Татаръ», «Пѣсни балтійскаго поморья», «Со славянскаго юга» и т. д. Одинъ изъ этихъ отдѣловъ содержитъ оригинальныя стихотворенія г. Сиротинина, «выросшія подъ величавый и таинственный шумъ нашего родного Брянскаго полѣся».

Передъ вольной кончиной. Дневникъ и риэмы Оомы Ивановича. (Посмертное изданіе). На правахъ рукописи. Спб. 1913. Стр. 54. Цѣна не обозначена.

В. В. Хлѣбниковъ. Ошибка смерти. Москва. «Лирень». 1917. Стр. 16. Ц. 60 к.

Поляки и Польша. Голось стараго хохла). А. Тилло. Саратовъ. (1916). На правахъ рукописи. Разрѣшается перепечатывать. Стр. 38. 16^о.—Цѣна не обозначена.

Отчетъ императорскаго російскаго историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1914 годъ. М. 1916. Стр. 226. 4^о. Цѣна не обозначена.

Въ отчетномъ году музей получилъ цѣлый рядъ цѣнныхъ приращеній. Такъ покупкою приобрѣтено обширное и цѣнное собраніе рукописей Е. В. Барсова. Графиня П. С. Уварова поднесла въ даръ музею цѣнное собраніе грамотъ XIV—XVIII в.в. Отъ наследниковъ А. С. Суворина поступила часть принадлежавшей ему бібліотеки; описаніе «этого цѣннаго собранія» нынѣ составляется. М. Л. Поляковъ принесъ въ даръ бумаги Дмитрія Сергѣевича Дохтурова (1756—1826), содержащія, между прочимъ, любопытныя письма М. И. Кутузова-Смоленскаго (одно приведено въ фототипич. факсимиле). Всѣ важнѣйшія пріобрѣтенія воспроизведены на рисункахъ въ текстѣ или даже на отдѣльныхъ таблицахъ. Наконецъ, въ отчетномъ году въ музей были освящены прекрасно оборудованныя новыя помѣщенія для читальнаго зала и отдѣловъ: рукописей, иконографіи и архива. Фототипическіе снимки съ этихъ помѣщеній приложены къ отчету.

Памятники мировой литературы. Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Переводъ И. Бунина, удостоенный императорской ака-

демией наукъ преміи имени А. С. Пушкина. Вступительный очеркъ В. Иохельсона. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Стр. XLVII, 193. Цѣна 2 р. 75 к.

Прекрасный переводъ почетнаго академика Бунина, хорошо извѣстный нашей образованной публикѣ, снабженъ въ настоящемъ изданіи цѣлымъ рядомъ художественныхъ иллюстрацій и весьма содержательнымъ вступительнымъ очеркомъ ученаго этнографа г. Иохельсона «Гайавата и источники вдохновения Лонгфелло». Съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что на привлекательной внѣшности настоящаго тома серіи «Памятниковъ міровой литературы» нисколько не отразился переживаемый нынѣ бумажный кризисъ.

Сѣверные дни. Сборникъ первый. А. Бутягина—«Сиреневое плато». Вл. Лидинъ—«Полая вода». Иосифъ Магусевичъ—«Домикъ при станціи». Алексѣй Окуловъ—«Дѣвушка Гуятунь». Бор. Пильнякъ—«Первый снѣгъ». Андрей Соболевъ—«Русалочки». Вяч. Шишковъ—«Та сторона». К-во «Сѣверные дни». М. 1917. Стр. 220. Ц. 2 р.

Маленькая бібліотека. Н. Н. Брешко-Брешковскій. Горячая кровь. Стр. 72. Ц. 30 к. Борисъ Лазаревскій. Женщины. Перерожденіе сердца. Стр. 84. Ц. 30 к.—Н. Олигеръ. Любовь. Стр. 40. Ц. 20 к.—Юрій Слезкинъ. Парижскіе рассказы. Стр. 80. Ц. 30 к. Пгр. «Петроградское книгоиздательство» 1916. Складъ: Ул. Жуковского, 7, кв. 56. Тел. 276—96.

Левъ Бертенсонъ. Физическіе поводы къ прекращенію брачнаго союза. Неспособность къ брачному сожитію. Бользни. Дурное или жестокое обращеніе. Судебно-медицинское и правовое изслѣдованіе. Для врачей и юристовъ. Пгр. Изд. К. Л. Риккера. Морская ул., 17. 1917. Стр. 201. Ц. 4 р.

Врачъ В. М. Гордонъ. Интеллигенція для кого сказка, для кого боль. Въ двухъ частяхъ. Часть первая. Интеллигентное гунеедство, оно же современная демократія, оно же инквизиція нашихъ дней. Ташкентъ. 1916. Стр. II, 587. Цѣна не обозначена.

Въ нѣсколько сумбурномъ и расплывчатомъ изложеніи авторъ выступаетъ на борьбу съ «традиціей надъ всѣми традиціями», съ «тѣмъ гранитомъ, который зовется общественнымъ мнѣніемъ». Орудіемъ въ этой борьбѣ г. Гордону служитъ тотъ «молоточекъ, который зовется правдой жизни, здравымъ смысломъ». Неприятно только, что послѣ этихъ широковѣщатель-

ныхъ словъ авторъ сводитъ счеты со своими личными врагами, ожесточенно нападаетъ на Государственную Думу и т. д.

Н. Р. Политуръ. Страшнѣе смерти. Повѣсть изъ жизни трезвой деревни. Пгр. 1916. Стр. 104. Ц. 75 к.

П. Д. Успенскій. Символы Таро (старинная колода картъ). Философія оккультизма въ рисункахъ и числахъ. Изд. 2. Пгр. «Литературная книжная лавка» (Ижорская, ул. д. 14, кв. 12). 1917. Стр. 47. Ц. 1 р. 50 к.

Систематическій курсъ русской исторіи. Часть II. Отъ Іоанна Грознаго до Екатерины II. Составилъ Ем. Стратоновъ, преподаватель иваново-вознесенскаго реальнаго училища. Орель. 1916. Стр. 256. Ц. 1 р. 20 к. безъ перес. Складъ изданія: т-во В. В. Думновъ наследни. бр. Салаевыхъ. Москва, Мясницкая, 5.

Н. П. К. Калѣка, не сдавайся! Мысли и наблюденія одиорукаго. Съ 16 рис. Съ предисл. академика В. М. Бехтерева. Пгр. Изданіе А. Ф. Девріена. 1916. Стр. VIII, 88, Ц. 1 р. 50 к.

Книга посвящается увѣчнымъ воинамъ нынѣшней войны. Авторъ, какъ калѣка, самъ многое пережилъ и пожелалъ подѣлиться своими мыслями съ тѣми, кого онъ въ состояніи утѣшить и поднять бодрость человѣка, внезапно превратившагося въ калѣку.

Александръ Гринъ. Искатель приключеній. «Сѣверные дни». М. 1917. Стр. 244. Ц. 1 р. 75 к.

Эдуардъ Карпентеръ. Любовь и смерть. Съ 3 портр. Э. Карпентера и вступительной статьей. Пер. съ англійскаго. 2-е исправл. изданіе. Пгр. «Литературная книжная лавка» (Ижорская ул., д. 14, кв. 12). 1917. Стр. XIV, 200. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 40 к.

Въ короткій срокъ книга Карпентера появляется уже вторымъ изданіемъ. Успѣхъ англійскаго мыслителя у русскаго читателя мы можемъ только привѣтствовать. Но, думается намъ, незачѣмъ было автору предисловія къ русскому переводу такъ категорически настаивать на превосходствѣ «англійскаго» Толстого (такъ называетъ онъ Карпентера) надъ Толстымъ подлиннымъ. Казалось бы, одно уже то, что самъ онъ называетъ Карпентера англійскимъ «Толстымъ» противорѣчить его утвержденію: врядъ ли найдется какой-либо критикъ, который для возвеличенія Толстого и прославленія его генія назоветъ его «англійскимъ Карпентеромъ».

О. Мозловскій. Записки батареинаго командира. Составлены по письмамъ, замѣткамъ и разсказамъ участника войны. Пгр. Библиотека «Вечерняго Времени» Изданіе Б. А. Суворина. 1916. Стр. 77. Ц. 75 к.

Сборникъ документовъ, относящихся къ аѳонской имябожнической смутѣ. Пгр. Изданіе типографіи «Т-ва газеты Свѣтъ». 1916. Стр. 48. Ц. 30 к. съ перес., безъ перес. 25 к.

Русскій Экскурсантъ. Журналъ родноувѣдѣнія и экскурсіоннаго дѣла. Годъ третій. 1916. №№ 1—6. Рекомендованъ цирк. предложеніемъ г. министра нар. просв. отъ 14 января 1916 г. за № 298. Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній допущенъ въ фундаментальныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ. Подписка принимается въ Ярославль—реальное училище.

Н. Мухинъ. Отношеніе христіанства къ работѣ въ римской имперіи. Церковно-историческое изслѣдованіе. Кіевъ. 1916. Стр. VIII, 504. Ц. 4 р. Складъ изданія у автора, профессора кіевской духовной академіи.

Министерство земледѣлія. Департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ. Отчетныя свѣдѣнія о дѣятельности землеустроительныхъ комиссій на 1 января 1916 г. Пгр. 1916. Стр. 109. 4^о.

Чрезвычайныя обстоятельства военнаго времени сильно затруднили дальнѣйшее преобразование крестьянскаго хозяйства, но, въ отношеніи выполненія вновь заявленныхъ населеніемъ ходатайствъ работы, по сравненію съ 1914 годомъ шли весьма успѣшно. Такъ, процентъ устроенныхъ въ натурѣ дворовъ изъ числа ходатайствовавшихъ поднялся съ 44,2 до 47,0. Самый характеръ землеустроительныхъ работъ нѣсколько измѣнился, именно въ отчетномъ году представилось наибольше цѣлесообразнымъ выдвинуть на первый планъ работы по грунтовому землеустройству.

Алексѣй Шиловъ, присяжный повѣренный. Къ вопросу объ укрѣпленіи трезвости. М. 1917. Стр. 61. Ц. 30 к.

Пятнадцатый годъ дѣятельности «Маяка», общества содѣйствія нравственному, умственному и физическому развитію молодыхъ людей, состоящаго подъ почетнымъ попечительствомъ Е. И. В. Принца Александра Петровича Ольденбургскаго. Съ 22 сент. 1914. по 22 сент. 1915 г. Пгр. Надеждинская, 35. 1916. Стр. 90. Съ порт. и рис. Цѣна не обозначена.

Годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 года за восьмой 1915—16 г.г. М. 1916. Стр. 54. Цѣна не обозначена.

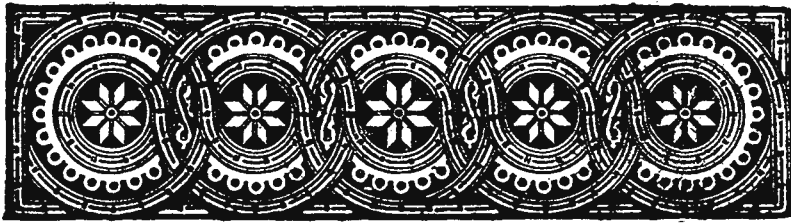
Мысли вслухъ. Николая Русселя. Второе исправленное и дополненное изданіе. Нагасаки. 1916. Стр. 158. 16^о. Цѣна не обозначена.

Саратовская губернская ученая архивная комиссія. Опись документовъ и дѣлъ историческаго архива. Вып. III. Дѣла серій: «Документъ», «Удѣлы», «Государствъ». Саратовъ. 1916. Стр. 267. Ц. 2 р.

Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея, состоящаго подъ августѣйшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ. Годъ 25. Вып. XXVII. Тобольскъ. 1916. Стр. 110, 46, 56, 56, 12, 4, 24, 2. Цѣна не обозначена.

Настоящій выпускъ посвященъ памяти члена Государственной Думы, бывшаго тобольскаго губернскаго агронома Н. Л. Скалозубова.

Издательство «Жизнь и Знаніе». Поварской пер., д. 1, кв. 9 и 10.
С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Надъ поемой. Томъ VI. Пгр. 1917. Стр. 309. Ц. 2 р.
А. Лозина-Лозинскій. Одиночество. Капри и Неаполь (Случайныя записи шатуна по свѣту). Пгр. 1916. Стр. 346. Ц. 2 р.—**В. П. Милютинъ.** Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. Пгр. 1917. Стр. 84. Ц. 1 р.—**В. Муйжель.** Опустошеніе. Пгр. 1917. Стр. 448. Ц. 2 р. 50 к.—**Н. П. Ягодовскій.** О преподаваніи естествознанія. Сборникъ статей по методикѣ школьнаго естествознанія. Пгр. Стр. 226. Ц. 2 р. 50 к.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Императоръ Александръ III въ его отношеніи къ финляндскимъ дѣламъ.—Морское министерство въ управленіе адмирала И. А. Шестакова.— Забота путейцевъ о памятникахъ русской исторіи въ Новгородѣ.

ВОДЪ ВЛІЯНІЕМЪ условій, связанныхъ съ происходящей теперь міровой войной, историческія изданія наши не отличаются въ послѣднее время богатствомъ историческаго матеріала, относящагося къ позднѣйшей исторіи Россіи. Нѣкоторымъ исключеніемъ изъ этого общаго правила является отчасти эпоха императора Александра III, насколько допускается это цензурными и другими соображеніями. Интересъ къ этой эпохѣ увеличивается среди русскаго общества по связи ея съ событіями позднѣйшаго времени и по мѣрѣ того, какъ появляются воспоминанія дѣятелей царствованія Александра III, хотя, конечно, воспоминанія эти рисуютъ личность почившаго государя и русскія дѣла его времени лишь эпизодически. Въ любопытныхъ мемуарахъ финляндца Аренберга, печатаемыхъ въ переводѣ со шведскаго въ «Голосѣ Минувшаго» и посвященныхъ изображенію дѣятельности русскіихъ администраторовъ Финляндіи: графа Адлерберга, графа Гейдена и Вольдемара-Карла фонъ-Дена, обращаютъ на себя вниманіе разсказы и замѣчанія, характеризующіе отношенія императора Александра Александровича къ Финляндіи и финляндскимъ его подданнымъ. Въ 1885 году государь вмѣстѣ съ семьей своей посѣтилъ Вильмансграндъ и Гельсингфорсъ. Уже въ то время было ясно, что Александръ III не склоненъ поощрять стремленія финляндскихъ дѣятелей къ ослабленію связи Финляндіи съ Россіей. По разсказу Аренберга, Денъ, бывшій въ то время выборгскимъ губернаторомъ,

еще до прїѣзда государя объяснилъ ему, что надежды на созданіе особой финляндской конституціи нужно теперь оставить. «Было время,—сказалъ онъ:—когда это можно и должно было сдѣлать. Но тогда было не до того—тогда только бранили другъ друга и прежде всего Ирѣ-Коскинена (представителя враждебной шведоманамъ финской партіи). Не сдѣлано было это и въ семидесятыхъ годахъ, когда это было нужно сдѣлать, потому что моментъ былъ подходящий. Александръ II былъ либераль и до конца жизни оставался таковымъ; тогда и въ Россіи и у насъ во всѣхъ партіяхъ были люди, способные произвести необходимую кодификацію, но наши партіи ненавидѣли другъ друга. «C'est une petite Pologne», сказалъ, говорятъ, про насъ Александръ II. Потому и не вышло ничего, а теперь поздно. Теперь все идетъ своимъ порядкомъ, т.-е. идетъ плохо».

— Вы не думаете, генераль,—замѣтилъ Аренбергъ:—что если сеймъ...

Онъ сдѣлалъ рукой отрицательный жестъ.

— Остроумная шутка Армфельта оправдывается теперь какъ нельзя болѣе. Слышали ли вы ее? Финляндская конституція похожа на незаконную связь женатаго человѣка; всѣ про нее знаютъ, всѣ ее терпятъ; чѣмъ меньше про нее говорятъ, тѣмъ счастливѣе чувствуютъ себя обѣ стороны. Это наша ошибка, что финляндская конституція не была кодифицирована въ свое время. И этотъ грѣхъ лежитъ, главнымъ образомъ, на совѣсти шведской партіи, такъ какъ она ничего не пожелала дѣлать, несмотря на то выгодное положеніе, которое она занимала въ качествѣ *beati possidentes*. Она не хотѣла ничѣмъ рисковать, чтобы не потерять чего-либо изъ того, что она имѣла.

Книга «Законы шведскаго государства», положенная Аренбергомъ «случайно», въ книжный шкапъ комнаты, занятой государемъ въ Вильманстрандѣ, вызвала только замѣчаніе «очень милаго и любезнаго» генерала, занимавшаго при государѣ высокое подожженіе:

«Забавно, что россійскому императору приходится въ своей же собственной странѣ править по законамъ шведскаго государства, которые риксдагъ издалъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, и по уложенію, составленному еще Густавомъ III.

Въ Гельсингфорсѣ, куда ихъ величества поѣхали изъ Вильманстранда, высокимъ посѣтителемъ устроили чествованіе студенты, которые явились во дворъ императорскаго дворца, чтобы пѣть предъ августѣйшими гостями. «Ихъ величества стояли на балконѣ,—разсказываетъ Аренбергъ,—съ двумя своими сыновьями, великими князьями Николаемъ и Георгіемъ. Свита находилась въ залѣ. По приказанію графа Гейдена и барона Альфтана, я тоже былъ здѣсь: въ моемъ вѣдѣніи находилось освѣщеніе дворца. Я, по обыкновенію, держался около Дена. Былъ чудесный лѣтній вечеръ. Хоръ студентовъ пѣлъ одну пѣсню за другой. Погода была прекрасная; косые лучи вечерняго солнца падали на гавань; вдали сверкало море; гладь залива сіяла, какъ металлическій щитъ; все это создавало особое настроеніе. Вдругъ раздались звуки гимна: «Нашъ край». Всѣ обнажили головы. Императрица собственноручно сняла фуражки у сыновей, но государь оставался неподвижнымъ. Мы, стоявшіе сзади, видѣли, какъ императрица незамѣтно дергала государя за сюртукъ,

но тотъ попрежнему не шевелился. Она шепчетъ ему, просить его, — все напрасно. Раздались послѣдніе звуки гимна:

И громче прозвучить тогда
Пѣсь въ честь страны родной.

Тогда только удалось ей заставить своего супруга снять фуражку и отдать честь финляндскому народному гимну. Я съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдалъ за этой поучительной сценой и обратился къ Дену. Онъ посмотрѣлъ на меня долгимъ и серьезнымъ взглядомъ и отвѣчалъ: «Я все видѣлъ и все понималъ. Было бы хорошо, если бы нѣкоторые люди видѣли эту сцену: тогда они были бы не такъ высокомерны».

Когда до Финляндіи дошла вѣсть о предсмертной болѣзни императора Александра III, Денъ сказалъ Аренбергу:

— Государь, нашъ добрый Александръ III, очень плохъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его не станетъ.

— Возможно ли?—возразилъ Аренбергъ:—развѣ онъ не можетъ поѣхать въ какой-либо курортъ?

— Нѣтъ, теперь ужъ ничего нельзя сдѣлать. Отправить его въ Наугеймъ, Эксъ или куда бы то ни было за предѣлы Россіи невозможно. Онъ ненавидитъ всѣ эти церемоніи, которыми сопровождаются императорскіе разѣзды. Онъ начинаетъ сердиться, стоитъ только доктору заикнуться о поѣздкѣ на курортъ. Когда его не станетъ, въ мірѣ однимъ честнымъ человѣкомъ будетъ меньше, а Финляндія потеряетъ одного изъ самыхъ сильныхъ своихъ защитниковъ. Честность его такова, что я никогда не видалъ ничего подобнаго въ частной жизни. Онъ долго и добросовѣстно обсуждаетъ вопросъ. Пока у него есть хоть тѣнь сомнѣнія, каково бы ни было его личное отношеніе къ вопросу, — онъ не приметъ рѣшенія.

«И, понизивъ голосъ, отрывисто и съ длинными разстановками Денъ разсказалъ мнѣ нѣсколько мелкихъ эпизодовъ, показывающихъ, какъ государь въ вопросахъ финляндской политики часто допускалъ рѣшеніе дѣла совсѣмъ не въ томъ направленіи, каково онъ, повидимому, самъ держался, только потому, что считалъ себя связаннымъ своимъ царскимъ словомъ...»

Послѣ одной изъ своихъ поѣздокъ въ шхеры государь вызвалъ Дена среди недѣли. Красивый островъ въ шхерахъ Экенеса или Оланда, на которомъ онъ жилъ годъ тому назадъ, былъ теперь совершенно голъ. Многіе другіе острова также лишились своего лучшаго украшенія—лѣса.

Государь пожелалъ, чтобы изданъ былъ законъ, воспреещающій дальнѣйшую вырубку лѣсовъ на островахъ, подверженныхъ бурямъ и приливамъ, и вообще въ мѣстностяхъ съ медленнымъ ростомъ деревьевъ.

Денъ указалъ ему, что въ такой формѣ вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ; онъ долженъ быть внесенъ въ сеймъ, который одинъ вѣдаетъ имущественныя права частныхъ лицъ.

Государь угрюмо согласился съ этимъ, прибавивъ: «Тѣмъ временемъ они вырубятъ всѣ лѣса въ моихъ прекрасныхъ шхерахъ; согласитесь, по крайней мѣрѣ, что русскіе законы проще и дѣйствуютъ скорѣе».

Нѣсколько дней спустя День былъ вызванъ къ императрицѣ. «Его величество,—сказала она,—говорилъ съ вами по поводу закона противъ истребленія лѣсовъ въ финляндскихъ шхерахъ. Хорошо, если бы вы, какъ можно скорѣе, сдѣлали все, что возможно, такъ, чтобы воля его величества была исполнена безъ нарушенія законовъ»...

Въ «Вѣстникѣ императорскаго общества ревнителей исторіи» (выпускъ третій) Н. Н. Мамантовъ не добромъ вспоминаетъ время управленія морскимъ министерствомъ извѣстнаго адмирала Шестакова въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія въ ряду другихъ заправилъ морского министерства конца прошлаго столѣтія, дѣятельность которыхъ привела русскій флотъ къ цусимской катастрофѣ. При самомъ назначеніи И. А. Шестакова флотъ не радостно встрѣтилъ эту новость, такъ какъ факты изъ прежней службы адмирала были извѣстны всѣмъ и каждому.

«Изъ морского корпуса,—говорить г. Мамантовъ,—Шестаковъ за какія-то нехорошія продѣлки былъ исключенъ и до конца дней не скрывалъ своей ненависти къ бывшимъ сверстникамъ, позднѣе ставшимъ его подчиненными. Поднимаясь по служебной лѣстницѣ, онъ былъ одно время адъютантомъ великаго князя Константина Николаевича и былъ много ему обязанъ своимъ быстрымъ повышеніемъ, а этого по его злобному характеру было достаточно, чтобы уронить въ глазахъ государя и великаго князя генераль-адмирала и морского министра Краббе. Съ этою цѣлью онъ сочинилъ на нихъ обоихъ памфлетъ съ единственною цѣлью собственнаго возвышенія. Цѣли этой онъ, однакожь, не достигъ, былъ переведенъ на низшую должность таганрогскаго градоначальника, затаивъ въ сердцѣ ненависть къ высшему морскому начальству. Въ Таганрогѣ онъ успѣлъ сблизиться съ наказнымъ атаманомъ, генераль-адъютантомъ Потаповымъ, и когда этотъ послѣдній былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края, Ш. получилъ мѣсто виленскаго губернатора. Но и этотъ постъ не удовлетворилъ честолюбца. Привычный къ интригамъ, онъ послалъ въ столицу донесъ и на Потапова, обвиняя его въ полякофильствѣ. Однакожь на этотъ разъ самъ онъ не только не выигралъ, но, напротивъ, былъ отставленъ отъ должности и зачисленъ по флоту безъ опредѣленныхъ занятій. Будучи въ то время человѣкомъ состоятельнымъ, онъ мало горевалъ о своей неудачѣ и пустился въ казенные подряды. Но на этомъ поприщѣ судьба не долго ему покровительствовала. Онъ имѣлъ неосторожность довѣрить свое состояніе въ залогъ подрядчику, оказавшемуся неисправнымъ, и, потерявъ его, былъ вынужденъ уже изъ нужды снова проситься на дѣйствительную коронную службу, предварительно принеся повинную попрежнему ненавистному для него морскому министру Краббе. Тогда-то, вдоволь натѣшившись надъ своимъ ненавистникомъ, добродушный Краббе заключилъ свое свиданіе съ Шестаковымъ словами: «Я дамъ тебѣ мѣсто, но только за границей и съ условіемъ не смѣть появляться въ Петербургѣ». На данномъ Шестакову новомъ мѣстѣ морского агента въ Австріи и Италіи я и познакомился съ нимъ впервые во время моей заграничной командировки.

«Съ мѣста своего изгнанія Шестаковъ нашелъ возможнымъ своими секретными донесеніями расположить въ свою пользу наследника-цесаревича, не вполне сходявшагося, какъ извѣстно, съ генераломъ-адмираломъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и съ воцареніемъ Александра III былъ тотчасъ же вызванъ въ столицу на должность сперва председателя морского технического комитета, а вскорѣ затѣмъ и управляющаго морскимъ министерствомъ. Тогда-то онъ получилъ возможность уже не келейно, а открыто заявить свою ненависть ко всему тогдашнему морскому строю и въ особенности ко всѣмъ порядкамъ, созданнымъ за время генераль-адмиральства великаго князя Константина Николаевича. Съ этою цѣлью Шестаковъ не замедлилъ образовать комиссію для коренного преобразованія морского министерства и во главѣ ея поставилъ свирѣпаго адмирала (А. П. Ж.), уже давно не служившаго по министерству, но носившаго морской мундиръ и знакомаго Шестакову еще по Севастополю. Много страннаго, незаконнаго и прямо уродливаго было сдѣлано этою комиссіею, но главнѣйшая ея цѣль—уничтоженіе началъ, напминавшихъ прежніе, введенные при бывшемъ генераль-адмиралѣ порядки—была достигнута; а лица, тѣ порядки помнившія, замѣнены клеветами новаго министра. Насколько вновь созданный строй будетъ худъ или хорошъ—до этого Шестакову не было никакой заботы; лишь бы строй этотъ былъ новый, не похожій на прежній. Въ особенности свирѣпо Шестаковъ ломалъ и уничтожалъ все, созданное бывшимъ министромъ Краббе, и даже самый портретъ послѣдняго онъ велѣлъ вынести изъ офиціальнаго министерскаго кабинета, сказавъ сторожамъ при многихъ свидѣтеляхъ: «Уберите отсюда эту рожу». Впрочемъ, подобнаго рода капризовъ этого министра было не мало. Проснувшись однажды на пароходѣ и не найдя на ночномъ столикѣ двухъ апельсиновъ, которые онъ ежедневно съѣдалъ въ постели, онъ сдѣлалъ строгое внушеніе своему адъютанту. «Сейчасъ спрошу лакея,—отвѣтилъ адъютантъ:—почему онъ не догадался положить апельсины, если онъ обязанъ дѣлать это ежедневно». Этихъ словъ было достаточно, чтобы въ первомъ же послѣ этого случая приказѣ отправить адъютанта на одно изъ плававшихъ судовъ. Всякому анонимному доносу Шестаковъ давалъ ходъ и производилъ по такимъ доносамъ дознанія, обыкновенно безрезультатныя, но требовавшія отъ слѣдственной власти усиленныхъ трудовъ.

«Во всѣхъ портахъ Шестаковъ держалъ своихъ соглядатаевъ, которые доносили ему о самыхъ мелочныхъ, внѣслужебныхъ проступкахъ офицеровъ и были обязаны въ особенности прислушиваться къ сужденіямъ о немъ самомъ, какъ главномъ ихъ начальникѣ. Такъ, одинъ уважаемый командиръ судна, критически отнесшійся къ какому-то распоряженію министра, былъ уволенъ въ отставку безъ производства въ адмиральскій чинъ, на который имѣлъ несомнѣнное право.

Вступивъ, будучи уже министромъ, во второй бракъ со своею бывшею сожительницею, Шестаковъ устроилъ раутъ, на который были приглашены всѣ начальствующія по вѣдомству лица и масса флотскихъ офицеровъ. Принимая гостей у входа въ залъ, Шестаковъ представлялъ каждому своей супругѣ и ожидалъ, какъ позднѣе оказалось, что всѣ женатыя, бывшіе на раутѣ, явятся на

поклонъ къ его супругѣ со своими женами. Это ожиданіе было, однакожь, угадано только немногими адмиралами, и всё они быстро пошли въ гору. Брать Шестаковъ свою новую адмиральшу въ Москву на коронацію императора Александра III и просилъ государя представить свою супругу императрицѣ. «Это дѣло не по моей части,—улыбнувшись, отвѣтилъ ему государь:—просите сами императрицу». Просить государыню Шестаковъ не дерзнулъ.

«За шесть лѣтъ своего управленія Шестаковъ часто ѣздилъ по портамъ и чуть не два раза въ недѣлю въ Кронштадтъ, едва ли, однакожь, изъ дѣйствительной надобности въ этихъ поѣздкахъ; а, вѣрнѣе, съ цѣлью получения прогонныхъ и суточныхъ денегъ. Будучи въ чинѣ адмирала, онъ собралъ этимъ способомъ изрядный капиталецъ, тѣмъ болѣе, что ни на желѣзныхъ дорогахъ (всегда получая даровой казенный вагонъ), ни на казенныхъ судахъ пробѣдной платы не вносилъ и своего стола не держалъ.

«Послѣдняя его поѣздка была на Дальній Востокъ, откуда онъ доѣхалъ на обратномъ пути до Севастополя и тамъ умеръ. Тѣло его было выставлено, къ крайнему неудовольствію моряковъ, въ парадномъ домѣ морского собранія, которое было по этому случаю изъято на трое сутокъ изъ пользованія офицеровъ. Неудовольствіе моряковъ возросло еще болѣе, когда изъ Петербурга было получено, по телеграммѣ его вдовы и безъ вѣдома министерства, разрѣшеніе похоронить умершаго министра подъ храмомъ святого Владимира, на какой почеть имѣли право только четыре адмирала, участники севастопольской кампаніи. Смерти Шестакова морское министерство и флотъ прямо радовались, какъ своему избавленію отъ деспота и лицемеря, и, уже не стѣсняясь, стали говорить, что покойный былъ и на руку не совсѣмъ чистъ, какъ давно ходила молва. Въ доказательство этого о немъ заключенія поясняли, что, вступивъ въ министры послѣ своего разоренія на подрядкахъ безъ всякихъ средствъ, Шестаковъ успѣлъ построить и завѣщалъ своей супругѣ большой домъ въ Севастополь. Нужныя же для этого средства Шестаковъ приобрѣлъ, какъ указывали, отдачею морскихъ заготовленій безъ торговъ излюбленнымъ подрядчикамъ и постройкой судовъ на французскихъ заводахъ, съ которыми онъ поддерживалъ знакомства, завязавшіяся во время пребыванія его въ Ниццѣ, и которые, по обычаю, отчисляли заказчикамъ приличные проценты. Нерѣдко возбуждались по поводу замѣчавшихся въ распоряженіяхъ Шестакова неправильностей контрольные запросы. Онъ умѣлъ, однако, отъ нихъ отписываться или оставлять ихъ безъ отвѣтовъ, или, наконецъ, покрывался испрошенными высочайшими повелѣніями, не задавая мыслью, насколько тотъ или другой исходъ дѣла соотвѣтствуетъ взглядамъ государственнаго контролера или соотвѣтственнаго министра. На одинъ запросъ контроля Шестаковъ, увѣренный въ своемъ могуществѣ, отвѣтилъ такъ рѣзко—съ выраженіями: «китайскія церемоніи», «венеціанская инквизиція», что государственный контролеръ Сольскій возвратилъ ему бумагу, угрожая жаловаться государю. Даже Побѣдоносцевъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ въ царствованіе Александра III, долженъ былъ выносить безмолвно удары Шестакова. Побѣдоносцевъ, между прочимъ, состоялъ предсѣдателемъ общества Добровольнаго флота, находившагося въ вѣдѣніи министерства финансовъ. «Такую, хотя и косвенную, подчи-

ненность учрежденія чисто морского гражданскому вѣдомству Шестаковъ признавалъ ничѣмъ не оправдываемою,—разсказываетъ г. Мамантовъ,—и легко убѣдилъ Побѣдоносцева перейти съ этимъ обществомъ въ вѣдѣніе морского министерства. Побѣдоносцевъ согласился, и Шестаковъ воспѣшилъ, ссылаясь на происшедшее соглашеніе, испросить высочайшее повелѣніе на передачу Добровольнаго флота не въ вѣдѣніе, а прямо въ составъ морского министерства, съ упраздненіемъ самаго общества съ его предсѣдателемъ и правленіемъ. Происходили ли по этому поводу какія-либо объясненія Побѣдоносцева съ Шестаковымъ, мнѣ неизвѣстно, но, выслушавъ объявленную правленію совершенно для него неожиданную высочайшую волю, Побѣдоносцевъ вздрогнулъ, прослезился и немедленно вышелъ изъ засѣданія, сознавъ, вѣроятно, престижъ у государя своего въ данномъ дѣлѣ соперника».

Дѣло объ охранѣ драгоценныхъ новгородскихъ древностей, о которомъ мы писали въ августовскомъ своемъ обзорѣ, получило нѣсколько своеобразное направленіе въ чисто-бюрократическомъ духѣ. Голосъ печати, голосъ ученыхъ и художественныхъ учреждений во главѣ съ академіей наукъ и академіей художествъ, голосъ Святѣйшаго Синода, обезпокоившагося за участь монастырей и храмовъ, въ томъ числѣ древней церкви Спаса Нередицы съ ея драгоценными фресками XII вѣка,—все эти голоса, раздавшіеся за охрану культурныхъ сокровищъ Россіи, не заставили министерство путей сообщенія прекратить вандалскія работы свои по проложенію желѣзной дороги въ южномъ отъ Новгорода направленіи: оно рѣшило все-таки закончить ихъ, создавъ «временную» линію, и лишь потомъ приступить къ изысканіямъ для проведенія этой линіи въ другомъ направленіи. Г. Передольскій въ «Новомъ Времени» (отъ 16-го января) такъ оцѣниваетъ этотъ поступокъ министерства въ истинномъ его значеніи:

«Попробуемъ съ точки зрѣнія здраваго смысла рѣшить поставленную путейскимъ вѣдомствомъ общественному мнѣнію задачу.

«Протяженіе, въ области котораго дорога представляетъ угрозу Великому Новгороду, три версты: здѣсь будетъ проведена насыпь (предполагалась въ дватри ряда; на чемъ остановились теперь, не обнародовано) въ восемь сажень высоты, каковая по просвѣщенному содѣйствію господина министра путей сообщенія уменьшена до шести съ половиною. Всю эту массу земли для насыпи выкапываютъ *изъ холма, на которомъ стоитъ храмъ Спаса Нередица*, дешевымъ трудомъ плѣнныхъ нѣмцевъ и спускаютъ съ горы въ долину. Представимъ далѣе: путь конченъ, пройдетъ война, согласно близко принятому къ сердцу желанію министра путей сообщенія, егермейстера А. Ф. Трепова, временный путь подлежитъ уничтоженію. Конечно, если его преемникъ не скажетъ, что-де смѣшно уничтожать законченный трудъ, если онъ не былъ приостановленъ въ началѣ. Предположимъ, что дорогу рѣшили все-таки уничтожить. Что же предстоить выполнить? Пустяки: срыть дорогимъ трудомъ свободныхъ рукъ (плѣнныхъ тогда уже не будетъ) двойную желѣзнодорожную насыпь въ шесть съ половиною сажень высоты и три версты длиною, а затѣмъ всю эту массу

земли поднять въ гору! Затѣмъ остается еще одинъ незначительный вопросъ: на чей счетъ будетъ произведена вся эта работа?

«Отвѣтъ задачи, поставленный путейскимъ вѣдомствомъ общественному мнѣнію Россіи, ясенъ; способъ рѣшенія ея въ математикѣ зовется: *constructio ad absurdum*.

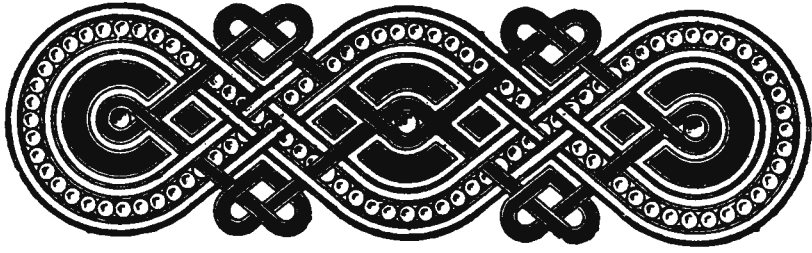
«Временная» дорога, слѣдовательно, временной оказаться не можетъ.

«Затѣмъ, какой своеобразный, чтобы не сказать болѣе, способъ «охраненія» Спаса Нередицы: желѣзнодорожное полотно отодвигаютъ, а землю на насыпь копаютъ изъ холма, на которомъ стоитъ охраняемый храмъ! Господа охранители отъ вѣдомства путей сообщеній, вѣдь вы же рубите тотъ сукъ, на которомъ сидите; вѣдь выемка песка изъ холма, на которомъ стоитъ Нередицкій храмъ, грозитъ страшнымъ бѣдствіемъ уже не только фрескамъ, а всему храму, такъ какъ существуетъ явленіе, которое зовется «утечка песка» и которое ливится непремѣннымъ слѣдствіемъ громадной выемки около тяжелой постройки и постоянныхъ сотрясеній почвы, происходящихъ отъ прохождения поѣздовъ. Ваши, господа строители, сто двадцать сажень ничего не дадутъ, такъ какъ весь Нередицкій холмъ—это сплошная песчаная насыпь, вѣковую устойчивость которой вы нарушили своей выемкой, а послѣдствія подобныхъ дѣяній вы можете воочию увидѣть въ Псково-Печерскомъ монастырѣ, гдѣ, при значительно большей удаленности полотна, неосторожное нарушение устойчивости песковъ заставило ихъ потечь и причинить храму громадныя бѣдствія.

«Нѣтъ, господа, всѣ успокоенія министерства путей сообщенія въ вопросѣ объ охранѣ новгородской старины—это только канцелярская отписка къ общественному мнѣнію Россіи, которая даетъ возможность продолжать роковое дѣло четвертованія пращура русской земли, Господина Государя Великаго Новгорода. Проводимая руками плѣнныхъ враговъ по лику Великаго Новгорода ужасная насыпь растетъ и растетъ и, если ея не уничтожить сейчасъ, она уже никогда уничтожена не будетъ и останется на вѣчныя времена позорнѣйшимъ памятникомъ намъ и нашему времени».

Съ бюрократической точки зрѣнія, министерство, скажемъ мы съ своей стороны, конечно, право, сто разъ право, довѣряя болѣе голосу своихъ путейцевъ, чѣмъ голосамъ церкви, науки, искусства и общественного мнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, что для путейца храмъ Спаса Нередицы? Препятствіе, которое можно устранить временемъ... путемъ «временнаго» раскапыванія холма, на которомъ онъ стоитъ, — тихо, благородно, такъ что газетнымъ и журнальнымъ писакамъ придется только въ одно прекрасное утро сообщить почтеннѣйшей публикѣ, что, молъ, за стихійнымъ разрушеніемъ храма, временная желѣзнодорожная линія превращается въ постоянную. Жаль, страшно жаль гибнущихъ національныхъ святынь, ну, а что же можно сдѣлать еще, кому апеллировать? Потомству? Но о приговорѣ потомства теперь, кажется, мнѣ всего думаютъ...

Е. Шумигорскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

П АРИЖЪ наканунѣ великой революціи.—Въ «Nineteenth Century and after» напечатана любопытная серія писемъ изъ Парижа наканунѣ великой французской революціи. Письма эти принадлежать перу нѣкоей англичанки Юліи Сэйеръ, отецъ которой занималъ при англійскомъ дворѣ высокое положеніе и считался личнымъ другомъ Георга III. Эта Юлія Сэйеръ впоследствии вышла замужъ за француза Пужена, который былъ членомъ королевскаго парижскаго института и извѣстенъ и въ нашей русской исторіи, такъ какъ одно время имѣлъ отношеніе къ русскому двору и исполнялъ кое-какія порученія вдовы Павла I, императрицы Маріи Феодоровны. М-ше Пужень жила съ мужемъ всю жизнь во Франціи, въ его имѣніи близъ Суасона, и умерла въ 1850 г., въ глубокой старости, не доживъ всего шести лѣтъ до столѣтняго возраста.

Миссъ Сэйеръ пріѣхала въ Парижъ въ маѣ 1788 г.. Визитъ ея пришелся въ тотъ періодъ, когда Франція переживала глубокой кризисъ. На престолѣ уже четырнадцать лѣтъ сидѣлъ Людовикъ XVI, почти совершенно лишенный качествъ, необходимыхъ для правителя вообще, а въ особенности въ такое трудное время, которое наступило тогда для Франціи. Финансы страны были окончательно разстроены, налоговое бремя становилось нестерпимо. Преисполненный самыхъ благихъ намѣреній, король, однако, не могъ сдѣлать для страны ровно ничего: слабохарактерный, безъ опредѣленныхъ убѣжденій, не имѣя никакого плана государственнаго управленія, онъ былъ игрушкой въ рукахъ знати, въ особенности придворной, и своей жены Маріи-Антуанетты, къ которой народъ относился подозрительно и ненавидѣлъ за ея высокомеріе и за временщицковъ, которыми она себя окружала.

При воцареніи Людовика XVI первымъ министромъ былъ Морепа, но на самомъ дѣлѣ всѣми дѣлами руководилъ талантливый министръ финансовъ Тюрго. Его политика, направленная къ сокращенію расходовъ и обузданію прихотей королевы, встрѣтилась, однако, съ борьбой—явной и тайной—придворной камарильи. Не имѣя въ себѣ силы противостоять этимъ проiscaмъ, король въ маѣ 1776 г. уволилъ Тюрго.

На его мѣсто былъ назначенъ банкиръ Неккеръ. Ему удалось было убѣдить короля составить правильную смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ, но эта попытка встрѣтила жестокое сопротивленіе королевы, усмотрѣвшей въ этомъ покушеніе на права короля, и французскій бюджетъ остался въ томъ же хаотическомъ состояніи, въ какомъ былъ и раньше.

Чтобы спасти Францію отъ надвигавшейся бѣды, Неккеръ предложилъ созвать въ провинціяхъ представительныя собранія. Но и здѣсь противъ министра выступилъ парижскій парламентъ (судебное мѣсто, нѣчто въ родѣ нашего Сената), и Неккеръ, видя, что государственный корабль Франціи сѣлъ на камни и онъ ничего не можетъ сдѣлать для его спасенія, подалъ въ 1781 г. въ отставку.

Вслѣдъ за Неккеромъ министерствомъ финансовъ брались управлять представители реакціонной знати Жоли де-Флери и д'Ормессонъ. Но они не только не сумѣли улучшить положенія финансовъ и государственныхъ дѣлъ Франціи, но, наоборотъ, внесли въ нихъ еще большій хаосъ.

Въ октябрѣ 1783 года, по настоянію королевы, министромъ финансовъ былъ назначенъ лильскій интендантъ де-Колоннъ. Этотъ протеже Маріи-Антуанетты старался только о томъ, чтобы угождать королеву во всѣхъ ея сумасбродствахъ и безумныхъ тратахъ, а съ другой стороны укрѣплять свою власть всѣми способами, не стѣсняясь въ средствахъ. Съ этою цѣлью онъ предложилъ королю въ 1787 году созвать собраніе нотаблей, но Людовикъ отвергъ это предложеніе и уволилъ самого Колонна.

За Колонномъ явился дѣлецъ того же типа и тоже назначенный по выбору королевы — тулузскій архіепископъ Ломени-де-Бріеннъ, очень скоро сдѣланный кардиналомъ. Онъ сумѣлъ кое-какъ столкнуться съ нотаблями, но зато пришелъ въ бурное столкновеніе съ парижскимъ парламентомъ, члены котораго подъ вліяніемъ все ухудшающагося положенія государственныхъ дѣлъ были настроены очень оппозиціонно и не хотѣли регистрировать королевскихъ указовъ, что было необходимо для приданія имъ законной силы.

Въ концѣ концовъ, видя, что оно зашло въ тупикъ, правительство рѣшило созвать генеральныя штаты. На этомъ натянутыя отношенія правительства къ парламенту могли бы и кончиться, но Людовикъ XVI, подстрекаемый своими министрами, дважды устроилъ въ парламентѣ такъ называемыя «королевскія засѣданія» и заставилъ зарегистрировать два указа: о займѣ въ 16 милліоновъ ливровъ и объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ протестантовъ. Парламентъ объявилъ, что оба указа проведены насильственнымъ образомъ, что въ дѣло были пущены *lettres de cachet*, чтобы запугать его членовъ. Такимъ образомъ, пропасть между правительствомъ во главѣ съ королемъ и парламентомъ стала еще шире.

Въ январѣ 1788 года парламентъ представилъ королю протестъ по поводу сокращенія его правъ и способа его пополненія путемъ назначенія въ него лицъ, угодныхъ королю или, точнѣе сказать, королевѣ. Провинціальныя парламенты, къ которымъ примыкали мѣстное дворянство и духовенство, также одинъ за другимъ протестовали противъ произвольныхъ дѣйствій правительства.

Кое-гдѣ стали уже вспыхивать отдѣльные безпорядки, предвѣщавшіе общую грозу. Особенно серьезный характеръ имѣли волненія въ Бретани, въ Дофинѣ и Беарнѣ.

Видя, что дѣла пришли въ состояніе полнаго хаоса, и встрѣчая со всѣхъ сторонъ лишь осужденіе и оппозицію, Ломени-де-Бриеннъ въ августѣ 1788 года подалъ въ отставку.

Король и стоявшая за его спиной Марія-Антуанетта на этотъ разъ опомнились и призвали къ власти опять Неккера. Но было уже поздно. Неккеръ сдѣлалъ, что могъ, но логика вещей неизбѣжно вела къ крушенію старомоднаго государственнаго строя Франціи, который она наслѣдовала отъ среднихъ вѣковъ, когда жизнь была совершенно иною.

Зима 1787 года была необыкновенно холодной. Урожай слѣдующаго года погибъ, странѣ предстояло голодать. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ въ Версалѣ 5-го мая 1789 года собрались генеральные штаты.

Такова была политическая обстановка, при которой молодой англичанкѣ пришлось посѣтить Парижъ. Она пріѣхала туда безъ специальныхъ интересовъ, безъ опредѣленнаго поля зрѣнія, просто для того, чтобы посмотреть знаменитый городъ и весело по возможности провести въ немъ время. Поэтому и письма ея къ отцу и брату отличаются безпритязательностью и фотографической точностью.

Первоначальное знакомство съ Франціей произвело на англійскую путешественницу впечатлѣніе какого-то пустыря. «Страна отъ Калѣ до Булони,—пишетъ она,—не такъ красива, какъ между Кентербери и Доверомъ. Къ тому же, гдѣ мы ни проѣзжали, нигдѣ не имѣютъ понятія о такомъ земледѣліи, какъ у насъ: все открыто, заборовъ нѣтъ, земля во многихъ мѣстахъ остается безъ обработки и заросла травой».

Зато Парижъ поправилъ это первое неважное впечатлѣніе.

«Не могу передать вамъ,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ:—какъ я была поражена виѣшнимъ видомъ Парижа, множествомъ народа, зданіями, магазинами. Сколько здѣсь народа, прекрасно одѣтаго и гуляющаго по улицамъ!» «Вскорѣ послѣ 4 часовъ,—сообщаетъ миссъ Сэйеръ въ другомъ письмѣ,—мы отправились въ С.-Клу. Я изумлялась на каждомъ шагѣ. Какія зданія, сколько народа и притомъ такъ разодѣтаго, столь веселаго! Еще больше публики въ С. Клу. Кто гуляетъ, кто сидитъ, а нѣкоторые танцуютъ».

«Бульвары по вечерамъ представляютъ собою какъ бы ярмарку,—продолжаетъ дѣлиться своими парижскими впечатлѣніями миссъ Сэйеръ.—Прежде всего намъ попался навстрѣчу человекъ, танцующій на ходуляхъ и въ то же время наигрывающій на скрипкѣ. Вокругъ него толпа народа. Немного далѣе родъ сцены, на которой покоютъ двѣ женщины. На одной изъ нихъ одѣта искусственная голова съ двумя лицами. Въ концѣ бульвара какой-то человекъ

присталъ къ намъ, чтобы мы посмотрѣли какія-то восковыя фигуры. Это такъ великолѣпно и стоитъ всего два су».

Кто не узнаеть въ этомъ описаніе теперешнихъ «большихъ» бульваровъ Парижа?

Несмотря на то, что Францію отдѣляло отъ революціи всего какихъ-нибудь полтора года, въ Парижѣ какъ будто никто и не догадывался о надвигающейся катастрофѣ. Дворъ по обыкновенію переѣзжаетъ изъ Парижа въ С.-Клу и изъ С.-Клу въ Версаль. Опера и театръ биткомъ набиты посѣтителями, на улицахъ много гуляющихъ, повидимому, равнодушныхъ къ политикѣ, но жарко спорящихъ о дебютѣ какой-нибудь примадонны или новой пьесѣ. Особенно занималъ въ эти минуты парижскую публику герцогъ Орлеанскій, устроившій изъ своего дворца Пале-Рояль нѣчто въ родѣ торговаго пассажа.

«Онъ, можетъ быть, испортилъ постройками свой садъ, но въ этихъ маленькихъ лавочкахъ столько интересныхъ вещей, что нельзя особенно жалѣть объ этомъ,—чисто по-женски замѣчаетъ англійская путешественница.—Часть сада еще осталась, а въ немъ различные китайскіе павильоны, гдѣ продаютъ мороженое и всякаго рода освѣжающіе напитки. Здѣсь всегда толпится множество народу: гуляютъ, сидятъ, ѣдятъ мороженое. Мы вернулись оттуда въ 11 часовъ вечера».

Кто могъ предполагать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ садъ съ «китайскими павильонами» сдѣлается главнымъ мѣстомъ сборищъ революціонеровъ?

Какъ ни далека была миссъ Сэйеръ отъ политики, однако симптомы ненормальнаго политическаго положенія страны невольно бросались въ глаза. Стоило хотя бы обратить вниманіе на необычайное развитіе въ Парижѣ подпольной литературы, въ которой отражалось истинное настроеніе народныхъ массъ, и безчисленныя расхлывшіяся по столицѣ прокламаціи съ призывомъ покончить съ такимъ невыносимымъ положеніемъ вещей.

То и дѣло доходили слухи о томъ, что въ провинціи то тутъ, то тамъ общественное раздраженіе стало уже принимать революціонныя формы.

«Волненія въ Греноблѣ,—пишетъ 14-го іюня миссъ Сэйеръ своему брату,—были очень сильны, если вѣрить господину, котораго мы привезли съ собой въ гости изъ Булонскаго лѣса. Сначала былъ разграбленъ замокъ графа де-Клермонъ. Самъ онъ подвергся оскорбленіямъ. Говорятъ, ему къ горлу былъ приставленъ ножъ. Разрушены всѣ статуи и картины, изображающія теперешняго короля и Людовика XV. На нихъ даже плевали. Словомъ, и англійская толпа не могла бы вести себя болѣе буйно».

«Вчера передавали слухъ,—читаемъ въ письмѣ отъ 30-го іюня:—что народъ взялся за оружіе въ Беарнѣ и отказывается платить подати. И тѣмъ не менѣе министръ крѣпко сидитъ на своемъ мѣстѣ. Умные люди полагаютъ, что не такъ-то легко будетъ ссадить его оттуда».

Скоро въ Парижъ стали приходять подробности гренобльскихъ событій.

«Поводомъ къ нимъ послужили lettres de cachet, требовавшіе изгнанія нѣкоторыхъ членовъ парламента. Народъ собрался, чтобы воспрепятствовать исполненію этого приказа, ударилъ въ набатъ. Я слышала, что туда отправленъ

уже полкъ. Въ публикѣ громко объ этомъ не говорятъ, а тѣ, которые говорятъ, твердятъ только одно: «твердости, какъ можно больше твердости». Я не знаю, что сдѣлаютъ въ Версалѣ или, лучше сказать, въ С.-Клу, ибо дворъ еще здѣсь, но всѣ здѣсь ожидаютъ въ скоромъ времени большого потрясенія.

Чувствуя подъ собою колебаніе почвы, король старался поднять свою упавшую популярность путемъ сближенія съ военными элементами.

«Недавно,—сообщаетъ отцу миссъ Сэйеръ,—король и королева посѣтили «Инвалидовъ». Говорятъ, это было сдѣлано, чтобы поднять свою популярность и что это посѣщеніе—*un des petits moyens de l'archevêque* (то есть Ломени-де-Бриенна). Послѣ обѣда кто-то прислалъ Дюдати (одному изъ знакомыхъ семьи Сэйеровъ) представленіе дворянства Дофинэ. Болѣе рѣзкихъ выраженій я не слыхала даже у насъ въ пазатъ общинъ. Король въ этомъ представленіи все еще является священной особой, его приглашаютъ бѣжать отъ его министровъ въ среду его вѣрнаго народа. Далѣе говорится, что королю, потерявшему свою популярность, и народу, потерявшему свою свободу, рисковать болѣе нечѣмъ. Въ цѣломъ это представленіе производитъ впечатлѣніе темной тучи, нависшей надъ страной и угрожающей общему спокойствію. Большинство, однако, не видитъ въ немъ ничего угрожающаго и говорить объ этомъ, какъ объ очередной темѣ. Населеніе Парижа, видимо, мало интересуется этимъ».

Такъ высшее общество, зараженное легкомысліемъ и близорукостью двора, относится къ первымъ ударамъ революціоннаго грома. Всѣ рассчитываютъ на войска, но «вчера вечеромъ,—писала миссъ Сэйеръ еще 14-го іюня,—молодой человекъ (бывшій у нихъ въ гостяхъ) высказывалъ большое сожалѣніе, что полкъ, къ которому онъ принадлежитъ, получилъ приказъ стрѣлять въ народъ. «Это тяжелое дѣло сражаться противъ своихъ же собственныхъ согражданъ».

Слѣпой дворъ продолжалъ мнить себя на высотѣ величія и силы. Вотъ описаніе одного изъ большихъ придворныхъ приемовъ, на которомъ удалось присутствовать и нашей англичанкѣ.

«Сегодня мы должны были встать въ четыре часа утра, скорѣе одѣться и ѣхать въ Версалѣ. Дорога кишѣла народомъ. Мы пріѣхали заранѣе и потому нашли себѣ мѣсто. Церемонія началась съ того, что сначала появились *les grandes seigneurs et les femmes de la Cour*. Въ приемный залъ они должны были пройти мимо насъ, и потому это былъ превосходный случай увидѣть весь французскій дворъ. Потомъ появилась королева, впереди которой шла *Madame* (ея дочь) и сестра короля *Madame* Елизавета. Она была великолѣпно одѣта. Это красивая женщина, но для чего-то она считаетъ необходимымъ придавать себѣ высококомѣрный и даже гнѣвный видъ. Потомъ появились иностранные послы, за ними принцъ де-Конта, герцогъ Бурбонскій съ сыномъ герцогомъ Энгіенскимъ, красивымъ мальчикомъ, потомъ маленькій герцогъ Ангулемскій, одѣтый, какъ взрослый, въ сопровожденіи отца графа д'Артуа. За ними наконецъ король съ огромнымъ брильянтомъ на шляпѣ. Шествіе замыкали архіепископъ Ломени-де-Бриеннъ и министры».

Но англичанку интересовали не одни придворные парады. Она заглянула и въ Венсенскій замокъ, это филиальное отдѣленіе Бастиліи. «О, какъ здѣсь страшно!—пишетъ она.—Мнѣ хотѣлось повидать *Cachot*, и я долго потомъ не

могла отдѣлаться отъ чувства страха. Это маленькая нора съ однимъ крошечнымъ окномъ. Я спросила консьержа, кто тутъ содержался. Онъ отвѣчалъ, что тутъ въ теченіе 26 мѣсяцевъ былъ заключенъ Делятюдь, и показалъ желѣзные цѣпи, которыми онъ былъ прикованъ».

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ госпожа Сэйеръ рассказываетъ уличную сценку, доказывающую, что общество уже убѣдилось, что устарѣвшій типъ тогдашняго французскаго государства безусловно обреченъ на ликвидацію. «Вчера утромъ мы проходили черезъ Пале-Рояль,—пишетъ она.—Вездѣ стояли группы людей, шепотомъ сообщавшихъ другъ другу свои страхи. Какой-то джентльменъ, увидѣвъ насъ, воскликнулъ: «Боже мой! Здѣсь еще дамы! Почему вы не бѣжите изъ этой несчастной страны? Какъ вы можете оставаться здѣсь, когда народъ готовится къ разрушенію?» Онъ былъ очень встревоженъ и все озирался, нѣтъ ли гдѣ сыщика. Говорятъ, что наканунѣ въ Пале-Рояль было арестовано нѣсколько человѣкъ. И—странное дѣло— Опера вечеромъ была, по обыкновенію, переполнена».

Французскій дворъ и высшее столичное общество, можно сказать, просмотрѣли неминуемо надвигающуюся революцію, и письма миссъ Сэйеръ лишній разъ служатъ тому доказательствомъ.

— Изъ исторіи современной Болгаріи.—Въ декабрьскихъ книжкахъ «Revue de deux Mondes» Эрнестъ Додэ заканчиваетъ свой очеркъ по исторіи современной Болгаріи. Послѣднія главы его посвящены стамбуловщинѣ, послѣдовавшей за низверженіемъ Александра Баттенбергскаго, и проникновенію на освободившееся мѣсто Фердинанда Кобургскаго.

Въ моментъ низложенія принца Баттенбергскаго Степанъ Стамбуловъ занималъ постъ председателя болгарскаго народнаго собранія. Это былъ человѣкъ грубый по природѣ, мало культурный, съ неинтеллигентной физиономіей, но ему нельзя было отказать ни въ патріотизмѣ, какъ онъ понималъ его, ни въ природномъ умѣ и твердости характера.

Свергнувъ Баттенберга, революціонеры овладѣли Софіей и образовали было временное правительство. Но здѣсь-то они и наткнулись на энергичное сопротивленіе Стамбулова. Дѣйствуя отъ имени Александра Баттенбергскаго, онъ немедленно расклеилъ по всему городу объявленія съ приглашеніемъ жителей оставаться спокойными и вернулъ назадъ принца Александра. 3-го сентября, окруженный блестящей свитой, князь вернулся въ Софію и первымъ долгомъ сталъ хлопотать о примиреніи съ Россіей, но изъ Петербурга пришелъ сухой отвѣтъ, что здѣсь не одобряютъ его возвращенія въ Болгарію. Пришлось покориться, и Александръ на этотъ разъ окончательно отрекся отъ болгарскаго престола. 7-го сентября онъ простился съ арміей и съ высшими чиновниками и отправился во-свояси.

Такъ кончилось это царствованіе, продолжавшееся семь лѣтъ. Александру Баттенбергскому, что называется, не повезло ни въ политической, ни въ личной жизни. Отчаявшись добиться руки принцессы Викторіи прусской, внучки англійской королевы Викторіи, онъ вступилъ въ Австрію въ мorganатическій бракъ и вскорѣ умеръ. Его преемникъ, Фердинандъ Кобургскій, велѣлъ отслужить по немъ торжественную панихиду. Тѣло его было перевезено въ Софію.

Послѣ вторичнаго удаленія Александра изъ Болгаріи во главѣ правительства стали три регента: Стамбуловъ, уже извѣстный намъ Каравеловъ и своякъ Стамбулова, полковникъ Муткуровъ.

Казалось, Россія добилась теперь своей цѣли и получила полное удовлетвореніе. Австрія такъ и старалась представить это дѣло и отправила эрцгерцога Карла-Людвига—младшаго брата императора Франца-Иосифа и отца убитаго въ Сараевѣ австрійскаго наслѣдника Франца-Фердинанда—съ поздравленіями. Въ свою очередь, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Гирсъ поѣхалъ съ визитомъ къ тогдашнему политическому оракулу Бисмарку. Въ результатъ всѣхъ этихъ совѣщаній явилось возстановленіе сношеній Россіи съ Болгаріей и командировка туда Каульбарса. Ему было внушено въ Петербургѣ уважать свободу Болгаріи; однако впослѣдствіи этого генерала упрекали, что онъ не сумѣлъ этого сдѣлать и тѣмъ подготовилъ новый разрывъ.

Въ Англіи отреченіе Александра Баттенбергскаго вызвало общія сожалѣнія: какъ братъ зятя королевы Викторіи, онъ пользовался въ этой странѣ большою популярностью.

Турція вела себя загадочно. Она была сюзереномъ Болгаріи, и низложеніе князя Александра, казалось бы, должно было касаться ее ближе всего. Но турки молчали и дѣлали видъ, что они не желаютъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Болгаріи.

Въ Германіи Бисмаркъ притворялся очень довольнымъ паденіемъ Баттенберга. «Его присутствіе въ Болгаріи угрожало союзу трехъ императоровъ, и хорошо сдѣлали, что имъ пожертвовали»,—говорилъ онъ. Однако нѣмецкая пресса была на этотъ счетъ другого мнѣнія и выражала громко свои сожалѣнія по поводу отъѣзда «этого прусскаго офицера, сторожившаго доступы къ Босфору». Вильгельмъ I также былъ недоволенъ болгарами, боясь войны, но 24-го августа на прощальной аудіенціи, которую онъ давалъ французскому посланнику барону де-Курселю, онъ сказалъ ему:

— На моемъ недавнемъ свиданіи съ императоромъ австрійскимъ мы условились вести политику обѣихъ имперій въ мирномъ духѣ. А сегодня утромъ я получилъ депешу изъ Петербурга, что Россія не тронетъ ни своего войска, ни своего казначейства ради балканскихъ дѣлъ.

Россія такимъ образомъ добровольно отошла отъ Балканскаго полуострова, и дѣла его, конечно, попали въ руки нѣмцевъ. Вотъ почему и депутація отъ болгарскаго собранія въ составѣ Грекова, Стоилова и Котчева, которой было поручено отыскать для Болгаріи новаго князя, направилась прежде всего въ Берлинъ.

Каковы были въ это время стремленія и взгляды Бисмарка, видно изъ его разговора съ преемникомъ барона де-Курселя, только что прибывшимъ Жюлемъ Гербеттомъ. Говоря съ нимъ о направленіи англійской политики, Бисмаркъ сказалъ:

— Можно ли было сдѣлать большую ошибку, чѣмъ это сдѣлалъ Гладстонъ, который изъ сентиментализма порвалъ съ традиционнымъ союзникомъ Англіи, Турціей? Когда имѣешь противника въ лицѣ Россіи, то Турцію нужно имѣть союзникомъ. Въ соединеніи съ Австріей и Турціей Англія могла бы отлично справиться съ Россіей.

Пока болгары искали себѣ князя, во главѣ Болгаріи оказался Стамбуловъ. Сынъ трактирщика по происхожденію, семинаристъ по воспитанію, нигилистъ по убѣжденіямъ, онъ попалъ въ полосу общественной дѣятельности совершенно случайно. Не имѣя никакого понятія ни о государственномъ правленіи, ни о дипломатіи, этотъ грубый и по восточному жестокій человѣкъ все искусство управления видѣлъ въ томъ, чтобы не дожидаться, а первому наносить удары своимъ врагамъ.

Прежде всего онъ рѣшилъ расправиться со своимъ соперникомъ по регентству Каравеловымъ. Когда-то онъ былъ съ нимъ друженъ, но теперь подозрѣвалъ и не довѣрялъ ему. Въ 1887 году въ разныхъ городахъ Болгаріи—Силистріи, Ломъ-Паланкъ, Рушукъ—вспыхнули бунты противъ правительства Стамбулова. Бунты эти были подавлены диктаторомъ съ чисто восточной жестокостью: много лицъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, было повѣшено, многіе были разстрѣляны.

Стамбуловъ заподозрѣлъ въ этихъ бунтахъ руку Каравелова, исключилъ его изъ числа регентовъ и велѣлъ арестовать. Затѣмъ Каравелова заключили въ мрачную тюрьму Черна Джамія и отдали подъ надзоръ майора Паницы, того самаго, который прославился при румелійскомъ переворотѣ. Обращеніе этого бандита съ Каравеловымъ и другими арестованными было настолько ужасно и жестоко, что въ дѣло должны были вмѣшаться даже агенты иностранныхъ державъ. Но Стамбуловъ, въ отвѣтъ на всѣ жалобы, принялъ лишь мѣры къ тому, чтобы изъ тюрьмы до внѣшняго міра не долетало ни одного стона.

Между тѣмъ болгарская депутація отыскала наконецъ достойнаго Болгаріи князя. Не безъ участія, конечно, Австріи, руководимой въ тотъ моментъ министромъ Кальноки, выборъ ея остановился на кобургскомъ принцѣ Фердинандѣ. По матери своей, Клементинѣ Кобургской, этотъ принцъ является потомкомъ Бурбоновъ. Его мать—младшая дочь французскаго «короля-гражданина» Людовика-Филиппа. Къ моменту своего избранія Фердинандъ жилъ въ Вѣнѣ, служилъ въ австрійской кавалеріи, отличался безпорядочнымъ образомъ жизни и слылъ въ австрійской столицѣ за кутилу и мота. Отличительной чертой его характера, унаслѣдованной имъ отъ матери, было непомѣрное тщеславіе и честолюбіе.

Россія наотрѣзъ отказалась признать это избраніе. Берлинъ тоже дѣлалъ видъ, что онъ не одобряетъ этого выбора. Въ Вѣнѣ даже не пустили съ Кобургомъ какого-то магната, котораго онъ хотѣлъ захватить съ собой въ Болгарію. Но въ душѣ, конечно, и Берлинъ, и Вѣна были въ восторгѣ отъ того, что на опустѣвшій болгарскій тронъ пробирается свой человѣчекъ.

11-го августа регенты встрѣтили новаго князя въ Рушукъ, черезъ нѣсколько дней въ Софіи заплѣли благодарственные молебны, а 16-го Кобургъ уже официально вступилъ въ свои права.

16-го сентября бывшее у власти министерство было распушено, и Стамбуловъ образовалъ новое. Положеніе Кобурга было очень трудное: страна волновалась, безчисленныя политическія партіи изошрялись другъ передъ другомъ въ интригахъ и проискахъ, Стамбуловъ держалъ себя настоящимъ восточнымъ визиремъ. У Кобурга никакой точки опоры не было. Но онъ не даромъ жилъ

въ Австріи, гдѣ основнымъ правиломъ политики всегда было: раздѣляй и властвуй. Ту же формулу онъ сталъ осторожно и постепенно примѣнять и къ Болгаріи.

Для оказанія ему поддержки вскорѣ явилась въ Болгарію и сама Клементина Кобургская. Болгарскіе министры встрѣтили ее въ Сливницѣ у самой границы, но когда она въ Софіи вздумала сдѣлать у себя пріемъ дипломатическаго корпуса, то одни изъ дипломатовъ совершенно не явились, а другіе явились въ сюртукѣ, какъ частныя лица, хотя имъ и предложено было явиться въ мундирахъ.

Убѣдившись, что Россія приняла совершенно пассивное положеніе, и чувствуя за собой тайную поддержку Австріи, Фердинандъ рѣшилъ, что настало время свергнуть съ себя тяжелую руку диктатора Стамбулова.

Первое столкновеніе между ними произошло по поводу арміи: Фердинандъ предложилъ Стамбулову произвести въ командномъ составѣ нѣкоторыя перемены. Диктаторъ наотрѣзъ отказалъ, заявивъ:

— Если вы будете настаивать, кабинетъ выйдетъ въ отставку. И если вы призовете къ власти своихъ друзей, то въ слѣдующую же сессію вамъ конецъ: не забывайте, что большинство въ собраніи за меня.

Пришлось покориться Стамбулову, но тотъ зналъ, что это не пройдетъ ему даромъ. Когда одинъ изъ консуловъ посѣтилъ его въ 1891 году въ его служебномъ кабинетѣ, то онъ долженъ былъ предварительно пройти сквозъ строй всякихъ сыщиковъ и жандармовъ. Передъ диктаторомъ на письменномъ столѣ лежалъ револьверъ, а около него стояла заряженная винтовка.

Но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, всѣ эти предосторожности не спасли его.

Вечеромъ 27-го марта Стамбуловъ вмѣстѣ съ министромъ финансовъ Бельчевымъ возвращался отъ князя. Въ одной изъ безлюдныхъ улицъ на нихъ бросились какіе-то четыре человѣка и выстрѣломъ изъ револьвера уложили на мѣстѣ Бельчева, котораго, очевидно, приняли за Стамбулова. Послѣдній съ крикомъ бросился бѣжать, изъ домовъ выбѣжали люди, явилась полиція, но было уже поздно: убіиць простылъ и слѣдъ.

Снова былъ схваченъ Каравеловъ и депутаты оппозиціи. Съ ними обращались такъ жестоко, что итальянскій агентъ счелъ себя вынужденнымъ вмѣшаться въ дѣло. Расвирѣпившій диктаторъ объявилъ въ отвѣтъ роднымъ захваченныхъ имъ жертвъ, что за всякую свою жалобу они будутъ преданы смертной казни.

Въ возникшемъ процессѣ были осуждены двѣнадцать человѣкъ: четверо осуждены на смертную казнь, остальные на тюремное заключеніе и штрафы.

Стамбуловъ окончательно ввелъ режимъ террора, и когда болгарскій синодъ отказался присягнуть Фердинанду въ виду его враждебности православному вѣроисповѣданію, Стамбуловъ безъ церемоній заключилъ членовъ этого синода въ тюрьму.

Министра юстиціи Тучеева, позволившаго себѣ не согласиться съ нимъ въ какомъ-то чисто юридическомъ вопросѣ, онъ выгналъ вонъ изъ кабинета и за-

мѣнилъ его своимъ знакомымъ, занимавшимся раньше изготовленіемъ розоваго масла.

Между тѣмъ Кобургъ, пуская корни въ Болгаріи, рѣшивъ основать династію и въ поискахъ за невѣстой пустился сначала въ Лондонъ, но тамъ не нашель никого, кто бы согласился раздѣлить съ нимъ болгарскій престоль. Поиски въ Баваріи у Виттельсбаховъ были также безплодны. Невѣста ему нашлась въ томъ же Бурбонскомъ домѣ. То была принцесса Марія-Луиза Пармская. Свадьба ихъ состоялась 20-го апрѣля 1893 года на виллѣ Пьяноре, въ Италіи, недалеко отъ Лукки. Первая жена Фердинанда прожила всего шесть лѣтъ, подаривъ ему четверыхъ дѣтей.

Между тѣмъ самовластіе Стамбулова вызвало новый кризисъ кабинета. Произошло столкновение между диктаторомъ и военнымъ министромъ Савымъ. Послѣдній вышелъ въ отставку и увлекъ за собой около 60 высшихъ офицеровъ, не желавшихъ подчиняться Стамбулову. Фердинандъ воспользоваться благоприятнымъ случаемъ и назначилъ на мѣсто военнаго министра своего фаворита и лютаго врага Стамбулова, Петрова. Стамбуловъ понялъ этотъ шагъ и вышелъ въ отставку.

Но и въ отставкѣ этотъ политическій проходимецъ былъ еще для Фердинанда предметомъ тревогъ и опасеній. Для укрѣпленія себя надо было уничтожить бывшаго временщика.

15-го юлія 1894 года, около восьми часовъ вечера, Стамбуловъ вмѣстѣ со своимъ другомъ Петковымъ вышелъ изъ клуба и сѣлъ въ ожидавшій ихъ экипажъ. Не успѣлъ кучеръ повернуть въ одну изъ боковыхъ и безлюдныхъ въ этотъ часъ улицъ, какъ на нихъ бросились три какіе-то человѣка. Двое схватили лошадей подъ уздцы. Кучеръ въ ужасѣ соскочилъ съ козелъ и пустился бѣжать. Третій убійца вскочилъ на подножку экипажа съ той стороны, гдѣ сидѣлъ Стамбуловъ, и принялся изо всей силы рубить его ятаганомъ. Безрукій Петковъ не могъ помочь своему другу и бросился изъ экипажа, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Но, не разсчитавъ прыжка, упалъ на землю и впалъ въ безсознательное состояніе. Пока собрались люди, явилась полиція, Стамбуловъ былъ весь изрубленъ. На лицѣ его было двадцать ранъ. Обѣ руки отрублены и держались у плечъ только на клочкахъ кожи. Призванные доктора сейчасъ же ампутировали ихъ, но заявили, что положеніе раненаго безнадежно.

Несмотря на тяжелое положеніе, Стамбуловъ старался утѣшить жену и передъ самой смертію сказалъ:

— Въ моей смерти виноватъ Фердинандъ. Не забывай этого и отомсти за меня.

Похороны Стамбулова повлекли за собой безпорядки, въ которые должна была вмѣшаться полиція. Фердинандъ прислалъ изъ Карлсбада, гдѣ онъ въ то время находился, вѣнокъ, но, когда его адъютантъ явился съ нимъ въ квартиру Стамбулова, его вдова схватила его за рукавъ и, показывая на сохранявшіяся въ спирту руки Стамбулова, закричала:

— Вотъ руки великаго патріота, котораго велѣлъ убить твой повелитель. Скажи ему, что ты ихъ видѣлъ.

Съ исчезновеніемъ съ дороги Стамбулова Кобургу надо было прежде всего

примириться съ Россіей. Благодаря мягкости характера министра иностранныхъ дѣлъ Муравьева, эта цѣль была имъ достигнута въ 1896 году, и будущему предателю и измѣннику дорога въ Россію была теперь открыта.

Вотъ тогда-то и появились открытыя письма, на которыхъ его жена была изображена въ одѣяніи византійской императрицы. Балканскій союзъ былъ первымъ этапомъ, приближавшимъ Кобурга къ его тайнымъ честолюбивымъ цѣлямъ. Союзъ съ Германіей долженъ былъ увѣнчать его замыслы, но судьба, повидимому, готовила ему нѣчто иное.

— Египтяне въ изображеніи англійскаго чиновника. — Въ декабрьской книжкѣ «The Cornhill Magazine» Артуръ Вейгалль, долго служившій въ Египтѣ и прекрасно знающій мѣстные нравы, даетъ любопытную характеристику теперешняго египетскаго народа. Эта характеристика любопытна для насъ между прочимъ и потому, что, какъ увидитъ читатель, въ ней можно усмотрѣть кое-что неожиданно сближающее египтянъ съ русскими.

«Египетскій крестьянинъ, — говоритъ авторъ, — какъ будто забылъ вырасти. Отъ вѣковъ сфинсовъ и пирамидъ онъ сохранился до сихъ поръ такимъ, какимъ былъ въ тѣ времена, когда міръ былъ еще юнъ. Когда наблюдаешь за теперешнимъ населеніемъ страны, насчитывающимъ пять тысячъ лѣтъ своего существованія, то какъ будто глядишь сквозь разорванное покрывало времени и самъ становишься гражданиномъ давно минувшаго міра», — замѣчаетъ авторъ.

Иллюстрируя свое положеніе примѣрами, Вейгалль прежде всего приводитъ цѣлую коллекцію писемъ и прошеній, которыми его заваливало мѣстное египетское населеніе. Тутъ и просьбы объ опредѣленіи на мѣсто, на томъ основаніи, что у просителя голодная жена и дѣти, и жалобы на обиды разныхъ лицъ, вовсе не подчиненныхъ автору статьи, и безчисленные доносы. Все это написано такимъ слогомъ и въ такихъ выраженіяхъ, которыя сплошь напоминаютъ наши крестьянскія прошенія съ ихъ «господину финансовому» и «черезъ Государственную Банку съ приложеніемъ казенной печати». И адреса пишутся часто такъ же, какъ у насъ. Такъ лорду Кромеру письма обыкновенно адресовались такъ: «Каирь, лорду». Одному изъ англійскихъ чиновниковъ, сэру Эльдону Горсту, писали обыкновенно: «Его величества Горсту».

Вотъ образецъ одного изъ такихъ прошеній: «Проситель Могамедъ Ахметъ покорнѣйше проситъ принять во вниманіе, что онъ служитъ въ египетскомъ правительствѣ двадцать лѣтъ и, слава Богу, исполнялъ свои обязанности самымъ энергичнымъ образомъ. Родившись въ тропической странѣ и проведя тридцать лѣтъ въ Египтѣ, мое тѣло сдѣлалось сырымъ, почему я и боюсь возвращаться въ тѣ мѣста. А посему...» и т. д.

Для писанія столь краснорѣчивыхъ писемъ и слезныхъ прошеній къ услугамъ населенія имѣются особые писцы, сидящіе обыкновенно у входа въ правительственныя учрежденія.

Дѣловая переписка египтянъ тоже имѣетъ что-то общее съ нами. Авторъ рассказываетъ, какъ однажды ему понадобилось заказать себѣ заранѣе желѣзнодорожную плацкарту на три мѣста. Его секретарь немедленно написалъ соотвѣтствующему начальнику станціи письмо. Начальникъ станціи препроводилъ это письмо инспектору спальныхъ вагоновъ съ резолюціей: «исполнить

и сообщить». Инспекторъ, въ свою очередь, препроводилъ «бумагу» старшему кондуктору съ надписью «распорядиться». Отъ оберъ-кондуктора «бумага» пошла обратно тѣмъ же порядкомъ съ соответствующими надписями, пока наконецъ секретарь автора не положилъ ему на столъ испещренное надписями посланіе, прибавивъ торжественно: «Готово, сэръ».

Бьющая въ глаза особенность простого египтянина заключается въ томъ, что онъ никогда не знаетъ своихъ лѣтъ и въ этомъ отношеніи впадаетъ въ самыя забавныя несуразности. Такъ, малому, у котораго едва пробиваются усы ничего не стоитъ сказать, что ему сорокъ лѣтъ, а старикъ съ сѣдой головой заявить, что ему лѣтъ подь тридцать. Авторъ, между прочимъ, рассказываетъ такой случай. Въ Суданѣ за войсками постоянно движутся разные поденщики, работающіе на отряды и получающіе казенные пайки. Нѣсколько времени тому назадъ сѣдой унтеръ-офицеръ сверхсрочной службы явился къ завѣдующему пайками офицеру и просилъ его увеличить рационы для одного рабочаго, получавшаго до сего времени паекъ подростка.

— Почему?—спросилъ офицеръ.—Развѣ онъ уже достигъ восемнадцатилѣтняго возраста?

— Да, я думаю, что такъ,—отвѣчалъ сержантъ послѣ нѣкотораго раздумья.—Это—мой отецъ.

Египтянинъ не старается дать себѣ отчета въ полученномъ приказаніи, а обыкновенно исполняетъ его пассивно и безъ разсужденій. Однажды гдѣ-то въ далекомъ порту неожиданно умеръ англійскій офицеръ. По полученіи депеши объ этомъ происшествіи изъ главной квартиры во избѣжаніе случайнаго погребенія живо мѣстному египетскому администратору была послана телеграмма такого содержанія: «Удостоверьтесь передъ похоронами, что онъ дѣйствительно умеръ». Въ телеграммѣ было сказано по-англійски: «make certain», т. е. буквально: «сдѣлайте вѣрнымъ». Отвѣтъ пришелъ скоро: «Сдѣлалъ вѣрнымъ изъ револьвера».

Рядомъ съ этимъ въ психикѣ египтянина замѣтна большая легковѣрность, способность принимать за правду каждый слухъ, какъ бы нелѣпъ онъ ни былъ. Однажды начальникъ южной желѣзной дороги получилъ вдругъ такую депешу: «Начальникъ станціи X. пожранъ львами на платформѣ. Прошу распоряженій». Въ другой разъ телеграфистъ одной изъ захолустныхъ станцій въ Суданѣ далъ по всей линіи такую телеграмму: «Станція атакована львами, тиграми, медвѣдами и волками». На вопросъ англичанина-директора опредѣлить точнѣе, что такое случилось, египтянинъ смущенно отвѣтилъ: «Слѣдуетъ вычеркнуть тигровъ, медвѣдей и волковъ».

Излишняя простота и недогадливость египетскаго простонародья ведетъ иногда къ трагическимъ послѣдствіямъ. Такъ, во время одной изъ частыхъ здѣсь холерныхъ эпидемій мѣстныя деревенскія власти получили приказъ: «Удаляйте изъ своей среды заболѣвшихъ». Вскорѣ послѣ этого одному изъ англійскихъ чиновниковъ случилось проѣзжать черезъ какое-то селеніе, и онъ спросилъ, много ли тутъ было холерныхъ случаевъ. Старшина отвѣчалъ, что всего одинъ съ дѣвочкой, но что они быстро удалили ее.

— Какъ же вы это сдѣлали?—спросилъ англичанинъ.

Старшина засмѣялся и провелъ себѣ пальцемъ по горлу.

— Очень просто—ножомъ,—отвѣчалъ онъ.

У египтянъ совершенно особыя идеи о правосудіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ судились два туземца за незаконное ношеніе оружія. При разборѣ дѣла судья оштрафовалъ одного изъ нихъ на сто піастровъ, а другого только на пятьдесятъ.

Присутствовавшій на этомъ судѣ англичанинъ спросилъ судью, почему онъ не наложилъ штрафъ на обоихъ поровну.

— Видите ли,—отвѣчалъ египетскій судья:—у перваго изъ нихъ ружье было гораздо длиннѣе.

Трудно ожидать, чтобы народъ съ столь младенческой душою былъ свободенъ отъ суевѣрій. И дѣйствительно, суевѣрія заѣдаютъ даже образованныхъ египтянъ. Однажды въ Каирѣ въ зоологическомъ саду произошелъ на этой почвѣ цѣлый скандалъ. Какой-то эфенди забрался на рѣшетку клѣтки, гдѣ содержалась жираффа, и сталъ безпрестанно открывать и закрывать свой зонтикъ. Преданный въ руки полиціи эфенди, принадлежавшій къ числу образованныхъ египтянъ, объяснилъ, что ему хотѣлось закрыть жираффу зонтикомъ отъ солнца, вслѣдствіе чего она должна была, по его мнѣнію, съежиться до размѣровъ простой мыши.

Вслѣдствіе легковѣрія египтянъ и ихъ склонности все принимать за правду возникаютъ иногда весьма сложныя и запутанныя судебныя драмы. Такъ, въ одной деревнѣ былъ арестованъ ночной сторожъ по обвиненію въ убійствѣ одного изъ жителей этой деревни. А черезъ нѣсколько времени пришлось схватить и этого жителя, такъ какъ онъ покушался на жизнь брата ночного сторожа. Долго тянулось это таинственное дѣло, пока наконецъ англійскія власти не выяснили всю исторію. Оказалось, что въ одинъ прекрасный день ночной сторожъ, заподозрѣвъ въ нехорошихъ дѣлахъ двухъ поселянъ, рѣшилъ перенести свой постъ къ самому ихъ жилищу. Тѣмъ это не понравилось, и, желая удалиться отъ себя назойливаго сторожа, они рѣшили, что одинъ изъ нихъ выстрѣлитъ изъ семейнаго ружья другому въ ногу, и тогда они обвинятъ сторожа въ покушеніи на убійство. Къ несчастью, выстрѣлъ пришелся не въ ногу, а въ животь, и несчастная жертва хитроумной комбинаціи тутъ же испустила духъ. Сторожъ попалъ подъ судъ, но его братъ, желая устроить оставшемуся въ живыхъ такую же неприятность, продѣлалъ ту же исторію съ ружьемъ и самъ ранилъ себя у его воротъ.

Въ египетской жизни драма нерѣдко чередуется съ комедіей. Вотъ случай, близко извѣстный автору и какъ нельзя лучше подтверждающій сказанное. Однажды приказано было повѣсить какого-то работника. Подъ хорошимъ конвоемъ его отвели въ укромное мѣсто, гдѣ была воздвигнута висѣлица. Накинувъ на преступника петлю, его посадили на телѣжку запряженную муломъ, и въ то время, какъ телѣжка проходила подъ висѣлицей, мула хорошенько хлестнули, скамейка выскользнула изъ-подъ ногъ преступника, и онъ закачался въ воздухъ. Но распорядившійся казнью египетскій офицеръ забылъ связать преступнику руки, и тотъ, воспользовавшись этимъ, быстро забрался на перекладину висѣлицы. Застрѣлить его никто не рѣшался. На это не было приказаній.

Ожидать, пока онъ спустится самъ, было бесполезно. И вотъ офицеръ и солдаты начинаютъ стыдить преступника, что онъ ихъ зря задерживаетъ, что они уже проголодались, не желаютъ его дожидаться и просятъ его спуститься для совершения казни внизъ. Долго продолжались эти уговоры, но безъ всякаго, конечно, результата. Наконецъ послали за англійскими властями. Въ виду исключительности такого происшествія преступникъ былъ прощенъ, впоследствии совершенно исправился и даже оказалъ въ теперешней войнѣ большія услуги.

— Изъ исторіи военно-морской техники.—Справедливо гласить поговорка, что ничто не ново подъ луной. Казалось бы, подводныя лодки, англійскіе боевые автомобили-танки, самодвижущіяся мины—все это продуктъ нашей эпохи, порожденіе чудовищнаго милитаризма и колоссальнаго развитія современной техники. Однако статья Шарля де-ля-Ронсьера, напечатанная въ № 52 «Revue Hebdomadaire» за прошлый годъ, доказываетъ, что всѣ эти изобрѣтенія были извѣстны и употреблялись для военныхъ надобностей еще въ XVII вѣкѣ. Конечно, тогдашніе бронированные автомобили и субмарины не могли итти ни въ какое сравненіе съ теперешними, но ихъ идея, ихъ конструкція предвѣщали произведенія теперешнихъ инженеровъ на два съ половиной вѣка.

Еще въ 1588 году инженеръ Генриха II выдумалъ особый самокатъ, защищенный отъ аркебузовъ и мушкетовъ. Этотъ самокатъ представлялъ собою большую телѣгу, крытую сводомъ, въ которую помѣщались нѣсколько стрѣлковъ. Двигатель въ видѣ лопасти съ кривыми концами, захватывавшими землю, помѣщался внутри и приводился въ движеніе силою четырехъ человѣкъ. У этой машины сзади былъ еще руль. Это, повидимому, указываетъ на то, что она предназначалась для движенія по рвамъ непріятельскихъ укрѣпленій, наполнявшимся обыкновенно водою.

Недавно въ парижской Национальной библіотекѣ найдено письмо нѣкоего ученаго Père Mersenne. Письмо это писано въ эпоху Тридцатилѣтней войны и гласитъ по-латыни слѣдующее: «Здѣсь (въ Парижѣ) у насъ есть превосходный механикъ, который утверждаетъ, что онъ можетъ построить летательную машину, на которой можно летѣть отсюда въ Константинополь. Крылья ея имѣютъ въ длину 32 фута, а въ ширину двѣнадцать. Изобрѣтатель утверждаетъ, что онъ можетъ поднять съ собою шесть человѣкъ и четыре или пять пушекъ». Далѣе въ письмѣ рѣчь идетъ о разныхъ винтахъ, двигателяхъ и т. п., совсѣмъ какъ въ наши дни.

Въ 1634 году этотъ же Père Mersenne развиваетъ планъ устройства подводной лодки. Лодка должна быть построена изъ мѣди съ вентиляторами для пропуска воздуха, съ боковыми отрубамъ, которые то заполняются водою—и тогда лодка погружается, то опоражниваются—и тогда подводное судно выходитъ наружу.

Проектъ аэроплана съ четырьмя или пятью пушками остался, повидимому, въ области теоретическихъ мечтаній. Зато идея подводной лодки получила свое осуществленіе. Въ январѣ 1641 года нѣкто Жанъ Барріе получил монополію доставать разные предметы со дна моря при помощи лодки, идущей подъ

водою. Опыты съ этой лодкой производились въ портахъ Дьеппа и Санъ-Мало и возбудили такую сенсацію, что пришлось принять чрезвычайныя мѣры, и къ подводной лодкѣ публикѣ запрещено было приближаться на сто сажень. Въ моментъ своего погруженія лодка Барриѣ выкинула флагъ кардинала Ришелье, который считался покровителемъ французскаго флота.

Еще удачнѣе была осуществлена эта идея въ Англии. Въ 1624 году нѣкій голландецъ Корнелій ванъ-Дреббель построилъ какое-то подводное судно на Темзѣ. Съ этой диковинкой пожелалъ познакомиться король Іаковъ I. Онъ пріѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла лодка, спустился въ нее и проѣхалъ подъ водой, опустившись подъ ея поверхность, Вестминстеромъ и Гриничемъ. Изобрѣтатель лодки между прочимъ демонстрировалъ и какую-то химическую жидкость, которая позволяла освѣжать воздухъ субмарины и доставила своему изобрѣтателю громкую, но скоро увядшую славу.

Повидимому, эти подводныя лодки дѣйствительно существовали у англичанъ, ибо въ одной рукописи, хранящейся въ Британскомъ музеѣ, въ числѣ расходовъ на флотъ упоминается и ассигновка сэру Вилліаму Гейдону на двѣ лодки, «которые ходятъ подъ водой» и на 50 водяныхъ «минъ».

Эти мины были пущены въ ходъ при осадѣ англичанами крѣпости Ларошели. Одинъ плѣнный показалъ на допросѣ, что англійскій флотъ пользуется искусственными шарами, которые плывутъ подъ водой и, дотронувшись до чего бы то ни было, разрываются и разносятъ все, что придется надъ ними.

Кромѣ этихъ предшественницъ минъ Уайтхеда, въ царствованіе Людовика XIV были и своего рода «чемоданы». Король-Солнце велъ непрерывную и безопасную войну съ морскими пиратами, въ особенности съ алжирскими, которые сильно вредили французской морской торговлѣ. Въ 1681 году ихъ дерзость дошла до того, что они захватили въ плѣнъ одного изъ капитановъ французскаго флота, нѣкоего шевалье де-Боже, и продали его въ рабство. Желая наказать алжирцевъ какъ можно чувствительнѣе, Людовикъ снарядилъ противъ нихъ цѣлую эскадру подъ начальствомъ извѣстнаго адмирала дю-Кена. Между прочимъ въ числѣ судовъ этого флота были особые галліоты, по срединѣ которыхъ были устроены двѣ вращающіяся платформы, а на нихъ были установлены огромныя мортиры, стрѣлявшія особыми ядрами, вызывавшими пожаръ.

Испуганное разрушеніемъ своихъ жилищъ и пожарами, населеніе Алжира сначала готово было умолять французовъ о мирѣ. Однако съ теченіемъ времени они привыкли къ бомбардировкѣ и оказывали врагамъ упорное сопротивленіе. Казнь захваченнаго ими французскаго консула Лавашъ, котораго они привязали къ жерлу пушки, еще болѣе усилила ожесточеніе обѣихъ сторонъ.

Французамъ пришлось прибѣгнуть къ болѣе сильнымъ разрушительнымъ средствамъ. Въ Провансѣ артиллеристомъ Ландульеномъ де-Ложивьеромъ были отлиты особыя ядра, чертежи которыхъ недавно нашлись въ архивахъ французскаго морского министерства. Ядра эти отличались огромнымъ размѣромъ и имѣли въ вышину около трехъ метровъ. Всѣ ихъ доходилъ до четырехъ съ половиною тоннъ.

Это грозное оружіе оказалось, однако, безвреднымъ для алжирцевъ. Адмиралъ дю-Кенъ при всѣхъ своихъ талантахъ отличался нетерпимымъ и завистли-

вымъ характеромъ. Вотъ почему онъ не далъ хода этимъ «чеходанамъ», и изобрѣтеніе провансальскаго техника такъ и не получило дальнѣйшаго развитія.

— Григъ въ Римѣ. — Вообще говоря, господа артисты въ обыденной жизни являются зачастую большими чудаками, и простымъ смертнымъ имѣть съ ними дѣло далеко оказывается не всегда удобнымъ и пріятнымъ. Григъ въ этомъ отношеніи не представлялъ исключенія. Въ дни апогея его популярности римскіе меломаны и поклонники таланта «генія Скандинавіи» задумали пригласить Грига погостить въ «вѣчномъ городѣ», обѣщая ему самый радушный пріемъ. Въ качествѣ посредника между римлянами и Григомъ выступилъ одинъ близкій къ Григу человѣкъ. Этотъ посредникъ, зная, что Григъ въ Римѣ непременно получитъ приглашеніе играть въ высочайшемъ присутствіи, дѣловито освѣдомился, какіе обычаи на этотъ счетъ имѣются при итальянскомъ дворѣ: вознаграждаютъ ли артистовъ-иностранцевъ презрѣннымъ металломъ, или же даютъ какой-нибудь орденъ.

Президентъ знаменитой римской музыкальной академіи, сенаторъ графъ Санъ-Мартино, отвѣтилъ, что король Гумбертъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ награждаетъ отказывающихся отъ денежнаго вознагражденія артистовъ орденами. Нѣсколько времени спустя Санъ-Мартино получилъ письмо уже отъ самого Грига. Письмо было написано въ очень высококомъ тонѣ. Григъ писалъ, что онъ принялъ бы приглашеніе играть въ академіи «Санта Чечилія» въ Римѣ, но необходимо предварительно выяснитъ вопросъ о вознагражденіи: какъ убѣжденнѣйшаго социалиста и демократа до мозга костей, его, Грига, всяческія «побрякушки» въ видѣ орденовъ совершенно не интересуютъ, и онъ ихъ откровенно презираетъ, предоставляя забавляться ими дѣтямъ и... дикарямъ, и что онъ, какъ человѣкъ рабочій, считаетъ, что каждый трудъ долженъ быть соотвѣтствующимъ образомъ вознагражденъ.

Графъ Санъ-Мартино немедленно отвѣтилъ большимъ письмомъ, въ которомъ говорилъ слѣдующее:

«Музыкальная академія «Санта Чечилія» въ Римѣ является самымъ древнимъ и чтимымъ въ Италіи учрежденіемъ этого рода. Но непосредственнаго отношенія ко двору она не имѣетъ. Вопросъ о вознагражденіи выступающихъ въ академіи артистовъ совершенно не касается итальянскаго королевскаго двора. Въ свою очередь, президіумъ академіи отнюдь не имѣетъ полномочій награждать дѣлающихъ академіи честь своимъ визитомъ артистовъ орденами, ибо это является прерогативою короля. Но въ то же время президіумъ академіи въ исключительныхъ случаяхъ для поощренія выдающихся артистовъ иногда, правда, частнымъ образомъ ходатайствуетъ передъ королемъ о желательности дать то или иное отличіе данному почетному гостю въ воздаяніе за услуги, оказанныя имъ искусству вообще.

Дальше Санъ-Мартино писалъ:

«Но разъ вы, какъ убѣжденнѣйшій социалистъ, презирающій «побрякушки», уже изъявили свое согласіе за выступленіе въ академіи получить денежное вознагражденіе, то этимъ самымъ самый вопросъ о другихъ формахъ вознагражденія совершенно отпадаетъ».

Нѣкоторое время спустя «скандинавскій геній» прибылъ въ Римъ. Встрѣ-

чень здѣсь онъ былъ самымъ радушнымъ образомъ, но чѣмъ больше за нимъ ухаживали, чѣмъ больше ему льстили, тѣмъ заносчивѣе и сварливѣе становился онъ, тѣмъ рѣзче высказывался относительно итальянской музыки, итальянскихъ композиторовъ, артистовъ, итальянскаго искусства вообще. Очень быстро отношенія совершенно испортились.

Каждый шагъ Грига вызывалъ осложненія, и президіуму академіи приходилось изъ силъ выбиваться, улаживая эти осложненія. Но главная трудность предстояла еще впереди...

По традиціямъ, о которыхъ было извѣстно и Григу, тогдашняя королева Маргарита приглашала въ антрактахъ концертовъ академіи въ свою ложу выдающихся участниковъ концерта, особенно же иностранцевъ. Слѣдовательно, надо было ожидать, — и самъ Григъ ожидалъ этого, — что онъ будетъ приглашенъ въ ложу королевы. На бѣду въ Римѣ въ тѣ дни гостила кронпринцесса шведская, супруга наслѣднаго принца. Королева Маргарита ни въ коемъ случаѣ не могла уклониться отъ приглашенія кронпринцессѣ присутствовать въ концертѣ въ королевской ложѣ. А всего за нѣсколько мѣсяцевъ до этого въ Христианіи Григъ, ссылаясь на свои демократическія и социалистическія убѣжденія, демонстративно отказался принять приглашеніе кронпринцессы, — и это вызвало скандалъ.

Не пригласить Грига въ свою ложу королева Маргарита не могла: это было бы смертельною обидою для композитора. А какъ его пригласишь, если въ королевской ложѣ будетъ кронпринцесса шведская?

Кончилось тѣмъ, что кронпринцессу шведскую удалили изъ королевской ложи, а потомъ графъ Санъ-Мартино отъ имени королевы пригласилъ въ ложу капризнаго маэстро. На Грига подѣйствовала обаятельная любезность тогда еще считавшейся красавицею умницы-королевы Маргариты, и онъ ушелъ изъ королевской ложи чрезвычайно довольнымъ. На другой день, явившись въ президіумъ академіи за полученіемъ условленнаго вознагражденія, демократъ и твердокаменный социалистъ Григъ безъ дальнихъ околичностей заявилъ графу Санъ-Мартино:

—Послушайте! Надо выяснитъ маленькое недоразумѣніе, происшедшее между нами! Это насчетъ ордена...

— Какого?—изумился графъ.

— Видите, я вамъ писалъ, что отъ всякихъ этихъ побрякушекъ въ видѣ орденовъ я наотрѣзъ отказываюсь и предпочитаю чистыя денюжки! Но ваша королева была такъ любезна со мною, и ей такъ понравились мои вещи... Ну, словомъ, если королева вздумаетъ попросить короля, чтобы тотъ далъ мнѣ какой-нибудь орденъ, такъ вы ужъ, пожалуйста, не отговаривайте ни королеву, ни короля! Я не прочь взять и орденъ на память!

Графъ Санъ-Мартино никого не отговаривалъ и не уговаривалъ, и Григъ уѣхалъ на родину безъ итальянскаго ордена, чѣмъ былъ весьма недоволенъ.

С М Ъ С Ъ,

КАДЕМІЯ наукъ въ 1916 году. Торжественное годовое собраніе императорской академіи наукъ 29-го декабря состоялось въ маломъ конференцъ-залѣ академіи, подъ предсѣдательствомъ вице-президента академика А. П. Карпинскаго. Непремѣнный секретарь академикъ С. Θ. Ольденбургъ прочелъ составленный имъ отчетъ по отдѣленіямъ физико-математическихъ и историческихъ наукъ и филологіи за 1916 годъ. Въ отчетное время академическая семья понесла потери въ лицѣ слѣдующихъ своихъ скончавшихся членовъ: вице-президента П. В. Никитина, барона Θ. Р. Остенъ-Сакена, графа И. И. Толстого, И. И. Мечникова, химика В. Рамса, норвежскаго метеоролога Генриха Мона, польскаго писателя Генрика Сенкевича, географа и метеоролога А. И. Воейкова, историка права Н. Ф. Владимірскаго-Буданова, экономиста Леруа-

Болье и востоковѣда Огюста Барта. Въ истекшемъ году значительная часть членовъ академіи и служащихъ въ ней принимали участіе въ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ, работающихъ на оборону государства. Значительные успѣхи въ русской наукѣ, особенно за послѣднее время, и расширеніе кадра ея работниковъ вызвали естественно особый интересъ къ ней и сознаніе, что нельзя уже въ настоящее время ограничиваться прежними ссылками на незнаніе русскаго языка и оставлять безъ должнаго вниманія русскіе ученые труды, ибо не знать ихъ значитъ теперь отставать отъ общенаучнаго теченія. Германіей это было сознано ранѣе, чѣмъ нашими союзниками, которые въ настоящее время желаютъ пополнить этотъ важный пробѣлъ въ своихъ знаніяхъ. Естественно, что русскіе ученые горячо откликнулись на этотъ призывъ и желаютъ съ своей

стороны пойти ему навстрѣчу организаціей надлежащаго освѣдомленія своихъ союзниковъ съ тѣмъ, что дѣлаетъ русская наука. Министерство народнаго просвѣщенія уже принимаетъ соотвѣтствующія мѣры въ области высшей школы академія взяла на себя инициативу въ часто научной сторонѣ дѣла. Въ комиссіи, ею избранной, подробно разрабатываются способы осуществленія болѣе тѣснаго научнаго общенія, среди нихъ видное мѣсто долженъ занять трудъ «Русская наука», въ которомъ русскіе специалисты по разнымъ наукамъ дадутъ очерки развитія въ Россіи разныхъ научныхъ дисциплинъ и современнаго ихъ положенія. Библиотека академіи была занята описаніемъ поступившихъ для Пушкинскаго дома цѣнныхъ рукописныхъ собраній великаго князя Константина Константиновича; она обогатилась большимъ собраніемъ рукописей, принадлежавшихъ покойному академику Пыпину. Физическій кабинетъ обогатился цѣннымъ даромъ—библиотечкой академика князя Б. Б. Голицына. Геологическій и минералогическій музей приступилъ къ печатанію описаній тургайскихъ раскопокъ и сѣверо-двинскихъ. Академіи были пожертвованы въ настоящемъ году: капиталъ въ 60.000 рублей проф. В. Е. Тимоновымъ и Алексѣевскимъ товариществомъ капиталъ въ 5.000 рублей. Кромѣ того, академіей учреждены капиталы въ память академиковъ П. В. Никитина и князя Б. Б. Голицына. Затѣмъ были прочитаны отчеты о присужденіи академическихъ премій. Премія имени М. Н. Ахматова по отдѣленію физико-математическихъ наукъ присуждены: П. Л. Пилипенку—«Минералогія Западнаго Алтая»; А. Борисяку—«Сѣверо-западная фауна млекопитающихъ»; В. В. Дубинскому—«Къ пегрографіи Эльборуса». По отдѣленію историческихъ наукъ и филологіи преміи присуждены сочиненіямъ: А. Покровскаго—«Основныя проблемы гражданскаго права»; М. П. Гернета—«Преступленіе и борьба съ нимъ съ связи съ эволюціей общества»; С. А. Новосельскаго—«Смертность и продолжительность жизни въ Россіи»; В. И. Юхельсона—«Раскопки на Алеутскихъ островахъ»; и почетный отзывъ В. К. Клейну—«Угличское слѣдственное дѣло о смерти царевича Дмитрія 15 мая 1591 г.». Большая Ломоносовская премія въ 1.000 руб. присуждена сочиненію М. Д. Залъскаго—«Естественная исторія одного угля». Премія имени графа Д. А. Толстого присуждена сочиненію В. А. Алексѣева «Письма и бумаги Суворова». Премія К. Д. Ушинскаго присуждена Г. Р. Трошину за сочиненіе—«Антропологическія основы воспитанія. Сравнительная психологія нормальныхъ и ненормальныхъ дѣтей». Отчетъ о дѣятельности русскаго языка и словесности составленъ академикомъ В. Н. Перетцомъ. Изъ этого отчета видно, что на соисканіе премій имени Ахматова было представлено пять сочиненій, изъ которыхъ удостоены преміи 4: Л. Л. Васильева—«О значеніи каморы въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ памятникахъ XVI—XVII вѣковъ», А. Г. Преображенскаго—«Этимологическій словарь русскаго языка»; Б. и Ю. Соколовыхъ—«Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края»; П. О. Потапова—«Изъ исторіи русскаго театра. Жизнь и дѣятельность В. А. Озерова». Премія имени А. А. Котляревскаго присуждены сочиненіямъ Д. Н. Егорова—«Славно-германскія отношенія въ средніе вѣка» и доктора Франка «Студіи надъ украинскими народными пѣснями». Академикъ А. И. Соболевскій произнесъ рѣчь «Румыны среди славянскихъ народовъ». Несмотря на существованіе самой бла-

гопріятной почвы для общенія научнаго, румыны послѣднее полстолѣтіе стояли отъ насъ далеко. Нынѣшнее сближеніе румынъ съ намъ подаетъ надежду на измѣненіе ихъ взглядовъ на свое прошлое и настоящее. Въ заключеніе были превозглашены имена лицъ, вновь избранныхъ академіей въ почетные члены и члены-корреспонденты. Заслуженный профессоръ К. А. Поссе избранъ почетнымъ членомъ; заслуженный профессоръ Ѳ. Ф. Зелинскій—почетнымъ академикомъ по разряду изящной словесности. Въ члены-корреспонденты—профессоръ П. И. Броуновъ, англичанинъ профессоръ химіи Генри Армстронгъ, бывшій президентъ лондонскаго химическаго общества; профессора Н. К. Кольцовъ, В. Л. Омелянскій, Е. Ф. Будде, профессоръ Е. В. Пѣтуховъ профессоръ К. В. Харламповичъ, профессоръ университета въ Христіаніи О. Брокъ, профессоръ Сорбонны Эмиль Бутру, профессоръ оксфордскаго университета А. В. Дейси, профессоръ А. І. Маленинъ, профессоръ С. П. Шестаковъ, профессоръ гентскаго университета Л. де-ла Валле-Пуссенъ.

Юбилейный праздникъ въ университетѣ. 23-го декабря въ петроградскомъ университетѣ былъ отмѣченъ юбилейный день — столѣтіе со времени дарованія главному педагогическому институту въ Петроградѣ, преобразованному въ нынѣшній университетъ, университетскихъ правъ. Сто лѣтъ тому назадъ былъ поднятъ вопросъ объ открытіи въ Петроградѣ университета. Несмотря на то, что вопросъ объ открытіи университета былъ признанъ своевременнымъ, этого сдѣлать не удалось по соображеніямъ отчасти финансоваго характера, отчасти въ виду отсутствія соответствующихъ педагоговъ и помѣщеній для университета. Для разрѣшенія назрѣвшей потребности въ университетѣ рѣшено было расширить существовавшій въ Петроградѣ главный педагогическій институтъ, съ каковою цѣлью этому учрежденію были дарованы права университета. Скоро, однако, выяснилось, что этого недостаточно и черезъ 3 года, въ 1819 г., главный педагогическій институтъ былъ совершенно реформированъ и преобразованъ въ петроградскій университетъ и размѣщенъ въ настоящемъ зданіи университета—бывшемъ помѣщеніи 10 коллегій Петра Великаго. По случаю столѣтія со дня дарованія правъ университета главному педагогическому институту въ университетской церкви были совершены протоіереемъ А. В. Смирновымъ молебствіе и панихида по всѣмъ почившимъ профессорамъ, студентамъ, бывшимъ воспитанникамъ и дѣятелямъ университета. Въ церкви присутствовали профессора и студенты университета съ исполняющимъ обязанности ректора профессоромъ Шимкевичемъ во главѣ, бывшіе воспитанники университета, среди которыхъ былъ непремѣнный секретарь академіи наукъ С. Ѳ. Ольденбургъ, служащіе университета и др.

Въ кассѣ литераторовъ. Годовое общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ состоялось 18-го декабря, подъ предсѣдательствомъ В. А. Апушкина. Присутствовали 24 члена кассы. Собраніе утвердило смѣту на дѣлопроизводство въ 1917 г. въ размѣръ 4.200 р. Затѣмъ былъ заслушанъ докладъ правленія о торжественномъ собраніи въ память основателя кассы, писателя Г. К. Градовскаго. Собраніе постановило, въ виду особыхъ заслугъ, оказанныхъ кассѣ покойнымъ писателемъ Г. К. Градовскимъ, ознаменовать память его особымъ торжественнымъ собраніемъ, пригласивъ къ участію

въ немъ не только членовъ провинціальныхъ отдѣленій кассы, но и литературныхъ, художественныхъ и общественныхъ организаціи, такъ какъ въ лицѣ Г. К. Градовскаго предполагается чтить память не только основателя кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, но и публициста, и гражданина-писателя. Для осуществленія этого рѣшенія избрана особая исполнительная комиссія изъ пяти лицъ, въ составъ которой входятъ В. А. Апушкинъ, Н. Колубовскій, В. В. Святловскій, Крюковъ и Рошковскій. Когда собраніемъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, откуда взять средства для осуществленія предполагаемаго чествованія, то членъ кассы Я. Н. Колубовскій заявилъ, что на этотъ предметъ средства уже имѣются. Назначеніе срока чествованія предоставлено комисіи. Послѣ этого былъ доложенъ докладъ правленія объ юбилеѣ кассы. Какъ извѣстно, 7 мая 1916 года исполнилось 25-лѣтіе существованія кассы. Своевременно этотъ знаменательный день въ жизни кассы, въ виду переживаемыхъ событій, не былъ ничѣмъ отмѣченъ. Не желая пройти молчаніемъ это событіе, собраніе 18 декабря постановило: празднованіе юбилея кассы отложить до болѣе благоприятнаго, времени, составить историческій очеркъ дѣятельности кассы и вопросы о срокѣ этого изданія и о средствахъ на осуществленіе изданія оставить пока открытыми. Правленіе предполагало назначить срокъ выпуска изданія къ 7 мая 1917 года, назначивъ на расходъ по изданію 600 рублей. Въ заключеніе, вмѣсто выходящихъ по очереди трехъ членовъ правленія, избраны въ члены правленія: В. А. Апушкинъ, Ф. Д. Крюковъ, А. М. Ивановъ и кандидатами г. Стебницкій и И. С. Абрамовъ.

Въ обществѣ ревнителей исторіи. Въ обществѣ ревнителей исторіи состоялось чрезвычайное торжественное засѣданіе, посвященное памяти Н. М. Карамзина. Залъ собранія оказался переполненнымъ. Засѣданіе открылось вступительнымъ словомъ М. К. Соколовскаго. Т. О. Соколовская продекларировала стихотвореніе Майкова, посвященное памяти русскаго исторіографа. Засѣданіе закончилось рѣчью профессора В. М. Грибовскаго, задавашагося цѣлью освѣтить заслуги Карамзина въ исторіи. Попутно профессоръ Грибовскій коснулся тѣхъ тяжелыхъ условий, въ которыхъ пришлось работать Карамзину. Исторіографъ проявилъ широкую самостоятельность взглядовъ и наложилъ отпечатокъ своихъ мыслей на трудахъ послѣдующихъ историковъ, между прочимъ и самого С. М. Соловьева. Ученіе Карамзина о древнихъ славянахъ и возникновеніи у нихъ государственнаго порядка подражательно, однако въ томъ исторіографъ не виновенъ. Въ указанномъ отношеніи онъ невольно долженъ былъ слѣдовать мыслямъ геттингенскаго профессора и русскаго академика Шлецера, издавашаго сводный истолкованный текстъ Нестеровой лѣтописи, признаемаго тогда виднѣйшимъ авторитетомъ по русской исторіи. Къ сожалѣнію, вслѣдъ за Шлецеромъ, Карамзинъ повторилъ обидное для русскаго имени утвержденіе, будто бы русскіе до призванія варяговъ были дикарями въ полномъ смыслѣ этого слова и что гражданственность и государственность открылась этимъ дикарямъ лишь съ призванія варяговъ, которые были норманнами, иначе говоря, нѣмцами. Утверждая подобныя вещи, Шлецеръ искусственно подбиралъ источники, на которые ссылаясь, и не пытался отнестись критически къ словамъ лѣтописца, который, будучи представителемъ молодого на Руси христіанства, отрицательно

относился къ языческой древнеславянской жизни. Шлецеръ, на основаніи подобранныхъ источниковъ устанавливая дикость славянъ и просвѣтительное превосходство германцевъ, преслѣдовалъ свои патріотическія нѣмецкія задачи въ шпашаго прославленія и возвеличенія фатерланда. Конечно, грустно, что Карамзину пришлось помочь нѣмцу въ этомъ, но вина указаннаго печальнаго явленія лежитъ не на совѣсти великаго исторіографа. Онъ былъ добрый отчизнолюбецъ и смѣло подалъ свою знаменитую записку о древней и новой Россіи императору Александру I, который сознательно въ ущербъ интересамъ кореннаго населенія ласкалъ и одарялъ привилегіями окраины въ то время, какъ центральная Россія стонала подъ гнетомъ всяческаго безправія, крѣпостничества и иныхъ угнетеній. Дѣло въ томъ, что для успѣха изданія своей исторіи Карамзину приходилось очень считаться съ Шлецеромъ. Помимо установившагося научнаго авторитета геттингенскаго профессора, тогдашніе высшіе правящіе круги Россіи не только были настроены германфильски, но въ значительной степени состояли изъ германцевъ отечественныхъ и пришлыхъ, и эти самые правящіе круги подчинили Карамзина Шлецеру. Именно первый томъ своей исторіи, гдѣ говорится о происхожденіи Русскаго государства и древнихъ славянахъ, Карамзинъ долженъ былъ представить Шлецеру на цензуру и одобреніе. Естественно, что при такихъ условіяхъ онъ долженъ былъ считаться со своимъ цензоромъ, который былъ извѣстенъ какъ мелко самолюбивый человѣкъ. При такихъ условіяхъ Карамзину трудно было сохранить полную самостоятельность взглядовъ, хотя онъ и боролся за нее. Дѣло нашего времени указать причину червоточины въ первомъ томѣ «Исторіи Государства Россійскаго» и отнести ее не на счетъ Карамзина, а того тлетворнаго нѣмецкаго вліянія, которое съ давнихъ поръ подтачивало Россію. Присутствовавшіе наградили профессора Грибовскаго шумными одобреніями.

Къ юбилею К. А. Военскаго. 19-го декабря исполнилось 35-лѣтіе государственной службы и учено-литературной дѣятельности члена главнаго управленія по дѣламъ печати камергера К. А. Военскаго, автора ряда цѣнныхъ изысканій въ области отечественной исторіи. Имя юбиляра давно уже пользуется вполне заслуженною извѣстностью выдающагося знатока эпохи Отечественной войны, неустанно разрабатывающаго подробности этого величественнаго момента нашего прошлаго. Литературный формуляръ К. А. Военскаго, начатый имъ сразу послѣ лицейской скамьи, весьма пространенъ и хорошо знакомъ всякому, кому приходилось обращаться съ историческими вопросами къ временамъ Александра I и Наполеона. Трудно указать какое-либо изданіе историческаго характера, гдѣ бы не встрѣчалась статья К. А. Военскаго, едва ли не потерявшаго счетъ своимъ работамъ и тѣмъ ученымъ обществамъ, куда завербовала его многолѣтняя усидчивая работа К. А. Военскій прекрасно извѣстенъ во французскихъ академическихъ кругахъ, давно признавшихъ глубокую освѣдомленность русскаго ученаго въ подробностяхъ эпохи директоріи и первой имперіи и почтившихъ его «золотыми пальмами». Съ 1904 года К. А. Военскій съ высочайшаго соизволенія откомандированъ въ распоряженіе великаго князя Михаила Александровича для разработки историческихъ матеріаловъ по бытовой и дипломатической сторонѣ войны 1812 г. Его дѣятельность въ послѣдней области отмѣчена

къ юбилею Отечественной войны рескриптомъ великаго князя, принявшаго труды К. А. Военскаго подъ свое особое покровительство. К. А. Военскій является обладателемъ огромной специальной исторической библиотеки, насчитывающей свыше 10.000 томовъ. Его книжное собраніе на всѣхъ почти языкахъ отражаетъ все ту же эпоху и имѣетъ едва ли не единственнаго конкурента себѣ въ библиотекѣ московскаго музея 1812 г. Библиотека К. А. Военскаго щеголяетъ такими «раритетами» по своей специальности, что работавшимъ въ ней приходилось только удивляться исключительной энергіи и удачливости собирателя. Редакція «Историческаго Вѣстника» пользуется случаемъ, чтобы выразить своему стародавнему сотруднику и другу наилучшія чувства, съ пожеланіемъ ему еще долгой плодотворной работы на нивѣ отечественнаго просвѣщенія.

Юбилей кн. Д. П. Голицына-Муравлина. 19-го декабря исполнился тридцатипятилѣтній юбилей литературной, общественной и государственной дѣятельности князя Дмитрія Петровича Голицына. Въ литературѣ Д. П. извѣстенъ русскимъ читателямъ подъ псевдонимомъ Муравлина. Д. П. родился въ 1866 г. въ Висбаденѣ, воспитывался въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1881 г. На литературномъ поприщѣ кн. Д. П. Голицынъ выступилъ въ апрѣлѣ 1879 г. Въ этомъ году въ «Живописн. Об.» появилось первое его стихотвореніе. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ романовъ: «Теноръ», «Баба», «Мракъ», «Хворь», «Около любви», «Рубли», «Дѣти», «Вавилоняне». Кромѣ того, отдѣльнымъ изданіемъ напечатаны слѣдующіе сборники его повѣстей и рассказовъ: «Поззія», «Князь», «Не убій», «Судъ идетъ», «Въ толпѣ», «Будни» и «Въ Петербургѣ». Въ 1898 году вышла роскошно изданная книга «У синя моря», представляющая очерки Черногоріи и Далмаціи. Эта книга—плодъ долгихъ странствованій кн. Д. П. Голицына. Для театра кн. Д. П. Голицынъ написалъ не мало. Помимо мелкихъ статей и рецензій о театрѣ, его перу принадлежатъ слѣдующія пьесы: 1) «Кража», въ 1 актѣ (поставлена на сценѣ Императорскихъ театровъ въ 1890 г.); 2) «Баба», въ 5 актахъ, поставлена на сценѣ театра г. Амфитеатрова въ 1898 г. (Написана въ сотрудничествѣ съ В. А. Тихоновымъ); 3) «Максимъ Сумбуловъ», поставленный на сценѣ Литературно-Художественнаго общества въ 1899 г.; 4) драматическія сказки въ стихахъ «Сонъ Услады», «Кашей», шедшія на сценѣ театра Литер.-Худож. об-ва въ 1903—4 г.г. Многія изъ его сочиненій переведены на иностранные языки: на французскій «Теноръ», «Баба», «Мракъ» и «Поззія»; на нѣмецкій: «Хворь», «Около любви», «Рубли», «Не убій»; на итальянскій: «Хворь», «Около любви», «Рубли», «Не убій».

Полувѣковой юбилей публицистической дѣятельности Н. А. Скроботова. 31-го декабря бывшій редакторъ «Петроградскаго Листка» Н. А. Скроботовъ справлялъ рѣдкій въ жизни тружениковъ пера юбилей—50-лѣтіе полувѣковой журнально-газетной и публицистической работы. Юбиларъ, родившійся въ 1841 г. въ Нарвѣ въ духовной семьѣ и получившій образованіе въ петроградской духовной семинаріи и университетѣ, началъ свою литературную дѣятельность еще на студенческой скамьѣ въ «Русскомъ Инвалидѣ» въ 1866 г. Послѣ того Н. А. Скроботовъ работалъ чуть ли не во всѣхъ тогдашнихъ газетахъ и жур-

налажь, а въ 1869 г. вошелъ въ составъ сотрудниковъ «Петр. Листка», сперва въ качествѣ секретаря редакціи, а съ 1884 г. занялъ мѣсто фактическаго руководителя газеты, во главѣ которой онъ потомъ оставался беззмѣнно въ продолженіе 35 лѣтъ. Можно сказать, что нынѣшній «Петроградскій Листокъ» обязанъ всемъ своимъ успѣхомъ Н. А. Скроботову, который былъ душой этой газеты. Угадавъ потребность извѣстныхъ слоевъ столичнаго населенія въ доступномъ и освѣдомленномъ въ событіяхъ столичной жизни органѣ, Н. А. Скроботовъ приложилъ громадную энергію и весь приобретенный многолѣтней газетной работой опытъ на то, чтобы изъ руководимой имъ газеты создать именно такой органъ печати. Во время своего редакторства Н. А. Скроботову пришлось пережить не мало неизбѣжныхъ для каждаго журналиста непріятностей. Для столичныхъ обывателей Н. А. Скроботовъ принесъ не мало пользы откровеннымъ обличеніемъ различнаго рода темныхъ дѣльцовъ, присосавшихся къ нашимъ муниципальнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Общественная дѣятельность Н. А. Скроботова неоднократно получала должную оцѣнку со стороны и печати и общества, тепло привѣтствовавшихъ его на прежнихъ юбилеяхъ его литературно-публицистической дѣятельности.

И. В. Шпажинскій. Въ декабрѣ исполнилось 40-лѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго драматурга Ип. Вас. Шпажинскаго. На литературное поприще онъ выступилъ въ 1876 году, подъ псевдонимомъ Ив. Везовскаго, пьесой «Вопросы жизни», которая шла въ томъ же году на сценѣ московскаго артистическаго кружка. За этимъ имъ почти одновременно были написаны нѣсколько комедій и драмъ: «Лакомый кусочекъ», «Маіорша», «Соловушка» и длинный рядъ другихъ пьесъ, шедшихъ въ свое время на сценѣ императорскихъ театровъ, и по сей часъ удержавшихся въ репертуарѣ провинціи. За драму «Двѣ судьбы» Шпажинскій получилъ Грибоѣдовскую премію и онъ же имѣетъ нѣсколько премій Вучины и академіи наукъ. Въ 1881 году впервые появилась драма «Кручина», ставшая одною изъ репертуарныхъ пьесъ и выдержавшая 1016 представленій къ 25-лѣтнему юбилею маститаго драматурга. Всѣ пьесы И. В. написаны хорошимъ литературнымъ языкомъ, сценичны, богаты выигранными монологами, и многіе крупные артисты держали ихъ въ своемъ репертуарѣ. Покойный К. В. Варламовъ, напримѣръ, никогда не разставался со своею ролью въ «Фофанѣ». Многія изъ пьесъ И. В., какъ, напримѣръ, «Маіорша» и «Чародѣйка», переведены на французскій, нѣмецкій и чешскій языки. Онѣ сохраняютъ свою свѣжесть, въ то время какъ другія сильно устарѣли: «Вольная волюшка», «Княгиня Курагина», «Темная сила», «Жертва», «Лучъ» и «Простая исторія». Послѣднія пьесы Шпажинскаго: «Княжна Тараканова», «Самозванка» и «Сфинксъ» шли въ петроградскомъ Маломъ театрѣ Суворина лѣтъ пять назадъ. Театральному міру И. В. громко извѣстенъ, какъ предсѣдатель общества русскихъ драматическихъ писателей, гдѣ онъ завоевалъ себѣ почетное имя.

Старая Москва по дѣламъ московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ ¹⁾. 5-го октября въ засѣданіи комиссіи по изученію старой Москвы при москов-

¹⁾ Сообщилъ М. С. Померанцевъ.

скомъ археологическомъ обществѣ И. Я. Стеллецкій прочиталъ интересный докладъ «Старая Москва по дѣламъ московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ». Докладчикъ обрисовалъ то состояніе, въ которомъ находится въ настоящее время этотъ архивъ. Заключая въ себѣ почти миллионъ документовъ, относящихся къ концу XVIII в. и первой половинѣ XIX в., московскій губернский архивъ старыхъ дѣлъ является однимъ изъ богатѣйшихъ архивныхъ сокровищъ Россіи, но, по странной ироніи судьбы, этотъ драгоценный кладъ русской исторіи и археологіи пребываетъ для широкихъ круговъ русскаго общества малоизвѣстнымъ и труднодоступнымъ, не только потому, что для права заниматься въ немъ необходимо разрѣшеніе губернатора, но еще больше потому, что дѣла архива хранятся нерѣдко въ плачевномъ состояніи, въ старыхъ кремлевскихъ и китай-городскихъ башняхъ, не всегда доступныхъ даже для служащихъ архива. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была образована междувѣдомственная коммиссія по разбору документовъ архива, временно прекратившая въ настоящее время свои дѣйствія по обстоятельствамъ военнаго времени. Въ шкапахъ губернскаго правленія хранится свыше 2 десятковъ описей архива, изъ коихъ докладчикомъ просмотрѣна только ничтожная часть, относящаяся къ дѣламъ старой Москвы. Но и по этой части можно судить о подлинныхъ богатствахъ забытаго архива. Просмотрѣнныя описи относятся къ дѣламъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ конца XVIII в. и начала XIX в.: канцеляріи московскихъ военныхъ генераль-губернаторовъ и гражданскихъ губернаторовъ, губернскихъ прокуроровъ, московской цензуры, департаментовъ верхней расправы, губернскаго магистрата, верхняго и нижняго надворныхъ судовъ, верхняго земскаго суда, уѣзднаго суда и казенной палаты; кромѣ того, есть цѣнная опись плановъ и чертежей, хранящихся въ губернскомъ архивѣ. Изъ дѣлъ, касающихся администраціи, можно отмѣтить дѣла: о бытіи Еропкину главнокомандующимъ въ Москвѣ и Московской губерніи, о дѣлахъ военнаго губернатора Архарова, рапорты оберъ-полицеймейстеровъ, дѣла объ опредѣленіи чиновниковъ на должности, увольненіи ихъ и награжденіи чинами, послужные списки чиновниковъ. Встрѣчаются дѣла, относящіеся къ высочайшимъ особамъ и двору: о бракосочетаніи великаго князя Константина Павловича, собственноручное письмо митрополита Платона о рожденіи великой княгини Ольги Павловны, о коронаціи Александра I, объ экстренномъ постоѣ и наймѣ домовъ по случаю высочайшаго пребыванія въ Москвѣ въ 1817 г., о путешествіи эрцгерцога Иосифа, о показаніи рѣдкостей къ Кремль гольштейнъ-ольденбургскому принцу, о пособіи въ слѣдованіи судну съ яшмовыми колоннами для высочайшаго двора и друг. дѣла. Любопытны дѣла о различныхъ московскихъ сооруженіяхъ и исправленіи «ветхостей», какъ, напр., о сломкѣ Годуновскаго дворца въ Кремль, о водоотводномъ каналѣ, о препровожденіи судовъ съ памяникомъ Минину и Пожарскому (1817 г.), объ отдѣлкѣ москворѣцкаго берега дикимъ камнемъ, о построеніи арсенала, объ исправленіи потѣшнаго дворца, о ветхости кровли надъ колоколомъ, въ Кремль лежащимъ, о составленіи Москвѣ атласа съ фасаднымъ планомъ. Изъ плановъ и чертежей, хранящихся въ архивѣ, можно отмѣтить: планъ Москвы съ выгонною землею, геометрическій планъ Москвы, три плана поперечныхъ разрѣзовъ Воробьевыхъ горъ (1827 г.), планъ

проекта механика Лебедева «на вынутіе» изъ ямы большого колокола, чертежи для подъема большого московскаго колокола и чертежи колокола, находящагося въ Кремлѣ въ ямѣ. Значительное количество дѣлъ связано съ событіями Отечественной войны 1812 г., таковы, напр., дѣла о выдачѣ суммъ на обстройку обгорѣвшихъ домовъ обывателей московской столицы, о разграбленіи купцомъ Кольчугинимъ вмѣстѣ съ французами имущества кн. Трубецкаго, о мальчикѣ Глѣбовѣ, вышедшемъ изъ Москвы при непріятелѣ, о бумагахъ, взятыхъ въ 1812 г. въ герцогствѣ Варшавскомъ, о предположеніи соорудить на Бородинскомъ полѣ церковь и объ отправленіи какъ тамъ, такъ и въ Москвѣ по убиеннымъ 26 августа панихиды. Встрѣчаются дѣла о театрахъ: о Петровскомъ театрѣ (1805 г.), о помѣщеніи въ домѣ Пашкова театра, о репертуарѣ театра, о заведеніи иностранцемъ Коленѣмецкаго театра. Заслуживаютъ вниманія дѣла: о запрещеніи книги «Опытъ о просвѣщеніи относительно Россіи», дѣло о масонахъ и описъ библіотеки Новикова, о содержаніи Новикова въ Суздальскомъ монастырѣ, о сочиненіяхъ Вольтера (1791 г.), о запрещеніи иезуитамъ открывать училища, о книгахъ, выписанныхъ изъ Германіи для московскаго университета. Докладчикомъ были упомянуты, кромѣ того, дѣла о числѣ жителей Москвы, о цѣнахъ на жизненные и хлѣбные припасы, о таксѣ на съѣстные припасы, о наблюденіи полиціи за чистотою и опрятностію въ столицахъ, о прекращеніи «шибкой» ѣзды въ Москвѣ, дѣла, характеризующія тогдашніе нравы, какъ, напр., о капитаншѣ, засѣкшей дѣвку, о генераль-лейтенантѣ Домбровскомъ, увезшемъ Яковлеву дѣвку и т. п. Нерѣдко встрѣчаются дѣла съ курьезными заглавіями: напр., «о прещеніи французу показывать невидимку», «о воспрещеніи въ Москвѣ вредныхъ неприличностей: куренія табаку, пусканія змѣевъ и о прочемъ», «о составленіи медицинскимъ чинамъ консиліума для предохраненія отъ болѣзней жителей отъ нечистоты рѣки Яузы». Такимъ образомъ, жизнь старой Москвы всесторонне и разнообразно отразилась въ документахъ губернскаго архива старыхъ дѣлъ. Въ заключеніе своего доклада И. Я. Стеллецкій выразилъ мысль о томъ, что правильная научная разработка богатствъ архива начнется только съ осуществленіемъ составленнаго при П. А. Столыпинѣ законопроекта о постройкѣ особаго зданія для этого «таинственнаго» архива.

НЕКРОЛОГИ.

БАБЕЦКІЙ, Е. М. 9-го декабря въ Харьковѣ скончался на 57 году жизни старѣйшій работникъ печати, сотрудникъ «Южнаго Края» Е. М. Бабецкій, проработавшій въ газетѣ свыше 36 лѣтъ. Покойный сотрудничалъ также во многихъ петроградскихъ и московскихъ газетахъ, между прочимъ и въ «Раннемъ Утрѣ», а также въ журналѣ «Театръ и Искусство». Е. М. Бабецкій часто выступалъ въ качествѣ драматическаго писателя и переводчика. Кромѣ переводовъ драматическихъ пьесъ, сдѣлалъ очень много переводовъ оперъ. Покойный около 20 лѣтъ состоялъ агентомъ общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ и пять лѣтъ уполномоченнымъ императорскаго театральнаго общества. (Некрологъ его «Голоса Утра» № 285).

† **Витмеръ, А. Н.** 25-го ноября скончался въ Ялтѣ извѣстный писатель и постоянный сотрудникъ «Историческаго Вѣстника» А. Н. Витмеръ. Родился онъ въ 1839 году въ семьѣ съ чисто русскими традиціями, несмотря на ея иноземную, датскую фамилію (мать покойнаго, рожденная Баранова, происходила изъ русскаго дворянскаго рода крымско-татарскаго происхожденія), и смолоду служилъ въ славномъ лейбъ-гвардіи Гродненскомъ гусарскомъ полку. Въ чинѣ поручика этого полка онъ участвовалъ въ геройскомъ дѣлѣ при Сендзіовицахъ 14-го августа 1863 года. Въ слѣдующемъ, 1864 году, несмотря на свою молодость (25 лѣтъ) и скромный еще чинъ, покойный занялъ кафедру тактики въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, гдѣ его учениками сдѣлались вскорѣ М. Д. Скобелевъ, затѣмъ А. Н. Куропаткинъ и многіе другіе выдавшіеся впоследствии представителями нашей армии. Скобелевъ былъ дважды обязанъ А. Н. Витмеру спасеніемъ своей военной карьеры: разъ, когда ему грозило исключеніе изъ академіи за небрежное посѣщеніе лекцій и недостаточное усердіе въ обязательныхъ занятіяхъ, другой—когда ему грозила тяжкая дисципли-

нарная кара за его несдержанность. Въ 1869 году А. Н. былъ командированъ за границу для ознакомленія съ прусскою и французскою арміями. Вернувшись изъ этой командировки передъ самымъ началомъ франко-прусской войны, А. Н. со свойственной ему прозорливостью доказывалъ, наперекоръ преобладавшему тогда мнѣнію, что при встрѣчѣ съ пруссаками французская армія обречена на катастрофу. Съ той же прозорливостью покойный въ началѣ русско-турецкой войны 1877—78 г.г. предпрѣдѣлилъ наиболѣе выгодное мѣсто переправы черезъ Дунай нашей арміи. Въ концѣ этой войны А. Н. былъ приглашенъ Г. И. Бутаковымъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ адмираловъ русскаго флота и умнѣйшимъ человѣкомъ, себѣ въ помощники (въ должности начальника штаба) въ дѣлѣ созданія береговой обороны Финскаго залива въ виду грозившей намъ тогда войны съ Англійей и Австріей. Блестяще выполнивъ свою задачу по укрѣпленію Свеаборга, А. Н. вслѣдъ за тѣмъ вышелъ въ чинѣ генералъ-майора въ отставку, исключительно по слабости здоровья, которое требовало леченія въ южномъ климатѣ. Онъ поселился въ Ялтѣ, гдѣ всецѣло отдался сельскому хозяйству и службѣ въ земствѣ, много поработавъ за это время въ дѣлѣ улучшенія нашего виноградарства, винодѣлія и табаководства. Только когда здоровье его настолько окрѣпло, что онъ получилъ возможность снова проживать часть года въ столицѣ, А. Н. началъ посвящать свои досуги литературнымъ занятіямъ. Кромѣ нѣсколькихъ специально военныхъ работъ, покойный еще въ 1869 году издалъ критическій очеркъ подъ заглавіемъ «1812 годъ въ «Войнѣ и мирѣ», въ которомъ высказалъ весьма рѣзкія возраженія противъ историческихъ взглядовъ графа Л. Н. Толстого въ его безсмертной эпопее. Въ 1880 г. А. Н. выпустилъ въ свѣтъ обширное свое изслѣдованіе о французскихъ военныхъ учрежденіяхъ конца XVIII вѣка, о вліяніи ихъ на ходъ революціонныхъ войнъ и критическій разборъ кампаніи 1800 года въ Италиі. Позже имъ были изданы, уже въ видѣ воспоминаній подъ общимъ заглавіемъ: «Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ», превосходныя, полныя жизненности характеристики М. Д. Скобелева («Скобелевъ и его юность»), К. В. Левицкаго («Генералъ Левицкій. Столкновеніе его со Скобелевымъ»), адмирала Г. И. Бутакова, очеркъ «Будущія задачи нашего флота», длинный рядъ воспоминаній, наблюденій и мастерскихъ характеристикъ, появившихся въ «Русской Старинѣ», «Морскомъ Сборникѣ» и, наконецъ, множество публицистическихъ статей, въ которыхъ А. Н. всегда живо отзывался на текущія, преимущественно военныя событія. Нѣкоторыя изъ этихъ статей появились въ «Новомъ Времени» (послѣдняя—весной этого года). Нѣсколько статей А. Н. были специально посвящены вопросу о флотѣ, причѣмъ покойный былъ убѣжденнымъ и прозорливымъ сторонникомъ всѣхъ новѣйшихъ средствъ борьбы, выдвигаемыхъ военно-морскою техникой. Покойный страстно любилъ литературу и былъ писателемъ, отзывчивымъ на вопросы «дня»; несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ до конца своихъ дней сохранилъ способность глубоко проникать въ окружающую его дѣйствительность, волноваться политическими злобами и быстро набрасывать на бумагу свои думы и размышленія по вопросамъ, его особенно интересовавшимъ. Въ текущую войну имъ въ подлежащія инстанціи направлены были многія записки по вопросамъ современной тактики и стратегіи.

В портфель редакціи «Историческаго Вѣстника» еще имѣется рукопись покойнаго, которая въ настоящемъ году будетъ нами напечатана. Также мы надѣмся дать о немъ воспоминанія лицъ, его близко знавшихъ съ приложеніемъ портрета автора.

† **Евсенинъ, И. А.** «Иванъ Евсенинъ замерзъ въ тайгѣ»—таково лаконическое скорбное извѣстіе, которое было сообщено въ газеты по телеграфу. Иванъ Аванасьевичъ Евсенинъ родился 29-го мая 1884 года. Во время памятнаго 1905 года и послѣдующихъ годовъ покойный принимаетъ дѣятельное участіе въ рабочемъ движеніи, въ дѣятельности профессиональнаго союза булочниковъ въ Москвѣ, служа рабочимъ на конфектной фабрикѣ Дингъ, и въ 1909 г. по приговору московской судебной палаты за принадлежность къ с.-д. партіи попадаетъ въ ссылку на поселеніе въ Иркутскую губернію. Для отбыванія ему былъ назначенъ, какъ и полагается большинству политиковъ, суровый край сѣверной части Киренскаго уѣзда. Пишущему эти строки тамъ и пришлось встрѣтиться съ Н. А. въ заброшенномъ селѣ Петропавловскомъ, въ 85 верстахъ къ сѣверу отъ Киренска, въ августѣ 1910 года, когда онъ съ ленской партіей прибылъ въ это село. Уже изъ Москвы онъ пріѣхалъ съ расшатаннымъ здоровьемъ, съ сильной склонностью къ туберкулезу. Всѣхъ поражала ссылка явно больного человѣка въ глухую отдаленную область. Черезъ три мѣсяца его перевели въ село Братское, Балаганскаго уѣзда, гдѣ онъ могъ жить въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ, климатическихъ и культурныхъ, а въ 1912 году онъ получилъ разрѣшеніе на переездъ въ Иркутскъ, гдѣ и жилъ все послѣдующее время, занимаясь литературной работой, помѣщая статьи и беллетристическія произведенія въ газетахъ. Весьма живой и отзывчивый на всѣ вопросы общественной жизни, интересующійся и научными вопросами, главнымъ образомъ изъ области этнографіи Сибири и быта сибирскихъ инородцевъ, И. А. помѣстил за послѣдніе годы рядъ статей изъ быта сибирскихъ инородцевъ, а отчасти на общественныя темы (по рабочему вопросу) въ «Сибирской Жизни», въ «Молодой Сибири», въ «Сибирской Нови», въ «Сибирскомъ Студентѣ», въ меньшевистскомъ органѣ «Лучъ» и др., дѣятельно работалъ въ иркутскомъ музеѣ восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго географическаго общества и въ иркутскомъ же отдѣлѣ общества изученія Сибири. Надо было удивляться, какую любознательность и энергію проявлялъ этотъ рабочий-самоучка, самому себѣ обязанный своимъ духовнымъ развитіемъ, въ изученіи вопросовъ мѣстной этнографіи, не покидая въ то же время интереса и къ общественнымъ вопросамъ. Кашляя и хватаясь за грудь, И. А. цѣлыми часами готовъ былъ вести бесѣды по вопросамъ этнографіи и общественности. Онъ живо интересовался бытомъ инородцевъ не по книгамъ только, а старался изучить ихъ жизнь на мѣстѣ, и во время одной изъ такихъ поѣздокъ къ карагасцамъ, о которыхъ онъ помѣстил недавно статьи въ «Сибирской Жизни», онъ, очевидно, и погибъ.. (Некрологъ его: «Сибирская Жизнь» № 276).

† **Ермоловъ, А. С.** 4-го января скончался выдающійся государственный дѣятель, членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ. Покойный родился 12-го ноября 1847 года въ Тифлисѣ. Образованіе получилъ въ императорскомъ Александровскомъ лицейѣ и бывшемъ

петроградскомъ земледѣльческомъ институтѣ. Затѣмъ А. С. былъ прикомандированъ къ сельскохозяйственному музею, гдѣ работалъ надъ изученіемъ фосфоритовъ. Къ этому времени относится рядъ статей А. С. въ журналѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство», въ «Земледѣльской Газетѣ», въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества» и др. изданіяхъ. Эти статьи положили начало множеству дальнѣйшихъ печатныхъ работъ А. С. по различнымъ сельскохозяйственнымъ, техническимъ и экономическимъ работамъ. Съ 1871 года А. С. служилъ по министерству финансовъ, въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ исполнялъ должность старшаго редактора статистическаго отдѣла департамента земледѣлія и сельской промышленности. Состоя въ этихъ должностяхъ, А. С. не разъ исполнялъ отвѣтственные порученія. Въ 1879 году А. С. составилъ капитальный трудъ «Организація полевого хозяйства», выдержавшій нѣсколько изданій, а въ 1891 году издалъ книгу «Современные сельско-хозяйственные вопросы». Въ 1892 году А. С. занялъ постъ товарища министра финансовъ. Ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ присудилъ ему золотую медаль за особыя заслуги по сельскому хозяйству, а французское правительство пожаловало орденъ «*Mérite agricole*». 28-го мая 1893 года А. С. сталъ во главѣ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и этотъ постъ сохранялъ до 1905 года. За время управленія министерствомъ А. С. проявилъ много заботливости о развитіи сельско-хозяйственнаго образованія горнаго дѣла, кустарныхъ промысловъ, казенныхъ минеральныхъ водъ и т. п. Его же трудами была осуществлена мысль о культивированія казенныхъ участковъ на черноморскомъ берегу Кавказа. Неся трудныя обязанности министра земледѣлія А. С. не оставлялъ учено-литературной дѣятельности. Въ 1901—1905 годахъ имъ было издано капитальное сочиненіе «Народная сельско-хозяйственная мудрость» въ четырехъ томахъ: I—«Всенародный мѣсяцесловъ», II—«Всенародная агрономія», III—«Животный міръ въ воззрѣніяхъ народа», IV—«Народное погодовѣдѣніе». Ученая критика признала, что подобнаго сочиненія не существуетъ ни на одномъ европейскомъ языкѣ. Впослѣдствіи, въ 1908 году, А. С. составилъ небольшое дополненіе къ этому труду «Народныя примѣты на урожай». Много его статей было напечатано въ «Новомъ Времени». Въ своемъ имѣніи Рязскаго уѣзда Рязанской губерніи покойный устроилъ сельскохозяйственное опытное поле. Въ разгаръ аграрнаго движенія и проповѣди принудительнаго отчужденія земель онъ выпустилъ книгу: «Нашъ земельный вопросъ» и популярную брошюру «Слово о землѣ», въ которыхъ доказывалъ опасность примѣненія этого начала для культурнаго развитія страны. Тому же предмету посвящена составленная имъ на французскомъ языкѣ и изданная въ 1907 г. въ Парижѣ книга: «*La Russie agricole devant la crise agraire*». Книга эта имѣла за границу большой успѣхъ. (Некрологъ его: «Новое Время» № 14668, «Киевлянинъ» № 6 1917 года).

† **Злобинъ, И. М.** 30-го октября въ городѣ Казани скончался одинъ изъ славныхъ участниковъ русско-турецкой войны 1877—1878 г.г. и нынѣшней европейской войны инспекторъ артиллеріи казанскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ Иванъ Михайловичъ Злобинъ. И. М. родился 26-го сен-

тября 1854 года и происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Тульской губерніи. Воспитывался въ первой московской военной гимназіи и Александровскомъ военномъ училищѣ, по окончаніи котораго по первому разряду былъ выпущенъ въ 1873 году прапорщикомъ въ 14-ю артиллерійскую бригаду. Въ составѣ войскъ восьмого армейскаго корпуса И. М. совершалъ турецкую кампанію съ 12-го апрѣля 1877 года по 8-е сентября 1878 года. За боевыя отличія былъ награжденъ орденами св. Анны 4 степени съ надписью: «за храбрость», св. Станислава 2 и 3 степени съ мечами и бантомъ и чиномъ штабсъ-капитана. Въ 1895 году И. М. окончилъ «успѣшно» офицерскую артиллерійскую школу и былъ произведенъ въ подполковники, съ назначеніемъ командиромъ 5 батареи 33 артиллерійской бригады. Когда въ 1899 году для испытанія скорострѣльныхъ орудій, которыми затѣмъ была перевооружена наша артиллерія, было предложено назначить по одному командиру батареи отъ каждаго военнаго округа, то отъ кievскаго округа былъ назначенъ И. М. По окончаніи испытанія скорострѣльной батареи и представленіи объ этомъ отчета И. М. былъ дважды вызываемъ въ Петроградъ для участія въ составленіи устава стрѣльбы изъ скорострѣльныхъ орудій. Въ 1904 году И. М. былъ произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ 1 дивизиона 12 артиллерійской бригады, а затѣмъ переведенъ командиромъ 3 дивизиона 33 артиллерійской бригады. Во время японской войны И. М. былъ командированъ въ городъ Томскъ для завѣдыванія передовымъ конскимъ запасомъ, а затѣмъ вернулся обратно въ 33 артиллерійскую бригаду. 16-го января 1914 года И. М. былъ произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ командиромъ 13 артиллерійской бригады, а 16-го января 1914 года назначенъ и. д. инспектора артиллеріи 3 сибирскаго армейскаго корпуса, въ составѣ котораго участвовалъ въ нынѣшней европейской войнѣ съ августа 1914 года по декабрь 1915 года. Въ мартъ 1915 года И. М. былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты съ утвержденіемъ въ должности инспектора артиллеріи корпуса. За участіе въ бояхъ И. М. былъ награжденъ мечами къ ордену св. Станислава 1 степени, орденомъ святой Анны 1 степени и орденомъ св. Владиміра 2 степени. Въ 1916 году И. М. былъ назначенъ инспекторомъ артиллеріи казанскаго военнаго округа, въ каковой должности и состоялъ по день смерти. И. М. считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ артиллерійской стрѣльбы. Статьи И. М. по военнымъ вопросамъ неоднократно печатались въ «Русскомъ Инвалидѣ», «Развѣдчикѣ» и другихъ военныхъ журналахъ.

† **Соловьевъ, Н. Ѳ.** Скончавшійся 14-го декабря композиторъ Николай Ѳеопемптовичъ Соловьевъ родился въ Петроградѣ въ 1846 году. Онъ происходилъ изъ купеческой семьи, оставившей торговлю. Одинъ изъ братьевъ его былъ управляющимъ двора великаго князя Владиміра Александровича, а другой—личнымъ секретаремъ великой княгини Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской, матери нынѣ царствующей королевы Румыніи. Покойный готовился къ медицинской карьерѣ и по окончаніи гимназіи поступилъ въ медико-хирургическую академію, которую оставилъ, перейдя на второй курсъ. Любовь къ музыкѣ заставила его поступить въ консерваторію, гдѣ онъ потомъ, вмѣстѣ съ покойнымъ Римскимъ-Корсаковымъ и Югансономъ, 35 лѣтъ былъ

руководителемъ ея теоретическихъ классовъ и гдѣ получилъ званіе заслуженнаго профессора. Одно время онъ также стоялъ во главѣ придворной пѣвческой капеллы, но въ послѣдніе годы, по слабости здоровья, оставилъ ее и жилъ вдали отъ музыкальнаго міра. Это удаленіе не препятствовало ему относиться къ музыкальнымъ дѣламъ съ горячностью, которую онъ обнаруживалъ въ молодые годы, когда былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ борцовъ и пропагандистовъ музыкальнаго просвѣщенія. Сѣровъ замѣтилъ его, когда Соловьевъ былъ ученикомъ консерваторіи, и послѣ неожиданной смерти (въ 1871 году) автора «Юдиѣи» вдова послѣдняго поручила ему инструментовку и часть пятаго акта «Вражьей силы», оставшейся не исполнѣ законченною. Такимъ образомъ имя Соловьева сразу сдѣлалось извѣстнымъ въ нашемъ тогдашнемъ музыкальномъ мірѣ. Долгое время онъ дѣятельно занимался музыкальною критикою; ей онъ посвятилъ свыше 25 лѣтъ, работая въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Эти изданія, равно какъ и занятія въ консерваторіи, не помѣшали его творческимъ работамъ. Имъ написано, не говоря о многихъ болѣе мелкихъ произведеніяхъ, двѣ оперы: «Кузнецъ Вакула» и «Корделія», изъ которыхъ вторая съ громаднымъ успѣхомъ давалась на обѣихъ императорскихъ сценахъ въ Петроградъ и Москвѣ, а также за границею. «Вакула», написанный для конкурса русскаго музыкальнаго общества одновременно съ одноименною оперою Чайковскаго, обошелъ многія сцены. Большую энергію и авторитетъ проявилъ покойный, управляя пѣвческою капеллою, внутреннее управленіе которой привелъ въ порядокъ послѣ того, какъ оно расшаталось при его предшественникѣ, Аренскомъ. Изъ учениковъ его слѣдуетъ назвать рядъ выдающихся теоретиковъ и композиторовъ, какъ покойные П. Шенкъ, П. Евстафьевъ, А. А. Тарутинъ, М. Н. Ковригинъ, А. Б. Хессинъ, М. В. Владиміровъ и др. Покойный оставилъ «Курсъ гармоніи» (въ двухъ томахъ), составляющій цѣнный вкладъ въ теоретическую музыкальную литературу. (Некрологъ его: «Новое время» № 14649).

безоблачной и что только люди заставили его быть такимъ, каковъ онъ есть,—я живу, какъ вы, вѣроятно, догадываетесь, на казенной квартирѣ, но она очень недурна. При ней есть порядочный садъ. Апельсинныя деревья теперь въ самомъ цвѣту. Отъ нихъ такой нѣжный ароматъ.

Улица, въ которую они свернули, была такого же воинственнаго характера, какъ и казенный дворъ, и генералу то и дѣлу приходилось, въ отвѣтъ на «честь», любезно кивать головой во все стороны.

— Теперь въ Рондѣ довольно много солдатъ,—сказалъ онъ слегка пожимая руку Конингема, какъ бы въ знакъ своей готовности защищать его среди этихъ грубыхъ людей.—Теперь много говорятъ о готовящемся на югѣ возстаніи для поддержки нѣкоего Карберы, который постоянно грозитъ Мадридѣ. Говорятъ, что этотъ Кабрера великій полководецъ. Но онъ во всякомъ случаѣ не кабалеро. Жаль, не правда ли?

— Очень жаль,—поспѣшилъ согласиться Конингемъ, пользуясь нѣкоторымъ случаемъ вставить въ разговоръ свое слово.

— Надо принять нѣкоторыя мѣры противъ этого,—добродушно заговорилъ опять генераль.—Сколько еще найдется обманутыхъ энгузіастовъ. Мало ли среди нихъ такихъ, которые болѣе карлисты, чѣмъ самъ Донъ-Карлосъ?

— Вотъ мое бѣдное жилище,—продолжалъ генераль Винчене, бросая быстрый взглядъ на часового у дверей.—Я вдовецъ, но Богъ далъ мнѣ дочку, которая теперь уже въ такомъ возрастѣ, что можетъ управлять моимъ хозяйствомъ. Эстрелла постарается устроить васъ какъ можно удобнѣе, англичанинъ, да еще солдатъ, конечно, можетъ и пренебречь маленькими неудобствами.

Онъ закончилъ свою рѣчь добродушнымъ смѣхомъ. Нельзя было сопротивляться добродушію этого маленькаго генерала и не поддаться веселости, которою дышало его лицо.

Домъ, къ которому генераль подвелъ Конингема, стоялъ на широкой главной улицѣ, какъ разъ напротивъ лавокъ, гдѣ дѣлали и продавали бутылки изъ кожи. То былъ большой мрачный домъ, на дворѣ котораго не было ни обычнаго фонтана, ни обычныхъ апельсиновыхъ деревьевъ въ кадкахъ.

— Зато здѣсь есть садъ, пріятный и тѣнистый,—сказалъ генераль, указывая хлыстомъ на дверь.

Около широкой мавританской лѣстницы, украшенной тяжелой рѣзьбой, ихъ ожидало нѣсколько слугъ, отвѣсившихъ при ихъ приближеніи важный поклонъ. Ихъ было такъ много, что, кромѣ этихъ поклоновъ, имъ нечего было дѣлать.

— Гдѣ сеньорита?—спросилъ генераль.

— Сеньорита въ саду, ваше превосходительство,—отвѣчалъ одинъ изъ слугъ, съ виду настоящій придворный.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ сейчасъ же,—сказалъ генералъ и въ знакъ своего расположенія опять взялъ Конингема подъ руку.

Они пошли къ калиткѣ сада, которую передъ ними поспѣшно распахнули двое слугъ. Имъ въ лицо ударилъ аромать фіалокъ, цвѣтущихъ апельсинныхъ деревьевъ и сотенъ другихъ распускающихся почекъ. Яркое солнце ослѣпляло глаза, уже привыкшіе къ полусвѣту внутренняго двора.

Ронда—одно изъ самыхъ солнечныхъ мѣстъ во всемъ свѣтѣ, хотя здѣсь и нѣтъ удручающаго жара. Садъ былъ мавританскаго характера, по мраморнымъ, пожелтѣвшимъ отъ времени водопроводамъ всюду бѣжала вода, журча въ тѣни тропическихъ растений. Тихо плескался фонтанъ, словно шептались дѣти. Дорожки были посыпаны прекраснымъ бѣлымъ пескомъ изъ толченаго мрамора. Среди цвѣтовъ не было никакихъ сорныхъ травъ. Послѣ сѣрой и скучной сѣверной зимы этотъ садъ показался Конингему раемъ среди этого шумнаго, хлопотливаго міра. Здѣсь была тишина и спокойствіе и то ощущеніе вѣчности, которое навѣвается шумомъ бѣгущей или падающей воды. Трудно было повѣрить, что, стоя въ этомъ саду, видишь все это наяву и находишься на землѣ. Конингемъ протеръ глаза и инстинктивно обернулся къ своему спутнику, къ этому полнолицому румяному маленькому человѣку съ нѣжными, влажными глазами, глядѣвшими на міръ такъ добродушно и привѣтливо, который именовался генераломъ Винченче и былъ извѣстенъ во всей Испаніи какъ синонимъ кровожадности и жестокости

— Надо найти Эстреллу,—промолвилъ генералъ.

Онъ пошелъ впередъ по дорожкѣ, которая извивалась между миндальными и персиковыми деревьями въ полномъ цвѣту, между зачарованными эйкалиптами и перцовыми деревьями. Вдругъ онъ испустилъ легкій крикъ удовольствія и пошелъ впередъ быстрѣе.

Передъ Конингемомъ мелькнуло черное платье и мантилья, свѣтлые золотистые волосы и вѣеръ, поднятый до самыхъ глазъ.

— Эстрелла, у насъ гость г. Конингемъ, англичанинъ, который помнитъ Испанію еще въ тѣ времена, когда у насъ были безпорядки.

Конингемъ церемонно поклонился и выпрямился, чтобы взглянуть на лицо, которое показалось ему самымъ красивымъ въ свѣтѣ. Его веселые голубые глаза встрѣтились съ ея темными, и онъ какъ-то сразу почувствовалъ, что для него не существуетъ другой женщины въ мірѣ. Передъ нимъ словно сверкнула какая-то молнія, отчего вся прежняя его жизнь показалась ему сѣрой и безцвѣтной. Впрочемъ, онъ не испытывалъ никакого удивленія. Напротивъ, ему казалось, что онъ нашелъ что-то такое, что онъ давно искалъ.

Дѣвушка отвѣтила на его поклонъ легкимъ наклоненіемъ головы и улыбкой, которая тронула только ея ротъ: глаза попрежнему оставались глубокими и серьезными, несмотря на то, что ея лицо было еще очень молодо. Она отличалась той важностью осанки, которой славятся женщины Кастиліи. Орлиный носъ и гордо очерченныя губы говорили о нѣкоторой силѣ характера.

— Моя дочь говорить по-англійски гораздо лучше меня,— продолжалъ генераль съ обычной хвастливостью хорошаго семьянина и домосѣда.—Она окончила школу въ Англій, гдѣ училась— по совѣту моего друга Ватерсона—съ его дочерьми.

— И, должно быть, нашла Англію сѣрой и скучной въ сравненіи съ Испаніей?—подхватилъ Конингемъ.

— А вамъ, стало быть, понравилась Испанія?—не безъ любопытства спросилъ генераль.—Она правится всѣмъ англичанамъ. У насъ есть общіе вкусы, несмотря на Армаду, а?

Онъ отошелъ отъ Конингема и гулялъ съ дочерью, держа ее одной рукой за талію.

— Я чувствовала себя счастливой въ Англій,—сказала Эстрелла гостю, который шелъ рядомъ съ ней съ другой стороны.—Но вернуться въ Испанію было еще большимъ счастьемъ.

Голосъ у нея былъ довольно низкій, и Конингемъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, какъ будто онъ гдѣ-то уже слышалъ его.

— Почему вы уѣхали изъ Англій?—спросила она тономъ обычной бесѣды, который, повидимому, былъ усвоенъ здѣсь всѣми.

Этотъ вопросъ поставилъ англичанина нѣсколько въ тупикъ.

— У насъ теперь происходятъ безпорядки, политическіе безпорядки,—отвѣтилъ онъ, подумавъ.

— Чартисты,—весело сказалъ генераль.—Мы все знаемъ о нихъ, получая англійскія газеты. Я получаю ихъ для того, чтобы имѣть вѣрныя свѣдѣнія объ Испаніи.

Онъ вдругъ размѣялся и взглянулъ на дочь.

— По вечерамъ Эстрелла читаетъ ихъ мнѣ. Итакъ, вы уѣхали изъ Англій изъ-за чартистовъ?

— Да.

— А да вѣдь вы сами чартистъ, мистеръ Конингемъ.

— Совершенно вѣрно,—признался англичанинъ, немного подумавъ, и взглянулъ на Эстреллу.

VII.

Въ мавританскомъ саду.

Можетъ быть, не имѣетъ особаго значенія фактъ, что величайшая, самая жестокая и самая варварская междоусобная война новаго времени возникла вслѣдствіе вліянія одной женщины.

Когда умеръ въ 1833 г. испанскій король Фердинандъ VII, послѣ того, какъ его королевство было потрясено человѣческимъ циклономъ, именуемымъ Наполеономъ I, онъ завѣщалъ свое королевство, вопреки салическому закону, своей дочери Изабеллѣ. Братъ Изабеллы, донъ-Карлосъ, не замедлилъ предъявить свои права на престоль, ссылаясь на салическій законъ, по которому женщины исключались въ наслѣдованіи короны.

Эта искра зажгла пламя честолюбія во многихъ головахъ. Честолюбіе, кровожадность, жестокость, искательство и зависть—вотъ атмосфера, царившая въ Испаніи три четверти вѣка тому назадъ. Нѣкоторые стали на сторону королевы-регентши и объединились вокругъ королевы-ребенка, понимая, что этимъ они открываютъ себѣ путь къ почестямъ и славѣ. Другіе стеклись подъ знамена дона-Карлоса, ибо они были бѣдны и не имѣли никакого вліянія при дворѣ. Церковь подняла свои шепчущій голосъ также въ пользу претендента, въ остальныхъ слояхъ населенія вмѣсто патріотизма царило одно честолюбіе.

— Въ теченіе пяти лѣтъ намъ приходилось сражаться съ карлистами, голодомъ, всякими лишениями и съ политиканами въ Мадридѣ! Бога знаетъ, кто изъ этихъ враговъ хуже!—замѣтилъ генералъ, объяснивъ Конингему подробности испанской жизни.

И дѣйствительно, исторія войны съ карлистами читается теперь, какъ романъ. Въ ней принимали участіе три нейтральныя страны, приславшія сюда, какъ въ старину, три отряда своихъ наемниковъ. Изъ Англій высадилось девять тысячъ такихъ наемниковъ, готовыхъ сражаться за дѣло королевы Изабеллы. Платили имъ всего тринадцать пенсовъ въ день.

— Мы платимъ немного,—пояснилъ съ улыбкой извиненія генералъ Винченче:—но вѣдь и сражаться имъ приходится не много. Большею частью эти солдаты у насъ въ аррьергардѣ. Что дѣлать! Вы народъ коммерческій, и на оконныхъ выставкахъ у васъ прекрасные солдаты... А когда приходитъ покупатель, вы изъ-подъ прилавка вытаскиваете другихъ.

И онъ посмотрѣлъ на Конингема съ благосклонной снисходительностью, какъ бы давая понять, что въ коммерціи дѣло обычное.

Здѣсь не мѣсто излагать исторію англійскаго легіона въ Испаніи, тѣмъ болѣе, что онъ покинулъ эту страну еще до прибытія въ нее Конингема, напуганный жестокостью войны, въ которой врагу не давалось никакой пощады.

— Наша страна,—съ обычной слащавостью говорилъ Винченче,—многимъ обязана вашимъ землякамъ, но для насъ обоихъ было бы лучше, если бы мы были вамъ обязаны еще больше.

За пять лѣтъ до прибытія Конингема въ Ронду война свирѣпствовала здѣсь съ ужасающей яростью, перекидываясь съ запада на востокъ и обратно, въ зависимости отъ того, какъ шли дѣла кар-

листовъ. Одно время казалось, что войска королевы-регентши не въ состояніи остановить возстанія, которое грозило распространиться по всей Испаніи. Генераль Винченче, подобно другимъ, былъ убѣжденъ, что, будь живъ предводитель карлистовъ Зумалакарррэги, онъ смель бы все передъ собой. Этотъ великій вождь, любимый солдатами, обожаемый офицерами, умеръ внезапно, какъ говорили, отъ яда, и на востокъ Испаніи поднялся новый вождь, человѣкъ низкаго происхожденія, никому неизвѣстный. Безпокойный и удивительный Кабрера быстро достигъ зенита военной славы. Его имя теперь живетъ въ каждой каталонской семьѣ, и стоитъ только вспомнить о немъ, какъ загораются глаза тѣхъ немногихъ теперь стариковъ, которые сражались противъ него или за него.

Среди вождей, которые напрасно пытались преодолѣть при помощи патріотизма и ловкости тысячи затрудненій, которыя создалъ рядъ неискреннихъ и неустойчивыхъ военныхъ министровъ, генераль Винченче занималъ выдающее мѣсто. Мягко стлавшій всѣмъ тактикъ имѣлъ репутацію непобѣдимости и неподкупности. Его присутствіе, съ его обычной улыбкой на полѣ битвы, стоило нѣсколькихъ батальоновъ, а мадридскіе политики, продававшіе цѣлый рядъ лѣтъ свое вліяніе ради собственнаго обогащенія, боялись и невольно уважали его.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ своего освобожденія отъ тюрьмы Фредерикъ Конингемъ узналъ многое отъ своего хозяина, но самъ онъ оставался для него неясенъ, ибо въ генераль Винченче было то, чего не будетъ открывать ни одинъ вождь, по какому бы пути жизни онъ ни шелъ,—глубина мысли и чувства.

Конингемъ часто гулялъ съ Эстреллой по мавританскому саду за высокими стѣнами. Нерѣдко журчаніе воды въ фонтанѣ, придающимъ такую прелесть мавританскимъ садамъ, было единственнымъ звукомъ, нарушавшимъ тишину. Этотъ звукъ, поразившій слухъ англичанина первый разъ въ жизни, заставилъ его чувствовать себя какъ-то неловко, лишалъ привычной увѣренности въ себѣ. Эстрелла, напротивъ, обнаруживала такое *savoir vivre*, которое какъ-то странно было видѣть въ лицѣ такой молодой особы. Ей было едва девятнадцать лѣтъ, но въ ней уже проявлялось что-то властное, переданное ей по наслѣдству отъ цѣлаго ряда благородныхъ мужчинъ и женщинъ.

— Неужели всѣ ваши земляки относятся къ жизни такъ весело?—спросила она однажды Конингема.—Вѣдь жизнь есть нѣчто гораздо болѣе серьезное, чѣмъ это обыкновенно думаютъ.

— Я никогда не считалъ этого серьезнымъ, сеньорита. Человѣческія дѣла, если къ нимъ присмотрѣться, всегда вызываютъ лишь улыбку.

— И это всегда подтверждалось вашими наблюденіями?

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Да, сеньорита,—медленно сказалъ онъ, поднимая надъ собой вѣтку мимозы, которая загоразивала золотистый просвѣтъ дорожки.

— А помните вы смерть вашего отца?

— Онъ занимался ремесломъ доктора и не боялся этого.

Эстрелла улыбулась, но сейчасъ же стала опять серьезной.

— А случалось ли вамъ быть бѣднымъ и, можетъ быть, умирать съ голоду?

— О, я всегда былъ бѣденъ и даже очень бѣденъ, сеньорита,— съ веселымъ смѣхомъ сознался Конингемъ.—Случалось нерѣдко и голодать: на аппетитъ нельзя было жаловаться, а ресурсы мои были невелики. Но вотъ я скоро поступлю въ испанскую армію, меня сдѣлають генераломъ, и тогда все пойдетъ отлично.

Онъ опять засмѣялся и сунулъ руку въ карманъ жакетки.

— Вотъ,—продолжалъ онъ.—Видите. Это рекомендательное письмо вашего отца къ генералу Эспартеро.

По ошибкѣ онъ вынулъ письмо въ розовомъ конвертѣ, то самое, которое ему вручилъ Ларральдъ.

— Нѣтъ, это не то,—сказалъ онъ, роаясь въ другомъ карманѣ.— Вотъ оно. Видите адресъ: генералу Эспартеро герцогу Витторіо.

И онъ показалъ ей адресъ, который она прочла, слегка наклонивъ голову, какъ бы въ знакъ почтенія къ великому имени, написанному на пемъ.

Конингемъ опустилъ опять письмо въ карманъ и вдругъ спросилъ:

— Не знаете ли вы въ Рондѣ нѣкую Баренну, сеньорита?

Такой вопросъ доказывалъ только, что генералъ Эспартеро сдѣлалъ бы величайшую ошибку, если бы далъ ему назначеніе, требующее хоть маленькихъ дипломатическихъ способностей.

— Юлія Баренна—моя двоюродная сестра. Моя мать и ея мать были сестры. А вы знаете ихъ, сеньоръ?

— О, нѣтъ,—простоудушно отвѣчалъ Конингемъ.—Я встрѣтился съ однимъ изъ ихъ знакомыхъ. Онѣ живутъ въ Рондѣ?

— Нѣтъ. Ихъ домъ стоитъ на Кордовской дорогѣ, въ полумилѣ отъ таможни.

Эстрелла по натурѣ была не любопытна и не разспрашивала его больше. Знакомые Баренновъ съ удовольствіемъ считали бы себя въ числѣ знакомыхъ генерала Винченге и его дочери, по этого не было въ дѣйствительности. Генералъ-капитанъ вращался въ кругахъ близкихъ къ королевѣ-регентшѣ и очень мало соприкасался съ обществомъ Ронды.

Конингемъ ограничился полученными свѣдѣніями и черезъ минуту уже забылъ о письмѣ. За послѣдніе дни событія шли такъ быстро, а міръ придорожныхъ гостиницъ и случайныхъ знакомствъ, которыя онъ было завелъ по пріѣздѣ въ Испанію, былъ совершенно чуждъ Эстреллѣ.

— Я долженъ скоро ѣхать въ Мадридъ, и самое большее—черезъ нѣсколько дней,—началъ онъ, немного помолчавъ.—По поѣду туда противъ своего желанія: вы изволили сказать, что ни вы, ни вашъ отецъ не посѣтите сѣвера ранѣ весны.

Эстрелла, слегка размѣявшись, покачала головой. Этотъ человекъ былъ совершенно не похожъ на тѣхъ вылощенныхъ адъютантовъ, которые до сего времени съ такой почтительностью просили у нея разрѣшенія засвидѣтельствовать ей свое почтеніе.

— Три дня тому назадъ вы и не подозрѣвали о нашемъ существованіи,—замѣтила она.

— Въ три дня человекъ можетъ умереть отъ болѣзни, существованія которой онъ и не подозрѣвалъ, сеньорита. Въ три дня человекъ можетъ стать счастливымъ или же горемычнымъ. Что въ три дня—въ три минуты!

Избѣгая его взгляда, Эстрелла смотрѣла въ даль сада.

— Ваша жизнь, вѣроятно, и будетъ счастлива,—промолвила она.—Вы, кажется, не идете никогда ко дну, а удержавшись на поверхности, можешь рассчитывать на счастливую жизнь.

Онъ отдѣлался какимъ-то незначительнымъ отвѣтомъ. Продолжая разговаривать то о томъ, то о другомъ, они продолжали еще свою прогулку подъ апельсинными деревьями, когда слуга доложилъ англичанину, что лошадь, которую предоставилъ въ его распоряженіе генераль, ждетъ его у воротъ. Кoningемъ съ неохотой разстался съ своей собесѣдницей, утѣшая себя мыслью, что Эстрелла должна идти въ церковь св. Марка и, слѣдовательно, также не можетъ оставаться въ саду.

Часъ сіесты уже прошелъ. Когда Кoningемъ проѣзжалъ по чистымъ улицамъ древняго города, со всѣхъ сторонъ изъ тѣни выходили взглянуть на него разные лежебоки. Въ Андалузійи мало найдете городовъ, которые были бы древнѣе Ронды и едва ли гдѣ унаслѣдованныя отъ мавровъ привычки отличаются такою живучестью, какъ здѣсь. Улицы здѣсь чисты, а дома выбѣлены внутри и снаружи. Сбруя муловъ и наряды людей отличаются яркими, блестящими цвѣтами.

Кoningемъ спросилъ у какого-то прохожаго, какъ проѣхать на кордовскую дорогу. Услужливый испанецъ измѣнилъ свой путь и шелъ рядомъ съ его стремнемъ до тѣхъ поръ, пока ошибиться стало уже невозможно.

— Это не самая красивая дорога въ Рондѣ,—болталъ проводникъ.—Но она недурна лѣтомъ, когда вездѣ цвѣты и виноградники покрыты зеленою. Дорога идетъ прямо до владѣній сеньора Баренна. Отсюда уже начинается узкая тропинка въ горы. Домъ можно видѣть съ дороги. Онъ стоитъ на холмѣ. Когда-то онъ былъ очень красивъ, а теперь пришелъ въ упадокъ. Ошибиться тутъ невозможно. Дорога идетъ все прямо. Желаю вамъ благополучнаго пути.

Конингемъ двинулся дальше, обдумывая, какъ бы ему заѣхать къ сеньору Баренна такъ, чтобы это казалось дѣломъ простаго случая.

За городомъ страна оказалась открытой и пустынной. Всюду виднѣлись коричневыя холмы, нижніе склоны которыхъ были усеяны кое-гдѣ зелеными деревьями. Дорога скоро привела къ деревушкѣ, почти безлюдной, ибо все населеніе ея—мужчины и женщины—работало въ полѣ. На балконѣ одного дома, получше другихъ, была прикрѣплена пальмовая вѣтвь—знакъ, что это жилище священника. Въ глубинѣ полутемной комнаты, казалось, мелькала и фигура этого деревенскаго деспота.

Проѣхавъ деревню, Конингемъ повернулъ лошадь по направленію къ горамъ, рѣшивъ, съ макіавелліевскою хитростью, сдѣлать видъ, что онъ заблудился. Сквозь рощу зеленыхъ дубовъ и оливокъ уже виднѣлась крыша стараго сѣраго дома, который, очевидно, когда-то былъ полуукрѣпленной фермой.

Конингему не хотѣлось ѣхать прямо къ дому сеньоры Баренна. Поэтому онъ объѣхалъ его большимъ полукругомъ, карабкаясь со склона на склонъ на своей надежно подкованной лошади.

Когда онъ очутился наконецъ въ виду высокихъ дубовыхъ воротъ, которыя были отворены, ему показалось, что кто-то выѣзжаетъ изъ нихъ. Присмотрѣвшись внимательно, онъ увидѣлъ священника, въ которомъ узналъ падре Конху—того самаго, съ которымъ онъ познакомился въ «Морской гостиницѣ» въ Альжесирасѣ. Тотъ тоже узналъ его и приподнял свою старую, потертую шляпу.

— Вотъ счастливая встрѣча, сеньоръ,—сказалъ онъ.—Кто могъ ожидать встрѣтить васъ здѣсь?

— Я заблудился.

— А!

И суровое лицо падре распустилось въ улыбку.

— Заблудились?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ хорошо, что я попалъ вамъ навстрѣчу. Заблудиться такъ легко, когда человѣкъ молодъ.

И онъ взялъ лошадь Конингема за узду.

— Вы ѣдете не туда, куда слѣдуетъ. Я покажу вамъ вѣрную дорогу.

Все это онъ продѣлалъ такъ спокойно и рѣшительно, что англичанинъ не нашелъ ничего возразить. Его лошадь была повернута въ противоположную сторону.

— Эта лошадь, безъ сомнѣнія, принадлежитъ генералу Винценте. У насъ мало такихъ въ Рондѣ. Этотъ Мигуэль Винценте всегда ѣздитъ на отличныхъ лошадяхъ.

— Да, это его лошадь. А вы знаете генерала?

— Мы росли вмѣстѣ, — отвѣчалъ священникъ. — Нѣкоторые говорятъ, что онъ долженъ былъ стать священникомъ, а я солдатомъ.

И старикъ тихо разсмѣялся.

— Онъ достигъ успѣховъ въ жизни, а я нѣтъ. О, Мигуэль—великій человѣкъ, и ему платятъ столько, сколько онъ дѣйствительно стоитъ. А я получаю всего двадцать фунтовъ въ годъ. Впрочемъ, я счастливъ: у меня есть хорошій домъ. Вы, вѣроятно, замѣтили его, когда проѣзжали черезъ деревню. На немъ прикрѣплена пальмовая вѣтвь—моя вывѣска. Сосѣдній трактирщикъ прикрѣпилъ у себя сосновую вѣтку, которая, повидимому, оказалась болѣе привлекательной. Каждому овощу свое время. Нельзя ловить кроликовъ при помощи дохлой собаки. Я провожу васъ черезъ деревню. Эта прогулка дастъ мнѣ аппетитъ. Это иногда мнѣ нужно, ибо у меня кухарка, лишившаяся своего супруга.

VIII.

Любовное письмо.

— Никто не знаетъ, какъ я страдала, — услышалъ Конингемъ, входя въ садъ послѣ своей неудачной поѣздки.

Онъ остановился въ темной калиткѣ, не желая навязывать своего присутствія Эстреллѣ и ея гостьямъ. Въ ажурной бесѣдкѣ изъ тростника около фонтана онъ успѣлъ различить три женскихъ силуэта. Услышанныя имъ слова, очевидно, принадлежали старшей изъ дамъ, говорившей сильнымъ, почти мужскимъ голосомъ. Насколько можно было судить издали, страданія едва ли оставили особые слѣды на внѣшности говорившей.

— Никогда больше не поѣду изъ Ронды, кромѣ какъ въ Толедо, — продолжалъ голосъ. — Туда-то ужъ придется поѣхать, если только правда, что этотъ ужасный донъ-Карлосъ изгнанъ изъ нашей страны. О, Боже, чего только не приходится терпѣть! Я того и жду, что проснусь ночью и найду Юлію убитой въ своей постели! О себѣ я не беспокоюсь, моя жизнь вовсе не такъ весела, чтобы можно было жалѣть разстаться съ ней. Но я тревожусь за Юлію: вѣдь и я была когда-то молода. Я была гораздо красивѣе, чѣмъ ты, Эстрелла, или Юлія. Мои руки и ноги... Ты никогда не видала моихъ ногъ? Даже теперь...

За этими словами послышался громкій вздохъ сожалѣнія.

Конингемъ отошелъ отъ калитки. Отъ звука его шпоръ, зазвенѣвшихъ по мраморной мостовой, вздохъ вдругъ превратился и кончился какимъ-то легкимъ крикомъ. Конингемъ, услышавъ имя «Юлія», сообразилъ, что въ гостяхъ должны быть сенъора Баренна и ея дочь.

Онъ быстро двинулся впередъ. Въ бамбуковой бесѣдкѣ въ креслѣ сидѣла пожилая дама. Увидѣвъ Конингема, она слабо вскрикнула и спросила, не донъ Карлосъ ли онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала Эстрелла, въ глазахъ которой мелькнулъ на мгновеніе лукавый огонекъ. — Это г. Конингемъ. Моя тетя сеньора Баренна, моя двоюродная сестра Юлія.

Конингемъ поклонился.

— Прошу извиненія, — томно начала сеньора Баренна: — но ваше появленіе было такъ внезапно. Я очень страдаю. Нервы, знаете. Молодые люди этого, впрочемъ, не понимаютъ.

И она тяжело вздохнула, бросивъ сбоку взглядъ на дочь.

Юлія Баренна была смуглѣ своей двоюродной сестры и быстрѣе въ манерахъ. Въ ней чувствовалось больше свѣтской находчивости, чѣмъ у Эстреллы. Взглядъ у нея былъ быстрый, лицо выразительное и умное, чрезвычайно опасное для мужчинъ, если бы она вздумала пустить въ ходъ кокетство.

— Къ моей матери всегда нужно подходить съ осторожностью, — сказала она, дѣлая быстрое движеніе рукой, выдававшее, что ей какъ-то не по себѣ въ этомъ міркѣ. Во время разговора она смѣялась, но глаза ея всегда оставались серьезными. На англичанина она взглянула почти съ безпокойствомъ.

Есть лица, которыя какъ будто все высматриваютъ и выжидаютъ. Таково было и лицо Юліи Баренна.

— Конингемъ, — промолвила сеньора Баренна, какъ бы припоминая что-то. — Я, кажется, слышала уже это имя. Не вы ли тотъ англичанинъ, котораго такъ не любитъ падре Конха за то, что онъ продаетъ запрещенныя книги, Библію, напримѣръ?

— Нѣтъ сеньора, — съ серьезнымъ видомъ отвѣчалъ Конингемъ. — Я ничего не продаю.

И вдругъ онъ разсмѣялся такимъ добродушнымъ смѣхомъ, который всегда пріобрѣталъ ему друзей больше, чѣмъ онъ самъ того хотѣлъ. Взглянувъ на Юлію, онъ замѣтилъ въ ея глазахъ то же выраженіе ожиданія, которое, повидимому, никогда не покидало ихъ. И неожиданно у него мелькнула мысль, что какимъ-то образомъ, можетъ быть, при помощи непонятной ему чисто женской интуиціи она знаетъ, что у него есть письмо для нея, и ждетъ этого письма. Чѣмъ больше онъ носилъ съ собой это письмо, тѣмъ большее, казалось, значеніе пріобрѣтало оно. Онъ вспомнилъ слова Ларральды о молодой особѣ, которой оно предназначалось, и ему показалось, что напыщенныя похвалы этого нѣсколько театральнаго гидальго какъ нельзя болѣе умѣстны. Въ самомъ дѣлѣ, Юлія Баренна могла вызвать самую страшную любовь къ себѣ. Конингемъ чувствовалъ это, несмотря на то, что былъ отъ нея далеко и разговаривалъ съ ея матерью о какихъ-то пошлыхъ злобахъ дня. Но достаточно было ему бросить взглядъ на Эстреллу; какъ между нимъ и

Юліей, а вмѣстѣ съ нею и между всѣми другими женщинами легла цѣлая пропасть.

— Да,—вернулась къ прежней темѣ сеньора Баренна.—Отецъ Конха очень недоволенъ англичанами. Ужасный человѣкъ. Вы знаете его, сеньоръ?

— Кажется, я встрѣчался съ нимъ.

— Но вы никогда не видали его въ гнѣвѣ. Вы никогда не исповѣдывались у него!—какой-нибудь маленькій грѣшокъ, не больше мушиной лапки—и Боже мой!—какое налагается наказаніе! Имѣть такого духовника—сущее чистилище.

— Вѣроятно, у сеньоры грѣховъ нѣтъ,—галантно замѣтилъ Коннингемъ.

— Да, конечно,—отвѣчала сеньора Баренна съ легкимъ вздохомъ.—Но когда я была молода, то, конечно...

Воспоминанія о грѣшныхъ дняхъ ея молодости едва не заставили ее прослезиться. Она поглядѣла на Коннингема съ трагическимъ видомъ человѣка, котораго наконецъ понимаютъ, и, какъ бы стѣсняясь присутствія молодыхъ дѣвушекъ, поспѣшила опустить занавѣсъ на счастливые дни своей молодости. «Мы поболтаемъ объ этомъ другой разъ», говорилъ ея взглядъ.

— Да,—продолжала она:—отецъ Конха очень недоволенъ англичанами. Прежде всего за эти библіи! А не все ли равно? Вѣдь, кромѣ священниковъ, ихъ никто не можетъ читать. А, во-вторыхъ, за то, что англичане помогли разбить донъ-Карлоса.

— Отецъ Конха наложить на тебя эпитимію,—спокойно перебила ее дочь,—за то, что ты говоришь о политикѣ.

— Но откуда онъ объ этомъ узнаеть?—встревоженно спросила сеньора Баренна.

Объ молодая дѣвушки размѣялись.

Сеньора Баренна пожала плечами. Подобно многимъ женщинамъ она представляла собою страшную смѣсь глупости и житейской мудрости. Она поправила свою мантилію и, поднявъ глаза, видимо, творила внутреннюю молитву.

Коннингемъ, не отличавшійся умѣньемъ скрывать свои чувства, смотрѣлъ на Юлію не безъ любопытства, и это не укрылось отъ Эстреллы.

— Юлія права,—заговорила опять сеньора Баренна, хотя никто уже не слушалъ ея.—Въ этой странѣ нельзя ни говорить, ни думать о политикѣ. Вы вѣдь не интересуетесь политикой, сеньоръ Коннингемъ, не правда ли?

— Нѣтъ сеньора,—поспѣшно отвѣчалъ англичанинъ.—Если бы я даже и интересовался, то я все равно ничего бы не понялъ въ испанской политикѣ.

— Отецъ Конха говорить, что политика въ Испаніи такая же,

какъ и во всякой другой странѣ: каждый человекъ долженъ бороться за себя,—замѣтила съ невеселымъ смѣхомъ Юлія.

— И онъ, несомнѣнно, правъ!

— Вы дѣйствительно такъ думаете?—спросила Юлія Баренна, съ такой серьезностью, которая вовсе не вытекала изъ этого вопроса.— Развѣ нѣтъ истинныхъ патріотовъ, которые готовы ради блага родины пожертвовать всѣмъ—своими друзьями и даже самимъ собой?

— Безъ надежды на награду?

— Да.

— Можеть быть, такіе и найдутся,—со смѣхомъ сказалъ Конингемъ:—только не въ моей странѣ. Они всѣ, вѣроятно, обрѣтаются въ Испаніи.

Юлія засмѣялась и съ сомнѣніемъ покачала головой. Но улыбка у нея была довольна натянутая.

Англичанинъ отвернулся и сталъ смотрѣть мимо деревьевъ. Онъ думалъ о томъ, какъ бы ему улучшить моментъ, когда Юлія будетъ одна.

— Вы, кажется, хотите осмотрѣть садъ?—спросила молодая дѣвушка.

— Да, сеньорита. Кажется, это самый лучший садъ въ мірѣ.

Онъ обернулся и посмотрѣлъ на Эстреллу, которая встрѣтила его взглядъ совершенно спокойно. Рядомъ съ живой, оживленной Юліей она вдругъ выигрывала въ моральной силѣ и глубинѣ, уподобляясь постоянному огню вмѣсто бурнаго пламени, колеблющагося то въ ту, то въ другую сторону по волѣ вѣтра.

Юлія поднялась и пошла къ выходу изъ бесѣдки.

— А что фіалки уже цвѣтутъ, Эстрелла? Я хочу взглянуть на нихъ,—сказала она.—У насъ ихъ нѣтъ. У насъ все выжжено солнцемъ.

— Эта высушенная почва такъ вредна для нервовъ,—проговорила сеньора Баренна, приготовляясь также встать.—По ночамъ невозможно спать.

Юлія и Конингемъ пошли впередъ. Дорожка вилась между пальмами и перцовыми деревьями и была такъ узка, что они должны были идти рядомъ.

— Сеньорита, у меня есть письмо для васъ.

— Не сейчасъ! Подождите немного!

Сзади нихъ, надъ самымъ ухомъ слышался густой, сиповатый голосъ сеньоры Баренна. Юлія обернулась и посмотрѣла на окно дома, выходящее прямо въ садъ. Жилыя комнаты, по обыкновенію, были расположены въ первомъ этажѣ, и окна были заграждены легкими, изящной работы рѣшетками. Каждое окно было занавѣшено изнутри кисейной занавѣской.

Деревья, между которыми вилась дорожка, не были достаточно толсты, чтобы скрыть ихъ отъ глазъ наблюдателей, которые могли

быть въ домѣ. Юлія и Конингемъ шли впередъ, постепенно удаляясь отъ сеньоры Баренна и Эстреллы. Время отъ времени они совсѣмъ скрывались за поворотомъ дорожки, но Юлія продолжала посматривать съ безпокойствомъ на окна дома и, видимо, съ трудомъ сдерживала свое волненіе. Конингемъ видѣлъ, что ея лицо сдѣлалось блѣдно; какъ полотно, и зубы конвульсивно закусили нижнюю губу. Онъ продолжалъ бесѣду о разныхъ безразличныхъ вещахъ, но отвѣты ея были отрывисты и безсвязны.

— Можно теперь отдать вамъ письмо? Насъ, кажется, никто не видитъ, сеньорита. Кромѣ того, мнѣ сказали, что оно имѣетъ важность только для васъ. Очевидно, такія письма вамъ приходилось получать тысячи, если только испанскіе джентльмены не лишены зрѣнія.

Она улыбнулась и порылась у себя въ карманѣ.

— Давайте,—прошептала она:—по живо!

Конингемъ не могъ удержаться отъ улыбки при видѣ ея серьезности и подаль ей романтической розовый, надушенный конвертъ. Такъ ли будетъ волноваться Эстрелла, когда придетъ къ ней его письмо?

Они дошли до самаго конца сада, который раздѣлялся пополамъ болѣе широкой дорожкой, которая вела отъ дома къ центру сада, гдѣ на перекресткѣ находился мраморный мавританскій фонтанъ. Отъ него шли во все стороны болѣе узкія дорожки.

Въ это время по направленію къ саду вышли изъ дома два человѣка: одинъ о чемъ-то говорилъ съ большими волненіемъ, другой, видимо, старался его успокоить.

— Мой дядя и алькадъ! Они, навѣрно, видѣли насъ изъ окна!—быстро прошептала Юлія.

Нервность ея вдругъ исчезла, и, словно по волшебству, она стала сосредоточенной и внимательной. Такими бывають иногда мужчины на войнѣ: волнуются и нервничаютъ, пока не открытъ огонь, а потомъ вдругъ дѣлаются хладнокровными и готовыми ко всему.

— Скорѣе!—прошептала опять Юлія.—Повернемъ назадъ.

— Юлія!—послышался мягкій голосъ генерала Винчене.

Юлія не обращала на него никакого вниманія и быстро разорвала розовый конвертъ. Подъ нимъ оказался другой, на которомъ стоялъ болѣе длинный адресъ. «Передайте это человѣку, чье имя на немъ значится, и спасите меня отъ гибели»,—быстро сказала она Конингему, сунувъ ему письмо въ руку и оставивъ у себя лишь розовый конвертъ.

Черезъ минуту они встрѣтились лицомъ къ лицу съ генераломъ Винчене и его спутникомъ—бѣлымъ, рыхлымъ человѣкомъ, лѣтъ шестидесяти. Юлія Баренна встрѣтила обоихъ съ самой беззаботной улыбкой.

Бываютъ люди, которые, зная свою силу, беззаботно идутъ къ опасности и навлекаютъ ее на себя только по недостатку осторожности, предоставляя потомъ судьбѣ выручать ихъ, какъ она знаетъ. Таковъ былъ и Фредерикъ Конингемъ. Онъ только теперь понялъ, что письмо, которое ему далъ Ларральдъ въ Альжесирасѣ, вовсе не было любовнымъ письмомъ.

— Юлія,—сказалъ генераль:—алькадъ желаетъ переговорить съ тобой.

Юлія поклонилась съ тѣмъ оттѣнкомъ высокѣмърія, съ какимъ въ Испаніи знатныя дамы всегда относятся къ муниципальнымъ властямъ.

— Мистеръ Конингемъ,—продолжалъ генераль:—это нашъ городской голова, въ рукахъ котораго находится благополучіе всего населенія Ронды.

— Очень радъ васъ видѣть,—сказалъ Конингемъ, протягивая руку съ той непринужденностью, съ какой онъ обращался одинаково и къ великимъ и къ малымъ.

Алькадъ, бывший чрезвычайно высокаго мнѣнія о себѣ, принялъ протянутую руку не безъ колебаній.

— Генераль,—сказалъ онъ, отвѣщая низкій поклонъ сеньорѣ Баренна и Эстреллѣ, которыя подошли къ нимъ:—генераль, благоволите объяснить непріятныя обязанности, которыя накладываетъ на меня моя должность.

Генераль усмѣхнулся и въ знакъ извиненія пожалъ плечами.

— До нашего алькада,—мягко началъ генераль, обращаясь къ Юліи,—дошли слухи объ одномъ письмѣ, которое передается по Испаніи изъ рукъ въ руки. Письмо это очень важно. Нашъ мэръ, стоя минуту тому назадъ у окна, видѣлъ, какъ г. Конингемъ передалъ тебѣ какое-то письмо. Между людьми, которые встрѣтились въ этомъ саду пять минутъ тому назадъ, подобный поступокъ кажется страннымъ. Нашъ добрый другъ, который служить такъ усердно Испаніи и населенію Ронды, спрашиваетъ васъ, не обмануло ли его зрѣніе? Сидя за лимонадомъ, мы сейчасъ всѣ смѣялись надъ этимъ эпизодомъ. Не правда ли, тутъ какіе-нибудь пустяки?

Онъ провелъ платкомъ по усамъ и нѣжно взглянулъ на племянницу.

— Письмо!—воскликнула Юлія.—Алькадъ идетъ слишкомъ далеко и беретъ на себя слишкомъ много.

Алькадъ вышелъ впередъ.

— Сеньорита,—заговорилъ онъ;—я долженъ итти на такой рискъ. Не передавалъ ли этотъ господинъ вамъ письма три минуты тому назадъ?

Юлія размѣялась и пожала плечами.

— Вы правы.

— Могу я спросить, о чемъ было это письмо?

— Это было объясненіе въ любви.

Конингемъ закусила губу и посмотрѣлъ на Эстреллу.

Градоправитель принялъ лукавый видъ. На губахъ его явилась хитрая улыбка деревенскаго слѣдователя.

— Объясненіе въ любви со стороны человѣка, съ которымъ вы никогда прежде не видались?—спросилъ онъ съ дѣланнымъ смѣхомъ.

— Извините, г. алькадь, этотъ господинъ ѣхалъ вмѣстѣ со мной и съ моею матерью на одномъ кораблѣ отъ Бордо до Альжесираса и спасъ мнѣ жизнь.

И она бросила на Конингема такой взглядъ, который оказался бы роковымъ для его судьбы, будь здѣсь Ларральдь. Озадаченный градоправитель умолкъ. Въ этотъ промежутокъ молчанія Конингемъ и Юлія успѣли собраться съ мыслями.

— Мнѣ будетъ чрезвычайно пріятно сознаться въ томъ, что я ошибся,—заговорилъ алькадь, обращаясь къ Конингему.—Я только хочу просить этого господина подтвердить то, что сказала сеньора. Вѣрно ли то, что вы тайно передали сеньоритѣ Баренна письмо съ объясненіемъ въ любви?

— Разъ сеньорита сдѣлала мнѣ честь и признала это, то прошу васъ вѣрить, что это такъ,—твердо и холодно отвѣтилъ Конингемъ.

IX.

Война ума.

Алькадь раздулъ щеки и посмотрѣлъ на генерала Винченге. При малѣйшемъ поощреніи сеньора Баренна готова была броситься въ объятія Конингема, но этого поощренія ниоткуда не было, и она только хмурилась на Юлію. Эстрелла какъ-то высокомерно глядѣла на отца и старалась не замѣчать Конингема.

— Я увѣренъ,—примиряющимъ тономъ началъ генераль Винченге:—что Юлія сама признаетъ необходимымъ удовлетворить любопытство алькада и показать ему письмо, разумеется, съ разрѣшенія нашего друга Конингема.

Онъ засмѣялся и взялъ Конингема подъ руку.

— Какъ видите, дорогой другъ, наши мѣстные власти нѣсколько тщаславны. Мѣстное величіе предрасполагаетъ къ излишней важности. Впрочемъ, ихъ легко примирить, и это я дѣлаю всегда самъ. Миръ во что бы то ни стало—вотъ мой девизъ.

И онъ поправилъ свою саблю, волочившуюся по землѣ.

— Скажите ей, дорогой мой, чтобы она дала прочесть письмо.

— Но я тутъ не властенъ, генераль.

— Я знаю это самъ,—заговорилъ Винченге, вдругъ измѣнивъ свой тонъ и давая англичанину почувствовать истинное значеніе своихъ словъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, стремясь къ сохраненію мира, чѣмъ онъ и нажилъ себѣ такую странную репутацію во время войны, онъ обратился къ сеньорѣ Баренна съ самой успокоительной улыбкой.

— Не бойся, дорогая Инеза,—промолвилъ онъ.—Въ наши смутныя времена власти стали такъ подозрительны, а нашему алькаду извѣстно слишкомъ многое. Онъ припоминаетъ по поводу Юліи маленькое приключеніе съ Эспибаномъ Ларральдомъ, который давно умеръ и теперь забытъ. Ларральдъ этотъ былъ изъ числа недовольныхъ. Но не бойся ради Бога! Ахъ, да, нервы! Я знаю, знаю... Сильно страдаетъ? Да, да, конечно.

И онъ нѣжно погладилъ ея сильную бѣлую руку.

Алькадъ понюхалъ табаку съ видомъ упрямаго недовѣрія, взглядывая исподтишка на Конингема, который не спускалъ глазъ съ Эстреллы.

— Алькадъ,—заговорилъ генераль Винченге:—инцидентъ исчерпанъ, какъ мы говоримъ въ дипломатическихъ бумагахъ. Не хотите ли лимонаду?

— Нѣтъ, генераль, инцидентъ еще не исчерпанъ, и я не хочу лимонаду.

— О!—воскликнулъ генераль въ притворномъ ужасѣ.

— Да, эта молодая особа должна дать мнѣ письмо, иначе я позову сюда своихъ людей.

— Но не могутъ же ваши люди обыскивать сію дѣвицу?

— Можете быть сколько вамъ угодно алькадомъ Ронды,—весело заявилъ Конингемъ, продолжая аргументацію генерала:—но если вы осмѣлитесь нанести такое оскорбленіе сеньоритѣ Баренна, я брошу васъ въ фонтанъ, туда, гдѣ глубже и мокрѣе всего!

И онъ указалъ хлыстомъ мѣсто въ фонтанѣ.

— Кто этотъ человѣкъ?—спросилъ алькадъ.

Вопросъ этотъ былъ брошенъ въ воздухъ, и только потому алькадъ обратился къ генералу Винченге.

— Будущій адъютантъ генерала Эспартеро.

Услыхавъ это громкое имя, градоправитель Ронды вдругъ какъ-то съежился и отвѣсилъ Конингему глубокой поклонъ.

— Но все-таки я долженъ исполнить свою обязанность,—сказалъ онъ съ упрямымъ, свойственнымъ маленькому уму.

— А въ чемъ вы полагаете эту обязанность?—спросилъ генераль.

— Въ томъ, чтобы арестовать сеньориту Баренна до тѣхъ поръ, пока она не покажетъ полученное ею письмо.

Юлія поглядѣла на него съ улыбкой. Она отлично, съ полнымъ самообладаніемъ вела опасную игру и ни разу не взглянула на Конингема, который не безъ усилія надъ собой отнялъ руку отъ кармана, въ которомъ лежало письмо. Способъ, которымъ она довѣрилась ему безъ всякихъ околнностей, былъ ловокъ самъ по

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинныхъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЯНВАРЬ 1917 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

Богословіе.

АПВАЗОВЪ, И. Бантнамъ — орудіе германизаціи Россіи. Пгр. 1916 г. Ц. 50 к.	ВЕРХОВСКІЙ, П., проф. Сушность и характеръ церковной власти. С. П.-скадъ. 1916. Ц. 10 к.
— Матеріалы для изслѣдованія секты скопцовъ. М. 1916. Ц. 2 р.	ИНЫШЕВЪ, Г. Слова и рѣчи. П. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.
АНТОНІЙ, Іеросхимонахъ. Моя борьба съ имбордами на Святой горѣ. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.	

Философія, психологія, логика.

БОЛТУНОВЪ, А. Методъ анкеты въ педагогическомъ и психологическомъ изслѣдованіи. М. 1916. 1 р. 80 к.	КАРПЕНТЕРЪ, Ф. Любовь и смерть. 2-ое изд. Пгр. Ц. 2 р.
ВУНДТЪ, В. и друг. Двѣ культуры. П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.	САЛАГОВА, В. Трансцендентальный характеръ ученія Лейбница о монадахъ. Х. 1916 г. Цѣна 40 коп.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

АЗБУКИНЪ, В. Гончаровъ И. А. въ русской критикѣ. Орель. 1916. Ц. 2 р. 50 коп.	псковской письменности. В. I и II. Пгр. Ц. 1 р. 25 к.
АЙХЕНВАЛЬДЪ, Ю. Слова о словахъ, статьи. П. 1916. Ц. 2 руб.	РОДЗЕВИЧЪ, С. Къ вопросу о процессѣ творчества Лермонтова. М. Ю. В. 1916. Ц. 45 к.
ЗЕЛЕНИНЪ, Д. Очерки русской миеологии, в. I. 1916 г. Ц. 4 р.	РЯЗАНОВСКІЙ, О. Демонологія въ древне-русской литературѣ. М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
КАЛИНОВИЧЪ, М. Природа и бытъ въ древне-индійской драмѣ. Кіевъ. 1916. Ц. 80 к.	СПЕРАНСКІЙ, М., проф. Русская устная словесность. М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
КАРНСКІЙ, Н. Очерки изъ исторіи «Истор. вѣстн.», ФЕВРАЛЬ 1917 г., т. XLVII.	

1/419

Беллетристика, поэзія, драматическія сочиненія.

- АВЕРЧЕНКО, А. Волчьи ямы. Пгр. 1916. Ц. 60 к.
- АРБРОВА, Т. Сестрица Ольга. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 50 к.
- БАЛЬМОНТЪ, К. Собрание лирики. Книга I. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 10 к.
— Собрание лирики. Книга II. 1917. Ц. 1 р. 60 к.
- БАСАНИНЪ, М. Торговый домъ Бахвалова и сыновья. П. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
- БЕБУТОВА, О., княг. Жизнь копейка. Романъ. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 70 к.
— Кровавый полумѣсяцъ. Въ странѣ одалисокъ. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 90 к.
— Кровавый полумѣсяцъ. Страшный наукъ. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 90 к.
- БРУСЯНИНЪ, В. Война, женщины и дѣти. М. 1916. Ц. 1 р. 80 к.
- БУЛГАКОВЪ, П. Ка...ту, рассказы. 1916. Ц. 1 руб.
- БУНИНЪ, П. Господинъ изъ Санъ-Франциско, произведенія 1915—1916. М. 1916. Ц. 2 руб.
- БУРЕНИНЪ, В. Томъ V. Драматич. карикатуры. Изд. IV. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
- ВЪКА. Паразиты, трагикомедія. П. 1916. Ц. 1 р.
- ВѢСТНИКЪ Новаго Сатирикона. Графология и хиромантія. Пгр. 1917. Ц. 1 руб. 50 коп.
- ГРИНЕВСКАЯ, И. Бабъ, драматич. поэма. П. 1916. Ц. 1 руб. 50 коп.
- ТРИНЪ, А. Искатель приключеній. М. 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.
- ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ, С. Надъ поэмой. П. 1916. Ц. 2 р.
- ДА-ВЕРОНЪ, ГВИДО. Жизнь начинается завтра. Ром. П. 1916. Ц. 3 руб.
- ДЖЕРОМЪ К. ДЖЕРОМЪ. Разсужденіе досужаго человѣка. Сборн. разск. Пгр. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.
- ЖДАНОВЪ, ЛЕВЪ. Последний день Гогенполлерновъ. Новелла. Пгр. 1916. Ц. 50 к.
— Убіеніе посла. Романъ. Пгр. Ц. 2 р.
— Пять женъ царя Ивана. Романъ-хроника. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 50 к.
- ЗАПИСКИ судьи. V изд. Ялта. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
- КАМЕНСКІЙ, В. Дѣвушки бѣсякомъ, стихи. П. 1916. Ц. 1 руб. 50 коп.
- КПЛЫШТЕТЪ, К. Воспоминаніе стараго петроградца. Пгр. 1916. Ц. 50 к.
- КОЗЕЛЬСКІЙ, О. Записки батарейнаго комендара. Выпускъ II. Пгр. 1916. Ц. 75 к.
- КРАШЕНИННИКОВЪ, Н. Дѣвственность. Изд. IV. М. 1916. Ц. 2 руб.
- КРИНИЦКІЙ, М. Душа женщины. Пгр. 1917 г. Ц. 2 р.
- КРЫЖАНОВСКАЯ, В. Гнѣвъ Божій. Романъ. Изд. 3-е. Пгр. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
- КУЗМИНЪ, М. Антрактъ въ оврагѣ. М. 1916. Ц. 2 р.
- КУПРИНЪ, А. Разсказы. Т. I. М. 1917. Ц. 2 руб.
- ЛАСКОВАЯ, Ф. Муть. Разск. 1916. Ц. 1 руб. 57 коп.
- ЛЕНСКИИ, В. Рѣка жизни. М. 1916. Ц. 2 р.
- ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКІЙ, А. Тротуаръ. Стихи. П. 1916. Ц. 1 р.
- ЛОЖКЪ, УИЛЬЯМЪ. Другъ челоуѣчества. Романъ. 3-е изд. М. 1916. Ц. 2 р.
— Единокія женщины. Ром. П. 1916. Ц. 1 руб. 50 к.
- МАРЪ, А. Идущіе мимо. М. 1916. Ц. 2 р.
— Кровь и кольцо. М. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.
- МУИЖЕЛЬ, В. Опустошеніе. П. 1916. Ц. 2 руб. 50 коп.
- НАГРОДСКАЯ, Е. Сны. Пгр. 1916. Ц. 2 р.
- НОВИКОВЪ, П. Между двухъ зсрѣ. Ром. М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
- ПОЛИТУРЪ, Н. Страшнѣ смерти. Повѣсть. Пгр. 1916. Ц. 75 к.
- ПРЕМИРОВЪ, М. Кабакъ, разск. М. 1916. Цѣна 1 руб. 75 коп.
- ПѢСНЬ О ГАЙАВАТЪ. Памят. миров. литер. П. 1916. Ц. 2 р. 75 к.
- РОДЕНБАХЪ, Ж. Агонія городовъ 1917. Ц. 1 р.
- СЕРАФИМОВИЧЪ, А. Воробьяная ночь. М. 1916. Ц. 65 к.
— Затерянные огни. Разсказы. М. 1916. Ц. 1 руб. 65 коп.
- СКОРОХОДОВЪ, М. Первая пѣсня. стихи. П. 1916 г. Ц. 70 коп.
- СТРИНДВЕРГЪ, А. Двѣ повѣсти. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.
- СУРИКОВЪ, И. Избран. стихотворенія. М. 1916. Ц. 75 к.
- СЪВЕРНЫЕ ДНИ. Сборникъ первый. М. 1916 г. Ц. 2 руб.
- ТРИУМФЫ ЖЕНЩИНЫ. Изъ міра пѣсенъ и любви. Пгр. Ц. 2 р. 50 к.
- ШВИДЧЕНКО, Е. Святочная хрестоматія. П. 1916. Ц. 1 руб. 60 коп.
- ШМЕЛЕВЪ, И. Человѣкъ въ ресторанѣ. М. 1916. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Исторія, біографія и археологія.

- АВАЛИАНИ, С. Земскіе соборы, литератур. исторія земск. соборовъ. 1916. О. Ц. 1 р. 25 к.
- ВЕРХОВСКІЙ, П. Учрежденіе духовной коллегіи и духовный регламентъ. 2 тома. Р. Ц. за 2 т. 10 р.
— Духовный регламентъ въ греческомъ переводѣ. Пгр. 1916. Ц. 1 руб.
- ВОСПОМИНАНІЯ губернатора, 1905—1914 гг. Новгородъ, Самара, Пенза. П. 1916. Ц. 2 руб. 50 коп.
- ВТОРАЯ отечественная война по разсказамъ героевъ. № 17, 18. Пгр. Ц. по 30 к.
- ГОЛЬДИНЪ, Н. Паденіе сословно-земскаго строя въ прусской монархіи. X. 1916. Ц. 2 р.
- КАЗНАЧЕВЪ, И. Ген.-адъютантъ М. Д. Скобелевъ. П. 1916. Ц. 60 коп.
- МАКАРЕНКО, Н. Древнѣйшія памятн. искусства Перяславскаго княжества. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
- МАРКОВЪ, А. Русская нумизматика. Пгр. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
- НАВОЕВЪ, П. Герои, офицеры и солдаты второй отечественной войны, в. I. Пгр. 1916. Ц. 25 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- АНТИПА, Е. Обь уголовной отвѣтственности торговцевъ и промышленниковъ за возвышеніе или пониженіе цѣвъ. Одесса. 1916. Ц. 20 к.
- БЕРТЕНСОНЪ, Л. Физическіе поводы къ прекращенію брачнаго союза. Для врачей и юристовъ. Пгр. 1917. Ц. 4 р.
- БРУНЪ, М. Домициль въ гражданскомъ и конфликтномъ правѣ. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 50 к.
- ВИГОДЗИНСКІЙ, В. Кооперация въ Германіи. М. 1916. Ц. 3 р.
- ВОДОВОЗОВЪ, В. На Балканахъ. Статьи. П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
- ВОЕННАЯ КНИГА. Обычаи сухопутной войны. П. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
- ДЕРЮЖИНСКІЙ, В. Полицейское право, П. 1916. Ц. 4 р. 50 к.
- КАНТОРОВИЧЪ, Я. «Невозможность» исполненія обязательствъ. П. 1916. Ц. 50 к.
- КРЕЧИНЪ, Н. Национальный вопросъ. П. 1916. Ц. 25 коп.
- ЛЕЙТИСЪ, Н. Соціальная и трудовая помощь увѣчнымъ воинамъ въ Германіи. П. 1916. Ц. 60 к.
- МАРТЫНОВЪ, А. Международность на Западѣ и на Востокѣ. Пгр. 1916. Ц. 55 к.
- МАРТЫНОВЪ, Н. Положеніе о нотаріальной части, разъяснен. и дополненное. Пгр. 1917. Ц. 8 руб.
- МИЛЮТИНЪ, В. Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. П. 1916. Ц. 1 р.
- ОТЧЕТЫ И МАТЕРИАЛЫ. Т. I. Трудовое посредничество. М. 1917. Ц. 3 р.
- ПОЛИВАНОВЪ, Н., генер. О нѣмецкомъ засиліи. П. 1916. Ц. 20 к.
- ЕГО ЖЕ. Правда о нѣмцахъ. П. 1916. Ц. 20 к.
- ПОЛОЖЕНІЕ о государств. подоходн. налогѣ и инструкція. П. 1916. Ц. 1 руб. 50 коп.
- ПРУССІЯ И ПОЛЬША. Очеркъ. Т. 1916. Ц. 25 коп.
- ТРУБЕЦКОЙ, Е. Энциклопедія права. М. 1916. Ц. 1 р. 20 к.
- ТУГАНЪ-ВАРАНОВСКІЙ, М. Бумажныя деньги и металл. Съ 8 диаграммъ въ текстѣ. П. 1916. Цѣна 2 руб. 50 коп.
- ЦЕМОВИЧЪ, П. Идея мира и международное равноправіе. О. 1916. Ц. 1 р.
- ШТЕЙНЪ, В. Финансы Германіи и Австро-Венгріи за два года войны. П. 1916. Ц. 1 р.

Искусство.

- АДАРЮКОВЪ, В. и ОБОЛЪЯНИНОВЪ, Н. Словарь русскихъ литографир. портретовъ, т. I. М. 1917. Ц. 25 руб.
- ДОЛИНОВЪ, А. Практическ. руководство къ художественному чтенію, часть II. П. 1916. Ц. 2 руб. 50 коп.
- КРАСОВСКІЙ, М. Курсы исторіи русской архитектуры. Ч. I. Деревянное зодчество. Пгр. Ц. 7 р. 50 к.
- ЛАЗАРЕВСКІЙ, И. Среди коллекционеровъ. П. 1916. Ц. 5 р.
- ЛУКОМСКІЙ, Г. Современный Петроградъ. 1916. Ц. 3 р. 50 к.
- МУЗЫКАЛЬНЫЙ Современникъ. № 2. Ц. 2 р.

Естествознаніе и математика.

- ИГНАТЬЕВЪ, Е. Небесный міръ. Пгр. 1916. Ц. 4 р. 50 к.
- ЩЕЛКАНОВЦЕВЪ, Я. Крат. курсъ зоологіи. М. 1916. Ц. 3 руб. 50 коп.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- БЕЗОБРАЗОВЪ, П. Трапезундъ, его святыни и древности. П. 1916 г. Ц. 80 к.
- ИШХАНИЯНЪ, Б. Народности Кавказа. П. 1916. Ц. 1 руб. 50 коп.
- ШТАЛЬ, А. Городъ Хамаданъ и его окрестности. П. 1916. Ц. 40 коп.
- ЭРГЛЕ, Р. О племенахъ древнихъ и нынѣшнихъ болгаръ. П. 1916. Ц. 50 к.

Языковѣдніе.

- КУЛЬБАКИНЪ, С. Древне-церковно-русскій языкъ. Харьковъ. 1916. Ц. 3 руб.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- ДОРОШЕНКО, Д. Элеваторское дѣло въ Россіи. П. 1916. Ц. 45 коп.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- БОШКО, В. Къ вопросу обь устройствѣ домовъ и поселковъ для желѣзнодорожн. служащ. и рабочихъ. К. 1916. Ц. 75 коп.
- ГРЕЧИХИНЪ, С. Телефонъ и дополнит. приборы. Пгр. Ц. 2 р. 50 к.
- ЗНАМЕНСКІЙ, Н. Крѣпость сооруженій. П. 1916. Ц. 70 к.

1/19*

- КОБЕЛЕВЪ, А. Разборная переносная баня. Кіевъ. 1916. Ц. 2 руб. 30 коп.
- КОКЛИКЪ, С. Гидрогеологическій очеркъ Чернасскаго уѣзда и гор. Чернасса. Кіевъ. 1916. Ц. 2 руб.
- ОРЛОВСКІЙ, Н. Пневматическ. шины автомобилей. П. 1916. Ц. 4 р.
- РЕЙСЕРЪ, А. Проектированіе свекло-сахарныхъ и рафинадныхъ заводовъ. Ч. I. Кіевъ. 1916. Ц. 3 руб. 50 коп.
- РЫНИНЪ, Н. Теорія авіаціи. П. 1916. Ц. 7 р.
- СЫРОМЯТНИКОВЪ, М. Механич. оборудов. свеклосахарныхъ заводовъ. Кіевъ. 1916. Ц. 5 р. 50 к.
- ТАБЛИЦЫ для вычисленія объемовъ земляныхъ работъ. Пгр. 1916. Ц. 3 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- НИКОЛЬСКІЙ, В. Основы фармако-кологіи человека т. I. 1916. Ц. 2 р.
- ПОЖАРИСКІЙ, Г. Основы патологической анатоміи. Вып. I. Изд. 2-е. Р. 1916. Ц. 4 руб. 50 коп.
- ТОЖЕ. Вып. II. Ц. 6 руб. 50 коп.

Военное и морское дѣло.

- НОВИЦКІЙ, В. Морской бой у береговъ Ютландіи. П. 1916. Ц. 1 руб. 50 коп.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- ЗАЙЦЕВЪ, А. Краткій курсъ описательной минералогіи. Р. 1916. Ц. 65 к.
- ЗЕЛЕНКО, В. Дѣтскія бібліотеки. П. 1916. Ц. 2 руб.
- КАМИНСКІЙ, Г. О преподаваніи русскаго языка въ ииородческихъ училищахъ. Казань. 1916. Ц. 30 к.
- РОДНИКОВЪ, В. Исторія педагогикіи. Кіевъ. 1916. Ц. 1 руб. 50 коп.
- САЛЛЮСТІЙ. Заговоръ Катилины, Югуртинская война. М. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
- СОКОЛОВЪ, Н. На урокахъ родногo языка. П. 1916. Ц. 3 руб.
- ЯГODOBCKІЙ, Н. О преподаваніи естествознанія. Пгр. 1916. Ц. 2 р. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- КАЙГОРОДОВЪ, Д. Изъ царства пернатыхъ. Пгр. 1916. Ц. 5 р. 50 к.
- ЛИТИКЪ ДЯДИ. Война деревянныхъ солдатиковъ. 1916. Ц. 2 р. 75 к.

Справочныя книги.

- КАЛЕНДАРЬ въ годовщину великой войны на 1917. Ц. 20 к.
- КАЛЕНДАРЬ православный на 1917. Ц. 30 к.
- МЕДИЦИНСКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1917. Ц. 3 р.
- СПИСОКЪ фабрикъ и заводовъ, гор. Москвы и Московск. губ. М. 1916. Ц. 2 р. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

поступила въ продажу новая книга:

В. СЕНАТОВЪ.

Вавилонъ, Израиль и Германія

(Историко-философское объясненіе современной войны).

Цѣна 75 коп.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

МАРТЪ 1917 г.

СТРАН.

Государственный перезоротъ. Редакция.	I—VI
Февральскіе и мартовскіе дни 1917 г. Е. П. Семенова	1—80

Иллюстраціи: 1) Предсѣдатель Временнаго Комитета Михаилъ Владимировичъ Родзинко, предсѣдатель Г. Думы (членъ Г. Думы отъ Екатеринбургской губ.).—2) Кн. Георгій Евг. Львовъ, предсѣдатель Совѣта Министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ (бывшій членъ 1-й Г. Думы, предсѣдатель главнаго комитета всероссійскаго земскаго союза).—3) Александръ Ив. Гучковъ, военный и морской министръ (членъ Г. Совѣта, предсѣдатель центрального военно-промышленнаго комитета).—4) Пав. Никол. Милуковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ (членъ Г. Думы отъ Петрограда).—5) Александръ Фед. Керенскій, министръ юстиціи (членъ Г. Думы отъ Саратовской губ.).—6) Андрей Ив. Шингаревъ, министръ земледѣлія (членъ Г. Думы отъ Петрограда).—7) Мих. Ив. Терещенко, министръ финансовъ.—8) Проф. Александръ Аполл. Мануйловъ, министръ народнаго просвѣщенія (бывшій членъ Г. Совѣта и ректоръ московскаго университета).—9) Николай Виссар. Некрасовъ, министръ путей сообщенія (бывшій тов. предсѣд. Г. Думы (членъ Г. Думы отъ Томской губ.). Александръ Ив. Коноваловъ, министръ торговли и промышленности (членъ Г. Думы отъ Костромской губ.).—11) Влад. Никол. Львовъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода (членъ Г. Думы отъ Самарской губ.).—12) Ив. Вас. Годневъ, государственный контролеръ (членъ Г. Думы отъ Казанской губ.).—13) Фед. Намаи. Родичевъ, министръ по дѣламъ Финляндіи (членъ Г. Думы отъ Петрограда).—14) Николай Сем. Чхеидзе, предсѣд. Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ (членъ Г. Думы отъ Тифлисскаго губ.).—15) Вадимъ Александр. Юревичъ, петроградскій общественный градоначальникъ.—16) Ген.-лейт. Лавръ Георгіевичъ Корниловъ, главнокомандующій войсками Петрограда и его окрестностей.—17) Дм. Андр. Крыжановскій, начальникъ петроградской милиціи (гласный гор. думы).

Историческая лѣтопись	I—XX
---------------------------------	------

Иллюстраціи: Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Н. Н. Покровскій.

I. Шлиссельбургская трагедія. (Историческій романъ). Часть I. I—V. (Продолженіе). Льва Жданова	577
II. Воспоминанія К. А. Манна . VI—VII. (Продолженіе).	600
III. Голубятня. (Изъ посмертныхъ разсказовъ). Г. Т. Сѣверцова-Полякова	624
IV. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ. IV—VI. (Окончаніе). Е. С. Каменскаго	633
Иллюстраціи: 1) Путешествіе государя императора Александра II съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ въ 1871 году.—2) Пребываніе наслѣдника цесаревича въ Лондонѣ въ 1873 году.—3) Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ въ гостяхъ у принца Уэльскаго въ 1873 году въ Англіи.—4) Наслѣдникъ съ цесаревной въ гостяхъ у фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго въ Свердловцахъ въ 1876 году.	
V. Архіерейскіе «скандалы» и губернаторское «положеніе». (Разсказъ консисторскаго чиновника). П. Ровина	667
VI. Среди отошедшихъ. (Изъ моихъ воспоминаній). IV—VII. (Продолженіе). Р. И. Семептковаго	672
VII. Воспоминанія о декабристахъ. Изъ бумагъ М. Д. Францевой	694
VIII. Н. И. Костомаровъ—преподаватель ровенской гимназій. (По архивнымъ даннымъ ровенскаго реальнаго училища). А. И. Попова	716
Иллюстраціи: 1) Рѣка Устье, на которой расположенъ гор. Ровно.—2) Ровенское реальное училище.	
IX. Образцы нѣмецкаго дипломатическаго шантажа. Ал. Кр—й	736
X. Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ. (Изъ воспоминаній). Петра Соколова	751

(См. слѣд. стран.)

- XI. П. П. Гнѣдичъ. (Къ 40-лѣтію его литературной дѣятельности). 771
- XII. Отступление сербской арміи черезъ Албанію. (Изъ личныхъ впечатлѣній и переживаній). (Окончаніе). **Д-ра М. Жеранча.** 776
Иллюстраціи: 1) Солдаты третьяго призыва, прикрывавшіе отступление сербовъ.—2) Австрійскіе плѣнные при отступленіи сербовъ.—3) Типъ сербскаго ветерана.
- XIII. Критика и библиографія 800
 1) Профессоръ Б. В. Титлпновъ. Гавриилъ Петровъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій,—род. 1730, ум. 1801. Его жизнь и дѣятельность, въ связи съ церковными дѣлами того времени. Петроградъ. 1916. н. г. р.—2) Нв. П. Ювачевъ. Война и вѣра. Очерки всемірной войны 1914—1916 г.г. Прг. 1917. м.—3) Теодоръ Шмигъ, профессоръ харьковскаго университета. «Законы истории». Введеніе къ курсу всеобщей исторіи искусствъ. Выпускъ I. Харьковъ. 1916. Александра Гнианова.—4) 1885—1915. Сборникъ статей въ честь графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой. Москва. 1916. А. Захарова.—5) Воронежская Старина. Вып. XIV. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1915—1916 г.г. А. Малимова.—6) Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 33-й. Саратовъ. 1916. в. к.—7) Пoesія Арменіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней въ переводѣ русскихъ поэтовъ, подъ редакціей, со вступительнымъ очеркомъ и съ примѣчаніями Валерія Брюсова. М. 1916. м.—а.—8) В. И. Крыжановская (Рочестеръ). «Паутина», романъ въ четырехъ частяхъ. Прг. 1917. с. л.—на.—9) Левъ Бертенсонъ. Физическіе поводы къ прекращенію брачнаго союза. (Для врачей и юристовъ). г. к.—10) С. Д. Бондаръ. Секта меннонитовъ въ Россіи въ связи съ иѣмской колонизаціи на югѣ Россіи. Прг. 1916.—С. Аваліани.—11) М. И. Богодпновъ. О путяхъ будущаго. Къ вопросу объ экономическомъ планѣ. Прг. 1916. п. в.—аго.—12) Третья экскурсія по Восточной Персіи (Хорасанъ, Сеистанъ и Персидскій Белуджистанъ) Н. Зарудный. Петроградъ. 1916. Записки императорскаго русскаго географическаго общества. Томъ I. Б. Гурьева.—13) Проф. И. И. Соколовъ. Избраніе патріарховъ alexandрійской церкви въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Историческій очеркъ. П. 1916. А.—14) «Вѣщій». Вильна-молодеченская операція. Августъ—сентябрь 1915 г. (Схема). Изданіе второе. Петроградъ. 1916. Д. Бочкова.—15) Сочиненіе В. П. Буренина. Томъ пятый. Драматическія карикатуры. Изданіе четвертое, дополненное 16-ю новыми пьесами. Прг. 1917. г. м.
- XIV. Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго Вѣстника» 820
- XV. Новости исторіи. **Е. С. Шумигорскаго.** 823
- XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 831
 1) Къ исторіи англійскаго вліянія во Франціи.—2) Въ Германіи за три дня до войны.—3) Германія и англо-японскій союзъ.—4) Тайна охотничьяго замка.—5) Признаніе Кобурга.
- XVII. Смѣсь 847
 1) Литературный фондъ.—2) Музей императора Александра III.—3) Историческое завѣщаніе графа Аракчеева.—4) Домъ имени А. С. Пушкина.—5) Охраненіе памяти старца Теодора Кузьмича.—6) Архивъ войны.—7) Осмотръ архива министерства юстиціи членами общества по изслѣдованію памятниковъ древности.—8) 80-лѣтній юбилей К. К. Арсеньева.
- XVIII. Некрологи 854
 1) Баранцевичъ, Е. М.—2) Борейша, А. Б.—3) Гольденбергъ, Л. В.—4) Звонко-Воровскій, А. Э.—5) Юсса, Н. А.—6) Каценельсонъ, Л. И.—7) Ключковскій, Ю. I.—8) Красницкій, А. И.—9) Мясоѣдовъ, П. А.—10) Неболсинъ, А. Г.—11) Новиковъ (Черешневъ), Н. Ф.—12) Ошанинъ, В. Ф.—13) Соколовъ, В. Д.—14) Спиро, А. А.—15) Тове, Л. Л.—16) Уманецъ, С. И.—17) Усовъ, П. С.—18) Чихачовъ, Н. М.—19) Шпажинскій, И. В.
- XIX. Замѣтки и поправки 864
 1) По поводу «Воспоминаній» Л. I. Автономовой.—II. Отвѣтъ Л. I. Автономовой.

Приложенія: Портретъ Алексѣя Сергѣевича Ермолова.

При этой книжкѣ городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ разсылается переводный бланкъ журнала «Наша Старина».

СОДЕРЖАНИЕ СТО СОРОКЪ СЕДЬМОГО ТОМА.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1917 года.

	СТРАН.
Государственный переворотъ. Редакція.	I—VI
Февральскіе и мартовскіе дни 1917 г. Е. П. Семенова.	1—80

Иллюстраціи: 1) Предсѣдатель Временнаго Комитета Михаилъ Владимировичъ Родзинко, предсѣдатель Г. Думы (членъ Г. Думы отъ Екатеринбургской губ.).—2) Кн. Георгій Евг. Львовъ, предсѣдатель Совѣта Министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ (бывшій членъ 1-й Г. Думы, предсѣдатель главнаго комитета Всероссийскаго Земскаго Союза).—3) Александръ Ив. Гучковъ, военный и морской министръ (членъ Г. Совѣта, предсѣдатель центрального военно-промышленнаго комитета).—4) Пав. Никол. Милуковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ (членъ Г. Думы отъ Петрограда).—5) Александръ Фед. Керенскій, министръ юстиціи (членъ Г. Думы отъ Саратовской губ.).—6) Андрей Ив. Шингаревъ, министръ земледѣлія (членъ Г. Думы отъ Петрограда).—7) Мих. Ив. Терещенко, министръ финансовъ.—8) Проф. Александръ Аполл. Мануйловъ, министръ народнаго просвѣщенія (бывшій членъ Г. Совѣта и ректоръ московскаго университета).—9) Николай Виссар. Некрасовъ, министръ путей сообщенія (бывшій тов. предсѣд. Г. Думы (членъ Г. Думы отъ Томской губ.).—Александръ Ив. Коноваловъ, министръ торговли и промышленности (членъ Г. Думы отъ Костромской губ.).—11) Влад. Никол. Львовъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода (членъ Г. Думы отъ Самарской губ.).—12) Ив. Вас. Годневъ, государственный контролеръ (членъ Г. Думы отъ Казанской губ.).—13) Фел. Исмаил. Родичевъ, министръ по дѣламъ Финляндіи (членъ Г. Думы отъ Петрограда).—14) Николай Сем. Чхеидзе, предсѣд. Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ (членъ Г. Думы отъ Тифлисской губ.).—15) Вадимъ Александр. Юревичъ, петроградскій общественный градоначальникъ.—16) Ген.-лейт. Лавръ Георгіевичъ Корниловъ, главнокомандующій войсками Петрограда и его окрестностей.—17) Дл. Андр. Крыжановскій, начальникъ петроградской милиціи (гласный гор. думы).

Историческая лѣтопись	VII—XXXII, III—XXXII, I—XX
---------------------------------	----------------------------

Иллюстрація: 1) Герой мѣйскаго прорыва. Начальникъ одной изъ нашихъ пѣхотныхъ дивизій генералъ-лейтенантъ Константинъ Лукичъ Гильчевскій.—2) Вудро Вильсонъ, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.—3) Генералъ Николай Николаевичъ Баратовъ.—4) Генералъ Нивель, новый главнокомандующій, замѣнившій Жоффра, герой Вердена.—5) Министръ иностранныхъ дѣлъ Н. Н. Повровскій.

Истор. вѣстн., мартъ 1917 г. т. СXLVII.

1

«Чистосердечное признаніе». (Изъ сказаній о 14-мъ декабря 1825 года).	
Е. С. Шумигорскаго	1
Воспоминанія К. А. Манна. I—VII. К. А. Манна	43, 308, 600
Человѣческоє. (Разказъ). И. Н. Потапенка	58
Добровольная затворница. А. И. Соколовой	78
Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ. Е. С. Каменскаго	86, 361, 633
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Царская семья на Валаамѣ въ 1858 году. Прогулка въ свиты. Императоръ Александръ II, императрица Марія Александровна и августѣйшія ихъ дѣти: Николай, Александръ, Владимиръ и Алексѣй Александровичи.—2) Императоръ Александръ II съ августѣйшимъ семействомъ на Валаамѣ въ 1858 году.—3) Освященіе часовни (изъ французской брошюры того времени).—4) Путешествіе государя императора Александра II съ наследникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ въ 1871 году.—5) Пребываніе наследника цесаревича въ Лондонѣ въ 1873 году.—6) Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ въ гостяхъ у принца Уэльскаго въ 1873 году въ Англии.—7) Наслѣдникъ съ цесаревной въ гостяхъ у фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго въ Скерневицахъ въ 1876 году.	
Изъ донесеній баварскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Ольри (Olry) въ первые годы царствованія (1802—1806) императора Александра I. (Съ предисловіемъ великаго князя Николая Михайловича).	112, 425
Вокругъ легенды о Федорѣ Кузьмичѣ. А. Бородина	133
Пять дней въ Ясной Полянѣ. (Въ апрѣлѣ 1890 г.) П. Ганзена	140
Приложеніе къ «Воспоминаніямъ о митрополитѣ Антоніи». (Отрывокъ изъ дневника автора). М. Вадковскаго	162
Разрывъ Россіи съ Болгаріей въ 1886 году. С. М. Горяинова	173
Отступленіе сербской арміи черезъ Албанію. (Изъ личныхъ впечатлѣній и переживаній). Д-ра М. Жеранча	202, 489, 776

Иллюстраціи: 1) Приштина, главный городъ области Коссова поля.—2) Призрѣвъ, главный городъ Старой Сербіи.—3) Люкъ-Була, на западъ отъ которой въ Албанію нѣтъ дорогъ, точно также какъ отъ Дьяковицы и Печи, откуда и начались самые тяжелые моменты отступленія сербской арміи.—4) Д-ръ Ристо Трифоновичъ Жеранчъ, майоръ сербской службы, директоръ госпиталя въ Нишѣ, погибшій жертвою долга при отступленіи сербской арміи черезъ Албанію въ селѣ Рапе 21 ноября 1915 г.—5) Мостъ на рѣкѣ Дринъ у села Брути.—6) Везировъ мостъ на рѣкѣ Бѣлый Дринъ.—7) Отступленіе воеводы Путника.—8) Отступленіе сербской арміи и бѣженцевъ къ границамъ Албаніи и Черногоріи.—9) Переправа одного сербскаго отряда въ бродъ р. Дрина у села Спасъ, гдѣ на правой сторонѣ этой рѣки въ горахъ подверглась нападенію албанцевъ Моравская дивизія, отступавшая отъ Дьяковицы.—10) Король Петръ въ дорогѣ черезъ Албанію.—11) Гор. Велесъ, съ занятіемъ котораго болгарами сербамъ было прекращено отступленіе на югъ къ греческой границѣ.—12) Геройская смерть д-ра Р. Жеранча, умирающаго на рукахъ его брата во время нападенія изъ засады албанцевъ 21 ноя-

бры 1915 года въ селѣ Рапе.—13) Король Петръ на пути изъ Сербіи въ албанской границѣ.—14) Солдаты третьяго призыва, прикрывавшіе отступление сербовъ.—15) Австрійскіе пѣльные при отступленіи сербовъ.—16) Типъ сербскаго ветерана.

По поводу письма г-на Аскенази въ редакцію «Голоса Минувшаго» (№ 11, ноябрь 1916 г.). Великаго князя Николая Михайловича.	230
Шлиссельбургская трагедія. (Историческій романъ). Прологъ. Часть I. I—V. Льва Жданова.	289, 577
Единъ Господь. (Изъ недавняго прошлаго). Петра Васильковскаго.	339
Исторія не одной взятки. (Разсказъ сибиряка). Н. Козырева.	355
Среди отошедшихъ. (Изъ воспоминаній). I—VII. Р. И. Сементновскаго.	381, 672
Какъ я сталъ учителемъ. (Изъ воспоминаній). Андрея Сиротинина.	396
260-й папа. (Очеркъ). М. Первухина.	410
иллюстраціи: 1) Его святѣйшество папа Генедикъ XV.—2) Кардиналь Гаспари.	
Ю. Д. Бѣляевъ. (Некрологъ). Б. Б. Глинскаго.	471
иллюстрація: Юрій Дмитріевичъ Бѣляевъ.	
Голубятня. (Изъ посмертныхъ разсказовъ). Г. Т. Сѣверцова-Полилова.	624
Архіерейскіе «скандалы» и губернаторское «положеніе». (Разсказъ консисторскаго чиновника). П. Ронина.	667
Воспоминанія о декабристахъ. (Изъ бумагъ М. Д. Францевой).	694
Н. И. Костомаровъ—преподаватель ровенской гимназій. (По архивнымъ даннымъ ровенскаго реального училища). А. И. Попова.	716
иллюстраціи: 1) Рѣка Устье, на которой расположенъ Ровно.—2) Ровенское реальное училище.	
Образцы нѣмецкаго дипломатическаго шантажа. Ан. Кр—й.	736
Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ. (Изъ воспоминаній) Петра Соколова.	751
П. П. Гнѣдичъ. (Къ 40-лѣтію его литературной дѣятельности).	771
Критика и библиографія	231, 520, 800

1) Русскій биографическій словарь. Жабокритскій—Зябловскій. Петроградъ. 1916. В. А. Аленстѣва.—2) Россія и Италия. Сборникъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся сношеній Россіи и Италіи. Изданіе императорской академіи наукъ. Томъ 1 (2 вып.), 2 (2 вып.), и 3-й (2 вып.). Петроградъ. 1907—1916). н. Любсвича.—3) В. Боголюбовъ. Н. И. Новиковъ и его время. Москва. 1916. в. м.—4) Памяти Измаила Ивановича Срезневскаго. Книга 1. Пгр. 1916 г. Съ портретомъ. м.—5) Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. 14. Полтава. 1916. А. Налимова.—6) Ю. Каменевъ. Объ А. И. Герцевѣ и Н. Г. Чернышевскомъ. Петроградъ. 1916. Влад. Мичанина.—7) Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ началѣ XX столѣтія. Часть I. Петр. 1916. п. Б.—

- 8) Флайшгансъ. Янъ Гусъ, Переводъ Е. Петровской подъ редакціей Н. Петровскаго. М. 1916 г. Андрея Сиротинина.—9) М. Чайковскій. Письма П. И. Чайковскаго и С. И. Танѣва. Москва. в. Баснина.—10) С. М. Черкинъ. Шестая держава. Этнографія невѣдомой страны. Пгр. 1916. Д. м—на.—11) Б. Л. Богаевскій. Очеркъ земледѣлія Аенінъ. Петроградъ. 1916. (Оттискъ изъ «Ж. М. Н. П.» за 1915 г.). А. Захарова.—12) Профессоръ И. И. Соколовъ. 1) Собраніе документовъ, относящихся къ исторіи епархіи константинопольской церкви отъ второй половины XV вѣка до настоящаго времени. П. 1916. 2) Епархіи константинопольской церкви настоящаго времени. П. 1915. к.—13) Письма морского офицера 1806—1809 г.г. П. Н. Панафидина. Съ портретомъ автора. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Л. Модзалевскаго. Пгр. 1916. п. Майнова.—14) Сергій Руининъ. «Отклики» ЖМ 1—6. 1916 г. А. М. Б.—15) А. А. Шахматовъ. Введение въ курсъ исторіи русскаго языка. Часть I. Историческій процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій. Петроградъ. 1916. А. С.—16) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Петроградъ. 1916. Дипломатическая переписка англійскихъ представителей при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны. п. Майнова.—17) Владимиръ Вальденбергъ. «Древнерусскія ученія о предѣлахъ царской власти». Пгр. 1916. Александра Тинянова.—18) С. Ф. Либровичъ. На книжномъ посту. Воспоминанія. Записки. Документы. Пгр. и Москва. 1916. Съ портретомъ М. О. Вольфа. вл. Мн.—19) А. М. Ловягинъ. Историческіе и библиологическіе очерки. Выпускъ первый. Пгр. 1917. А. Наллимова.—20) І. Бѣлоголовъ. Акты и документы, относящіеся къ устройству и управленію римско-католической церкви въ Россіи. Томъ I. Петроградъ. 1916. І. Васильева.—21) Круманъ, В. На зарѣ англійскаго гуманизма. Англійскіе корреспонденты первыхъ италіанскихъ гуманистовъ въ ближайшей своей обстановкѣ. Изслѣдованіе. Одесса. 1916. Н. Любовича.—22) Памятники міровой литературы. Античные писатели. Театръ Еврипида. Переводъ съ введеніями и послѣсловіями И. О. Анненскаго, подъ редакціей и съ комментариемъ Ф. Ф. Зѣлинскаго. Т. I: Алкеста, Андромаха, Вакханки, Гекуба. Москва. 1916. С. Цыбульскаго.—23) Профессоръ В. В. Титлиновъ. Гавриилъ Петровъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій,—род. 1730, ум. 1801. Его жизнь и дѣятельность, въ связи съ церковными дѣлами того времени. Петроградъ. 1916. н. г. р.—24) Ив. П. Ювачевъ. Война и вѣра. Очерки всемірной войны 1914—1916 г.г. Пгр. 1917. м.—25) Теодоръ Шмитъ, профессоръ харьковскаго университета. «Законы исторіи». Введение къ курсу всеобщей исторіи искусства. Выпускъ I. Харьковъ. 1916. Александра Тинянова.—26) 1885—1916. Сборникъ статей въ честь графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой. Москва. 1916. А. Захарова.—27) Воронежская Старина. Вып. XIV. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета Воронежъ. 1915—1916 г.г. А. Наллимова.—28) Труды саратовской ученой комиссіи. Вып. 33-й. Саратовъ. 1916. в. к.—29) Пoesія Арменіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней въ переводѣ русскихъ поэтовъ, подъ редакціей, со вступительнымъ очеркомъ и съ примѣчаніями Валерія Брюсова. М. 1916. м—о.—30) В. И. Крыжановская (Рочестеръ). «Паутина», романъ въ четырехъ частяхъ. Пгр. 1917. с. л—на.—31) Левъ Бертенсонъ. Физическіе поводы къ прекращенію брачнаго союза. (Для врачей и юристовъ). г. н.—32) С. Д. Воядаръ. Секта меннонитовъ въ Россіи въ связи съ нѣмецкой колонизаціей на югъ Россіи. Пгр. 1916. с. Аваліани.—33) М. И. Богодѣловъ. О путяхъ будущаго. Къ вопросу объ экономическомъ планѣ. Пгр. 1916. п. в—аго.—34) Третья экскурсія по Восточной Персіи (Хорасанъ, Сепстанъ и Персидскій Белуджистанъ) Н. Зарудный. Петроградъ. 1916. Записки императорскаго географическаго общества. Томъ I. Б. Гурьева.—35) Проф. И. И. Соколовъ. Избраніе патріарховъ александрійской церкви въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Историческій очеркъ. П. 1916. А.—36) «Вѣщій». Вильна-молоченская операція. Августъ—сентябрь 1916 г. (Схема). Изданіе второе. Петроградъ. 1916. д. Бочнова.—37) Сочиненіе В. П. Вуренина. Томъ пятый. Драматическія карикатуры. Изданіе четвертое, дополненное 16-ю новыми пьесами. Пгр. 1917. г. м.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Историческаго
Вѣстника» 252, 534, 820

Новости исторіи. **Е. С. Шумигорскаго.** 255, 537, 823

Заграничныя историческія новости и мелочи 264, 545, 831

1) Марать и Шарлотта Корде.—2) Завоеваніе французами Алжира.—
3) Карикатуристы о военныхъ событіяхъ.—4) Герцогиня Веррійская въ
Прагѣ.—5) Одинъ изъ членовъ конвента въ старости.—6) Наполеонъ I
и дороговизна.—7) Историческіе анекдоты.—8) Парижъ наканунѣ вели-
кой революціи.—9) Изъ исторіи современной Болгаріи.—10) Египтяне
въ изображеніи англійскаго чиновника.—11) Изъ исторіи военно-морской
техники.—12) Григъ въ Римѣ.—13) Къ исторіи англійскаго вліянія во
Франціи.—14) Въ Германіи за три дня до войны.—15) Германія и англо-
японскій союзъ.—16) Тайна охотничьаго замка.—17) Признаніе Кобурга.

Смѣсь 278, 562, 847

1) Въ литературномъ фондѣ.—2) Юбилей профессора Н. И. Веселов-
скаго.—3) Пятидесятилѣтіе научной дѣятельности В. Ф. Ошанина.—
4) Юбилей А. А. Плещеева.—5) Императорское одесское общество исто-
рии и древностей.—6) Къ 50-лѣтію существованія рижской Александров-
ской гимназіи.—7) Академія наукъ въ 1916 году.—8) Юбилейный празд-
никъ въ университетѣ.—9) Въ кассѣ литераторовъ.—10) Въ обществѣ
ревнителей исторіи.—11) Къ юбилею К. А. Военскаго.—12) Юбилей кн.
Д. П. Голицына-Муравлина.—13) Полувѣковой юбилей публицистической
дѣятельности Н. А. Скроботова.—14) И. В. Шпажнскій.—15) Старая Мо-
сква по дѣламъ московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ.—16) Лите-
ратурный фондъ.—17) Музей императора Александра III.—18) Истори-
ческое завѣщаніе графа Аракчсва.—19) Домъ имени А. С. Пушкина.—
20) Охраненіе памяти старца Теодора Кузьмича.—21) Архивъ войны.—
22) Осмотръ архива министерства юстиціи членами общества по изслѣдо-
ванію памятниковъ древности.—23) 80-лѣтній юбилей К. К. Арсеньева.

Некрологи 282, 571, 854

1) Ботьяновъ, М. И.—2) Будищевъ, А. Н.—3) Верховской, В. М.—
4) Грдининъ, Ф. А.—5) Дубровскій, П. М.—6) Ильина-Пожарская, Е. Д.—
7) Залеманъ, К. Р.—8) Каракашъ, Н. И.—9) Направникъ, Э. Ф.—10) Перна,
А. Я.—11) Поспѣловъ, А. И.—12) Бабецкій, Е. М.—13) Витмеръ, А. И.—
14) Евсенинъ, И. А.—15) Ермоловъ, А. С.—16) Злобинъ, И. М.—17) Со-
ловьевъ, Н. Ф.—18) Баранцевичъ, Е. М.—19) Вореяша, А. Б.—20) Голь-
денбергъ, Л. В.—21) Зноско-Воровскій, А. Э.—22) Юсса, Н. А.—23) Каце-
нельсонъ, Л. И.—24) Ключевскій, Ю. И.—25) Красницкій, А. И.—26) Я-
софдовъ, П. А.—27) Небольсинъ, А. Г.—28) Новиковъ (Черешневъ), Н. Ф.—
29) Ошанинъ, В. Ф.—30) Соколовъ, В. Д.—31) Спири, А. А.—32) Тове,
Л. Л.—33) Уманецъ, С. И.—34) Усовъ, П. С.—35) Чихачевъ, Н. М.—
36) Шпажнскій, И. В.

Замѣтки и поправки 864

1) По поводу «Воспоминаній» Л. I. Автономовой.—II. Отвѣтъ А. I. Авто-
номовой.

Приложенія: Портреты: 1) Наслѣдника цесаревича Александра Алексан-
дровича.—2) К. А. Манна.—3) Алексѣя Сергѣевича Ермолова.—4) Въ шатрахъ
Кедара. Историческій романъ Генри Ситонъ-Мерримена. Переводъ съ англій-
скаго А. Б. Михайлова. I—IX.

О ПОДПИСКѢ

на

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1917 году.

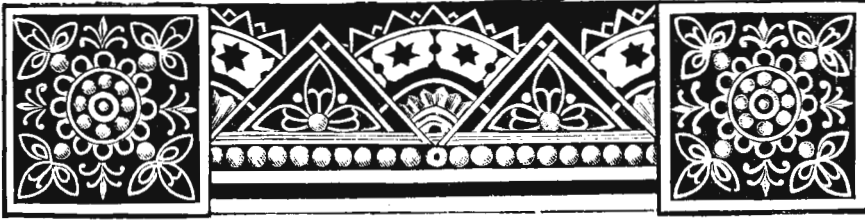
(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ).

«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» будетъ издаваться въ 1917 г. на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія тридцать семь лѣтъ (1880—1916 г.).

Въ виду значительнаго повышенія цѣны на бумагу и удорожанія типографскихъ работъ, подписная цѣна на «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ» въ 1917 г. повышается еще на 3 р. Такимъ образомъ подписная цѣна за 12 книжекъ въ годъ (со всеѣми приложеніями) **четырнадцать рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора «ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА» въ Петроградѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», Невскій пр., д. № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ магазина «Новаго Времени».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ.

АШЕ отечество вступило въ новый періодъ исторіи. Революціонная буря, фактическое описаніе которой читатели найдутъ ниже, въ видѣ дневника журналиста, въ нѣсколько дней смела старый порядокъ вещей, и надъ русской землей взошло яркое солнце, живительные лучи котораго должны согрѣть ее тепломъ и свѣтомъ, вызвать наружу ея творческія силы, столь долго находившіяся подъ гнетомъ старой власти, состоявшей въ разъединеніи съ народной волей, народнымъ чувствомъ и мыслью.

Слезами омытая и кровью крещеная Россія призвана къ новой жизни, гдѣ ходомъ всѣхъ долгихъ предшествовавшихъ годовъ, полныхъ борьбы за народную свободу, она должна явить сокровища своего духа и сказать то новое слово, которое доселѣ ей не было дано произнести, но котораго отъ нея долго ждали народы міра. Что будетъ содержать въ себѣ это слово, каково будетъ его сокровенный смыслъ, мы скоро узнаемъ. Вѣруемъ и исповѣдуемъ, что въ томъ словѣ обнаружится то «золото, золото сердце народное», о коемъ твердилъ намъ поэтъ, блестики котораго просвѣчивали черезъ все наше историческое бытіе, даже въ самые мрачные періоды, періоды нашихъ историческихъ невзгодъ и политическихъ паденій, въ народномъ творчествѣ, въ завѣтахъ лучшихъ людей нашей земли, въ нашей изящной литературѣ, въ развитіи русской философской мысли.

Быть можетъ, ни къ какому моменту отечественной жизни не примѣнимы скорѣе, чѣмъ теперь, слова Ив. Аксакова, съ которыми

онъ въ звучныхъ стихахъ 1858 года обратился къ нашей родинѣ, и аканунъ перваго ея этапа по пути обновленія, навстрѣчу свободѣ, равенству и братству.

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепеть слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотреть день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ.

Пусть почиютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все простить имъ безъ расчета
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.

Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсно радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ,
Людымъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
Дню вчерашнему забвенью,
Дню грядущему привѣтъ!

И дѣйствительно, мы видимъ, что, не считая нѣкоторыхъ единичныхъ эксцессовъ, неизбѣжныхъ при всякихъ революціонныхъ событіяхъ, когда наружу прорываются стихійныя силы и массы находятся въ состояніи крайняго возбужденія, русская революція въ февральскіе и мартовскіе дни текущаго года въ общемъ, въ противность всѣмъ революціямъ древняго и новаго времени, протекла въ необычномъ порядкѣ, безъ особыхъ потрясеній и проявленія страстей. Были жертвы и со стороны возставшихъ, и со стороны представителей стараго порядка вещей, но если опредѣлить количество этихъ жертвъ пропорціонально политическому значенію переворота,

требовавшего, какъ всё думалось, «моря крови», то должно признать, что эти жертвы были минимальны.

Пусть почіють мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.

Относительное беззлобіе протекшей революціи есть свидѣтельство «золотого» сердца народнаго, какъ равно тѣмъ же беззлобіемъ, отсутствіемъ вражды и мести отмѣчены и дѣйствія новаго правительства, прилагающаго всё силы къ тому, чтобы болѣзненный революціонный процессъ протекъ съ наименьшими потрясеніями для народнаго организма и не повлекъ за собою особыхъ жестокостей на головы тѣхъ, кого новое правительство смѣнило и кто является отвѣтчикомъ за все происшедшее и виновникомъ долгихъ лѣтъ застоя народнои жизни, приведшаго нашу родину на край политической и государственной пропасти.

Дню минувшему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

Отсюда стремленіе обновленной правительственной власти къ скорѣйшей созидательной работѣ, къ желанію совокупными силами всего населенія, опираясь на завѣты братства, равенства и свободы, вывести родину на путь славы и процвѣтанія, освѣщенный брызнувшими на него лучами багрянаго солнца. Всеобщая амнистія, уничтоженіе сословныхъ перегородокъ, провозглашеніе вѣротерпимости, свободы совѣсти и равноправія народовъ, обитающихъ Россію, уничтоженіе навсегда смертной казни—вотъ тѣ пароли и лозунги, коими руководится въ своихъ первыхъ начинаніяхъ новое правительство и которые вполнѣ соотвѣтствуютъ историческимъ основамъ и психикѣ великаго славянскаго племени, обнявшаго собою шестую часть свѣта. Завѣты Мономаха, заволжскихъ старцевъ, гуманная проповѣдь лучшихъ представителей нашей общественности сливаются изъ дали временъ съ этими лозунгами и являютъ міру свидѣтельство широты и глубины русскаго духа, русскаго міросозерцанія.

Благо всё, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнеть,
Людемъ миръ, благословенье...

И пусть это благословеніе почіетъ и на томъ Учредительномъ Собраніи, созыва котораго мы нынѣ ожидаемъ. Къ прошлому нѣтъ возврата, и «страна пробужденная» отъ долгой спячки, подобно сказочному Ильѣ Муромцу, должна нынѣ встать во весь свой ростъ и во всю вложенную въ нее исторіей силу.

А сонъ нашего народнаго Ильи Муромца былъ дѣйствительно дологъ и тяжелъ. Нынѣ, съ отреченіемъ бывшаго императора Николая II отъ престола и съ устраненіемъ его братомъ Михаиломъ Александровичемъ своей кандидатуры на этотъ престолъ до рѣшенія по сему предмету Учредительнаго Собранія, народной совѣсти и волѣ династіей Романовыхъ возвращена юридически и фактически верховная власть, которая была вручена Романовымъ этой совѣстью и волей триста слишкомъ лѣтъ тому назадъ на земскомъ все-россійскомъ соборѣ послѣ русской разрухи, сопровождавшей наше лихолѣтіе и уходя съ исторической сцены династіи Рюриковичей.

Нынѣ наступаетъ новая эра въ исторіи русскаго народа—эпоха народовластія. Великій народъ, сознавшій свои силы, развернувшій міровую культурную дѣятельность, сбросилъ съ себя оковы едиполичной самодержавной власти, мертвенныя формы которой только мѣшали росту могучаго народнаго организма и на каждомъ шагу, во всѣхъ отрасляхъ народной и государственной жизни давали о себѣ знать лишь притѣсненіями и репрессіями. Много утекло воды со времени московскаго всероссійскаго собора 1613 г. и велико разстояніе, отдѣляющее Московскую Русь начала XVII в. отъ великой Россіи XX в. Самодержавная монархическая власть, по существу своему консервативная, съ значительной примѣсью въ ней нѣмецкаго начала, не могла идти вровень съ развивающеюся не по днямъ, а по часамъ жизнью управляемаго ею народа, творческая сила ся изсякла и въ концѣ концовъ смѣнилась одними исключительно полицейскими функциями по образцу нѣмецкой государственности, чтобы сковать бурлившую со всѣхъ сторонъ народную жизнь, направить ее въ русло, гдѣ омертвѣвшія, архаическія формы управленія могли бы продолжать свое призрачное существованіе. Единоличная творческая власть была не по силамъ даже такому гениальному монарху, какъ Пётръ Великій, хотя, по собственному его выраженію, онъ «не щадилъ живота своего для пользы отечества». Правнукъ его, Павелъ I, своей фигурой и дѣятельностью уже въ концѣ XVIII в. представлялъ собою лишь карикатуру на самодержавнаго монарха, а его преемники уже почти исключительно устремили свое вниманіе на борьбу съ ростомъ народныхъ силъ и «общественности», гдѣ эти силы находили себѣ выраженіе, и тяготы этой борьбы возложили на созданный ими правительственный классъ—бюрократію, фактически упразднившій самую идею самодержавія и захватившій власть въ свои руки. Россія XIX в. являлась полицейскимъ государствомъ, гдѣ антагонизмъ между правительствомъ и народомъ проявлялся все рѣзче и гдѣ благо народа и спокойствіе правительства оказывались въ непримиримомъ противорѣчьи. Это противорѣчіе не только не устранили, но еще болѣе подчеркнули даже реформы императора Александра II, испугавшія власть и потому тотчасъ же по своимъ возникновенію не закопченныя и даже

извращенныя. Судьба народовъ Россіи, благосостояніе ея 180-милліоннаго населенія великаго государства—зависѣли отъ кучки людей, окружавшихъ тронъ призрачнаго «самодержца», не знавшихъ Россіи и жадно цѣплявшихся за власть, ускользавшую отъ нихъ по непреложнымъ законамъ исторіи,—ради своекорыстныхъ расчетовъ и вождельній, не имѣвшихъ ничего общаго съ благомъ якобы «управляемаго» ими народа. Въ дѣйствительности теченіе народной жизни давно уже ушло не только отъ «управленія» этихъ людей, но и изъ нихъ кругозора. Ясно было, что такъ долго продолжаться не могло и что катастрофа, имѣющая потрясти всѣ основы нашей народной жизни, должна рано или поздно разразиться.

Нынѣшняя война приблизила эту катастрофу; раны нашей заплѣсневлѣвшей жизни вскрылись, и весь гной ся залилъ и тылъ, и фронтъ военныхъ дѣйствій. Героическая русская армія оказалась передъ лицомъ величайшихъ опасностей, и по лицу всей Русской земли раздался ропотъ: такъ дальше жить нельзя, при наличіи стараго режима Россіи грозитъ позоръ пораженія, бѣдствіе всей страны и низведеніе ея на ступень третьестепенной державы съ подчиненіемъ ея велѣніямъ ея враговъ, состоявшихъ въ ближайшемъ родствѣ съ тѣми, кто привелъ нашу родину на край гибели. Стихійно глухой ропотъ сталъ разрастаться постепенно и послѣдовательно въ крикъ негодованія, и грозные звуки этого крика въ концѣ феврала потрясли стогны столицы. Безъ всякой подготовки революція развернулась и въ теченіе всего нѣсколькихъ дней смела старый порядокъ вещей. Велѣнія судьбы исполнились: народъ захватилъ принадлежалую ему полноту власти во имя спасенія родины и выдвинулъ временное правительство, которому съ довѣріемъ и любовью вручилъ эту власть, указавъ ей слѣдовать въ своихъ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ согласно волѣ народной и въ единеніи съ представителями этой своей воли въ лицѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, отстоявшихъ своей кровью и грудью права народа. Яркое солнце возшло надъ русской землей и уже слышенъ «трепетъ новой жизни» и «чѣмъ-то вѣщимъ смотреть день».

Обязанность историка вдумчиво взглянуть въ это «вѣщее», угадывать его естество и, взирая на него, окидывать взоромъ и тотъ длинный историческій путь, который привелъ народъ къ новой эрѣ жизни.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.

Историкъ, по завѣту нашего геніальнаго поэта, долженъ уподобиться дьяку, который

Въ приказахъ посѣдлѣй,
Спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ гармонически совмѣстить этотъ завѣтъ и съ положеніемъ, выдвинутымъ другимъ поэтомъ, сказавшимъ:

Писатель, если только онъ—
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.
Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода.

«Историческій Вѣстникъ», слѣдуя указаніямъ этихъ двухъ нашихъ учителей жизни, и будетъ стараться совмѣщать въ себѣ и отклики на бушующую вокругъ «стихію», но вмѣстѣ съ тѣмъ не забудетъ на своихъ страницахъ и «земли родной минувшую судьбу», памятуя и

Объ истекшихъ дняхъ страданія,
О потерѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданія,
Въ безвременности могиль.

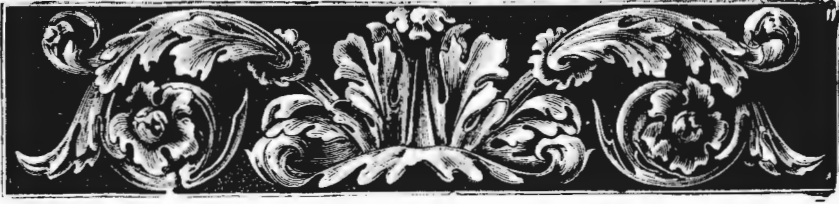
Но не будемъ питать ни къ кому ни жалости, ни мести, ни гнѣва, а, шествуя въ единомысліи съ новыми людьми вѣка, работающими на пользу возрожденія Россіи къ новой жизни, будемъ внимать ея «новому трепету» съ полной вѣрой, что все на землѣ минется и останется одна правда.

Воскресла Россія къ новой жизни, и пусть это воскресенье будетъ свѣтло и радостно: возлюбимъ другъ друга, а-паче всего нашу родину и во имя ея да единомысліемъ исповѣмы. Это единомысліе тѣмъ болѣе обязательно, что мы стоимъ передъ лицомъ грознаго внѣшняго врага, еще пониращающаго своей преступной стопою нашу землю. Событія послѣднихъ дней намъ возвѣстили, чтобы народы, обитающіе нашу родину, были

Всѣ свободны, всѣ велики,
На враговъ побѣдный строй,
Полны мысли благородной,
Полны вѣрою одной.

Вѣра эта—вѣра въ Россію, въ ея міровое призваніе, въ ея братство со всѣми народами міра. Воодушевленные этою вѣрою, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не забудемъ и нашего русскаго—многострадальнаго, тяжкаго историческаго пути, который выковалъ въ насъ и способность вѣрованія, и способность «всечеловѣчества», на которое въ свое время намъ указывалъ великій провидецъ судебъ русскаго народа.

Редакція.

ФЕВРАЛЬСКІЕ И МАРТОВСКІЕ ДНИ 1917 Г.

Les voilà dans le Jeu-de-Paume,
assemblés malgré le Roi...

(Ж. Мишле, Исторія Франц. Рев., т. I, стр. 20).

ОТЪ они (20-го іюня 1789 г.) собрались въ Jeu de Paume вопреки желанію короля... Не забудьте, что въ это время собраніе (народное) было цѣликомъ роялистское безъ исключенія. Не забудемъ, что еще 17-го, когда оно назвало себя національнымъ собраніемъ, оно кричало: «Да здравствуетъ король!» А 20-го въ этомъ же роялистскомъ національномъ собраніи не оказалось ни одного депутата, который былъ бы противъ предложенія умѣреннаго Мунсье (депутата отъ Гренобля) не расходиться, несмотря на распоряженіе короля.

Это былъ «первоначальный актъ» французской революціи, полагаетъ Мишле.

Въ другой обстановкѣ, при другихъ обстоятельствахъ, геній русскаго народа свою великую революцію началъ съ такого же акта. Распущенной третьейюньская Г. Дума не признала себя, осталась въ своемъ Таврическомъ дворцѣ и дала возможность возставшимъ противъ протопоповскаго правительства войскамъ и народу прийти къ ней и вручить ей власть и силу для борьбы съ нимъ.

Этотъ день, 27-го февраля, останется однимъ изъ величайшихъ дней нашей исторіи. Онъ одинъ объединяетъ собою майскіе, іюньскіе, іюльскіе и августовскіе дни 1789 года, превосходя ихъ интенсивностью, быстротой и глубокимъ значеніемъ совершившихся въ пять дней событій, приведшихъ къ паденію, почти безкровному, русскаго монархіи (павшей во Франціи только на третій годъ борьбы).

Въ эти замѣчательные дни конца февраля и начала марта 1917 года, когда грозный и въ то же время очистительный шкваль налетѣлъ на Петроградъ, а затѣмъ пронесся по всей Россіи, мы всѣ жили особенно лихорадочной, нервной, приподнятой жизнью, захваченные событіями и отдавшись имъ. Всѣ мы, петроградцы, такъ или иначе участвовали въ нихъ. И будущему историку будетъ и интересно, и полезно имѣть какъ бы «дневникъ» событій 27-го февраля—3-го марта, который велся журналистомъ въ редакціи одной изъ петроградскихъ газетъ изо дня въ день, по мѣрѣ полученія стекавшихся въ нее свѣдѣній отъ друзей и сотрудниковъ.

Дневникъ журналиста.

14-го—24-го февраля. Какъ извѣстно, ко дню открытія Государственной Думы 14-го февраля ожидалось серьезныя волненія. Къ этому дню Протопоповъ готовился съ особыми, повидимому, упованіями. Въ разныхъ мѣстахъ города были сосредоточены военныя и полицейскія силы, въ домахъ, на чердакахъ, крышахъ и т. п. были установлены пулеметы.

Но въ этотъ первый день засѣданія Государственной Думы ожидавшіяся событія не разыгрались, хотя тревожное состояніе чувствовалось всюду. Рабочіе бастовали въ числѣ приблизительно трехсотъ тысячъ человекъ, но «на улицу» не вышли. Правда, отдѣльныя манифестаціи были, группы рабочихъ шли съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ къ Невскому проспекту.

За благополучный исходъ этого дня Протопоповъ, какъ извѣстно, получилъ высочайшую благодарность. Послѣднее обстоятельство доказываетъ не только, что отъ этого дня ждали чего-то особеннаго, но также и то, что о приготовленіяхъ Протопопова знали благодарившіе его. А Протопоповъ, какъ извѣстно, грозилъ и хвасталъ незадолго передъ тѣмъ «залить страну кровью».

Но это броженіе и принятія Протопоповымъ мѣры привели къ совершенно неожиданнымъ для него результатамъ. Всюду заговорили о возможныхъ кровавыхъ столкновеніяхъ и репрессіяхъ. Это возбуждало въ народѣ и войскѣ разные разговоры. «Пропаганда» дѣлалась сама собою и шла crescendo. Въ то же время положеніе продовольственнаго дѣла, начавшійся хлѣбный кризисъ и ожиданіе, иногда бесполезное, очереди въ «хвостахъ» у лавокъ усилило броженіе въ народѣ.

День 19-го февраля, несомнѣнно, долженъ быть отмѣченъ, какъ переломъ въ настроеніи мирнаго до того населенія. «Въ хвостахъ», на улицѣ, вездѣ стали уже слышаться угрозы и проклятія по адресу правительства. Съ 21-го февраля начали распространяться по городу слухи о разгромленныхъ лавкахъ сначала на Петроградской сторонѣ, а затѣмъ и въ другихъ кварталахъ города.

Мѣропріятія министра земледѣлія Риттиха и новаго уполномоченнаго по продовольствію Вейса вывели окончательно населеніе изъ терпѣнія. Почему-то управленіе Путиловскаго завода 22-го февраля, подъ предлогомъ мнимыхъ безпорядковъ, объявило его закрытымъ, чѣмъ внесло еще болѣе смуты въ умы. Начались въ фабричныхъ кварталахъ мирныя манифестаціи толпы, требовавшей «хлѣба».

23-го февраля толпы народа начали направляться къ центральнымъ улицамъ города. 24-го февраля уже начались кровавыя столкновения на Невскомъ, у Литейнаго проспекта и у городской думы. Выстрѣлами полиціи было убито 12 человекъ, еще болѣе ранено.

Разгнѣванная толпа разгромила кафе «Пекаръ» на Михайловской улицѣ, откуда были произведены выстрѣлы. Тысячи народа собрались на Казанской площади и стали пѣть революціонныя пѣсни, прибывшихъ къ площади казаковъ толпа встрѣтила криками: «Да здравствуютъ казаки! Хлѣба, хлѣба!» Офицеры и казаки просили разойтись, грозя, что въ противномъ случаѣ они вынуждены будутъ стрѣлять въ народъ. Толпа мирно разошлась. Въ тотъ же день, какъ говорятъ (изъ разныхъ источниковъ), полицейскій чинъ ударилъ въ толгѣ студента, и стоявшій рядомъ казакъ выстрѣлилъ въ этого полицейскаго. Это дало поводъ для толковъ о томъ, что войска не будутъ стрѣлять въ возставшій народъ. Въсть объ этомъ докатилась до рабочихъ кварталовъ и окраинъ города и подняла настроеніе населенія, особенно рабочихъ. Послѣдніе перестали считаться съ требованіями и распоряженіями полицейскихъ властей и стали оказывать послѣднимъ вооруженное сопротивленіе. Такимъ образомъ, въ тотъ же вечеръ было ранено много полицейскихъ чиновъ и въ ихъ числѣ полицеймейстеръ полковникъ Шалфѣевъ. Черезъ мѣста этихъ событій проходили по дорогѣ на вокзалы войска, отправлявшіяся на фронтъ. Толпа устраивала проходившимъ войскамъ горячія оваціи, крича уходившимъ солдатамъ, чтобы они рассказали товарищамъ въ траншеяхъ о томъ, что дѣлается здѣсь въ тылу.

Это моральное братаніе толпы и войскъ было пока только какъ бы символическое. Но братаніе это все же началось и должно было закрѣпиться и завершиться въ теченіе ближайшихъ же дней, когда нѣкоторые изъ находящихся въ Петроградѣ воинскихъ частей активно выступили на помощь народу и подняли знамя революціи.

Здѣсь кстати будетъ привести любопытныя разоблаченія, напечатанныя въ «Вечернемъ Времени» (8-го марта 1917 года) о томъ, какъ министерство внутреннихъ дѣлъ готовило событія революціонной недѣли:

«Уже послѣ 1-го ноября начальникъ охраннаго отдѣленія генераль-майоръ Глобачевъ ночью былъ вызванъ къ директору департамента полиціи и ему было предложено дать отвѣтъ, ручается ли онъ за то, что уже заранѣе рѣшенный временный роспускъ Думы не повлечетъ за собой крупныхъ беспорядковъ и волшеній. Генераль-майоръ Глобачевъ тогда же заявилъ, что по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ его распоряженіи, ожидать крупныхъ событій нельзя, но что почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ идетъ усиленная работа къ выступленію, которое предполагается пріурочить къ 9-му января. На это ночное засѣданіе, по желанію Глобачева, былъ вытребованъ жандармскій генераль Волковъ, который подтвердилъ, что агенты, находящіеся почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ, сообщили о томъ, что 9-го января будетъ произведено энергичное выступленіе народныхъ массъ. Единственной мѣрой, которая могла бы предотвратитъ это событіе, по мнѣнію чиновъ охраны, могло быть устройство преждевременнаго выступленія, до полной сорганизованности рабочихъ

массъ, когда можно было рассчитывать на нѣкоторый успѣхъ—быстрымъ подавленіемъ беспорядковъ и внесеніемъ разстройства въ организацию рабочихъ.

Спустя нѣсколько дней, когда Дума была уже распущена и къ-то по городу усиленно распускались слухи о происходящихъ митингахъ и забастовкахъ на нѣкоторыхъ заводахъ, у петроградскаго губернатора Сабурова произошло собраніе всѣхъ чиновъ уѣздной полиціи ввиду полученныхъ охраннымъ отдѣленіемъ данныхъ, что въ случаѣ выступленія петроградскихъ рабочихъ къ нимъ немедленно примкнуть рабочіе изъ ближайшихъ пригородовъ, въ особенности изъ Колпина и Ижоры. Здѣсь также былъ выработанъ цѣлый рядъ провокаціонныхъ мѣръ къ разстройству организациі рабочей массы.

Въ ночь на 7-ое января, по распоряженію министра Протопопова, въ совѣщательномъ залѣ петроградскаго градоначальника созвано было совѣщаніе, въ которомъ принимали участіе петроградскій градоначальникъ генераль-майоръ Балкъ, начальникъ охраннаго отдѣленія генераль-майоръ Глобачевъ, представитель губернскаго жандармскаго управленія извѣстный полковникъ Горленко, жандармскій генераль Волковъ и всѣ петроградскіе полицеймейстеры. Начавшеся въ девять часовъ засѣданіе окончилось лишь въ исходѣ четвертаго часа. Здѣсь же былъ поднятъ вопросъ объ энергичномъ противоѣдствіи какимъ-либо выступленіямъ народныхъ массъ на улицахъ. Впервые на этомъ засѣданіи одинъ изъ жандармскихъ генераловъ высказалъ опасеніе, что едва ли, какъ прежде, сильной опорой будутъ войска. Одинъ изъ присутствовавшихъ чиновъ департамента полиціи огласилъ документъ, указывавшій, что пропаганда уже проникла въ нѣкоторыя войсковыя части и трудно рассчитывать, что солдаты будутъ такъ же, какъ 9-го января 1905 года, безотчетно разстрѣливать толпу.

— Что же дѣлать тогда?—воскликнулъ генераль Глобачевъ:—сложить оружіе и пойти вмѣстѣ съ ними!

Эта тема служила предметомъ долгихъ споровъ и рѣшено было по мѣрѣ возможности, не прибѣгая къ вызову войсковыхъ частей, сдержатъ толпу исключительно петроградской полиціей. При обсужденіи этого проекта выяснилось, что въ резервѣ полицейскихъ ротъ, число коихъ достигало восьми, не хватало значительнаго количества городовыхъ, полагавшихся по штату, а также было очень мало винтовокъ. Многіе же изъ городовыхъ резервныхъ ротъ были вооружены лишь берданками. Послѣ переговоровъ съ къ-то изъ военнаго вѣдомства было сообщено, что вопросъ о винтовкахъ и вообще о вооруженіи не долженъ беспокоить петроградскаго градоначальника, такъ какъ въ нужный моментъ все это будетъ. Такъ какъ было уже въ исходѣ четвертый часъ утра, то было рѣшено на другой день вновь собраться въ томъ же помѣщеніи для выясненія всѣхъ деталей предотвращенія уличныхъ эксцессовъ со стороны толпы.

11-го января, утромъ, въ резервныхъ ротахъ начальниковъ резерва были розданы доставленные изъ Ораніенбаума пулеметы. Такъ какъ на другой день ожидалось выступленіе рабочихъ массъ, то ночью, по составленному плану, пулеметы и были размѣщены на крышахъ и чердакахъ нѣкоторыхъ домовъ, преимущественно въ тѣхъ районахъ, гдѣ ожидалось прохожденіе демонстрацій. Заботясь о полученіи пулеметовъ, чины жандармской полиціи упустили

изъ вида, что почти никто изъ полицейскихъ не умѣлъ обращаться съ этимъ оружіемъ. И, произойди выступленіе народныхъ массъ тогда, сидѣвшіе на крышахъ городовые едва ли сумѣли бы произвести хотя бы одинъ выстрѣлъ. Когда

Предсѣдатель Временнаго Комитета Михаилъ Владимировичъ Родзянко, предсѣдатель Г. Думы.

Членъ Г. Думы отъ Екаторинославской губ.

день 12-го января прошелъ спокойно и въ охранномъ отдѣленіи были получены свѣдѣнія, что революціонное движеніе откладывается до дня возобновления работъ распушенной Государственной Думы, и что къ этому времени, повидимому, будутъ сорганизованы всѣ заводы и фабрики, то было рѣшено заняться въ те-
«истор. вѣстн.», мартъ 1917 г., т. XLVII. II

чение этого мѣсяца обученіемъ городскихъ стрѣльбъ и обращенію съ пулеметами. Всѣмъ чинамъ полиціи было объявлено, что имъ, подобно солдатамъ осаждаемой крѣпости, будетъ выдаваться усиленный окладъ. Этотъ «окладъ» затѣмъ получалъ болѣе определенную форму. Городовымъ было сообщено, что они будутъ получать отъ 60 до 100 рублей въ день. Одновременно съ петроградской полиціей усиленно готовилась и стража, состоящая въ распоряженіи петроградскаго губернатора Сабурова, а также и всѣ чины уѣздной полиціи. Тѣ листки и прокламаціи, которые за день до возобновленія Государственной Думы были разбросаны на заводахъ и фабрикахъ, съ призывомъ рабочихъ, якобы отъ имени члена Государственной Думы Милюкова, ити къ Таврическому дворцу, несомнѣнно, были сфабрикованы въ пѣдрахъ департамента полиціи. Этимъ преждевременнымъ выступленіемъ предполагалось разбить еще не совсемъ сплотившіяся массы. Но провокація, какъ извѣстно, не удалась. Рабочіе не послушались призыва, и въ день 14-го февраля забастовала лишь незначительная часть фабрикъ и заводовъ.

Когда 23-го февраля, въ часъ дня, забастовали нѣкоторые заводы въ районѣ Выборгской стороны и въ городѣ начался разгромъ мелочныхъ лавочекъ, изъ которыхъ предварительно исчезъ хлѣбъ, то изъ охраннаго отдѣленія было сообщено во всѣ участки о сборѣ къ ночи всего кадра полиціи. На происшедшемъ въ тотъ же вечеръ собраніи произошли большія разногласія среди приставовъ и полицеймейстеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ, выяснивъ, чего требуетъ охранное отдѣленіе, въ категорической формѣ заявили, что они не согласны на отправку городскихъ на крыши домовъ и чердаковъ и вообще, если противъ народныхъ массъ будутъ выдвинуты только чины полиціи, то они отказываются брать на себя отвѣтственность.

Послѣ того, какъ 24-го февраля на центральныхъ улицахъ появились тысячныя толпы народа съ красными флагами и среди шедшихъ было замѣчено много солдатъ, для охраннаго отдѣленія стало ясно, что положеніе настолько обостряется, что рассчитывать на поддержку войска едва ли придется. Понимая, что при такихъ условіяхъ первый же выстрѣлъ со стороны городскихъ можетъ быть чреватъ послѣдствіями, охранное отдѣленіе предложило градоначальнику немедленно же переодѣть всѣхъ городскихъ въ солдатскія шинели. По требованію генерала Хабалова, въ три часа ночи на 26-ое февраля изъ казармъ нѣкоторыхъ полковъ были взяты шинели и головные уборы, и въ нихъ переодѣты городовые. Такому же маскараду подверглась и конно-полицейская стража, а также петроградская уѣздная полиція. Въ теченіе дня на улицахъ столицы абсолютно не было видно городскихъ. Повсюду находились «солдаты». И первая бойня, происшедшая у зданія Городской Думы, была начата именно этими «солдатами», открывшими беспорядочную стрѣльбу послѣ нѣсколькихъ провокаторскихъ выстрѣловъ, произведенныхъ къ-то въ воздухъ съ Думской улицы.

Ночью въ охранномъ отдѣленіи были получены свѣдѣнія, что изъ Колпина по направленію къ Московской заставѣ идутъ на подмогу рабочіе съ мѣстныхъ заводовъ, въ количествѣ 8.000 человекъ. Немедленно же объ этомъ было сообщено исправнику Царскосельскаго уѣзда. По заранѣе составленному плану были устроены засады на семь пути, по которому должны были пройти рабочіе.

Здѣсь же находились спрятанными и пулеметы. Предполагавшаяся кровавая бойня не удалась. Кто-то успѣлъ предупредить двигавшуюся къ Петрограду рабочую массу, и она, повернувъ обратно, прошла къ городу другимъ путемъ. Автору знаменитаго застѣнка, устроеннаго имъ въ Сестрорѣцкѣ во время революціоннаго движенія въ 1905 году, пришлось получить отъ жандармскихъ генераловъ за неудачу большой нагоняй.

Какъ и слѣдовало ожидать, осталась вѣрной Протопопову лишь часть столичной полиціи, которая съ рѣдкимъ упорствомъ до послѣдняго патрона сидѣла на крышахъ и на чердакахъ. Другая же часть при первыхъ же извѣстіяхъ о присоединеніи войсковыхъ частей къ народу бросилась обратно въ участки и, собравъ все наиболѣе цѣнное, разбѣжалась. Лишь самая незначительная часть, одинъ полицеймейстеръ и двое или трое приставовъ, давно уже находившіеся у чиновъ охраннаго отдѣленія подъ подозрѣніемъ, вмѣстѣ съ городскими перешли на сторону народа. Какъ теперь установлено, на крышахъ и чердакахъ находилось до 50 пулеметовъ. На Знаменской площади 26-го и 27-го февраля разстрѣломъ толпы руководилъ начальникъ жандармскаго отдѣленія Николаевского вокзала генераль-майоръ Фурса со своими помощниками: полковникомъ Шлетневымъ и Толубѣевымъ. Часть ихъ на другой же день была арестована, нѣкоторые же, въ томъ числѣ и генераль Фурса, успѣли скрыться.

25-го февраля. Въ этотъ день на улицахъ уже появились войска по вызову генерала Хабалова. Городъ былъ раздѣленъ на участки, во главѣ которыхъ поставлены были командиры полковъ. На Ваеильевскомъ островѣ офицеръ застрѣлилъ рабочаго, обратившагося съ рѣчью къ солдатамъ. Въ остальныхъ пунктахъ города войска относились дружески къ рабочимъ и къ толпѣ. Только на Выборгской сторонѣ «войска» въ одномъ мѣстѣ стрѣляли въ народъ, но затѣмъ оказалось, что это не войска, а переодѣтые городовые, неизвѣстно откуда стрѣлявшіе.

Газеты «День», «Виржевыя Вѣдомости», «Русская Воля» не вышли. Въ «Вечернее Время» явились мальчишки, а затѣмъ и взрослые, сняли рабочихъ, и газета не вышла.

Редакція въ сборѣ. Всѣ въ одинъ голосъ согласно говорятъ: «Единственное спасеніе—уходъ правительства и замѣна его отвѣтственнымъ кабинетомъ». По минутно телефонные звонки съ новостями, слухами и т. п. Пріѣхаль Ксюнинъ съ новостями изъ Государственной Думы.

Всѣ также согласны въ томъ, что невыходъ газетъ—политическая ошибка и не въ интересахъ самихъ забастовщиковъ-рабочихъ. Никому не выгодно, кромѣ самихъ бюрократовъ, виновниковъ всего этого, чтобы газеты не выходили и чтобы населеніе оставалось безъ повостей.

Редакторы газетъ сговариваются по телефону о созывѣ на завтра общества редакторовъ.

Отправляюсь пѣшкомъ на Невскій. Извозчиковъ не достать. На Невскомъ толпы народа. Возбужденіе всеобщее.

Говорятъ о стычкахъ у Николаевского вокзала, объ отказѣ казаковъ стрѣлять, о стрѣльбѣ городовыхъ въ нихъ и т. п. Пронеслись казаки. Народъ раздается мирно въ обѣ стороны, и одной людской волной меня относить на Михай-

и*

ловскую, и я вхожу въ Европейскую гостиницу, гдѣ встрѣчаю бывшаго до войны корреспондентомъ «Matin» de-Monscade, нынѣ послѣ двухлѣтней службы на фронтѣ причисленнаго къ специальной миссиі въ Петроградѣ.

Изъ окна читальни гостиницы видѣлъ нѣсколько разъ бѣгущихъ въ паникѣ отъ Невскаго людей. Привезли женщину въ обморокѣ отъ испуга.

Де-Монкадѣ меня спрашиваетъ:

— Что же, по-вашему, это серьезно? Что же будетъ съ войною?

— Это очень серьезно. Началась національная драма, которая окончится только тогда, когда прекратится вліяніе «фѣмки» на престолѣ... Къ сожалѣнію, или къ счастью—это уже будетъ поздно, и самый тропь будетъ сметенъ событиями...

Передъ окнами пронеслась новая людская волна... Люди всѣхъ званій и возрастовъ бѣжали въ страхѣ отъ Невскаго... Испуганныя лошади, закусивъ удила, неслись, таща за собою опрокинутыя сани.... Люди падали...

Я поспѣшилъ на улицу... Новый залпъ... Новая людская волна... Люди бросаются къ подъездамъ, къ воротамъ, ко всякому возможному убѣжищу или прикрытію...

— Въ чемъ дѣло?

Наиболѣе владѣющіе собою изъ толпы отвѣчаютъ, что войска не стрѣляютъ, а стрѣляютъ переодѣтые полицейскіе, неизвѣстно откуда...

Я наталкиваюсь на знакомаго, который мнѣ говоритъ:

— Я шелъ въ толпѣ съ Дзюбинскимъ (депутатъ-трудовикъ), и вдругъ около городской думы раздалися залпы. «Ложись!»—крикнулъ мнѣ Дзюбинскій, и я легъ, какъ и онъ, на снѣгъ. Пули пролетали надъ нами.

Какъ потомъ выяснилось, такія засады полицейскихъ были организованы въ разныхъ мѣстахъ и такъ хорошо скрыты, что о нихъ узнавали только постепенно во время и послѣ самыхъ событій.

Тутъ же въ толпѣ я слышалъ взволнованные рассказы о выстрѣлахъ и въ другихъ мѣстахъ на Невскомъ и, между прочимъ, о выстрѣлахъ у Знаменской площади. Я съ трудомъ добрался пѣшкомъ домой, гдѣ по телефону сталъ узнавать о событіяхъ въ городѣ.

К. мнѣ позвонилъ: «совѣтую на завтра (воскресенье) не выходить на улицу. Приняты суровыя мѣры: хотягь (Протопоповъ и К^о) «покончить съ революціею».

Въ Государственной Думѣ собраніе прогрессивнаго блока единогласно приняло слѣдующую резолюцію: «Правительство, обагрившее свои руки въ крови народной, не смѣетъ больше являться въ Государственную Думу, и съ этимъ правительствомъ Государственная Дума порываетъ навсегда».

Вечеромъ въ городской думѣ состоится собраніе гласныхъ, городскихъ попечителей, представителей патронатовъ и др. для обсужденія постановленія вчерашняго засѣданія членовъ правительства съ представителями законодательныхъ палатъ, созваннаго въ Маріинскомъ дворцѣ по инициативѣ В. М. Родзянко и постановившаго передать все продовольственное дѣло въ столицѣ петроградскому городскому самоуправленію.

Изъ-за отсутствія способовъ передвиженія, кромѣ «пѣшаго хожденія», я

Князь Георгій Евг. Львовъ, председатель Совѣта Министровъ и министр внутреннихъ дѣлъ.

Бывшій членъ 1-й Г. Думы, председатель главнаго комитета всероссійскаго земскаго союза.

не попалъ уже въ городскую думу на засѣданіе. Но городской попечитель, Н. П. Стародворскій (бывшій шлиссельбуржецъ), присутствовавшій на этомъ собраніи, мнѣ разсказалъ о томъ, что тамъ происходило.

Собраніе, подъ предсѣдательствомъ городского головы, прошло съ необыкновеннымъ подъемомъ. Говорили Шингаревъ, Керенскій и др. о развалѣ, до котораго режимъ довелъ страну, о преступленіяхъ правительства—разстрѣль мірнаго народа. Это было собраніе, несомнѣнно, революционное, тѣмъ болѣе серьезное и опасное для строя, что происходило въ умѣреннѣйшей изъ городскихъ думъ, подъ предсѣдательствомъ умѣреннѣйшаго Лелянова.

Собраніе постановило принять продовольственное дѣло подъ условіемъ полного отстраненія отъ него администраціи, съ участіемъ въ немъ всѣхъ городскихъ и общественныхъ организацій и гарантіи, что власти не измѣнятъ своего рѣшенія. Рѣшено также потребовать отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ, князя Голицына, освобожденія арестованныхъ и прекращенія стрѣльбы въ народъ. Поговорить съ премьеромъ поручено тутъ же городскому головѣ и Шингареву. Въ часъ ночи они могли поговорить съ княземъ Голицынымъ, который отозвался объ арестахъ незнаемъ. «Это, вѣроятно, дѣло охраннаго отдѣленія». Что же касается стрѣльбы въ толпу, то онъ—предсѣдатель Совѣта Министровъ,—противъ стрѣльбы! Такъ опредѣленнаго отвѣта отъ главы правительства добиться и не могли.

Около двухъ часовъ утра разошлось это знаменательное собраніе, рѣшивъ на другой же день собраться и работать по районамъ.

Это собраніе было, несомнѣнно, знаменательнымъ предвѣстникомъ, если не первымъ голосомъ начавшейся революціи. Но послѣдній отвѣтственный представитель глухой и слѣпой власти ничего не понималъ, не видѣлъ и не слышалъ... Совершилась судьба этой власти...

26-го февраля (воскресенье). Я съ утра въ редакціи. Въ этотъ день чувствуется уже близость грозы. Генераль Хабаловъ, съ одной стороны, грозитъ населенію и рабочимъ, которые не станутъ на работу, онъ угрожаетъ посылкой на фронтъ. Родзянко отправилъ царю въ ставку слѣдующую телеграмму:

«Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ, продовольствіе и топливо пришли въ полное разстройство. Растетъ общее недовольство. На улицахъ происходитъ беспорядочная стрѣльба. Части войска стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца».

Посылка телеграмма публикѣ неизвѣстна.

Изъ Москвы телефонируютъ, что газеты тамъ вышли и въ нихъ помѣщенъ отчетъ о вчерашнемъ засѣданіи въ городской думѣ.

Claude Ahnet мнѣ телефонируетъ, спрашивая о новостяхъ. Онъ телеграфируетъ въ парижскую газету «Petit-Parisien». Онъ отъ Шингарева узналъ о вчерашнемъ засѣданіи городской думы, но не знаетъ, разрѣшить ли цензоръ отправить эти телеграммы. Звоню завѣдывающему отдѣломъ печати въ министер-

ствѣ иностранныхъ дѣлъ А. І. Лысаковскому. Онъ согласенъ съ тѣмъ, что телеграммы въ союзныя страны надо пропускать: лучше, если тамъ будутъ узнавать о событіяхъ изъ Петрограда непосредственно, чѣмъ via Берлинъ.

Въ редакцію стекаются постепенно извѣстія о событіяхъ. Массы народа устремились на Невскій, несмотря на предупрежденія переведенныхъ на окраины казаковъ не ходить къ центру города, гдѣ будутъ стрѣлять.

Стрѣльба въ народъ производилась между прочимъ «волынцами» и «литовцами»,—оказалось, что это были полицейскіе, переодѣтые въ формы этихъ полковъ.

Стрѣльба полицейскихъ значительно усилилась въ этотъ день. Въ лазареты привозили много раненыхъ. Болѣе всего стрѣляли на Караванной, на углу Литейнаго и Бассейной и на Знаменской площади.

Вотъ что пишетъ о видѣнномъ на Знаменской въ этотъ день В. Л. Бурцевъ («Бирж. Вѣд.» 5 марта):

«Мы, живущіе на Знаменской площади, въ «Балабинской гостиницѣ», съ самаго утра воскресенья 26-го февраля могли наблюдать, во что выливался приказъ генерала Хабалова.

Окна моей квартиры и квартиры депутата члена Государственной Думы Н. Н. Рожкова, откуда намъ, живущимъ въ «Балабинской гостиницѣ», приходилось наблюдать то, что происходило въ этотъ день на улицѣ,—выходятъ на Знаменскую площадь и на двѣ улицы—на Старо-Невскій проспектъ и на Гончарную улицу.

Въ самомъ началѣ этихъ улицъ, гдѣ онѣ выходятъ на Знаменскую площадь, подъ самыми нашими окнами съ утра стояли въ два ряда солдаты съ винтовками. Они были такъ близки къ намъ, что мы могли легко разсмотрѣть выраженіе ихъ лицъ, ихъ смѣхъ, ихъ радость, ихъ порой смущеніе:

У насъ въ окнахъ были открыты форточки, и мы легко могли слышать всѣ разговоры солдатъ между собой: Около нихъ стояли горнисть, фельдфебель, молодой, почти юноша, офицеръ. Къ нимъ часто приходили ихъ руководители: 1) подполковникъ Лебедевъ, 2) генераль Фурса, 3) полковникъ Плетьевъ, 4) подполковникъ Толубьевъ.

Для огражденія этихъ солдатъ отъ толпы около нихъ расположено было каре другихъ солдатъ, внутри котораго стояли: мѣстный частный приставъ, конные и пѣшіе городовые.

Впереди солдатъ, по Старо-Невскому проспекту и по Гончарной улицѣ ходили мирные жители. У каждаго изъ нихъ было свое дѣло, почему онъ очутился на этихъ улицахъ. Специально пришедшихъ для политическихъ манифестацій было мало, и тѣ всѣ скоро разошлись. Поведеніе солдатъ и особенно ихъ офицеровъ показывало ясно, что готовится что-то совершенно необычное. Въ воздухѣ пахло кровью...

Всѣ чувствовали себя нервно возбужденными, но никому изъ насъ все-таки не хотѣлось вѣрить, что это что-то страшное все-таки произойдетъ.

Но вотъ офицеръ, а за нимъ и солдаты нѣсколько разъ прокричали публикѣ свои приказанія «разойтись». Затѣмъ раздался за душу хватающій звукъ рожка. Мы знали, что сразу стрѣлять не будутъ, что все будетъ сдѣлано по за-

кону: раздастся не одинъ, а три сигнала прежде, чѣмъ солдаты выполнять то, чего отъ нихъ требуютъ офицеры.

И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько секундъ раздался второй сигналъ, еще черезъ нѣсколько—третій... Затѣмъ послышалась спокойная команда офицера: «Стрѣлять...»

Я видѣлъ, какъ были взведены курки, какъ откинулось потомъ ружье, я услышалъ выстрѣлы, и вслѣдъ за тѣмъ тамъ, гдѣ-то вдали раздались вопли...

Александръ Ив. Гучковъ, военный и морской министръ.

Членъ Г. Совѣта, предсѣд. центрального военно-промышленнаго комитета.

Стѣна заслоняла отъ меня тѣхъ, въ кого стрѣляли, но я отчетливо слышалъ, какъ уцѣлѣвшіе бросились по сторонамъ, какъ раздались стоны тѣхъ, кто не былъ сразу добитъ...

Скоро мимо меня двое солдатъ пронесли на рукахъ тяжело стонавшую старуху, одну изъ тѣхъ, кого мы каждый день видѣли въ хвостахъ, куда онѣ приходять со своими котомками выстаивать кусокъ хлѣба.

Затѣмъ другіе солдаты пронесли мимо насъ умирающаго человѣка, неспособнаго даже стонать... Онъ былъ весь въ крови...

Но вот новая команда офицера... Раздался выстрѣль,—новые стоны, гдѣ-то впереди...

Передо мной стоялъ молодой поручикъ. Онъ спокойно покуривалъ папирсы, спокойно обмѣнивался какими-то шутками со своими солдатами и съ под-

Пав. Никол. Милоковъ, министр иностранныхъ дѣлъ.

Членъ Г. Думы отъ Петрограда.

ходившимъ къ нему начальствомъ. Онъ всѣмъ своимъ видомъ показывалъ солдатамъ, что онъ дѣлаетъ самое обычное для него дѣло.

Офицеръ съ самаго начала, видимо, не совсѣмъ былъ доволенъ своими солдатами. Ихъ «попаданія» не были, повидимому, такъ часты, какъ ему хотѣлось. Солдаты стрѣляли иногда вверхъ въ сторону и совсѣмъ неохотно стрѣляли по приказу въ указанную имъ живую цѣль. Офицеръ сталъ командовать стрѣлять

солдатамъ не вмѣстѣ, а по одиночкѣ. Тутъ онъ уже могъ совершенно увѣренно слѣдить за каждымъ выстрѣломъ.

— Вотъ того, что около столба... Да, нѣтъ, не тотъ!.. Еще разъ!.. Еще!..

— Дуракъ!.. Мимо...

— Вонъ тамъ, черезъ улицу, переходятъ тѣ двое... Видишь?..

Каждое слово произносилось ровнымъ, спокойнымъ голосомъ.

Солдатъ, видимо, нѣсколько разъ подъ рядъ даетъ промахъ. Офицеръ имъ недоволенъ. Беретъ изъ рукъ солдата ружье и стрѣляетъ самъ.

По самодовольному лицу видно, что его выстрѣлъ былъ удачный...

Такихъ удачныхъ выстрѣловъ около насъ, на Старо-Невскомъ проспектѣ и на Гончарной улицѣ, было не мало. Мой сосѣдъ изъ своего окна видѣлъ, какъ передъ его глазами изъ дома № 132 по Невскому проспекту пыталась перебѣжать улицу маленькая дѣвочка и какъ она была подкошена пулей нашихъ храбрецовъ...

Въ нашемъ домѣ, въ воротахъ, въ пяти саженьяхъ отъ солдатъ стоялъ прѣхавшій въ гости одинъ провинціалъ. Онъ вздумалъ выглянуть изъ калитки посмотрѣть, что дѣлаютъ посланцы генерала Хабалова. Въ эту минуту пуля снесла черепъ этому любопытному человѣку.

Много было удачныхъ выстрѣловъ. Одинъ знакомый офицеръ, развозившій на своемъ автомобилѣ раненыхъ, говорилъ, что въ этотъ день ему пришлось увезти 28 человѣкъ.

Жандармскій генералъ, затѣмъ полковники и подполковники, имена которыхъ я далъ въ началѣ, подходили къ офицеру и съ пріятной улыбкой крѣпко жали ему руку за вѣрную службу «царю и отечеству».

Такъ прошелъ канунъ великаго дня 27-го февраля.

Въ тотъ же день, 26-го февраля, предсѣдатель Государственной Думы протелеграфировалъ всеѣмъ главнокомандующимъ фронтамъ вышеприведенную телеграмму, снабдивъ ее просьбой поддержать съ своей стороны передъ царемъ обращеніе предсѣдателя Государственной Думы.

Генералъ Брусиловъ отвѣтилъ:

«Вашу телеграмму получилъ. Свой долгъ передъ родиной и царемъ исполнилъ».

Телеграмма генерала Рузскаго гласитъ:

«Телеграмму получилъ. Порученіе исполнилъ».

27-го февраля. Утромъ моя прислуга въ испугѣ прибѣжала и заявила, что на Кировую выйти нельзя, войска взбунтовались, стрѣляютъ и бѣгутъ въ другія казармы снимать войска (домъ выходитъ на Кировую, 17, и Манежный, 16).

Выстрѣлы слышались, дѣйствительно, несмотря на закрытыя окна, то отдалѣнно, то начками. Изъ оконъ я видѣлъ, какъ солдаты съ ружьями бѣжали по Знаменской по направленію къ Бассейной, на углу Знаменской и Манежнаго стояли кучки публики и солдатъ и о чемъ-то разговаривали, останавливая свободныхъ солдатъ, автомобили (послѣдніе забирали), и не пропускали ни извозчиковъ, ни ломовыхъ. По Манежному пробѣжали раза два-три солдаты съ ружьями къ Надеждинской. У воротъ сосѣдняго дома стоялъ поставленный солдатами преображенецъ на часахъ.

Я вышел на улицу, гдѣ вмѣшался на Кирочной въ толпу солдатъ, отъ которыхъ узналъ то, о чемъ подробно сообщено въ газетѣ «Время» (8-го марта) слѣдующее отъ имени Волынскаго полка:

«Первымъ, кто поднялъ свое знамя за свободу родины, были волынцы.

Въ 7^{1/2}—8 часовъ утра 27-го февраля во дворѣ учебной команды раздался первый выстрѣлъ и крики «ура» въ пользу освобожденной Россіи.

Этими выстрѣлами былъ убитъ капитанъ Лашкевичъ, который наканунѣ заставлялъ стрѣлять въ бунтовавшую голодную толпу.

Потомъ волынцы стройными рядами вышли изъ воротъ учебной команды, вынося на своихъ штыкахъ великій свѣтъ свободы на улицу.

Ими предводительствовали унтеръ-офицеры и подпрапорщики (имена ихъ будутъ перечислены въ исторіи).

Во главѣ со старшимъ унтеръ-офицеромъ Кирпичниковымъ они остановились вдоль Греческаго проспекта. Къ нимъ съ криками «ура» и выстрѣлами въ воздухъ присоединились литовцы, а потомъ и преображенцы.

Часть солдатъ была сильно возбуждена, а часть стояла съ поникшими головами, не зная, что дѣлать, куда итти и что ждать ихъ впереди.

«Братцы, и я съ вами!»

Это былъ голосъ прапорщика Георгія Астахова, который, переодѣтый въ солдатскую форму, первымъ изъ офицеровъ русской арміи примкнулъ къ возставшимъ солдатамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними на пути погибнуть за свободу отчизны.

«За свободу отчизны!—съ новой бодростью, съ новой энергіей раздался голоса.—Впередъ и впередъ! Среди насъ Астаховъ!»

Снова стройные ряды, снова крики «ура», выстрѣлы въ воздухъ и голоса: «Да здравствуетъ свобода!»

Изъ казармъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона стрѣляли изъ пулемета. Но пулеметъ быстро сняли, и саперы всѣ присоединились къ нимъ.

Встрѣчавшіеся прохожіе снимали шляпы, фуражки, котелки, привѣтствовали войска.

Женщины плакали.

Изъ оконъ всѣхъ домовъ махали платками, фартуками и т. д. это Всеюду несло громкое «ура».

Впереди шли волынцы во главѣ съ прапорщикомъ Астаховымъ.

Съ Бассейной улицы повернули на Знаменскую.

Шли догонять ратниковъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка. Но ратники сами уже вышли и кучками переходили на сторону возставшихъ. Снова крики «ура».

— Да здравствуетъ Россія! Пусть живетъ свободная родина! Впередъ, впередъ, ребята, съ нами офицеръ!

Пришелъ гонецъ отъ павловцевъ, который сообщилъ, что павловцы возстали и ждутъ на Марсовомъ полѣ, но, какъ потомъ оказалось, это была ловушка со стороны старой власти.

На Марсовомъ полѣ были пулеметы, приготовленные къ разстрѣлу возставшихъ.

Пусть родина благодарить прапорщика Астахова, что онъ не послушалъ гонца и отговорилъ волынцевъ (а они были впереди возставшихъ войскъ) итти на Марсово поле, а двинулся по Литейному къ Государственной Думѣ.

Могучее «ура» не переставало гремѣть со всѣхъ сторонъ.

Отовсюду привѣтствовали. Въ воздухъ летяты котелки, фуражки, платки.

Но вотъ послышался залпъ по возставшимъ,—это стрѣляли войска, которыя стояли на охраниѣ Литейнаго моста и окружнаго суда.

Началась перестрѣлка. Войска смѣшались, двинулись впередъ, стали раздаваться беспорядочныя выстрѣлы, и войска подавили стрѣляющихъ людей.

Строя у волынцевъ уже не стало, все перемѣнилось, всѣ двинулись къ Государственной Думѣ, часть на «Кресты» освобождать политическихъ.

Всюду толпа, всюду выстрѣлы, крики «ура, да здравствуетъ свобода!»

Такъ началось освободительное движеніе родины.

Волынцы убѣдительно просятъ, чтобы газеты оповѣстили по всей Руси о началѣ дѣла великаго освобожденія родины. «В о л ы н ц ы».

Слѣдуетъ около 300 подписей.

Этотъ документъ подтверждается слѣдующимъ, напечатаннымъ въ томъ же номерѣ газеты «Время»:

«Къ намъ многіе обращаются съ вопросомъ, какая часть и когда перешла на сторону возставшаго народа?»

На этотъ вопросъ мы пожелали отвѣтить черезъ посредство вашей уважаемой газеты, что 4-я рота лейбъ-гвардіи Павловскаго полка возстала противъ стрѣльбы въ народъ и вышла на улицу еще 26-го числа, въ три часа дня, но такъ какъ у насъ было всего 100 ружей на 1,500 человекъ, то многое сдѣлать мы не могли, а послѣ перестрѣлки съ полиціей и пришедшими двумя ротами Преображенскаго и Кексгольмскаго полковъ въ семь часовъ вечера мы были водворены въ свое помѣщеніе, окончательно обезоружены и, какъ арестованные, ночь на 27-е провели подъ охраной означенныхъ двухъ ротъ, при чемъ скоро среди насъ разнесся слухъ, что насъ приказано разстрѣлять въ 24 часа, такъ что ночь эта у насъ была исторической.

Каждый зналъ, что жить осталось недолго, поэтому было не до сна. На наше счастье 27-го возстали другіе полки, избавившіе насъ отъ смертной казни.

По старому правительству насъ, какъ зачинщиковъ, жалко было оставить безъ наказанія, и 27-го насъ всѣмъ полкомъ, съ офицеромъ и музыкой, отправили въ Зимній дворецъ, въ подземныхъ казематахъ коего, какъ потомъ говорили, была устроена для насъ ловушка.

Но мы оттуда вырвались и въ ночь на 28-ое уже всѣмъ полкомъ перешли на сторону возставшаго народа.

«4-я рота павловцевъ».

Особенно возмутило солдатъ, волынцевъ и другихъ возставшихъ первыми,—говорили мнѣ солдаты,—то, что полицейскихъ переодѣвали въ ихъ шинели...

Въ это же утро между тѣмъ председатель Государственной Думы обратился къ царю со второй телеграммой слѣдующаго содержанія:

«Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи».

Утромъ же стало извѣстно упомянутое выше заявленіе генерала Хабалова, которое еще болѣе подняло революціонное настроеніе населенія, особенно проявившееся въ нѣсколькихъ центрахъ, какъ: Баскова улица, Артиллерійскій

Александръ Фед. Керенскій, министръ юстиціи.

Членъ Г. Думы отъ Саратовской губ.

переулокъ (куда посланы были для усмиренія «бунтовщиковъ» семеновцы, перешедшіе, однако, на сторону народа), Литейный проспектъ, Бассейная, районъ Балтійскаго вокзала и другія мѣста, гдѣ были разставлены пулеметы, изъ которыхъ стрѣляли «фараоны», какъ стали называть въ народѣ полицейскихъ.

По мѣрѣ открытія полицейскихъ засадъ съ пулеметами и ихъ стрѣльбы въ революціонныя войска обстрѣливали ихъ по собственной инициативѣ или по приказамъ, которые стали получаться къ концу дня уже изъ Государственной Думы.

Между тѣмъ въ Государственной Думѣ, которой суждено было сыграть роль единственнаго организованнаго въ странѣ центра, спасающаго своимъ авторитетомъ и престижемъ революцію, утромъ 27-го председатель Родзянко получилъ указъ Николая II отъ 25-го февраля слѣдующаго содержания:

«На основаніи ст. 99 основныхъ государственныхъ законовъ повелѣваемъ: занятія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта прервать 26-го февраля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе апрѣля 1917 года, въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Правительствующій Сенатъ не оставить къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе».

На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величества рукою подписано: «Николай».

27-го февраля 1917 года.

Въ Царской Ставкѣ, 25-го февраля.

Скрѣпилъ председатель Совѣта Министровъ князь Николай Голицынъ.

Этотъ документъ, несомнѣнно, оказался брошенной странѣ перчаткой, которую Государственная Дума немедленно же подняла. Совѣтъ старѣйшинъ собрался и въ экстренномъ засѣданіи, въ отвѣтъ на указъ о роспускѣ, постановилъ: «Государственной Думѣ не расходиться. Всѣмъ депутатамъ оставаться на своихъ мѣстахъ».

Въ половинѣ третьяго, подъ председательствомъ М. В. Родзянка состоялось совѣщаніе членовъ Государственной Думы, на обсужденіе которыхъ были поставлены, по предложенію Дзюбинскаго, вопросы объ организациі временнаго комитета Государственной Думы. Собраніе поручило совѣту старѣйшинъ составленіе Временнаго Комитета, въ который вошли въ первый же день депутаты: М. В. Родзянко, А. Ѳ. Керенскій, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгинъ, П. Н. Мюлюковъ, М. А. Карауловъ, А. И. Коноваловъ, И. И. Дмитрюковъ, В. А. Ржевскій, С. И. Шидловскій, Н. В. Некрасовъ, В. Н. Львовъ и полковникъ Б. А. Энгельгардтъ. Этотъ комитетъ былъ окончательно организованъ въ полночь.

Одновременно съ Временнымъ Комитетомъ собравшіеся въ Государственной Думѣ представители рабочихъ, солдатъ и нѣсколько общественныхъ дѣятелей организовали Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, рѣшившіи обратиться къ населенію съ слѣдующими воззваніями:

«Граждане. Засѣдающіе въ Государственной Думѣ представители рабочихъ, солдатъ и населенія Петрограда объявляютъ, что первое засѣданіе ихъ представителей состоится сегодня, въ семь часовъ вечера, въ помѣщеніи Государственной Думы. Всѣмъ перешедшимъ на сторону народа войскамъ немедленно избрать своихъ представителей по одному на каждую роту.

Заводамъ избрать своихъ депутатовъ по одному на каждую тысячу. Заводы, имѣющіе менѣе тысячи рабочихъ, избираютъ по одному депутату.

Временный Исполнительный комитетъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

«Граждане!

«Солдаты, ставшіе на сторону народа, съ утра находятся на улицѣ голодные. Совѣтъ депутатовъ рабочихъ, солдатъ и населенія прилагаетъ все усилія къ тому, чтобы накормить солдатъ. Но сразу организовать продовольствіе трудно.

«Совѣтъ обращается къ вамъ, граждане, съ просьбой кормить солдатъ всеѣмъ, что только у васъ есть.

«Временный Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ».

27 февраля 1917 года.

«Благодаря этимъ организациямъ, создался центръ, который могъ взять движеніе въ свои руки и повести его болѣе или менѣе планомѣрно.

Въ увеличивавшейся передъ Государственной Думой толпѣ солдатъ и народа идутъ между тѣмъ митинги. Депутаты Родзянко, Керенскій, Чхидзе, Шульгинъ, Милоковъ и другіе встрѣчаютъ делегации съ рѣчами. Колонны возставшихъ войскъ подходили непрерывно къ Государственной Думѣ при бурныхъ привѣтствіяхъ народа, особенно восторженно встрѣчавшаго тѣ войсковыя части, которыя, будучи высланы для усмиренія народа и возставшихъ солдатъ, перешли на сторону революціи. Вскорѣ надъ городомъ стали летать аэропланы и сбрасывать въ толпу прокламаціи слѣдующаго содержанія:

«Товарищи, насталъ желанный часъ. Народъ беретъ власть въ свои руки. революція началась, не теряйте ни минуты времени, создайте сегодня же временное революціонное правительство.

«Только организація можетъ укрѣпить нашу силу, прежде всего выбирайте депутатовъ, пусть они свяжутся между собою, пусть подъ защитой войска создается Совѣтъ Депутатовъ.

«Крѣпкіе связью, вы присоедините къ себѣ остальныхъ солдатъ, идите къ казармамъ. Зовите остальныхъ. Пусть Финляндскій вокзалъ будетъ центромъ, куда соберется революціонный штабъ. Захватывайте все зданія, которыя могутъ послужить опорой для вашей борьбы.

«Товарищи солдаты и рабочіе!

Выбирайте депутатовъ, связывайтесь между собою въ организаціи для побѣды надъ самодержавіемъ!

«Организующійся Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ».

Въ виду того, что газеты не выходили, событія шли быстро и надо было оповѣщать населеніе о томъ, что происходитъ, — въ Государственной Думѣ образовался комитетъ петроградскихъ журналистовъ, которые и стали издавать матеріалы, передаваемые ему Комитетомъ Государственной Думы, въ видѣ «Извѣстій» 27-го февраля, 28-го февраля, 1-го марта и т. д. всего девять номеровъ въ типографіяхъ «Вечерняго Времени», «Рѣчи» и «Биржевыхъ Вѣдомостей» и 10-й прощальный листокъ, когда стали снова выходить газеты.

Эти официальные известия сообщают о событиях революционных дней следующие сведения.

Около часу дня 27-го февраля делегация отъ 25.000 возставших солдат явилась в Государственную Думу для осведомления о позиции, занятой народными представителями.

М. В. Родзянко передалъ делегации следующее единогласно принятое постановление совета старейшинъ:

«Основнымъ лозунгомъ момента является упразднение старой власти и замена ея новой. Въ дѣлѣ осуществленія этого Государственная Дума приметъ живѣйшее участіе, но для этого прежде всего необходимы порядокъ и спокойствіе».

Одновременно предсѣдатель Государственной Думы вручилъ делегатамъ тексты телеграммъ, отправленныхъ царю въ ставку, начальнику штаба генералу Алексѣеву и тремъ главнокомандующимъ фронтами.

Около часа дня предсѣдатель Совета Министровъ доложилъ по телефону предсѣдателю Государственной Думы Родзянку о подачѣ имъ въ отставку. По слухамъ, подали въ отставку и остальные члены кабинета, за исключеніемъ Протопопова.

Въ теченіе дня революционнымъ народомъ были произведены обыски въ квартирахъ всѣхъ членовъ кабинета. Ни одного изъ министровъ арестовать не удалось, такъ какъ никого изъ нихъ не оказалось дома.

Около двухъ часовъ дня сильныя отряды революціонной арміи, сопровождаемые вооруженнымъ народомъ, подошли къ зданію Государственной Думы. Навстрѣчу революціонной арміи вышли члены Государственной Думы Чхеидзе, А. Ѳ. Керенскій, А. И. Скобелевъ и мн. др. Появленіе депутатовъ, а особенно наиболѣе популярныхъ въ народныхъ массахъ, были встрѣчено громкимъ «ура». Съ рѣчами къ войскамъ выступали Чхеидзе, Керенскій, Скобелевъ.

Лица, руководившія возставшими солдатами, снявъ караулъ у Таврическаго дворца и принявъ охрану Государственной Думы на себя, заняли почту и телеграфъ въ зданіи Государственной Думы и поставили часовыхъ у телефонныхъ аппаратовъ.

Около пяти съ половиной часовъ вечера въ помѣщеніе Государственной Думы подъ сильнымъ конвоемъ революціоннаго народа былъ доставленъ предсѣдатель Государственнаго Совета, бывший министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ.

Послѣ краткаго совѣщанія по распоряженію членовъ временнаго комитета Щегловитовъ временно помѣщенъ подъ сильной охраной въ министерскомъ павильонѣ Таврическаго дворца. Затѣмъ въ ближайшіе дни арестованы всѣ министры, кромѣ Н. Н. Покровскаго, оставленнаго на свободѣ, и Протопопова, который скрывался первые два дня, а на третій самъ отдался въ руки Комитета Государственной Думы.

Еще утромъ перешедшими на сторону народа войсками послѣ непродолжительнаго сопротивленія взяты арсеналъ и главное артиллерійское управленіе. Убить завѣдывающій складами арсенала генералъ Матусовъ. Арсеналъ и главное артиллерійское управленіе находятся подъ охраной возставшихъ.

Днемъ сильнымъ отрядомъ солдатъ и вооруженнымъ народомъ послѣ короткаго сопротивленія тюремной стражи взята Выборгская одиночная тюрьма— «Кресты». Всѣ политическіе заключенные, въ томъ числѣ и рабочая группа центрального военно-промышленнаго комитета, а также Хрусталева-Носаря, освобождены.

Взяты также домъ предварительнаго заключенія и женская тюрьма (Литовскій замокъ).

Комендантъ Петропавловской крѣпости выразилъ вчера 26-го февраля желаніе переговорить съ членами Исполнительнаго Комитета Государственной Думы.

Сегодня утромъ В. В. Шульгинъ отправился въ Петропавловскую крѣпость и, послѣ переговоровъ съ комендантомъ, сообщилъ, что войска крѣпости на сторонѣ народа.

Въ руки возставшихъ войскъ и революціоннаго народа такимъ образомъ попала также и Петропавловская крѣпость, которая превращена въ главную базу революціонной арміи. Всѣ политическіе освобождены изъ казематовъ и выпущены на свободы.

Разгромлено и подожжено охранное отдѣленіе. Всѣ архивы и дѣла политическихъ уничтожены.

Въ ночь на 28-ое февраля нижеподписавшіеся члены Государственнаго Совѣта послали царю телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Ваше императорское величество. Мы, нижеподписавшіеся члены Государственнаго Совѣта по выборамъ, въ сознаніи грозной опасности, надвинувшейся на родину, обращаемся къ вамъ, чтобы выполнить долгъ совѣсти передъ вами и передъ Россіей.

«Вслѣдствіе полнаго разстройства транспорта и отсутствія подвоза необходимыхъ матеріаловъ остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обостреніе продовольственнаго призиса, вызваннаго тѣмъ же разстройствомъ транспорта, довели народныя массы до полнаго отчаянія. Это чувство еще обострилось той ненавистью къ правительству и тѣми тяжкими подозрѣніями противъ власти, которыя глубоко запали въ народную душу.

«Все это вылилось въ народную смуту стихійной силы, а къ этому движенію присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся довѣріемъ въ Россіи, окончательно дискредитировано и совершенно безсильно справиться съ грознымъ положеніемъ.

«Государь. Дальнѣйшее пребываніе настоящаго правительства у власти означаетъ полное крушеніе законнаго порядка и влечетъ за собою неизбѣжныя пораженія на войнѣ, гибель династіи и величайшія бѣдствія для Россіи.

«Мы почитаемъ послѣднимъ и единственнымъ средствомъ рѣшительное измѣненіе вашимъ императорскимъ величествомъ направленія внутренней политики согласно неоднократно выраженнымъ желаніямъ народнаго представительства, сословій и общественныхъ организацій, немедленный созывъ законодательныхъ палатъ, отставку нынѣшняго Совѣта Министровъ и порученіе лицу, заслуживающему всенароднаго довѣрія, представить вамъ, государь, на утверженіе списокъ новаго кабинета, способнаго управлять страной, въ полномъ согласіи

съ народнымъ представительствомъ. Каждый часъ дорогъ. Дальнѣйшія отсрочки и колебанія грозятъ неисчислимыми бѣдами.

«Вашего императорскаго величества вѣроподанные члены Государственнаго Совѣта: Васильевъ, Вернадскій, Вайнштейнъ, Глѣбовъ, Гриммъ, Гучковъ, князь Друцкой-Соколинскій, Дьяковъ, Зубашовъ, Комсигъ, Лаптевъ, Маринъ, Меллеръ-Закомельскій, Ольденбургъ, Стахѣвъ, Савицкій, Стаховичъ, графъ Толстой, князь Трубецкой, Шмурло, Шумахеръ, Юмашевъ».

Первые шаги Исполнительнаго Комитета Государственной Думы и общественныхъ организаций.

Въ два часа ночи на 28-ое февраля Исполнительный Комитетъ Государственной Думы выпустилъ слѣдующія два воззванія:

I.

Временный Комитетъ Государственной Думы обращается къ жителямъ Петрограда, а также солдатамъ съ призывомъ во имя общихъ интересовъ щадить государственныя и общественныя учрежденія и приспособленія, какъ-то: телеграфъ, водокачки, электрическія станціи, трамваи, а также правительственныя мѣста и учрежденія. Равнымъ образомъ Комитетъ Государственной Думы поручаетъ охранѣ гражданъ заводы и фабрики, какъ работающіе на оборону, такъ и общаго пользованія. Необходимо помнить, что порча и уничтоженіе учреждений и имущества, не принося никому пользы, причиняютъ огромный вредъ какъ государству, такъ и всему населенію, ибо всѣмъ одинаково нужна вода, свѣтъ и проч. Недопустимы также посягательства на жизнь и здоровье, а равнымъ образомъ имущества частныхъ лицъ. Пролитіе крови и разгромъ имущества лягутъ пятномъ на совѣсть людей, совершившихъ эти дѣянія, и могутъ принести, кромѣ того, неисчислимыя бѣдствія всему населенію столицы.

Предсѣдатель Государственной Думы **Михаилъ Родзянко**.

II.

Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго правительства, нашель себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознвая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, Комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться его довѣріемъ.

Предсѣдатель Государственной Думы **Михаилъ Родзянко**.

27-го февраля 1917 года.

27-го февраля вечеромъ собрались представители общественныхъ организаций: военно-промышленнаго комитета, земскаго и городского союзовъ, глас-

ные петроградской городской думы, председатели санитарных попечительствъ и попечительствъ о бѣдныхъ и др.

Послѣ краткаго обмѣна мнѣній совѣщаніе приняло единогласно слѣдующую резолюцію:

«Представители общественныхъ организацій, собравшись 27-го февраля

Андрей Ив. Шингаревъ, министръ земледѣлія.

Членъ Г. Думы отъ Петрограда.

на совѣщаніе, привѣтствуютъ постановленіе Государственной Думы не расходиться и ея рѣшимость принять власть въ свои руки.

«Временный Комитетъ изъ членовъ Государственной Думы, опирающійся на силы сознательной части арміи, совместно съ рабочими и населеніемъ встрѣтитъ дружную поддержку общественныхъ организацій и дастъ наконецъ Россіи полную побѣду надъ внѣшнимъ и внутреннимъ врагомъ».

III*

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ выпустилъ слѣдующее воззваніе:

«Старая власть довела страну до полного развала, а народъ до голоданія. Терпѣть дальше стало невозможно. Населеніе Петрограда вышло на улицу, чтобы заявить о своемъ недовольствѣ. Его встрѣтили залпами. вмѣсто хлѣба царское правительство дало народу свинець.

Но солдаты не захотѣли итти противъ народа и возстали противъ правительства. вмѣстѣ съ народомъ они захватили оружіе, военные склады и рядъ важныхъ правительственныхъ учреждений.

Борьба еще продолжается; она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить мѣсто народному правленію. Въ этомъ спасеніе Россіи.

Для успѣшнаго завершенія борьбы въ интересахъ демократіи народъ долженъ создать свою собственную властную организацію.

Вчера, 27-го февраля, въ столицѣ образовался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ—изъ выборныхъ представителей заводовъ и фабрикъ, возставшихъ воинскихъ частей, а также демократическихъ и социалистическихъ партій и группъ.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, засѣдающій въ Государственной Думѣ, ставитъ своей основной задачей организацію народныхъ силъ и борьбу за окончательное упроченіе политической свободы и народнаго правленія въ Россіи.

Совѣтъ назначилъ районныхъ комиссаровъ для установленія народной власти въ районахъ Петрограда.

Приглашаемъ все населеніе столицы немедленно сплотиться вокругъ Совѣта, образовать мѣстные комитеты въ районахъ и взять въ свои руки управленіе всеми мѣстными дѣлами.

Все вмѣстѣ, общими силами будемъ бороться за полное устраненіе стараго правительства и созывъ учредительнаго собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ».

По предложенію Исполнительнаго Комитета Государственной Думы обязанности коменданта возставшаго петроградскаго гарнизона принялъ на себя полковникъ генеральнаго штаба членъ Государственной Думы Б. А. Энгельгардтъ, вступившій въ должность въ началѣ 1 часа ночи.

28-го февраля.

Временный Комитетъ Государственной Думы такъ опредѣляетъ свои задачи:

«Дума стремится установить связь между офицерами и нижними чинами. Чувствуется настоятельная потребность въ организаціи воинскихъ массъ, исполненныхъ лучшихъ стремленій, но еще не организованныхъ: слишкомъ быстро идутъ событія.

Поэтому офицеры приглашаются оказать всемѣрное содѣйствіе Государственной Думѣ въ этомъ тяжеломъ трудѣ.

Порядокъ поддерживается пока патрулями, наряжаемыми отъ военной комиссіи Государственной Думы, и автомобилями съ вооруженными людьми.

Приняты мѣры къ охранѣ арсенала и монетнаго двора Петропавловской крѣпости. Всякія враждебныя дѣйствія противъ крѣпости нежелательны. Всѣ политическіе заключенные, томившіеся въ казематахъ, въ томъ числѣ и 19 солдатъ, арестованные въ послѣдніе дни, выпущены на свободу.

Мих. Ив. Терещенко, министръ финансовъ.

Несмотря на глубокое различіе политическихъ и соціальныхъ идеаловъ членовъ Гос. Думы, вошедшихъ въ составъ Временнаго Комитета, въ настоящую трудную минуту между ними достигнуто полное единеніе. Передъ тѣми и другими стоитъ неотложная задача организовать стихійное народное движеніе.

Опасность дезорганизациі одинаково понимается всѣми.

Граждане, организуйтесь—вотъ основной лозунгъ момента.

Въ организациі—спасеніе и сила. Слушайте Временный Комитетъ Государственной Думы.

Рѣчи къ войскамъ.

Передъ подъѣздомъ Таврическаго дворца выстроились юнкера Михайловскаго артиллерійскаго училища, къ которымъ вышелъ М. В. Родзянко.

Начальникъ училища, генераль, командовалъ:

— Смирно.

Часть взяла на караулъ, и председатель Государственной Думы произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Я васъ привѣтствую, господа офицеры и господа военные. Я привѣтствую васъ, пришедшихъ сюда и тѣмъ доказавшимъ ваше желаніе помочь усиліямъ Государственной Думы водворить порядокъ въ томъ разбушевавшемся морѣ беспорядка, къ которому насъ привело несовершенство управления.

— Я привѣтствую васъ еще и потому, что вы—молодежь, основа и будущее счастье великой Россіи. Я твердо вѣрю, что если вамъ угодно такимъ образомъ поддержать усилія Государственной Думы, то мы достигнемъ той цѣли, которая дастъ счастье нашей родинѣ. Да здравствуетъ наша дорогая родина. Я твердо вѣрю, что въ вашихъ сердцахъ горитъ горячая любовь къ родинѣ и что въ вашей дальнѣйшей дѣятельности вы поведете на ратные подвиги наши славныя войска и что побѣда наша будетъ обезпечена. Да здравствуетъ Михайловское артиллерійское училище!

Рѣчь председателя была покрыта шумными криками «ура».

— Будь другомъ народа, Родзянко!—раздались возгласы.

— Помните родину и ея счастье. За нее надо постоять,—отвѣтилъ председатель Государственной Думы.

Во время обращенія Родзянко рядомъ съ нимъ находились А. И. Гучковъ и В. Н. Львовъ.

Послѣ Родзянко юнкерамъ Михайловскаго артиллерійскаго училища говорилъ Керенскій.

— Товарищи рабочіе, солдаты, офицеры и граждане,—сказалъ депутатъ.— То, что мы всѣ собрались въ этомъ залѣ въ этотъ великій, знаменательный день, даетъ мнѣ вѣру въ то, что старый варварскій строй погибъ безвозвратно. (Гулъ одобренія).

«Я думаю, что то, что мы дѣлаемъ здѣсь, есть дѣло не только петроградское,—это дѣло всей великой страны, дѣло, за которое уже погибъ въ безплодной борьбѣ рядъ поколѣній.

«Товарищи! Въ жизни каждаго государства, какъ и въ жизни отдѣльнаго челоуѣка, бываютъ моменты, когда вопросъ идетъ уже не о томъ, какъ лучше жить, а о томъ, будетъ ли оно вообще жить.

«Мы переживаемъ такой моментъ, когда мы должны спросить себя, будетъ ли Россія жить, если старый порядокъ будетъ существовать? Чувствуете вы это? (Весь залъ отвѣчаетъ: «Чувствуемъ»).

«Мы собрались сюда дать клятвенное завѣреніе, что Россія будетъ свободна».

— Клянемся!—всѣ подняли руки вверхъ.

— Товарищи! Первѣйшей вашей задачей сейчасъ является организація. Мы

должны въ три дня создать полное спокойствіе въ городѣ, полный порядокъ въ нашихъ рядахъ.

А. Ѳ. Керенскій призываетъ солдатъ и офицеровъ къ полному единенію и довѣрію другъ къ другу, призываетъ офицеровъ быть старшими товарищами солдатъ.

— Весь народъ сейчасъ заключилъ одинъ прочный союзъ противъ самаго страшнаго нашего врага, болѣе страшнаго, чѣмъ врагъ нынѣшній,—противъ

Проф. Александръ Апол. Мануиловъ, министръ народнаго просвѣщенія.
Бывшій Членъ Г. Совѣта и ректоръ московскаго университета.

старога режима. И этотъ союзъ долженъ сохраниться до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ своей цѣли.

Свою рѣчь А. Ѳ. Керенскій закончилъ возгласомъ:

— Да здравствуетъ свободный гражданинъ свободной Россіи!

Въ это время Преображенскій полкъ съ офицерами и командиромъ во главѣ выстроился въ Екатерининскомъ залѣ.

— Преображенцы, вниманіе!—раздалась команда командира полка, взявшаго подъ козырекъ при появленіи председателя Государственной Думы.

Родзянко обратился къ полку со слѣдующей рѣчью:

«Прежде всего, православные воины, позвольте мнѣ, какъ старому военному, поздороваться съ вами: «Здравствуйте, молодцы!»

— Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство,—дружно отвѣтилъ полкъ.

— Позвольте мнѣ,—продолжаетъ предсѣдатель,—сказать вамъ спасибо за то, что вы пришли сюда, чтобы помочь членамъ Государственной Думы водворить порядокъ и обезпечить славу и честь родины.

«Ваши братья сражаются тамъ, въ далекихъ окопахъ, за величіе Россіи, и я гордъ, что мой сынъ съ самаго начала войны находится въ славныхъ преображенскихъ рядахъ. Но чтобы вы могли помочь дѣлу водворенія порядка, за что взялась Государственная Дума, вы не должны быть толпой. Вы лучше меня знаете, что безъ офицеровъ солдаты не могутъ существовать. Я прошу васъ подчиниться и вѣрить вашимъ офицерамъ, какъ мы вѣримъ. Возвращайтесь спокойно въ ваши казармы, чтобы по первому требованію явиться туда, гдѣ вы будете нужны».

— Согласны...—отвѣтили преображенцы.

— Укажите путь!—раздался возгласъ.

— Старая власть,—отвѣтилъ предсѣдатель Государственной Думы,—не можетъ вывести Россію на нужный путь. Первая задача наша—устроить новую власть, которой всѣ бы довѣряли и которая сумѣла бы возвеличить нашу матушку Русь.

— Не будемъ тратить время для долгихъ разговоровъ. Сейчасъ надо найти другъ друга, найти своихъ офицеровъ и ждать приказаній Временнаго Комитета Государственной Думы. Это единственный способъ побѣдить.

— Если мы не сдѣлаемъ этого сегодня, то завтра можетъ быть будетъ поздно. («Мы это сдѣлаемъ»,—раздалось въ отвѣтъ). Это полное единеніе арміи, народа и Государственной Думы обезпечить нашу мощь и нашу силу,—закончилъ Родзянко. (Громовое «ура»).

Пришли лейбъ-гренадеры. Офицеры на своихъ мѣстахъ. Командиръ полка впереди.

— Смирно!—раздалась команда.

Впередъ выступилъ предсѣдатель Исполнительнаго Комитета Государственной Думы М. В. Родзянко и обратился къ полку съ привѣтствіемъ:

— Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство,—дружно отвѣтили лейбъ-гренадеры.

— Спасибо вамъ за то,—сказжалъ предсѣдатель Государственной Думы:—что вы пришли помочь намъ возстановить нарушенный порядокъ. Надѣюсь, что вы братья тѣхъ, которые проливаютъ тамъ въ холодныхъ окопахъ свою кровь за честь родины. Поддержите традиціи доблестнаго російскаго полка, которія я самъ, старый солдатъ, привыкъ любить и уважать.

«Слушайте вашихъ офицеровъ, ибо безъ начальниковъ воинская часть превращается въ толпу, неспособную водворить порядокъ.

«Господа офицеры, приведшіе васъ сюда, во всемъ согласны съ членами Государственной Думы. Вы должны помочь намъ организовать власть, которой довѣряла бы вся страна. За дорогую Россію, за матушку Русь, ура!»

Шумное «ура» раскатилось по Екатерининскому залу.

— Вы получите сейчасъ распоряженія отъ вашихъ офицеровъ. Со своей сто-

роны прошу васъ въ согласіи съ вашими начальниками спокойно разойтись по казармамъ и дѣлать то, что вамъ прикажутъ наши офицеры. Я счастливъ, что между нами устанавливается полная связь. Еще разъ спасибо за то, что вы явились сюда.

Появленіе П. Н. Милокова на возвышеніи въ Екатерининскомъ залѣ Государственной Думы было встрѣчено привѣтственными кликами.

Николай Виссар. Некрасовъ, министръ путей сообщенія.
Высшій тов. предсѣд. Г. Думы, членъ Г. Думы отъ Томской губ.

— Съ вами говоритъ членъ Временнаго Комитета Милоковъ. (Возгласы: «Знаемъ!»).

«Послѣ того, какъ власть выпала изъ рукъ нашихъ враговъ, ее нужно взять въ наши собственныя руки и это надо сдѣлать немедленно, это надо сдѣлать сегодня («ура»), ибо мы не знаемъ, что будетъ завтра..»

«Что же нужно сдѣлать сегодня, что же нужно для того, чтобы взять власть въ свои руки? Для этого мы должны быть прежде всего организованными, едиными и подчиненными единой власти. Властью этой является Временный Комитетъ Государственной Думы. Ему нужно подчиняться и никакой другой власти, ибо двоевластіе опасно и грозитъ намъ распыленіемъ и раздробленіемъ силъ.»

«Я вчера видѣлъ первый полкъ, который пришелъ сюда въ полномъ порядкѣ со своими офицерами и призналъ власть Государственной Думы («Браво!»). Помните, единственное условіе нашей силы—наша организованность. Только вмѣстѣ съ офицерами вы будете сильны. Неорганизованная толпа силы не представляетъ. Если бы вся армія превратилась въ неорганизованную толпу, то достаточно небольшой кучки организованныхъ враговъ, чтобы ее разбить. («Вѣрно»). Надо сегодня же сорганизоваться и сдѣлать то, что сдѣлалъ первый явившійся сюда полкъ. Найдите своихъ офицеровъ, которые состоятъ подъ командой Государственной Думы, и сами станьте подъ ихъ команду. Этотъ вопросъ сегодня очередной.

«Помните, что врагъ не дремлетъ и готовится стереть насъ съ вами съ лица земли» (Возгласы: «Не будетъ этого»).

— Такъ этого не будетъ?—обращается къ солдатамъ П. Н. Милюковъ.

— Не будетъ—раздается единодушный отвѣтъ военныхъ.

— Сейчасъ говорилъ членъ Государственной Думы Милюковъ. Вамъ понятно, что онъ сказалъ?—спросилъ солдатъ командиръ лейбъ-гвардіи Грендерскаго полка.

— Понятно, все поняли,—раздалось въ отвѣтъ.

— Намъ нужно сорганизоваться, а какъ это сдѣлать, я вамъ скажу. Сейчасъ все старшіе чины—офицеры и унтеръ-офицеры—должны пойти къ своимъ частямъ и выстроить ихъ передъ Государственной Думой. Затѣмъ идите по городу, но чтобы красиво было, чтобы народъ любовался своей арміей.

«Будьте спокойны и въ полномъ порядкѣ. Вѣрьте, что Государственная Дума сдѣлаетъ по чистой совѣсти. Мы будемъ въ ея распоряженіи. («Рады стараться! Ура!»—раздалось въ отвѣтъ).

Подъ командой полкового командира 9-й запасный кавалерійскій полкъ, пришедшій къ Таврическому дворцу, былъ выстроенъ передъ главнымъ подъездомъ Государственной Думы.

Къ полку вышелъ предсѣдатель Государственной Думы и предсѣдатель Временнаго Исполнительнаго Комитета Государственной Думы М. В. Родзянко вмѣстѣ съ предсѣдателемъ центрального военно-промышленнаго комитета А. И. Гучковымъ.

На привѣтствіе М. В. Родзянко раздалось громовое «ура» полка.

— Спасибо вамъ, что вы пришли сюда,—сказалъ М. В. Родзянко.

— Рады стараться,—отвѣтилъ полкъ.

— Помните,—началь М. В. Родзянко:—что вы пришли сюда для того, чтобы водворить порядокъ въ томъ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ, который постигъ нашу столицу, благодаря нераспорядительности старыхъ властей.

«Государственная Дума образовала комитетъ съ тѣмъ, чтобы водворить нарушенный порядокъ и создать такую власть, которая сумѣла бы вывести нашу дорогую родину на стезю побѣды и обеспечила бы ей славное будущее (громовое «ура») и которая будетъ пользоваться полнымъ довѣріемъ страны.

«Я приглашаю васъ, братья, помнить, что воинскія части только тогда сильны, когда онѣ въ полномъ порядкѣ и когда офицеры находятся при своихъ частяхъ. Православные воины! Послушайте моего совѣта. Я старый человекъ

и обманывать васъ не стану,—слушайте офицеровъ, они васъ дурному не научатъ и будутъ распоряжаться въ полномъ согласіи съ Государственной Думой. Да здравствуетъ Святая Русь!»

Послѣднія слова покрываются криками «ура» войскъ и народа.

— Солдаты,—сказалъ вслѣдъ за тѣмъ командиръ полка:—я буду исполнять все то, что мнѣ будетъ приказывать предсѣдатель Государственной Думы. Я остался съ вами только при томъ условіи, что вы будете исполнять мои приказанія. «Ура» предсѣдателю Государственной Думы! («Громовое «ура»).

Послѣ команды отправляться въ казармы заиграла музыка, и полкъ, быстро выстроившись въ стройные ряды, пошелъ къ мѣсту назначенія.

Передъ Таврическимъ дворцомъ и въ разныхъ полкахъ и казармахъ въ Петроградѣ, какъ потомъ въ ближайшіе дни и въ окрестностяхъ, членамъ комитета и его комиссарамъ пришлось говорить къ разнымъ войсковымъ частямъ.

28-го февраля утромъ П. Н. Милюковъ былъ приглашенъ офицерами перваго запаснаго полка, стоящаго на Охтѣ (Новочеркасскій), прибыть въ помещеніе полка.

П. Н. Милюковъ прибылъ въ офицерское собраніе, гдѣ его встрѣтило все офицерство полка съ командиромъ во главѣ.

Въ бесѣдѣ съ ними П. Н. Милюковъ заявилъ, что въ настоящій моментъ есть единственная власть, которую всѣ должны слушать, это Временный Комитетъ Государственной Думы. Двоевластія быть не можетъ.

«Задача комитета—возстановить порядокъ и организовать власть, выпавшую изъ рукъ стараго правительства. Для этого Временному Комитету необходимо содѣйствіе военной силы, которая не должна дѣйствовать разрозненно, а въ томъ организованномъ видѣ, въ какомъ онъ, къ своему удовольствію, видитъ эту часть».

Офицеры полка единодушно выразили согласіе и полную готовность подчиняться Временному Комитету и лицу, завѣдующему военной частью Комитета.

П. Н. Милюковъ вышелъ послѣ этого на плацъ, гдѣ былъ выстроенъ полкъ. По срединѣ была устроена высокая трибуна, съ которой депутатъ обратился къ солдатамъ съ рѣчью. Онъ подчеркнул, какъ важно быть солдатамъ въ данный моментъ вмѣстѣ съ офицерами, которые пойдутъ объ руку съ Государственной Думой. Депутатъ предостерегалъ солдатъ отъ зеленаго змія, подчеркнувъ необходимость быть трезвыми и единодушными, и заявилъ, что они должны подчиняться исключительно приказаніямъ, которыя исходятъ отъ принявшаго на себя обязанности начальника петроградскаго гарнизона, члена Государственной Думы, полковника Энгельгардта. Приказанія эти, за подписью полковника Энгельгардта, будутъ направляться къ командирамъ полковъ.

— Возстановленіе и поддержаніе порядка—единственныя условія, которыя дадутъ возможность достигнуть поставленныхъ задачъ,—закончилъ П. Н. Милюковъ.—Мы должны раздѣлаться съ нѣмцемъ внѣшнимъ и покончить съ нѣмцемъ внутреннимъ.

Милюкова понесли на рукахъ черезъ плацъ къ автомобилю.

Члену Государственной Думы А. А. Вубликову Временнымъ Комитетомъ поручено принять мѣры къ тому, чтобы желѣзнодорожное движеніе не нарушалось.

Депутатъ А. А. Вубликовъ обратился къ желѣзнодорожникамъ со слѣдующимъ воззваніемъ:

«Желѣзнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всѣхъ областяхъ государственной жизни, оказалась безсильной.

«Комитетъ Государственной Думы, взявъ въ свои руки оборудованіе новой власти, обращается къ вамъ отъ имени отечества: отъ васъ теперь зависитъ спасеніе родины. Движеніе поѣздовъ должно поддерживаться непрерывно съ удвоенной энергіей.

«Страна ждетъ отъ васъ больше, чѣмъ исполненія долга, — она ждетъ подвига.

«Слабость и недостаточность техники на русской сѣти должна быть покрыта вашей беззаветной энергіей; любовью къ родинѣ и сознаніемъ своей роли транспорта для войны и благоустройства тыла».

Число возставшихъ воинскихъ частей растетъ съ каждымъ часомъ. Можно утверждать, что почти весь петроградскій гарнизонъ за незначительными исключеніями перешелъ на сторону революціоннаго народа. Нѣкоторые полки, въ томъ числѣ и Преображенскій, перешли въ революціонный лагерь со всѣмъ офицерскимъ составомъ во главѣ.

Мало было вчера офицеровъ въ революціонной арміи. Сегодня, 28 февраля, ихъ уже много. Здѣсь и прапорщики; и подпоручики, и поручики, есть капитаны, полковники. Есть и генералы.

Всей организаціей новой арміи завѣдуетъ комендантъ петроградскаго гарнизона, полковникъ генеральнаго штаба, членъ Государственной Думы, Б. А. Энгельгардтъ.

Ежеминутно подходятъ къ Таврическому дворцу все новыя и новыя части. Нѣкоторыя являются съ развернутыми знаменами и оркестрами музыки и съ командами во главѣ.

Въ Екатерининскомъ залѣ воинскіе чины отдѣльныхъ частей формируются въ батальоны, получаютъ вооруженіе и затѣмъ занимаютъ свои мѣста въ отдѣльныхъ частяхъ города, согласно установленной диспозиціи.

Всѣ приказанія отдаются въ письменномъ видѣ отъ имени коменданта петроградскаго гарнизона

Вызванныя старымъ правительствомъ изъ Стрѣльны воинскія части перешли на сторону революціоннаго народа и прибыли къ Государственной Думѣ.

Сегодня утромъ по Николаевской желѣзной дорогѣ прибыли два сибирскихъ полка. Въ одиннадцать часовъ утра делегаты отъ полковъ явились въ Таврическій дворецъ съ предложеніемъ своихъ услугъ Временному Комитету Государственной Думы. Предложеніе было принято съ восторгомъ.

Четвертый стрѣлковый Его Величества полкъ, квартирующій въ Царскомъ Селѣ, перешелъ на сторону народа и въ началѣ четвертаго часа подошелъ къ Таврическому дворцу.

Въ два часа дня членъ Государственной Думы священникъ Поповъ 2-й съ крестомъ въ рукахъ благословлялъ революціонныя войска.

— Да будетъ, — сказалъ священникъ, — памятенъ этотъ день во вѣки вѣковъ.

Министерскій павильонъ Таврическаго дворца переполненъ высокопоставленными узниками. Кромѣ И. Г. Щегловитова, арестованнаго еще 27-го февраля, сегодня въ разное время подъ конвоемъ доставлены:

Александръ Ив. Коноваловъ, министръ торговли и промышленности.

Членъ Г. Думы отъ Костромской губ.

Бывшій предсѣдатель Совѣта Министровъ Б. В. Штюмеръ.

Бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова; генераль-лейтенантъ П. Г. Курловъ.

Эксъ-министръ здравоохраненія Г. Е. Рейнъ.

Членъ Государственнаго Совѣта Ширинскій-Шихматовъ.

Генераль М. С. Комиссаровъ.

Товарищъ министра путей сообщенія И. П. Борисовъ.

Начальник управления желѣзныхъ дорогъ С. Б. Богашевъ.

Начальникъ главнаго управления военно-учебныхъ заведеній генераль Забѣлинъ.

Петроградскій градоначальникъ генераль-майоръ Балкъ.

Начальникъ военно-медицинской академіи генераль Макавѣевъ.

Вице-адмираль Карцевъ.

Адмираль Гирсъ и безконечное количество второстепенныхъ чиновъ администраціи и полиціи.

Первыя мѣры по продовольствію и установленіе лорядна въ столицѣ.

Граждане Петрограда!

Продовольственная Комиссія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Петрограда и Исполнительнаго Комитета Государственной Думы объявляетъ, что она приняла на себя центральное руководство всѣмъ продовольственнымъ дѣломъ.

Продовольственная Комиссія прежде всего приглашаетъ всѣхъ рабочихъ пекарей немедленно стать на работу и всѣ хлѣбопекарни немедленно приступить къ выпечкѣ хлѣба и продажѣ его населенію.

Комиссія организуетъ снабженіе хлѣбопекаренъ мукой и распределеніе хлѣба и обращается съ призывомъ къ городскимъ попечительствамъ съ предложеніемъ организовать равномерное распределеніе выпеченнаго хлѣба среди населенія. Комиссія приглашаетъ представителей попечительствъ собраться 28-го февраля, въ три часа дня въ зданіи городской думы, въ Александровскомъ залѣ.

Въ ближайшемъ времени Комиссія предполагаетъ поручить дѣло распределенія продовольственныхъ продуктовъ обывательскимъ комитетамъ, которые будутъ выбраны по районамъ всѣмъ населеніемъ, достигшимъ совершеннолѣтія.

Продовольственная Комиссія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Петрограда и Исполнительнаго Комитета Государственной Думы.

Временный Исполнительный Комитетъ Государственной Думы поручилъ гласному городской думы Д. А. Крыжановскому организовать городскую милицію.

Для этой цѣли 28-го февраля, въ восемь часовъ вечера въ помѣщеніи Александровскаго зала городской думы произведена запись студентовъ всѣхъ петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, желающихъ вступить въ составъ городской милиціи.

Студентамъ предложено являться съ матрикулами или другими документами, удостоверяющими ихъ принадлежность къ учебному заведенію.

Исполнительный Комитетъ Государственной Думы получилъ официальное донесеніе о томъ, что желѣзнодорожное сообщеніе между Москвой и Петроградомъ идетъ нормально.

Совѣщаніе руководителей банковъ и частныхъ кредитныхъ учрежденій постановило, ввиду спокойствія населенія, открыть всѣ банки.

Помѣщеніе городской телефонной станціи, охранявшееся правительственными войсками, а затѣмъ покинутое ими было оставлено телефонистками.

Сегодня по распоряженію Исполнительнаго Комитета Государственной Думы на телефонную станцію отправленъ карауль, занявшій станцію, а по

Влад. Никол. Львовъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода.

Членъ Г. Думы отъ Самарской губ.

сланные комитетомъ механики приступили къ восстановленію телефоннаго сообщенія и устраненію возможности пользованія телефономъ лицамъ, причастнымъ къ старому правительству.

Принимаются мѣры къ восстановленію нормальнаго телефоннаго сообщенія и къ тому, чтобы служащіе телефонной сѣти вернулись къ исполненію своихъ обязанностей. Пока же включаются лишь телефоны, необходимые для обслуживанія нуждъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы и Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

В. А. Маклаков посѣтилъ окружный судъ. По предложенію Маклакова, судъ съ завтрашняго дня начинаетъ функціонировать.

Въ четвертомъ часу дня въ Думу прибыли студенты военно-медицинской академіи въ полномъ составѣ. Въ зданіи военно-медицинской академіи сейчасъ происходитъ конференція профессоровъ, обсуждающая переживаемыя событія.

Гдѣ официальное правительство? Въ теченіе вчерашняго дня на этотъ счетъ циркулировали самыя разнообразныя слухи. По одной версіи, Совѣтъ Министровъ засѣдалъ въ помѣщеніи петроградскаго градоначальника, по другой— въ залахъ Маріинскаго дворца.

Ночью и сегодня днемъ увѣряли, будто старая власть, далеко не въ полномъ составѣ (Протопоповъ, по слухамъ, скрывается въ Царскомъ Селѣ), засѣла въ Адмиралтействѣ подъ защитой небольшой части оставшихся вѣрными старому правительству солдатъ.

Послѣдній правительственный актъ датированъ 27-го февраля 1917 года, когда весь петроградскій гарнизонъ перешелъ уже на сторону революціоннаго народа и когда фактически старая власть отошла въ область преданій.

Въ этотъ самый день, по распоряженію бывшаго предсѣдателя Совѣта Министровъ князя Голицына, былъ выпущенъ слѣдующій приказъ:

«Вслѣдствіе болѣзни министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Протопопова, во временное исполненіе его должности вступить его товарищъ по принадлежности.

«Предсѣдатель Совѣта Министровъ кн. Голицынъ».

27 февраля 1917 г.

Около четырехъ часовъ дня 28-го февраля Адмиралтейство, гдѣ до сихъ поръ скрывались члены стараго правительства, занято народными войсками.

До двѣнадцати часовъ дня Адмиралтейство занимали три роты Измайловскаго полка, нѣкоторое количество конной артиллеріи и немногочисленной конницы. Послѣ двѣнадцати часовъ эти войска, оставшіяся до того времени на сторонѣ стараго правительства, оставили Адмиралтейство и разошлись по своимъ квартирамъ. Послѣ этого изъ Адмиралтейства скрылись и министры.

Комитетъ военно-технической помощи обратился къ населенію съ слѣдующимъ воззваніемъ:

«Граждане!

Крайне важно скорѣйшее установленіе уличнаго порядка,—только тогда безъ жертвъ и колебаній закрѣпится окончательная побѣда народа.

Способствуйте созданію и поддержанію порядка.

Подчиняйтесь патрулямъ.

Во главѣ патрулей стоятъ постовые начальники съ бѣлой повязкой на лѣвой рукѣ.

Каждый часъ дозорный автомобиль съ бѣлымъ флагомъ объѣзжаетъ патрули на углахъ и принимаетъ доклады отъ постовыхъ начальниковъ.

Результатъ объѣзда дозорной автомобиль сообщаетъ въ бюро.

Постовые начальники мѣняются каждые два часа.

Постовые начальники слѣдятъ за тѣмъ: 1) чтобы патруль стоялъ въ одномъ пунктѣ подъ ружьемъ, 2) чтобы не допускать пьянства, 3) чтобы не допускать

Ив. Вас. Годневъ, государственный контролеръ.

Членъ Г. Думы отъ Казанской губ.

стрѣльбы безъ приказаній, 4) чтобы предупреждать и не допускать грабежа лавокъ и поджоговъ».

Особое воззваніе обращено было къ студенчеству:

«Товарищи! Въ настоящій моментъ необходима организація для поддержанія порядка въ Петроградѣ. Предлагаемъ всѣмъ вамъ записаться въ нее. Мѣсто сбора—ваши учебныя заведенія.

Отличительные признаки: бѣлая повязка на лѣвой рукѣ.

Обязанности:

1. Прекращеніе бесполезной стрѣльбы.

2. Отобраніе оружія отъ малолѣтнихъ и нетрезвыхъ.

«истор. вѣстн.», мартъ 1917 г., т. схвѣл.

IV

3. Предотвращеніе грабежей.

4. Наблюденіе за порядкомъ на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ и проч.

Въ случаѣ необходимости прибѣгать къ силѣ—обращаться къ патрулямъ.

Комитетъ военно-технической помощи объединенныхъ научныхъ и техническихъ организацій».

Списокъ арестованныхъ представителей старой власти растетъ съ каждымъ часомъ. Вчера вечеромъ въ зданіе Таврическаго дворца доставлены:

Министръ юстиціи Добровольскій.

Министръ путей сообщенія Кригеръ-Войновскій.

Бывшій директоръ департамента полиціи, бывшій московскій градоначальникъ генералъ Климовичъ.

Помощникъ петроградскаго градоначальника ген.-лейт. Вендорфъ.

Помощникъ петроградскаго градоначальника Лысогорскій и всѣ главные чины градоначальства.

Предсѣдатель союза русскаго народа докторъ Дубровинъ.

«Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы симъ заявляетъ, что до сего времени по его распоряженію никакихъ арестовъ не производилось и впредь аресты отъ имени комитета будутъ производиться не иначе, какъ по особому въ каждомъ случаѣ распоряженію Комитета.

«Предсѣдатель Гос. Думы Михаилъ Родзянко».

Заявленіе Комитета Государственной Думы вызвано, какъ передаютъ, тѣмъ, что среди арестованныхъ въ послѣдніе дни могли оказаться лица, въ арестѣ которыхъ Исполнительный Комитетъ Государственной Думы не видѣлъ надобности.

По порученію Исполнительнаго Комитета членъ Государственной Думы инженеръ путей сообщенія А. А. Бубликовъ 28-го февраля принялъ на себя обязанности комиссара по завѣдыванію путями сообщенія. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовали слѣдующія сообщенія новаго правительства.

1) «Въ послѣднее время въ столицѣ и другихъ большихъ центрахъ обнаружилось ослабленіе подвоза продовольствія по желѣзнымъ дорогамъ. Это ослабленіе было въ значительной мѣрѣ временнымъ и вызывалось неблагоприятными условіями погоды и переутомленіемъ служебнаго персонала.

Свѣжные ураганы и заносы на большинствѣ дорогъ, достигавшіе въ эту зиму совершенно небывалыхъ размѣровъ, временами останавливали не только товарное, но даже и пассажирское движеніе.

Однако и въ эти періоды тяжелаго состоянія дорогъ продовольственные грузы все же продолжали грузиться. Къ счастью для родины, за послѣдніе дни въ состояніи погоды произошелъ переломъ. Въ южномъ районѣ Россіи, особенно страдавшемъ отъ метели, наступили оттепели.

Въ среднемъ районѣ держится довольно спокойная погода при умѣренной температурѣ. Движеніе въ настоящій моментъ нужно считать налаживающимся. На дорогахъ двинуты въ первую очередь продовольственные грузы для

арміи и населенія и топливо. На главныхъ дорогахъ уже идутъ въ поѣздахъ свыше шести миллионъ пудовъ продовольственныхъ грузовъ. За послѣдніе дни однихъ хлѣбныхъ грузовъ ежедневно грузится свыше двухъ миллионъ пудовъ и изъ нихъ около половины муки. Прибытіе продовольственныхъ грузовъ въ Петроградъ начнетъ увеличиваться. За 26-е февраля одной муки прибыло 123 тысячи пудовъ. Въ дальнѣйшемъ съ улучшеніемъ движенія погрузка продовольствія будетъ развиваться. Необходимыя срочныя мѣры къ усиленію движенія приняты комиссаромъ Комитета Государственной Думы и необходимо лишь организовать самымъ энергичнымъ образомъ вывозку грузовъ съ Виндавской, Николаевской и Сѣверо-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы избѣжать загроможденія станцій.

Такимъ образомъ, теперь уже нѣтъ никакихъ основаній тревожиться за обеспеченность столицы продовольствіемъ, и населенію въ отношеніи снабженія хлѣбомъ надлежитъ съ полнымъ спокойствіемъ и довѣріемъ взирать на будущее.

Подписалъ комиссаръ Комитета Государственной Думы А. Бубликовъ».

2) «Временное Правительство образовано. Войска перешли на сторону Временнаго Правительства. Спасеніе Россіи и торжество надъ нѣмцами будетъ зависеть отъ того спокойствія, которое проявитъ страна и обѣ столицы въ такой роковой моментъ, а также отъ того, поскольку всѣ исполнительные органы и, главнымъ образомъ, желѣзныя дороги сумѣютъ поддержать жизнь арміи и страны.

Полевое строительное управленіе заготовляетъ то, безъ чего дороги существовать не могутъ.

А потому, во имя долга передъ родиной, призываю васъ къ спокойствію и къ усиленной работѣ, которая теперь можетъ быть особенно плодотворна.

Да здравствуетъ Россія Да здравствуетъ лозунгъ—война до побѣды!

Да поможетъ Богъ Временному Комитету членовъ Думы вывести Россію на путь славы побѣды надъ врагомъ и благоденствія народныхъ массъ.

Инженеръ С. Чаевъ».

28-го февраля 1917 г.

Отъ имени военной комиссіи выпущенъ слѣдующій приказъ:

П Р И К А З Ъ.

Гг. офицеры петроградскаго гарнизона и всѣ гг. офицеры, находящіеся въ Петроградѣ.

Военный Комитетъ Государственной Думы приглашаетъ всѣхъ гг. офицеровъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ порученій комиссіи, явиться 1-го и 2-го марта, отъ 10 час. утра до 6 час. вечера, въ залъ арміи и флота для полученія удостовѣреній на повсемѣстный пропускъ и точной регистраціи, для исполненія порученій комиссіи по организаціи солдатъ, примкнувшихъ къ представителямъ народа для охраны столицы.

Промедленіе явки гг. офицеровъ къ своимъ частямъ неизбѣжно подорветъ престижъ офицерскаго званія.

Обращаясь къ гг. офицерамъ съ настоящимъ объявленіемъ, военная комиссія указываетъ, что въ данный моментъ, передъ лицомъ врага, стоящаго у

сердца родины и готового пользоваться ея минутной слабостью, настоятельно необходимо проявить всё усилія къ возстановленію организаціи военныхъ частей.

Только въ этомъ сила нашей арміи и залогъ окончательнаго торжества. Кровь нашихъ товарищей, легшихъ костью за два съ половиною года войны, насъ обязываетъ.

Не теряйте, гг. офицеры, ни минуты драгоцѣннаго времени

Военная Комиссія Временнаго Комитета Государственной Думы.
Предсѣдатель Государственной Думы М. Родзянко.

Комитетъ Государственной Думы отправилъ сегодня ночью по телеграфу во всё города Россійской имперіи официальное сообщеніе объ образованіи Временнаго Комитета.

Комитетомъ Государственной Думы намѣчены комиссары, которые 1-го марта будутъ назначены въ министерства, главный почтамтъ, главный телеграфъ и другія правительственныя учрежденія для общаго наблюденія за ходомъ дѣла.

По постановленію Временнаго Исполнительнаго Комитета Государственной Думы для завѣдыванія отдѣльными частями (министерствами) назначены особые комиссары изъ состава членовъ Государственной Думы:

Приводимъ списокъ этихъ комиссаровъ:

Министерство внутреннихъ дѣлъ:

Гр. Д. П. Капнисть,
А. М. Масленниковъ,
И. Н. Ефремовъ,
М. И. Арефьевъ.

Почта:

А. А. Барышниковъ,
К. К. Чернозитовъ.

Телеграфъ:

П. П. Гронскій,
М. Д. Калугинъ.

Военное и морское министерство:

Н. В. Савичъ,
А. П. Савватѣевъ.

Петроградское градоначальство:

П. В. Герасимовъ,
В. Н. Пепеляевъ.

Министерство земледѣлія:

Н. К. Волковъ,
И. П. Демидовъ,
Кн. Васильчиковъ,
Гр. Капнисть 1-й.

Министерство юстиці:

В. А. Маклаковъ,
М. С. Аджемовъ,
В. П. Басаковъ.

Министерство торговли и промышленности:

С. Н. Родзянко,
Н. А. Ростовцевъ.

Министерство финансовъ:

В. А. Виноградовъ,
И. В. Титовъ.

Сенатъ:

И. В. Годневъ.

Получивъ свѣдѣнія, что пулеметные полки, съ офицерами во главѣ, выступили изъ Ораніенбаума въ Петроградъ, чтобы присоединиться къ войскамъ народной арміи; Исполнительный Комитетъ Государственной Думы командировалъ встрѣтить эти полки и привѣтствовать ихъ отъ имени Комитета депутатовъ И. Н. Ефремова и И. В. Титова.

Депутатамъ для встрѣчи этихъ полковъ великимъ княземъ Кирилломъ Владимировичемъ былъ предоставленъ автомобиль. Депутаты встрѣтили войска частью у Балтійскаго вокзала, частью на самомъ вокзалѣ и частью по дорогѣ къ Нарвской заставѣ.

И. Н. Ефремовъ и И. В. Титовъ обратились къ народнымъ войскамъ съ рѣчами, въ которыхъ они горячо привѣтствовали ихъ отъ имени Государственной Думы, и пригласили ихъ итти къ Таврическому дворцу, гдѣ они получать дальнѣйшія указанія.

Войска восторженно привѣтствовали депутатовъ криками «ура».

Телеграммы М. В. Родзянка.

Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко послалъ на имя командующихъ флотами Балтійскаго и Чернаго морей, главнокомандующихъ арміями сѣвернаго, юго-западнаго и западнаго фронтовъ, помощнику главнокомандующаго румынскаго фронта и главнокомандующему кавказскаго фронта и начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго двѣ телеграммы слѣдующаго содержанія:

I.

«Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы сообщаетъ вашему высокопревосходительству, что въ виду устраненія отъ управленія всего состава бывшаго Совѣта Министровъ правительственная власть перешла въ настоящее время къ Временному Комитету Государственной Думы.

«Предсѣдатель Государственной Думы Михаилъ Родзянко».

II.

«Временный Комитетъ Членовъ Государственной Думы, взявшій въ свои руки созданіе нормальныхъ условій жизни и управленія въ столицѣ, приглашаетъ дѣйствующую армію и флотъ сохранить полное спокойствіе и питать полную увѣренность, что общее дѣло борьбы противъ внѣшняго врага ни на минуту не будетъ прекращено или ослаблено. Такъ же стойко и мужественно, какъ доселѣ, армія и флотъ должны продолжать дѣло защиты своей родины.

«Временный Комитетъ при содѣйствіи столичныхъ воинскихъ частей и при сочувствіи населенія въ ближайшее время водворитъ спокойствіе въ тылу и возстановитъ правильную дѣятельность правительственныхъ установленій.

«Пусть и съ своей стороны каждый офицеръ, солдатъ и матросъ исполнитъ свой долгъ и твердо помнитъ, что дисциплина и порядокъ есть лучший залогъ вѣрнаго и быстрого окончанія вызванной старымъ правительствомъ разрухи и созданія новой правительственной власти.

«Предсѣдатель Государственной Думы Михаилъ Родзянко».

Когда члены Государственной Думы подъѣхали на автомобилѣ великаго князя Кирилла Владимировича къ его дворцу, великій князь встрѣтилъ ихъ у подъѣзда и, въ присутствіи сопровождавшаго депутатовъ конвоя и группы собравшагося народа, обратился къ нимъ съ привѣтственнымъ словомъ.

— Мы всѣ,—сказалъ онъ,—русскіе люди. Мы всѣ заодно. Намъ всѣмъ надо заботиться о томъ, чтобы не было излишняго беспорядка и кровопролитія. Мы всѣ желаемъ образованія настоящаго русскаго правительства.

Вечеромъ 28-го февраля члены Государственной Думы И. Н. Ефремовъ и В. Н. Пепеляевъ по порученію Комитета Государственной Думы ѣздили встрѣчать на Балтійской вокзалъ части войскъ, прибывшія изъ мѣстностей, расположенныхъ внѣ Петрограда. Среди прибывшихъ нѣсколькихъ тысячъ солдатъ народной арміи находилась школа прапорщиковъ. Всѣ части прибыли во главѣ со своими офицерами. Въ этотъ день, благодаря назначенному Комитетомъ Государственной Думы временному коменданту Балтійскаго вокзала капитану второго ранга Г. В. Анастасьеву, порядокъ на этомъ важномъ пунктѣ былъ вполне возстановленъ.

Депутаты привѣтствовали войска отъ имени Государственной Думы и сообщили имъ, что стараніями Комитета Государственной Думы имъ отведены помѣщенія, которыя они и просили ихъ занимать совершенно спокойно.

— Комитетъ Государственной Думы,—сказали депутаты,—старался при этомъ, сколько могъ. Но не взыщите, что временно вамъ придется немного потѣсниться.

Въ заключеніе депутаты провозгласили «ура» въ честь арміи. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе одинъ изъ офицеровъ провозгласилъ «ура» въ честь Государственной Думы, которое было единодушно подхвачено войсками.

Комендантъ царскосельскаго дворца вызвалъ сегодня утромъ предсѣдателя Исполнительнаго Комитета Государственной Думы М. В. Родзянка и передалъ, что государыня проситъ переговорить съ нею.

Въ Царскомъ Селѣ, Павловскѣ, Кронштадтѣ и Ораніенбаумѣ почти всѣ возставшія войска направляются къ Государственной Думѣ и черезъ депутатовъ просятъ прислать къ нимъ членовъ Государственной Думы для организаціи.

Сегодня утромъ въ Государственную Думу явился весь конвой Его Величества. Представители конвоя заявили, что нѣкоторые офицеры предоставили имъ полную свободу дѣйствій, и просили приставить караулъ къ тѣмъ офицерамъ, которые отказались принять участіе въ возстаніи.

Въ царскосельскій дворецъ вошли солдаты.

Производящіеся съ сегодняшняго утра обыски въ квартирахъ жандармовъ и полиціи имѣютъ своею цѣлью оградить населеніе столицы отъ провокаціонныхъ выстрѣловъ, раздававшихся въ теченіе вчерашняго дня. Распространяемые съ провокаціонной цѣлью слухи, будто обыскиваются квартиры частныхъ лицъ, изъ домовъ которыхъ не стрѣляли, лишены всякаго основанія.

Главные начальники ряда правительственныхъ учрежденій заявили Исполнительному Комитету Государственной Думы, что они готовы добровольно подчиниться новой власти.

По улицамъ Петрограда расклеено воззваніе съ надписью: «Группа сознательныхъ солдатъ къ своимъ товарищамъ-солдатамъ». Это воззваніе призываетъ солдатъ къ соблюденію и поддержанію порядка на улицахъ столицы въ ближайшіе дни. Воззваніе далѣе констатируетъ, что, къ прискорбію, нѣкоторыми лицами разгромлены лавки и разрушены помѣщенія. Группа сознательныхъ солдатъ считаетъ, что эти эксцессы нежелательны и дискредитируютъ то великое движеніе къ освобожденію народа, которое сейчасъ происходитъ. Ввиду этого воззваніе обращается къ солдатамъ съ просьбой не принимать участія въ разгромѣ магазиновъ, винныхъ складовъ и другихъ учрежденій и, наоборотъ, всячески содѣйствовать водворенію порядка и убѣжденію громающихъ въ совершенной недопустимости такихъ поступковъ, а также по возможности взять на себя функціи по охранѣ спокойствія улицъ столицы.

28-го февраля вечеромъ состоялось совѣщаніе комитета Государственной Думы съ членами продовольственной комиссіи.

По докладу продовольственной комиссіи рѣшено усилить охрану продовольственныхъ складовъ въ виду того, что полиція принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы уничтожить эти склады.

Въ городской думѣ.

28-го февраля вечеромъ состоялось засѣданіе петроградской городской думы. Городской голова Леляновъ объявился больнымъ.

Засѣданіе открылось подъ предсѣдательствомъ Д. С. Зернова.

Гласный С. В. Ивановъ сдѣлалъ краткое сообщеніе о переживаемыхъ событіяхъ и официально довелъ до свѣдѣнія Думы объ образованіи Временаго Исполнительнаго Комитета изъ членовъ Государственной Думы.

Дума единогласно постановила работать совмѣстно съ новымъ правительствомъ и просить у него указаній для очередной текущей работы.

Ввиду «болѣзни» городского головы признано было необходимымъ хотя бы временно поставить во главѣ городского управления новое лицо.

Дума единогласно намѣчаетъ бывшаго товарища городского голову Ю. Н. Глѣбова, который въ настоящее время прикомандированъ къ верховному начальнику санитарной и эвакуационной части.

Послѣ переговоровъ по телефону Ю. Н. Глѣбовъ даетъ свое согласіе при условіи откомандированія его отъ санитарной и эвакуационной части.

Возбужденъ вопросъ также объ отчисленіи изъ состава управы членовъ управы по назначенію прежняго правительства, В. Г. Ганькова и А. Н. Шлейфера.

Освобожденіе бывшаго депутата И. Е. Пьяныхъ.

28-го февраля вечеромъ рабочіе Пороховского завода взяли шлиссельбургскую крѣпость. Освобождены 63 заключенныхъ, въ томъ числѣ бывший членъ Государственной Думы И. Е. Пьяныхъ съ сыномъ.

1 марта.

Съ сегодняшняго утра жизнь столицы входитъ въ прежнюю колею. Сегодня приступили къ работамъ въ большинствѣ частныхъ учреждений и конторъ.

1-го марта, въ девять часовъ утра въ зданіе Таврическаго дворца явилась команда Собственнаго Его Величества конвоя. Конвойцевъ встрѣтилъ представитель Исполнительнаго Комитета М. А. Карауловъ, обратившійся къ нимъ съ привѣтственной рѣчью. Выяснивъ общее положеніе вещей, М. А. Карауловъ призвалъ конвойцевъ примкнуть къ возставшему народу для защиты своихъ интересовъ.

Конвойцы встрѣтили рѣчь Караулова громовымъ «ура».

По предложенію М. А. Караулова команда немедленно отправилась въ казармы для ареста офицеровъ, продолжающихъ стоять за старую власть.

Съ каждымъ днемъ размѣры революціонной арміи растутъ. Въ теченіе сегодняшняго утра къ возставшему народу присоединились: артиллеристы-пиротехники, минная подрывная рота въ полномъ составѣ со всѣми офицерами, академія генеральнаго штаба въ полномъ составѣ (350 офицеровъ), лейбъ-гвардіи конно-гренадерскій полкъ въ полномъ составѣ, флотскій экипажъ въ полномъ составѣ со всѣми офицерами, балтійская судовая команда, послѣдняя избрала изъ своего состава 16 делегатовъ, командировавъ ихъ въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, нижніе чины жандармскаго дивизиона, 2-й балтійскій флотскій экипажъ въ составѣ около 5.000 человекъ съ большей частью офицеровъ.

«Офицеры, находящіеся въ Петроградѣ, идя рука объ руку съ народомъ и собравшись въ собраніи арміи и флота, по предложенію Исполнительнаго Комитета Государственной Думы, признавая, что для побѣдоноснаго окончанія войны необходима скорѣйшая организація порядка и дружная работа въ тылу единогласно постановили:

«Признать власть Исполнительнаго Комитета Государственной Думы впредь до созыва учредительнаго собранія.

«Предсѣдатель собранія полковникъ Защукъ.

«Товарищи предсѣдателя полковникъ Хоменко, полковникъ Друцкой-Соколинскій.

«Секретарь Двиняниновъ.

1-го марта утромъ депутаты отъ казачьихъ областей члены Государственной Думы М. С. Воронковъ и Ф. В. Черячукинъ посѣтили казармы донскихъ казачьихъ полковъ, перваго и четвертаго.

Изъ разговоровъ съ офицерами выяснилось, что оба полка готовы въ любой моментъ стать на сторону Исполнительнаго Комитета Государственной Думы. По просьбѣ Воронкова и Черячукина оба полка были выстроены, имѣя впереди своихъ офицеровъ.

М. С. Воронковъ обратился къ нижнимъ чинамъ съ горячею рѣчью, напомнилъ имъ, какъ вѣрно всегда они служили родинѣ, и призывалъ ихъ такъ же вѣрно служить и новому правительству, принявшему на себя защиту отечества.

Рѣчь Воронкова была покрыта криками «ура».

Коменданты отдѣлений вступили въ исполненіе своихъ обязанностей съ 1 часа дня 1-го марта с. г.

Обращеніе коменданта царскосельскаго дворца.

1-го марта рано утромъ комендантъ царскосельскаго дворца по телефону обратился къ предсѣдателю Исполнительнаго Комитета Государственной Думы съ просьбой принять мѣры къ водворенію порядка въ Царскомъ Селѣ и особенно въ районѣ дворца.

По распоряженію Исполнительнаго Комитета въ Царское Село командированы члены Государственной Думы И. П. Демидовъ и В. А. Степановъ.

Всѣмъ частямъ царскосельскаго гарнизона Временнымъ Комитетомъ предписано оставаться на своихъ мѣстахъ и поддерживать порядокъ.

Англійское и французское посольства вступили въ дѣловыя отношенія съ временнымъ революціоннымъ правительствомъ въ лицѣ своихъ военныхъ агентовъ.

Приказъ по городу Петрограду

I.

Приказываю частямъ войскъ и народной милиціи при арестованіяхъ руководствоваться нижеслѣдующими правилами:

1) Немедленному арестованію подлежать:

1. Пьяные.
2. Грабители, поджигатели, стрѣляющіе въ воздухъ и вообще нарушающіе тишину и порядокъ въ столицѣ.

3. Оказывающіе сопротивление лицамъ, имѣющимъ какія бы то ни было спеціальныя полномочія Временнаго Правительства и несущимъ службу по охранѣ города.

4. Всѣ чины наружной и тайной полиціи и корпуса жандармовъ.

Оед. Измаил. Родичевъ, министръ по дѣламъ Финляндіи.

Членъ Г. Думы отъ Петрограда.

5. Всѣ лица, производящія обыски частныхъ квартиръ или аресты какъ частныхъ лицъ, такъ и особенно чиповъ арміи, не имѣя на это особыхъ полномочій Временнаго Правительства.

II.

Всѣхъ арестованныхъ выше поименованныхъ категорій препровождать немедленно и непосредственно въ слѣдующіе пункты, выбирая изъ ближайшихъ:

а) помѣщеніе комендантскаго управленія:

Инженерная, уголъ Садовой улицы;

б) Кавалергардскій манежъ:

Уголъ Захарьевской и Потемкинской ул.;

- в) зданіе 2-го отдѣленія комендантскаго управленія:
Петроградская сторона, Кронверкскій пр.;
- г) зданіе градоначальства:
Уг. Невскаго пр. и Адмиралтейскаго пр.;
- д) зданіе историко-филологическаго института рядомъ съ университетомъ;

Николай Сем. Чхеидзе, председатель Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Членъ Г. Думы отъ Тифлисскаго губ.

- е) Тарасовскія бани:
Измайловскій полкъ, 1-я рота;
 - ж) военная тюрьма:
Выборгская сторона.
- Во всѣхъ этихъ пунктахъ арестованныхъ передавать немедленно въ руки коменданта отдѣленія.
- Въ Таврической дворецъ—лишь сановниковъ и генераловъ, буде таковыхъ придется задерживать.

Членъ Временнаго Комитета М. Карауловъ.

Арестованныхъ чиновъ наружной, тайной полиціи и жандармовъ надо доставлять въ отдѣленіе комендатуры въ манежъ Кавалергардскаго полка.

Членъ Временнаго Комитета М. Карауловъ.

Отъ имени новаго коменданта Николаевскаго вокзала на вокзалѣ расклеено объявленіе, коимъ запрещается солдатамъ отбирать у офицеровъ оружіе. Вооруженнымъ офицерамъ, пріѣзжающимъ въ Петроградъ, предписывается являться для полученія инструкцій и документовъ въ залъ арміи и флота. Въ приказѣ сказано, что отъ Государственной Думы не исходило распоряженія отбирать у офицеровъ оружіе.

Зимній дворецъ сегодня 1-го марта занятъ революціонными войсками Исполнительнаго Комитета Государственной Думы и, надъ нимъ развѣвается красное знамя.

Сегодня днемъ великій князь Кириллъ Владимировичъ довелъ до свѣдѣнія Временнаго Исполнительнаго Комитета Государственной Думы о томъ, что состоящій подъ его командой гвардейскій экипажъ отдастъ себя въ распоряженіе Временнаго Комитета.

1-го марта, въ 4 часа 15 минутъ дня въ Таврическій дворецъ пріѣхалъ великій князь Кириллъ Владимировичъ.

Великаго князя сопровождали адмиралъ, командующій гвардейскимъ экипажемъ, и эскортъ изъ нижнихъ чиновъ гвардейскаго экипажа.

Великій князь прошелъ въ Екатерининскій залъ, куда былъ вызванъ предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко. Обратившись къ предсѣдателю Государственной Думы, великій князь Кириллъ Владимировичъ заявилъ:

— Имѣю честь явиться къ вашему высокопревосходительству. Я нахожусь въ вашемъ распоряженіи. Какъ и весь народъ, я желаю блага Россіи. Сегодня утромъ я обратился ко всѣмъ солдатамъ гвардейскаго экипажа, разъяснилъ имъ значеніе происходящихъ событій и теперь я могу заявить, что весь гвардейскій флотскій экипажъ въ полномъ распоряженіи Государственной Думы.

Слова великаго князя были покрыты криками «ура».

М. В. Родзянко поблагодарилъ великаго князя и, обратившись къ окружающимъ его солдатамъ гвардейскаго экипажа, сказалъ:

— Я очень радъ, господа, словамъ великаго князя. Я вѣрилъ, что гвардейскій экипажъ, какъ и всѣ остальные войска, въ полномъ порядкѣ выполнитъ свой долгъ, помогутъ справиться съ общимъ врагомъ и выведутъ Россію на путь побѣды.

Слова предсѣдателя Государственной Думы были также покрыты криками «ура».

Затѣмъ М. В. Родзянко, обратившись къ великому князю, спросилъ, угодно ли ему будетъ оставаться въ Государственной Думѣ. Великій князь отвѣтилъ, что къ Государственной Думѣ приближается гвардейскій экипажъ въ полномъ составѣ и что онъ хочетъ представить его предсѣдателю Государственной Думы.

— Въ такомъ случаѣ,—заявилъ М. В. Родзянко:—когда я вамъ понадобитсяъ, вы меня вызовете.

Послѣ этого М. В. Родзянко возвратился въ свой кабинетъ. Ввиду того, что всѣ помѣщенія Государственной Думы заняты, представители комитета петроградскихъ журналистовъ предложили великому князю пройти въ ихъ комнату.

Вмѣстѣ съ великимъ княземъ въ комнату журналистовъ прошли адмиралъ гвардейскаго экипажа и адъютантъ великаго князя.

1-го марта арестованъ и къ часу дня на грузовомъ автомобилѣ доставленъ въ помѣщеніе Таврическаго дворца бывший предсѣдатель Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ. Онъ помѣщенъ въ министерскомъ павильонѣ.

Въ квартирѣ предсѣдателя союза русскаго народа доктора Дубровина произведенъ обыскъ. Всѣ архивы и дѣла въ огромномъ количествѣ доставлены въ помѣщеніе Таврическаго дворца.

1-го марта комиссары Исполнительнаго Комитета членовъ Государственной Думы депутаты П. П. Гронскій и А. С. Салазкинъ въ сопровожденіи Исполнительнаго Комитета петроградскихъ журналистовъ отправились въ петроградское телеграфное агентство съ цѣлью взять въ руки Исполнительнаго Комитета освѣдомленіе провинціи.

Въ агентствѣ комиссаровъ встрѣтилъ директоръ агентства Гельферъ. Членъ Государственной Думы П. П. Гронскій предъявилъ г. Гельферу приказъ Исполнительнаго Комитета и немедленно приступилъ къ реорганизаціи агентства.

Новымъ завѣдующимъ агентствомъ временно назначенъ старшій редакторъ А. М. Ловягинъ.

Немедленно утромъ же въ присутствіи членовъ Исполнительнаго Комитета Гронскаго и Салазкина была составлены циркулярныя телеграммы съ изложеніемъ всѣхъ событій за послѣдніе три дня и срочно переданы во всѣ провинціальныя газеты.

Въ большіе города, какъ-то: Харьковъ, Одессу, Кіевъ, Саратовъ и др., кромѣ того, даны дополнительныя чрезвычайныя подробныя телеграммы, излагающія весь ходъ событій.

Редакторы агентства и весь составъ машинистокъ оставленъ на мѣстахъ.

Перемѣна принята въ агентствѣ весьма радостно. По соглашенію съ бывшимъ на мѣстѣ членомъ Исполнительнаго Комитета и петроградскихъ журналистовъ рѣшено, что агентство будетъ освѣдомлять только провинціальныя газеты, что же касается московскихъ и столичныхъ газетъ, то онѣ будутъ обслуживаться впредъ своими сотрудниками.

Городская милиція.

Подъ предсѣдательствомъ гласнаго Д. А. Крыжановскаго состоялось вчера вечеромъ собраніе петроградской молодежи для организаціи городской милиціи. Намѣчена слѣдующая схема: центральное бюро будетъ помѣщаться въ

городской думѣ. Въ каждомъ районѣ будетъ свой районный комитетъ. Признано необходимымъ вооружить каждого милиціонера, на что уже получено согласіе Исполнительнаго Комитета.

До свѣдѣнія городской думы вчера доведено, что запасы муки въ Петроградѣ увеличиваются, благодаря прибывающимъ вагонамъ.

Ночью по распоряженію управы развезена на двадцати автомобиляхъ частнымъ хлѣбпекарнямъ мука, причемъ эта мука будетъ выпечена и хлѣбъ выпущенъ сегодня же.

Комитетъ государственной Думы выпустилъ слѣдующее воззваніе:

«Граждане!

Совершилось великое дѣло. Старая власть, сгубившая Россію, распалась. Комитетъ Государственной Думы и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ организуютъ порядокъ и управленіе въ странѣ, и главная забота теперь обезпеченіе продовольствіемъ арміи и населенія. Ими учреждена продовольственная комиссія и она вѣдаетъ всѣмъ дѣломъ. Запасовъ очень мало, и надо спѣшить ихъ заготовить.

Граждане Россіи, земледѣльцы, землевладѣльцы, торговые служащіе, желѣзнодорожные рабочіе, помогите родинѣ. Нужно кормить армію и населеніе, вѣдь врагъ еще не сломленъ.

Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, протяните руку помощи въ эти великіе грозные дни. Пусть никто не уклонится отъ исполненія своего гражданскаго долга. Пусть совѣсть каждого подскажетъ его дѣло. Скорѣе продавайте; хлѣбъ уполномоченнымъ, отдавайте все, что можете, везите его къ желѣзнымъ дорогамъ и пристанямъ и скорѣе грузите и доставляйте грузы по назначенію.

Родина ждетъ вашей общей помощи. Дайте хлѣбъ ея борцамъ и рабочимъ. Время не ждетъ. Каждый часъ дорогъ. Не медлите.

Граждане! Придите на помощь родинѣ хлѣбомъ и трудомъ».

Сообщеніе изъ Москвы.

Въ субботу и въ воскресенье въ Москву доходили только слухи о томъ, что въ Петроградѣ уличныя волненія и кровопролитіе. Въ понедѣльникъ редакціями газетъ по телефону были получены свѣдѣнія о переворотѣ и объ образованіи временнаго правительства изъ предсѣдателя и членовъ Государственной Думы. Въ семь часовъ телефонное сообщеніе было прервано и дальнѣйшихъ свѣдѣній не поступало.

Въ понедѣльникъ вечеромъ въ городской думѣ состоялось засѣданіе прогрессивной группы гласныхъ, представителей московскихъ общественныхъ организацій и рабочихъ. Было предложено образовать изъ представителей городской думы и общественныхъ организацій временный комитетъ и обратиться съ воззваніемъ къ населенію о необходимости организованности и порядка. Предполагалось также образовать районные комитеты.

Во вторник утром забастовали заводы и остановились трамваи. Часамъ къ одиннадцати на улицахъ стали образовываться отдѣльныя группы. Городовыхъ обезоруживали, и къ полудню всѣ полицейскіе посты были сняты. На площадяхъ были патрули пѣхоты и конныхъ жандармовъ.

На Воскресенской площади противъ городской думы образовался митингъ, который длился до позднего вечера. Съ пяти часовъ вечера въ городской думѣ происходило совѣщаніе прогрессивныхъ гласныхъ и образованнаго временнаго комитета, выборы представителей въ который происходили въ теченіе всего дня. Къ вечеру поступили свѣдѣнія объ образованіи совѣта рабочихъ депутатовъ.

Въ то же время въ думу начали собираться представители стоящихъ въ Москвѣ воинскихъ частей. Порядокъ первоначально поддерживался пѣпями рабочихъ и учащейся молодежи. Съ девяти часовъ вечера были образованы цѣпи явившимися въ думу солдатами. Порядокъ все время царилъ образцовый.

До одиннадцати часовъ вечера свѣдѣній о столкновенияхъ и кровопролитіи не поступало.

Во вторникъ въ двѣнадцать часовъ дня въ управленіи желѣзныхъ дорогъ за подписью предсѣдателя Государственной Думы Родзянка и члена Государственной Думы Вубликова была получена телеграмма съ предписаніемъ поддерживать правильное движеніе по Николаевской желѣзной дорогѣ. Телеграмма была передана по линіи для исполненія.

Очередной поѣздъ отошелъ въ Петроградъ согласно расписанію въ 11 час. 30 мин. вечера и безъ всякихъ инцидентовъ и опозданій прибылъ въ Петроградъ.

Газеты въ Москвѣ во вторникъ не вышли. Власть бездѣйствовала. Изъ Петрограда не было получено никакихъ официальныхъ свѣдѣній. Общественныя организациі не прерываютъ своей нормальной дѣятельности.

По послѣднимъ извѣстіямъ, вся власть въ городѣ перешла въ руки революціоннаго народа и войскъ. Образованъ комитетъ общественнаго спасенія.

По полученнымъ извѣстіямъ, такія же событія происходили въ Харьковѣ.

Приговоръ московской городской думы.

28-го февраля.

Третій годъ наша родина несетъ неисчислимыя жертвы ради побѣды.

Россія вступаетъ въ рѣшительный періодъ войны, —остается сдѣлать послѣднія усилія. Въ это время жизнь страны потрясена до основанія преступнымъ упорствомъ защитниковъ губительнаго для Россіи режима.

Ради побѣды и спасенія Россіи Государственная Дума вступила на путь рѣшительной борьбы со старымъ и пагубнымъ для нашей родины строемъ. Московская городская дума, съ негодованіемъ узнавъ, что въ такую минуту сдѣлана была попытка прервать работу Государственной Думы, шлетъ свой

горячій привѣтъ, выражая твердую увѣренность, что народное представительство въ союзѣ съ доблестной арміей и народомъ устраняетъ отъ власти тѣхъ, кто, защищая старый порядокъ, творитъ постыдное дѣло измѣны.

Граждане Москвы! Сохраните въ историческіе дни полное самообладаніе и въ организованномъ единеніи другъ съ другомъ и Государственной Думой продолжайте вашъ подвигъ, не прерывая работу на оборону страны для достиженія уже близкой побѣды.

Да не будетъ ничѣмъ омрачена заря новой жизни, занимающаяся надъ нашей страной.

Между тѣмъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ преобразовался въ Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, который издалъ слѣдующій поведшій къ недоразумѣніямъ приказъ:

Приказъ № 1.

1-го марта 1917 года.

По гарнизону петроградскаго округа всѣмъ солдатамъ гвардіи, арміи, артиллеріи и флота для немедленнаго и точнаго исполненія, а рабочимъ Петрограда для свѣдѣнія.

Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ постановилъ:

1) Во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, паркахъ, батареяхъ, эскадронахъ и отдѣльныхъ службахъ разнаго рода военныхъ управленій и на судахъ военнаго флота немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ вышеуказанныхъ воинскихъ частей.

2) Во всѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя еще не выбрали своихъ представителей въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, избрать по одному представителю отъ ротъ, которымъ и явиться съ письменными удостовѣреніями въ зданіе Государственной Думы къ 10 часамъ утра 2-го сего марта.

3) Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ воинская часть подчиняется Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и своимъ комитетамъ.

4) Приказы военной комисіи Государственной Думы слѣдуетъ исполнять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они не противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

5) Всякаго рода оружіе, какъ-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и батальонныхъ комитетовъ и ни въ коемъ случаѣ не выдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованіямъ.

6) Въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но внѣ службы и строя, въ своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане.

Въ частности вставаніе во фронтъ и обязательное отданіе чести внѣ службы отмѣняется.

7) Равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ: ваше превосходительство, благородіе и т. п., и замѣняется обращеніемъ: господинъ генералъ, господинъ полковникъ и т. д.

Грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ и, въ частности, обращеніе къ нимъ на «ты» воспрещается и о всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ.

Настоящій приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, экипажахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ командахъ.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Владимиръ Александровичъ Юревичъ, петроградскій общественный градоначальникъ.

Профессоръ военно-медицинской академіи.

Объявленіе начальника петроградскаго гарнизона.

Сего 1-го марта среди солдатъ петроградскаго гарнизона распространился слухъ, будто бы офицеры въ полкахъ отбираютъ оружіе у солдатъ. Слухи эти были провѣрены въ двухъ полкахъ и оказались ложными. Какъ предсѣдатель военной комиссіи Временнаго Комитета Государственной Думы, я заявляю, что будутъ приняты самыя рѣшительныя мѣры къ недопущенію подобныхъ дѣйствій со стороны офицеровъ, вплоть до разстрѣла виновныхъ.

Членъ Государственной Думы В. Энгельгардтъ

«Истор. вѣстн.», мартъ 1917 г., т. сѣмь.

Воззваніе офицеровъ къ солдатамъ.

Боевые наши товарищи солдаты! Пробилъ часъ народнаго освобожденія. Армія, флотъ и народъ вмѣстѣ съ вами подняли святое знамя свободы.

И мы, ваши сотоварищи на передовыхъ позиціяхъ, тамъ, въ бояхъ, передъ лицомъ смерти получившіе боевое крещеніе, одинаково съ вами проливали кровь и смѣшивали ее съ вашею на полѣ сраженія.

Вѣрьте же, что свобода родины намъ дороже всего. Только свободная Россія сокрушить нѣмецкую силу. Помните, что спасеніе и побѣда Россіи въ нашемъ взаимномъ довѣрїи и единодушіи.

А старый самодержавный строй, который за два года войны не сумѣлъ дать окончательную побѣду Россіи надъ врагомъ, пусть сгинетъ навсегда.

Мы вмѣстѣ съ вами предаемъ старый строй проклятію.

Товарищи солдаты! Не бросайте ружей, берегите ихъ. Они намъ здѣсь нужны такъ, какъ нужны въ окопахъ. Содѣйствуйте прекращенію грабежей, водворяйте порядокъ, возвращайтесь въ свои части для дружной работы вмѣстѣ съ нами. Къ величайшему нашему прискорбію, какъ среди солдатъ, такъ и среди офицеровъ были предатели народнаго дѣла, и отъ ихъ предательской руки пало много жертвъ среди честныхъ борцовъ за свободу.

Но приложимъ общія усилія для нашего совмѣстнаго объединенія, для окончательной побѣды надъ врагомъ какъ на фронтѣ, такъ и внутри Россіи.

Да здравствуетъ свободная великая Россія!

Ваши товарищи офицеры.

Государственная Дума.

Дополненіе къ приказу 1.

Чины штаба корпуса жандармовъ аресту не подлежатъ.

Членъ Временнаго Комитета М. А. Карауловъ.

Приказъ № 2.

Многіе чердаки и крыши домовъ столицы заняты сторонниками стараго порядка, надѣющимися на его возвращеніе и позволявшими себѣ стрѣлять въ войска и жителей.

Дворникамъ и управляющимъ домами предписывается внимательно обыскать всѣ чердаки и крыши и провѣрить своихъ квартирантовъ.

О всѣхъ подозрительныхъ личностяхъ обязаны немедленно донести военной комиссіи Временнаго Комитета Государственной Думы.

Виновные въ укрывательствѣ будутъ предаваться военному суду.

Членъ Временнаго Комитета М. А. Карауловъ.

Временная комиссія членовъ Государственной Думы по восстановленію порядка въ Петроградѣ обратилась къ Владимірскому, Павловскому и Топографическому военнымъ училищамъ съ слѣдующимъ приказомъ:

Приказъ по военнымъ училищамъ.

«Владимирское военное училище принадлежит къ войскамъ Временнаго Правительства Государственной Думы, которымъ указанному училищу приказано производить всѣ обычные занятія съ успѣшной подготовкой кадра будущихъ офицеровъ.

«Обращаться кому-либо къ начальству училища съ требованіемъ о выдачѣ оружія, боевыхъ припасовъ, обмундированія и продовольствія воспрещается подъ строжайшей отвѣтственностью передъ Временнымъ Правительствомъ.

«Училищу приказано оружія никому не выдавать, лицъ же, позволившихъ себѣ потребовать оружіе и допустившихъ какое-либо насильственное дѣйствіе по отношенію къ училищу, арестовывать и направлять въ комендантское управленіе Государственной Думы».

Подписали за предсѣдателя временной комиссіи члены Государственной Думы А. Θ. Керенскій и М. А. Карауловъ.

Такіе же приказы отданы по отношенію Павловскаго военного училища и топографическаго военного училища.

Приказы временнаго комитета Государственной Думы.

Новый градоначальникъ Петрограда.

Профессору военно-медицинской академіи В. А. Юревичу по распоряженію Временнаго Комитета Государственной Думы предложено временно вступить въ отправление обязанностей петроградскаго градоначальника.

Предсѣдателю особаго совѣщанія по разсмотрѣнію ходатайствъ организациі помощи больнымъ и раненымъ инженеру-генералу А. А. Веденяпину предложено продолжать свою работу.

Члену Государственной Думы Е. П. Ковалевскому предложено отправиться комиссаромъ въ министерство народнаго просвѣщенія.

Внутренній распорядокъ Государственной Думы.

Члену Государственной Думы М. Ичасу поручено принять мѣры по разгрузкѣ Таврическаго дворца. При немъ образованы слѣдующія комиссіи:

1) Бюро справокъ: члены Государственной Думы Гутонъ, Лебедевъ, бар. Ферзенъ, Ф. Ф. Гессъ.

2) Комиссія по выдачѣ пропусковъ въ Государственную Думу: члены Думы Тевкелевъ, Далгатъ; Алмазовъ, Бомашъ.

3) Пріемъ арестованныхъ: Пападжановъ, Джафаровъ, Кринскій.

4) Пріемъ денегъ: Панкѣевъ; от. Поповъ 1-й.

5) Распредѣленіе помѣщеній: члены Государственной Думы Гутонъ, Шаховской, бар. Ферзенъ и Ф. Ф. Гессъ.

6) Для составленія изданій и воззваній: члены Государственной Думы Ивановъ, Николаевъ, Старлочановъ.

v*

7) Санитарная комиссія по уборкѣ труповъ: члены Государственной Думы Алмазовъ, Бомашъ, Далгатъ, докторъ Олехно.

Рѣшено открыть дѣйствія почты и телеграфа.

Помощникомъ коменданта Таврическаго дворца назначенъ капитанъ Андреевъ.

По внутреннему распорядку назначенъ членъ Государственной Думы В. В. Карташевскій.

М. М. Ичасъ.

Законопроектъ объ амнистіи.

1-го марта подъ предсѣдательствомъ комиссаровъ комитета Государственной Думы Маклакова, Аджемова и Басакова въ министерствѣ юстиціи состоялось совѣщаніе съ участіемъ директоровъ департаментовъ. Рѣшено немедленно разработать законопроектъ о полной амнистіи по политическимъ дѣламъ.

Къ комиссаріатъ юстиціи вырабатывается указъ объ амнистіи. Комиссаръ Сената членъ Государственной Думы И. В. Годневъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы сенатъ опубликовалъ всѣ распоряженія новой власти.

1-го марта арестованъ и доставленъ въ Таврическій дворецъ министръ торговли и промышленности кн. В. Н. Шаховской.

1-го марта, въ началѣ девятого часа вечера въ Таврическій дворецъ подъ сильнымъ конвоемъ доставленъ бывший министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ.

Поздно вечеромъ въ Таврическій дворецъ доставлена графиня Клейнмихель.

Въ военно-промышленномъ комитетѣ.

Циркулярная телеграмма центрального военно-промышленнаго комитета всѣмъ областнымъ и мѣстнымъ военно-промышленнымъ комитетамъ отъ 1-го марта 1917 г.:

«Центральная государственная власть перешла въ руки Исполнительнаго Комитета Государственной Думы подъ предсѣдательствомъ Родзянка въ составѣ слѣдующихъ депутатовъ: Дмитрюкова, Караулова, Керенскаго, Коновалова, Львова, Милюкова, Некрасова, Ржевскаго, Чхеидзе, Шидловскаго, Шульгина и Энгельгардта. Мѣстныя войска Петрограда, Царскаго Села, Кронштадта и окрестностей Петрограда перешли на сторону Государственной Думы. Управленіе всѣми государственными дѣлами организуется. Въ Петроградѣ возстанавливается порядокъ. Распоряженія Исполнительнаго Комитета Государственной Думы исполняются безпрекословно. Предсѣдателемъ военной комиссіи назначенъ Александръ Ивановичъ Гучковъ. Необходимо непрерывное продолженіе работы на мѣстахъ въ полномъ порядкѣ. Держитесь въ курсѣ всего происходящаго».

Постановленіе московскаго военно-промышленнаго комитета, поступившее къ предсѣдателю Государственной Думы, гласило:

«Московскій военно-промышленный комитетъ въ экстренномъ засѣданіи своемъ 28-го февраля 1917 г., заслушавъ сообщеніе о происходящихъ въ Петро-

градѣ событіяхъ, горячо привѣтствуетъ и поддерживаетъ рѣшимость Государственной Думы немедленно организовать власть во имя спасенія родины. Общественныя и промышленныя силы, объединенныя въ цѣляхъ помощи арміи въ московскомъ военно-промышленномъ комитетѣ, привѣтствуютъ образованіе на смѣну старой власти временнаго правительства, задачей котораго является

Ген.-лейт. Лавръ Георгіевичъ Корниловъ.
Главнокомандующій войсками Петрограда и его окрестностей.

устройство страны на началахъ политической свободы и отвѣтственности министерства передъ народнымъ представительствомъ.

Петроградскій комитетъ союза городовъ постановилъ взять на себя организацію врачебно-санитарной помощи всѣмъ пострадавшимъ отъ перестрѣлки на улицахъ столицы, объединить для этой цѣли всѣ силы комитета, Краснаго Креста, областного комитета, города, земства и другихъ однородныхъ организацій.

Охрана государственнаго банка.

Приказомъ начальника гарнизона города Петрограда отъ 1-го марта полковника В. А. Энгельгардта охрана государственнаго банка поручена членамъ Государственной Думы И. Т. Евсѣеву и В. И. Рамоту.

На совѣщаніи комиссаровъ Государственной Думы и чиновъ министерства выяснилось, что судебныя установленія въ Петроградѣ возобновятъ свою дѣятельность черезъ два дня. Тюремное управленіе въ виду его разгрома не будетъ функционировать еще продолжительное время. Межевое управленіе будетъ упразднено. Чиnamъ вѣдомства предложено уничтожить канцелярскую волокиту.

Въ министерствѣ путей сообщенія.

По занятіи министерства и арестованіи министра и начальника управленія желѣзныхъ дорогъ былъ принятъ рядъ мѣръ къ поддержанію и усиленію движенія на желѣзныхъ дорогахъ. Комиссаръ комитета Государственной Думы А. А. Бубликовъ обратился къ мастерскимъ, служащимъ и рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо съ предложеніемъ продолжать и усилить свою работу.

Къ харьковскому каменноугольному комитету А. А. Бубликовъ обратился съ просьбой усилить погрузку угля.

Затѣмъ приняты рядъ мѣръ къ упрощенію и ускоренію дѣятельности самаго вѣдомства. Упразднены нѣкоторые коллегіальные органы, на примѣръ, совѣты при начальникахъ дорогъ,—имъ предписано дѣйствовать самостоятельно. Начальникамъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ предоставлены необходимыя полномочія для усиленія ихъ дѣятельности.

Энергичныя мѣры приняты къ уничтоженію канцелярской волокиты.

Движеніе на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ поддерживается нормально.

Въ Петроградѣ приняты мѣры къ вывозу грузовъ съ вокзаловъ и къ охранѣ послѣднихъ.

Начальникомъ Сѣверо-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ назначенъ А. А. Павловскій. Остальные начальники желѣзныхъ дорогъ оставлены на своихъ мѣстахъ.

Въ городской думѣ.

Въ чрезвычайномъ засѣданіи 1-го марта городская дума избрала Ю. Н. Глѣбова временнымъ замѣстителемъ городского головы. При этомъ гласными думы высказано было пожеланіе, чтобы нынѣшній городской голова П. И. Леяновъ, объявившійся больнымъ, сложилъ свои полномочія. Противъ избранія Ю. Н. Глѣбова изъ 65 присутствующихъ голосовало лишь двое.

Новому городскому головѣ предоставлено думою право входить съ представленіями о досрочномъ освобожденіи отъ своихъ обязанностей тѣхъ членовъ управы и другихъ должностныхъ лицъ, которыхъ онъ признаетъ непригодными.

По заявленію нѣкоторыхъ гласныхъ, указавшихъ на то, что среди населенія производятся денежные сборы, дума признала необходимымъ немедленно воспретить производство всякихъ сборовъ безъ спеціальнаго на то разрѣшенія.

Рѣшено принять мѣры противъ продажи сахара безъ установленныхъ карточекъ. Существующая карточная система сохраняется, и продовольственной комиссіи даны указанія о необходимости отпечатанія новыхъ карточекъ.

Отдѣльными гласными высказано пожеланіе о необходимости немедленнаго открытія трамвайнаго движенія.

Воззваніе пастырей.

Воззваніе общества отцовъ дьяконовъ города Петрограда:

«Азъ есмь съ вами до скончанія вѣка. Аминь.

«Настало время, когда православное всероссійское духовенство должно подать свой голосъ въ великомъ народномъ движеніи на пути къ свѣту, правдѣ, братской любви и свободѣ.

«Православное духовенство Петрограда и всей Россіи призывается къ единенію съ народомъ. Промедленіе угрожаетъ православію гнѣвомъ народа.

«Пастыри должны быть среди своихъ духовныхъ чадъ. Православное всероссійское духовенство нераздѣлимо съ великимъ свободнымъ русскимъ народомъ.

Подпись: Братство оо. дьяконовъ города Петрограда, посѣщающихъ въ теченіе трехъ лѣтъ лазареты раненыхъ воиновъ».

Арестъ Сухомлинова.

1-го марта, въ 10 час. 30 мин. вечера подъ конвоемъ прапорщика и двухъ матросовъ былъ доставленъ въ зданіе Таврическаго дворца бывшій военный министръ В. А. Сухомлиновъ.

Несмотря на то, что конвой съ возможной быстротой старался провести Сухомлинова въ комнату товарища предсѣдателя Государственной Думы, вѣсть о приводѣ бывшаго военного министра съ быстротой молніи распространилась по всему Таврическому дворцу.

Раздались возгласы солдатъ: «Выдать Сухомлинова».

Съ большимъ трудомъ членамъ Государственной Думы удалось успокоить взволнованныхъ солдатъ. Они отказались отъ самосуда, но требовали категорически снять погоны съ Сухомлинова. Эксъ-военный министръ безпрекословно подчинился этому требованію. Погоны были срѣзаны съ его скюртука и показаны преображенцамъ. Солдаты выбрали особаго делегата. Его ввели въ комнату, гдѣ сидѣлъ Сухомлиновъ, и вручили ему погоны послѣдняго. Когда солдаты нѣсколько успокоились, было рѣшено вывести арестованнаго Сухомлинова. Принесли его генеральское пальто. Надо было снять погоны съ него. Бывшій военный министръ самъ пожелалъ это сдѣлать. Онъ вынулъ изъ кармана перочинный ножикъ и медленно отрѣзалъ погоны. Кто-то изъ окружавшихъ предложилъ снять съ Сухомлинова и георгіевскій крестъ.

«Ничего. Пусть останется. Георгіевскій крестъ снимутъ съ него по суду», — замѣтилъ конвойный матросъ.

Все было окончено и Сухомлинова вывели для направленія его въ министерскій павильонъ. Для большей безопасности арестованнаго впереди него шли члены Государственной Думы. Солдаты устроили цѣпь, удерживая наиболѣе горячихъ товарищей. Въ полуциркульномъ залѣ выстроившіеся шпалерами преобразенцы молча пропустили бывшего военного министра. Когда дверь, ведущая въ павильонъ, закрылась за Сухомлиновымъ, Керепскій вышелъ къ караульнымъ и обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

— Солдаты, бывший военный министръ Сухомлиновъ находится подъ арестомъ. Онъ состоитъ подъ охраной Временнаго Комитета Государственной Думы и, если вы въ законной ненависти къ нему дозволите себѣ употребить насиліе, этимъ поможете ему избѣгнуть той кары, которой онъ подлежитъ по суду, и со стороны насъ встрѣтите самое энергичное противодѣйствіе, хотя бы оно стоило намъ жизни.

Солдаты спокойно разошлись.

Присоединеніе кронштадтской крѣпости.

Возставшимъ гарнизономъ Кронштадта взята въ свои руки крѣпость. Убитъ адмиралъ Виренъ.

По распоряженію Исполнительнаго Комитета Государственной Думы въ Кронштадтъ командированы депутаты Пепеляевъ и Таскинъ.

Прибывшимъ депутатамъ возставшія войска заявили о полномъ своемъ подчиненіи Исполнительному Комитету Государственной Думы. Передъ фронтомъ выстроившихся войскъ Пепеляевъ и Таскинъ произнесли горячія рѣчи, принятыя восторженно.

Временнымъ комендантомъ кронштадтской крѣпости назначенъ членъ Государственной Думы Пепеляевъ.

Постановленіе редакторовъ газетъ.

Общее собраніе членовъ всероссійскаго общества редакторовъ ежедневныхъ газетъ, имѣя въ виду, что создавшееся положеніе выдвигаетъ на первую очередь поддержаніе порядка, признаетъ безотлагательнымъ возобновленіе выхода ежедневныхъ газетъ, ибо отсутствіе ихъ дѣлаетъ невозможной организацію общественнаго мнѣнія и влечетъ за собой распространеніе самыхъ фантастическихъ, порождающихъ смуту слуховъ.

Горячо и единодушно привѣтствуя рѣшеніе Исполнительнаго Комитета Государственной Думы, какъ единой въ настоящее время власти, взять въ свои руки восстановленіе государственнаго и общественнаго порядка, общее собраніе поручаетъ совѣту общества обратиться къ Исполнительному Комитету за принятіемъ мѣръ, необходимыхъ для обезпеченія правильнаго выхода ежедневныхъ газетъ.

Принимая вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіе, что основнымъ условіемъ плодотворной дѣятельности повременной печати является свобода слова, неизмѣнно составляющая руководящій принципъ общества, общее собраніе выражаетъ свое глубокое убѣжденіе, что полное огражденіе этой свободы необходимо и въ нагоящій моментъ.

Делегаты Исполнительнаго Комитета въ Царскомъ Селѣ.

Делегаты Исполнительнаго Комитета, члены Государственной Думы И. П. Демидовъ и В. А. Степановъ посѣтили 1-го марта Царское Село и установили сношеніе съ мѣстнымъ возставшимъ гарнизономъ.

На вокзалѣ делегатовъ Исполнительнаго Комитета ждали двѣ придворныя кареты и автомобиль, присланные возставшимъ гарнизономъ. Въ сопровожденіи офицеровъ депутаты въ автомобиль отправились въ городскую ратушу, куда къ моменту приѣзда И. П. Демидова и В. А. Степанова собрались представители населенія, офицеры и солдаты.

Делегаты Исполнительнаго Комитета были встрѣчены бурной оваціей. Когда смолкли аплодисменты, И. П. Демидовъ и В. А. Степановъ обратились къ собравшимся съ рѣчами.

— Наступилъ самый серьезный моментъ,—говорили депутаты.—Старая власть сломлена, и руководство событіями перешло въ руки представителей народа. Необходимо создать новый порядокъ, организовать новыя условія жизни, что невозможно безъ содѣйствія всего населенія, всей арміи. Необходимо полное безусловное довѣріе къ Государственной Думѣ и избранному ею Исполнительному Комитету.

Рѣчи делегатовъ были покрыты бурными аплодисментами.

Особенный энтузіазмъ вызвало указаніе делегатовъ, что установленіе нормальной государственной жизни неотложно необходимо въ интересахъ успешной борьбы съ внѣшнимъ врагомъ.

Послѣ митинга въ ратушѣ делегаты Исполнительнаго Комитета посѣтили казармы всѣхъ полковъ, квартирующихъ въ Царскомъ Селѣ.

Населеніемъ Царскаго Села и гарнизономъ избранъ комитетъ въ составѣ 12 человекъ, во главѣ съ командиромъ 4-го стрѣлковаго гвардейскаго полка.

Дворцовая охрана Царскаго Села заявила представителямъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы о своей полной лояльности и просила принять мѣры къ огражденію дворца отъ возможныхъ эксцессовъ.

Представитель Исполнительнаго Комитета, на сторону котораго перешелъ весь гарнизонъ Царскаго Села, ручался за сохраненіе порядка при условіи, если дворцовая охрана не предприметъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ революціонныхъ войскъ.

По свѣдѣніямъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы, ни въ Петроградѣ, ни въ окрестностяхъ столицы нѣтъ ни одной военной части, которая сохранила бы вѣрность павшей власти.

На имя предсѣдателя Исполнительнаго Комитета Государственной Думы со всѣхъ концовъ Россіи получаютъ многочисленныя телеграммы отъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ желѣзныхъ дорогъ за многочисленными подписями. Желѣзнодорожные рабочіе восторженно привѣтствуютъ Государственную Думу, взявшую власть въ свои руки, и заявляютъ о полномъ подчиненіи всѣхъ русскихъ дорогъ власти Исполнительнаго Комитета.

1-го марта комиссаръ по министерству финансовъ членъ Государственной Думы И. В. Титовъ собралъ на совѣщаніе товарищей министра. Послѣдніе

съ радостью приняли сообщеніе, что отъ нихъ требуется возстановленіе работы въ нормальномъ порядкѣ. Всѣ дѣла должны быть представляемы на просмотръ комиссаровъ.

Въ министерство были приглашены представитель Государственного банка и представители частныхъ банковъ. Съ ними велись переговоры объ открытіи кредитныхъ учреждений. Рѣшено послѣ установленія охраны банковъ открыть всѣ кредитныя учрежденія.

Комиссаръ Государственной Думы И. В. Титовъ обратилъ вниманіе чиновъ министерства на необходимость безъ замедленія выдавать пайки семьямъ запасныхъ, призванныхъ на войну. Предложено также выплачивать по предъявляемымъ купонамъ по военнымъ займамъ.

Комендантомъ Таврическаго дворца, обязанности котораго въ дореволюціонное время исполнялъ генералъ-майоръ баронъ Остенъ-Сакенъ, назначенъ полковникъ Г. Г. Перетцъ.

Признаніе новаго строя.

Получены официальные телеграммы о присоединеніи къ революціонному движенію и о признаніи власти Исполнительнаго Комитета Государственной Думы изъ ряда провинціальныхъ городовъ.

Со всѣхъ концовъ Россіи на имя Исполнительнаго Комитета Государственной Думы получены телеграммы отъ представителей населенія, отъ городскихъ думъ, земскихъ собраній, общественныхъ организацій, представителей арміи и флота и т. д., въ которыхъ въ восторженныхъ выраженіяхъ приветствуется рѣшеніе Исполнительнаго Комитета Государственной Думы стать во главѣ народнаго движенія и взять власть въ свои руки.

Получена масса трогательныхъ телеграммъ отъ отдѣльныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ крупныхъ предпріятій, заявляющихъ о своей готовности предоставить въ распоряженіе временнаго правительства Государственной Думы имѣющіяся у нихъ продовольственныя и другія средства.

Одинъ изъ представителей нижегородскихъ мукомоловъ предлагаетъ безплатно предоставить всѣ свои мельницы для нуждъ родины, какъ выраженіе его искренняго сочувствія великому патріотическому рѣшенію Государственной Думы.

2-го марта.

Образовано новое правительство. Исполнительный Комитетъ Государственной Думы объявляетъ слѣдующій составъ новаго правительства:

Кн. Г. Е. Львовъ, предсѣдатель совѣта министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ (бывшій членъ первой Государственной Думы, предсѣдатель главнаго комитета всероссійскаго земскаго союза).

И. Н. Милуковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ (членъ Государственной Думы отъ города Петрограда).

А. Ѳ. Керенскій, министръ юстиціи (членъ Государственной Думы отъ Саратовской губерніи).

Н. В. Некрасовъ, министр путей сообщенія (товарищъ председателя Государственной Думы).

А. И. Коноваловъ, министр торговли и промышленности (товарищъ председателя центрального военно-промышленнаго комитета, членъ Государственной Думы отъ Костромской губерніи).

Профессоръ А. А. Мануиловъ, министр народнаго просвѣщенія, бывшій членъ Государственнаго Совѣта, бывшій ректоръ московскаго университета.

А. И. Гучковъ, военный министр и временно морской (членъ Государственнаго Совѣта, председатель центрального военно-промышленнаго комитета).

А. И. Шингаревъ, министр земледѣлія (членъ Государственной Думы отъ города Петрограда).

М. И. Терещенко, министр финансовъ.

И. В. Годневъ, государственный контролеръ (членъ Государственной Думы отъ Казанской губерніи).

В. Н. Львовъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода (членъ Государственной Думы отъ Самарской губерніи).

Настоящій составъ правительства установленъ послѣ переговоровъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы съ Исполнительнымъ Комитетомъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Рѣчь П. Н. Милюкова о новомъ правительствѣ.

Всѣ переговоры по организаціи новаго правительства были закончены около трехъ часовъ дня. Со спискомъ новыхъ министровъ въ рукахъ П. Н. Милюковъ вышелъ въ Екатерининскій залъ и обратился къ собравшимся морякамъ, солдатамъ и гражданамъ со слѣдующею рѣчью:

— Мы,—сказалъ онъ,—присутствуемъ при великой исторической минутѣ. Еще три дня назадъ мы были въ скромной оппозиціи, а русское правительство казалось всесильнымъ. Теперь это правительство рухнуло въ грязь, съ которой сроднилось, а мы и наши друзья слѣва выдвинуты революціей, арміей и народомъ на почетное мѣсто членовъ перваго русскаго общественнаго кабинета. (Шумные продолжительные аплодисменты). Какъ могло случиться это событіе, казавшееся еще такъ недавно невѣроятнымъ! Какъ произошло то, что русская революція, низвергнувшая навсегда старый режимъ, оказалась чуть ли не самой короткой и самой безкровной изъ всѣхъ революцій, которыя знаетъ исторія!

«Это произошло потому, что исторія не знаетъ и другаго правительства, столь глупаго, столь безчестнаго, столь трусливаго и измѣнническаго, какъ это.

«Нынѣ низвергнутое правительство, покрывшее себя позоромъ, лишило себя всякихъ корней симпатіи и уваженія, которые связываютъ всякое сколько-нибудь сильное правительство съ народомъ.

«Правительство мы свергли легко и скоро. Но это еще не все, что нужно сдѣлать. Остается еще половина дѣла—и самая большая. Остается удержать въ рукахъ эту побѣду, которая намъ такъ легко досталась. Какъ сдѣлать это?

Отвѣтъ простъ и ясенъ. Намъ нужно организовать побѣду. А для этого прежде всего надо сохранить то единство воли и мысли, которое привело насъ къ побѣдѣ. Между нами, членами теперешняго кабинета, было много старыхъ и важныхъ споровъ и разногласій. Быть можетъ, скоро эти разногласія станутъ важными и серьезными. Но сегодня они блѣднѣютъ и ступшевываются передъ той общей и важной задачей, которая еще не разрѣшена вполнѣ,—передъ задачей создать новую народную власть на мѣсто старой, упавшей. Лучше быть едиными въ движеніи къ этой цѣли. Будьте едины въ устраненіи политическихъ споровъ, быть можетъ, и важныхъ, но сегодня могущихъ еще вырвать изъ нашихъ рукъ плоды побѣды.

«Будьте едины и вы, солдаты и офицеры славной и великой русской арміи, и помните, что армія сильна своимъ внутреннимъ единствомъ: потерявшая это единство и раздробленная, она обращается въ безпорядочную толпу, и всякая горсть вооруженныхъ, организованныхъ людей можетъ взять ее голыми руками. Сохраните же это единство для себя и для насъ и покажите, что послѣ того, какъ мы такъ легко свергнули всесильную старую власть,—докажите, что первую общественную власть, выдвинутую народомъ, не такъ легко будетъ низвергнуть. (Шумныя и продолжительныя рукоплесканія). Я знаю, были грѣхи въ прошломъ и отношенія старой арміи зачастую основывались на крѣпостномъ началѣ. Но теперь даже офицерство слишкомъ хорошо понимаетъ, что надо беречь и уважать въ нижнемъ чинѣ чувство человеческого и гражданскаго достоинства. А одержавшіе побѣду солдаты также хорошо знаютъ, что довершить ее и сохранить въ своихъ рукахъ они могутъ, только сохранивъ связь со своимъ офицерствомъ. (Шумные продолжительные аплодисменты и возгласы изъ рядовъ слушателей). Я слышу, меня спрашиваютъ: «Кто васъ выбралъ?» Насъ никто не выбиралъ, ибо если бы мы стали дожидаться народнаго избранія, мы не могли бы вырвать власти изъ рукъ врага. Пока мы спорили бы о томъ, кого выбирать, врагъ успѣлъ бы организовать и побѣдить и васъ и насъ. Насъ выбрала русская революція. (Шумные продолжительные аплодисменты). Такъ посчастливилось, что въ минуту, когда ждать было нельзя, нашлась такая кучка людей, которая была достаточно извѣстна народу своимъ политическимъ прошлымъ и противъ которой не могло быть и тѣни тѣхъ возраженій, подъ ударами которыхъ пала старая власть. Но мы слишкомъ хорошо помнимъ, что сами мы еще недавно защищали начала отвѣтственности власти передъ народными избранниками. Мы не сохранимъ этой власти ни минуты послѣ того, какъ свободные избранные народомъ представители скажутъ намъ, что они хотятъ на нашихъ мѣстахъ видѣть другихъ людей, болѣе заслуживающихъ ихъ довѣрія. (Рукоплесканія). Повѣрьте, господа, власть берется нами въ эти дни не изъ слабости къ власти. Это не награда и не удовольствіе, а заслуга и жертва. (Шумныя рукоплесканія). И какъ только намъ скажутъ, что жертвы эти больше не нужны народу, мы уйдемъ съ благодарностью за данную намъ возможность. Но не отдадимъ этой власти теперь, когда она нужна, чтобы закрѣпить побѣду народа, и когда упавшая изъ нашихъ рукъ она можетъ достаться только врагу. (Рукоплесканія. Возгласы: «Кто министры?»). Для народа не можетъ быть тайнъ. Эту тайну вся Россія

узнаеть черезъ нѣсколько часовъ и, конечно, не для того мы стали министрами, чтобы скрыть въ тайнѣ свои имена. Я вамъ скажу ихъ сейчасъ. Во главѣ нашего министерства мы поставили человѣка, имя котораго означаетъ организованную русскую общественность (крики: «цензовую»), такъ непримиримо преслѣдовавшюся старымъ правительствомъ. Князь Г. Е. Львовъ, глава русскаго земства (крики: «цензоваго») будетъ нашимъ премьеромъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ и замѣститъ своего гонителя. Вы говорите: цензовая общественность. Да, но единственная организованная, которая дастъ потомъ возможность организовать и другимъ слоямъ русской общественности. (Рукоплеканія). Но, господа, я счастливъ сказать вамъ, что и общественность не-

Дм. Андр. Крыжановскій, начальникъ петроградской милиціи.

Гласный гор. думы.

цензовая тоже имѣетъ своего представителя въ нашемъ министерствѣ. Я только что получилъ согласіе моего товарища А. Ѳ. Керенскаго занять постъ въ первомъ русскомъ общественномъ кабинетѣ. (Бурныя рукоплеканія). Мы безконечно рады были отдать въ вѣрныя руки этого общественного дѣятеля то министерство, въ которомъ онъ отдастъ справедливое возмездіе прислужникамъ стараго режима, вѣзмъ этимъ Штюмерамъ и Сухомлиновымъ (Рукоплеканія). Трусливые герои дней, прошедшихъ навѣки, по волѣ судьбы окажутся во власти не щегловитовской юстиціи, а министерства юстиціи А. Ѳ. Керенскаго. (Бурныя рукоплеканія, крики). Вы хотите знать другія имена? (Крики: «А вы?»). Мнѣ мои товарищи поручили взять руководство внѣшней русской политикой. (Бурныя и продолжительныя рукоплеканія, разрастающіяся въ ова-

цію оратору, который кланяется во всё стороны). Быть может, на этомъ посту я окажусь и слабымъ министромъ, но я могу обѣщать вамъ, что при мнѣ тайны русскаго народа не попадутъ въ руки нашихъ враговъ. (Бурныя и продолжительныя рукоплесканія). Теперь я назову вамъ имя, которое, я знаю, возбудитъ здѣсь возраженія. А. И. Гучковъ былъ моимъ политическимъ врагомъ (крики: «Другомъ») въ теченіе всей жизни Государственной Думы. Но, господа, мы теперь политическіе друзья, да и къ врагу надо быть справедливымъ, вѣдь Гучковъ въ третьей Думѣ приступилъ къ переустройству русской арміи, да еще дезорганизованной манчжурской неудачей. И онъ положилъ первый камень той побѣдѣ, съ которой наша обновленная и возрожденная армія выйдетъ изъ настоящей великой борьбы. Мы съ Гучковымъ люди разнаго типа. Я—старый профессоръ, привыкшій читать лекціи, а Гучковъ—человѣкъ дѣйствій. И вотъ теперь, когда я въ этой залѣ говорю съ вами, Гучковъ на улицахъ столицы организуетъ побѣду. (Рукоплесканія)... Что бы сказали вы, если бы вмѣсто того, чтобы разставлять войска вчера ночью на вокзалахъ, въ которыхъ ожидалось прибытіе враждебныхъ перевороту войскъ, Гучковъ принялъ участие въ нашихъ политическихъ преніяхъ, а враждебныя войска, занявшія вокзалъ, заняли бы улицу, а потомъ и этотъ залъ? Что случилось бы тогда съ вами и со мной? (Возгласы одобренія. Крики: «Вѣрно»... Вопросъ: «А морской министр?»). Постъ морского министра, пока мы не подыщемъ достойной кандидатуры, мы также оставимъ въ рукахъ Гучкова. Далѣе мы дали два мѣста представителямъ той либеральной группы русской буржуазіи, которые первые въ Россіи попытались организовать представительство рабочаго класса. (Аплодисменты. Крики: «Гдѣ оно?»)... Господа, это сдѣлало старое правительство. А. И. Коноваловъ помогъ сорганизоваться рабочей группѣ при петроградскомъ военно-промышленномъ комитетѣ, а М. И. Терещенко сдѣлалъ то же самое относительно Кіева... (Вопросы съ мѣста: «Кто Терещенко?»). Да, господа, это имя громко звучитъ на югѣ Россіи. Россія велика и трудно вездѣ знать всѣхъ нашихъ лучшихъ людей. («А земледѣліе»)... Господа, въ эти дни, когда продовольствіе арміи является серьезнымъ и труднымъ вопросомъ, когда старое правительство довело почти до края бездны нашу родину и каждая минута промедленія грозитъ гдѣ-нибудь голоднымъ бунтомъ, которые уже начались,—въ такое время мы назначили министромъ земледѣлія А. И. Шингарева, которому, мы думаемъ, обезпечена та общественная поддержка, отсутствіе которой обезпечило провалъ г. Риттиха. (Бурныя и продолжительныя аплодисменты. «А пути сообщенія?»).

«На этотъ другой важный для нашей родины постъ мы выдвинули Н. В. Некрасова, товарища председателя Государственной Думы, особенно любимого нашими лѣвыми товарищами. (Оживленные аплодисменты). Ну, вотъ, кажется, почти все, что васъ можетъ интересовать. («А программа?»). Я очень жалѣю, что въ отвѣтъ на этотъ вопросъ не могу прочесть вамъ бумажки, на которой изложена эта программа. Но дѣло въ томъ, что единственный экземпляръ программы, обсужденной вчера въ длинномъ ночномъ совѣщаніи съ представителями Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, находится сейчасъ на окончательномъ разсмотрѣніи ихъ. И я надѣюсь, что черезъ нѣсколько часовъ вы объ этой

программъ узнаете. Но, конечно, я могу и сейчасъ сказать вамъ важнѣйшіе пункты... (Шумъ. Громкіе крики: «А династія?»). Вы спрашиваете о династіи. Я знаю напередъ, что мой отвѣтъ не всѣхъ васъ удовлетворитъ. Но я его скажу. Старый деспотъ, доведшій Россію до границы гибели, добровольно откажется отъ престола или будетъ низложенъ. (Аплодисменты). Власть перейдетъ къ регенту, великому князю Михаилу Александровичу. (Продолжительный шумъ. Аплодисменты. Снова шумъ)... Наслѣдникомъ будетъ Алексѣй. (Крики: «Это старая династія»)... Да, господа, это старая династія, которой, можетъ быть, не любите вы, а можетъ не люблю и я. Но дѣло сейчасъ не въ томъ, кто сейчасъ любить. Мы не можемъ оставить безъ отвѣта и безъ рѣшенія вопросъ о формѣ государственнаго строя. Мы предоставляемъ его себѣ, какъ парламентскую конституціонную монархію. Быть можетъ, другіе представляютъ себѣ иначе, но теперь, если мы будемъ объ этомъ спорить, вмѣсто того, чтобы сразу рѣшить, то Россія очутится въ состояніи гражданской войны и возродится только разрушенный режимъ. Этого мы сдѣлать не имѣемъ права ни передъ вами, ни передъ собой. Однако это не значитъ, чтобы мы рѣшили вопросъ безконтрольно. Въ нашей программѣ вы найдете пунктъ, согласно которому, какъ только пройдетъ опасность и возродится прочный порядокъ, мы приступимъ къ подготовкѣ созыва учредительнаго собранія (Шумные аплодисменты)... собраннаго на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Свободно избранное народное представительство рѣшить, кто вѣрнѣе выразитъ общее мнѣніе Россіи: мы или наши противники... (Аплодисменты. Шумъ. Крики: «Опубликуйте программу»). Эти возгласы напоминаютъ мнѣ о важномъ вопросѣ, рѣшить который зависитъ отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, въ рукахъ котораго находится распоряженіе типографскими рабочими. Свободная Россія не можетъ обойтись безъ самаго широкаго оглашенія и обсужденія свѣдѣній, въ настоящую минуту интересующихъ всю Россію. Я надѣюсь, что завтра же удастся возстановить правильный выходъ органовъ прессы, отнынѣ свободной. Господа, я могъ бы перечислить и другіе пункты программы, но думаю, что тѣ, о которыхъ я упомянулъ, интересуютъ насъ главнымъ образомъ, а о другихъ вы узнаете скоро изъ печати. Я охрипъ, мнѣ трудно говорить далѣе, позвольте на этихъ объясненіяхъ пока остановить мою рѣчь. (Бурные аплодисменты. Движеніе въ залъ. Оратора нѣсколько разъ подхватываютъ, качаютъ, а потомъ на рукахъ выносятъ изъ Екатерининскаго зала).

Въ отвѣтъ на запросъ представителей нѣкоторыхъ общественныхъ и военныхъ организацій П. Н. Милюковъ указалъ, что его слова о временномъ регентствѣ великаго князя Михаила Александровича и наслѣдованіи Алексѣя являются его личнымъ мнѣніемъ.

Воззваніе военно-промышленнаго комитета.

Граждане!

Война продолжается. Арміи нужны снаряды и продовольствіе. Каждый потерянный часъ ослабляетъ наши силы и увеличиваетъ силу и дерзость нашего врага.

Побѣда Германіи грозила бы возстановленіемъ стараго строя. Обезпечивъ оборону, народъ и армія, въ нѣсколько дней завоевавшіе свободу, сумѣютъ сохранить ее и установить управление страной согласно общей волѣ народа. Но сейчасъ для защиты страны необходимо созданіе единой временной власти, сильной довѣриемъ населенія и арміи. Такая власть можетъ исходить только отъ Государственной Думы, только она въ настоящій моментъ можетъ разсчитывать на авторитетъ въ глазахъ всей свободной страны, всей арміи и нашихъ доблестныхъ союзниковъ.

Въ полномъ сознаніи величайшей отвѣтственности каждаго изъ насъ за будущее нашей родины, переживающей величайшій историческій моментъ, —мы приглашаемъ всѣхъ гражданъ, всѣ учреждения и организациі, соблюдая полное спокойствіе и непрерывность своего производительнаго труда, —обратиться къ Государственной Думѣ и предоставить всѣ силы свои въ ея распоряженіе.

Не время для распрей, споровъ, разрозненныхъ выступленій. Помните, что лишь въ единеніи и согласіи—спасеніе родины; въ разъединеніи—ея гибель.

Германія не дремлетъ. Наступленіе ея идетъ съ новой силой. Снабдите армію всѣмъ необходимымъ. Не предавайте вашихъ братьевъ въ окопахъ.

Центральный военно-промышленный комитетъ.

2-го марта къ Таврическому дворцу подошли и присоединились къ народной арміи юнкера Павловскаго и военно-топографическаго училищъ. Съ привѣтственной рѣчью къ нимъ обратился председатель Временнаго Комитета Государственной Думы М. В. Родзянко.

2-го марта утромъ къ Таврическому дворцу съ музыкой, въ полномъ походномъ порядкѣ подошелъ гвардейскій экипажъ, находившійся на фронтѣ и 7-го февраля вызванный въ Царское Село.

Какъ только вѣсть о происходящемъ въ Петроградѣ дошла до солдатъ гвардейскаго экипажа, они рѣшили отправиться въ Петроградъ и присоединиться къ народной арміи. Съ солдатами пришли нѣкоторые изъ офицеровъ экипажа. Остальные офицеры скрылись.

На имя председателя Исполнительнаго Комитета Государственной Думы М. В. Родзянка поступила слѣдующая телеграмма главнокомандующаго кавказской арміей великаго князя Николая Николаевича.

«Сейчасъ въ согласіи съ мнѣніемъ генералъ-адъютанта Алексѣева обратился къ государю императору съ вѣрноподданнической мольбой ради спасенія Россіи и побѣдоноснаго окончанія войны принять рѣшеніе, признаваемое нами единственнымъ выходомъ при создавшихся роковыхъ условіяхъ».

«Главнокомандующій кавказской арміей генералъ-адъютантъ Н и к о л а й».

Телеграмма подана въ Тифлисъ 2-го марта, въ 12 ч. 47 м. пополудни.

Офицеры, находящіеся въ Петроградѣ, идя объ руку съ народомъ и собравшись по предложенію Исполнительнаго Комитета Государственной Думы, признавая, что для побѣдоноснаго окончанія войны необходима скорѣйшая организациія порядка и дружная работа въ тылу, единогласно постановили:

Признать власть Исполнительнаго Комитета Государственной Думы въ правленіи государствомъ Россійскимъ впредь до созыва учредительнаго собранія.
Съ подлиннымъ вѣрно:

Членъ Временнаго Комитета Павелъ Милюковъ.

Членъ Государственной Думы, министръ юстиціи А. Ѳ. Керенскій.

Членъ Государственной Думы М. А. Карауловъ.

Приказъ по гор. Петрограду № 3.

2-го марта.

Всѣ томившіеся въ тюрьмахъ за свои политическія убѣжденія узники освобождены. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ ними получили свободу и уголовные преступники. Эти убійцы, воры и грабители, переодѣвшись въ форму нижнихъ чиновъ, нагло врываются въ частныя квартиры, производятъ незаконные обыски, грабятъ и насилуютъ, наводя ужасъ.

Приказываю всѣхъ такихъ лицъ немедленно задерживать и поступать съ ними круто, вплоть до разстрѣла въ случаѣ сопротивленія.

Обходы патрули и воинскихъ частей должны имѣть на лѣвомъ рукавѣ шинели бѣлыя повязки съ названіемъ своей части.

Независимо отъ сего начальники обхода и патруля должны имѣть письменное удостовѣреніе отъ своей части.

Членъ Временнаго Комитета М. А. Карауловъ.

Отъ Временнаго Правительства.

Граждане!

Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы при содѣйствіи и сочувствіи столичныхъ войскъ и населенія достигъ въ настоящее время такой степени успѣха надъ темными силами стараго режима, который позволяетъ ему приступить къ болѣе прочному устройству исполнительнаго правительства.

Для этой цѣли Временный Комитетъ Государственной Думы назначаетъ министрами перваго общаго кабинета слѣдующихъ лицъ, довѣріе къ которымъ страны обезпечено ихъ прошлой общественной и политической дѣятельностью:

Предсѣдатель Совѣта Министровъ и министръ внутреннихъ дѣлъ князь Г. Е. Львовъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ П. Н. Милюковъ.

Министръ военный и морской А. И. Гучковъ.

Министръ путей сообщенія Н. В. Некрасовъ.

Министръ торговли и промышленности А. И. Коноваловъ.

Министръ народнаго просвѣщенія А. А. Мануиловъ.

Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода Вл. Львовъ.

Министръ земледѣлія А. И. Шингаревъ.

Министръ юстиціи А. Ѳ. Керенскій.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1917 г., т. сѣлвн.

VI

Въ своей настоящей дѣятельности кабинетъ будетъ руководиться слѣдующими основаніями:

1) Полная и немедленная амністія по всѣмъ дѣламъ политическимъ и религиознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ и аграрнымъ преступленіямъ и д. т.

2) Свобода слова, печати, союзовъ, собраній и стачекъ, съ распространеніемъ политическихъ свободъ на военнoслужачихъ въ предѣлахъ, допускаемыхъ военно-техническими условіями.

3) Отмѣна всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій.

4) Немедленная подготовка къ созыву на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны.

5) Замята полиціи народной милиціей съ выборнымъ начальствомъ, подчиненнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія.

6) Выборы въ органы мѣстнаго самоуправления на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

7) Неразоруженіе и невыводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи.

8) При сохраненіи строгой воинской дисциплины въ строю и при несеніи военной службы устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ. Временное правительство считаетъ своихъ долгомъ присвокупить, что оно отнюдь не намѣрено воспользоваться военными обстоятельствомъ для какого-либо промедленія по осуществленію вышеизложенныхъ реформъ и мѣропріятій.

Предсѣдатель Государственной Думы М. Родзянко.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ князь Львовъ.

Министры: Милюковъ, Некрасовъ, Коноваловъ, Мануиловъ, Терещенко, Вл. Львовъ, Шингаревъ, Керенскій.

Отъ Исполнительнаго Комитета Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ.

Товарищи и граждане!

Новая власть, создающаяся изъ общественно умѣренныхъ слоевъ общества, объявила сегодня о всѣхъ тѣхъ реформахъ, которыя она обязуется осуществить частью еще въ процессѣ борьбы со старымъ режимомъ, частью по окончаніи этой борьбы. Среди этихъ реформъ нѣкоторыя должны привѣтствоваться широкими демократическими кругами. Политическая амністія, обязательство принять на себя подготовку Учредительнаго Собранія, осуществленіе гражданскихъ свободъ и устраненіе національныхъ ограниченій. И мы полагаемъ, что въ той мѣрѣ, въ какой нарождающаяся власть будетъ дѣйствовать въ направленіи осуществленія этихъ обязательствъ и рѣшительной борьбы со старой властью, демократія должна оказать ей свою поддержку.

Товарищи граждане! Приближается полная побѣда русскаго народа надъ старой властью. Но для побѣды этой нужны еще громадныя усилія, нужна

исключительная выдержка и твердость. Нельзя допускать разьединенія и анархіи. Нужно немедленно пресѣкать всѣ безчинства, грабежи, врыванія въ частныя квартиры, расхищеніе и порчу всякаго рода имущества, безцѣльные захваты общественныхъ учреждений. Упадокъ дисциплины и анархія губятъ революцію и народную свободу.

Не устранена еще опасность военнаго движенія противъ революціи. Чтобы предупредить ее, весьма важно обезпечить дружную согласованную работу солдатъ съ офицерами. Офицеры, которымъ дороги интересы свободы и прогрессивнаго развитія родины, должны употребить всѣ усилія, чтобы наладить совмѣстную дѣятельность съ солдатами. Они будутъ уважать въ солдатѣ его личное и гражданское достоинство, будутъ бережно обращаться съ чувствомъ чести солдата. Съ своей стороны солдаты будутъ помнить, что армія сильна лишь союзомъ солдатъ и офицерства, что нельзя за дурное поведеніе отдѣльныхъ офицеровъ клеймить всю офицерскую корпорацію. Ради успѣха революціонной борьбы надо проявить терпимость и забвеніе несущественныхъ проступковъ противъ демократіи тѣхъ офицеровъ, которые присоединились къ той рѣшительной и окончательной борьбѣ, которую вы ведете со старымъ режимомъ

Приказъ Временнаго Комитета Государственной Думы.

2-го марта 1917 г.

Тяжелое переходное время кончилось. Временное Правительство образовано. Народъ совершилъ свой гражданскій подвигъ и передъ лицомъ грозящей родинѣ опасности свергнулъ старую власть. Новая власть, сознавая свой отвѣтственный долгъ, приметъ всѣ мѣры къ обезпеченію порядка, основаннаго на свободѣ, и къ спасенію страны отъ разрухи виѣшней и внутренней. Неизбѣжное замѣшательство, къ счастью, весьма кратковременное, приходитъ къ концу.

Граждане страны! Въ первую очередь граждане взволнованной событіями столицы должны вернуться къ спокойной трудовой жизни. Къ нормальной жизни должны вернуться и войска. Бдительная охрана ими новаго порядка возможна и особенно цѣнна, когда войска будутъ готовы по первому зову правительства явиться, куда надобность укажетъ.

Бывшій комендантъ петроградскаго гарнизона генераль Хабаловъ смѣщенъ и арестованъ. Временный Комитетъ Государственной Думы назначаетъ главнокомандующимъ войсками Петрограда и его окрестностей командира 25-го корпуса генераль-лейтенанта Корнилова несравненная доблесть и геройство котораго на поляхъ сраженій извѣстны всей арміи и Россіи. Сдѣлано распоряженіе о вызовѣ генерала Корнилова изъ дѣйствующей арміи. До его пріѣзда въ Петроградъ временное исполненіе обязанностей главнокомандующаго возложено на командира 19-й запасной бригады генераль-майора Аносова.

4-го марта назначить парадъ войскамъ петроградскаго гарнизона, который приметъ Временное Правительство.

Предсѣдатель Временнаго Комитета, предсѣдатель Государственной Думы
М. Родзянко.

Штабъ главнокомандующаго: Дворцовая пл., 4.

vi*

Первыя распоряженія новаго министра юстиціи.

I.

Военному губернатору, Иркутскъ. Енисейскому губернатору, Красноярскъ.

2-го марта 1917 г.

Подтверждаю предписаніе товарища министра Чебышева о немедленномъ и полномъ освобожденіи членовъ Государственной Думы Петровскаго, Муранова, Бадаева, Шахова и Самойлова и возлагаю на васъ обязанность, подъ личной вашей отвѣтственностью, обезпечить имъ почетное возвращеніе въ Петроградъ.

Членъ Государственной Думы, министр юстиціи гражданинъ
А. Керенскій.

II.

Въ совѣты присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ сознаніи всей важности и отвѣтственности, во имя спасенія родины, я принялъ постъ министра юстиціи во Временномъ Правительствѣ. Привѣтствуя совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, всегда стоявшихъ на стражѣ права и свободы народа, я прошу ихъ принять посильное участіе въ установленіи истиннаго правосудія въ нашей родинѣ и поднятіи его на высоту, соотвѣтствующую величію народа и важности историческаго момента.

Министръ юстиціи, членъ Государственной Думы,
гражданинъ А. Керенскій.

3-го марта.

Приказъ № 1 министра юстиціи Временнаго Правительства.

Поручается академику академіи наукъ Нестору Александровичу Котляревскому вывезти изъ департамента полиціи всѣ бумаги и документы, какіе онъ найдетъ нужнымъ, доставить и помѣстить ихъ въ академію наукъ.

Министръ юстиціи членъ Государственной Думы Керенскій.

Приказъ № 2 министра юстиціи Временнаго Правительства столичнымъ мировымъ судьямъ.

Необходимо быстро устранить печальныя недоразумѣнія, возникающія въ городѣ между солдатами, населеніемъ и рабочими.

Для этого предлагаю всѣмъ мировымъ судьямъ немедленно съ полученіемъ сего принять участіе въ образованіи временныхъ судовъ для разрѣшенія этихъ недоразумѣній.

Судъ въ составѣ трехъ его членовъ: мирового судьи, представителя арміи и представителя рабочихъ засѣдаетъ въ помѣщеніи камеры мирового судьи.

Существующія границы мировыхъ районовъ сохраняются. Вопросы разрѣшаются по большинству голосовъ, причѣмъ члены суда пользуются равными правами.

Серьезныя дѣла направляются на разрѣшеніе коменданта отъ Временнаго Правительства.

Настоящая мѣра имѣетъ временный характеръ.

Министръ юстиціи Временнаго Правительства А. Керенскій.

3 марта 1917 г.

Рѣчь министра юстиціи къ солдатамъ и гражданамъ.

2-го марта вечеромъ новый министръ юстиціи А. Θ. Керенскій произнесъ въ Екатерининскомъ залѣ рѣчь, обращенную къ солдатамъ и гражданамъ. При появлении новаго министра на трибунѣ огромный Екатерининскій залъ огласился бурными и продолжительными аплодисментами тысячной толпы.

— Товарищи солдаты и граждане, — началъ министръ юстиціи. — Я членъ Государственной Думы А. Θ. Керенскій — министръ юстиціи (бурные аплодисменты и восторженные крики «ура») — объявляю во всеуслышаніе, что новое Временное Правительство вступило въ исполненіе своихъ обязанностей по соглашенію съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

«Соглашеніе, заключенное между исполнительнымъ комитетомъ Государственной Думы и исполнительнымъ комитетомъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ одобрено Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ большинствомъ нѣсколькихъ сотъ голосовъ противъ 15 (бурные, продолжительные аплодисменты, возгласы «браво»).

Первымъ актомъ новаго правительства является немедленное опубликованіе акта о полной амнистіи. Наши товарищи-депутаты второй и четвертой Думы, незаконно сосланные въ тундры Сибири, будутъ немедленно освобождены и съ особымъ почетомъ привезены сюда.

«Товарищи, въ моемъ распоряженіи находятся всѣ бывшіе председатели Совѣта Министровъ и всѣ министры стараго режима. Они отвѣтятъ, товарищи, за свои преступленія передъ народомъ согласно закону (возгласы: «безопасно»). Товарищи, свободная Россія не будетъ прибѣгать къ тѣмъ позорнымъ средствамъ борьбы, которыми пользовалась старая власть. Безъ суда никто подвергнутъ наказанію не будетъ. Всѣхъ будетъ судить гласный народный судъ. Товарищи солдаты и граждане, всѣ мѣры, которыя будутъ приняты новымъ правительствомъ, будутъ опубликованы. Солдаты, прошу васъ оказать намъ содѣйствіе. Свободная Россія родилась и никому не удастся вырвать свободу изъ рукъ народа.

«Не слушайте призывовъ, исходящихъ отъ агентовъ старой власти.

«Слушайте вашихъ офицеровъ. Да здравствуетъ свободная Россія! (бурные аплодисменты и крики «ура»).

Отъ министра юстиціи А. Θ. Керенскаго и предсѣдателя Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Н. С. Чхеидзе.

Министръ юстиціи А. Θ. Керенскій и предсѣдатель Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Н. С. Чхеидзе уполномочили насъ сообщить, что всякаго рода приказы, въ которыхъ солдаты призываются не повиноваться офицерамъ и не исполнять распоряженій новаго Временнаго Правительства, являются злостной провокаціей.

Между исполнительнымъ комитетомъ Государственной Думы и Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ достигнуто въ настоящее время соглашеніе.

Заявленіе А. Ф. Керенскаго въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Послѣ организаціи новаго правительства министр юстиціи А. Θ. Керенскій явился на засѣданіе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и попросилъ слова для внѣочереднаго заявленія. Слово ему немедленно было дано, и А. Θ. Керенскій обратился къ Совѣту Рабочихъ Депутатовъ со слѣдующими словами:

— Товарищи! довѣряете ли вы мнѣ? (Возгласы на всѣхъ скамьяхъ: «Довѣряемъ, довѣряемъ»). Я говорю, товарищи, отъ всей глубины моего сердца, я готовъ умереть, если это будетъ нужно. (Въ залѣ общее волненіе; А. Θ. Керенскаго привѣтствуютъ продолжительными рукоплесканіями, превращающимися въ длительную овацію). Товарищи, ввиду организаціи новаго правительства, я долженъ былъ немедленно, не дожидаясь вашей формальной санкціи, дать отвѣтъ на сдѣланное мнѣ предложеніе занять постъ министра юстиціи (Бурные аплодисменты, общій энтузіазмъ). Товарищи, въ моихъ рукахъ находились представители старой власти, и я не рѣшился выпустить ихъ изъ своихъ рукъ (бурные аплодисменты и возгласы: «правильно»). Я принялъ сдѣланное мнѣ предложеніе и вошелъ въ составъ новаго временнаго правительства въ качествѣ министра юстиціи (Общіе аплодисменты и крики: «браво»). Первымъ моимъ шагомъ было распоряженіе немедленно освободить всѣхъ политическихъ заключенныхъ, безъ всякихъ исключеній, съ особымъ почетомъ препроводить изъ Сибири сюда нашихъ товарищей депутатовъ социаль-демократической фракціи (громовые аплодисменты, общій энтузіазмъ). Въ виду того, что я взялъ на себя обязанность министра юстиціи раньше, чѣмъ я получилъ на это отъ васъ формальное полномочіе, я слагаю съ себя обязанности товарища предсѣдателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Но я готовъ вновь принять отъ васъ это званіе, если вы признаете это нужнымъ (бурные аплодисменты и общіе возгласы: «просимъ, просимъ»). Товарищи, войдя въ составъ новаго временнаго правительства, я остался тѣмъ же, чѣмъ я былъ,—я остался республиканцемъ (шумные аплодисменты); я заявилъ временному правительству, что я являюсь представителемъ демократіи и временное правительство должно смотрѣть на меня, какъ на выразителя требованій демократіи и должно особенно считаться съ тѣми мнѣніями, которыя я буду отстаивать въ качествѣ представителя демократіи, усиліями которой была свергнута старая власть. Товарищи, время не

ждать, дорога каждая минута, и я призываю васъ къ организаціи, къ дисциплинѣ, къ оказанію поддержки намъ—вашимъ представителямъ, готовымъ умереть для народа и отдавшимъ всю свою жизнь народу».

Слова А. Θ. Керенскаго, произнесенныя съ огромнымъ подъемомъ, были покрыты бурными аплодисментами. Трудно передать энтузіазмъ, охватившій залъ засѣданія; единичные голоса пытавшихся протестовать противъ того, что А. Θ. Керенскій дѣйствовалъ безъ формальнаго согласія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, были заглушены единодушными возгласами подавляющаго большинства Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, устроившаго А. Θ. Керенскому бурную овацію.

По продовольственному дѣлу было опубликовано слѣдующее постановленіе:

Временный Комитетъ Государственной Думы въ согласіи съ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ постановилъ устроить продовольственную комиссію для общаго руководства продовольственнымъ дѣломъ государства.

Новая власть въ лицѣ продовольственной комиссіи, Комитета Государственной Думы и Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, принявъ общее руководство снабженіемъ и продовольствіемъ арміи и населенія, получило въ наслѣдство отъ стараго правительства много не удовлетворенныхъ потребностей, но очень мало хлѣба. Въ виду этого продовольственная комиссія, считая необходимымъ принять самыя рѣшительныя мѣры къ усиленію скорѣйшей поставки хлѣба для нуждъ арміи и населенія, считаетъ, что прежде всего необходимо призвать населеніе къ добровольной поставкѣ хлѣба. Неоднократныя попытки стараго правительства получить хлѣбъ успѣха не имѣли вслѣдствіе недовѣрія населенія къ старой власти. Выражая увѣренность, что теперь населеніе пойдетъ навстрѣчу новой власти, продовольственная комиссія считаетъ нужнымъ призвать къ немедленному полученію хлѣба. Государственные интересы требуютъ полученія сейчасъ же всѣхъ крупныхъ партій хлѣба, сосредоточенныхъ въ большихъ сельскохозяйственныхъ экономіяхъ, у торговыхъ посредниковъ и баковъ. Поэтому продовольственная комиссія, взявъ телеграммъ за №№ 1573 и 1579, подписанныхъ бывшими министрами Бѣляевымъ и Риттихомъ, предлагаетъ вамъ, не останавливая обычныхъ закупокъ и полученія хлѣба по разверсткѣ отъ всѣхъ владѣльцевъ, немедленно по полученіи этой телеграммы приступить къ реквизиціи хлѣба у крупныхъ вольныхъ собственниковъ и арендаторовъ всѣхъ сословій, имѣющихъ запашку не менѣе 50 десятинъ, а также къ реквизиціи запаса хлѣба у торговыхъ предприятий и банковъ. Реквизиція должна производиться безъ пониженія цѣны.

Губернскимъ земскимъ управамъ поручается организовать комитеты. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, организація продовольственныхъ комитетовъ поручается городскимъ думаамъ соотвѣтственно правамъ губернскихъ или областныхъ городовъ.

Въ составъ губернскихъ продовольственныхъ комитетовъ входятъ представители: 1) земскихъ и городскихъ общественныхъ самоуправленій, причѣмъ предоставляется выбирать не только лицъ, имѣющихъ избирабельныя права;

временно предоставляется избирать земским управамъ, 2) мѣстныхъ районныхъ союзовъ, кооперативовъ, производительныхъ и потребительныхъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—губернскихъ кооперативныхъ совѣщаній, 3) представители мѣстныхъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ по мѣрѣ ихъ образования или больничныхъ кассъ и рабочихъ профессиональныхъ союзовъ, 4) представители совѣтовъ крестьянскихъ союзовъ по мѣрѣ ихъ образования и 5) представители губернскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ. Губернскимъ продовольственнымъ комитетамъ предоставляется право приглашать представителей другихъ мѣстныхъ общественныхъ организацій.

Губернскіе продовольственные комитеты избираютъ изъ своей среды председателей и ихъ замѣстителей, на которыхъ возлагаются обязанности уполномоченныхъ председателей особыхъ совѣщаній по продовольственному дѣлу и уполномоченныхъ министерства земледѣлія по закупкамъ хлѣба и другихъ продуктовъ продовольствія и обязанности распределенія. Председатель назначаетъ себѣ помощниковъ по заготовкѣ отдѣльныхъ продуктовъ и распределенію.

Губернскимъ комитетамъ поручаются: 1) общее руководство продовольственнымъ дѣломъ губерніи и 2) исполненіе нарядовъ центральной власти для нуждъ арміи и населенія.

Губернскимъ продовольственнымъ комитетамъ поручается организовать мѣстные уѣздные волостные, мелко-районные и городскіе комитеты на широкихъ демократическихъ началахъ. Столицы имѣютъ самостоятельные комитеты. Временное правительство находитъ необходимымъ создать продовольственные комитеты, а впредь до ихъ образования дѣйствуютъ прежніе продовольственные органы.

Председатель Временнаго Комитета Государственной Думы Родзянко.

За председателя продовольственной комиссіи Комитета Государственной Думы и Совѣта Рабочихъ Депутатовъ Волковъ.

Комиссаръ по продовольственнымъ дѣламъ членъ Государственной Думы Востротинъ.

Особоуполномоченный по закупкамъ хлѣба для арміи Гавриловъ.

По порученію Временнаго Правительства дѣло продовольствія гор. Петрограда и его пригородовъ передано специальной центральной продовольственной комиссіи при городскомъ общественномъ самоуправленіи. Въ составъ ея вошли представители Временнаго Правительства и Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, центральныхъ и районныхъ общественныхъ организацій, а также центральныхъ рабочихъ организацій.

Всѣ практическія мѣропріятія центральной продовольственной комиссіи должны приводиться въ исполненіе городскими и пригородными районными продовольственными комиссіями, которыя и будутъ давать всѣ необходимыя указанія и справки по всѣмъ продовольственнымъ вопросамъ.

Распределеніе продуктовъ и надзоръ за продажей, а также распределеніе карточекъ населенію возложено непосредственно на подрайонныя продовольственные комиссіи.

Для облегченія введенія карточной системы и пополненія силъ подрайонныхъ комиссій предложено избраніе представителей отъ каждаго дома.

Первой заботой этой продовольственной организаціи явилось немедленное выясненіе всѣхъ наличныхъ запасовъ продовольствія, и поэтому центральная продовольственная комиссія просила всѣхъ торговладельцевъ довести до свѣдѣнія районныхъ продовольственныхъ комиссій обо всѣхъ торговыхъ запасахъ, имѣющихся у нихъ въ настоящее время.

Всякая самовольная реквизиція, отъ кого бы она ни исходила, объявлена недопустимой. Реквизиція производится только по письменнымъ распоряженіямъ петроградской центральной продовольственной комиссіи.

Такъ какъ прежнее правительство оставило разстроенный транспортъ и недостаточные для громаднаго населенія столицы запасы продовольствія, то расточительное потребленіе ихъ можетъ еще болѣе ухудшить положеніе дѣла. Поэтому въ интересахъ благополучнаго разрѣшенія самаго насущнаго для всего населенія вопроса центральная продовольственная комиссія обратилась къ чести и достоинству каждаго гражданина, прося ограничить себя въ потребленіи продуктовъ первой необходимости и дѣлая закупки только по дѣйствительной потребности, а не въ запасъ.

Постановленіе продовольственной комиссіи.

Продовольственная комиссія Исполнительнаго Комитета Государственной Думы и Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ засѣданіи 2-го марта 1917 года, обсудивъ вопросъ объ урегулированіи продовольственнаго вопроса въ Петроградѣ, приняла слѣдующія постановленія:

1. Предоставить центральной городской продовольственной организаціи всѣ права, которыя предоставлены уполномоченнымъ предсѣдателю особаго совѣщанія по продовольственному дѣлу.

2. Поручить центральной городской продовольственной организаціи вступить въ связь съ центральными органами милиціи, которая обязана незамедлительно исполнять порученія центральной продовольственной организаціи.

3. Вступить центральной продовольственной организаціи въ связь съ районными организаціями и содѣйствовать ихъ образованію.

4. Избрать представителями продовольственной комиссіи Исполнительнаго Комитета Государственной Думы и Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и въ центральную продовольственную организацію слѣдующихъ лицъ: А. Л. Олейникова, С. В. Вернадскаго, С. С. Загорскаго, А. Г. Кина, М. М. Федорова и Н. Н. Шнитникова.

Приказъ начальника городской милиціи.

Для поддержанія порядка въ Петроградѣ образована городская народная милиція. Для нуждъ милиціи требуется вооруженіе, посему предлагается гражданамъ Петрограда немедленно сдавать все имѣющееся у нихъ оружіе въ канцелярію начальника милиціи, которая помѣщается въ зданіи городской думы.

Д. А. Крыжановскій.

Постановлено открыть всѣ банки для производства операций 3-го марта, отъ 11 час. утра до 1 ч. дня. Для охраны банковъ приняты всѣ необходимыя мѣры.

Паденіе царской власти.

Такъ постепенно водворялся новой строй. Старая власть исчезла. Оставался еще призракъ—ея царь и его династія. И вотъ 3-го марта появился манифестъ Николая II объ отреченіи его за себя и за сына отъ престола въ пользу брата своего Михаила Александровича. Безъ лишніхъ потрясеній исчезла власть, которая довела страну до края пропасти.

Скомпрометированная окончательно Николаемъ II и его супругою династія не могла далѣе оставаться на тронѣ. Это понялъ и Михаилъ Александровичъ и также отрекся отъ престола, предоставивъ будущему Учредительному Собранію постановить рѣшеніе о формѣ правленія освобожденной Россіи.

Вотъ эти два историческихъ манифеста, которыми закончился императорскій періодъ русской исторіи:

Манифестъ Николая II.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся народныя волненія грозятъ бѣдственнo отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совмѣстно съ славными нашими союзниками можетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи сочли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и въ согласіи съ Государственной Думой признали мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, мы передаемъ наслѣдіе наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляемъ его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго.

Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой родины.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ—повиновеніемъ царю въ тяжелую минуту всенародныхъ

испытаній и помочь ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

НИКОЛАЙ.

2-го марта 1917 г., 15 часовъ, въ гор. Псковѣ.

Скрѣпилъ министръ императорскаго двора Фредериксъ.

4-го марта.

Отреченіе великаго князя Михаила Александровича.

Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшаго мнѣ императорскій всероссійскій престолъ въ годину непримѣрной войны и волненій народа.

Одушевленный единой со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо родины нашей, принялъ я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспріять верховную власть, если таковая будетъ воля великаго народа нашего, которому и надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи установить образъ правленія и новые основные законы государства Россійскаго.

Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотою власти впредь до того, какъ созданное въ возможно кратчайшій срокъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго голосованія Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

Подписаль: МИХАИЛЪ.

3 марта 1917 г., Петроградъ.

Телеграмма предсѣдателя Совѣта Министровъ.

4-го марта предсѣдатель Совѣта Министровъ князь Львовъ обратился циркулярно къ начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго генераль-адъютанту Алексѣеву, ко всѣмъ городскимъ головамъ губернскихъ и областныхъ городовъ, предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ, къ главнокомандующимъ войсками всѣхъ фронтовъ, командующимъ войсками всѣхъ военныхъ округовъ, командующимъ флотами Балтійскимъ, Черноморскимъ и командующему сибирской флотилии, командирамъ портовъ владивостокскаго, севастопольскаго, архангельскаго и кронштадтскаго, а также помощнику финляндскаго генераль-губернатора:

«2-го сего марта послѣдовало отреченіе отъ престола государя императора Николая II за себя и за своего сына въ пользу великаго князя Михаила Александровича. 3-го марта Михаилъ Александровичъ отказался воспріять верховную власть впредь до опредѣленія Учредительнымъ Собраніемъ формы правленія и

призвалъ населеніе подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти впредь до созыва Учредительнаго Собранія, которое своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразить волю народа.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ князь Львовъ.

Всѣ арміи на фронтахъ переходятъ на сторону новаго строя.

Когда появится эта краткая лѣтопись великихъ революціонныхъ дней, то будетъ уже официально извѣстно объ арестѣ Николая II и его супруги, которые нынѣ содержатся подъ стражей въ царскосельскомъ дворцѣ, и объ отставкѣ великаго князя Николая Николаевича, котораго Николай II передъ самымъ отреченіемъ назначилъ вмѣсто себя верховнымъ главнокомандующимъ нашихъ доблестныхъ армій, сражающихся за родину, за свободу и за цивилизацію. Такъ совершился первый актъ великой русской революціи.

Е. Семеновъ.

АЛЕКСѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЕМНАЦАТАГО декабря французскимъ правительствомъ сообщенъ послу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ нижеслѣдующій отвѣтъ державъ согласія на германское мирное предложеніе:

«Союзныя правительства Россіи, Франціи, Великобританіи, Италіи, Японіи, Сербіи, Бельгіи, Черногоріи, Португаліи и Румыніи, соединившіяся для защиты свободы народовъ и вѣрныя принятому ими обязательству не складывать отдѣльно оружіе, рѣшили дать коллективный отвѣтъ на мнимыя предложенія мира, сдѣланныя имъ непріятельскими правительствами при посредствѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Испаніи, Швейцаріи и Нидерландовъ.

«Предварительно всякаго отвѣта союзныя державы считаютъ необходимымъ возразить во всеуслышаніе противъ двухъ существенныхъ утверждений, заключающихся въ потѣ центральныхъ державъ. Союзники не могутъ допустить вдвойнѣ не соответствующаго дѣйствительности утверждения, самого по себѣ достаточнаго, дабы сдѣлать безплодными всѣ попытки притупить къ переговорамъ.

«Союзныя державы е народы переносятъ въ теченіе 30 мѣсяцевъ войну, которой они всячески старались избѣжать, что они доказали дѣйствіями, свидѣтельствующими о желаніи ихъ сохранить миръ. Стремленіе ихъ къ миру нынѣ столь же твердо, какъ и въ 1914 году, но послѣ того, какъ Германія попраала принятыя ею на себя обязательства, миръ, нарушенный ею, не можетъ быть основанъ на ея словѣ.

«Одно лишь ничѣмъ не обусловленное приглашеніе открыть переговоры еще не является предложеніемъ мира. Мнимое предложеніе мира, сдѣланное

германскимъ правительствомъ и лишенное осязательнаго содержанія и ясности, представляется не столько предложеніемъ мира, сколько военнымъ маневромъ.

«Это предложеніе основывается на систематическомъ нежеланіи признать характеръ борьбы, какъ въ прошедшемъ и настоящемъ, такъ равно и въ будущемъ.

«Что касается прошедшаго, то германская нота игнорируетъ факты и даты, устанавливающіе, что желали войны, вызвали и объявили ее Германія и Австро-Венгрія. Въ Гаагѣ именно германскій делегатъ отвергъ всѣ предложенія относительно разоруженія. Въ іюль 1914 г. именно Австро-Венгрія обратилась къ Сербіи съ ультиматумомъ, лишеннымъ прецедентовъ, а затѣмъ объявила ей войну, несмотря на удовлетвореніе, которое Сербія немедленно дала Австро-Венгріи.

«Центральныя имперіи въ то время отвергли всѣ попытки державъ согласія, направленные къ мирному разрѣшенію этого мѣстнаго конфликта. Сдѣланное Англійей предложеніе о созывѣ конференціи, французское предложеніе объ образованіи международной комиссіи, предложеніе Государя Императора, обращенное къ германскому императору о третейскомъ судѣ, соглашеніе, достигнутое между Россією и Австро-Венгрією наканунѣ столкновенія, всѣ эти попытки были оставлены Германією безъ отвѣта или безъ послѣдствій.

«Вторженіе въ Бельгію было произведено имперією, гарантировавшею ей нейтралитетъ, не побоявшеюся заявить, что договоры являются лишь клочками бумаги, и что передъ необходимостью законъ молчитъ.

«Что касается настоящаго, то сдѣланныя Германією якобы мирныя предложенія основываются исключительно на картѣ военныхъ дѣйствій въ Европѣ, которая характеризуетъ только внѣшнюю и преходящую видимость современнаго положенія и въ то же время нисколько не опредѣляетъ реального соотношенія силъ противниковъ.

«Миръ, заключенный на основаніи такихъ данныхъ, былъ бы выгоденъ единственно лишь нападавшимъ, первоначально думавшимъ достигнуть своей цѣли въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и послѣ двухъ лѣтъ войны убѣдившимся, что они этой цѣли никогда не достигнутъ.

«На будущее время разрушенія, произведенныя объявленіемъ войны Германією, а равно и безчисленныя нарушенія права, допущенныя Германією и ея союзниками по отношенію какъ къ воюющимъ, такъ и къ нейтральнымъ, требуютъ возмездія, компенсаций и гарантій. Германія уклоняется и отъ тѣхъ и отъ другихъ.

«Въ дѣйствительности предложеніе, сдѣланное центральными державами, является лишь попыткой, рассчитанною оказать воздѣйствіе на ходъ войны и въ концѣ концовъ добиться германскаго мира.

«Оно имѣетъ цѣлью смутить общественное мнѣніе союзныхъ державъ. Это общественное мнѣніе, несмотря на всѣ принесенныя жертвы, уже отвѣтило съ выдающейся твердостью и указало на бессодержательность непріятельской деклараціи.

«Послѣдняя имѣетъ цѣлью ободрить общественное мнѣніе Германіи и ея союзниковъ, столь потрясенное тяжелыми потерями и обезсиленное обостри-

шимся экономическим кризисомъ и подавленное чрезвычайнымъ усиленіемъ, выполнение котораго требуется отъ народовъ Германіи и ея союзниковъ.

«Нота противника пытается обмануть и запугать общественное мнѣніе нейтральныхъ государствъ, уже давно составившее себѣ определенное мнѣніе объ отвѣтственности за начало войны, освѣдомленное о томъ, на кого падаетъ эта отвѣтственность въ настоящій моментъ, и слишкомъ дальновидное, чтобы потворствовать намѣреніямъ Германіи, отказавшись отъ защиты свободы человѣчества.

«Нота противниковъ, кромѣ того, заранѣе пытается оправдать въ глазахъ человѣчества новыя преступленія, совершенныя въ связи съ подводной войной, насильственнымъ вывозомъ рабочаго населенія и насильственнымъ наборомъ среди отдѣльныхъ національностей для борьбы противъ своихъ же странъ, равно какъ нарушенія нейтралитета.

«Отвѣтъ союзниковъ проникнутъ полнымъ сознаниемъ серьезности момента, но также и необходимости, чтобы союзныя правительства, въ тѣсномъ единеніи между собой и дѣйствуя въ полномъ согласіи со своими народами, отказались пойти навстрѣчу сдѣланному имъ неискреннему и безцѣльному предложенію.

«Они еще разъ настаиваютъ на томъ, что миръ не можетъ быть заключенъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ даны гарантіи въ восстановленіи попранныхъ правъ и попранной свободы народовъ и пока не будетъ признанъ принципъ національности и право на свободное существованіе небольшихъ народовъ, а также пока не будетъ получена увѣренность въ созданіи такого положенія вещей, которое окончательно устранило бы тѣ причины, которыя съ давнихъ временъ являлись угрозой для народовъ, и пока не будутъ представлены единственно дѣйствительныя для человѣчества гарантіи.

«Союзныя державы желаютъ въ заключеніе высказать еще соображеніе, которое подчеркиваетъ особенность того положенія, въ которомъ находится Бельгія въ теченіе послѣднихъ 2¹/₂ лѣтъ. На основаніи международныхъ трактатовъ, подписанныхъ пятью европейскими великими державами, въ числѣ коихъ фигурировала и Германія, Бельгія пользовалась передъ войной особымъ статутомъ, который дѣлалъ ея территорію неприкосновенной и защищалъ ее подъ гарантіей державъ отъ возможности быть втянутой въ европейскіе конфликты.

«Между тѣмъ Бельгія, въ прямое нарушеніе этихъ трактатовъ, первая подверглась нападенію со стороны Германіи. Поэтому бельгійское правительство считаетъ необходимымъ установить ту цѣль, ради достиженія которой Бельгія никогда не откажется отъ борьбы на сторонѣ державъ согласія за дѣло права и справедливости.

«Бельгія все время самымъ точнымъ образомъ соблюдаетъ обязанности, налагаемыя на нее нейтралитетомъ. Она взялась за оружіе для защиты своей независимости и нейтралитета, нарушенныхъ Германіей, и для того, чтобы остаться вѣрной своимъ международнымъ обязательствамъ. Имперскій канцлеръ въ рейхстагѣ призналъ, что это нападеніе являлось несправедливостью, противорѣчащей международному праву, и принялъ на себя отъ имени Германіи обязательство ея исправленія.

«За период времени в $2\frac{1}{2}$ года эта несправедливость была еще в значительной степени усилена способами ведения войны и оккупацией, которая истощает ресурсы Бельгии, разоряет ее промышленность, опустошает ее города и деревни, увеличивает число убийств, казней, тюремных заключений, причем именно в тот момент, когда Германия обратилась к человечеству с заявлениями о мире и гуманности, она вывозит бельгийское население и ввергает бельгийских граждан тысячами в рабство.

«Бельгия до войны желала лишь мирного сожития со всеми своими соседями. Ее король и ее правительство имеют лишь одну цель, а именно восстановление мира и правового порядка, но они желают только такого мира, который обеспечил бы их странам получение справедливого удовлетворения и гарантии безопасности в будущем».

18-го декабря штаб Верховного Главнокомандующего извѣстилъ:

На нашемъ западномъ фронтѣ къ сѣверо-западу отъ Заборова наши развѣдчики атаковали неприятельскую заставу въ районѣ Присовце и послѣ рукопашной схватки частью уничтожили ее, взявъ остальныхъ въ плѣнъ. Въ районѣ къ западу отъ Конюшки часть нашихъ развѣдчиковъ проникла въ тылъ караулу противника и, ворвавшись въ его окопъ, захватила въ плѣнъ весь караулъ въ составѣ 9 человекъ.

На рѣкѣ Быстрицѣ удачные поиски развѣдчиковъ въ районѣ дер. Дзвнячъ и Кричка. На молдавской границѣ противникъ послѣ артиллерійской подготовки велъ настойчивыя атаки въ долину р. Сульта и къ югу отъ нея. Всѣ атаки противника были отбиты нашимъ огнемъ и контръ-атаками. Въ районѣ къ сѣверу отъ р. Дофтяны и къ югу отъ долины р. Ойтузъ упорные бои продолжаются; противнику, получившему здѣсь подкрѣпленіе, повторными атаками удалось овладѣть нѣсколькими высотами на фронтѣ нашего расположенія къ югу отъ р. Ойтузъ и тѣмъ вынудить насъ къ отходу для занятія новой позиціи.

14-го декабря въ этомъ районѣ произошелъ воздушный бой. Нашъ летчикъ прапорщикъ Петражицкій съ наблюдателемъ прапорщикомъ Бартошомъ на аппаратѣ Вуазенъ вступили въ бой съ двумя неприятельскими самолетами и сбили одинъ изъ нихъ. Самолетъ противника упалъ въ долину рѣки Слонику. Летчики взяты въ плѣнъ.

На румынскомъ фронтѣ противникъ продолжаетъ нести упорныя атаки въ верхнемъ теченіи р. Касина на молдавской границѣ. Румынами атаки успешно отбиваются. Переходомъ въ наступленіе въ районѣ къ сѣверо-западу отъ Совежа въ верхнемъ теченіи Сушицы противникъ былъ сбитъ, причемъ румынами захвачено много плѣнныхъ и пулеметная рота. Противникъ съ утра повелъ наступленіе на фронтъ румынъ у д. Коса, въ верхнемъ теченіи р. Путна. Высоты переходили изъ рукъ въ руки и окончательно остались въ рукахъ противника.

Атаки противника у с. Бордесчи (въ 20 вер. къ юго-западу отъ Фокшанъ) и къ сѣверу продолжаются. Наши и румынскія части атакой выбили противника изъ с. Бордесчи, занятого наканунѣ противникомъ. Повторными атаками противнику удалось потѣснить румынъ въ районѣ къ сѣве-

ро-западу отъ желѣзной дороги Бузео—Фокшаны. На участкѣ къ юго-востоку отъ той же дороги всѣ атаки противника отбиты нашими частями. У Слободзе послѣ неоднократныхъ атакъ противнику удалось было потѣснить части одного изъ нашихъ полковъ, но лихой контръ-атакой окопы были возвращены.

Атаки противника въ районѣ желѣзной дороги Бузео—Браиловъ и у с. Бордею-Верде (къ югу отъ ст. Янка той же желѣзной дороги) отбиты нашими частями, причѣмъ противникъ понесъ огромныя потери. Командиръ сотни одного изъ нашихъ казачьихъ полковъ лихо атаковалъ д. Бордесчи (къ юго-западу отъ ст. Янка), изрубивъ 30 и взявъ въ плѣнъ 35 австрійцевъ. Въ сегоднешнемъ упорномъ бою убитъ доблестный командиръ одного изъ румынскихъ пѣхотныхъ полковъ, подполковникъ Вотозъ, полкъ котораго особенно выдѣлялся во время послѣднихъ боевъ. Командиръ другого полка майоръ Джаринсъ, будучи раненъ, послѣ перевязки вернулся въ строй и успѣшно отразилъ атаку противника на его полкъ.

Въ Добруджѣ противникъ значительными силами при содѣйствіи тяжелой и легкой артиллеріи трижды атаковалъ нашъ фронтъ на участкѣ въ 3-хъ верстахъ къ сѣверо-востоку отъ с. Гречи (въ 20-ти верстахъ къ юго-востоку отъ Браилова). Первые двѣ атаки были отбиты съ большими для него потерями. Третьей атакой, послѣ упорнаго сопротивленія, ему удалось овладѣть высотой въ центрѣ нашего расположенія.

На фронтахъ союзниковъ во Франціи, Бельгіи и Италиі происходили преимущественно артиллерійскіе бои.

Англійскій ген. Дугласъ Хэгъ назначенъ фельдмаршаломъ.

19-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на нашемъ западномъ фронтѣ около 3 часовъ дня 18 декабря нѣмцы сосредоточили сильный артиллерійскій огонь по нашимъ окопамъ въ районѣ Плещицы—Кнубово (къ югу отъ Пинска), а около 6 часовъ пѣхота противника, силою не менѣе 2-хъ ротъ, бросилась въ атаку на наши передовыя заставы. Атака дважды была отбита ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, но послѣ третьей атаки противнику удалось было занять наши окопы, но энергичной контръ-атакой положеніе было восстановлено. Попытка нѣмцевъ перейти въ наступленіе нѣсколько южнѣе также была отбита огнемъ. Къ юго-западу отъ Броды противникъ обстрѣливалъ наше расположеніе въ районѣ Покиковице и Дубе, причѣмъ по первому выпущено 15 снарядовъ съ удушливыми газами. На молдавской границѣ противникъ нѣсколько разъ атаковалъ высоты къ сѣверо-западу отъ с. Бокашъ (на р. Бокашъ, притокъ Быстрицы), но каждый разъ отбрасывался нашимъ огнемъ. Въ районѣ рѣки Домукъ противникъ перешелъ въ наступленіе сѣвернѣе ручья, впадающаго въ р. Домукъ, у д. Домукпатакъ. Съ одной изъ высотъ противнику удалось оттѣснить нашу заставу, но подошедшимъ резервомъ положеніе было восстановлено. Въ долинѣ рѣки Татрошъ противникъ повелъ наступленіе отъ д. Котумба, но былъ отброшенъ съ большими потерями. Одновременно съ этимъ противникъ обстрѣливалъ районъ д. Агасуль (къ юго-востоку отъ Котумба) снарядами съ удушливыми газами. Противникъ продолжаетъ вести атаки на участкѣ отъ долины р. Сульча

до р. Чабониоша, а также въ долинахъ рѣкъ Дофтяны и Ойтоса. Особенною настойчивостью атаки отличаются въ долинахъ двухъ послѣднихъ рѣкъ, гдѣ противнику вновь удалось потѣснить наши части нѣсколько къ востоку.

На кавказскомъ фронтѣ сильная снѣжная метель препятствовала развитію военныхъ дѣйствій.

На румынскомъ фронтѣ противникъ сильно атаковалъ румынъ на фронтѣ къ сѣверу и югу отъ р. Касина, въ 8 верстахъ къ востоку отъ молдавской границы. Войска удержали свои позиціи. Ночной атакой противникъ у верховьевъ р. Римна потѣснилъ румынъ, отошедшихъ въ районъ Патроану (въ 20-ти верстахъ къ западу отъ Фокшаны). Въ районѣ Фокшанъ и далѣе къ юго-востоку до Дуная наши части ночью, безъ давленія со стороны противника, перешли на новыя позиціи. Съ утра противникъ повелъ наступленіе по лѣвому берегу р. Бузео и вдоль желѣзной дороги Бузео—Браиловъ. Наступленіе остановлено нашимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Днемъ въ районѣ Романула (въ 15-ти верстахъ къ западу отъ Браилова) противникъ пытался наступать, но, будучи отброшенъ нашимъ ружейнымъ огнемъ, въ беспорядкѣ отошелъ и оказывается въ 800—1000 шагахъ отъ нашей позиціи. Въ Добруджѣ съ утра противникъ, развернувъ противъ центра нашего расположенія до 23-хъ батальоновъ, перешелъ въ наступленіе и потѣснилъ наши войска, отошедшія на слѣдующія позиціи.

Непріятельская атака на французскія траншеи къ востоку отъ Шамбрейта окончилась неудачей. Потоплены англійскій пароходъ и румынскій парусникъ.

Посланники Франціи, Великобританіи и Россіи вручили греческому правительству ноту съ требованіями гарантій и удовлетворенія; въ нотѣ указывается, что блокада греческихъ береговъ будетъ сохранена впредь до полученія полного удовлетворенія. Великобританское правительство аккредитовало гр. Гренвиля въ качествѣ дипломатическаго агента при временномъ правительствѣ Венизелоса. Въ Англии правительство взяло въ свое управленіе всѣ желѣзныя дороги.

20 декабря Высочайшимъ указомъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопопову Всемилостивѣйше повелѣно быть министромъ внутреннихъ дѣлъ. А. А. Макаровъ уволенъ, согласно прошенію, отъ должности министра юстиціи. Сенаторъ Н. А. Добровольскій назначенъ управляющимъ министерствомъ юстиціи.

20 декабря сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило: По участку д. Пониковице, къ юго-западу отъ Бродъ, противникъ открывалъ сильный ружейный и пулеметный огонь и партіями выходилъ изъ своихъ окоповъ, однако нашимъ огнемъ былъ загнанъ въ свои окопы. Попытки противника переходить въ наступленіе въ районѣ Вукаловице и деревни Ярославиче остановлены нашимъ огнемъ. На молдавской границѣ противникъ пытался наступать въ районѣ высоты «2690», но, встрѣченный контръ-атакой нашихъ заставъ, разбѣжался, оставивъ нѣсколько плѣнныхъ. Рота противника, перешедшая въ наступленіе отъ деревни Ракотьяшъ, также была отброшена огнемъ. Въ долину рѣки Патроша противникъ ведетъ огонь снарядами съ удручливыми

газами, а также сильный артиллерійскій огонь изъ орудій всѣхъ калибровъ. Въ долину р. Татроша пѣхота противника перешла въ наступленіе отъ деревни Ракотьяшъ, но была отброшена съ большими потерями. Около часа дня австрійцы пытались наступать отъ деревни Котумба и въ долину р. Сульча, но въ обоихъ пунктахъ были остановлены нашимъ огнемъ. Такъ же неудачны были попытки противника наступать въ долину р. Чабаніошъ. Противникъ понесъ большія потери убитыми и ранеными. Противникъ наступалъ также къ сѣверу и къ югу отъ долины р. Ойтось. Всѣ атаки противника были отражены. Высланная нами развѣдка обнаружила въ 200 шагахъ отъ нашихъ окоповъ большое количество труповъ противника. По дополнительнымъ свѣдѣніямъ, вчера при нашихъ контръ-атакахъ въ долину р. Слонику нами взято въ плѣнъ 3 офицера и болѣе 200 нижнихъ чиновъ.

На кавказскомъ фронтѣ близъ с. Сафкеръ, что 25 верстъ сѣверо-западнѣе Калкита, наша развѣдывательная партія уничтожила заставу противника. Въ районѣ Калешина, что въ 60 верстахъ сѣверо-восточнѣе Ревандуза, метель продолжается четвертыя сутки.

На румынскомъ фронтѣ румыны, сначала потѣсненные упорными атаками противника на фронтѣ къ сѣверу и къ югу отъ р. Касина, въ восьми верстахъ къ востоку отъ венгерской границы, контръ-атакой возстановили положеніе и продолжаютъ удерживать свои позиціи, несмотря на продолжающіяся ожесточенныя атаки противника. Въ районѣ Андреашу-дей-Жось (въ 12 верстахъ къ югу отъ слиянія рѣкъ Путна и Завала) противникъ потѣснилъ наши передовыя конныя части и занялъ указанные селенія. Войска ночью безъ давленія со стороны противника перешли на новыя, заранѣе подготовленныя позиціи. Въ Добруджѣ наши части отошли на новыя позиціи.

На французскомъ фронтѣ не произошло ничего существеннаго. На фронтѣ англичанъ во Франціи усиленная артиллерійская дѣятельность непріятели. Въ Англіи введенъ такъ называемый національный хлѣбъ, содержащій около 75 проц. пшеницы.

21-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: Аэропланы противника проявляли усиленную дѣятельность, сбрасывая въ разныхъ пунктахъ бомбы. Одинъ изъ нихъ, будучи подбитъ артиллерійскимъ огнемъ, спустился у д. Ижа (къ юго-востоку отъ оз. Вишневекаго), причемъ летчики, офицеръ и нижній чинъ взяты въ плѣнъ.

Въ районѣ Порская—Вулька (къ юго-востоку отъ Ковеля) нашимъ летчикомъ сбиты еще 2 непріятельскихъ аэроплана; летчики въ числѣ 4-хъ чело-вѣкъ, а также оба аппарата разбились.

На золочевскомъ направленіи противникъ обстрѣливалъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ районъ д. Баткувъ, Манановъ и Гарбузовъ, послѣ чего его пѣхота перешла въ наступленіе на всемъ указанномъ фронтѣ. Несмотря на огонь нашей артиллеріи, противнику удалось проникнуть въ окопъ одной изъ нашихъ ротъ, но сейчасъ же нашей контръ-атакой онъ былъ выбитъ и отброшенъ. Одновременно съ этимъ районъ д. Маниловки обстрѣливался снарядами, дававшими при разрывѣ густой желтый дымъ, долго не разсѣивающійся.

На Днѣстрѣ въ районѣ Іезуполя нашимъ артиллерійскимъ огнемъ разогнаны партіи рабочихъ, производившихъ окопныя работы, а также удачно обстрѣляна м. Іезуполь.

На молдавской границѣ противникъ дважды переходилъ въ наступленіе на участкѣ отъ д. Котумба до долины р. Сулча и къ югу отъ нея, но всюду былъ отброшенъ нашимъ огнемъ. Здѣсь на одной изъ высотъ нами возвращена часть окоповъ, утерянныхъ 20 декабря.

На румынскомъ фронтѣ румыны ведутъ наступленіе къ сѣверу отъ р. Касина, въ 8 верстахъ восточнѣе венгерской границы. Противникъ утромъ атаковалъ румынъ къ востоку отъ Совежа на верхнемъ теченіи р. Сушица, но былъ отброшенъ и отошелъ къ западу, преслѣдуемый кавалеріей. Днемъ противникъ возобновилъ наступленіе въ превосходныхъ силахъ и оттѣснилъ румынъ на прежнюю позицію. Противникъ густыми цѣпями, подъ прикрытіемъ ураганнаго огня артиллеріи, стрѣлявшей снарядами съ душливыми газами, атаковалъ участокъ одного изъ нашихъ полковъ вдоль желѣзной дороги къ юго-западу отъ Фокшаны. Встрѣченный дружнымъ огнемъ, противникъ отхлынулъ въ свои окопы и больше атакъ не возобновлялъ. Одинъ изъ нашихъ стрѣлковыхъ полковъ стремительно атаковалъ с. Гуліянка (къ юго-западу отъ устья р. Румыникъ) и овладѣлъ ею, взявъ въ плѣнъ 6 офицеровъ, 2 врачей и 205 нижнихъ чиновъ и захвативъ 5 орудій и 8 пулеметовъ. Также захвачены атакой нашихъ частей с. Кіовену и с. Максинени (къ юго-востоку отъ с. Гуліянка), причѣмъ части противника, занимавшія ихъ, оттѣснены къ югу. По дополнительнымъ свѣдѣніямъ, 19-го декабря броневой англійской автомобиль быстро вынесся по шоссе вдоль Дуная изъ Браилова на Визиру, нанеся противнику большія потери. Въ Добруджѣ противникъ въ теченіе дня велъ рядъ атакъ въ районѣ Мачина. Всѣ атаки были отбиты, и противникъ отхлынулъ назадъ.

На Кавказскомъ фронтѣ западнѣе Калкита наши развѣдчики прорвали охраненіе турокъ и въ происшедшей схваткѣ захватили плѣнныхъ и оружіе.

Бельгійскіе бѣженцы въ Англии обратились къ папѣ, нидерландской королевѣ и президенту Вильсону съ воззваніемъ, въ которомъ просятъ прекратить безчеловѣчныя поступки массоваго увода бельгійскаго населенія въ рабство.

Италія присоединилась къ ультиматуму союзниковъ, предъявленному Греціи, оговорившись, что считаетъ себя не въ правѣ предъявлять требованія, содержащіяся въ четвертомъ параграфѣ ноты союзниковъ, какъ касающіяся внутренняго порядка.

22-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на нашемъ западномъ фронтѣ партія австрійцевъ до 200 человекъ пыталась занять вынесенный впередъ окопъ къ юго-востоку отъ Бржежаны, но была загнана нашимъ огнемъ въ окопы. Партія нашихъ развѣдчиковъ атаковала заставу противника въ районѣ Станиславова, часть австрійцевъ переколола, остальныхъ захватила въ плѣнъ. На обратномъ пути наши развѣдчики были атакованы въ тылъ сильной партіей противника, но наши обратили въ бѣгство австрійцевъ, послѣ чего благополучно отошли въ свои окопы. Попытки

противника переправиться ночью через рѣку Быстрицу въ районѣ южнѣ Галича успѣха не имѣли.

На румынскомъ фронтѣ послѣ артиллерійской подготовки наши части атаковали высоты къ югу отъ гор. Ботошу, прорвали позицію противника, оказавшаго упорное сопротивление, взяли 600 плѣнныхъ, 3 орудія, 16 пулеметовъ, минометы и бомбометы. Шесть настойчивыхъ атакъ противника на наши окопы юго-восточнѣ Брустурвасу (въ долини р. Татрошь) были отбиты съ большими потерями для противника. Двѣ атаки на одну изъ высотъ сѣверо-восточнѣ Сосмезо были отбиты нашимъ огнемъ. На всемъ фронтѣ отъ Фокшаны до Дуная происходила перестрѣлка. Въ Добруджѣ въ теченіе ночи внезапной атакой было уничтожена застава болгаръ. Утромъ противникъ повелъ наступленіе въ районѣ Мачина, но былъ отбитъ. Днемъ противникъ возобновилъ атаки и потѣснилъ наши части, начинавшія отходъ къ Браилову. Атаки противника на высоты къ востоку отъ Вокорени (въ 15 вер. къ востоку отъ Браилова) отбиты.

На кавказскомъ фронтѣ, на всемъ фронтѣ арміи продолжается снѣжная вьюга, морозъ доходитъ до 18 градусовъ. Снѣгъ, глубиной въ ростъ человѣка и выше, засыпаетъ дороги, землянки, которыя не успѣваютъ отрывать. Въ Персіи нашъ конный развѣдывательный отрядъ, сбивъ передовыя части противника, занялъ Саккизъ, жители котораго выкинули бѣлый флагъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Арраса англичане совершили удачное нападеніе на германскія траншеи. Вблизи Вайтсхате англичане въ двухъ мѣстахъ проникли въ германскія позиціи. Къ востоку отъ Армантьера англичане отразили германскій отрядъ, пытавшійся приблизиться къ ихъ окопамъ. Въ Восточной Африкѣ англичане, ведя наступленіе по нѣсколькимъ направленьямъ, окружаютъ здѣсь непріятеля.

На итальянскомъ фронтѣ наблюдалась усиленная артиллерійская дѣятельность. Въ Средиземномъ морѣ потопленъ непріятельской подводной лодкой англійскій транспортъ «Ivetnia», перевозившій войска; не досчитываются четырехъ офицеровъ и свыше ста нижнихъ чиновъ.

23-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: Вечеромъ 21 декабря послѣ сильной артиллерійской подготовки нѣмцы овладѣли островомъ на р. З. Двинѣ восточнѣ д. Глауданъ (сѣвернѣ Двинска). Въ ночь съ 21-го на 22-е декабря нѣмцы густыми цѣпями повели наступленіе съ того острова на нашъ берегъ, но были отбиты огнемъ. Противникъ, силой около роты, безъ выстрѣла перешелъ въ наступленіе противъ участка нашей позиціи у д. Баткувъ (въ 30 верстахъ къ югу отъ гор. Броды), но былъ остановленъ нашимъ огнемъ. Попытки противника переправиться на нашъ берегъ рѣки, что восточнѣ Бржежаны, въ районѣ Шибалина, ликвидировались нашимъ огнемъ. Сѣвернѣ Золотвины наши развѣдчики атаковали сильную партію непріятельскихъ развѣдчиковъ. Въ штыковой схваткѣ много австрійцевъ было переколото, часть разбѣжалась, остальные захвачены въ плѣнъ.

На румынскомъ фронтѣ цѣпи противника, наступавшія на наши окопы въ районѣ Котумбы (въ долини р. Татрошь), были разсѣяны огнемъ. Послѣ сильной артиллерійской подготовки значительныя силы противника пять разъ атаковали высоты южнѣ долины р. Чабониюша. Атаки были отбиты. Три

атаки противника на участок нашей позиции сѣвернѣе р. Ойтось были отбиты. Атаки противника на румынскія позиции южнѣе рѣки Кассина отбиты. Противникъ потѣснилъ наши передовыя части къ востоку отъ Тонесчи (къ сѣверу отъ слиянія рѣкъ Забала и Путна) и въ районѣ Неружа (въ 2 вер. къ югу отъ слиянія указанныхъ рѣкъ). Въ районѣ Кепперія (въ 12 верстахъ къ юго-западу отъ Неружа) противникъ нѣсколько потѣснилъ румынъ. Четыре атаки противника въ районѣ Капатуну (въ 14 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Фокшанъ) отбиты румынами. Противникъ, силою до 3-хъ дивизій, при поддержкѣ 30 батарей, атаковалъ наши части къ югу отъ устья р. Бузео и потѣснилъ ихъ. Въ Добруджѣ съ утра противникъ повелъ ожесточенныя атаки въ районѣ Вокерени (въ 15 верстахъ къ востоку отъ Браилова). Весь день наши части вели упорный бой съ превосходными силами противника, нанеся ему большія потери, но къ вечеру были вынуждены начать отходъ за Дунай.

На кавказскомъ фронтѣ въ Персїи, на буруджирскомъ направленіи, конный партизанскій отрядъ въ ночь на 17 декабря выступилъ изъ Султанъ-Абада, 17-го съ боемъ занялъ селеніе Азна, разбилъ конницу и жандармовъ въ ущельѣ Туля, 18-го декабря, преслѣдуя противника, прорвалъ его укрѣпленную линію у Гураба и къ 8 часамъ занялъ Девлетъ-Абадъ. Противникъ, отброшенный отъ Девлетъ-Абада, задержался на высотахъ, что на пути изъ Девлетъ-Абада къ Амиръ-Абаду, но былъ сбить и съ этихъ позицій и дальнѣйшимъ энергичнымъ преслѣдованіемъ отброшенъ къ Нокиль-Абаду.

24-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ: На румынскомъ фронтѣ наши развѣдчики въ районѣ Дзвинячъ (сѣвернѣе Золотвины) бросились въ непріятельскую полуроту въ штыки, часть австрійцевъ переколоти, часть захватили въ плѣнъ. Рота германцевъ, пытавшаяся приблизиться къ нашимъ окопамъ сѣвернѣе Котумбы, была отрѣзана. Часть германцевъ была переколота, остальные захвачены въ плѣнъ. Южнѣе Котумбы противникъ повторными атаками принудилъ наши части оставить одну изъ высотъ и отойти на двѣ версты къ востоку. Бой за высоту, что сѣвернѣе долины рѣки Усы, закончился нашей контръ-атакой, которой противникъ съ большими потерями былъ отброшенъ въ свои окопы. Атаки противника на высоту между долинами рѣкъ Слонны и Ойтузь были отбиты. Нашими частями занята высота южнѣе рѣки Ойтузь.

На западномъ фронтѣ атаки противника на наши части восточнѣе болота Тируль (въ 40 верстахъ западнѣе Риги) были отбиты. Наши части молодецкой атакой овладѣли деревней у юго-западной оконечности оз. Бабить и послѣ ожесточеннаго боя заняли два ряда окоповъ въ шести верстахъ восточнѣе деревни Калнцемъ (въ 20 верстахъ юго-западнѣе Риги), захватили плѣнныхъ и пулеметы. Контръ-атаки противника были отбиты. Послѣ этого наши части двинулись далѣе, достигли рѣки Аа, южнѣе деревни Калнцемъ, и овладѣли позиціей юго-восточнѣе этой деревни. Во время нашей атаки взято въ плѣнъ 3 офицера, 272 нижнихъ чина, захвачена легкая батарея и шесть зарядныхъ ящиковъ. Контръ-атаки противника успѣха не имѣли. Въ этомъ бою отличились наши латышскія части.

Наши развѣдчики, подъ командой прапорщика Демьянова, въ районѣ Ми.

сточно (въ 30 верстахъ юго-восточнѣ Ковеля) обнаружили непріятельскую цѣпь, наступающую на нашу заставу. Извѣстивъ заставу и давъ знать артиллеріи объ открытіи огня, прапорщикъ Демьяновъ внезапно атаковалъ противника. Часть непріятельской цѣпи была переколота, 8 человекъ было захвачено въ плѣнъ, а остальные разбѣжались, разстрѣливаемые нашей артиллеріей. Партиа нашихъ развѣдчиковъ проникла въ блиндажъ противника южнѣ горы Коверлы, гдѣ помѣщалась его заставка. Люди заставы частью были переколоты, остальные взяты въ плѣнъ.

Противникъ атаковалъ превосходными силами румынъ на верхнемъ течениі р. Сушицы и оттѣснилъ ихъ къ Рокоса. Противнику удалось также потѣснить румынъ въ районѣ Копрурія (въ 12 верстахъ къ юго-востоку отъ слиянія рѣкъ Кутна и Завала), а также къ сѣверу-западу отъ Одобесчи. Всѣ атаки противника у Одобесчи были отбиты румынами. Противникъ сосредоточилъ огонь тяжелой артиллеріи по Рамничени (на нижнемъ течениі рѣки Рымникъ) и подъ прикрытіемъ его повелъ наступленіе на фронтъ Рамничени—Гуліянка—Кіовену—Максинени, оттѣснивъ наши передовыя части послѣ упорнаго сопротивленія на четыре версты къ востоку. Съ наступленіемъ темноты противникъ повелъ наступленіе вдоль шоссе Гуліянка—Оленоска, но былъ остановленъ нашимъ огнемъ. 22 декабря мы оставили Браиловъ, отойдя за рѣку Сереть.

На кавказскомъ фронтѣ утромъ 21 декабря наши части овладѣли городомъ Биджаромъ. Отступившіе турки засѣли на скалистыхъ хребтахъ къ югу отъ Биджара, по обѣ стороны дороги на Сеннэ.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 23 декабря, въ Шампани, въ различныхъ мѣстахъ, происходили стычки патрулей.

На лѣвомъ берегу Мааса французы легко отразили непріятельскую атаку противъ одного изъ небольшихъ постовъ къ востоку отъ высоты «304».

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 24 декабря, къ югу отъ Лооса германскій отрядъ успѣлъ проникнуть въ британскія траншеи, но былъ оттуда вскорѣ отброшенъ послѣ упорнаго сраженія, оставивъ много убитыхъ. Англичане не досчитываютъ нѣсколькихъ солдатъ. 23 декабря рано вечеромъ, на сѣверъ отъ Живанши, англичане успѣшно взорвали мину. Артиллерія выказала значительное оживленіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ на англійскомъ фронтѣ. Противъ Лебэ и Гедекура на западъ отъ Гомекура и въ окрестностяхъ высоты «60» англичане съ успѣхомъ обстрѣляли германскія траншеи. 23-го англійскіе летчики проявили весьма оживленную дѣятельность. Они выполнили свою славную работу въ согласіи съ артиллеріей. Англичане не досчитываютъ 2 аэроплановъ.

25-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: На западномъ фронтѣ атаки противника на наше расположеніе между болотомъ Тируль и р. Аа южнѣ д. Калнцемъ были отбиты нашимъ огнемъ. Въ измѣненіе свѣдѣній, помѣщенныхъ въ сообщеніи отъ 24 декабря, за время боевъ къ югу отъ оз. Бабить (въ 30 верстахъ западнѣ Риги) захвачено 500 плѣнныхъ германцевъ. Въ районѣ м. Рѣчки (къ сѣверо-востоку отъ Вилейки) опустился непріятельскій аэропланъ. Летчики, офицеръ и нижній чинъ взяты въ плѣнъ.

На румынскомъ фронтѣ наши части внезапнымъ ударомъ овладѣли окопами

противника въ долинь рѣки Ойтось, захвативъ плѣнныхъ. Контръ-атаки противника были отбиты. Попытка противника наступать на одну изъ высотъ сѣвернѣе р. Касины отбита огнемъ. Подъ натискомъ противника наши и румынскія части, расположенныя на верхнемъ теченіи р. Сушицы и сѣверо-западнѣе гор. Фокшанъ, отошли нѣсколько на востокъ. Контръ-атакой румынамъ удалось возстановить положеніе, бывшее до вчерашнихъ боевъ въ районѣ Капатуну (въ 14 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Фокшанъ). Густыя цѣпи противника повели наступленіе на наши и румынскія войска у Пецесчи (въ 6 верстахъ къ юго-западу отъ Фокшанъ), но огнемъ артиллеріи были разсѣяны. Наши части, перешедшія въ наступленіе, достигли линіи Расипицы, — озеро въ 5 верстахъ къ юго-западу отъ Кенгулесчи (въ 12 верстахъ къ юго-востоку отъ Расипицы). Атаки противника на наши части, расположенныя на нижнемъ теченіи р. Бузео, со стороны дд. Маркенесчи и Оленеска, были отбиты.

26-го декабря штабъ Верюовраго Главнокомандующаго извѣстилъ: На западномъ фронтѣ наши части овладѣли деревней у сѣверо-западнаго угла болота Тируль, послѣ упорнаго боя захватили окопы противника къ югу отъ западной оконечности оз. Бабить, сѣвернѣе д. Калнцемъ, взяли плѣнныхъ, пулеметы, траншейныя орудія и тяжелую батарею. Всѣ ожесточенныя контръ-атаки противника отбиты. Въ бояхъ южнѣе оз. Бабить съ самаго начала операци съ 23 декабря захвачено не менѣе 16 орудій и около 800 плѣнныхъ. По донесенію начальниковъ, здѣсь наши войска проявили необыкновенную выносливость и беззавѣтную храбрость. Наши летчики бросали бомбы въ Кэвель, въ д. Голобы въ 30 верстахъ юго-восточнѣе Кэвеля), на ст. Заблэцэ-западнѣе Бродъ и въ м. Ясеновъ (юго-западнѣе Бродъ).

Рота противника послѣ артиллерійской подготовки дважды пыталась перейти въ наступленіе на наши части, расположенныя восточнѣе Перепелинки (въ 20 верстахъ сѣвернѣе Зборова), но оба раза была остановлена огнемъ. Въ ночь на 25 декабря нѣмцы произвели газовую атаку на участокъ въ районѣ д. Новоселки (къ югу отъ м. Крево), при чемъ было выпущено 3 газовыя волны. Выпускъ газа сопровождался обстрѣломъ артиллеріей и минометами нашихъ окоповъ. Означенная атака ожидалась, и мѣры заблаговременно были приняты. Вслѣдъ за послѣдней волной показались непріятельскія цѣпи, которыя нашимъ огнемъ были немедленно загнаны обратно въ свои окопы.

На румынскомъ фронтѣ послѣ сильной артиллерійской подготовки противникъ утромъ перешелъ въ наступленіе на Попосчи (къ сѣверо-западу отъ Фокшанъ) и потѣснилъ румынъ. Высланными резервами дальѣйшее движеніе противника было остановлено. Густыя цѣпи противника повели наступленіе на участки нашей позиціи въ районѣ Пентечесчи (къ сѣверо-западу отъ Фокшанъ), но, встрѣченныя сильнымъ огнемъ, отхлынули назадъ, оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ и раненыхъ. Такую же неудачу потерпѣли атаки противника къ сѣверу отъ Оленеска и у Коту-Михали (на р. Серетѣ, въ 8 верстахъ отъ устья р. Бузео).

На кавказскомъ фронтѣ въ Персіи 22 декабря нашъ отрядъ сбиль противника у Некиль-Абада. Къ этому времени турки, получивъ значительныя подкрѣпленія изъ хамаданскаго района, перешли въ наступленіе и, ввиду большого

превосходства силъ противника, нашъ отрядъ отошелъ сначала за Девлетъ-Абадъ, а затѣмъ и къ Дизабату (въ 50 верстахъ сѣверо-восточнѣе Девлетъ-Абада).

По донесенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 27 декабря, на западномъ фронтѣ южнѣе озера Бабитъ (западнѣе Риги) пѣмцы, послѣ силь-

Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Н. Н. Покровскій.

наго артиллерійскаго огня, повели наступленіе на наши новыя позиціи близъ деревни Калнцемъ, но огнемъ и контръ-атакой нашихъ частей противникъ былъ отброшенъ. Послѣ артиллерійской подготовки наши части въ 11 ч. утра атаковали противника, занимавшаго островъ на рѣкѣ Западной Двинѣ, что восточнѣе Глауданъ (сѣвернѣе Двинска). Атака была настолько стремительной, что загра-

длительный огонь противника запоздалъ. Нѣмцы, не выдержавъ, стали убѣгать, поражаемые нашей шрапнелью и пулеметнымъ огнемъ съ фланговыхъ участковъ. Островъ занятъ нашими частями. На островѣ взято 7 пулеметовъ, 4 бомбомета и 17 плѣнныхъ. Послѣ артиллерійской подготовки противникъ повелъ наступленіе на участокъ нашей позиціи къ сѣверо-востоку отъ Шельвова, но былъ встрѣченъ огнемъ и загнанъ обратно въ свои окопы. Вечеромъ 26 декабря непріятельскіе аэропланы сбрасывали бомбы надъ Луцкомъ.

На румынскомъ фронтѣ противникъ атаковалъ участокъ нашей позиціи южнѣе рѣки Ойтось. Всѣ атаки были отбиты. Противникъ атаковалъ и нѣсколько потѣснилъ румынъ въ 6 верстахъ къ западу отъ Монестирка-Кашингуль (на рѣкѣ Касина). Румыны отбили всѣ атаки противника въ районѣ Рекоса (на рѣкѣ Сушица). Наши войска безъ давленія со стороны противника перешли на новыя позиціи по линіи рѣкъ Путна и Сереть.

На французскомъ фронтѣ 24 декабря, послѣ полудня въ районѣ Пашендалъ происходили сильныя, но непродолжительныя артиллерійскія дѣйствія. На фронтѣ Соммы французская артиллерія произвела сильный разрушительный обстрѣлъ германскихъ позицій въ районѣ Буа-Лаббэ, Омбекура и Ликюра. Произведенныя противникомъ нападенія на французскіе передовые посты къ востоку отъ Менильскаго холма, въ районѣ Мезонъ-де-Шампань, къ западу отъ Арракура, были отбиты французскимъ огнемъ, при чемъ противникъ оставилъ многочисленныхъ плѣнныхъ. Въ ночь съ 22 на 23 декабря французскія воздушныя эскадры сбросили снаряды на авіаціонное поле Гризоль, вокзалъ и казармы въ Гюискарѣ, гдѣ было замѣчено 4 пожара и нѣсколько взрывовъ. Въ ночь съ 23 на 24 декабря французскіе летчики бомбардировали непріятельскіе бивуаки къ югу отъ Спенкура, склады снарядовъ на фермѣ Лонжо и желѣзнодорожный вокзалъ въ Мениль, къ востоку отъ Никеза. 25 декабря происходили на западѣ стычки съ ручными гранатами въ секторахъ Филль-Мортъ и у высоты 304. Французская артиллерія обстрѣляла частымъ огнемъ сѣверные склоны высоты 285 у Отъ-Шевошэ, германскія полевыя укрѣпленія въ окрестностяхъ Мортomma. На востокъ отъ Мааса неожиданная атака непріятели, поддержанная оживленнымъ артиллерійскимъ огнемъ, потерпѣла полную неудачу къ западу отъ Волэ-Паламэ. Въ Вогезахъ на западѣ отъ перевала Сентъ-Мари попытка врага произвести атаку была остановлена огнемъ французовъ. Въ ночь съ 24-го на 25-е декабря одна изъ французскихъ воздушныхъ флотилій бомбардировала аэродромъ у Бокура и Матиньи, станцію Арсиньи, а также непріятельскія расположенія въ лѣсу Ліокуръ-Фоссе и склады въ Аттиши. 25 декабря въ Бельгіи происходила оживленная артиллерійская перестрѣлка на участкѣ Ньепоръ.

По сообщенію отъ 26 декабря, на правомъ берегу Мааса происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой у подножья Маасскихъ высотъ. Французскія батареи разрушительнымъ огнемъ обстрѣливали германскія укрѣпленія въ Веврѣ, въ лѣсу Шевалье. Къ сѣверу отъ Уазы германцы 26-го декабря вечеромъ послѣ усиленной бомбардировки безуспѣшно пытались произвести внезапное нападеніе на одну изъ французскихъ траншей къ сѣверу отъ Рибекюра.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 24-го декабря, на всемъ протяженіи фронта поддерживалась довольно значительная артиллерійская дѣятель-

ность. Въ направленіи Стеенстраате происходила ожесточенная бомбардировка съ обѣихъ сторонъ при помощи полевой и траншейной артиллеріи.

Артиллерійскій бой, разыгравшійся въ теченіе дня 25-го декабря по всему бельгійскому фронту, отличался особою силою близъ Стеенстраате. Къ сѣверо-востоку отъ этого мѣста огнемъ бельгійскихъ орудій взорванъ складъ непріятельскихъ снарядовъ

На англійскомъ фронтѣ 24 декабря вечеромъ англичане захватили два германскихъ поста къ сѣверу отъ Бомонъ-Амель и укрѣпились въ нихъ, отразивъ контръ-атаки. 25 декабря днемъ на юго-востокъ отъ Арраса они совершили удачное нападеніе на германскія позиціи. Подъ прикрытіемъ сильной артиллерійской бомбардировки они проникли на большомъ протяженіи фронта до третьей линіи германскихъ окоповъ, гдѣ съ помощью ручныхъ гранатъ разрушили много прикрытій и нанесли большія поврежденія германскимъ укрѣпленіямъ.

Близъ Эбютерна замѣчалось усиленіе артиллерійской дѣятельности. Въ другихъ пунктахъ фронта продолжалась обычная канонада.

За рождественскіе праздники англичане взяли 240 плѣнныхъ въ стычкахъ, набѣгахъ и во время развѣдочныхъ операцій второстепеннаго характера.

Въ ночь съ 22-го на 23-е декабря, а также 24-го англійскіе летчики сбросили бомбы на нѣсколькихъ важныхъ въ военномъ отношеніи пунктахъ за германскими позиціями, достигнувъ хорошихъ результатовъ. Въ теченіе дня летчики успѣшно содѣйствовали артиллерійской дѣятельности.

При взятіи двухъ постовъ близъ Бомонъ-Амеля, о чемъ говорилось въ послѣднемъ сообщеніи, англичанами захвачено 56 плѣнныхъ. Эти посты были 25-го декабря утромъ, послѣ усиленной бомбардировки атакованы непріателемъ. Атака совершенно отбита.

Днемъ 25-го декабря англичане совершили весьма удачный набѣгъ къ югу отъ Армантьера, при чемъ захватили 19 плѣнныхъ. 25-го же декабря рано утромъ непріятель, послѣ усиленной бомбардировки, пытался проникнуть въ англійскія траншеи къ юго-западу отъ Вейтсхате. Атакующія войска были отражены. Другая попытка была сдѣлана подъ прикрытіемъ интенсивной бомбардировки того же дня рано утромъ противъ англійскихъ выдвинутыхъ постовъ къ сѣверу отъ Ипра. Англичане ее отразили.

Артиллерійская дѣятельность происходила въ разныхъ пунктахъ англійскаго сѣвернаго фронта, особенно къ югу отъ Сушэ и въ окрестностяхъ канала Лабассэ, Армантьера и Ипра.

На Ближнемъ Востокѣ, по сообщенію отъ 25-го декабря, отрядъ британскихъ морскихъ аэроплановъ произвелъ нападеніе 22-го декабря въ Люле-Бургасть на желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Марицу. Одна изъ арокъ моста, повидимому, совершенно разрушена.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 25-го декабря, происходила артиллерійская дѣятельность съ перерывами. Неожиданной атакой итальянскія войска продвинулись приблизительно на 100 метровъ близъ холма «200» и укрѣпили занятый пунктъ на фронтѣ Карсо.

28-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ:

На западномъ фронтѣ бой въ районѣ озера Бабить, что западнѣе Риги, про-

должается. Наши части послѣ упорнаго боя овладѣли непріятельской позиціей между болотомъ Тируль и рѣкой Аа и продвинулись на двѣ версты къ югу, взявъ плѣнныхъ. Атаки противника на наши части, расположенныя восточнѣе деревни Калнцемъ (въ 8 верстахъ юго-западнѣе озера Бабить), были отражены нашимъ огнемъ и контръ-атаками. Съ 23-го декабря и по настоящее время въ районѣ озера Бабить нами захвачено орудій: тяжелыхъ 21, легкихъ 11, зарядныхъ ящиковъ 11, прожекторовъ 2 и много всякаго рода вооруженій и снаряженія. Въ районѣ Островляны (къ сѣверо-востоку отъ озера Вишневекаго) нами былъ произведенъ удачный набѣгъ на окопы противника, причемъ взяты плѣнные и разное имущество. Въ районѣ деревни Миничи (на Шарфъ, южнѣе Слуцкаго шоссе) нашимъ летчикомъ былъ сбитъ непріятельскій аэропланъ, упавшій въ расположеніе противника. Въ ночь на 27 декабря нѣсколько группъ непріятельскихъ аэроплановъ бросали бомбы надъ Луцкомъ.

На румынскомъ фронтѣ повторныя атаки противника на одну изъ высотъ сѣвернѣе рѣки Слоникъ были отбиты нашимъ огнемъ и контръ-атаками. Въ теченіе вечера 26-го декабря и ночи на 27-ое декабря противникъ произвелъ восемь атакъ на одну изъ высотъ сѣвернѣе рѣки Касина. Всѣ атаки были отбиты. Германцы въ теченіе дня дважды атаковали румынъ въ районѣ къ западу отъ Монестирка—Кашинуль (на рѣкѣ Касина), но были отброшены съ большими потерями.

Въ районѣ къ югу отъ Рекоса противнику удалось потѣснить румынъ. Ночной контръ-атакой положеніе было восстановлено, причемъ взято въ плѣнъ 270 нижнихъ чиновъ и 3 пулемета. Противникъ въ теченіе всего дня при содѣйствіи сильной артиллеріи упорно атаковалъ наши части въ районѣ устья Рымника. Всѣ атаки германцевъ были отбиты съ большими для нихъ потерями нашимъ огнемъ и контръ-атаками. Во время одной изъ нихъ взято въ плѣнъ 6 офицеровъ и свыше 65 нижнихъ чиновъ.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 27-го декабря, въ Альзасѣ, въ области канала Рона—Рейнъ обстрѣломъ французской артиллеріи разрушены склады непріятельскихъ запасовъ у Ильфурта. На остальномъ протяженіи фронта происходилъ артиллерійскій огонь съ перерывами.

На бельгійскомъ фронтѣ 27-го декабря артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ развивается по всему фронту бельгійской арміей отъ Первиза чрезъ Диксмуде и на югъ отъ Стеенстрате.

На англійскомъ фронтѣ 27 декабря къ югу отъ Лооса германцы взорвали камуфлетъ, не причинивъ никакихъ поврежденій. 28-го декабря послѣ полудня противъ Гюллюха англичане произвели успешное нападеніе на германскія траншеи. Въ теченіе дня на обоихъ берегахъ Анкра и у выступа Гомкура они обстрѣливали германскія позиціи. Въ окрестностяхъ Сушэ, Армантьера, Мессинъ и въ районѣ Ипра происходила значительная артиллерійская перестрѣлка.

Къ сѣверу отъ Велтъе во время бомбардировки сильной германской позиціи англійскими снарядами былъ вызванъ большой взрывъ.

На итальянскомъ фронтѣ въ ночь съ 25-го на 26-ое декабря небольшой непріятельскій отрядъ приблизился къ итальянскимъ позиціямъ, расположеннымъ на холмѣ 208, на фронтѣ Карсо, но былъ прогнанъ огнемъ. 26-го декабря

вдоль всего фронта происходила разрозненная артиллерийская деятельность. Итальянскія батареи разсылали находившіяся на работах непріятельскія парти рабочих и обстрѣляли тыловыя оборонительныя укрѣпленія противника. 26-го же декабря непріятельскіе аэропланы пытались предпринять нѣсколько набѣговъ на итальянскую территорию, но были отражены огнемъ зенитныхъ орудій и подверглись преслѣдованію со стороны итальянскихъ аэроплановъ. Одинъ изъ итальянскихъ воздушныхъ отрядовъ успѣшно бомбардировалъ зданія военного характера въ Рейфенбергъ, Санктъ-Даніэлъ и Кобдилъ въ долину рѣки Браница, притокъ Виппако. Ускользнувъ отъ обстрѣла непріятельскихъ зенитныхъ орудій и отбивъ всѣ атаки непріятельскихъ аэроплановъ, отрядъ благополучно вернулся къ своей базѣ.

Высочайшими указами отъ 27-го декабря статсъ-секретарь членъ Государственнаго Совѣта Треповъ уволенъ, согласно прошенію, отъ должностей предсѣдателя Совѣта Министровъ и министра путей сообщенія, а членъ Государственнаго Совѣта сенаторъ князь Голицынъ назначенъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Графъ Игнатъевъ уволенъ, согласно прошенію, отъ должности министра народнаго просвѣщенія, а сенаторъ, тайный совѣтникъ Кульчицкій назначенъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

29-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ:

На западномъ фронтѣ въ районѣ къ югу отъ оз. Бабить бой продолжается. 28-го декабря упорно обороняемая нѣмцами съ большимъ числомъ пулеметовъ одна изъ деревень восточнѣе д. Калнцемъ взята нашими частями. Двѣ контръ-атаки противника были отбиты. Три атаки противника на наши части, расположенныя въ 6 верстахъ восточнѣе д. Калнцемъ, были отбиты съ большими потерями. Подъ прикрытіемъ дымовой завѣсы нѣмцы пытались наступать на наши части, занимающія позицію сѣверо-западнѣе Икскюля, но были разсыяны огнемъ.

На румынскомъ фронтѣ противникъ подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго огня повторными атаками овладѣлъ двумя высотами сѣвернѣе о. Ойтось. Противникъ упорными атаками нѣсколько потѣснилъ румынъ къ юго-востоку отъ Монестирка—Кашинулъ (на р. Касина) и къ сѣверо-востоку отъ Кемпурике-де-Сусъ (на р. Сушица), противникъ, воспользовавшись туманомъ, переправился черезъ р. Путна въ районѣ Ивенесчи (въ 10 верстахъ къ сѣверу отъ Фокшанъ) и повелъ наступленіе на участокъ одного изъ нашихъ полковъ. Стремительной контръ-атакой послѣ короткаго штыкового боя противникъ былъ отброшенъ съ большими потерями за рѣку, оставивъ въ нашихъ рукахъ плѣнныхъ.

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 28-го декабря, на большей части фронта происходилъ съ перерывами артиллерійскій бой, особенно напряженный къ сѣверу отъ Соммы, въ районахъ Бушавена и Клери и въ Аргоннахъ, въ районѣ Фуръ-де-Пари.

На бельгійскомъ фронтѣ въ районѣ Диксмюде въ теченіе 28 декабря происходила ожесточенная перестрѣлка, которая продолжалась вплоть до вечера. Въ направленіи Гетзаса наблюдалась весьма оживленная борьба при помощи руч-

ныхъ бомбъ. Тяжелая бельгійская артиллерія привела къ молчанію непріятельскіе минометы.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 29-го декабря, послѣднія сутки ознаменовались цѣлымъ рядомъ удачно произведенныхъ нами атакъ въ различныхъ пунктахъ нашего фронта. 28-го декабря вечеромъ къ востоку отъ Бомонъ-Амеля англичане произвели весьма удачную второстепеннаго характера операцію, захвативъ и укрѣпившись въ участкѣ германскихъ траншей, при чемъ ими было взято 140 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 3 офицера. 29-го послѣ полудня къ востоку отъ Лооса они произвели удачное нападеніе, захвативъ нѣсколькихъ плѣнныхъ. 28-го декабря вечеромъ противъ Армантьера англійскія части проникли въ германскія траншеи, нанеся непріятелю значительныя потери, уничтоживъ пулеметы и причинивъ другія поврежденія германскимъ оборонительнымъ укрѣпленіямъ. Въ окрестностяхъ Лебэ и по обѣимъ сторонамъ долины Анкра продолжалась артиллерійская дѣятельность.

Вблизи Везера англичане обстрѣляли непріятельскія траншеи, а также расположенія батарей противника по сосѣдству съ Гомкуромъ.

Къ сѣверу отъ канала Лабассэ, къ западу отъ Плегстрегъ и по сосѣдству съ Ипромъ англичанами производился разрушительный обстрѣлъ германскихъ линій.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 29-го декабря, въ долинѣ Ледро непріятель развилъ ожесточенный артиллерійскій огонь противъ итальянскихъ позицій на высоты къ сѣверу отъ Ріо-Тонале. Непріятелю удалось проникнуть въ одинъ изъ итальянскихъ выдвинутыхъ впередъ постовъ на южныхъ склонахъ Чима-Доро, но онъ былъ немедленно выбитъ. Въ долинѣ Травиньола непріятельская артиллерія обстрѣливала районъ Кольбрикона, но никакихъ атакъ не было произведено. На остальномъ протяженіи фронта наша артиллерія, какъ обычно, бомбардировала непріятельскія линіи и сооруженія.

30-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доносилъ, что на западномъ фронтѣ 29-го декабря нѣмцы значительными силами атаковали наши части, расположенныя восточнѣе д. Калнцемъ. Атака была отбита огнемъ и нашей контръ-атакой. Къ югу отъ д. Зубильно (между Владимиръ-Волынскомъ и Луцкомъ, въ 10 вер. къ югу отъ м. Киселинъ) противникомъ былъ выброшенъ изъ своихъ окоповъ въ нашу сторону рукавъ, похожій на пожарный, послѣ чего послышалось характерное шипѣніе и свистъ выходящаго газа. Сначала показалось желто-зеленое, а затѣмъ бѣловатое облако газа, которое разсѣивалось вѣтромъ, дувшимъ вдоль фронта, и до нашихъ окоповъ не дошло. Это продолжалось двѣ минуты и болѣе не повторилось.

На румынскомъ фронтѣ во время развѣдокъ близъ долины Путны нашъ аэропланъ встрѣтилъ два аппарата противника, вступилъ съ однимъ изъ нихъ въ бой и принудилъ аппаратъ противника свизиться.

Южнѣе р. Ойтось противникъ атаковалъ наши части и нѣсколько потѣснилъ ихъ. Противникъ атаковалъ румынъ къ западу отъ Монестирка—Кашинулъ (на р. Касина), но былъ отбитъ. Румыны въ этомъ районѣ сами перешли въ наступленіе и отбросили противника на высоты на 2 версты къ югу. Также безуспѣшны были атаки противника въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Кемпуриле-

де-Сусъ (на р. Сушица) и у Коту-Михали (въ 8 верстахъ къ юго-востоку отъ устья р. Бузео).

На французскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 29-го декабря, въ Верхнемъ Альзасѣ, въ Веврѣ и въ окрестностяхъ Вердена происходили дѣйствія артиллеріи.

На Ближнемъ Востокѣ, по сообщенію отъ 29-го декабря, длаящаяся дурная погода не дала возможности развиваться крупнымъ военнымъ операціямъ. По всему фронту продолжалась артиллерійская перестрѣлка, въ частности на Струмѣ, въ районѣ Мюнеля и Монастыря; на сѣверѣ и западѣ отъ этого послѣдняго пункта французы отвѣчали противнику съ большимъ успѣхомъ. 24-го декабря британскія войска произвели набѣгъ на Акинджали къ востоку отъ озера Дойранъ и захватили нѣсколькихъ плѣнныхъ.

Британскіе гидропланы обстрѣляли Геревичъ къ юго-востоку отъ Ксанти. 12 британскихъ аэроплановъ успѣшно обстрѣляли военныя сооруженія у Худова на Струмицѣ. Воздушный отрядъ изъ восьми аэроплановъ удачно обстрѣлялъ важныя расположенія у Велеса.

На англійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 29-го декабря, 27-го декабря англійскія войска овладѣли сильной непріятельской позиціей, представляющей шесть линій траншей съ шестью редутами и центральнымъ фортомъ, защищающимъ Рафа, приблизительно въ 50 километрахъ на востокъ отъ Эль-Ариша. Атакующія части, состоявшія изъ австралійско-новозеландскихъ конныхъ войскъ и мехаристовъ, выступили изъ Эль-Ариша утромъ 26-го декабря и атаковали непріятельскія позиціи. 27-го декабря, въ 9 часовъ утра, завязалось сраженіе, длившееся до 5 часовъ вечера, когда эта позиція была взята приступомъ. Непріятельскія подкрѣпленія были обнаружены при движеніи ихъ изъ Шалала въ 26 километрахъ на востокъ отъ Рафа. Битва съ ними началась приблизительно въ 6 километрахъ отъ Рафа. Англичане одержали полную побѣду. Подробности о сраженіи еще не получены. До сихъ поръ англичанами взято 1600 нераненыхъ плѣнныхъ и четыре горныхъ орудія. Всѣ непріятельскіе раненые, число которыхъ достигаетъ 600 человекъ, остались въ рукахъ англійскихъ.

По сообщенію отъ 29-го декабря, съ минувшей ночи англичане съ большимъ успѣхомъ совершили нѣсколько операцій второстепеннаго характера. Къ югу отъ Анкра въ окрестностяхъ Вранкура они проникли въ два пункта германскихъ траншей и захватили плѣнныхъ. 29-го декабря рано утромъ къ сѣверо-востоку отъ Бомонъ-Амея они съ полнымъ успѣхомъ произвели мѣстную операцію и захватили на фронтѣ протяженіемъ въ $\frac{3}{4}$ мили германскія траншеи, укрѣпивъ ихъ за собою. Того же дня послѣ полудня англійская артиллерія открыла огонь по германскому отряду, готовившемуся въ контръ-атакѣ, и разсыяла его, нанеся потери. Въ этомъ участкѣ англичанами захвачено 176 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 4 офицера. 28-го декабря вечеромъ къ востоку отъ Армантьера и сѣверо-востоку отъ Ипра они произвели успѣшныя нападенія на германскія траншеи и нанесли непріятелю значительныя потери.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 29-го декабря, на фронтѣ Трентино дѣйствію итальянской артиллеріи препятствовалъ густой туманъ и снѣжная метель. На юлійскомъ фронтѣ происходила съ перерывами артиллерійская

перестрѣлка и стрѣльба изъ минометовъ, а также было нѣсколько мелкихъ патрульныхъ стычекъ. Итальянскія батареи разсѣяли непріятельскія войска близъ Волча-Драга, Овча-Драга и желѣзнодорожной станціи на юго-востокъ отъ Горицы.

На албанскомъ фронтѣ 27-го декабря итальянцами заняты Гремени на пути отъ Лясковицы къ Корицѣ.

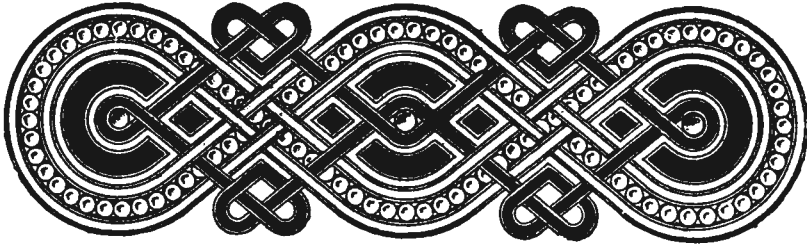
31-го декабря штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ: На западномъ фронтѣ въ рижскомъ районѣ, южнѣе оз. Бабить, нѣмцы густыми цѣпями атаковали наши части, расположенныя восточнѣе д. Калицемъ. Атака была отбита. Воздушная эскадра противника изъ 13 аэроплановъ сбросила на станцію и мѣстечко Радзивилловъ около 40 бомбъ. Наши аэропланы, производя развѣдку въ тылу противника, несмотря на сильный артиллерійскій обстрѣлъ по нимъ, снизились до 1400 метровъ и обстрѣляли пулеметнымъ огнемъ батарею противника у д. Круховъ (въ 20 верстахъ восточнѣе Золочова).

На румынскомъ фронтѣ противникъ потѣснилъ наши части съ одной изъ высотъ сѣвернѣе р. Слонику. Атаки противника на высоты южнѣе р. Ойтось были отбиты. Румыны остановили противника къ западу отъ Монестирка—Кашинуль (на р. Касина) и послѣ горячей схватки имъ удалось отбросить его, занять окопы и взять 3 пулемета.

На французскомъ фронтѣ 30-го декабря въ Вогезахъ подъ прикрытіемъ сосредоточеннаго огня французской артиллеріи французскій развѣдочный отрядъ проникъ въ германскія траншеи, частью уничтоживъ, частью взявъ въ плѣнъ занимавшія ихъ части.

На бельгійскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 30-го декабря, въ районѣ Стеенстрате происходила слабая артиллерійская перестрѣлка. Близъ Гетзаса шель оживленный бой ручными гранатами.

На итальянскомъ фронтѣ, по сообщенію отъ 31-го декабря, на трентинскомъ фронтѣ происходила лишь слабая артиллерійская перестрѣлка. Непріятельскія батареи обстрѣляли одинъ изъ итальянскихъ полевыхъ госпиталей у Андраса, въ верхней части долины Кордеволе, несмотря на то, что на немъ были ясно видны знаки Краснаго Креста. Отъ обстрѣла никто не пострадалъ. Вдоль фронта Юлійскихъ Альпъ наблюдалось усиленіе дѣятельности артиллеріи. Обстрѣломъ нашихъ батарей былъ вызванъ пожаръ на противоположныхъ склонахъ Монте-Фаити, на Карсо, и были разсѣяны непріятельскія войска, передвигавшіяся по дорогамъ отъ Ранцеано, въ долину Фриджидо, и Сант-Джованни, къ сѣверо-западу отъ Дуино. Въ ночь съ 29-го на 30-ое декабря непріятельскій воздушный отрядъ сбросилъ значительное число бомбъ въ окрестностяхъ Аквилеи, при чемъ было ранено 3 человѣка и причинены нѣкоторыя поврежденія. Одинъ изъ непріятельскихъ аэроплановъ былъ сбитъ огнемъ итальянскихъ зенитныхъ батарей. Летчики взяты въ плѣнъ. Въ то же время два итальянскихъ аэроплана успѣшно бомбардировали аэродромъ въ Просекко и базу гидроплановъ въ триестскомъ порту. Благополучно избѣжавъ сильнаго огня непріятельскихъ зенитныхъ батарей, они возвратились невредимыми.

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ ТРАГЕДІЯ ¹⁾.

ЧАСТЬ I.

Новая императрица.

I.

ИНУЛО больше 20 лѣтъ.

25 декабря 1761 года, послѣ веселаго и довольно мирнаго царствованія, императрица Елизавета Петровна въ Возѣ опочила, и тронъ занялъ, подъ именемъ Петра III Ѳедоровича, голштинскій принцъ Карлъ-Ульрихъ, внукъ Петра Великаго, отъ его дочери, выданной замужъ за Фридриха-Карла, герцога голштинскаго.

Но этому чуждому Россіи принцу не долго удалось поцарствовать, хотя покойная императрица всякими способами старалась укрѣпить наслѣдіе за роднымъ племянникомъ. Гроза грянула не со стороны Шлиссельбурга, гдѣ уже больше шести лѣтъ томился въ строгомъ заточеніи «безыменный», невѣдомый узникъ Григорій, а по настоящему—сверженный императоръ Іоаннъ III, самый опасный соперникъ, постоянный претендентъ на престолъ, отнятый у него въ одну морозную ноябрьскую ночь...

¹⁾Продолженіе. «Истор. Вѣсти», т. CXLVII стр. 308.
«Истор. ввсти», мартъ 1917 г., т. cxlvii.

Хотя прусскій императоръ Фридрихъ Великій и писалъ своему другу Петру III, чтобы тотъ остерегался «шлиссельбургскаго колодника», который, при помощи «иностранныхъ денегъ», посредствомъ тайнаго заговора можетъ быть освобожденъ изъ каземата, гдѣ заживо погребенъ, и снова поднять на высоту трона... Но дѣло вышло иначе.

Въ ночь съ 27-го на 28-е іюня 1762 года властью овладѣла Екатерина Алексѣевна, урожденная принцесса цербетская, отвергнутая жена императора, которую онъ тоже готовился постричь, какъ это нѣкогда собиралась сдѣлать правительница съ Елизаветой.

Всего полгода поцарствовалъ безпокойный, ограниченный голштинецъ и успѣлъ за это время такъ возстановить противъ себя и придворныхъ, и войско, и народъ, что даже трагическая гибель его на Ропшинской мызѣ подъ руками одного изъ братьевъ Орловыхъ вызвала мало въ комъ сочувствіе или сожалѣніе...

Наоборотъ, Екатерина еще принцессой сумѣла завоевать такія широкія симпатіи, что народъ искренно радовался при вѣсти о «новой императрицѣ». А войска, обласканныя, одаренныя щедро, осыпанныя еще болѣе блестящими обѣщаніями, веселились даже слишкомъ шумно и безудержно, топя свою радость въ потокахъ водки и вина, сперва въ Питерѣ, потомъ въ Москвѣ, куда перѣѣхала Екатерина и весь дворъ для дальнѣйшихъ празднествъ и торжествъ, неизмѣнно сопровождающихъ уходъ стараго властелина и появленіе новаго...

Казалось, все забыли «невѣдомаго колодника», сверженнаго Іоанна. Но его помнили еще люди и прежде всѣхъ—сама императрица Екатерина Алексѣевна, въ будущемъ—Великая... Она рѣшила повидать Іоанна и тогда ужъ рѣшить, какъ дальше быть съ этимъ несчастнымъ, воистину страдающимъ за вину родителей...

Помнили его и въ народѣ. Народъ усталъ отъ «царства женщинъ»... Анна Іоанновна, Анна Леопольдовна, Елизавета... Все—правительницы... А за ними—цѣлая толпа приближенныхъ, жадныхъ придворныхъ и ближайшихъ фаворитовъ, рвущихъ всюду куски...

Говорили, что пора «мужчинѣ» сѣсть на тронъ... Петръ оказался неудачнымъ правителемъ, и его снова свергла и смѣнила женщина...

Недовольство народа не прекратилось... Ропотъ не унимался повсюду.

Но отдѣльные голоса недовольныхъ были еще рѣдки и звучали осторожно. Недаромъ «шпыни» были разсѣяны не только по площадямъ и торговымъ мѣстамъ, среди народа, но проникали въ семьи, подкупали прислугу, втирались въ дружбу и потомъ—предавали неосторожныхъ на пытки и казни...

Такъ и тонули робкіе недовольные эти голоса среди гула и грохота общаго веселья и пьянаго, всенароднаго разгула, которымъ обычно сопровождались всякія «большія торжества» на Руси...

Какъ котель, кипѣла народомъ площадь у Тверскихъ воротъ и широкая, прямая Царская улица, соединяющая ихъ съ Кремлемъ, послѣ переименованная въ Тверскую.

Огромная «тріумфальная арка», убранная цвѣтами и гирляндами еще не увядшей зелени, красовалась здѣсь, приготовленная для въѣзда императрицы.

Стоящая рядомъ низенькая, темная караулка тоже вся тонула въ зелени. Огромныя елки, привезенныя и разсаженныя вдоль проѣзда, подстриженныя на разные лады, сдѣлали неузнаваемой и площадь и длинную улицу. У домовъ, выходящихъ на площадь, были устроены разубранные коврами и зеленью помосты, на которыхъ публика размѣщалась въ минуту въѣзда императрицы со всеѣмъ блестящимъ ея дворомъ. Отъ крыши къ крышѣ черезъ улицу по всему ея протяженію были протянуты веревки, унизанныя флагами и просто кусками цвѣтной матеріи. Подъ яркимъ, осеннимъ солнцемъ все это горѣло, переливалось, сверкало, чаруя глаза москвичей, отвыкшихъ отъ подобныхъ декорацій съ той поры, какъ столица перенесена была въ хмурый, сырой «парадизъ» Петра, въ «Санктъ-Питербурхъ», какъ его называли тогда.

Недалеко отъ арки возвышались сложныя сооруженія, очертанія крѣпостей, стѣны и башни замковъ, остовы кораблей и огромныя, сквозныя щиты, усаженные тысячами разноцвѣтныхъ шкаликовъ. Это были приготовлены декораціи для вечераго блестящаго фейерверка, также какъ и груды смоляныхъ бочекъ, сваленныхъ на площади и разставленныхъ по линіи тротуаровъ, вдоль улицы, не считая столбовъ съ фонарями и плошекъ, налитыхъ саломъ, которыя тоже были заготовлены въ огромномъ количествѣ и вечеромъ должны были запылать и зачадить, выставленныя по краямъ тротуаровъ.

Казалось, вся Москва высыпала смотрѣть на богатое убранство улицъ и домовъ, балконы и окна которыхъ тоже были украшены не только коврами и цвѣтными тканями, но и старинными дорогими шальями и шелковыми матеріями, добытыми изъ старинныхъ укладокъ. А приливъ своихъ обывателей усиливали еще толпы петербуржцевъ, которые, слѣдомъ за дворомъ, тоже прикатили въ древнюю столицу повеселиться и поглазѣть на коронаціонныя торжества.

Отъ говора, клика и стука дрожекъ, экипажей, тархтѣвшихъ по ужасной московской мостовой, стонъ стоялъ кругомъ... Помосты передъ домами были полны цѣлый день... Люди мѣнялись, чтобы не прѣзвать мѣста, дежурили съ утра, желая къ вечеру

обезпечить собѣ лучшій уголокъ для любованья на фейерверкъ. Зрѣлище обѣщало быть сказочнымъ, потому что, какъ шли толки, одного пороху было отпущено изъ арсеналовъ на 60.000 рублей...

Изъ провинціи, изъ самыхъ дальнихъ, медвѣжьихъ угловъ съѣхались помѣщики со своими семьями и дворней повеселиться на невиданныхъ торжествахъ народныхъ. Всѣ уголки въ домахъ были переполнены, жили и спали въ садахъ, въ бесѣдкахъ, въ сараяхъ, даже въ своихъ огромныхъ дорожныхъ дормезахъ... Манастыри были набиты биткомъ.

И эта масса людей въ день иллюминаціи и фейерверка почти вся появилась у Тверскихъ воротъ, наполнивъ сплошными заторами площадь и сосѣднія улицы, чтобы полюбоваться на огненное зрѣлище.

Какъ по мановенію волшебной палочки,—во всѣхъ закоулкахъ площади, гдѣ только было возможно, выросли палатки, ларьки и рогожные навѣсы торговцевъ, продающихъ разную снѣдь и питье по преимуществу. Но на ларькахъ и прилавкахъ пестрѣли и другіе товары... Продавцы въ разнось шмыгали между густой толпой, порою съ трудомъ продираясь въ людскомъ потокѣ, и громко выкрикивали каждый свой товаръ.

— Вотъ сбитееень горячій! Кому сбитеееньку! — выкрикивалъ звонкій фальцетъ.

— Кныши—хороши... Калачи—горячи!.. Съ пылу-уу!.. съ жаа-ру, грошъ за пару!..

— Воотъ я... я съ пышками... съ румяными, со сладкими... съ рассыпчастыми!!! Воотъ!

— Пирогъ горячи... подоовые... съ лукомъ, съ ливеркоомъ, съ подливоочкой... Кому?.. кому?..

— Сайки... сайки-и... кому сасеекъ!..

— Я съ кваасомъ... я съ малиновыинмъ!.. съ холоднымъ... Квасъ съ медкомъ да еще съ ледкомъ!..

Такъ на разные голоса заливались торговцы и бойко торговали, еле успѣвая наливать и подавать свои снѣди и питье желающимъ...

«Петрушка» ухитрился установить свой переносный театр въ болѣе свободномъ уголкѣ площади передъ казеннымъ кабакомъ и началъ представленіе, окруженный тучей дѣтей разныхъ возрастовъ и взрослою публикой, среди которой были и солдаты, и мѣщане, особенно бабы, и какіе-то провинціальныя типы въ кафтанахъ петровскаго покроя. Здѣсь громко разносился пискливый, гортанный голосъ, отчаянные выкрики, вылетавшіе изъ-за кулисъ этого народнаго «театра», гдѣ хозяинъ говорилъ за всѣхъ артистовъ своей труппы.

Вотъ выскочилъ «Петрушка» и отчаянно завопилъ; а товарищъ хозяина, дергая ногой, приводилъ въ движеніе барабанныя палки, ударяющія по тулумбау, укрѣпленному у него на спинѣ. Руками

онъ билъ въ бубенъ, увѣшанный бубенчиками, а его наклоненная голова ухитрялась скользить въ это же самое время надъ свирѣлю, укрѣпленной у этого «ходячаго оркестра» на груди... Щеки парня были страшно раздуты, и выпяченными толстыми губами онъ извлекалъ изъ своей свирѣли ужасные звуки, совершенно не гармонирующие съ ударами бубна и тулумбаса. Но публика была довольна и этой буквально оглушительной музыкой... Потомъ «оркестръ» смолкъ, Петрушка, поклонясь на всѣ четыре стороны, тряхнулъ лихо своею кудлатой головой и звонко запищалъ:

— Гей, честные господа, валите всѣ сюда! Покажемъ вамъ комедь, какъ ломалъ бабу ведмѣдь... А Петрушка-дурочокъ подглядѣлъ, да про все молчокъ!.. Сюда, сюда, люди, мѣръ честной, народъ пригульной!.. Забава даромъ, хто въ азамъ старомъ. Хто въ новомъ казакѣ, съ тово по полтинѣ, который въ зипунѣ, съ тово и вдвойнѣ Сюда... сюда!.. Вотъ я, лекаръ, изъ-подъ Каменнаго моста аптекаръ!.. Банки ставлю, кости правлю... Мертвыхъ лечу, здоровыхъ помирать учу!.. Кровь рожкомъ пущаю, денежки изъ мошны таскаю... Совѣмъ, какъ приказный, пьяный повытчикъ безобразный!.. Али носатый попь, муха ему въ лобъ!.. Ру-тю-тю-тю!..

Хохотомъ отвѣчала толпа на грубыя, незатѣйливыя шутки «Петрушки» и скипалась все гуще кругомъ...

Вдругъ вдали на Царской улицѣ зазвучали трубы герольдовъ, которые съ утра разѣзжали по городу, оглашая коронаціонный манифестъ, очень умно составленный министрами новой императрицы для всенароднаго оглашенія.

Показался небольшой отрядъ гвардіи съ трубачами впереди. Затѣмъ, одѣтые въ раззолоченные кафтаны, на коняхъ, тоже разубранныхъ богато, украшенные перьями, съ булавами въ рукахъ ѣхали герольды. Весь поѣздъ остановился у воротъ, среди огромной толпы, заливавшей площадь, и самый голосистый изъ герольдовъ сталъ читать манифестъ, въ которомъ ловко поминалось и о покушеніи Петра III на жизнь его супруги, чего тотъ, конечно, не думалъ; говорилось о православной дѣдовской вѣрѣ, которой не признавалъ, иноземець по роду, покойный государь... Указывалось и на желаніе его отвергнуть сына своего Павла, съ тѣмъ, чтобы назначить наслѣдникомъ чужого принца. Мимоходомъ поминалось о «добровольномъ отреченіи отъ престола» въ пользу жены со стороны арестованнаго супруга-императора. И въ концѣ смѣло была объявлена такая сказка, что «въ 7-й день послѣ принятія нами, по прошенію всенародному, престола всероссійскаго бывший императоръ Петръ III обыкновеннымъ припадкомъ своей болѣзни впалъ въ преже стокую колику и, къ крайнему нашему прискорбію и смущенію сердца, онъ, волею Всевышняго Бога, скончался». Манифестъ заключался пышными фразами и обѣ-

щаніями дать лучшіе законы и ввести порядокъ въ дѣла царства, разстроеныя за много лѣтъ...

Народъ выслушалъ чтеніе, солдаты закричали: «Урра!»... Крикъ былъ подхваченъ голосами изъ толпы, при чемъ особенно надрывались какіе-то подозрительные субъекты, которые цѣлыми днями теперь шныряли среди гущи людской, ловя слухи, вѣсти, подслушивая общіе разговоры...

Трубы грянули, отрядъ двинулся дальше. На площади снова разлился говоръ и гомонъ, стихшій было немного во время чтенія манифеста.

Группа молодыхъ офицеровъ какъ разъ направлялась къ одному изъ многочисленныхъ кабачковъ, разбросанныхъ кругомъ, къ «австеріи Грейнера», когда герольды перерѣзали имъ дорогу и занялись оглашеніемъ манифеста.

Едва путь очистился, офицеры, слушавшіе чтеніе съ нескрываемой, критической улыбкой на губахъ, двинулись снова къ намѣченной цѣли, съ трудомъ протискиваясь въ толпѣ.

Вся компанія растянулась. Впереди оказался молодой подпоручикъ Смоленскаго полка съ смуглымъ, некрасивымъ, но выразительнымъ лицомъ, Василій Миновичъ, внукъ богатаго нѣкогда казацкаго полковника, потерявшаго состояніе и жизнь за измѣну Петру, за то, что не кинулъ въ трудную минуту своего гетмана Мазепу...

За Миновичемъ поспѣшали: гвардеецъ Петръ Хрущовъ, лѣтъ 30, желчный, раздражительный, но прямой, честный служака, и розовый, веселый поручикъ, измайловецъ Семень Гурьевъ, братъ котораго Иванъ служилъ капитанъ-поручикомъ въ томъ же избранномъ полку, и тоже спѣшилъ за остальными вмѣстѣ съ пѣхотинцемъ, поручикомъ Великолуцкаго полка, Аполлономъ Ушаковымъ и съ другимъ измайловцемъ, капитанъ-поручикомъ Михайлой Шиповымъ.

Левъ Толстой, сержантъ-семеновецъ, третій измайловецъ, капитанъ-поручикъ Домогацкій и капитанъ Московскаго драгунскаго полка Побѣдинскій дополняли кружокъ военныхъ, который случайно образовался въ водоворотѣ толпы и теперь шелъ къ одной цѣли, искалъ пріюта для отдыха и вышивки, хотя всѣ господа офицеры были уже сильно на взводѣ...

II.

Миновичъ, самый живой и нетерпѣливый, велъ колонну и, завидя подходящую вывѣску впереди, крикнулъ ближайшимъ спутникамъ:

— Пробирайтесь живѣе, камерады, на чистую воду!.. Я вижу пристаю изрядную впереди. Видите... читайте! «Продажа ви-

поградныхъ винъ и иныхъ напитковъ... съ распитіемъ на мѣстѣ». Насчетъ «разбитія»—ничего пока не говорится.. Сдѣлаемъ тамъ привалъ. И чортова же толчея, три бѣса имъ въ зубы, этимъ москвичамъ!.. Вотъ такъ обхожденіе: ребра чуть не ломаютъ, такъ пруть одинъ на другого!.. Хамье!..

Затѣмъ предложилъ Толстому, который былъ къ нему ближе другихъ:

— Пока камерады остальные тутъ соберутся, мы съ вами айда на развѣдки въ сей пріютъ. Идетъ?.. Айда!..

Оба скрылись въ дверяхъ австеріи; а Семень Гурьевъ, размахивая руками, сталъ подзывать брата и другихъ отсталыхъ, вскочивъ даже на уличную тумбу, чтобы его было лучше видно среди толпы.

— Го-го!.. Къ намъ, братъ Иванъ!.. Всѣ наши—сюда!..

Затѣмъ, соскочивъ на тротуаръ, обратился къ Хрущеву, стоявшему рядомъ:

— Увидали... идуть!.. А славный малый этотъ Мировичъ, хоть и пѣхота... Не потолковать ли намъ, Петруша, съ нимъ о нашемъ... дѣлѣ?.. А? Такой будетъ полезень въ разсужденіи пѣхотныхъ чиновъ, безъ коихъ не обойтись... А?.. Какъ скажешь?..

— А... какъ ты самъ полагаешь, для чего я тащу молодчика за нами?—угрюмо, вопросомъ на вопросъ, отозвался Хрущовъ.— Пьянствовать, что ли?.. Вѣстимо, для дѣла... Да, слышь, раннѣй повызнать надо хорошенько парня... А такъ, на видъ—золотой человѣчекъ. Огонь душа! Ужъ я его распозналъ сразу, раскусилъ порядкомъ. А ты скажи: всѣхъ ли успѣлъ оповѣстить нашихъ, чтобы сюда, на площадь сбирались подъ вечерокъ?.. Время не терпитъ. Надо ковать желѣзо, пока...

— Пока Орловы-хваты и «нѣмка» корней не пустили?.. Понятно!..—отозвался Семень Гурьевъ и снова очутился на тумбѣ, глядя вдоль улицы.—Всѣ подходятъ... И новые какіе-то съ ними... Вѣрно, по пути столковались. Сыщемъ ли въ этомъ кабачкѣ уголокъ, чтобы потолковать на свободѣ?..

— Здѣсь не отыщемъ, за заставу, въ «Гастрономику» махнемъ... Не разоримся и тамъ за одинъ вечерокъ... чорта ли денегъ беречь, коли тутъ такое заваривается... Идуть?

— Подходятъ!—заглядѣвшись на толпу, машинально отвѣтилъ Гурьевъ.—Нѣтъ, ты гляди, что это за море людей... Прямо, чернь безмозглая московская... Имъ, поди, все едино, кто тамъ въ Кремлѣ будетъ короноваться, хотя бы и мы съ тобою.... Только бы имъ угощенье было даровое да льготъ побольше, вотъ, какъ обѣщано отъ новой государыни, что соль подешевѣетъ да суды стануть полегче!..

— А ты какъ думалъ?... На этомъ самомъ и наше дѣло построено будетъ... Имя у насъ хорошее выбрано для знамени... Мы изъ Пи-

тера крикнемъ: «азъ!».. А тутъ и «букн» повѣдаютъ... Вотъ какъ подхватять!..

— Давай, Господи!..—молитвенно подхватилъ впечатлительный юноша и сталъ оживленно подзывать и бесѣдовать съ остальными товарищами, которые одинъ за другимъ собрались къ тумбѣ, служившей какъ бы маякомъ.

Въ то же время изъ таверны показался возбужденный, красный Мировичъ. Толстой, тоже разсерженный, слѣшилъ за нимъ.

— Ну, и чортова ваша Москва!—взбѣшенный, объявилъ Мировичъ.—Дыра тамъ, а не питейное заведеніе, панове-товарищи!.. Грязь, вонь, тьма и тѣснота дьявольская. Есть комнатка почище при жильѣ самого хозяина... Якъ его??? Греймеръ, чи Грейнеръ... Бисъ его знае! А той хозяинъ самъ ушелъ плюминацію смотрѣть... Ужъ и то вечеръ заходить... Повыгнать бы намъ всѣхъ, хто тамъ сидитъ, да и устроимся на просторѣ... А... идетъ?.. Штафирки одни; да ужъ больно грязно!.. Посылалъ я сидѣльца за хозяиномъ, а тотъ и ухомъ не ведетъ! Черти окаянныє!!.. Попадись мнѣ той Гриммеръ...

Толстый, безусый старикъ съ бородой, подстриженной на голландскій манеръ, поднялся среди компаніи, сидѣвшей на ближайшемъ помостѣ, и грубо обратился къ Мировичу.

— Грейнеръ?.. Кто зоветь?.. Есть мой Грейнеръ!.. Я самъ казанъ. Што нада, каспадинъ сердитъ афициръ, а!?

— Ты, моржъ толстобрюхій!.. Поди-ка... поди-ка сюды!—поздвалъ Мировичъ.

Тотъ медленно, важно подошелъ и мутными, полупьяными глазами уставился на крикуна, глядя сверху внизъ на невысокаго подпоручика.

— Шапку долой, толстый!—вдругъ грозно крикнулъ Мировичъ.—Знай, съ кѣмъ говоришь.

Толстякъ, опѣшивъ, сразу снялъ было свой вязаный колпакъ, но потомъ оправился и снова нахлобучилъ его еще плотнѣе на круглую, коротко остриженную голову.

— Што нада?

— Гдѣ у тебя тамъ чистая свѣтелка?.. иди, открывай, колбаса чиненная!..

— Што!..—окончательно оскорбленный, протянулъ Грейнеръ.—Нѣтъ никакой комнатъ у мене и нишево для такой афициръ нѣтъ... Снаимъ эти гасподь!.. Мнока піуть, мала платитъ. Положилъ передъ деньги на столъ—и получалъ вино... фотъ!..

Повернувшись, суровый старикъ уже собирался взойти на свое мѣсто на эстраду, но сильная рука Мировича неожиданно остановила ворчуна, ухвативъ за воротъ камзола.

— Нѣтъ, стой... я тебя...

— Оставь!.. Брось его, камрадъ... Ну, подпоручикъ, чортъ

съ нимъ!—раздались голоса остальныхъ изъ компаніи, желавшихъ избѣжать шумнаго скандала.

— Ъдемъ дальше... Стоить ли ввязаться съ дуракомъ!—предложилъ Иванъ Гурьевъ.

— Съ дуракомъ!—настойчиво, но теперь уже совершенно спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ повторилъ Мировичъ.— Дураковъ и въ храмахъ Божьихъ учить надо, не то по кабакамъ!.. Ты смѣль, моржовая башка, намъ!.. Мнѣ?!— снова обратился онъ къ Грейнеру, потряхивая его за воротъ. Потомъ отпустилъ и, ударивъ по своей шпагѣ, воскликнулъ:

— Знаешь ли, что судьбы цѣлой Россійской имперіи—на остриѣ сего палаша!.. Ибо нашими руками приуготовано было счастье родной земли и нынѣшняя радость всенародная... А ты рѣшился!.. Мнѣ, внуку запорожскихъ полковниковъ и гетмановъ!.. мнѣ, Василию Мировичу!?. Вина подавай... да не въ свою мурью вонючую... сюда вотъ!.. На сей помость, гдѣ самъ сидѣлъ!.. Лучшаго вина и вволю!.. Слышишь!..

Отпустивъ Грейнера, Мировичъ рѣшительно взомель на эстраду, гдѣ раньше находился старикъ среди своей компаніи, а теперь—всѣ уже стояли, наблюдая скандалъ.

— Господа кавалеры, просимъ объ выходѣ!—обратился онъ къ мужчинамъ.—А дамы, особливо пріятной наружности и не старше 25-ти лѣтъ, могутъ оставаться... Ха-ха ха!.. вотъ хотя бы эта кралячка!—трепля за подбородокъ хорошенькую дочку Грейнера, разсмѣялся Мировичъ.

Дѣвушка и всѣ остальные съ нею кинулись прочь. Грейнеръ, хватаясь за голову, оралъ:

— Распой!.. Мой дошка хочеть убиваль!.. На помочь... Карауль!..

И съ криками кинулся прямо къ ближней караулкѣ, къ Тверскимъ воротамъ.

— Ори, голландская свинья!—хладнокровно поглядѣлъ ему вслѣдъ Мировичъ. Затѣмъ, подойдя къ дверямъ таверны, нажалъ на ручку, но дверь не поддалась.

— Что!.. Заперли двери... Думаютъ насъ не пустить!.. Го-го!.. дудки!.. Горленко!—позвалъ онъ, оглядываясь на толпу солдатъ, среди которыхъ стоялъ коренастый хохоль-пѣхотинецъ, денщикъ Мировича.

— Тутъ я, панночку.

— Ты всегда по моимъ слѣдамъ бродишь, плуть... Стережешь пана?.. Добро.. А ну-ко, хлопче, нажми на двери..

Солдатъ подошелъ не торопясь, спокойно нажалъ плечомъ на толстую, крѣпкую дверь—и та сразу соскочила съ петель, словно была прищиплена булавками.

— Готово, панночку!—спокойно доложилъ Мирвичу коренастый хохоль, обладавшій огромною силой.

— Добре, хлопче. Ступай, разыщи тамъ вина получше да побольше и неси сюда... Прошу по мѣстамъ, камерады...

Офицеры съ шумомъ, съ говоромъ, разсѣлись на опустѣлой эстрадѣ. Публика обступила ихъ, ожидая, что будетъ дальше. Нѣсколько солдатъ и парней изъ толпы шмыгнули за Горленкомъ въ австерію, рѣшивъ тоже попользоваться бесплатнымъ угощеніемъ при такой удобной оказіи.

Скоро денщикъ-силачъ появился изъ таверны, таща въ рукахъ нѣсколько бутылокъ вина, а на плечѣ у него покоился цѣлый боченокъ, тоже полный виномъ.

Все это онъ опустилъ на эстраду, принесъ столы, стулья и стаканы. Нѣсколько солдатъ изъ толпы ему помогали въ хлопотахъ, надѣясь на щедрое угощеніе.

— Все готово, камерады!—объявилъ Мирвичъ.—Пьемъ!.. И первый тостъ, конечно, будетъ...

Онъ не кончилъ. Снова появился Грейнеръ, крича и яростно размахивая своими большими, толстыми руками. За нимъ шелъ караульный офицеръ и взводъ солдатъ.

— Фоть!.. фоть!—кричалъ кабатчикъ, указывая на Мирвича!— Эти самый атаманъ расбойникъ... Они самъ такъ кафариль!.. Вонъ гоняль мой гостей, цѣловаль мой дошь... пиль мой винъ... фоть!..

Издали, опасливо поглядывая на врага, кричалъ старикъ, захлебываясь отъ безсильной ярости. Замѣтя, что въ таверну и изъ нея шмыгаютъ люди съ посудой, караульный офицеръ прежде всего приказалъ ефрейтору:

— Петровъ! Возьми двоихъ, стань у входа, не пропускай никого!..

А самъ взмахнулъ палашомъ и плашмя ударилъ парня, который хотѣлъ прошмыгнуть мимо съ бутылью вина.

— Стой!.. Не смѣй, каналья... Я тебя...

Бросивъ бутылъ, парень скрылся въ густой толпѣ, гдѣ сейчасъ же поднялся громкій ропотъ.

— Ишь, какъ лупить палашомъ!.. За стаканъ вина—убить норовить человѣка!.. Хорошо!.. Видать, не нашъ, не московскій... питерскій...

— Маа-алчаты!—прикрикнулъ караульный офицеръ, краснѣя до корня волосъ.—Вы чего тутъ бунтуете!?!.. Своевольная команда... пьяныя рожи!.. Тутъ вамъ не Питеръ, гдѣ кабаки разносили на радостяхъ!..

Солдаты, разсѣянные въ толпѣ, угрюмые, недовольные, стали собираться кучками. Къ нимъ присоединились парни посмѣлѣе, помоложе. Стали обсуждать происшествіе. А караульный офицеръ прямо двинулся къ помосту, гдѣ сидѣла веселая компанія, ожидая событій.

III.

Начальникъ караула, уже взвищенный предыдущей сценой заговорилъ почти рѣзко.

— А вамъ, гг. офицеры, довольно стыдно и не подобаетъ даже... подавать столь тяжкіе примѣры солдатству и черни!—заикаясь, выпалилъ онъ.—Я попрошу васъ сейчасъ же...

— Что такое, г. поручикъ!?—какъ одинъ человекъ, поднявшись съ мѣстъ, задали вызывающій вопросъ офицеры, задѣтые тономъ и словами караульнаго

— То-съ, гг. офицеры!.. Сей коммерсантъ мнѣ, какъ начальнику караула, жалобу принесъ. Въ его помѣщеніи происходитъ насильственное разграбленіе... И вамъ бы не надлежало, гг. офицеры, таковое чинить!..

— Да какъ вы смѣете!.. Мы вамъ!..—раздались негодующіе голоса съ помоста.

— Смѣю-съ!—все больше и больше горячась, выкрикнулъ офицеръ.—И ничего вы мнѣ-съ!.. И, какъ караульный начальникъ, буду просить васъ слѣдовать за мною... Безъ сопротивленія, иначе...

— Да сіе ужъ слишкомъ!.. Вы заплатите!.. Сатисфакція!—еще грознѣе зазвучали голоса.

— Гей!.. наше капральство!—нервно кинулъ призывъ въ толпу Хрущовъ, выведенный изъ себя.—Хто тутъ изъ нашихъ есть!?. Собирайтесь!.. Не давай своихъ въ обиду!..

— Неслыханная дерзость!—блѣднѣя отъ злости и страха, пробормоталъ Побѣдинскій.—Я проучу мальчишку. Гей, московскіе драгуны! На выручку, сюда... къ своему капитану.

— Пусть тронуть!—загудѣли солдаты изъ толпы, собираясь тѣсной кучкой и заступая мѣсто передъ эстрадой.—Мы имъ покажемъ, крысамъ караульнымъ!.. Наши, ввали!.. Подваливай, ребята!..

Сверкнули обнаженные тесаки. Парни изъ толпы, сбѣжа на помощь друзьямъ противъ караульныхъ, тоже скипѣлись въ ряды, ухвативъ палки, дубинки, что попало...

— Сопротивленіе!—тоже блѣднѣя и теряясь, выкликнулъ дрожащимъ голосомъ караульный офицеръ, быстро отступая къ своему взводу.—Посмотримъ!.. Поглядимъ!.. Гей, ефрейторъ, ступай, подмогу веди... Поглядимъ!.. Ружья на руку!—скомандовалъ онъ взводу.—Разъ, два... три!... Я не шучу!.. Ружья заряжены... У меня наказъ!..

— Фью!—протяжно свистнулъ окончательно взбѣшенный Хрущовъ.—Пусто у тебя въ башкѣ, мальчишка... Сенька,—обратился онъ къ одному изъ солдатъ-гвардейцевъ, стоящихъ поближе:—Въ казармы тутъ рядомъ бѣги... духомъ... кликни-ка нашихъ

съ ружьями... съ патронами. Мы покажемъ молокососу, коли на то пошло!

Караульный офицеръ совсѣмъ взбеленился, даже посинѣлъ отъ злости.

— Я молокососъ!... Добро! Я вамъ сейчасъ!.. Окружить и взять!—скомандоваль онъ солдатамъ караула.—Ежели не пойдутъ, коли ихъ!.. въ мою голову!!

— Попробуй, сунься!—грозя тесаками, зашумѣли солдаты у эстрады.

Караульные сдѣлали нерѣшительное движеніе и застыли съ ружьями наперевѣсь.

— Выкусишь!.. Мальчишка!.. Крупа московская!..

— Ружья на прицѣлъ!—уже визгливо какъ-то скомандоваль караульный офицеръ.—Изготовьсь... Разъ, два!..

Караульные машинально исполнили команду. Два десятка дулъ, какъ одноглазые слуги смерти, глядѣли на офицеровъ, стоящихъ на помостѣ, и на толпу, окружающую ихъ.

Солдаты первые поняли опасность, разступились, отхлынули. И вся толпа затѣмъ сразу кинулась прочь; въ суматохѣ люди валили, давили другъ друга.

Офицеры-гвардейцы тоже стухнули не на шутку.

— Но-но-но!—понижая тонъ, обратился Хрущовъ къ караульному.—Посмѣйте лишь!..

— Посмѣю-съ!.. Вы мною арестованы.. и безъ сопротивленія... а не то!..

Мировичъ, котораго все время Ушаковъ уговариваль и удерживаль, вдругъ выступилъ впередъ, крикнувъ пріятелю:

— Не бойся, Аполлоша... ничего не будетъ!

Потомъ сошелъ съ помоста, почти вплотную подошелъ къ караульнымъ и громко скомандоваль:

— Ружье къ ногѣ!.. Разъ... два... три!..

Разомъ звякнули тяжелыя ружья, опускаемая прикладомъ къ землѣ. Торопливо, радостно исполнилъ взводъ желанную команду. А Мировичъ имъ наставительно замѣтилъ:

— Ну, гдѣ же то видано, штобы въ своихъ офицеровъ, да еще въ безоружныхъ, цѣлить! дурачье сиволапые. Ээхъ, вы!.. Это видѣли?—помахивая у нихъ передъ носомъ своимъ костлявымъ, увѣситымъ кулакомъ, пригрозилъ онъ.—Я вамъ дамъ цѣлить!..

Караульные молчали, только довольно улыбались. Страхъ сжималь имъ сердца за мигъ передъ этимъ—и все вдругъ кончилось такъ славно. Но Мировичъ еще строже прикрикнулъ на нихъ:

— Ну, зубы не скалить!.. въ строю—смирно!..

Солдаты вытянулись, замерли. Мировичъ тогда повернулся къ опѣшившему поручику и спокойно отрѣзалъ ему:

— А вы, г. поручикъ, глупецъ!...

— Что... да какъ вы смѣете!—нащиплся было снова обезкураженный юноша.

— Буде ужъ!.. чего тутъ пѣтушиться!—совсѣмъ инымъ, дружелюбнымъ тономъ прервалъ его Миновичъ, ласково хлопая по плечу.—Не стрѣлять ли на самомъ дѣлѣ въ своихъ задумаль, камадъ!?. Глупъ и выходишь!.. Вонъ, гляди: оконъ сколько напротивъ!.. Солдаты въ насъ бы не намѣтили... Тамъ, въ окнахъ шальными пулями перебили бы сколько невинныхъ душъ!.. Понялъ!?. Вотъ, выходитъ, они умѣе тебя, камадъ!.. Рады, что ими настоящій начальникъ командуетъ, а не такой... тютекъ, какъ ты!.. дурашка!..

Не то ласково, не то презрительно провелъ онъ теперь даже рукой по щекѣ поручика.

— Да... да... какъ вы смѣете!..—началъ было снова тотъ, захлебываясь отъ злости и стыда.

— Да, ужъ, видишь, осмѣлился... Теперь мой чередъ. Велю имъ, они тебя же арестуютъ, въ твою караулку сведутъ и тамъ запрутъ, пока не очухаешься... Вотъ, хоть спроси солдатъ своихъ. То-то!.. А ты бы не этого голанскаго... торгоша слушалъ!.. Своихъ бы камадовъ, благородное офицерство спросилъ бы: какъ дѣло было?.. Мы за деньги помѣщеніе и вина требовали... А онъ посмѣлъ насъ обидѣть—и наказанъ!.. Видишь, понялъ кабанъ... убѣждать... А ты его руку держишь!.. Фуъ, поручикъ, нехорошо... Еще подумаютъ: кабатчикъ тебѣ на руку даль... Фуъ!..

— Фу-у! попался, г. поручикъ!—хоромъ, насмѣшливо подхватила компанія на помостѣ, видя, что бѣда миновала.

— Позволь, гг. камадады!—сухо остановилъ ихъ Миновичъ.—Вашъ разговоръ съ нимъ уже былъ... и онъ оконченъ. Теперь мой чередъ. Прошу не мѣшать. Мальчикъ онъ молодой. Сбрендилъ. Не бѣда!.. Сознаешь, камадъ, что глупо поступилъ, такъ давай руку... Еще не понялъ, кобеннишься?.. Слушай, мы что бы хотѣли!.. Выпить за здоровье государыни... Въ Питерѣ—на 10,000 было выпито при такой оказіи... Или Москва—хуже Питера, а?.. и за то, что народъ и солдатство выпило, было изъ кабинетскихъ суммъ уплачено... И здѣсь то же будетъ... Такъ успокойся... Нѣтъ никакого грабежа... Гей, вы!—обратился Миновичъ къ толпѣ, снова скипѣвшей кругомъ.—Валяй по старому... Тащи вино... пей... Только никого не обижать мнѣ! Слышали!..

Гуломъ, кликами радости отвѣтила толпа, и все хлынули въ таверну и подвалы Грейнера, въ соседніе кабаки. А Миновичъ снова обратился къ поручику, уже овладѣвшему собою.

— Видишь, дурашка!.. А ты ерепенился... Отпусти своихъ людей, тоже выпить... и—по рукамъ!..

— Да, ужъ видно!.. ударяя застѣнчиво по протянутой рукѣ. согласился поручикъ и не досказалъ.

— Вотъ, и ладно, идемъ къ намъ, хлебнемъ стаканчикъ!..

— Ужь... и вы не посѣтуйте, гг. офицеры!—обратился поручикъ къ остальнымъ.—Ужь, сознаю: виновать... Ужь... долгъ службы... да сторяча...

— Ладно ужъ... Садись, камрадъ... Чокнемся и дѣлу конецъ!—успокоили его остальные.

— Ваше здорье, гг. офицеры!—поднял свой стаканъ поручикъ и залпомъ осушилъ его до дна.—А теперь—не взыщите... въ караулъ мнѣ пора!...

— Ну, еще стаканчикъ!—предложилъ Мировичъ.—Горленко, боченокъ-то пусть!.. Неси еще, пополифе, получше...*

Силачъ черезъ нѣсколько минутъ приволокъ чуть ли не двадцативедерный боченокъ, дно было выбито, вино зардѣло въ стаканахъ, какъ рдѣли на западѣ вечернія тучи, за которыми садилось уже солнце.

— Повеселимся! — лихо выкрикнулъ Мировичъ, наливая стаканы.—Поработали, теперь и отдохнуть можно.

— Хотѣлось бы мнѣ поближе узнать: какъ все это было?—задалъ вопросъ поручикъ.

— Каакъ?.. да весьма просто!—отозвался Мировичъ.—Я готовъ повѣдать, коли иныхъ охотниковъ нѣту. Языкомъ колотить — не снопы молотить!.. Петруша-то Голстинскій ровно ребеночекъ малый далъ себя выставить съ царства!.. Да и передъ кѣмъ спасовалъ!?.. Хотя бы передъ мужчиной!..

— Ну, и мужчины при ней были!—отозвался Побѣдинскій...

— Орлята-то?.. Ха-ха!.. Они нынѣ высоко взлетѣли.. А были не лучше насъ, офицерство кургузое... бѣдноватое... Теперь зато высоко взлетѣли...

— Гдѣ-то садутъ?—многозначительно подхватилъ Семень Гурьевъ.

— Ну, шутъ съ ими!.. Я вотъ камраду про акцію нашу расскажу. Собралися мы, пѣхота, артиллерія, ну, и гвардія тоже... Всего передъ Зимнимъ дворцомъ тысячъ 40...

— Васенька!—осторожно одернулъ пріятеля Ушаковъ—Побойся Бога!

— Много, думаешь!—спокойно обратился къ нему Мировичъ.—Ну, такъ поуменьшимъ нашу армію... Скажемъ, тысячъ 25, либо даже 15... А, можетъ, и того меньше... довольно все же, чтобы Петрошу переполошить. Всѣ—за нее!.. и на Раненбаумъ выступить собралися. А одинъ «Орликъ» съ гусарами впередъ поскакалъ да и застучалъ друга милаго Петрушу... Въ три дня все обстряпали... и готово!.. Теперь—веселимся... Пьемъ, товарищи!...

Всѣ чокнулись, опорожнили стаканы.

— А теперь, господа камерады, ужъ отпустите меня къ моему мѣсту!—взмолился караульный поручикъ.—Вонъ и люди мои разбрелись, пьютъ съ другими... Право, нехорошо... Еще подкачетъ начальство,—мнѣ въ отвѣтъ быть придется, не вамъ!.. Право!..

— Ну, еще отвальную—и съ Богомъ!—разрѣшилъ Миновичъ.

Тотъ вышилъ, отсалютовалъ товарищамъ, собралъ свою команду и вернулся къ караульному посту.

IV.

Миновичъ, снова наполнивъ стаканы, обратился къ Шипову:

— Вотъ, всѣ мы рады и пьемъ, и гуляемъ... Одинъ вы, камерадъ, не веселы. Што за причина, а? Или зазноба на сердцѣ, суровая красотка?.. А вы подхватите подъ мышки другую, помягче... Ту и позабудете... и къ... елкѣ зеленой прелестницу неприступную, ежели доступныя есть!

— Нѣтъ... не то! Вспомянулось мнѣ, вотъ... Я, чай, тоже въ Петергофѣ на караулѣ былъ, когда все «дѣйство» началось. Много награжденій общано было... А нынѣ...

— Да... нынѣ одни «орлы» и залетѣли всѣхъ выше. А намъ, видно съ курами на насѣстѣ зимовать... Обѣщали кожухъ,—пока слово грѣеть панское!.. Такъ, што ли; у васъ говорятъ, подпоручикъ, въ Холхандіи?—обратился къ Миновичу Хрущовъ.

— Чуть што не такъ!.. Здорово вы по-нашему знаете, поручикъ. Да, чего горевать? И ей сразу всѣхъ не вспомнить!.. Вотъ, придетъ пора... Мнѣ тоже не мало надобно... Я ужъ и просьбу подавалъ... Нужду терплю, самъ-четверть. А ждать приходится. Развѣ жъ она можетъ такія наши заслуги вовсе позабыть!? Инымъ, правда, больше везетъ.... Ничего, и на нашу долю останется... Казна-матушка толста да жирна...

— Ишь, какой онъ терпѣливый!—ѣдко отозвался Хрущовъ.—Пай подпоручикъ... «Жданки да пожданки—глупому на радость!» А ты не тужи, товарищ!—обратился онъ къ Шипову.—Гляди, можетъ, все дѣло скоро сызнава да по иному повернется!.. Снова въ насъ нужда явится. Да не «нѣмкѣ» станемъ служить... своимъ помогать придется... у кого память-то не женская. Въ тѣ поры и наверстаемъ свое, воистину!

— Што... што тамъ еще такое?—глядя на Хрущова, спросилъ Миновичъ.

Домогацкій и Побѣдинскій какъ-то подобрались, насторожились, какъ ищейки, но не издавъ ни единого звука.

Въ эту минуту у арки вспыхнули первые бенгальскіе огни, грохнула ракета высоко въ потемнѣломъ небѣ, возвѣщая начало

фейерверка. Толпа, гудѣвшая между эстрадами, отхлынула ближе къ аркѣ. Наши пріятели очутились какъ бы на островкѣ на своемъ помостѣ.

— Потолковать бы можно теперь! — медленно заговорилъ Хрущовъ. Тутъ все свои, камерады... и кругомъ никого по близости... Вотъ и потолкуемъ... Слышали, чай, что читано было въ манифестѣ про наследника цесаревича Павла Петровича?.. А не приходило вамъ на умъ: отчего матушка-царица сейчасъ не объявить сына сукцессоромъ и не коронуетъ его?... Все же государь будетъ, не женскаго полу повелительница... А затѣмъ.. нѣтъ ли на свѣтѣ иныхъ претендентовъ... болѣе близкихъ къ трону и къ родной землѣ, чѣмъ сынокъ голстинскаго и цербстской принцессы?.. Ась?...

Домогацкій незамѣтно быстро переглянулся съ Побѣдинскимъ и, поглаживая свой острый, бритый подбородокъ, съ лисьимъ осторожнымъ выраженіемъ процѣдилъ:

— Кхм... кхм... Я самъ подумывалъ давно: не ладно што-й-то... И кой-кто изъ пріятельвъ у меня тоже въ сумнѣніи...

— Какія сумнѣнія? — живо обратился къ нему Миновичъ, захваченный общими недомолвками и таинственнымъ настроеніемъ. — Говорите, панъ капитанъ... Мы же съ вами земляки...

— Нехай, отъ, камерады... Ихъ послушаемъ! — уклончиво откликнулся Побѣдинскій.

— Коли такъ, къ дѣлу, камерады! — рѣшительно заговорилъ Семень Гурьевъ. — Видно, всѣ мы здѣсь разумѣемъ одно... договориться лишь надо... Такъ, съ примѣра начнемъ... Вотъ, глядите, государи мои...

Онъ указалъ на огромный транспарантъ у Триумфальной арки, недавно освѣщенный, гдѣ разными огнями сіялъ геральдическій щитъ съ вензелемъ «Е. II» посрединѣ. Надъ нимъ ангелъ держалъ лавровый вѣнокъ, а другомъ шла такая же огнистая, разноцвѣтная надпись: «Императрица волею Бога и народа».

— Вотъ! — сильно заговорилъ юноша. — Какое блестящее измышленіе!.. Но оно лишь для черни пригодно. Намъ вѣдомо, что съ тыльной стороны сего сооруженія — дымныя, сальныя площадки чадятъ. Разсвѣтетъ завтра, — и однѣ обгорѣлыя бочки да гильзы ракетныя на землѣ будутъ валяться ото всего блеска... Мы ужъ привычны стали, што за послѣдніе годы подобные щиты частенько воздвигаются... съ разными вензелями... А ежели иные слуги за ихъ помощь безмѣрно награждены? Зачѣмъ остальнымъ нести трудъ безъ награжденія? Жизнью всѣ рисковали. Могло возникнуть междоусобіе. Въ бою пятеро любимцевъ Орловыхъ не дали бы перевѣсу. Все офицерство и армія давали лишь надежду на успѣхъ... А нынѣ что видимъ?.. Кучка «своихъ» любимчиковъ — богами стала... А остальные въ рабской долѣ по старому... Но то бы надо помнить: ежели два мѣсяца назадъ одно дворцовое

дѣйство легко такъ удалось, то мѣсяць спустя и н ы м ъ можетъ и н о с удаться!.. И новые избранныки явятся, а старые «о р л ы»—воронами книзу полетятъ!..

— Вѣрно!.. могутъ!—подхватилъ Толстой, за нимъ и другіе. — Ко всѣмъ чертямъ!..

— Да.. кому же.. и для ково можно новое «дѣйство» затѣять, ежели бы..?—осторожно началъ и не досказалъ Побѣдинскій.

Откликнулся на этотъ разъ блѣдный, мечтательный Иванъ Гурьевъ.

— Найти бы силы... А знамя—готово. Русское, свое, не нѣмецкаго привозу... Иванушка, чай, бѣдный въ Шлюшинѣ давно ждетъ— не дождется воли и доли!.. и...

Онъ тоже не досказалъ.

— И трону! Порфиры царской!—рѣшительно подсказалъ Домогацкій.—Што же, рѣчь справедливая... У него правъ поболѣ, чѣмъ у и н ы х ъ особъ!.. Да, слышь, рѣчи ходятъ: видѣла государыня Иванушку... говорила съ нимъ. Потому што ей было намекнули: обвинчатся бы имъ и слить права на престоль.. И себя обезпечить-де, и силу отыметь у вѣчнаго претендента... Анъ, вышло, што дурень сталъ той Иванушка отъ заточенья. Чи не слышали того, паны-камерадъ?

— Эге-ге!—протянулъ Мировичъ.—Отъ ажъ куда мы загнули!.. Шутка не малая. Што жъ, оно бы можно. Да самъ я слыхалъ отъ товарищей, которые тамъ въ караулѣ бывали, совсѣмъ блаженнымъ сталъ развѣнчанный императоръ Иванушка. Можно ль будетъ такого на тронъ посадить...

— Не бѣда!—отрѣзалъ Хрущовъ.—Хоть бы и такъ,—не важное дѣло. Править землею изрядное правительство, которое избрано будетъ. Оно и поведетъ дѣла, какъ лучше будетъ для нашей партіи. А указы подписывать—сумѣетъ каждый. У насъ, гляди, не мало генераловъ да полковниковъ изъ знати, коимъ по три года отъ роду. Тоже—чудо не послѣднее. Чего мы не видали на Руси за послѣдніе годы!..

— Вотъ ужъ правда: чего не видали!—вдохнулъ Иванъ Гурьевъ.

— Не отъ васъ первыхъ тѣ рѣчи слышу!—въ раздумьи протянулъ Мировичъ.—А какая заручка у васъ, камерадъ, что дѣло достижимое... Армія—великое тѣло, сильное дѣйствіе можетъ оказать, но руководства требуетъ. Вотъ о чемъ вопросъ...

— Да, да!—живо подхватилъ юркій Домогацкій.—Есть ли хто въ дѣлѣ повыше господъ штабъ-офицеровъ?.. И денегъ на дѣло надо... И вождя выбрать. Не скажете ли чего яснѣе... Тогда и намъ будетъ свободнѣе рѣшить: какъ себя вести?

— Партія у насъ знатная!—осторожно началъ Хрущовъ, сверля взоромъ мало знакомаго ему Домогацкаго.—Другіе круги—

тоже по времени пристапуть, ежели мы начнемъ. А про народъ... э, и говорить нечего!.. Новый фейерверкъ поставить, вензеля новые вывести,—вотъ и дѣлу конецъ... Народъ «ура»! кричать станеть, вотъ какъ и теперь ореть!

— А насчетъ денегъ?.. Слыхали Глѣбова, сенатора... Въ какихъ богачахъ числится!—подалъ голосъ Семень Гурьевъ.—Онъ ихъ дастъ, сколько потре...

Шумъ и крики, возникшіе недалеко въ толпѣ, помѣшали ему докончить.

Сидящіе на эстрадахъ вскочили, стали приглядываться, прислушиваться, стараясь разобрать: въ чемъ дѣло?

— Что это?! Ровно бы женскій плачь!—затревожился Миновичъ.—Не обижаютъ ли кого?..

— Ну, товарищъ, брось!.. дѣло слушай!—позвалъ его Хрущовъ.—Всѣмъ помочь не станеть силъ и мочи!.. Партія знатная у насъ...

— Да, не плохая!—снова вмѣшался Семень Гурьевъ.—Иванъ Шуваловъ съ нами, и Голицынъ молодой... Все особы!.. Слышно, и самъ Никита Иванычъ тутъ же...

— Ого!.. Панинъ!—вскрикнулъ было Домогацкій, но мгновенно осѣкся, снова бросивъ выразительный взглядъ Побѣдинскому.

— Знатная партія! — поддакнулъ Миновичъ, сидя въ раздумьи.

— Корфъ баронъ тоже за Иванушку!—продолжалъ Семень Гурьевъ.—А мы бы охочи на первое время и Павла цесаревича на тронъ... Все лучше, чѣмъ фаворитовъ терпѣть, наглецовъ. Да жаль, и Панинъ съ Шуваловымъ уже грызутся, слышно: кого правителемъ сдѣлать при воцареньи малолѣтняго Павла?.. А съ Иванушкой—лучше. Сразу полный государь, въ годахъ...

— Умно повести—дѣло вѣрное!—высказалъ свое соображеніе Миновичъ.—И больше никого съ вами?

— Гдѣ всѣхъ перечестъ!.. Трубецкой... Воронцовы не прочь... и другіе, кто не съ «орлятами»,—тотъ противъ нихъ!.. Ясное дѣло. Вонъ и кабинетъ-секретарь Тепловъ чувствуетъ, что крышка ему... ищетъ лазейки... Вашъ онъ, хохоль... И Ласунскій изъ вашихъ же... И братъ мой Александръ, капитанъ... И Рославлевъ... и... Да чего, не перечестъ!.. Человѣкъ съ тысячу наберется, ежели не больше, тѣхъ лишь, кто покрупнѣе...

— Ого-го-го!—разомъ, на разные тона вырвалось у Миновича и у Домогацкаго съ Побѣдинскимъ.

Наступило короткое молчаніе,

V.

Въ это время шумъ въ сосѣдней улицѣ снова возростъ. Небольшая толпа двинулась, вынося что-то изъ давки на просторъ, ближе къ помостамъ. Чей-то женскій голосъ протяжно, жалобно завывалъ, причитая невнятно:

— Зашибли... Раздавили вовсе... Не дышитъ, доченька... не дышитъ!..

Показался здоровый парень съ дѣвочкой на рукахъ. Пожилая, растрепанная баба тянулась сзади, ловя ручки ребенка, свисавшія безпомощно внизъ, вопя и причитая. Въ толпѣ, провожавшей ихъ, слышались негодующіе голоса.

— Што вышло?—спросилъ Мировичъ, уже подбѣжавшій къ старухѣ.

— Скачутъ безперечь... чуть не по головамъ... бояре... дѣвчонку задавили. Ракета ахнула... Кони шарахнулись, ее подмяли!— слышались въ отвѣтъ негодующіе голоса:—Распроклятые... баре!

— Бѣдная дѣвочка... вся въ крови!—помогая уложить ребенка, замѣтилъ Мировичъ.—Эй, парень... ты, тамъ... бородачъ, снимай азымъ!... Подложимъ.. Такъ... дышитъ еще дите!.. Лекаря нѣтъ ли близко?.. Нѣтъ ли въ народѣ?... Бѣгите, кличьте... Вонъ, въ аптеку зайти надо... Тамъ скажутъ.

Два парня кинулись исполнять приказаніе. Мать дѣвочки вдругъ кинулась къ ногамъ Мировича, стала ловить его руки.

— Баринъ, миленькій, спаси ты Христось... Одна у меня доченька... любименька... Выручи ее... заставь вѣкъ Бога молить...

— Помолчи... Дышитъ—говорю... Отходимъ.... Голова не сильно разбита. А больше крови и не видно нигдѣ на тѣлѣ.... Поглядимъ.. А почему кареты не остановили...

— Куды остановить... Дворцовая карета!—слышались голоса.—Итерскіе баре народъ давятъ... Кучеръ хлыстнулъ по конямъ—и вонъ изъ глазъ...

— Бездушные люди!.. А вы, крещеные, не скотъ же вы безгласный, што можно васъ подъ копытами давить и кары не пести за то... У нихъ—дворцовая замашка: давить людей! А вы бы воротили ихъ да потолковали съ голубчиками..

— Да, вонъ... вонъ, назадъ ѣдетъ колымага-то золочена!—крикнула мать, указывая на придворную карету, осторожно подбѣзжающую сюда среди толпы.—И барыня въ ей та сама. Жалуй, голубушка!.. Раздавили ушку чистую,—хошь полюбуйся, поди!..

Въ ожесточеніи баба затряслась, грозя кулаками подбѣзжающей каретѣ, въ которой сидѣла молодая, богато одѣтая дама, милостивая, съ умнымъ, хотя и не очень правильнымъ и красивымъ лицомъ. Это была Екатерина Дашкова, подруга императрицы

и ея пособница во дни переворота. Рядомъ сидѣтъ полный, важный господинъ въ нудреномъ парикѣ съ лентой, черезъ плечо, съ брильянтовыми знаками отличій на груди и у шагаи, самъ Иванъ Шуваловъ. Два гвардейскихъ офицера, Ласунскій и Рославлевъ, поклонники Дашковой, сопровождали верхами ея экипажъ..

Сидѣвшіе на помостѣ офицеры сошли, спѣша поближе разузнать, что дѣлаетъ съ дѣвочкой Мировичъ? Домогацкій въ это время подошелъ къ Побѣдинскому, умышленно отставшему отъ остальныхъ.

— Слышали?.. Все выложили голубчики!.. Отправляйтесь къ Орлову... а я еще здѣсь поверчусь, не услышу ли чего?..—шепнуть онъ пріятелю на ходу.—Спѣшите!

— И то, надо!.. Дѣло горить... Вы имъ скажите: захвораль-де... Стошнило его...

— Да ужъ ладно!..

И Побѣдинскій догналъ остальныхъ, а Домогацкій скрылся въ толпѣ.

Дашкова въ это время, высунувшись изъ дверецъ кареты, обводила лорнетомъ толпу и тревожно повторяла:

— Гдѣ... гдѣ дѣвочка?.. Сказываютъ, въ эту сторону ее понесли...

— Здѣся... здѣся, сударыня-барыня!—дрожа отъ сдержанной злобы, стала завывать баба, приподнявшись отъ земли и прожигая глазами Дашкову.—Полюбуйся на доченьку на мою... Вся въ крови... За что убили птичку-то мою, сироточку... За что?!

— Бѣдняжка, она еще дышитъ... Что дѣлать?—обратилась къ Шувалову княгиня.—Возьмемъ ее въ экипажъ, отвеземъ къ моему врачу....

Какъ была, въ пышномъ нарядѣ, съ лентой ордена св. Екатерины черезъ плечо, съ вѣющими перьями на головѣ, Дашкова уже собиралась выпрыгнуть на мостовую и помочь ребенку. Но спутникъ остановилъ ее.

— Все пустое... Врача найдутъ и безъ насъ... Я дамъ ей денегъ—и конецъ!.. Вотъ, тетка, возьми.... Полечи дѣвочку... Княгиня и я—не желали твоей дочкѣ никакого зла... Горячіе кони... тутъ ракеты... Такая глупость... Бери...

Рука бабы уже протянулась взять подачку, но Мировичъ остановилъ ее.

— Не бери, тетушка!.. Тебѣ кидаютъ гроши за кровь твоей дочери... Слишкомъ малая плата... Видно, большіе это господа... Да по суду они тебѣ больше должны дать!.. Спроси, какъ ихъ зовутъ,—и пусть судъ разсудитъ...

— Боятся такіе судовъ, какъ же!—послышались голоса въ толпѣ.—Баба первая супротивъ нихъ виновата окажется; молъ, сама

дочку подь коньга сунула... Знаемь мы. Своимь бы судомь... Туть бы ихь!..

— Какая дикая чернь!—очевидно, испугавшись, забормоталъ Шуваловъ и обратился къ Ласунскому.—Капитанъ, отгѣсите мужичье... чтобы карета могла отгѣхать... А то...

— Испугались, вельможный панъ, не знаю, какъ величать васъ!—глумливо обратился къ Шувалову Мировичъ.—Давить народъ васъ и взять... А на расплату—золотой... Извольте честно объявить свое имя и званіе. Я—Василій, Яковлевъ сынъ, Мировичъ, подпоручикъ ея величества Смоленскаго полка, беру сію бѣдную женщину подь свою опеку... Авось выиграю дѣло, ежели есть правда въ нашемъ судѣ!..

— Глядите, не прогадайте, г. подпоручикъ,—съ насмѣшливой вѣжливостью отдавая поклонъ, отвѣтилъ вельможа.—Имѣю честь назвать себя: Иванъ Шуваловъ, оберъ-камергеръ ея величества!..

Даже безразсудная отвага Мировича мгновенно остыла, потускнѣла при этомъ имени. Но онъ овладѣлъ собою и, передохнувъ, твердо заговорилъ:

— Почтенъ такимъ знакомствомъ. Но все же надѣюсь и теперь выиграть, ибо берусь за правое, святое дѣло... Вашему сіятельству болѣе иныхъ извѣстно, какъ многія, болѣе рискованныя дѣла, съ помощью Божіей, выиграны бывали, противъ общаго ожиданія.

Всѣ поняли намекъ на недавній переворотъ, затѣянный Екатериной при усиленномъ содѣйствіи хитраго царедворца. Дашкова съ удивленіемъ поглядѣла на невзрачнаго офицерика-пѣхотинца, разглядѣла его умные, живые глаза и большой, открытый лобъ.

— П а l'esprit!—шепнула она Шувалову.—И благородное сердце при томъ... Постойте, не изъ нашихъ ли онъ собратъевъ? Господинъ подпоручикъ!—обратилась она къ Мировичу.—Подойдите поближе. Я—княгиня Дашкова. Примите мой привѣтъ и знайте, я сама думала такъ именно поступить, какъ вы говорили его сіятельству, чтобы позаботиться и наградить сію бѣдную мать и ея дитя. «Свѣтъ правды и любви—превыше всего!»—съ удареніемъ произнесла Дашкова пароль масонской ложи и сдѣлала условный знакъ рукой, прижавъ ее къ груди и губамъ.

Но Мировичъ, заглядѣвшись на оживленное, миловидное, полное мысли личико 20-лѣтней княгини, не понялъ знака, такъ какъ былъ чуждъ масонству. Онъ только смущенно заговорилъ, не сводя глазъ съ Дашковой:

— Ваше сіятельство... Я... вѣрьте, я не думалъ, чтобы... Несправедливость для меня ужаснѣе всего въ жизни... А, впрочемъ, глядя на черты вашего сіятельства, заранѣе знаешь, что

вы явились для добраго поступка, ежели ужъ противъ воли при-
чнили...

Не находя выраженія, онъ умолкъ.

— Онъ не масонъ!—шепнула Дашкова Шувалову и обрати-
лась къ бабѣ:

— Что же, хочешь, я отвезу дѣвочку къ лекарю? Меня зовутъ
княгиня Дашкова. Можешь вѣрить, дѣвочкѣ будетъ хорошо.

— Благодарствую, матушка... Да вотъ, слышь, привели ужъ
знахаря!—кланялась баба, указывая на пожилого человѣка въ
темномъ сюртукѣ, который возился съ дѣвочкой.—Разыскали люди
добрые. Какъ ужъ онъ скажетъ? А миѣ бы пожаловала твоя ми-
лость на лечебу. И поѣзжай съ Господомъ... Вижу, нехотя ты за-
давила мою Дунюшку... Господь съ тобою.

— Дайте миѣ вашъ кошелекъ... Я потомъ верну... сколько
въ немъ?!—обратилась къ Шувалову Дашкова, взяла шел-
ковый, вязанный кошелекъ, въ петли котораго поблескивали зо-
лотые, и отдала бабѣ.—Вотъ, бери!.. лечи дочку... А это..—снимая
съ груди брошь, украшенную алмазами съ крупной бирюзой по-
серединѣ, закончила она,—это отдашь дѣвочкѣ на память отъ
меня. Она, вѣдь, поправится, не правда ли, г. лекарь?—обра-
тилась княгиня къ человѣку, дѣлавшему перевязку дѣвочкѣ.

— Дастъ Господь... Ушибъ сильный, да дѣвчонка молодая,
крѣпкая!..

— Дай, Боже!—даже перекрестилась вольнодумная княгиня.—
А васъ, г. подпоручикъ, я не забуду... Не загляните ли ко миѣ?..
Живу я во дворцѣ...

— За честь почту!—вытягиваясь и салюгуя, словно генералу,
полный восторга, отозвался Миновичъ, пока карета повернула,
трогаясь въ обратный путь.

Изъ-за нея теперъ показался Ласунскій и подъѣхалъ къ Ми-
ровичу.

— Здорово, земляче!.. И не узналъ меня... На княгинюшку
заглядѣлся... Хороша, правду надо сказать!.. Не чета толстой
сестрѣ-Лизѣ своей, этой кухаркѣ, хотя та и была полюбовницей
государевой... Та же Воронцова, да больше на сокола схожа!..
Заглядывай ко миѣ по старому знакомству... Будь здоровъ!—
отсалютовалъ Мировичу гвардеецъ, далъ шпоры и поспѣшилъ за
каретою, которая уже поворачивала въ первый свободный переу-
локъ.

Задумчивымъ взглядомъ проводилъ ихъ Миновичъ и собрался
присоединиться къ прежнимъ собесѣдникамъ, которые толпою
стояли поодаль, ожидая, чѣмъ окончится весь переполохъ? Но
тутъ новые, совсѣмъ отчаянные крики послышались недалеко отъ
арки, гдѣ загрохотали сотни швермеровъ и ракетъ.

— Горимъ, горимъ!..

Мировичъ видѣлъ, какъ одна большая, неловко подоженная ракета не взвилась на воздухъ, а врѣзалась въ толпу, обжигая и поражая зрителей, и тѣ потокомъ хлынули во все стороны, давя по пути болѣе слабыхъ, женщинъ и дѣтей...

— Ой, задавили... Топчуть... помогите!—раздались новые, безумные вопли изъ толпы.

Мировичъ, выхвативъ пистолеть, кинулся навстрѣчу живой лавинѣ, угрожая и повторяя громко:

— Стойте!.. Опасности нѣтъ. Не толпитесь!.. Не давите живыхъ людей!.. Стойте, не то стрѣлять буду!..

Окрикъ и видъ челоѣка съ пистолетомъ въ рукѣ, со сверкающими глазами и блѣднымъ, грознымъ лицомъ образумилъ, остановилъ потокъ бѣгущихъ. Понемногу ужасъ разсѣялся, и люди стали быстро, но въ порядкѣ расходиться. На землѣ лежали кое-гдѣ ушибленные и тихо стонали. Другіе подымали ихъ. Одного обожженного ракетой и двухъ женщинъ съ опаленными волосами пронесли на платкахъ. Солдаты бѣжали изъ караулки

— Невеселое начало царенія... Какъ-то будетъ конецъ?— печально замѣтилъ Хрущовъ, наблюдая общую картину смятенія.— Идемте, камерады, кончимъ нашу бесѣду... Мировичъ! воротись! Видишь, прошла опасность! — позвалъ онъ подпоручика.

Левъ Ждановъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ)

ВОСПОМИНАНІЯ К. А. МАННА ¹⁾.

VI.

Мысль о назначеніи автора членомъ адмиралтействъ-совѣта. — Адмиралъ С. С. Лесовскій.—Его характеристика.—Случайности его карьеры и управленіе морскимъ министерствомъ въ отсутствіе министра Краббе.—Дѣятельность автора при С. С. Лесовскомъ и Н. К. Краббе.

ДѢЛАТЬСЯ членомъ адмиралтействъ-совѣта уже давно было предметомъ моихъ самыхъ сердечныхъ и задушевныхъ желаній. Я никогда не былъ честолюбивъ, и возможность управлять другими меня не забавляла; пользу же посильную можно приносить и не на одномъ поприщѣ государственной службы: я это также сознавалъ. Да и мѣсто директора канцеляріи морского министерства было такого свойства, что нерѣдко способно было дѣлаться просто невыносимымъ. Это собственно мѣсто секретаря, т. е. человѣка, одно изъ главныхъ достоинствъ котораго не имѣть своего убѣжденія, но исполнять въ точности приказанія начальства, угадывать его желанія, подсказывать и скрываться за ширмами. Правда, что вліяніе дѣятельнаго и способнаго секретаря на дѣла не можетъ не быть значительно, но все это—подъ рукой, дѣйствуя другимъ именемъ, именемъ начальства. А сколько уступокъ

¹⁾ Въ подлинной рукописи своихъ «Воспоминаній» авторъ, минуя періодъ первоначальной своей службы, прямо переходитъ къ описанію своей дѣятельности въ качествѣ директора канцеляріи морского министерства, какъ болѣе интересной и плодотворной, предоставляя себѣ впоследствии заполнить образовавшійся пробѣлъ въ хронологической связи своего авто-біографическаго разсказа. Къ сожалѣнію, смерть помѣшала К. А. Манну исполнить это свое намѣреніе, а потому мы и печатаемъ этотъ отрывокъ «Воспоминаній» въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился въ бумагахъ К. А. Манна.

Ред.

последнему, сколько испорченных плановъ, надъ которыми работала съ любовью, сколько совершенно безплодной работы, такъ какъ она «не прошла!» «Передѣлайте такъ», «передѣлайте другимъ образомъ!» Это сказать очень легко, а сколько эти немногія слова вызываютъ усилій и напряженій ума со стороны исполнителя такого приказанія, иногда болѣзненныхъ усилій и напряженій, ибо подчасъ такая работа совершенно не согласуется съ внутренними убѣжденіями исполнителя! Секретарь административнаго учрежденія, принимая мѣсто, долженъ отречься отъ своей индивидуальности, отречься до предѣловъ, гдѣ дѣло касается уже чести или основныхъ убѣжденій. Но легко ли это? Порядочный человѣкъ не можетъ не дѣйствовать, не принимая дѣло близко къ сердцу, и потому при исполненіи чего-нибудь не такъ, какъ хотѣлось, какъ кошки скребутъ на этомъ сердцѣ! Вотъ почему я былъ очень радъ, что въ періодъ преобразованій, когда рядомъ съ важными реформами принимались столь недостойныя ихъ мѣры, стѣснявшія и останавливавшія ихъ развитіе, судьба бросила меня въ специальное морское вѣдомство. Здѣсь дѣло шло не о политическихъ тенденціяхъ, а о томъ, какъ получше устроить боевую силу флота да какъ лучше обучить, накормить, одѣть и помѣстить матросовъ. Имѣя въ начальствѣ хорошихъ людей, нельзя было не согласиться съ ними въ общемъ, а въ подробностяхъ можно было и уступить. Итакъ, изъ тяжелаго въ нравственномъ отношеніи судьба мнѣ послала все-таки легчайшее.

Почти восьмилѣтняя работа при такихъ условіяхъ, при томъ работа очень усиленная, послѣ шестилѣтняго вице-директорства, когда у меня было также немало работы, а начальства еще больше, когда приходилось примѣняться еще къ третьему лицу, къ директору, подѣйствовала разрушительно на мое здоровье. Несмотря на правильную и умѣренную вообще жизнь, съ половины 1871 года у меня начался мигрени, т. е. сильнѣйшіе припадки головной боли со рвотой. Поѣздки лѣтомъ по портамъ и за границу помогали мнѣ только на время, но болѣзнь вообще такъ усиливалась, что въ 1874 г. Великимъ постомъ на первой недѣлѣ я рѣшился послать Краббе письмо съ просьбой объ увольненіи меня отъ должности директора и о назначеніи меня членомъ адмиралтействъ-совѣта. Я писалъ, что преемникъ мой, вице-директоръ Алексѣй Алексѣевичъ Пещуровъ, совершенно готовъ для занятія должности, что я съ моей болѣзнью не могу долѣе занимать ее, такъ какъ она требуетъ постояннаго напряженія ума, вниманія, памяти и даже воображенія, что съ моей опытностью въ дѣлахъ я могу быть еще полезенъ, какъ членъ адмиралтействъ-совѣта, для ревизіи портовъ и для предсѣдательства въ комиссіяхъ. Я былъ такъ утомленъ и должность сдѣлалась мнѣ такъ невыносима, что я рѣшился просить объ этомъ назначеніи, даже не выслуживъ еще срока пенсіи и не

получивъ аренды, о которой я мечталъ. Черезъ нѣсколько дней съ стѣсненнымъ сердцемъ отправился я съ докладомъ къ Краббе, зная, что разговоръ коснется моего письма. Докладъ кончился, и я началъ собирать бумаги. «Хорошъ вы,—вдругъ неожиданно сказалъ Краббе:—ничего не предупредивши, да вдругъ..... по лбу и треснули». Я началъ объяснять мое положеніе. «Хорошо, хорошо; посмотримъ,—продолжалъ онъ:—Немного еще раненько. Надо бы прослужить въ этой должности десять лѣтъ». Этимъ на этотъ разъ дѣло и кончилось. Я остался между страхомъ и надеждой; изъ опыта же мнѣ было извѣстно, что напоминать Краббе нельзя: это его очень сердило.

Въ концѣ поста я отправился въ Николаевъ по дѣламъ службы, чтобы на мѣстѣ съ главнымъ командиромъ разобрать, сколько ему нужно дополнительныхъ ассигнованій для веденія дѣла постройки судовъ и устройства порта къ тѣмъ срокамъ, которые указалъ великій князь.

Въ Николаевѣ я получилъ извѣстіе, что съ Краббе случился ударъ, что жизнь его находится въ опасности и что управленіе министерствомъ принялъ товарищъ его, Лесовскій. Съ этимъ вмѣстѣ дѣло мое совершенно замолкло, и было несвоевременно напоминать о немъ какъ по болѣзни лица, отъ котораго все зависѣло, такъ и потому, что мнѣ казалось неудобнымъ удаляться отъ дѣлъ въ то время, когда все было въ переходномъ состояніи и мое содѣйствіе могло быть необходимо.

Однако скоро на дѣлѣ оказалось, что во мнѣ не только нѣтъ необходимости, но что я даже составляю нѣкотораго рода помѣху.

Лесовскій уже не въ первый разъ вступалъ въ управленіе министерствомъ. Въ прошедшемъ, 1873 г., онъ управлялъ во время отсутствія Краббе на Кавказъ и тогда рѣшительно не высказывалъ никакой самостоятельности во взглядахъ. При каждомъ новомъ случаѣ онъ постоянно спрашивалъ меня о томъ, какъ бы поступилъ въ такомъ случаѣ Краббе, и такъ и распоряжался. Теперь онъ принялъ другую систему. «Можетъ быть, — сказалъ онъ мнѣ въ видѣ поясненія такой перемѣны:—придется мнѣ по случаю болѣзни Краббе управлять министерствомъ болѣе продолжительное время; можетъ быть, чего Боже сохрани, мнѣ придется сдѣлаться управляющимъ министерствомъ, я не хочу, чтобы лица, отъ избранія которыхъ будетъ зависѣть мое назначеніе, имѣли обо мнѣ другое мнѣніе, чѣмъ я есмь въ дѣйствительности. Надо, чтобы они знали мои достоинства и недостатки. Въ этихъ видахъ на этотъ разъ я буду дѣйствовать по моему личному усмотрѣнію». Для того, чтобы яснѣе изобразить, въ чемъ заключалась эта самостоятельность, необходимо сказать нѣсколько словъ о Лесовскомъ, какъ о человѣкѣ, и о его прошломъ.

По наружности это маленькій, сухой, подвижной человѣчекъ. Ему только за 50 лѣтъ, но съ виду онъ кажется гораздо старше.

Совершенно сѣдой, но съ черными нависшими бровями, онъ видитъ только однимъ глазомъ, хотя по наружности оба глаза почти одинаковы. Онъ всегда одѣтъ чисто, все пригнано хорошо. Когда онъ сидитъ и что-нибудь слушаетъ, кажется, что это мумія, что жизнь въ немъ уже не дѣйствуетъ. Но вотъ онъ понялъ, и никогда я не видывалъ, чтобы лицо человѣка могло такъ быстро измѣняться. Единственный глазъ его засвѣтится въ полномъ смыслѣ этого слова, всѣ черты лица оживутъ. Съ отвѣтомъ его можно не согласиться, но въ немъ всегда будетъ виденъ умъ; движенія его сдѣлаются быстры, онъ не встанетъ, а вскочитъ, будетъ почти кричать, а не говорить. Это, безъ сомнѣнія, очень умный человѣкъ и образованный лучше, чѣмъ кто-либо изъ адмираловъ. Онъ много читалъ, еще болѣе видѣлъ на своемъ вѣку; онъ въ совершенствѣ владѣетъ англійскимъ и французскимъ языками. Въ обществѣ онъ очень интересенъ и приличенъ; въ дамскомъ обществѣ безукоризненно любезенъ; очень вѣжливъ съ посторонними, но рѣзокъ иногда съ подчиненными. У него очень твердый характеръ, имѣющій въ основаніи всегда благородныя побужденія; его положительно можно полюбить. Если въ XIX столѣтіи можно говорить о рыцаряхъ, то это Лесовскій. Слова, что Лесовскій рыцарь, я слышалъ отъ многихъ. Кажется, какія прекрасныя данныя, чтобы стать замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ! А между тѣмъ выходило вовсе не такъ.

Лесовскій принадлежитъ къ числу черноморскихъ моряковъ школы Лазарева и Нахимова, т. е. школы, состоявшей изъ серьезныхъ морскихъ плаваній, строгаго сознанія чувства долга, педантичнаго исполненія морскихъ обязанностей, щеголеватости во внѣшнемъ видѣ кораблей, употребленія пинка и матерныхъ словъ въ отношеніи матросовъ и полнѣйшаго презрѣнія къ балтійскимъ морякамъ.

Послѣ севастопольскаго разгрома переведенный въ Балтійскій флотъ, Лесовскій вздумалъ со свойственной ему горячностью примѣнить всѣ эти принципы къ находившемуся подъ его командой балтійскому судну. Крутое неустанное требованіе отъ матросовъ исполненія мельчайшихъ обязанностей, беспощадное примѣненіе черноморскихъ пріемовъ щеголеватости, сопровождаемое пинками и самыми изысканными бранными выраженіями, въ родѣ «балтійскія бл...», довели дѣло до того, что на кораблѣ составился противъ него заговоръ унтеръ-офицеровъ, намѣревавшихся выбросить его за бортъ. Иванъ Бутаковъ, находившійся у него старшимъ офицеромъ, спасъ его, какъ мнѣ рассказывали, скомандовавъ заговорщикамъ какую-то работу въ то именно время, когда они собирались исполнить свое намѣреніе. Дѣлу не дали огласки, и для Лесовскаго это былъ прекрасный урокъ. Онъ значительно измѣнилъ свои пріемы и сохранилъ привязанность къ Бутакову. Я былъ самъ свидѣтелемъ, съ какимъ теплымъ чувствомъ уваженія онъ отзывался о Бутаковѣ и съ какой готовностью исполнилъ его просьбу о пособіи деньгами, когда

управлялъ министерствомъ. Затѣмъ Лесовскій какъ-то попалъ въ капитаны кронштадтскаго порта, и въ этомъ званіи я засталъ его, когда поступилъ въ морское министерство. Онъ человѣкъ высокой честности и, навѣрное, не поживился ни одной казенной копейкой, но, навѣрно также, очень плохо смотрѣлъ въ этомъ отношеніи за своими подчиненными, наивно считая ихъ образцами всякихъ добродѣтелей. Къ этому времени относится одинъ фактъ, имѣвшій большое вліяніе на установленіе его административныхъ взглядовъ. Ревниво охраняя свое портовое хозяйничаніе отъ вторженія другихъ портовыхъ дѣятелей, онъ вызвался построить своими портовыми средствами мостъ черезъ какую-то канаву въ порту, не прибѣгая къ содѣйствію портовыхъ спеціалистовъ по строительной части, отвѣчающихъ за прочность.

— У меня въ адмиралтействѣ есть лѣсъ, негодный для кораблестроенія; рабочіе также найдутся; построимъ скоро и дешево,— говорилъ ретивый капитанъ надъ портомъ главному командиру. Постройка разрѣшена ему и исполнена на такъ называемыя «экономическія» средства, но обрушилась при перевозкѣ какой-то тяжести. Назначено слѣдствіе. Лесовскій потребованъ къ отвѣту, и послѣ этого отдавать исполненіе каждого дѣла спеціалисту по принадлежности сдѣлалось однимъ изъ членовъ его символа вѣры.

Краббе обратилъ на него вниманіе, когда нужно было послать въ Америку офицера для собранія свѣдѣній о постройкѣ первыхъ броненосныхъ судовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и Лесовскій вмѣстѣ съ Пестичемъ¹⁾ очень хорошо исполнилъ это порученіе. Послѣ этого Лесовскій скромно занималъ въ Кронштадтѣ свое прежнее мѣсто, когда Краббе вновь выдвинулъ его на первый планъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ 1863 г. Европа, подстрекаемая Наполеономъ, готовилась поднять оружіе за Польшу, и Россія, конечно, начала готовиться къ войнѣ. Въ это время нашъ флотъ ограничивался одними судами Балтійскаго флота, и главнѣйшія изъ нихъ находились въ Кронштадтѣ. Въ случаѣ войны эти суда были бы заперты болѣе сильнымъ непріателемъ. Краббе рѣшился выбросить ихъ втихомолку въ океанъ (великій князь въ это время не управлялъ министерствомъ, ибо находился въ Польшѣ намѣстникомъ). Командова-

¹⁾ Филимонъ Васильевичъ Пестичъ, впоследствии начальникъ артиллерійской части въ кронштадтскомъ портѣ, одинъ изъ участниковъ севастопольской обороны. Это типъ служаки, влюбленнаго въ свою спеціальность. О чемъ съ нимъ ни заговори, онъ непременно сведетъ разговоръ на артиллерию. О немъ сохранился забавный анекдотъ изъ его поѣздки въ Америку. Не зная никакого языка, кромѣ русскаго, онъ былъ совершенно въ зависимости отъ Лесовскаго. Разъ сидятъ за табльдотомъ въ Америкѣ. Подаютъ пирожное, и служитель говоритъ Пестичу: «Any more pastry». Пестичу показалось, что служитель произнесъ его имя и фамилію. «Какой удивительный адѣсъ во всемъ порядокъ,— говорилъ онъ Лесовскому.— Уже знаютъ мое имя и фамилію». Лесовскій разразился такимъ взрывомъ хохота, что присутствовавшіе попросили его рассказать, въ чемъ дѣло.

ніе эскадрой предложили сперва адмиралу Унковскому, бывшему въ тотъ моментъ ярославскимъ губернаторомъ. Онъ отказался, и Краббе указалъ на Лесовскаго. Избраніе Лесовскаго дѣласть величайшую честь проницательности Краббе и его умѣнію выбирать людей. Дѣйствительно, нельзя было найти человѣка болѣе подходящаго, моряка до конца ногтей, который не содрогнулся ни передъ опасностью, ни передъ жертвой людьми для дѣла. Эскадра была втихомолку снаряжена въ Кронштадтѣ, запаслась углемъ въ открытомъ морѣ и, пройдя выше сѣверныхъ береговъ Великобританіи и черезъ океанъ, совершенно неожиданно явилась въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ дѣлахъ морского министерства имѣются очень любопытныя данныя относительно этой экспедиціи, состоящія въ докладахъ государю, въ письмахъ Краббе къ великому князю въ Польшу, въ донесеніяхъ Лесовскаго. Вѣроятно, найдутся интересныя свѣдѣнія и въ частныхъ письмахъ Лесовскаго къ Краббе, помѣщенныхъ въ особомъ пакетѣ для храненія въ архивѣ послѣ смерти послѣдняго. Все это дѣло замышлено Краббе, о чемъ есть на одномъ его докладѣ собственноручная надпись государя, и исполнено Лесовскимъ самымъ блестящимъ образомъ. Эскадра явилась къ берегамъ Соединенныхъ Штатовъ въ то время, когда тамъ шла борьба между сѣверомъ и югомъ. Такъ какъ Англія косвенно поддерживала югъ, а наша эскадра, высланная противъ Англій, пришла на сѣверъ, то сѣверяне не могли не признать этой присылки за сочувствіе имъ тѣмъ болѣе, что русскіе такъ недавно освободили своихъ рабовъ. Приѣмъ эскадры въ Америкѣ былъ самый восторженный; досада Англіи, у которой подъ носомъ незамѣтно прошла эскадра, также не знала предѣловъ. Очевидцы, бывшіе въ то время въ Лондонѣ, мнѣ рассказывали, какое сильное впечатлѣніе производили въ столицѣ Англій возгласы продавцовъ газетъ: «Русскаго флота нѣтъ болѣе въ Кронштадтѣ: онъ въ Америкѣ».

Это, безъ сомнѣнія, былъ самый блестящій періодъ въ дѣятельности Лесовскаго. Но такъ какъ даже тогда, когда Лесовскаго окружаетъ ореолъ, въ немъ есть всегда нѣчто комическое, вызывающее смѣхъ, но не злой, а сочувственный къ нему, то и въ этотъ періодъ его дѣятельности осталась за нимъ эта комическая сторона.

Лесовскій передъ отправленіемъ въ опасную экспедицію съ эскадрой въ Америку женился на особѣ, которая до тѣхъ поръ считалась его родственницей, была, говорятъ, когда-то его воспитательницей и въ Кронштадтѣ жила съ нимъ вмѣстѣ, какъ хозяйка дома. Софья Александровна была гораздо старше его; злые языки считали, что ей было уже за 60 лѣтъ, когда она вышла замужъ. Очень некрасивая собой, поделѣповатая, съ сѣдымъ пушкомъ надъ верхней губой, съ утинымъ голосомъ, но очень добрая, хлѣбосольная, благотворительная и съ привычками саратовской помѣщицы въ отношеніи виѣшней обстановки, «молодая» рѣшилась сопутствовать мужу,

переплыла за нимъ въ Америку и явилась тамъ въ одинъ прекрасный день со всевозможными узелками и всякими вещами житейскаго комфорта саратовской барыни. Такъ какъ вмѣсто сраженій и битвъ наша эскадра принуждена была выдержать осаду торжествъ, празднествъ въ честь русскихъ моряковъ, то и Софья Александровна пришлось принимать въ нихъ участіе. На молодыхъ нѣжныхъ супруговъ, говорятъ, нельзя было смотрѣть безъ улыбки. Самъ Лесовскій рассказывалъ мнѣ слѣдующую сцену. Онъ привыкъ спать послѣ обѣда, а при американской суматохѣ такой сонъ былъ и вполне законенъ. Весь день приемы, визиты, осмотры, торжества, а ночью распоряженія по эскадрѣ, переписка съ Петербургомъ и властями. Но онъ имѣеть сноровку спать и сидя, засыпаетъ даже за обѣдомъ. Эту способность его знали и въ нѣкоторыхъ домахъ даже не беспокоили его за обѣдомъ, обнося его блюдами послѣ первыхъ трехъ-четырехъ кушаній, т. е. когда предполагали, что онъ спитъ. (Такъ было у генеральнаго консула барона Остенъ-Сакена за обѣдомъ, какъ мнѣ передавалъ самъ баронъ). Послѣ одного официального обѣда, когда Лесовскій не успѣлъ выспаться, ему пришлось ѣхать на торжественный спектакль. Для него и Софьи Александровны было устроено особенное возвышенное мѣсто; на сценѣ представлялись какія-то аллегоріи о дружбѣ между Россіей и Соединенными Штатами, читали стихи. Всѣ взоры были обращены на героя торжества Лесовскаго, а онъ заснулъ и даже прихрапывалъ. Софья Александровна безпрестанно толкала его, желая разбудить, и мѣшала спать. Наконецъ онъ разсердился. «Оставь меня, матушка, пожалуйста въ покоѣ. Что я сплю, тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго, потому что всякій пойметъ, что я усталъ. Но если публика замѣтитъ нашу домашнюю сцену на эстрадѣ, то это будетъ очень смѣшно, и мы попадемъ въ карикатурные листки. Жена меня оставила, и какъ же я хорошо выспался въ этотъ вечеръ». Привязанности его къ этой женѣ-старушкѣ нельзя было не удивляться. Какія нѣжные выраженія употреблялъ онъ въ это время и позднѣе въ письмахъ даже къ Краббе, когда дѣло шло о женѣ!

Черезъ нѣсколько времени послѣ возвращенія изъ Америки Лесовскій былъ сдѣланъ главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта.

Я сошелся съ нимъ въ это время, и когда я былъ назначенъ директоромъ, онъ привѣтствовалъ меня душевнымъ письмомъ. Въ управленіи портомъ онъ былъ хорошимъ и точнымъ исполнителемъ предписаній министерства, но вмѣстѣ съ тѣмъ выказалъ полную наивность относительно оцѣнки людей.

Будучи самъ честнымъ человѣкомъ, онъ не допускалъ нечестности въ другихъ и замѣчалъ мѣста, отъ него зависѣвшія, не столько по способностямъ, сколько по старшинству, взвѣсивая на аптечныхъ вѣсахъ справедливости пройденную каждымъ службу. Результатомъ

было то, что умныхъ и талантливыхъ людей при немъ особенно не выдвинулось, а взятые между низшими исполнителями въ Кронштадтѣ процвѣтали. Софья Александровна радушно и хлѣбосольно принимала весь Кронштадтъ; занималась благотворительностью и сдѣлала въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ ея предѣстницы. Въ 1871 году, когда Краббе сталъ прихварывать, Лесовскаго сдѣлали товарищемъ управляющаго министерствомъ. Какъ человѣкъ умный, образованный, извѣстный государю, генералъ-адъютантъ его и, наконецъ, какъ строгій исполнитель желаній начальства, онъ былъ очень пригоденъ для этой дѣятельности. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ лишился жены, умершей отъ старости. Это былъ для него тяжелый ударъ: онъ плакалъ, какъ ребенокъ, и остался жить въ той же квартирѣ, гдѣ жилъ съ нею. Это очень неудобная квартира въ 13-й линіи Васильевскаго острова съ хозяйской мебелью, но у него все оставалось до самаго переѣзда впоследствии на казенную квартиру совершенно такъ, какъ было при ней. Онъ такъ же жилъ, какъ при ней, т. е. спалъ и работалъ въ крошечномъ неудобномъ кабинетѣ, мебель вездѣ была разставлена такъ же; даже въ спальнѣ покойницы все оставалось попрежнему, и по утрамъ онъ ходилъ туда молиться. Я предложилъ ему какъ-то переѣхать по сосѣдству со мною, но онъ съ жаромъ отвергъ всякую мысль, сказавъ, что это было бы профанаціей его чувства къ женѣ и дорогихъ о ней воспоминаній.

Вотъ прошлое и характеръ человѣка, которому на долю выпало теперь продолжительное управленіе министерствомъ. Выше я сказалъ, что онъ рѣшился показать при этомъ случаѣ начальству свои хорошія и дурныя качества, и съ первыхъ же дней онъ началъ показывать и то, и другое.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ начала, которыя Лесовскій положилъ въ основу своей дѣятельности, совершенно справедливы, но вся бѣда въ томъ, что мы живемъ на землѣ, а не на небѣ, и что мы имѣемъ дѣло съ людьми, а не съ ангелами. Напр., что можетъ быть справедливѣе такого начала: морское министерство имѣетъ предназначеніемъ созданіе флота, т. е. кораблей и пушекъ. Поэтому всякая копейка, отпускаемая изъ государственнаго казначейства, должна быть обращена на этотъ предметъ, всякое отклоненіе копейки отъ такой цѣли непозволительно. Кто говоритъ, совершенно справедливо! Не менѣе справедливы и другія начала: вознаграждать каждаго по заслугамъ, ставя военныя впереди гражданскихъ, подвигать впередъ по старшинству, вести все хозяйство на началахъ конкуренціи, дѣлая постоянно торги и отдавая подрядъ тому, кто возьметъ дешевле. Но морское министерство не есть только кораблестроительный и артиллерійскій департаменты. Морское министерство есть часть политическаго тѣла, часть общаго государственнаго управленія. Морской министръ не можетъ быть корабельнымъ

плотником или оружейникомъ. Онъ долженъ слѣдить за общимъ ходомъ государственнаго развитія, хотя бы по частямъ, напримѣръ, военной, образовательной высшей политики, судопроизводства... Какъ ему не принять участія въ мѣрахъ по рѣшенію общихъ вопросовъ промышленности въ теоріи или въ примѣненіи хотя бы по тѣмъ частямъ, которыя имѣютъ отношеніе къ морскому дѣлу: металлы, обработка ихъ, механическіе заводы?... Какъ удержаться отъ содѣйствія разработкѣ историческихъ памятниковъ, географическихъ свѣдѣній? Онъ не имѣетъ права не дѣйствовать въ тактъ съ общимъ управленіемъ. Наконецъ, нашъ образъ правленія налагаетъ на морское вѣдомство обязанность принимать въ соображеніе требованія придворной службы. Какъ, напримѣръ, остановиться передъ расходами, всегда очень большими, по убранству или содержанию яхтъ государя или генераль-адмирала, какъ не поддерживать возникшей въ послѣднее время въ наслѣдникѣ престола охоты кататься въ морѣ?.. Корабли и пушки Лесовскаго не болѣе, какъ неподвижная масса, а всѣ люди отъ мала до велика со страстями или, по крайней мѣрѣ, со страстишками. Хорошій и искусный управитель обращаетъ эти страсти и страстишки на пользу дѣла, овладѣваетъ при ихъ помощи людьми, которые ему нужны въ этихъ видахъ, дѣлаетъ имъ уступки на нѣсколько процентовъ, чтобы пользоваться всѣмъ капиталомъ ихъ дѣятельности, а не отыскиваетъ совершенства на землѣ, взвѣсивая все на аптекарскихъ вѣсахъ. Награды и пособія также средство управлять людьми, брошенная иногда тысяча-другая рублей можетъ принести плоды сторицею тамъ, гдѣ и не ожидалось. Наконецъ, министръ—не простой механизмъ, прикладывающій штемпель одобренія ко всякой хозяйственной операціи, произведенной на началахъ конкуренціи. Примѣненіе этого начала уже привело къ тому, что всѣ подряды въ морскомъ вѣдомствѣ перешли въ руки жидовъ, которые соглашались на торгахъ на невозможно низкія цѣны и потомъ ставили гнилой матеріалъ, подкупая чиновниковъ, или заводили съ министерствомъ безконечные процессы, воспользовавшись сперва задаточными деньгами. Плохой министръ тотъ, который боится отвѣтственности, и честь и слава тому, который не останавливается передъ ней и иногда передаетъ хозяйственную операцію тому или другому по произволу, хотя бы даже тотъ или другой и были результатомъ протекціи. Тѣмъ лучше, однимъ ударомъ онъ достигнетъ двухъ цѣлей: только бы дѣло не страдало. Обо всемъ этомъ я говорилъ Лесовскому и предсказывалъ ему, что отъ побочныхъ расходовъ онъ не обережетъ флотъ, что всѣ его новшества приведутъ къ тому, что его экономія обрушится на мелкихъ дѣятелей или ничтожныхъ мѣры, а общая система не измѣнится; что всѣ эти побочные расходы приносятъ свою долю пользы, а если бъ они и вовсе не приносили пользы, то во всякомъ случаѣ они составляютъ ничтож-

ный этотъ процентъ общихъ расходовъ, и нужно только стараться процентъ дѣлать меньше; что бояться отвѣтственности ему, честному человѣку, въ хозяйственныхъ операціяхъ нечего. Онъ стоялъ на своемъ, а на дѣлѣ мои предсказанія оправдались. Никогда, можетъ быть, флотъ для придворной службы не поглощаль у насъ такъ много денегъ, какъ при его управленіи; при немъ, по желанію великаго князя генераль-адмирала Константина Николаевича, вслѣдствіе интригъ адъютанта великаго князя, князя Ухтомскаго, и еще другого интригана, англійскаго корабельнаго инженера Рида, они допущены къ обладанію обанкротившимся судостроительнымъ заводомъ Карра и Макферсона, который высосеть много денегъ у морского вѣдомства (это самый крупный малопроизводительный расходъ послѣдняго времени); при немъ, наконецъ, началась постройка въ весьма широкихъ размѣрахъ казармъ гвардейскаго экипажа въ Петербургѣ въ угожденіе великому князю Алексѣю Александровичу.

Пока я былъ при немъ, только нѣсколько мичмановъ и капитановъ не получили пособій, нѣсколько жидовъ появилось при подрядахъ, да вытѣснили изъ министерства извѣстнаго нашего художника Микѣшина, и только въ этомъ послѣднемъ случаѣ Лесовскій былъ безсознательнымъ орудіемъ великаго князя, о причинахъ нерасположенія котораго къ Микѣшину расскажу въ другомъ мѣстѣ. Между тѣмъ въ этотъ короткій промежутокъ времени одинъ разъ Лесовскій едва не сломалъ себѣ шеи по поводу того обстоятельства, что великій князь, по ходатайству своего адъютанта Кирѣева, хотѣлъ продать какому-то подрядчику старую мѣдь, а Лесовскій стоялъ за торги и поѣхалъ къ докладу съ просьбой объ отставкѣ въ карманѣ на случай, если бѣ великій князь сталъ настаивать; въ другой разъ Лесовскій поставилъ себя въ непріятное положеніе къ Краббе по поводу противодѣйствія продажѣ металловъ отставному поручику Вердеревскому, лицу близко извѣстному Краббе, также помимо конкуренціи. Стоила ли игра свѣчъ? Не лучше ли было посособразить, не выгодны ли предложенія, и если выгодны, то согласиться на продажу?

По поводу Микѣшина не могу не вспомнить о безграничномъ нерасположенія Лесовскаго ко всему, что касается искусства. Онъ мнѣ самъ говорилъ, что какую бы музыкальную пьесу ни играли, ему все кажется, что играютъ одно и то же. Я не могу безъ смѣху вспомнить моихъ ему докладовъ объ устройствѣ музыкальныхъ хоровъ въ морскомъ вѣдомствѣ. Эти хоры были въ очень дурномъ состояніи, и Краббе поручилъ устройство ихъ бывшему моряку, а теперь композитору Римскому-Корсакову. Этимъ дѣломъ очень интересовался великій князь, и ему очень покровительствовалъ Краббе, но не успѣлъ его самъ окончить, и мнѣ пришлось обработанный проектъ этихъ хоровъ, по которому 40 мальчиковъ пред-

назначено обучать въ петербургской консерваторіи, докладывать Лесовскому. «Для чего намъ вся эта музыка?—вскричалъ онъ при началѣ же доклада, вскочивъ съ мѣста.—Только трата денегъ. Намъ нужно, чтобы на суднѣ было три-четыре музыканта, которые нажаривали бы тотъ или другой гимнъ, когда прѣзжаютъ иностранцы. Чортъ съ ними, если музыканты фальшивяты; играли бы только погромче». На мои возраженія, что мы не дикари, что во всѣхъ остальныхъ государствахъ военные оркестры существуютъ, что расходъ не великъ, что на суднѣ это можетъ служить развлеченіемъ.—«Развлеченіемъ!—вскричалъ онъ, сверкая однимъ глазомъ.—Книги и ученіе—вотъ развлеченіе на суднѣ, милостивый государь. Давайте мнѣ прежде корабли и пушки, а потомъ всѣ ваши музыки и другія пустыя затѣи». Между тѣмъ, когда Римскій-Корсаковъ написалъ оперу «Псковитянка», которая имѣла успѣхъ, Лесовскій не вытерпѣлъ. «Вчера я васъ видѣлъ въ театрѣ,—сказалъ онъ мнѣ на другой день.—Каковы моряки-то! а! каковы!»—прибавилъ онъ съ добродушной сочувственной улыбкой, искренно радуясь успѣху своего однокашника, хотя и на поприщѣ, которому онъ не сочувствовалъ. Это такая черта его характера, за которую нельзя его не любить.

Скульптуру онъ также считалъ пустой затѣей. На корабляхъ обыкновенно дѣлаютъ носовыя статуи, приспособленныя къ наименованію судна. По желанію великаго князя, чтобы эти статуи имѣли художественное значеніе, онѣ дѣлались сперва извѣстнымъ профессоромъ скульптуры Пименовымъ, а потомъ Микѣшинымъ. «Зачѣмъ эти статуи?—спросилъ меня разъ Лесовскій.—Или если имъ уже надо быть, то пусть ихъ дѣлаетъ плотникъ. Видѣли вы въ нашемъ морскомъ музеѣ статую съ корабля «Азовъ», прострѣленную ядромъ? Чѣмъ она дурна? Она интереснѣе всякой вашей пименовской и микѣшинской, а сдѣлана плотникомъ. Когда я былъ въ Америкѣ, когда находившіяся подъ моимъ начальствомъ суда посѣщались ежедневно тысячами людей, многіе разспрашивали о пушкахъ, останавливались надъ ними, но ни одинъ не указалъ мнѣ на носовыя статуи, не обратилъ на нихъ вниманія, хотя нѣкоторыя были сдѣланы вашимъ Пименовымъ». Еще непримиримаго врага онъ имѣлъ въ кронштадтскомъ театрѣ. Когда онъ былъ главнымъ командиромъ въ Кронштадтѣ, театръ тамъ былъ холодный, деревянный, похожій скорѣе на балаганъ. Вскорѣ послѣ него театръ сторѣлъ, и новый главный командиръ Козакевичъ началъ серьезно хлопотать о постройкѣ новаго, каменнаго театра. Послѣ большихъ усилій и хлопотъ, въ которыхъ и я ему помогалъ, ему удалось при содѣйствіи Краббе устроить это дѣло. Нашелся подрядчикъ, который построилъ его при условіи платежа по 5 тысячъ рублей въ годъ, а казна дала обѣщаніе уплачивать эту сумму въ теченіе условленнаго числа лѣтъ. Театръ построили, труппа набрана, и пред-

ставленія открыты. Успѣхъ театра былъ такъ великъ, что главный командиръ положительно приписывалъ существованію его уменьшеніе числа скандаловъ среди офицеровъ. Деньги береглись ими для спектаклей по вечерамъ зимою, когда офицерству нечего дѣлать, всѣ собирались въ театръ; все это въ формѣ, при кортикахъ и передъ глазами начальства. При управленіи Лесовскаго мнѣ приходилось выдавать нѣкоторыя суммы на театръ. Эти мои доклады постоянно встрѣчались чуть не со скрежетомъ зубовъ. Помню, одинъ разъ это нерасположеніе Лесовскаго къ театру спасло меня отъ очень непріятной большой и бесполезной работы.

Какъ всякій новый начальникъ, и онъ имѣлъ въ виду дѣлать преобразованія, которыя были бы основаны на его началахъ.

Какъ-то, когда я, въ присутствіи нѣсколькихъ дѣлопроизводителей, докладывалъ ему о ходатайствѣ главнаго командира Черноморскаго флота относительно ассигнованія ему дополнительныхъ на что-то суммъ, вдругъ Лесовскій остановилъ докладъ такимъ разсужденіемъ: «Это ни на что не похоже; мы только тратимъ время на бесполезную переписку. По-моему, надо дѣлать такъ: въ началѣ года ассигновать каждому порту такую-то сумму, и пусть онъ дѣлаетъ, что нужно, но уже не смѣй болѣе просить и чтобы все было хорошо, а если дурно, то къ отвѣтственности его! Вотъ вы, Константинъ Александровичъ, занялись бы составленіемъ проекта на подобныхъ основаніяхъ. Такъ было при Грейгѣ и Лазаревѣ въ Черномъ морѣ». Я возразилъ, что то время было другое, что тогда не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ; приказанія не могли передаваться такъ скоро, какъ теперь; что всякое военное управленіе требуетъ сосредоточенія и единства, что морской министръ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ нуждамъ портовъ, а когда будутъ розданы всѣ деньги, ему не съ чѣмъ будетъ явиться на помощь такой нуждѣ, если она возникнетъ послѣ такой раздачи въ какомъ-нибудь портѣ; что карательныя мѣры его не могутъ утѣшить, ибо ему нужно, чтобы дѣло шло, а не то, чтобы дѣлать выговоры такому-то адмиралу... Мои аргументы не подѣйствовали, и я оканчивалъ докладъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, зная, что передо мною бесполезная работа, которая никогда не пройдетъ свыше. Вдругъ мнѣ пришла счастливая мысль. Когда разошлись дѣлопроизводители, я поднялъ этотъ вопросъ вновь и, между прочимъ, сказалъ: «А что вы думаете, при подобномъ самовластіи каждый главный командиръ не воспользуется этимъ, чтобы устроить у себя въ портѣ театръ? По крайней мѣрѣ за Аркаса я ручаюсь: онъ это непременно сдѣлаетъ у себя въ Николаевѣ». Лесовскій схватилъ меня за руку такъ больно, что я едва не закричалъ. «А что, вѣдь, вы совершенно правы»,—воскликнулъ онъ, и проектъ былъ похороненъ прежде своего рожденія.

Порядокъ управленія министерствомъ со стороны Лесовскаго былъ самый курьезный. Исходя опять отъ прекраснаго начала, что онъ долженъ все самъ знать и всему давать направленіе, онъ прочитывалъ все входящія бумаги отъ начала до конца и при этомъ клалъ множество резолюцій. Но такъ какъ эти резолюціи клались безъ предварительной справки въ законахъ о дѣлахъ, то выходило Богъ вѣсть что. Такую испещренную бумагу онъ передавалъ первому попавшемуся ему на глаза чиновнику или даже какому-нибудь адмиралу или офицеру, если послѣдніе соприкасались къ дѣлу. Такимъ образомъ, бумаги расползались по всевозможнымъ угламъ, и до меня нерѣдко доходило дѣло или совершенно уже рѣшенное только для того, чтобы уплатить деньги, или для того, чтобы его распутать, потому что вслѣдствіе неправильнаго направленія и работы неумѣлыхъ рукъ оно гдѣ-нибудь останавливалось на полдорогѣ. Иногда Лесовскій, вмѣсто того, чтобы пускать такимъ образомъ въ оборотъ бумаги, самъ пускался въ обращеніе и начиналъ ни съ того, ни съ сего рыскать по разнымъ учрежденіямъ, министерскимъ и портовымъ, по заводамъ, отдавая изустныя приказанія. Я рѣшительно возсталъ противъ подобнаго отклоненія дѣлъ отъ обыкновеннаго ихъ теченія. Я объяснялъ ему, что при существованіи въ морскомъ министерствѣ бюджета, ограниченнаго нормальной суммой, я — отвѣтственное лицо передъ управляющимъ министерствомъ и великимъ княземъ за то, чтобы министерство не обанкротилось, и при этомъ условіи я долженъ знать, что дѣлается въ министерствѣ и при разрѣшеніи мѣры меня должны спрашивать, имѣются ли на нее средства. Равнымъ образомъ болѣе чѣмъ полезно, чтобы директоръ канцеляріи зналъ виды управляющаго министерствомъ и великаго князя въ отношеніи направленія дѣлъ. При такомъ только условіи его справки въ дѣлахъ и самое ихъ изложеніе могутъ быть и правильны и полны. Самъ управляющій министерствомъ не можетъ всего помнить, у директора же канцеляріи подъ начальствомъ дѣлая канцелярія. Краббе называлъ меня во всеуслышаніе правой своей рукой и совершенно справедливо. Директоръ долженъ быть такою правой рукой; если же къ нему имѣется недоувѣріе, то не слѣдуетъ держать такого директора. Мои требованія не преувеличенныя, потому что я прошу не участія въ рѣшеніи дѣлъ, но лишь того, чтобы прежде рѣшенія у меня брали справку и давали мнѣ знать, что дѣлается. Лесовскій откровенно мнѣ высказался, что онъ не желаетъ, чтобы о немъ говорили то же, что о Краббе. «Знаете, что говорятъ о Краббе? Что министерствомъ управляетъ не онъ, а вы. И знаете, кто это говоритъ? Самъ великій князь Алексѣй Александровичъ». Я не могъ удержаться отъ улыбки. «Помилуйте, Степанъ Степановичъ! Да о какомъ же неглупомъ секретарѣ не говорятъ того же?—сказалъ я.—Великій князь еще маль-

чикъ, общество его состоитъ изъ такихъ же мальчиковъ-мичмановъ, которые мало знаютъ,—можно ли ихъ слушать!» Тѣмъ не менѣе результатомъ этого объясненія было лишь то, что меня начали спрашивать по тѣмъ бумагамъ, гдѣ именно упоминалось о какой-нибудь суммѣ; другія же мѣры, гдѣ расходъ являлся только результатомъ ихъ принятія, продолжали зачастую проходить помимо меня, если, впрочемъ, кому-нибудь изъ лицъ, мнѣ подчиненныхъ или меня боящихся, не удавалось перехватить бумагу изъ рукъ Лесовскаго. Дѣла по счетоводству, дѣла по улучшенію морского законодательства встрѣчали болѣе чѣмъ равнодушіе съ его стороны. «Скажите мнѣ,—вскрикивалъ онъ:—что Фаругуть, Нельсонъ, нашъ Нахимовъ побѣждали вашими книжками законодательства?... Нѣтъ, милостивый государь, кораблями и пушками!» Я защищалъ свое положеніе, сколько было можно. Если бы Лесовскій былъ окончательно назначенъ управляющимъ министерствомъ, я непременно удалился бы изъ министерства или по крайней мѣрѣ оставилъ бы свое мѣсто. Но Краббе долженъ былъ еще возвратиться въ министерство, а онъ на меня надѣялся болѣе, чѣмъ на кого-нибудь, что я поддержу порядокъ, хотя въ главныхъ чертахъ. Въ такомъ положеніи дѣла я рѣшился не обращать особеннаго вниманія на резолюціи и слова Лесовскаго: иногда эти резолюціи оставались мною безъ послѣдствій, иногда исполнительныя бумаги писались не такъ, какъ онъ предназначалъ (и онъ ихъ подписывалъ), иногда дѣлалъ распоряженія отъ имени канцеляріи въ полной увѣренности, что, если бы меня потребовали къ отвѣту, и Краббе, и великій князь меня оправдали бы. Это было мнѣ тѣмъ болѣе легко, что масса министерскихъ дѣлъ рѣшительно затопила мозгъ Лесовскаго, и онъ забывалъ на другой день приказанія, данныя наканунѣ, или преисправно ихъ путалъ.

Какихъ громадныхъ трудовъ стоило Краббе собрать «расшатавшую храмину» морского управленія! Настойчивыми, послѣдовательными усиліями, соединенными съ борьбой и непріятностями, ему удалось все управленіе сосредоточить въ своихъ рукахъ. Всѣ обращались къ нему, а онъ одинъ и тѣ лица, которыхъ онъ назначалъ, были докладчиками великому князю и при томъ только тѣхъ дѣлъ, которыя онъ признаетъ необходимымъ быть доложенными. При Лесовскомъ эта «храмина» скоро дала трещины, и оттуда поползли къ великому князю всякіе интриганы, всѣ, кому хотѣлось выказаться. Съ другой стороны, отъ великаго князя, съ Олимпа, начали дѣлать вылазки къ намъ его адъютанты: то Ухтомскій, то Сѣмечкинъ, то Кирѣевъ. Самъ Лесовскій не рѣшался ни на что сколько-нибудь серьезное безъ предварительнаго согласія великаго князя и превратился скоро въ простаго его секретаря. Великому князю это было очень пріятно. Онъ былъ въ это время свободенъ, ибо было лѣто, а слѣдовательно засѣданія Государ-

стеннаго совѣта и разныхъ комитетовъ и комиссій его не отвлекали. Его острый умъ не затруднялся находить скоро резолюціи, а отсутствіе дядьки Краббе давало ему возможность не стѣсняться выборомъ этихъ резолюцій. Вокругъ Лесовскаго происходило шмыганіе на Олимпъ и обратно, а онъ съ аптекарскими своими вѣсами былъ занятъ наблюденіемъ, какъ бы не покачнуть чашечку въ какую-нибудь сторону и не нарушить предоставленной каждому лицу и каждой должности степени власти. Въ это время предсѣдателемъ строительнаго отдѣленія морского технического комитета былъ баронъ Тизенгаузенъ (Краббе называлъ его: баронъ Тифенхозенъ). Съ розовыми щеками, съ сладенькими глазами, съ медоточивымъ языкомъ онъ соединялъ малыя познанія по своей части, громадное хвастовство и умѣніе присваивать себѣ чужія работы. Онъ писалъ стихи. Такъ, онъ написалъ по-нѣмецки стихи на 25-лѣтній свадебный юбилей другаго нѣмецкаго барона, директора инспекторскаго департамента барона Таубе. Какъ-то я засталъ барона Тизенгаузена докладывающимъ Лесовскому. Онъ сильно лгалъ, ссылаясь на полученное согласіе Аркаса въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ подобнаго согласія не могло быть. Когда онъ ушелъ, я сказалъ Лесовскому, что баронъ лжетъ. «Я не могу не вѣрить директору или предсѣдателю, когда онъ докладываетъ»,—отвѣчалъ онъ съ запальчивостью и далъ ходъ дѣлу. Я оказался правъ. Аркасъ обидѣлся, что дѣло (опредѣленіе офицеровъ) сдѣлано помимо него, не принявъ присланнаго ему офицера, и потомъ едва дѣло уладили. Формально Лесовскій поступилъ правильно: чашечки вѣсовъ онъ не наклонилъ противъ Тизенгаузена¹⁾. Многія, многія личности являлись ко мнѣ, чтобы я не помѣшалъ имъ провести дѣло такъ, какъ они желаютъ, вполне увѣренныя, что съ Лесовскимъ они сладятъ. Даже великій князь Алексѣй Александровичъ какъ-то пригласилъ меня къ себѣ, чтобы уговорить объ ассигнованіи на постройку казармъ гвардейскаго экипажа побольше суммы. Онъ жилъ тогда въ Зимнемъ дворцѣ на самомъ верху и занималъ угольныя комнаты, выходящія на набережную и разводную площадку. При Краббе онъ этого не сдѣлалъ бы.

Мое положеніе было очень непріятное и тяжелое. Громадная работа, усложнявшаяся еще необходимостью писать всеподданнѣй-

¹⁾ Какъ-то Краббе спросилъ барона Тизенгаузена, родственникъ ли онъ тѣмъ, которые просто носятъ фамилію Тизенгаузеновъ. Онъ отвѣчалъ, что онъ находится съ ними въ дальнемъ родствѣ, и гербъ у нихъ одинъ—быкъ, но съ маленькимъ измѣненіемъ. Одинъ изъ Тизенгаузеновъ былъ любовникомъ шведской королевы Христины, и она дала ему баронскій титулъ. Фаворитъ просилъ, чтобы его отличили и въ гербѣ. Тогда королева повелѣла, чтобы у барона въ гербѣ хвостъ у быка былъ поднять, а у другихъ Тизенгаузеновъ быкъ оставался съ опущеннымъ хвостомъ. «У насъ въ гербѣ,—не безъ гордости прибавилъ въ заключеніе баронъ Тизенгаузенъ,—быкъ съ поднятымъ хвостомъ».

нѣйшій отчетъ за четыре года, когда некому было писать, кромѣ меня, такъ какъ никто такъ хорошо не зналъ общей связи дѣлъ, какъ я, не облегчалась, какъ прежде, сочувствіемъ тому, что дѣлалось въ министерствѣ, и не вознаграждалось довѣріемъ ко мнѣ со стороны лица, стоявшаго во главѣ его. Необходимость дѣйствовать иногда вопреки высказаннымъ этимъ лицомъ желаніямъ также была не-пріятна, и я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія Краббе, пившаго воды за границей, чтобы самому уѣхать въ Архангельскъ и такимъ образомъ поудалиться отъ дѣлъ, а потомъ снова хлопотать о переводѣ въ адмиралтействъ-совѣтъ. По пріѣздѣ моемъ осенью въ Петербургъ дѣла приняли не лучшей, а худшей для меня оборотъ. Краббе осенью захворалъ, а именно произошла закупорка венъ на ногахъ, и открылись раны, причинявшія ему большія страданія. Пріѣхавъ больнымъ изъ Севастополя, гдѣ онъ надѣялся окончательно поправить свое здоровье, онъ слегъ въ постель. Лесовскій снова вступилъ въ управленіе министерствомъ, но съ тѣмъ различіемъ, что Краббе былъ налицо и въ минуты, когда боль утихала, интересовался дѣлами. Мое положеніе было крайне ложное. Говорить Краббе противъ Лесовскаго я не хотѣлъ, а потому дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію еще больше, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ надо мною очутились три власти: утромъ доклады у великаго князя (хотя и не каждый день), потомъ съ докладомъ къ Краббе, послѣ—въ канцелярію, гдѣ принималъ доклады Лесовскій. Вечеромъ три-четыре раза въ недѣлю у Краббе до 8 часовъ; въ 9 онъ ложился спать, но въ это именно время вставалъ отъ послѣобѣденнаго сна Лесовскій, и нерѣдко приходилось ѣхать къ нему. Осенью же стряслась надо мной большая бѣда: моя сестра, которую я такъ люблю, должна была оставить мужа, который подъ вліяніемъ сумасшествія или подлаго расчета (еще до сихъ поръ не рѣшено) выгналъ ее съ дѣтьми изъ дома, обѣщавъ давать деньги на содержаніе, но не давалъ и въ свое оправданіе распространялъ повсюду самыя гнусныя клеветы относительно своей жены. Все это довело меня до того, что у меня открылись частыя мигрени. Одинъ приступъ былъ такъ силенъ, что я почти двое сутокъ находился безъ памяти. Работа становилась для меня тяжела до невозможности, и я снова началъ просить уволить меня отъ директорства и дать мнѣ, если возможно, аренду, а, если нельзя, то и безъ нея. Я былъ въ такомъ положеніи, что боялся, какъ бы со мной не сдѣлался ударъ или я не сошелъ съ ума, если буду продолжать работать попрежнему. Краббе, принявшій сердечное участіе въ моихъ домашнихъ обстоятельствахъ, въ ноябрѣ сказалъ мнѣ, что сперва надо для меня выхлопотать аренду, такъ какъ дать ее члену адмиралтействъ-совѣта будетъ трудно, что въ Новомъ году онъ надѣется мнѣ дать аренду, а тамъ посмотреть насчетъ совѣта. Я такъ былъ утомленъ и физически, и нравственно, что

меня даже не радовало подобное обѣщаніе, хотя объ арендѣ я всегда раньше мечталъ. Но одно счастливое обстоятельство помогло устроиться моимъ дѣламъ такъ, какъ я именно желалъ.

VII.

Характеристика адмирала Н. К. Краббе.—Артистка Абаринава и отношеніе къ ней Краббе.—Краббе въ отношеніяхъ къ театральнымъ властямъ.—Д. М. Леонова.—Скандалъ съ Абариновой и хлопоты Краббе.—Его болѣзнь.—Назначеніе автора членомъ адмиралтействъ-совѣта.

Прежде, чѣмъ разсказывать дальше, считаю необходимымъ нѣсколько оговориться. Я очень многимъ обязанъ Краббе и искренно его любилъ за его постоянную ко мнѣ доброту въ теченіе 15 лѣтъ. Между тѣмъ мнѣ приходится говорить объ его слабостяхъ. Хорошо ли это? Совѣсть и сердце мнѣ говорятъ, что мнѣ не слѣдуетъ останавливаться. По всей вѣроятности, мои записки никѣмъ не будутъ прочтены, кромѣ меня. Я пишу ихъ только для себя: время проходитъ, событія быстро смѣняются, люди исчезаютъ. Моя память уже слабѣетъ теперь. Что же будетъ съ нею черезъ десятокъ лѣтъ? Приятно будетъ вспомнить на старости прошлое, перелистывая это воспоминаніе. Но, если бы даже эти записки и увидѣли когда-либо свѣтъ Божій? Великую ли я сдѣлаю услугу Краббе, написавъ ему панегирикъ? Кто же повѣритъ, что онъ не имѣлъ слабостей? Вѣдь онъ человѣкъ. Постараюсь только, чтобы мое описаніе было фотографически вѣрное, а дѣятельность его сама за себя постоитъ. Увидать только, что, кромѣ управляющаго министерствомъ, онъ былъ и человѣкомъ. То же самое я долженъ сказать и о великомъ князѣ. Ему также нечего бояться правды.

Есть пословица: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. Эта пословица какъ нельзя лучше примѣнима къ Краббе. Въ 60 лѣтъ онъ влюбился такъ, какъ влюбляются развѣ мичманы. Въ лѣта первой моей юности, еще въ университетскую пору или даже ранѣе, когда мы жили въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Владимірова, у нашей сосѣдки Любови Степановны Сироватко воспитывалась дѣвочка, которую мы всѣ звали «Ташенька», по фамиліи Абаринава. Она приходила брать уроки, а иногда и гостила. Она была хорошенькая и бойкая. Смутно помню, что разсказывали что-то о жестокомъ обращеніи ея матери съ крѣпостными людьми. Я уѣхалъ въ Петербургъ и совершенно потерялъ изъ виду эту дѣвочку, но черезъ нѣсколько лѣтъ вспомнилъ о ней: она пѣла въ московской итальянской оперѣ контральтовый партіи подъ фамиліей Реджи. Опять исчезла и года три тому назадъ явилась на русской сценѣ въ Петербургѣ подъ своей фамиліей (Абаринава) въ оффенбаховскихъ опереткахъ. Разсказывали, что она вышла замужъ, но мужъ-негодяй ее оставилъ и она

работаетъ для двухъ своихъ дѣтей, чтобы обезпечить ихъ существованіе. Она имѣла очень большой успѣхъ. У нея былъ весьма большой талантъ для игры, и хотя голосъ весьма посредственный, но она умѣла пѣть куплеты съ большимъ чувствомъ и огнемъ. Въ игрѣ ея не было ничего непристойнаго, она нисколько не шаржировала своихъ ролей. Оперетка Оффенбаха «Птички пѣвчія» собирала полный театръ, когда она пѣла, не только въ Александринскомъ театрѣ: оперетку даже перенесли на Маріинскую сцену,—такъ она много привлекла публики. Краббе началъ посѣщать русскій театръ, куда прежде почти совсѣмъ не ѣздилъ, каждый разъ, когда пѣла Абаринаова. «Что, почтеннѣйшій Николай Карловичъ?—сказала какъ-то разъ ему за кулисами Александринскаго театра мой другъ Александра Матвѣевна Читау (Огарева), которой до всего дѣло.—Сердечко задѣли у васъ: такъ часто къ намъ жалуете?»—«Повѣрьте, любезнѣйшая Александра Матвѣевна,—отвѣтилъ, не запинаясь, Краббе:—кромѣ Манна, у меня ничего нѣтъ на сердцѣ».

Однако это было не такъ: сердце дѣйствительно было сильно задѣто. Тщетно онъ увѣрялъ людей близкихъ, что все дѣлается для дѣтей несчастной женщины, оставленной мужемъ, что тутъ доброе дѣло, что она удивительная мать, образецъ всѣхъ добродѣтелей. Дѣло было не въ томъ, и, какъ человѣкъ, всегда и во всемъ—въ дѣлахъ, въ бездѣльѣ ли—не знающій середины, всегда отдающійся душой и тѣломъ, Краббе отдался этой страсти весь. И Боже мой! Сколько хлопотъ, сколько хитростей пришлось пускать ему въ ходъ, чтобы вести это сердечное дѣло! Можно себѣ вообразить, что произошло, когда министр, который прежде почти нигде и никогда не выѣзжалъ изъ дому, какъ на службу, въ театръ и на охоту, который не имѣлъ опредѣленныхъ часовъ для пріема докладовъ, двери кабинета котораго были открыты во всякое время дни и ночи безъ доклада, вдругъ началъ исчезать! Мы съ портфелями забѣгали, какъ муравьи въ разоренномъ муравейникѣ. «Гдѣ Николай Карловичъ? скоро ли пріѣдетъ?» спрашивали мы курьеровъ и камердинеровъ. «Неизвѣстно. Изволили уѣхать къ такому-то министру», былъ наиболѣе обыкновенный отвѣтъ, и много такимъ образомъ именъ министровъ было употреблено курьерами все, но всѣхъ болѣе имя графа Адлерберга, министра двора. Мы, какъ истые муравьи, примѣнились къ обстоятельствамъ, начали улавливать Краббе при новыхъ его обстоятельствахъ, и дѣла пошли своимъ чередомъ. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь, и скоро всѣ, кого интересуютъ подобнаго рода новости, а имя имъ легіонъ, т. е. чуть чуть не весь городъ, уже говорили о несчастной страсти Краббе. Другой мой театральнй пріятель, скрипачъ Григоровичъ, котораго еще болѣе, чѣмъ А. М. Читау, касались всѣ театральныя сплетни, и который при этомъ имѣетъ

талантъ быть общимъ повѣреннымъ по интимнымъ дѣламъ за кулисами и въ оркестрѣ, какъ-то принялся мнѣ говорить на эту тему. Я, само собою разумѣется, отвѣчалъ, что ничего не знаю. «Ну, полноте, весь городъ это знаетъ. У насъ, изъ оркестра, видны и ваши матросы, которые сажаются клакерами. Какъ вы имъ не дадите весель въ руки, чтобы они дѣлали честь Абариновой, когда она выходитъ на сцену?» У Григоровича глаза удивительные, а музыкальный талантъ его такъ великъ, что игра оркестра не мѣшаетъ ему глазѣть по сторонамъ. Кромѣ того, повторяю, онъ все знаетъ, что происходитъ въ театрѣ. Поэтому его слова относительно клакеровъ, можетъ быть, и справедливы. По крайней мѣрѣ мнѣ всегда казалось подозрительнымъ, что командиръ флотскаго экипажа, Важеновъ, что-то сдѣлался уже слишкомъ ревностнымъ посѣтителемъ тѣхъ представленій русской оперы, когда пѣла Абаринова, и то и дѣло бродилъ по верхнимъ ярусамъ. Съ своей стороны не знаю, доходило ли дѣло до такихъ официальныхъ клакеровъ, но что Краббе чрезвычайно поддерживалъ Абаринову, это мнѣ было положительно извѣстно.

Меня всегда удивляло необыкновенное искусство Краббе вести дружбу со всѣми театральными властями всѣхъ инстанцій, хотя бы эти инстанціи были между собою въ такомъ же ладу, какъ кошка съ собакой. Краббе былъ сперва большимъ балетоманомъ; потомъ, когда сформировалась въ Петербургѣ порядочная русская опера, онъ сталъ посѣщать ее, а затѣмъ, по впечатлѣнію сердца, пристрастился и къ опереткамъ. И все это онъ смотрѣлъ и слушалъ за весьма малыми исключеніями въ директорской ложѣ, помѣщаясь тамъ въ окнѣ, выходящемъ на сцену, т. е. занимая лучшее мѣсто. Ему были доступны и спектакли театральнаго училища, дававшіеся Великимъ постомъ, на которыхъ пробовались таланты воспитанниковъ и воспитанницъ, особенно по танцевальной части, куда, кромѣ высочайшихъ особъ, почти никто не допускался. Былъ директоромъ графъ Борхъ, потомъ Геденовъ (не помню при Сабуровѣ), Краббе все на своемъ мѣстѣ. Какъ онъ это устраивалъ, непонятно! Положимъ, инспектора репертуарной части Павла Степановича Ѳедорова, великаго искусника держаться на своемъ мѣстѣ при всѣхъ перемѣнахъ директоровъ, несмотря на то, что каждый новый директоръ даетъ себѣ обѣщаніе его выгнать, какъ взяточника,—Краббе окончательно склонилъ на свою сторону, выхлопотавъ ему аренду чрезъ посредство своего друга, бывшаго министра государственныхъ имуществъ Зеленого. Тутъ крѣпкая денежная связь. Но почему съ нимъ хо рошъ Геденовъ, не терпящій могущественнаго контролера министерства двора барона Кистера и министра двора графа Адлерберга, Кистеръ, не терпящій Геденова, Адлербергъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ людей имперіи? На мой вопросъ какъ-то по

этому предмету Краббе отвѣчалъ: «Я ласковъ со всѣми, каждому не прочь услужить, слушаю всѣхъ, когда они другъ на друга жалуются, но не сплетничаю». Съ своей стороны, прибавлю: веселый нравъ Краббе, безчисленное множество анекдотовъ, имъ интересно рассказываемыхъ, услуги въ видѣ предоставленія своего парохода «Нева» для прогулокъ этихъ лицъ, предоставленіе помѣщеній въ адмиралтействѣ, чтобы писать декорации, опредѣленіе по ихъ просьбѣ на разныя должности чиновниковъ, медиковъ, офицеровъ. Краббе умѣлъ приобретать расположеніе и между своими товарищами въ Государственномъ Совѣтѣ и комитетѣ министровъ и между охотниками, съ которыми онъ охотился въ окрестностяхъ Петербурга. Канцлеръ князь Горчаковъ чувствовалъ нѣжную дружбу къ Краббе и не могъ жить безъ его анекдотовъ. Мой братъ рассказывалъ, что когда въ Государственномъ Совѣтѣ распространилось извѣстіе, что съ Краббе ударъ, всѣ душевно его сожалѣли. Какъ же ему было не снискать дружбы въ театральномъ мірѣ, который интересовалъ его? Какъ бы то ни было, Краббе считался актерами и актрисами самымъ сильнымъ человекомъ въ театрѣ, какъ мнѣ говорила А. М. Читау. И вотъ вся эта сила была двинута въ дѣло, чтобы получше устроить Абаринуву.

Дѣйствительно, дѣла ея устроились какъ нельзя лучше. На русской оперной сценѣ партіи вторыхъ контральто уже много лѣтъ исполняла Дарья Михайловна Леонова. Собственно говоря, она не получила никакого музыкальнаго образованія, ибо нельзя называть музыкальнымъ образованіемъ то, которое давалось въ театральномъ училищѣ около 50-хъ годовъ. Она пѣла въ носъ, пѣла съ тѣмъ завываніемъ, съ которымъ поютъ цыганки или наши крестьянки на жнитвѣ. Но у нея былъ хорошій контральтовый голосъ, недурной сценической талантъ и очень много страсти. Последняя была не плодомъ искусства и изученія, но составляла вторую ея натуру: Леонова въ частной жизни была очень свободныхъ нравовъ и не отказывала въ своей благосклонности искаателямъ. Можетъ быть, это естественное проявленіе страсти и въ пѣніи, особенно въ пѣніи русскихъ пѣсенъ и романсовъ, болѣе всего и содѣйствовало популярности Дарьи Михайловны. Она была извѣстна во всей Россіи не только по фамиліи, но и по имени и отчеству, и концерты ея въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи всегда имѣли успѣхъ. Около 1873 г. она находилась въ апогеѣ славы. Въ это время поставлена была послѣдняя опера Стрובה «Вражья сила», которую можно назвать не только народною, но и простонародною. Атмосфера водки окружаетъ эту оперу отъ перваго акта до послѣдняго, присутствіе ея слышится повсюду, въ первоклассныхъ музыкальныхъ красотахъ, въ самыхъ драматическихъ сценическихъ и музыкальныхъ моментахъ. Леонова, исполнявшая роль содержательницы

постоялаго двора, была въ уровень съ задачей. Толстая, круглая, съ типическимъ русскимъ лицомъ, она окрасила себѣ носъ красной краской и чрезвычайно правдиво передавала ухватки русской разухабистой бабы. Она весело исполняла свою роль и пѣла свою партію своимъ безыскусственнымъ способомъ, какъ всегда пѣла. Но на этотъ разъ неумѣлый способъ пѣнія былъ близокъ къ натурѣ представляемаго лица, и успѣхъ Леоновой былъ очень великъ. Ей громко аплодировали, и даже многіе ставили ее въ примѣръ Лавровской, прекрасной пѣвицѣ, исполнявшей въ той же оперѣ роль Груни, исполнявшей не только высокоталантливо, но и по всѣмъ правиламъ музыкальнаго искусства. «Развѣ это русскую дѣвушку исполняетъ Лавровская? Она поетъ какъ барышня. Взяла бы примѣръ съ Леоновой», говорили они. Или, другими словами: зачѣмъ возводить русскую пѣснь и русское пѣніе до степени искусства? низведи лучше эту пѣснь и пѣніе до подражанія способу пѣнія любой бабы въ деревнѣ. И послѣ такого блестящаго успѣха вдругъ распространяется извѣстіе, что Леонова не ангажирована вовсе, что вмѣсто нея поступаетъ Абаринова. А. А. Краевскій пылаетъ негодованіемъ въ «Голосѣ»; другія газеты тоже; дѣлаются намеки на постороннее вліяніе, на интриги ¹⁾.

Мнѣ не извѣстно, какъ велико было вліяніе Краббе въ этомъ дѣлѣ, но оно было несомнѣнно; и, рассказывая мнѣ послѣ объ этомъ ангажементѣ, онъ мнѣ прямо выразился, что радъ, что устроилъ это дѣло. Устроено же оно было отлично для Абариновой. Она перешла на сцену Маріинскаго театра съ жалованьемъ въ 3 тысячи рублей и бенефисомъ, а за каждое представленіе въ Александринскомъ театрѣ въ опереткахъ получала, кромѣ того, по 50 рублей. По расчетамъ Краббе, все это должно было дать ей отъ 6 до 7 тысячъ рублей въ годъ.

Начались новыя хлопоты о достойномъ, т. е. выгодномъ прощаніи Абариновой со сценой Александринскаго театра. Остановились на самой интересной въ то время новости, на опереткѣ Леккока «*La fille de m-me Angot*». Эта оперетка выдержала громадное число представленій въ Парижѣ, обошла сцены городовъ, гдѣ имѣются французскіе театры, была дана въ Петербургѣ въ Михайловскомъ театрѣ и повсюду имѣла большой успѣхъ. Ее начали уже переводить на другіе языки, мотивы напѣвались всюду и, само собою разумѣется, въ Петербургѣ (какъ же намъ отстать?!¹⁾) наигрывались на шарманкахъ. Какъ-то пойдеть эта оперетка въ Александринскомъ театрѣ, какъ переведутъ такое-то

¹⁾ Леонова, изгнанная со сцены Маріинскаго театра, отправилась давать концерты въ провинціи, проѣхала всю Сибирь, останавливалась съ этою цѣлью въ разныхъ городахъ и потомъ переехала въ Японію, которая въ это время только что вступила на путь преобразованій. Она была, кажется, первая европейская пѣвица, которая давала концерты въ этой странѣ.

мѣсто, какъ передадутъ такое-то положеніе?—сдѣлалось едва ли не вопросомъ дня въ Петербургѣ, и эту оперетку, перекрещенную въ «Дочь рынка», отдали въ бенефисъ Абариновой! Мнѣ прислали чрезъ директора канцеляріи морского министерства билетъ въ 1-й рядъ кресель, за который пришлось заплатить 25 руб. Самъ Краббе предложилъ мнѣ подписаться на подарокъ бенефицианткѣ, и я подписалъ тоже 25 рублей. Въ день представленія Александринскій театръ былъ полонъ. Краббе по обыкновенію въ директорской ложѣ, великіе князья Константинъ и Николай Николаевичи въ боковой императорской. Градоначальникъ Треповъ сіялъ во всѣхъ звѣздахъ, поклонники Абариновой всѣ были на своихъ постахъ, рецензенты газетъ—тоже. Оперетка шла скверно по той простой причинѣ, что исполнялась актерами и актрисами, у которыхъ за немногими исключеніями не было и признаковъ голосовыхъ средствъ. Бенефициантка, о силѣ и могуществѣ которой въ театральномъ мірѣ, благодаря могущественному покровительству, ходили уже нѣсколько времени въ публикѣ слухи, можетъ быть, преувеличенные, не пользовалась уже прежнимъ расположеніемъ публики, вызывала аплодисменты довольно не дружные, хотя и громкіе, потому что приверженцы ея и Краббе удвоили свои силы. Послѣ второго акта подали ей цѣнный подарокъ. Оставалось уже очень немного, чтобы спектакль окончился благополучно и Абаринова начала получать свои 50 рублей поспектакльныхъ за исполненіе оперетокъ, т. е. соединила въ своемъ владѣніи двѣ сцены, какъ третій актъ испортилъ все дѣло. Въ этомъ актѣ есть дуэтъ пикантнаго свойства, основанный на перебранкѣ и рѣзкой жестикуляціи двухъ молодыхъ торговокъ. Одну изъ этихъ торговокъ, «дочь рынка», изображала Абаринова, а другую—Чернявская. Артистки поютъ свои куплеты вперемежку, одна за другой. Чернявская выкидывала болѣе пикантныя штуки, чѣмъ Абаринова, и публика, уже не расположенная въ послѣдней, разразилась громкими рукоплесканіями, когда Чернявская окончила свой куплетъ и требовала, чтобы она одна его повторила. Абаринова приняла вызывающую позу противъ публики и, когда вслѣдствіе этого началось шиканье, плюнула по направленію публики. Въ театрѣ раздались крики негодованія, шиканье, свистки, и оперетку едва могли кое-какъ окончить. Сколько было страданій бѣдному Николаю Карловичу во время спектакля, сколько хлопотъ послѣ, чтобы въ газетахъ отнеслись снисходительнѣе къ такой выходкѣ его предмета обожанія! Оба газетныхъ рецензента, находившіеся на службѣ въ морскомъ вѣдомствѣ: Раппопортъ, исполнявшій должность директора кронштадтскаго театра и писавшій театральныя рецензіи въ газетѣ, издававшейся тогда будущимъ сербскимъ героемъ Черняевымъ, въ «Русскомъ Мірѣ», и Вильде, занимавшій должность переводчика въ канцеляріи морского министерства

и писавшія также рецензіи въ газетѣ «Голосъ», были призваны на совѣщаніе къ Краббе. Кое-какъ успѣли смягчить, но все-таки скандалъ былъ разсказанъ въ газетахъ съ болѣе или менѣе сильными комментаріями. Во всякомъ случаѣ дорожка въ Александринскій театръ запала для Абариновой: она не смѣла болѣе появляться въ опереткахъ и не безъ страха пѣла въ первый разъ въ оперѣ. Сильно боялась шиканья, но дѣло обошлось довольно благополучно. Были шикальщики, но немного, когда Абаринова выступила въ роли содержательницы постоялаго двора въ оперѣ Сѣрова «Вражья сила». Въ талантѣ ей никакъ нельзя отказать, и она исполнила свою роль очень хорошо. Но этимъ хлопоты Краббе еще не кончились. Потребовалось Абариновой брать уроки у знаменитой парижской пѣвицы, Віардо-Гарсія; нужно было устроить хорошій оперный бенефисъ. Все это исполнено: уроки брались, по всей вѣроятности, не безъ участія кошелька Краббе, для бенефиса дали оперу Сѣрова «Юдиѳъ», возобновенія которой публика давно ожидала, дали въ отличное время для сборовъ, въ разгаръ сезона. Однимъ словомъ, сдѣлано болѣе, чѣмъ возможно, и въ результатѣ была, какъ говорили, черная неблагодарность пѣвицы, полнѣйшій разладъ между покровителемъ и ею. Я не былъ посвященъ въ интимную суть сердечнаго дѣла моего начальника, но разсказывали, что она не хотѣла удалить какого-то господина, къ которому покровитель ее ревновалъ, напротивъ того..... Все это самымъ неблагопріятнымъ образомъ подѣйствовало на здоровье бѣднаго Краббе, и безъ того еще не оправившагося отъ удара, и люди, любящіе его, искренно его сожалѣли. Не удержавъ за собою поля битвы, онъ рѣшился дѣйствовать при помощи великодушія и доказать на дѣлѣ, что любовь его выше всякой неблагодарности. Прекративъ, говорятъ, свиданія съ предметомъ своей страсти, онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, всякое желаніе Абариновой считалъ для себя закономъ; вспоминая то, чего она когда-либо желала, о чемъ когда-либо просила, онъ старался исполненіемъ этого напомнить о себѣ. Въ числѣ такихъ ея желаній было когда-то желаніе ея видѣть своего родственника М. на хорошемъ мѣстѣ. Этотъ М. былъ чиновникомъ особыхъ порученій при государственномъ контролѣ и пользовался тамъ репутаціей дѣльца по счетной части. Онъ мечталъ быть директоромъ канцеляріи контроля, но Грейгъ, сдѣлавшійся государственнымъ контролеромъ, опредѣлилъ на это мѣсто дѣлопроизводителя канцеляріи морского министерства, интимно ему знакомаго, Мицкевича. М. считалъ себя очень обиженнымъ, и вывести его изъ этого непріятнаго положенія значило очень угодить Абариновой. Въ ноябрѣ я какъ-то пріѣхалъ съ докладомъ къ Краббе. Между дѣлами онъ мнѣ сказалъ: «У насъ кодификація идетъ медленно. Это учрежденіе—ваше созданіе. Подумайте, не нужно ли его усилить назначеніемъ»

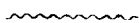
второго вице-директора, а у меня есть въ виду человѣкъ— М». Краббе сознавалъ важность кодификаціонныхъ работъ въ морскомъ вѣдомствѣ, утверждая представленія по этой части, но не до такой степени интересовался этимъ дѣломъ, чтобы самому взять инициативу къ усиленію этихъ работъ. Не трудно было догадаться, что здѣсь была задняя мысль, желаніе устроить М. Не зная родственныхъ связей послѣдняго съ Абариновой, я совершенно неумышленно сказалъ, что М., говорятъ, хорошій счетный чиновникъ, что онъ годился бы скорѣе для канцеляріи морского министерства. Взглянувъ на Краббе, я увидѣлъ, что этою фразою я совершенно неожиданно устроилъ собственное свое дѣло. Лицо Краббе сіяло удовольствіемъ; онъ въ мгновеніе ока сообразилъ, что назначить меня членомъ адмиралтействъ-совѣта значитъ назначить Пещурова директоромъ и что такимъ образомъ освобождается мѣсто вице-директора для М. Черезъ три дня онъ мнѣ объявилъ, что великій князь согласенъ на эту комбинацію, и что я могу понемногу удаляться отъ дѣлъ: назначеніе мое послѣдуетъ на Новый годъ, а объ арендѣ онъ позаботится въ ближайшій срокъ. Слово Краббе всегда было вѣрно: что онъ обѣщаль, онъ всегда исполнялъ, а потому я могъ и аренду считать какъ бы полученною.

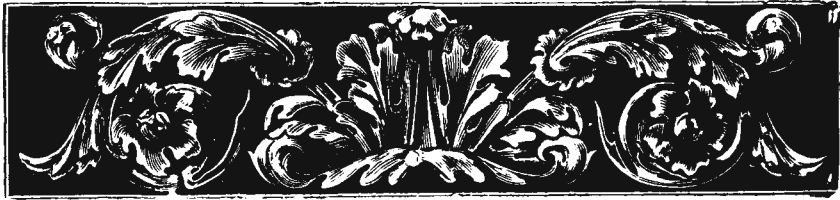
Итакъ, вотъ она служба-то! Пятнадцать лѣтъ самой неутомимой дѣятельности, пожертвованіе времени, силъ, здоровья—все было принесено мною для нея. Я положительно не могъ далѣе работать и къ помѣщенію меня въ адмиралтействъ-совѣтъ представлялись препятствія. Вдругъ вмѣшалась женщина, страсть, и все устроилось. И такъ складывались обстоятельства въ рукахъ лучшаго изъ начальниковъ, какимъ былъ Краббе. Что же дѣлалось тамъ, гдѣ такихъ начальниковъ не было? Такія мысли лѣзли мнѣ въ голову, несмотря на все мое желаніе отогнать ихъ.

Подъ конецъ ноября я сдалъ управленіе канцеляріею Пещурову подъ предлогомъ болѣзни и пересталъ ходить въ канцелярію. Никогда время не тянулось для меня такъ безконечно, какъ въ теченіе декабря: такъ мнѣ хотѣлось окончательно сдать тяготившую меня столько лѣтъ обузу. Между тѣмъ о моемъ предстоящемъ назначеніи въ адмиралтействъ-совѣтъ начали ходить слухи; сообщено было даже по телеграфу въ «Московскія Вѣдомости», въ видѣ слуха. Припадки моей болѣзни меня не оставляли, но въ свободное отъ нихъ время я занимался приведеніемъ къ окончанію тѣхъ дѣлъ, которыя находились на моихъ собственныхъ рукахъ, въ моемъ домашнемъ кабинетѣ. Кромѣ того, я возился съ одной запиской по непріятному мнѣ дѣлу, и опять судьба привязала меня къ колесницѣ Абариновой.

К. А. Маннъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОЛУБЯТНЯ.

(Изъ посмертныхъ разсказовъ).

I.

ТО было лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

Я зашелъ къ одному моему знакомому, торговцу металлическими принадлежностями въ одномъ изъ большихъ петербургскихъ рынковъ.

— Одну минутку подождите, у меня тутъ есть разговоръ,—поздоровавшись, сказалъ онъ мнѣ и указалъ на двухъ мужчинъ, стоявшихъ у прилавка.

Я сѣлъ на стулъ, предупредительно подвинутый мнѣ мальчикомъ, и сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ слѣдующаго разговора.

— Вотъ видите, Иванъ Кузьмичъ,—увѣренно, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ, говорилъ хозяину старшій изъ посѣтителей, высокій плотный рыжеватый мужчина, прекрасно одѣтый, въ осеннемъ пальто и въ котелкѣ:— дѣло наше расширяется все больше и больше, одинъ справиться я не въ состояніи. Заводъ прислалъ мнѣ изъ-за границы помощника, позвольте вамъ рекомендовать, или, какъ говорятъ у васъ по-русски, прошу любить и жаловать. Карлъ Генриховичъ Зильберштегъ,—указалъ онъ на своего спутника, молодого нѣмца съ румянымъ, какъ яблоко, лицомъ, слабо очерченными, блѣдными бровями и бѣлокурыми холеными усами.

— Предупреждаю васъ, что Карлуша почти совсѣмъ не говорить по-русски, но онъ смѣтливый мальчишка и скоро все пойметъ.

Младшій, видимо, догадался или понялъ, что говорить о немъ осклабился, улыбка расплылась по всему его полному лицу.

— Что жъ, будемъ знакомы, очень радъ,—протянулъ послѣд-
нему широкою руку желѣзникъ, которую нѣмецъ послѣшно, какъ-
то угодливо пожалъ,—Карль... Ге... Ге...

— Да, зовите его прямо Андреевичъ, это проще и удобнѣе,—
подсказалъ старшій агентъ и, улыбувшись, замѣтилъ товарищу по-нѣмецки:

— Вотъ ты ужъ начинаешь дѣлаться русскимъ, повѣрь, это
пойдетъ быстрымъ темпомъ и будетъ для тебя и для дѣла чрезвы-
чайно полезно!

Иванъ Кузьмичъ, не понимавшій по-нѣмецки, только улыбался.

Затѣмъ, поговоривъ еще нѣсколько минутъ о цѣнахъ на желѣз-
ные предметы, о состояніи рынка и получивъ отъ желѣзника нѣ-
сколько заказовъ, нѣмецъ-агентъ со своимъ помощникомъ распро-
щались съ хозяиномъ и удалились изъ лавки, причемъ младшій
съ предупредительной вѣжливостью поклонился даже мнѣ и снялъ
свой котелокъ.

Повторяю, что это было уже много лѣтъ тому назадъ.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Я совсѣмъ забылъ о встрѣчѣ въ желѣзной лавкѣ, но судьба
совершенно случайно свела меня снова съ господиномъ Зиль-
берштегомъ.

На этотъ разъ мы встрѣтились въ иной обстановкѣ.

Я нѣсколько лѣтъ состоялъ членомъ одного нѣмецкаго пѣвче-
скаго общества и хотя неаккуратно, но все-таки посѣщалъ ихъ еже-
недѣльные собранія. Мнѣ правилось бывать тамъ, слушать пре-
красно исполняемые хоры, самому участвовать въ нихъ. Простота
царила здѣсь необыкновенная.

Пили пиво и курили во время самага исполненія, точно совер-
шенно забывали, что искусство не терпитъ подобнаго совмѣсти-
тельства.

Какъ сейчасъ я помню, нѣмецкій хоръ исполнялъ очень кра-
сивую вещь «Виннета». Я сидѣлъ среди первыхъ теноровъ и довольно
лѣниво исполнялъ свои обязанности. Но очутившійся со мной
рядомъ какой-то блѣсоватый нѣмчикъ такъ старательно вытя-
гивалъ высокія ноты, замиралъ на нихъ; видимо, это доставляло
ему блаженство, глаза его закрывались, причемъ при опущенныхъ
вѣкахъ и очень блѣдныхъ рѣсницахъ лицо пѣвца производило
какое-то странное впечатлѣніе: оно расплывалось въ блѣло-розовое
пятно, и только широко открытыя красноватя губы говорили,
что оно человѣческое.

Когда хораль былъ оконченъ и мой сосѣдъ, раздобывъ изъ кармана толстенную сигару, старательно обрѣзаль ее особой гильотинкой, закурилъ и любовно сталъ пускать дымъ, я, пристально взглянувъ въ него, невольно вспомнилъ, что я гдѣ-то раньше видѣлъ эти характерные безбровые глаза, эти розовыя, пышашія здоровьемъ щеки и красноватыя губы.

Минута сосредоточенія—и я вспомнилъ о нѣмчикѣ, котораго тогда встрѣтилъ въ лавкѣ.

Это, несомнѣнно, былъ онъ: эти холёные бѣлокурые усики, тѣ же голубоватые, довольно блѣдные глаза. Ошибиться было трудно.

Почему-то мнѣ пришло желаніе возобновить знакомство. Нѣмчикъ охотно отозвался на мой вопросъ, назвалъ себя, по своей привычкѣ какъ-то вкрадчиво пожавъ мнѣ руку.

Мы выпили по большому куфелю пива и разговорились.

Карль Андреевичъ теперь уже былъ самъ самостоятельнымъ агентомъ, велъ большія дѣла, недурно выучился говорить по-русски, даже умѣлъ пустить кстати крѣпкое слово, великолѣпно изучилъ всѣ нравы своихъ русскихъ покупателей, умѣлъ подойти къ нимъ и пользовался очень большимъ довѣріемъ съ ихъ стороны.

Зильберштегъ рассказываль мнѣ это съ какимъ-то наивно-веселымъ видомъ, видимо, довольный своимъ успѣхомъ, все время не переставая курить сигару и потягивать пиво.

III.

Съ этого дня мы довольно часто встрѣчались съ нимъ въ этихъ пѣвческихъ собраніяхъ и такъ кое-гдѣ, на улицѣ, въ театрахъ, въ ресторанахъ.

Юркій нѣмецъ вездѣ былъ своимъ человѣкомъ, вездѣ у него имѣлись какія-то дѣла, со всѣми онъ раскланивался, перекидывался парю-другою словъ.

Какъ-то случайно я зашелъ по дѣлу за справкой въ одно изъ министерствъ, и первый, котораго я тамъ встрѣтилъ, былъ безбровый Карль Андреевичъ, самодовольно улыбавшійся и, видимо, сознававшій свое значеніе.

— Вы что здѣсь дѣлаете?—полюбопытствовалъ я.

— А пустое! Небольшой заказъ, не угодно ли, какъ это чиновники позволяютъ себѣ задерживать дѣловитыхъ людей! Мнѣ нужно ровно въ два часа быть на одномъ дѣловомъ свиданіи, а теперь половина второго,—посмотрѣлъ онъ на часы,—и директоръ не можетъ удосужиться принять меня!

Слово «удосужиться» онъ особенно чисто выговорилъ по-русски.

Но сѣтованія его оказались напрасными, потому что сторожъ сейчасъ же на цыпочкахъ подбѣжалъ къ нему и почтительно сообщилъ:

— Его превосходительство просить вас пожаловать, они извиняются, что такъ долго задержали!

У нѣмчика неожиданно появилась важная осанка, онъ выпятилъ грудь, оправился, заложилъ лѣвую руку въ карманъ пиджака и съ видомъ какого-то повелителя исчезъ за старинной дверью директорскаго кабинета.

Не знаю, почему мнѣ было немного досадно своеобразное нахальство иностранца. Я невольно негодовалъ и даже готовъ былъ при новой встрѣчѣ съ Зильберштегомъ осадить его, но когда довольно скоро улыбающаяся фигура нѣмчика выпорхнула изъ нѣдръ директорскаго кабинета, я по нашей русской безопасности совершенно забылъ о своемъ намѣреніи.

— Ну, вотъ это маленькое дѣло сдѣлано! Ахъ, эти русскіе чиновники, русскіе чиновники... Хотя все-таки въ отношеніяхъ съ ними можно всегда найти возможность соглашенія. Народъ очень покладистый и преклоняющійся передъ нашей нѣмецкой культурой!— не безъ гордости высказался агентъ.

Въ эту минуту мнѣ хотѣлось оборвать его, сказать ему дерзость, но я сдержалъ себя и, не протягивая ему руки, поспѣшилъ пройти дальше, въ помѣщеніе министерства.

IV.

Новый перерывъ.

Почему-то мнѣ не удавалось посѣщать нѣмецкое пѣвческое общество, у меня были другія дѣла, я былъ очень занятъ и такъ понемногу совершенно отсталъ отъ нѣмецкихъ пѣвуновъ, ихъ куфелей съ пивомъ и дешевыхъ, прибавлю, довольно вонючихъ сигаръ.

Судьба бросила меня совершенно на другое поприще, торговля была мною забыта, я посвятилъ себя сценѣ. Какъ это ни странно, моя сценическая дѣятельность протекала за границей, въ Италиі и другихъ южныхъ странахъ.

Оперная карьера бросала меня изъ города въ городъ, масса впечатлѣній, встрѣчъ, лицъ—все это калейдоскопомъ вертѣлось передо мною, все было для меня ново, оригинально, интересно.

И вотъ въ какомъ-то небольшомъ городкѣ во время лѣтнихъ вакацій, гдѣ я случайно, больше ради интереса къ разнообразію заключилъ контрактъ на двѣ недѣли въ оперномъ театрѣ, мнѣ пришлось выступить въ «Трубадурѣ».

Цвѣтушій городокъ представлялъ изъ себя ароматный садъ. Близость озера и горъ сокращала жару и давала возможность многимъ туристамъ остановиться здѣсь на довольно долгое пребываніе во время самаго жаркаго періода.

Въ театрѣ было все-таки душно. Остаться въ уборныхъ въ

свободное время не хотѣлось, и большинство артистовъ выбиралось прямо на небольшую площадь, спускавшуюся къ берегу.

Немного странно такое появленіе костюмированныхъ лицъ въ обыденной житейской толпѣ. Но въ Италіи на это мало обращаютъ вниманія, и всѣ эти Манрико, графъ Луна, Элеонора, Азучена оживленно бесѣдовали со своими цѣнителями, почитателями и доброжелателями изъ публики.

Это было очень оригинально, наивно, если не сказать, даже смѣшно. Но вѣдь это было лѣтнимъ вечеромъ, грань между публичкой и сценой какъ-то сглаживалась, да и на самые спектакли никто не смотрѣлъ серьезно, просто это было времяпровожденіе.

— Bravo, теноръ, прекрасно, вы отлично спѣли эту арію, — услышалъ я неожиданно чей-то настойчивый голосъ, говорившій мнѣ по-итальянски съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ и непривильно.

Я невольно обернулся, бросилъ равнодушно: «Благодарю!» и отшатнулся назадъ отъ охватившаго меня изумленія.

Говорившимъ оказался не кто иной, какъ мой знакомецъ-нѣмецъ-агентъ въ Петербургѣ.

Я не сталъ признаваться ему, кто я, но у меня явилось неожиданное желаніе поразспросить Зильберштега, пользуясь моимъ инкогнито, — я пѣлъ подъ другимъ именемъ.

— Я изъ далекой страны, изъ Россіи, вы, итальянцы, мало ее знаете, это очень богатый, но еще дикій, варварскій край, — презрительно объяснялъ мнѣ нѣмецъ. — Надо только умѣть ладить съ этими русскими дураками, тогда деньги польются прямо въ карманъ! И они будутъ тебя уважать.

— А вы что же дѣлаете въ Россіи?

— Что я дѣлаю? О, многое, у меня тамъ различныя занятія, десять мѣсяцевъ въ году я не имѣю ни одной минуты покоя. Вы не можете себѣ представить моей работы: во-первыхъ, я представитель большой торговой фирмы, затѣмъ у меня имѣется еще нѣсколько другихъ, гдѣ я тоже состою представителемъ, а, кромѣ того, есть немало такихъ занятій, которыя даютъ мнѣ хорошій заработокъ, но требуютъ большой аккуратности, такта, вниманія и наблюдательности.

Нѣмецъ криво усмѣхнулся, погладилъ лѣвой рукой усики и, точно не желая рассказывать дальше, провелъ другою рукою по моему бархатному колету.

— Ого, недурной бархатъ, впрочемъ, вѣдь это здѣсь недорогой товаръ.

Въ это время нашъ авизаторъ такъ настойчиво зазвонилъ въ колокольчикъ, выбѣжавъ на площадку, что всѣ сейчасъ же стали расходиться, публика въ театральную залу, а мы черезъ небольшую дверку пошли на сцену.

V.

Новый оборотъ колеса фортуны—и судьба меня выбросила съ оперныхъ подмостковъ на журнальное поприще.

Я говорю журнальное, потому что, работая, какъ чистый беллетристъ, мнѣ все-таки приходилось писать и въ газетахъ общія статьи, выступая въ журналистикѣ.

Съ кѣмъ, съ кѣмъ только не приходится встрѣчаться журналисту! Это какой-то рупоръ, служащій для передачи тѣхъ или другихъ мнѣній, взглядовъ, фактовъ, воззрѣній, онъ бесѣдуетъ во всѣхъ слояхъ общества, видитъ массу людей, какимъ-то пестрымъ калейдоскопомъ мелькающихъ передъ его глазами.

Одно время и мнѣ пришлось писать довольно часто въ одномъ органѣ и вести эту своеобразную кипучую дѣятельность.

Однажды зазвонилъ на моемъ письменномъ столѣ телефонъ, и незнакомый мужской голосъ попросилъ позволенія пріѣхать поговорить со мной по дѣлу, прибавляя, что по очень важному дѣлу.

Меня заинтересовала эта просьба, я назначилъ день и часъ и сталъ ожидать.

Неизвѣстный посѣтитель былъ изумительно точенъ. Въ назначенное время онъ находился въ моей передней и, передавая прислугѣ карточку, сообщилъ о своемъ прибытіи.

При первомъ взглядѣ на этотъ кусокъ картона я прочелъ знакомое имя Карла Андреевича Зильберштега и невольно вспомнилъ всѣ наши случайныя встрѣчи.

— Попросите,—сказалъ я прислугѣ.

Минуту спустя въ мой скромный кабинетъ вошелъ солидный, прекрасно одѣтый мужчина, въ которомъ я сейчасъ же узналъ того нѣмца, съ которымъ меня сводила нѣсколько разъ судьба. На правомъ мизинцѣ у него былъ одѣтъ массивный золотой перстень, змѣя, кусающая свой хвостъ. Въмѣсто глазъ вставлены чрезвычайно крупные брильянтъ и сапфиръ. Въ темно-малиновомъ галстукѣ была воткнута тоже брильянтовая дорогая булавка, бѣлокурые волосы, въ которыхъ не было замѣтно сѣдины, лежали гладко причесанные, раздѣленные по срединѣ англійскимъ проборомъ, идущимъ до самой шеи.

Небрежнымъ движеніемъ посѣтитель стащилъ съ правой руки перчатку и, видимо, не узнавая меня, протянулъ мнѣ руку, назвавъ свое имя.

Я попросилъ его сѣсть и сталъ ожидать, что онъ скажетъ.

Предупредительно окинувъ комнату глазами, нѣмецъ сдѣлалъ серьезное лицо и дѣловитымъ голосомъ замѣтилъ:

— Мое дѣло очень важное, его нельзя такъ быстро рассказать, оно чересчуръ сложно и, такъ сказать, пустило глубокіе корни.

Вы, какъ журналистъ, можете мнѣ очень въ этомъ случаѣ помочь, освѣтить это дѣло съ надлежащей стороны, указать неправильность взглядовъ, которые въ настоящее время направлены на него со стороны администраціи, однимъ словомъ, выяснить, обѣлить,—съ легкой усмѣшкой сказалъ онъ это чисто-русское слово.

Я замѣтилъ, что мой посѣтитель говорить теперь очень хорошо по-русски и, видимо, не стѣсняется ни въ какихъ выраженіяхъ.

Легкимъ кивкомъ головы я понудилъ его рассказывать дальше. Рассказъ нѣмца былъ обстоятельный, точный, факты были умѣло сгруппированы, разъяснены, но, какъ мнѣ показалось, слишкомъ односторонне, пристрастно.

— А не можете ли вы мнѣ дать болѣе точныя свѣдѣнія?—обратился я къ нему.

Зильберштегъ замаялся и неохотно протянулъ:

— Да, не знаю, для чего они вамъ необходимы, я вамъ такъ точно, ясно все объяснилъ, что иного объясненія трудно дать...

— А все же?... Имѣются нѣкоторыя данныя письменныя, печатныя...

— Ахъ, да, много вздору напечатано обо всемъ этомъ дѣлѣ, какъ въ мѣстныхъ газетахъ, такъ и въ столичныхъ... Только я вамъ не совѣтую читать, вы получите превратное понятіе,—недовольно отозвался онъ.

Я сразу почувалъ какой-то недосказъ въ его словахъ, желаніе умолчать о сущности вопроса.

Вопросъ былъ затронуть важный и требовалъ строгой оцѣнки.

Я обѣщалъ подумать, переговорить еще съ нимъ, поближе ознакомиться съ этимъ дѣломъ и тогда уже двинуть его въ ходъ.

Мой неопредѣленный отвѣтъ не удовлетворилъ нѣмца, онъ довольно сухо попрощался со мной и исчезъ. Исчезъ снова ненадолго. Въ другомъ органѣ черезъ нѣсколько времени появилось все это дѣло, освѣщалось оно въ томъ направленіи, какъ желалъ Зильберштегъ, но боязливо, робко.

Мнѣ кажется, что все это дѣло не имѣло успѣха,—въ чемъ нельзя было и сомнѣваться, такъ какъ это была какая-то ловкая афера, желаніе подтасовать карты, показать товаръ въ другомъ свѣтѣ.

VI.

Промчались годы.

Хотя я не встрѣчалъ Карла Зильберштега, но его имя часто мелькало въ газетахъ и упоминалось въ обществѣ. Онъ дѣлался крупнымъ финансистомъ, не покидая въ то же время и промышленности. Въ одномъ изъ банковъ онъ состоялъ директоромъ, вершилъ судьбы послѣдняго и былъ *persona grata* на биржѣ.

Въ то же время его имя слилось съ одною крупной промышлен-

ной фирмой, гдѣ онъ тоже состоялъ заправилой и вершителемъ судебъ. Не былъ чуждъ Зильберштегъ и министерскимъ кругамъ. Онъ уже имѣлъ какое-то почетное званіе, въ перечнѣ посѣтителей благотворительныхъ вечеровъ, устраиваемыхъ въ свѣтѣ, можно было всегда прочесть имя Карла Андреевича Зильберштега, а до сужіе хроникеры даже съ какою-то влюбленностью описывали роскошные костюмы его супруги, Августы Германовны.

Однимъ словомъ, карьера была сдѣлана блестящая и въ сравнительно короткое время.

Все продолжалось такъ до конца нынѣшняго лѣта. Обстоятельства заставили, повидимому, Зильберштега не воспользоваться лѣтними вакаціями и не ѣхать въ его любимый Киссингенъ на отдыхъ, а остаться здѣсь, въ душномъ Петербургѣ. Но вся семья его находилась тамъ, за линіей Вержболова, въ одномъ изъ благоустроенныхъ нѣмецкихъ курортовъ.

Это было такъ свойственно культурному нѣмцу, любившему свое отечество и порядки, которые въ немъ существовали.

Кстати, нужно замѣтить, что Карлъ Андреевичъ нѣсколько разъ «порывался» превратиться въ русскаго подданнаго, какъ онъ повторялъ съ улыбкою, но обстоятельства были сильнѣе его, и онъ попрежнему оставался подданнымъ своего любимаго кайзера, а въ Россіи платилъ только высокія гильдейскія пошлины и охотно жертвовалъ куши на всякія благотворительныя дѣла.

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ Зильберштегъ построилъ себѣ роскошный особнякъ, оригинальной архитектуры, готическаго стиля, съ массою всевозможныхъ башенокъ, одна другой выше, причеъ самая высокая напоминала оригинальную колокольню.

— Это я для голубковъ, имъ пріятнѣе поселиться выше къ небу, тамъ ихъ не тронутъ кошки, и вылетать имъ легче,—со своей обыденной вкрадчивой улыбкой объяснялъ нѣмецъ любопытнымъ, любовавшимся оригинальностью его постройки.

Оригинальный особнякъ отмѣчался нѣсколько разъ въ газетахъ, какъ верхъ изящества, удобства, причеъ одинъ изъ репортеровъ даже подчеркнул:

«Если бы всѣ въ нашей столицѣ имѣли такой прекрасный вкусъ, какъ господинъ Зильберштегъ, нашъ городъ украсился бы массою своеобразныхъ красивыхъ построекъ».

Планъ былъ присланъ нѣмцу изъ-за границы и хотя особнякъ строили русскіе рабочіе, но для отдѣлки его были выписаны изъ Германіи особыя специалисты, довольно долго копавшіеся надъ этимъ дѣломъ, причеъ русскіе рабочіе въ этой отдѣлкѣ совершенно не принимали участія.

Затѣмъ былъ данъ, по обыкновенію, роскошный вечеръ, пѣли знаменитости, для ужина были выписаны всевозможные деликатесы, и цѣлая толпа приглашенныхъ покинула новое жилище го-

степрѣимнаго хозяина довольно поздно подъ утро, восхищенные его прѣемомъ.

Такъ было, повторяю, до конца лѣта нынѣшняго года. Дѣятельность нѣмецкаго коммерсанта очень усилилась за послѣднее время, онъ не имѣлъ ни минуты покоя. Когда разразилась война съ Германіей, онъ старался избѣгать кикихъ-либо разговоровъ по этому поводу, а если его вызывали на это, съ улыбкой повторялъ:

— Ахъ, все это пустяки, Вильгельмъ немного зарвался, вѣроятно, все это скоро окончится, мы съ нимъ помиримся, и все пойдет по-старому.

Онъ употреблялъ мѣстоименіе «мы», точно считая себя принадлежащимъ къ настоящимъ русскимъ.

Но случилось совсѣмъ иное: отыскалась какая-то тоненькая ниточка, которая привела къ болѣе толстой. Тутъ натолкнулись на цѣлую сѣть всевозможныхъ сношеній, сообщеній, донесеній, и посреди этой сѣти оказался улыбающійся, любезный Карлъ Андреевичъ Зильберштегъ.

Какъ пойманная лисица, метался онъ изъ стороны въ сторону, пытаясь уладить дѣло, замѣять непріятные слухи, выгородить себя, обѣлить, какъ когда-то онъ мнѣ объяснялъ.

Но сѣтка все больше и больше запутывалась, оставался одинъ исходъ—бѣгство.

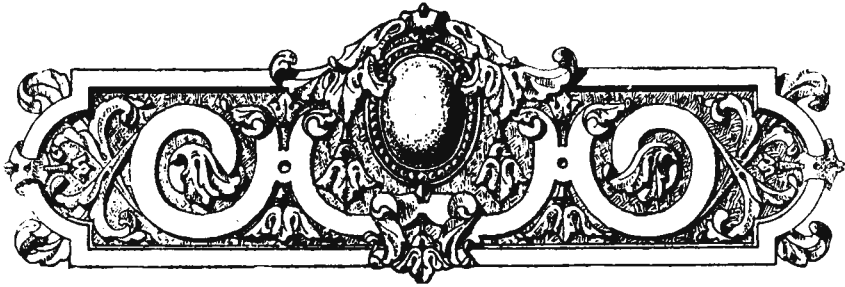
Убѣжалъ ли предпрѣимчивый нѣмецъ, или съ нимъ своевременно покончили, убравъ въ «мѣста не столь отдаленныя», только осмотрѣвъ изящнаго особняка ясно обнаружилъ всю картину: нѣмецъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ шпионовъ своего кайзера, и въ помѣщеніи для голубковъ, о которыхъ онъ такъ заботился, находилась станція беспроволочнаго телеграфа, на которой онъ работалъ самъ, а въ крайнихъ случаяхъ его почтенная супруга Августа Германовна, которая, несмотря на свою полноту, езбиралась по узкой винтовой лѣстницѣ въ голубятню и исполнѣ замѣняла своего мужа.

Такихъ Карловъ Андреевичей и голубятень, вѣроятно, на Руси у насъ существовало не мало. Будемъ надѣяться, что подобнаго рода голуби уже не поселятся здѣсь и надзоръ за ними нынѣ значительно строже, чѣмъ раньше.

Г. Полиловъ.

1914 г.

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ¹⁾.

IV.

Путешествіе цесаревича и цесаревны по Россіи въ 1869 г.—Пребываніе въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Поѣздка по Волгѣ, Дону и Южной Россіи.—Юбилей Донского войска въ 1870 году.

Въ 1869 году цесаревичъ съ супругой, цесаревной Марією Теодоровною предпринялъ большое путешествіе для ознакомленія молодой цесаревны съ Россією. Выѣхавъ 10-го іюля изъ Царскаго Села, черезъ Колпино, они сначала отправились въ село Ильинское ²⁾, гдѣ пребывала императрица. Простившись съ ней, наслѣдная чета выѣхала 11-го числа въ путь на Нижній-Новгородъ. День былъ жаркій, въ воздухѣ ни вѣтерка. На каждой станціи собиралась толпа мѣстнаго населенія. Цесаревичъ съ наслѣдницею выходили почти на каждой станціи на платформу своего вагона и принимали представителей съ хлѣбомъ-солью. Въ Нижнемъ ихъ встрѣтила тѣма тѣмущая народа. Путь лежалъ вдоль лугового берега Волги и цесаревна любовалась восхитительнымъ видомъ иллюминаваннаго огнями города. По пріѣздѣ въ кремлевскій дворецъ цесаревна долго не отходила отъ углового окна царскихъ комнатъ, разсматри-

¹⁾ Окончаніе «Истор. Вѣстн.», т. CXLVII, стр. 361.

²⁾ «Русскій Архивъ» 1894 г.

вая широкую даль по ту сторону Волги. На другой день у ихъ высочество былъ приемъ военныхъ и гражданскихъ властей и сословій; при приемѣ городского общества цесаревичъ принялъ живыхъ осетра и стерлядей, а отъ цеховыхъ—хлѣбъ-соль ¹⁾; а затѣмъ они присутствовали на военномъ парадѣ въ лагерѣ. Посѣтивъ дѣвичій монастырь, они проѣхали въ Кремль и были на гробницѣ Козьмы Минина. Цесаревичъ удивился ветхости и бѣдности украшеній этой народной святыни всей земли русской. Едва разнеслась вѣсть о сказанномъ цесаревичемъ, какъ уже явились и средства къ ея осуществленію ²⁾. Послѣ обѣда въ саду дворца были собраны жители села Безводнаго въ нарядныхъ своихъ парчевыхъ уборахъ и особыми группами: мордовки и черемисянки въ своихъ костюмахъ, увѣшанныхъ наборомъ старыхъ монетъ. Въ то же время цесаревна приняла ученицъ крестьянской школы, которая въ прошломъ году была принята подъ покровительство цесаревны. Обласкавъ дѣвочекъ, она раздала имъ золотые крестики. Вечеромъ было устроено народное гулянье; когда коляска цесаревича съ супругою вѣхала на площадь, то народъ такъ окружилъ царственныхъ особъ, что онѣ еле могли подвигаться впередъ. Утромъ слѣдующаго дня происходило открытіе знаменитой нижегородской ярмарки. Послѣ молебствія взвились флаги, и ярмарка была впервые со времени ея существованія открыта наслѣдникомъ престола ³⁾.

Нижегородскіе крестьяне наперерывъ стремились поднести цесаревнѣ свои издѣлія, которыхъ набралось столько, что едва ли умѣстились въ самый громадный сундукъ мѣстнаго издѣлія, поразившій цесаревну и величиной своею, и оригинальностью формой. Вечеромъ августѣйшая чета сѣла на пароходъ «Ахтуба», гдѣ былъ расположенъ оркестръ музыки Сакса и были устроены отъ дворянства буфеты. Вслѣдъ за «Ахтубой» шли еще два большіе парохода съ публикой. Прекрасный тихій вечеръ показалъ Волгу въ ея величіи. Наслѣдникъ съ цесаревной взошли на рубку и любовались на чудный городъ и на далекую ширь лугового берега. Послѣ трехчасоваго плаванія пароходъ остановился, и здѣсь былъ сожженъ фейерверкъ. Когда загорѣлись финальные щиты, раздалась тосты.

Наслѣдникъ отвѣтилъ тостомъ нижегородскому дворянству, устроившему такой прѣкрасный праздникъ. Простившись съ дворянами, цесаревичъ съ супругою и свитою перешли на пароходъ «Счастливый», на которомъ должно было совершиться дальнѣйшее плаваніе. Несмотря на усталость отъ знойнаго дня, чудная лунная

¹⁾ Нижегородскій «Ярмарочный Листокъ», № 8 1869 г.

²⁾ Газета «Волгарь» № 260—1894 г. На обновленіе гробницы кушечество истратило 17 тысячъ рублей, и цесаревичъ благодарилъ ихъ сердечнымъ рескриптомъ.

³⁾ Цесаревича сопровождали: генераль Зинovieвъ, адъютантъ Козловъ, профессоръ Побѣдоносцевъ, архангельскій губернаторъ Качаловъ, художникъ Боголюбовъ и докторъ Гиршъ.

ночь заставляла всѣхъ еще остаться наверху, на палубѣ; никому не хотѣлось идти въ душныя каюты. Вечеромъ на пароходъ пріѣхалъ великій князь Алексѣй Александровичъ, прибывшій изъ Москвы. Въ третьемъ часу утра, только что начало разсвѣтать, пароходъ «Счастливый» двинулся дальше по Волгѣ.

16-го іюля, на пути въ Казань, не доѣзжая Свіязска, пароходъ остановился на ночную стоянку у песчаного берега, изъ-за котораго виднѣлась колокольня. Ихъ высочества со всею свитою переѣхали на шлюпкѣ на берегъ, гдѣ случайно собралась кучка рыбаковъ. По сыпучему песку черезъ лѣсокъ добрались они до села Кокшайскаго, гдѣ увидали крестьянъ, бабъ и ребятишекъ. Сейчасъ же на колокольнѣ раздался звонъ, призывавшій крестьянъ, бывшихъ на полевыхъ работахъ. Сельскаго священника не было дома, и передъ гостями явилась его жена, которая открыла дверь церкви, въ которую вошли августѣйшіе путешественники. Помолившись въ храмѣ и осмотрѣвъ церковь, наслѣдникъ вложилъ въ церковную кружку сто рублей¹⁾, а цесаревна наградила присутствовавшихъ крестьянскихъ дѣтей золотыми крестиками. Изъ церкви гости пошли въ домъ священника, гдѣ матушка ихъ угощала чаемъ съ вареньемъ и поднесла хлѣбъ-соль. Наслѣдникъ разсмотрѣлъ церковныя книги и на клочкѣ бумаги написалъ: «16-го іюля 1869 года посѣтили домъ священника Ивана Ѳеодоровича Спасскаго государь цесаревичъ, государыня цесаревна и великій князь Алексѣй Александровичъ». Передавая этотъ автографъ матушкѣ, наслѣдникъ сказалъ, что онъ оставляетъ эту бумажку на память для ея мужа. При всей простотѣ убранства пріятно было видѣть чистоту и порядокъ въ домѣ, Изъ комнатъ ихъ высочества перешли въ садикъ, гдѣ матушка представила своихъ дѣтей цесаревнѣ, которыхъ она надѣлила золотыми крестиками. Оставляя домъ священника, цесаревичъ просилъ передать священнику подарокъ. Всей деревнѣ были розданы деньги. Между тѣмъ на берегу ожидали депутаты отъ сосѣдняго Моршанскаго посада, и рыбаки забросили тону на счастье цесаревича. Въ 9 часовъ вернулись на пароходъ.

17-го іюля, подходя къ Свіязску, былъ встрѣченъ пароходъ, на которомъ мѣстная публика съ хоромъ музыки, игравшей «Боже, царя храни», привѣтствовала высокихъ путешественниковъ.

Въ Казань прибыли въ 11 часовъ утра. При вѣздѣ въ крѣпость ихъ высочества вступили въ Спасскій монастырь, гдѣ были встрѣчены архіепископомъ Антоніемъ. Отсюда отправились во дворецъ, гдѣ было назначено представленіе духовенства, военныхъ, административныхъ лицъ, дворянства и купечества. Послѣ пріема ихъ высочества посѣтили Казанскій соборъ, поклонились чудотворной иконѣ Божіей Матери и прошли въ келію игуменни. Потомъ про-

¹⁾ Брошюра В. Люстрицкаго, изд. 1901 года.: «Цесаревичъ въ селѣ Кокшайскомъ».

ѣхали въ Родіоновскій женскій институтъ и духовную академію. Въ 5 часовъ во дворцѣ былъ обѣдъ, къ которому были приглашены мѣстныя власти. Вечеромъ вся Казань горѣла иллюминаціей, которую видѣли ихъ высочества по дорогѣ на балъ, данный казанскимъ дворянствомъ. 18-го іюля, въ 8 часовъ утра, цесаревичъ съ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ проѣхали въ лагерь войскъ, гдѣ смотрѣли маневръ со стрѣльбой. Къ церемониальному маршу подѣхала цесаревна, мимо которой проходили войска. Изъ лагеря ихъ высочества проѣхали въ школу крещеныхъ татаръ, гдѣ дѣти имъ по-русски бойко рассказывали прочитанное, стройно пѣли молитвы, и вообще школа произвела на августѣйшихъ гостей хорошее впечатлѣніе. Наслѣдникъ на усиленіе средствъ школы пожаловалъ 500 рублей и, кромѣ того, пожелалъ принять 10 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ пансіонерами на свой счетъ. Отсюда посѣтили домъ умалишенныхъ, дѣтскій пріютъ и ремесленную больницу. Къ этому времени на Арскомъ полѣ собралась масса народа на народный праздникъ, и когда прибыли августѣйшіе гости, то предъ ними собрался хороводъ въ красивыхъ нарядахъ. Цесаревна бросала народу конфеты и сласти. Городской голова представилъ ей постановленіе объ устройствѣ ремесленной больницы женскаго отдѣленія на 25 кроватей. Простившись съ окружавшими, августѣйшіе путешественники отправились на пароходъ, вручивъ губернатору 1000 р. на бѣдныхъ ¹⁾.

20-го іюля, въ 10 часовъ утра, прибыли въ Симбирскъ. Послѣ обѣдни въ соборѣ осмотрѣли Карамзинскую библіотеку, гимназію и пріютъ и прямо изъ пріюта проѣхали на пароходъ для слѣдованія въ Самару.

22-го іюля, въ день тезоименитства императрицы и цесаревны, путешественники прибыли въ Самару и прямо съ парохода въ соборъ, гдѣ отстояли обѣдню. Послѣ завтрака въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ было для нихъ приготовлено помѣщеніе, августѣйшіе гости въ лагерьъ были на смотру войскъ, но на обратномъ пути осмотрѣли киргизскую кибитку, расположенную въ полѣ нарочно, чтобы представить наглядно помѣщеніе кочующихъ киргизовъ и предметы ихъ домашняго обихода. Затѣмъ посѣтили гулянье въ городскомъ саду, во время котораго наслѣдникъ подозвалъ къ цесаревнѣ чувашскихъ, мордовскихъ и малороссійскихъ крестьянъ въ ихъ народныхъ костюмахъ, которыми любовалась цесаревна. Во время обѣда у наслѣдника, къ которому были приглашены власти и дворяне, цесаревичъ провозгласилъ тостъ за здоровье августѣйшихъ именинницъ. Въ 11 часовъ вечера пароходъ снялся въ якоря и прослѣдовалъ дальше. Въ трехъ городахъ, лежавшихъ по пути: въ Сызрани, Хвалынскѣ и Вольскѣ, приготовлены были встрѣчи. Тысячеголосе

¹⁾ «Казанскій Биржевой Листокъ» 1869 г.

«ура» народа, маханіе платками и бросаніе шапокъ вызвали бѣс-торгъ, и трудно было русской душѣ удержаться отъ волненія. Наслѣдникъ, цесаревна и великій князь вышли впередъ на палубу, поклонились народу и прошли въ бесѣдку, поставленную для угощенія гостей. На пароходъ снесли хлѣбъ-соль, блюдо съ громадной «рыбкой» отъ города, а простые люди тоже снѣдаютъ со своими дарами: одинъ несетъ соты, другой полотенце, третій держитъ пѣтуха—все это дары простой любви, которая желаетъ чѣмъ-нибудь заявить себя.

24-го іюля прибыли въ Саратовъ ¹⁾. Высокіе гости въ первый разъ посѣтили этотъ городъ. Народу видимо-невидимо; подношеній было много. Саратовцы ассигновали 20.000 рублей на стипендіи. Былъ парадный обѣдъ у наслѣдника; посѣтили женскій институтъ, больницу и пріюты. Городское общество просило посѣтить театръ, чтобы дать возможность публикѣ поближе посмотреть на августѣйшихъ гостей. Въ первый же день въ дворянскомъ собраніи былъ балъ, на которомъ цесаревна, наслѣдникъ и великій князь принимали участіи въ танцахъ. Наслѣдникъ, войдя въ залу, сказалъ: «Какъ здѣсь хорошо! Это мнѣ напоминаетъ залу петербургскаго дворянскаго собранія». Въ залѣ собранія былъ устроенъ фонтанъ, бившій до потолка; въ его бассейнѣ плавали большіе осетры и стерляди! Балъ былъ оживленный. Высокіе гости оставались до часа ночи.

На другой день, 25-го рано утромъ наслѣдникъ съ великимъ княземъ были въ лагеряхъ на смотру пѣхотной дивизіи, на возвратномъ пути посѣтили тюремный замокъ, а послѣ завтрака высочайшія особы уѣхали изъ Саратова. Проѣзжали мимо лагеря, на берегу были разставлены войска съ музыкой. Мужественный и здоровый видъ войскъ производилъ прекрасное впечатлѣніе.

26-го іюля вечеромъ пароходъ «Счастливый» сталъ на якорѣ у царицынской пристани, и плаваніе ихъ высочества по Волгѣ окончилось ²⁾.

На слѣдующее утро, отслушавъ обѣдню въ царицынскомъ соборѣ, ихъ высочества пересѣли на поѣздъ Волжско-Донской ж. д. и черезъ два часа прибыли въ Калачевскую станицу, гдѣ были встрѣчены атаманомъ Донскаго войска, генераль-адъютантомъ Чертковымъ. На станціи стояли казаки Атаманскаго полка, въ форму котораго переодѣлся цесаревичъ и съ этого времени не снималъ ее во все время путешествія по Дону.

У пристани стояли два парохода: одинъ «Сотникъ», на которомъ помѣстились ихъ высочества со свитой, а на другомъ «Цимла» находился, кромѣ прислуги, хоръ трубачей Атаманскаго полка. И вотъ началось плаваніе по тихому Дону, безпрестанно оживляе-

¹⁾ Посѣщеніе Саратова въ 1869 г. «Саратовскій Листокъ» № 161.

²⁾ Путешествіе наслѣдника и цесаревны въ 1869 году. Москва 1869 г.

мое встрѣчамъ у станичныхъ пристаней и живописнымъ движеніемъ по берегамъ. Отъ станицы до станицы провожали пароходъ вразсыльную конные казаки, джигитуя вперегонку съ пароходомъ. Эта молодецкая скачка веселила высокую публику, смотрѣвшую, какъ казаки мчались черезъ рвы, кусты и овраги во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ: стоя, сидя и лежа, стрѣляли, боролись, падали и опять, вмигъ поднявшись, пускались въ скачку. На пристаняхъ строевые казаки стояли со своими знаменами и хоругвями. Лишь только цесаревичъ вступалъ на берегъ, какъ сѣдые старики, ветераны, украшенные ранами и медалями, встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью. Всякій, кто хотѣлъ, подносилъ ему фрукты, медъ, цвѣты и колосья.

28-го іюля вечеромъ прибыли въ станицу Цымлянскую. Посѣтили церковь и, проѣхавъ рядъ хатъ, остановились наудачу у одного изъ простыхъ домиковъ, чтобы показать цесаревичъ, какъ живутъ казаки. Гости прошли въ чисто прибранную хату, а изъ хаты въ садикъ. Хозяйка съ простотой, придерживая цесаревну за руку, привела ихъ къ скамейкѣ и тутъ же, стряхнувъ дерево, стала угощать высокую гостью. Потомъ хозяинъ принесъ вина и, по просьбѣ хозяевъ, ихъ высочества выпили три стаканчика домашнего вина. Простые люди были счастливы, а царскіе гости на другой день пили донское вино, доставленное на пароходъ отъ угощавшей ихъ казачьей четы.

29-го іюля пароходъ присталъ къ Семикоракорской станицѣ, гдѣ была приготовлена встрѣча отъ калмыковъ войска Донского. У походнаго хурула, устроеннаго въ кибиткѣ, стояло все калмыцкое духовенство въ облаченіи. Ихъ высочество встрѣчали съ дикой музыкой и богослуженіемъ въ кибиткѣ. Потомъ цесаревна съ великими князьями прошли въ стень, гдѣ было собрано не менѣе 7000 лошадей. Смѣлые наѣзники ловили изъ табуна арканомъ дикихъ лошадей, вступали съ ними въ борьбу, сѣдлали ихъ и объѣзжали съ замѣчательною ловкостью. Калмычки въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ поднесли цесаревичъ полевые цвѣты и привели двухъ лошадей: одну для цесаревны, а другую для наслѣдника. Въ Старочеркасской станицѣ ихъ высочества прошли на гору въ старый соборъ, гдѣ осмотрѣли историческія цѣпи Стеньки Разина, громадныя петли Азовскихъ воротъ и чугунный памятникъ, поставленный въ память посѣщенія станицы покойнымъ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ.

31-го іюля царскіе путешественники прибыли въ Новочеркасскъ. Здѣсь уже все было приготовлено къ торжественному шествію. Цесаревичъ въ полной парадной формѣ въ атаманскомъ мундирѣ, съ перначомъ въ рукѣ, сѣлъ на коня. Также сѣла на коня и цесаревна, которая на этотъ разъ была одѣта въ амазонку синяго атаманскаго цвѣта и въ казацкомъ головномъ уборѣ; этотъ нарядъ очень шелъ къ

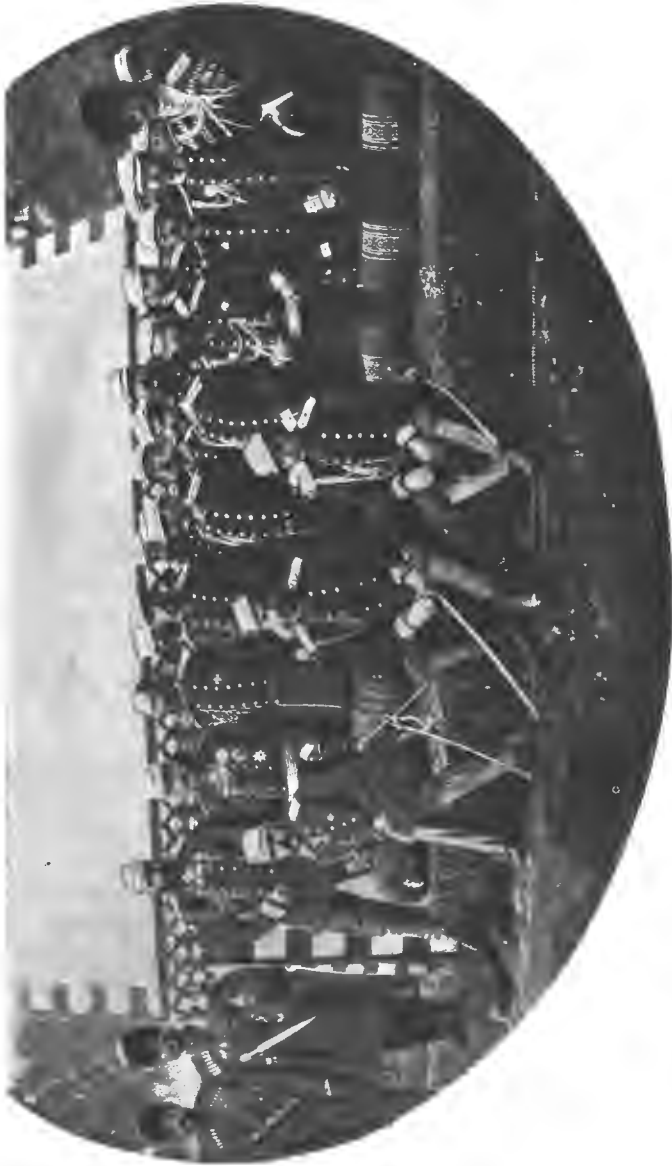
ней и вызвалъ восторгъ казаковъ. Народъ восторженно встрѣтилъ царственныхъ атамана и атаманшу: едва ли не въ первый разъ донцы видѣли у себя цесаревну на конѣ вмѣстѣ съ цесаревичемъ. Между тѣмъ на площади образовался войсковой кругъ изъ старыхъ знаменъ, бунчуковъ и регалій. У самаго входа въ кругъ ихъ высочества сошли съ коней и стали обходить кругъ. Послѣ краткаго молебствія въ соборѣ и по окропленіи знаменъ св. водою наслѣдникъ, взойдя на середину круга, обратился къ войсковымъ чинамъ съ слѣдующими словами: «Принимая по волѣ государя императора знаки атаманскаго достоинства, почитаю себя счастливымъ, что въ этотъ достопамятный для меня день являюсь въ среду нашу съ милостивымъ царскимъ словомъ. Государь императоръ, отправляя меня къ вамъ, поручилъ мнѣ благодарить донцовъ за ихъ всегда вѣрную, храбрую и усердную службу. Его величество увѣренъ, что доблести, всегда отличавшія ихъ, сохранятся и въ будущихъ поколѣніяхъ, и не забываетъ и гордится тѣмъ, что въ продолженіе 27 лѣтъ носилъ званіе атамана вашего. Его величество съ благодарностью помнитъ радушный пріемъ, сдѣланный покойному брату, носившему то же званіе, которымъ и я горжусь, и сожалѣетъ, что не могъ самъ прибыть къ вамъ со мною и съ вашей атаманшей. Что касается меня, то я прошу васъ полюбить меня такъ, какъ вы любили моего брата»¹⁾). Послѣднія слова наслѣдникъ произнесъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. Громовое «ура» раздалось на площади. Цесаревичъ съ перначомъ въ рукѣ, окруженный есаулами, бунчуками и генералами, подъ звуки музыки, проводилъ регаліи въ зданіе присутственныхъ мѣстъ. Затѣмъ ихъ высочества отправились во дворецъ, вышли на балконъ и отвѣчали на привѣтствія казаковъ. Вечеромъ иллюминація. На другой день на площади въ 3 часа былъ приготовленъ обѣдъ для всѣхъ собравшихся станичныхъ атамановъ и депутатовъ и для георгіевскихъ кавалеровъ. Наслѣдникъ съ цесаревной прибыли на этотъ обѣдъ верхами и обходили столы и разговаривали со стариками. Обѣдало 500 человекъ. Въ этотъ день донское дворянство чествовало наслѣдника и цесаревну торжественнымъ обѣдомъ въ собраніи, а вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ. 2-го августа, послѣ посѣщенія учебныхъ заведеній, у наслѣдника былъ обѣдъ, на который были приглашены старшіе начальники съ ихъ супругами. Простившись съ Новочеркасскомъ, наслѣдникъ съ цесаревной отправились по желѣзной дорогѣ въ станицу Грушевку, гдѣ былъ смотръ учебному казачьему полку, а потомъ высокіе гости осмотрѣли угольные рудники. Послѣ завтрака въ палаткѣ, отбитой у турокъ въ 1811 году Кутузовымъ, ихъ высочества отправились въ Ростовъ-на-Дону, откуда прослѣдовали къ станицѣ Елизаветинской, у которой остановились на ночлегъ. У берега казаки

¹⁾ «Путешествіе наслѣдника въ 1869 году» Бурцева. Москва.

ловили рыбу и въ ихъ присутствіи закинули тою, въ которой попалась большая бѣлуга въ 15 пудовъ. Къ пароходу подошли казачьи мальчишки и пѣли пѣсни, которыя цесаревна слушала съ удовольствіемъ. Въ Таганрогѣ высокіе гости перешли на пароходъ «Великая Княгиня Ольга», на которомъ совершалось дальнѣйшее плаваніе въ Крымъ. По дорогѣ ихъ высочества посѣтили Керчь, гдѣ осматривали работы по укрѣпленію пролива. Когда пароходъ приближался къ Ялтѣ, то замѣтили большую шлюпку, въ которой находился самъ государь съ семьей.

Совершивъ такое большое путешествіе, цесаревна совершенно ознакомилась съ нашей Волгой и разнообразнымъ населеніемъ, живущимъ на ея берегахъ. Восторгъ населенія при видѣ наслѣдника и цесаревны былъ сердечный, не показной и безыскусственный. Цесаревна видѣла, какъ народъ любитъ своего государя и какъ старался ему доставить ему удовольствіе при посѣщеніи главныхъ городовъ. Внезапные визиты къ женѣ священника въ селѣ Кокшайскомъ и на Дону въ хату казака познакомили цесаревну съ бытомъ и обстановкой русскаго люда.

«Наше путешествіе по Волгѣ и Дону оставило намъ самое пріятное воспоминаніе и было самое благополучное,—пишетъ цесаревичъ въ своемъ письмѣ къ великому князю Михаилу Николаевичу.— Встрѣчали, какъ ты можешь себѣ представить, самымъ радушнымъ образомъ. Донъ намъ очень понравился, и мы провели время очень пріятно и на Дону, и въ Новочеркасскѣ. Въ каждой станицѣ насъ принимали съ восторгомъ, и мы вездѣ выходили и бывали въ ихъ церквахъ. Пароходъ провожали отъ станицы до станицы казаки верхомъ съ палкой и джигитовкой, и пріятно было видѣть, что духъ казачества и лихости еще сохраняется у донцовъ. Въ Новочеркасскѣ первый день былъ труденъ и съ большими эволюціями. Отъ самой станціи мы отправились съ цесаревной (Мими) и Алексѣемъ верхомъ съ большой свитой и конвоемъ атаманцевъ, а я, съ перначомъ въ рукѣ, прямо въ соборъ, гдѣ послѣ краткаго молебна я вошелъ въ войсковой кругъ и сказалъ спичъ всѣмъ казакамъ, которыхъ было множество. Оттуда пошли со всѣми знаменами и регаліями въ войсковое правленіе, гдѣ съ почестями онѣ были отнесены въ ихъ мѣста, а мы опять сѣли верхомъ и отправились въ домъ атамана, гдѣ я пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ учебный донской полкъ, прошелся къ почетному караулу отъ моихъ атаманцевъ, а потомъ взшли въ домъ, который очень хорошъ и хорошо устроенъ. Мы оставались еще три дня въ Новочеркасскѣ, и каждый день было довольно много удовольствій. Послѣдній день мы отправились въ Грушевку смотрѣть угольные копи и оттуда прямо проѣхали въ Ростовъ, а оттуда на пароходѣ до таганрогскаго рейда, гдѣ сѣли на пароходъ русскаго общества «Великая Княгиня Ольга» и отправились въ Керчь. Здѣсь еще разъ благодарю за присылку кубанскихъ и терскихъ

Путешествіе государя императора Александра II съ наследникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ въ 1871 году.

Императоръ Александръ II, наследникъ Александръ Александровичъ, великіе князья Владиміръ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ. Въ числѣ свиты находились: графъ Перовскій, графъ Шува-ловъ 1-й, генералъ Воейковъ и др.

казаковъ, которые доставили мнѣ большое удовольствіе: чудные были типы между ними, и маленькіе мальчики понравились очень женѣ. Нѣкоторые изъ офицеровъ и урядниковъ насъ провожали верхомъ по всему городу и за городъ, въ крѣпость, по самой ужасной пыли и жарѣ...»¹⁾

Отдохнувъ въ Ялтѣ нѣсколько дней, наслѣдникъ съ цесаревной на пароходѣ «Тигръ» предприняли осмотръ окрестностей Ялты и между прочимъ посѣтили около Алушты Козмодемьянскій монастырь, гдѣ была для наслѣдника устроена охота. Изъ Ялты высокіе путешественники отправились въ Севастополь, куда и прибыли 28-го августа вмѣстѣ съ герцогомъ Альтенбургскимъ. Встрѣченныя генераломъ Тотлебенемъ, этимъ славнымъ участникомъ севастопольской обороны, ихъ высочества легко на самомъ мѣстѣ ознакомились во всей подробности со всѣми обстоятельствами какъ продолжительной обороны, такъ и паденія Севастополя.

На Графской пристани они встрѣтили принца Александра Петровича Ольденбургскаго, только что вернувшася съ сакскихъ грязей. Принявъ хлѣбъ-соль, ихъ высочества сѣли въ экипажъ и отправились обозрѣвать городъ. Первое, куда они заѣхали, былъ домъ, подаренный городу Тотлебенемъ для строящагося музея, для котораго уже начали собирать предметы времени севастопольской обороны. Далѣе, проѣхавъ между разрушенными домами съ остатками стѣнъ, испещренныхъ картечью и пулями, свидѣтельствовавшихъ и черезъ 14 лѣтъ о всѣхъ ужасахъ осады, ихъ высочества прошли на могилы четырехъ адмираловъ: Лазарева, Нахимова, Корнилова и Истомина. Здѣсь подъ сводами строящагося надъ ихъ прахомъ храма отслужили панихиду. Отсюда царственные путешественники въ сопровожденіи свиты, ѣхавшей въ 10 экипажахъ, посѣтили Херсонесскій монастырь, гдѣ архимандритъ Евгеній отслужилъ молебенъ и пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ взглянуть на строящійся храмъ св. Владимира, подъ сводами котораго сохранялись остатки древняго христіанскаго храма. Отсюда путешественники отправились черезъ весь городъ на 4-й бастионъ, гдѣ ихъ ожидали верховыя лошади. Поднялись на самый бастионъ, гдѣ до сихъ поръ были видны послѣдствія страшнаго взрыва, который произошелъ вслѣдствіе поджога порохового погреба въ послѣдній моментъ сдачи этого славнаго бастиона. Передавая все стратегическое значеніе 4-го бастиона, Тотлебенъ разсказалъ исторію этого бастиона, по плану, который держалъ Тотлебенъ. Несмотря на жгучіе лучи солнца и на пыль, ихъ высочества продолжали этотъ интересный осмотръ развалинъ Севастополя. Проѣхавъ на коняхъ около трехъ верстъ, посѣтили Малаховъ курганъ, гдѣ осмотрѣли древнюю башню, слушали разсказъ Тотлебена о штурмѣ кургана и осмотрѣ-

¹⁾ Архивъ министерства двора.

ли мѣста другихъ осадныхъ батарей. Цесаревичъ давно желалъ побывать въ Севастополѣ и осмотрѣть тѣ мѣста, гдѣ русскіе богатыри отстаивали честь родины. Какъ извѣстно, великій князь Александръ Александровичъ, имѣя только 10 лѣтъ отъ роду, въ 1855 году, посѣтилъ Кронштадтъ и наблюдалъ за бомбардировкой его союзнымъ флотомъ, что произвело на него сильное впечатлѣніе и впоследствии побудило принять участіе въ собираніи денегъ на севастопольскій музей ¹⁾.

Послѣ обѣда на пароходѣ «Тигръ» наслѣдникъ съ цесаревной отправились на Сѣверную сторону, посѣтили лагерь войскъ, русское кладбище павшихъ севастопольцевъ и памятникъ князю Горчакову. Уже стало вечерѣть какъ ихъ высочества возвратились на пароходъ и въ 10 ч. вечера отправились въ Ялту ²⁾.

4-го сентября наслѣдникъ съ цесаревной прибыли въ Одессу, во время переѣзда море было спокойно, и пароходъ подошелъ къ пристани во-время.

Пребываніе въ Одессѣ было непродолжительно. Цесаревичъ осмотрѣлъ новороссійскій университетъ. При входѣ въ университетскую церковь ихъ высочества были встрѣчены священникомъ съ крестомъ и св. водою. Попечитель и ректоръ провели августѣйшихъ гостей въ актовую залу, бібліотеку, физическій кабинетъ и другія помѣщенія. Внеся свои имена въ особую книгу ³⁾, царственные путешественники, поблагодаривъ сопровождавшихъ ихъ лицъ, отправились прямо на станцію желѣзной дороги для слѣдованія въ Кіевъ, куда прибыли 6-го сентября.

Въ Кіевѣ царственные путешественники прямо съ вокзала отправились въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ были встрѣчены митрополитомъ Арсеніемъ, который произнесъ большую рѣчь ⁴⁾. Въ лаврѣ они въ сопровожденіи митрополита спускались въ пещеры на поклоненіе св. мощамъ. На другой день наслѣдникъ съ цесаревной посѣтили лагерь и нѣкоторыя учебныя заведенія, а затѣмъ отправились черезъ Колпино въ Царское Село, куда и прибыли 10-го сентября.

1870 года, 17-го мая наслѣдникъ съ цесаревной отправились въ Новочеркасскъ для присутствованія на празднествѣ 300-лѣтняго юбилея существованія войска Донского. Ихъ высочества прибыли въ Новочеркасскъ 20-го мая; принявъ хлѣбъ-соль, они прошли во дворецъ, куда была подана верховая лошадь для цесаревича и коляска для цесаревны. Затѣмъ шествіе со свитою генераловъ и ата-

¹⁾ Наша статья «Русскій Архивъ» 1915 г. «Заботы цесаревича».

²⁾ «Одесскій Вѣстникъ» 1869 г. № 1908.

³⁾ Съ 1869 года наслѣдникъ числился почетнымъ членомъ императорскаго новороссійскаго университета.

⁴⁾ «Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости» 1869 г., № 18.

мановъ направилось въ соборъ, гдѣ было совершено молебствіе. Въ 9 часовъ вечера происходила прибавка новаго знамени въ память 300-лѣтія войска. Первый гвоздь забилъ наслѣдникъ, второй цесаревна, а потомъ прибывали по старшинству. Когда знамя было прибито, то наслѣдникъ самъ привязалъ къ древку александровскую ленту и вручилъ его уряднику со словами: «Поздравляю васъ съ новою царскою милостью и надѣюсь, что это не послѣднее знамя, которое получить войско Донское». Утромъ 21-го мая было объявлена царская милость: по отношенію прибавки жалованья, земельныхъ участковъ, сложений недоимокъ и проч. Между тѣмъ у собора на площади собрался войсковою кругъ, который объѣхалъ цесаревичъ, а затѣмъ наслѣдникъ съ цесаревной подъ руку прошли къ палаткѣ, приготовленной для освященія новаго знамени. По совершеніи молебствія подъ открытымъ небомъ раздалась салютационная пальба изъ орудій. Когда пальба окончилась, наслѣдникъ поздравилъ войско съ 300-лѣтнимъ юбилеемъ отъ имени государя и добавилъ: «Позвольте и мнѣ съ цесаревной принести вамъ наше искреннее поздравленіе и благодарность за оказанный намъ радушный пріемъ какъ въ этомъ году, такъ и прошедшемъ. Наше общее желаніе, это—чтобы наше славное русское казачество сохранилось и укрѣпилось надолго—во-вѣки вѣковъ». Послѣ церемоніальнаго марша войска были отпущены, а ихъ высочества и приглашенные отправились въ палатку, гдѣ была приготовлена войсковая хлѣбъ-соль. Во время завтрака наслѣдникъ провозгласилъ тосты за государя и за императрицу, а прочіе тосты провозглашалъ наказной атаманъ генераль Чертковъ. Между гостями генераль Леоновъ испросилъ разрѣшеніе на устройство подписки на памятникъ атаману Ермаку Тимсѣевичу.

По случаю недавняго семейнаго горя ¹⁾ наслѣдникъ отказался присутствовать на балу въ собраніи и не разрѣшилъ устроить иллюминацію; но потомъ, уступая настойчивымъ просьбамъ казаковъ, разрѣшилъ устроить иллюминацію въ городѣ.

22-го мая цесаревна принимала донскихъ дамъ и каждой давала свой фотографическій портретъ; а затѣмъ она съ наслѣдникомъ сошла въ садъ, гдѣ принимала воспитанницъ донскаго института. Въ 6 часовъ у ихъ высочествъ былъ обѣдъ на 150 персонъ, а вечеромъ въ городскомъ саду было гулянье, на которомъ висѣли красиво иллюминированные щиты-картины, которые очень понравились цесаревичу. Подойдя къ картинѣ Ермака, онъ сказалъ: «Такая иллюминація полезна. Она знакомитъ народъ съ его исторіей».

Настало утро 23-го мая, день отъѣзда августѣйшихъ атамана и атаманши. Прощаясь ²⁾ съ депутатами, наслѣдникъ сказалъ: «Про-

¹⁾ Вторымъ сыномъ наслѣдника, малютка великій князь Александръ, родился 25 мая 1869 года, а умеръ 20 апрѣля 1870 года.

²⁾ «Празднованіе 300-лѣтія войска Донскаго». Попова. 1870 г.

щайте. Очень радъ, что пришлось увидѣться съ вами». Ихъ высочества прибыли въ Царское Село 26-го мая.

Объ этомъ юбилеѣ наслѣдникъ въ письмѣ великому князю Михаилу Николаевичу пишетъ: «Все торжество прошло велико-

Пребываніе наслѣдника цесаревича въ Лондонѣ въ 1873 году.
Наслѣдникъ цесаревичъ, князь Бярянскій, князь Волконскій и принцъ Уэльскій,

лѣбно, хотя и долго продолжалось, отъ 10 утра до 2^{1/2} ч. дня. Здѣсь каждое торжество имѣетъ свой особенный характеръ, и сердце радуется видѣть казачій праздникъ, а въ особенности такой, какъ вчера, 300-лѣтній юбилей.

«Мы очень счастливы съ цесаревной быть здѣсь, и это истинное удовольствіе пробыть нѣсколько времени съ этими милыми донцами. Нельзя не привязаться къ нимъ и не уважать ихъ послѣ 300-лѣтней вѣрной службы Россіи...» ¹⁾.

V.

Путешествіе въ Данію.—Путешествіе на Кавказъ и за границу.—Берлинъ и Копенгагенъ, Лондонъ и Парижъ.

Въ этомъ же году наслѣдникъ съ цесаревной и великимъ княземъ Николаемъ Александровичемъ на яхтѣ «Штандартъ» отправились въ Копенгагенъ, куда прибыли 27-го іюля. На дорогѣ въ морѣ на «Штандартѣ» былъ поврежденъ гребной валъ, и потому высокіе путешественники были вынуждены пересѣсть на конвоира фрегатъ «Олафъ», который и доставилъ ихъ въ Копенгагенъ.

Молодые родители везли своего первороднаго сына къ августѣйшимъ дѣдушкѣ и бабушкѣ датскаго двора. Извѣстно, что наслѣдникъ полюбилъ датскій дворъ и датскую семью. Въ лѣтней резиденціи датскаго короля, въ Фреденсборгѣ, для семьи наслѣдника былъ отведенъ небольшой флигель съ садикомъ, окруженный изгородью изъ дикихъ розъ. Датскій корреспондентъ пишетъ: «Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе семейно-обаятельное, чѣмъ эта вилла въ Фреденсборгѣ. Въ домикѣ самыхъ миниатюрныхъ размѣровъ нѣтъ и слѣда блеска и роскоши, но всякій уголокъ убранъ съ изысканнымъ вкусомъ; всякая малѣйшая вещица настолько поэтична и изящна, что легко понять глубокую любовь, которую питаетъ датскій дворъ къ своему дворцу. Сколько семейной радости видѣли эти укромныя комнатки, сколько счастливыхъ рѣчей слышала высокая береза у открытаго окна, гдѣ въ лѣтніе вечера собирались высокіе жители Фреденсборга около русскаго самовара» ²⁾. Отдыхъ наслѣдника продолжался почти мѣсяць, и 21-го августа цесаревичъ съ семьей отправился обратно на пароходѣ «Олафъ» въ Россію.

Въ 1871 году наслѣдникъ съ цесаревной и маленькими великими князьями Николаемъ и Георгіемъ отправились на пароходѣ «Олафъ» въ Гапсаль для купанья въ морѣ. Семья наслѣдника остановилась въ томъ же домѣ Бреверна, какъ и раньше. Цесаревичъ пробылъ въ Гапсаль до конца іюня и возвратился обратно одинъ для присутствованія на смотрахъ въ Красномъ Селѣ. Послѣ смотровъ цесаревичъ отправился опять въ Гапсаль, гдѣ онъ пробылъ до 11-го августа и вмѣстѣ съ цесаревной и дѣтьми возвратился въ Петергофъ ³⁾.

¹⁾ Архивъ министерства двора.

²⁾ «Петербургская Газета» № 303 за 1894 годъ.

³⁾ «Всемирная Иллюстрація» за 1871 годъ.

Въ этомъ же году, 21-го августа, наслѣдникъ съ цесаревной и дѣтьми отправились въ Москву, откуда цесаревна съ дѣтьми и съ императрицею предприняли путешествіе въ Ливадію, а цесаревичъ остался въ Москвѣ для присутствованія на маневрахъ и смотрахъ войскъ. Изъ Москвы государь съ цесаревичемъ и великимъ княземъ Владимиромъ 24-го августа отправились на Кавказъ¹⁾.

Наслѣдникъ сопутствовалъ государю и осматривалъ по пути войска, учебныя заведенія и приюты. Проѣхавъ²⁾ по Волгѣ на Нижній-Новгородъ, Казань, Симбирскъ, Самару, Саратовъ, Царицынъ, Астрахань, царственные путешественники прибыли 6-го сентября въ крѣпость Петровскъ-Кавказскій, гдѣ остановились на ночлегъ³⁾. Въ Петровскѣ общество кавказскихъ молоканъ выставило 300 троекъ чудныхъ лошадей съ наборной упряжью для царскаго проѣзда; на этихъ лошадяхъ государя и его свита совершили путь до Тифлиса. 7-го сентября государь выѣхалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, куда и прибылъ въ тотъ же день въ 3 часа. На другой день, послѣ обѣдни, происходилъ смотръ войскамъ, а затѣмъ парадный обѣдъ и балъ, по случаю дня рожденія великой княжны Ольги Александровны. 9-го сентября остановились въ Ходжалъ-Махъ, гдѣ былъ ночлегъ. 10-го сентября прибыли въ Гунибъ. Свидѣтель посѣщенія государемъ Гуниба пишетъ⁴⁾, что для царственныхъ особъ и свиты были отведены квартиры, изъ которыхъ ушли офицеры расположеннаго здѣсь батальона, при чемъ государь съ наслѣдникомъ и великими князьями Владимиромъ и намѣстникомъ Кавказа Михаиломъ Николаевичемъ жили въ домѣ батальоннаго штаба, меблированномъ вещами, взятыми изъ другихъ офицерскихъ квартиръ. Царскій поѣздъ открывали всадники Дагестанскаго полка, затѣмъ ѣхала коляска государя, сидѣвшаго рядомъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, затѣмъ слѣдовали экипажи наслѣдника и лицъ свиты, всѣ запряженные тройками молоканскихъ лошадей. Остановившись у дороги въ церковь, государь, а съ нимъ и прочіе высокіе путешественники сѣли на верховыхъ лошадей и поднялись на крутую гору къ батальонной церкви, откуда открывался прекрасный видъ на горныя вершины окружающей ее мѣстности. Внизу шумѣлъ водопадъ Гунибской рѣчки, падающей среди дикихъ скалъ. Государь полюбился этимъ видомъ, а затѣмъ произвелъ смотръ батальону. Послѣ

1) Свиту государя составляли: графъ Шуваловъ, комендантъ ген. Рыльевъ, ген. Воейковъ, Салтыковъ, капитанъ гр. Адлербергъ, кн. Долгоруковъ, германской службы ген. Вердеръ и лейбъ-медикъ Карель. При наслѣдникѣ состояли гр. Перовскій и ротмистръ Козловъ.

2) Мы не передаемъ тѣ описанія путешествія государя по волжскимъ городамъ, такъ какъ они были почти одни и тѣ же, какъ при путешествіи цесаревича съ цесаревной.

3) Газета «Голось» 1871 г., № 284.

4) «Русская Старица» 1892 г., статья Сызгала.

обѣда осмотрѣли военный лазаретъ, казармы и, полюбовавшись на дикую природу кавказскихъ горъ, отправились на ночлегъ. На другой день государь съ великими князьями и свитой осматривали крѣпость, при чемъ государь приказалъ именовать ворота въ крѣпость «Шамилевскими», а другія, внизу—«Князя Барятинскаго». Проѣзжая къ аулу, гдѣ жилъ Шамиль, государь разспрашивалъ офицера, очевидца взятія Шамиля, о подробностяхъ происшедшаго боя. Затѣмъ проѣхали весь аулъ и заглянули въ саклю Шамиля. Въ березовой рошѣ, гдѣ подъ тѣнистыми деревьями находится большой камень, на которомъ сидѣлъ князь Барятинскій во время принесенія покорности Шамилемъ, былъ накрытъ завтракъ, во время котораго государь поднималъ бкаль въ честь князя Барятинскаго. День уже клонился къ вечеру, когда государь со свитою спустился съ горъ къ обѣду, во время котораго играла туземная музыка и зажглась иллюминація. На другое утро, 13-го сентября, царская фамилія отправились въ дальнѣйшій путь, который шель по Терской области. Обѣхавъ Дагестанъ, высокіе путешественники 17-го сентября были уже въ Слѣпцовской станицѣ, гдѣ былъ устроенъ роскошный завтракъ, государь принималъ властей и депутатовъ, произвелъ смотръ войскамъ и присутствовалъ на балу, устроенномъ въ ротондѣ городского сада, 19-го сентября въ м. Млеты и на другой день достигли Тифлиса. По дорогѣ отъ Дарьяла до Казбека лежитъ селеніе Степане-Цминда, имѣющее нѣкоторое историческое значеніе. Еще во времена грузинскихъ царей на обязанности жителей его лежала защита отъ горскихъ набѣговъ деревень, расположенныхъ по нынѣшнему Военно-Грузинскому тракту, поселился здѣсь грузинъ Казбекъ и получилъ въ подарокъ эту деревню съ обязательствомъ руководить защитой отъ набѣговъ горцевъ. Отсюда происходитъ названіе горы Казбекъ ¹⁾.

Дорога попрежнему подымалась все выше среди гористой и обнаженной отъ растительности мѣстности, кое-гдѣ виднѣлись едва сохранившіяся небольшія крѣпостцы и башни; тамъ же мѣстами виднѣлись храмы, сооруженные царицею Тамарою, которые весьма чтутся осетинами.

По прибытіи на станцію Млеты, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, стало совсѣмъ темно, окрестности горы освѣтились кострами, и разливаемый ими блескъ придавалъ этой чудной мѣстности дивный, фантастическій видъ.

20-го сентября на станціи Душетъ ожидалъ государя конвой отъ мѣстныхъ жителей: тушинъ, пенавцевъ и хевсуръ; первые изъ нихъ были храбрые сподвижники русскихъ войскъ въ борьбѣ съ горцами.

Въ тотъ же день царскій поѣздъ прибылъ на станцію Мцхетъ,

¹⁾ Газета «Кавказъ» 1871 г., № 112.

Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ въ гостяхъ у принца Уэльскаго въ 1873 году въ Англии.

сердце Грузіи. По преданію, городъ заложенъ царемъ Мцхетосомъ, основателемъ грузинскаго царства. Мцхетъ долгое время былъ столицею Иверіи; теперь же это небольшая деревушка. Только два уцѣлѣвшихъ храма свидѣтельствуютъ о его прежнемъ величіи. Тутъ же видна небольшая часовня на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ св. Нина молилась передъ крестомъ изъ виноградныхъ лозъ, связанныхъ ея собственными волосами. Прибывъ сюда, государь съ сыновьями поклонились этой древней святынѣ и принимали мѣстныхъ властей и жителей, поднесшихъ хлѣбъ-соль.

Не доѣзжая 8 верстъ до Тифлиса, царскій поѣздъ направился въ лагерь войскъ. У поворота на эту дорогу государь съ сыновьями вышелъ изъ экипажа и отправился верхомъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ и великимъ княземъ Владимиромъ въ лагерь. Въ лагерной ставкѣ ихъ привѣтствовала великая княгиня Ольга Ѳеодоровна съ сыномъ Николаемъ Михайловичемъ. Послѣ смотра царскій поѣздъ направился въ Тифлисъ. Встрѣченный властями, дворянами и князьями на лошадяхъ со знаменами, государь подѣхалъ прямо къ Сіонскому собору, гдѣ послѣ молебствія сѣлъ верхомъ и по городскимъ улицамъ проѣхалъ во дворецъ, занимаемый намѣстникомъ Кавказа.

На второй день пребыванія въ Тифлисъ у государя былъ пріемъ персидскаго и турецкаго посольствъ, а также военныхъ и мѣстныхъ властей, дворянъ и чиновниковъ. Въ этотъ же день былъ смотръ войскамъ и посѣщеніе института, попечительницей котораго состояла великая княгиня Ольга Ѳеодоровна, которая и встрѣтила государя. Въ 7 часовъ дворянство давало обѣдъ, на которомъ была вся царская фамилія. День закончился посѣщеніемъ театра. Такъ же провели день и 22-го сентября, но обѣдъ былъ у намѣстника, вечеромъ былъ фейерверкъ, устроенный городскимъ обществомъ.

Рано утромъ 23-го сентября государь съ наслѣдникомъ и великими князьями Владимиромъ Александровичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ отправились на охоту въ живописные Караязскіе лѣса. До мѣста охоты пришлось сдѣлать до 30 верстъ по ж. д. На этомъ пути начинается одно изъ громаднѣйшихъ сооруженій на Кавказѣ—ирригаціонный каналъ, проведенный изъ р. Куры для оплодотворенія той части Караязской степи, которую въ 1863 г. государь пожаловалъ обществу для возстановленія христіанства на Кавказѣ. Хотя въ этотъ день погода была слишкомъ жаркая, однако охота удалась вполне. Съ охоты вернулись въ 10 часовъ вечера.

Пробывъ въ Тифлисъ 4 дня, царская фамилія 25-го сентября уѣхала дальше, по пути въ Кутаисскую губернію, слѣдуя черезъ бывший городъ Уплисьцихе, замѣчательный какъ въ историческомъ, такъ и въ археологическомъ отношеніяхъ. Разореніе этого города приписываютъ Чингисъ-хану. Судя по сохранившимся остаткамъ,

можно предположить, что Уплисцихе былъ когда-то жилищемъ троглодитовъ, о которыхъ такъ много говоритъ Геродотъ. Дѣйствительно, всѣ жилища бывшихъ обитателей этого города устроены въ пещерахъ, замѣчательныхъ по величинѣ и по внутреннему устройству. Общій видъ этого города представляется какъ бы обширнымъ кладбищемъ давно вымершихъ поколѣній.

Въ полдень царскій поѣздъ прибылъ въ гор. Гори. Это древняя крѣпость-замокъ, находится на высокомъ крутомъ холмѣ и во всѣ времена считалась однимъ изъ надежнѣйшихъ пунктовъ противъ непріятельскихъ нашествій. Изъ Гори высокіе путешественники быстро достигли селенія Руиси, бывшей резиденціи царя Давида, когда Тифлисъ былъ еще во владѣніи сарацинъ. Въ этотъ день царскій поѣздъ достигъ Боржомъ, гдѣ въ лѣтнемъ дворцѣ намѣстника имѣлъ ночлегъ. Въ Боржомѣ прибыла и великая княгиня Ольга Ѳеодоровна съ дѣтьми и встрѣчала царственныхъ путешественниковъ.

Изъ Боржомъ царскій поѣздъ прослѣдовалъ по Кутанской губерніи и 28-го сентября прибылъ въ Поти, гдѣ тотчасъ же перешли на яхту «Тигръ» и по Черному морю пріѣхали въ Ялту, встрѣченные императрицею, великими князьями Сергѣемъ и Павломъ и великою княжною Марією Александровною.

Наслѣдникъ пробылъ въ Ялтѣ до 12-го октября, когда онъ, съ цесаревной и дѣтьми, возвратился въ Царское Село.

Въ 1872 году, 6-го іюня, государь съ наслѣдникомъ, цесаревной и великимъ княземъ Владимромъ Александровичемъ отправились въ Москву на политехническую выставку и остановились въ Кремлевскомъ дворцѣ; на другой день, послѣ выхода въ Успенскій соборъ и Чудовъ монастырь, они были на смотрѣ войскъ а потомъ посѣтили выставку, гдѣ пробыли три часа. Вечеромъ былъ балъ у московскаго генераль-губернатора; а послѣ бала переѣхали въ загородный Александровскій дворецъ. 9-го іюня высочайшіе гости пробыли на выставкѣ четыре часа, въ 6 часовъ въ Кремлевскомъ дворцѣ былъ обѣдъ съ военными и гражданскими чинами. Вечеръ закончился представленіемъ въ театрѣ. 10-го іюня на Ходынскомъ полѣ происходилъ парадъ всѣмъ войскамъ, а вечеромъ дворяне давали балъ. 12-го іюня царская семья распрощалась съ Москвой и возвратилась въ Царское ¹⁾.

Въ томъ же году, 17-го іюля, цесаревичъ съ двумя адъютантами отправился изъ Петергофа на яхтѣ «Штандартъ» въ Копенгагенъ ²⁾, гдѣ пробылъ до 5-го августа, а затѣмъ прибылъ въ Либаву, отсюда по желѣзнымъ дорогамъ безостановочно проѣхалъ до Таганрога. На таганрогскомъ рейдѣ встрѣтился съ государемъ и императри-

¹⁾ «Голось» 1872 года.

²⁾ Цесаревича сопровождали графъ С. Шереметевъ и ротмистръ Козловъ.

цею и вмѣстѣ съ ними посѣтилъ таганрогскій дворець, гдѣ была отслужена панихида по императорѣ Александрѣ I.

13-го августа ихъ величества съ цесаревичемъ и великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ прибыли въ Новочеркасскъ. На станціи сѣли на верховыхъ лошадей и сопровождали императрицу, которая была въ коляскѣ, на площадь собора, гдѣ собрался войсковой кругъ. Пропустивъ казачьи войска церемоніальнымъ маршемъ мимо императрицы, царская фамилія отбыла во дворець. Вечеромъ была иллюминація, на которую пѣшкомъ отправились августѣйшіе путешественники. Пробывъ въ Новочеркасскѣ до 15-го августа и присутствуя на всѣхъ празднествахъ, царская фамилія выѣхала изъ Новочеркасска: императрица въ Ливадію, а государь съ наслѣдникомъ и великимъ княземъ Владиміромъ въ Чугуевъ, Кременчугъ, Полтаву, Елисаветградъ и Харьковъ; вездѣ государь смотрѣлъ войска и посѣщаль различныя правительственныя учрежденія, институты, соборы и гимназіи.

24-го августа государь съ наслѣдникомъ и его братомъ Владиміромъ прибыли въ Берлинъ, гдѣ происходилъ цѣлый рядъ празднествъ, начиная съ торжественнаго въѣзда въ Берлинъ. Завтраки, обѣды, театры, одно слѣдовало за другимъ, чередуясь съ военными смотрами, маневрами и отдѣльными посѣщеніями учреждений. Въ это время въ Берлинъ прибыли императоръ австрійскій и великій князь Николай Николаевичъ.

26-го августа передъ дворцомъ была церемоніальная заря съ хорами музыки всего берлинскаго гарнизона. 29-го августа было парадное представленіе въ оперномъ театрѣ, на которомъ были всѣ августѣйшіе гости. Театръ былъ полонъ военными, офицерами и солдатами. Маневръ гвардейскаго корпуса происходилъ въ окрестностяхъ Шпандау. На парадѣ гвардейскаго корпуса, когда государь появился передъ войсками, то императоръ Вильгельмъ обнажилъ шпагу, принялъ лично командованіе войсками и когда императоры русскій и австрійскій появились на плацу, то Вильгельмъ скомандоваль «на крауль» и поскакалъ навстрѣчу и подалъ рапорты обоимъ императорамъ.

Этотъ военный долгъ вѣжливости былъ единственнымъ фактомъ, когда шпага Германіи склонилась передъ Россіей, послѣ разгрома Франціи въ 1870 году. «Никогда Пруссія¹⁾ на забудетъ, что она вамъ обязана тѣмъ, что война не приняла крайнихъ размѣровъ. Да благословитъ васъ за это Господь! До конца жизни вамъ признательный другъ. Вильгельмъ». Такъ писалъ германскій императоръ русскому царю по подписаніи мира съ разбитой Франціею.

30-го августа, въ день тезоименитства императора Александра Николаевича и цесаревича Александра Александровича, въ русской

¹⁾ Газета «Голось» за 1871 годъ.

Настѣшицъ съ цесаревной въ гостяхъ у фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго въ Скерневицахъ въ 1876 году.

церкви было торжественное богослуженіе, послѣ котораго августѣйшіе именинники принимали поздравленія отъ императора германскаго и прочихъ высочайшихъ особъ. Австрійскій императоръ пріѣзжалъ съ визитомъ къ государю во дворець.

На другой день государь съ наслѣдникомъ выѣхали изъ Берлина. Наслѣдникъ отправился на Киль, гдѣ его ожидала цесаревна, пріѣхавшая изъ Даніи, и они вмѣстѣ продолжали путь въ лѣтнюю резиденцію короля датскаго, въ замокъ Бернсдорфъ. Пробывъ въ Даніи до послѣднихъ чиселъ августа, семейство наслѣдника отправилось въ Крымъ, гдѣ и прожили у ихъ величествъ весь сентябрь. Изъ Ялты государь съ наслѣдникомъ и цесаревной и августѣйшими дѣтьми наслѣдника отплыли въ Одессу. Пробывъ тамъ два дня, царскій поѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ привезъ ихъ въ Царское Село 29-го октября.

Въ началѣ ноября 1872 года наслѣдникъ заболѣлъ брюшнымъ тифомъ, который хотя и принялъ серьезную форму, но мощная натура цесаревича осилила болѣзнь, и съ 1-го января 1873 года, въ виду благопріятнаго отзыва медиковъ, дальнѣйшее опубликованіе ежедневныхъ бюллетеней о состояніи здоровья наслѣдника прекращено.

Въ 1873 году, 23-го февраля наслѣдникъ былъ назначенъ почетнымъ предсѣдателемъ русскаго отдѣла на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ. Среди русскихъ экспонатовъ на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ только что окончено отдѣлкой большое 12-дюймовое стальное, скрѣпленное кольцами орудіе, предназначенное на вѣнскую выставку. Это орудіе, вѣсомъ въ 2470 пудовъ, представляетъ нѣчто среднее между пушкой и мортирой. Для осмотра этого орудія наслѣдникъ пригласилъ государя и великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей посѣтить Обуховскій заводъ и осмотрѣть это чудовищное орудіе. Осмотръ былъ произведенъ 23-го марта, и признано достойнымъ показать чудо на всемірной выставкѣ.

Въ Вѣну выѣхали 18-го мая государь, наслѣдникъ съ цесаревной и великимъ княземъ Владимиромъ ¹⁾.

Въ Варшавѣ черезъ полтора часа переѣхали на поѣздъ Вѣнской ж. д., и 21-го мая царская семья обѣдала въ Шенбрунскомъ дворцѣ у австрійскаго императора. Распределеніе времени пребыванія въ Вѣнѣ было слѣдующее: 21-го мая обѣдъ въ Шенбрунѣ; вечеромъ балъ у русскаго посланника. 22-го мая осмотръ выставки; обѣдъ во дворцѣ; вечеромъ чай съ танцами у императора. 23-го мая—посѣщеніе выставки; вечеромъ театръ и ужинъ въ саду; послѣ ужина фейер-

¹⁾ Во время путешествія наслѣдника и цесаревны въ Вѣну ихъ сопровождали: генералъ Стюрлеръ, ротмистръ Мартыновъ, гр. Олсуфьевъ, гофмейстериша кн. Курякина и фрейлина гр. Апраксина.

веркъ. 24-го мая парадъ войскамъ, парадный обѣдъ, вечеромъ театръ и балъ у князя Гогенлоэ. 25-го мая—охота въ Тиргаргентъ; вечеромъ балъ у эрцгерцога Людовика. 26-го мая—осмотръ достопримѣчательностей; вечеромъ балетъ и семейный чай въ театрѣ. 27-го мая отъѣздъ русской императорской фамилии. На вѣнской выставкѣ обуховское орудіе хотя и не было обнесено, какъ крупновскія, бархатною рамкой, но по величинѣ и по достоинству оно было первое на выставкѣ. Въ прибытіе этой пушки изъ Россіи не вѣрили австрійскія газеты, и австрійскій генераль-фельдцейхмейстеръ эрцгерцогъ Вильгельмъ со своимъ штабомъ долго осматривали русское орудіе и желѣзнодорожную платформу, на которой оно прибыло изъ Петрограда въ Вѣну ¹⁾. Всѣ празднества въ Вѣнѣ носили строго официальный характеръ и исполнялись по программѣ. На большомъ обѣдѣ императоръ Францъ-Иосифъ провозгласилъ тостъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «За здоровье нашего милого гостя, моего дорогого друга, его императорскаго величества, императора Россіи» (Er lebe hoch). На это государь отвѣтилъ: «За здоровье его величества, августѣйшаго императора, сердечно благодарю за его милыя слова».

По этому поводу вѣнская газета «Fremdenblatt» замѣчаетъ, что тостъ Александра II былъ очень сухъ по своему содержанию, въ противоположность теплomu привѣтствію Франца. Газета находитъ, что Александръ II всегда смущается, когда говоритъ, но въ свои слова онъ вложилъ особенную выразительность, которая искупааетъ ихъ содержание ²⁾.

Изъ Вѣны царская семья отправилась въ Штутгартъ для посѣщенія родственниковъ, гдѣ пробыла два дня. Съ 1-го іюня наслѣдникъ съ цесаревной и малолѣтними дѣтьми Николаемъ и Георгіемъ отправились на яхтѣ «Штандартъ» въ Лондонъ.

Англійская газета «Times» пишетъ, что наслѣдникъ съ цесаревной и двумя ихъ августѣйшими дѣтьми прибыли въ Вуличъ 4-го іюня... «Визитъ ихъ считается частнымъ и говорятъ, что они путешествуютъ инкогнито, но обстоятельства, при которыхъ они сошли съ парохода, и приемъ, имъ оказанный, наврядъ ли могъ быть болѣе торжественный, чѣмъ если бы онъ былъ официальный».

Тамъ присутствовалъ почетный караулъ отъ батареи 17-й бригады съ оркестромъ музыки. Принцъ и принцесса Уэльскіе прибыли въ Вуличъ съ эскортомъ лейбъ-драгунскаго полка. Когда императорская яхта «Штандартъ» была установлена и мостикъ укрѣпленъ, то принцъ и принцесса взошли на пароходъ и привѣтствовали приѣзжихъ. Подъ звуки оркестра музыки, игравшей національный гимнъ, батарея артиллеріи произвела 21 выстрѣлъ изъ орудій. Высочайшіе

¹⁾ Газета «Голось» 1873 года.

²⁾ «Fremdenblatt» 1873 года, № 151.

гости были встрѣчены чрезвычайно восторженно криками «ура» тысячами рабочихъ. Отсюда высокіе гости уѣхали въ Лондонъ. Наслѣдникъ и цесаревна съ дѣтьми будутъ гостями принца и принцессы Уэльскихъ во все время пребыванія ихъ здѣсь ¹⁾. Герцогъ Эдинбургскій и герцогиня и герцогъ Кембриджскіе, принцъ Христіанъ и герцогъ и герцогиня Тэксскіе послѣ обѣда посѣтили пріѣзжихъ гостей во дворцѣ Марлборо-Хаусъ, а потомъ съ ними вмѣстѣ отправились въ театръ, гдѣ слушали итальянскую оперу. На другой день, 7-го іюня, наслѣдникъ сдѣлалъ визиты всѣмъ англійскимъ принцамъ, а потомъ посѣтилъ шаха персидскаго, бывшаго въ то время въ Лондонѣ. Вечеромъ наслѣдникъ съ цесаревной были на балу, данномъ въ честь шаха. На другой день ихъ высочества были приняты королевой Викторіей. Замѣчательно, что они были представлены русскимъ посломъ барономъ Бруновымъ. Этотъ визитъ былъ очень торжественнымъ и на вокзалѣ, въ Виндзорѣ, былъ выстроенъ почетный караулъ. Послѣ официального визита, по придворному этикету, королева пригласила наслѣдника и цесаревну завтракать, а потомъ катались по парку и вернулись въ Лондонъ. 12-го іюня былъ морской смотръ, на которомъ наслѣдникъ съ цесаревной находились на яхтѣ «Викторія и Альбертъ». 13-го іюня они присутствовали на смотре войскъ въ Виндзорскомъ паркѣ, въ честь шаха. На другой день они посѣтили адмиралтейскіе доки и больницу въ Гринвичѣ, гдѣ и завтракали, вечеромъ были на придворномъ балу въ Букингемскомъ дворцѣ. Въ пятницу 15-го іюня наслѣдникъ съ принцемъ Уэльскимъ были въ Стокбриджѣ на скачкахъ. Въ субботу наслѣдникъ съ цесаревной и съ принцемъ Уэльскимъ присутствовали на состязаніи игры въ «поло» между гвардейской и легкой кавалеріей на поляхъ Громпонта, а затѣмъ посѣтили Уэльскихъ, гдѣ происходилъ пріемъ шаха въ садахъ въ Чизикѣ. 20-го іюня ихъ высочества были у королевы въ Виндзорскомъ дворцѣ на обѣдѣ, гдѣ игралъ оркестръ музыки, игравшій русскій гимнъ и фантазіи на русскіе мотивы. На другой день наслѣдникъ съ принцемъ Уэльскимъ обѣдали въ лоцманской корпораціи, а вечеромъ вмѣстѣ съ ихъ супругами были на балу у герцога Веллингтона. 23-го іюня наслѣдникъ выѣхалъ въ Гулль, на кораблестроительный заводъ, на которомъ строится яхта для его высочества, названная «Цесаревна». Вечеромъ наслѣдникъ посѣтилъ директора завода мистера Рида, у котораго онъ, съ адмираломъ Чихачевымъ завтракали. 25-го іюня на заводѣ происходилъ спускъ только что оконченной яхты «Цесаревны», которою наслѣдникъ былъ очень доволенъ. Вслѣдъ за спускомъ яхты цесаревичъ осматрѣлъ

¹⁾ Во время пребыванія въ Лондонѣ при ихъ высочествахъ состояли слѣдующія лица: княгиня Куракина, графиня Апраксина, генераль Зинovieвъ, генераль Стюрлеръ, графъ Олсуфьевъ и докторъ Гиршъ.

новые англійскіе корабли и настолько увлекся ихъ осмотромъ, что просилъ показать ему чертежи, что и было исполнено. Администрація Гулля поднесла цесаревичу адресъ, на которомъ онъ написалъ, что пребываніе его въ Гуллѣ доставило ему большое удовольствіе и что онъ радъ случаю выразить свое довѣріе на солидную постановку кораблестроительнаго дѣла въ этомъ портѣ¹⁾.

По возвращеніи въ Лондонъ ихъ высочества продолжали веселиться; балы слѣдовали одинъ за другимъ, вечера проводили въ театрахъ, по утрамъ бывали на смотру войскъ, посѣщали больницы, тюрьмы, выставки картинъ, клубы, арсеналы, лабораторіи, бывали въ концертахъ, а по праздникамъ посѣщали русскую церковь. Такимъ образомъ шло время пребыванія наследника съ цесаревною въ Лондонѣ. Между тѣмъ главною цѣлью ихъ посѣщенія Лондона была помолвка²⁾ герцога Эдинбургскаго Альфреда съ великою княжною Марією Александровною, дочерью русскаго императора. Событіе было объявлено королевою Викторією 5-го іюля. По этому случаю были произведены салюты изъ пушекъ.

Посѣтивъ всемірную выставку въ Хрустальномъ дворцѣ, наследникъ съ цесаревною обошли Британскій музей и посѣтили Вестминстерское аббатство. При посѣщеніи королевской датской галлерей цесаревна удостоила чести мистера Кобервейна позировать для своего портрета. Передъ своимъ отъѣздомъ наследникъ съ цесаревною дѣлали прощальные визиты и послѣ прощальнаго обѣда у королевы уѣхали на «Штандартѣ» въ Кронштадтъ³⁾.

27-го сентября наследникъ съ цесаревною и августѣйшими дѣтьми отправились въ Ливадію, гдѣ пробыли до 12-го ноября. Во время проживанія въ Ливадіи наследникъ съ цесаревною уѣзжали въ Севастополь, гдѣ еще разъ осмотрѣли всѣ достопримѣчательности обороны Севастополя и его окрестностей. Наследникъ интересовался изученіемъ на мѣстѣ всего плана наступленія союзниковъ и величественной обороны Севастополя.

1874 года, 3-го января прибыли изъ Англій принцъ и принцесса Уэльскіе, принцъ Эдинбургскій и принцъ Артуръ на свадьбу великой княжны Маріи Александровны, которая состоялась 11-го января. Послѣ свадебныхъ торжествъ и увеселеній августѣйшіе молодые по заведенному обычаю посѣтили Москву. Въ этой поѣздкѣ имъ сопутствовалъ государь, наследникъ, цесаревна и англійскіе гости. Послѣ выхода въ Успенскій соборъ царская семья посѣтила

¹⁾ Построенная въ Англій яхта «Цесаревна» при испытаніи въ морѣ не удовлетворила тому, чего ожидали отъ нея. Въ виду этой неудачи строитель Ридъ рѣшилъ взять яхту обратно на заводъ для передѣлки. (Газета «Голось» № 221 за 1873 годъ.

²⁾ Газета «Голось», № 180 за 1873 годъ.

³⁾ Выписка изъ газеты «Times» и изъ «Придворнаго англійскаго журнала», а также переводъ статей, относящихся до пребыванія ихъ высочествъ въ Англій, столь любезно сдѣланы въ нашемъ военномъ агентствѣ въ Лондонѣ.

Троице-Сергіеву лавру и 28-го января возвратилась въ Петроградъ.

22-го сентября наслѣдникъ съ цесаревной и своими дѣтьми отправились въ Ялту, чтобы провести осень, для дѣтей, въ теплое климатѣ.

Во время пребыванія въ Ливадіи императрица съ цесаревичемъ предприняли поѣздку въ Лондонъ, гдѣ ожидали разрѣшенія отъ бремени великой княгини Маріи Александровны. Вотъ что пишетъ объ этомъ цесаревичъ своему дядѣ великому князю Михаилу Николаевичу. «Объ нашемъ пребываніи въ Лондонѣ могу сказать, что оно оставило у меня самое пріятное воспоминаніе. Слава Богу, Мари¹⁾ такъ скоро и хорошо поправилась, какъ нельзя лучше; маленькій славный ребенокъ, здоровый и большой. Жили мы очень тихо и пріятно, совершенно какъ у себя дома, и одно, что испортило хорошее впечатлѣніе, это то, что мама простудилась и снова начался катаръ легкихъ и сильная лихорадка, что очень утомило ее и ослабило, такъ что около трехъ недѣль она не выходила изъ комнаты. Слава Богу, теперь извѣстія хорошія, и Боткинъ вообще доволенъ состояніемъ мамы. Что касается лично до меня, то я наслаждался этимъ полнымъ спокойствіемъ и свободой. Я часто ѣздилъ по разнымъ дачамъ на охоту и настрѣлялся вдоволь; бывали дни, гдѣ я выстрѣливалъ болѣе 500 патроновъ въ день. Я прожилъ у Валійскихъ, въ ихъ имѣніи Sandringhame, очень пріятно провелъ время въ пріятномъ и веселомъ обществѣ.

«Въ Лондонѣ много ѣздилъ и осматривалъ, а по вечерамъ часто бывали въ театрахъ. Вообще, я очень доволенъ пребываніемъ въ Англіи и наслаждался вполнѣ.

«На другой день крестинъ, какъ тебѣ извѣстно, мы простились съ милой²⁾ Мари и Англією и отправились въ Парижъ съ мама и Алексѣемъ, который пріѣхалъ дней за 10 до нашего отъѣзда».

Въ другомъ письмѣ цесаревичъ описываетъ тому же августѣйшему дядѣ: «Королева Викторія дѣйствительно только разъ видѣлась съ мама въ Лондонѣ и именно въ день крестинъ. Она была все время въ Шотландіи и для крестинъ пріѣхала въ Лондонъ изъ Виндзора, куда и отправилась сейчасъ же послѣ церемоніи и, такимъ образомъ, видѣлась съ мама только разъ. Она вообще... дѣлаетъ что ей угодно... я полагаю, что никакого предварительнаго соглашенія между ею и мама не было по этому поводу, а было рѣшено, что мама будетъ жить въ Eastivelle у Мари и Альфреда, но такъ какъ это не удалось, а пришлось остановиться въ Лондонѣ въ Buckingham Palace, то королева не нашла нужнымъ

¹⁾ Великая княгиня Марія Александровна Эдинбургская.

²⁾ Великій князь Алексѣй Александровичъ.

что-либо измѣнить изъ своей рѣшенной программы и осталась преспокойно въ Шотландіи...»¹⁾

Изъ Англій императрица съ цесаревичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ отправились въ Парижъ 12-го ноября. Объ этомъ путешествіи цесаревичъ пишетъ: «Переходъ черезъ Ламаншъ мы сдѣлали на нашемъ пароходѣ «Штандартъ», и день былъ чудный, свѣтлый, но холодный. Слава Богу, пріѣхали въ Парижъ благополучно въ тотъ же день, въ 8 часовъ вечера и помѣстились все въ нашемъ посольствѣ у Орлова²⁾... Мы съ Алексѣемъ были, конечно, у маршала Макъ-Магона съ визитомъ и потомъ разъ у него обѣдали въ Елизе. Приглашенныхъ было человѣкъ 60, а послѣ обѣда былъ вечеръ и приглашенныхъ было еще больше, около 150 чел., и былъ устроенъ маленькій спектакль. На этомъ вечерѣ я принималъ весь дипломатическій корпусъ, что было не особенно весело, но надо отдать справедливость президенту республики и его женѣ, что они хорошо принимали и были чрезвычайно любезны и милы. Пробывъ со вторника въ Парижѣ, въ воскресенье утромъ 17-го ноября я отправился въ обратный путь и 18 ч. утромъ прибылъ въ Берлинъ, гдѣ и остановился до вечера. Былъ съ визитомъ у короля и королевы и наслѣдника и его жены, катался съ ними. Обѣдалъ у короля за фамильнымъ столомъ, а вечеромъ былъ съ ними въ театрѣ. Въ 11 часовъ вечера отправился далѣе и въ среду 20-го числа пріѣхалъ благополучно въ Царское Село...»³⁾

Изъ воспоминаній профессора живописи А. П. Боголюбова, который былъ очень близокъ къ наслѣднику, и у котораго брала уроки живописи цесаревна, мы знаемъ, что въ двукратную свою бытность въ Парижѣ въ 1874 года и въ 1879 г.г. наслѣдникъ и цесаревна не пропускали случая при поѣздкахъ по городу обращать вниманіе на выдающіеся шедевры въ области живописи и искусства. При посѣщеніяхъ русскихъ художниковъ Рѣпина, Полѣнова, Бегрова, Васнецова, Харламова и др. наслѣдникъ заказывалъ имъ писать картины, которыя теперь уже украшаютъ нашъ Эрмитажъ. Его высочество знакомился и съ французскими художниками; между прочимъ наслѣдникъ посѣтилъ 80-лѣтняго художника Изабе. Надо было видѣть непритворную радость почтеннаго человѣка, когда къ нему вошелъ великій князь.

«Отецъ мой,—сказалъ Изабе,—имѣлъ счастье писать портреты императоровъ Александра I и Николая I; онъ обожалъ Россію, и я счастливъ видѣть внука ихъ...» Наслѣдникъ отвѣчалъ⁴⁾: «Я зналъ васъ давно, г. Изабе, знаю по работамъ и вашего

¹⁾ Архивъ министерства двора.

²⁾ Русскій посоль въ Франціи.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ «Императоръ Александръ III». 1895 г., изданіе типографіи кн. Мещерскаго.

отца, миниатюры котораго всегда передъ мной въ петергофской моей дачѣ Александрин, а въ Петроградѣ мой кабинетъ украшаютъ двѣ ваши марины; я люблюсь ими постоянно...» Кромѣ Изабе, наслѣдникъ съ цесаревной посѣтили художника Лелуари и знаменитаго Мейсонье... Бесѣдуя съ великимъ княземъ о формахъ первой имперіи, Мейсонье вынулъ изъ портфеля рисунокъ художника Жерико, гдѣ съ глубокимъ знаніемъ былъ исполненъ костюмъ и бѣлый конь «Бьюти», императора Александра I. Затѣмъ онъ сказалъ: «Съ этого матеріала я написалъ картину изъ жизни императора въ Елисейскомъ дворцѣ съ окружавшею его свитою». Посѣтивъ мастерскую баталиста Деневилля, наслѣдникъ заказалъ ему картину «Чердакъ осажденнаго дома во французской деревнѣ», которая впоследствии была повѣшена въ гатчинскомъ дворцѣ. Наслѣдникъ посѣтилъ и другихъ французскихъ художниковъ, но самое большое впечатлѣніе на него произвело посѣщеніе коллекціи древностей Базилевскаго, которую онъ осматривалъ два раза, и въ концѣ концовъ эта коллекція была приобретена для нашего Эрмитажа.

VI.

Финляндскія шхеры.—Поѣздка въ Вѣну, Данію, Финляндію.—Поѣздки 1879 и 1880 гг.—Заключеніе.

1875 годъ 23-го мая наслѣдникъ съ цесаревною предприняли поѣздку на своей новой яхтѣ «Царевна» въ финляндскія шхеры. Къ этой увеселительной поѣздкѣ были приглашены принцъ Александръ Петровичъ и Евгенія Максимиліановна Ольденбургскіе, графиня Апраксина, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, Стюрлеръ, гр. Олсуфьевъ и кн. Оболенскій. Наслѣдникъ любилъ шхеры, любилъ море, любилъ тишину морской природы и поэтому пользовался случаемъ отдохнуть вдали отъ шумнаго свѣта. Новая яхта, на которой онъ плавалъ въ первый разъ, доставила ему большое удовольствіе. Прогулка эта не имѣла никакой официальнойности, и потому нигдѣ не было никакихъ встрѣчъ, что и правилось цесаревичу. Въ шхерахъ пробыли до 2-го іюня.

15-го іюня цесаревичъ выѣхалъ въ Варшаву, гдѣ государь производилъ смотры и маневры войскъ варшавскаго военнаго округа. Цесаревичъ жилъ во дворцѣ Belvedere, въ тѣхъ комнатахъ, въ которыхъ помѣщался въ 1830 году великій князь Константинъ Павловичъ во время возстанія. Здѣсь цесаревичъ видѣлъ то мѣсто, откуда намѣстникъ скрылся отъ убійцъ во время мятежа. Во дворцѣ нѣтъ никакихъ художественныхъ произведеній, мебель скучная... Одинъ разъ цесаревичъ ѣздилъ въ штабъ-квартиру Александрійскаго гусарскаго полка, которымъ командовалъ принцъ Евгеній Максимиліановичъ Лейхтенбергскій.

Лучшимъ воспоминаніемъ этого времени является пребываніе въ м. Скерневицахъ, въ гостяхъ у фельдмаршала князя Бяратинскаго. Въ то время онъ былъ уже не у дѣлъ и пользовался почетнымъ отдаленіемъ въ замкѣ Скерневице, предоставленнымъ государемъ въ его распоряженіе. Не ясно понималось многими дѣйствительное желаніе оказать ему почетъ и внѣшнее отличіе... но въ то время уже ясно сознавалось, что не все сочувствуютъ кн. Бяратинскому. Не говоримъ уже объ открытой враждѣ и о соперничествѣ другого фельдмаршала графа Берга, который, сидя въ Варшавѣ, не могъ примириться съ тѣмъ, что Бяратинскій, хотя и не у дѣлъ, но однимъ пребываніемъ въ Скерневицахъ имѣлъ большее значеніе, чѣмъ онъ.

«Мы,—пишетъ ¹⁾ графъ Шереметевъ,—провели время въ Скерневицахъ очень пріятно. Кто могъ соперничать съ фельмаршаломъ въ искусствѣ пріемовъ? И теперь все было выполнено безукоризненно и просто. Былъ большой обѣдъ на 60 человекъ въ крытой деревянной палаткѣ... а вечеромъ спектакль на импровизированной сценѣ...»

Цесаревичъ любилъ и уважалъ кн. А. И. Бяратинскаго по собственному ему влеченію къ порядочности и самостоятельности, особенно имъ цѣнимыхъ въ средѣ, ближайшей къ престолу. Онъ вообще сочувствовалъ во многомъ взглядамъ фельдмаршала и глубоко сожалѣлъ объ его относительномъ отдаленіи. По кончинѣ кн. Бяратинскаго онъ лично отправился въ с. Ивановское, чтобы присутствовать на его похоронахъ. Не разъ и послѣ смерти онъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что его уже нѣтъ. Пребываніе въ Варшавѣ вдругъ смѣнилось неожиданнымъ путешествіемъ. Цесаревичъ получилъ приказаніе ѣхать въ Вѣну на похороны скончавшагося императора Фердинанда.

Выѣхавъ цесаревичъ въ Вѣну 22-го іюня и безостановочно прослѣдовалъ до Вѣны. Не доѣзжая до столицы, къ поѣзду присоединился одинъ изъ нѣмецкихъ принцевъ, который очень надоѣлъ цесаревичу. Повидимому, этотъ принцъ былъ недоволенъ одновременнымъ пріѣздомъ въ Вѣну съ цесаревичемъ, о чемъ рассказывалъ послѣдній, смѣясь, что испортилъ ему весь блескъ пріѣзда. На вокзалѣ цесаревича встрѣтилъ императоръ Францъ, и они обмѣнялись поцѣлуями. Наслѣдникъ былъ въ австрійскомъ полковничьемъ мундирѣ своего полка при лентѣ ордена Стефана. Съ вокзала цесаревичъ поѣхалъ въ экипажѣ вмѣстѣ съ императоромъ Францемъ ²⁾. Помѣщеніе для цесаревича было приготовлено въ Hofbourg, большія, прекрасныя комнаты съ портретами Маріи-Терезіи. Свита наследника, генераль Стюрлеръ, графъ Шереметевъ и кн. Оболенскій, помѣстилась надъ комнатами

¹⁾ «Старина и Новизна». 1901 годъ, кн. 4.

²⁾ Газета «Fremdenblatt» 1875 г.

наслѣдника. Почти одновременно съѣхались принцы Германіи и Италіи. Начались официальные визиты другъ другу. Всѣ помѣстились въ томъ же дворцѣ. Цесаревичъ въ прусской гусарской формѣ пошелъ къ кронпринцу прусскому, но не засталъ его дома. Великій князь переодѣлся и съѣлъ завтракъ съ своими адъютантами. Только что усѣлись, какъ растворилась дверь и появился Фридрихъ-Вильгельмъ въ русскомъ мундирѣ. Въ дверяхъ онъ воскликнулъ: «я отдалъ свой визитъ», и съ этими словами исчезъ, вѣроятно, не желая стѣснять цесаревича. То же повторилось съ принцемъ Гумбертомъ. Когда принесли церемоніаль похоронъ, то оказалось, что, по традиціямъ Габсбурговъ, тѣло покойнаго императора должны были похоронить въ трехъ мѣстахъ, а именно: тѣло должно лежать въ Августинскомъ монастырѣ, сердце— въ капуцинскомъ, и внутренности въ третьемъ. Такимъ образомъ, предстояли одновременно три церемоніи. По древнему обычаю, въ подобныхъ случаяхъ всѣ присутствующіе должны быть одѣты пилигримами. Цесаревичъ съ удовольствіемъ сообщилъ, что на этотъ разъ этотъ обычай отмѣненъ и, повидимому, ради него. При этомъ цесаревичъ съ свойственнымъ ему здравомысліемъ осуждалъ нелѣпость нѣкоторыхъ сохранившихся обычаевъ.

Въ назначенный день всѣ собрались въ церкви капуциновъ, гдѣ находится семейный склепъ. Здѣсь лежатъ Марія-Терезія, герцогъ Рейхштадтскій и несчастный мексиканскій императоръ Максимиліанъ тутъ же и всѣ императоры Священной Римской имперіи.

Какъ извѣстно, скончавшійся императоръ Фердинандъ въ 1848 году отрекся отъ престола въ пользу своего племянника Франца-Иосифа. Фердинанду было 82 года ¹⁾.

Кардиналь-примасъ въ высокой многоярусной митрѣ встрѣчалъ у входныхъ дверей. По обычаю онъ троекратно вопрошаетъ покойника: кто идетъ?—Отъ имени покойника отвѣчаютъ:—императоръ Фердинандъ I. Затѣмъ слѣдуетъ новый вопросительный возгласъ:—зачѣмъ?—Отвѣтъ гласитъ, что такой-то желаетъ найти себѣ мѣсто упокоенія. Тогда открываются входныя двери и покойнаго вносятъ въ церковь.—Послѣ похоронъ былъ парадный обѣдъ въ Шенбрунѣ ²⁾. Наслѣдникъ возвратился въ Петербургъ 27-го іюня.

7-го августа того же года, послѣ окончанія лагернаго сбора подъ Краснымъ Селомъ наслѣдникъ на яхтѣ «Царевна» отправился въ Данію, гдѣ была съ 28-го іюля цесаревна съ дѣтьми. Въ ночь съ 11-го на 12-го августа на сопровождавшемъ яхту «Царевна» пароходѣ «Олафъ» случился пожаръ и пришлось потопить пароходъ,

¹⁾ Газета «Голось» 1875 года.

²⁾ Старина и Новизна» 1875 года.

чтобы не дать огню разгорѣться. На другой день вода была выкачена, и «Олафъ» всплылъ. Такъ какъ пожаръ случился на рейдѣ Копенгагена, то наслѣдникъ и цесаревна поспѣшили осмотрѣть «Олафъ» и ободрить его команду. Въ Даніи семья наслѣдника пребыла до 10-го октября.

О своемъ пребываніи въ Bernstorff цесаревичъ пишетъ великому князю Михаилу Николаевичу: «Теперь мы положительно сидимъ у моря и ждемъ погоды, и все приходится откладывать отъѣздъ.

«Такой бури я рѣдко видѣлъ, вѣтеръ рветъ страшно, пароходы изъ Копенгагена не выходятъ, а которые пробовали, должны были вернуться, а рейдъ такъ загроможденъ судами, что съ «Державой» и не проберемся.

«Живемъ мы здѣсь самымъ тихимъ и спокойнымъ образомъ, совершенно семейною жизнью.

«Погода стояла до 10-го сентября чудная, совершенно лѣтняя, и цесаревна воспользовалась морскими купаньями болѣе мѣсяца

«Я довольно много поохотился различнымъ образомъ и убилъ всего 1 большого оленя, 5 ланей, 6 козловъ и 25 фазановъ. Охота здѣсь отличная и веселая...»¹⁾

1876 годъ. 31-мая наслѣдникъ съ цесаревною и принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ, на яхтѣ «Царевна» совершили прогулку въ финляндскія шхеры, посѣтили города Вазу и Або. Въ послѣднемъ населеніе встрѣтило августѣйшихъ путешественниковъ очень восторженно; наскоро они соорудили цвѣточную арку, и мѣстныя дамы подносили букеты цвѣтовъ цесаревичъ. Послѣ посѣщенія церкви и осмотра казармы ихъ высочества черезъ полчаса возвратились на яхту. Все плаваніе продолжалось двѣ недѣли.

Въ томъ же году, 2-го іюля государь, императрица, наслѣдникъ, цесаревна и великая княгиня Марія Александровна Эдинбургская отправились по Финляндской желѣзной дорогѣ въ Гельсингфорсъ на финляндскую выставку мѣстныхъ произведеній.

Во время пребыванія въ Финляндіи царская семья 4-го іюля посѣтила Свеаборгъ, гдѣ былъ смотръ войскамъ и эскадрѣ Балтійскаго флота. На другой день августѣйшіе путешественники прибыли по жел. дор. въ Тавастгусъ, гдѣ была расположена лагеремъ 23-я пѣхотная дивизія. Произведя ей смотръ, государь съ своей семьей возвратились обратно въ Гельсингфорсъ. Въ Гельсингфорсѣ царская семья нѣсколько разъ бывала на выставкѣ, посѣтила балъ генераль-губернатора и наконецъ приняла приглашеніе на народный праздникъ, устроенный городомъ. Государь съ императрицей и великой княгиней Марією Александровною уѣхали изъ Финляндіи на яхтѣ «Держава» прямо въ Петергофъ, а наслѣдникъ съ цесаревною остались въ Гельсингфорсѣ еще два дня и торопились возвратитъ

¹⁾ Архивъ министерства двора.

ся на яхтѣ «Царевна» въ Петергофъ 8-го іюля, куда ждали прїѣзда короля датскаго.

17-го августа тогоже года наслѣдникъ съ цесаревной, вмѣстѣ съ государемъ и великими князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами отправились въ Варшаву, гдѣ государь производилъ смотръ войскамъ варшавскаго военнаго округа. На этихъ смотрахъ присутствовала цесаревна. Въ день парада л.-гв. уланскому его величества полку, 19-го августа, государь во время церемоніальнаго марша сталъ впереди полка, а наслѣдникъ, какъ второй шефъ этого же полка, сталъ позади государя. По командѣ самого государя полкъ двинулся мимо цесаревны церемоніальнымъ маршемъ, при чемъ государь и наслѣдникъ салютовали цесаревнѣ. Послѣ баловъ, раутовъ и театровъ царская семья посѣтила престарѣлаго князя Бяратинскаго въ его дворцѣ Скерневице. На другой же день государь съ великими князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами уѣхалъ въ Крымъ, а наслѣдникъ съ цесаревной и съ прїѣхавшимъ въ Варшаву великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ еще разъ погостили у князя Бяратинскаго и только 6-го сентября возвратились въ Царское Село. Прожили въ Царскомъ три недѣли, а 22-го сентября, на осеннее время, наслѣдникъ съ цесаревной и великими князьями Николаемъ и Георгіемъ и великою княжною Ксенією Александровною отправились въ Ливадію. Обрато возвратились 1-го ноября. Во время пребыванія въ Ливадіи государь собралъ совѣщаніе, на которомъ были: государь, наслѣдникъ, великій князь Николай Николаевичъ, гр. Игнатьевъ, Милютинъ и министръ финансовъ Рейтернъ. Совѣщаніе касалось предстоящей войны съ Турціей. Наслѣдникъ горячо настаивалъ на необходимости продолжать нашу политику освобожденія славянъ, а Рейтернъ доказывалъ невозможность съ нашими финансами довести войну до конца. На это наслѣдникъ возразилъ, что «Москва дастъ все, что требуется, лишь бы сказать ей цѣли войны и рѣшеніе государя».

1877 годъ. 8-го апрѣля, когда была рѣшена война съ Турціей для освобожденія Болгаріи отъ турецкаго ига, государь съ наслѣдникомъ отправились въ Кишиневъ, гдѣ была собрана наша дѣйствующая армія. Послѣ молебна съ колѣнопреклоненіемъ, въ присутствіи войскъ былъ прочитанъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи, и въ тотъ же день войска двинулись въ походъ. Изъ Кишинева государь съ наслѣдникомъ отправились въ Одессу, гдѣ тоже былъ произведенъ смотръ войскамъ, идущимъ въ походъ. Изъ Одессы государь съ наслѣдникомъ прибыли въ Кіевъ, гдѣ напутствовали войска 18-й дивизіи и инженерныхъ парковъ. Изъ Кіева государь съ цесаревичемъ производили смотръ войскамъ 1-й гренадерской дивизіи въ Москвѣ и 25-го апрѣля возвратились въ Петербургъ.

21-го мая того же года наслѣдникъ отправился въ дѣйствующую армію, въ румынскій городъ Плоешти, откуда на Дунай въ

м. Зимницу. Получивъ въ командованіе рущукскій отрядъ, цесаревичъ пробылъ на войнѣ до заключенія перемирія и, несмотря на предложеніе государя выѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ, остался въ Рущукскомъ отрядѣ и только 1-го февраля 1878 года отправился въ Петербургъ, куда прибылъ 6-го февраля.

1879 года. 12-го марта наслѣдникъ отправился въ Курскую губернію, въ село Ивановское, гдѣ происходили похороны фельд-маршала князя А. И. Барятинскаго, котораго, какъ мы знаемъ, онъ очень любилъ и уважалъ. Изъ с. Ивановскаго цесаревичъ возвратился въ Петербургъ 18-го марта.

13-го іюня цесаревна съ августѣйшими дѣтьми выѣхала на яхтѣ «Держава» въ Данію. Во время этого переѣзда яхта сѣла на мель. Цесаревна не пожелала сойти съ яхты на сопутствовавшего конвоира и во все время производства работъ оставалась на яхтѣ, пока ее не удалось снять съ мели; а потомъ продолжала путь въ Копенгагенъ. Этотъ безстрашный поступокъ вызвалъ восторгъ моряковъ.

По окончаніи лагеря подъ Краснымъ Селомъ, 8-го августа, на собственной яхтѣ «Царевна» цесаревичъ посѣтилъ Стокгольмъ, а отсюда отправился въ Данію. Проживъ въ Бернсдорффъ до 3-го октября, наслѣдникъ получилъ грустное извѣстіе, что болѣзнь императрицы настолько ухудшилась, что онъ рѣшился вмѣстѣ съ цесаревной и великою княжною Ксенією Александровною поспѣшно выѣхать на свиданіе съ нею въ Каннъ, гдѣ она проживала. По словамъ парижской газеты «Globe», 17-го октября прибыли въ Ниццу наслѣдникъ съ цесаревной; прежде всего они поехали въ часовню, сооруженную въ память погибшаго цесаревича Николая, гдѣ отслужили панихиду. Потомъ ихъ высочества завтракали въ особомъ кабинетѣ ресторана «London House». Наслѣдникъ взялъ съ собою меню завтрака и сказалъ, улыбаясь: «Такимъ образомъ газеты не обнародуютъ его!» Несмотря на инкогнито, публика не переставала оказывать имъ знаки уваженія. Наслѣдникъ былъ въ штатскомъ платьѣ. Въ Каннѣ наслѣдникъ и цесаревна часто гуляли въ окрестностяхъ и разговаривали съ поселянами. Изъ Канна они ѣздили въ Тулонъ, гдѣ осматривали здѣшній арсеналь. По возвращеніи въ Каннъ они были въ театрѣ, гдѣ актеры позволили себѣ намекнуть на присутствіе великаго князя, что вызвало громкіе аплодисменты. Изъ Канна августѣйшіе путешественники отправились въ Парижъ, отсюда въ Вѣну, Берлинъ и возвратились въ Царское Село 7-го ноября.

Въ Парижѣ наслѣдникъ съ цесаревной посѣщали музеи, гобеленовую фабрику, многихъ торговцевъ картинъ и бронзы, были они въ академіи художествъ, гдѣ наслѣдникъ долго любовался старой коллекціей готики.

О пребываніи въ Вѣнѣ «Fremdenblatt» пишетъ: 14-го ноября въ Вѣну прибыли король и королева датскіе, русскій наслѣдникъ

съ цесаревной и герцогъ Кумберландскій. Бросилось въ глаза, что наслѣдникъ былъ не въ австрійскомъ мундирѣ своего полка, такъ какъ онъ не разсчитывалъ быть въ Вѣнѣ; пришлось спѣшно заказать мундиръ портному; точно также былъ заказанъ у ювелира австрійскій орденъ. Въ Вѣнѣ были обычныя торжества, обѣды, театры и визиты. Когда наслѣдникъ съ цесаревной уѣзжали изъ Вѣны, то императоръ поцѣловалъ руку у цесаревны и дважды обнялъ наслѣдника, крикнувъ: «до радостнаго свиданія». Наслѣдникъ былъ въ штатскомъ платьѣ и, снявъ круглую шляпу, махалъ ею при отъѣздѣ ¹⁾. Такое же времяпровожденіе было и въ Берлинѣ.

1880 годъ. Послѣ похоронъ императрицы наслѣдникъ со своею семьею 10-го іюня отправился въ Гапсаль для морскихъ купаній дѣтей.

По случаю 40-го дня кончины августѣйшей своей матери онъ вмѣстѣ съ цесаревною уѣзжали на 4 дня въ Петербургъ, а потомъ прибыли обратно въ Гапсаль, гдѣ прожили до 13-го августа и вернулись въ Царское Село. 14-го октября наслѣдникъ съ цесаревной уѣхали въ Крымъ, гдѣ они были на охотѣ. Вернулись изъ Крыма 10-го ноября.

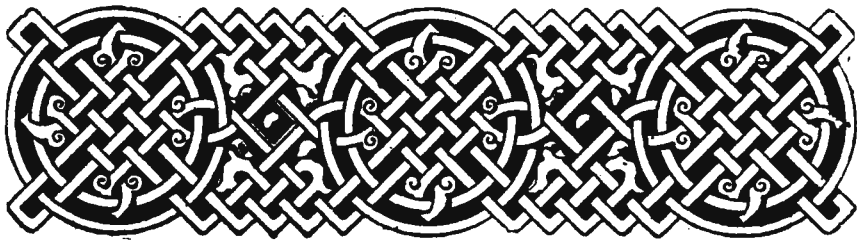
2-го марта 1881 года наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ сталъ императоромъ Россіи, подъ именемъ Александра III.

Закончивъ обзоръ путешествій цесаревича, мы видимъ, что все его дѣтство и молодость прошли въ путешествіяхъ, которыя можно раздѣлить на образовательныя, когда онъ изучалъ мѣста дѣяній Петра Великаго въ районѣ Сѣверной войны, что отразилось на немъ въ историческомъ отношеніи и пріучило вдумываться въ исторію войнъ, которыхъ онъ не любилъ, и не желалъ, и во все его царствованіе войнъ не было. Другое значеніе его путешествій—знакомство съ русскимъ народомъ и географіей Россіи. Волга, Донъ, Кавказъ, Крымъ, Кіевъ и пр., все это вложило въ умственный кругозоръ цесаревича массу впечатлѣній и матеріала для размышленія. Наконецъ, политическія путешествія дали ему практику для будущаго. Дружба съ нѣмецкими государствами ему была не по душѣ, а обида родственной ему Даніи оставила слѣдъ непримиримой ненависти къ завоевателямъ Шлезвига.

Евгеній Каменскій.

¹⁾ Газета «Fremdenblatt» № 151 за 1879 годъ.

АРХІЕРЕЙСКІЕ „СКАНДАЛЫ“ И ГУБЕРНАТОРСКОЕ „ПОЛОЖЕНІЕ“.

(Разсказъ консисторскаго чиновника.)

дной изъ самыхъ большихъ непріятностей въ службѣ порядочнаго чиновника является необходимость дѣлать непріятные доклады начальству. И не виновать ты, а все-таки что-то такое мелькаетъ въ глазахъ начальника, что поневолѣ чувствуешь себя неловко. Если же непріятный докладъ дѣлается въ торжественнѣйшія минуты жизни начальника, то миссія докладывающаго чиновника является уже буквально пыткой. Приближеніе такой пытки я и чувствовалъ, явившись въ первый день Пасхи 1895 года съ непріятнымъ докладомъ къ покойному казанскому архіепископу Владимиру.

Несмотря на важность того дѣла, которое привело меня къ владыкѣ и рѣшить которое необходимо было какъ можно скорѣе, мнѣ пришлось долго ждать приѣма. У архіерея былъ съ визитомъ нынѣ тоже покойный казанскій губернаторъ Полторацкій. Объ этомъ мнѣ еще при входѣ на архіерейское крыльцо было объявлено соответствующимъ тономъ архіерейскимъ служкою.

Меня провели въ комнату рядомъ съ гостинной.

Надѣясь, что визитъ скоро кончится, я вынулъ изъ портфеля непріятную телеграмму, причину моего прихода къ архіерею, и прислушался.

— Неужели и въ жизни вашего высокопреосвященства могутъ быть такіе случаи, которые можно назвать скандалами,—

почтительно и въ то же время съ оттѣнкомъ фамиллярности рокоталь баритонъ губернатора.

— Ну, конечно, ваше превосходительство, и даже нерѣдко.

— А не секретъ, какъ это случилось?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не секретъ... Дѣло въ томъ, что за часъ до вашего прибытія я принималъ не особенно любовно настроенныхъ по отношенію ко мнѣ визитеровъ. Собралось здѣсь человѣкъ пять. Вдругъ входитъ (и тоже съ визитомъ) Марія Петровна.

— О, если Марія Петровна, такъ, дѣйствительно, трудно обойтись безъ какой-нибудь исторіи... Удивительно эксцентричная дама.

— Правду изволили сказать, ваше превосходительство, что удивительная... Входитъ, принимаетъ благословеніе и христосуется. Оно, конечно, такъ бы и слѣдовало, если бы она похристосовалась обычно. Да нѣтъ, она, изволите ли видѣть, изъявляетъ намѣреніе облобызаться со мной. Представьте, ваше превосходительство, мое положеніе. Отвернуться—неловко: обидишь, потому что всѣ замѣтили, конечно, ея намѣреніе; облобызать—тоже неловко: дама молодая, красивая, да и церковные обычаи не позволяютъ. Что дѣлать?—думаю. Смотрю на нее; она же сложила уста краснорѣчиво, и въ глазахъ у нея что-то такое блеститъ. «А ну-ка, старикъ, какъ ты извернешься?»—казалось, говорили ея глаза.

— Ну, и какъ же вы поступили, ваше высокопреосвященство?—спросилъ нетерпѣливо губернаторъ.

— Да что подѣлаешь? Облобызаль...

Губернаторъ тихонько засмѣялся.

— Такъ это вы называете скандаломъ, ваше высокопреосвященство? — воскликнулъ онъ.

— Какъ же это не считать скандаломъ? Правда, вся эта глупая исторія была бы просто «архіерейской мелочью», если бы въ числѣ наблюдавшихъ ее не было Дмитрія Петровича. А вы, конечно, знаете, каковъ сей господинъ. Сейчасъ, вѣроятно, бѣгаетъ изъ дома въ домъ и звонитъ... Срамъ... скандалъ...

— Не стоитъ разстраивается, ваше высокопреосвященство,—сказалъ губернаторъ.—Кто же изъ свѣтскихъ людей знаетъ, что архіерею считается неприличнымъ христосоваться съ дамой по полной формѣ христіанскаго обычая?

— А вѣдь это совершенно справедливо, ваше превосходительство! Эта мысль мнѣ и въ голову не пришла. Благодарю, вы меня успокоили.

— Не стоитъ благодарности. Я и заранѣе зналъ, что это, во всякомъ случаѣ, не настоящая неприятность. Да въ вашемъ положеніи, я увѣренъ, и не можетъ быть настоящаго скандала. Вотъ въ нашей жизни—другое дѣло.

— Нѣтъ, почему же, ваше превосходительство. Врагъ рода человѣческаго силень. Опъ и насъ можетъ поставить въ непріятное, можно сказать, истинно скандальное положеніе. Вы согласитесь съ этимъ, если припомните печальное и досадное событіе со мною прошлымъ лѣтомъ:

— Но я ничего не слышалъ, ваше высокопресвященство.

— Развѣ? Значить, мои присные умѣютъ молчать... Непріятнѣйшая, знаете, исторія... Отъ васъ не утаю. Можетъ быть, вы и здѣсь поможете... Какъ вы, можетъ быть, помните, я удостоенъ былъ приглашенія на коронацію нынѣ благополучно царствующаго Государя. Эта честь, понятно, взволновала не только меня, но и всѣхъ, близко стоящихъ ко мнѣ по своему служебному положенію. Слѣдовало подготовиться къ торжеству достойнымъ образомъ. Главныя хлопоты касались облаченія. Чтобы достойнѣе представить крупнѣйшую епархію, бывшую когда то митрополіей, былъ учрежденъ цѣлый совѣтъ для рѣшенія, что взять мнѣ съ собой изъ ризницы. И вотъ въ числѣ предметовъ архіерейскаго облаченія мною была взята въ Москву драгоцѣнная панагія, пожертвованная въ нашу ризницу блаженной памяти императрицей Екатериной Великой. Панагія была замѣчательна драгоцѣнными камнями и стояла по оцѣнкѣ восемнадцатаго столѣтія болѣе тридцати тысячъ рублей.

— И вотъ въ этой-то панагіи я и присутствовалъ въ Успенскомъ соборѣ въ высокоторжественный день 14-го мая прошлаго года. Торжество окончилось. Соборъ началъ пустѣть. Я прошелъ въ ризницу, разоблачился и со сверкающей панагіей на груди вышелъ на амвонъ. Вдругъ ко мнѣ подходятъ два генерала, съ лентами черезъ плечо, почтительно просятъ благословенія, берутъ меня подъ руки и ведутъ черезъ соборъ къ выходу. Я, конечно, въ этомъ ничего особеннаго не нашель: дѣло обыкновенное, что архіерея повели подъ руки. Почтительно помогли мнѣ генералы добратся до моей кареты, усадили меня и даже дверцу захлопнули. Лошади тронулись. По привычкѣ, я поправилъ бороду, провелъ рукой по груди и... замеръ: панагіи на мнѣ не было. Пока я сообразилъ, въ чемъ дѣло, пока успѣлъ крикнуть кучеру, чтобы онъ остановился, генераловъ уже и слѣдъ [простыль... Что было дѣлать? Чтобы не попасть на смѣхъ и не раздувать скандала, я смолчалъ. Въ Москвѣ да и здѣсь не многіе узнали о моей бѣдѣ. Вотъ ужъ скоро годъ, а я до сихъ поръ все еще не знаю, что дѣлать...

Архіепископъ помолчалъ нѣсколько, а потомъ добавилъ:

— Вотъ видите, ваше превосходительство, что и съ нами, архіереями, могутъ быть непріятности. Дѣйствительно, что можно вообразить непріятнѣе этой исторіи? Вѣдь и поправить то ее никакъ нельзя. Конечно, можно бы внести за панагію тысячу

сорокъ-пятьдесятъ, но вѣдь гдѣ взять такія деньги... Да если бы были и онѣ... Вѣдь панегія подарена императрицей...

— Разумѣется, ваше высокопреосвященство, неприятность крупная... Но что она въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ случиться съ человѣкомъ, живущимъ въ другой обстановкѣ, въ міру. На откровенность откровенностью... расскажу вашему высокопреосвященству о себѣ... Насъ никто не услышитъ?—спросилъ губернаторъ.

— Не беспокоитесь, ваше превосходительство: въ кабинетѣ никого нѣтъ,—отвѣтилъ архіерей.

Я уже хотѣлъ было кашлянуть или какимъ-нибудь другимъ способомъ дать знать о своемъ присутствіи, но пока обдумывалъ, слѣдуетъ ли это дѣлать, губернаторъ началъ рассказъ. Моментъ былъ упущенъ, и волей-неволей мнѣ пришлось услышать губернаторскій рассказъ.

— Въ это скандальное положеніе я попалъ на первой же недѣлѣ моей службы казанскимъ губернаторомъ. Однажды рано утромъ я, по обыкновенію, вышелъ погулять. Предстоялъ большой пріемъ, нужно было кое-что обдумать. Незамѣтно я вышелъ изъ крѣпости и пошелъ по Воскресенской. Улица еще спала. Только изрѣдка навстрѣчу попадались чернорабочіе. Между прочимъ я встрѣтился съ толпой не то каменщиковъ, не то маляровъ, среди которыхъ былъ мальчишка. Они прошли мимо меня, о чемъ-то споря. Вдругъ до меня долетѣла недопустимая брань. Я обернулся и приказалъ рабочимъ остановиться. Съ нахальной улыбкой они окружили меня. Я сдѣлалъ имъ строгій выговоръ за неумѣніе вести себя на улицѣ.

«А тебѣ что за дѣло до насъ?»—обидно для меня ухмыляясь, произнесъ молодой парень изъ толпы.—Какъ ты смѣешь?—вспылилъ я:—я губернаторъ.—«А намъ какое дѣло»,—снова ухмыльнулся парень, недовѣрчиво оглядѣвъ меня съ ногъ до головы. Тутъ я окончательно вышелъ изъ себя. Но рабочіе пошли отъ меня, какъ ни въ чемъ не бывало, и я остался придумывать, какъ бы доказать нахалу парню, какое мнѣ до него дѣло. Я оглянулся въ надеждѣ увидѣть городского. Вдругъ съ той стороны, куда ушла толпа рабочихъ, показался мальчишка. Это былъ тотъ мальчишка, котораго я видѣлъ въ толпѣ. Я, къ сожалѣнію, узналъ это только тогда, когда уже было поздно. Мальчишка подошелъ къ крыльцу того дома, возлѣ котораго я стоялъ, и потянулся къ звонку. Я обратилъ вниманіе на его фізіономію, которая кривилась точно отъ боли.

— Дяденька, позвони Христа-ради... Руки болятъ, никакъ высоко не поднять ихъ,—пласкиво проговорилъ мальчишка.

И вотъ чортъ меня дернулъ (извините, ваше высокопреосвященство). Я подошелъ къ крыльцу и дернулъ ручку провода.

— Ну, а теперь, дяденька, улепетывай скорѣй! А то здѣсь швейцарь злю-у-щій. Еще шею наkostenяетъ за безпокойство!— крикнулъ озорникъ и бросился бѣжать. Я вспомнилъ вдругъ, какъ самъ когда-то, будучи школьникомъ, любилъ дразнить подобнымъ образомъ швейцаровъ... Вспомнилъ и, признаться, не на шутку растерялся. Первою моею мыслью была даже какая-то чепуха о побѣгѣ. Заспанный швейцарь уже отворялъ дверь, а я еще не зналъ, какъ мнѣ поступить. И вотъ въ головѣ родилась глупѣйшая идея—войти и извиниться.

— Я губернаторъ,—сказалъ я швейцару. Тотъ сначала выпучилъ глаза, а потомъ бросился куда-то по лѣстницѣ.

Спустя минуту, на площадкѣ второго этажа показалась горничная, оправляя фартукъ, повидимому, только что торопливо надѣтый.

— Пожалуйте, покорнѣйше просить,—сказала она.

Я вошелъ въ переднюю. Горничная взяла мое пальто, и тутъ только я вспомнилъ, что было не болѣе семи часовъ утра. Отступать было уже поздно. Гдѣ-то вдали зашаркали туфли. Меня провели въ гостиную. И вотъ въ одиночествѣ я, терзаемый стыдомъ, просидѣлъ по меньшей мѣрѣ часъ. Наконецъ въ дверяхъ показалась какая-то толстая женская фигура съ испуганной заспанной физиономіей и что-то пролепетала такое, чего я не слышалъ. Начались объясненія, съ мычаніемъ между каждымъ словомъ, т. е. начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, при которомъ сохнуть волосы отъ стыда, и ничто, однако, не выясняется... Не помню, что это было такое, но и до сихъ поръ чувствую это безобразіе. Конечно, лучше бы мнѣ просто сказать, въ чемъ дѣло, а я на бѣду вздумалъ еще что-то соврать. Вышло такъ, въ концѣ концовъ, какъ будто я въ подворотню на животѣ проползъ. Словомъ, когда я вышелъ на улицу, отъ меня, буквально, шелъ паръ: такъ я вспотѣлъ.

— Ха-ха-ха!—вдругъ засмѣялся архіерей.—Вы уже извините меня, ваше превосходительство, но это... Ха-ха-ха!

Архіерей не могъ говорить отъ смѣха. Я тоже еле удерживался отъ хохота.

— Да, ваше высокопреосвященство, вотъ это скандалъ. У васъ, хоть панатія и дорогая... А вѣдь это... Знаете, я даже женѣ не рассказалъ... честное слово...

... Спустя нѣсколько минутъ, губернаторъ уѣхалъ. Архіепископъ еще продолжалъ смѣяться, и такого веселаго архіерейскаго смѣха, какой звучалъ въ пріемной, я ни до того времени, ни послѣ не слышалъ.

Я обождалъ нѣсколько и вошелъ къ архіепископу...

П. Ронинъ.

СРЕДИ ОТОШЕДШИХЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

IV.

«Легкая атлетика» и идеализмъ въ школѣ 50-хъ годовъ.—Міросозерцаніе директора А. И. Холандера.—Богъ, любовь и долгъ.—Объ умѣньи работать.—Какъ я, ничего не дѣлая, кончилъ гимназическій курсъ первымъ ученикомъ.—Учебный планъ и экзамены.—Учебное начальство въ лицѣ князя А. А. Суворова.

МКОЛА должна готовить къ жизни. Что можетъ быть проще этой истины? Да... но что такое жизнь?

Россійскій обыватель средней руки убѣжденъ, что назначеніе школы готовить ея питомцевъ къ занятію болѣе или менѣе теплаго мѣстечка, казеннаго или частнаго, непосредственно (но это уже исключеніе) или черезъ посредство другой, высшей школы. Выходить, что гимназія готовить къ поступленію въ высшую школу, а послѣдняя, въ свою очередь,—къ полученію мѣста, оплачиваемаго каждое 20-е число кругленькой суммой.

Такъ вотъ къ какой жизни должна готовить школа.

Но дѣйствительно ли въ этомъ жизнь? По мнѣнію обывателя,—да, и такъ какъ школа этому условію удовлетворяетъ, то чего же еще желать?

И тѣмъ не менѣе нѣтъ, кажется, страны, гдѣ недовольство школою болѣе распространено, чѣмъ въ Россіи.

Какъ же рѣшался вопросъ въ 50-хъ годахъ?

Венденская школа, о которой я говорилъ, прежде всего обращала вниманіе на здоровье своихъ питомцевъ. Могло казаться, что и учителя, и воспитанники только и думаютъ о томъ, чтобы выработать изъ себя спортсменовъ, гимнастовъ, атлетовъ. И лѣтомъ, и зимой мы жили en plein air. Насъ окружали луга, лѣса. Рожица передъ четырьмя деревянными домиками, въ которыхъ помѣщалась школа, была наполнена гимнастическими приборами. Они не отсутствовали и въ актовомъ залѣ, и въ классныхъ. Со стороны можно было подумать, что гимнастика составляетъ единственное наше занятіе. Мы поддерживали это впечатлѣніе, потому что не могли пройти равнодушно мимо кобылы, чтобы не перескочить черезъ нее, мимо горизонтальной перекладины, чтобы не перевернуться, мимо брусевъ, чтобы не постоять на рукахъ, мимо барьера, чтобы не лечь на него. А кольца, а лѣстница, а стѣпка,—все давало случай, такъ сказать, мимоходомъ размять члены, впрочемъ, не нуждавшіеся въ этомъ, потому что мы достаточно двигались. Но потребность въ движеніи была необычайная, и начальство не только насъ не удерживало отъ этого своеобразнаго *perpetuum mobile*, а, напротивъ, поощряло къ нему. Не было у насъ тогда еще ни футбола, ни лаунъ-тенниса, ни хоккея, ни крокета, но городки—хо-хо!—процвѣтали, а борьба во всѣхъ видахъ, а игры («охотники» или «разбойники»), въ которыхъ участвовала вся школа и которыя происходили на площади въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, покрытыхъ лѣсами, лугами, болотцами, а катанье съ горъ на салазкахъ или на конькахъ по огромному озеру, верховая скачка на неосѣдланныхъ крестьянскихъ лошадакахъ, причемъ и лошадка, и сѣдокъ иногда летѣли кубаремъ, а состязаніе въ бѣгѣ на особой, приспособленной для того аренѣ, а импровизированные танцы, а походы-прогулки всей школой за 15—30 верстъ для младшаго возраста и за 100 верстъ для старшаго! Все это наполняло наше свободное время, котораго у насъ было не мало, потому что умственное переутомленіе ни въ какомъ случаѣ не допускалось. Это была другая сторона заботы о нашемъ здоровьѣ.

Для младшаго возраста было установлено 3 часа въ день классныхъ занятій, причемъ подготовленія къ урокамъ вовсе не допускалось. Для остальныхъ воспитанниковъ число уроковъ было пять (три и два, раздѣленныхъ трехчасовымъ перерывомъ), и, кромѣ того, полагалось два часа подготовительныхъ занятій, итого семь часовъ. Два старшихъ класса могли подготовляться къ урокамъ, когда и сколько угодно: ихъ никто не контролировалъ. Вообще они пользовались полною свободою, особенно высшій классъ, т. е. юноши въ возрастѣ отъ семнадцати до двадцати лѣтъ. Но и они не переутомлялись, во-первыхъ, потому, что къ этому возрасту человѣческій организмъ вообще уже устойчивѣе и крѣпче, а, во-вторыхъ, и потому, что даже наиболѣе добросовѣстные воспитанники

не имѣли надобности чрезмѣрно заниматься, и я сейчас выясню почему.

Но забота о сохраненіи здоровья воспитанниковъ этимъ не ограничивалась. Поговорка: «здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ», допускаетъ и обратное толкованіе, т. е. больной духъ можетъ разстроить и здоровое тѣло. И потому въ венденской школѣ дѣлалось все, чтобы поддержать въ воспитанникахъ бодрый, здоровый духъ, въ свою очередь, обуславливаемый основнымъ настроеніемъ или, если хотите, міросозерцаніемъ человѣка. Къ этому выводу приходитъ только теперь теорія, а практика венденской школы знала это уже почти вѣкъ тому назадъ (она основана въ 1825 г.).

Мое міросозерцаніе, какъ и міросозерцаніе моихъ товарищей, отличалось идеалистическимъ характеромъ. Мы его черпали не изъ книгъ, а изъ живого примѣра старшихъ, главнымъ образомъ нашего «старика», какъ мы его называли, т. е. директора, основателя и души школы, которому она обязана всѣмъ, ученика Шлейермахера и Песталоцци,—А. И. Холандера. Онъ и его супруга представляли супружескую чету, какихъ я уже въ жизни не встрѣчалъ. Они никогда не думали о собственномъ благополучіи, жертвуя всѣмъ для своего любимаго дѣтища, и если позволяли себѣ какое-нибудь развлеченіе, то оно состояло развѣ только въ томъ, что они, чѣмъ и какъ могли, приходили на помощь окрестному населенію, крестьянамъ и горожанамъ. Такъ жилъ, такъ и умеръ Холандеръ, приводя, 72-лѣтнимъ старцемъ, въ чувство полузамерзшую крестьянку подъ открытымъ небомъ, въ зимнюю стужу. Для него былъ только одинъ Законодатель—Богъ, одно преобладающее чувство—любовь къ ближнему, одна руководящая звѣзда—долгъ. Идя этимъ путемъ, онъ не зналъ сдѣлокъ съ совѣстью, всегда смотрѣлъ людямъ смѣло и прямо въ глаза, потому что никто и ничто его не страшили, когда онъ былъ въ мирѣ съ своею совѣстью, и никто и ничто не могли сломить его воли, когда онъ исполнялъ то, что предписывали ему Богъ, любовь и долгъ.

Вотъ этотъ удивительный человѣкъ всей своей личностью, каждымъ своимъ поступкомъ и словомъ внушалъ намъ основное наше настроеніе. Есть Сила, управляющая нами и всѣмъ насъ окружающимъ. Она стоитъ неизмѣримо выше насъ; она намъ часто непонятна. Но мы приближаемся къ ней, постигаемъ ее, когда дѣлаемъ добро; удаляемся отъ нея, когда не исполняемъ своего долга. Тутъ сомнѣнія были для насъ, дѣтей, немислимы. Не служилъ ли самъ «старикъ»—этотъ авторитетнѣйшій для насъ человѣкъ—доказательствомъ вѣрности этого простого и яснаго міросозерцанія, не стремились ли всѣ учителя походить на него, не вѣяло ли отъ книгъ тѣмъ же настроеніемъ, не слышали ли мы и дома того же? И мы росли въ атмосферѣ этого міросозерцанія, предаваясь бодро и труду, и развлеченіямъ, набираясь силъ, здоровья, тепла, кото-

рых намъ потомъ хватало на всю жизнь, несмотря на ея холодъ и невзгоды.

Кромѣ гимнастики, всевозможныхъ игръ, мы много занимались музыкой, картонажемъ, домашними спектаклями. Всевозможные музыкальные инструменты, начиная съ фортепьянъ и органа и кончая валторной, были у насъ въ ходу, такъ что составлялся даже маленькій оркестръ. Картонажемъ мы занимались подъ руководствомъ опытнаго учителя. Театральныя представленія происходили разъ въ году, но сколько требовалось труда и времени для изготавленія бутафоріи, заучиванія ролей, для репетицій. Не знаю, насколько эти спектакли были удачны, тѣмъ болѣе, что знаки одобренія отнюдь не допускались (какое золотое правило!); знаю только, что мы влагали въ нихъ много труда, энергіи, любви, и что удовлетвореніе мы находили въ томъ, насколько каждому, по собственному его мнѣнію, удавалось исполнить отведенную ему часть общаго труда, а строги мы были къ себѣ безконечно.

Но неужели венденская школа заботилась только объ укрѣпленіи тѣлеснаго и духовнаго здоровья? Неужели воспитанники за этимъ пріѣзжали со всѣхъ концовъ Россіи? Нѣтъ, они въ школѣ пріобрѣтали еще кое-что. За венденской школой установилась репутація, что она даетъ дѣтямъ два блага: здоровье и умѣнье работать.

Умѣнье работать! Это еще что такое? Не искусство ли въ самое короткое время вы зубрить курсъ средней исторіи или планиметріи? Нѣтъ, этому насъ не учили и соотвѣтственнаго учебника у насъ не было. Но чтобы пояснить, въ чемъ дѣло, я укажу на слѣдующіе факты.

Въ тѣ два часа, которые ежедневно намъ отводились для приготовленія уроковъ, мы не имѣли права обращаться съ какимъ-нибудь вопросомъ ни къ учителю, наблюдавшему за нашими занятіями, ни къ товарищамъ. Ученикъ долженъ былъ работать совершенно самостоятельно.

Какъ это не похоже на общераспространенную теперь систему натаскиванія учениковъ при помощи репетиторовъ. Теперь эта система дѣйствительно нужна: вѣдь дѣло идетъ о пріобрѣтеніи знаній, необходимыхъ для полученія теплаго мѣстечка, а въ венденской гимназій дѣло шло о воспитаніи самостоятельныхъ людей, любящихъ и умѣющихъ работать, а для этого система натаскиванія, т. е. дрессировки, конечно,—худшій методъ.

Да, но какъ же съ тепленькимъ мѣстечкомъ? Я уже указывалъ, что воспитанники венденской школы въ тепленькомъ мѣстечкѣ не особенно нуждались, потому что и безъ такого мѣстечка прекрасно прокладывали себѣ дорогу въ жизни, и привели уже соотвѣтственные примѣры. Но здѣсь я долженъ для ясности прибавить еще слѣдующее.

По причинѣ, которую я выясню въ слѣдующей главкѣ, я не окончилъ гимназическаго курса въ венденской школѣ и перешелъ въ одну изъ петербургскихъ гимназій. И вотъ фактъ, заслуживающій вниманія. Въ венденской школѣ я былъ самымъ зауряднымъ ученикомъ, не выдавался ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Въ Петропавловской же школѣ, куда я поступилъ, я почти сразу занялъ первое мѣсто въ классѣ и сохранилъ его за собою до окончанія курса, такъ что былъ выпущенъ первымъ ученикомъ съ двумя высшими наградами. Всѣ учителя, директоръ, инспекторъ ставили меня въ примѣръ моимъ товарищамъ. Помню, это меня даже злило и навлекало на меня недружелюбіе моихъ товарищей. Я даже ставилъ имъ на видъ, что я не особенно стараюсь. И это была правда. Въ сущности я мало готовился къ урокамъ, много помогалъ товарищамъ, много читалъ, занимался фехтованіемъ, увлекался музыкой, писалъ стихи, ходилъ въ гости, въ театръ, но въ учебники и тетрадки рѣдко заглядывалъ и тѣмъ не менѣе оставлялъ всѣхъ товарищей за флагомъ. Приписывать это моимъ способностямъ нѣтъ никакого основанія: правда, онѣ отличались разнообразіемъ, но не интенсивностью. Я преуспѣвалъ и въ гимнастикѣ, и въ музыкѣ, и въ разныхъ гимназическихъ наукахъ, но никого не поражалъ, какъ другіе, ни памятью, ни находчивостью, ни блестящею сообразительностью. Дѣло было, значить, въ чемъ-то другомъ, именно въ умѣнни сосредоточивать свои способности на данномъ предметѣ и не давать ослабѣвать волѣ до тѣхъ поръ, пока трудность преодоленна. Если же это мнѣ давалось сравнительно легко, то потому, что всѣ мои способности, память, сообразительность, логика и—last but not least—любовь къ труду были изощрены венденской школой до высокой степени. Она дала мнѣ въ этомъ отношеніи капиталъ, проценты съ котораго кормили меня всю жизнь. Какъ, благодаря ей, я шутя окончилъ первымъ ученикомъ курсъ гимназіи, такъ я потомъ въ жизни справлялся съ трудностями, которыя менѣе подготовленнымъ людямъ далеко не были по плечу. Значить ли это готовить къ жизни? Или, можетъ быть, подготовка къ жизни заключается въ томъ, чтобы школа наполняла головы учениковъ обрывками всевозможныхъ плохо или совсѣмъ не переваренныхъ знаній?

Ну, а какъ же было въ венденской школѣ съ учебными планами, экзаменами и другими важными вопросами, такъ сильно занимающими нынѣ нашихъ педагоговъ? На этотъ вопросъ мнѣ трудно отвѣтить, потому что все это играло въ венденской школѣ болѣе чѣмъ второстепенную роль. Впрочемъ, расскажу, что помню.

Учебный планъ не могъ имѣть первостепеннаго значенія по той простой причинѣ, что вопросъ заключался не въ томъ, что преподають, а какъ преподають. Вѣдь главная цѣль школы была научить воспитанниковъ работать, и въ выборѣ предметовъ, слѣдовательно, руководствовались не тѣмъ, что нужно въ жизни, а тѣмъ, что нужно

для достиженія именно этой главной цѣли. Никто не спрашивалъ себя, насколько тотъ или другой предметъ пригодится въ жизни (это ставилось на второй планъ), а спрашивали себя, насколько тотъ или другой предметъ годится, какъ матерьялъ для изощренія и развитія трудоспособности. При такой постановкѣ вопроса взглядъ на учебный предметъ принималъ совершенно другой характеръ и не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ взглядомъ, который такъ сильно распространился у насъ, когда чадолюбивые папаши и мамаша спрашивали себя: ну, скажите, пожалуйста, что мой сынъ будетъ дѣлать въ жизни съ опостылѣвшей всѣмъ латынью, но почему-то избѣгали того же вопроса по отношенію къ алгебрѣ или стереометріи. Насъ родители не деморализировали, осуждая то, что дѣлалось въ школѣ, а вмѣстѣ съ учителями стремились къ тому, чтобы выработать изъ насъ здоровыхъ, бодрыхъ и трудоспособныхъ людей.

Относительно экзаменовъ я уже рѣшительно ничего не могу сказать, потому что у насъ ихъ не было. Каждый учитель составлялъ себѣ въ теченіе учебнаго года ясное понятіе объ ученикѣ, и затѣмъ конференція учителей подъ предсѣдательствомъ директора рѣшала вопросъ, можно ли перевести ученика въ высшій классъ. Вотъ и все, и мнѣ кажется, что и теперь этого было бы вполне достаточно.

Наконецъ, что сказать о начальствѣ, съ котораго мы теперь не спускаемъ глазъ? И о начальствѣ мы въ венденской школѣ почти не имѣли представленія, потому что оно къ намъ никогда не заглядывало. Впрочемъ, посѣщеніе одного изъ начальниковъ я твердо помню, и оно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Я какъ разъ продѣлывалъ какое-то изумительное *salto mortale* на кобылѣ въ актовомъ залѣ, какъ въ окно увидѣлъ, что къ подъѣзду подкатила коляска и что въ ней сидѣлъ какой-то генераль. Это было событіе столь экстраординарное въ нашей жизни, что не только я, но и всѣ мои товарищи бросились къ окнамъ, а многіе выбѣжали даже на дворъ.

Директору, вѣроятно, уже доложили о приѣздѣ генерала, или онъ былъ предувѣдомленъ о немъ, потому что вышелъ навстрѣчу начальству. Затѣмъ они удалились въ пріемную комнату, но уже вскорѣ намъ всѣмъ приказано было собраться въ актовомъ залѣ. Къ намъ вышелъ генераль въ сопровожденіи директора и учителей. Директоръ сказалъ генералу нѣсколько привѣтственныхъ словъ, онъ поблагодарилъ, выразилъ почему-то удовольствіе и вслѣдъ за тѣмъ, указывая на гимнастическія принадлежности, уже обратился къ намъ весело: «Ну-ка, покажите ваше искусство!» Мы какъ будто только этого и ждали, и пошла потѣха. Суворовъ (это былъ онъ, внукъ нашего знаменитаго полководца, состоявшій тогда генераль-губернаторомъ Прибалтійскаго края) хвалилъ однихъ, другимъ дѣлалъ замѣчанія, изобличавшія въ немъ знатока дѣла, такъ что онъ вмгъ приобрѣлъ полное наше уваженіе. Когда я повторилъ

не оконченное свое до его приѣзда *salto mortale*, ему шеннулъ что-то директоръ на ухо, и Александръ Аркадьевичъ поманилъ меня къ себѣ пальцемъ. Я подошелъ, и онъ сказалъ, что прекрасно знаетъ моего опекуна, что участвовалъ съ нимъ въ одномъ дѣлѣ во время турецкой кампаніи (1828—29 гг.), при чемъ подробно рассказалъ намъ одинъ эпизодъ. Мы все слушали, столпившись вокругъ него и затаивъ дыханіе. Потомъ онъ взялъ меня за голову и, звучно поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ: «Я бы васъ всехъ, милые, перецѣловалъ, но васъ ужъ что-то больно много». Онъ послалъ намъ общій воздушный поцѣлуй и удалился съ директоромъ. Когда онъ уѣзжалъ, онъ простился со мною еще разъ наединѣ, и мы все безъ всякаго зова столпились у экипажа и долго провожали его прощальными кликами: онъ покорилъ наши сердца. Вотъ и все начальство, которое я видѣлъ во время моего 4-лѣтняго пребыванія въ венденской школѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, т. е. въ началѣ 60-хъ годовъ, когда Суворовъ былъ петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ и произошли университетскіе беспорядки, арестованные студенты были раздѣлены на двѣ партіи, изъ которыхъ одна была посажена въ Петропавловскую, а другая въ Кронштадтскую крѣпости. Съ партіей, посаженной въ Петропавловскую крѣпость, пожелалъ поговорить самъ генераль-губернаторъ, и студентамъ было объ этомъ сообщено съ назначеніемъ дня и часа. Легко себѣ представить, съ какими чувствами студенты-шестидесятники ожидали появленія грознаго начальства. Они уже готовились дать ему надлежащій отпоръ. Но произошло нѣчто неожиданное. Въ приемную, куда они были приглашены, начали входить солдаты съ какими-то большими, но очень опрятными корзинами и, разставивъ ихъ около столовъ, начали выгружать разные съѣстные припасы, лакомства и чуть ли не бутылки съ виномъ. Когда все это было аппетитно разставлено, явился генераль-губернаторъ безъ всякой свиты и, выразивъ предположеніе, что арестованныхъ не слишкомъ-то обильно кормятъ, пригласилъ ихъ отвѣдать его закуску: дескать, сухая ложка ротъ деретъ. Такъ началась бесѣда, которая кончилась дружелюбно и къ общему удовольствію. Участники этой бесѣды, арестованные студенты, заканчивали свой рассказъ словами: «Да, кажется, хорошій онъ господинъ».

И я при этомъ вспоминалъ мою съ нимъ встрѣчу въ венденской школѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ причислилъ его, какъ и Холандера, къ тѣмъ старикамъ николаевской эпохи, которые согрѣли мою молодость и имена которыхъ твердо хранить моя благодарная память.

V.

Бѣгство мое изъ венденской школы.—Пріѣздъ къ намъ въ домъ смолянки.—О «вѣчно-женственномъ» и приподнятіи покрывала богини Нейтъ.— А. К. Жуковскій (Бернетъ) И. И. Лъховскій и И. А. Гончаровъ.— Н. И. Путиловъ.—Какъ учили А. Г. Рубинштейна въжливости.

Я расхвалилъ венденскую школу, но—о, ужасъ!—бѣжалъ изъ нея, бѣжалъ, какъ бѣгутъ изъ мѣста, которое въ данную минуту кажется тюрьмой.

Исторія этого бѣгства представляетъ съ педагогической точки зрѣнія несомнѣнный интересъ, убѣждая лишній разъ, какъ сложна и трудна задача воспитателя. Но расскажу все по порядку.

Когда мнѣ было 10 лѣтъ, т. е. въ 1856 году, къ намъ въ Варшаву пріѣхала племянница моего опекуна (котораго мы всѣ любовно звали дѣдушкой!), Е. Е. Еремина, съ двумя дочерьми, только что окончившими курсъ въ Смольномъ, Ольгой и Анной. Младшая дочь съ матерью прогостили не долго, но старшая, Ольга, такъ и осталась у насъ въ качествѣ хозяйки (дѣдушка былъ холостъ) и руководительницы нашего съ сестрой воспитанія, но, вѣроятно, дѣло шло о томъ, чтобы выдать ее замужъ, такъ какъ мы вели открытый домъ.

И вотъ она поселилась у насъ. Съ этого дня жизнь моя какъ бы раздвоилась. Одной стороною моего существа я продолжалъ жить прежнею жизнью, другой—попалъ въ новую, совершенно мнѣ невѣдомую, и мнѣ казалось, что эта новая жизнь и есть настоящая, а прежняя—только подобіе жизни, хотя никто, кажется, и не догадывался, что я какъ бы переродился.

Что же собственно произошло? Чтобы уяснить себѣ это, надо было бы дать ясное представленіе о замѣчательной дѣвушкѣ, поселившейся у насъ въ домъ и обворожившей насъ всѣхъ, дѣтей и взрослыхъ, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ. Хотя изреченіе Гете о «вѣчно-женственномъ» у всѣхъ на устахъ, но реальное воплощеніе, т. е. болѣе или менѣе полное соединеніе всѣхъ разсѣянныхъ основныхъ чертъ этого «вѣчно женственнаго, возносящаго насъ къ небу» въ одномъ человѣкѣ встрѣчается очень рѣдко и поэтому представляетъ несомнѣнный интересъ. Я тогда мальчуганомъ, понятно, не задавался этимъ вопросомъ, но впоследствии я часто задумывался надъ нимъ, старался приподнять покрывало, все еще скрывающее отъ насъ обликъ саиской богини Нейтъ,—старался, несмотря на то, что сѣдая египетская легенда воспрещаетъ это подъ угрозою смерти. Пусть меня казнятъ, подумалъ я, и продолжалъ размышлять надъ «вѣчно-женственнымъ».

Чѣмъ же подѣйствовала на меня такъ сильно пріѣхавшая къ намъ дѣвушка? Въ ней не было ничего необыкновеннаго. Держала она себя скромно и просто, одѣвалась изящно, но тоже очень просто,

была молчалива, со мной почти не говорила, не только не была красавицей, но даже милويدной ее нельзя было признать.—для этого она была слишкомъ серьезна. Впрочемъ, красотой на меня трудно было подѣйствовать, потому что меня окружали въ дѣтствѣ красавицы (чего въ этомъ отношеніи стоили три дочери извѣстнаго геодезиста К. И. Теннера—А. К. Квашнина-Самарина и позднѣйшія: графиня Л. К. Анрепъ и Л. К. Фурманъ, или знаменитая М. Ф. Муханова-Калерджи). Любовь въ фізіологическомъ смыслѣ была, понятно, для меня, 10-лѣтняго мальчугана, совершенно недоступна, но и впоследствии она не играла тутъ никакой роли. Значить, не во всемъ этомъ была сила, а въ чемъ-то другомъ.

Чѣмъ же эта дѣвушка меня, мальчика, очаровала? Маленькія руки и ноги, мягкость движеній, низкій ростъ роднили меня съ ней внѣшнимъ образомъ, полное отсутствіе сознанія превосходства, выражавшееся въ обращеніи со мной, какъ съ равнымъ или даже со взрослымъ, уничтожали преграду, существующую обыкновенно между старшими и дѣтми. Она никогда ни въ чемъ не упрекала меня: слегка удивленный взглядъ по поводу моего поступка служилъ мнѣ уже яснымъ указаніемъ, что я сдѣлалъ не то, что слѣдуетъ, а заслужить ея одобреніе было для меня высшей наградой. Одобреніе и порицаніе она выражала только взглядомъ своихъ большихъ голубыхъ, глубокихъ глазъ, которые какъ бы всегда вели нѣмой разговоръ. Въ этихъ глазахъ была сила, и притомъ сила огромная—потому что она быстро успокаивала людей разгѣванныхъ, вспылывшихъ до готовности причинить другимъ вредъ (я самъ былъ очень вспыльчивъ) и утѣшала тѣхъ, кого постигло воображаемое или дѣйствительное, но большое горе. Заключалась ли эта сила въ большомъ умѣ или большомъ сердцѣ,—я до сихъ поръ уяснить себѣ не могу. Мы, дѣти, и взрослые часто обращались къ ней за совѣтомъ и охотно подчинялись ему. Она, столь молчаливая, была душою общества (даже сухой К. И. Теннеръ при ней расцвѣталъ и И. И. Фундуклей или любимая сестра Пушкина, О. С. Павлицева, бесѣдовали съ ней часами). Безъ нея всегда бывало скучно; она умѣла сводить людей, затрогивать вопросы, которые всѣхъ интересовали, устраивать спектакли или импровизированные концерты, участвуя въ нихъ своей прекрасной игрой, пѣніемъ или танцами, никогда ни съ кѣмъ не вступала въ пререканія и такъ дорожила своею независимостью, что, когда этого потребовали обстоятельства, не уклонилась даже отъ самыхъ дешевыхъ уроковъ, что для дѣвушки ея круга было тогда подвигомъ.

Я много сказалъ о ней, но въ сущности ничего не сказалъ, потому что мнѣ, конечно, не удалось выяснить, въ чемъ именно заключалось ея обаяніе. Знаю только, что я всегда заглашалъ шаги, когда подходилъ къ ней, садился смиренхонько у ея стола, слѣдилъ исподтишка за всякимъ ея движеніемъ, за тѣмъ, какъ она переворачиваетъ

страницы книги, которую постоянно читала, когда была свободна, и мнѣ доставляло невыразимое удовольствіе, когда она, оторвавшись отъ книги и взглянувъ на меня, спроситъ, хочу ли я, чтобъ она рассказала мнѣ прочитанное, и я слушаю, слушаю, какъ никого потомъ уже въ жизни, ловилъ игру ея глазъ, движенія ея губъ, жести ея руки: все это мнѣ казалось чрезвычайно интереснымъ; знаю, что въ ея присутствіи я совершенно забывалъ о самомъ себѣ, а всякій часъ, проведенный не въ ея обществѣ, казался мнѣ тоскливымъ; знаю, что, когда при моемъ отъѣздѣ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ венденскую школу, она, замѣтивъ, что во мнѣ происходитъ, тихо, но твердо сказала: «Это необходимо»,—я сразу подавилъ горе и слезы: эти слова были для меня первымъ ея приказаніемъ, а я все могъ въ жизни сдѣлать, только не послушаться ея.

Я уѣхалъ, и съ тѣхъ поръ моя жизнь окончательно распалась на жизнь свѣта и жизнь тѣней, на жизнь лучезарнаго идеала и жизнь смутной реальности.

Такъ прошло два года, и я два раза побывалъ въ Варшавѣ. Годъ тянулся долго, настанетъ лѣто, и оно промелькнетъ, какъ одинъ радостный день. Во второй разъ (это было въ 1859 году) она мнѣ въ прощальной бесѣдѣ мимоходомъ сказала: «Врядъ ли въ жизни меня кто-нибудь такъ полюбитъ, какъ вы, мой маленькій другъ». Эти слова произвели на меня такое глубокое впечатлѣніе, что, сидя въ дилижансѣ, я думалъ только о нихъ, хотя вокругъ меня происходило много интереснаго. Польша уже тогда готовилась къ возстанію, и это чувствовалось на каждомъ шагѣ, но я это самъ понималъ только впоследствии.

Насталъ 1860 годъ. Меня въ Варшаву не взяли. Дѣдушка только сообщилъ, что онъ уѣзжаетъ на воды, что внучка Ольга къ нему перемѣнилась, что она уѣдетъ къ матери въ Петербургъ. Я все свои надежды теперь возлагалъ на 1861 г., когда дѣдушка хотѣлъ выйти въ отставку, съѣздить въ Петербургъ и выписать меня туда. Но потомъ выяснилось, что онъ меня въ Петербургъ не беретъ, что внучки съ матерью перебрались въ Саратовъ, что онъ къ нимъ туда собирается, а мнѣ опять предлагаетъ оставаться на лѣто въ школѣ. Тутъ я понялъ, что отъ желанной «настоящей» жизни, къ которой я стремился, меня вдругъ отдѣлила пропасть, и я твердо рѣшилъ *coûte que coûte* перекинуть черезъ эту пропасть мостъ, потому что я безъ той жизни обойтись не могъ.

На первый разъ я совсѣмъ не зналъ, какъ за это приняться. Но меня выручилъ товарищъ, внукъ извѣстнаго нашего путешественника, адмирала И. Ф. Крузенштерна. По наслѣдству ли, или начитавшись Купера и Герштекера, онъ былъ обуреваемъ страстью къ путешествіямъ и непременно хотѣлъ бѣжать въ Америку. Мнѣ это казалось дѣтской затѣей, хотя мнѣ самому стукнуло тогда всего 15 лѣтъ. Но яркая мысль блеснула у меня въ головѣ, и я согласился

бѣжать въ Америку. Я бѣжалъ не одинъ разъ (этого оказалось недостаточно для достиженія моея цѣли), а два раза, но очутился не въ Америкѣ, а въ Петербургѣ, въ гостиницѣ Демута, въ объятіяхъ дѣдушки, который спросонья (я пріѣхалъ раннимъ утромъ), вмѣсто того, чтобы прочесть мнѣ строгую нотацію, расцѣловалъ своего любимчика. Для совершенія двухъ побѣговъ, однако, потребовалось столько времени, что, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, дѣдушка успѣлъ уже съѣздить въ Саратовъ и возвращался въ Варшаву.

Побѣги мои, понятно, были простою симуляціею, средствомъ заставить взять меня изъ школы и перевести въ Петербургъ. Это мнѣ и удалось. Но впоследствии, когда я вспоминалъ о тогдашнемъ моемъ поступкѣ, мнѣ до боли становилось жаль стараго Холандера. Онъ могъ подумать, что дожилъ до того, что воспитанники бѣгутъ изъ взлелѣянной имъ съ такою любовью и съ такимъ умѣньемъ школы. Это былъ тяжелый и болѣе чѣмъ незаслуженный ударъ. Но могъ ли я поступить иначе? Для меня это былъ, какъ оказалось впоследствии, почти вопросъ жизни и смерти, а этого я старику Холандеру разъяснить не могъ, потому что я свято хранилъ свою тайну, и потому: вѣдь сила чувства не поддается простому измѣренію, и то, что можетъ казаться другимъ пустякомъ, блажью, прихотью, иногда потрясаетъ все существо человѣка. Да, по-истинѣ трудна бываетъ иногда задача воспитателя.

Въ Петербургѣ я попалъ въ среду, не только чрезвычайно благопріятствовавшую дальнѣйшему моему духовному развитію, но и очень интересную. Новый мой воспитатель, Е. Ф. Варонъ, былъ незаурядный педагогъ, составитель извѣстнаго учебника французскаго языка, наставникъ историко-филологическаго института и руководитель, вмѣстѣ съ И. Ф. Рашевскимъ, В. А. Евтушевскимъ и др. созданныхъ Г. Г. Даниловичемъ педагогическихъ курсовъ при второй военной гимназіи. По праздникамъ я постоянно посѣщалъ поэта А. К. Жуковскаго, извѣстнаго въ литературѣ подъ псевдонимомъ Бернета. Съ нимъ я занимался чтеніемъ нашихъ и иностранныхъ классиковъ, которыхъ онъ любилъ комментировать, уяснять себѣ и мнѣ. Иногда я ему игралъ на роялѣ классическихъ композиторовъ, страстнымъ любителемъ которыхъ онъ оставался до конца жизни. Или я заходилъ къ Е. Т. Лъховской, матери И. И. Лъховскаго, товарища Гончарова по путешествію на фрегатѣ «Паллада», которое онъ съ своей стороны описалъ (въ «Морскомъ Сборникѣ»). У Е. Т. Лъховской въ адмиралтействѣ я проводилъ хорошіе часы то въ душевной бесѣдѣ съ ней, то прислушиваясь къ бесѣдѣ, которую вели Лъховскій съ Гончаровымъ, перебирая свои воспоминанія изъ сравнительно недавняго путешествія и все еще покурявая вывезенныя оттуда великолѣпныя манильскія сигары. Къ сожалѣнію, робость передъ авторомъ «Обломова» (котораго я зналъ почти наизусть и который составлялъ, вмѣстѣ съ «Босоножкой»

Ауэрбаха любимое мое чтеніе, напоминая мнѣ ту, которую я жаждалъ и не могъ видѣть) мѣшала мнѣ вступать съ нимъ въ бесѣду. Зато я ловилъ каждое его слово, каждый его жестъ, на которые онъ, впрочемъ, былъ очень скупъ, предпочитая сидѣть молча и неподвижно. Или я ѣздилъ за Нарвскую заставу (это было цѣлое путешествіе, которое совершалось обязательно въ коляскѣ или въ каретѣ) къ Н. И. Путилову, вѣчно увлекавшемуся своими грандіозными планами, какъ создать и расширить при помощи правительственныхъ субсидій заводъ, обезсмертившій его имя, и охотно сообщавшему своимъ друзьямъ и знакомымъ о своихъ заботахъ, разочарованіяхъ и успѣхахъ. Или я посѣщалъ семью Теннеръ на Малой Итальянской (нынѣ ул. Жуковскаго), гдѣ старуха принимала меня всегда радушно, давая и въ моему обществѣ волю своему веселому и живому итальянскому нраву, и гдѣ я слушалъ съ ея красавицей дочерью, графиней Анрепъ, бравшей уроки у А. Г. Рубинштейна, его незабвенную игру. Уроки эти, впрочемъ, скоро прекратились. При повтореніи на одномъ урокѣ ошибки, указанной Рубинштейномъ, онъ, подчиняясь своему пылкому нраву, ударилъ бывшимъ у него въ рукѣ карандашомъ по клавишамъ или по пальцамъ графини (разглядѣть это изъ сосѣдней комнаты, гдѣ я находился, было трудно). Она медленно встала и, сверкая своею величественною красотою, указала ему далеко протянутою рукою на дверь въ прихожую. Рубинштейнъ какъ-то съежился и сталъ пятиться къ этой двери, но на полдорогѣ повернулся, широко махнулъ рукою и вышелъ изъ комнаты, въ которой, къ моему величайшему сожалѣнію, ужъ больше не появлялся. Второй случай подобнаго рода произошелъ съ нимъ на моихъ глазахъ нѣсколько позже въ Большомъ театрѣ (гдѣ нынѣ консерваторія и гдѣ тогда была итальянская опера и собирался петербургскій бомондъ). Это было на концертѣ знаменитаго тенора Роже.

Онъ только что спѣлъ «Erlkönig» подъ аккомпанементъ Рубинштейна. Оба артисты превзошли себя, и трагизмъ знаменитаго романа наполнилъ всю залу жутью. Вслѣдъ за тѣмъ на сцену опять вышелъ Рубинштейнъ и—о, дивный контрастъ!—сыгралъ съ несравненнымъ мастерствомъ двѣ изъ самыхъ нѣжныхъ, воздушныхъ «Пѣсенъ безъ словъ» Мендельсона. Не успѣлъ онъ окончить первую, какъ зала, обычно столь сдержанная, разразилась рукоплесканіями. Рубинштейнъ, не вставъ, вполоборота кивнулъ головой: дескать, ладно. Рукоплесканія внезапно оборвались, смѣнились заглушеннымъ шиканіемъ. Рубинштейнъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и вышелъ за кулисы. Прошло нѣсколько минутъ, пока онъ справился съ своимъ волненіемъ и снова появился на сценѣ. Онъ спѣлъ, сыгралъ вторую пѣсню. Когда онъ кончилъ, зала снова огласилась рукоплесканіями. Рубинштейнъ всталъ и отвѣтилъ на нихъ низкимъ, пренизкимъ поклономъ. Урокъ вѣжливости былъ данъ, и Рубинштейнъ его понялъ.

VI.

Покушеніе на жизнь графа Лидерса, великаго князя Константина Николаевича и маркиза Вѣлепольскаго.—О Петропавловскомъ училищѣ и состязаніи въ силѣ памяти.— Волга прежде и теперь.—«Донъ Жуанъ» и «IX-я симфонія» въ саратовской глуши.— Бахметевъ, Климовскій, Ларионовъ.— Два міра.—Поразительный случай психотерапіи.

Однако я уклонился въ сторону. Но можно ли не увлечься, когда вспоминаешь игру Рубинштейна? Я хотѣлъ только указать, какое разнообразіе впечатлѣній меня ожидало въ Петербургѣ, когда я переселился въ столицу изъ венденской школы. И варшавскія впечатлѣнія (я ѣздилъ въ Варшаву два раза въ годъ) не уступали по яркости петербургскимъ. Тамъ назрѣвало повстаніе, которое наконецъ вспыхнуло въ началѣ 1863 года. Особенно памятно мнѣ лѣто 1862 года, когда въ Варшавѣ одно покушеніе смѣнялось другимъ, не говоря уже о безконечныхъ манифестаціяхъ, часто не обходившихся безъ кровопролитія, о подвигахъ польскихъ жандармовъ, вѣшавшихъ и рѣзавшихъ людей въ подворотняхъ и другихъ мѣстахъ, какъ вѣшаютъ собакъ или рѣжутъ телятъ. Покушенія были совершены на намѣстниковъ: гр. А. Н. Лидерса, великаго князя Константина Николаевича и на маркиза Вѣлепольскаго. Всѣ эти покушенія мнѣ очень памяты: свидѣтелемъ одного изъ нихъ я былъ самъ, а о другихъ мнѣ рассказывали очевидцы тотчасъ по ихъ совершеніи.

Покушеніе на графа А. Н. Лидерса отличалось необыкновенной простотой. Онъ гулялъ раннимъ утромъ съ остальной публикой въ Саксонскомъ саду около минеральныхъ водъ. Тутъ же сидѣлъ и я за тарелкой простокваши. Вижу, изъ-за стога сѣна (сѣнокосъ былъ въ этомъ году ранній) вышелъ какой-то молодой человекъ, направился къ Лидерсу, подошелъ къ нему сзади, поднесъ пистолеть къ его затылку, выстрѣлилъ. Публика столпилась безъ всякаго замѣшательства или сѣха, пропустила преступника, тотчасъ же опять сомкнулась, и онъ исчезъ. Я кинулся за нимъ, но меня оттѣснили, и пока я выпутался изъ толпы, преступника, конечно, и слѣдъ простылъ. Графъ Лидерсъ былъ серьезно, но не опасно раненъ, благодаря тому, что онъ какъ разъ въ моментъ выстрѣла, повернувъ голову, нагнулся къ дамѣ, съ которой разговаривалъ, такъ что пуля (вѣроятно, револьвера Колѣта, только что вошедшаго тогда въ Россіи въ употребленіе) не задѣла ни позвоночника, ни сонной артеріи, ни даже обильнаго кровью сосуда, образовала огибающую рану, нашла себѣ выходъ въ подбородкѣ и слегка контузила въ плечо сопровождавшую Лидерса даму. Самъ же онъ, приложивъ платокъ къ подбородку, прошелъ черезъ весь Саксонскій садъ къ главному входу, гдѣ его ожидалъ экипажъ, по временамъ

отнимая платокъ отъ подбородка, какъ бы желая показать публикѣ: вотъ что со мной сдѣлали!

Покушеніе на жизнь великаго князя Константина Николаевича обошлось еще благополучнѣе. Преступникъ подкараулилъ великаго князя при выходѣ его изъ Большого театра, въ воротахъ, гдѣ онъ садился въ коляску, и протянулъ ему прошеніе, когда великій князь уже сѣлъ. Что-то блеснуло въ рукахъ преступника, и великій князь, не принявъ прошенія, откинулся на спинку коляски. Раздался выстрѣлъ, но пуля попала въ потолокъ подворотни, не задѣвъ великаго князя. По другой версіи великаго князя спасла кольчуга подъ мундиромъ Гродненскаго гусарскаго полка, который онъ постоянно носилъ. Только когда по распоряженію «ржонда народовега» (народнаго правительства) всѣ поляки облеклись въ трауръ (не подчинявшихся этому распоряженію обливали сѣрной кислотой) въ память какого-то революціоннаго событія, великій князь облекся въ морской мундиръ—такъ велика была его готовность ничѣмъ не нарушать добраго къ нему расположенія поляковъ. Тѣмъ не менѣе въ него стрѣляли, какъ стрѣляли и въ маркиза Вѣлепольскаго, оба покушенія на которыхъ прошли совершенно благополучно, а второе имѣло даже юмористическій характеръ. Маркизь былъ чловѣкъ очень тучный и ходилъ не иначе, какъ опираясь на трость. Преступникъ поджидалъ маркиза на второй площадкѣ широкой лѣстницы правительственнаго зданія. Когда онъ увидѣлъ направленное на его объемистую фигуру дуло, онъ сталъ отмахиваться тростью и наступать на преступника, который, въ свою очередь, пытался, пока не разстрѣлялъ всѣхъ своихъ патроновъ и не оказался въ объятіяхъ жандарма. Ни одна пуля въ маркиза не попала, что служить доказательствомъ, что у преступника рука ходила ходункомъ или почти невѣроятнаго умѣнья маркиза владѣть тростью, какъ раширою.

Ну, а впечатлѣнія Петропавловской школы?—спросить, можетъ быть, читатель. Откровенно признаюсь, что она меня мало занимала, такъ что воспоминанія о ней отличаются тусклостью, и я объясняю это тѣмъ, что она ничѣмъ не отличалась отъ другихъ гимназій того времени, т. е. исключительно подготавливала своихъ воспитанниковъ къ великому состязанію въ силѣ памяти. Я побилъ на этомъ состязаніи, кажется, рекордъ не только въ Петропавловской школѣ, но, кажется вообще въ школахъ моего времени. Сужу объ этомъ по почтенію, съ какимъ относились ко мнѣ учителя, преподававшіе и въ другихъ гимназіяхъ. Чтобы охарактеризовать учебное дѣло въ столицѣ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ (да въ однихъ ли 60-хъ годахъ), не мѣшаетъ привести здѣсь для примѣра нѣкоторые вопросы, которые мнѣ заданы были на выпускномъ экзаменѣ и на которые я отвѣчалъ съ блескомъ и трескомъ. Батюшка любопытствовалъ узнать, какъ исчисляють ветхозавѣтныя книги св. Кириллъ и св.

Аванасій, и сколько главъ въ каждой изъ нихъ, и я въ полной мѣрѣ удовлетворилъ его любопытство, перечисливъ 22 книги и число главъ каждой изъ нихъ, причѣмъ ошибся, сказавъ, что въ книгѣ пророка Исаи 65 главъ, между тѣмъ какъ въ ней одной главой больше. Но самъ, батюшка, вѣроятно, въ точности не зналъ, сколько въ ней главъ, потому что меня не поправилъ. Учитель физики пожелалъ узнать, сколько колебаній въ секунду даетъ каждая изъ струнъ средняго регистра рояля въ объемѣ двухъ октавъ. Я и на этотъ вопросъ отвѣтилъ, не задумываясь, къ общему удовольствію экзаменаторовъ, которые продержали меня у доски ровно часъ по одной акустикѣ, видимо, любуясь моими отвѣтами: вотъ, молъ, какіе ученики у насъ бываютъ! Учитель русской исторіи пожелалъ узнать, откуда взялась фамилія И. И. Бецкаго (Бецкого), гдѣ онъ родился, кто была его мать, и я удовлетворилъ его любопытство, хотя директоръ и шепнулъ учителю на ушко, что такіе вопросы даже на выпускномъ экзаменѣ не совсѣмъ удобны. Учитель всеобщей исторіи довелъ свое любопытство до того, что, попросивъ меня перечислить по порядку всѣ сраженія Наполеона I, пожелалъ узнать, сколько пушекъ потребовалось для отлитія Вандомской колонны. Послѣ этого нечего удивляться, что тотъ же учитель непремѣнно хотѣлъ отъ меня узнать, сколько оконъ въ Ватиканѣ. Я не сочиняю, я не преувеличиваю, и вмѣстѣ съ тѣмъ читатель пойметъ, почему я до сихъ поръ, вспоминая объ этихъ учителяхъ (люди они были въ другихъ отношеніяхъ вполне почтенные), молю Господа, чтобы Онъ отпустилъ имъ ихъ прегрѣшенія.

Но я забѣжалъ впередъ. Я окончилъ Петропавловскую школу въ 1865 году, а въ 1863 году случилось событіе, навсегда упрочившее во мнѣ идеалистическое настроеніе, превратившее мое земное существованіе въ нѣчто призрачное, сравнительно съ тѣмъ другимъ міромъ, который пріобрѣлъ для меня значеніе несомнѣнной реальности. Но буду передавать факты.

Въ 1863 году дѣдушка рѣшилъ свезти мою сестру въ Саратовъ. Онъ хотѣлъ еще до смерти обезпечить ее мужемъ и прочнымъ домашнимъ уютомъ. Къ этому времени я успѣлъ усыпить всѣ его опасенія, и онъ охотно взялъ меня въ Саратовъ.

О, Волга! Никогда она моею «колыбелью» не была, но я ее страстно полюбилъ. Я почувствовалъ это вполне, когда тридцать лѣтъ спустя вновь посѣтилъ ее и увидѣлъ, что съ нею сдѣлали люди. Она вся была покрыта огромными грязными пятнами, отливавшими всѣми цвѣтами радуги. Это на ней плавала нефть. Плавала она и на поверхности чая, который намъ подавали. «Немножко сливки: это ничего»,—острилъ капитанъ парохода. Жигулевскія горы! Гдѣ ваша краса, гдѣ ваши лѣсныя богатства? Все это вырублено, уничтожено. О, потомки Стеньки Разина, Емельки Пугачева Разбойники, хищники—вотъ ваше имя. Я чуть было не заплакалъ,—

такъ меня поразилъ видъ новой Волги послѣ Волги старой, той, которую я впервые увидѣлъ въ Нижнемъ въ 1863 году.

Какіе дивные дни, какія поэтическія ночи. Какіе сочные или мягкіе тона при солнечномъ свѣтѣ, какая таинственность при мерцаніи звѣздъ, при сверкнувшемъ вдругъ на берегу огонькѣ или при теплящемся свѣтѣ отдаленнаго окошечка-лампады. И говорить не хочется въ такую ночь, а если и заговоришь, то рѣчь льется тихо, мѣрно, какъ бы отзвукъ гармоніи, царящей въ мірѣ, спускающейся оттуда, гдѣ никто не былъ и гдѣ таится загадка бытія. Тихо льется и рѣчь двухъ барышень, раздѣляющихъ со мною чары этой дивной ночи: одна только что окончила курсъ въ институтѣ и съ робостью идетъ навстрѣчу жизни-загадкѣ, другая, ея старшая сестра, уже знаетъ жизнь, уже тронута ею, уже страдала и не предчувствуетъ, что ей предстоятъ новыя страданія, что вскорѣ ея сердце будетъ разбито принцемъ-негромъ Айра-Ольдриджемъ, покорившимъ сердца саратовцевъ и скоро умершимъ въ чуждой ему Лодзи...

Пароходъ останавливается. Насъ окружаетъ безмолвная тишина, и душа проситъ звуковъ. Мы у Вольска. Здѣсь Державинъ если не скандировалъ стиховъ, то усмирять пугачевцевъ, и здѣсь по близости знаменитое бахметевское имѣніе, гдѣ уже въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, «въ деревнѣ... въ глуши, въ Саратовѣ» раздавались голоса Лепорелло, Церлины, Донъ-Жуана и величественные звуки гимна къ радости «IX симфоніи» Бетховена. Съ трудомъ вѣрится, что это могло быть. И не успѣлъ я это подумать, какъ съ рѣки до меня донесся сочный баритонъ, распѣвавшій бахметевскія, огласившія всю Русь пѣсни: «Пѣнь ямщика» и «Борода ль моя бородушка». Николая Ивановича уже не было въ его имѣніи, онъ разстался съ своимъ неподобнымъ хоромъ и оркестромъ и управлялъ въ столицѣ, замѣнивъ автора нашего національнаго гимна, придворной пѣвческой капеллой. Я это зналъ, и тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что все вокругъ меня наполнено не только красотой этой дивной волжской ночи, но и другой красотой, насадителями которой въ русской глуши были такіе помѣщики, какъ Н. И. Бахметевъ.

На другой день я былъ уже въ Саратовѣ. Мѣсячное пребываніе тамъ прошло какъ одинъ весенній мигъ, но въ чемъ было его очарованіе? Не въ удушливой ли, чисто-тропической жарѣ, не въ облакахъ ли пыли, въ которой тонулъ Саратовъ и тогда? Или, быть можетъ, въ часто навѣщавшемъ насъ А. А. Шахматовѣ, дѣдѣ академика, бывшемъ минскомъ вице-губернаторѣ, нашемъ сосѣдѣ, маленькомъ, сѣденькомъ, отмѣнно любезномъ, даже галантно старичкѣ, напоминавшемъ маркиза XVIII вѣка, котораго удивительно какъ мѣтко передразнивалъ нашъ родственникъ, мальчикъ съ большимъ сценическимъ талантомъ, погибшимъ безслѣдно, какъ не знаю сколько талантовъ на Руси? Въ его супругѣ, врывавшейся въ домъ съ крикливымъ возгласомъ: «Olga-s-ici,

Annette-s-ici)? О эти liaisons dangereuses, какъ онѣ меня смѣшили; но не въ нихъ, конечно, было дѣло. Такъ не въ тѣхъ ли часахъ, которые я проводилъ за роялемъ съ младшей дочерью Н. И. Бахметева, наслѣдовавшей вмѣстѣ съ именемъ отца и его любовь къ музыкѣ? Или въ спектакляхъ въ загородномъ театрѣ Шехтеля, которые выносила на своихъ не совсѣмъ крѣпкихъ плечахъ Климовскій, прославившій свое имя не столько какъ актеръ, сколько какъ авторъ романа «Хуторокъ», соблазнившаго даже Никольскаго, даже Тамберлика и наполнившаго своими звуками всю Россію и теперь еще не забытаго людьми пожилыми? Или же меня прельщала И. П. Ларионовъ, для котораго «Annette» была всегда «s-ici», потому что они другъ друга горячо любили, составилъ потомъ очаровательную чету,—мягкій, добрый, немного задумчивый, немного грустный И. П. Ларионовъ, не игравшій на роялѣ, а тыкавшій въ него пальцами, но истинный музыкантъ, заставлявшій насъ чуть ли не пускаться въ плясъ, когда онъ своимъ почти отсутствовавшимъ голосомъ пѣлъ плясовую такъ, что удалство «по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливалось», или затыгивалъ хватавшую за душу русскую пѣсню съ ея затаенными слезами, съ ея безысходнымъ горемъ, отъ которыхъ у всѣхъ навертывались слезы на глазахъ? Гдѣ теперь его опера «Барышня-крестьянка», въ семидесятыхъ годахъ поставленная на одной изъ петербургскихъ сценъ, гдѣ теперь его сборникъ приволжскихъ пѣсень, которыя онъ въ теченіе всей жизни усердно собиралъ?

Да, все это скрашивало дни, проведенные мною въ Саратовѣ, но было еще кое-что. Когда вы путешествуете, вы такъ часто встрѣчаете людей милыхъ, привѣтливыхъ и прекрасно проводите съ ними время. Отчего? Ни они, ни вы не несете съ собой вороха мелкихъ житейскихъ интересовъ, которые вы тщательно оберегаете, изъ-за которыхъ вы иногда кривите душой, наносите незаслуженныя обиды, вѣчно трусите, вѣчно на-чеку, не спите иногда ночей, портите себѣ жизнь. Вы сбрасываете все это съ плечъ и вступаете въ естественное, свободное общеніе съ людьми и долго потомъ вспоминаете эти встрѣчи, какъ хорошія, можетъ быть, лучшія минуты въ жизни.

Но это случается не только въ пути. Всѣ, кто посѣщалъ въ 60-хъ годахъ маленькій саратовскій домъ на Аничковской улицѣ, отряхали при входѣ въ него не только прахъ съ своихъ ногъ, но и кое-что съ души, именно то, что мы отбрасываемъ при путевыхъ встрѣчахъ. И душа чувствовала себя свободной: она уходила въ другой міръ — міръ благоволенія, снисходительности къ другимъ, строгости къ самому себѣ, готовности быть полезнымъ и пріятнымъ чѣмъ только можно, никого не обидѣть ни словомъ, ни взглядомъ, забыть, что мы подчасъ злы, своекорыстны, мелочны. И невольно всѣ уходили въ этотъ другой міръ, становились безобидными, кроткими, предвкушали обѣщанное наслѣдство не только среди существъ земныхъ,

но и среди существъ «вѣчно живыхъ», уносились въ тотъ другой міръ, гдѣ безраздѣльно царить высшая, доступная человѣку красота—красота нравственная.

Въ такомъ настроеніи я провелъ время въ Саратовѣ. Настала часть прощанія. Я разставался съ молодой хозяйкой, виновницей этого перерожденія нашихъ душъ. Я поклонился къ ней, чтобы высказать ей то, что чувствовалъ. Она подумала, что я хочу ее поцѣловать, уклонилась отъ поцѣлуя и затѣмъ какъ-то виновато, съ невыразимою мукою долго смотрѣла мнѣ въ глаза, словно передавая мнѣ всю свою душу.

Я уѣхалъ и все спрашивалъ себя, что значитъ этотъ страдальческій взоръ. Это раскрылось мнѣ только черезъ годъ, когда я получилъ извѣстіе, что она умерла въ чахоткѣ, прося близкихъ ничего мнѣ не сообщать ни объ ея болѣзни, ни объ ея смерти, пока я не кончу курса: она твердо рѣшила за нѣсколько лѣтъ до опытовъ Вильемена, что чахотка заразителна... она думала только о другихъ, не о себѣ,—вотъ въ чемъ заключалась сила, которою она распространяла вокругъ себя доброту, благоволеніе, сердечность, уносила людей въ другой міръ.

Я продолжалъ быть примѣрнымъ ученикомъ, кончилъ курсъ, поступилъ въ университетъ, но все чаще уходилъ въ тотъ, другой міръ. Чахоткой я не заразился, но другая отравка занесена была въ мою кровь. Я могъ по цѣлымъ днямъ ни съ кѣмъ не говорить; исполнить свои обязанности, уходить въ себя и ничего не замѣчать; работать, спать, ѣсть, какъ автоматъ. Кончилось все это серьезною болѣзнию, постигшей меня въ 1867 году (парезисъ всей правой стороны) и потребовавшей леченія за границей. Приютить меня А. А. Долматовъ въ своемъ гостепріимномъ пансіонѣ въ Кларанѣ на берегу Женевского озера, пристанищѣ многихъ русскихъ, о которомъ стоитъ сказать два слова. Но я его коснусь впоследствии, когда буду говорить о моей встрѣчѣ съ Е. Д. Безобразовой, второй женщиной, отравившей меня предвкушеніемъ того, другого міра...

Въ заключеніе этой главки я еще приведу фактъ, имѣющій близкое отношеніе къ психотерапіи, отрасли медицины, обратившей на себя вниманіе только за самое послѣднее время.

Выздоровленіе мое въ Швейцаріи, несмотря на обѣщанія петербургскихъ врачей, нисколько не налаживалось. Чувствительность и подвижность правой стороны не увеличивалась. Но вдругъ въ одинъ прекрасный день состояніе мое стало улучшаться не по днямъ, а по часамъ. И что же послужило этому причиной? Извѣстіе, до сихъ поръ отъ меня скрывавшееся и случайно мнѣ сообщенное, что горячо любимый дѣдушка тяжело заболѣлъ. Это почти невѣроятно, но это такъ. Я помню, какъ сильно подѣйствовало на меня это извѣстіе и какъ страстно я рвался въ Варшаву. Энергія охватила меня всего: я долженъ выздороветь, я долженъ быть при немъ.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1917 г., т. сXLVII.

Состояніе разслабленности вдругъ смѣнилось состояніемъ бодрости. Первоначально я подумалъ, что это та же сила, которая во время пожара заставляеть людей поднимать непосильныя тяжести, и что я опять ослабѣю, что болѣзнь вернется. Но я доѣхалъ до Варшавы, ухаживалъ за больнымъ, видѣлъ, какъ онъ поправляется, вмѣстѣ съ тѣмъ самъ окончательно поправился и поправился не только физически, но и духовно. Тотъ міръ не умеръ,—о, нѣтъ! Но возвратилась и «воля къ жизни»,—къ жизни, гдѣ есть такіе люди, какъ дѣдушка и его внучка. Это ли не убѣдительный случай психотерапіи? Онъ смѣло можетъ быть прибавленъ къ многочисленнымъ исцѣленіямъ швейцарскаго чудотворца, профессора Дюбуа.

VII.

Училище правовѣдѣнія въ 70-хъ годахъ.—Директоръ А. П. Языковъ и его оцѣнка профессоровъ.—Инспекторъ классовъ Л. Б. Дорнъ.—Принцъ П. Г. Ольденбургскій.—Какъ иногда трудно бываетъ окончить лекцію.—Экзамены и конституціонный вопросъ.

Тотчасъ по окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ¹⁾ въ 1870 г. я былъ приглашенъ читать лекціи государственнаго права въ училище правовѣдѣнія взаимнѣ профессора А. Д. Градовскаго, не поладившаго съ тогдашнимъ директоромъ этого училища, генералъ-лейтенантомъ А. П. Языковымъ.

Такъ какъ я нигдѣ еще не преподавалъ, то мнѣ пришлось про *venia legendi* прочесть двѣ лекціи: одну, пробную, въ совѣтѣ, другую, вступительную, въ актовомъ залѣ въ присутствіи попечителя, принца П. Г. Ольденбургскаго, профессоровъ и воспитанниковъ.

Лекція въ совѣтѣ прошла вполне благополучно, по крайней мѣрѣ по окончаніи ея профессора меня горячо поздравляли. Къ этимъ поздравленіямъ присоединился и директоръ, хотя онъ въ началѣ лекціи совершилъ вотъ что.

Меня усадили въ концѣ комнаты за маленькій столъ, который, очевидно, долженъ былъ изображать кафедру, въ то время, какъ совѣтъ, изображавшій слушателей, засѣдалъ въ другомъ концѣ комнаты за огромнымъ столомъ, покрытымъ, по обыкновенію, зеленымъ сукномъ. Тотъ конецъ комнаты, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, былъ довольно хорошо освѣщенъ, мой же конецъ скудно освѣщался одной стѣнной лампой. Я, садясь, какъ водится, вынулъ листъ бумаги съ конспектомъ моей лекціи. Только что я началъ говорить, какъ Языковъ всталъ и, сдѣлавъ видъ, будто лампа надо мной коптитъ, приблизился на цыпочкахъ къ ней и еще убавилъ огня. Хотя я былъ поглощенъ лекціей, но не могъ этого не замѣтить, потому что вокругъ меня стало вдругъ замѣтно темнѣе, и я невольно пріостановилъ чте-

¹⁾ Съ моими университетскими воспоминаніями я познакомилъ уже читателей «Историческаго Вѣстника» (1911 г., мартъ, очеркъ: «Уставъ и наука»).

ніе. Языковъ этого, вѣроятно, не ожидалъ и, возвращаясь къ своему мѣсту, успокоительно замахалъ мнѣ руками. Я собственно долженъ былъ протестовать: директоръ устроилъ мнѣ такой мракъ, что я въ конспектѣ ничего разобрать не могъ, но я не протестовалъ, вспоминая, что Языкову другая оцѣнка способностей лектора была недоступна. Это былъ человѣкъ безъ всякаго юридическаго образованія—бывшій полицеймейстеръ города Риги, котораго императоръ Николай Павловичъ съ свойственною ему рѣшительностью назначилъ директоромъ училища правовѣдѣнія для успокоенія воспитанниковъ, когда среди нихъ вспыхнули беспорядки. Смущаться его выходкой не приходилось; я, методически сложивъ конспектъ, сунулъ его обратно въ карманъ и, отвѣтивъ улыбкой на сочувственную ироническую улыбку профессоровъ, продолжалъ свою лекцію.

Но вступительная лекція обошлась менѣе благополучно, и въ этомъ виноватъ былъ добрѣйшій принцъ П. Г. Ольденбургскій, конечно, помимо своей воли.

Я ему еще не былъ представленъ, и представленіе должно было состояться передъ самою лекціею у входа въ актовую залу, гдѣ уже собрались воспитанники и профессора. Я рассказывалъ по коридору въ ожиданіи принца, какъ вдругъ ко мнѣ подлетаетъ инспекторъ классовъ (онъ былъ очень подвижного нрава), одинъ изъ лучшихъ тогда знатоковъ римскаго права, Л. В. Дорнъ.

Вѣднѣй Лудолфъ Борисовичъ! Его жизнь кончилась трагически. Говорятъ, что лекціи его были суховаты. Но я сохранилъ о немъ память, какъ о жизнерадостномъ человѣкѣ. Сколько мы съ нимъ смѣялись! Правда, мы оба были молоды: мнѣ шелъ тогда 25-й годъ, ему—29-й. Онъ какъ разъ въ это время женился на графинѣ Хорнъ. «Хорнъ (рогъ) и Дорнъ (шипъ, заноза)—не правда ли—богатая рима?»—спрашивалъ онъ. Или: «А вѣдь и рогъ можетъ занозиться!» и т. п. Вотъ уже четверть вѣка, какъ его нѣтъ, а онъ все еще, какъ живой, стоитъ передо мной.

Такъ вотъ онъ подбѣгаетъ ко мнѣ и скороговоркой докладываетъ мнѣ: во-первыхъ, что принцъ очень любитъ, когда съ нимъ говорятъ по-нѣмецки и что мнѣ это нетрудно сдѣлать, какъ воспитаннику нѣмецкихъ школъ, а, во-вторыхъ, что принцъ обыкновенно вечеромъ очень утомленъ (лекція моя была назначена въ вечерній часъ) и что онъ, вѣроятно, немедленно заснетъ, какъ только сядетъ. Не успѣлъ Дорнъ мнѣ все это сообщить, какъ я увидѣлъ вдали худошавую фигуру принца. Дорнъ моментально скрылся въ актовой залѣ, и я остался наединѣ съ принцемъ.

Онъ отнесся ко мнѣ очень милостиво, пріятно удивился чистотѣ моего нѣмецкаго произношенія, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о томъ, гдѣ я воспитывался, спросилъ, бывалъ ли я за границею, и затѣмъ пригласилъ меня послѣдовать за нимъ въ залу.

Лекція началась. Дорнъ былъ правъ. Не успѣлъ я произнести: «Ваше императорское высочество и милостивые государи», какъ принцъ уже задремалъ. Ему было тогда 58 лѣтъ, и, несмотря на это, онъ проявлялъ изумительную дѣятельность, особенно въ качествѣ главноуправляющаго IV отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. При немъ число воспитательныхъ и другихъ учреждений, ему подвѣдомственныхъ, возросло почти въ пять разъ, т. е. со 100 до 500. Онъ состоялъ и сенаторомъ, и предсѣдателемъ одного изъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, и членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній, и предсѣдателемъ петербургскаго опекунскаго совѣта, и президентомъ вольно-экономическаго общества, и предсѣдателемъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Благодаря его попеченіямъ и щедрымъ пожертвованіямъ основана была первая въ Россіи община сестеръ милосердія (Свято-Троицкая), училище правовѣдѣнія достигло цвѣтущаго положенія тоже только благодаря его попеченіямъ и его щедрости (онъ пожертвовалъ на него болѣе милліона). Кромѣ того, онъ принималъ самое дѣятельное участіе и въ благополучіи Александровскаго лицея. При такихъ условіяхъ, кажется, онъ имѣлъ полное право къ вечеру уставать.

Все это я прекрасно понималъ, и тѣмъ не менѣе положеніе мое было не изъ пріятныхъ. Хорошо, принцъ спалъ, а я читалъ лекцію, но чѣмъ же это кончится? Нельзя же было предположить, что онъ проснется именно тогда, когда я кончу. Если онъ проснется раньше, все обойдется благополучно. Но если мнѣ придется читать часъ, другой, третій прежде, чѣмъ онъ проснется? Моя лекція была рассчитана на три четверти часа. Я не могъ предположить, что кто-нибудь рѣшится разбудить принца, когда это потребуется. Словомъ, я не зналъ, что дѣлать. Придумать что-нибудь мнѣ мѣшало необходимость сосредоточиться на томъ, что я излагалъ, а сосредоточиться на предметѣ изложенія мнѣ мѣшало опасеніе, что я кончу раньше, чѣмъ принцъ проснется. Какъ быть, какъ быть?.. Рѣшительно не помню, какъ я читалъ, помню только, что я пережилъ очень непріятныя минуты. Но когда я подошелъ къ концу лекціи, я вдругъ принялъ рѣшеніе и произнесъ послѣднія свои слова такъ громко, что принцъ открылъ глаза и удивленно взглянулъ на меня. Я сошелъ съ кафедры, принцъ всталъ, поблагодарилъ меня,—тѣмъ дѣло и кончилось.

Но у меня была еще другая, менѣе миролюбивая, встрѣча съ принцемъ.

Послѣ этой вступительной лекціи я началъ читать свой курсъ государственнаго права двумъ старшимъ классамъ, и все шло нѣкоторое время гладко. Но когда я дошелъ до формъ правленія, картина измѣнилась. Все тотъ же инспекторъ классовъ, Л. Б. Дорнъ, какъ-то мимоходомъ мнѣ сообщилъ, что принцъ очень консервативно

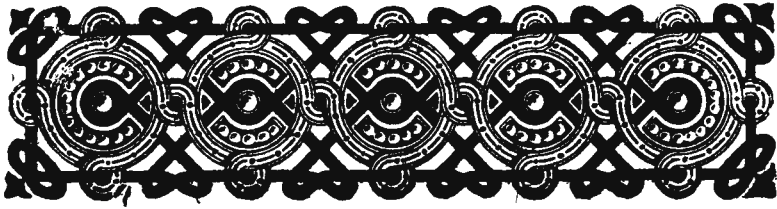
настроенъ, и что этого, конечно, нельзя не принять во вниманіе, преподавая такой отвѣтственный предметъ, какъ государственное право. Я спросилъ, не значить ли это, что на лекціяхъ нельзя касаться конституціоннаго строя? Онъ мнѣ отвѣтилъ уклончиво: отчего-де не касаться, но все-таки лучше не останавливаться на этомъ вопросѣ. Я на это замѣтилъ, что не могу себѣ даже представить, какъ можно читать общую часть государственнаго права, не касаясь конституціоннаго строя, но обѣщалъ излагать вопросъ совершенно объективно. Мои объясненія его, однако, повидимому, не удовлетворили. Въ одинъ прекрасный день Дорнъ воспользовался своимъ официальнымъ правомъ и явился на одну изъ моихъ лекцій. Послѣ лекціи я его спросилъ, чему я обязанъ этою честью. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что воспитанники внимательнѣе слушаютъ и не читаютъ постороннихъ книгъ, когда знаютъ, что инспекторъ можетъ во всякую минуту войти въ классъ, и что онъ заходитъ и къ другимъ преподавателямъ. Одновременно, однако, и директоръ сталъ на меня коситься. Но я за собой никакой вины не зналъ и поэтому на все это не обращалъ вниманія, продолжая читать свой курсъ, и довелъ его благополучно до конца.

И вотъ наступилъ экзаменъ, на которомъ опять присутствовалъ принцъ П. Г. Ольденбургскій. Онъ слушалъ на этотъ разъ очень внимательно. Но когда я задалъ воспитаннику вопросъ, касавшійся конституціоннаго строя Англіи, онъ, наклонившись, шепнулъ мнѣ на ухо: «Это не имѣетъ никакого практическаго отношенія къ Россіи и никогда имѣть не будетъ». Затѣмъ, когда экзаменъ кончился, онъ, поблагодаривъ меня, сказалъ, уходя: «Воспитанники отвѣчаютъ прекрасно, но есть черныя точки». Послѣ этого я, видя, что лишень свободы преподаванія въ очень существенномъ вопросѣ, рѣшилъ отказаться отъ кафедры.

Принцъ П. Г. Ольденбургскій оказался плохимъ пророкомъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ его пророчества Александръ II подписалъ конституцію, а черезъ 35 лѣтъ Россія стала конституціонной страной, и, конечно, было бы лучше, если бы русская молодежь заблаговременно составила себѣ объективное сужденіе о конституціонномъ строѣ. Но взглядъ принца на преподаваніе въ этой области, равно какъ и безчисленные анекдоты объ его разсѣянности и чисто-внѣшней несообразительности нисколько не умаляютъ заслугъ этого доброжелательнаго и просвѣщеннаго государственнаго дѣятеля, память котораго свято хранится какъ всѣми благотворительными и просвѣтительными учрежденіями, созданными имъ, такъ и лицами, имѣвшими счастье его знать или поддерживать съ нимъ служебныя отношенія.

Р. И. Сементковскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ВОСПОМИНАНІЯ О ДЕКАБРИСТАХЪ.

(Изъ бумагъ М. Д. Францевой ¹⁾).

1. Декабристы и общество въ Сибири.

ВЪ СИБИРСКОМЪ народѣ много было въ наше время хорошаго въ нравахъ, радушнымъ гостепріимствомъ тоже отличается онъ не мало, особенно передъ здѣшними русскими. Бывало, помню я, когда случилось намъ проѣздомъ изъ Тобольска въ Омскъ на протяженіи 600 верстъ останавливаться въ деревняхъ у такъ называемыхъ передаточныхъ, то хозяйка закормитъ всѣмъ, что у нея есть въ запасѣ, и Боже сохрани, чтобы она когда-нибудь взяла за это плату; это надо ее обидѣть, если за ея радушное угощеніе вы предложите ей что-нибудь заплатить. «Господь еще не обидѣлъ насъ Своею милостію», отвѣтитъ она вамъ обидчивымъ тономъ. Правда, что крестьяне живутъ тамъ зажиточно, земли много, лѣсу тоже, развѣ ужъ особенный лѣнтій или негодяй какой-нибудь, пригѣхъ удобствахъ, которыми пользуется, живетъ бѣдно. Вооб-

¹⁾ Воспоминанія М. Д. Францевой о жизни декабристовъ въ Сибири, преимущественно супружеской четы Михаила Александровича и Натальи Дмитриевны Фонвизинныхъ, печатались въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1888 года (май, іюнь, іюль) и въ то время обратили на себя вниманіе своею искренностію и правдивостію. Въ видѣ дополненія къ нимъ печатаются нынѣ замѣтки о декабристахъ, сохранившіяся въ бумагахъ М. Д. Францевой и сообщенныя ею редакціи «Историческаго Вѣстника».

Ред.

ще въ Сибири за оказанную услугу другому съ негодованіемъ отвергалось всякое вознагражденіе, тогда какъ здѣсь, въ Россіи, шагъ не сдѣлають даромъ для другого. Я ужасно любила сибиряка за его прямоту и пониманіе своего личнаго достоинства. Униженнаго подобострастія онъ совершенно былъ чуждъ. Придетъ, бывало, къ вамъ какая-нибудь усталая торговка или молочница, съ молокомъ и, чувствуя утомленіе, она, нисколько не стѣсняясь, сядетъ возлѣ васъ отдохнуть, и этимъ она нисколько не хочетъ сравняться съ вами или умалить ваше превосходство передъ ней, или оказать вамъ дерзость, показать равенство,—ничего подобнаго, она только этимъ показываетъ, что, какъ человѣкъ уставшій, она имѣетъ полное право въ присутствіи вашемъ присѣсть отдохнуть, не переставая въ то же время быть учливой и почтительной относительно васъ.

Вообще слѣдуетъ сказать о сибирскомъ народѣ, что онъ удивительно какъ выше развитъ умственно передъ русскимъ мужикомъ. Въ Сибири никогда не было крѣпостнаго права, почему народъ выработался болѣе самостоятельнымъ, съ своими убѣжденіями. Благодѣтельное же вліяніе прямого, простого благорасположеннаго обращенія декабристовъ развило въ нихъ высокое пониманіе достоинства человѣческой личности. Сибирякъ обыкновенно не хвастливъ, онъ не вдругъ выразитъ свой взглядъ, свое мнѣніе, сначала выслушаетъ, въ чемъ дѣло, подумаетъ, скажетъ: «Что же, и мы, скажетъ, сумѣемъ сдѣлать это». И, навѣрно, если возьмется за что, то сдѣлаетъ хорошо. Еще отличительная черта сибиряка, это большая чистоплотность. Когда, бывало, проѣзжаешь деревнями, то, куда ни взойдешь, въ самую ветхую избенку, чистота васъ невольно поражаетъ. Полъ чисто вымытъ, устланъ чистымъ холщевымъ половикомъ, на столѣ безукоризненной бѣлизны скатерть, въ переднемъ углу святая иконы, кровать съ периною, покрытая непремѣнно чистымъ одѣяломъ.

Декабристы были все люди умные, образованные, прекрасно воспитанные, сохранившіе утонченную вѣжливость высшаго общества, къ которому они нѣкогда принадлежали, а вмѣстѣ съ тѣмъ, прошедши тяжелыя испытанія въ жизни и узнавъ всю превратность ея, у нихъ выработались необыкновенная простота и добродушіе. Они относились ко всякому человѣку, цѣня въ немъ прежде всего человѣческое достоинство, почему и были чужды всякаго самомнѣнія. Всѣмъ было какъ-то легко и хорошо съ ними. Отдавая ихъ въ то же время полное предпочтеніе, никто также не чувствовалъ себя униженнымъ передъ ними и подавленнымъ ихъ превосходствомъ. Ихъ умныя, серьезныя, а иногда полныя остроты и игривости бесѣды доставляли истинное наслажденіе.

2. М. А. Фонвизинъ и Н. Д. Фонвизина.

Михаилъ Александровичъ былъ сынъ Александра Ивановича Фонвизина, родного брата извѣстнаго Дениса Ивановича Фонвизина,

Отецъ Михаила Александровича женился на двоюродной сестрѣ своей, вслѣдствіе чего Мамоновы оспаривали законность этого брака, желая лишить дѣтей его права на наслѣдство Мамоновскаго огромнаго имѣнія, что и побудило Александра Ивановича помѣстить въ военную службу сына своего, Михаила Александровича, едва достигшаго 15-лѣтняго возраста; и точно, за отличіе его по службѣ, Высочайше утверждены были права его на Мамоновское наслѣдство.

Михаилъ Александровичъ служилъ въ Измайловскомъ лейбъ-гвардіи полку и произведенъ въ офицеры подъ Аустерлицемъ въ 1805 году. Въ 1812 году онъ былъ адъютантомъ у начальника штаба, Алексѣя Петровича Ермолова, который особенно любилъ и уважалъ его и даже въ своихъ запискахъ упоминаетъ о немъ: «при Маломъ-Ярославцѣ, — пишетъ Ермоловъ, — храбрые адъютанты мои поручикъ Фонвизинъ и артиллеріи поручикъ Поздѣевъ чрезвычайно мнѣ способствовали всюду, куда ни посылали я ихъ, не менѣе вѣрилъ имъ, какъ самому себѣ».

Во время кампаніи Михаилъ Александровичъ скоро дослужился до полковничьяго чина, такъ что въ 1813 году ему ввѣрено было командованіе полкомъ. Въ 1814 году онъ находился въ авангардѣ въ городѣ Provins, гдѣ дивизионный командиръ назначилъ ночлегъ и велѣлъ дать отдыхъ солдатамъ, расположивъ ихъ по квартирамъ. Ночью маршалъ Удино напалъ врасплѣхъ на нашъ авангардъ; русскіе ударили тревогу, и войско выступило, не успѣвши одѣться, съ одними ружьями въ рукахъ. Тутъ былъ взятъ въ плѣнъ весь отрядъ русскій, въ томъ числѣ и Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ и Константинъ Марковичъ Полторацкій. Французы сняли съ нихъ обувь и мундиры. Маршалъ же Удино, увидѣвъ плѣнныхъ, велѣлъ тотчасъ Фонвизина снабдить одеждою и съ рекомендательнымъ письмомъ къ друзьямъ своимъ отправилъ его въ Парижъ, гдѣ онъ жилъ на свободѣ и ласково былъ принятъ. Когда союзныя войска стали подходить къ Парижу, всѣхъ плѣнныхъ отправили въ Бретань, въ городъ Марьякъ? Тамъ находились нѣсколько тысячъ плѣнныхъ русскихъ и австрійцевъ.

Между жителями было много рсялистовъ. Фонвизинъ, узнавъ отъ нихъ, что дѣло Наполеона проиграно, рѣшилъ поднять бѣлое знамя, уговоривши на это заранѣе всѣхъ русскихъ плѣнныхъ; они завладѣли арсеналомъ, обезоружили караулы и сдѣлались

хозяевами въ городѣ, объявивъ его на военномъ положеніи. Австрійскіе офицеры побоялись принять участіе въ этомъ дѣлѣ; лишь одинъ изъ нихъ, славянинъ, уговорилъ австрійскихъ рядовыхъ пристать къ русскимъ. На подкрѣпленіе къ войску Наполеона шель, между другими, конно-егерскій полкъ, которому слѣдовало пройти черезъ городъ. Фонвизинъ согласился на это подъ однимъ условіемъ, чтобы полкъ прошелъ черезъ городъ обезоруженный, оружіе же на подводахъ слѣдовало за полкомъ.

По вступленіи союзниковъ въ Парижъ государь Александръ Павловичъ очень сухо принялъ Фонвизина, бывши недоволенъ его самоуравновѣсью; но вслѣдъ за тѣмъ Фонвизинъ, будучи представленъ королю Людовику XVIII, былъ осыпанъ его ласками и удивился, встрѣтивъ во дворцѣ мушкетеровъ знакомаго герцога де-Брисака, который незадолго передъ тѣмъ былъ принятъ юнкеромъ въ Семеновскій полкъ.

Въ 1815 году Фонвизинъ командовалъ полкомъ въ корпусѣ гр. Воронцова, командовавшаго оккупационнымъ русскимъ отрядомъ во Франціи въ теченіе трехъ лѣтъ. Возвратясь въ 1818 году въ Россію, въ эпоху аракчеевскаго владычества, онъ не могъ вынести новыхъ порядковъ и вышелъ въ отставку; но въ скоромъ времени графъ Петръ Александровичъ Толстой, который командовалъ корпусомъ въ Москвѣ, упросилъ Фонвизина вновь поступить на службу и назначилъ его командиромъ Егерскаго полка, гдѣ онъ устроилъ на свой счетъ юнкерскую школу. Узнавъ объ этомъ, графъ Дибичъ при посѣщеніи школы до того былъ восхищенъ этимъ учрежденіемъ, что представилъ государю проектъ объ учрежденіи для юнкеровъ казенныхъ школъ.

Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ такъ былъ любимъ и уважаемъ офицерами полка, что при выходѣ его въ отставку офицеры поднесли ему на память золотую шпагу. Насколько же онъ былъ обожаемъ и солдатами за свое кроткое и человѣчное обхожденіе съ ними (у него въ полку запрещено было даже тѣлесное наказаніе), доказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ его казематной жизни. Когда впоследствии образовалось такъ называемое тайное общество, Фонвизинъ вступилъ въ его и принималъ въ немъ дѣятельное участіе. 14-го декабря 1825 года онъ лично не былъ замѣшанъ въ дѣлѣ, будучи въ своей подмосковной деревнѣ Крюковѣ, теперешней Крюковской станціи по Николаевской желѣзной дорогѣ. Здѣсь онъ былъ арестованъ, увезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

Во время его заточенія въ крѣпости случилось однажды быть въ караулѣ солдатамъ того полка, которымъ онъ прежде командовалъ; во время его прогулки по берегу Невы, вокругъ крѣпости, подъ конвоемъ этихъ солдатъ, они, рискуя жизнію, убѣждали и умоляли его воспользоваться свободой и бѣжать. Какъ онъ ни

былъ тронуть и пораженъ такой преданностію съ ихъ стороны, но, конечно, не согласился ради своей свободы подвергнуть ихъ наказанію и въ то же время ухудшить положеніе своихъ товарищей, которые послѣ его побѣга подверглись бы, конечно, еще болѣе строгому надзору.

Въ началѣ ссылки не дозволялось писать къ роднымъ, и Наталья Дмитріевна, волнуемая постоянными совѣтами жандармскаго генерала Волкова, который имѣлъ тайное приказаніе отъ правительства склонить ее отложить свою поѣздку хотя до тѣхъ поръ, пока получитъ извѣстіе о мужѣ, рѣшилась по своему глубокому религіозному чувству поѣхать помолиться преподобному Сергію въ Троицкую лавру и дѣйствовать потомъ, какъ Богъ положитъ ей на сердце. Тамъ съ ней былъ знаменательный случай, коимъ Провидѣніе видимымъ образомъ указало ей на то, что ей слѣдовало ѣхать въ Сибирь къ мужу.

Итакъ, она отправилась въ монастырь съ своей молодой кузиной, въ сопровожденіи одного слуги. Посѣтивъ одного затворника, къ которому пошла вмѣстѣ съ своей кузиной и лакеемъ, она была поражена прозорливостію старца, который при входѣ ея прямо, безъ всякихъ вопросовъ, далъ ей крестикъ съ слѣдующими словами: «Отвези тому, къ кому ѣдешь».

Эти немногія, но знаменательныя слова старца тотчасъ ее успокоили; она ясно поняла изъ нихъ, что мужъ ея живъ и она должна къ нему ѣхать; тѣмъ болѣе она увѣрилась въ прозорливости святого старца, что тотъ, обратившись тутъ же къ молодой дѣвушкѣ, ея кузинѣ, желавшей очень выйти замужъ, также не дождавшись съ ея стороны вопроса, сказалъ ей: «Въ настоящемъ году выйдешь замужъ», что и сбылось потомъ въ точности. Лакею же, сидѣвшему по его указанію вмѣстѣ съ господами, сдѣлалъ обличеніе, сказавъ: «На тебѣ лежитъ тяжкій грѣхъ, покайся въ немъ». Наталья Дмитріевна, вернувшись домой, узнала отъ людей, что однажды на исповѣди священникъ не разрѣшилъ этому чловѣку приобщиться святыхъ таинъ, но онъ, стыда ради чловѣческаго, незамѣтно проскользнулъ между народомъ и приобщился самовольно св. таинъ, что потомъ его очень смущало и тяготило.

Пушкинъ очень вѣрно схватилъ основныя черты ея характера, ея юную наивную душу, но твердую въ исполненіи своихъ обязанностей.

Пушкинъ взявшій типъ Натальи Дмитріевны изъ юной ея жизни въ богатомъ костромскомъ помѣстьѣ ея отца, гдѣ она развивалась вдали отъ мелочной суеты столичной жизни и гдѣ ея наивная, легко вѣрящая во все хорошее натура въ то же время крѣпла въ глубокомъ религіозномъ чувствѣ покорности волѣ Божіей, художественно передалъ всѣ главныя черты ея характера въ лицѣ Татьяны въ своей знаменитой поэмѣ «Евгеній Онѣгинъ».

Но толчокъ разочарованія въ вѣрности человѣка, къ которому она такъ было довѣрчиво отнеслась, не заставилъ ее потерять вѣру въ людей, что она и доказала впоследствии, сумѣвъ отличить настоящее отъ ложнаго. Она оцѣнила великодушный поступокъ своего двоюроднаго дяди Михаила Александровича Фонвизина, разорвавшаго долговую вексель ея отца, и приняла его предложеніе стать его женой. Не «тупо покоряясь», какъ ошибочно сказано у Пушкина, волѣ родительской, ставши, какъ будто, послѣ разочарованія равнодушной ко всему окружающему, она пошла за него добровольно, имѣя въ виду, съ одной стороны удовлетворить самолюбіе отца, съ другой, отплатить Михаилу Александровичу за его благородный поступокъ. Сдѣлавшись женой генерала, она дала сильный отпоръ на балу бывшему ея ухаживателю, какъ говоритъ Пушкинъ въ своей поэмѣ, и это доказываетъ твердый въ правилахъ и исполненіи обязанностей ея характеръ. Не имѣя страстнаго увлеченія, она тѣмъ не менѣе привязалась и полюбила мужа за благородныя чувства, что и оправдала своею твердою рѣшимостью не покидать его въ несчастіи, слѣдуя за нимъ въ изгнаніе, на каторгу, несмотря на мольбы отца и матери.

Михаилъ Александровичъ обожалъ ее въ полномъ смыслѣ этого слова до послѣдней минуты жизни. Она своею глубокою религіозностью имѣла огромное вліяніе на него, такъ что подъ ея вліяніемъ изъ человѣка равнодушнаго къ религіи и онъ сдѣлался горячо вѣрующимъ. Его прямая чистая душа легко поддавалась всему возвышенному и прекрасному.

3. Н. Д. Фонвизина по возвращеніи изъ Сибири и замужество ея съ И. И. Пуцинымъ.

Наталя Дмитріевна была замѣчательнаго ума, необычайно краснорѣчива и въ высокой степени духовнаго религіознаго развитія. Въ ней много было увлекательнаго, особенно когда она говорила, такъ что передъ ней невольно преклонялись все слушатели ея. Память у нея была удивительная, она помнила даже все сказки, которыя рассказывала ей въ дѣтствѣ ея няня, и такъ умѣла передать живо и картинно все, что видѣла и слышала, что простой рассказъ ея увлекалъ каждого изъ слушателей; характера она была твердаго, рѣшительнаго, энергичнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень веселаго, несмотря на то, что жила больше внутренней жизнью, мало обращая вниманія на сужденія или пересуды людскіе. По возвращеніи изъ Сибири, послѣ кончины Михаила Александровича, въ Марьино Наталя Дмитріевна должна была заняться приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ по доставшемуся ей по наслѣдству отъ Ивана Александровича Фонвизина огромному имѣнію, но разстроеному до крайности. Она въ продолженіе двухъ лѣтъ

рѣшительно не имѣла отдыха. Приходилось разъѣзжать по разнымъ своимъ имѣніямъ, находящимся въ нѣсколькихъ губерніяхъ, чтобы имѣть возможность сохранить ихъ отъ грозившаго полнаго разоренія. Крестьяне обожали ее и обличали предъ ней всѣ благородныя и корыстолюбивыя поступки управителей огромныхъ ея владѣній, отъ чего возникали у ней постоянныя непріятныя столкновенія съ ними. Все это настолько нравственно и физически утомило Наталью Дмитріевну, привыкшую всегда къ болѣе отвлеченной, чѣмъ дѣятельной жизни, что она рѣшилась поѣхать въ Tobольскъ отдохнуть тамъ душою и взглянуть еще на сотоварищій покойнаго мужа, а своихъ друзей, Къ тому времени одно еще обстоятельство, о которомъ буду говорить ниже, побудило ее рѣшиться окончательно на эту поѣздку, почему въ началѣ 1856 года и отправилась въ Сибирь, взявъ съ собою маленькую свою воспитанницу, привезенную ею изъ Сибири, родители которой оставались въ Tobольскѣ. Опасаясь же, чтобы не показалось страннымъ правительству и всѣмъ окружающимъ ея путешествіе въ Сибирь, она устроила свой отъѣздъ такъ, что никто, кромѣ меня, ни родные, ни знакомые, ни домашніе не знали объ этомъ. Для охраны же въ дальней дорогѣ взяла она съ собою преданнаго и вѣрнаго человѣка; она выѣхала изъ Марьина въ Москву, сказавъ всѣмъ, что ѣдетъ въ свои костромскія имѣнія на все лѣто.

Одна я знала только, куда она отправлялась, и у насъ съ ней сдѣланъ былъ уговоръ, что когда она будетъ мнѣ писать въ Марьино, гдѣ я оставалась, чтобы прочитывала письма я старой нянѣ Матренѣ Петровнѣ, какъ бы полученные мною изъ деревни, а не изъ Сибири, также и всѣмъ спрашивающимъ отвѣчала бы то же. Заранѣе условлено было названія мѣстъ костромскихъ понимать за нѣкоторыя мѣста въ Сибири, гдѣ она должна была остановиваться.

Тайну ея я сохранила во всей полнотѣ; никто не подозрѣвалъ, что я прочитывала письма изъ Сибири, рассказывая какъ о полученныхъ изъ костромскихъ имѣній.

Однажды едва, впрочемъ, не пришлось мнѣ выдать ввѣренную мнѣ тайну. Встрѣтила я разъ, бывши въ Москвѣ у княгини Евдокии Михайловны Голицыной, графиню Елизавету Петровну Потемкину, рожденную княжну Трубецкую, сестру декабриста князя Сергѣя Петровича Трубецкого, только что пріѣхавшую изъ Петербурга, которая рассказывала княгинѣ Голицыной, какъ интересное событіе, что князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, тоже сынъ декабриста, состоящій на службѣ въ Петербургѣ, былъ посланъ государемъ императоромъ курьеромъ въ Сибирь съ высочайшимъ милостивымъ манифестомъ по случаю коронаціи о прощеніи всѣхъ декабристовъ и возвращеніи ихъ на родину

въ Россію. Князь Волконскій описываетъ, говорила она, какъ онъ, пріѣхавши въ Ялуторовскъ, возбудилъ общій восторгъ и радость у всѣхъ сосланныхъ; всѣ бросились обнимать другъ друга и благословляли императора Александра II. Онъ пишетъ также, что между ними находилась въ это радостное время и Наталья Дмитріевна Фонвизина. Княгиня же Голицына, зная отъ меня о пребываніи Натальи Дмитріевы въ деревнѣ, не вѣрила этому извѣстію, и такъ какъ я тутъ же находилась въ гостинной, то удивленная обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, правда ли, что Наталья Дмитріевна въ Сибири. Я, конечно, ради тайны должна была скрыть и отвѣтить отрицательно, что ея тамъ нѣтъ, что, вѣроятно, вышло какое-нибудь недоразумѣніе въ письмѣ князя Волконскаго.

Вскорѣ возвратилась и сама Наталья Дмитріевна изъ Тобольска, и когда она рассказывала о своемъ таинственномъ путешествіи, то всѣ очень смѣялись и удивлялись моему умѣнью, какъ онъ выражались, хранить чужую тайну.

Вообще въ характерѣ Наталья Дмитріевна много была страннаго и непонятнаго для свѣта. Не выносила она никакой похвалы себѣ, почему часто старалась выказывать себя не тѣмъ, чѣмъ была, напуская иногда на себя видъ юродства, чтобы только не считали ея за праведную, и иногда, чтобы еще сильнѣе опровергнуть похвалу, старалась напускнымъ какимъ-нибудь выдающимся и даже порицаемымъ условіями свѣта дѣйствіемъ нарушить хорошее мнѣніе о ней.

До старости въ ней сохранилось много юношеской воспримчивости, доходящей до самоотверженія, особенно когда касалось ея религіозной стороны и подчасъ экзальтированной покорности волѣ Божіей. Требовалось ли стѣсненіе свободы, которой она больше всего дорожила, или другой какой жертвы для спасенія ближняго, она тогда ни передъ чѣмъ не останавливалась, какимъ бы уродствомъ для свѣта ни казались ея дѣйствія. Это самопожертвованіе ради спасенія ближняго и было главной причиной ея второго брака съ Иваномъ Ивановичемъ Пушнымъ, не мало удивившаго всѣхъ ея знакомыхъ и даже друзей.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ, отличаясь либеральными идеями, принадлежалъ также къ тайному обществу декабристовъ и вмѣстѣ съ другими былъ сосланъ въ Сибирь. Какъ человекъ, онъ былъ чрезвычайно добрый, честный, милый, всѣми уважаемый и любимый; но, къ несчастію, какъ христіанинъ, мало вѣрующій; хотя и не уклонялся отъ исполненія обрядовъ церковныхъ, какъ многіе свѣтскіе люди, но никогда не вникалъ въ духовную сторону христіанской жизни. Когда онъ, бывало, пріѣзжалъ изъ Ялуторовска въ Тобольскъ, гдѣ былъ поселенъ и останавливался у Фонвизинныхъ, то мнѣ нерѣдко приходилось присутствовать при ихъ религіозныхъ спорахъ. Какъ Михаилъ Александровичъ, такъ и

Наталья Дмитриевна усердно старались возбудить въ немъ духовную внутреннюю жизнь, безъ чего, по ихъ христіанскимъ воззрѣніямъ, спасеніе его души казалось имъ сомнительнымъ, но онъ по обыкновенію всегда отшучивался, говоря, что они изъ него хотятъ сдѣлать святошу, и мало поддавался ихъ благочестивому вліянію.

Когда же впоследствии въ Ялutorовскѣ получено было изъ Россіи извѣстіе о праведной и мирной кончинѣ Михаила Александровича Фоввизина, то это грустное событіе сильно поразило его, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ къ тому времени сталъ уже серьезно прихварывать и невольно поддаваться унынію.

Наталья Дмитриевна не прерывала, конечно, и послѣ смерти Михаила Александровича дружескихъ сношеній съ Пушцинымъ, интересовалась попрежнему его внутренней душевной работой и, какъ умная женщина, имѣла большое на него вліяніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она была какъ громомъ поражена неожиданно сдѣланнымъ имъ ей предложеніемъ. Ея экзальтированная натура тотчасъ же приняла это за особенное указаніе Провидѣнія, требовавшего отъ нея новой жертвы для спасенія черезъ нее прекрасной, но мало вѣрующей души Пущина.

Но въ то же время въ ней самой началась страшная борьба: она очень хорошо сознавала, что, рѣшившись на второй бракъ, она лишится своей дорогой свободы и волей-неволей должна будетъ подчиниться челоуѣку и новой обстановкѣ жизни, тогда какъ ея свободная воля тяготилась всякой зависимостью.

Тайна съ предложеніемъ никому же была открыта, кромѣ меня, съ которой она дѣлила всѣ свои возрождающіяся и мучившія ее потому сомнѣнія насчетъ того, что дѣйствительно ли есть на это воля Божія, какъ ей показалось въ первыя минуты. «Къ чему этотъ бракъ?—съ сомнѣніемъ воскликнула она:—развѣ безъ него не можетъ подѣйствовать благодать Божія, уже не обольщеніе ли это вражіе?» Страхъ быть невѣрной въ призваніи Божию охватывалъ ея вѣрующую, преданную до самоотверженія душу, и она съ тоской говорила мнѣ: «Какъ ты думаешь, имѣю ли я право отказаться отъ требуемой Богомъ отъ меня жертвы для спасенія ближняго?» Душевная эта борьба настолько ее истомила, что она съ обычной своей энергіей окончательно рѣшилась съѣздить въ Сибирь, какъ выше было сказано, повидаться со всѣми оставшимися тамъ друзьями-декабристами и въ то же время переговорить лично съ Пушцинымъ о несообразности ихъ брака. При свиданіи же ихъ въ Ялutorовскѣ Пущинъ настолько выразилъ ей свою глубокую преданность и уваженіе къ ней, что она не могла не откликнуться на искреннія его чувства, хотя въ то же время независимая ея природа не уступала своихъ правъ...

Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, Наталья Дмит-

рѣвна писала мнѣ изъ Tobольска, что для прекращенія этой тягостной борьбы съ самой собою рѣшается положить за чудотворную икону Абалацкой Знаменія Божіей Матери билетикъ съ вопросомъ, выходитъ ли ей за Пущина, или нѣтъ. Абалацкій мужской монастырь, отстоящій отъ Tobольска въ 25 верстахъ, гдѣ находится чудотворная, всю Сибирью чтимая икона Божіей Матери, куда, бывало, мы часто изъ Tobольска ѣзжали съ Натальей Дмитріевной говѣть и гдѣ всегда находили отраду и успокоеніе. Туда-то и обратилась теперь она за помощью и уясненіемъ своей судьбы. Вынутый билетъ—«выходитъ» не только, однако, не успокоилъ ее, а еще болѣе разстроилъ: она питала, какъ потомъ сама говорила, тайную надежду, что эта чаша минуетъ ее. Неисполненіе же этой надежды подняло снова бурю борьбы въ ней, что и заставило ее для большаго удостовѣренія рѣшиться еще испытать судьбы Божіи.

Почему и положила разубѣдить Пущина, что въ предполагаемомъ бракѣ не найти ему счастья съ ней. Стараясь въ письмахъ къ нему выставить себя съ самой дурной стороны и даже смѣшной, зная его слабость бояться *d'être ridicule*, ухватила за эту мысль, выставляя себя именно въ болѣе смѣшномъ видѣ, рассказывая ему, какъ въ ней въ 52 года снова ожила Таня Евгенія Онѣгина съ тѣми же будто юношескими порывами, какіе были въ 17 лѣтъ, наговаривая на себя при этомъ Богъ знаетъ какія еще небылицы. Противъ этого я часто возставала. «Для чего наговаривать на себя то, чего нѣтъ?» возражала я ей. «Чтобы убѣдиться послѣднимъ испытаніемъ воли Божіей на этотъ бракъ,—отвѣчала она мнѣ.—Если Пущинъ, несмотря ни на какія дурныя данныя обо мнѣ,—вѣдь я ему писала то, чему повѣрить трудно, не перемѣнится, то ужъ тогда, вѣрно, ужъ нужно будетъ покориться волѣ Божіей, Его несповѣдимымъ путемъ».

Пущинъ же, зная ее хорошо, ничему, конечно, не вѣрилъ, и оставался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи, что она и приняла, какъ уже окончательное указаніе воли Божіей, которой ужъ не смѣла сопротивляться.

Иванъ Ивановичъ Пущинъ былъ однокашникъ по лицю съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Они были большіе друзья между собой. Дружба ихъ не измѣнилась и тогда, когда судьба такъ рѣзко разъединила ихъ по положенію въ свѣтѣ. Иванъ Ивановичъ всегда отзывался о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, неизмѣнномъ въ своихъ благородныхъ чувствахъ и вѣрномъ въ дружбѣ, что и доказалъ онъ въ дѣйствительности.

По возвращеніи изъ Сибири въ 1856 году вмѣстѣ съ прочими декабристами Иванъ Ивановичъ Пущинъ поселился на жительство въ Петербургѣ, гдѣ жили почти всѣ его родные, но здоровье его, однако, настолько ужъ было разстроено, что, несмотря на радость свиданія съ родными, онъ сталъ видимо угасать. Наталья

Дмитріевна не разъ ѣздила въ Петербургъ навѣщать его больного. Познакомилась и съ его родителями. Врачи Петербурга находили климатъ Петербурга для него вреднымъ и совѣтовали ему для поддержанія угасавшихъ его силъ переѣхать какъ можно скорѣе въ южный климатъ, на что онъ не соглашался, а сталъ топтать, напротивъ, Наталью Дмитріевну со свадьбой, что сохранялъ, впрочемъ, въ тайнѣ отъ всѣхъ своихъ родныхъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1857 года они обвинялись въ имѣніи его друга князя Эристова, бывшаго единственнымъ свидѣтелемъ при ихъ бракосочетаніи. Наталья Дмитріевна послѣ рассказывала о своемъ вѣнчаніи: «Въ церкви мнѣ казалось, что я стою съ мертвецомъ: такъ худъ и блѣденъ былъ Иванъ Ивановичъ, и все точно во снѣ совершалось. По возвращеніи изъ церкви, выпивъ по бокалу шампанскаго и закусивъ, мы поблагодарили добраго хозяина за его дружбу и радушіе и за всѣ хлопоты, отправились на станцію желѣзной дороги и прямо, черезъ Москву, на житѣ въ Марьино, откуда уже извѣстили всѣхъ родныхъ и друзей о нашей свадьбѣ. Родные были крайне удивлены и недовольны, что все было сдѣлано безъ ихъ вѣдома».

Родные его, зная Наталью Дмитріевну за оригиналку, скоро примирились съ этимъ. Въ самомъ дѣлѣ въ ней такъ много было своеобразнаго, не подходящаго къ обыкновенному уровню свѣтскихъ приличій, что она и при совмѣстной жизни своей съ Иваномъ Ивановичемъ казалась совершенно вывихнутою костью, особенно, когда бывало наѣдутъ въ деревню къ нимъ его свѣтскіе петербургскіе родные и знакомые. Въ столовой тогда накрывался большой, круглый столъ, за которымъ собирались всѣ пріѣзжіе гости. Иванъ Ивановичъ любилъ, чтобы хозяйка сама разливала чай, и Наталья Дмитріевна въ угоду ему (она никогда раньше не занималась этимъ) садилась передъ самоваромъ и неопытной рукой, едва умѣя держать чайникъ, при общемъ веселіи угощала гостей.

Привыкши, что въ прошлой ея жизни ей все подавалось готовое, она и сама часто смѣялась надъ своей неловкостью и не обижалась, когда и другіе шутили надъ ея неумѣньемъ управляться съ мелочами домашняго обихода; но зато подчасъ очень тяжелой казалась ея роль не быть тѣмъ, чѣмъ всегда была. Уѣзжая по дѣламъ въ свои костромскія любимыя имѣнья, она тамъ въ уединеніи отдыхала душой.

Посѣщать Наталью Дмитріевну въ Марьинѣ при новой ея обстановкѣ жизни было для меня очень грустно и тяжело, да и взятая ею на себя роль, совершенно неподходящая къ ней, не легко ложилась у меня на сердцѣ. Бывало, только и душу отводили мы вмѣстѣ съ старой няней Матреной Петровной, которая никакъ не могла освоиться съ мыслью, что Наталья Дмитріевна

болѣе не Фонвизина, а Пущина. Съ трудомъ переносила и поваго хозяйина Марьяна, хотя она всегда любила и уважала его.

Но все-таки она была самая преданная до своей смерти и горячо попрежнему любящая слуга, другъ Натальи Дмитріевны.

При свиданіи моемъ съ Иваномъ Ивановичемъ въ Марьинѣ, по приѣздѣ ихъ послѣ свадьбы я была поражена страшной перемѣной, происшедшей въ немъ. Точно выходецъ съ того свѣта: такъ онъ былъ худъ и блѣденъ. Угасающая его жизнь протянулась, однако, въ Марьинѣ, вопреки приговорамъ петербургскихъ врачей, еще два года. Уздный лекарь гор. Бронницы сумѣлъ какъ-то поддерживать упадающія его силы. Но эти страдальческіе болѣзненные два года не прошли для него безъ пользы. Подъ вліяніемъ любимой, горячо вѣрующей женщины, сердце его отозвалось на призывъ благодатнаго чувства, и онъ скончался вполнѣ вѣрующимъ челоувѣкомъ, мирной христіанскою кончиной, напутствованный святымъ таинствомъ приобщенія тѣла и крови Христовой въ той же Марьинкѣ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ назадъ предалъ духъ и старый другъ его Михаилъ Александровичъ, и похороненъ тоже въ Бронницахъ, рядомъ съ могилой Михаила Александровича Фонвизина въ 1859 году.

Вскорѣ послѣ смерти Ивана Ивановича Пущина Наталья Дмитріевна купила въ Москвѣ домъ на Садовой, переѣхала туда на жительство и зажила снова своей прежней независимой жизнью. Устроивъ хорошо дѣла по имѣніямъ, она могла жить совершенно безъ заботъ и стѣсненія. Няня тоже успокоилась и въ новомъ домѣ по старому занялась хозяйствомъ, ходатайствуя часто у Натальи Дмитріевны за бѣдныхъ крестьянъ, обращавшихся къ ней съ своими жалобами о своихъ нуждахъ. Она по прямоу честнаго своего характера всегда высказывала правду, не стѣсняясь страхомъ быть за это въ немилости.

Домъ Натальи Дмитріевны въ Москвѣ былъ открытъ для всѣхъ друзей и знакомыхъ ея. Къ ней любили съѣзжаться всѣ хорошо знающіе и уважающіе ее. Бывало, какихъ разнородныхъ личностей не встрѣтишь въ ея гостиной, начиная съ высшаго аристократическаго круга сотоварищей покойныхъ ея мужей и кончая простыми небогатыми и нерѣдко нуждающимися лицами. Для всѣхъ равно находила она сказать что-нибудь пріятное, никакой не чувствовалось натяжки; напротивъ, ея веселая, умная бесѣда заставляла забывать время, и часто далеко за полночь просиживали у нея гости, слушая ея краснорѣчивые рассказы о жизни въ Сибири. Въ ея многочисленныхъ анекдотахъ изъ жизни ихъ на каторгѣ, всегда было много юмору; она особенно умѣла передавать живо и характерично самый незначительный эпизодъ, чѣмъ и увлекала слушателей. Попрежнему любила угощать. Прислуга у нея была такъ поставлена, что относилась одинаково вѣжливо какъ къ бога-

тымъ и высокопоставленнымъ ея посѣтителемъ, такъ и къ бѣднымъ и незнатнымъ, которыхъ у нея бывало не мало. Въ Москву часто прѣзжали навѣщать Наталью Дмитриевну друзья ея, декабристы: Михайль Михайловичъ и Елизавета Петровна Нарышкины изъ своего имѣнія, села Высокаго, находящагося въ семи верстахъ отъ Тулы, купленнаго и приготовленнаго сестрой княгиней Евдокіей Михайловной Голицыной для своего брата, возвращеннаго изъ Сибири чрезъ Кавказъ прежде еще 1856 года, гдѣ они и поселились на житье.

Елизавета Петровна Нарышкина, рожденная графиня Коновницына, единственная дочь знаменитаго въ 1812 году генерала Коновницына, получила блестящее образованіе. Прекрасно воспитанная, любимица отца, обожаемая мужемъ, она послѣдовала за нимъ въ Сибирь на каторгу, гдѣ и подружилась очень съ Натальей Дмитриевной Фонвизиной, передъ духовными совершенствами которой впослѣдствіи преклонялась и благоговѣла. Много было въ ней тоже юмору; вспоминая съ Натальей Дмитриевной о своей жизни на каторгѣ, безъ малѣйшей горечи смѣялись и шутили, рассказывая о разныхъ эпизодахъ, случившихся тамъ съ ними. Какъ, бывало, подходя къ тюремному частоколу просовывали свои пальчики мужьямъ, а грубые часовые отгоняли ихъ ружьями, и какъ онѣ ухитрились смягчать ихъ жестокость подачками табаку и другихъ мелкихъ предметовъ. У ней была большая способность идеализировать восторженно, къ кому чувствовала симпатію. Наталья Дмитриевна, несмотря на дружбу къ ней, не выносила ея увлекающихся восторговъ къ ней. «Опять въ рамку меня ставишь, не выношу этого!» часто останавливала она ея порывы.

Елизавета Петровна мнѣ, какъ вѣрной союзницѣ Натальи Дмитриевны, по ея выраженію, много показывала расположенія и съ большимъ участіемъ относилась къ моей нервной болѣзни, постигшей меня послѣ смерти Михаила Александровича Фонвизина, и смерти моего роднаго отца въ Тобольскѣ. Увозила нерѣдко къ себѣ въ имѣніе свое Высокое и однажды уговорила меня, чтобы я прѣехала къ нимъ вмѣстѣ съ ихъ племянницей В. А. Нарышкиной на ихъ сельскій праздникъ 15-го іюля, куда собиралась въ этотъ день почти вся Тула съ самоварами на цѣлый день. Всѣмъ позволялось тогда гулять по ихъ парку и саду. Изъ Москвы отправились мы туда въ почтовой каретѣ. Прекрасная мѣстность села Высокаго съ каменною церковью въ нѣсколькихъ шагахъ отъ великолѣпнаго дома съ башнями и террасами, утопающаго въ цвѣтникахъ розъ и резеды, пріятно поражала посѣтителей. Карета наша подкатила съ крыльцу, гдѣ насъ радушно встрѣтили милые хозяева. Домъ большой, удобный. Для всѣхъ прѣзжающихъ гостей были отдѣльныя комнаты, изъ которыхъ

открывались живописныя виды. Гостей и родныхъ къ этому дню наѣхало изъ Москвы и Петербурга множество, и всѣмъ достало мѣста.

Наканунѣ престольнаго праздника отправились всѣ къ все-нощной, а на другой день къ обѣднѣ. Съ ранняго утра началось уже движеніе приходящаго народа изъ Тулы и окрестныхъ сель на праздникъ. Съемщики съ самоварами размѣщались въ отдаленной части парка; когда мы выходили изъ церкви, то громадныя толпы народа имѣли видъ разноцвѣтнаго ковра со своими пестрыми яркими нарядами.

На большой террасѣ приготовленъ былъ чай, гдѣ всѣ гости размѣстились и любовались гуляющими. Послѣ обѣда начались крестьянскіе хороводы. Молодые деревенскія дѣвушки въ вѣнкахъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, а женщины въ своихъ типичныхъ кичкахъ, парни же, молодые запѣвалы, въ красныхъ рубашкахъ водили хороводы. Заунывны наши русскія мелодичныя пѣсни, въ которыхъ чувствовалась какая-то затаенная грусть неволи и зависимости бѣднаго крѣпостнаго народа отъ произвола какого-нибудь барина, не знающаго иногда границъ своимъ разгулявшимся страстямъ. Живя долго въ Сибири, не разъ приходилось мнѣ выслушивать отъ несчастныхъ сосланныхъ по волѣ помѣщиковъ въ Сибирь ихъ горькія и грустныя исторіи.

Между гостей находились и нѣсколько человѣкъ изъ возвращенныхъ декабристовъ: Николай Ивановичъ Лореръ, Цебриковъ, Бобрищевъ-Пушкинъ. Юмористическій складъ ума Елизаветы. Петровны разнообразилъ и сообщалъ непринужденную веселость обществу, хотя въ ея остротахъ иногда и слышались колкія насмѣшки, и попасть на ея зубокъ несимпатичнымъ ей личностямъ бывало бѣда. Михаилъ Михайловичъ былъ болѣе мягкимъ, даже нѣжнаго характера, онъ не умѣлъ сердиться, тѣмъ болѣе взыскивать съ людей. Когда приходилось дѣлать какія нибудь замѣчанія или взысканія, онъ обращался съ просьбою къ женѣ взять на себя эту неприятную обязанность. Она, несмотря на то, что обожала мужа, часто остряла надъ нимъ по этому поводу. «Хорошо намъ быть въ миленькихъ,—говорила она ему:—когда что неприятное для насъ, мы сваливаемъ на другихъ, а сами останемся въ сторонѣ».

Больше мѣсяца съ пріятностью прогостили мы въ Высокомѣ, нѣсколько разъ ѣздили въ Тулу, а однажды намъ пришлось присутствовать на трогательномъ торжествѣ отправленія ратниковъ на войну. Преосвященный Дмитрій, бывшій потомъ архіепископомъ херсонскимъ, торжественно совершалъ на площади молебствіе и благословлялъ ряды ратниковъ на трудный путь положить животы свои за царя и отечество. Площадь была переполнена народомъ; у женъ и матерей лились горячія слезы; солнышко ярко освѣщало будущихъ борцовъ и пригрѣвало своими теплыми лучами.

Владыка сказалъ имъ прочувствованное напутственное слово. Самъ тронутый до слезъ, владыка былъ неподражаемъ; точно ангелъ Божій, стоялъ онъ среди окружающихъ его ратниковъ и многолюднаго стеченія народа.

4. Декабристы: Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, Гавріиль Степановичъ Батенковъ, Петръ Николаевичъ Свистуновъ, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ.

Нерѣдко также прїѣзжалъ въ Москву къ Нат. Дмит. и нашъ общій другъ, декабристъ Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ. Онъ по возвращеніи изъ Сибири поселился вмѣстѣ съ умалишеннымъ своимъ братомъ Николаемъ Сергѣвичемъ, возвращеннымъ съ нимъ же вмѣстѣ изъ Сибири, въ ихъ родовомъ имѣніи Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда, у родной своей сестры, Маріи Сергѣевны Бобрищевой-Пушкиной.

Прїѣзжая въ Москву, онъ всегда останавливался въ домѣ у Натальи Дмитріевны, гдѣ наверху у нея были опредѣлены комнаты для прїѣзжающихъ къ ней друзей.

Каждый прїѣздъ добраго Павла Сергѣевича былъ для всѣхъ знавшихъ его радостнымъ и прїятнымъ. Зная его за глубоко вѣрующаго и любящаго человѣка, всѣ, у кого накоплялось болѣе или менѣе горечи и недовольства на душѣ, всѣ облегчали тяжесть душевную съ нимъ, вѣря, что онъ всегда приметъ сердечно участіе въ какой бы то ни было неудачѣ или непрїятности и дастъ свой сердечный правдивый совѣтъ. Въ Tobольскѣ его не иначе звали, какъ другомъ человѣчества. Наталью Дмитріевну уважалъ настолько, что преданъ былъ ей всей душой. Въ одинъ изъ своихъ прїѣздовъ къ ней онъ сильно заболѣлъ; сначала думали, что скоро поправится, но болѣзнь день за днемъ увеличивалась. Медицинскія средства мало помогали. Явилась какая-то особенная сухость во рту, совершенный недостатокъ всего слизистаго, такъ что съ большимъ трудомъ онъ могъ наконецъ пропускать пищу, не иначе, какъ предварительно смочивъ ее супомъ или теплой водой. Болѣзнь шла быстро впередъ. Дыханіе съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе, на рукахъ показалась злокачественная сыпь, предсказывавшая разложеніе крови. Видимо для всѣхъ было, что жизнь его угасала. Написали въ деревню къ его роднымъ, ждали ежедневно ихъ прїѣзда. Онъ и самъ начиналъ сознать свое опасное положеніе, но желаніе увидѣть любимую сестру и братьевъ отдаляло отъ него мысль о близости смерти.

Не выдавъ его нѣсколько дней, я поражена была страшной переменной, происшедшей въ немъ. Печать смерти видимо лежала на немъ. Я осталась ночевать и ночью сидѣла вмѣстѣ съ Наталіей Дмит-

ривной у постели почти умирающаго больного; она мнѣ тихо говоритъ: «Предложи ему приобщиться св. таинъ, сама я боюсь ему сказать, чтобы не испугать его». Оставшись одна съ больнымъ, вижу, дыханіе у него становилось затруднительнѣе, такъ что при дыханіи онъ втягивалъ почти всю нижнюю часть лица въ себя, прося воздуха. Мечась по кровати, страдалецъ восклицалъ: «Что же это такое! Чѣмъ же это все кончится?»

Предсмертная агонія, видимо, началась у него. Зная хорошо его глубокую всегда набожность и непривязанность къ земному, меня невольно смутила мысль: неужели онъ боится умирать и настолько не сознаеть своего опаснаго положенія, что не можетъ покориться предстоящей смерти? Мнѣ стало жаль его.

Собравшись съ духомъ и внутренно помолившись, подошла къ нему и прямо спросила его: «Павелъ Сергѣевичъ, неужели вы, будучи всегда такимъ преданнымъ Господу, боитесь смерти? Ваши болѣзненные восклицанія: «Чѣмъ же это наконецъ кончится?»— какъ будто бы выражаютъ недостатокъ покорности волѣ Божіей. Сообщитесь въ св. тайнахъ съ Господомъ и предайтесь ему на жизнь и на смерть. Вамъ будетъ легче».—Онъ выслушалъ меня очень серьезно и, углубившись нѣсколько въ себя, отвѣчалъ тихо, но также серьезно: «Нѣтъ, я не боюсь смерти».—«Не послать ли за священникомъ, чтобы онъ пришелъ съ св. дарами?»—обрадовавшись, продолжала я ему. Онъ снова, углубившись внутрь себя и также тихо и серьезно отвѣтилъ мнѣ: «Нѣтъ, я сегодня преданъ еще землѣ».

Было ясно, что онъ ждалъ сестры съ братьями, о которыхъ часто спрашивалъ, не пріѣхали ли они.—«А завтра день рѣшительный, жизнь или смерть предстоять мнѣ!»

Послѣ этихъ словъ онъ успокоился и даже какъ будто забылся. Пришла Наталья Дмитриевна, я передала ей нашъ разговоръ съ нимъ. Очнувшись, больной самъ сталъ просить Наталью Дмитриевну: «Послѣ ранней обѣдни завтра пошлите, пожалуйста, карету за священникомъ, чтобы онъ обѣденными св. дарами пріѣхалъ приобщить меня». Къ концу ночи ему стало очень дурно, страдалъ жестоко; но сколько мы ни уговаривали его, не дожидаясь утра, послать за священникомъ съ запасными дарами, онъ не соглашался, хотя были такія тяжелыя минуты, что ему самому казалось, что не доживетъ до утра. Однако выдержалъ эту борьбу страшную, говоря, что если бъ согласился, то это было уже съ его стороны признакомъ маловѣрія. Что онъ хотѣлъ сказать этими словами, осталось тайной. Не было ли ему такое видѣніе или предчувствіе, что раньше утра онъ не умретъ?

Тотчасъ же по окончаніи ранней обѣдни пріѣхалъ священникъ съ св. дарами и прямо съ чашей въ рукахъ вошелъ къ нему. Больной съ радостью встрѣтилъ св. дары, исповѣдывался и приобщился св. таинъ въ полной памяти, послѣ чаю успокоился, душевное то-

мленіе прекратилось, благодарилъ насъ, а къ 12-ти часамъ дня физическія его страданія стихли, дыханіе дѣлалось короче и менѣе мучительно, въ глазахъ начало выражаться остолбенѣніе, хотя видно было, что взглядъ не терялъ еще ни своей ясности, ни сознательности. Говорить пересталъ. Всѣ мы окружили умирающаго, я поддерживала рукой голову его, лежавшую на подушкѣ, и слѣдила съ большимъ вниманіемъ за смертнымъ процессомъ. Смерть медленно отсѣкала чувствительность въ его членахъ, сперва ногъ омертвило, потомъ животъ при дыханіи пересталъ дѣйствовать. Дыханіе медленно переходило въ грудь и чувствовалось лишь только въ верхней части ея и горлѣ. При омертвѣніи каждаго члена на лицѣ выражалось судорожное подергиваніе. Потомъ дыханіе слабо уже показывалось только около рта. Казалось, что вотъ еще одинъ вздохъ, жизнь улетитъ, но взоръ, хотя остановившійся уже, не терялъ еще своей выразительности. Вдругъ умирающій, точно собравъ послѣднія силы, потянулся, сжавъ крѣпко глаза и губы, и на лицѣ изобразилась такая болѣзненная мука, будто ему дѣлали страшную операцію. Это продолжалось не болѣе минуты. Когда раскрылъ глаза, то взглядъ поблекъ и не выражалъ уже ничего: видна была только безжизненность во взорѣ, свѣтъ, какъ говорится, выкатился изъ нихъ. Потянувшись еще разъ съ тою же болѣзненной мукой на лицѣ, сжавъ опять глаза и губы, отошелъ въ вѣчность. Лицо умершаго тотчасъ приняло спокойное, пріятное выраженіе, какъ будто удостовѣряя этимъ, что, покорившись и предавшись въ св. волю Спасителя, онъ уснулъ спокойно. Продолжая поддерживать одной рукой его голову, я другой закрыла ему глаза и, перекрестивъ, поцѣловала въ голову такъ еще недавно бывшаго между нами добраго друга. Скончался Павелъ Сергѣевичъ на масленицѣ, 13-го февраля, въ 3 часа дня 1865 года.

Въ то время, когда умирающій боролся со смертью, масленичный разгулъ на улицахъ еще болѣе давалъ чувствовать пустоту земной суеты. Минута смерти была очень торжественна. Чувствовалось, что совершалась какая-то невидимая тайна между душой и Богомъ. Тѣло покойнаго долго оставалось теплымъ. Товарищи-декабристы, тутъ присутствовавшіе, сами обмывали его. Къ 8-ми часамъ вечера была первая панихида, во время которой пріѣхали сестра его съ братьями. Горестъ ихъ была безгранична, особенно сестры его, Маріи Сергѣевны. Она въ немъ потеряла брата и друга и покровителя. Павелъ Сергѣевичъ, живя въ деревнѣ по возвращеніи изъ Сибири вмѣстѣ съ сестрой, былъ для нея настоящимъ помощникомъ. Его здравый, разсудительный совѣтъ всегда и во всемъ былъ полезенъ. Крестьяне тоже обращались къ нему въ разныхъ своихъ затруднительныхъ случаяхъ, и онъ какъ въ Сибири, такъ и на родинѣ съ одинаковой любовью относился къ нуждамъ каждаго, почему его высокохристіанскіе успокоительные совѣты

благотворно дѣйствовали на всѣхъ, за что полюбили его всѣ знавшіе его.

Похоронили Павла Сергѣевича на Волковскомъ кладбищѣ, близъ церкви. Всѣ собрались въ домъ Натальи Дмитріевны, какъ родные и товарищи его по Сибири, такъ и всѣ знакомые отдать ему послѣдній долгъ. Отпѣвали въ ея приходѣ, въ церкви св. Ермолая на Садовой. До кладбища мужчины и дамы провожали тѣло пѣшкомъ.

Сестра покойнаго, Марія Сергѣевна, оставалась до 40 дней у Натальи Дмитріевны, гдѣ и остановилась. Часто мы съ ней ѣздили на свѣжую могилу отшедшаго друга. На памятникъ была вѣлана его фотографическая карточка, которую спустя уже нѣсколько лѣтъ нашли почему-то неудобнымъ имѣть на памятникъ, и велѣно было ее снять.

Однажды у Натальи Дмитріевны случилось мнѣ познакомиться съ замѣчательной личностью, съ однимъ декабристомъ, Гавріиломъ Степановичемъ Батенковымъ. Онъ прежде, чѣмъ быть сосланнымъ въ Сибирь, просидѣлъ 20 лѣтъ въ одиночномъ заключеніи въ крѣпостяхъ Свартъ-Гольмъ въ Финляндіи и Петропавловской въ Петербургѣ. Какъ оказалось потомъ, его просто забыли тамъ, но не помню по какому уже случаю вспомнили о немъ и перевели на поселеніе въ Томскъ, куда онъ самъ просился. По возвращеніи же изъ Сибири онъ поселился въ Калугѣ, откуда нерѣдко пріѣзжалъ въ Москву навѣщать старыхъ товарищей. Его интересные рассказы о своихъ нравственныхъ страданіяхъ въ 20-лѣтнемъ заключеніи были очень занимательны. Сколько перестрадалъ этотъ человекъ тамъ душой, можно судить изъ его стихотворенія «Одичалый». Легко понять, какую выносилъ онъ муку..... Это была могучая цѣльная личность, перенесшая столько душевныхъ потрясеній, что одно время, какъ самъ рассказывалъ, думалъ, что сходитъ съ ума. Несмотря на все перенесенное, у него не осталось никакой горечи на людей. Онъ былъ дѣтски веселъ со всѣми, хотя по наружности казался суровымъ. Онъ довольно часто бывалъ у насъ въ Москвѣ и оставилъ по себѣ самую добрую память вслѣдствіе своего добродушія и прямоты характера. Скончался онъ въ Калугѣ въ 1863 году на рукахъ преданныхъ и любившихъ его друзей. Похороненъ же въ селѣ Петрищевѣ Тульской губерніи, въ имѣніи своихъ хорошихъ и добрыхъ друзей Елагиныхъ.

Декабристъ Петръ Николаевичъ Свистуновъ въ началѣ своего возвращенія изъ Сибири избралъ было тоже мѣстомъ своего жительства Калугу. Тамъ онъ вступилъ во владѣніе переданной ему братомъ его частью родового имѣнія въ Калужской губерніи, Лихвинскаго уѣзда, и былъ выбранъ дворянствомъ Лихвинскаго уѣзда въ члены комитета по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостного права. Тутъ посчастливилось ему приложить свою трудовую лепту къ дѣлу, составлявшему предметъ его сердечныхъ желаній съ са-

мой молодости. Затѣмъ онъ былъ назначенъ отъ правительства членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, которымъ и состоялъ въ теченіе двухъ лѣтъ подъ предсѣдательствомъ переведеннаго изъ Тобольска въ Калугу губернатора, Виктора Антоновича Арцимовича. Въ Калугѣ Свистуновъ оставилъ по себѣ хорошую память и былъ всѣми тамъ уважаемъ.

Вышедши въ отставку, онъ переѣхалъ на житіе въ Москву, сколько для воспитанія дѣтей, столько и же и для того, чтобы быть ближе къ Натальѣ Дмитриевнѣ, которую какъ онъ, такъ и вся его семья глубоко уважали и любили. Наталья Дмитриевна была крестной матерью всѣхъ его дѣтей. Въ Москвѣ онъ купилъ себѣ домъ въ Гагаринскомъ переулкѣ и велъ жизнь семейную, тихую, занимался много по обыкновенію чтеніемъ и не оставлялъ также своей любимой виолончели. Онъ любилъ музыку до страсти, и хотя самъ новыхъ знакомыхъ не заводилъ, но всѣ, кто только его зналъ, какъ старые его товарищи, такъ и ихъ родные, постоянно его навѣщали. Острота его ума, любезное обращеніе очень къ нему привлекали всѣхъ.

Чаще другихъ встрѣчала я у него почтенную личность вдовы генерала Муравьева-Карскаго. Какъ теперь помню, худенькая, съ сѣдыми буклями, прямо держащаяся старушка съ выраженіемъ кротости и доброты, своей простотой, ласковой привѣтливостью привлекала всѣхъ къ себѣ. Она очень любила и уважала старика Петра Николаевича Свистунова.

Декабристъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ въ то же почти время переѣхалъ изъ Твери въ Москву съ семействомъ, женой и двумя своими воспитанницами, привезенными ими изъ Сибири. Своихъ дѣтей у нихъ не было. Онъ женился еще въ Сибири, будучи на поселеніи. Жена его, Марія Константиновна, была дочь священника изъ дворянъ, которая, оставшись сиротой, воспитывалась у тетки своей г-жи Брантъ, жены чиновника бухтарминской таможи.

Марія Константиновна была кроткая, любящая сердцемъ, всѣми товарищами ея мужа уважаемая и любимая. Она съ большой любовью занималась своими воспитанницами; особенно одна изъ нихъ была подъ ея вліяніемъ; а другая находилась совершенно подъ вліяніемъ Матвѣя Ивановича, который занимался исключительно ея умственнымъ образованіемъ. Способности ея ума быстро воспринимали умственное развитіе, но, къ сожалѣнію, въ ущербъ сердцу. Страшная гордость овладѣла ею и начала проявляться передъ доброй, скромной, хотя тоже далеко не лишеной здраваго смысла и ума Маріей Константиновной своимъ мнимымъ превосходствомъ надъ ней, чѣмъ впослѣдствіи много заставила страдать свою добрую воспитательницу, такъ что подъ конецъ мѣра терпѣнія переполнилась уже настолько, что, по желанію самого Матвѣя Ивановича, она

должна была удалиться изъ ихъ дома. Возвращенію же ея опять къ нимъ много содѣйствовалъ старикъ Свистуновъ; зная хорошо, какъ Матвѣй Ивановичъ былъ привязанъ къ ней, принялъ на себя трудъ умиротворить обѣ стороны; но потомъ и ему, миротворцу, вмѣсто благодарности пришлось перенести тяжелое испытаніе клеветы, возведенной на него передъ Матвѣемъ Ивановичемъ. Чувствительнѣе всего было старику Свистунову перенести охлажденіе многолѣтней дружбы къ себѣ товарища своего послѣ столькихъ лѣтъ, проведенныхъ вмѣстѣ въ изгнаніи въ постоянной дружбѣ и довѣрїи другъ къ другу. Но, будучи истиннымъ христіаниномъ, Свистуновъ съ Божіей помощью сумѣлъ выработать въ себѣ смиренную, полную любви покорность къ волѣ Божіей. Вотъ какъ онъ выражался въ одномъ сохранившемся у меня письмѣ ко мнѣ: «Повѣрите ли, что при понесенномъ тяжкомъ ударѣ моей гордынѣ бываютъ минуты радости, давно мною не испытанныя. Богъ даетъ мнѣ чувствовать, что допущенное имъ торжество злобы людской на меня свидѣтельствуешь о милосердіи Его ко мнѣ, недостойному, и что безъ этого испытанія я погибалъ, и тогда не только не ропщу и не досаую, но со слезами благодарю Бога».

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостоль скончался въ Москвѣ, также и жена, Марія Константиновна, гдѣ они и погребены.

Кончина Н. Д. Фонвизиной-Пуцциной.

Здоровье Натальи Дмитріевны начало тоже понемногу подламываться, не могла она уже съ той же энергіей заниматься дѣлами по своимъ родовымъ имѣніямъ, какъ прежде. Задумала было продать ихъ, чтобы имѣть возможность распорядиться капиталомъ при жизни еще своей по своему желанію, но не сошлась въ цѣнѣ съ покупателями. Ей хотѣлось продать костромскія имѣнія за 400 тысячъ рублей, а ей давали 375 тысячъ, и изъ-за 25 тысячъ разошлась, о чемъ она послѣ очень сожалѣла. Новыхъ же покупателей не являлось, а здоровье ея стало очень упадать.

Проводя жизнь болѣе сидячую, занимаясь постоянно письменной работой или чтеніемъ, подъ конецъ отразилось у нея на голову, сначала легкимъ ударомъ, отъ котораго ей скоро помогли, и запретили доктора много заниматься дѣлами, но, несмотря на запрещеніе, она продолжала заниматься; особенно большого труда стоило ей привести въ законную форму духовное завѣщаніе, по которому ей хотѣлось послѣ своей смерти оставить родовое фонвизинское имѣніе небогатой двоюродной сестрѣ, Натальѣ Сергѣевнѣ Ржевской, урожденной тоже Фонвизиной, помимо прямого наслѣдника, ея родного брата Ивана Сергѣевича Фонвизина, имѣвшаго значительное состояніе. Годъ прошелъ благополучно, но къ концу его ударъ повторился, оставивши уже болѣе разрушительное дѣйствіе:

память ослабѣла, голова съ трудомъ работала, но окончательнаго сознанія не теряла, хотя очень чувствовала свое разрушающееся состояніе. Въ ея письмѣ ко мнѣ въ Ниццу, гдѣ я въ то время находилась, она такъ описываетъ мнѣ его: «Ты имѣешь все право сѣтовать на меня, милая Машенька, что я до сихъ поръ не отвѣчала тебѣ. Мое здоровье такъ разстроено, и такъ безотрадно проходитъ жизнь моя, что я почти какъ не живу въ смыслѣ жизни, голова отказывается работать, слова съ своими значеніями исчезаютъ, и передать ихъ въ понятномъ смыслѣ почти не въ состояніи и чрезвычайно меня утомляетъ, а потому прошу тебя, не взыщи съ меня, убогой и больше, нежели когда-нибудь, неключимой рабы, эта неключимость сокрушаетъ меня и унижаетъ. Никакой болѣзни не могу опредѣлить и лечиться отъ чего—не знаю и что со мной—не вѣдаю. Видно, такъ нужно, и Богу такъ угодно».

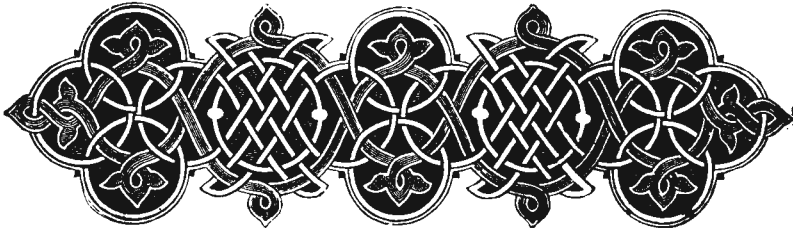
По возвращеніи изъ-за границы я нашла Наталью Дмитріевну въ Москвѣ очень измѣнившуюся. Второй бывшій съ ней ударъ хотя не совсѣмъ еще лишилъ ее памяти, но она не могла уже ни заниматься попрежнему, ни рассуждать долго, голова слабѣла, что ее очень озабочивало. Часто повторяла мнѣ, что не понимаетъ, что съ ней дѣлается. Доктора, хотя скрывали отъ нея настоящую причину, приписывая все нервамъ и успокаивая, что это пройдетъ, но къ концу года возобновился третій ударъ, который совершенно уже отнял у нея память, и языкъ плохо произносилъ слова. Она впала въ какое-то дѣтское состояніе, доходящее до бессмысленнаго, почти идиотскаго, смѣялась, сама не зная чему иногда, видимо, страдая и томась душой, желала бы выразить свое тяжелое и подчасъ невыносимое состояніе, но языкъ отказывался служить, и она съ отчаяніемъ била себя въ грудь, показывая мнѣ этимъ всю тяжесть своего душевнаго мученія. Помочь же ей никакой не было возможности. Но для меня тяжелѣе было видѣть ее, когда она впадала въ бессмысленное состояніе, особенно вспоминая прошлое, какимъ была она дѣятелемъ, богато одаренная умомъ и краснорѣчіемъ, энергичной твердой волей и глубоко вѣрующей душой. Ее вполне можно было назвать духовнымъ вождемъ душъ къ Богу. Живя духовно внутренней жизнью, она никогда себя не щадила. Люди, не понимающіе этой жизни, берутся иногда судить по своимъ мелкимъ соображеніямъ далеко неправильно о такихъ личностяхъ. Иногда вырвавъ изъ ихъ жизни какой-нибудь эпизодъ, сбивающій ихъ мелкія понятія, они селятся очернить даже память такихъ людей, какъ была не понята ими и покойная Наталья Дмитріевна.

Развѣ они могутъ имѣть вѣрное понятіе о духовныхъ сношеніяхъ людей, развитыхъ духовно? По своимъ нечистымъ воззрѣніямъ, для нихъ и въ другихъ все кажется нечистымъ. Злостно и радостно они готовы понавѣше имъ въ руки какими-нибудь судъ-

бами даже и исповѣдныя листки такихъ людей выставять на показъ свѣту въ осужденіе и порицаніе ихъ, забывая потомъ, насколько это недобросовѣстно, но врядъ ли, чтобы такими путями они могли достигнуть своей черной цѣли

9-го октября 1869 года наконецъ окончились тяжелыя страданія Натальи Дмитріевны. Тихой, христіанской кончиной, послѣ приобщенія св. тайнъ Христовыхъ почилла она. Сознаніе во взорѣ, видимо, сохраняла до послѣдней минуты, но выразить его вслѣдствіе парализаціи языка не могла. Похоронена въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ, гдѣ лежатъ и ея родители.

Н. И. КОСТОМАРОВЪ — ПРЕПОДАВАТЕЛЬ РОВЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ.

(По архивнымъ даннымъ ровенскаго реального училища.)

ПРЕБЫВАНИИ и дѣятельности нашего маститаго историка Николая Ивановича Костомарова въ городѣ Ровно Волынской губерніи извѣстно очень мало. Въ большинствѣ біографій его, печатавшихся какъ отдѣльно, такъ и въ качествѣ приложений къ полному собранію его сочиненій, даются самыя краткія свѣдѣнія, по которымъ весьма трудно, если не вовсе невозможно, представить нашего ученаго въ качествѣ преподавателя этого учебнаго заведенія; кромѣ того, годъ учительской дѣятельности, проведенный на Волыни, гдѣ и до сихъ поръ сохранилась масса остатковъ старины, мало извѣстныхъ ученому міру, несомнѣнно, далъ богатый научный матеріалъ для его капитальныхъ произведеній по исторіи Малороссіи, особенно для «Богдана Хмельницкаго».

Для примѣра возьмемъ біографію Н. И. Костомарова, приложенную къ собранію его сочиненій въ изданіи общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Біографія эта, какъ гласитъ примѣчаніе, «составлена главнымъ образомъ по «автобіографической запискѣ», которая была напечатана въ 1884 году въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей императорскаго университета святого Владимира», составленномъ и изданномъ подъ редакціей ординарнаго профессора В. С. Иконникова». Въ этой біографіи пребыванію Н. И. Костомарова въ гор. Ровно удѣлено всего восемь строкъ: «Въ Кіевѣ въ 1844 г. онъ (т. е. Костомаровъ)

получилъ назначеніе на мѣсто старшаго учителя исторіи въ ровенской гимназіи. Пробывши въ гор. Ровно (Волынской губерніи) годъ, онъ въ свободное отъ классовъ время совершалъ поѣздки въ разныя историческія мѣстности Волынской губерніи и собралъ большой запасъ «народныхъ пѣсенъ», которыя впослѣдствіи были напечатаны Д. Л. Мордовцевымъ въ его сборникѣ («Малорусскій литературный сборникъ», Саратовъ, 1859 г.). Въ 1845 году Н. И. Костомаровъ былъ переведенъ на ту же должность въ первую кіевскую гимназію...» Вотъ и все, что относится къ пребыванію Костомарова въ Ровно.

Въ настоящее время, имѣя, съ разрѣшенія директора ровенскаго реального училища, доступъ къ архивному матеріалу, хранящемуся въ названномъ училищѣ, постараемся обрисовать педагогическую и ученую дѣятельность Костомарова въ ровенской гимназіи, насколько, конечно, это окажется возможнымъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію даннаго вопроса, посвятимъ нѣкоторое вниманіе тому городу и тому ученому заведенію, въ которыхъ жилъ и работалъ Костомаровъ.

Городъ Ровно весьма древняго происхожденія. Еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, когда любознательный грекъ Геродотъ, объѣзжая греческія колоніи, расположенныя по сѣверному побережью Чернаго моря, заносилъ въ свои «*Ἱστορίαι*» все то, что ему удавалось видѣть и слышать о богатыхъ невѣдомымъ странахъ, поставлявшихъ въ Элладу въ широкихъ размѣрахъ сырые продукты, скины, именемъ которыхъ онъ безъ разбора окрещиваетъ все населеніе юга Россіи, кочуя по безпредѣльнымъ степямъ, оставляли тамъ не богатые, но долговѣчные слѣды своего пребыванія въ видѣ кургановъ и могильниковъ. Такой слѣдъ пребыванія, быть можетъ, и недалгаго, скивовъ на мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи выросъ городъ Ровно, былъ случайно недавно открытъ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ усадьбѣ, принадлежащей ровенскому реальному училищу, гдѣ находятся квартиры служащихъ, стали рыть погребъ, то найденъ былъ скелетъ, несомнѣнно, скивскаго погребенія: покойникъ лежалъ на правомъ боку, ноги были въ колѣняхъ согнуты, правая рука вытянута вдоль тѣла, лѣвая согнута въ локтѣ. Въ могилѣ былъ найденъ небольшой горшочекъ того липа, который обыкновенно находятъ при раскопкахъ скивскихъ погребеній, наполненный перегноемъ, получившимся, вѣроятно, изъ остатковъ пищи, которую зарывали съ покойникомъ, и небольшая, овальной формы металлическая бляшка, длиною вершка въ полтора. И та, и другая находка отъ далгаго пребыванія въ землѣ и близости подпочвенной влаги пришли въ полную негодность и искрошились въ рукахъ любопытныхъ, которые ихъ осматривали. Послѣ скивовъ въ теченіе многихъ вѣковъ «народы смѣняли народы, лицо измѣнилось земли», но отъ этихъ народовъ никакихъ слѣдовъ

до нашего времени не сохранилось. Только уже въ VI вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ, при расселеніи славянъ изъ Прикарпатскаго края въ равнины Восточной Европы, дулѣбы, или бужане, сдѣлали первую попытку образовать на Волини, въ составъ которой входитъ Ровно, первое славянское государство Восточной Европы. Государство это было недолговѣчно и пало, какъ извѣстно, подъ ударами обрвовъ. Когда центромъ государственной жизни на югѣ Россіи становится Кіевъ, Волинская земля подчиняется ему, и это подчиненіе простирается до середины XIII вѣка, когда на Волини утверждается старшая линія Мономаховичей. Мономаховичи, для которыхъ Волинь стала «вотчиной», заботятся объ устроеніи этой земли, стремятся расширить ея предѣлы и защитить ихъ отъ сильныхъ сосѣдей, что имъ и удается. Одинъ изъ этихъ Мономаховичей, Романъ Мстиславичъ, подчиняетъ себѣ оружіемъ княжество Галицкое, ослабленное междоусобіями бояръ, боровшихся за вакантный вслѣдствіе прекращенія династіи престолъ, и въ 1199 году соединяетъ Волинь съ Галичемъ. Совмѣстное существованіе Волини съ Галичемъ продолжается до начала XIV вѣка, когда, тѣснимые съ нѣсколькихъ сторонъ Венгеріей, Польшей и Литвой, они не выдерживаютъ натиска болѣе сильныхъ сосѣдей и, раздѣлившись, подчиняются Галичъ—Польшѣ, а Волинь—Литвѣ. Подъ властью Литвы русская народность и православная религія, какъ и во время самостоятельнаго существованія Волинскаго княжества, сохраняютъ свое господствующее положеніе, но послѣ соединенія Литвы съ Польшей начинается постепенное ополячиваніе и окатоличиваніе края, усиливаются все болѣе и болѣе гоненія на православіе и русскую народность, вызвавшія реакцію со стороны православнаго населенія въ видѣ казачьихъ возстаній. Не одинъ разъ населеніе Волини съ оружіемъ въ рукахъ защищало свою вѣру и народность, не одинъ разъ здѣсь разыгрывались кровавыя драмы, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ битва Хмельницкаго съ поляками при Берестечкѣ, недалеко отъ Ровно. Эти-то войны за религію и самобытность русскаго народа и изучалъ Костомаровъ, какъ увидимъ выше, въ бытность преподавателемъ ровенской гимназіи. Съ теченіемъ времени Польша, раздираемая внутренними смутами, постепенно клонится къ разложенію и, наконецъ, по второму раздѣлу Польши Волинь, а съ нею и городъ Ровно, опять возвращается къ Россіи вмѣстѣ съ другими исконно-русскими землями. Но съ присоединеніемъ къ Россіи Волини польское вліяніе здѣсь хотя и уменьшается, но далеко не уничтожается. Путемъ обученія юношества, путемъ церковныхъ проповѣдей польское общество старается поселить недовѣріе и вражду мѣстнаго населенія къ русскому правительству, старается подорвать его авторитетъ, чтобы подготовить почву для политической пропаганды. Съ этимъ антигосударственнымъ польскимъ вліяніемъ приходилось считаться и Костомарову,

который, какъ увидимъ выше, считалъ полезнымъ для мѣстнаго юношества болѣе подробное и основательное прохожденіе курса русской исторіи, чѣмъ тотъ, который изложенъ въ учебникѣ. Въ лѣтописи мѣстность, занятая городомъ, упоминается впервые лишь въ XIII вѣкѣ. Здѣсь одинъ изъ польскихъ князей, Лѣшекъ Черный, разбилъ большой татарскій отрядъ и, по преданію, сохранившемуся до нашего времени, велѣлъ трупы враговъ сбросить въ рѣку Устье, притокъ Горыни, протекающую теперь черезъ городъ. Вслѣдствіе массы труповъ, сваленныхъ, по преданію, въ рѣку, послѣдняя вышла изъ береговъ и образовала озеро, которое въ настоящее время находится противъ реального училища, а тѣла убитыхъ, перегнивши, образовали островъ, на которомъ находится замокъ князей Любомирскихъ, владѣтелей города Ровно, построенный гораздо позднѣе, не ранѣе XVII—XVIII вѣковъ. Такова сохранившаяся легенда. Въ дѣйствительности же и островъ, на которомъ расположенъ замокъ, и озеро, примыкающее къ нему съ востока, несомнѣнно, сдѣланы искусственно, чтобы затруднить доступъ къ замку, который нѣкогда былъ укрѣпленъ, хотя владѣльцы его это и отрицаютъ. Передъ замкомъ и теперь можно видѣть слѣды насыпи съ двумя круглыми возвышеніями по бокамъ дороги, ведущей въ княжескій палаццо; на которыхъ когда-то, вѣроятно, стояли башни, охраняющія доступъ къ нему.

Самое названіе города легенда также окружаетъ поэтическимъ ореоломъ. По преданію, одинъ изъ князей Любомирскихъ пользовался не только большимъ вліяніемъ среди мѣстной шляхты, но любовью и уваженіемъ. Но у этого князя всѣхъ имѣній было неровное число—99. Тогда мѣстные шляхтичи, желая сдѣлать пріятное любимому и уважаемому князю, сложившись, купили населенную крестьянами, конечно, русскими, землю и поднесли это имѣніе Любомирскому, у котораго тогда число владѣній стала ровно сто, откуда и самый городъ, выросшій здѣсь, получилъ названіе города Ровно. Насколько достовѣрна эта легенда, сказать трудно. Болѣе вѣроятно будетъ предположить, что названіе города произошло отъ равнинности почвы въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположена центральная часть его, сравнительно съ холмистыми возвышенностями, занятыми окраинами, какъ Воля и Кавказъ, самое названіе котораго указываетъ на неровное мѣстоположеніе. Въ эпоху польскаго владычества въ Юго-Западномъ краѣ гор. Ровно стала частной собственностью князей Любомирскихъ, и этотъ пережитокъ средневѣковья сохранился до настоящаго времени.

Ровенская гимназія, нынѣ реальное училище, была основана въ 1832 году въ городѣ Луцкѣ, гдѣ за недостаткомъ помѣщенія и средствъ къ постройкѣ новаго зданія, которое бы вполне обслуживало нужды учебнаго заведенія, она существовать не могла, а потому уже въ 1834 году гимназія перемѣщается

въ мѣстечко Клевань, гдѣ помѣщается въ зданіи уѣзднаго училища, а это послѣднее переводится въ Луцкъ. Впослѣдствіи, спустя нѣсколько лѣтъ, частный собственникъ города Ровно князь Фр. О. Любомирскій предложилъ, «желая со своей стороны соотвѣтствовать благонамѣреннымъ видамъ правительства», какъ сказано къ актѣ, заключенномъ имъ съ правленіемъ университета Святого Владимира, пожертвовать для гимназіи участокъ земли съ частью уже готовыми зданіями, часть же обязывался возвести за собственный счетъ, но только на томъ условіи, чтобы гимназія была навсегда переведена въ гор. Ровно¹⁾. Предложеніе это было принято, и въ 1839 году гимназія переходитъ въ гор. Ровно. Въ послѣдующей судьбѣ этого учебнаго заведенія уже послѣ пребыванія въ немъ Н. И. Костомарова были слѣдующія крупныя перемѣны: въ 1865 году оно было преобразовано въ реальную гимназію, а въ 1872 году въ реальное училище.

Ровенская гимназія, въ которой преподавалъ Н. И. Костомаровъ, помѣщается въ двухъэтажномъ зданіи, которое выходитъ главнымъ фасадомъ къ озеру. Въ этомъ зданіи находится православная церковь училища, существующая съ 1864 года²⁾, классы основныя, дополнительный и приготовительный, актовъ залъ, физическій кабинетъ, библіотеки фундаментальная и ученическая и проч. Около главнаго зданія во дворѣ находится рядъ построекъ; въ одной изъ нихъ теперь помѣщается квартира директора въ другомъ болѣе старинной постройки архивъ и др. Къ училищу непосредственно примыкаетъ паркъ, въ которомъ ученики въ теплое время года отдыхаютъ и рѣзвятся во время перемѣнъ. Училищу также принадлежитъ усадьба, на которой расположено зданіе, извѣстное подъ именемъ «оранжерея», гдѣ находятся канцелярія училища и квартиры служащихъ, и другая усадьба съ казенною квартирою инспектора училища, въ которой во время Костомарова помѣщался директоръ съ семьей.

Въ это учебное заведеніе въ 1844 году и былъ назначенъ старшимъ учителемъ исторіи Н. И. Костомаровъ. Въ это время ровенская гимназія была довольно многолюдна, по крайней мѣрѣ сравнительно съ общей цифрой населенія города. Въ то время, какъ теперь при общей численности населенія города въ тридцать слишкомъ тысячъ въ томъ же учебномъ заведеніи обучается ежегодно около 280 человекъ, при Костомаровѣ, когда населенія было всего 5.682 человекъ во всемъ городѣ, въ ровенской гимназіи число учениковъ было 301, а во всей дирекціи, т. е. всѣхъ учебныхъ заведе-

¹⁾ А. Чикунскій. Историческая записка о ровенскомъ реальномъ училищѣ. Кіевъ. 1894 г.

²⁾ Католическая же каплица при училищѣ открыта гораздо ранѣе (1857 г.) православнаго храма (1864 г.) также, вѣроятно, изъ «соотвѣтствованія благонамѣреннымъ видамъ правительства».

ніяхъ города 315 «мужска» пола и 45 «женска», всего же 360 человекъ, что составляло пятнадцатую часть жителей города Ровна. Такой сильный наплывъ учащихся объясняется тѣмъ, что въ городѣ и его окрестностяхъ въ то время было мало учебныхъ заведеній, плата за ученіе въ гимназіи была ничтожная—всего пять рублей въ годъ, а потому вся та масса людей средней состоятельности, которая теперь и не мечтаетъ о среднемъ образованіи для своихъ дѣтей, помѣщая ихъ въ низшія училища, волей-неволей за ограниченнымъ количествомъ таковыхъ должна была стремиться помѣ-

Рѣка Устье, на которой расположенъ гор. Ровно.

стить дѣтей въ гимназію, или вовсе отказаться отъ мысли дать имъ образованіе.

Причиною назначенія Костомарова въ ровенскую гимназію было, вѣроятно, съ его стороны желаніе изучить на мѣстѣ второй періодъ войнъ Хмельницкаго съ поляками, въ частности же мѣстность подъ Берестечкомъ, гдѣ разыгрался славный, но печальный по своему исходу для казаковъ бой, что онъ съ большимъ успѣхомъ могъ сдѣлать, имѣя здѣсь службу, со стороны же учебнаго начальства—желаніе поставить на должную высоту преподаваніе исторіи, которое страдало въ то время нѣкоторыми дефектами, какъ видно изъ циркуляра попечителя учебнаго округа, разосланнаго въ 1843 году ¹⁾. На молодого ученаго вполне естественно было воз-

¹⁾ А. Чикунскій. Историческая записка о ровенскомъ реальномъ училищѣ. Киевъ. 1894 г. Стр. 24—25.

лагать надежды на улучшение постановки преподаванія, такъ какъ онъ уже былъ извѣстенъ своею трудоспособностью и беззавѣтною преданностью специальности.

Въ настоящее время при опредѣленіи учителя на службу посылается бумага директору того учебнаго заведенія, куда онъ назначается, и ему на руки дается сопроводительная бумага, которую тотъ, являясь на службу, предъявляетъ начальству. Бумаги эти хранятся при дѣламъ учебнаго заведенія. Такихъ бумагъ отъ Н. И. Костомарова въ архивѣ училища не сохранилось. Не сохранился также и его личный отдѣльный формулярный списокъ. Въмѣсто этихъ бумагъ хранится тетрадь, на половину изъѣденная мышами и залитая въ нѣсколькихъ мѣстахъ наливкой, въ которую занесены формулярные списки всѣхъ чиновниковъ, состоявшихъ на службѣ въ училищѣ въ 1845 году. Среди другихъ преподавателей ровенской гимназій семнадцатое мѣсто занимаетъ формулярный списокъ Костомарова. Свѣдѣнія, которыя мы можемъ изъ него почерпнуть, слѣдующія: (см. таблицу на 723 стр.).

Эти данныя, быть можетъ, вообще и вѣрны, но въ вопросѣ имущественномъ не согласуются съ тѣми свѣдѣніями, которыя даетъ о себѣ по этому вопросу самъ Костомаровъ. Сохранилось официальное письмо ¹⁾ надзирателя ровенской гимназій Андрея Павловскаго, посланное Костомарову по распоряженію начальства гимназій, и отвѣтъ на него Костомарова. Вотъ оно:

«Милостивый государь
«Николай Ивановичъ!»

«Высшее училищное начальство требуетъ формулярнаго о службѣ вашей списка. Для составленія такового нужно имѣть свѣдѣніе: не имѣется ли за вами или за родителями вашими недвижимаго имѣнія, родового или благопріобрѣтеннаго, и, буде есть, гдѣ таковое и въ чемъ именно состоитъ. А потому покорно прошу васъ означить на семь листѣ требуемое свѣдѣніе.

«Вашъ слуга Павловскій».

«22-го февраля.

«Г-ну Костомарову».

На обратной сторонѣ листа на второй страницѣ имѣемъ собственноручный отвѣтъ Костомарова: «За матерью моею имѣется имѣніе въ Воронежской губерніи, въ Острогожскомъ уѣздѣ въ слободѣ Юрасовкѣ, состоящее въ пятистахъ десятинахъ пахотной и сѣнокосной земли и восемнадцати душахъ, изъ котораго имѣнія

¹⁾ Архивъ ровенскаго реального училища. 1884 г. Дѣло № 18.

1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	
Чинъ, имя, отчество, фамилия, званіе, родъ, вѣроче, воспитаніе, званіе отличія и подучающее содержаніе.	Какого званія проистоятъ.	Есть ли именованіе у него и у жены, у родителевъ.	Родовое.	Родовое.	Родовое.	Гдѣ получалъ воспитаніе и окончилъ ли въ введеніи полный курсъ наукъ, когда на службу поступилъ, какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ проходилъ службу; не было ли какихъ особахъ по службѣ дѣланій или отличій, не было ли особеннаго, крокъ чиновъ, чѣмъ награжденъ и въ какомъ вѣрче.	Годъ.	Мѣсяцы и числа.	Былъ ли въ ширвахъ, подѣ сдѣлствіи и сурдомѣ и за что именованъ.	Былъ ли въ походахъ, противъ непріятеля.	Былъ ли въ отпускѣ, когда и на сколько именно времени.	Былъ ли въ отпускѣ, когда и съ какого по какому именно времени.	Холостъ или женатъ, на комъ, мѣсяць и число рожденія дѣтей, гдѣ они находятся и какого вѣроченія.	
Состояній въ 9 классѣ Магистръ Николай Костомаровъ, Старшій учитель историческихъ наукъ, 28 лѣтъ, исповѣданія православнаго.	Итъ кунеческаго званія.	Юрасовскіе 18 душъ крестьянъ и 500 десятинъ земли.	Н ѣ т ѣ.	Н ѣ т ѣ.	Н ѣ т ѣ.	По окончаніи наукъ въ Импер. Харьк. унив. удостоенъ званія дѣйствит. студент. По выдерж. экзамен. на степень кандид. Сов. унив. Утнер. въ этой степени 8 декабря 1837 г. на что получилъ и свидѣт. Правит. Сенат. поключ. изъ кунеческаго званія Определ. испр. должн. Помощн. Инсп. студент. Харьк. унив. Представ. къ переним. въ соотвѣт. званію канд. чинъ Колл. Секр. По прошен. увол. отъ должн. Помощн. Инсп. Подверг. испыт. на степень Магистра 31 мая 1844 г., на что получилъ дипломъ Определ. старш. учит. историч. наукъ въ ровенскую гимназію. При чемъ получ. трети, не въ зачетъ жалованья 133 р. 33 к. серебромъ. Церемонн. учит. того же пред. въ Кіевскую I гимназію	1836	28/vii		Н е о м л ѣ.	Н е о м л ѣ.	Былъ въ отпуску съ 5 июня по 3 июля 1843 г.	Въ отставкѣ бытъ съ 30 апрѣля 1843 г. по 13 окт. 1844 г.	Х о л о с т ѣ.

четыре ста десятиль предоставлены мнѣ по завѣщанію». Такимъ образомъ, мы видимъ, что свѣдѣнія, даваемыя Костомаровымъ, нѣсколько разнятся отъ официальныхъ свѣдѣній формуляра.

Кромѣ формулярнаго списка, при дѣлахъ¹⁾ имѣется «Именной списокъ чиновниковъ и преподавателей ровенской гимназін за 1844 годъ», гдѣ, кромѣ данныхъ, пзвѣстныхъ намъ изъ формуляра, имѣются еще интересныя указанія на дѣятельность Костомарова въ гор. Ровно и получаемое имъ содержаніе. Изъ этого документа видно, что, кромѣ гимназін, Костомаровъ нигдѣ уроковъ не давалъ, что дѣлали другіе преподаватели. Въ это время въ гор. Ровно существовали еще два, кромѣ гимназін, учебныя заведенія: частный дѣвичій пансіонъ и приходское училище. Первое учебное заведеніе открыто было въ маѣ 1837 году и содержалось «платою отъ родителей воспитанницъ». Состояло оно всего изъ двухъ классовъ и имѣло ограниченное количество ученицъ: при Костомаровѣ ихъ было всего 29, изъ которыхъ окончило въ этомъ году 19. Въ этомъ учебномъ заведеніи давали уроки преимущественно семейные учителя гимназін, пополняя такимъ образомъ свой скромный бюджетъ. Второе учебное заведеніе, основанное въ 1803 году и содержавшееся на счетъ князя Любомирскаго, состояло изъ одного класса и имѣло всего двѣнадцать учениковъ, при трехъ преподавателяхъ, почему, конечно, не встрѣчалось надобности приглашать преподавателей изъ другихъ учебныхъ заведеній.

Жалованья, какъ видно изъ приведеннаго выше документа, Костомаровъ получалъ четыреста рублей серебромъ въ годъ. На первый взглядъ окладъ этотъ можетъ показаться очень незначительнымъ, но, принимая во вниманіе дешевизну жизни въ то время, его все же можно признать достаточнымъ. Насколько была дешева жизнь и дороги деньги, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. За право ученія тогда вносили плату по пять рублей серебромъ въ годъ. При гимназін въ то время былъ ученической пансіонъ на 150 съ лишнимъ человѣкъ. Плата въ этомъ пансіонѣ была по четыремъ разрядамъ: по первому 70 рублей въ годъ, по четвертому— 35 рублей. Если въ теченіе года могли содержать ученика за 70 рублей, то весьма понятно, что 400 рублей для одинокаго человѣка, какимъ былъ Костомаровъ, было весьма достаточно.

Вообще въ ровенской гимназін установился взглядъ на Костомарова, какъ на человѣка состоятельнаго: въ то время, какъ другіе преподаватели пользовались или казенною квартирою, или квартирными деньгами, Костомаровъ ни того, ни другого не получалъ, а жилъ на собственные средства, снимая квартиру гдѣ-то, какъ говорятъ, на Барматской улицѣ. Еще лѣтъ десять тому назадъ здѣсь жилъ одинъ старикъ-еврей, который помнилъ и могъ указать

¹⁾ Ibidem. Лит. А.

домъ, гдѣ квартировалъ Костомаровъ, но онъ умеръ, и намъ такъ и не удалось установить того мѣста, гдѣ зрѣла творческая мысль нашего ученаго и воплощалась въ чудныя картины героической борьбы русскаго народа за религіозную свободу и національную самобытность.

Прогонныхъ и подъемныхъ денегъ, а также и какого бы то ни было пособія для переѣзда въ новое мѣсто служенія Костомаровъ также не получалъ, въ виду, вѣроятно, его состоятельности. Но, несмотря на то, что онъ имѣлъ и значительное количество земли, и жалованье по тому времени получалъ приличное, онъ все же, по свойственной всѣмъ крупнымъ ученымъ непрактичности въ обыденной жизни, бывалъ и въ затруднительномъ съ матеріальной стороны положеніи. Какъ-то разъ, когда онъ находился именно въ такомъ затруднительномъ положеніи, пришло циркулярное предложеніе отъ попечителя учебнаго округа отъ 30-го января 1845 г. за № 535 ¹⁾ сдѣлать сборъ пожертвованій на сооруженіе памятника Ивану Андреевичу Крылову, каковой съ высочайшаго соизволенія производился повсемѣстно въ имперіи. И вотъ мы видимъ, что на подписномъ листѣ, гдѣ сослуживцы Костомарова жертвуютъ изъ своего скромнаго бюджета по рублю и даже болѣе на это важное для всякаго русскаго дѣла, онъ подписываетъ только четвертакъ. Очевидно, не важны были его ресурсы въ данную минуту и ему самому приходилось довольно туго.

Къ сожалѣнію, у насъ больше не сохранилось свѣдѣній о частной жизни Костомарова, а потому переходимъ къ его учительской дѣятельности.

Какъ вы видѣли выше въ формулярномъ спискѣ Костомарова, онъ былъ назначенъ въ ровенскую гимназію 13-го октября 1844 г., а перемѣщенъ въ кievскую первую гимназію 4-го августа 1845 г., слѣдовательно, числился преподавателемъ этого учебнаго заведенія всего девять мѣсяцевъ и двадцать два дня, фактически же онъ присутствовалъ въ гор. Ровнѣ гораздо менѣе. Сохранился журналъ засѣданій педагогическаго совѣта, подъ протоколами какового стоятъ подписи только тѣхъ членовъ совѣта, которые присутствовали лично въ этихъ засѣданіяхъ. Первую подпись Костомарова въ этомъ журналѣ находимъ подъ протоколомъ засѣданія перваго ноября, послѣднюю подъ протоколомъ засѣданія 1-го мая. Слѣдовательно, это и былъ тотъ промежутокъ времени, когда Костомаровъ находился неотлучно въ городѣ, за исключеніемъ рождественскихъ каникулъ, когда состоялось одно засѣданіе совѣта безъ его участія. На основаніи приведенныхъ данныхъ можно утвердительно сказать, что Костомаровъ приѣхалъ въ гор. Ровно между 13-мъ октября и 1-го ноября, преподавалъ здѣсь до Рождества, на Ро-

¹⁾ Ibidem. Дѣло № 8.

ждество уѣзжалъ куда-то, затѣмъ возвратился и преподавалъ до 1-го мая, послѣ чего, хотя и жилъ въ городѣ и являлся на службу, такъ какъ въ это время заканчивался учебный годъ и производились экзамены, но часто отлучался въ окрестности. Весеннее время и было самымъ удобнымъ для путешествій по селамъ и весямъ Полѣсья, которое начинается въ Ровенскомъ уѣздѣ. Къ этому времени здѣсь дороги подсыхаютъ и становятся болѣе или менѣе удобными для сообщенія, раннею же весною и осенью небольшія рѣчонки и болота, переполняясь водою, почти вовсе разобщаютъ населенные пункты, особенно въ отдаленныхъ уголкахъ Волыни. Этимъ удобнымъ временемъ и пользовался Костомаровъ для собиранія своего научнаго матеріала, особенно же народныхъ пѣсенъ и различныхъ преданій.

При прохожденіи курса исторіи въ ровенской гимназіи Костомаровъ практиковалъ учебники по всеобщей исторіи Смарагдова, по русской исторіи Устрялова во второмъ изданіи въ пяти томахъ. Въ то время эти учебники стояли на должной высотѣ научныхъ требованій, предъявлявшихся учащимися, и директоръ гимназіи Аврамовъ, при которомъ служилъ Костомаровъ, зорко слѣдилъ за этимъ. Такъ, когда директоръ училищъ Волынской губерніи предложилъ ¹⁾ Аврамову выслать для ровенской гимназіи учебники исторіи Кайданова, къ тому времени устарѣвшіе, тотъ довольно категорически пишетъ свою резолюцію на присланной ему бумагѣ: «Книги, вышедшія изъ употребленія, для гимназіи ровенской не нужны. Аврамовъ».

Во время Костомарова существовалъ довольно интересный способъ провѣрки научныхъ даннымъ, изложенныхъ въ рекомендуемыхъ начальствомъ учебникахъ. Такъ, министерство, рекомендуя для прохожденія курса отечественной географіи учебникъ Павловскаго: «Руководство къ географіи Россійской имперіи. Дертъ. 1844 г.», вмѣняетъ въ обязанность преподавателямъ, въ случаѣ нахожденія въ руководствѣ ошибокъ по той губерніи, въ учебныхъ заведеніяхъ которой оно будетъ практиковаться, увѣдомить департаментъ министерства народнаго просвѣщенія для сообщенія автору съ цѣлью исправленія. Поэтому вполне вѣроятно будетъ предположить, что и тѣ учебники, по которымъ преподавалъ Костомаровъ, не свободны были отъ научныхъ ошибокъ, которыя ему приходилось исправлять самому при прохожденіи курса.

Теперь интересно было бы знать, какихъ взглядовъ на преподаваніе своего предмета и какихъ методовъ преподаванія исторіи держался Костомаровъ? Съ цѣлью разрѣшить этотъ вопросъ мы обратились къ «Отчету о состояніи и дѣйствіяхъ дирекціи ровенской гимназіи за 1844 годъ», въ которомъ имѣется статья подъ заглавіемъ:

¹⁾ Отъ 16 августа 1845 г. за № 1359.

«Предметы и способы преподаванія». Вотъ что мы видимъ въ этой статьѣ: «Всѣ учебные предметы, положенные по уставу 1828 года, преподаются по книгамъ, одобреннымъ высшимъ начальствомъ. Сверхъ предметовъ, положенныхъ по уставу, никакіе другіе учебные предметы не преподаются. Методы взаимнаго обученія, не существуетъ. Согласно утвержденнымъ въ 1838 году попечителемъ кievскаго учебнаго округа правиламъ, подаются учениками письменныя упражненія по проходимымъ въ гимназіи предметамъ». Вотъ и все. Очевидно, авторъ этой статьи имѣлъ весьма смутное представленіе о методахъ преподаванія вообще.

Отвѣтъ на поставленный выше вопросъ, хотя и частичный, мы находимъ въ протоколѣ одного изъ засѣданій педагогическаго совѣта, на которомъ присутствовалъ Костомаровъ и на постановленіи котораго, несомнѣнно, отразился «взглядъ знаменитаго историка на постановку преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ»¹⁾. Въ виду особаго интереса, который представляетъ для насъ этотъ протоколъ, позволимъ себѣ привести его полностью.

«Въ засѣданіи педагогическаго совѣта ровенской гимназіи²⁾ 15-го февраля 1845 года прочитано было циркулярное предложеніе исправляющаго должность помощника попечителя кievскаго учебнаго округа отъ 31-го января за № 569 о распоряженіи министра народнаго просвѣщенія преподаваніе статистики, какъ отдѣльной науки, уничтожить, присоединивъ ее къ географіи, въ которомъ предлагается на обсужденіе педагогическаго совѣта слѣдующее: 1) на какіе предметы слѣдуетъ употребить часы, которые останутся свободными за прекращеніемъ преподаванія статистики, и 2) на какихъ основаніяхъ и въ какой мѣрѣ соединить статистику съ географіей».

«Педагогическій совѣтъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ:

«1. Два урока въ VI и VII классахъ, остающіеся свободными за прекращеніемъ статистики, замѣнить русскою исторіей, какъ наукою, заслуживающею особеннаго вниманія въ особенности въ кругу образованія юношества Западнаго края имперіи. При этомъ, однако, не должно принимать во вниманіе единственно обогащеніе памяти учениковъ школьнымъ знаніемъ, но учредить практическіе классы русской исторіи, гдѣ бы учитель не задавалъ ученикамъ уроковъ и не выслушивалъ ихъ, а занимался: а) чтеніемъ различныхъ сочиненій по русской исторіи, при чемъ ознакамливалъ бы учениковъ съ историческими взглядами, критикою и способами изложенія и съ разными преимущественно важными эпохами прошлой жизни нашего отечества въ подробностяхъ; в) разборомъ

¹⁾ А. Чикунскій. Историческая записка о ровенскомъ реальномъ училищѣ. Кіевъ. 1894 г. Стр. 33.

²⁾ Журналы засѣданій педагогическаго совѣта ровенской гимназіи съ 1 января 1844 г. по 1 июня 1845 г.

сочиненій, которыя ученики обязаны будутъ подавать къ такому практическому классу. Все это будетъ имѣть неоцѣненную пользу не только для знаній историческихъ, но для языка и, что всего важнѣе въ воспитаніи, для развитія мыслительныхъ способностей юношества».

«2. Что касается рѣшенія вопроса, на какихъ основаніяхъ и въ какой мѣрѣ можетъ быть соединена статистика съ географіей, совѣтъ гимназіи находитъ полезнымъ изложеніе статистическихъ свѣдѣній отнести къ двумъ наукамъ: къ географіи и исторіи, на слѣдующемъ основаніи. Статистика, какъ наука, имѣетъ цѣлью изобразить настоящее развитіе и состояніе силъ народной жизни, служащихъ условіями дѣйствительнаго бытія государство въ смыслѣ устроеннаго общества. Существеннымъ элементомъ всякаго государства есть образованность (civilisation). Она двоякая: физическая и нравственная. Въ кругъ первой входитъ все, что служитъ къ обезпеченію животной жизни общественнаго человѣка; въ кругъ второй—все, что показываетъ устройство его нравственныхъ силъ. Поэтому статистика дѣлится на двѣ части: одна занимается физической производительностью, или промышленностью, другая—нравственною администраціей и просвѣщеніемъ. Соединенныя и подведенныя подъ одно начало, эти части образуютъ науку статистику. Ежели отсѣчь отъ нея всякія разсужденія, умствованія, начала, тогда останутся факты, изъ которыхъ перваго рода войдутъ въ область географіи, потому что изображаютъ только то, что есть на землѣ, населенной людьми, въ физическомъ смыслѣ бытія, а относящіеся ко второй части статистики будутъ принадлежать исторіи, какъ наукѣ о развитіи нравственныхъ силъ человѣчества. Основываясь на такомъ понятіи, физическая часть статистики, сельская промышленность (земледѣліе, скотоводство, шелководство, пчеловодство, садоводство, винодѣліе, звѣриныя и рыбныя, горныя и соляныя промыслы), мануфактурная (внутренняя и внѣшняя торговля) должна быть отнесена къ географіи. Преподаватель излагаетъ ее въ такомъ объемѣ, въ какомъ излагаетъ и прочія географическія свѣдѣнія. Но какъ при томъ объемѣ географіи необходимо долженъ увеличиться, то во второмъ классѣ гимназіи, гдѣ преподается Европа, слѣдуетъ прибавить одинъ урокъ, отнявъ его у латинскаго языка, такъ какъ все по этому предмету означенное въ программѣ легко можетъ быть пройдено за уничтоженіемъ одного урока. Но для того, чтобы статистическія свѣдѣнія были доступнѣе для учениковъ, полезнѣе было бы перенести преподаваніе Европы изъ второго класса въ третій, во второмъ же изложить самый краткій обзоръ этой части свѣта и подробно остальные ея части.

«Нравственная часть статистики (правленіе, администрація, козенные законы, гербы, ордена, военная и морская силы, просвѣ-

щеніе, церковь) должна быть отнесена къ современной исторіи. Преподаватель исторіи обязанъ упоминать обо всемъ этомъ въ VII классѣ при изложеніи исторіи европейскихъ державъ отъ паденія Наполеона. Такое преподаваніе будетъ тѣмъ выгодно, что ученики могутъ видѣть постепенное устройство нынѣшней Европы, ознакомлясь напередъ съ новой исторіей, между тѣмъ какъ до сихъ поръ статистика европейскихъ государствъ преподавалась въ VI классѣ, гдѣ всеобщая исторія едва доходитъ до начала XVIII вѣка: отъ этого ученикъ долженъ безпрестанно встрѣчать недоразумѣнія въ статистическихъ свѣдѣніяхъ. Что касается нравственной части

Ровенское реальное училище (бывшая гимназія).

русской статистики, то для усиленія и распространенія знаній объ отечествѣ она, кромѣ изложенія въ VII классѣ, можетъ быть изложена и въ VI, при чтеніи географіи Россійской имперіи».

Внизу протокола среди подписей другихъ членовъ педагогическаго совѣта, присутствовавшихъ при обсужденіи изложеннаго выше вопроса и вынесшихъ послѣ зрѣлаго обсужденія указанное рѣшеніе, стоитъ подпись Костомарова, что указываетъ не только на то, что онъ присутствовалъ въ засѣданіи педагогическаго совѣта, но и былъ вполне согласенъ съ вынесеннымъ рѣшеніемъ, иначе передъ подписью стояла бы приписка «съ особымъ мнѣніемъ», чего мы, однако, здѣсь не находимъ.

И Костомаровъ не только въ теоріи, но и на практикѣ держался приведенныхъ выше взглядовъ. При дѣлахъ сохранилось нѣсколько

сочиненій учениковъ на историческія темы, приготовленныхъ для практическихъ занятій по исторіи. Во время прохожденія курса исторіи Костомаровъ не только давалъ ученикамъ извѣстный контингентъ научнаго матеріала, требуемый программами, но и умѣлъ заинтересовать учениковъ своимъ предметомъ и заставить ихъ спеціально работать надъ отдѣльными вопросами. Такъ, на торжественномъ актѣ ровенской гимназіи въ этомъ году однимъ изъ учениковъ была прочитана рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ на тему: «Ueber den Zustand Bildungsanstalten in Russland von Peter den Grossen bis auf unsere Zeit», для которой, несомнѣнно, нужно было много поработать надъ весьма обширнымъ и сложнымъ матеріаломъ.

Но особенное вниманіе обращалъ Костомаровъ на преподаваніе русской исторіи, которая, по его мнѣнію, раздѣляемому также педагогическимъ совѣтомъ, должна была имѣть особенное значеніе «въ кругу образованія юношества Западнаго края имперіи». И дѣйствительно, мы знаемъ, что незадолго до Костомарова въ Западномъ краѣ разразилось польское повстаніе, бывшее отраженіемъ іюльской революціи во Франціи, которое показало, что здѣсь еще не окрѣпли русскія государственныя идеи и что для закрѣпленія этихъ областей за Россіей необходимо бороться не только насиліемъ противъ насилія, но путемъ убѣжденія и воспитанія юношества на началахъ русской государственности, почему и необходимо было обращать особенное вниманіе на русскую исторію.

И начальство, какъ ближайшее, такъ и высшее, цѣнило трудъ Костомарова и воздавало ему должную оцѣнку. Въ 1844 году инспекторъ казенныхъ училищъ ревизовалъ ровенскую гимназію. На основаніи его отчета было составлено окружное предложеніе попечителя кievскаго учебнаго округа князя Давыдова директорамъ училищъ и гимназій. Здѣсь мы находимъ такой отзывъ о Костомаровѣ ¹⁾: «Нынѣшній учитель, магистръ Костомаровъ, съ особенною любовью преданный наукѣ и уже доказавшій отличныя свои дарованія нѣкоторыми весьма дѣльными историческими сочиненіями, имѣеть, безъ сомнѣнія, всѣ качества, потребныя для исполнѣнн хорошаго преподавателя».

Должной постановкѣ преподаванія исторіи Костомарову много мѣшали не зависящія отъ него обстоятельства. До его назначенія въ ровенскую гимназію часто мѣнялись преподаватели исторіи, что, конечно, въ значительной степени вредило успѣху дѣла. Кромѣ того, случалось также, что за невозможностью скоро найти замѣстителя на вакантное мѣсто преподавателя исторіи прохожденіе этого предмета на нѣкоторое время прекращалось. Поэтому Костомарову приходилось не только усваивать съ учениками матеріалъ,

¹⁾ А. Чикунскій. Историческая записка о ровенскомъ реальномъ училищѣ. Кіевъ. 1894 г. Стр. 26—27.

положенный программю въ данномъ классѣ, но и восполнять предшествовавшіе пробѣлы, т. е. работать и за себя, и за своихъ предшественниковъ.

Прекрасно понимая, что ученикамъ вслѣдствіе приведенныхъ выше обстоятельствъ приходится работать также значительно больше того, что позволяли время и силы, Костомаровъ очень снисходительно оцѣнивалъ ихъ знанія при отвѣтахъ, почему познанія его учениковъ въ его собственной оцѣнкѣ не всегда соответствовали дѣйствительности. Въ сохранившемся до нашего времени экзаменномъ спискѣ учениковъ VII класса, подвергавшихся испытанію по исторіи всеобщей и русской 19-го мая 1845 года¹⁾, мы находимъ отмѣтки по исторіи всеобщей и русской, а также и по статистикѣ. Выставлены ли въ этомъ спискѣ отмѣтки по всеобщей исторіи и статистикѣ на экзаменѣ, или же внесены въ списокъ для свѣдѣнія преподавателя-экзаминатора и ассистентовъ,—рѣшить трудно, такъ какъ никакихъ указаній на это не имѣется. Въ одной же изъ графъ по русской исторіи стоитъ надпись «отмѣтки по экзамену». Поэтому едва ли будетъ ошибкой разсмотрѣть отмѣтки годовыя и экзаменныя только по этому предмету. По этимъ отмѣткамъ видно, что Костомаровъ ставилъ отмѣтки ученикамъ весьма щедро, почему отмѣтки по экзамену значительно ниже годовыхъ¹⁾, въ оцѣнкѣ преподавателя. Средняя годовая отмѣтка преподавателя на классъ 4,22 при успѣшности въ 100⁰/о, средняя экзаменная на классъ—3,07 при успѣшности въ 74⁰/о. Только въ одномъ случаѣ изъ 27 отмѣтка преподавателя (5) совпадаетъ съ экзаменной, въ двухъ случаяхъ отмѣтка экзаменная (5) выше, чѣмъ преподавателя, (4, 75; 4,62), въ остальныхъ же случаяхъ отмѣтка экзаменная ниже, чѣмъ у преподавателя. При этомъ наблюдается иногда очень большая амплитуда: такъ, у ученика Адольфа Петровскаго годовая въ оцѣнкѣ Костомарова 3.50, экзаменная 1 (един.); у Михаила Гутовскаго годовая 4, экзаменная тоже 1 (един.). Такое рѣзкое колебаніе, кромѣ снисходительности, основанной на указанныхъ выше мотивахъ, можетъ быть объяснено еще и тѣмъ, что за свое сравнительно недолгое пребываніе въ ровенской гимназіи Костомаровъ не могъ какъ слѣдуетъ узнать учениковъ какъ со стороны ихъ знаній, такъ и со стороны способностей и трудолюбія, и не имѣлъ еще настолько педагогическаго опыта, чтобы опредѣлить это за небольшой промежутокъ времени.

Кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, какъ преподавателя ровенской гимназіи, Костомарову приходилось нести обязанности и побочныя. Такъ, по распоряженію директора гимназіи²⁾ онъ былъ

¹⁾ Архивъ ровенскаго реального училища. Экзаменный списокъ учениковъ VII класса. по исторіи всеобщ. и русск. 1845 г. 19 май. 2) Въ спискѣ эти отмѣтки именуются «среднимъ выводомъ изъ мѣсячныхъ», т. е. нашей годовой.

²⁾ Архивъ ровенскаго реального училища 1846 г. Дѣло № 18.

назначень въ числѣ другихъ преподавателей присутствовать на экзаменѣ по Закону Божію и исторіи въ ровенскомъ дѣвничьемъ пансіонѣ 5-го іюня 1845 года, несмотря на то, что въ это время онъ пользовался отпускомъ, разрѣшеннымъ ему начальствомъ. Затѣмъ для торжественнаго акта, который ежегодно устраивался въ ровенской гимназіи, Костомаровымъ была специально написана рѣчь на тему «О томъ, что было причиною безпорядковъ и разстройства Руси на удѣльный періодъ нашей исторіи». Эта рѣчь Костомарова была заслушана въ засѣданіи педагогическаго совѣта 1-го мая 1845 года ¹⁾, при чемъ совѣтъ постановилъ: «представить (рѣчь Костомарова) г. попечителю кіевскаго учебнаго округа въ двухъ экземплярахъ», что и было приведено въ исполненіе. По разсмотрѣніи рѣчи Костомарова въ округѣ, одинъ экземпляръ ея возвратили при слѣдующей бумагѣ:

«Министерство народнаго просвѣщенія. Попечителя кіевскаго учебнаго округа. Канцелярія. Столъ первый. Кіевъ. 2-го іюня 1845 года. № 2875.

«Господину директору ровенской гимназіи.

«Возвращая при семъ рѣчь, написанную старшимъ учителемъ ровенской гимназіи Костомаровымъ, я разрѣшаю произнести ее въ исправленномъ видѣ на торжественномъ актѣ въ ровенской гимназіи.

«Попечитель округа» (подпись).

Другой экземпляръ этой рѣчи былъ оставленъ при округѣ и по сей часъ почиваетъ гдѣ-нибудь въ архивѣ при дѣлахъ. Тотъ же экземпляръ, который былъ присланъ обратно въ Ровно, какъ видно изъ бумагъ, былъ возвращенъ Костомарову для прочтенія и назадъ въ гимназію не полученъ. Къ сожалѣнію, не имѣя подъ руками этой рѣчи, трудно сказать, въ чемъ именно погрѣшилъ нашъ историкъ, что не было одобрено начальствомъ и изъ рѣчи было удалено. Это могло бы пролить свѣтъ на тѣ историческіе взгляды, которыхъ держался Костомаровъ, будучи учителемъ и, быть можетъ, то, что считалось предосудительнымъ и недозволеннымъ около семидесяти лѣтъ тому назадъ, оказалось бы возможнымъ для опубликованія теперь и могло бы пролить новый свѣтъ какъ на личность самого ученаго, такъ и на освѣщеніе событій, ставшихъ давно уже достояніемъ исторіи.

Заглавіе рѣчи Костомарова, предназначенной для прочтенія на торжественномъ актѣ, точно установить на основаніи архивныхъ данныхъ не представляется возможнымъ: въ одномъ мѣстѣ она озаглавлена «О томъ, что было причиною безпорядковъ», въ другомъ «Причины...», въ третьемъ «О причинахъ». Это обстоятель-

¹⁾ Журналъ засѣданій педагогическаго совѣта ровенской гимназіи отъ 1-го января 1844 года по 1-ое іюня 1845 года.

ство тѣмъ не менѣе не измѣняетъ смысла заглавія, которое указываетъ на содержаніе рѣчи, и для насъ интересно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ Костомаровъ относился къ своей работѣ. Заботясь о содержаніи ея, онъ мало обратилъ вниманія на ея литературную вывѣску и не постарался даже придать опредѣленную, разъ навсегда установленную форму. И эта черта для Костомарова характерна.

Торжественный актъ въ ровенской гимназiи, на которомъ долженъ былъ выступить Костомаровъ, состоялся 20-го іюня 1845 года какъ разъ въ то время, когда онъ, какъ видно изъ формуляра, числился въ отпуску. Но въ документахъ нѣтъ указанія на то, что рѣчь его не была произнесена или по его порученію читалась кѣмъ-либо другимъ. Поэтому нужно предположить, что для прочтенія ея онъ явился въ гимназiю и во время отпуска никуда далеко отъ Ровно не уѣзжалъ.

Кромѣ рѣчи, составленной Костомаровымъ со спеціальной цѣлью для торжественнаго акта ровенской гимназiи, Костомаровъ во время пребыванія въ Ровнѣ занимался и чисто учеными трудами. Для составленія отчета за 1844 гражданскій годъ директоръ ровенской гимназiи дѣлалъ опросъ учителямъ и служащимъ этого учебнаго заведенія по поводу ихъ ученыхъ работъ. Вотъ эта бумага ¹⁾.

Министерство народнаго просвѣщенія. Кіевскій учебный округъ. Отъ директора ровенской гимназiи. Ровно. 23-го ноября 1844 года. № 667.

«Господамъ чиновникамъ и преподавателямъ ровенской гимназiи.

«Для составленія отчета о дѣйствіяхъ и состояніи гимназiи за истекающій 1844 годъ необходимо нужно дирекціи слѣдующее свѣдѣніе: кто изъ чиновниковъ и преподавателей гимназiи занимался въ 1844 году сверхъ должности какими-либо учеными трудами, гдѣ оны помѣщены, что онъ издалъ; а потому предлагаю каждому чиновнику и преподавателю гимназiи на семь листѣ собственноручно написать о себѣ отвѣтъ на вышензложенные вопросы и потомъ листъ сей возвратитъ въ мою же канцелярію. Тѣмъ же гг. чиновникамъ и преподавателямъ гимназiи, которые на семь листѣ покажутъ себя занимающимися учебными трудами сверхъ имѣющихся на семь листѣ, о каждомъ отвѣтѣ предлагаю представить мнѣ письменный отвѣтъ и не позже, какъ къ 1-му числу декабря сего 1844 года.

«Директоръ гимназiи Аврамовъ».

На четвертой страницѣ того же листа, среди отвѣтовъ другихъ преподавателей, которые указываютъ свои печатные труды, относящіеся къ преподаваемымъ имъ предметамъ, преимущественно учебники и учебныя пособія, мы находимъ собственноручную запись

¹⁾ Архивъ ровенскаго реального училища 1844 года.

Костомарова: «Занимался: 1) сочиненіемъ исторіи войнъ украинскихъ казаковъ съ поляками въ эпоху Хмельницкаго; 2) собираніемъ и объясненіемъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ; 3) приготовилъ къ изданію лѣтописи, относящіяся къ исторіи Малороссіи; 4) издалъ и напечаталъ въ семь году сочиненіе объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Учитель исторіи, магистръ историческихъ наукъ Н. Костомаровъ.

Все приведенные выше труды Костомарова относятся, какъ мы видѣли, къ 1844 году. Какими же трудами онъ занимался въ 1845 году, какія сдѣлалъ изысканія, какими трудами обогатилъ историческую науку, никакихъ данныхъ въ архивѣ ровенской гимназіи не сохранилось. Для разрѣшенія этого вопроса слѣдуетъ обратиться къ архивнымъ даннымъ кievской первой гимназіи, чего мы сдѣлать не въ состояніи, гдѣ въ годовомъ отчетѣ за 1845 годъ должны быть указанія на ученую дѣятельность Костомарова въ этомъ году, какъ въ Ровно, такъ и въ Кіевѣ. Одно только мы можемъ сказать, что его частыя отлучки изъ гор. Ровно весной 1845 году указываютъ на то, что онъ собиралъ на Волыни какой-то матеріалъ, необходимый для его историческихъ изслѣдованій, но какой именно—сказать мы не можемъ.

4-го августа Костомаровъ былъ переведенъ, какъ мы видѣли выше, въ кievскую первую гимназію.

Теперь, подводя итоги всему изложенному выше, мы видимъ, что Костомаровъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ ровенской гимназіи 13-го октября 1844 года, пріѣхалъ въ Ровно въ послѣднихъ числахъ октября, давалъ здѣсь уроки до Рождества, на каникулахъ же уѣхалъ изъ города. Послѣ Нового года продолжалъ давать уроки до весны, когда, пользуясь отпускомъ, все же бывалъ на экзаменахъ и присутствовалъ на актѣ въ гимназіи, въ августѣ же 1845 года былъ переведенъ въ Кіевъ.

Изъ сохранившихся документовъ мы видимъ, что онъ получилъ здѣсь жалованія 400 рублей въ годъ и, будучи человѣкомъ состоятельнымъ, никакими пособіями ни въ видѣ денегъ, ни видѣ квартиры не пользовался. Тѣмъ не менѣе ему все-таки иногда приходилось нуждаться.

Преподаваніе исторіи до него въ ровенской гимназіи было запущено, почему ему много приходилось работать и самому и заставлять работать учениковъ. Несмотря на это, Костомаровъ, имѣя вполнѣ правильный взглядъ на должную постановку предмета (исторіи), сумѣлъ добросовѣстно выполнить возложенную на него задачу, чѣмъ заслужилъ хорошій отзывъ своего начальства; смогъ не только заставить учениковъ работать, но и заинтересовать ихъ своимъ предметомъ. Единственнымъ дефектомъ его педагогической

дѣятельности является, но нашему мнѣнію, слабая оцѣнка отвѣтовъ учениковъ, что повело къ пониженію балловъ на окончательномъ испытаніи учениковъ VII класса.

Кромѣ специально педагогической дѣятельности по ровенской гимназіи, на Костомарова его прямымъ начальствомъ возлагается еще побочный трудъ нести обязанности депутата въ другомъ учебномъ заведеніи и составлять рѣчь для акта гимназіи.

Но, несмотря на массу работы, которая отнимала соотвѣтственное количество времени и энергии, Костомаровъ, отказывая себѣ въ вполне заслуженномъ и необходимомъ отдыхѣ, немногія свободныя отъ педагогической дѣятельности минуты отдаетъ наукѣ, насколько позволяютъ ему силы: онъ разыскиваетъ сырой историческій матеріалъ, какъ устный, такъ и письменный, обрабатываетъ его и возстановливаетъ передъ нами прошлую жизнь родного народа и его историческія судьбы.

А. И. Поповъ.

ОБРАЗЦЫ НѢМЕЦКАГО ДИПЛОМАТИЧЕСКАГО ШАНТАЖА.

В концѣ октября германскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ произнесъ большую рѣчь въ бюджетной комиссіи рейхстага, въ которой между прочимъ подвергъ новому разсмотрѣнію вопросъ о томъ, кто истинный виновникъ нынѣшней всеевропейской войны. Ссылаясь на дипломатическіе переговоры и событія передъ войной, канцлеръ приходитъ къ выводу, что не Германія зажгла европейскій пожаръ, а что, наоборотъ, война была навязана Германіи другими державами. Ввиду того, что канцлеръ ссылался на документы и событія войны, многіе изъ коихъ изгладились изъ памяти, и потому смѣло искажалъ факты, его рѣчь пріобрѣтаетъ особое значеніе, является доказательствомъ усиленнаго желанія Германіи реабилитировать себя въ глазахъ міра. Въ настоящей замѣткѣ дѣлается попытка освѣжить въ памяти нѣкоторые факты, совершенно противорѣчащіе заявленіямъ канцлера.

Въ концѣ 1914 года вышла «Бѣлая книга»¹⁾, содержащая дипломатическую переписку Англій, предшествовавшую всеевропейской войнѣ. Эта книга содержитъ въ себѣ 159 телеграммъ, которыми обмѣнялись дипломаты Англій, Австро-Венгріи, Германіи, Италіи, Россіи, Сербіи и Франціи вслѣдъ за предъявленіемъ Австро-Венгріей ноты Сербіи по поводу убійства эрцгерцога Франца-Фердинанда вплоть до объявленія войны Англій Германіи, а также рѣчь сэра Э. Грея въ палатѣ общинъ 21-го іюля (3-го августа) 1914 года, наканунѣ этого событія. Прежде всего слѣдуетъ констатировать,

¹⁾ Переводъ «Бѣлой книги», изд. «Освобожденія».

что многихъ дипломатовъ поразило полное отсутствіе искренности у Германіи и Австріи въ желаніи итти навстрѣчу предложеніямъ другихъ державъ для мирнаго разрѣшенія сербскаго вопроса. Это впечатлѣніе рельефно выражено Э. Греемъ въ его рѣчи передъ англійской палатой общинъ. Въ своей рѣчи Э. Грей отмѣчалъ, что «въ сербскомъ кризисѣ было намѣреніе, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ сторонъ, заставить событія быстро приблизиться къ концу, во всякомъ случаѣ съ большимъ рискомъ для мира, и нѣтъ надобности говорить, гдѣ лежитъ вина, какія державы были больше за миръ и какія больше соглашались рискнуть миромъ или подвергнуть его опасности, такъ какъ послѣ ознакомленія съ документами всякому станетъ ясно, какъ усердны, сердечны и искренни были усилія Англій въ пользу мира, а также какія силы противодѣйствовали миру».

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію хода сношеній между державами, необходимо отмѣтить нѣкоторыя изъ этихъ сношеній, дабы сразу стало ясно, что съ самаго начала кризиса Германія и Австрія были склонны рискнуть миромъ и подвергнуть миръ опасности, и что, такимъ образомъ, всѣ усилія другихъ державъ, усердно, сердечно и искренно стремившихся сохранить миръ, повидимому, уже заранѣе были обречены на неуспѣхъ. Слѣдуетъ запомнить, что нота Австро-Венгріи по поводу убійства эрцгерцога Франца-Фердинанда была предъявлена Сербіи 10 (23) іюля 1914 года, война Германіей Россіи была объявлена 19 іюля (1 августа), Франціи— 21 іюля (3 августа) и Англійей Германіи 23 іюля (5 августа). Въ нотѣ, предъявленной Австріей Сербіи, содержались, между прочимъ, такія требованія, которыя затрагивали суверенныя права Сербіи, посягая на ея независимость. Сербія въ отвѣтъ на эту ноту проявила наиболѣе возможную уступчивость. Что отвѣтъ Сербіи былъ крайнимъ предѣломъ того, на что можетъ согласиться независимое государство, было признано всѣми державами, за исключеніемъ Германіи и Австріи. Уступчивость Сербіи Австріей не была принята во вниманіе, и Австрія объявила войну Сербіи въ такой срокъ, что державы не имѣли возможности ознакомиться детально съ австрійской нотой Сербіи и принять соотвѣтствующія мѣры дипломатическаго характера, чѣмъ Австрія придала вопросу особую остроту. То обстоятельство, что особенно Германія, повидимому, не имѣла намѣренія въ концѣ концовъ содѣйствовать мирному разрѣшенія вопроса, доказывается военными приготовленіями именно Германіи еще въ то время, когда отвѣтъ Сербіи на австрійскую ноту не былъ данъ.

Такъ, изъ телеграммы французскаго министра иностранныхъ дѣлъ французскому послу въ Англій Камбону (прил. № 3 къ № 105¹)

¹) Нумера въ скобкахъ означаютъ нумера телеграммъ «Бѣлой книги». «истор. вѣсти», мартъ 1917 г., т. схлви.

явствуеть, что германскія военныя приготовленія противъ Франціи начались еще во время предъявленія Сербіи Австро-Венгріей упомянутой ноты. Перечисляя эти приготовленія и указывая, что со стороны Франціи не призвано ни одного резервиста, французскій министръ просить Камбона обратить вниманіе Англіи на мирныя, намѣренія одной стороны и намѣренія агрессивныя съ другой. Если это обстоятельство сопоставить съ неоднократно высказаннымъ затѣмъ Германіей мнѣніемъ о томъ, что разрѣшеніе конфликта Австріи съ Сербіей должно быть предоставлено исключительно этимъ двумъ государствамъ безъ вмѣшательства другихъ, то естественно возникаетъ недоумѣніе, съ какой цѣлью произведены были Германіей и притомъ заблаговременно военныя приготовленія на границѣ Франціи.

Далѣе, изъ донесенія англійскаго посла въ Парижѣ Э. Грею (№ 126) видно, что для французскаго правительства показалось страннымъ, почему, несмотря на согласіе Россіи демобилизоваться, если всѣ державы сдѣлають то же, и несмотря на фактъ готовности Россіи и Австріи вести переговоры, Германія предъявила Россіи ультиматумъ о немедленной демобилизаціи, а во Франціи сдѣлала аналогичное и угрожающее представленіе (№ 126).

Наиболѣе, однако, характеризующими истинныя стремленія Австріи и Германіи являются донесенія Э. Грею англійскаго посла въ Петроградѣ о заключеніяхъ, которыя русскій министръ иностранныхъ дѣлъ вынесъ за все время дипломатическихъ сношеній: по мнѣнію министра, Австрія думала, что, чувствуя себя въ безопасности подъ защитой ея союзницы Германіи, она можетъ вызывающе обращаться съ Россіей; несмотря на то, что Россіей было принято предложеніе о четверной конференціи (Англіи, Германіи, Италіи и Франціи въ дѣлѣ несогласія между Австріей и Россіей въ конфликтѣ первой съ Сербіей) или о посредничествѣ Великобританіи и Италіи, или о непосредственныхъ переговорахъ между Австріей и Россіей, — Германія и Австрія сдѣлали эти попытки сохранить миръ своими уклончивыми отвѣтами безрезультатными, а иногда совершенно отказывались отъ нихъ (№ 139).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что, какъ осторожно выразился Э. Грей, нѣкоторыя силы противодействовали миру. Если бы Германія и Австрія дѣйствительно стремились къ мирному разрѣшенію конфликта, то для этого представлялась, конечно, полная возможность, но подобное положеніе не входило, повидимому, въ планы этихъ государствъ. «Отношенія между Германіей и Россіей кажутся болѣе натянутыми даже, нежели отношенія между Австріей и Россіей. Я согласенъ, что германскій посолъ въ Вѣнѣ съ самаго начала желалъ войны и его личная склонность, очень вѣроятно, окрасила и его дѣйствія здѣсь (Вѣна). Русскій посолъ убѣжденъ, что германское правительство также желало войны съ самаго начала.

Я опасуюсь, что ничто не можетъ измѣнить рѣшенія австро-венгерскаго правительства продолжать начатый имъ путь, если оно приняло свое рѣшеніе съ одобренія Германіи»,—вотъ какъ характеризуетъ положеніе англійскій посоль въ Вѣнѣ въ своемъ донесеніи Э. Грея 19 іюля (1 августа) (№ 141). Что касается опасенія Э. Грея, что Австрія могла послать ультиматумъ Сербіи лишь съ вѣдома и одобренія Германіи, то это опасеніе находитъ себѣ ясное подтвержденіе въ документахъ «Бѣлой книги» (№ 195).

Переходя къ обзору хода переговоровъ, слѣдуетъ прежде всего констатировать необычную рѣзкость австрійской ноты, представленной Сербіи по поводу убійства эрцгерцога Франца-Фердинанда въ Сараевѣ. Относительно завѣдомой непріемлемости нѣкоторыхъ требованій этой ноты характерно откровенное до циничности заявленіе германскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, замѣтившаго, что сербское правительство не можетъ проглотить нѣкоторыхъ изъ требованій Австріи (№ 18). Наличие въ нотѣ непріемлемыхъ требованій должна была бы, несомнѣнно, обезпечить Германію. Однако Германія не только совершенно игнорировала это обстоятельство, но и не приняла мѣръ для того, чтобы удержать Австрію отъ объявленія войны Сербіи. Германія пошла даже далѣе и въ нотѣ, адресованной державамъ 11 (24) іюля, признаетъ образъ дѣйствій и требованія Австріи правильными и умѣренными (№ 9). Значитъ, выводъ таковъ, что уже на другой день послѣ предъявленія Сербіи австрійской ноты Германія, хотя признавала нѣкоторыя требованія такими, что ихъ Сербія не можетъ проглотить, одобрила всецѣло дѣйствія Австріи. При этомъ, зная отлично, что вызывающій образъ дѣйствій Австріи способенъ вызвать вмѣшательство Россіи, а затѣмъ и всевропейскій пожаръ, Германія, тѣмъ не менѣе, предъявляетъ явно неисполнимое требованіе, чтобы дѣло было улажено исключительно между Австріей и Сербіей (№ 9). Возникаетъ вопросъ, какъ же могло быть улажено дѣло, если требованія Австріи къ Сербіи непріемлемы? Англія, понимая отлично, что Россія не могла согласиться на лишеніе Сербіи ея независимости, предлагаетъ 11 (24) іюля, чтобы четыре державы (Германія, Франція, Италія и Англія) оказали посредническое и умѣряющее вліяніе въ интересахъ мира въ Вѣнѣ и Петроградѣ: пока будетъ происходить посредничество, эти четыре державы, по мнѣнію Англіи, могли бы понудить Австрію остановить свое движеніе впередъ, а Россію также остановиться, но при условіи, чтобы въ этомъ актѣ державъ участвовала и Германія (№ 10 и № 25). Хотя, какъ указано выше, требованія Австріи Германіей были признаны справедливыми и умѣренными, Австрія, однако, пытается смягчить неблагоприятное впечатлѣніе своей ноты на державы. Для чего это нужно, непонятно; вѣроятно же всего, для затягиванія переговоровъ и выигрыша этимъ временц. Въ Лондонѣ гер-

манскій посоль заявляетъ, что Сербія ни въ какомъ случаѣ не должна давать отрицательнаго отвѣта; она должна дать сразу благоприятный отвѣтъ на нѣкоторые пункты, чтобы у австрійцевъ было извиненіе въ непринятіи немедленныхъ мѣръ (№ 11). Австрійскій посоль отмѣтилъ, что шагъ, предпринятый въ Бѣлградѣ, не есть ультиматумъ, а выступленіе (*de marche*), и что если австрійскія требованія не будутъ выполнены, то Австрія начнетъ военныя приготовленія, а не дѣйствія (№ 14). Однако въ другомъ донесеніи (англійскаго посла въ Вѣнѣ Э. Грею) опредѣленно заявляется, что тонъ вѣнскихъ газетъ производитъ впечатлѣніе, будто уступка со стороны Сербіи не является въ дѣйствительности желательной (№ 20) и что нота составлена такъ, чтобы сдѣлать войну неизбѣжной (№ 41). Если принять во вниманіе, что русское предложеніе Австріи продлить срокъ отвѣта на ультиматумъ Сербіи было отвергнуто, то указанное впечатлѣніе приобретаетъ особое значеніе. Вотъ какъ характеризуется эта двойственность заявленій Австріи въ одномъ изъ документовъ: «Если бы австрійское правительство отказалось продлить срокъ, то его образъ дѣйствій не только противорѣчилъ бы международной этикѣ, но и лишилъ бы сдѣланное державамъ заявленіе всякаго практическаго смысла» (№ 26). Очевидно, къ тому, чтобы сдѣланное Австріей сообщеніе державамъ о предъявленіи ноты Сербіи было лишено всякаго практическаго смысла, были направлены, въ дѣйствительности, всѣ усилія Австріи. Но до поры, до времени необходимо дѣло нѣсколько затянуть, и къ этому прилагаются всевозможныя усилія.

Что касается Россіи, то она все время пыталась мирно разрѣшить конфликтъ и выразила готовность передать рѣшеніе вопроса Англій, Франціи, Германіи и Италіи и стать въ сторонѣ самой (№ 17). Россія вообще соглашалась на всякое предложеніе, способное сохранить миръ (№ 53), при условіи лишь уваженія суверенныхъ правъ Сербіи и ея территоріи (№ 55). Въ Сербіи Россія настаивала, въ сихъ видахъ, на крайней умѣренности (№ 22). Понятнымъ, поэтому, является убѣжденіе Сербіи, что если только Австрія не хочетъ войны во что бы то ни стало, то она не можетъ не остаться довольной удостовѣреніемъ, предлагаемымъ въ сербскомъ отвѣтѣ (№ 21); отвѣтъ Сербіи дѣйствительно былъ таковъ, что въ уступчивости итти дальше было невозможно безъ нарушенія самостоятельности и суверенныхъ правъ Сербіи (№ 39). Это было признано всѣми не заинтересованными въ конфликтѣ державами. Англія даже высказала, что послѣ сербскаго отвѣта Германіи надо настаивать на нѣкоторой умѣренности уже въ Вѣнѣ (№ 46). При единодушномъ впечатлѣніи, которое составилось у большинства державъ въ томъ, что непримиримость неходитъ изъ Вѣны (вѣришь, изъ Берлина?), совершенно необъяснимыми являются жалобы австрійскаго посла въ Лондонѣ на то, что борьба

Австріи навязана и что, при такихъ условіяхъ, Австрія надѣется на симпатіи Англійи и на ея помощь въ дѣлѣ локализациі борьбы (№ 48). Англійскій дипломатъ на эту передержку отвѣчаетъ, что не можетъ понять точку зрѣнія австрійскаго правительства на сербскій отвѣтъ и что представляется въ высшей степени страннымъ, почему Австрія отнеслась къ этому отвѣту, какъ къ совершенно неудовлетворительному или чисто отрицательному, несмотря на то, что сербскій отвѣтъ означаетъ величайшее униженіе Сербіи (№ 48). Тѣмъ не менѣе отвѣтъ Сербіи на австро-венгерскія требованія былъ сочтенъ неудовлетворительнымъ, и австрійскій посланникъ покинулъ Бѣлградъ (№ 31). Съ своей стороны, берлинскій кабинетъ въ это время не проявилъ никакого воздѣйствія на свою союзницу (№ 54), а въ Вѣнѣ министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ англійскому послу, что Австрія намѣрена отклонить всякое предложеніе на основѣ сербскаго отвѣта (№ 61).

Что касается вызывающаго тона Германіи и Австріи, то онъ былъ основанъ отчасти на убѣжденіи, что, несмотря на опредѣленное заявленіе Россіи о невозможности для нея остаться безучастной къ судьбѣ Сербіи, Россія все-таки воевать не будетъ.

Германскій посоль въ Вѣнѣ опредѣленно выразилъ увѣренность, что Россія будетъ держаться спокойно во время экзекуціи со стороны Австріи надъ Сербіей и что для успокоенія общественнаго мнѣнія русскому министру иностранныхъ дѣлъ легко можно произвести давленіе на нѣсколько газетъ. Выражая убѣжденіе, что дни всеславянскій агитаціи въ Россіи прошли и что Москва совершенно спокойна, тотъ же посоль указываетъ, что со стороны Россіи было бы неблагоразумно сдѣлать рѣшительный шагъ, ибо это вызвало бы множество другихъ тяжелыхъ для Россіи вопросовъ: шведскій, польскій, русинскій, румынскій и персидскій; кромѣ того, по убѣженію германскаго посла въ Вѣнѣ, Франція совершенно не въ состояніи вести войну (№ 32). Вообще Германія, повидимому, не вѣрила въ возможность проявленія Россіей настойчивости въ исполненіи ея требованій; согласно впечатлѣнію дипломатовъ, представляется труднымъ заставить Германію повѣрить, что намѣренія Россіи серьезны (№ 80). Становясь фактически въ непримиримую позицію по отношенію къ Россіи, Германія въ своихъ заявленіяхъ державамъ, особенно Англійи, все время, однако, утверждала, что ею дѣлаются всевозможныя усилія въ пользу поддержанія европейскаго мира. Такъ, англійскій посоль въ Берлинѣ сообщаетъ Э. Гредю, что имперскій канцлеръ желаетъ, чтобы Англія вынесла убѣжденіе въ стремленіи Германіи изо всѣхъ силъ поддержать усилія Англійи въ интересахъ всеобщаго мира (№ 75). Если, однако, обратиться къ документамъ, то подобное утвержденіе теряетъ всякую обоснованность. Между прочимъ, въ Лондонѣ германскій посоль заявилъ, что Германія въ принципѣ принимаетъ

предложеніе Англии передать дѣло на обсужденіе четырехъ державъ (Германіи, Англии, Франціи и Италіи)(№ 46) и на выработку ими предложенія для предотвращенія опаснаго положенія; однако въ Берлинѣ германскій статсъ-секретарь высказалъ убѣжденіе, что такая конференція неосуществима (?) и что, въ виду желанія Россіи обмѣняться мнѣніями съ Австріей, предпочтительнѣе ждать результатовъ этихъ переговоровъ (№№ 43). Въ Берлинѣ статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ снова заявилъ представителямъ Франціи, Италіи и Англии, что, отвергая предложенную конференцію, Германія желаетъ работать съ этими государствами для сохраненія всеобщаго мира (№ 61 и № 71), но какимъ образомъ можно этого достигнуть, не было указано. Въ это же время союзница Германіи, Австрія, круто измѣнила свое поведеніе и несмотря на то, что Сербія пошла въ концѣ концовъ на новыя уступки (если Австрія дастъ объясненія державамъ, какимъ образомъ ея агенты будутъ выполнять функціи при сотрудничествѣ съ Сербіей въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія противъ Австріи и въ дѣлѣ судебного разслѣдованія заговора 15 іюня¹⁾, то Сербія могла бы еще принять всю австрійскую ноту) (№ 64), Австрія не сочла возможнымъ ждать и объявила 15-го іюля войну Сербіи (№ 66).

Несмотря на такой крутой поворотъ дѣла, Австрія и Германія все, таки нѣкоторое еще время продолжали (для выигрыша, по-видимому, времени) увѣрять державы, что переговоры о способѣ разрѣшенія конфликта могутъ продолжаться. Остальныя державы, все еще надѣясь, что Германія не хотѣла зажигать всеевропейскаго пожара, съ охотой пошли на открывшуюся возможность сдѣлать послѣднія попытки. Англія, между прочимъ, признавала, что, пока существуетъ надежда на непосредственный обмѣнъ мнѣній Австріи и Россіи, не слѣдуетъ терять надежду (№ 67). Подобный взглядъ о необходимости, несмотря на объявленіе войны Сербіи Австріей, найти мирный исходъ, опять на словахъ поддерживается Германіей, безъ принятія, однако, въ этомъ направленіи дѣйствительныхъ мѣръ; все ограничивалось ничего не значащими заявленіями. Высказывая мысль, что посредничество четырехъ державъ то возможно, то неприемлемо, Германія, согласно донесенію англійскаго посла въ Берлинѣ Э. Грею, полагала, что когда Австрія вступитъ въ Сербію, удовлетворивъ свой военный престижъ, четыре державы могли бы выступить съ предложеніями для предупрежденія тяжкихъ осложненій, при чемъ было высказано убѣжденіе, что подобный способъ рѣшенія иного рода вещь, чѣмъ предложенная Англійей конференція четырехъ державъ (№ 77). Почему иного рода вещь—непонятно. Подобная игра словъ затягивала дѣло и нужна была, конечно, только для выигрыша времени. Такъ какъ

¹⁾ Эти два пункта наиболѣе затрагивали суверенныя права Сербіи.

Россіей было неоднократно заявлено, что для Россіи безразлична форма, въ которой будутъ происходить переговоры державъ, съ условіемъ лишь смягчить рѣзкость ультиматума (№ 78), то при-
даваніе Германіей особаго значенія сторонѣ формальной, то есть
будетъ ли конференція четырехъ державъ, или эти державы инымъ
путемъ выработаютъ предложенія Австріи и Сербіи,—довольно
знаменательно и указываетъ на желаніе Германіи скорѣе усилить
напряженность положенія. Особенно ясно это поведеніе Германіи
изъ донесенія англійскаго посла въ Петроградѣ Э. Грею: герман-
скій посоль заявить въ Петроградѣ, что Германія продолжаетъ
дѣлать въ Вѣнѣ шаги въ интересахъ мира, однако русскій министръ
выразилъ боязнь, что германскій посоль не поможетъ смягченію
положенія, если онъ говоритъ со своимъ правительствомъ тѣмъ же
языкомъ, которымъ онъ говорилъ съ русскимъ министромъ, обви-
няя русское правительство, объявившее мобилизацію, въ угрозѣ
европейскому миру (№ 78). Подобная неясность или умышленная
искренность не могла наконецъ не сдѣлаться очевидной для дер-
жавъ. Между прочимъ англійскій посоль въ Римѣ прямо указы-
ваетъ на имѣющіяся противорѣчія въ различныхъ документахъ
между взглядами Германіи на посредничество державъ (№ 80).
Германія и Австрія, очевидно, распредѣлили заранѣе роли: сна-
чала Австрія круто повернула дѣло, а Германія дѣлала видъ,
что старается повліять на союзницу, но опасается будто бы дѣлать
это слишкомъ настойчиво, дабы не задѣтъ самолюбія Австріи;
впослѣдствіи роли мѣняются. При началѣ конфликта Австрія
даетъ понять Англій, что Австрія не согласится ни на какую форму
посредничества державъ между нею и Сербіею (№ 80), отклонивъ
также и обмѣнъ мнѣній австрійскаго посла съ русскимъ министромъ
иностранныхъ дѣлъ въ Петроградѣ относительно улаженія коң-
фликта (№ 84). Германія же продолжаетъ въ это время увѣрять
державы (особенно ту же Англій), что она старается посредничать
между Вѣной и Петроградомъ и надѣется на хорошій успѣхъ (?).
Со своей стороны Э. Грей предложилъ, чтобы Германія уже сама,
разъ предложеніе о конференціи, совѣщаніи или дискуссіи,
или даже переговоровъ à quatre въ Лондонѣ неприемлемо, пред-
ложила свой способъ посредничества, причемъ Э. Грей высказалъ
мысль, что посредничество можетъ быть осуществлено любимъ
способомъ, если только Германія захочетъ «нажать кнопку» въ ин-
тересахъ мира (№ 84). Вотъ именно нажать «кнопку» Германія-то
и не хотѣла, и скорѣе сама уже стала въ непримиримую позицію.

Послѣ того, какъ Германія уже достаточно (?), по ея мнѣнію,
выяснила передъ Англій свое искреннее (?) желаніе сохранить
европейскій миръ, она начинаетъ зондировать почву, какъ посту-
пить Англій, если Россія нападетъ на Австрію, а Германія должна
будетъ помочь Австріи, и если, такимъ образомъ, будетъ зажатъ

европейскій пожаръ. При этомъ, въ случаѣ нейтралитета Англiи, Германiя обѣщала не добиваться никакихъ территорiальныхъ прiобрѣтенiй за счетъ Францiи и не нарушать нейтралитета Голландiи, пока противники Германiи будутъ его уважать; кромѣ того, отъ образа дѣйствiй Францiи будетъ зависѣть, вынудятъ ли военныя дѣйствiя Германiи вступить въ Бельгiю. На вопросъ англiйскаго дипломата относительно французскихъ колонiй былъ данъ отвѣтъ, что относительно колонiй Германiя не можетъ дать ручательствъ (№ 85). Англiя, по обычаю, дала отвѣтъ, что не желаетъ себя ничѣмъ связывать, при чемъ было указано, что дружескiй обмѣнъ мнѣнiй между нѣмецкимъ и англiйскимъ представителями не долженъ вводить Германiю въ заблужденiе, что Англiя останется въ сторонѣ при развитiи конфликта, но что, наоборотъ, Англiя приметъ такое рѣшенiе, какого потребуютъ британскiе интересы, ибо вопросъ при расширенiи конфликта будетъ идти уже о гегемонiи въ Европѣ (№№ 87, 89 и 101). Въ частности, было указано, что для Англiи было бы позоромъ учинить торгъ съ Германiей за счетъ Францiи, и что единственный способъ поддержать добрыя отношенiя Англiи и Германiи—это продолжать совмѣстно дѣйствовать для сохраненiя мира Европы (№ 101); если же Германiя и Австрiя не примутъ во вниманiе уступчивости Россiи и Францiи, то Англiя тоже была бы вовлечена въ войну (№ 111).

Послѣ такихъ опредѣленныхъ заявленiй Англiя одновременно все еще продолжаетъ дѣлать послѣднiя попытки и усилiя въ пользу мирнаго разрѣшенiя конфликта. Хотя Э. Грей и выражаетъ сомнѣнiе въ томъ, чтобы Австрiю удовлетворило даже полное принятiе Сербiей австрiйскихъ требованiй, однако полагаетъ, что есть еще способъ добиться полнаго удовлетворенiя для Австрiи. Австрiи могло бы быть при настоящемъ обостренiи конфликта поставлено условiе, чтобы, согласившись на причиненiе нѣкотораго давленiя на Сербiю (не обращая ее отнюдь въ вассальное государство), не задѣвать достоинства Россiи. Германскiй посоль, со своей стороны, какъ и подобаешь, согласился съ Э. Греемъ и заявилъ, что должны быть найдены какiя-либо средства для сохраненiя мира Европы (№ 89), но о томъ, какiя же могли бы быть эти средства, конечно, умолчалъ. Въ Петербургѣ же, когда уже всякiя предложенiя Англiи и Россiи потерпѣли неудачу, германскiй посоль, подобно Пи-ѳи, сдѣлалъ за два дня до объявленiя войны Россiи очень туманное заявленiе о томъ, что если поступили бы такiя предложенiя, которыя открыли бы возможность принятiя ихъ обѣими сторонами, то Германiя, по его мнѣнiю, могла бы согласиться выступить въ качествѣ посредницы въ концертѣ съ тремя другими державами (№ 94). Къ несчастью, заявляетъ англiйскiй посоль въ Вѣнѣ, германскiй посоль самъ до того раздѣляетъ охватившiя Вѣну антирусскiя и антисербскiя чувства, что онъ не способенъ защи-

щать дѣло мира съ полнѣйшей искренностью (№ 95). Официально, однако, въ той же Вѣнѣ министр иностранныхъ дѣлъ изрекаетъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ продолжающихся переговоровъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ и австрійскаго посла въ Петроградѣ, хотя не сказалъ, что они могутъ продолжаться на базѣ сербскаго отвѣта (№ 96). Интересно было бы знать, о чемъ тогда, по мнѣнію Австріи, могли бесѣдовать въ Петербургѣ: о здоровьѣ Франца-Иосифа, что ли?

Наконецъ, въ виду запроса германскаго посла, русское правительство 17-го іюля сдѣлало послѣднюю уступку и сообщило германскому послу формулу, которая, въ видѣ возможной надежды на мирное разрѣшеніе конфликта, могла бы быть принята Россіей, именно: «Если Австрія, признавая, что ея конфликтъ съ Сербіей принялъ характеръ общеевропейскаго вопроса, заявить о готовности исключить изъ своего ультиматума пункты, нарушающіе принципъ суверенности Сербіи. Россія обязуется прекратить свои военныя приготовленія» (№ 97). Затѣмъ, ввиду возможности занятія Австріей Бѣлграда и части сербской территоріи, эта формула была нѣсколько видоизмѣнена еще въ сторону дальнѣйшей уступки (№№ 103 и 120). Какая судьба постигла это предложеніе, остается не выясненнымъ. Интересно лишь отмѣтить, что тогда какъ Германія отрицала возможность производить давленіе на Австрію, та же Германія наканунѣ объявленія войны Россіи запрашиваетъ Россію о намѣреніяхъ Россіи и дѣлаетъ видъ, что готова предложить посредничество между Россіей и Австріей. Англійскому же послу въ Берлинѣ статсъ-секретарь заявляетъ, что если бы Россія не предпринимала никакихъ шаговъ, которые могли бы быть истолкованы, какъ агрессивное выступленіе противъ Австріи (то есть мобилизація), то шансы на сохраненіе европейскаго мира имѣлись бы (№ 98). Если сопоставить указанное выше предложеніе Россіи о возможности прекращенія военныхъ приготовленій и дѣйствій съ этимъ послѣднимъ заявленіемъ, то, казалось бы, при желаніи Германія и Австріи вполне было бы возможно не доводить дѣло до войны. Если къ этому добавить, что Э. Грей предлагалъ Германіи, если миръ Европы будетъ сохраненъ, принять всѣ мѣры, дабы гарантировать, что ни по отношенію къ Германіи, ни къ ея союзникамъ Франція, Россія и Англія ни совмѣстно, ни въ отдѣльности не будутъ преслѣдовать агрессивной или враждебной политики (№ 101), то станетъ ясно, что было сдѣлано все возможное для того, чтобы убѣдить Германію и Австрію въ отсутствіи у Россіи и Франціи желанія начать войну или искать для нея предлога. Все, однако, было напрасно. При этомъ лицемѣрно заявляется, что германскій канцлеръ, согласно желанію Англіи, «нажималъ кнопку», однако онъ не увѣренъ, не пошелъ ли онъ въ побужденіи къ умѣренности въ Вѣнѣ такъ далеко, что дѣло можетъ окончиться скорѣе, нежели

въ противномъ случаѣ (№ 107). Желанія достигъ успѣха, очевидно, вовсе и не было, и Германія и Австрія открываютъ, наконецъ, свои карты, становясь въ непримиримую позу и заявляя 18 (31) іюля (наканунѣ объявленія войны Россіи), что фактъ русскои мобилизаціи сдѣлалъ серьезное препятствіе дѣлу мира и умѣренности въ Вѣнѣ, а въ Берлинѣ вызвалъ необходимость сдѣлать серьезный шагъ (№ 108). Очевидно, время, нужное Германіи и Австріи, уже выиграно. Все идетъ на смарку. Дальнѣйшія сношенія державъ теряютъ послѣ подобнаго предложенія окончательно всякій практической смыслъ и если продолжаются, то только въ силу того, что еще не былъ сдѣланъ Германіей послѣдній шагъ въ видѣ объявленія войны. До этого послѣдняго акта Э. Грей еще 18-го іюля, наканунѣ объявленія Германіей войны Россіи, надѣялся, что переговоры Австріи и Россіи могутъ повести къ удовлетворительному результату (№ 111). Того же 18-го іюля Э. Грей въ другомъ сношеніи, почти уже отчаявшись въ возможности мирнаго исхода, сказалъ германскому послу, что, если бы Германія могла выдвинуть какое-либо разумное предложеніе, которое сдѣлало бы очевиднымъ желаніе Германіи и Австріи сохранить миръ, причемъ Россія и Франція не имѣли бы основаній отклонять его, Англія пошла бы на то, чтобы объявить (если Россія и Франція не приняли бы предложенія) о сложеніи Англіи всякой отвѣтственности за послѣдствія.

Относительно поведенія Англіи въ разыгравшемся конфликтѣ Австріи съ Сербіей интересно отмѣтить, что ни изъ какихъ заявленій англійскихъ дипломатовъ нельзя было вывести заключенія, будто Англія ни при какихъ обстоятельствахъ не вмѣшается въ конфликтъ. Германія, въ этомъ отношеніи, переоцѣнила въ свою пользу очень осторожныя, какъ свойственно англичанамъ, заявленія и дѣйствія Англіи. Прежде всего, Англія приказала первой эскадрѣ (Портландъ) не выступать на маневры, оговорившись, однако, при этомъ, что это обстоятельство является необходимой мѣрой предосторожности и не должно быть разсматриваемо, какъ обѣщаніе поддержки какой-либо изъ сторонъ (№ 47). Затѣмъ Англія опредѣленно заявила, что, пока Германія будетъ работать для сохранения мира, Англія будетъ итти рука объ руку съ ней (№ 46). Въ разговорѣ съ австрійскимъ посланникомъ Э. Грей высказалъ, что когда, вопреки ожиданіямъ, сербскій отвѣтъ не вызвалъ ослабленія напряженія, положеніе дѣлается очень серьезнымъ и что Англія приняла соотвѣтственныя мѣры предусмотрительности, отнюдь не въ видѣ угрозы, оставивъ у береговъ Англіи флотъ, готовившійся къ отплытію (№ 48). Въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ англійскіе дипломаты неизмѣнно указывали, что не хотая связывать себя никакими обѣщаніями, оставляя за собой свободу дѣйствій съ соблюденіемъ британскихъ интересовъ, хотя отмѣчали, что при

расширеніи конфликта Англія не можетъ оставаться простой зрительницей, а неизбежно будетъ вовлечена въ конфликтъ.

Повидимому, отсутствіе увѣренности въ томъ, вмѣшается ли Англія, или нѣтъ, было поощрительнымъ элементомъ въ Берлинѣ (№ 119), хотя для такого оптимизма у Германіи, какъ видно изъ предыдущаго, не было никакого основанія. Почему осторожныя, но очень многозначительныя заявленія англійскихъ дипломатовъ Германія приняла за обѣщаніе оставаться нейтральной, совершенно непонятно. Отчасти, пожалуй, въ этомъ дѣлѣ сыграли роль необычайное самоувѣреніе Германіи, переоцѣнка своихъ силъ и силъ Австріи и вообще недостаточно глубокое изученіе соотношеній европейскихъ державъ, въ связи, можетъ быть, съ неправильной освѣдомленностью Германіи черезъ своихъ дипломатовъ при иностранныхъ государствахъ, которые, будучи заражены, вообще какъ и всѣ тевтоны, чрезмѣрнымъ самоувѣреніемъ, просмотрѣли то, что не согласовалось съ ихъ стремленіями и видами.

Послѣ объявленія ультиматума Россіи Англія задала вопросъ Германіи, почему Германія, сочувственно отнесясь къ попыткѣ Англіи, при условіи остановки движенія Австріи въ Сербіи, остановитъ военныя приготовленія Франціи и Россіи, затруднила осуществленіе этой попытки предъявленіемъ Россіи ультиматума. Объясненіе, далеко не ясное, было дано Германіей въ такомъ видѣ: Германія послала ультиматумъ, чтобы воспрепятствовать Россіи заявить, что вся ея мобилизація направлена исключительно противъ Австріи; если отвѣтъ Россіи на ультиматумъ будетъ удовлетворителенъ, то тогда предложеніе Англіи могло бы заслужить благосклонное вниманіе (№ 121).

Вообще изъ сношеній 18-го и 19-го іюля видно, что Германія торопилась сдѣлать невозможнымъ мирное разрѣшеніе вопроса въ то время, когда у державъ была еще маленькая надежда на веденіе переговоровъ между Россіей и Австріей (№№ 126, 131, 132, 133 и 135). Готовность въ это время Австріи вести переговоры съ Россіей, конечно, не имѣла уже практическаго значенія и имѣла цѣлью придать австрійскому поведенію подъ конецъ видъ полной уступчивости и готовности итти на мирное разрѣшеніе вопроса (№ 133). Такимъ образомъ, какъ уже отмѣчено выше, положеніе получилось обратное прежнему: въ началѣ Австрія приняла непримиримую позицію, а Германія будто бы ее удерживала, а подъ конецъ—Германія послала ультиматумъ Россіи, а Австрія готова итти на переговоры. Послѣ того, какъ положеніе стало, такимъ образомъ, особенно остро, Англія выставила передъ Франціей и Германіей вопросъ объ уваженіи нейтралитета Бельгіи.

Англійскій посолъ въ Берлинѣ сообщилъ Э. Грею, что статсъ-секретарь сомнѣвается, дастъ ли Германія вообще какой-либо

отвѣтъ, ибо это до извѣстныхъ предѣловъ обнаружило бы планы кампаніи (№ 122).

Франція же согласилась уважать нейтралитетъ Бельгіи, и только, если нейтралитетъ будетъ нарушенъ другою державою, Франція можетъ поступить иначе (№ 125).

Въ заключеніе интересно прослѣдить ходъ переговоровъ державъ съ Австріей по поводу уваженія цѣлостности и независимости Сербіи.

По поводу этихъ требованій державъ и въ частности Россіи слѣдуетъ констатировать, что дѣло умышленно запутывалось Австріей и Германіей. Германія черезъ посла въ Парижѣ заявляетъ, что Австрія будетъ уважать территоріальную цѣлость Сербіи, но на вопросъ англійскаго посла въ Парижѣ, будетъ ли Австрія уважать ея независимость, не дается никакихъ завѣреній (№ 59). Эта недомолвка вводитъ въ заблужденіе отдѣльныхъ дипломатовъ, и, повидимому, на этой игрѣ словъ хитроумные австрійцы строятъ планъ отдѣлываться обѣщаніями, которыя впослѣдствіи могли бы быть истолкованы инымъ способомъ. Такъ, изъ сношенія англійскаго посла въ Петроградѣ съ Э. Греемъ видно, что намѣреніе Австріи понимается въ смыслѣ уваженія цѣлостности и независимости (№ 72). Въ другихъ документахъ имѣютъ мѣсто аналогичныя недомолвки, причемъ Австрія упорно указываетъ на отсутствіе у нея видовъ на территоріальныя пріобрѣтенія (№ 75). Что подобныя недомолвки не случайны, явствуетъ изъ мнѣнія итальянскаго посла въ Вѣнѣ, который высказалъ, что Австро-Венгрія откажется отъ обязательства не уничтожать независимости Сербіи и не присваивать ея территорію (№ 79); а въ донесеніи англійскаго посла въ Константинополѣ Э. Грею дѣлается заключеніе, что намѣренія Австріи простираются дальше Санджака и касаются даже Салоникъ (№ 82). Относительно необходимости уважать суверенныя права Сербіи, какъ того требовали державы, Австрія, такимъ образомъ, нѣкоторое время давала уклончивые отвѣты. Лишь когда Германія стала въ непримиримую позицію по отношенію къ Россіи, предъявивъ ультиматумъ о демобилизаціи и сдѣлавъ войну неизбѣжной, Австрія точно по волшебству дѣлается уступчивой и вполне опредѣленной: оказывается, у нея не было никакихъ намѣреній нанести ущербъ сувереннымъ правамъ Сербіи или добиться территоріальныхъ пріобрѣтеній; свѣдѣнія о намѣреніи занять Санджакъ ложны; Австрія отнюдь не захлопнула двери передъ дальнѣйшими переговорами; при этомъ Австрія особо обратила вниманіе Англій на то, что переговоры въ Петроградѣ не были прерваны Австріей (№ 137). Какую цѣну могли имѣть эти запоздалыя заявленія, ясно изъ вышеизложеннаго.

Несмотря на то, что Германія хотѣла войны и лишь затягивала дѣло изъ собственныхъ выгодъ, Германія, а также и Австрія все

время стремятся свалить вину всевропейской войны на Россію, а другія державы упрекать въ поощреніи непримиримой позиціи, будто бы занятой Россіей. Какъ видно, однако, изъ предыдущаго, Россія шла на всякіе способы для мирнаго разрѣшенія конфликта, давала совѣты умѣренности и уступчивости въ Сербіи, заявляла державамъ объ отсутствіи у Россіи агрессивныхъ замысловъ, давала обѣщанія въ случаѣ малѣйшей возможности найти мирный путь, дабы уладить конфликтъ, не предпринимать никакихъ шаговъ военнаго характера и вообще прилагала, въ согласіи со многими державами, неимоверныя усилія, дабы не осложнять вопроса. Но все было напрасно. Австрія и Германія сочли возможнымъ обвинять Россію въ принятіи вызывающей позиціи, а державы—въ поощреніи этой позиціи. Имперскій канцлеръ въ Берлинѣ заявляетъ, что, если вспыхнетъ война, то за это будетъ всецѣло отвѣтственна Россія, причѣмъ это заявленіе дѣлается 15-го іюля, т. е. еще въ то время, когда Россія и державы лишь предложили дать время для ознакомленія съ австрійской нотой Сербіи и для обсужденія возможнаго выхода мирнымъ путемъ изъ конфликта. Англійскій посолъ, не имѣя основаній взваливать вину на Россію, осторожно высказываетъ, что нѣкоторая доля отвѣтственности падаетъ и на Австрію (№ 71). Отвѣтственность за крушеніе мирнаго способа разрѣшенія возлагается Германіей также и на Англію. Такъ, статсъ-секретарь въ Берлинѣ бросаетъ, какъ бы мимоходомъ, подозрѣніе на Англію, не ускорило ли-де объявленіе Австріей Сербіи войны мнѣніе Англии о возможности воспользоваться сербскимъ отвѣтомъ, какъ базисомъ для дискуссіи (№ 76). Вотъ, поистинѣ, сваливаніе съ больной головы на здоровую. На самомъ же дѣлѣ согласно заявленію англійскаго посла въ Берлинѣ, еще 16-го іюля, несмотря на отрицаніе со стороны статсъ-секретаря, Германія на самомъ дѣлѣ начала мобилизацію (№ 76). Отвѣтственность же сваливается на Россію, такъ какъ, несмотря на то, что Германіей будто бы были приняты мѣры для продолженія Австріей переговоровъ, русская мобилизація, по заявленію Германіи, испортила все (№ 121). Но Англію трудно было провести такими грубыми приѣмами. Особенно характерно въ этомъ отношеніи убѣжденіе англійскаго посла въ Парижѣ, что Франція и Россія, несмотря на мобилизацію, готовы были обсуждать мирные способы разрѣшенія конфликта (№№ 134 и 136), не прибѣгая къ военнымъ дѣйствіямъ. На очень логичныя заявленія Англии о томъ, что, въ виду готовности въ послѣднюю минуту Австріи войти въ переговоры съ Россіей Германіи, если только она искренно желаетъ мирнаго разрѣшенія, не слѣдуетъ ускорять событій, Германія просто заявила, что она объясняетъ отказъ Россіи демобилизовать, какъ объявленіе состоянія войны (№ 138). Въ смыслѣ занятія выжидательнаго положенія (т. е. чтобы Германія, Россія и Франція удержали свои

мобилизованная армія на своихъ территорияхъ) Англійей дѣлается послѣдняя отчаянная попытка для мирнаго разрѣшенія кризиса (№ 139). Это послѣднее донесеніе англійскаго посла въ Петроградѣ Э. Грея особенно интересно, какъ характеризующее, устами англійскаго дипломата, всѣ усилія Россіи и ея уступчивость въ пользу мирнаго рѣшенія конфликта. Обмануть Англію въ томъ, кто истинный виновникъ всеевропейской войны, такъ и не удалось двумъ вѣнценоснымъ Тартюфамъ.

Въ заключеніе для того, чтобы разсѣять окончательно сомнѣнія относительно того, кто именно желалъ довести дѣло до войны, можно привести слова Э. Грея, сказанныя въ палатѣ общинъ 21-го іюля (3-го августа). «Мы дѣйствовали въ пользу мира до самаго послѣдняго момента и дальше послѣдняго момента. Какъ тяжело, какъ упорно и ревностно мы боролись за миръ на прошлой недѣлѣ, палата увидитъ изъ тѣхъ документовъ, которые ей будутъ представлены (Бѣлая книга). Но все это оказалось тщетнымъ, насколько дѣло касается мира Европы». Эти слова лучше всего могутъ убѣдить, что лишь Германія и Австрія не захотѣли спасти Европу отъ ужасовъ всеевропейской войны.

Ан. Кр -- й.

АЛЕКСѢЙ СЕРГѢВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

(Изъ воспоминаній).

ВШЕ УМЕРЪ 4-го января одинъ замѣчательный человѣкъ, писатель и администраторъ!

Эта ужасная, небывалая еще по своимъ размѣрамъ война уноситъ все новыя и новыя жертвы и на фронтѣ, и въ тылу. Современному человѣку приходится переносить ежедневно такія потрясенія, такіе удары, нарушающіе нормальное теченіе жизни, ежечасно сталкиваться съ такими абсурдами обыденной жизни, что люди чувствительной восприимчивости, люди не только разсудка, но и сердца съ трудомъ выдерживаютъ этотъ натискъ современной жизненной пѣны и мути и нерѣдко погибаютъ подъ давленіемъ осколковъ этого «всемирнаго землетрясенія», производимаго войною. Всѣ законы жизни нарушены, всѣ права поколеблены, всюду произошли такіе сдвиги, которые требуютъ совершенно цѣлой, не изломанной и не надорванной жизнью и работой натуры, чтобы выдержать это всеобщее нарушеніе всѣхъ человѣческихъ устоевъ. Это мировое потрясеніе уноситъ дорогія жизни всѣхъ странъ и народовъ, такія жизни, какъ Джека Лондона и другихъ «творцовъ человѣчества»...

Конечно, было бы неумѣстнымъ преувеличеніемъ причислять, надъ свѣжей могилой, почившаго къ «творцамъ современнаго человѣчества»... Алексѣй Сергѣевичъ по своей жизни и дѣятельности извѣстенъ болѣе какъ администраторъ и какъ писатель въ сферѣ агрономическихъ наукъ. Но у него всегда замѣчалась склонность и любовь къ поэзій и къ чистой литературѣ, и эта область была за-

повѣднымъ уголкою его души, которую онъ открывалъ только для избранныхъ, тонко понимающихъ «суть жизни»... По своему положенію министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ (съ того момента, когда я лично познакомился съ его дѣятельностью и съ нимъ) онъ долженъ былъ считаться съ «футляромъ», его окружавшимъ, и не могъ не быть «обстановочной особой»... Но по неумолимымъ чертамъ разговора и по простотѣ обращенія видно было, что онъ тяготился этой обстановкой... Обстановка русскаго министра, по существу своему весьма сложная, имѣетъ тенденцію недоступности, создаваемой его окружающими лицами, ревниво оберегающими этотъ заколдованный кругъ, создаваемый вокругъ него. Русскій министръ въ прежнія времена жилъ какъ бы въ нѣкоемъ очарованномъ замкѣ наподобіе дворца далай-ламы, и каждый его шагъ, движеніе и слово обставлялись таинственностью и размѣренной помпезностью... Не даромъ же покойный А. Н. Островскій называлъ своего брата (теперь уже тоже покойнаго) «цыцъ-секретаремъ» (вмѣсто статсъ-секретаря). Это цыканіе на слишкомъ неосторожно подходившихъ къ святилищу министра было традиціоннымъ и особенно поддерживалось его приближенными. Какъ могъ поэтъ по душѣ и человѣкъ, проникнутый любовью къ «малымъ симъ», чувствовать себя среди такихъ традицій, которыя налагали и на него нѣкоторую обязанность тоже «цыкать» и не «допускать до себя» маленькихъ людей, понять легко!

Алексѣй Сергѣевичъ старался всѣми зависѣвшими отъ него средствами разбить эти китайскія стѣны, созданныя извѣчной традиціонной министерской обстановкой. Оставляя въ сторонѣ сухіе доклады, онъ любилъ поговорить по-человѣчески и «по душѣ» съ маленькими людьми, которые, видя его внутреннюю доступность и желаніе итти къ нимъ навстрѣчу во что бы то ни стало, открывали ему свои сердца, высказывали ему свои «маленькія» заботы и невзгоды. И въ томъ случаѣ даже, если бы онъ не могъ оказать фактической помощи, уходили отъ него нравственно облегченными.

— Поговоришь съ министромъ (чаще его называли просто Алексѣемъ Сергѣевичемъ) и легче станеть! — говаривали такіе поѣтители.

«Легче станеть»—это великое чувство въ современной жизни, почти теперь недосыгаемое... Многіе ли изъ современныхъ администраторовъ могутъ похвастаться этимъ талантомъ «облегчать» жизнь «маленькихъ людей»? Не является ли у нихъ сознаніе скорѣе, что они ежечасно и ежеминутно «огорчаютъ жизнь», особенно когда постъ министра сталъ такимъ шаткимъ и составляющимъ для многихъ мимолетную станцію?

Алексѣй Сергѣевичъ правилъ министерствомъ земледѣлія въ спокойное время глубокаго мира, когда расцвѣтали всевозможныя

надежды на развитіе культурныхъ и экономическихъ силъ страны и на преуспѣяніе и обновленіе дѣйствующихъ учреждений. Тогда подъ твердой рукой державнаго миротворца и финансы были прочны, и политика внѣшняя заставляла трепетать даже се *gamin Guillaume*, а жизнь такъ совсѣмъ была дешевая. Если сравнить ее съ нынѣшней, когда цѣны на продукты удесятились и деньги съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обезцѣниваются, то прошлое время жизни кажется теперь «счастливой Аркадіей», когда существовали люди на гроши и питались лучше, чѣмъ теперь, тратя тысячи... Были, конечно, свои бури, когда ссорился столоначальникъ Ивановъ со своимъ помощникомъ Бирюлькинымъ изъ-за какой-нибудь лишней запятой въ докладѣ или будировалъ противъ начальства за то, что былъ случайно «обойденъ», не получивъ лишняго крестика къ Пасхѣ, но это были бури въ стаканѣ воды. Въ общемъ жизнь текла тихо и мирно, наподобіе многоводной тихоструйной и лѣнливой рѣки съ задумчивыми покрытыми раковой берегами, не особенно живописными, сѣренькими, но спокойными, гдѣ, на солнцѣ грѣясь, лежали люди въ сонной истомѣ, не думая о завтрашнемъ днѣ, въ то время, какъ въ заводахъ и у береговъ перемывалось старое бѣлье, чинились по мѣсяцамъ дырявыя лодки и дымились грузившіеся пароходы, не спѣшившіе къ отплытію...

Государственной Думы (этого весьма безпокойнаго и опаснаго для министровъ учрежденія) не было тогда. Не было тогда тѣхъ тысячъ всевозможныхъ комиссій, когда русскому министру надо имѣть десять паръ рукъ и ногъ, не говоря уже о головѣ, чтобы поспѣть повсюду и вездѣ и имѣть только $\frac{1}{2}$ часа для обѣда и $\frac{1}{4}$ часа для завтрака. Никто никуда не торопился и некуда было совершенно спѣшить. Были свободные и положенные часы для приливовъ и отливовъ...

Самое министерство государственныхъ имуществъ (которое при немъ было переименовано въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ) представляло собой тихую заводъ съ законченными и установившимися формами и уставами. Предшественникомъ его (не считая временныхъ замѣстителей) былъ М. Н. Островскій, человекъ неуклонной честности, но сухой администраторъ съ прямолинейной политикой неуклоннаго исполненія установленныхъ служебныхъ формъ и «футляра». Передъ нимъ, какъ осиновые листы, трепетали директоры департаментовъ, а низшіе служащіе даже почти и не видали его никогда за весьма рѣдкими исключеніями. Простота приемовъ и обращенія Алексѣя Сергѣевича, смѣнившаго стараго министра, на первыхъ же порахъ поразила и удивила ближайшихъ его подчиненныхъ, привыкшихъ къ чопорности и замкнутой таинственности. А когда онъ назначилъ, помимо положенныхъ вѣками ежедневныхъ приемовъ, еще каждодневные утренніе для всѣхъ желающихъ его видѣть по особо важнымъ и спѣш-

«истор. вѣстн.», мартъ 1917 г., т. сxlvii.

12

нымъ дѣламъ, то «старички» и департаментскіе «звѣздоносцы» даже забеспокоились.

— Что это за министр, который разговариваетъ со всякой мелюзгой?— говорили они.

«Мелюзга» дѣйствительно атаковала Алексѣя Сергѣевича, который былъ призванъ для обновленія и освѣженія вѣдомства, для его реформы, для снятія съ него плѣсени, и внимательно прислушивался къ «малымъ», особенно если такой «малый» прїѣзжалъ съ мѣста и привозилъ результаты своихъ опытовъ и наблюденій. Особеннымъ же вниманіемъ его пользовались сельскіе хозяева, такъ какъ онъ самъ былъ таковымъ и, кромѣ того, написалъ къ этому времени весьма солидный трудъ «Организація полевого хозяйства». «Старички» департаментовъ бросились покупать эту толстую книгу въ магазинахъ и напрягали при чтеніи ея свои мозги, совершенно не приспособленные къ этому, имѣя дѣло лишь съ отношеніями за №№ Х0001, далекими отъ дѣйствительной жизни и страны и мало общаго имѣющими съ ся сельско-хозяйственнымъ развитіемъ.

— А вдругъ да онъ насъ всѣхъ прогонитъ, какіе мы сельскіе хозяева, мы и деревни-то не видали какъ слѣдуетъ!— говорили въ ужасѣ и шопотомъ они.

Ихъ опасенія не оправдались. Алексѣй Сергѣевичъ былъ очень гуманенъ и чрезвычайно остороженъ съ увольненіями, хотя и не говорилъ знаменитой фразы М. Н. Островскаго: «У меня чиновники служатъ до самой смерти». И дѣйствительно, тогда справлялись не только пятидесятилѣтніе юбилеи, но и семидесятилѣтніе (напримѣръ, т. с. Левдикова).

Надо было совершить какую-нибудь уголовщину, въ родѣ поддѣлки ассигновки чиновникомъ или убійства, или грандіозной взятки, чтобы чиновникъ былъ уволенъ изъ вѣдомства и то еще по рѣшенію суда.

По своей мягкости Алексѣй Сергѣевичъ не склоненъ былъ къ крайнимъ мѣрамъ по отношенію къ своимъ многочисленнымъ подчиненнымъ, прибѣгая къ этому лишь въ силу крайней необходимости, но тѣмъ не менѣе, какъ это бываетъ у людей съ мягкимъ характеромъ, у него бывали вспышки гнѣва и не только по отношенію къ низшимъ чинамъ, но и къ высшимъ. Приведу одинъ случай, о которомъ много говорили тогда.

Алексѣй Сергѣевичъ, какъ уже выше было сказано, назначенъ былъ не только для освѣженія вѣдомства, но и для реформъ... Кромѣ сельско-хозяйственной части, которая всего ближе лежала его сердцу, реформировать ему пришлось и лѣсной департаментъ, лѣсныя чины ранѣе, можно сказать, получали мизерные оклады, особенно лѣсная стража, что давало поводъ къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ и не давало возможности найти способныхъ и добро-

совѣстныхъ людей. Для проведенія новыхъ началъ онъ пригласилъ на должность директора департамента Никитина, бывшаго ранѣе земскимъ дѣятелемъ, человѣка съ широкими взглядами и рѣшительнаго. Пришлось разстаться съ прежнимъ директоромъ Писаревымъ, ушедшимъ въ совѣтъ, котораго сильно поддерживалъ товарищъ министра На—нъ. Эта перемѣна вызвала сильное неудовольствіе со стороны послѣдняго. Къ этому времени подошелъ столѣтній юбилей лѣснаго департамента.

Я хорошо помню этотъ день и самъ былъ въ числѣ участниковъ большого обѣда у стараго Донона, обставленнаго съ былой уютной роскошью, о которой не имѣютъ представленія нынѣшніе «трезвенники-лицемѣры», которые подъ видомъ квасу, крадучись, изъ-подъ полы, безъ всякаго толка и не считая денегъ, по истинѣ безумныхъ, выпиваютъ тѣмъ не менѣе огромное количество разныхъ винъ, давая несуразный доходъ рестораторамъ и полиціи...

Тогда среди насъ, молодыхъ и «малыхъ», Алексѣй Сергѣевичъ былъ старшимъ милымъ товарищемъ и своей любезностью всѣхъ соединилъ, при чемъ этотъ обѣдъ, благодаря тостамъ и «дружеской бесѣдѣ, «затянулся далеко за полночь»... Тѣ рѣчи, которыя онъ говорилъ (а говорить онъ былъ большой мастеръ), вдохновляя другихъ на отвѣты, никогда не изгладятся изъ памяти ихъ слушавшихъ, часть которыхъ уже отправилась туда, куда мы всѣ отправимся въ свое время. Вотъ уже прошло 19 слишкомъ лѣтъ съ того знаменательнаго дня, но эта картина дружеской бесѣды съ бокалами въ рукахъ, нисколько не мѣшавшими полету самыхъ смѣлыхъ и восторженныхъ мыслей, рисуется такъ живо, какъ будто бы это было вчера. Онъ всѣхъ насъ увлекъ, мы забыли, что среди насъ находится министръ, передъ которымъ мы должны трепетать по традиціи, мы смотрѣли ему въ глаза, которые загорались огнемъ мысли, и впитывали въ себя каждое его слово... Сколько онъ открывалъ передъ нами радужныхъ перспективъ будущаго благосостоянія Россіи, которую онъ искренно любилъ, но не одностороннею любовью по Домострою и отжившимъ формамъ, но любовью европейца, выдавашаго на своемъ вѣку жизнь странъ другихъ, болѣе цивилизованныхъ и далеко ушедшихъ по пути прогресса и развитія природныхъ богатствъ. Его хозяйственныя намѣренія и мысли получали стройную форму общаго усовершенствованія государственнаго режима, и онъ не признавалъ развитія экономическаго безъ связи съ общей постановкой широкаго государственнаго управленія, основаннаго на единеніи съ земскими силами, которыя, по его мнѣнію, должны быть призваны для участія въ общемъ направленіи. Въ его рѣчахъ проскальзывали мысли, имѣвшія цѣлью указать несостоятельность той страны, въ которой сельское хозяйство находится въ загонѣ и въ которой всѣ кредиты обращаются на что угодно, но только не на хозяйственныя усовершенствованія.

нія. Для него это было большим мѣстомъ, ибо въ этотъ моментъ онъ постоянно сражался въ Государственномъ Совѣтѣ съ министромъ финансовъ (тогда былъ Витте), который всячески урѣзывалъ всѣ его проекты. Въ его рѣчахъ, полныхъ надеждъ, сквозила горечь сознанія своего безсилія въ распоряженіи государственными средствами. И дѣйствительно, что такое представляло изъ себя тогда «навозное» министерство (какъ о немъ презрительно отзывались въ сферахъ) сравнительно съ другими министерствами, поглощающими огромныя суммы, перечислять каковыя нечего, ибо всякій ихъ знаетъ...

Всѣ мы тогда летѣли куда-то въ неизвѣданную даль въ предчувствіи какой-то новой эры для Россіи, новой переоцѣнки цѣнностей, понимая и смутно сознавая, что «тихая заводь» не можетъ долго оставаться въ одномъ положеніи, мы чего-то ждали совершенно новаго и свѣтлаго и съ такой неопредѣленной надеждой устремляли взоры на него, нашего «министра-товарища»... Мы забыли о времени и пространствѣ... прошла ночь, сквозь тяжелыя шторы обширнаго кабинета-залы пробивались первые лучи утренней зари, свѣтъ лампъ блѣднѣлъ, мѣшаясь съ первыми свѣтовыми предвѣстниками утра. Тогда Алексѣй Сергѣевичъ спохватился, обращаясь къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ за столикомъ В. И. Ковалевскому:

— Охъ, какъ мы засидѣлись. Какъ ни пріятно, но пора домой, домой...

— Нѣтъ самой лучшей компаніи, которая бы не разошлась,— отвѣтилъ тотъ, и всѣ начали собираться. Мы всѣ рѣшили, съ его позволенія, проводить его на дачу, которая была (какъ и теперь) на Аптекарскомъ островѣ. Вышли на подъѣздъ, и насъ охватила свѣжесть весенняго утра, солнце еще не показывалось, но его отблески играли огнями на стеклахъ оконъ противоположныхъ домовъ. Извозчики, которые тогда всегда были къ услугамъ ресторанныхъ гостей, атаковали насъ, и вотъ на Аптекарскій островъ потянулся цѣлый поѣздъ за тѣмъ Ванькой, на дрожкахъ котораго совершенно просто усѣлся Алексѣй Сергѣевичъ, по соннымъ и пустымъ улицамъ пробуждающагося города. У его дачи въ моментъ прощанья мы по молодости и неводержанности крикнули «ура!»

— Господа, тише,—сказалъ намъ Алексѣй Сергѣевичъ, вы разбудите моего сосѣда, Ивана Логгиновича!

Тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ И. Л. Горемыкинъ, дача котораго была по сосѣдству съ дачей министра земледѣлія.

Но что могло остановить тогда наши восторги! Мы крикнули еще громче, онъ намъ погрозилъ пальцемъ и исчезъ въ подъѣздѣ.

Я сейчасъ рассказалъ казовую сторону этого дня и ночи, но возвращусь къ самому обѣду, за которымъ произошелъ инцидентъ, пролившій ложку дегтя въ бочку меда.

Хозяиномъ самаго обѣда ex officio былъ новый директоръ лѣсного департамента Никитинъ, который въ серединѣ обѣда съ бокаломъ въ рукѣ привѣтствовалъ министра, какъ дорогого гостя, на что Алексѣй Сергѣевичъ отвѣтилъ рѣчью, въ которой онъ выставилъ заслуги и качества Никитина, который успѣлъ проявить свою энергію. Товарищъ министра Нар—нъ поднялся весь красный, съ возбужденнымъ лицомъ и сказалъ весьма колкое слово по адресу новаго директора, указывая, что если что и сдѣлано полезнаго въ районѣ лѣсовъ, то это всецѣло принадлежитъ трудамъ прежняго директора Писарева, а не новаго, который еще ничѣмъ не проявилъ себя и сдѣлалъ косвенную ссылку по адресу министра, склоннаго увлекаться «новыми силами», а затѣмъ предложилъ тостъ за Писарева. Конечно, послѣ такой, можно сказать, скандальной рѣчи, идущей совершенно въ разрѣзъ общему настроенію, никто не поддержалъ этого тоста, а, напротивъ, среди присутствовавшихъ раздался гулъ явнаго неодобренія, а присутствовало болѣе ста человѣкъ за длиннымъ столомъ Стараго Донона.

Нар—нъ опять всталъ и громко произнесъ уже внѣ себя: «По моему адресу и по поводу моего тоста раздалось змѣиное шипѣніе среди присутствующихъ, но я ухожу въ полномъ сознаніи, что я правъ!» И съ этими словами онъ оставилъ залу... Тутъ ужъ я не помню, что произошло. Знаю только, что всѣ окружающіе и ближе сидящіе къ министру почувствовали себя такъ неловко, что готовы были провалиться сквозь землю. Я видѣлъ со своего мѣста, что Алексѣй Сергѣевичъ сидѣлъ съ опущенной головой надъ своимъ приборомъ, онъ нервно что-то чертилъ вилкой по тарелкѣ. Когда онъ поднялъ голову, его выраженіе лица было крайне грустное, видно было, что онъ много неприятныхъ ощущеній пережилъ въ этотъ моментъ. Да и всѣмъ намъ тогда было очень неловко, но, какъ я уже сказалъ, Алексѣй Сергѣевичъ своимъ дружескимъ отношеніемъ къ присутствовавшимъ и его чисто товарищеской бесѣдой совершенно загладилъ неприятное впечатлѣніе этого печальнаго инцидента. Послѣ всего происшедшаго, разумѣется, между Нар—мъ и Алексѣемъ Сергѣевичемъ не могло быть хорошихъ отношеній, и ему пришлось много терпѣть, пока тотъ послѣ одного весьма крупнаго пререканія не ушелъ въ Сенатъ.

Вспоминая пережитые моменты этой «дружеской бесѣды», я не могу не привести одного еще пока не изданнаго стихотворенія Алексѣя Сергѣевича, которое ярко выражаетъ его настроеніе и угнетавшія его мысли:

Когда бывало жизнь меня томилъ
И свѣта я не видѣлъ впереди,
Лишь объ одномъ душа моя молила,
Одно желаніе тѣспилося въ груди,—

Чтобы скорѣй въ преданіе былого
 Ушелъ меня измучившій вопросъ,
 Чтобъ на страницахъ бытія живого
 Онъ поскорѣй быльемъ заросъ,
 Какъ зарастаютъ свѣжія могилы
 Травой зеленою весѣнною порой,
 Скрывая старія угаснувшія силы
 И улыбаясь жизни молодой.

Этотъ «вопросъ» томилъ и томить всѣхъ лучшихъ сыновъ Россіи, отъ мала до велика, къ которымъ принадлежалъ онъ своею чуткой душой... Онъ ушелъ въ вѣчность, не дождавшись окончательнаго его разрѣшенія...

Теперь расскажу про domo sua, по какому поводу завязались мои личныя отношенія съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ и чѣмъ я навлекъ его гнѣвъ на себя.

Это было въ 1903 году. Я пріѣхалъ въ тогдашній Петербургъ изъ сибирской тайги, которую я исколесилъ съ медвѣдями и лосями въ качествѣ одного изъ «колонизаторовъ» ея по заготовленію въ ней переселенческихъ участковъ. Я былъ вдохновленъ этой таинственной величественной тайгой, проникся ея тайнами, излилъ свои восторги и многочисленныя впечатлѣнія въ очеркъ «Тайга и ея обитатели», напечатанной въ томъ же году въ «Вѣстникѣ Европы». Но, кромѣ восторговъ и художественныхъ картинъ ея жизни, я вынесъ изъ нея и много горечи. Будучи однимъ изъ молодыхъ пионеровъ по образованію переселенческихъ участковъ, я перенесъ на себѣ всю тяжесть и непримѣнимость министерскихъ или, скорѣе, департаментскихъ циркуляровъ на своей шеѣ... Изслѣдованіе тайги для заготовки участковъ производилось ощупью, безъ системы и строго обдуманнхъ положеній. Дѣлались лишь пробы и попытки. «Вольная колонизація» смѣнилась запретительными циркулярами по отношенію уже разрѣшеннаго къ заселенію пространства. Тогда не было еще реформированнаго переселенческаго управленія въ министерствѣ земледѣлія, гдѣ бы сосредоточивались всѣ функціи этого грандіознаго дѣла, а департаменту земельныхъ имуществъ было лишь предоставлено дѣло заготовленія участковъ, а дѣломъ водворенія и устройствомъ переселенцевъ, уже осѣвшихъ на мѣстахъ, вѣдало министерство внутреннихъ дѣлъ. Эта разбросанность порождала разныя тренія и недоразумѣнія. Да и самое дѣло заготовленія участковъ, возложенное на министерство земледѣлія, тогда еще только начиналось и получило особенное напряженіе подъ вліяніемъ открытія Великаго Сибирскаго пути, по которому массы двинулись переселенцы изъ Европейской Россіи. Къ сожалѣнію, всѣ циркуляры и инструкціи исходили изъ кабинета директора департамента земельныхъ имуществъ (Тихѣва), у котораго главнымъ помощникомъ и вдохновителемъ этого дѣла

былъ Кауфманъ (нынѣ профессоръ, ушедшій въ научную область статистики), человѣкъ болѣе теоріи, чѣмъ практики, и не имѣвшій возможности детально ознакомиться съ постановкой этого дѣла на мѣстахъ. Когда всѣ пустопорожнія земли въ районѣ 100-верстной полосы Сибирской желѣзной дороги были исчерпаны подъ участки, весь центръ колонизаціи былъ перенесенъ въ тайгу, о которой въ департаментѣ какъ Тихѣевъ, такъ и Кауфманъ имѣли самое смутное представленіе или, лучше сказать, никакого. Циркуляры и инструкціи, будучи беспочвенными и не выходящіе изъ потребности дѣла, производили новообразимую путаницу на мѣстахъ при ихъ примѣненіи. «Производители» участковъ при полученіи ихъ ставились въ тупикъ, межевые, эти подъяремные и безсловесные исполнители—тѣмъ болѣе, такъ какъ они встрѣчали непреодолимые затрудненія въ самой природѣ. Лѣсничіе, которымъ предписывалось сохранять въ цѣлости и неприкосновенности цѣнные насажденія, чуть ли не дрались съ производителями, когда какіе-нибудь кедровники или сосновые боры съ мачтовыми деревьями отходили, замежевываясь въ участки. «Займки» частью сносились или такъ обмежевывались, что сибирякамъ-старожиламъ пришлось бросать ихъ. Участки принимались и утверждались временными комиссіями на мѣстахъ, которыя не всегда и даже рѣдко во-время осматривали ихъ, принимая большую часть участковъ на вѣру. Эти комиссіи имѣли главную силу для будущихъ переселенцевъ, ибо утвержденіе дальнѣйшихъ инстанцій было одной формальностью. Отсюда происходили страшныя послѣдствія для переселенцевъ, которые, будучи привлекаемы слухами объ участкахъ, по прибытіи на мѣста и по полученіи такого участка попадали въ положеніе болѣе, чѣмъ критическое, или должны были возвращаться обратно къ пустому мѣсту, уже теперь разоренному, на дѣдовской землѣ, или тащиться далѣе по Сибири и искать болѣе удобныхъ для жилья и устройства новой жизни мѣсть...

По пріѣздѣ съ мѣста о всѣхъ этихъ дефектахъ я говорилъ въ департаментѣ и директору и Кауфману, но всѣ мои жалобы оставались безъ надлежащаго вниманія и послѣдствій, ибо тогда была тенденція въ департаментѣ представить главнымъ образомъ казовую сторону дѣла и по возможности скрывать дефекты. Я казался просто «безпокойнымъ человѣкомъ», котораго показанія совершенно расходятся съ бумагами тѣхъ дѣятелей на мѣстахъ, которые хотѣли поразить міръ «злодѣйствомъ», иначе говоря, огромными цифрами вновь образованныхъ участковъ, не разбирая, какого качества эти участки. Дѣло все сводилось къ цифрамъ и статистикѣ, которая формально показывала блестящіе результаты. Я отправился на пріемъ министра, но, къ моему несчастью, въ тотъ день было такое множество просителей, что онъ мнѣ могъ посвятить только нѣсколько мгновеній для разговора: я ему передалъ

краткую докладную записку съ моими жалобами, слишкомъ въ общей и, можетъ быть, неясной формѣ изложенную. Эта записка попала въ руки того же директора и Кауфмана, которые не могли быть, конечно, довольны моимъ скаканіемъ черезъ начальство и дали о ней уклончивый отзывъ... Я былъ поставленъ въ заколдованный кругъ и въ отчаяніи написалъ свои «Записки колонизатора», въ которыхъ въ живой и разговорной формѣ изложилъ всю «мартирологию» переселенческаго дѣла, въ которомъ Алексѣй Сергѣевичъ почти не участвовалъ, предоставивъ вѣдать это департаменту и отдавая всѣ свои силы сельско-хозяйственному дѣлу и мѣропріятіямъ по его усовершенствованію въ Европейской Россіи.

Въ этой книжкѣ я имѣлъ неосторожность разобрать весьма критически трудъ Кауфмана по рекогносцировочной поѣздкѣ его въ Восточную Сибирь, который чрезвычайно смѣло далъ выводы о колонизаціонной пригодности огромныхъ пространствъ на основаніи разговора съ случайными лицами и имѣющихся на мѣстѣ литературныхъ источниковъ. Эта книжка была скоро напечатана безъ всякаго разрѣшенія вѣдомства и попала въ продажу. За нее ухватился Сигма (Сыромятниковъ), тогда писавшій нововременскіе фельетоны, и посвятилъ ей большой, весьма ядовитый по отношенію къ вѣдомству фельетонъ, и пошла писать губернія... Извѣстно, какое распространеніе въ сферахъ имѣютъ статьи «Новаго Времени» да еще въ большихъ размѣрахъ, написанныя бойкимъ перомъ опытнаго фельетониста. Въ данномъ случаѣ были помѣщены цѣлыя выдержки страницами изъ книжки съ указаніемъ дефектовъ вѣдомства, весьма ясно обрисованныхъ. Этотъ фельетонъ произвелъ цѣлую бурю въ вѣдомствѣ... Боже мой, что тутъ поднялось въ департаментѣ!...

Я былъ вызванъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ для личныхъ объясненій.

— Какъ вы осмѣлились, служа въ вѣдомствѣ, публично разоблачать его дефекты и еще по такому жгучему вопросу, какъ колонизація Сибири?—встрѣтилъ онъ меня гнѣвнымъ вопросомъ. Я молчалъ, какъ преступникъ, пойманный съ поличнымъ.

— Отчего вы не довели до моего свѣдѣнія всѣ эти безобразія и не показали въ рукописи эту книжку?—спрашивалъ онъ, возвышая голосъ, въ которомъ слышалось необычайное раздраженіе.

— Между вами и мною имѣются сильные посредники, оставшіе безъ послѣдствій мою докладную записку, и я принужденъ былъ обратиться къ печати.

— Отчего вы не испросили разрѣшенія на печатаніе этой книги?

— Я зналъ, что такого разрѣшенія не послѣдуетъ, а потому я рѣшился на крайнее средство,—отвѣтилъ я въ величайшемъ волненіи.

— Вы знаете, чѣмъ вы рисковали въ данномъ случаѣ?.. Быть

уволеннымъ немедленно со службы, вы это сознаете?—допрашивалъ онъ.

— Да, но неужели правда, высказанная хотя бы незаконнымъ путемъ, должна такъ жестоко караться?

— Я еще не знаю, правда это или нѣтъ, но подобный поступокъ вашъ набрасываетъ неблагопріятную тѣнь на вѣдомство, а потому я долженъ назначить слѣдствіе и судъ надъ вами... подвѣдомственный,—проговорилъ онъ въ заключеніе, наклоненіемъ головы показывая, что объясненіе кончено.

Положеніе мое было самое критическое, и перспективы весьма не радостныя. Я разошелся съ мѣстнымъ моимъ начальствомъ въ той губерніи, въ которой я работалъ въ тайгѣ, и имѣлъ неосторожность выставить его дѣйствія въ этой книжкѣ въ довольно комическомъ свѣтѣ, что онъ могъ легко узнать и потому я, такъ сказать, собственноручно сжегъ свои корабли. Въ Петербургѣ же я былъ только временно оставленъ, и положеніе мое было крайне шаткое въ департаментѣ въ качествѣ временно прикомандированнаго... Но я былъ тогда какъ въ угарѣ, подъ вліяніемъ успѣха этой книжки, которую тогда подхватили все тогдашніе главные журналы и газеты до «Русскаго Богатства» включительно. Находясь подъ угрозой слѣдствія, я ходилъ, не отдавая себѣ яснаго отчета, что можетъ меня ожидать, надѣясь на мои литературные успѣхи (къ тому времени появилась моя «Тайга» въ «Вѣстникѣ Европы»), которые совершенно вскружили мнѣ голову... Словомъ, я леталъ по городу той неоперившейся литературной «птичкой», которая ходитъ по тропинкѣ бѣдствій и не видитъ отъ того никакихъ дурныхъ послѣдствій... Около того времени внезапно умеръ директоръ департамента Тихѣевъ и на его мѣсто былъ назначенъ Энгельгардтъ съ обязанностями товарища министра. Алексѣй Сергѣевичъ назначилъ его предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи надъ моей книгой и мною, въ составъ этой комиссіи входили директора и вице-директора всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ департаментовъ. Они читали и обсуждали эту книгу, не помню уже сколько времени, но въ концѣ Энгельгардтъ (тоже вскорѣ умершій) вынесъ мнѣ «оправдательный вердиктъ», какъ онъ выразился, съ замѣчаніемъ и вручилъ мнѣ экземпляръ книжки съ собственноручными замѣтками (онъ самъ ранѣе написалъ изрядное количество книжекъ по экономическимъ вопросамъ).

Черезъ день меня позвалъ къ себѣ Алексѣй Сергѣевичъ, который встрѣтилъ меня чрезвычайно любезно и мягко.

— Прошлый разъ я погорячился,—проговорилъ онъ съ улыбкой, сажая меня,—и винюсь въ этомъ, ваша книга написана живо и увлекательно и по отзыву предсѣдателя комиссіи, не заключаетъ въ себѣ ничего криминальнаго... Но войдите въ мое положеніе, какъ министра... что я долженъ былъ чувствовать, когда подхватываются

въ прессѣ, которая всегда рада случаю, на общее позорище и на смѣхъ дѣйствія моихъ же подчиненныхъ и циркуляры департамента?

— Но, Алексѣй Сергѣевичъ, вы, какъ министръ, не могли и не можете знать всего, что дѣлается на мѣстахъ,—отвѣтилъ я, чувствуя почву подъ ногами.

— Неужели же это было на самомъ дѣлѣ?—И онъ прочелъ страницу изъ книжки, гдѣ описывается, какъ старый производитель работъ ѣдетъ съ комиссіей осматривать уже принятые участки для водворенія и всѣ члены комиссіи восхищаются угодами одного участка и пьютъ шампанское, предложенное обрадованнымъ производителемъ, а на самомъ дѣлѣ выясняется изъ показаній работавшаго неподалеку межевого, что комиссія пила за угоды сосѣднихъ крестьянскихъ владѣній, а самый участокъ, за который они пили, оказался совершенно не отвѣчающимъ по качествамъ своимъ преждевременнымъ восторгамъ комиссіи.

— Въ этой книжкѣ нѣтъ ничего выдуманнаго, а все взято съ природы,—отвѣтилъ я.

— А скажите, кто этотъ нѣмецъ, который для съемки въ степи намѣчалъ пункты въ видѣ кучъ и обездоливалъ киргизовъ?

Я сказалъ.

— Напрасно вы такъ рѣзко написали про Кауфмана, онъ вѣдь способный человѣкъ и полезный намъ...

— Я способностей его и даже большихъ ничуть не отрицаю, но я высказался противъ его поверхностныхъ и неосновательныхъ заключеній по незнакомому ему краю, который онъ обѣхалъ въ короткое время и съ птичьяго полета...

— Зачѣмъ вы задѣли его національность?

— Я тутъ увлекся и въ этомъ раскаиваюсь,—отвѣтилъ я искренно.

— Во всякомъ случаѣ будьте осторожнѣе на будущее время и если будете писать по вопросамъ нашего вѣдомства, гдѣ ваша служба и дѣятельность можетъ быть весьма полезной, то покажите мнѣ до печати,—проговорилъ онъ мягко.

— Даже въ рукописи? Это не обременить ваше высокопревосходительство?

— Нисколько, я даже читаю корректуры «министерскихъ извѣстій»... вотъ ваша «Тайга» произвела на меня самое лучшее впечатлѣніе, вотъ, если бы всегда такъ писали...

— Весьма польщенъ вниманіемъ вашимъ къ моей первой беллетристической вещи, но, къ сожалѣнію, это не всегда удается за неимѣніемъ подходящаго матеріала,—отвѣтилъ я и какъ бы на пророчилъ самъ себѣ, ничего уже больше не давъ для «Вѣстника Европы».

— Помните, что я весьма широко смотрю на печать, ибо и самъ пишу, и отнюдь не противъ, чтобы подчиненныя мнѣ лица по службѣ

писали въ газетахъ и журналахъ, даже если ихъ мнѣніе будетъ и не согласно съ ихъ начальствомъ, но надо соблюдать *modus in rebus*. Представьте себѣ, что бы произошло, если бы я сталъ высмѣивать какое-нибудь засѣданіе Государственнаго Совѣта, а вѣдь тамъ, повѣрьте, говорятъ вещи, иногда напрашивающіяся на сатиру, — могъ ли быть я послѣ такого дѣйствія въ печати министромъ или членомъ Государственнаго Совѣта?

Конечно, я съ нимъ согласился, и онъ, какъ говорится, отпустилъ меня «съ миромъ по глаголу». Тучи, скопившіяся надо мною и предвѣщавшія большую грозу, разсѣялись, и выглянуло солнце... Я не учитывалъ тогда послѣдствій этой грозы, но будь другое лицо на мѣстѣ Алексѣя Сергѣевича, я бы не такъ легко отдѣлался. Не даромъ одинъ крупный сановникъ того времени сказалъ, что онъ удивленъ мягкости министра земледѣлія и что онъ бы на его мѣстѣ не держалъ бы ни одной минуты у себя такого чиновника и онъ бы вылетѣлъ, какъ пушинка, изъ вѣдомства...

Послѣ происшедшаго Алексѣй Сергѣевичъ былъ моимъ цензоромъ и не запрещалъ ни одной статьи и, кромѣ того, тонкимъ критикомъ моихъ беллетристическихъ рассказовъ, которыми я наполнялъ болѣе мелкіе журналы. Мало того, снисходя къ моей просьбѣ, дозволилъ мнѣ заниматься въ академіи наукъ, состоя на службѣ въ департаментѣ, для обработки привезенной мною коллекціи растений и почвенныхъ образчиковъ изъ сибирской тайги, что дало мнѣ возможность написать работу, понавшую въ «Университетскія Извѣстія». Послѣ обработки моей коллекціи я сталъ усиленно просить его объ оставленіи меня въ Петербургѣ, и онъ исполнилъ мою просьбу. Теперь я спрашиваю себя, почему я цѣплялся за этотъ городъ, зачѣмъ и къ чему я проявлялъ такую настойчивость, которая кажется въ настоящее время безуміемъ, зачѣмъ я не слушалъ тогда совѣтовъ его и близкихъ къ нему лицъ возвратиться въ тайгу и пополнить свои впечатлѣнія, которыя удачно вылились на бумагѣ? Я тогда не сознавалъ, что я прикрѣплялъ себя къ Дантовскому аду, который весь усыпанъ несбыточными надеждами, и терялъ золотое время для поисковъ за новымъ матеріалами, которые, быть можетъ, дала бы мнѣ заповѣдная тайга въ изобиліи... Впослѣдствіи я путешествовалъ по вологодскихъ лѣсамъ въ качествѣ начальника цѣлой экспедиціи, но это все было не то, не то... Сибирская тайга по своей таинственности и грандіозности и по тѣмъ жителямъ и «монастырямъ»¹⁾ въ ней имѣетъ ни съ чѣмъ несравнимую прелесть оригинальности и новизны...

Прошло не вернешь и не вернешь тѣхъ силъ, которыя тогда кипѣли во мнѣ, и той готовности итти на всякія лишенія и невзгоды

¹⁾ См. «Историч. Вѣстн.» 1903 г. (11, 12) «Въ запискахъ и монастыряхъ у старцевъ».

и случайности, которыя неразлучны съ путешествіемъ по дѣйстви-
тельнымъ странамъ, скажу одно, что моимъ внутреннимъ удовлетво-
реніемъ является сознаніе, что мои мысли, проекты и предполо-
женія, высказанныя въ «Запискахъ колонизатора» по отношенію
къ реформамъ переселенческаго дѣла, основаннымъ на опытномъ
изслѣдованіи новыхъ пространствъ Сибири, получили осуще-
ствленіе. Въ 6-лѣтній періодъ до начала настоящей войны были ор-
ганизованы естественно-историческія изслѣдованія въ Восточной
Сибири подъ руководствомъ профессора Глинки съ собираніемъ
коллекцій и почвенныхъ образцовъ и съ обработкой ихъ для пока-
занія колонизаціонной пригодности вновь проектируемыхъ участ-
ковъ и съ устройствомъ опытныхъ посѣвовъ на нихъ... Мои то-
мленія и переживанія не пропали втуне.

Я никакой Америки не открывалъ, но доказалъ, что слѣдуетъ
примѣнить къ новому дѣлу то, что давно уже открыто...

Послѣдніе три года я бывалъ у Алексѣя Сергѣевича, когда онъ
былъ членомъ Государственнаго Совѣта и имѣлъ болѣе досуга.
Наши бесѣды касались уже другихъ темъ, ничего общаго не имѣв-
шихъ съ тѣмъ вѣдомствомъ, которое онъ преждевременно оста-
вилъ.

Въ 1913 году мнѣ удалось побывать за границей. Проѣхавъ че-
резъ Германію, поживъ въ Швейцаріи и заглянувъ во Францію,
послѣ дождей и холода, которые были, на мое несчастье, тамъ тогда,
я поѣхалъ грѣться въ Италію и болѣе мѣсяца прожилъ около
Генуи въ Лигурійской странѣ, наслаждался купаніемъ въ голубыхъ
водахъ Средиземнаго моря, любовался на живописные, покрытые
пиніями, агавами и пальмами берега, лазилъ по склонамъ морскихъ
Аппенинъ, упиваясь дивнымъ морскимъ воздухомъ, смягчающимъ
южную жару... Славное было время! Нерѣдко я заглядывалъ въ
Геную, гдѣ познакомился съ мѣстнымъ музеемъ, заключающимъ
торговые образцы всѣхъ странъ, но, увы, русскаго отдѣла тамъ
не нашель. Возвратившись въ Питеръ, я увидалъ напечатанными
мои впечатлѣнія объ Италіи и Швейцаріи въ «Европейской Жизни»,
въ салонномъ, иллюстрированномъ журналѣ, въ рядѣ очерковъ
съ иллюстраціями и фотографіями, которыя я оттуда привезъ.
Все это я понесъ къ Алексѣю Сергѣевичу, который тогда былъ пре-
зидентомъ русско-итальянской палаты, которой основателемъ
онъ былъ съ 1911 года.

Когда онъ услышалъ, что я жилъ въ Италіи, его лицо прояс-
нилось, и онъ проговорилъ:

— Люблю эту страну, солнца много, красоты много и поэзіи,
а какое море!

И тотчасъ же сталъ пробѣгать и просматривать мои иллю-
страціи и очерки. Онъ имѣлъ удивительную способность въ
минуту пробѣгать цѣлыя страницы.

— Оставьте мнѣ это, а пока что, я васъ сдѣлаю членомъ русско-итальянской палаты.

Я ему сталъ говорить о необходимости устроить особое помѣщеніе въ генуэзскомъ музеѣ для выставки русскихъ образцовъ.

— Это необходимо, но я уже объ этомъ позаботился и въ этомъ смыслѣ уже сдѣлано сношеніе съ мѣстнымъ консульствомъ, которое обѣщало дать помѣщеніе въ новомъ зданіи музея, который тамъ заканчивается.

И здѣсь въ такомъ частномъ вопросѣ, касающемся далекой страны, онъ проявилъ свою заботу и содѣйствіе.

Въ годовомъ торжественномъ засѣданіи минувшаго года, состоявшемся въ залѣ военно-промышленнаго комитета, Алексѣй Сергѣевичъ любезно уступилъ свое предсѣдательство на этотъ вечеръ прибывшему сюда итальянскому посланнику маркизу Карлотти, сказавшему краснорѣчивую рѣчь на французскомъ языкѣ о сближеніи Италіи и Россіи и заключеніи болѣе тѣсныхъ торговыхъ сношеній въ ущербъ нѣмецкимъ товарамъ, которые заполняли до сей поры европейскіе рынки, при чемъ даже нерѣдко русскіе товары провозились въ Италію подъ нѣмецкимъ флагомъ. Алексѣй Сергѣевичъ отвѣтилъ ему рѣчью съ присущимъ ему ораторскимъ искусствомъ. Встрѣтаясь со мной въ залѣ послѣ засѣданія, онъ сказалъ:

— Прочелъ вашу повѣсть «Межевой» въ «Р. Ст.» съ большимъ интересомъ, но откуда вы набрали такихъ оригиналовъ, вѣдь у васъ всѣ межевые ужасные чудаки!

— Эти типы взяты съ природы, — отвѣтилъ я ему: — но они жили въ глухой провинціи и нѣкоторые даже служили подъ вашимъ управленіемъ, но ихъ надо было откопать, — отвѣтилъ я.

— Удивительно! Какъ трудно сверху заглядывать въ глубину русской жизни! Какіе еще примитивные люди сохранились въ отдаленныхъ углахъ нашего отечества!... А изъ нашего журнала все-таки ничего не выходитъ, безнадежное дѣло, — прибавилъ онъ. — Увы, это было послѣднее наше свиданіе.

Прежде, чѣмъ говорить о «журнальномъ вопросѣ», который проводилъ связующую нить между нами, приведу здѣсь одно неизданное стихотвореніе Алексѣя Сергѣевича, показывающее, какъ онъ любилъ южное море и какія мысли оно ему напѣвало:

Въ часъ прилива море плещеть,
Безпокойное трепещеть
И сердито въ берегъ хлещеть
Набѣгающей волной,
Словно хочетъ безъ пощады
Вѣковѣчныя преграды
Скаль нависшія грѣмады
Въ прахъ повергнуть передъ собой.

Вдалекъ синѣютъ горы,
 И чаруютъ наши взоры
 Прихотливые узоры
 Ихъ утесистыхъ вершинъ.
 Прочь отъ хмурой непогоды
 Нашей сѣверной природы
 Манить насъ забыть невзгоды
 Ширь и гладь морскихъ пучинъ.
 О, когда бы на просторѣ
 Въ этомъ бурномъ синемъ морѣ
 Неотвязчивое горе
 Намъ развѣять удалось.
 И когда бъ его волнами
 Зло, извѣданное нами,
 Наболѣвшее годами,
 Навсегда бы залилось.
 И въ его туманной дали
 Мы минувшее читали,
 Какъ разверстыя кричали,
 Потускнѣвшія отъ лѣтъ,
 На которыхъ изъ былого
 Только радостное слово
 Память счастья молодого
 Сохранило яркій слѣдъ.
 Вѣтеръ спалъ; въ тиши залива
 Дремлетъ море въ часъ отлива,
 Чуть колеблется лѣнливо
 Бѣлый парусъ надъ водой..
 Сердце, бившее тревогу,
 Затихаетъ понемногу...
 — Дальше, дальше въ путь-дорогу
 Съ обновленною душой...

Мысль о «новомъ журналѣ» съ новой программой возникла какъ-то сама собой среди моихъ бесѣдъ по поводу современной періодической литературы съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, который былъ далеко ею не удовлетворенъ. Кромѣ тѣхъ крупныхъ работъ, которыя составили ему имя въ сферѣ агрономическихъ наукъ, онъ, какъ поэтъ и литераторъ, зорко слѣдилъ за современной литературой, получая и просматривая все, что появлялось за послѣднее время въ ней. Воспитанный на классическихъ произведеніяхъ, знакомый съ литературой всего свѣта, какъ настоящей, такъ и прошлой, благодаря знанію всѣхъ европейскихъ языковъ прочитавшій главнѣйшія произведенія въ подлинникѣ, Алексѣй Сергѣевичъ не могъ сочувствовать той литературной вакханаліи, выдвигающей разныя искалѣченные ничтожества, которая происходитъ въ наши дни, и тому запустѣнію, которое замѣчается въ журналахъ за послѣдніе годы.

— Я прочитываю все, что появляется въ нашихъ толстыхъ журналахъ по части беллетристики, но ничего не нахожу яркаго и выдающагося,—говорилъ онъ со вздохомъ:—вижу много тенденцій, порнографіи, но хорошей здоровой беллетристики

нѣтъ и нѣтъ. Даже такіе писатели, какъ Горькій, Купринъ, Андреевъ, проявившіе въ началѣ крупный талантъ, теперь или перестали совсѣмъ писать, какъ Купринъ, или пишутъ несуразныя вещи, какъ Андреевъ, или совершенно блѣдныя... Въ современныхъ журналахъ совершенная аравійская пустыня, тенденціозныя вещи съ сюжетами изъ каторги и ссылки имѣютъ характеръ не изящной словесности, а скорѣе публицистики и хроники, декадентщина же это—болѣзненное патологическое явленіе и къ литературѣ не имѣетъ прямого отношенія...

На это я возражалъ, что главное зло сидитъ не столько въ писателяхъ, сколько въ самихъ руководителяхъ журналовъ, которые, не имѣя ни вкуса, ни достаточной литературной подготовки, не могутъ разобраться въ предлагаемомъ матеріалѣ и, гоняясь за новыми формами, печатаютъ безсодержательную дребедень вмѣсто заслуживающихъ вниманія вещей, которыя проскальзываютъ у нихъ мимо рукъ и, заваливая журналы матеріаломъ, случайно набраннымъ, лишаютъ мѣста весьма почтенныхъ писателей и начинающія дарованія. Берутся за редакторство люди, которые въ жизни своей ничего не написали, а въ литературу попали случайно, какъ попадаютъ въ банкъ или въ контору, благодаря имѣющимся «паямъ» или просто близкому знакомству съ невѣжественнымъ издателемъ. Мои мысли я подтвердилъ неопровержимыми фактами изъ дѣйствительной жизни.

— Тогда надо создать новый журналъ съ широкой программой, безъ тенденціи и декадентщины, въ которомъ не было бы узкаго націонализма, а было бы внѣпартійное и безпристрастное отраженіе жизни въ художественныхъ произведеніяхъ литературы и искусства. Беллетристика не должна походить на хронику убійствъ и каторжныхъ тюремъ, должна отражать повседневную жизнь средняго обывателя въ обычной обстановкѣ, а не только подъ вліяніемъ эксцессовъ... въ такомъ журналѣ не должно быть кружковщины, которая бы замыкала двери для «постороннихъ» лицъ, надо широко открыть двери для всякаго дарованія, начинающаго и созрѣвшаго внѣ зависимости отъ политической тенденціи и взглядовъ. Политика плохая и вредная вещь для художества, на ней спотыкались даже корифеи литературы въ прошломъ. Въ этомъ журналѣ, кромѣ повѣстей, стиховъ и разсказовъ, должны быть статьи по всѣмъ отраслямъ человѣческаго духа, начиная съ критики, воспитывающей вкусъ читателя, кончая философіей, исторіей, естествознаніемъ, искусствомъ въ живописи и музыкѣ. Однимъ словомъ, нужно, чтобы это былъ настоящій журналъ, настоящій вѣстникъ жизни и искусства.

— Самое подходящее названіе для такого журнала,—замѣтилъ я:—но для осуществленія такой широкой программы нужны немалыя средства, особенно, если дать иллюстраціи по заграничному образцу копій съ выдающихся картинъ...

— Это было бы большим украшением журнала... Вот если вы согласны со мной, займитесь разработкой программы такого журнала, а также смѣты, а я попробую поискать средства для этого...

Я согласился съ величайшей готовностью, такъ какъ постоянно мечталъ о подобномъ органѣ, и черезъ нѣсколько дней принесъ ему программу и смѣту, довольно скромную. Программу онъ одобрилъ, сдѣлавъ нѣкоторыя поправки, а относительно смѣты замѣтилъ, что она слишкомъ мала.

— Надо такъ поставить журналъ,—добавилъ онъ:—чтобы онъ не былъ случайнымъ явленіемъ на одинъ годъ и не закрылся бы благодаря малому количеству подписчиковъ, а чтобы первые 4—5 лѣтъ могъ держаться совершенно своими силами, независимо отъ подшеки....

Тогда я ему принесъ смѣту на 5 лѣтъ, превысившую 400 тысячъ рублей.

— Вотъ это еще подходящее дѣло... Дайте мнѣ этотъ проектъ, и я его покажу нѣкоторымъ знакомымъ, имѣющимъ капиталы и любителямъ литературы и искусства, посмотримъ, что будетъ...

— Найдется ли кто среди русскихъ такой предприимчивый человекъ, который бы сталъ рисковать большими суммами на журналъ?—спросилъ я съ сомнѣніемъ, зная по опыту неподвижность русскихъ богачей, которые скорѣе купятъ лишній домъ или землю, или заводъ, дающій опредѣленный доходъ, но не вложатъ своихъ капиталовъ въ литературное предпріятіе.

— Почему знать? Попытка не пытка и ни къ чему не обязываетъ..

Этотъ разговоръ съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ происходилъ въ концѣ года, предшествующаго объявленію настоящей войны.

При слѣдующей встрѣчѣ нашей онъ только руками развелъ.

— Пробовалъ говорить съ однимъ-двумя капиталистами, но не идутъ на журналъ, считая это слишкомъ рискованнымъ и хлопотливымъ дѣломъ...

— Домъ или имѣніе купить выгоднѣе,—замѣтилъ я.

— Конечно, вы были правы,—и онъ грустно усмѣхнулся.

А затѣмъ грянула война, цѣны на бумагу и печать стали расти не по днямъ, а по часамъ, стали лопаться и закрываться издательскія и журнальныя фирмы, которыя не были обеспечены солидными фондами и бумагой, вся жизнь перевернулась, спокойствіе страны нарушилось, началась невообразимая абракадабра, выступили вопросы первой необходимости и такіе, что высренніе запросы духа куда-то ушли въ подземелье... Поднялась такая пѣна и муть на поверхность жизни, что мысль о созданіи спокойнаго журнала жизни и искусства казалась столь же неосуществимой, какъ постройка, ну, хотя бы, новой пирамиды Хеопса...

Нахлынувшія житейскія волны унесли въ бездну вѣчности среди другихъ жизней и незабвеннаго идеалиста жизни, Алексѣя Сергѣевича Ермолова...

Мое перо слишкомъ слабо, чтобы очертить его многогранную натуру, его широкообъемлющій духъ, который никогда не могъ мириться съ нашимъ безвременьемъ, отсутствіемъ идеаловъ, извращенностью вкусовъ и понятій, меркантильнымъ направленіемъ умовъ въ самыхъ не поддающихся торговлѣ вещахъ, неискренностью и продажностью во всѣхъ сферахъ, фальсификаціей слова и дѣла, всей этой накипью, всплывшей на верхъ, которая будетъ, можетъ быть, очищена и смыта настоящей войной. Онъ не дождался новой жизни и унесъ въ могилу мучившій его «вопросъ».

Его крупные труды, такіе, какъ «Организація полевого хозяйства», «Неурожай и продовольственный вопросъ», «Народная мудрость въ пословицахъ и поговоркахъ», ожидаютъ еще детальной будущей оцѣнки и комментариевъ, которые могутъ уложиться лишь въ рядъ статей и трактатовъ...

Что же касается его дѣятельности, какъ поэта, которую онъ изъ величайшей скромности скрывалъ (поступая совершенно обратно тому, какъ дѣйствуютъ современные стихотворцы-декаденты, которые тащатъ немедленно въ редакціи каждое свое безъ формы и смысла произведеніе и жаждутъ рекламы), то, къ сожалѣнію, она почти совершенно неизвѣстна публикѣ. Это—удѣлъ скромныхъ людей.

Надѣмся въ недалекомъ будущемъ познакомить читателей съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Ермоловымъ, какъ поэтомъ, заслуживающимъ по своему дарованію самого серьезнаго вниманія и имѣющимъ право занять почетное мѣсто среди другихъ пѣвцовъ и печальниковъ нашей родины.

Въ заключеніе приведу выдержку изъ стихотворенія Алексѣя Сергѣевича «Голодный годъ» ¹⁾:

Полымею дышитъ земля раскаленная,
 Небо скрывается въ дымчатой мглѣ,
 Бѣдная травушка, солнцемъ спаленная,
 Никнетъ безсилно къ горячей землѣ...
 Зеленыя нивы покрыты убогою,
 Чахнутъ отъ зноя и гибели ждуть.
 Тихо, лишь вихри надъ пыльной дорогой
 Сѣрыми къ небу столбами встаютъ;
 Пыль на колосья спускается хлыне,
 Облакомъ вьется надъ гладью полей,
 Птицы межъ вѣтокъ забились унылыя,
 Прячась отъ солнца жаркихъ лучей,
 Трелей ихъ звонкихъ изъ рощи не слышится,
 Замеръ въ селеньяхъ веселія крикъ,
 Нива златистой волной не колыхнется,
 Пахарь въ раздумьи надъ плугомъ поникъ.
 Овцы на пастбищѣ сбилися кучей,
 Головы клонятъ, дыша тяжело.

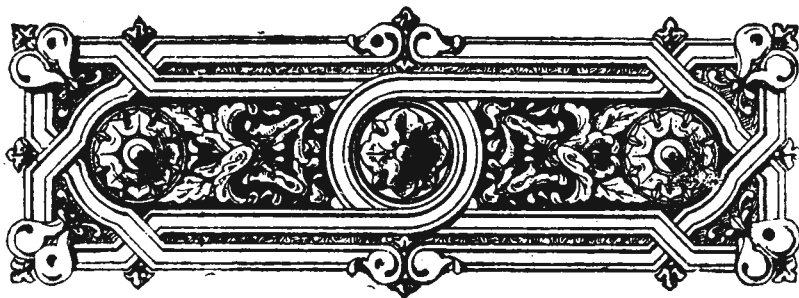
¹⁾ Напечатаннаго въ книгѣ «Наши неурожай и продовольственный вопросъ», «Истор. вѣсти», мартъ 1913 г., т. сѣлѣт.

Замерло вокругъ предъ бѣдой неминуею
 Все, что въ поляхъ и росло, и цвѣло.
 Мощнымъ призывомъ весны пробужденная,
 Гнетъ отряхнувшая зимняго сна,
 Блекнетъ природа, едва обновленная,
 Уже дыханіемъ смерти полна.
 Жизнь молодая, къ расцвѣту готовая,
 Гаснетъ вокругъ—и нависла грозой
 Кара небесная, кара суровая,
 Божія кара надъ грѣшной землей...
 Чуетъ земля, передъ Богомъ виновная,
 Бога забывшая, совѣсть и страхъ,
 Что переполнилась чаша грѣховная
 Зломъ и неправдой на Божіихъ вѣсахъ.

Молится пахарь надъ нивой безплодною,
 Вѣрить онъ—Богъ милосерденъ и благъ,—
 Передъ грядущей годиною голодною
 Самъ онъ и нищъ, и безсиленъ, и нагъ.
 Видитъ нужду передъ собою онъ новую.
 Чѣмъ ему злую бѣду отвратить?
 Какъ ему долгую зиму суровую
 Съ дѣтками малыми чѣмъ пережить?
 Рядомъ сверкая косою занесенною,
 Смерть ужъ добычу свою сторожитъ.
 За молодой ли душой, иль за старою
 Богъ эту страшную гостью послалъ?
 Но, испытавъ людей своей карою,
 Людямъ Господь свою заповѣдь далъ:
 Братской любовью, лептой посильною
 Теплымъ участіемъ сердца согрѣвать,
 Чтобы склоненныхъ надъ сѣнью могильною,
 Силой слабѣющихъ къ жизни позвать.
 Вы, что въ довольствѣ и нѣгѣ взлелѣяны,
 Вы, что голодныхъ не вѣдали дней,
 Если къ вамъ въ душу пути не завѣяны,
 Внемлите плачу молящихъ дѣтей,
 Къ ближнему руку прострите дающую,
 Пусть межъ людьми не скудѣетъ любовь,
 Ради любви той невзгоду гнетущую
 Богъ отженитъ отъ народа, и вновь,
 Божьей рососо-слезами омытая,
 Съ новой весною земли расцвѣтетъ,
 Богомъ зачтется ей скорбь пережитая,
 Духомъ воспрянувъ, страна оживетъ.
 Кару небеснаго гнѣва пріившая,
 Сердцемъ смирясь передъ Божьимъ судомъ,
 Русь озарится, изъ мрака возставшая,
 Тьму поборающимъ правды лучомъ.

Отъ души пожелаемъ, чтобы это желаніе почившаго скорѣе исполнилось.

Петръ Соколовъ.

П. П. ГНѢДИЧЬ¹⁾.

(Къ 40-лѣтію его литературной дѣятельности).

ОРОКЪ лѣтъ тому назадъ, 11-го февраля 1877 года, талантливый писатель Петръ Петровичъ Гнѣдичъ, двадцатилѣтнимъ юношей, еще не окончившій къ тому времени курса академіи художествъ, напечаталъ свою первую повѣсть. Съ тѣхъ поръ дѣятельность этого разносторонне одареннаго писателя стала быстро развиваться въ художественно-литературномъ направленіи. Онъ написалъ рядъ романовъ—«Китайскія тѣни», «Туманы», «Купальные огни» и множество повѣстей и рассказовъ, въ которыхъ зачастую сочность художественнаго письма сочетается съ острой, играющей юморомъ жизненной наблюдательностью. Многочисленные, быстро слѣдующія одно за другимъ беллетристическія произведенія его съ удовольствіемъ читались публикою «Историческаго Вѣстника», «Нивы», «Русскаго Вѣстника», «Книжечъ Недѣли», «Сѣвернаго Вѣстника», «Новаго Времени» и «Артиста».

Но еще шире, пожалуй, извѣстность П. П. Гнѣдича, какъ драматурга. Поставленная въ 1881 г. въ Москвѣ комедія его «На хуторѣ» выдержала нѣсколько сотъ представленій. Съ громаднымъ успѣхомъ шли повсюду и другія его пьесы. Его комедія «Перекаати-

¹⁾ Настоящія литературно-біографическія свѣдѣнія заимствованы нами изъ газеты «Биржевыя Вѣдомости», № 16095, причемъ нѣкоторыя неточности, вкрапившіяся въ газету нами исправлены.

поле», удостоенная въ свое время Грибоѣдовской преміи, интересна и теперь, какъ картина помѣщичьяго быта восьмидесятыхъ годовъ.

Первая пьеса его поставлена въ Александринскомъ театрѣ въ бенефисъ Петипа, когда автору было двадцать три года. Называется эта одноактная вещица «Дверей не заперли». По цензурнымъ условіямъ она послѣ перваго представленія была снята съ репертуара. По тѣмъ же условіямъ вторая пьеса П. П. Гнѣдича «На хуторѣ» увидѣла свѣтъ александринской рампы только черезъ три года послѣ ея написанія.

Съ конца семидесятыхъ годовъ по текущей сезонъ почтеннымъ юбиляромъ написанъ и поставленъ длинный рядъ пьесъ, изъ которыхъ современнымъ театрамъ особенно хорошо знакомы: «Горяція пьесма», «Старая сказка», «Холопы», гдѣ главную роль сыграла пятьдесятъ разъ М. Г. Савина, «Передъ зарею», и, наконецъ, «Ассамблея», написанная въ 1912 г. Въ этомъ сезонѣ П. П. Гнѣдичъ далъ московскому Малому театру свою новую пьесу. Первая постановка ея состоится на пятой недѣлѣ поста.

Любовь къ театру, исключительно развитое чувство сцены, котораго почти лишены въ большинствѣ случаевъ даже весьма талантливыя писатели позднѣйшей формаціи, въ связи съ общелитературной одаренностью Гнѣдича, достаточно объясняютъ этотъ успѣхъ его драматическихъ произведеній. Онъ не только любитъ и знаетъ театръ, — въ его прошломъ и настоящемъ, — онъ органически связанъ съ нимъ всѣмъ своимъ художественнымъ существомъ. Приглашенный въ 1896 году завѣдывать художественною частью только что основаннаго тогда театра Литературно-Художественнаго кружка (театра Суворина), онъ заявилъ себя въ немъ чрезвычайно активнымъ, художественно-вдумчивымъ дѣятелемъ, — и ему, главнымъ образомъ, обязанъ этотъ театръ такими значительными и цѣльными въ режиссерскомъ отношеніи постановками, какъ волновавшая всѣхъ въ свое время постановка «Царя Θεодора» и «Ганнеле». Въ 1900 году онъ сдѣлался управляющимъ труппою Александринскаго театра, — и здѣсь работа его, продолжавшаяся до 1909 г., точно также отмѣчена стремленіемъ къ возможному художественному усовершенствованію режиссерской части.

Кромѣ того, юбиляръ извѣстенъ и какъ переводчикъ Шекспира (его отличающійся реализмомъ переводъ «Гамлета» ставился на Александринской сценѣ) и Мольера.

Юбиляръ извѣстенъ также и какъ редакторъ «Ежегодника Императорскихъ Театровъ» за 1905—1908 гг., и какъ авторъ многихъ цѣнныхъ статей о театрѣ, печатавшихся въ разныхъ изданіяхъ, и, наконецъ, какъ авторъ появившейся еще въ 1885 г. обширной «Исторіи искусствъ».

Незадолго до своего юбилея П. П. для редакціи одной столичной газеты далъ свое *curriculum vitae*. Вотъ что мы читаемъ въ этой любопытной справкѣ.

Гнѣдичи—старый малороссійскій родъ. Еще въ XVII столѣтіи упоминается «товарищъ значный войсковый, славетный панъ Яковъ Гнѣдичъ». Затѣмъ идутъ сотники, іеромонахи, игумены, доктора.

Отецъ П. П.—ниженерь путей сообщенія, двоюродный братъ Николая Ивановича, переводчика Илиады. Мать П. П.—урожденная Смоленская; ея мать изъ рода Акинфьевыхъ и Носакиныхъ, родственница А. С. Грибоѣдова.

Родился П. П. 18-го октября 1855 года. Въ 1866 году поступилъ въ первую гимназію. Съ 1875 г.—студентъ императорской академіи художествъ.

Въ 1878 г. получилъ серебряную медаль за композицію «Смерть Іоанна Грознаго». Въ 1879 году—аттестатъ объ окончаніи научнаго курса. Въ 1877 году 11-го февраля напечатана первая его беллетристическая вещь «Во тьмѣ», подписанная Г. С—кій (Гнѣдичъ-Смоленскій) въ «Нивѣ».

Въ 1881 году—поставлена въ Москвѣ его пьеса «На хуторѣ», перешедшая только въ 1883 году (въ силу цензурныхъ условій) на Александринскую сцену.

Въ 1888 году—основалъ и редактировалъ два года журналъ «Сѣверъ». Въ 1890 году—получилъ Грибоѣдовскую премию общества драматическихъ писателей за пьесу «Перекасти-поле». Въ 1890 году—основалъ и редактировалъ въ теченіе перваго года «Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ». Въ 1891 году былъ назначенъ членомъ театрално-литературнаго комитета при Императорскихъ театрахъ. Въ 1893 году—избранъ предсѣдателемъ литературно-артистическаго кружка, переименованнаго впоследствии въ литературно-художественное общество.

Съ 1895 года—завѣдующій художественною частью въ театрѣ литературно-художественнаго общества. Въ 1898 году—избранъ пожизненнымъ членомъ императорскаго общества поощренія художествъ. Въ 1900 году—назначенъ управляющимъ драматической труппой императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Въ 1905 году — редакторомъ «Ежегодника Императорскихъ Театровъ» (редактированы года XIII—XVIII).

Въ 1914 году—назначенъ директоромъ музея императорскаго общества поощренія художествъ.

Изданія сочиненій: «Повѣсти и рассказы» 1885 г., «Шесть комедій» 1887 г., 2 изд. 1901 г., «Семнадцать рассказовъ» 1889 г., 2 изд. 1892 г., «Новые рассказы» 1890 г., 2 тома, «Кавказскіе рассказы» 1894 г., «За рампой» 1893 г., «Второй томъ комедій» 1894 г., «Китайскія тѣни» 1895 г., «Черезъ Черное море на Босфоръ» 1895 г., «Мгновеніе» и другіе.

Его переводы изъ Мольера: «Продѣлки Скапена», «Жеманницы», «Лекарь поневолѣ» напечатаны въ брокгаузовскомъ изданіи Мольера.

Имъ переведена пьеса Бріе: «Замѣстительницы», шедшая на Императорской сценѣ.

«Умирение строштивой», «Зимняя сказка» помѣщены въ библиотекѣ всемірныхъ писателей Брокгауза. «Гамлетъ», «Крещенскій вечеръ», «Замѣстительницы» изданы отдѣльно.

Его же пьесы: «На хуторѣ», «Женя», «Въ цвѣтахъ», «Горяція письма», «Старая сказка», «Перекасти-поле», «Венецейскій истуканъ», «*Viola tricolor*», «Бракъ», «Разгромъ», «Новый скитъ», «Завѣщаніе», «Зима», «Болотные огни», «Ассамблея», «Свѣтлѣйшій», «Холопы», «Встрѣча», «Передъ зарей», «Ненастье». Всѣ эти пьесы играны на императорскихъ сценахъ Москвы и Петрограда. Въ Парижѣ шли въ «*Théâtre des Arts*» «Горяція письма».

Сотрудничество въ изданіяхъ: «Артистъ», «Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ», «Художественныя сокровища Россіи», «Художественный Журналъ», «Театръ и Искусство», «Русскій Вѣстникъ», «Сѣверный Вѣстникъ», «Книжки Недѣли», «Міръ Искусства», «Жизописное Обзорѣніе», «Историческій Вѣстникъ», «Всѣмірная Иллюстрація», «Огонекъ», «Сѣверъ», «Нива», «Кругозоръ», «Виржевыя Вѣдомости», «Утро Россіи», «Новое Время», «Русскій Міръ», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Петроградская Газета», «Художникъ» и друг.

Псевдонимы: Rectus и Старый Джонъ.

Отъ всякихъ официальныхъ чествованій юбиляръ категорически отказался. Наканунѣ юбилея онъ выѣхалъ въ Финляндію, чтобы избѣжать «юбилейныхъ торжествъ».

Представители комитета Александринскаго театра отправили юбиляру слѣдующую телеграмму:

«Привѣтствуя сорокалѣтіе вашей художественной дѣятельности артисты императорскаго Александринскаго театра просятъ принять сердечныя пожеланія сохранить на долгое время здоровье и силы для продолженія вашего прекраснаго служенія искусству».

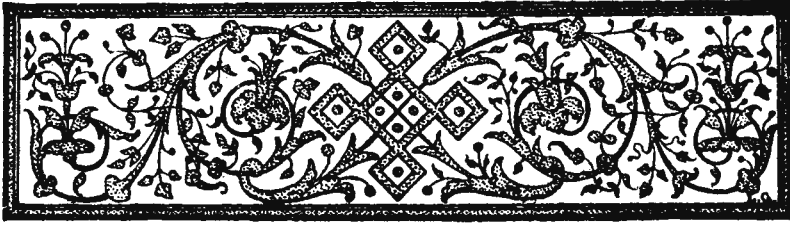
Юбиляру присланы еще серебряный вѣнокъ отъ общества драматическихъ писателей, телеграммы артистовъ московскаго Малаго театра, Суворинскаго театра, общества поощренія художествъ, отъ нѣсколькихъ редакцій столичныхъ и московскихъ газетъ и журналовъ и др.

Полученъ цѣлый рядъ телеграммъ отъ друзей, артистовъ, почитателей и многихъ учреждений.

Наша періодическая печать всѣхъ политическихъ оттѣнковъ тоже, съ рѣдкимъ у насъ въ подобныхъ случаяхъ единодушіемъ, съ большою сердечностью въ многочисленныхъ статьяхъ привѣтствовала мастигаго юбиляра.

Редакція «Историческаго Вѣстника», въ которомъ П. П. Гнѣдичъ помѣстилъ не мало своихъ интересныхъ и художественныхъ работъ, привѣтствовала его 11-го февраля с. г., какъ своего постоянного сотрудника, сердечной телеграммой и надѣется въ текущемъ году дать о немъ специальный очеркъ съ приложеніемъ его изображенія. Въ настоящей замѣткѣ пользуемся возможностью еще разъ засвидѣтельствовать Петру Петровичу наши лучшія чувства съ пожеланіемъ еще много лѣтъ украшать своимъ именемъ страницы нашего журнала.

ОТСТУПЛЕНИЕ СЕРБСКОЙ АРМІИ ЧЕРЕЗЪ АЛБАНИЮ¹⁾.

(Изъ личныхъ впечатлѣній и переживаній).

I.

ОТСТУПАЯ черезъ Черногорію (Инекъ—Подгорица—Скутари), сѣверную, среднюю и южную Албанію, сербская армія подъ защитой своихъ арріергардовъ на сѣверо-востокъ противъ австрійцевъ и нѣмцевъ, а на востокъ—противъ болгаръ успѣла до 15-го декабря 1915 года пробраться къ Адриатическому побережью и сконцентрироваться около Скутари, Алессіо, Санъ-Джіовани-ди-Медуа, Дураццо и частью около Валоны, куда прежде всего были посланы такъ называемыя резервныя части—новобранцы послѣдняго набора и плѣнные.

Главная задача непріятеля, успѣвшаго къ 20-му ноября занять всю территорію Сербіи, оказалась все-таки далеко не законченной: живая сила Сербіи—армія, какъ главный объектъ непріятельскихъ стремленій, ускользнула изъ его рукъ, вырвавшись изъ того желѣзнаго кольца, которымъ непріятель стягивалъ ее въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Враги завладѣли территоріей королевства, но тѣмъ не менѣе они не могли торжествовать окончательной побѣды надъ сербами: въ числѣ ихъ трофеевъ не оказалось ни одного полкового штаба, не говоря о высшихъ командныхъ единицахъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Ист. Вѣстн.» т. СXLVII, стр. 489.

Поэтому они рѣшили напрямъ всѣ усилія, чтобы уничтожить живую силу Сербіи, гдѣ бы она ни находилась.

Съ этой цѣлью враги прибѣгли къ слѣдующимъ средствамъ: во-первыхъ, австрійскіе и болгарскіе агенты стали подстрекать албанцевъ принять участіе въ уничтоженіи сербской арміи, указывая имъ на великолѣпный случай отомстить сербамъ за 1912 и 1913 года и воспользоваться богатой добычей, а какъ скоро дѣло касалось грабежа и добычи, то убѣдить албанцевъ не представляло большого труда. Много сербскихъ солдатъ, офицеровъ, бѣженцевъ, женщинъ и дѣтей оставили свои кости въ Албаніи, благодаря коварнымъ засадамъ и вѣроломству албанцевъ (напримѣръ, около Спаса, Ороша и Висята были перебиты сотни солдатъ и не менѣе, какъ по 20 офицеровъ въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ). Эсадъ-паша не имѣлъ ни власти, ни силы задержать албанскія племена отъ нападенія на сербовъ, хотя онъ и являлся сторонникомъ послѣднихъ.

Во-вторыхъ, враги организовали воздушныя флотиліи для нападенія на тѣ мѣста Адриатическаго побережья, въ которыхъ сербская армія искала убѣжища, какъ-то: въ Скутари, Алессіо, С.-Джіовани-ди-Медуа, Дуррацо и пр.

Противъ воздушныхъ нападеній и «небеснаго огня», какъ говорили сербы, не было никакой защиты—ни въ Скутари, ни въ Алессіо, ни въ Дуррацо. Не было ни пушекъ, ни аэроплановъ, которые могли бы противостоять немилосердному врагу. Въ-третьихъ, наконецъ, непріятель воспользовался своимъ флотомъ въ качествѣ самаго реальнаго и могущественнаго средства для воспрепятствованія подвозу жизненныхъ припасовъ, какъ для сербской арміи, такъ и для Черногоріи. Эта дѣятельность австрійскаго флота приняла болѣе широкіе размѣры съ тѣхъ поръ, какъ французскій и англійскій флоты почти ушли изъ Адриатическаго моря, предоставляя итальянскому флоту заботы о перевозкѣ сербскихъ бѣженцевъ и доставку жизненныхъ припасовъ для арміи изъ Италіи на Адриатическое побережье. Но, судя по тому, что суда австрійскаго флота стали свободно обстрѣливать гавани Адриатическаго побережья и уничтожать доставленные уже жизненные припасы, нужно думать, что итальянцы не имѣли возможности удержать австрійскій флотъ отъ выхода изъ Катарскаго залива. Это предположеніе нашло еще большее подтвержденіе въ томъ, что австрійской подводной лодкой недалеко отъ С.-Джіовани-ди-Медуа потоплено судно, на которомъ находилось болѣе 300 черногорцевъ, возвращавшихся на родину изъ Америки.

При такихъ обстоятельствахъ началась эвакуація сербской арміи и доставка жизненныхъ припасовъ въ гавани Адриатическаго моря восточнаго побережья.

4-го января 1916 года предпринята первая перевозка на итальян-

скихъ судахъ между Валоной и Бизертой, а 10-го января совершенъ первый транспортъ—на Корфу. До этого времени, начиная съ первыхъ чиселъ ноября, шли только переговоры между сербскимъ правительствомъ и союзниками.

Въ первой половинѣ января положеніе сербской арміи было слѣдующее: въ Скутари, въ Алессіо и Санъ-Джіовани-ди-Медуа находилось 30.000, въ районѣ Дураццо—37.000, а на пути къ Валонѣ—65.000 сербовъ.

Эта армія снабжалась такимъ образомъ: Франція и Англія доставляли припасы въ Бриндизи, а итальянцы переправляли ихъ въ Албанію, руководствуясь при распредѣленіи припасовъ по гаванямъ указаніями нарочной комиссіи, въ составъ которой входили морскіе аташе въ Римѣ.

Масса сербскихъ войскъ не знала настоящаго положенія вещей: извѣстно было только, что армія будетъ переправлена въ болѣе безопасное мѣсто и тамъ реорганизована, что одни изъ союзниковъ взяли на себя доставку провіанта, другіе—обмундированіе и трети—вооруженіе.

II.

Скутари. Отношенія сербовъ и черногорцевъ.

Въ концѣ ноября и въ первой половинѣ декабря Скутари было переполнено сербскими войсками и бѣженцами.

Въ этомъ городѣ, какъ главномъ центрѣ занятой черногорцами части Албаніи оказались сербское правительство, верховная команда, министерства со своими отдѣлами и, наконецъ, штабы сѣверныхъ армій, отступавшихъ главнымъ образомъ черезъ Черногорію (Печь—Подгорица—Скутари).

Король Петръ I, переправившись черезъ сѣверную Албанію, минуя Черногорію, отправился прямо въ Дураццо, желая находиться среди тѣхъ частей войскъ, которыя отступали отъ Битоля и Охрида—дорогой Эльбасанъ—Тирана.

Въ Скутари находилось сначала около двухъ батальоновъ черногорцевъ. По взаимному соглашенію съ Черногоріей сербы для поддержанія дисциплины и порядка взяли управленіе городомъ въ свои руки, а губернаторъ Скутари, генераль Вешовичъ, оставался въ качествѣ представителя черногорской власти. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ всѣ административныя, военныя и гражданскія учрежденія Сербіи, устроившись въ отдѣльныхъ зданіяхъ и районахъ города, приступили къ отправленію своихъ функцій. Дѣятельность представителей этихъ учреждений отличалась чрезвычайной энергіей и быстротой, ибо нужно было удовлетворить огромную массу бѣженцевъ и чиновниковъ, потерявшихъ связь со своими надлежащими командами и учрежденіями. Поэтому,

не считаясь съ формальными сторонами дѣла, министры и ихъ помощники становились и начальниками и исполнителями. Я видѣлъ не разъ, что выдача, напримѣръ, жалованья, пенсій и другихъ денежныхъ выдачъ производилась на основаніи одного только честнаго слова чиновника или просителя, такъ какъ большинство архивовъ и частныхъ документовъ было уничтожено во время отступленія.

Такимъ образомъ, сербскіе органы высшей государственной власти, опираясь на довѣріе скупщины и имѣя въ виду существо дѣла закона, довѣряли отдѣльнымъ лицамъ и, руководимые непреложною необходимостью, вызванной чрезвычайными условіями государственной жизни, пренебрегали мертвой формой закона, стремясь только къ одной цѣли, чтобы ни одна нить государственной жизни не была порвана. Это обстоятельство укрѣпляло въ народѣ и войскѣ вѣру въ непрерывность государственнаго существованія, вызывало подъемъ духа и сознаніе исполненнаго долга, порождало довѣріе какъ къ верховному командованію, такъ и руководителямъ сербской политики, опиравшейся на силу и помощь союзниковъ. Въ этомъ могъ убѣдиться каждый, кому приходилось обращаться къ отдѣльнымъ органамъ военныхъ и гражданскихъ властей, было ли то по личнымъ, или общимъ дѣламъ.

Санитарную часть верховной команды осаждали толпы больныхъ и раненыхъ офицеровъ и солдатъ. Врачебная комиссія (изъ трехъ врачей) работала съ утра до вечера, выдавая удостовѣренія военнымъ чинамъ на право выѣзда по болѣзни за границу или на право отдыха въ составѣ своихъ частей.

Санитарная часть военнаго министерства, состоявшая подъ начальствомъ доктора Карановича, заботилась о снабженіи освидѣтельствованныхъ упомянутой врачебной комиссіей матеріальными средствами для леченія. Несмотря на то, что каждое учрежденіе, сообразно средствамъ, имѣвшимся въ его распоряженіи, старалось по возможности облегчить положеніе cadaго, нельзя пройти молчаніемъ, что тамъ, гдѣ нужно было съ неотложной поспѣшностью удовлетворить тысячи нуждъ и огромное количество частныхъ просьбъ, не могло обойтись безъ жалобъ и пререканій, но въ то же время нельзя и не отмѣтить, что всѣ подобныя неудовольствія и горечи, къ чести сербовъ, никогда не обострялись до такой степени, чтобы дать поводъ къ крайнимъ и безразсуднымъ столкновеніямъ. Вообще высшее управленіе и командованіе содержало въ себѣ такіе согласованные и руководящіе элементы, что армія свято сохранила сербское знамя при всѣхъ самыхъ трагическихъ моментахъ отступленія.

Проходя вдоль главной улицы Скутари, я встрѣтилъ воеводу Степана Степановича, чья армія сыграла важнѣйшую роль при разгромѣ австрійцевъ около Цера и Шапца въ первой половинѣ

августа 1914 года и теперь пробиралась через Черногорію отъ Печи (Ипека) къ Скутари. Такъ какъ я служилъ въ составѣ его арміи, участвовавшей въ осадѣ и взятіи Адрианополя въ 1912 году, то онъ остановилъ меня, какъ стараго знакомаго.

— Правда ли, что твой братъ, майоръ докторъ Жеранчъ, погибъ въ Албаніи?

— Къ сожалѣнію, правда, воевода, — отвѣтилъ я.

— Жаль, но что мнѣ сказать тебѣ въ утѣху, когда наши общія бѣдствія и жертвы достигаютъ такой степени. Будемъ, пожалуй, надѣяться, что эти жертвы не окажутся напрасными для несчастнаго сербскаго племени, — сказалъ воевода какъ-то желчно.

Видно было, что на душѣ его было не легко, что тяжелыя мысли давили его.

Разговаривая о подробностяхъ пути черезъ сѣверную Албанію (Призрѣнъ, Люмъ-Кула—Везировъ-Мостъ—Михайна-Пуки), мы принуждены были подняться по ступенькамъ въ первый этажъ губернаторскаго зданія, гдѣ воевода занималъ одну комнату, такъ какъ въ это время съ аэроплановъ стали падать въ городъ бомбы, отъ дѣйствія которыхъ мы замѣтили передъ губернаторскимъ зданіемъ нѣсколько жертвъ, а въ числѣ ихъ оказался и черногорскій инженеръ Жугичъ, состоявшій комиссаромъ въ Митровицѣ по приему жизненныхъ припасовъ для Черногоріи, снабжавшейся вообще матеріальной частью по установленному порядку изъ Сербіи. Когда мы остановились въ первомъ этажѣ, гдѣ предполагалось менѣе опасности отъ бомбъ, къ воеводѣ подошелъ бывшій министръ Генчичъ. Они сердечно привѣтствовали другъ друга, но довольно долго стояли, не будучи въ состояніи сказать ни слова. У обоихъ на глазахъ стояли слезы.

— Твоя семья осталась въ Сербіи?—спросилъ наконецъ Генчичъ.

— Да, а твоя?

— Тоже осталась, а знаю, что все сдѣлаются жертвой ненавистниковъ, — добавилъ Генчичъ, махая рукой, точно онъ хотѣлъ отогнать отъ себя картины ужаса, представлявшіяся его воображенію.

Послѣ нѣкоторой паузы онъ спросилъ воеводу:

— Какъ дѣла твоей арміи?

— Продвигается черезъ Андриєвицу и Подгорицу, задерживая непріятеля арріергардами. Черногорцы тоже помогаютъ, но послѣ того, какъ на границѣ Черногоріи, за отсутствіемъ дорогъ, осталась почти вся артиллерія и подводы, нечего разсчитывать на успѣхъ.

— А населеніе Черногоріи?

— Въ нашемъ горѣ видитъ свое горе. Ты видишь, что у черногорцевъ нѣтъ никакихъ запасовъ для собственныхъ нуждъ, а не то, чтобы подѣлиться съ нами. Съ другой стороны, ты знаешь нашу народную пѣсню: «Горе странѣ, гдѣ проходятъ войска». Трупы

Солдаты третьего призыва, прикрывавшие отступление сербовъ.

людей и лошадей устлали дороги. Нужда и дороговизна невѣроятная, а этого довольно, чтобы вызвать вопли...

— Неужели союзники не успѣютъ помочь?

— Разъ не успѣли помочь намъ, не успѣютъ помочь и имъ. Непрiятелю прямой расчетъ не упускать насъ изъ рукъ и слѣдовать за нами черезъ Черногорiю.

Безвыходное положенiе нашихъ войскъ и этотъ ужасъ страданiя, который развертывается передъ глазами черногорцевъ, не можетъ, конечно, воодушевить ихъ для слѣдованiя по нашимъ стопамъ...

Прибывшiя изъ Албанiи и Черногорiи войска располагались биваками частью въ городѣ, частью въ его окрестностяхъ и далѣе по дорогѣ Алессіо—Дураццо. Снабженiе войскъ становилось очень затруднительнымъ. Доставка жизненныхъ припасовъ изъ Санъ-Джiовани-ди-Медуа замедлялась. Исключая персонала верховной команды, образовавшаго за свой счетъ общую столовую, каждая часть должна была заботиться о собственномъ пропитанiи.

Имѣя отпускъ изъ штаба армiи Новой области, оставшейся въ селѣ Юбалы, верстахъ въ пятнадцать отъ Скутари, я былъ предоставленъ самому себѣ и потому присоединился къ одной группѣ хорошо знакомыхъ мнѣ солдатъ, прибывшихъ раньше и устроившихся уже на квартирѣ въ Скутари. Они имѣли запасъ кукурузной муки и имѣли возможность готовить «мамалыгу» (кукурузную кашу), зачиная ее саломъ или деревяннымъ масломъ и прибавляя то лука, то картофеля—для разнообразiя.

Дѣло въ томъ, что купить что-нибудь въ городѣ могъ только тотъ, кто имѣлъ золотыя или серебряныя деньги. Черногорскiя и сербскiя бумажныя деньги принимались торговцами очень неохотно. Нужно было платить бумажными деньгами по 70 и даже 100 франковъ за одинъ наполеондоръ.

Денежный вопросъ поправился до нѣкоторой степени только тогда, когда сербское министерство финансовъ урегулировало стоимость сербскихъ бумажныхъ денегъ взносомъ извѣстнаго количества золота въ римскiе, парижскiе и отчасти и въ греческiе банки. Но и это принесло пользу только тѣмъ бѣженцамъ, которые выѣзжали за границу и могли переводить деньги чеками. Оставшiеся сербы довольно долго ждали, пока этотъ вопросъ урегулировался съ Греціей, а равнымъ образомъ нужно было ждать и терпѣть, пока уладились многiе вопросы, отъ которыхъ зависѣло дальнѣйшее существованiе государства, очутившагося внезапно на чужой территорiи.

Черногорцы глубоко принимали къ сердцу страданiя Сербiи и чувствовали, что съ разгромомъ Сербiи приходитъ и ихъ очередь. Но при всемъ томъ ни народъ, ни войско не имѣли представленiя о томъ, какое положенiе займутъ народъ и правительство въ случаѣ вторженiя австрiйцевъ. Громадное большинство народа вѣрило

слухамъ, доходившимъ до него изъ Цетинья, что этой зимой до вторженія не дойдетъ, а эти слухи упорно поддерживались и распространялись австрійскими агентами: «Австріи, молъ, нѣтъ нужды занимать Черногорію. Если она даже и займетъ Ловченъ, то войска не послѣдуютъ дальше. Отступление же за толпами разбитыхъ сербовъ, не имѣющими ни отъ кого никакой помощи, это для Черногоріи было бы простымъ безуміемъ».

Встрѣтившись съ однимъ черногорцемъ, знакомымъ мнѣ со времени сербско-болгарской войны на Брегалницѣ, гдѣ черногорцы тоже, по ихъ выраженію, «отстаивали предѣлы царства Душана», онъ обратился ко мнѣ съ улыбкой:

— Видишь, какъ этотъ клочокъ нашей земли пригодился. Милости просимъ, пока пройдетъ буря.

— Да пройдетъ ли буря? Не окажется ли скоро и вы въ нашей шкурѣ?

— Вотъ въ томъ-то и состоитъ Гордіевъ узелъ. Ты помнишь, какъ въ штабѣ генерала Янковича на Брегалницѣ тотъ старый черногорскій офицеръ на вопросъ, какъ идутъ дѣла по разграниченію между Сербіей и Черногоріей, отвѣтилъ: «Въ нашемъ народѣ никто не думаетъ о разграниченіяхъ, а думаетъ о томъ, чтобы между нами не было границъ». Народъ и теперь такъ думаетъ, а наши правящіе органы повѣсили головы и думаютъ точно такъ же, какъ думалъ въ «Горномъ вѣнкѣ» владыка Даніилъ, собираясь очистить Черногорію отъ доморощенныхъ турокъ:

«Надо мною небеса закрылись
И не внемлютъ воплямъ ни молитвамъ.
Весь міръ кромѣшный превратился въ адъ,
А люди кажутся какъ тѣни ада»...

продекламировалъ мой знакомый, указывая многозначительно рукой на проходившихъ мимо раненыхъ, больныхъ и измученныхъ сербскихъ воиновъ.

Дойдетъ ли до грозы и какимъ образомъ руководители нашей политики развяжутъ образовавшійся, благодаря вашему отступленію, Гордіевъ узелъ, трудно пока сказать.

И, въ самомъ дѣлѣ, даже возвращеніе Пашича изъ Цетинья не освѣщало этого вопроса. Отъ близкихъ Пашичу лицъ сдѣлалось только извѣстно, что король Николай согласенъ съ политикой Сербіи.

Тѣмъ не менѣе до конца декабря ни одинъ рѣшающій факторъ Черногоріи не сдѣлалъ ни малѣйшаго шага, намекавшаго на необходимость эвакуаціи городовъ или на возможность отступления черногорскихъ войскъ, хотя непріятель стоялъ уже на порогѣ Черногоріи. Между тѣмъ, когда австрійцы взяли Ловченъ, какъ главный оплотъ Черногоріи, распространившіеся слухи о пред-

принятыхъ мирныхъ переговорахъ не замедлили сказаться роковыми для страны послѣдствіями, которыя выразились въ замѣшательствѣ въ народѣ, дезорганизаціи войска и, наконецъ, полной инертности высшаго управленія Черногоріи, очутившагося вдругъ какъ бы въ заколдованномъ кругѣ, безъ власти и народнаго довѣрія, этихъ единственныхъ элементовъ, на основаніи которыхъ принимаются великія историческія рѣшенія, вліяющія на судьбу народа и государства.

Австрійцы вступили на подготовленную переговорами почву и мало-по-малу стали занимать черногорскую территорію почти безъ сопротивленія, постепенно отрѣзывая всѣ дороги къ отступленію черногорскихъ войскъ, такъ что самъ король Николай едва успѣлъ въ послѣднюю минуту уѣхать въ Санъ-Джовани-ди-Медуа и переправиться въ Италію (8-го января) со своей семьей и небольшою свитой, среди которой и находился предсѣдатель совѣта министровъ Миушковичъ.

Паденіе Ловчена, неудавшіеся переговоры и наконецъ выѣздъ короля совершенно парализовали всѣ функціи государственной жизни Черногоріи и ея самоопредѣленія и повлекли за собой полную катастрофу, облеченную въ форму какой-то полукapитуляціи, которую австрійцы не замедлили использовать въ полной мѣрѣ, какъ въ ущербъ достоинству и чести черногорскаго народа, такъ и въ ущербъ сербамъ и ихъ союзникамъ.

Оставшіеся обезглавленными, народъ и войско принуждены были поклониться вѣковому врагу; исключеніе сдѣлали отдѣльныя лица и около 3.000 герцеговинцевъ и босняковъ, перешедшихъ въ Черногорію для борьбы противъ своихъ угнетателей. Эти бѣженцы-добровольцы были перевезены на Корфу вмѣстѣ съ сербскою арміей, эвакуировавшей временно свои части изъ Скутари до наступленія австрійцевъ.

Отѣздъ короля Николая изъ Санъ-Джовани-ди-Медуа, по удостовѣренію очевидцевъ, произошелъ въ присутствіи сербскихъ и черногорскихъ солдатъ и королевича Александра, который проводилъ его отъ Алессіо до гавани. Собираясь сѣсть на корабль, король обратился къ присутствовавшимъ на берегу лицамъ со словами:

— Воины! я оставляю на нѣкоторое время отечество. Съ вами остается сербскій королевичъ Александръ. Любите его всѣмъ жаромъ сердца, какъ онъ любилъ васъ во все время нашихъ кровавыхъ войнъ противъ нашихъ враговъ, раздѣляя съ вами добро и зло. Слушайте его и повинуйтесь ему. Этотъ мой совѣтъ оставляю и вамъ, черногорцы! И вы слѣдуйте ему. Наше святое дѣло восторжествуетъ: съ нами Богъ и правда. Съ Богомъ, воины.

— Съ Богомъ! Живіо!—раздалось съ пристани.

Съ тяжелыми чувствами толпа стала расходиться, причемъ можно было слышать:

Австрийские пленные при отступлении сербовъ.

— Такъ вотъ, не стало и свободы нашихъ Черныхъ горъ: врагъ занялъ и эти скалы, воспѣтыя нашими пѣвцами, какъ «лучшіе перлы сербской короны», служившіе вѣками пріютомъ свободныхъ людей.

Упомянувши мелькомъ о катастрофѣ Черногоріи, возвращаюсь снова къ наблюдениямъ о передвиженіи сербской арміи и бивачной жизни солдатъ.

«Истор. вѣстн.», мартъ 1917 г., т. сѣмн.

Отъ самаго Скутари до Алессіо и Санъ-Джіовани-ди-Медуа съ одной и другой стороны дороги виднѣлись биваки.

Исключая больныхъ и раненыхъ, передвиженіе которыхъ, вслѣдствіе недостатка подводъ и лошадей, представляло довольно грустную картину, остальные части войскъ маршировали по командамъ и производили впечатлѣніе здоровыхъ нормальныхъ людей, сознательно исполнявшихъ долгъ службы. Между ними чувствовалось единство духа, извѣстная сплоченность и солидарность, являвшіяся результатомъ перехода черезъ Албанію и разъ уже принятаго рѣшенія: «итти на острова или за море лучше, чѣмъ сдаваться швабу или болгару». Это рѣшеніе создавало у солдатъ такой душевный строй, что они мало-по-малу стали какъ будто забывать и тѣ страданія, которыя пришлось имъ тамъ перенести; казалось, чѣмъ больше непріятель употреблялъ средствъ для истребленія сербовъ, тѣмъ больше среди оставшихся развивалась ненависть и жажда отмщенія.

Солдаты постепенно стали мириться съ имѣющимъ совершиться транспортомъ съ Адриатическаго побережья, но ни на минуту не забывали родной Сербіи и пережитыхъ моментовъ четырехлѣтнихъ войнъ. Въ бивакахъ около Скутари и Алессіо нерѣдко можно было замѣтить, что у солдатъ по окончаніи заботъ о насущномъ хлѣбѣ и обязанностей службы всегда находилось время для передачи другъ другу эпизодовъ изъ своихъ переживаній. Такъ, порою они начинали по очереди разговоры.

— Я отступалъ въ числѣ послѣднихъ изъ Призрѣна къ Люмъ-Кулѣ поздно вечеромъ 15-го ноября. Былъ снѣгъ, морозъ и вѣтеръ. Почти на полпути я замѣтилъ одного «дядю», третьяго призыва, лежащимъ и стонущимъ около дороги. «Что же ты лежишь на этомъ снѣгу?» спрашиваю его. «Ноги отнялись, мочи нѣтъ!»—сказалъ почти окоченѣвшій бѣдняга. Оказать ему помощи не было никакой возможности: нашъ арріергардъ уже отступилъ.

«— Хочешь я тебя перенесу на другую сторону дороги, гдѣ вѣтеръ меньше дуетъ?»

«— Сдѣлай милость.»

Я взялъ его на руки и перенесъ на другую сторону дороги, положивъ ему подъ голову торбу, въ которой былъ одинъ хлѣбъ.

«— Слушай,—сказалъ онъ, когда я собрался уходить:—вынь этотъ хлѣбъ изъ торбы и возьми себѣ: пригодится въ пути, а мнѣ онъ уже не понадобится.»

— А одинъ нашъ четникъ поступилъ иначе въ Люмъ-Кулѣ, гдѣ онъ тоже остался послѣднимъ съ однимъ товарищемъ, которому пуля сломала обѣ ноги. Онъ попробовалъ носить его на плечахъ, но тотъ страшно страдалъ, да и гдѣ перенести человѣка черезъ Албанію на спинѣ? Тогда раненый сталъ Христомъ-Богомъ умолять покончить съ нимъ, а не оставлять его умирать медленной смертью на

снѣгу. Товарищъ долго не соглашался, но раненый неотступно просилъ. «Сто разъ прощаю тебѣ мою кровь», сказалъ раненый. Тогда товарищъ взялъ ружье. «Полно, пожалуйста, тратитъ патронъ, ножъ вѣрнѣе»,—убѣждалъ его раненый, и товарищъ оказалъ услугу другу. Теперь его узнать нельзя: такъ похудѣлъ и сдѣлался угрюмымъ.

Въ другой разъ солдаты переносились на берега Савы и Дуная.

— Когда австро-нѣмцы напали на насъ, одинъ молодой новобранецъ первый разъ увидѣлъ аэропланъ.

«— Это что же такое?—спрашиваетъ онъ.

«— Австрійскій аэропланъ.

«— Чего же онъ хочетъ?

«— Должно быть, ему хочется перечесть сапоги, которые австрійцы оставили въ прошломъ году въ Сербіи,—объяснилъ одинъ старый солдатъ новобранцу».

Одинъ изъ четниковъ продолжалъ:

— Молодой солдатъ, принадлежавшій къ армии нашего «железнаго генерала» Живковича, занимавшей окрестности Бѣлграда, возмѣлъ непремѣнное желаніе присоединиться къ намъ, четникамъ, добровольцемъ на Аду-Циганлію (островокъ на Савѣ, выше Бѣлграда), которую мы защищали тогда отъ нѣмцевъ; онъ почему-то вообразилъ, что съ четниками лучше и интереснѣе воевать, чѣмъ въ составѣ роты. Послѣ неотступныхъ просьбъ ему наконецъ было дозволено, и онъ пришелъ къ намъ какъ разъ въ то время, когда непріятель открылъ артиллерійскій огонь по Адѣ-Циганліи. Пришедшій вновь солдатъ прилегъ въ окопѣ, среди остальныхъ четниковъ. Когда одна изъ гранатъ упала довольно близко отъ молодого солдата и разорвалась, одинъ изъ его сосѣдей-четниковъ взялъ камень и бросилъ ему въ спину.

«Тотъ принялъ, что его ударилъ осколокъ гранаты и завопилъ во все горло: «Помогите, я раненъ!» Его подобрали и принесли въ землянку.

«— Больно?—спрашиваютъ его.

«— Какъ не больно, когда мнѣ разбило всю спину,—отвѣтилъ тотъ жалобно.

«— Эхъ, ты, дуралей,—сказалъ четникъ, бросившій въ него камень.—А какъ бы ты велъ себя, если бы въ самомъ дѣлѣ тебя ударила граната, а не я—камень?»

«Солдатъ покраснѣлъ, сталъ ощупывать спину и, убѣдившись, что онъ не раненъ, а только одураченъ, всталъ.

«— Нѣтъ, я съ этими хулиганами не стану воевать, а лучше возвращусь въ мою роту, гдѣ ратуютъ честные люди.—Онъ вышелъ изъ землянки, сопровождаемый хохотомъ четниковъ».

«— Такое внушеніе пораненій и контузій встрѣчается нерѣдко,—сказалъ слушавшій этотъ рассказъ докторъ.

Въ одномъ изъ биваковъ около Скутари сидѣла группа солдатъ.

Одинъ изъ нихъ поджаривалъ на вертелѣ знаменитую форель изъ Скутарійскаго озера; къ костру подошло нѣсколько черногорцевъ. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, очевидно, знакомый съ ними, встрѣтилъ ихъ съ улыбкой.

— А вотъ и господа черногорцы, которые осуждаютъ насъ, что мы во время боя прячемся за прикрытія. Говорятъ, что юнакъ (герой) долженъ всегда бороться, стоя во весь ростъ, не правда ли?— обратился онъ къ пришедшимъ съ едва замѣтной ироніей.

— Конечно, мы воюемъ, не дѣлая поклоновъ врагу, подобно тому, какъ это дѣлаете вы, изображая турокъ, когда они молятся Богу.

— Вѣдь нужно же прикрытіе во время огня!

— Полно, пожалуйста. Дѣлая по-турецки поклоны, скрываешь только голову, а задъ остается открытымъ. Пуля не найдетъ голову, найдетъ задъ, такъ ужъ лучше воевать, какъ юнакъ, безъ прятковъ.

Солдаты хохотали, сравнивая сербскую и черногорскую тактику.

— Удивительные люди эти черногорцы,—сказалъ одинъ изъ солдатъ, когда они ушли.—Когда они воевали съ нами на Брегалницѣ, имъ чрезвычайно импонировала наша скромная матеріальная подготовка и особенно систематичность въ снабженіи войскъ провіантомъ, о чемъ они въ Черногоріи, за отсутствіемъ дорогъ и подводъ, не могли и думать.

— Ей-Богу, я удивляюсь королю Петру,—сказалъ одинъ черногорецъ:—почему онъ не воюетъ каждый годъ.

— Почему это?—спросили его.

— Если бы мы въ Черногоріи имѣли средства для подобнаго снабженія войскъ, мы заставили бы короля Николая ратовать цѣлый вѣкъ. Развѣ бы это не было лучше, чѣмъ сидѣть, яко бы въ мирѣ, въ нашихъ бѣдныхъ скалахъ.

Вообще всѣ части войскъ, не исключая и тыловыхъ частей, шедшихъ обыкновенно въ беспорядкѣ и присоединявшихся на бивакахъ къ регулярнымъ войскамъ, жили однимъ духомъ, однѣми надеждами и одной любовью къ родинѣ. Казалось, нѣтъ такихъ лишений и испытаній, которыя могли бы поколебать у этихъ солдатъ могучую любовь къ родинѣ и идеаламъ свободы; казалось, что несчастья не ослабляли, а только закаляли ихъ. Сербскій духъ жилъ среди изгнанной изъ своей страны, но не побѣжденной арміи, подобно тому, какъ онъ жилъ въ народѣ въ теченіе пяти вѣковъ послѣ гибели сербскаго царства на Косовѣ Полѣ (1389 г.), возбуждаемый и закаляемый гуслями, создавшими эпопею сербскихъ страданій. Побѣдить этотъ несокрушимый духъ сербскаго народа, вотъ чего не могли достичь ни австрійцы, ни нѣмцы, ни болгары! Вотъ почему въ рядахъ сербской арміи при ея отступленіи мы видимъ: босняковъ, герцеговинцевъ, черногорцевъ, македонцевъ,

далматинцевъ, хорватовъ, словенцевъ, австрійскихъ сербовъ, подвергавшихся несслыханнымъ испытаніямъ и бѣдамъ, и вопреки этому смотрѣвшихъ на сербскую армию, какъ на единственный якорь спасенія.

Будучи одинъ съ другимъ, съ глазу на глазъ, солдаты нерѣдко заводили разговоры, въ которыхъ слышались болѣзненные ноты, о семьѣ, оставленной безъ средствъ, о запущенности хозяйства, о томъ, какъ это трудно будетъ все поправить, если Сербія останется долго въ рукахъ непріятеля. Но какъ только они собирались въ группу, при остановкахъ или въ бивакахъ, расположеніе духа не замедляло проясняться. Каждый невольно подавлялъ свое личное горе, и иной разъ приходилось слышать въ бивакахъ свирѣль, чьи звуки какъ-то странно и меланхолично разносились среди албанскихъ скалъ.

— Тебѣ-то легко дуть въ свирѣль,—обратился однажды пѣхотинецъ съ ироніей къ игравшему на свирѣли артиллеристу.— Орудія-то оставили, и теперь хоть пляши!

— Ты бы тоже плясалъ, если бы у тебя не были подбиты ноги, а орудія-то мы вмѣстѣ хоронили. А вотъ, когда получимъ новыя, такъ всё запляшемъ,—защищался артиллеристъ.

Иногда между солдатами, особенно принадлежащими къ болѣе интеллигентному классу, можно было слышать толки и пересуды о членахъ общины, о депутатахъ скупщины, о тѣхъ или другихъ поступкахъ вождей отдѣльныхъ партій. Хотя подобныя сужденія и отличались порою насмѣшками и колкостями и принадлежали лицамъ, которымъ политика служила и въ Сербіи, такъ сказать, извѣстной пищей, однако взаимныя пререканія никогда не носили характера злобы или ненависти. Напротивъ, и въ этихъ сужденіяхъ замѣчалась извѣстная сглаженность враждебныхъ партійныхъ отношеній, являвшаяся результатомъ сознанія и общаго горя, и общаго долга къ родинѣ.

На пути отъ Скутари къ Алессіо и Санъ-Джіовани-ди-Медуа мнѣ пришлось ночевать въ селѣ Барбалушѣ, въ окрестностяхъ котораго были расположены отдѣльныя части сѣверныхъ армій. Со мной было человекъ десять солдатъ-добровольцевъ, получившихъ право отъѣзда за границу. Одинъ изъ албанцевъ въ упомянутомъ селѣ принялъ насъ на ночлегъ.

— Сколько придется заплатить за ночлегъ?—спросилъ я албанца предварительно, желая избѣгнуть возможныхъ недоразумѣній.

— Вы всё мои гости, и за ночлегъ я ничего не требую. Если же вамъ нуженъ ужинъ или особенныя услуги,—все у меня, слава Богу, есть, я за это тоже ничего не требую, а предоставляю вашему усмотрѣнію.

Албанецъ былъ зажиточный хозяинъ и имѣлъ хорошій домъ,

въ которомъ жило громадное семейство по старинному патриархальному обычаю «задруги» (общежитія и недѣлимости имѣнія), каковыя задруги существуютъ и у сербовъ съ незапамятныхъ временъ.

Какъ извѣстно, Черногорія заняла Скутари и его окрестности до Дрина, а затѣмъ и всю часть Албаніи, ограниченную Дриномъ, вливающимся у Алессіо въ Адриатическое море. Населеніе въ этой части Албаніи главнымъ образомъ католическое; есть и магометанское и православное, но жизнь всѣхъ ихъ почти ничѣмъ не отличается отъ таковой же въ Черногоріи.

— Мы много оказали услугъ Черногоріи,—сказалъ мнѣ хозяинъ,—еще во время нашей войны съ турками 1912 года. Благодаря только нашему содѣйствію, Черногорія и могла присоединить нашу область къ своей территоріи. Здѣшніе албанцы хорошо расположены не только къ черногорцамъ, но и къ сербамъ. Но останется ли все въ такомъ видѣ, какъ теперь, вотъ что насъ беспокоитъ.

Я отвѣтилъ хозяину какимъ-то утѣшеніемъ.

На слѣдующій день мы дружелюбно разстались съ хозяиномъ, при чемъ во дворъ вошло болѣе 20 человѣкъ его семьи—проститься съ нами и пожелать намъ счастливаго пути.

Отступленіе въ Грецію изъ Битоля и Охрида.

Въ ожиданіи распоряженія относительно переправы войскъ на Корфу однѣ части располагались биваками около Алессіо (Лешъ), въ надеждѣ, что итальянскія суда придутъ въ Санъ-Джіовани-ди-Медуа, другія части направлялись въ Дураццо, откуда тоже предполагалась перевозка.

Около Дураццо располагались и тѣ войска, которыя отступали отъ Охрида и Битоля дорогой—Эльбасанъ—Тирана.

Нужно имѣть въ виду, что эти части сербскихъ войскъ отступали отъ Битоля и Охрида въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: однѣ на западъ—къ Дураццо, ведя борьбу съ наступавшими болгарами, другія—на юго-востокъ къ Солуни.

Поэтому объ этой второй группѣ, отступавшей въ Грецію, на основаніи свидѣтельства лицъ, которыя непосредственно участвовали въ этомъ отступленіи, для полноты изложенія, не лишне сказать нѣсколько словъ въ связи съ отношеніемъ греческаго населенія къ сербамъ.

Тѣ части войскъ, которыя успѣли до 15-го декабря эвакуироваться изъ Битоля въ Солунъ по желѣзной дорогѣ, могли считать себя счастливыми, но зато части, отступившія нѣсколько дней позднѣе изъ Охрида на греческую территорію, подверглись всѣмъ испытаніямъ и холода, и голода. Греческія власти въ первое время

не знали, какое нужно занять положеніе по отношенію къ сербамъ, враждебное или нейтральное.

Въ Корицѣ (24-го ноября) собралось изъ частей пограничныхъ войскъ, жандармеріи, новобранцевъ, больныхъ и раненыхъ, принадлежавшихъ охридскому госпиталю, въ общемъ до 5000 человекъ. Вся эта масса людей, не исключая больныхъ и раненыхъ, была задержана въ Корицѣ греческими властями безъ провіанта и медикаментовъ въ теченіе 6 дней, причемъ только греческіе врачи старались непосредственно оказать кое-какія услуги сербамъ, а остальное населеніе осталось совершенно равнодушнымъ, равно какъ и греческія власти, пока наконецъ не получилось распоряженіе, чтобы предоставить больнымъ и раненымъ лошадей для переправы ихъ до желѣзнодорожной станціи Флорины, находящейся въ 80 верстахъ отъ Корицы.

Во Флоринѣ этимъ частямъ пришлось задержаться тоже нѣсколько дней въ ожиданіи разрѣшенія перевозки въ Солунь. Когда это разрѣшеніе было получено, управленіе дорогъ сдѣлало одну только льготу, предоставивъ всѣмъ, не исключая больныхъ и раненыхъ, проѣздъ до Солуни за половинную плату. Такъ какъ всѣ эти части потеряли связь съ своими командами, снабжавшими ихъ всѣмъ довольствіемъ, то возникли большія затрудненія для совершенія перевозки.

Директору охридскаго госпиталя (русскій врачъ, докторъ Рабинъ) пришлось использовать и всѣ собственныя средства, чтобы не оставить на станціи больныхъ и раненыхъ.

Въ Солуни больныхъ и раненыхъ присоединили къ французскому госпиталю, а здоровыхъ направили въ сербскій лагерь, устроенный раньше для частей, отступившихъ изъ Битоля. Общее командованіе принадлежало французамъ. Въ сербскомъ лагерѣ была установлена санитарная коммиссія, имѣвшая задачей освидѣтельствованіе выздоравливающихъ больныхъ и раненыхъ. Годныхъ для несенія военной службы задерживали въ лагерѣ, а тѣмъ, которымъ было необходимо спеціальное леченіе, выдавались удостовѣренія и паспорта для выѣзда изъ Греціи, если они этого желали. Эту категорію выздоравливающихъ, а также и бѣженцевъ принимали французскія суда и отвозили на Корсику или въ Бизерту, въ Сѣверную Африку. Кромѣ того, въ Солуни сортировались рабочіе и учащаяся молодежь. Ихъ перевозили во Францію, главнымъ образомъ въ Марсель, а затѣмъ, по существовавшему предварительно соглашенію, рабочихъ распредѣляли по фабрикамъ, а учащихся опредѣляли въ учебныя заведенія, начиная отъ первоначальныхъ школъ до университетовъ, обезпечивая ихъ полнымъ содержаніемъ.

Тѣмъ бѣженцамъ, которые оказались непригодными къ военной службѣ и которые не желали выѣзжать изъ Греціи, французско-

английское командование войскамъ предоставляло работать на постройкахъ дорогъ и укрѣпленій, обеспечивая ихъ очень хорошей платой (до 6 франковъ въ день и хлѣбъ). Эти рабочіе жили или въ лагерѣ, или въ городѣ по квартирамъ.

Содержаніе сербскихъ войскъ въ Солуни не отличалось ничѣмъ отъ содержанія французскихъ и английскихъ войскъ. Французскіе и английскіе солдаты относились къ сербамъ чрезвычайно дружелюбно: они умѣли и разговаривать и понимать другъ друга мимикой. Съ другой стороны, перѣдко можно было видѣть, какъ английскій солдатъ снимаетъ съ себя вязанки или фуфайки, чтобы одѣть сербскаго солдата.

Что же касается взаимныхъ отношеній союзныхъ солдатъ къ греческому населенію, то нужно отмѣтить, что въ этихъ отношеніяхъ довольно часто проглядывала замѣтная антипатія и между ними не обходилось безъ колкостей.

Въ глазахъ солдатъ поступки и дѣйствія грековъ, даже въ мелочахъ, носили отпечатокъ извѣстной хитрости, неискренности, спекуляціи, что сербскіе солдаты выражали техническимъ терминомъ: «греческая мудрость».

Когда вопросъ заходилъ о взаимныхъ договорахъ, обеспечивающихъ лучшую будущность и Сербіи, и Греціи, греки хладнокровно отвѣчали: «Мы не можемъ согласиться быть раздавленными, какъ сербы».

Въ Солуни неотлучно пребывалъ и старый король Петръ, не желавшій ни минуты покидать своихъ войскъ.

Въ С. Джіовани-ди-Медуа мы надѣялись встрѣтить огромные запасы для сербской арміи, но не мало были удивлены, увидя, что большинство судовъ потоплено и что въ магазинахъ находится далеко недостаточное количество этихъ запасовъ. Дорога отъ Алессіо (Лѣша) до С. Джіовани-ди-Медуа была запружена бѣженцами и главнымъ солдатами, шедшими съ выючными лошадьми для пріема провіанта для войсковыхъ частей, разсѣянныхъ по бивакамъ въ Албаніи. Въ одной части гавани былъ устроенъ складъ муки и сала съ цѣлью снабженія сербской арміи. Кули муки и сундуки сала вытаскивались изъ моря, когда волны подгоняли ихъ къ берегу; иной разъ муку отдѣляли отъ образовавшейся въ водѣ коры и пересыпали въ другіе кули, иной разъ солдаты навьючивали на лошадей прямо вытасченные изъ моря кули. Сундуки съ саломъ вскрывали и испорченные на половину куски приходилось срѣзывать: то, что оставалось послѣ обрѣза, повидимому, годнымъ, взвѣшивалось и предоставлялось обозамъ отдѣльныхъ частей войскъ.

Въ С. Джіовани-ди-Медуа стекались, съ одной стороны, обозы для пріема провіанта, съ другой стороны, бѣженцы, больные и раненые солдаты и офицеры, желавшіе и имѣвшіе право перѣзда въ

Типъ сербскаго ветерана.

Италію. Такъ какъ и приблизительно нельзя было знать, придутъ ли итальянскія суда и когда, то приходилось устраниваться въ гавани и ждать ихъ прихода или отправиться въ Дураццо или Валону, чтобы попасть въ Италію.

Разсчитывая, что какое-нибудь итальянское или союзное судно придетъ въ Медуа, я устроился въ гавани на склонѣ спускавшихся къ морю горъ, подъ прикрытіемъ одной изъ скалъ, причемъ со-

путствовавшіе миѣ солдаты устроили бивакъ такимъ образомъ, что можно было разводить огонь, который нельзя было видѣть съ моря. Администрація гавани—сербская—въ отношеніи внутренняго порядка и пріема жизненныхъ припасовъ для сербской арміи, англійская въ лицѣ одного генерала—въ отношеніи безопасности моря и прибытія судовъ и, наконецъ, черногорская, въ качествѣ представительства Черногоріи, особенно заботилась о томъ, чтобы вечеромъ все огни были потушены. Но такъ какъ въ гавань прибывали съ каждымъ днемъ новыя группы голодныхъ солдатъ и бѣженцевъ, то приготовленіе каши или хлѣба являлось такой настоятельной потребностью, что все приказанія оставались бесплодными. «Хорошо, хорошо,—говорили мрачно солдаты подходившимъ патрулямъ.—Какъ только приготовимъ ужинъ, огонь потушимъ».

— Зачѣмъ же вы сами не потушите огонь, какъ вамъ это приказано? — укоряли нѣкоторые патрульныхъ.

— Да они только что пришли изъ Албаніи, а вѣдомо, что они голодны и злы, какъ волки. Такъ лучше ужъ потерять съ исполненіемъ приказа,—оправдывались патрульные.

Не проходило дня, чтобы не появлялись надъ С.-Джіовани-ди-Медуа аэропланы. Гавань и окольные горы дрожали отъ взрывовъ бомбъ. Суда съ провіантомъ тонули, людей и лошадей разносило въ куски. Иной разъ съ горъ обваливались цѣлыя скалы и съ шумомъ катились къ берегу моря, увеличивая ужасъ находившихся въ гавани. Иной разъ появлялись и подводныя лодки, открывая огонь по судамъ и гавани и уничтожая имѣвшійся налицо провіантъ. Въ такіе моменты стоило посмотрѣть на солдатъ, пришедшихъ въ гавань съ выючными лошадьми за провизіей для тѣхъ отдѣльныхъ частей, которыя отстояли на 5, 10, 15 и 30 верстъ отъ моря и не имѣли и приблизительнаго представленія о томъ, что дѣлается въ гавани, откуда единственно они могли рассчитывать на снабженіе. Обознымъ частямъ приходилось итти ждать прибытія новыхъ итальянскихъ транспортовъ или подбирать по берегу моря выброшенные волнами кули и сундуки для пополненія обозовъ и скорѣйшаго возвращенія въ биваки, гдѣ ихъ ждали съ такимъ нетерпѣніемъ. Многіе изъ солдатъ заходили далеко въ море, чтобы скорѣе подогнать къ берегу всплывшіе запасы.

— Ну, вотъ и приходится ловить кули и сундуки, какъ рыбу.

— По крайней мѣрѣ пищу не нужно будетъ солить,—говорили солдаты.

— Кто подавалъ голосъ на выборахъ за Пашича, тотъ пусть теперь и ловитъ кули по морю и разводитъ по Албаніи,—сказалъ какой-то партизанъ.

— Не мели глупости. Пашичъ лучше соображаетъ во снѣ, чѣмъ ваши наяву.

— И видно, что онъ спитъ, и вовсе не думаетъ о томъ, какія бѣды падаютъ на голову народа.

— Гдѣ же теперь его хваленныя обѣщанія: «мы освободимся отъ австрійскаго ярма», «Сербія получитъ выходъ къ морю», «народъ будетъ платить меньше податей»,—цитировалъ колко первый программу Пашича.

— Видно только одно, что ты ничего не смыслншь,—отвѣчала второй сторонникъ Пашича.—Во-первыхъ, вступая въ Албанію, развѣ мы не освободились и не сожгли всѣ ярма и повозки? Во-вторыхъ, развѣ мы сами не вышли на берегъ Адриатики? И наконецъ, когда насъ перевезутъ на Корфу, неужели ты думаешь, что мы будемъ платить столько податей, какъ въ Сербіи? Воже сохрани! Подать непременно уменьшится....

Тѣмъ не менѣе солдаты дѣлали свое дѣло, навьючивая провіантъ, частью взятый изъ магазина, частью вытащепный изъ моря. Въ гавани работало и человѣкъ 50 плѣнныхъ болгаръ, такъ какъ остальные плѣнные были раньше посланы въ Дураццо и Валону для переправы въ Италію.

Итальянскія суда, опасаясь австрійскаго флота, стоявшаго въ Катарскомъ заливѣ, приходили въ С.-Джіовани-ди-Медуа словно крадучись, и то въ нѣсколько дней одинъ разъ.

Возраставшее съ каждымъ днемъ число бѣженцевъ, раненыхъ офицеровъ и подданныхъ разныхъ государствъ, желавшихъ скорѣе уѣхать, увеличивало толкотню въ гавани и количество биваковъ по окрестнымъ склонамъ горъ. Между тѣмъ, попасть на пріѣзжавшія итальянскія суда представлялось чрезвычайно затруднительнымъ: во-первыхъ, потому, что число пассажировъ для пріема было ограничено до крайности, во-вторыхъ, потому, что командиры судовъ не имѣли прямыхъ распоряженій о перевозкѣ сербскихъ бѣженцевъ. Суда по большей части прибывали по требованію или нашей верховной команды, или иностранныхъ миссій, причемъ со стороны этихъ органовъ и выдавались указанія, кого принять на бортъ, а кому отказывать. Поэтому, чтобы избавить бѣженцевъ, не имѣвшихъ ни крова, ни хлѣба, отъ ежедневной опасности вслѣдствіе бомбардировки съ моря и съ аэроплановъ, принуждены были издавать распоряженія, что перевозки изъ С.-Джіовани-ди-Медуа въ Италію не будетъ, и что всѣ должны итти въ Дураццо или Валону. Тѣ, которые не имѣли права выѣзда за границу, слѣдовали этому указанію, а большинство тѣхъ, которые имѣли исправные паспорта, т. е. подписанные сербскими властями и всѣми консулами въ Скутари, предпочитали оставаться въ С.-Джіовани-ди-Медуа и скорѣе подвергаться всѣмъ опасностямъ, австрійской бомбардировки, чѣмъ предпринять путь въ Дураццо или Валону, гдѣ каждого ожидала та же неизвѣстность и тѣ же затрудненія, помимо трудности самой дороги. Приходилось вооружиться терпѣніемъ, мучительно

ждать. Нервы каждаго были напряжены до крайнихъ предѣловъ. 10-го декабря, какъ только закончилась бомбардировка гавани съ аэроплановъ, причемъ по дорогѣ, ведущей въ гавань, было убито не мало людей и лошадей, я прилежъ въ своемъ бивакѣ, чтобы успокоиться и прійти въ себя отъ пережитаго ужаса. Едва успѣлъ я заснуть, какъ вдругъ раздался какой-то громкій, металлическій голосъ: «Черногорія заключила миръ! Сербія будетъ восстановлена!»

Словно ужаленный, я быстро всталъ, оглядывая лежавшихъ и полудремавшихъ солдатъ. Нѣкоторые приподнялись и вопросительно смотрѣли на меня.

— О чемъ вы говорили сейчасъ?—спросилъ я недоумѣвающе.

— Мы ровно ничего не говорили, напротивъ, все молчали,— отвѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— А кто это кричалъ о войнѣ, о мирѣ что-то?

— Боже сохрани, никто ничего не кричалъ и не говорилъ; даже никто не подходилъ близко.... Не видали ли вы что-нибудь во снѣ?—спросилъ добродушно солдатъ.

Я оглянулся вновь кругомъ, и не могъ объяснить себѣ, откуда могъ появиться этотъ странный голосъ, звенѣвшій еще въ моихъ ушахъ. Это явленіе тѣмъ больше меня озадачило, что до 10-го декабря не было ни разговоровъ, ни слуховъ о мирѣ Черногоріи съ Австріей.

Я одному изъ солдатъ приказалъ записать въ свою памятную книжку этотъ необъяснимый сонъ.

Солдаты привыкли въ теченіе четырехлѣтнихъ войнъ считать Черногорію и Сербію, какъ одно цѣлое и недѣлимое.

Мириться со швабомъ или болгарами сербскому солдату не шло въ голову; они много говорили о своихъ бѣдствіяхъ, укоряли даже союзниковъ, но никогда я не слышалъ, чтобы между солдатами послѣ перехода черезъ Албанію велись разговоры о мирѣ: каждый солдатъ въ глубинѣ своей души чувствовалъ, что мира не можетъ быть, пока врагъ топчетъ родную Сербію.

Такое мучительное состояніе неизвѣстности и неопредѣленности положенія сербскихъ войскъ на восточномъ побережѣ Адриатическаго моря продолжалось почти до конца января 1916 года.

Къ этому времени, благодаря неустанной и энергичной дѣятельности французскаго правительства, удалось наконецъ разбить ледяную кору, которая оковывала дѣло транспорта сербскихъ войскъ, и дать правильный токъ этому транспорту. Французскія и отчасти англійскія суда пришли на помощь итальянскому флоту.

Французы, съ своей стороны не замедляли послать галеры въ Дураццо и начать регулярную переправу войскъ въ Валону; въ послѣдней сербскія войска высаживались на итальянскія суда и доставлялись на Корфу, занятый французами еще въ началѣ января 1916 года.

Переправа сербской армии съ побережья Адриатическаго моря на Корфу едва закончилась къ половинѣ марта, но и въ теченіе этого времени сербамъ приходилось выдерживать натискъ съ одной стороны—австрийцевъ, подходившихъ къ Дураццо, а съ другой—болгаръ, наступавшихъ по дорогѣ Тирана—Эльбасанъ.

Въ самомъ концѣ февраля на Корфу было сосредоточено 137.000 сербовъ, а въ Бизертѣ 10.000 сербовъ.

Послѣ переправы плѣнныхъ австрийцевъ въ Италію первыми на Корфу доставлены—сербскія резервныя части, состоявшія главнымъ образомъ изъ новобранцевъ послѣдняго призыва. По свидѣтельству доктора Станоевича, состоявшаго начальникомъ госпиталя на островѣ Видо и передавшаго мнѣ лично подробности пребыванія сербской армии на Корфу, оказывается, что новобранцевъ изъ Сербіи отправлено черезъ Албанію 37.000. Изъ этого числа на Корфу доставлено 10.000, а столько же и въ Бизерту, въ Сѣверной Африкѣ. Остальные разбрелись въ Албанію, нѣкоторые возвратились въ Сербію, другіе перешли въ Грецію.

Около половины января постепенно стали прибывать уже на Корфу и отдѣльныя части сербской армии. Французское командованіе не замедлило распорядиться, чтобы всѣ части войскъ предварительно высаживались на небольшой островокъ Лазаретъ, вблизи Корфу. На этомъ островкѣ были устроены купальни и заготовлены дезинфекціонные аппараты. Лазаретъ, такимъ образомъ, долженъ былъ служить общимъ чистилищемъ для сербскихъ войскъ, ибо тутъ совершалось мытье людей и дезинфекція одежды. Старое бѣлье, по возможности, замѣнялось новымъ и сжигалось, хотя прошло не мало времени, пока получилось достаточное количество бѣлья для войскъ.

Умытыя и отчасти переодѣтыя, войска переправлялись на Корфу для распредѣленія въ отведенномъ лагерѣ—въ окрестностяхъ села Говино, по имени котораго назывался и самый лагерь.

Затрудненія по снабженію больныхъ возникли потому, что греческіе торговцы отказывались принимать сербскія деньги. Въ концѣ января курсъ былъ урегулированъ и для госпиталя на Видо было отпущено только 5000 драхмъ. На эту сумму была устроена кухня и куплена посуда, благодаря чему больные наконецъ стали получать горячую пищу. Около того же времени одна изъ англійскихъ миссій открыла полевой госпиталь въ лагерѣ Говино, а французы открыли на Лазаретѣ уже третій госпиталь. Оборудованіе этихъ госпиталей иностранныхъ миссій велось постепенно, сообразно правиламъ мирнаго времени; поэтому ихъ госпитали отличались большей комфортабельностью, а уходъ за больными во всѣхъ отношеніяхъ былъ безупреченъ.

Въ половинѣ февраля на Видо подоспѣли французскіе и англійскіе госпитали изъ Дарданеллъ на 600 кроватей. Но устройство

и этихъ госпиталей, благодаря естественному желанію ихъ персонала возможно лучше обставить свои госпитали для приѣма больныхъ, затянулось довольно долго, такъ что до конца февраля эти прекрасно оборудованные госпитали не могли принять болѣе 300 человѣкъ. Впрочемъ, приѣздъ престолонаслѣдника Александра на Видо въ первыхъ числахъ марта значительно ускорилъ дѣятельность всѣхъ факторовъ, имѣвшихъ отношеніе къ улучшенію быта здоровыхъ и больныхъ солдатъ на Корфу. Съ этимъ временемъ совпадаетъ и начало полного урегулированія доставки жизненныхъ припасовъ, одежды, лагерныхъ заготовленій, палатокъ, лекарствъ и санитарнаго матеріала.

На Корфу устроились: правительство, министерства, верховная команда съ престолонаслѣдникомъ Александромъ.

Въ лагерѣ Говино шла обыкновенная бивачная жизнь.

По мѣрѣ того, какъ на Корфу доставлялись экипировочныя и лагерныя средства, оружіе и боевые припасы, сербская армія параллельно съ этимъ стала оживать и формироваться въ боевыя единицы, ожидая съ нетерпѣніемъ часа переправы на солунскій фронтъ, гдѣ ихъ ожидали союзныя войска и старый король Петръ I.

Оставляя въ сторонѣ развитіе дальнѣйшаго хода событій, считаю не лишнимъ указать, что сербы и на Корфу жили своей характерной сербской жизнью, проникнутой неизмѣннымъ духомъ свободы и независимости; относительно же того, какъ они сами смотрѣли на свое изгнаніе изъ Сербіи, лучше всего скажетъ слѣдующее объясненіе солдата, имѣвшее мѣсто въ лагерѣ Говино:

Однажды Господь Богъ призвалъ пророка Ілію и сказалъ ему: я теперь творю судъ и правду людямъ. Не гремя больше твоими громами, пусть на землѣ будетъ миръ.

Прошло нѣкоторое время. Внезапно съ земли поднялся шумъ до неба.

— Что такое?—спросилъ Господь пророка Ілію.

— Это сербы, болгары и греки возстали, чтобы освободить христіанъ отъ турокъ.

— Помоги христіанамъ твоими громами,—сказалъ Господь.

Пророкъ Ілія поступилъ по велѣнію Божію, и христіане побѣдили турокъ.

Не успѣла земля и небо успокоиться, какъ снова поднялся гулъ до неба.

— Что такое?—спрашиваетъ снова Господь пророка Ілію.

— Это болгары ударили на своихъ союзниковъ сербовъ и грековъ, чтобы цѣликомъ завладѣть наслѣдствомъ, доставшимся имъ послѣ побѣды надъ турками.

— Въ такомъ случаѣ пусти твои громаы противъ болгаръ,—сказалъ Господь. Пророкъ Ілія такъ и сдѣлалъ. Сербы и греки побѣдили болгаръ, и всѣ трое подѣлили наслѣдство.

Насталъ миръ, но внезапно снова поднялся шумъ до неба.

— Что же это значить?—спросилъ Господь пророка.

— Противъ сербовъ возмутились албанцы; они начали колоть женщинъ и дѣтей и грабить все, что попадаетъ подъ руки.

— Помогн сербамъ,—сказалъ Господь, и сербы одолѣли албанцевъ.

Успокоились земля и небо. Все живущее уже думала, что на землѣ настанетъ миръ. Вдругъ на землѣ поднялся такой трескъ, что даже небеса задрожали.

— Въ чемъ дѣло?—опять спросилъ Господь пророка.—Неужели опять сербы?

— Да, но теперь противъ сербовъ Австрія двинула огромное войско, подъ видомъ карательной экспедиціи.....

— Помогн сербамъ твоими громами,—сказалъ Господь.

Пророкъ Илія имѣлъ, конечно, неисчерпаемый запасъ снарядовъ и началъ съ нами вмѣстѣ громить шваба: два раза подъ рядъ мы выгоняли его вонъ изъ Сербіи, и швабъ долго не показывалъ къ намъ и носа, но вотъ опять пуще прежняго затряслись земля и небо.

— Что такое, наконецъ?—спросилъ Господь пророка.

— Опять сербы, Господи. Но на этотъ разъ на нихъ напали трое: австрійцы, нѣмцы и болгары.

— Пусти твои громаы противъ сербовъ, чтобы имъ какъ-нибудь не взбрело въ голову, что они въ силахъ колотить цѣлый свѣтъ,—сказалъ Господь.

Пророкъ Илія устремилъ свои громаы противъ сербовъ, и не только выгналъ насъ изъ Сербіи, но еще и загналъ насъ на эти острова Адриатики, гдѣ теперь сидимъ, какъ Израиль на водахъ Вавилонскихъ, ожидая возвращенія въ обѣтованную Сербію.

Оцѣнивая обстоятельства, сопровождавшія жизнь сербской арміи и государственныхъ установленій Сербіи, какъ на Адриатическомъ побережьи, такъ и на Корфу, въ Солуни и въ другихъ мѣстахъ изгнанія, нельзя не отмѣтить, что эта жизнь, несмотря на море необъятныхъ бѣдъ, все-таки дышала одной идеей, однимъ несокрушимымъ духомъ, одной безграничной любовью къ родинѣ и довѣріемъ къ союзникамъ.

Молодой сербскій народъ не поддавался ни искушеніямъ, ни обрушившимся на него несчастіямъ: въ роковую и трагическую минуту оставленія своей родины не дрогнулъ, но смѣло и сознательно принялъ рыцарски протянутую руку союзниковъ, чтобы своимъ крестнымъ путемъ вынести знамя націи къ славѣ и свободѣ.

Д-ръ М. Жерачъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Профессоръ Б. В. Титлиновъ. Гавріиль Петровъ, митрополитъ новгородскій и с-петербургскій,—род. 1730, ум. 1801. Его жизнь и дѣятельность, въ связи съ церковными дѣлами того времени. Петроградъ. 1916. Стр. 1197.

ЛИЧНОСТЬ митрополита Гавріила, — говоритъ авторъ,—сама по себѣ достаточно извѣстна, чтобы направленное на нее научное вниманіе не пуждалось въ особомъ оправданіи. Изъ содержанія предлагаемаго труда видно, какою крупною величиной былъ митр. Гавріиль въ исторіи нашей церкви. Но настоящее изслѣдованіе не преслѣдуетъ исключительно біографической задачи. Личность митр. Гавріила, его жизнь и дѣятельность избраны мною въ качестве отправной точки для освѣщенія въ основныхъ чертахъ всей церковно-исторической эпохи Екатерининскаго и Павловскаго времени. Время это было богато творческими и реформаторскими начинаніями; оно было характерно по общему своему духу. Между тѣмъ, не только въ цѣломъ, но и въ отдѣльныхъ деталяхъ церковныя дѣла второй половины XVIII вѣка не изучены были еще до сихъ поръ вполне основательно. Многое слѣдовало дополнить, много исправить изъ имѣющейся церковно-исторической литературы. Въ то же время въ широкой исторической обстановкѣ выясняется со всею полнотою и дѣятельность знаменитѣйшаго іерарха... этого времени».

Такимъ образомъ, авторъ поставилъ себѣ весьма обширную задачу, и нужно отдать ему справедливую дань: онъ сдѣлалъ все возможное для ея осуществленія. Книга заключаетъ въ себѣ 11 обширныхъ главъ. 1-я излагаетъ первые годы жизни и служенія Гавріила, 2-я—его епархіальную дѣятельность на тверской

каедрѣ, 3-я—говоритъ о томъ, какова была его роль, какъ исполнителя порученій высшей власти. Дальнѣйшія главы указываютъ его дѣятельность, какъ первенствующаго члена Свят. Синода,—въ такомъ порядкѣ: 4-я—излагаетъ общія условія его церковно-правительственной дѣятельности, 5-я—заботы о епархіальномъ управленіи, духовенствѣ и церковномъ благочиніи, 6-я—дѣятельность его по благоустроению русскаго монашества, 7-я—отношеніе къ вопросу о духовномъ образованіи и его попеченіе о духовной школѣ, 8-я—дѣятельность его по отношенію къ расколу, 9-я—участіе его въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ и въ миссіонерскихъ дѣлахъ, 10-я глава посвящена его литературнымъ трудамъ и послѣдняя 11-я указываетъ черты характера, излагаетъ послѣдніе годы его жизни, увольненіе и кончину.

Митр. Гавріиль родился 18 мая 1730 года, по окончаніи московской духовной академіи очень рано получилъ назначеніе намѣстника Троице-Сергіевой лавры. За лаврою числилось въ это время 105.000 душъ крестьянъ, а лаврскія вотчины были расположены въ 12 епархіяхъ. Для управленія ими нужно было обладать особымъ хозяйственнымъ талантомъ, и Гавріиль его имѣлъ, какъ это впоследствии особенно ярко выразилось въ устройствѣ въ С.-Петербургѣ Александро-Невской лавры (стр. 25). Въ 1761 году—онъ уже ректоръ московской академіи. Гавріиль вступилъ въ управленіе академіей въ тотъ періодъ, когда она была уже учебнымъ заведеніемъ общегосударственнымъ (а самъ онъ учился тогда, когда академія была еще обыкновенной епархіальной школой). И вотъ результатъ его дѣятельности: при вступленіи онъ засталъ 215 учениковъ, а въ концѣ 1762 года ихъ было уже до 300,—результатъ блестящій.

6 декабря 1763 г. на 34 году жизни состоялся его хиротонія и назначеніе въ Тверь. Свое епископское назначеніе Гавріиль принялъ какъ тяжелую обязанность (стр. 48), говоритъ авторъ. Вступая въ управленіе паствой, онъ обратился къ своимъ духовнымъ дѣтямъ съ вдохновеннымъ воззваніемъ, призывая всѣ классы населенія пребывать въ должности своей «радѣтельно, честно и богоугодно» (стр. 51). Такое его обращеніе едва ли было только данью обычаю, это былъ призывъ, продиктованный ему его пастырской совѣстью, и его первое обращеніе къ тверитянамъ даетъ разумѣть, съ какими высокими идеалами онъ вступалъ на кафедрѣ и какими цѣлями онъ задавался (стр. 52). Въ своемъ новомъ архіереѣ духовенство нашло владыку требовательнаго, но справедливаго, милостиваго, пастырски попечительнаго, не формально только относящагося къ дѣлу, а вникавшаго всегда въ его суть. Высоко смотря на нравственныя обязанности, Гавріиль требовалъ, чтобы и всѣ смотрѣли такъ же (стр. 103). За 7 лѣтъ управленія онъ многому научился и позналъ всѣ терніи церковно-административной службы (стр. 125—6). Императрица Екатерина II не могла не замѣтить тверскаго епископа. Въ числѣ немногихъ лицъ высшей церковной іерархіи на него возложена была выработка проекта реформы духовно-учебныхъ заведеній (стр. 137, 250, 809, 833, 853); императрица оказывала ему всевозможные знаки вниманія, посвящала ему книги (стр. 163). Касаясь вопроса созыва комиссіи депутатовъ, въ которой церковное представительство ограничивалось участіемъ одного депутата отъ Синода, авторъ изслѣдованія говоритъ, что странность непріглашенія духовенства объясняется скорѣе всего тѣмъ,

что приглашать его находила ненужнымъ сама церковная власть, считая, видимо, вполне достаточнымъ синодальное церковное представительство (стр. 166).

Пресв. Гавріиль изъ всѣхъ членовъ дирекціонной комиссіи былъ самымъ трудоспособнымъ и усерднымъ (стр. 200). Проведя болѣе трехъ лѣтъ въ законодательныхъ работахъ, талантливый іерархъ пріобрѣлъ незамѣнимый государственный и церковно-правительственный опытъ.

22 сентября 1770 года онъ получилъ назначеніе на столичную кафедру. Въ 40 лѣтъ отъ роду Гавріиль восходилъ на первое мѣсто въ іерархическомъ сонмѣ, какъ человекъ, дѣйствительно успѣвшій заявить себя выдающимися талантами и способностями. Едва ли много было современниковъ, считавшихъ жребій Гавріила жребіемъ счастья, а не справедливости.

Фактъ необычно-продолжительнаго пребыванія во главѣ церковной власти одного іерарха въ лицѣ Гавріила не могъ не имѣть значенія для положенія церковныхъ дѣлъ. Церковно-правительственная дѣятельность, руководимая одною твердою рукою, получала большую послѣдовательность и единство направленія, что трудно сохранить при частой смѣнѣ церковныхъ руководителей (стр. 276).

Нельзя не отмѣтить проводимую авторомъ общую оцѣнку отношеній императрицы Екатерины II къ духовенству. Въ началѣ царствованія она относилась сравнительно съ большимъ уваженіемъ къ іерархическому престолу. Но потомъ она скоро освоилась съ положеніемъ главы церкви и приняла съ іерархіей тонъ даже не совѣтъ удобный, — шуточный и нѣсколько насмѣшливый. Понятіе объ этомъ тонѣ даетъ, напр., письмо императрицы къ Потемкину отъ 6 іюля 1787 года по поводу провозглашенія московскаго архіепископа Платона митрополитомъ.

«Въ Петровъ день, — писала она, — на Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ Платона провозгласили мы митрополитомъ и нашли ему на бѣлый клубукъ крестъ брилліантовый въ $\frac{1}{2}$ аршина въ длину и поперекъ, и онъ во все время былъ, какъ павлинь кременчугскій» (стр. 282—283). Далѣе, характеристики дѣятельности оберъ-прокуроровъ Синода: Мелиссино (стр. 309), человекъ чрезвычайно либеральныхъ убѣжденій, и Чебышева, который въ синодальныхъ засѣданіяхъ, если члены не соглашались съ его мнѣніемъ, бранился «гнилыми словами» (стр. 312). Факты, по истинѣ, непостижимые.

Весьма поучительно освѣщается авторомъ личность императора Павла I съ религіозной точки зрѣнія, какъ глубоко вѣрующаго христіанина (стр. 395), и интересно описаніе посѣщенія имъ Св. Синода (стр. 406—7).

Самымъ важнымъ актомъ въ дѣлѣ возвышенія достоинства служителей церкви, совершеннымъ при непосредственномъ участіи Гавріила, было—освобожденіе священнослужителей отъ тѣлесныхъ наказаній по гражданскому суду (стр. 599). Съ особеннымъ интересомъ читается 6 глава о дѣятельности Гавріила по благоустройству русскаго монашества. Въ молодости онъ былъ монахъ-аскетъ по настроенію и, вступивъ на поприще иноческаго служенія, сталъ и искреннимъ ревнителемъ монашеской жизни (стр. 681), приложилъ всѣ усилія, чтобы направить монашескую жизнь по истинному пути внутренняго подвига...

собиралъ вокругъ себя лучшія силы и съ помощью ихъ сѣялъ въ монашеской средѣ новыя сѣмена...

Особенная осторожность требовалась отъ Гавріила и Синода въ отношеніи къ расколу. Здѣсь пастыри церкви оказались лицомъ къ лицу съ новымъ направлеиіемъ правительственной политики, крайне либеральной, не будучи достаточно къ тому подготовлены (стр. 854—5, 920 и др.) Въ развитіи единовѣрскаго вопроса главнымъ дѣятелемъ съ церковной стороны былъ тотъ же Гавріиль. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ отношеніи къ сектантамъ, убѣдившись въ полной ихъ непримиримости, Гавріиль требовалъ противъ нихъ болѣе радикальныхъ мѣропріятій (стр. 1004). Онъ былъ также обезпеченъ дѣломъ новгородскихъ духоборовъ. Уже удалившись изъ С.-Петербурга, онъ предостерегалъ въ перепискѣ съ своимъ преемникомъ Амвросіемъ, чтобы духоборовъ «не смѣшивать и не равнять съ раскольниками, а считать злодѣями государю и государству и съ сей стороны объ нихъ судить». Производя ученіе секты отъ германскаго короля, Гавріиль рекомендовалъ изгнать ихъ изъ Россіи—и, такимъ образомъ, болѣе ста лѣтъ тому назадъ отлично прозрѣвалъ то, на что открылись у многихъ глаза лишь въ настоящее время, подъ громъ міровой войны... Онъ понималъ тайный ударъ церкви и государственности, идущій отъ неосмотрительно допускаемой германской колонизаціи, и предупреждалъ высшія сферы по крайней мѣрѣ насчетъ сектантства. Но предупрежденія его слушались не достаточно внимательно

Въ трогательномъ освѣщеніи представляетъ проф. Титлиновъ кончину митр. Гавріила въ Новгородѣ. Онъ скончался черезъ мѣсяцъ послѣ своего увольненія но еще за годъ до того предчувствовалъ свою кончину. Конецъ его напоминаетъ конецъ другихъ великихъ людей того времени—Румянцова, Суворова... Изъ С.-Петербурга никто не поѣхалъ почтить память славнаго іерарха: его, очевидно, считали опальнымъ, и никто не дерзнулъ оказывать знаки вниманія даже почившему (1193). Онъ былъ дѣйствительно праведникъ, каковымъ считало и считаетъ его доселѣ народное мнѣніе въ Новгородѣ (1194).

Обширный трудъ проф. Титлинова читается съ не ослабѣвающимъ интересомъ. Несмотря на то, что имъ исчерпанъ былъ, повидимому, весь матеріалъ съ возможною полнотою, нѣкоторыя отдѣльныя главы его сочиненія, безспорно могутъ быть предметомъ совершенно самостоятельныхъ изслѣдованій въ дальнѣйшемъ, въ особенности главы о монашествѣ и расколѣ съ единовѣріемъ. Въ послѣдней личности митр. Гавріила выдвигается въ новомъ освѣщеніи, болѣе значительномъ, чѣмъ это было отмѣчено предшествовавшими изслѣдованіями. Можно лишь пожалѣть, что къ этому капитальному труду не приложенъ указатель: это требуетъ много работы, но было бы желательно видѣть его въ послѣдствіи, хотя бы въ отдѣльномъ изданіи.

Н. Г. Р.

Ив. П. Ювачевъ. Война и вѣра. Очерки всемірной войны 1914—1916 г.г. Изданіе всероссійскаго Александрo-Невскаго братства трезвости. Прг. 1917. Стр. 304+XI. Цѣна не обозначена.

Настоящая книга составилась изъ ряда статей, помѣщавшихся отчасти въ нашемъ журналѣ. Г. Ювачевъ окончилъ составленіе своего труда еще въ началѣ 1915 г., но печатаніе затянулось до поздней осени 1916 г. Конечно, это не могло не отозваться невыгодно на внѣшней концепціи книги, такъ что авторъ самъ счелъ нужнымъ прибавить къ своей работѣ рядъ мелкихъ поправокъ, неизбѣжныхъ также въ книгѣ, въ основѣ которой лежатъ журнальныя статьи, и нѣкоторыя повторенія.

Но за всѣмъ этимъ трудъ г. Ювачева читается съ не ослабѣвающимъ интересомъ. Авторъ поставилъ себѣ задачей «взглянуть на войну... со стороны вѣрующаго человѣка». И, разумѣется, эта точка зрѣнія въ примѣненіи къ настоящей великой и ужасной войнѣ какъ нельзя болѣе умѣстна, потому что весьма много людей, не только у насъ, но и въ другихъ воюющихъ странахъ, изнемогая подъ тяжестью переживаній эпохи и не предвидя скорого выхода изъ этого положенія, естественно, вспоминаютъ болѣе, чѣмъ когда-либо въ другое время, о всемогущемъ Богѣ и обращаются къ нему съ горячей молитвой о ниспосланіи чудесно-скорого окончанія кровопролитнаго бѣдствія. Г. Ювачевъ удачно справляется со своей задачей прежде всего потому, что прекрасно начитанъ въ Священномъ Писаніи. Это помогаетъ ему иногда оцѣнивать нѣкоторыя вѣрованія и легенды съ особо глубокой проникновенностью. Такъ, извѣстное сказаніе о «Бѣломъ генералѣ» онъ удачно сравниваетъ съ бѣлымъ всадникомъ, упоминаемымъ въ книгѣ Маккавеевъ и Апокалипсисѣ.

Въ 41 главѣ своего повѣствованія авторъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ собралъ огромный матеріалъ прежде всего касательно всякаго рода предсказаній о настоящей войны и побѣдоносномъ концѣ ея для державъ согласія. Упоминаетъ онъ здѣсь и о предвидѣніи нынѣшнихъ ужасовъ борьбы такими беллетристами, какъ Жюль Вернь и Уэльсъ. Затѣмъ поразительно ярко и выпукло характеризуетъ Г. Ювачевъ нынѣшнюю нѣмецкую націю съ ея вѣнецноснымъ вождемъ. Здѣсь можно найти много любопытнаго и по вопросу о сопоставленіи Вильгельма съ апокалиптическимъ звѣремъ и Антихристомъ. Кратко, но мѣтко рисуетъ авторъ и обликъ «политическаго» папы Бенедикта XV. Въ параллель съ этимъ и въ противовѣсъ выясняется духовный ликъ нашей многострадальной родины съ ея скромными пастырями и доблестными сѣрыми героями, набожно вѣрующими въ заступничество Божье и Его святыхъ угодниковъ.

Кромѣ таланта и трудолюбія, автору помогаетъ еще и то, что онъ много путешествовалъ въ Европѣ, Азіи и Америкѣ и потому можетъ оживить свой рассказъ личными воспоминаніями. Укажу на одинъ характерный фактъ. «Въ прошломъ (вѣроятно, 1913?) году,—говоритъ авторъ,—обѣзжая Китай и Индію, я покупалъ мѣдныя изваянія Будды и изображенія разныхъ боговъ. Къ моему удивленію, всѣ эти вещи оказались нѣмецкаго производства». Г. Ювачевъ удачно сопоставляетъ это съ фактомъ отправленія Германіей миссію-

неровъ на берега Великаго океана, чтобы показать нѣмецкое безразличіе къ религіи.

Въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности исчерпать богатое содержаніе книги г. Ювачева, которая по своей основной мысли, интересу и прекрасному въ своей простотѣ изложенію должно найти мѣсто во всякой христіанской семьѣ и народной читальнѣ. М.

Теодоръ Шмитъ, профессоръ харьковскаго университета. «Законы исторіи» Введеніе къ курсу всеобщей исторіи и искусствъ. Выпускъ I. Харьковъ. + 1916. Стр. VI + 196. Ц. 2 р.

Вышепоименованная книга, не свободная отъ частичныхъ недостатковъ и довольно крупныхъ пробѣловъ, въ общемъ представляетъ собою все-таки образецъ на рѣдкость толковаго обсужденія вопросовъ искусства въ доступной для всѣхъ формѣ. Автора ея можно упрекнуть во многомъ, — только не въ сухости и не въ блѣдности характеристики. Разбираемый нами выпускъ посвященъ искусству египетскому, месопотамскому и критско-микенскому; кромѣ того, въ книгу вошло «Введеніе» и краткій очеркъ первобытнаго (палеолитическаго) искусства. Обращаясь къ частностямъ работы проф. Шмита, мы должны прежде всего привѣтствовать стремленіе автора выдвинуть и обосновать теорію магическаго происхожденія первобытнаго искусства, какъ наиболѣе вѣроятную и, однако, оставляемую часто въ небреженіи. Достаточно указать, напр., что въ обширномъ и солидномъ трудѣ проф. Обермайера «Доисторическій человѣкъ» въ главѣ о происхожденіи искусства названная теорія почти не затронута. Къ сожалѣнію, подобная опредѣленность и рѣшительность въ мнѣніяхъ не покидаютъ нашего автора и тогда, когда суть предмета требуетъ сугубой осмотрительности и осторожности. Напримѣръ, весьма изящно проведено у г. Шмита сближеніе египетскаго искусства съ искусствомъ Византіи (стр. 103—104). Но утвержденія, будто «Египетъ становится духовной родиной христіанства» (стр. 102), будто «богословская истина о тріединомъ, милосердномъ Богѣ» — исключительно египетскаго происхожденія, — звучатъ для нашего уха слишкомъ рѣзко, ибо они не обставлены надлежащимъ количествомъ необходимыхъ здѣсь доказательствъ. Коснувшись вопроса о «тріединствѣ Божества», умѣстно будетъ указать на важнѣйшій пробѣлъ въ книгѣ, а именно: троичность Божества, какъ извѣстно, составляла предметъ живѣйшихъ вѣрованій народовъ Индіи, и вотъ о Индіи-то г. Шмитъ не упоминаетъ ни единымъ звукомъ. Онъ нашелъ возможнымъ коснуться вскользь даже китайскаго искусства и любовно остановился на совпаденіяхъ нѣкоторыхъ частныхъ въ искусствѣ критско-микенскомъ съ искусствомъ китайцевъ (стр. 177 и сл.), онъ удѣлилъ вниманіе мало оригинальному персидскому творчеству (стр. 149 и сл.) и ничего не сказалъ объ искусствѣ великой родственной намъ Индіи. Судя по тому плану, которой выясняется при знакомствѣ съ 1-мъ выпускомъ разбираемаго труда (См. предисл., стр. 2), мы врядъ ли можемъ ожидать разговора объ Индіи и въ слѣдующихъ выпускахъ.

А между тѣмъ сужденіе объ искусствѣ индусовъ могло бы оказаться не только интереснымъ, но и въ высокой степени важнымъ для основныхъ мыслей автора о законахъ исторіи, ибо одной изъ главнѣйшихъ силъ, управляющихъ законами историческаго развитія, является, несомнѣнно, сила крови, сила расовая. Наиболѣе обстоятельной и полезной для широкой публики частью книги проф. Шмита слѣдуетъ признать главу объ искусствѣ исторической Месопотаміи.

Какъ характеристики отдѣльныхъ произведеній сумерійскаго и древне-семитическаго искусства, такъ и мысли объ основахъ и психологической сущности этихъ искусствъ не вызываютъ почти никакихъ возраженій. Къ числу наиболѣе яркихъ и убѣдительныхъ характеристикъ принадлежитъ, напр., слѣдующая: «Грекъ уже на архаическихъ стелахъ изображалъ, какъ собака прыгаетъ и ласкается къ своему хозяину, а ассириецъ умѣетъ изобразить лишь злобно тывкающаго охотничьяго пса, или увлекается разъяренными или умирающими львами, или показываетъ замученнаго павшаго коня или верблюда. И животный міръ интересуетъ его только своимъ яростнымъ рычаніемъ, безсильной злобою, страданіями и предсмертными корчами». Такихъ тонкихъ и вмѣстѣ твердыхъ замѣчаній въ данной главѣ не мало. Однако и здѣсь авторъ не уберется отъ нѣкоторыхъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній. Таково, напр., на стр. 126—127-й разсужденіе объ отношеніи къ женщинѣ и къ женской наготѣ у народовъ различныхъ расъ. Изъ того обстоятельства, что греки и сумерійцы не стыдились женской наготы и часто изображали ее, и что у не-семитическихъ хеттовъ женщина занимала выдающееся общественное положеніе, а въ искусствѣ семитовъ, напротивъ того, почти не встрѣчается трактовки женскаго тѣла, авторъ выводитъ заключеніе о приниженности семитической женщины вообще и, такимъ образомъ, воззрѣніе на женщину, какъ на существо низшее, признаетъ по преимуществу семитическимъ. Самая спутанность и смѣшанность доказательствъ (искусство грековъ, общественность хеттовъ) уже обличаетъ ошибку г. Шмита, а если мы обратимся къ первоисточникамъ и сравнимъ классическіе семитскіе «Законы Хаммураби» со столь же классическими для арійскаго міра «Законами Ману»,—то мы сразу увидимъ, что взглядъ на женщину у чистыхъ арійцевъ былъ болѣе суровъ, чѣмъ у чистыхъ семитовъ, и что общественное положеніе арійской женщины было болѣе стѣснено, чѣмъ положеніе женщины семитической. Статьи 136, 142, 148 и особенно 150-я кодекса Хаммураби достаточно ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что у семитовъ женщина была полноправнымъ членомъ общества и пользовалась такими правами, о которыхъ арійская женщина не смѣла и мечтать (См., напр., въ «Законахъ Ману», гл. V, стихи 147, 148, 151 и 154).

Указанный нами промахъ г. Шмита наталкиваетъ насъ на мысль, что ученый авторъ не удѣляетъ надлежащаго вниманія расовому вопросу, вслѣдствіе чего и все его сочиненіе, сохраняя всѣ указанныя въ началѣ нашей замѣтки достоинства, въ концѣ концовъ много проигрываетъ въ ясности и не стоитъ на безспорной основѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что обиліе матеріала хотя и не подавляетъ проф. Шмита всецѣло, но нѣкоторую растерянность въ его историко-философскія построенія, несомнѣнно, вноситъ, и его твердая ясная рѣчь остается таковой постоянно только въ звуковомъ отношеніи, по

содержанію же своему она часто дѣлается туманной, и мысль автора расплывается и мельчаетъ. Намекнувъ на эти недостатки, мы въ заключеніе нашей замѣтки должны все-таки еще разъ указать и на неоспоримыя достоинства книги. Не только заинтересовать вопросами искусства широкіе круги читателей можетъ эта книга, но и освѣжить многіе изъ этихъ вопросовъ и ярко, и вѣрно—можетъ она. Но главная цѣль автора—познаніе законовъ исторіи при помощи произведеній искусствъ врядъ ли можетъ быть успешно достигнута безъ глубочайшаго вниманія къ расовому началу, ибо это начало есть самая глубокая и самая могущественная сила изъ всѣхъ дѣйствующихъ въ челоуѣчествѣ и управляющихъ имъ силъ.

Александръ Тиняковъ;

1885—1915. Сборникъ статей въ честь графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой. Москва. 1916. XXIV+405+27 таблицъ. Цѣна 5 руб.

Въ 1915 г. императорское московское археологическое общество постановило издать сборникъ въ честь своей предѣвательницы гр. П. С. Уваровой по случаю тридцатилѣтія со дня избранія графини на постъ предѣвателя общества и теперь исполнило это постановленіе, выпустивъ выше названный сборникъ, украшенный портретомъ графини и обзоромъ ея ученой дѣятельности, составленнымъ проф. Д. Н. Анучинымъ. Число членовъ, доставившихъ свои статьи для сборника, какъ указываютъ его редакторы, было значительно болѣе тѣхъ, труды которыхъ напечатаны въ книгѣ, но многимъ пришлось отказать или въ виду большого объема ихъ работъ, или въ виду слишкомъ поздняго доставленія. Благодаря все же значительному числу статей (31), мы дадимъ здѣсь только самый краткій ихъ обзоръ. Д. И. Иловайскій далъ очеркъ, посвященный «всероссійскимъ археологическимъ съѣздамъ». М. И. Ростовцевъ написалъ очеркъ «исторіи Херсонеса въ эпоху ранней Римской имперіи», насколько можно возстановить ее по скуднымъ дошедшимъ до насъ даннымъ. Въ статьѣ «Двѣ редакціи Русской Правды» А. И. Соболевскій доказываетъ большую древность пространной редакціи Правды, въ основѣ которой лежитъ, по его мнѣнію, Правда Ярославъ и его сыновей, тогда какъ краткая редакція является позднѣйшимъ сокращеніемъ. Русской монетной техники XVII в. посвящена статья С. И. Чиждова «Изъ исторіи денежнаго производства на Руси за царскій періодъ». Дополненіемъ къ ней служить статья А. В. Орѣшникова «Василій Андреевъ-рѣзчикъ монетныхъ штамповъ». Ему же принадлежитъ статья «Даніилъ Гурчинъ, московскій аптекаръ начала XVIII ст.». Здѣсь, помимо очерка возникло, венія аптекъ при Петрѣ I, разсмотрѣна поэтическая дѣятельность названнаго аптекаря, выразившаяся въ составленіи панегиристическаго стихотворенія «Тріумфъ польской музы». Статья Н. П. Лихачева о «Васмѣ золотоординскихъ хановъ» вновь пытается рѣшить этотъ темный вопросъ; по мнѣнію автора, басма значить штемпель хана, приложенный на грамотѣ. М. Э. Воронецъ и В. Воронцовъ даютъ детальное описаніе «Изразцовыхъ распятій Успенскаго собора въ Дмитровѣ», являющихся однимъ изъ немногихъ сохранившихся до насъ памят-

никовъ этого рода. Н. Е. Бондаренко въ своей работѣ «Зданія посольскаго приказа» слѣдитъ за ихъ послѣдовательной перестройкой отъ основанія приказа въ 1565 г. вплоть до его сломки въ 1771 г. А. А. Спицынъ разбираетъ вещи, аналогичныя вещамъ бородинскагоклада, и приходитъ къ выводу о близости ихъ къ трипольской культурѣ, восходящей черезъ микенскую и эгейскую культуры къ культурѣ Средней Азии. В. Е. Данилевичъ дѣлаетъ попытку объяснить слово «перетесь» въ Русской Правдѣ и доказываетъ, что слово «перетесь» краткой редакціи соответствуетъ въ подробной редакціи «дворной межѣ». Архим. Никаноръ даетъ нѣкоторыя соображенія «Къ вопросу о датировкѣ анонимныхъ агиографій». Ю. В. Готье указываетъ, «что дала археологическая наука для пониманія древнѣйшаго періода русской исторіи». А. И. Некрасовъ даетъ очеркъ послѣдняго періода помпейской декоративной росписи. М. В. Никольскій въ статьѣ «Объ одномъ изъ древнихъ названій Ванскаго озера и о современномъ названіи города Арджишъ» доказываетъ, что и классическое названіе этого озера Arethusia или 'Αρδηνή и названіе современного города Арджишъ восходятъ къ эпохѣ Ванскаго царства и обязаны своимъ происхожденіемъ имени ванскаго царя Аргишти. Б. А. Тураевъ описываетъ «Абиссинскіе магическіе свитки», донинѣ циркулирующіе среди абиссинцевъ и восходящіе къ глубокой древности, къ Египту и Вавилону, причемъ приводитъ переводы нѣкоторыхъ изъ этихъ свитковъ. В. Г. Ляскоронскій въ статьѣ «Къ вопросу о древнѣйшемъ планѣ гор. Кіева, изданномъ въ 1638 г. Аѳанасіемъ Кальнофойскимъ» объясняетъ кажущуюся неточность этого плана. Гр. К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ даетъ біографію Петра-Антоніо Солари, строителя части московскаго Кремля, и разбираетъ латинскую надпись на Спасскихъ воротахъ. Г. К. Бугославскій рассказываетъ біографію кіевскаго воеводы Адама Киселя и описываетъ выстроенную имъ церковь въ селѣ Низкеничахъ Влад.-Волынскаго уѣзда. Л. М. Савеловъ разсматриваетъ «Родство потомковъ Владимира Святого съ домомъ Пястовъ». Н. Я. Стеллецкій передаетъ результаты своихъ изысканій въ кіевскихъ пещерахъ въ поискахъ за «лѣтописными варяжскими пещерой и кладомъ». И. Н. Бороздинъ разбираетъ книгу шведскаго археолога Т. Арне, касающуюся русско-скандинавскихъ отношеній въ эпоху викинговъ. В. К. Шилейко напечаталъ съ переводомъ и комментариемъ три клинописныхъ документа изъ собранія Н. П. Лихачева. Н. П. Машковъ описываетъ памятникъ XV в., Воскресенскій соборъ въ Волоколамскѣ Моск. губ. В. В. Фармаковский, изслѣдуя терракотовый сосудъ въ формѣ головы Геракла изъ Пантикапеи, относящейся приблизительно къ серединѣ II в. до Р. Х., разсматриваетъ вообще вопросъ о сосудахъ въ формѣ головъ. В. К. Трутовскій въ статьѣ «Тѣшата и Якымъ и ихъ взаимныя отношенія» даетъ новое толкованіе т. на з. псковской рядной записи, изданной впервые К. Э. Наперскимъ, и приходитъ къ выводу, что Тѣшата была панциной и памятникъ надо отнести къ разряду «мировыхъ актовъ частнаго соглашенія». І. К. Линдеманъ разсматриваетъ попытки возсозданія щита Ахилла и дѣлаетъ выводъ, что возсоздать его трудно потому, что въ описаніи мы имѣемъ дѣло съ наслоеніями разныхъ эпохъ, не согласованными между собой. Я. И. Смирновъ въ статьѣ «Мнимый портретъ племянницы Грознаго», хранящейся въ Копенгагенѣ, указываетъ, что портретъ

въ дѣйствительности изображаетъ Марію, панну кн. Януша Радзивила. А. И. Анисимовъ описываетъ рукою и лохань, пожалованные святому гробу патриархомъ Филаретомъ Никитичемъ. Н. Е. Макаренко описываетъ древнѣйшій памятникъ искусства Переяславскаго княжества, остатки церкви св. Михаила въ Старогородкѣ. Заканчивается книга привѣтствіемъ гр. П. С. Уваровой отъ кн. Н. С. Щербатова, какъ представителя историческаго музея. Таково въ самыхъ краткихъ чертахъ разнообразное содержаніе сборника.

А. Захаровъ.

Воронежская Старина. Вып. XIV. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1915—1916гг. Стр. 311+54+31. Ц. 3 р.

Четырнадцатый выпускъ «Воронежской Старины» начинается работой г. Олейникова «Святитель Тихонъ въ Воронежѣ». Авторъ поясняетъ, между прочимъ, что онъ «почелъ за необходимое привести цѣликомъ все указы и резолюціи св. Тихона». Вступивъ въ управленіе епархіей, св. Тихонъ прежде всего возстановилъ мѣстную семинарію. Предшественникомъ его она была «закрыта за отсутствіемъ надлежащихъ учителей». Святитель въ 1764 г. 5 апрѣля увѣщаетъ: «Штрафъ консисторіи, что опредѣленіе извѣстное учинила, оставляется для нынѣшнихъ спасительныхъ дней и слѣдующаго свѣтлаго и торжественнаго Христова Воскресенія: только прошу и малю, какъ въ подобныхъ дѣлахъ, такъ и прочіихъ—осторожность, и како судъ Божій, а не человѣческій требуетъ поступать». Постановленія консисторіи св. Тихонъ нерѣдко измѣняетъ въ сторону смягченія приговора. Консисторія, напримѣръ, рѣшаетъ одного попа за учиненное имъ подложное рукоприкладство «нещадно» наказать «плетми». Св. Тихонъ кладетъ резолюціи: «Не чиня никакого на тѣлѣ наказанія, послать попа на годъ въ монастырскіе труды». Тотъ же г. Олейниковъ помѣщаетъ дневникъ П. М. Савостьянова (гг. 1828—1832 и 1835—36), личнаго домашняго секретаря архіепископа Антонія Смирницкаго, продолжаетъ отмѣченные нами въ 13 выпускѣ «Матеріалы по исторіи Валуйскаго Успенскаго Николаевскаго монастыря»; даетъ статью, основанную на нихъ, и прилагаетъ описаніе слободы Россоши и ея Крестовоздвиженской церкви; преимущественно на основаніи лѣтописи, написанной и нынѣ еще здравствующимъ протоіереемъ И. А. Соколовымъ, архимандритъ Александръ сообщаетъ «О священныхъ древностяхъ времени святителя Митрофана, находящихся по настоящее время въ Митрофановомъ монастырѣ, и вещахъ, оставшихся послѣ кончины святителя и теперь уже не существующихъ въ Митрофановомъ монастырѣ». По-своему красоченъ иными бытовыми подробностями очеркъ г. Княжинскаго «Успенскій дѣвичій монастырь въ гор. Усмани, учрежденный въ XVIII столѣтіи». Здѣсь читаемъ и такое: «Въ XVIII столѣтіи Усманская обитель съ трудомъ поддерживала свое существованіе. У Петра I сложился взглядъ на монашествующихъ, какъ на людей, которые «подаютъ чужіе труды», распространяютъ «забобоны, ереси и суевѣрія».

А. Наллимовъ.

Труды саратовской ученой архивной комиссії. Вып. 33-й. 1916. Саратовъ. 1916. Стр. XXIII.+196. Ц. 1 р. 50 к.

Въ настоящемъ выпускѣ «Трудовъ» помѣщены статьи: г. П. Смирнова «Окладная роспись пятины по г. Саратову 1634 г.», председателя нижегородской ученой архивной комиссії А. Я. Садовскаго «Выписки изъ старинной рукописной книги «кто гдѣ служить» въ «понизовыхъ городахъ» Поволжья между 1592—1599 гг., статьи г. А. А. Гераклитова о саратовскихъ пожарахъ 1800 и 1801 гг., «Первой квартирѣ саратовскихъ епископовъ» и о «Поимкѣ въ Петровскѣ Викентія Мигурскаго», польскаго «эмиссара» въ 1840 г., г. М. Радищева «Хвалынскія городища»—съ рисунками, г. Онезоре объ археологическихъ развѣдкахъ и раскопкахъ въ урочищѣ «Мартышкино», г. В. Ф. Орѣхова о раскопкахъ на церковной землѣ с. Ивановки Хвалынскаго у. (съ рисунками), г. Г. Писаревскаго «Иностранные колонисты греко-россійскаго исповѣданія въ Поволжьѣ», г. М. Е. Соколова объ обрядахъ, повѣрьяхъ и суевѣрїяхъ великоруссовъ въ Саратовской губ., г. С. А. Щеглова о кладовой записи. Очень интересна замѣтка г. П. Н. Боева «О пряникахъ и набойкахъ» (съ рисунками). Въ «приложеніи» даны біо-библиографическіе матеріалы г. С. Д. Соколова о «Саратовцахъ писателяхъ и ученыхъ» (продолженіе на буквы Л—О). Изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ дѣятелей встрѣчаемъ здѣсь слѣдующія имена: С. А. Макашина, Б. А. Марковича, В. И. Межова, Н. И. Мердери, В. М. Металлова, А. Н. Минха, П. П. Митрофанова, А. Н. и Д. Л. Мордовцевыхъ, С. Г. Навашина, Н. А. Неклюдова, А. I. Немировскаго, П. А. Нордена, гр. Д. А. Олсуфьева. Жаль только, что этотъ словарь попрежнему не имѣетъ особой пагинаціи. Помѣщенъ также отчетъ по музею памяти П. А. Столыпина при комиссії.

В. К.

Поэзія Арменіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней въ переводѣ русскихъ поэтовъ, подъ редакціей, со вступительнымъ очеркомъ и съ примѣчаніями Валерія Брюсова. Изданіе московскаго армянскаго комитета. М. 1916. Стр. 523. Цѣна 5 р.

Нынешняя война вызвала въ русскомъ обществѣ небывалый дотолѣ интересъ къ многочисленнымъ у насъ инородцамъ, къ ихъ современному быту, къ ихъ минувшимъ историческимъ судьбамъ, къ ихъ настроеніямъ, надеждамъ и чаяніямъ. Многоплеменная, разноязычная Россія въ дни тяжкаго ея испытанія почувствовала необходимость тѣснаго сплоченія, познанія самой себя, выясненія взаимныхъ интересовъ и дружескаго единоплеменнаго единенія. И русское общество, до сихъ поръ только по наслышкѣ знавшее о существованіи литературы такихъ -то и такихъ-то народностей Россіи, въ настоящее время начинаетъ въ этой области открывать своего рода Америки въ видѣ латышской литературы, армянской, литовской и даже татарской и т. п. Появившіеся въ послѣднее время сборники избранныхъ произведеній изящной литературы этихъ русскихъ инородцевъ, издаваемые подъ наблюденіемъ выдающихся русскихъ писателей, каковы, напримѣръ, М. Горькій или В. Брюсовъ, читаются съ особымъ инте-

ресомъ и приносятъ огромную пользу уже хотя бы тѣмъ, что знакомятъ насъ съ міромъ близкимъ, но до сихъ поръ мало вѣдомымъ и сближаютъ съ ними такъ прочно и крѣпко, какъ только можно сблизиться черезъ взаимное духовное и художественное общеніе. Если сила—въ единеніи и если это единеніе народностей Россіи съ русскимъ народомъ легко и прочно возникаетъ именно посредствомъ ознакомленія съ инородческими литературами, то, конечно, значеніе подобныхъ сборниковъ понятно всѣмъ и каждому.

Поэтому нужно горячо привѣтствовать громадную работу В. Я. Брюсова. Его поэтическое дарованіе, его тонкій вкусъ и изящное мастерство не уступаютъ его удивительному трудолюбію и добросовѣстности. Видно, что навязанный было ему заказъ скоро превратился для него въ такую работу, которая захватила его цѣлкомъ и открыла ему, какъ онъ признается, «неизсякаемый источникъ высшихъ духовныхъ радостей», «цѣлый самобытный міръ, въ которомъ тысячи интереснѣйшихъ, сложныхъ вопросовъ будили научное любопытство», онъ увидѣлъ «въ поэзіи Арменіи такой самобытный міръ красоты, новую, раньше ему неизвѣстную вселенную, въ которой блистали и свѣтились высокія созданія подлиннаго художественнаго творчества». Именно только такой восторженный поклонникъ армянской поэзіи и смогъ въ сравнительно очень короткое время произвести такую большую работу, какъ изданіе разсматриваемой нынѣ книги.

Если исключить спеціальныя ученныя изслѣдованія, недоступныя для широкой массы читателей, и отдѣльные переводы и брошюры, посвященные преимущественно новой армянской поэзіи, то Вал. Брюсову принадлежит почтенная заслуга перваго, кто ознакомилъ русскую читающую публику со всей армянской поэзіей. Размѣры журнальной рецензіи не позволяютъ намъ останавливаться на характеристикѣ этой поэзіи, а потому мы и обращаемся непосредственно къ описанію заключающихся въ сборникѣ В. Брюсова поэтическихъ богатствъ армянскаго народа.

Первый отдѣлъ книги посвященъ народной поэзіи. Здѣсь помѣщены древнѣйшія пѣсни языческія, эпическія и мифологическія; цѣлые циклы этого рода произведеній погибли навсегда, и потому тѣ немногіе отрывки, которые приведены здѣсь, возбуждаютъ особый интересъ. Далѣе слѣдуютъ пѣсни о любви, колыбельныя, обрядовыя, заплочки, религіозныя, заклинанія, пѣсни о природѣ, думки, военныя пѣсни, пѣсни средневѣковыя (народныя и неизвѣстныхъ авторовъ) и, наконецъ, подражанія народному. Весь этотъ отдѣлъ переведенъ В. Брюсовымъ. Второй отдѣлъ заключаетъ поэзію средневѣковья и пѣсни ашуговъ. Сначала представлены образцы ранней религіозной поэзіи (V—XII в.в.); затѣмъ слѣдуютъ произведенія армянской лирики, причѣмъ особенное вниманіе обращено на эпоху XV—XVI в., когда армянская литература находилась на чрезвычайной высотѣ и имѣла выдающихся представителей, каковы, напр., Ованессъ Тылкуранскій, Григорій Ахтамарскій или Наапетъ Кучакъ. Заключается этотъ отдѣлъ пѣснями ашуговъ; главное мѣсто среди нихъ занимаетъ Саятъ-Нова, съ поэзіей котораго ознакомилъ русскихъ читателей еще Я. П. Полоцскій. Въ третій отдѣлъ вошла новая армянская поэзія, армянъ русскихъ и армянъ турецкихъ (константинопольскихъ).

Историко-литературный очеркъ Валерія Брюсова «Поэзія Арменіи и ея единство на протяженіи вѣковъ» много помогаетъ читателю разобратъся въ поэтическихъ богатствахъ этой страны и ярко обрисовываетъ судьбы и ходъ ея литературнаго развитія. Къ книгѣ приложены цѣнныя историко-библиографическія примѣчанія и алфавитный указатель армянскихъ писателей. Изъ русскихъ писателей въ переводахъ, кромѣ В. Я. Брюсова, который перевелъ большую часть произведеній, приняли участіе Ю. К. Балтрушайтисъ, К. Д. Бальмонтъ, А. А. Блокъ, И. А. Бунинъ, Ю. А. Веселовскій, Ю. Н. Верховскій, Вячеславъ Ивановъ, Ѳ. Сологубъ, В. Ходасевичъ, С. В. Шервинскій и много другихъ. Выѣшность изданія безукоризненна. Стильная обложка художника М. Сарьяна.

Ж—о.

В. И. Крыжановская (Рочестеръ). «Паутина», романъ въ четырехъ частяхъ. Пгр. 1917. Цѣна 3 р. 50 к.

Въ русской художественной литературѣ совсѣмъ не видно почти политическихъ романовъ, и по одному этому уже «Паутина» заслуживаетъ вниманія, помимо даже художественныхъ достоинствъ и важнаго значенія разработанной авторомъ темы для проясненія и укрѣпленія русскаго національнаго самосознанія. Наглядѣвшись на общественный разбродъ и вдумавшись въ его хроническія причины за много лѣтъ до войны (романъ былъ законченъ уже въ 1906 г.), г-жа Крыжановская, какъ опытный врачъ-диагностъ, вѣрно опредѣлила психо-патологическій процессъ, разложившій нашу «интеллигенцію». И на этомъ фонѣ духовно-нравственной немощи изъ-подъ пера ея вылилась картина того чудовищнаго нѣмецкаго засилія, которое ужаснуло наше безпечное общество только во дни войны, но которое издавна стремится къ расшатыванію русскаго государственнаго уклада: путемъ планомѣрнаго заселенія и захвата промышленно-финансовыхъ силъ страны, на ряду съ привитіемъ народу «штунды», а интеллигенціи обезличивающаго космополитическаго міровоззрѣнія, не говоря уже о всесильномъ, хотя и таинственномъ вліяніи нѣмецкой партіи на «верхахъ». Передъ читателемъ встаютъ два міра: одинъ—отмѣченный безпечностью, разрозненностью, полнымъ забвеніемъ историческихъ основъ самобытной культуры и оторванностью отъ народныхъ корней, а другой—спаянный продуманной, неустанной, исторически преемственной работой, направленной къ единой цѣли—величію и превосходству родины. И эта именно культурная и государственная сила Германіи заставила, въ свое время, автора опасаться за судьбу дорогого отечества, что вполне оправдалось, когда грянула война. Словомъ, представивъ общественный развалъ и нарисовавъ русскую жизнь въ ея наиболее типичныхъ явленіяхъ, г-жа Крыжановская выполнила очень сложную задачу. Богатство эпизодической части романа и, въ связи съ этимъ, разнообразіе затронутыхъ авторомъ общественныхъ вопросовъ лишаютъ насъ возможности привести наиболее характерныя сцены романа. Эта грустная (увы) картина современнаго быта со всеми его хроническими недостатками естественно напоминаетъ другую, вышедшую въ прошломъ году повѣсть автора, «Новый вѣкъ», въ которой обрисована

ломка стараго русскаго уклада, перекраивавшагося Петромъ по европейскимъ и далеко не всегда удачнымъ образцамъ. Передъ читателемъ—занимающаяся заря того времени, когда мы, по выраженію Чацкаго, все отдавали:

«. въ обмѣнъ на новый ладъ:
«И правы, и языкъ, и старину святую,
«И величавую одежду на другую,
«По шутовскому образцу.»

Отвѣтомъ, что изъ этого вышло, служить современная дѣйствительность, образно и ярко описанная г-жой Крыжановской.

О. Л.—нѣ.

Левъ Бертенсонъ. Физическіе поводы къ прекращенію брачнаго союза. Изданіе К. Л. Риккера. Стр. 200. Цѣна 4 р. (Для врачей и юристовъ):

Въ нашъ вѣкъ переоцѣнки всего существующаго появленіе вышеозначеннаго серьезнаго труда нельзя не привѣтствовать.

Написанная извѣстнымъ петроградскимъ врачомъ, много лѣтъ въ качествѣ члена медицинскаго совѣта поработавшимъ именно въ сферѣ вопросовъ, имъ затрагиваемыхъ, книга эта дастъ не только, какъ стоитъ въ заголовкѣ, врачамъ и юристамъ, но и большинству образованной публики, интересующейся вопросомъ о поводахъ къ разводу, полную возможность познакомиться и разобраться въ богатомъ, собранномъ авторомъ воедино матеріалѣ, въ большинствѣ случаевъ чисто судебно-медицинскаго характера. Обстоятельный трудъ Льва Бертенсона вышелъ какъ нельзя болѣе кстати именно теперь въ виду учрежденія у насъ съ конца прошлаго года специальной комиссіи, разбирающей физическіе поводы къ разводу. По нашему мнѣнію, для трудовъ этой комиссіи настоящая книга должна служить во многихъ случаяхъ настольнымъ справочнымъ пособіемъ.

Мы не станемъ разбирать всѣхъ приводимыхъ въ данной книгѣ физическихъ поводовъ къ расторженію брачнаго союза: неспособность къ супружескому сожителству, болѣзни, дурное или жестокое обращеніе, такъ какъ гуманный взглядъ почтеннаго автора, становящагося всецѣло на сторону умноженія числа поводовъ къ совершенному расторженію брака, говоритъ самъ за себя.

Къ сожалѣнію, какъ упоминаетъ Л. Бертенсонъ въ своемъ вступленіи, даже и та часть проектовъ особаго совѣщанія при Святѣйшемъ Синодѣ, которая была уже имъ принята, сейчасъ еще подвергается нападкамъ со стороны нѣкоторыхъ представителей церкви и, что особенно печально, частью отвергнута проектомъ министра юстиціи о расторженіи браковъ лицъ православнаго исповѣданія.

Не можемъ въ заключеніе не посѣтовать на почтеннаго автора за одно обстоятельство. Намъ обидно, что въ столь обстоятельномъ и преисполненномъ эрудиціи трудѣ, имѣющемъ весьма серьезное значеніе и при бѣдности нашей

литературы по данному вопросу посвящемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже характеръ справочника, попадаются по временамъ чисто полемическіе выпады, которымъ, казалось бы, въ книгѣ подобнаго характера вовсе не должно быть мѣста.

Г. К.

С. Д. Бондарь, Секта меннонитовъ въ Россіи въ связи съ исторіей нѣмецкой колонизаціи на югѣ Россіи. Пгр. 1916. Стр. 1+207.

Книга С. Д. Бондаря одинъ изъ выпусковъ серіи очерковъ по исторіи иностранныхъ сектъ въ Россіи. Составлена книга на основаніи извѣстныхъ работъ; это не самостоятельное научное изслѣдованіе, а весьма удачная компилятивная работъ; компилятивность не мѣшаетъ этому труду быть полезнымъ и своевременнымъ, потому что о меннонитахъ до сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было цѣльной работы.

Читатель знакомится съ происхожденіемъ секты меннонитовъ и эмиграціей меннонитовъ по возникновеніи ея въ Германіи въ эпоху реформаціоннаго движенія; весьма обстоятельно излагается колонизація меннонитовъ Россіи; столь же обстоятельно говоритъ авторъ о привилегіяхъ меннонитовъ; специально останавливается на привилегіи по отбыванію воинской повинности, которая для меннонитовъ была замѣнена службой въ специальныхъ лѣсныхъ командахъ; обширная глава посвящена внутренней исторіи меннонитской секты въ Россіи, вѣроученію, богослуженію, внутреннему устройству меннонитской секты въ Россіи.

Несомнѣнная положительная сторона книги—спокойный, объективный тонъ изложенія; говоря о меннонитахъ, о преимуществахъ ихъ сравнительно предъ русскими гражданами, авторъ никого не обвиняетъ, никого не защищаетъ; нѣтъ того фальшиваго тона, которымъ пропитаны многія писанія на тему о нѣмецкихъ колонистахъ въ Россіи.

Несмотря на богатый фактический матеріалъ книги, литературность и объективность изложенія, С. Д. Бондарь оставляетъ читателя неудовлетвореннымъ относительно существа дѣла; авторъ не разграничиваетъ отдѣльныхъ меннонитскихъ сектъ, для читателя остаются неясными отличія сектъ и тѣ споры, которые между отдѣльными сектами постоянно возникали; не разработаннымъ остается вопросъ о сущности вѣроученія меннонитовъ; слишкомъ суммарно говорится объ этомъ очень важномъ вопросѣ. Авторъ увлекся чисто внѣшней исторіей меннонитской секты, недостаточно внимательно отнесся къ изложенію сущности меннонитства, какъ опредѣленной религіозной системы; внѣшняя исторія меннонитовъ совершенно заслонила духъ меннонитства.

О. Аваліани.

М. И. Боголѣповъ. О путяхъ будущаго. Къ вопросу объ экономическомъ планѣ. Стр. 53. Пгр. 1916 г. Цѣна 65 коп.

Вотъ брошюра, появленіе которой не только нельзя обойти молчаніемъ, но и необходимо привѣтствовать. Пути будущаго—кого изъ насъ не волнуетъ сейчасъ мысль объ этихъ путяхъ, кто не терзается сознаниемъ тѣхъ затруд-

нений, какія предстоитъ преодолѣть Россіи послѣ столь тяжелой, потряшей до основанія наше отечество войны. Однако далеко не многіе могутъ предсказать наиболѣе надежные пути, по которымъ потрясенная Россія могла бы выйти изъ этого тумана современности къ свѣтлому будущему. Эту трудную задачу ставитъ себѣ авторъ разбираемой брошюры и, нужно отдать ему справедливость, разрѣшаетъ ее блестяще. Правда, г. Боголѣповъ говоритъ только о путяхъ экономическаго будущаго, но вѣдь это именно самое существенное; это тотъ фундаментъ, на которомъ будетъ строиться и вся русская жизнь. На 53 страницахъ убористаго шрифта авторъ, слѣдуя древнему правилу *non multa, sed multum*, рисуеъ яркую картину нашей экономической разрухи и убѣдительнонѣйшимъ образомъ намѣчаетъ новые пути, способные поставить финансы Россіи на должную высоту. «Нѣтъ нужды, — говоритъ онъ, — строить такой планъ, развертываніе котораго потребуетъ ряда десятилѣтій и такихъ средствъ, которыми наше поколѣніе ни въ коемъ случаѣ не будетъ располагать». Напротивъ, по мнѣнію автора, «планъ экономической реформы долженъ включить въ себя такую задачу, которая посильна нашему поколѣнію». И въ дальнѣйшемъ г. Боголѣповъ набрасываетъ планъ работъ ближайшихъ лѣтъ, выдвигая на первый планъ развитіе организаторской дѣятельности въ области народнаго хозяйства и указывая, что выполнить такой огромный трудъ можетъ лишь вся нація совокупными усиліями и общими жертвами». Въ краткомъ обзорѣ нѣтъ возможности передать все интересныя мысли, высказанныя такимъ выдающимся знатокомъ финансовъ, какъ г. Боголѣповъ. Да это и излишне: полную захватывающаго интереса его брошюру долженъ прочесть каждый государственный и общественный дѣятель и все тѣ, кому дороги судьбы Россіи.

П. В—ій.

Третья экскурсія по Восточной Персіи (Хорасанъ, Сеистанъ и Персидскій Белуджистанъ) Н. Зарудный. Петроградъ. 1916. Записки императорскаго русскаго географическаго общества. Томъ L.

Настоящій трудъ представляетъ собою дневникъ-дорожникъ, который велъ Зарудный во время своего большого и труднаго путешествія по Хорасану, Сеистану и Персидскому Белуджистану. Именно авторъ перечисляетъ здѣсь подробно тѣ дороги и тропинки, которыми ему приходилось проходить, указываетъ мѣста находенія вблизи нихъ жилья и колодезь, такъ какъ послѣдніе являются необходимѣйшимъ условіемъ при большихъ переходахъ по пустынѣ, и затѣмъ помѣщаетъ иногда интересныя этнографическія и другія свѣдѣнія.

Изъ нихъ особенно обращаютъ на себя вниманіе сообщенные авторомъ факты о полной неосвѣдомленности населенія Персидскаго Белуджистана и Сеистана о Россіи, а если кто изъ жителей и имѣетъ какія-либо свѣдѣнія о нашей странѣ, то столь превратныя, что ужъ лучше бы никакихъ свѣдѣній у нихъ не было.

Такъ, описывая свою поѣздку по Персидскому Белуджистану и посѣщеніе важнаго тамъ въ торговомъ и стратегическомъ отношеніяхъ оазиса Джалкъ,

И. Зарудный говоритъ: «О Россіи джалкцы имѣютъ самое смутное представленіе. Спрашивали, напримѣръ, сколько податей Россія платитъ его величеству шаху, фитильныя ли ружья у насъ въ арміи, скоро ли англичане отнимутъ насъ отъ кадजारовъ и т. п. Другія же лица видѣли въ Россіи нѣчто коварное, варварское, съ порядками далеко худшими, чѣмъ въ Персіи, говорили о стремленіи ея къ завоеваніямъ, объ объѣднѣніи всѣхъ покоренныхъ ею народовъ, объ обращеніи ихъ чуть не поголовно въ солдаты» и т. п. (см. 145—146, 163 стр.). Понятно, подобныя превратныя понятія жителей Персидскаго Белуджистана и Сеистана о Россіи едва ли могутъ быть признаны для насъ безразличными, если бы мы даже смотрѣли на нихъ только съ точки зрѣнія интересовъ отдѣльныхъ нашихъ коммерсантовъ, на случай ихъ тамъ торговли, и отдѣльныхъ русскихъ ученыхъ путешественниковъ по этимъ областямъ. Однако, принимая во вниманіе, что Россія является великой державой и на протяженіи болѣе тысячи верстъ граничитъ съ Персіей и, слѣдовательно, находится ближе всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ къ названнымъ областямъ, необходимо было бы принять мѣры, чтобы населеніе послѣднихъ имѣло бы достовѣрныя первоначальныя понятія о своей могущественной и великой сосѣдкѣ.

Между прочимъ описаніе Заруднымъ своего путешествія интересно еще тѣмъ, что здѣсь онъ сообщаетъ свѣдѣнія о тѣхъ мѣстахъ, которыя были намѣчены для постройки въ Индію великаго трансперсидскаго пути, именно около Нушки и порта Чахбаръ. Въ общемъ же данная книга цѣнна для нашей исторической литературы по Востоку, какъ точный дневникъ-дорожникъ. Когда же кому придется отправиться въ данныя области или вновь подымется вопросъ о соединеніи Индіи рельсовымъ путемъ съ Европой, тогда трудъ И. Заруднаго явится практическимъ пособіемъ, безъ котораго трудно будетъ въ томъ или другомъ случаяхъ обойтись.

В. Гурьевъ.

Проф. И. И. Соколовъ. Избраніе патріарховъ александрійской церкви въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Историческій очеркъ. Стр. VI+360. П. 1916. Ц. 4 р.

Неутомимый изслѣдователь исторіи православнаго Востока проф. И. И. Соколовъ опубликовалъ новый очень цѣнный научный трудъ, въ которомъ разсматривается центральный вопросъ объ избраніи патріарховъ православной александрійской церкви въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Избраніе александрійскихъ патріарховъ изслѣдуется авторомъ въ значеніи цѣлой группы актовъ, входившихъ въ составъ сложнаго избирательнаго процесса,—начиная отъ времени отреченія правящаго патріарха отъ власти, или фактическаго вдовства александрійскаго патріаршаго престола и оканчивая вступленіемъ вновь избраннаго патріарха въ каноническое общеніе съ прочими автокефальными церквами православнаго Востока посредствомъ мирныхъ посланій. Отреченіе правящаго александрійскаго патріарха отъ престола и указаніе своего діадоха или преемника, приготовленія въ Египтѣ къ избранію новаго патріарха соборнымъ порядкомъ—при участіи духовенства и мірянъ, и составные акты этого порядка въ ихъ послѣдовательномъ развитіи и осуществленіи, перенесеніе, въ зависимости отъ историческихъ обстоятельствъ, избирательнаго про-

цесса изъ Египта въ Константинополь и предварительное обращеніе къ Великой Христовой церкви со стороны духовенства и народа александрійской церкви съ просьбами о содѣйствіи въ избраніи патріарха и о покровительствѣ, сношенія вселенской патріархіи то съ христіанами александрійской церкви, то съ патріархами Востока относительно избранія новаго предстоятеля александрійской церкви, совершеніе избранія въ Константинополь при участіи вселенскаго патріарха и освященнаго при немъ синода, а иногда и при содѣйствіи патріарховъ антиохійскаго и іерусалимскаго, вступленіе вновь избраннаго патріарха въ общеніе съ своею паствою, его хиротонія и исповѣданіе вѣры, интронизація и представленіе гражданскому правительству, султанскій беретъ новому патріарху и его содержаніе, мирныя грамоты александрійскаго патріарха къ прочимъ патріархамъ и предстоятелямъ православныхъ церквей Востока—вотъ тѣ отдѣльные акты, которые, какъ сообщается въ предисловіи, входили въ составъ сложнаго патріаршаго избирательнаго процесса и служатъ предметомъ отмѣченнаго историческаго очерка по руководству официальныхъ документовъ и дополнительныхъ историческихъ матеріаловъ, отчасти рукописныхъ.

На ряду съ этими вопросами здѣсь разсматриваются уставы объ избраніи александрійскихъ патріарховъ, регламентировавшіе въ послѣднее время этотъ сложный процессъ, анализируется въ своемъ содержаніи и историческомъ примѣненіи «непоколебимая, древняя и священная прономія» александрійской церкви въ избраніи патріарховъ, подробно обозрѣваются историческія отклоненія отъ этой прономіи, бывшія въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ, и тѣ движенія и волненія въ нѣдрахъ александрійской церкви, которыя возникли здѣсь на почвѣ и въ связи съ избраніемъ новыхъ ея предстоятелей.

Разсмотрѣніе избранія патріарховъ Александріи въ предѣлахъ указаннаго періода дало автору возможность и съ точностью установить хронологическія даты въ отношеніи ко многимъ изъ нихъ, отмѣтить связь позднѣйшей избирательной въ Александріи практики съ болѣе раннею, восходившею къ византійскому періоду, сообщить данныя относительно епархій александрійскаго престола, титула патріарховъ и иныхъ подробностей въ общемъ состояніи Александрійской церкви въ XVIII и XIX вѣкахъ.

Наконецъ, вопросъ объ избраніи александрійскихъ патріарховъ далъ ученому автору много поводовъ говорить о взаимныхъ отношеніяхъ александрійской и константинопольской церквей, такъ какъ многіе александрійскіе патріархи были избраны въ Константинополь при участіи вселенскихъ патріарховъ и освященнаго при нихъ синода. Въ церковно-исторической литературѣ, въ связи съ фактами избранія александрійскихъ патріарховъ въ Константинополь, высказывался соблазнительный взглядъ о такъ называемомъ «папизмѣ» вселенскихъ патріарховъ въ отношеніи къ патріархамъ не только Александріи, но и Іерусалима и Антиохіи. Но произведенный въ сочиненіи профессора Сололова анализъ официальныхъ грамотъ, изданныхъ патріархами Александріи и Константинополя въ связи съ избраніемъ александрійскихъ патріарховъ, привелъ ученаго автора къ безспорному научному выводу, что о такъ называемомъ «папизмѣ» или «папистическомъ іерократизмѣ» константинополь-

скихъ патриарховъ и рѣчи быть не можетъ, а отношенія предстоятелей константинопольской церкви къ александрийскому патриаршему престолу были по существу и въ дѣйствительности проникнуты не властолюбивыми и разрушительными папистическими притязаніями, а началами любви и братства, мотивами защиты и покровительства, стремленіемъ оказать содѣйствіе въ нуждѣ, протянуть руку братской помощи, о которой непрестанно и настойчиво просили сами христіане александрийской церкви, находившейся въ тѣхъ или иныхъ затрудненіяхъ и не имѣвшей возможности собственными силами и средствами выйти изъ угнетавшихъ ее бѣдствій.

Съ такой разносторонней точки зрѣнія въ сочиненіи проф. Соколова изслѣдуются семнадцать патриаршихъ выборовъ XVIII и XIX в., начиная съ патриарха Самуила Капасули (1710 г.) и оканчивая современнымъ александрийскимъ патриархомъ Фотіемъ.

Историческимъ матеріаломъ для очерка послужили преимущественно официальные документы, недавно опубликованные въ различныхъ греческихъ сборникахъ и журналахъ, а также и вновь изданные профессоромъ Соколовымъ въ особомъ трудѣ подъ заглавіемъ «Александрийскіе документы, относящіеся къ исторіи православной церкви въ Египтѣ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ» («Православный Палестинскій Сборникъ», выпускъ 62-й. Пгр. 1916).

А.

**«Вѣщій». Вильна-молодечненская операція. Августъ—сентябрь 1915г. (Схема).
Изданіе второе. Петроградъ. 1916. Стр. 15. Цѣна 25 коп.**

Любопытная брошюра г. Вѣщаго посвящена весьма интересной операціи нашихъ войскъ въ нынѣшнюю войну, операціи, прекратившей дальнѣйшее передвиженіе непріятельскихъ армій вглубь Россіи. Приложенная схема положеній армій въ разное время теченія этой операціи способствуетъ болѣе полному уясненію вильна-молодечненскаго маневра, спасшаго тогда общее тяжелое положеніе нашихъ армій, отступавшихъ передъ натискомъ врага—послѣ годовой борьбы—лишь изъ-за недостатковъ, какъ это всѣмъ извѣстно теперь, боевого снабженія.

Авторъ своей брошюрой хочетъ напомнить русскому обществу, что «для того, чтобы твердо идти къ цѣли настоящей войны, нужно сознательное отношеніе къ ея явленіямъ, нужно знакомство съ крайне сложнымъ механизмомъ современныхъ боевыхъ дѣйствій», считая, что «лучшій путь для такого знакомства—изученіе бывшихъ операцій».

И популяризацию среди широкой публики такого важнаго и сложнаго событія, какъ вильна-молодечненская операція, слѣдуетъ лишь привѣтствовать. Потребовавшееся второе изданіе указываетъ, что брошюра г. Вѣщаго вполне соответствуетъ настроеніямъ читающей публики.

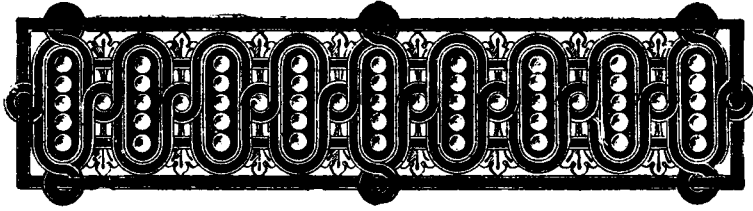
Д. Вочковъ.

Сочиненіе В. П. Буренина. Томъ пятый. Драматическія карикатуры. Изданіе четвертое, дополненное 16-ю новыми пьесами. Пгр. 1917. Стр. 296. Ц. 2 р.

Въ книгѣ собранъ рядъ пародій, мѣтко указывающихъ на слабыя стороны творчества многихъ нашихъ драматурговъ, какъ Аверкіева, Чехова и особенно Леонида Андреева. Задѣваетъ также авторъ заправиль московскаго Художественнаго театра. Въ комедіи «Исправленный реалистъ или юноша ликея» сатирикъ жестоко высмѣиваетъ чрезмѣрное увлеченіе реализмомъ и классицизмомъ. Сильно достается отъ В. П. Буренина и модернистамъ. Къ переживаемымъ нынѣ событіямъ относится «Вильгельмиада», три сцены изъ жизни германскаго императора. Вся книга блещетъ живымъ, а подчасъ и весьма ядовитымъ юморомъ.

Г. М.

Съ 15 января по 15 февраля 1917 г. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги:

Кранихфельдъ, Вл. П. Въ мирѣ идей и образовъ. (Этюды и портреты). Пгр. 1917. Стр. 326. Ц. 2 р. 50 к. Книгоиздательство «Жизнь и Знаніе». Пгр. Поварской пер., д 2., кв. 9 и 10.

В. И. Крыжановская (Рочестеръ), Паутина. Романъ въ 4-хъ частяхъ. Изданіе третье. «Книгоиздательское товарищество». Пгр., Невскій, 158. Тел. 524—27. 1917 г. Стр. II, 459. Ц. 3 р. 50 к.

С. Г. Теръ-Микельянъ. Большая душа Гончарова. (Изъ семинарія П. К. Пискалова на Пгр. В. Ж. Курсахъ). Пгр. 1916. Стр. 27. (Изъ «Русск. Фил. Вѣстн.»).

Выводъ автора: «Гончаровъ родился предрасположеннымъ къ меланхоліи, подозрительности и слабости воли. Школа развила скрытность, нервозность и обоострила самолюбіе. Постоянныя немощи поддерживали и питали напряженіе нервной системы, усиливая мрачность. Климатъ и служба внесли свою долю въ увеличеніе перваго возбужденія. А напряженная творческая дѣятельность еще болѣе расшатала организмъ Гончарова».

С. П. Аржановъ, преподаватель вольской учительской семинаріи и кадетскаго корпуса. Среди водъ и болотъ. Популярно-биологическіе очерки изъ жизни растений для самостоятельныхъ и школьныхъ экскурсій. Съ 103 рис. въ текетѣ. Пгр. 1917. Стр. 257. Ц. 2 р., въ панкѣ 2 р. 50 к.,

въ перепл. 2 р. 85 к. Книгоиздательство «Жизнь и Знаніе». Поварской пер., д 2, кв. 9 и 10.

Элеонора Диксонъ. Пѣсни степного тюльпана. Самара. 1916. Стр. 54. Ц. 35 к.

К. И. Цвѣтновъ. Къ вопросу о концентрическомъ преподаваніи русской литературы въ средней школѣ. Изъ «Русск. Филолог. Вѣстника», 1916, №№ 1—2. М. 1916. Стр. 11.

— Теорія словесности, какъ учебный предметъ. Стр. 89—98. Изъ «Русск. Филолог. Вѣстника», 1915, № 2.

Н. С. Державинъ, пр.-доц. имп. пгр. университета. Основы методики преподаванія русскаго языка и литературы въ средней школѣ. Курсъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ пгр. университетѣ и на педагогическихъ курсахъ для подготовки преподавателей средней школы. Съ прилож. библиографическаго указателя «Библиотека преподавателя». Пгр. 1917. Стр. VII, 511. Ц. 4 р. Складъ изданія у автора: Пгр., Шамшева ул., д. 11.

В. В. Даниловъ, преподаватель пгр. учительскаго института имп. Александра I и мужской гимназій имп. Александра I. Методика русскаго языка. Примѣнительно къ преподаванію въ высшихъ начальныхъ училищахъ, вторыхъ классахъ двухъ-классныхъ училищъ, а также въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Второе, переработанное изданіе. Съ рис.

въ текстѣ. Книгоиздательство «Сотрудникъ». Пгр.—Кіевъ 1917. Стр. IV, 204, Ц. 1 р. 40 к.

— Литература, какъ предметъ преподаванія. (Средняя и низшая школы. Учительскіе институты). М. 1917. Стр. 176. Ц. 1 р.

Императорское русское географическое общество. Д. Н. Зеленинъ. Описание рукописей ученаго архива. Имп. русск. географич. общества. Вып 3-й. Пгр. 1916. Стр. IV, 989—1277. Цѣна не обозначена.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ продолженіе высокоцѣннаго труда г. Зеленина, о первыхъ двухъ выпускахъ котораго было сказано въ нашемъ журналѣ. Къ сожалѣнію, почтенному автору по недостатку бумаги, рабочихъ рукъ и обилію занятій, не удалось въ третьемъ выпускѣ довести до конца свое описаніе. Выпускъ заключаетъ перечень рукописей, относящихся къ губерніямъ Пермской, Петроградской, Подольской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской и Саратовской. Будемъ съ нетерпѣніемъ ждать конца этого интереснѣйшаго труда.

Памятники міровой литературы. Русская устная словесность. Т. I. **Былины.** Подъ редакціей, съ вводными статьями и примѣчаніями М. Сперанскаго. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Стр. LXXI, 454. Цѣна 5 р.—**Саллюстій.** Заговоръ Катилины. Югуртинская война. Переводъ съ вступит. статьи и примѣч. Н. Б. Гольденвейзера. М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1916. Стр. XXV, 180. Ц. 2 р. 50 к.

Wladimiro Frenkel. La Russia e il Fausto nel conflitto Europeo. Roma. 1916. P. 129. Prezzo L. 2.50.

Д. Д. Галанинъ. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, какъ міровой геній русской культуры. М. 1916. Стр. 88. Ц. 80 к.

Симбирская церковная старина. Вып. 3-й. Подъ ред. А. О. Жукова. Симбирскъ. 1917. Стр. 124. Цѣна не обозначена.

Историческая коммиссія учебнаго отдѣла о. р. т. з. Вопросы преподаванія исторіи въ средней и начальной школахъ. Сборникъ 2. Подъ ред. И. М. Катаева, при ближайшемъ участіи В. Н. Бочкарева, Г. К. Вебера, Б. Н. Жаворонкова и В. Я. Уланова. Книгоиздательство «Наука». М. 1917. Стр. 307. Ц. 2 р. 50 к.

Первый выпускъ этого полезнаго изданія былъ своевременно отмѣченъ въ нашемъ журналѣ. Второй выпускъ составленъ столь же живо, интересно и поучительно, какъ первый. Особаго

вниманія заслуживаютъ три первыя статьи: «Проблема подготовки учителя исторіи для средней школы въ Россіи въ прошломъ и настоящемъ» (Н. Г. Тарасова), «Исторія французской революціи въ средней школѣ» (проф. Н. И. Карѣва) и «Новѣйшія теченія въ преподаваніи исторіи въ среднихъ и старшихъ классахъ средней школы» (И. М. Катаева). Много дѣльных замѣчаній заключается также въ библиографическихъ обзорахъ хрестоматій и учебниковъ по исторіи (А. А. Фертулатова и Б. Н. Жаворонкова). Хорошія практическія указанія имѣются въ статьѣ Д. А. Жаворонкова «Экскурсія въ Кремль и Поволжье».

Ладина грамматика. Казань. Въ 3-й годъ Вильгельмова нашествія. (1916). Стр. 179, III. Ц. 1 р. 50 к. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ. В. Ф. Маркелова и В. А. Шаронова. Казань. Воскресенская ул., д. губ. земства.

Книга получила заглавіе отъ того, что анонимный авторъ посвятилъ ее своей дочери Ладѣ. Цѣль написанія руководства дать «учебникъ грамматики для русской православной семьи». Безусловно грамматика содержитъ нѣсколько свѣжихъ и оригинальныхъ замѣчаній и отличается отъ прочихъ аналогичныхъ пособій приведеніемъ объясненія значенія столь же употребительныхъ, какъ непонятныхъ и неудачныхъ грамматическихъ терминовъ. Но все же книга заключаетъ и много лишняго и шаблоннаго, что желательнo устранить въ послѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ она заслуживаетъ.

Ив. Ив. Сергѣевъ. Мирное завоеваніе Россіи нѣмцами. Второе изд., дополн. Пгр. Изданіе «Общества 1914 г». 1917. Стр. 147. Ц. 60 к.

Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ. Пгр. 1916. Стр. 148. Ц. 1 р. 50 к.

Морозовъ, Николай. Повѣсти моей жизни. Томъ первый. М. 1916 г. Стр. 320. Ц. 2 р. 50 к.

Д. Бочковъ. О централизаціи церковныхъ историко-археологическихъ учреждений. Докладъ, читанный въ засѣданіи совѣта минскаго церковнаго историко-археологическаго комитета 23 ноября 1914 г. Черниговъ. 1916. Стр. 32. Цѣна не обозначена.

А. Е. Богдановскій. Что такое борьба съ нѣмецкимъ засиліемъ. Цѣли и задачи «Общества 1914 года», Пгр. 1917. Стр. 30, Ц. 50 к.

Пр.-доц. Г. К. Гинь. Старые русскіе цивилисты. Отг. Стр. 25.

Фареръ, Илодъ. Душа Востока. Романъ. «Сѣверные Дни». М. 1917. Стр. 173. Ц. 1 р. 75 к.

Сигритъ Ундсетъ. Иенни. Романъ. «Сѣверные дни». М. 1917. Стр. 236. Ц. 2 р.

Э. Темплъ-Серстонъ. Садъ возрожденія. Романъ. «Сѣверные Дни». М. 1917. Стр. 213. Ц. 2 р.

Сочиненія В. П. Буренина. Томъ пятый. Драматическія карикатуры. Изданіе четвертое, дополненное 16-ю новыми пьесами. Пгр. 1917. Стр. 296. Ц. 2 р.

Н. А. Лаппо-Данилевская. Долгъ жизни. Романъ. Изданіе первое. Первая тысяча. Пгр. 1917. Стр. 296. Ц. 2 р. 75 к.

А. Лозина-Лозинскій. Благочестивыя путешествія. I. Цѣты руинъ. II. Морел море! III. Санктъ-Петербургъ. Пгр. 1916. Стр. 56. Цѣна 1 р.

А. А. Шахматовъ. Повѣсть временныхъ лѣтъ. Томъ I. Вводная часть. Текстъ. Примѣчанія. Изданіе императорской археографической комиссіи. Пгр. 1916. Стр. VII, LXXX, 403. Ц. 2 р. 50 к.

Хожденіе по Руси и за рубежъ. Экскурсіонный Вѣстникъ. № 1—2. 1916. Культурно-историческій журналъ для семьи и школы. Подъ редакціей С. И. Гиньтова и И. Н. Бороzdина. Изд. А. А. Левенсонъ. Москва. Трехпрудный п., д 9.

Этотъ весьма симпатичный журналъ, имѣющій къ тому же и очень привлекательную внѣшность и украшенный многочисленными рисунками, существуетъ уже третій годъ. Видно, что оба редактора и издательство прилагаютъ всѣ свои силы и средства для поддержанія живого и насущнаго для нашей школы дѣла. Въ настоящемъ выпускѣ, кромѣ 13 статей, уясняющихъ какъ значеніе экскурсій вообще, такъ и дающихъ цѣнныя практическія указанія при отдѣльныхъ прогулкахъ (какъ, напр., въ Кремль, Донской монастырь и т. п.), напечатаны еще интересныя протоколы соединенныхъ засѣданій исторической секціи и секціи искусствъ и эстетическаго воспитанія представителей учебныхъ заведеній Москвы.

И. Б. Смольяниновъ. Незамѣтные. (Военные рассказы). Пгр. Изданіе М. А. Суворина. 1917. Стр. 192. Ц. 2 р.

Большинство очерковъ г. Смольянинова печаталось въ «Новомъ Времени», а одинъ помѣщенъ былъ въ журналѣ «Лукоморье». Авторъ хорошо присмотрѣлся къ быту нашихъ сѣрыхъ героевъ и сумѣлъ заглянуть въ ихъ чудную душу. Какъ безпритязательно просты наши воины, такъ же просто и изложеніе автора, дышащее одной только правдой. Въ книгѣ имѣется 17 хорошо исполненныхъ и интересныхъ рисунковъ.

Лукоморье. Второй альманахъ рассказовъ. Пгр. 1917. Стр. 301. Ц. 3 р.

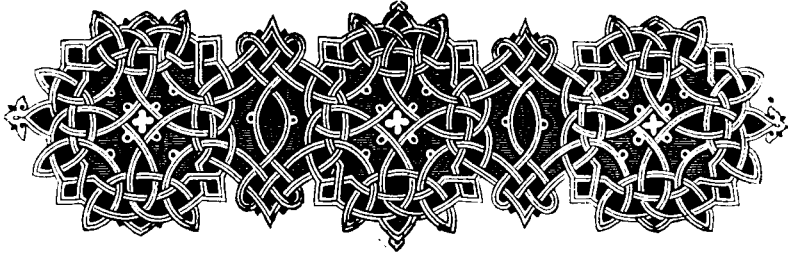
Любители легкаго чтенія найдутъ въ настоящей книгѣ рядъ интересныхъ рассказовъ нашихъ модныхъ беллетристовъ: А. Ауслендера, Н. Кузнецова, Б. Лазаревскаго, Н. Олигера, В. Опочинина, Ю. Слезкина и стихи А. Рославлева.

Вл. Апушкинъ. Руины. Образы былой жизни въ Польшѣ. Пгр. «Литературная книжная лавка» (Ижорская ул., д. 14, кв. 12). 1917. Стр. 150. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

Въ живой беллетристической формѣ авторъ вспоминаетъ о своемъ пребываніи 25 лѣтъ тому назадъ въ гор. Владимиржѣ, который сохранилъ отъ своего прежняго величія только рядъ руинъ бывшихъ тамъ когда-то пышныхъ дворцовъ, костеловъ и замковъ. Рассказы г. Апушкина о любопытныхъ встрѣчахъ, приключеніяхъ во время повстанія и мѣстныхъ легендахъ сообщаютъ значительный интересъ его книгѣ.

И. Т. Тарасовъ. Самодержавіе и абсолютизмъ. М. 1917. Стр. 9.

По мнѣнію автора, «самодержавіе должно служить пользѣ народа и славы Божіей; оно отвѣтственно предъ судомъ Божиимъ». Этими оно отличается отъ западно-европейскаго абсолютизма, въ основѣ котораго лежали «*tel est Notre bon plaisir* и абсолютная безответственность».

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Правительство и нѣмцы въ Россіи въ царствованіе Александра II и Александра III по показаніямъ современныхъ русскихъ дѣятелей.—Изъ дѣтскихъ лѣтъ императора Александра III.—Цѣны на продукты 160 лѣтъ тому назадъ.—М. И. Семевскій.

О ВСЕЙ русской исторіи XIX вѣка заботливое отношеніе русскаго правительства по отношенію къ русскимъ нѣмцамъ сказывается въ стремленіи не только оградить ихъ привилегіи, но и создать для нихъ положеніе особо благоприятствующей націи въ сравненіи съ кореннымъ населеніемъ. Еще въ концѣ царствованія Александра I въ первоначальной редакціи «Горя отъ ума» Грибоѣдовъ восклицалъ:

«Какъ съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы,
Что ничего нѣтъ выше нѣмца!»

При Николаѣ I нѣмецкое вліяніе на русскую жизнь достигло своего апогея, расширяясь количественно и качественно въ правительственныхъ и культурныхъ кругахъ русскаго общества, и лишь реформы Александра II, давая неизбежно просторъ національному самознанію русской народности, выдвинули вопросъ о привилегіяхъ русскихъ нѣмцевъ не только въ Россіи, но и въ вѣковой ихъ цитадели—Прибалтійскомъ краѣ. Въ это время нѣмцы, преимущественно баронскихъ круговъ, повели оборонительную войну противъ русской государственности (латышей и эстовъ они и прежде считали ни во что) и твердо засѣли въ своихъ «правовыхъ» средневѣковыхъ окопахъ, стараясь использовать свое традиціонное вліяніе на придворные круги и администрацію. Борьба этого вліянія съ неумолимымъ

ходомъ исторіи ставила иногда представителей русской власти въ трагическое положеніе: трудно было отрѣшиться и отъ старыхъ взглядовъ, что въ Россіи «ничего нѣтъ выше нѣмца», и отъ принциповъ, положенныхъ въ основаніе новой политической жизни Россіи, а совмѣстить ихъ было невозможно. Чтобы какъ-нибудь, хотя временно, уклониться отъ рѣшенія возникшихъ на этой почвѣ вопросовъ, нужно было прибѣгать къ компромиссамъ, закрывать глаза на рядъ противорѣчій въ жизни Прибалтійскаго края и остальной Россіи, внушить мѣстнымъ администраторамъ имѣть по отношенію къ прибалтійскимъ нѣмцамъ одновременно и мудрость змѣиную, и кротость голубиную...

Одинъ изъ этихъ администраторовъ эпохи императора Александра II, извѣстный русскій дѣятель М. Н. Галкинъ-Враскій, будучи назначенъ эстляндскимъ губернаторомъ, въ полной мѣрѣ испилъ чашу противорѣчивыхъ требованій власти въ области отношеній къ прибалтійскимъ нѣмцамъ. Въ январской книжкѣ «Русской Старины» напечатаны выдержки изъ его записной книжки за 1868 годъ, гдѣ онъ приводитъ мнѣнія русскихъ государственныхъ людей на Остзейскій край. Всѣ эти люди, искренно или нѣтъ, выражали мнѣніе, что нѣмцы преданы Россіи, что нужно дѣлать уступки нѣмцамъ, а не разжигать страсти. Даже такого высокаго разума женщина, какъ великая княгиня Елена Павловна, книгу Самарина «Окраины Россіи» называла памфлетомъ. Положеніе Галкина-Враскаго при этомъ «единогласіи мнѣній кн. Горчаковъ любезно охарактеризовалъ словами: «Въ терновомъ вѣяціѣ». Всѣхъ искреннѣе и сердечнѣе отнесся къ положенію новаго губернатора самъ императоръ Александръ II, удостоившій его при представленіи продолжительнаго разговора.

«Государь,—разсказываетъ М. Н. Галкинъ-Враскій,—соизволилъ принять меня въ кабинетѣ, подаль руку и обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

«Поздравляю съ назначеніемъ. Ты былъ въ краѣ?»—«Нѣтъ, ваше императорское величество».—«Я не сомнѣваюсь, однако, что ты сладишь. Сядишь. Положеніе трудное, но, дѣйствуя съ тактомъ, можно достигнуть, чего мы желаемъ. Теперь, какъ видишь, это вопросъ, а прежде, какъ припоминаю, въ моей молодости, никто и не думалъ смотрѣть на остзейцевъ и они сами не смотрѣли на себя, какъ на чужихъ. Имена гр. Падена, Ливенъ смѣшивались наравнѣ съ нашими, чисто русскими изъ внутреннихъ губерній. Всѣ отдавали имъ должное и за пролитую кровь и ихъ службу. Теперь же ихъ упрекаютъ въ любви къ своей національности, да развѣ такая любовь не понятна, но они и были всегда и дѣйствительно преданы,—я въ этомъ не сомнѣваюсь. Молодое поколѣніе, правда, растеть иначе, чѣмъ выросло предшествующее моего времени, и это заслуживаетъ вниманія».

«Такъ какъ при этомъ его величество взглянулъ на меня вопросительно, то я рѣшился указать на настоящее положеніе образованія въ краѣ и въ особенности на положеніе сельскихъ школъ, зависящихъ исключительно отъ помѣщиковъ, при чемъ коснулся желательности и пользы расширенія правительственнаго въ нихъ участія.

«Да, это такъ,—изволилъ отвѣтить государь:—что же касается до того проведенодѣйствія,—продолжалъ государь,—которое явилось теперь противу вве-

денія русскаго языка, то я сейчас говорилъ Эттингену,¹⁾ что они не должны противиться, что это имъ же повредитъ. Я тоже передавалъ барону Палену, эстляндскому предводителю. Они все чего-то опасаются, чего-то ожидаютъ. Причиною газеты и взаимное разжиганіе страстей. Я говорилъ Каткову: «вы своими безусловными порицаніями приносите вредъ, а не пользу, достигаете противоположной цѣли». Несомнѣнно, что для общихъ государственныхъ интересовъ нужны частныя уступки, и намъ слѣдуетъ этого неуклонно держаться, но не разжигая страстей. Не обращай же—смотри—вниманія на газеты, а дѣйствуй по убѣжденію. Есть тамъ—правда—и злоупотребленія помѣщичьей власти. Такъ въ дѣлѣ Даго они, по закону, правы, но была нужна снисходительность къ нуждающимся крестьянамъ. Ты читалъ дѣло?»

«Да, ваше величество, и думаю, что при тѣхъ же пріемахъ соглашенія, которыя встрѣчались не разъ у насъ при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, можно было бы предупредить настоящій исходъ, хотя позволю себѣ повторить, что они были правы по буквѣ закона». — «Да—скажу еще разъ—твое положеніе будетъ трудное, но не безвыходное, будь только остороженъ въ сношеніяхъ, будь расчетливъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но твердь во всемъ, что предпримешь. Ты говоришь по-нѣмецки?» — «Да, могу объясняться». — «Когда ѣдешь?» — «Въ концѣ декабря». — «Почему не теперь?». Въ отвѣтъ я указалъ на желаніе предварительно ознакомиться съ нѣкоторыми дѣлами края и лично объясниться по нимъ съ министрами, а также на сознаваемую мной необходимость подробнаго ознакомленія съ мѣстнымъ законодательствомъ, неизвѣстнымъ мнѣ по прежней службѣ. Я прибавилъ еще, что въ виду собранія Landtag'a въ декабрѣ, не будучи знакомъ ни съ мѣстными условіями, ни съ тамошними дѣятелями, я желалъ бы также избѣжать могущихъ быть при этомъ сношеній, при неблагоприятныхъ для меня, по неизвѣстности края, условіяхъ. Государь императоръ, во время того, какъ я объяснялъ вышеприведенное, соизволилъ дважды прервать словами: «дѣльно, основательно»... Все это было записано Галкинымъ-Враскимъ немедленно послѣ представленія во дворцѣ же, въ отведенномъ помѣщеніи.

Шефъ жандармовъ, бывшій прибалтійскій генераль-губернаторъ, гр. Петръ Андреевичъ Шуваловъ, извѣстный нѣмецелюбъ, откровенно сказалъ новому губернатору: «Надо держаться закона. Такъ, въ дѣлѣ русскаго языка государственный контроль пошелъ въ своихъ требованіяхъ дальше своего права. Государь съ ними самъ говоритъ не иначе, какъ по-французски. Они отстаиваютъ свое судопроизводство и городское управленіе. Государь не можетъ пока трогать ни того, ни другого. Пожалуйста, дружите, ѣздите въ клубъ, я самъ съ ними покучивалъ. Это они любятъ, а тутъ и дѣла можно обдѣлывать». Хорошенькій совѣтъ для представителя русской власти въ краѣ, гдѣ ждали отъ него защиты угнетенные нѣмцами латыши, эсты и даже сами русскіе!

Невольно вспоминается при этомъ отношеніе русской бюрократіи къ нѣмецкому элементу въ Остзейскомъ краѣ при Александрѣ III. Наши министры,

¹⁾ Лифляндскому губернатору.

за исключеніемъ Бунге и Манассина, попережнему отстаивали господство нѣмцевъ въ этомъ краѣ, гдѣ они составляли всего 3 процента населенія, игнорируя даже державную русскую народность,—несмотря на то, что самъ государь, строго національный въ своей политикѣ, всячески оберегалъ русскую государственность отъ натиска инородческихъ вліяній, столь укоренившихся въ высшемъ правящемъ классѣ. Противорѣчивыя требованія въ этомъ отношеніи испыталъ одинъ изъ преемниковъ М. Н. Галкина-Враскаго по управленію Эстляндской губерніей, кн. С. В. Шаховской, тоже находившійся въ «терновомъ вѣнцѣ», но пользовавшійся въ своей дѣятельности поддержкой монарха, несмотря на всяческое противодѣйствіе своимъ начинаніямъ какъ въ помѣстной средѣ, такъ и въ средѣ высшей столичной бюрократіи. Въ «Архивѣ кн. С. В. Шаховскаго», первый томъ котораго изданъ былъ еще въ 1909 году, напечатанъ былъ рядъ матеріаловъ, доказывающихъ, насколько велико было всевластіе дружественной нѣмцамъ бюрократіи, въ конкретныхъ явленіяхъ дѣйствовавшей вопреки царскому слову и приказу. Министръ внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново прямо выразилъ кн. Шаховскому свое недовольство его управленіемъ, вызывавшимъ протестъ нѣмцевъ. Въ отвѣтъ на это кн. Шаховской сказалъ министру: «Я съ малолѣтства воспринялъ духовные завѣты школы Хомякова, Самарина, Аксаковыхъ и другихъ незабвенныхъ и незамѣнимыхъ русскихъ людей, для которыхъ честь и достоинство государственныхъ не были звукъ пустой. Они ясно сознавали правительственныя цѣли и задачи въ преемственной ихъ исторической связи. Они создали цѣлое, опредѣленное міровоззрѣніе и знали, куда идти надлежитъ Россіи и что для сего требуется. Я убѣжденно и сознательно принадлежу къ этой школѣ и потому дѣйствую не случайно, какъ Богъ на душу положить, а разумно и сознательно, зная, какъ именно надо вести дѣло, чтобы добиться дѣйствительныхъ правительственныхъ цѣлей въ краѣ. Правительство же высшее, если не сказать министерство внутреннихъ дѣлъ,—простите за откровенность,—программы не имѣетъ: оно разрѣшаетъ только текуція дѣла и стремится только къ одному, чтобы все было тихо и спокойно. Поэтому оно часто впадаетъ въ противорѣчія, да иначе при такой системѣ и быть не можетъ, а насъ на мѣстѣ такія колебанія ставятъ подчасъ въ безвыходное положеніе. Я дѣйствительно, если хотите, веду самостоятельную политику, но въ томъ отношеніи, что я не допускаю у себя колебаній, иду послѣдовательно по пути, на который сознательно сталъ, держусь неизмѣнно одной и той же программы и измѣнить ее не могу, ибо почелъ бы это за измѣну, на которую неспособенъ». Такъ прямо и искренно говорилъ губернаторъ, выражая вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе «покинуть службу по министерству внутреннихъ дѣлъ», и вотъ что ему отвѣчалъ на это его начальникъ: «Я не понимаю, зачѣмъ вамъ торопиться уходить изъ Эстляндіи. Оставайтесь тамъ, вы тамъ полезны, только, ради Бога, будьте осторожны. Не раздражайте нѣмцевъ. Теперь надо ихъ успокаивать и съ ними не ссориться. Не создавайте лишнихъ враговъ государю, сидите въ Ревелѣ смирно и ведите пока текуція дѣла. Этими вы принесете пользу дѣлу и себѣ самому. Надо всѣмъ дать отдохнуть. Нельзя же все время тянуть одну и ту же ногу». Такъ говорилъ уклончиво и неискренно И. Н. Дурново, а вотъ что на аудіенціи говорилъ кн. Шаховскому Але-

ксандръ III: «Вы дѣйствуете молодцомъ, я вами вполне доволенъ, продолжайте такъ и дальше». Контрастъ этихъ двухъ отвѣтовъ по одному и тому же случаю любопытенъ и поучителенъ.

Несомнѣнно, на образованіе личности императора Александра III и духовнаго его склада, какъ русскаго государя, большое вліяніе оказала обстановка дѣтскихъ его лѣтъ, когда онъ, заслоняемый отъ вліятельныхъ придворныхъ круговъ личностью старшаго своего брата, наслѣдника престола Николая Александровича, скончавшагося въ юности, имѣлъ возможность ближе познакомиться съ людьми и дѣйствительною жизнью. Уже въ то время онъ отличался прямою характера, здравомысліемъ и любовью ко всему русскому. Конечно, намъ еще долго ждуть полной, научной біографіи незабвеннаго государя, но отъ времени до времени появляются свѣдѣнія о его жизни, выходящая изъ рамокъ обычной, официальной исторіи. Такъ, въ статьѣ Е. С. Каменскаго «Августѣйшіе кадеты» передаются любопытные случаи изъ дѣтства Александра III, которые, конечно, не ускользнуть отъ вниманія будущаго его біографа.

«Въ 1859 году въ кадетскій лагерь въ Петергофѣ вновь прибыли великіе князья. Снова начались ученья на кадетскомъ плацу, и снова великіе князья ежедневно пріѣзжали два раза въ лагерь 1-го корпуса. Какъ-то разъ, во время ученья, когда стояла сильная жара и жажда мучила кадетъ, вдругъ на плацу появился, верхомъ на лошади, одинъ изъ учителей великихъ князей, кажется, г. Бартъ или Вильфельденъ. Быстрымъ взглядомъ великій князь замѣтилъ у него бутылку съ лимонадомъ, которую онъ держалъ въ рукѣ со стаканомъ. а другая бутылка высовывалась у него изъ задняго кармана, и попросилъ у него напитокъ, но Бартъ отвѣтилъ: «Подождите, прежде надо старшему», и подѣхалъ къ наслѣднику. Тогда великій князь, обращаясь къ кадетамъ, сказалъ: «Вы понимаете, онъ, какъ нѣмецъ, старается услужить моему брату, потому что онъ наслѣдникъ, а на меня не обращаетъ вниманія».

«Великому князю Александру Александровичу было въ то время 13 лѣтъ, держалъ онъ себя чрезвычайно просто, по-товарищески и даже просилъ кадетъ не называть его «его высочествомъ»; по его примѣру и другіе великіе князья такъ же просто относились къ кадетамъ, кромѣ наслѣдника.

«Другой бывший кадетъ 1-го кадетскаго корпуса, нынѣ помѣщикъ Трухачевъ, рассказываетъ, что въ 1858 и 1859 годахъ онъ былъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и стоялъ во фронтѣ вмѣстѣ съ великими князьями Александромъ и Владимиромъ Александровичами. «Въ то время—говоритъ онъ,—у насъ былъ строгій воспитатель Оскаръ Петровичъ Морбергъ, котораго мы, однако, любили за справедливость, но иногда и подсмѣивались надъ нимъ, называя его «пистолетомъ» за то, что онъ удивительно кратокъ былъ на словахъ и рѣзко командовалъ въ строю. По нашему примѣру и великіе князья называли его тоже «пистолетъ».

«Во время лагерей отъ капитана Морберга часто доставалось и великому князю Владимиру Александровичу, который во фронтѣ шевелился и любилъ разговаривать съ кадетами. Какъ-то разъ на Бабыихъ гонахъ саперами было возведено полевое укрѣпленіе, которое кадеты должны были штурмовать въ

присутствіи государя. Когда пришелъ батальонъ кадетъ, то полковникъ Элютъ, командиръ батальона, приказалъ составить ружья въ козлы, прошелъ сильный ливень, который промочилъ кадетъ до костей. Чтобы согрѣться, кадеты стали бороться и, пользуясь тѣмъ, что подъ ногами была мокрая глина, дѣлали шарики и бросались между собой, что дѣлали и великіе князья. Одинъ мокрый глиняный шарикъ попалъ великому князю Александру Александровичу прямо въ щеку и облѣпилъ все лицо. Кадеты стали спрашивать великаго князя, не больно ли ему, и предлагали свои платки стереть грязь съ лица; но великій князь вытерся своимъ платкомъ и на всѣ вопросы отвѣтилъ: «Что вы, господа, беспокоитесь, можетъ быть, и больно, но, вѣдь, мы играли, и что за бѣда, если комъ глины попалъ и въ меня, я нисколько на это не обижаюсь». Въ это время подошелъ генералъ Зиновьевъ и попросилъ прекратить эту игру. Было скомандовано «въ ружье», всѣ выстроились, пріѣхалъ государь, и начались маневры.

«Въ 1856 году, во время коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ для развлечения августѣйшихъ дѣтей и для игръ нѣсколько разъ приглашались въ большой кремлевскій дворецъ кадеты 1-го и 2-го московскихъ кадетскихъ корпусовъ, по четыре человека отъ каждаго. Кадеты бѣгали по заламъ дворца, маршировали и продѣлывали разныя военныя упражненія съ великими князьями, въ числѣ которыхъ были наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ и великій князь Александръ Александровичъ. Цесаревичу было тогда 13 лѣтъ, а Александру Александровичу 11,—придумывали разныя игры и вообще рѣзвились соотвѣтственно ихъ возрасту. Слыша часто, какъ кадеты называютъ одного изъ товарищей «Саша», великій князь Александръ Александровичъ подошелъ къ этому кадету 2-го корпуса и спросилъ: «Это тебя зовутъ Саша?»—«Да, меня»,—отвѣчалъ кадетъ.—«И меня зовутъ Саша, а по отчеству тоже Александровичъ».—«Нѣтъ, ваше высочество, по отчеству меня зовутъ Алексѣевичъ».—«А сколько тебѣ лѣтъ?»—«Одиннадцать»,—отвѣтилъ кадетъ.—«Вотъ, какъ хорошо, меня тоже зовутъ Саша и мнѣ одиннадцать лѣтъ. Вотъ только жаль, что у тебя отчество не Александровичъ, а то совсѣмъ, какъ я».

«Среди игръ кадеты предложили играть въ жгуты. Игра заключалась въ томъ, что всѣ играющіе садятся на полъ, въ кружокъ, и не смѣютъ никуда поворачивать головы, а одинъ изъ играющихъ со спрятаннымъ въ рукавъ куртки жгутомъ изъ свернутаго платка обходить кругъ сзади сидящихъ и кому-нибудь подкладываетъ жгутъ. Если сидящій замѣтитъ, что жгутъ у него, то онъ быстро схватываетъ жгутъ и гонится за тѣмъ, кто ему подкинулъ, по кругу, и бьетъ его жгутомъ, пока тотъ не займетъ мѣсто бьющаго. Если же играющій не замѣтитъ, что жгутъ подложенъ ему, то подложившій, пройдя кругъ, беретъ жгутъ и бьетъ того, кто прозѣвалъ взять его. Разъ, во время игры, одинъ кадетъ подложилъ жгутъ наслѣднику, который прозѣвалъ; тогда кадетъ взялъ жгутъ и началъ имъ ударять убѣгающаго цесаревича, который сначала вскопчилъ и побѣжалъ вдоль круга, но потомъ, видимо, сконфузился, остановился и, повернувшись къ бѣгущему сзади кадету, сказалъ: «Какъ ты смѣешь меня бить? Ты долженъ помнить, что я наслѣдникъ русскаго престола». При этомъ возгласѣ сразу воцарилась тягостная тишина между играющими, и кадеты сразу поняли,

что дальнѣйшая игра невозможна, такъ какъ она требуетъ равнаго отношенія къ себѣ всѣхъ играющихъ. Въ этотъ моментъ въ дверяхъ въ смежную залу раздался голосъ съ извѣстнымъ грасулированіемъ на «р»: «А ну-ка, хорошенько его, этого наслѣдника русскаго престола!» Въ дверяхъ стоялъ государь императоръ, прихода котораго, за шумомъ игры, никто не замѣтилъ. Наслѣдникъ побѣждалъ, согласно правилъ игры, вдоль круга и сѣлъ на свое мѣсто, а затѣмъ всѣ вскочили и вытянулись передъ государемъ, который очень милостиво относился къ кадетамъ. Смѣхъ и шутки продолжались иѣльый день. Гадеть отлично накормили объѣдомъ и одарили сладостями. Великій князь Александръ Александровичъ игралъ по всѣмъ правиламъ игры и ловко билъ жгутомъ. Особеннаго оживленія въ немъ не замѣчалось, но все, что нужно было въ играхъ, онъ исполнялъ всегда очень корректно.

«Великіе князья были одѣты въ черныхъ курточкахъ съ металлическими пуговками и въ сѣро-синихъ шароварахъ».

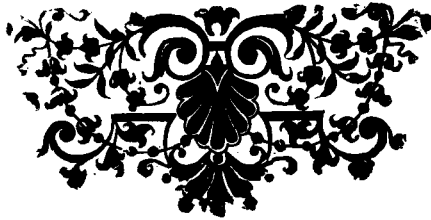
Въ дни современной дороговизны продуктовъ первой необходимости, въ большей или меньшей степени ощущаемой на всемъ пространствѣ Россіи, г. Эльне (въ «Нашей Старицѣ») напоминаетъ весьма кстати о дешевизнѣ жизни въ Москвѣ 150 лѣтъ тому назадъ: «Полтора ста лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ,— говоритъ онъ,— на одну мѣдную копейку можно было купить слѣдующее количество хлѣба: ржаного 2 фунта $15\frac{1}{2}$ золотниковъ, или 1 фунтъ $74\frac{1}{2}$ золотника ситнику, или $87\frac{1}{2}$ золотника пеклеваннаго, или 64 золотника крупчатыхъ калачей, или $57\frac{1}{2}$ золотниковъ крупчатыхъ сакъ, или 53 золотника кренделей, или, наконецъ, $70\frac{1}{2}$ золотниковъ булокъ или французскихъ хлѣбовъ. Такъ же дешево стоили и другіе продукты. Лучшіе сорта мяса отъ самой лучшей скотины, т. е. грудь, реберные края и покрома, стоили 1 фунтъ 3 коп., а самые дешевые сорта— $1\frac{1}{3}$ коп. фунтъ. Цѣльй барашекъ, побольше, пооткормленнѣе, цѣнился въ 1 руб. 65 коп., а поменьше—въ 88 коп. За большого, хорошаго теленка. отноеннаго молокомъ, брали 2 руб. 50 коп.; русская кура стоила 23 коп., а лѣсная дичь, рябчики, тетерьки, глухари—цѣнились одинаково по 20 коп. И все-таки москвичи жаловались, ахали и вспоминали то доброе старое время, когда все было ни по чѣмъ, когда можно было жить вольготно. Разумѣется, столичные цѣны были выше провинціальныхъ, за исключеніемъ случаевъ неурожая, эпидемій и другихъ враговъ натуральнаго хозяйства.

Впрочемъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что 150 лѣтъ тому назадъ ассигнацій не было, а цѣнность звонкой монеты была въ пять разъ дороже, чѣмъ теперь.

9-го марта текущаго года исполняется 25-лѣтіе со дня кончины М. И. Семевского, извѣстнаго общественнаго дѣятеля и основателя историческаго журнала «Русская Старица». Покойный Михаилъ Ивановичъ былъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые на зарѣ общественной жизни въ Россіи умѣли

понять связь прошлаго нашего отечества съ его настоящимъ и будущимъ и, чутко отзываясь на волновавшіе современное общество вопросы жизни, преимущественно въ области просвѣщенія, въ то же время со страстью предавались изученію прошлаго Россіи и популяризаціи русской исторіи въ широкихъ кругахъ общества. Памятникомъ его дѣятельности является журналъ «Русская Старина», въ которомъ за время редактированія его М. И. Семевскимъ (1870—1892 гг.) помѣщенъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ матеріаловъ по русской исторіи XVIII и XIX вв., нѣсколько популярныхъ монографій и два городскихъ училища въ Петроградѣ, посещія его имя.

Е. Шумигорскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВЪ ИСТОРИИ англійскаго вліянія во Франціи.—Въ январской книжкѣ «The Edinbrough Review» находимъ содержательную статью Альгара Торольда о воздѣйствіи англійскаго народнаго вліянія на французскую культуру.

Авторъ начинаеть свои изысканія съ выясненія тѣхъ политическихъ связей, которыя начинали завязываться между двумя сосѣдними странами.

Въ 1572 году французскій король Карль IX, по совѣту Колиньи, подписалъ въ Блуа союзный договоръ съ англійской королевой Елизаветой, коимъ оба государства обязывались со-обща бороться противъ притязаній Филиппа II испанскаго на Нидерланды. Тогдашняя Англія не включала еще въ своемъ составѣ Шотландію, была слабѣе, чѣмъ теперь, и, конечно, какъ и въ наши дни, не могла допустить, чтобы на континентѣ какъ разъ противъ ея береговъ утвердилась какая-либо другая сильная держава. Для Франціи, съ другой стороны, Голландія не представляла никакого интереса въ смыслѣ пріобрѣтенія, ибо Франція и безъ того обладала очень длинной береговой линіей и отличными портами. Вотъ почему первый англо-французскій союзъ оказался довольно живучимъ и возобновленъ при Генрихѣ IV, которому Елизавета англійская охотно помогала въ достиженіи трона, хотя и сердилась на него за переѣзду протестантизма на католичество.

Въ 1585 году голландскіе генеральные штаты предложили нидерландскую корону Елизаветѣ, но та, не желая мѣнять установленнаго съ Франціей отношенія, отказалась отъ этого.

Въ слѣдующемъ столѣтіи ревностнымъ сторонникомъ сближенія Франціи съ Англіей, при условіи сохраненія голландской независимости, былъ кардиналь Ришелье. Но преслѣдованія, которымъ онъ подвергъ французскихъ про-

тестантовъ, видя въ нихъ враговъ государственнаго единства Франціи, поссорили его съ Англіей. Однако его преемнику, знаменитому министру Анны Австрійской кардиналу Мазарини, удалось исправить дѣло и заключить вновь союзъ со своей островной сосѣдкой.

Это политическое сближеніе повлекло за собой важныя культурныя послѣдствія для той и другой стороны. Отмѣна Людовикомъ XIV Нантскаго эдикта заставила свыше 400 тысячъ французскихъ протестантовъ покинуть Францію и, направиться широкимъ потокомъ въ сосѣднія страны, главнымъ образомъ въ Германію и на западъ въ Англію, неся съ собою свой французскій духъ и французскую культуру.

Эти эмигранты сдѣлались какъ бы посредниками между германской и романской Европой, въ частности же между Франціей и Англіей. Еще недавно англійское государственное устройство и религія были во Франціи предметомъ отвращенія. «Преступная нація, возмущаемая на сушѣ и на морѣ силой, чѣмъ самъ океанъ!»—такъ отзывался объ англичанахъ Боссюэ. Въ 1654 году одинъ французскій іезуитъ, нѣкто Кулонъ, издалъ первый во Франціи путеводитель по Англіи, подъ заглавіемъ: «Le fidèle conducteur pour le voyage de l'Angleterre». Въ этомъ путеводителѣ авторъ, между прочимъ, пишетъ про эту страну: «Когда-то она была мѣстопребываніемъ ангеловъ и святыхъ, а теперь—это адъ, полный демоновъ и отцеубійць. Не совѣтую путешествовать туда и углубляться въ эту страну». Эти слова какъ нельзя лучше отражаютъ народныя чувства французовъ къ ихъ западнымъ сосѣдямъ.

Англійскій языкъ долгое время считался во Франціи чѣмъ-то вродѣ варварскаго жаргона. Корнейль показывалъ своимъ друзьямъ въ качествѣ курьеза англійскій переводъ своего «Сида», который онъ хранилъ у себя въ библіотекѣ вмѣстѣ съ турецкимъ переводомъ этой поэмы. Писатель Ла-Мотъ-ле-Вайеръ былъ, кажется, единственнымъ человѣкомъ во Франціи, который зналъ англійскій языкъ, но и то потому, что онъ былъ женатъ на шотландкѣ. Въ 1700 году лишь весьма рѣдкія англійскія книги были переведены на французскій языкъ. Въ 1611 году нѣкто Жанъ Бодуэнъ перевелъ «Опыты» Бэкона, нѣкоторыя сочиненія Гоббса, «Аркадію» Сиднея. Французскій эмигрантъ, маркизъ Сентъ-Эвремонтъ, нашедшій себѣ уѣжище въ Лондонѣ, въ письмѣ къ Мазарини упоминаетъ о Бенъ-Джонсонѣ и характеризуетъ англійскую драму, какъ нѣчто сильное, обладающее такими красотами, которыхъ нѣтъ во французской литературѣ. Удивительнѣе всего то, что у Сентъ-Эвремонта мы не находимъ никакого упоминанія о Шекспирѣ. Впрочемъ, Франція XVII вѣка была совершенно отграничена отъ «германской» литературы, и литературная граница для нея проходила по Альпамъ, Рейну и Ламаншу. Когда Людовикъ XIV задалъ однажды вопросу своему посланнику при Сентъ-Джемскомъ дворѣ де-Комэнжу, есть ли въ Англіи какіе-нибудь писатели, тотъ отвѣтилъ, что прежде были, въ родѣ Бэкона, Мора, Бьюкенена, а теперь можно указать на нѣкотораго Мильтона, который, впрочемъ, своими сочиненіями «опозорилъ себя больше, чѣмъ палачи и убійцы своего короля».

Потокъ французскихъ протестантовъ, хлынувшій послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, далъ Англіи болѣе 80 тысячъ новыхъ гражданъ. Ни тотъ, ни другой

король изъ послѣднихъ Стюартовъ не любилъ протестантовъ, и число ихъ въ Англіи до революціи было не такъ велико. Но послѣ 1688 года они стекались въ Лондонъ огромными толпами и находили здѣсь кровъ и пропитаніе. Въ 1709 году большинство изъ нихъ получили позволеніе парламента принять англійское подданство и стали ревностными пропагандистами своего новаго отечества. Протестантско-французская колонія въ Лондонѣ стала истиннымъ очагомъ космополитическаго духа, который давалъ себя чувствовать въ Англіи XVIII вѣка. Многіе изъ ея членовъ принимаются писать по-англійски. Таковъ, напримѣръ, Пьеръ-Антуанъ Мотте, основавшій ежемѣсячный журналъ «The Gentleman», имѣвшій въ свое время большой успѣхъ. Этотъ же Мотте писалъ самыя разнообразныя пьесы для разныхъ англійскихъ театровъ.

Излюбленнымъ мѣстомъ сборищъ этихъ эмигрантовъ была кофейня «Радуга» въ деревенскомъ предмѣстьѣ Лондона Мэрибонѣ, теперь уже давно вошедшемъ въ составъ столицы. Тутъ было своего рода інформаціонное бюро, снабжавшее новостями всю Европу. Предсѣдателемъ этого бюро былъ нѣкто Пьеръ Данде, служившій въ англійскомъ казначействѣ. Этотъ Данде былъ горячимъ поклонникомъ Бэкона и англійской философіи. Въ «Радугѣ» всегда происходили оживленные дебаты на самыя разнообразныя темы. Однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей «Радуги» былъ Демезо—книгоиздатель, переводчикъ, компиляторъ, журналистъ—словомъ, типичный представитель публики, которая здѣсь собиралась. Кромѣ англійскихъ журналовъ, Демезо много работалъ въ голландскихъ изданіяхъ, въ «Journal des Savants», распространяя такимъ образомъ массу свѣдѣній объ Англіи.

Одной изъ главныхъ задачъ французскихъ эмигрантовъ въ Англіи было популяризировать на ихъ родинѣ англійскую философію. Такъ, Пьеръ Кость напечаталъ во французскомъ переводѣ «Опытъ о человѣческомъ разумѣ» Локка. «Journal Littéraire» печатавшійся въ Гаагѣ, разсыпался въ похвалахъ британской конституціи. Въ 1724 году въ той же Гаагѣ появилась восьмитомная исторія Англіи французса Рапенъ-Туараса, ставшая на долгое время классической.

Благодаря литературной работѣ эмигрантовъ, во Франціи мало-по-малу стало слагаться болѣе благоприятное мнѣніе объ Англіи. Фенелонъ, осѣдломленный Рамзаемъ о подробностяхъ англійскаго государственнаго устройства, начинаетъ мечтать о королѣ, «всемогущемъ въ добрѣ и безсильномъ въ злѣ».

Для того, чтобы окончательно завоевать симпатіи французовъ въ пользу Англіи, недоставало пока гениальнаго человѣка, который явился бы, такъ сказать, посредникомъ между обѣими странами. Въ первой четверти XVIII вѣка такой человѣкъ нашелся въ лицѣ Вольтера. Но у Вольтера былъ свой предшественникъ—знаменитый авторъ трагедіи «Манонъ Леско», аббатъ Прево. Въ 1728 году, порвавъ съ церковью, онъ долженъ былъ оставить свою паству и бѣжать въ Англію. Тамъ онъ пристроился секретаремъ къ одному лорду и прожилъ въ Лондонѣ около четырехъ лѣтъ. Разразившійся скандалъ, вызванный его любовными похождениями, принудилъ его бѣжать въ Голландію, но въ 1733 году онъ вернулся обратно въ Англію въ сопровожденіи какой-то молодой женщины. «Радуга», проповѣдывавшая свободу правовъ только на

словахъ, встрѣтила его очень холодно. Прево, однако, не обратилъ вниманія на своихъ бывшихъ друзей, поселился вмѣстѣ со своей подругой и принялся писать повѣсти изъ англійской жизни, въ родѣ «*Mémoires d'un homme de qualité*», которыя доставили ему большую литературную славу и сильно способствовали ознакомленію французовъ съ ихъ сосѣдями. Въ особенности Прево былъ пораженъ политической свободой англичанъ и значительнымъ социальнымъ равенствомъ. «Какой урокъ для насъ,—пишетъ онъ:—когда видишь, что въ одномъ и томъ же кафе, за однимъ и тѣмъ же столомъ, сидятъ одинъ-два лорда, баронъ, сапожникъ, портной, виноторговецъ и нѣсколько человѣкъ такого же сорта и съ трубкой въ зубахъ обсуждаютъ политическіе вопросы. Кафе—это резиденція англійской свободы!»

Впослѣдствіи Прево вернулся во Францію и, получивъ мѣсто капеллана у графа де-Конта, сталъ издавать журналъ «*Le Pour et le Contre*», посвященный пропагандѣ англійскихъ идей во Франціи, уготовляя такимъ образомъ путь Вольтеру. Послѣдній явился въ Англію какъ разъ въ то время, когда началъ выходить «*Le Pour et le Contre*».

Вольтеръ высадился въ Гринвичѣ 30 мая 1726 года. По случаю празднованія дня рожденія короля въ Гринвичѣ была ярмарка, чрезвычайно оживленная и живописная. Погода была хороша на рѣдкость, самъ Вольтеръ, вырвавшись изъ Бастиліи, чувствовалъ себя счастливымъ, денегъ у него было пока довольно,—словомъ, все соединялось для того, чтобы сразу же дать ему самое свѣтлое представленіе объ Англійи. Онъ былъ радушно принятъ въ Лондонѣ лордомъ Болинброкомъ, завязалъ сношенія съ наиболѣе выдающимися членами обѣихъ тогдашнихъ политическихъ партій—тори и виги и, обезпечивъ за собой ихъ симпатіи, приступилъ въ Англійи къ изданію своихъ сочиненій. Такъ, «Генріада» была напечатана по подпискѣ, которая дала Вольтеру около 20 тысячъ рублей. Больше всего Вольтера интересовали ученые, главнымъ образомъ естествоиспытатели, въ родѣ Берклея и Ульстона, съ которыми онъ знакомится лично, часто посѣщая засѣданія «*Royal Society*». Расгутъ и его знакомства среди литературнаго міра. Здѣсь рядомъ съ Вольтеромъ мы видимъ Попа, Юнга и другихъ выдающихся англійскихъ писателей того времени.

Вольтеръ пробылъ въ Англійи около трехъ лѣтъ и за это время, кромѣ «Генріады», написалъ еще «Брута» и собралъ матеріалы для исторіи Карла XII. Овладевъ въ достаточной мѣрѣ англійскимъ языкомъ, Вольтеръ не писалъ, однако, по-англійски. Англійское вліяніе сказалось на немъ иначе, главнымъ образомъ въ области религіозной философіи. Уже предрасположенный къ религіозному скептицизму чтеніемъ Фонтенеля и Бейля, онъ попалъ въ Англійю какъ разъ въ тотъ моментъ, когда рационалисты вели отчаянную борьбу съ представителями официального богословія. За нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія Вольтера въ англійскую столицу, тамъ вышелъ большой трудъ Ульстона о чудесахъ, возбудившій страстныя нападки противъ себя. Можно сказать, что деизмъ въ то время былъ преобладающей формой религіозной мысли въ Англійи. Въ низшихъ слояхъ его распространяли Коллинзъ и Тиндаль, сами вышедшіе изъ народа, въ высшихъ Шефсбери и Болинброкъ. Это ученіе и отразилось сильнѣйшимъ образомъ на «Англійскихъ письмахъ» Вольтера, въ свою

очередь, оказавших огромное влияние на религиозную мысль Франціи, уже подготовленную Прево и французскими эмигрантами въ Лондонѣ.

Съ Вольтеромъ, рискнувшимъ даже познакомить французскую публику, воспитанную на ложноклассикахъ, съ «пьянымъ дикаремъ» Шекспиромъ, англійское влияние прочно проникаетъ во Францію, и обѣ страны мало-по-малу становятся настоящими очагами европейской культуры.

— Въ Германіи за три дня до войны. — Весною 1914 года въ авіаторскихъ кругахъ Америки и Англии одновременно возникла мысль о перелетѣ черезъ Атлантическій океанъ. Изъ Англии долженъ былъ летѣть одинъ морской офицеръ на аппаратѣ, построенномъ на деньги американскаго милліонера, а съ Нью-Фаундленда навстрѣчу ему предполагалъ подняться на англійскомъ аппаратѣ Густавъ Гамель. Предпріятіе это, однако, разстроилось, такъ какъ Гамель вскорѣ утонулъ въ Ламаншѣ. вмѣсто него взялся осуществить этотъ проектъ нѣкто Китингъ, офицеръ гвардейскихъ гренадеръ, родомъ ирландецъ. Чтобы выбрать себѣ надежный аэропланъ, онъ вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ друзей Уиткеромъ, отправился въ Германію, чтобы осмотрѣть машины фирмы «Альбатросъ», которая особенно прославилась при полетахъ нѣкоего Беме во время войны англичанъ съ бурами.

Переправившись въ Голландію, англійскіе авіаторы рѣшили ѣхать до Берлина не по желѣзной дорогѣ, а въ автомобилѣ, не предчувствуя, что черезъ нѣсколько дней разразится война, и имъ придется испытать не мало превратностей, о которыхъ Уиткеръ теперь заднимъ числомъ рассказываетъ въ январской книжкѣ журнала «The Cornhill Magazine».

Переѣхавъ германскую границу около Ольдензаала, путники быстро доказали до Рейна. Погода была отвратительная, настроеніе публики въ гостиницахъ, гдѣ путникамъ приходилось подкрѣплять свои силы, какое-то напряженно-раздраженное, удивлявшее англичанъ. Скоро они поняли причину этого раздраженія: въ Оснабрюкѣ хозяинъ гостиницы объявилъ, что въ Германіи изданъ приказъ о мобилизаціи и что обманщики-русскіе получаютъ хорошій урокъ.

На слѣдующій день утро было очень дождливое. Собираясь въ дальнѣйшій путь, англичане, чтобы укрыться отъ дождя, купили большой целлулоидный щитокъ, надѣлавшій имъ потомъ много неприятностей: нѣмцы вездѣ принимали его за фотографическую пластинку и пробовали неоднократно его проявлять.

Безъ особенныхъ приключеній путники добрались до Миндена, гдѣ уже явны были признаки приближающейся войны. Единственная хорошая гостиница въ городѣ «Stadt London» была биткомъ набита офицерами и приѣхавшими проститься съ ними ихъ семьями. По улицамъ безпрестанно двигались отряды войскъ, слышался стукъ лошадиныхъ копытъ. Всю ночь грохотали тяжелыя колеса артиллеріи. Стало извѣстно, что наканунѣ Австрія объявила войну Сербіи.

Около Потсдама путники должны были прервать путешествіе: вышелъ бензинъ и лопнула шина. Пока автомобиль приводили въ порядокъ, они отправились въ гостиницу «Stadt Königsberg». Здѣсь повторилась та же картина, которую они уже наблюдали въ Минденѣ: гостиница была полна офицерами,

чрезвычайно возбужденными. Сербія была, конечно, слишкомъ мала для того, чтобы привести въ такое состояніе германскихъ офицеровъ.

31-го іюля (по новому стилю) англичане, не дождавшись, пока будетъ исправленъ ихъ автомобиль въ Потсдамѣ, рѣшили ѣхать по желѣзной дорогѣ черезъ Берлинъ въ Іоганисталъ, гдѣ находится заводъ авіаціонныхъ аппаратовъ. Огромные ангары, въ которыхъ хранились цеппелины, были пусты: наканунѣ эти гигантскія могучія сигары отправились въ Познань. Въ Іоганисталѣ никакихъ военныхъ приготовленій еще не было видно, и даже передъ ангарами не было никакихъ часовыхъ.

Въ моментъ прибытія англичанъ съ Іоганисталскаго аэродрома взвились одиннадцать «альбатросовъ». Пилотами на нихъ были австрійскіе офицеры.

Вернувшись за автомобилемъ въ Потсдамъ, наши туристы застали у себя въ гостиницѣ необычайное воодушевленіе: какой-то гостеприимецъ, стоя по срединѣ столовой, передавалъ извѣстную рѣчь кайзера, произнесенную имъ съ балкона. Толпы народа запрудили улицы, и газеты брались нарасхватъ. Каждый военный привѣтствовался съ энтузіазмомъ. Уличный шумъ и пѣніе «Deutschland über Alles» не давали никому спать.

1-го августа англійскіе спортсмены снова посѣтили Іоганисталъ, пріѣхавъ туда на этотъ разъ въ автомобиль. На этотъ разъ передъ ангарами вездѣ торчали часовые въ походной формѣ. Англичанъ задержали, вызвали одного изъ директоровъ завода, нѣкоего американскаго нѣмца Хотнея и произвели туристамъ цѣлый допросъ. Въ концѣ концовъ имъ заявили, что нѣмецкіе аэропланы теперь уже не продаются.

Думая, что ждать больше нечего, англичане хотѣли было тронуться въ обратный путь, но не тутъ-то было: часовой загородилъ имъ путь, угрожая стрѣлять. Подъ наблюденіемъ двухъ полицейскихъ англичанъ, а заодно съ ними и Хотнея, повлекли къ коменданту аэродрома, жившему тутъ же въ одномъ изъ ангаровъ. Ни одинъ изъ офицеровъ комендантскаго управленія, повидимому, не говорилъ ни по-французски, ни по-англійски, и переводчикомъ служилъ Хотней. Пока допрашивали Китинга, его спутникъ какъ бы невзначай спросилъ ближайшаго къ нему офицера по-англійски, знаетъ ли онъ Лондонъ. Захваченный врасплохъ, тотъ отвѣчалъ, что въ Лондонѣ ему не нравится, ибо тамъ всегда такъ темно! Послѣ этого было бесполезно притворяться, и дальнѣйшій разговоръ велся уже на англійскомъ языкѣ.

Комендантъ аэродрома отнесся къ своимъ арестантамъ весьма подозрительно и препроводилъ ихъ въ центральное полицейское управленіе Берлина.

Дѣло принимало опасный оборотъ, и Хотней предупредилъ своихъ невольныхъ спутниковъ, что ихъ могутъ посадить въ тюрьму лѣтъ на пять каждого, какъ возможныхъ шпіоновъ.

Явившійся полицейскій чиновникъ началъ съ того, что произвелъ самый строгій обыскъ: всѣ чемоданы были обысканы самымъ тщательнымъ образомъ, вынули даже оставшіеся въ нихъ бутерброды. Злополучный целлулоидный щитокъ пробовали проявить, надѣясь открыть на немъ какія-либо фотографіи. Такъ какъ подозрительнаго ничего не оказалось, то англичанъ въ концѣ кон-

цовъ отпустили, посовѣтовавъ имъ какъ можно скорѣе перебраться черезъ нѣмецкую границу.

Но сдѣлать это было не такъ-то легко: надо было скорѣе запастись бензиномъ, такъ какъ вышелъ уже приказъ, воспрещавшій его частную продажу.

Зайдя въ одинъ изъ людныхъ берлинскихъ ресторановъ, гдѣ посѣтители закусываютъ стоя, на ходу, наши англичане, боясь обнаружить свою национальность, старались по возможности не проронить ни слова. Но посѣтители все-таки узнали въ нихъ англичанъ, къ удивленію ихъ, привѣтствовали ихъ съ большимъ энтузіазмомъ, предлагая имъ даже выпить вмѣстѣ за ихъ здоровье.

Не теряя времени, наши туристы мчались на западъ по шестидесяти верстѣ въ часъ! Потсдамъ былъ пустъ и безлюденъ. Въ Бранденбургѣ новое несчастье: лопнула шина. Пока ее будутъ чинить, путники, чтобы не привлекать къ себѣ вниманія, въѣхали въ открытыя ворота на чей-то дворъ. Но было уже поздно. На улицѣ мало-по малу собралась толпа, съ угрозами ломившаяся въ ворота. Послали за полиціей. Явился сержантъ, прекрасно говорившій на англійскомъ языкѣ, которому научился также во время пребыванія въ Америкѣ. Онъ объяснилъ осажденнымъ, что толпа приняла ихъ за русскихъ шпионовъ.

Когда дѣло выяснилось, сержантъ выпроводилъ туристовъ за городъ и тоже посовѣтовалъ имъ выбраться какъ можно скорѣе въ Голландію.

Въ Магдебургѣ повторилась та же исторія. Несчастнѣйшій целлулоидный щитокъ нѣмцы приняли за фотографическій аппаратъ, но дѣло обошлось благополучно. Однако едва автомобиль выѣхалъ за городъ, какъ его остановила толпа изъ ближайшей деревни, вооруженная дрекольями и мушкетами. Лишь съ помощью мѣстнаго пастора удалось кое-какъ успокоить разгорѣвшіяся было страсти и подозрѣнія и двинуться дальше.

Съ Ганновера задержки начались на каждомъ шагѣ: вездѣ были разставлены сторожевые пикеты, требовавшіе бумаги и пристально ихъ разсматривавшіе, подъ руководствомъ какого-нибудь мѣстнаго лавочника.

Подъ вѣчнымъ страхомъ ареста и тюрьмы, англичане обрелись наконецъ до Миндена и опять остановились въ гостиницѣ «Лондонъ». Она опять была переполнена офицерами въ походной формѣ, опять въ ней гремѣли воинственные рѣчи и высказывались самыя радужныя надежды на будущее и общая увѣренность въ побѣдѣ.

Изъ гостиницы англичане послали за полицейскимъ офицеромъ, чтобы спросить, можно ли будетъ имъ выѣхать дальше завтра утромъ. Вмѣсто отвѣта полицейскій пригласилъ обоихъ туристовъ явиться завтра къ военному коменданту. Всю ночь злосчастнымъ англичанамъ не давали спать войска и обозы, проходившіе по улицамъ.

Утромъ, когда они хотѣли выйти изъ своей комнаты, оказалось, что за ихъ дверью стоитъ часовая.

Пока подозрѣваемые дожидались допроса въ комендатурѣ, туда привели какого-то старика. Онъ бился въ рукахъ дюжихъ полицейскихъ и громко рыдалъ. Видъ его былъ чрезвычайно жалокъ, и англичане невольно полюбопытствовали у своего переводчика, въ чемъ обвиняютъ этого старика. Имъ отвѣтили.

что это русский шпионъ, который будто бы пытался взорвать динамитомъ постъ и котораго, несомнѣнно, разстрѣляютъ. И дѣйствительно, несчастнаго разстрѣляли послѣ самаго упрощеннаго судебного разбирательства.

Комендантъ, очевидно, былъ увѣренъ, что и представшіе предъ нимъ англичане тоже шпионы и спросилъ ихъ, зачѣмъ они явились въ Германію въ такое тревожное время. Когда обнаружилось, что они пріѣхали къ нѣмцамъ съ цѣлью купить аэропланъ, комендантъ окончательно укрѣпился въ своихъ подозрѣніяхъ и отправилъ ихъ обратно въ гостиницу съ запрещеніемъ отлучаться изъ нея.

Положеніе становилось серьезнымъ, и печальная судьба разстрѣляннаго старика то и дѣло невольно приходила на память англичанамъ. Сидя у окна своей комнаты, они наблюдали, какъ по улицѣ проходили безконечными рядами батальонъ за батальономъ. Ихъ поразила одна особенность: солдаты шли въ только что сшитыхъ еще желтыхъ сапогахъ. Оказалось, что и тутъ проявилась нѣмецкая предусмотрительность: пока солдаты еще не утомились, они должны были разносить на себѣ вторую запасную пару сапогъ, а настоящіе сапоги нести въ ранцѣ.

Передъ завтракомъ узниковъ посѣтилъ нѣкій лейтенантъ Келлерманъ, бѣгло говорившій по-англійски. Онъ долго распространялся объ Америкѣ, гдѣ, кажется, перебивали всѣ нѣмцы, разсыпался въ похвалахъ Англіи, говорилъ о прелестяхъ путешествія, ловко закидывая въ то же время разные опасные вопросы, въ родѣ того, ведутъ ли они дорожный дневникъ, снимаютъ ли для своихъ лондонскихъ друзей фотографіи и т. д.

Послѣ Келлермана явился комендантъ и объявилъ друзьямъ, что, къ сожалѣнію, онъ не можетъ ихъ выпустить. Черезъ переводчика онъ все допытывался, выступитъ ли Англія противъ нѣмцевъ, или нѣтъ. Видимо, нѣмцы стали понимать, что выступленіе Англіи неизбежно, и комендантъ все жалѣлъ, что обѣ страны не заключили между собой союзъ: вдвоемъ онѣ могли бы повелѣвать всѣмъ міромъ.

Послѣ вторичнаго допроса, посылки телеграммъ въ Берлинъ и другихъ хлопотъ злополучныхъ спортсменовъ наконецъ отпустили. Но дальнѣйшее путешествіе прерывалось почти каждыя пять миль разставленными всюду патрулями.

Въ Оснабрюкѣ путь нашимъ туристамъ былъ прегражденъ толпою русскихъ рабочихъ, арестованныхъ нѣмцами и теперь препровождаемыхъ въ какую-то тюрьму. Эти несчастные люди, имѣвшіе самый жалкій видъ, еле двигались подъ свистъ и издѣвательства толпы.

Въ Оснабрюкѣ же англичанамъ пришлось встрѣтиться съ цѣлой компаніей нѣмецкихъ студентовъ, пировавшихъ въ гостиницѣ, гдѣ они остановились. Сначала англичане, опасаясь ссоры, хотѣли было уйти отъ этихъ буршей, но вскорѣ оказалось, что тѣ считаютъ ихъ своими союзниками въ войнѣ съ французами и русскими. Они привѣтствовали мнимыхъ союзниковъ радостными кликами и даже пропѣли англійскій гимнъ: «God save the King».

Въ Иббенбургѣ автомобиль нашихъ туристовъ попалъ въ самую гущу патріотической манифестаціи. По улицамъ двигалась длинная процессія дѣ-

тей, одѣтыхъ въ блестящіе бѣлые костюмы съ знаменами, украшенными религиозными символами и гербами Вестфалии.

У самой голландской границы—новое удовольствіе: путниковъ задержалъ какой-то пикетъ, вооруженный старыми ружьями и порядкомъ выпившій. Узнавъ, что они англичане, стражники предложили выпить вмѣстѣ и все лѣзли цѣловаться, что, конечно, не доставляло особаго удовольствія.

Въ Гронау англичанамъ объявили, что ихъ автомобиль не будетъ пропущенъ черезъ границу и долженъ остаться въ Германіи. За этимъ послѣдовалъ новый арестъ, и опять начались обычные подвохи. Въ качествѣ переводчика явился какой-то нѣмецъ, долго жившій въ Америкѣ. Онъ предложилъ арестованнымъ отвѣчать такъ, какъ онъ имъ будетъ подсказывать, но тѣ, разумѣется, отказались и хорошо сдѣлали, такъ какъ впоследствии оказалось, что одинъ изъ присутствующихъ при допросѣ прусскихъ чиновниковъ самъ прекрасно говорилъ по-англійски.

Послѣ долгихъ препирательствъ и справокъ заарестованнымъ позволили наконецъ переѣхать германскую границу. Въ Гаагѣ они узнали изъ «Times», что Англія объявила войну Германіи. Одинъ изъ спутниковъ Китингъ не замедлилъ принять въ ней участіе и въ январѣ 1915 года погибъ во Франціи отъ преждевременнаго взрыва бомбы, которую онъ имѣлъ на своемъ аппаратѣ.

— Германія и англо-японскій союзъ. — Какъ, вѣроятно, помнятъ наши читатели, въ мартѣ 1900 года въ Китаѣ возникли сильныя безпорядки, направленные противъ иностранцевъ и вызванныя такъ называемыми боксерами. На выручку своихъ осажденныхъ посланниковъ послали свои войска всѣ европейскія державы, но больше всѣхъ, конечно, Германія.

Послѣ взятія Пекина Россія слишкомъ увлеклась идеей укрѣпить свое исключительное вліяніе въ Манчжуріи, но, не будучи въ состояніи оградить себя отъ происковъ Германіи въ своихъ восточныхъ дѣлахъ, вызвала противъ себя образованіе англо-японскаго союза.

Исторія этого союза и роль, которую сыграла въ немъ дипломатія Вильгельма II, рассказаны въ весьма обстоятельной статьѣ Эмиля Лалуа, напечатанной во второй январской книжкѣ «Mercure de France».

Первоначально Германія рѣшила было итти въ дѣлахъ Дальняго Востока открыто противъ Россіи. 16-го октября 1900 года между Германіей и Англіей было подписано особое соглашеніе, въ силу котораго оба эти государства обязывались поддерживать свободу торговли по берегамъ и рѣкамъ Китая. Но уже въ мартѣ слѣдующаго года фонъ-Бюловъ заявилъ, что, заключая этотъ договоръ, Германія не имѣла въ виду Манчжуріи и, несмотря на протесты лорда Солсбери и лорда Ленсдоуна, упорно твердила, что Манчжурія не входитъ въ сферу ея интересовъ.

Это первое несогласіе между Англіей и Германіей вскорѣ усилилось еще болѣе. Извѣстный англійскій государственный дѣятель Чемберленъ, желая оправдать себя отъ нареканій за свой образъ дѣйствій въ Трансваалѣ, затронулъ въ своей эдинбургской рѣчи пруссаковъ, сославшись на ихъ поступки во время войны 1870 года. Его слова вызвали въ Германіи цѣлую бурю негодованія, и во время нападенія на Трансваалъ Джемсона, и позднѣе, въ періодъ

англо-бурской войны, общественное мнѣніе Германіи было всецѣло на сторонѣ враговъ Англій. Былъ моментъ, когда англійское правительство охотно пошло бы на всякіе договоры съ Германіей, лишь бы обезпечить за собой поддержку ея правительства. Но Германія хотѣла имѣть руки свободными. Ей предва- рительно нужно было создать на дипломатической шахматной доскѣ иную комбинацію фигуръ.

Въ апрѣлѣ 1901 года къ японскому посланнику въ Лондонѣ Гаяши явился германскій повѣренный въ дѣлахъ баронъ Эккардштейнъ и въ завязавшейся бесѣдѣ бросилъ замѣчаніе, что для сохраненія мира на Дальнемъ Востокѣ нужно было бы устроить тройственный союзъ изъ Японіи, Англій и Германіи. При дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ японскаго посольства баронъ Эккардштейнъ передалъ своему японскому коллегѣ, что его мысль очень понравилась тогдаш- нему англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, маркизу Ленсдоуну, Чембер- лену, герцогу Девонширскому и многимъ другимъ вліятельнымъ политиче- скимъ дѣятелямъ Англій. Онъ утверждалъ, что хотя общественное мнѣніе Германіи и раздражено противъ англичанъ, однако германское посольство не раздѣляетъ этого раздраженія и такимъ образомъ съ его стороны нельзя ожидать препятствій къ образованію этого союза.

Мало-по-малу нѣмецкій дипломатъ пошелъ и дальше и заявилъ, что, на- сколько ему извѣстно, и англичане уже освоились съ мыслью объ этомъ союзѣ и что если Японія первая сдѣлаетъ шагъ въ этомъ направленіи, то проектъ союза легко можетъ получить осуществленіе.

Гаяши пошелъ на предложеніе барона Эккардштейна и заговорилъ съ лор- домъ Ленсдоуномъ о неизбѣжности для Англій и Японіи подписать соглашеніе съ цѣлью поддержать миръ на Дальнемъ Востокѣ. Англійскій дипломатъ вы- сказалъ полное согласіе на это, но знаменательно прибавилъ, что число державъ которыя примутъ участіе въ этомъ соглашеніи, не слѣдуетъ ограничивать только двумя странами, но, наоборотъ, надо дать возможность примкнуть къ нему и другимъ.

Недѣли черезъ двѣ Гаяши имѣлъ по этому поводу разговоръ съ англій- скимъ посланникомъ въ Токио, сэромъ Макдональдомъ, который въ это время былъ въ отпуску и жилъ въ Лондонѣ. Сэръ Макдональдъ сообщилъ ему, что баронъ Эккардштейнъ пріѣзжалъ въ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ и выражалъ опасеніе, какъ бы Японія не вступила въ соглашеніе съ Россіей.

Идея англо-японскаго союза улыбалась далеко не всѣмъ государственнымъ дѣятелямъ Японіи. Самый крупный изъ нихъ, маркизъ Ито, открыто заявлялъ, что только у Японіи и Россіи есть что дѣлить, что только имъ однимъ надо столкнуться насчетъ Кореи и что это никого другого касаться не должно. Въ ноябрѣ 1901 года маркизъ Ито пріѣхалъ въ Парижъ и, узнавъ отъ Гаяши, что вопросъ объ англо-японскомъ союзѣ уже рѣшенъ, пришелъ въ большое смущеніе и счелъ необходимымъ ѣхать немедленно въ Петроградъ. Видимо, не добившись здѣсь толку, онъ бросился въ Берлинъ, оттуда въ Лондонъ, но было уже поздно. Въ Токио ни микадо, ни совѣтъ старѣйшинъ не раздѣляли взглядовъ маркиза, и 30-го января 1902 года англо-японскій договоръ былъ

подписанъ. Такимъ образомъ, проповѣдывавшаяся маркизомъ Ито, графомъ Инуи и японскимъ посломъ въ Россіи Курино идея «треугольнаго» союза изъ Россіи съ Франціей и Японіи потерпѣла полное крушеніе.

Вступая между собою въ соглашеніе, Англія и Японія должны были поставить передъ собою вопросъ о томъ, какъ имъ поступить съ Германіей, которая, выступивъ инициаторомъ этого соглашения, потомъ дѣлала видъ, что она ничего не знаетъ. Переговоры между Гаяши и Лендоуномъ велись въ тайнѣ, но когда договоръ былъ уже совершенъ, его сообщили 3-го февраля германскимъ посламъ въ Лондонѣ и Токио одновременно. По желанію короля Эдуарда сообщеніе это приказано было задержать, но вслѣдствіе разницы во времени въ Лондонѣ и Токио было уже поздно.

Черезъ десять дней текстъ договора былъ сообщенъ и посланникамъ другихъ державъ. Всѣ приняли его къ свѣдѣнію, но только русскій посолъ выразилъ удивленіе, что въ текстъ договора безпрестанно говорится «въ случаѣ войны», тогда какъ, по его свѣдѣніямъ, никто о войнѣ и не помышляетъ.

Германія достигла своей цѣли: Англія была связана съ Японіей, а послѣдняя, опираясь на союзницу, могла дѣйствовать смѣлѣе противъ Россіи, вовлекаясь такимъ образомъ въ опасную авантюру. Оставалось только посылить связать руки Англіи, поссоривъ ее съ Соединенными Штатами. Для этой цѣли Вильгельмъ приказалъ напечатать въ официальномъ нѣмецкомъ органѣ «Reichs-und-Staats-Anzeiger» два документа: 1) телеграмму отъ 15-го апрѣля 1898 года, извѣщавшую германскаго министра иностранныхъ дѣлъ о томъ, что англійскій посланникъ въ Вашингтонѣ предложилъ своимъ коллегамъ сдѣлать представленіе американскому правительству по поводу его нападенія на испанцевъ на Кубѣ, не оправдываемаго обстоятельствами, и 2) отвѣтъ германскаго правительства съ отказомъ послѣдовать такому приглашенію.

Чтобы усилить свою популярность въ Америкѣ, Вильгельмъ воспользовался спускомъ яхты, строившейся для него на американской верфи, и послалъ въ Соединенные Штаты своего брата, принца Генриха Прусскаго. Пытаясь разжечь старую вражду американцевъ къ англичанамъ, нѣмецко-американская пресса довольно прозрачно намекала, что въ случаѣ войны между этими странами Англія не въ состояніи будетъ удержать за собой Канаду. Если бы это случилось, то Англія была бы ослаблена, Америка же нажила бы себѣ большихъ тревогъ и хлопотъ и связала бы до извѣстной степени себѣ руки.

Но рядомъ съ этими хитроумными соображеніями германская дипломатія сдѣлала двѣ огромныя ошибки. Желая принудить президента Венецуэльской республики Кастро вознаградить нѣкоторыхъ германскихъ подданныхъ, пострадавшихъ въ Венецуэлѣ отъ беспорядковъ, Германія образовала блокаду венецуэльскихъ береговъ, пригласивъ принять въ ней участіе Англію и Италію. Этимъ она больно затронула популярную въ Америкѣ доктрину Монроэ «Америка для американцевъ», и весь одиш за эту блокаду палъ въ Америкѣ именно на Германію.

Во-вторыхъ, Германія рассчитывала, что послѣ заключенія англо-японскаго союза для Англіи отрѣзанъ всякій путь къ соглашенію съ Россіей, и

«слонъ и китъ», какъ называлъ объ эти державы Бисмаркъ, никогда не соединятся для свободныхъ дѣйствій, особенно противъ Германіи.

Для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ улучшение отношеній между Японіей и Россіей, германская дипломатія, по словамъ Стида, автора известной книги объ Австріи (*Habsbourg Monarchy*), всячески мѣшала русской дипломатіи въ корейскомъ вопросѣ, увѣряя ее, что если Россія будетъ твердо отклонять японскія предложенія, то Японія въ концѣ концовъ должна будетъ пойти на всѣ уступки.

Наша дипломатія попалась на эту удочку и въ 1905 году довела дѣло до ненужной и неудачной войны съ Японіей. Но и Германія жестоко пострадала и еще пострадаетъ за свои интриги и желаніе играть всѣми, какъ пѣшками: противъ нея уже соединились элементы, которые казались ей такой противоположностью, какъ вода и огонь, тепло и холодъ.

— Тайна охотничьяго замка. — Во второй январской книжкѣ «*Revue de Paris*» помѣщены любопытныя воспоминанія нѣкоего Анри Феррара, относящіяся къ 90 городамъ прошлаго столѣтія, когда авторъ ихъ жилъ въ Вьнгъ и вращался тамъ въ богатыхъ и аристократическихъ салонахъ, оказывавшихъ покровительство артистамъ и музыкантамъ. Анри Феррару случилось быть въ Вьнгъ какъ разъ въ то время, когда подъ столицей, въ охотничьемъ домикѣ въ Меерлингѣ произошла известная трагедія престолонаслѣдника австрійскаго и баронессы Маріи Вечера.

Несмотря на множество мемуаровъ, вызванныхъ этимъ событіемъ, обстоятельства трагической смерти кронпринца Рудольфа и его фаворитки остаются до сего времени не вполне выясненными. Вотъ почему интересны нѣкоторыя второстепенныя подробности, которыя мы находимъ въ дневникѣ Феррара.

Авторъ имѣлъ случай видѣть почти всѣхъ участниковъ этой таинственной драмы всего за 60 часовъ до смерти главныхъ ея дѣйствующихъ лицъ. Уже на большомъ балѣ, который давало 28-го января германское посольство, придворные и лица, близкія ко двору, чужаки что-то недоброе и не спускали глазъ съ кронпринца Рудольфа и баронессы Вечера, которые все время держались поодаль и вмѣстѣ. Рудольфъ былъ средняго роста, съ бѣлокурыми, гладко остриженными волосами, съ умнымъ, но нѣсколько жесткимъ взглядомъ. Семнадцатилѣтняя Вечера, не вышедшая еще изъ полукороткой юбки, блистала неотразимой красотой. Ея огромные голубые глаза, маленькій пурпуровый ротикъ были чрезвычайно опасны и не для такого человѣка, какъ Рудольфъ.

Жена кронпринца, Стефанія, была окружена атмосферой почтенія и скрытаго сожалѣнія, которое этикетъ не давалъ возможности обнаруживать явно. Ей, видимо, было тяжело, и она напрасно старалась скрыть свое тяжелое нравственное состояніе.

Наканунѣ этого бала авторъ воспоминаній былъ приглашенъ въ оперу въ ложу, которая оказалась какъ разъ рядомъ съ ложей, занятой баронессой Вечера съ ея двумя дочерьми. Всѣ онѣ аккуратно посѣщали оперу два раза въ недѣлю.

На этотъ разъ Марія Вечера упорно держалась за кресломъ матери, несмотря на ея недовольство. Рядомъ съ ней виднѣлась фигура ея дяди, извест-

наго въ Вѣнѣ спортсмена, тоже принимавшаго въ меерлингской трагедіи какое-то участіе.

Около девяти часовъ въ театрѣ появился кронпринцъ, обыкновенно очень рѣдко заглядывавшій сюда. Рядомъ съ нимъ виднѣлась печальная кронпринцесса Стефанія, въ послѣдній разъ показавшаяся въ общественномъ мѣстѣ рядомъ съ мужемъ. Въ ложѣ эрцгерцоговъ виднѣлась высокая фигура баварскаго принца, извѣстнаго окулиста и меломана, брата австрійской императрицы и дяди теперешней королевы бельгійской. Въ одной изъ ложъ сидѣла въ скромномъ нарядѣ графиня Хотекъ, конечно, и не подозрѣвавшая, что зрѣютъ событія, которыя скоро сдѣлаютъ ее тещей другого австрійскаго престолонаслѣдника. За своимъ обычнымъ кресломъ стоялъ и графъ Нейпергъ, сынъ вдовы Наполеона I, императрицы Маріи-Луизы, со своей вѣчной черной повязкой, закрывавшей одинъ глазъ.

Залъ блестѣлъ роскошными туалетами и красивыми мундирами, настроеніе было самое веселое, — а черезъ шестьдесятъ часовъ съ тихимъ побрякиваніемъ колокольчиковъ печальный кортежъ перевозилъ уже бездыханный трупъ Рудольфа въ смущенную австрійскую столицу, а монахи-капуцины тайно увозили другое еще теплое тѣло красавицы-баронессы.

Въ Вѣнѣ давно говорили, что между Францемъ-Иосифомъ и его сыномъ происходятъ жестокія ссоры. Кронпринцъ требовалъ развода со Стефаніей и предоставленія ему возможности вступить въ бракъ съ Вечера. Императоръ, поддерживаемый папою, упорно отказывался исполнить страстное желаніе сына.

Событія въ Меерлингѣ австрійская пресса подъ давленіемъ правительства старалась объяснить простой несчастной случайностью на охотѣ. Однако были факты, противорѣчившіе правдоподобности такого объясненія: лица, подходившія къ гробу кронпринца проститься съ нимъ, замѣтили, что голова его была закрыта черной шапочкой, а на рукахъ были надѣты перчатки. На лицѣ виднѣлись слѣды какихъ-то порѣзовъ. Говорили, что они произведены осколками бутылки.

Разумѣется, въ Вѣнѣ, взволнованной потрясающей трагедіей, не было недостатка во всякаго рода слухахъ и предположеніяхъ, которыми, какъ это всегда бываетъ, общественное любопытство пыталось восполнить недостатокъ фактическихъ данныхъ. Говорили, что кто-то въ кого-то стрѣлялъ изъ револьвера. Но оставался не рѣшеннымъ вопросъ, застрѣлилъ ли Рудольфъ свою фаворитку, или, наоборотъ, она, чувствуя, что она гибнетъ и послѣдствія ихъ отношеній скоро нельзя уже будетъ скрывать, покончила съ нимъ. Ходили даже слухи, что мстительная Вечера, чтобы лишить Рудольфа возможности имѣть мужское потомство не отъ нея, прибѣгла къ жестокому насилію надъ нимъ и что Рудольфъ, проснувшись отъ боли, выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера и вслѣдъ затѣмъ застрѣлился самъ. Одни видѣли въ Маріи Вечера преступницу, другіе жертву, третьи полагали, что она явилась орудіемъ чужой интриги.

Что дѣло произошло нѣсколько иначе, чѣмъ первоначально представляли себѣ вѣнцы, обнаружилось уже изъ того, что оказались ранеными многіе изъ тѣхъ, кто былъ въ роковую ночь вмѣстѣ съ Рудольфомъ въ Меерлингѣ. Семь

или восемь лицъ изъ ихъ числа были немедленно приглашены властями для дачи показаній о всемъ происшедшемъ. Ихъ обязали на честное слово и подъ страхомъ наказанія молчать о всемъ имъ извѣстномъ въ теченіе десяти лѣтъ. Многіе изъ нихъ скоро умерли. Таковы Бомбель, графъ Зичи, знаменитый ѣздокъ Братфишъ, неизбѣжный спутникъ кронпринца въ его ночныхъ походахъ.

Со времени кроваваго событія въ лѣсномъ домикѣ Меерлинга прошло уже болѣе четверти вѣка, и теперь, кажется, можно считать за вѣрное, что кронпринцъ погибъ отъ удара бутылкой, нанесеннаго ему кѣмъ-то изъ собутыльниковъ. Марію же Вечеру убили, какъ опасную свидѣтельницу этого происшествія.

— Признаніе Кобурга. — Въ январѣ 1895 года положеніе князя Фердинанда въ Болгаріи сдѣлалось до такой степени труднымъ, что тогдашній представитель двуединой монархіи въ Софіи, баронъ Буріанъ, запросилъ въ Вѣнѣ черезъ своего тестя генерала Фейервари, личнаго друга императора Франца-Иосифа, какое положеніе можетъ гарантировать болгарскому князю вѣнскій дворъ въ случаѣ, если тотъ принужденъ будетъ отречься отъ болгарскаго престола и удалиться въ Австрію. Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ моментъ борьба многочисленныхъ болгарскихъ партій достигла высшаго напряженія. Стоявшій во главѣ правительства Стоиловъ казался слишкомъ «руссофиломъ», и противъ него вель запутанныя и сложныя интриги австрійскій агентъ, баронъ Генингъ. Кобургъ, казалось, также былъ не въ силахъ успокоить разгорѣвшіяся политическія страсти и, вызвавъ демона партійныхъ раздоровъ, не могъ уже загнать его обратно. На самомъ же дѣлѣ онъ старался придать борьбѣ еще болѣе масштабъ, наталкивая Австрію на Россію и наоборотъ. Кончилось тѣмъ, что и въ Петроградѣ, и въ Вѣнѣ ему перестали вѣрить. Австро-Венгерія лишила полномочій своего болгарскаго представителя, а изъ Петрограда посыпались новыя довольно суровыя communiqés.

Чтобы создавать постоянныя затрудненія кабинету Стоилова, а съ другой стороны подѣйствовать на католическія чувства Франца-Иосифа, Кобургъ поднялъ вопросъ о вѣроисповѣданіи наследника болгарскаго престола, вызвавшій въ странѣ большое волненіе. Россія воспользовалась этимъ шагомъ болгарскаго князя и поставила въ началѣ 1895 года этотъ вопросъ съ такой остротой, что Кобургу оставалось одно изъ двухъ: или отречься, или подчиниться.

Онъ избралъ второй выходъ и издалъ указъ на имя Стоилова, который былъ прочитанъ съ трибуны собранія и который между прочимъ гласилъ слѣдующее: «Г.г. депутаты, жертва, которую вы требуете отъ меня, для меня столь же громадна, какъ и горестна. Выросшій въ догмѣ и правилахъ моей религіи, связанный съ ней неразрушимыми корнями, равносильными моему существованію, твердо вѣря въ непоколебимыя истины вѣры, я вижу, что теперь передо мной возстаетъ вопросъ совѣсти, вызывающій въ моей душѣ жестокою борьбу». Послѣ этихъ пышныхъ словъ Кобургъ все же объявляетъ болгарскому народу, что, посвятивъ себя счастью Болгаріи, онъ готовъ принести и эту жертву и согласенъ, чтобы его сынъ Борисъ воспитывался въ правилахъ православной вѣры.

На другой же день этот Тангейзеръ на изнанку отправился въ Римъ—просить у папы Льва XIII отпущенія столь страшнаго грѣха, какъ отступничество его сына отъ католичества. Въ этомъ путешествіи ему предшествовалъ графъ Амедей де-Форасъ, гофмаршалъ софійскаго двора, имѣвшій большія связи въ итальянскомъ высшемъ обществѣ. Кстати, можно прибавить, что этотъ графъ не вернулся болѣе въ Болгарію, пославъ въ Софію отставку.

Фердинандъ Кобургскій пріѣхалъ въ Римъ инкогнито рано утромъ 26-го января 1896 года и въ тотъ же день былъ принятъ папой.

Свиданіе было весьма бурное. Левъ XIII осыпалъ болгарскаго князя рѣзкими упреками и напомнилъ ему, что, вступая въ бракъ съ принцессой Пармской, онъ обязался воспитывать дѣтей отъ этого брака въ католичествѣ. Папа въ своемъ гнѣвѣ дошелъ даже до того, что грозилъ Фердинанду отлученіемъ отъ церкви.

Тотъ попробовалъ было сослаться на дипломатическіе интересы, но папа не хотѣлъ ничего слушать, повторяя: «Отрекитесь, въ такомъ случаѣ, отрекитесь!» Словомъ, по выраженію кардинала Галимберти, котораго папа призвалъ къ себѣ послѣ отъѣзда Фердинанда, будущій союзникъ кайзера получилъ въ Римѣ una buona lavata di capo (хорошую головомойку).

Фердинандъ уѣхалъ изъ Рима въ тотъ же вечеръ, жестоко раздраженный на Льва XIII. Папа, со своей стороны, до конца своей жизни грозилъ отлученіемъ.

Между тѣмъ событія въ болгарской столицѣ шли очень быстро. Возвращаясь туда, Фердинандъ съ одной маленькой венгерской станціи послалъ четыре телеграммы по поводу обращенія его сына въ православіе: одну болгарскому экзарху, поручая ему душу вновь обращеннаго, другую въ Петроградъ съ просьбой о воспріимчивостѣ, третью председателю болгарскаго собранія и послѣднюю своей женѣ Маріи-Луизѣ. Та была поражена въ самое сердце и вскорѣ уѣхала изъ Софіи и поселилась недалеко отъ Ниццы.

8-го февраля Фердинандъ принималъ въ своемъ дворцѣ депутатовъ, которымъ и объявилъ торжественно о жертвѣ, которую онъ приноситъ на алтарь отечества. Велика была народная радость, но она еще болѣе усилилась, когда черезъ недѣлю экзархъ Іосифъ принялъ ребенка въ лоно православной церкви. (Кстати сказать, что этотъ экзархъ Іосифъ по образованію медикъ и учился въ университетѣ въ Монпелье). На этой церемоніи со стороны Россіи присутствовалъ графъ Голеничевъ-Кутузовъ, привезшій съ собою святое миро изъ Москвы. Особымъ декретомъ духовникомъ къ новому члену православной церкви былъ назначенъ епископъ Василій, получившій образованіе у нѣмцевъ и кончившій протестантскій факультетъ въ Лейпцигѣ.

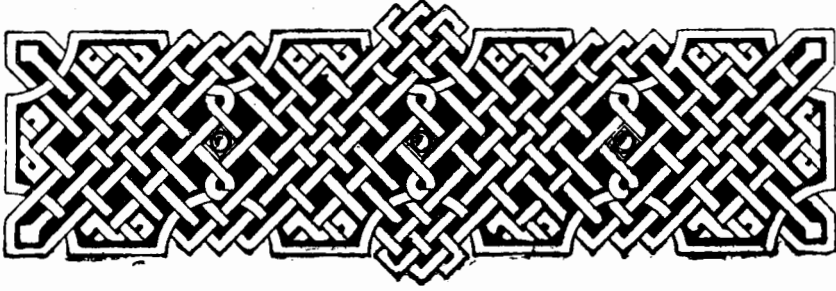
Этимъ политическимъ актомъ Фердинандъ значительно укрѣпилъ свое положеніе и смягчилъ свои отношенія къ Россіи. Опустѣвшее въ Софіи мѣсто русскаго представителя занялъ Чарыковъ. Турція, считавшаяся сюзереномъ Болгаріи, прислала въ Софію свою инвеституру и роскошный фельдмаршальскій мундиръ турецкихъ войскъ. Подарокъ этотъ привезли два паши: бывшій губернаторъ острова Самоса, православный грекъ Каратеодори и первый конюшій султана Мусаферъ—полякъ Чайковскій, сѣжавшій въ Турцію послѣ поль-

скаго возстанія 1863 года. Султанъ, впрочемъ, нашель нужнымъ не дать Кобургу возмечтать о себѣ слишкомъ много: во время торжественнаго обѣда была получена изъ Константинополя телеграмма, составленная въ очень высококомѣрныхъ выраженіяхъ, въ которой султанъ поздравлялъ своего «губернатора», увѣрялъ его въ несомнѣнной своей благожелательности и выражалъ удовольствіе, которое ему доставилъ его послѣдній пріѣздъ въ Константинополь.

Примѣру Россіи, возобновившей дипломатическія сношенія съ Болгаріей, послѣдовали и другія державы. Австро-Венгрія, больно задѣтая въ своихъ католическихъ чувствахъ, перевела въ Софію своего американскаго дипломата барона де-Колля. Изъ Парижа былъ назначенъ виконтъ де-Птитвилль. Представителемъ Англіи явился сэръ Френсисъ Эллиотъ, теперешній англійскій посланникъ въ Греціи. Только Берлинъ, продолжавшій разсматривать Кобурга, какъ «бѣднаго родственника», послалъ въ Софію никому неизвѣстнаго дипломата Фойхтъ-Рета.

Такъ совершилось признаніе Фердинанда Кобургскаго княземъ болгарскимъ, и теперь его дядя, герцогъ Орлеанскій, уже не могъ сказать ему, какъ дѣлывалъ это прежде: «Я похожъ на Европу, Фердинандъ, ибо, какъ и она, тоже не признаю тебя».

С М Ъ С Ъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ фондъ. Годовое общее собраніе литературнаго фонда 2-го февраля состоялось подъ предсѣдательствомъ С. А. Венгерова. Присутствовали на засѣданіи членъ Государственнаго Совѣта профессоръ Таганцевъ, профессоръ Н. И. Карѣевъ и многіе другіе члены фонда. Членъ комитета Е. П. Салтанова представила собранію отчетъ о дѣятельности фонда по секретарской части. Къ 1 ноября 1916 г. въ фондъ состояло 439 дѣйствительныхъ членовъ. За отчетный періодъ времени комитетомъ было сдѣлано 1.110 постановленій, въ томъ числѣ было удовлетворено 449 просьбъ о разныхъ денежныхъ выдачахъ и пособіяхъ. Выдано пенсій 34 лицамъ на сумму 9.546 рублей, на воспитаніе и обученіе дѣтей писателей—3.603 р.; продолжительныхъ пособій выдано 78 лицамъ—13.445 р. Сеуды выданы: безсрочныя—32 лицамъ на сумму 3.182 р., единовременныя пособія 113 лицамъ—6.402 р.; изъ капитала Скребицкаго—3.760 р.; изъ капитала, ассигнованнаго Татианинскимъ комитетомъ, польскимъ, латышскимъ, еврейскимъ и другимъ инородческимъ писателямъ выдано пособій 4.065 р. Всего оказано пособій фондомъ 326 лицамъ, на сумму 47.568 р. Въ минувшемъ году фондомъ получены пожертвованія отъ Государя Императора и лицъ Императорской фамиліи 1.000 р. и по завѣщаніямъ Гулишамбарова 20.000 р., Череванскаго 3.000 р., И. Е. Короленка 2.000 р., Супруненка 9.000 р., Галкина-Враскаго 1.000 р., С. В. Ковалевской 320 р. Изъ казначейскаго отчета видно, что къ 1 ноября 1915 года средства фонда состояли изъ 954.175 р. процентными бумагами и наличными деньгами 21.701 р.; на 1 ноября 1916 года состояло процентными

бумагами 1.153.468 р. и наличными деньгами 15.961 р., всего 1.169.429 р. Такимъ образомъ капиталъ фонда за отчетный годъ увеличился на 193.553 р. Затѣмъ Ѳ. Д. Батюшковъ представилъ отчетъ по дому писателей и прочиталъ отчетъ по Ермоловской дачѣ литераторовъ въ Сестрорѣцкѣ. По выслушаніи доклада ревизіонной комиссіи общее собраніе утвердило представленные отчеты. А. В. Пѣшеховъ указалъ на обезцѣненіе денежныхъ знаковъ и вздорожаніе предметовъ первой необходимости и сдѣлалъ предложеніе собранію, чтобы оно позаботилось о томъ миллионѣ, который имѣется у фонда, такъ какъ этотъ миллионъ, состоящій изъ процентныхъ бумагъ и другихъ денежныхъ знаковъ, мѣняющихъ свой курсъ и свою цѣнность, благодаря переживаемому моменту, можетъ оказаться не миллиономъ, а значительно меньшей цѣнностью. Собраніе поручило комитету обсудить этотъ финансовый вопросъ съ участіемъ специалистовъ и не позднѣ мѣсяца представить о немъ докладъ общему собранію. Въ заключеніе были избраны въ члены комитета взамѣнъ выбывающихъ по очереди: А. В. Пѣшеховъ, А. М. Горькій, Ѳ. Д. Батюшковъ, М. И. Ганфманъ и С. Е. Савичъ. Въ совѣтъ по дому писателей избраны членами: Лукьяновъ, Баранцевичъ и Рѣдько.

Музей императора Александра III. Весьма многое говорить и даже вопіеть недавно вышедшій «Отчетъ Императорскаго Историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1914 годъ», большой иллюстрированный томъ. Извѣстно, въ какомъ печальномъ положеніи чуть ли не съ основанія находится этотъ музей, гдѣ недостатокъ средствъ и помѣщенія не даетъ возможность не только сдѣлать доступными обзорѣнію и учено-художественному использованию обширныя коллекціи, а даже разобрать ихъ. Между тѣмъ, ростъ этихъ коллекцій очень великъ. Достаточно указать только на недавнее поступленіе огромнаго собранія П. И. Щукина. Многіе отдѣлы музея непрерывно пополняются пріобрѣтеніями и покупками. Среди нихъ перечислены въ отчетѣ цѣлыя библиотеки и собранія рукописей; на примѣръ, чрезвычайно цѣнное собраніе рукописей Е. В. Барсова (2.778) съ древними лицевыми изображеніями и миниатюрами, разные предметы домашняго быта, найденные при раскопкахъ, интересный портретъ, приписываемый кисти Тропинина, и пр. Однако до сихъ поръ за недостаткомъ средствъ не отдѣлано 20 залъ (денежныхъ средствъ съ неприкосновенными капиталами на 1915 годъ оставалось только 117.474 р. 68 к.), да если бы онѣ и были отдѣланы, только часть музейныхъ богатствъ могла бы размѣститься въ нихъ. Между тѣмъ, именно въ центрѣ Россіи необходимо созданіе въ самомъ широкомъ смыслѣ русскаго національнаго музея съ отдѣломъ «Старой Москвы». Мысль эта настойчиво проводилась въ статьѣ вице-предсѣдателя музея князя Н. С. Щербатова, помѣщенной въ приложеніи. Задача привести, наконецъ, въ норму московскій музей вопіеть не только о требованіяхъ русской науки, русскаго искусства, но о примитивномъ соблюденіи національнаго достоинства и приличій. Вѣдь это позоръ, что 35 лѣтъ не могутъ быть отдѣланы залы музея, не могутъ быть размѣщены не только новыя, но и основныя коллекціи, что дѣятели музея съ ученымъ цензомъ получаютъ жалованье, на которое невозможно существовать, на ученыхя командировки музей можетъ ассигновать только 500 рублей въ годъ.

Историческое завѣщаніе графа Аракчеева. 1-го февраля въ первомъ департаментѣ Государственнаго Совѣта слушалось интересное дѣло объ историческомъ завѣщаніи графа Аракчеева. Графъ за годъ до своей смерти въ 1833 году внесъ въ государственный заемный банкъ 50.000 рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы эти деньги, пролежавъ 93 года въ банкѣ, въ 1925 году, 12 декабря, со всѣми наросшими на эту сумму процентами отданы были въ премію за лучшее «полное, достовѣрное и краснорѣчивое» историческое сочиненіе объ императорѣ Александрѣ I и его царствованіи и на изданіе и переводы этого сочиненія на иностранные языки. Къ 1925 году сумма возрастетъ до 800.000 рублей. 600.000 изъ нихъ предназначены въ награду за лучшее сочиненіе. Шестой пунктъ завѣщанія говоритъ слѣдующее: «черезъ 82 года, считая отъ сего 1833 года, т. е. въ началѣ 1915 года, російскій государственный банкъ, въ который внесена означенная для сей награды сумма, и російская академія словесныхъ наукъ обязаны вновь опубликовать сіе мое завѣщательное распоряженіе во всѣхъ издаваемыхъ въ то время газетахъ, какъ російскихъ, такъ и иностранныхъ, о приближающемся времени къ занятію ученыхъ и съ объявленіемъ уже количества назначаемого въ награду капитала, потому что на остающіяся десять лѣтъ сумма сія тогда опредѣлительно можетъ исчислена быть». По поводу этого пункта министерство народнаго просвѣщенія, въ распоряженіи котораго капиталъ находится, ходатайствовало передъ первымъ департаментомъ объ измѣненіи буквального смысла завѣщанія. Такъ какъ въ 1915 году и по обстоятельствамъ военнаго времени и по огромному количеству издаваемыхъ во всемъ мірѣ періодическихъ изданій во всѣхъ ихъ публикаціяхъ было сдѣлать невозможно, министерство народнаго просвѣщенія опубликовало аракеевское завѣщаніе въ двухъ иностранныхъ газетахъ—англійскомъ «Times» и французскомъ «Temps»—и въ двадцати пяти русскихъ газетахъ. Министерствомъ ходатайствовало передъ первымъ департаментомъ о томъ, чтобы такая публикація была признана достаточной, или, во всякомъ случаѣ, чтобы академіи наукъ было предоставлено право сдѣлать еще дополнительныя публикаціи въ небольшомъ числѣ органовъ. Члены перваго департамента нашли возможнымъ удовлетворить ходатайство съ тѣмъ, чтобы къ публикаціямъ, уже сдѣланнымъ, добавить еще публикаціи въ одной итальянской, въ одной испанской и въ одной американской нью-іоркской газетахъ. Расходы по напечатанію публикацій въ аракеевскомъ завѣщаніи не предусматрѣны. Первый департаментъ постановилъ отнести ихъ на счетъ капитала. Попутно обсуждались различные пункты завѣщанія, стоящіе въ связи съ измѣненіемъ авторскаго права съ аракеевского времени, какъ, напримеръ, вопросъ о переводахъ сочиненія на французскій и нѣмецкій языки. Въ завѣщаніи необходимость переводовъ обусловлена, по новому же авторскому праву безъ согласія на то автора переводы дѣланы быть не могутъ. Департаментъ постановилъ, что по этому вопросу министерству народнаго просвѣщенія надлежитъ возбудить новое ходатайство передъ назначеніемъ преміи.

Домъ имени А. С. Пушкина. Въ минувшемъ году работы въ «Пушкинскомъ домѣ» продолжались по старой программѣ: пополнялось собраніе рукописей, подбирались недостающія въ бібліотекѣ старыя книги по исторіи русской культуры и литературы IX столѣтія; приобретались новыя книги; продолжалась

каталогизация книгъ и брошюръ, описаніе пожертвованныхъ и приобретенныхъ рукописей; пополнилась и коллекція портретовъ писателей. Предпринятое «Пушкинскимъ домомъ» изданіе «Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ. Матеріалы для его біографіи. Подъ редакціей В. Княжнина» печатаніемъ почти закончено и весной поступитъ въ продажу. Въ минувшемъ году рукописное отдѣленіе «Пушкинскаго дома» обогатилось особенно цѣннымъ приобретеніемъ. Государю Императору благоугодно было отпустить изъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія 6.000 р. на покупку для «Пушкинскаго дома» всего архива покойнаго редактора журнала «Вѣстника Европы» М. М. Стасюлевича. Въ архивѣ этомъ числится свыше 12.000 документовъ, относящихся къ «Вѣстнику Европы» за 47 лѣтъ его существованія. Княгиня А. М. Козловская передала въ «Пушкинскій домъ» всю цѣнную и прекрасно подобранную бібліотеку своего отца, извѣстнаго бібліофила и бібліографа Н. Н. Лонгинова, заключающую въ себѣ свыше 5.000 томовъ. А. В. Теляковский передалъ рукопись «Ревизора» съ многочисленными приписками и поправками рукою Гоголя, «Фантазію» К. Пруткина, «Гдѣ тонко тамъ и рвется» Тургенева (съ его автобіографическими дополненіями) и «Короля Лира» — рукопись Гнѣдича. Изъ другихъ приобретений и пожертвованій, поступившихъ въ «Пушкинскій домъ», слѣдующія: изъ петроградскаго окружнаго суда—дѣла о Пушкиныхъ и Ганнибалахъ; отъ В. А. Ляцкой—послѣдній автографъ Пушкина и пригласительный билетъ на его похороны; отъ лейбъ-медика Л. В. Бертенсона—письма Лѣскова, Плещеева, Григоровича, автографы Глинки и другихъ композиторовъ; отъ С. Л. Бертенсона—архивы А. А. и К. А. Скальковскихъ—автографы и письма Аксаковыхъ, Мельникова-Печерскаго, Афанасьева Чужбинскаго, Плетнева, Полонскаго, графа Сологуба, Корша, Краевского, К. Полевого и другихъ. Сумма, собранная на сооруженіе памятника Пушкина, въ минувшемъ году достигла 138.370 р., изъ коихъ 521 р. предназначаются на «Пушкинскій домъ».

Охраненіе памяти старца Θεодора Кузьмича. Въ Св. Синодѣ получены свѣдѣнія, что епископъ томскій Анатолій возбудилъ вопросъ о полученіи въ собственность томской епархіи сохранившейся до сихъ поръ келіи старца Θεодора Кузьмича. Кромѣ того, епископъ Анатолій указывалъ на необходимость сохраненія вообще реликвій, оставшихся послѣ загадочнаго сподвижника. Реликвіи эти въ видѣ святыхъ иконъ и келій, въ которыхъ проживалъ Θεодоръ Кузьмичъ, находятся во владѣніи наслѣдниковъ купца Хромова, проживающихъ въ Томскѣ. Вслѣдствіе предложенія епископа Анатолія, церковное историко-археологическое общество въ Томскѣ рѣшило войти въ переговоры съ наслѣдниками купца Хромова о переуступкѣ въ собственность томской епархіи сохранившихся послѣ старца Θεодора Кузьмича реликвій. Въмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено озаботиться поддержаніемъ въ благолѣпномъ порядкѣ его могилы и надгробнаго памятника.

Архивъ войны. Учрежденный при академіи наукъ архивъ войны пополнился въ теченіе послѣдняго времени рядомъ печатныхъ изданій при содѣйствіи главнаго управленія по дѣламъ печати и частныхъ лицъ. М. К. Лемке пожертвовалъ для архива войны богатую коллекцію громадныхъ англійскихъ плакатовъ

и различныя германскія изданія для русскихъ плѣнныхъ. С. И. Потоцкій значительно пополнилъ коллекцію иностранныхъ иллюстрированныхъ изданій и создалъ новую коллекцію—снимковъ съ русскихъ плѣнныхъ, бѣжавшихъ изъ германскаго плѣна. В. А. Рышковъ и А. А. Сиверсъ пожертвовали коллекціи плакатовъ и воззваній о займѣ. Значительно пополнилась коллекція писемъ солдатъ съ войны. Кромѣ того, въ архивъ войны поступилъ рядъ писемъ и изданій отъ многихъ частныхъ лицъ и учреждений, лазаретовъ, отъ всероссійскаго союза земствъ и городовъ, центрального военно-промышленнаго комитета и др.

Осмотръ архива министерства юстиціи членами общества по изслѣдованію памятниковъ древности¹⁾. 4-го декабря члены московскаго общества по изслѣдованію памятниковъ древностей имени А. И. Успенскаго при московскомъ археологическомъ институтѣ осматривали московскій архивъ министерства юстиціи. Передъ осмотромъ архива въ зданіи архива происходило научное засѣданіе общества, на которомъ управляющій архивомъ профессоръ Д. В. Цвѣтаевъ, сообщилъ вкратцѣ о составѣ этого богатѣйшаго архива въ Россіи, познакомилъ членовъ общества съ характеромъ предпринятыхъ архивомъ въ настоящее время работъ по описанію документовъ архива; предполагено издать особые сборники, посвященные: 1) архиву рязанскаго Ольгова монастыря; 2) землевладѣнію бояръ Романовыхъ; 3) документамъ города Пскова за XVII и XVIII ст. И. С. Вѣляевъ доложилъ собранію о хранящихся въ архивѣ грамотахъ коллегіи экономіи. При отобраніи въ казну въ царствованіе Екатерины II монастырскихъ земель были взяты изъ архивовъ монастырей и переданы въ коллегію экономіи жалованныя грамоты, данныя монастырямъ на земельныя владѣнія, крѣпостные акты и т. п. документы. Жалованныя грамоты коллегіи экономіи, которыхъ насчитывается до 14^{1/2} тысячъ, цѣнны не только со стороны палеографіи и историко-юридическаго содержанія, но также и какъ выдающіеся образцы красочнаго русскаго орнамента; интересна камка, служившая обложкой для многихъ грамотъ,—китайская шелковая матерія всевозможныхъ цвѣтовъ съ разводами. Н. Н. Ардашевъ, указавъ на хранящіеся въ архивѣ богатства, научная разработка которыхъ будетъ производиться въ теченіе многихъ поколѣній, обратилъ вниманіе членовъ общества на важность для науки работы по архивнымъ подлинникамъ и на цѣнность, какъ историческихъ источниковъ, дѣлъ Разряда, писцовыхъ, переписныхъ, приправочныхъ книгъ и т. п. подобныхъ документовъ. Предсѣдатель общества по изслѣдованію памятниковъ древности В. И. Троицкій сообщилъ о дѣлахъ патріаршаго приказа, среди которыхъ заслуживаютъ интереса расходныя книги патріаршаго двора, куда заносились: 1) выдача жалованья служилымъ людямъ приказа, 2) милостыни, даваемая патріархомъ въ дни заупокойныхъ службъ, совершавшихся имъ по какимъ-либо высокимъ лицамъ, 3) случаи благословенія иконами государя и другихъ лицъ, съ указаніемъ на оклады иконъ и на мастеровъ, производившихъ эти оклады, и 4) мелкіе расходы, знакомящіе насъ съ домашнимъ

¹⁾ Сообщилъ М. С. Померанцевъ.

бытомъ патріарховъ; въ этихъ книгахъ, которыхъ насчитывается за XVII в. до 60, встрѣчаются также указанія на покупку крестовъ, панагій, сосудовъ. Послѣ научнаго засѣданія членамъ общества были демонстрированы многія грамоты коллегіи экономіи, среди которыхъ наибольшій интересъ возбуждаетъ грамота, данная въ 1372 г. Олегомъ; княземъ рязанскимъ, Ольгову монастырю, съ изображеніемъ на ней деисуса, архангеловъ Михаила и Гавріила, апостола Іакова и колѣнопреклоненнаго игумена монастыря; написана эта грамота уставомъ на пергаментѣ; кромѣ того, выдѣляются по богатству красокъ орнамента: грамота на вотчину, данная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Спасо-Пискорскому монастырю Соликамской области, грамота Петра Великаго боярину Ромодановскому, съ замѣчательнымъ по свѣжести красокъ чернильнымъ серебромъ, многія грамоты царей Михаила Ѳеодоровича и Ѳеодора Алексѣевича. Членамъ общества были показаны также нѣкоторые другіе документы, хранящіеся въ архивѣ, какъ-то: грамоты на владѣніе ульями съ обозначеніемъ знаковъ владѣльцевъ колоды, такъ называемыхъ «знамень», расходныя книги патріаршаго приказа, образцы писцовыхъ книгъ, книги XVIII в., писанныя на пергаментѣ, и любопытныя старинныя книжныя переплеты старой набойки. Затѣмъ члены общества осматривали самое помѣщеніе архива и образцово устроенное хранилище для документовъ, раздѣленное стѣнами на 14 отдѣленій съ обильнымъ свѣтомъ и съ свободной циркуляціей воздуха между полками, гдѣ хранятся документы, на пространствѣ 5 этажей, чѣмъ предупреждается появленіе сырости и затхлости, отъ которыхъ такъ страдаютъ документы въ неблагоустроенныхъ архивахъ.

80-лѣтній юбилей К. К. Арсеньева. Печать и читающая интеллигенція тепло отмѣтили день 80-лѣтія со дня рожденія извѣстнаго публициста и общественнаго дѣятеля, Константина Константиновича Арсеньева. Этотъ рѣдкій въ нашей литературѣ юбилей маститаго писателя почти совпалъ съ другою для него знаменательною годовщиною—съ 60-лѣтіемъ выступленія его на литературное поприще. Литературная работа К. К. началась въ концѣ 50-хъ годовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и продолжается до сихъ поръ, застающихъ юбиляра на посту общаго и отвѣтственнаго редактора «Вѣстника Европы». Лучшими публицистическими работами юбиляра по справедливости считаются его знаменитыя внутреннія обозрѣнія, печатавшіяся въ 80—90 годахъ въ «Вѣстникѣ Европы» и привлекавшія въ свое время не мало читателей къ этому журналу. Рядъ юридическихъ трудовъ, этюдовъ по русской и иностранной литературѣ, работы о печати, свободѣ совѣсти и вѣротерпимости, наконецъ, извѣстныя внутреннія обозрѣнія—таковы итоги литературной дѣятельности юбиляра. Арсеньевъ неоднократно избирался въ уѣздныя и губернскіе гласные, почетные мировые судьи, члены училищныхъ совѣтовъ и другія должности земскаго самоуправленія. Онъ состоялъ предсѣдателемъ юридическаго общества, вице-президентомъ вольнаго экономическаго общества, избранъ почетнымъ академикомъ по разряду изящной словесности. Не такъ давно былъ удостоенъ свѣтомъ петроградскаго университета степени почетнаго доктора государственнаго права и избранъ почетнымъ членомъ московскаго и казанскаго университетовъ. Въ день юбилея К. К. было получено болѣе 200 привѣтствен-

ныхъ телеграммъ и писемъ отъ различныхъ учреждений и отдѣльныхъ лицъ со всѣхъ концовъ Россіи. Среди телеграммъ имѣются: отъ петроградскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, отъ московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, отъ многихъ земскихъ управъ, отъ редакціи журнала «Русскія Записки», московскаго литературно-художественнаго кружка, московскаго общества любителей россійской словесности (два послѣднія общества избрали К. К. Арсеньева своимъ почетнымъ членомъ), отъ столичнаго мирового съѣзда, отъ императорскаго петроградскаго университета, отъ училища правовѣдѣнія, въ которомъ воспитывался А. А. Арсеньевъ и пр. Юридическое общество при петроградскомъ университетѣ устроило торжественное засѣданіе, посвященное чествованію К. К. Арсеньева.

НЕКРОЛОГИ.

ВАРАНЦЕВИЧЪ, Е. М. Въ одной изъ томскихъ городскихъ больницъ скончался въ январѣ хорошо извѣстный въ Томскѣ бывшій судебный слѣдователь Е. М. Баранцевичъ. Въ Томскѣ онъ получилъ слѣдственный участокъ, гдѣ работалъ съ большимъ интересомъ и увлеченіемъ. Черезъ его слѣдствіе прошли цѣлый рядъ важнѣйшихъ, почти историческихъ дѣлъ Томска. Выйдя въ отставку, Е. М. сталъ во главѣ мѣстнаго «общества патроната», покровительствующаго лицамъ, освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія. По этому вопросу имъ было напечатано около 40.000 экземпляровъ брошюръ и книгъ. Отказавшись отъ полученія пенсіи, Е. М. жилъ чрезвычайно бѣдно, ютясь одиноко, гдѣ-то за печкой, платя за уголь три рубля въ мѣсяцъ. Не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, Е. М. былъ до болѣзненности щепетилень ко всякаго рода подачкамъ. Е. М. извѣстенъ, какъ авторъ многихъ капитальныхъ трудовъ. Незадолго до смерти онъ готовилъ книгу «Записки судебного слѣдователя», въ которую должны были войти какъ воспоминанія и біографіи многихъ старѣйшихъ судебныхъ дѣятелей столицы и Сибири, такъ и матеріалы судебного слѣдствія. Часть этой книги была отдана въ наборъ. (Некрологъ его: «Русская Воля», 1917 г., № 20).

† **Борейша, А. Б.** Въ Петроградѣ скончался въ январѣ отъ болѣзни мозга въ больницѣ св. Ольги Антонъ Болеславовичъ Борейша, широко извѣстный въ кругахъ одесской интеллигенціи. Юношество А. В. протекло въ Одессѣ, гдѣ онъ окончилъ реальное училище св. Павла. Еще на школьной скамьѣ онъ проявилъ необычайную для своихъ юныхъ лѣтъ серьезность и начитанность и принималъ активное участіе въ самообразовательныхъ кружкахъ. По окончаніи реального училища В. В. поступилъ въ лѣсной институтъ въ Петроградѣ, но не окончилъ курса, будучи въ 1894 г. привлеченъ по дѣлу группы народо-вольцевъ, издававшей легучій листокъ. По этому дѣлу А. В. долженъ былъ

просидѣть около полугода въ Петропавловской крѣпости, послѣ чего выѣхалъ въ Одессу до разбора дѣла подъ надзоръ полиціи. Въ 1895 г. его имя вновь примѣшивается къ дѣлу народовольческой группы и такъ называемаго южно-русскаго рабочаго союза, вылившемуся въ громкій процессъ подъ названіемъ «Дѣло артельныхъ рабочихъ». Послѣ этого А. В. былъ высланъ въ Средне-Колымскъ. Въ 1904 г. весною А. В. возвратился въ Одессу, гдѣ посвятилъ себя работѣ въ повременной печати. Вскорѣ С. П. Юрицынъ пригласилъ его въ Николаевъ работать въ издаваемой имъ «Южной Россіи». Одновременно А. В. продолжалъ работать въ «Южныхъ Запискахъ», но, разставшись изъ-за принципиальныхъ разногласій съ николаевскою газетою, онъ принялъ предложеніе стать во главѣ газеты «Русскій Туркестанъ». Приблизительно въ 1906 г. Борейша покинулъ Туркестанъ и поселился въ Харбинъ. Послѣдніе годы А. В. продолжалъ вести скитальческую жизнь, мѣняя Харбинъ на Петроградъ, Петроградъ на Кіевъ. Въ это время онъ уже представлялъ собою живой трупъ, въ которомъ только попрежнему неугасимо горѣлъ яркій духовный огонь. (Некрологъ его: «Одесскія Новости», 1917 г., № 10316).

† **Гольденбергъ, Л. Б.** 15-го декабря 1916 г. въ Борнмузсѣ, въ Англіи, скончался извѣстный русскій эмигрантъ, другъ и сподвижникъ П. Л. Лаврова и П. А. Кропоткина, Лазарь Борисовичъ Гольденбергъ. Въ 1867 году Л. Б. поступилъ въ петроградскій технологическій институтъ, гдѣ былъ однимъ изъ любимыхъ студентовъ Менделѣева. Знаменитый профессоръ видѣлъ въ немъ будущую звѣзду и предлагалъ ему остаться при институтѣ; но жизнь сложилась иначе—въ 1869 г. произошли студенческія волненія, и въ результатѣ Л. Б. очутился въ ссылкѣ; въ 1872 г. онъ бѣжалъ за границу. Какъ только за границей началъ издаваться русскій журналъ «Впередъ», довольно широко распространенный у насъ, руководимый эмигрантомъ Лавровымъ, Л. Б. дѣлается «правой рукой» издателя, принявъ на себя хозяйственную и типографскую часть изданія. Вообще онъ, хотя и не былъ самъ писателемъ, считался незамѣнимымъ организаторомъ подобныхъ предпріятій. При его же ближайшемъ участіи организовано было позже затѣянное нашей эмиграціей изданіе въ Лондонѣ революціонныхъ «Листковъ», которыхъ всего вышло 46 (последній номеръ въ 1899 г.). Впослѣдствіи онъ натурализовался въ Америкѣ. Умеръ на семидесятомъ году. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1917 г., № 13).

† **Зноско-Боровскій, А. Э.** Въ ночь съ 21-го на 22-ое января скончался Александръ Эдуардовичъ Зноско-Боровскій. Покойный происходилъ изъ дворянъ Новгородской губерніи и родился 3-го іюня 1846 года. Получивъ образованіе въ новгородскомъ графа Аракчеева кадетскомъ корпусѣ, онъ служилъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку и здѣсь составилъ «Военную хрестоматію для нижнихъ чиновъ». Выйдя въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ много занимался сельскимъ хозяйствомъ въ родной Новгородской губерніи, помѣщая статьи въ «Земледѣльческой Газетѣ» и въ «Вѣстникѣ русскаго общества пчеловодства». Въ послѣдніе годы онъ посвятилъ себя общественной дѣятельности, причѣмъ сотрудничалъ въ «Вѣстникѣ благотворительности» и былъ попечителемъ дѣтскаго дома на Удѣльной. Съ началомъ

войны онъ еще больше времени и силъ сталъ отдавать работѣ въ попечительствахъ, а также заботамъ о военнопльннхъ, и наконецъ, несмотря на свой возрастъ, уѣхалъ на фронтъ работать въ земскомъ союзѣ при одной изъ армій западнаго фронта. Тамъ онъ захворалъ воспаленіемъ легкихъ и воспаленіемъ почекъ. Приѣхалъ онъ въ Петроградъ совсѣмъ больнымъ и здѣсь, не вставая съ постели, скончался черезъ два съ половиной мѣсяца (Некрологъ его: «Новое Время», № 14686, 1917 г.).

† **Юсса, Н. А.** Скончавшійся 31-го декабря 1916 года членъ совѣта горнаго института, заслуженный профессоръ Николай Александровичъ Юсса пользовался извѣстностью, какъ горный инженеръ, знатокъ металлургіи. Эту отрасль онъ избралъ своей специальностью и читалъ лекціи по металлургіи въ горномъ институтѣ. При С. И. Тимашевѣ покойный былъ директоромъ горнаго департамента. Его перу принадлежить нѣсколько цѣнныхъ печатныхъ работъ по его специальности. Скончался Н. А. на 73 году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1917 г., № 14668).

† **Каценельсонъ, Л. И.** 7-го января скончался писатель и еврейскій общественный дѣятель, Левъ Израилевичъ Каценельсонъ, родившійся въ Черниговѣ 17-го ноября 1846 года. Покойный былъ по образованію врачъ и свои медицинскія познанія использовалъ для широкаго научнаго изслѣдованія ряда медицинскихъ вопросовъ, разрабатываемыхъ талмудомъ. Л. И. прошелъ трудную школу еврейскаго «маскила». Такъ, до 19 лѣтъ онъ не зналъ еще русской грамоты. Для полученія только болѣе широкаго еврейскаго образованія ему пришлось рискнуть на такой смѣлый шагъ, какъ бѣгство изъ дому. Пользуются извѣстностью и признаніемъ въ ученомъ мѣрѣ Европы слѣдующіе труды его: «Анатомія въ древне-еврейской письменности», «Объ именахъ накожныхъ болѣзней въ Св. Писаніи» и др. Кромѣ научныхъ работъ, Л. И. посвящалъ время и публицистикѣ, ведя фельтонъ въ «Русскомъ Евреѣ» и «Еврейскомъ Обзорѣніи». Въ 1902 г. фельтоны эти вышли отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Мысли и грезы» за подписью «Буки-бенъ-Югли» и произвели сильное впечатлѣніе на еврейскую интеллигенцію. Писалъ Л. И. и на русскомъ и на древне-еврейскомъ языкахъ. Интересны на древне-еврейскомъ языкѣ его восточныя сказанія. Въ послѣдніе годы онъ состоялъ редакторомъ ряда отдѣловъ въ еврейской энциклопедіи, въ которой помѣстилъ много научныхъ статей. (Некрологъ его: «Одесскія Новости», № 10299, «Рѣчь», № 7, 1917 г.).

† **Клюковскій, Ю. І.** 15-го января въ Москвѣ на 45 году жизни скончался одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и дѣятельныхъ членовъ польскаго общества въ Москвѣ Юліанъ Юрдановичъ Клюковскій. Съ именемъ покойнаго, прожившаго въ Москвѣ 18 лѣтъ, связана исторія всѣхъ общественныхъ и культурныхъ польскихъ организацій въ Москвѣ. Онъ былъ дѣятельнымъ работникомъ въ римско-католическомъ благотворительномъ обществѣ, организаторомъ польской общественной бібліотеки, культурно-просвѣтительнаго общества «Домъ Польскій», популярно-научныхъ курсовъ; онъ былъ членомъ правленія польскаго комитета помощи жертвамъ войны и предсѣдателемъ секціи помощи раненымъ и пльннмъ. Ю. І. былъ вдохновителемъ и многихъ литературныхъ начинаній среди московскихъ поляковъ. Подъ его редакціей было

издано въ Москвѣ нѣсколько литературныхъ сборниковъ, онъ сотрудничалъ въ «Эхо Польскомъ», писалъ и по-русски. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1917 г., № 12).

† **Красницкій, А. И.** 10-го января скончался писатель-журналистъ Александръ Ивановичъ Красницкій, извѣстный подъ псевдонимомъ «Александръ Лавровъ». Покойный работалъ на журнальномъ поприщѣ около 30 лѣтъ. Онъ началъ работать въ газетѣ «Минута» и въ мелкихъ юмористическихъ журналахъ. Съ 1885 года его работа сосредоточилась въ «Петроградской Газетѣ». Попутно онъ продолжалъ писать въ «Минутѣ» (редакція А. А. Соколова) и «Новостяхъ». Писалъ мелкія замѣтки, вторыя передовыя, фельетоны, стихотворенія и проч. Съ 1894 г. А. И. сотрудничалъ въ издательствѣ А. А. Каспари, былъ помощникомъ редактора и редакторомъ «Родины», редактировалъ ежедневныя газеты «Послѣднія Извѣстія» (1907, 1908 гг.), съ 1908 г. «Новый Голосъ». За время своей журнальной дѣятельности покойный написалъ болѣе 60 томовъ романовъ, повѣстей, рассказовъ, стихотвореній. Его «Чудо-вождь», «Твореніе Петра», «Слезы», «Маленькій Геркулесъ», «Подъ русскимъ знаменемъ» выдержали нѣсколько изданій. Его пьеса «Генералиссимусъ Суворовъ» шла съ успѣхомъ на сценѣ Народнаго дома. Покойный родился въ Москвѣ, учился въ десятой петроградской гимназій, скончался на 51-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», № 14682, 1917 г.).

† **Мясоедовъ, П. А.** 5-го января въ своемъ имѣніи Торбино скончался на 77 году жизни тайный совѣтникъ Петръ Александровичъ Мясоедовъ. Окончивъ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, П. А. отправился въ Парижъ, гдѣ слушалъ лекціи по юридическому факультету. По возвращеніи въ Россію П. А. опредѣлился на службу чиновникомъ при генералъ-губернаторѣ графѣ Муравьевѣ. Въ 1867 году П. А. перешелъ въ министерство юстиціи. Затѣмъ былъ дѣлопроизводителемъ государственной канцеляріи по департаменту государственной экономіи; съ 1876 года—помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта. Дальнѣйшая служебная дѣятельность покойнаго протекала по министерству путей сообщенія. Свободное время П. А. посвящалъ участію въ ученыхъ и благотворительныхъ обществахъ, а также въ учрежденіяхъ по устройству кассъ мелкаго кредита. Въ 1881 году покойнымъ основано общество улучшенія народнаго труда въ память Царя-Освободителя Александра II». Въ теченіе 25 лѣтъ П. А. состоялъ управляющимъ дѣлами этого общества, раскинувшаго свою дѣятельность на всю Россію. Перу покойнаго принадлежитъ нѣсколько работъ по различнымъ научно-экономическимъ вопросамъ. (Некрологъ его: «Новое Время», № 14671, 1917 г.).

† **Небольсинъ, А. Г.** 28-го января скончался предсѣдатель постоянной комиссіи по техническому образованію и редакторъ журнала «Техническое и Коммерческое Образованіе» Александръ Григорьевичъ Небольсинъ, родившійся въ 1842 году. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ выдающихся дѣятелей по развитію техническаго образованія въ Россіи. На поприщѣ народнаго просвѣщенія А. Г. работалъ долго и плодотворно. Будучи лицеемъ (онъ окончилъ курсъ въ императорскомъ Александровскомъ лицейѣ), покойный увлекся реформами шестидесятихъ годовъ и въ годъ освобожденія крестьянъ

стьянъ отъ крѣпостной зависимости открылъ вмѣстѣ съ товарищами воскресную школу въ Петроградѣ на Выборгской сторонѣ, былъ въ ней учителемъ. Съ 1873 года его просвѣтительная работа была тѣсно связана съ техническимъ обществомъ и съ постоянной комиссіей при этомъ обществѣ по техническому образованію. Съ 1887 года въ теченіе тридцати лѣтъ покойный предсѣдательствовалъ въ этой комиссіи. При немъ на образованіе рабочихъ, выдвинутое Е. Н. Андреевымъ, было обращено особенное вниманіе, открыто множество школъ для взрослыхъ и малолѣтнихъ, для дѣтей рабочихъ, открылись школы по строительному дѣлу и другія, обслуживающія потребности промышленной жизни. Всѣ эти учебныя организациі имѣли флагъ технического общества, инициаторомъ и покровителемъ былъ покойный. А. Г. былъ однимъ изъ инициаторовъ перваго съѣзда дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, созваннаго въ 1889 году, и затѣмъ принималъ живѣйшее участіе въ организациі послѣдующихъ аналогичныхъ съѣздовъ съ выставками при нихъ. При его участіи былъ созванъ съездъ дѣятелей по печатному дѣлу и устроена выставка по этому дѣлу въ Солянѣмъ Городкѣ. А. Г. состоялъ также членомъ ученаго комитета министерства торговли и промышленности, кустарнаго комитета и Маринской школы кружевницъ, предсѣдательствовалъ въ подвижномъ музеѣ учебныхъ пособій. Послѣ почившаго осталось много ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ «Историко-статистическій очеркъ общаго и спеціальнаго образованія въ Россіи», «Законодательство о фабрикахъ и торговыхъ клеймахъ въ иностранныхъ государствахъ» и др. выдержали много изданій. (Некрологъ его: «Новое Время», № 14693, «Голосъ Руси», № 1085, 1917 г.).

† **Новиковъ (Черешневъ), Н. Ф.** Въ началѣ января въ Екатеринбургѣ получено извѣстіе о смерти сотрудника «Зауральскаго Края», молодого даровитаго драматурга, Н. Ф. Новикова, писавшаго подъ псевдонимомъ Николая Черешнева. Пьеса покойнаго «Частное дѣло», поставленная въ театрахъ Незлобина и Суворина, произвела впечатлѣніе, обошла въ теченіе двухъ сезоновъ всѣ провинціальныя русскія сцены. Кромѣ сценическихъ произведеній, Н. Ф. писалъ рассказы и стихи, отмѣченные несомнѣннымъ дарованіемъ, которые печатались въ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ. Два года тому назадъ покойный вступилъ добровольцемъ въ ряды арміи, окончилъ школу прапорщиковъ, былъ прикомандированъ къ одной изъ воинскихъ частей, отправленныхъ во Францію, и теперь тамъ убитъ въ сраженіи. (Некрологъ его: «Рѣчь», № 7, 1917 г.).

Ошанинъ, В. Ѳ. 25-го января скончался въ Петроградѣ одинъ изъ наиболѣе заслуженныхъ нашихъ окраинныхъ дѣятелей, извѣстный энтомологъ и географъ, «туркестанецъ» Василій Ѳедоровичъ Ошанинъ. Покойный родился въ 1844 году въ дворянской семьѣ въ Рязанской губерніи. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе, онъ въ 1861 году поступилъ на физико-математическій факультетъ московскаго университета по естественно-историческому отдѣленію, курсъ котораго окончилъ со степенью кандидата въ 1865 году. Начало научной дѣятельности В. Ѳ. совпало съ основаніемъ въ Москвѣ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, котораго покойный явился не только однимъ изъ учредителей, но и однимъ изъ дѣятельныхъ

членовъ на ряду съ А. П. Богдановымъ, А. П. Федченкомъ и другими выдающимися московскими учеными того времени. Послѣ двукратнаго пребыванія за границей для завершения своей научной подготовки и послѣ поѣздки съ научною цѣлью въ Закавказье; В. Θ. въ 1872 году перешелъ по приглашенію генераль-губернатора К. П. фонъ-Кауфмана на службу въ Ташкентъ и отдалъ только что передъ тѣмъ завоеванному краю 35 лучшихъ лѣтъ своей жизни. Въ Ташкентѣ покойный занималъ мѣсто сперва директора школы шелководства, позже директора учительской семинаріи и наконецъ—женской гимназіи. Являясь однимъ изъ наиболѣе широко подготовленныхъ пионеровъ русской культурной работы въ Туркестанѣ, В. Θ. въ 1876 году былъ прикомандированъ въ качествѣ естествоиспытателя къ отряду, совершившему подъ начальствомъ тогда только что произведеннаго въ генералы М. Д. Скобелева извѣстную алтайскую военную экспедицію. Результатомъ этой миссіи былъ данный Ошанинымъ въ печати прекрасный очеркъ Алтайской долины. Въ 1878 г. К. П. Кауфманомъ была поручена В. Ф. самостоятельная ученая экспедиція для обследованія Каратагены въ горной Бухарѣ и отчасти Памира. Экспедиція эта дала блестящіе географическіе результаты: В. Θ. довелось открыть совершенно до тѣхъ поръ невѣдомый громадный горный хребетъ, который получилъ названіе хребта Петра Великаго, и цѣлую группу обширныхъ ледниковъ. Общіе результаты этой экспедиціи были изложены В. Θ. въ двухъ обще-географическихъ отчетахъ, которые были увѣнчаны золотою медалью нашимъ географическимъ обществомъ. Во время пребыванія своего въ Туркестанѣ В. Θ. выполнилъ еще цѣлый рядъ другихъ командировокъ и написалъ нѣсколько научныхъ работъ по энтомологіи и географіи. Послѣ переселенія своего въ 1907 году въ Петроградъ В. Θ. всецѣло отдался научной работѣ въ зоологическомъ музѣ императорской академіи наукъ и въ русскомъ энтомологическомъ обществѣ, которое вскорѣ избрало его своимъ почетнымъ членомъ, увѣнчало главный научный трудъ В. Θ. преміей имени П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго и въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ избирало его своимъ вице-президентомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1917 г., № 14690).

† **Соколовъ, В. Д.** 14-го января въ Омскѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ сибирскихъ журналистовъ Владимиръ Дмитріевичъ Соколовъ, писавшій подъ псевдонимомъ «Митричь». Заброшенный бурей освободительнаго движенія въ 1895 году въ Сибирь, онъ уже не разставался съ нею въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ до самой смерти. Въ силу обстоятельствъ, отъ него независящихся, Митричь въ теченіе своего долгодѣтнаго пребыванія въ Сибири посѣтилъ нѣкоторые отдаленнѣйшіе уголки Семипалатинской области. Послѣ эпохи постановки газетной работы въ Степномъ краѣ, эпохи, которая оставила свѣтлыя страницы въ исторіи сибирской журналистики, когда въ этой газетѣ работали, кромѣ Митрича, Гоць-Рафаиловъ и Мельшинъ-Якубовичъ, Митричь переноситъ свою дѣятельность въ другое поприще—онъ посвящаетъ себя дѣлу воспитанія молодежи и уже не оставляетъ этого дѣла до смерти. Митричь это былъ «живая исторія» сибирской ссылки; оставшіеся послѣ него мемуары дадутъ интересную картину жизни ссылныхъ въ теченіе десятковъ лѣтъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1917 г., № 26).

† **Спиро, А. А.** Какъ сообщаютъ «Одесскій Листокъ» и «Театральная Газета» (№ 5) отъ 29-го января, скончался Александръ Антоновичъ Спиро, авторъ массы популярныхъ романсовъ: «Изъ-подъ таинственной холодной полумаски», «Пустое вы сердечнымъ ты»... Самымъ популярнымъ изъ его романсовъ былъ «Ночи безумныя, ночи бессонныя». На эти слова Апухтина музыку написали двое : П. И. Чайковскій и Спиро. Побѣдителемъ оказался Спиро. Созданный А. Д. Давыдовымъ и В. В. Зориной, романсъ этотъ знаетъ и поетъ вся Россія. Романсовъ, всегда изящныхъ, всегда мелодичныхъ, покойный создалъ великое множество.

† **Тове, Л. Л.** 17-го января въ профессорской комнатѣ главнаго корпуса томскаго технологическаго института выстрѣломъ изъ револьвера въ ротъ покончилъ свои счеты съ жизнью экстраординарный профессоръ технологическаго института по кафедрѣ горнаго искусства, горный инженеръ Левъ Львовичъ Тове. Л. Л. по происхожденію англичанинъ. Въ 1894 году онъ кончилъ въ Петроградѣ горный институтъ и вскорѣ по окончаніи его уѣхалъ въ Сибирь, гдѣ, по порученію горнаго департамента, производилъ въ районахъ Томской и Енисейской губерній и Приморской области и на Камчаткѣ статистико-экономическія изслѣдованія золотыхъ приисковъ. Результаты этихъ изслѣдованій были имъ опубликованы въ большомъ трехтомномъ трудѣ. Эти изслѣдованія Л. Л. обратили на себя вниманіе, и онъ былъ приглашенъ въ качествѣ преподавателя горнаго искусства въ институтъ. Институтомъ Л. Л. былъ командированъ въ Сѣверную Америку, съ цѣлью изученія тамъ постановки золотого промысла. (Некрологъ его: «Новое Время», № 14690, 1917 г.).

† **Уманецъ, С. И.** 5-го января скончался отъ паралича сердца писатель статскій совѣтникъ Сергій Ивановичъ Уманецъ, сотрудникъ «Историческаго Вѣстника», «Московскихъ Вѣдомостей» и др. Покойный происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода Полтавской губерніи. Окончивъ курсъ въ Катковскомъ лицейѣ цесаревича Николая, онъ поступилъ затѣмъ въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ; состоя въ этомъ институтѣ, онъ въ то же время посѣщалъ и юридическій факультетъ московскаго университета. По окончаніи курса въ институтѣ С. И. вскорѣ поступаетъ въ драгоманское училище при азиатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, намѣтивъ себѣ дипломатическую карьеру драгомана въ Турціи или Персіи. Окончивъ курсъ и въ этомъ училищѣ, С. И. причислился въ азиатскому департаменту на службу. Въ это же время онъ сталъ часто посѣщать кружокъ поэта Я. П. Полонскаго, друга своего отца съ университетской скамьи. Встрѣчаясь здѣсь съ лучшими писателями и поэтами того времени, С. И. увлекся литературой и самъ начинаетъ писать. Подъ вліяніемъ этого увлеченія онъ не пожелалъ ѣхать на службу на Востокъ и причислился къ департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, когда постъ министра внутреннихъ дѣлъ занималъ графъ Толстой. Служа здѣсь, С. И., поощряемый министерствомъ, издалъ свой первый большой литературный трудъ: «Опытъ развитія религіозной философской мысли въ исламѣ». Когда впослѣдствіи въ 1899 году покойный былъ назначенъ въ Тифлисъ старшимъ цензоромъ русскаго и европейскіихъ языковъ и во время празднованія столѣтія присоединенія Грузіи къ Россіи поднесъ персид

скому шаху эту книгу, шахъ пожаловалъ ему орденъ Льва и Солнца. За литературные же труды и личную работу по устройству перваго въ Россіи дома трудолюбія для образованныхъ мужчинъ С. И. получилъ высочайшую благодарность Государыни Императрицы Александры Теодоровны. Въ 1902 году министромъ Плеве онъ былъ назначенъ предводителемъ дворянства въ гор. Мстиславль, Могилевской губерніи, а отсюда перешелъ на службу въ вѣдомство учреждений императрицы Маріи. Въ смыслѣ служебной карьеры С. И. былъ въ полномъ смыслѣ слова неудачникъ, такъ какъ, при его независимомъ характерѣ, онъ совершенно не умѣлъ прислуживаться. Покойный оставилъ послѣ себя много хорошихъ литературныхъ работъ и изящныхъ стихотвореній. Большинство его произведеній было напечатано въ журналахъ подъ разными псевдонимами (С. У—цъ и др.). Кромѣ цѣлаго ряда статей, напечатанныхъ за послѣднія 25 лѣтъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», монографій, путешествій, воспоминаній, извѣстенъ еще большой его трудъ «Бабъ и его ученіе» (Бабъ и бабиды). Въ нашемъ журналѣ еще недавно (въ 1915 г.) были напечатаны его интересные очерки подъ заглавіемъ «Мозаика». Изъ болѣе раннихъ его работъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» назовемъ: «Листки изъ кавказскаго дневника», «На сѣверо-западной окраинѣ», «Протестантскіе миссіонеры въ Россіи», «Украинскій Музей В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ». Обстоятельное знакомство съ восточными языками дало покойному возможность сдѣлать прекрасные переводы изъ Гафиза, Саади, Омара, Хайяма, Фирдуси и другихъ восточныхъ поэтовъ, переведенныхъ имъ въ легкой стихотворной формѣ. Покойный жилъ въ послѣднее время и умеръ бѣднякомъ. Незадолго до его кончины, передъ самымъ Рождествомъ, онъ былъ обрадованъ извѣщеніемъ, полученнымъ изъ академіи наукъ отъ академика Нестора Котляревскаго, о назначенной ему, за литературные труды, пожизненной пенсіи изъ капитала Императора Николая II для пособія ученымъ и писателямъ. Но, увы, эта оцѣнка литературныхъ заслугъ С. И. пришла слишкомъ поздно—онъ совсѣмъ не успѣлъ воспользоваться назначенной пенсіей. Умеръ С. И. совсѣмъ еще не старымъ—ему всего было около 59 лѣтъ.

† **Усовъ, П. С.** 4-го января скончался Павелъ Сергѣевичъ Усовъ. Смерть рано сразила человѣка, полного силъ, энергіи, среди кипучей дѣятельности. Командированный въ октябрѣ мѣсяцѣ на фронтъ для изслѣдованія средствъ борьбы съ удушливыми газами, П. С. со свойственнымъ ему увлеченіемъ отдался новой дѣятельности, что окончательно утомило его больное сердце. Покойный—сынъ извѣстнаго профессора-зоолога С. А. Усова. Родился въ 1867 г. Въ домѣ отца онъ съ дѣтства постоянно видѣлъ ученыхъ, писателей, прислушивался къ ихъ разговорамъ и самъ съ раннихъ лѣтъ полюбилъ науку. По окончаніи Поливановской гимназіи П. С. поступилъ въ 1886 г. въ московскій университетъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета, гдѣ подъ руководствомъ покойнаго профессора В. В. Марковникова занимался специально химіей. По окончаніи курса на физико-математическомъ факультетѣ онъ поступилъ на медицинскій факультетъ, на которомъ и окончилъ курсъ въ 1893 году. Въ томъ же году онъ поступилъ ординаторомъ въ пропедевтическую клинику покойнаго профессора М. П. Черниова. Клиническое

образование П. С. и его способность къ научной разработкѣ вопросовъ получили реальное проявленіе въ его цѣнной диссертациі подѣ заглавіемъ: «Нѣкоторыя гистологическія данныя къ вопросу о всасываніи изъ серозныхъ полостей». П. С. принадлежитъ болѣе 25 научныхъ трудовъ. Въ 1914 году онъ вступилъ въ число врачей Яузской городской больницы, гдѣ около него сейчасъ же собралась группа молодыхъ врачей, его учениковъ и ученицъ, для которыхъ онъ былъ незамѣнимымъ руководителемъ. Когда началась война, имъ овладѣла жажда отдать свои силы на пользу жертвамъ войны, и онъ, кромѣ своихъ занятій въ больницѣ, сталъ завѣдывать лазаретами, а съ 1915 года сталъ работать надъ противогазами и былъ предсѣдателемъ газовой секціи общеземскаго и городского союзовъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», № 5, 1917 г.).

† **Чихачовъ, Н. М.** Въ ночь на 2-ое января не стало одного изъ старѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, члена Государственнаго Совѣта, генераль-адъютанта, адмирала Николая Матвѣевича Чихачова. Покойный родился 17-го апрѣля 1830 года. Образование получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1849 году онъ участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи экспедиціи Г. И. Невельского. Его дѣятельность по обследованію неизвѣстныхъ до него мѣстностей (по рѣкамъ Амгуни и Гирини) послужила между прочимъ основаніемъ присоединенія въ 1856 г. Приамурья и Уссурийскаго краевъ къ Россіи. Какъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся молодыхъ офицеровъ, покойный былъ назначенъ въ 1860 году адъютантомъ къ великому князю Константину Николаевичу, въ слѣдующемъ году исполнялъ должность начальника штаба главнаго командира кронштадтскаго порта. Съ 1862 г. въ теченіе многихъ лѣтъ (до 1884 г.) онъ состоялъ директоромъ Русскаго общества пароходства и торговли и разумною распорядительностью значительно поднялъ отечественное пароходство въ южныхъ водахъ. Въ одесской городской думѣ въ качествѣ гласнаго Н. М. много содѣйствовалъ улучшенію и упорядоченію этого города и поднятію его торговаго значенія. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. покойный, будучи уже контръ-адмираломъ свиты Его Величества, состоялъ начальникомъ береговой обороны Одессы. Въ 1884 г. послѣдовало его назначеніе на должность начальника морского главнаго штаба, причемъ съ 1886 по 1888 гг. почти безпрерывно, въ виду болѣзни морского министра Шестакова, заступалъ его мѣсто. Богатый знаніемъ морской спеціальности и одаренный энергіей, Н. М. составилъ въ это время проектъ кореннаго преобразованія нашего флота, настаивая на необходимости сильнаго боевого флота, достойнаго величія Россіи. Съ 1888 по 1896 гг. Н. М. былъ управляющимъ морскимъ министерствомъ, дѣятельнымъ сотрудникомъ генераль-адмирала великаго князя Алексѣя Александровича. Въ 1896 г. покойный былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту экономіи. Съ этого времени трудоспособность адмирала Н. М. нашла себѣ широкое примѣненіе въ разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ. Въ 1898 г. онъ былъ назначенъ членомъ комитета Сибирской дороги. Съ 1900 г. предсѣдательствовалъ въ департаментѣ промышленности и торговли и одновременно былъ предсѣдателемъ совѣта при министрѣ финансовъ по дѣламъ торговаго мореплаванія. (Некрологъ его: «Новое Время», № 14666, 1917 г.).

† **Шпажинскій, И. В.** Ипполитъ Васильевичъ Шпажинскій скончался въ Москвѣ 2-го февраля вечеромъ послѣ недолгихъ страданій, отъ нервнаго удара. Въ его лицѣ общество драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ потеряло безсмѣннаго своего предсѣдателя, руководившаго его дѣлами въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ. Русскій театръ понесъ въ немъ крупную утрату, какъ въ авторѣ выдающихся пьесъ. Его «Майорша», «Кручина», «Чародѣйка» создали ему славное и популярное имя, явились одними изъ лучшихъ репертуарныхъ пьесъ и обошли всѣ сцены по всей Россіи. Покойный родился въ 1848 году въ Тифлисѣ. На Кавказѣ прошли его ранніе дѣтскіе годы. Затѣмъ онъ былъ опредѣленъ въ воронежскій кадетскій корпусъ и здѣсь впервые познакомился съ театромъ. Въ корпусѣ же покойный сталъ пробовать свои силы, какъ поэтъ, писалъ стихи, повѣсти, страстно отдаваясь этому дѣлу. Изъ корпуса онъ перешелъ въ московское Александровское военное училище, отсюда вышелъ офицеромъ, но пробылъ на военной службѣ только годъ. Его влекли знанія, и онъ записался вольнослушателемъ въ московскій университетъ. На литературное поприще И. В. впервые выступилъ 28 лѣтъ, написавъ драму «Вопросъ жизни». Она съ большимъ успѣхомъ была представлена въ 1876 г. на сценѣ московскаго артистическаго кружка. Драма эта создала покойному извѣстность, обошла провинціальныя сцены, но на императорскіе театры не попала. В. И. заинтересовались А. Θ. Писемскій и Д. В. Аверкиевъ, и онъ вошелъ въ кружокъ тогдашнихъ талантливыхъ драматурговъ. За «Вопросомъ жизни» появилась вторая, еще болѣе интересная его пьеса «Лакомый кусочекъ». Въ это же время его другая драма «Упреки прошлаго» была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ 1878 году на Александринской сценѣ была поставлена новая пьеса покойнаго «Майорша», посвященная А. Θ. Писемскому. Эта пьеса принадлежитъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Имя выдающагося драматурга упрочилось за И. В. въ концѣ семидесятыхъ годовъ и стало еще болѣе крупнымъ, когда въ 1881 году появилась его драма «Кручина». Она стала одной изъ самыхъ репертуарныхъ пьесъ. Покойный старался для развитія театральнаго дѣла поддерживать частныя театры и множество своихъ драматическихъ произведеній отдавалъ имъ для первыхъ представленій. Въ Пушкинскомъ театрѣ, на примѣръ, были поставлены его «Легкія средства», «Дѣло житейское», «Ложь за правду стоитъ». Послѣдняя пьеса попала подъ цензурный запретъ: слѣдующимъ литературнымъ произведеніемъ покойнаго была «Чародѣйка»—нижегородское преданіе. Она прошла въ 1884 г. съ шумнымъ успѣхомъ какъ на Александринской сценѣ, такъ и въ московскомъ Маломъ театрѣ. Этой пьесой плѣнился покойный композиторъ П. И. Чайковскій. Онъ написалъ на сюжетъ пьесы оперу подъ тѣмъ же названіемъ. Съ этого времени И. В. часто занимался разработкой историческихъ сюжетовъ. Изъ эпохи XVIII вѣка имъ написана «Княгиня Курагина», въ 1888 году въ драмѣ «Старые годы» имъ красочно обрисованъ помѣщичій бытъ начала XIX вѣка, затѣмъ слѣдовали: «Простая исторія», «Вольная волошка», «Жертва», «Темная сила», «Грѣхъ попуталъ», «Питомка», «Двѣ судьбы»—отмѣчена Грибоѣдовской преміей, «Предѣлъ», «Лучъ», «Рука руку моетъ» и другія. Послѣдняя его пьеса «Мертвый узелъ» шла въ нынѣшнемъ сезонѣ въ Александринскомъ театрѣ

Одновременно съ «Мертвымъ узломъ» была написана имъ пьеса «Ярмо», на сюжетъ нѣмецкаго засилья. «Майорша» переведена на французскій, чешскій и другіе языки, «Въ старые годы»—на французскій, «Чародѣйка»—на англійскій. Пьесы И. В. отличаются замѣчательной сценичностью, написаны прекраснымъ литературнымъ языкомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», № 14698, вечерн. «Биржевыя Вѣдомости», № 16079, 1917 г.).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу «Воспоминаній Л. І. Автономовой».

I.

Мы, нижеподписавшіеся, дѣти протоіерея І. В. Васильева, являемся вынужденными довести до свѣдѣнія читателей «Историческаго Вѣстника», что помѣщенные въ означенномъ журналѣ за 1916 годъ «Воспоминанія» сестры нашей Л. І. Автономовой «О жизни протоіерея І. В. Васильева» составлены и оглашены ею въ печати безъ нашего участія и согласія и потому мы непричастны къ цѣлому ряду вкравшихся въ «Воспоминанія» г-жи Автономовой ошибокъ и неправильныхъ, одностороннихъ, часто полныхъ ироніи характеристикъ какъ всѣми уважаемой покойной матушки нашей, такъ и родственниковъ нашихъ и другихъ близкихъ къ покойнымъ родителямъ нашимъ и нашей семьѣ лицъ, дорогихъ намъ по нашимъ воспоминаніямъ и достойныхъ иной оцѣнки.

Софія Катанская, Елизавета Аннина, Ольга Лебедева, Любовь Аничкова, Владимиръ Васильевъ, Сергѣй Васильевъ, Борисъ Васильевъ.

II.

Имѣю честь заявить «всему родству», что воспоминанія мои написаны правдиво, искренно, безъ всякаго желанія кому-либо льстить, тѣмъ болѣе кого-либо порочить. Я написала, что знаю, какъ помню, какъ мнѣ представляется. Воспоминанія не могутъ не быть субъективными и невозможно требовать, чтобы авторъ писалъ съ точки зрѣнія своего сосѣда. Я обнародовала едва ли четвертую часть своихъ воспоминаній, тщательно избѣгая предавать гласности то, что ей еще не подлежитъ. Считаю недопустимымъ и неприличнымъ сводить предъ лицомъ всего міра свои семейные счеты (тѣмъ болѣе совершенно неосновательные) и отвлекать вниманіе читателей на совершенно неинтересное для большой публики дѣло, я позволяю себѣ, только въ виду неизбежнаго, обременить вниманіе читателей и даю обѣщаніе, что больше ни на какіе выпады печатные и словесные со стороны «всего родства» я отвѣчать не буду: въ самозащитѣ я не нуждаюсь, ни одной строки изъ мною написаннаго я не беру назадъ, что написала, то написано. Позволяю себѣ подписаться отъ имени второй части «всего родства».

Людмила Юсифовна Автономова.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинныхъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно маркамъ).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1917 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

Философія, психологія, логика.

БЪЛЫЙ, А. Рудольфъ Штейнеръ и Гете въ мировоззрѣніи современности. М. 1917. Ц. 3 р. 50 к.	ЛЕМАНЪ, В. Сень-Мартенъ, неизвѣстный философъ. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 25 к.
ГАРТЪ. Человѣческое Я передъ лицомъ истины, свободы и смерти. Выпускъ I. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 25 к.	МИШЛЕ, Ж. Любовь и женщины. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
КУКЛЯРСКІЙ, Ф. Философія культуры. Книга I. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.	ТУХОЛКА, С. Оккультизмъ и магія. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
ЛАЗУРСКІЙ, А. Очеркъ науки о характерахъ. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 80 к.	ШТЕЙНЕРЪ, Р. «Отче нашъ». М. 1917. Ц. 40 к.
	— Теософія и социальный вопросъ. М. 1917 г. Ц. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БЫЛИНЫ, Т. I. Памятники мировой литературы. Русская устная словесность. М. 1917 г. Ц. 5 р.	КРАНИХФЕЛЬДЪ, В. Въ мірѣ идей и образовъ. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 50 к.
ВАЛЬДЕНВЕРГЪ, Н. «Державинъ». 1816—1916 гг. Опытъ характеристики его міросозерцанія. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 20 к.	СБОРНИКИ по теоріи поэтического языка. Выпускъ II. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Беллетристика, поэзія, драматическія сочиненія.

АЛЬМАНАХЪ. «Лукоморье II». Пгр. 1917. Ц. 3 р.	БРѢШКО-БРѢШКОВСКІЙ, Н. Загладочная женщина. III изд. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 80 к.
«АЛЬМАНАХЪ». «Творчество». № 1. М. 1917. Ц. 5 р.	— Ремесло сатаны. Ром. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 80 к.
АПУШКИНЪ, В. Руины. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 50 к.	ВОЙТИНСКІЙ, В. Въ тайгѣ. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 75 к.
АРЦЫБАШЕВЪ, М. Рассказы. Т. III. М. 1917. Ц. 2 р.	ГЛИКМАНЪ, Е. Эда, драма въ 3 дѣйствіяхъ, С. 1917. Ц. 1 р.
БЕННЕТЪ, А. Великій человѣкъ, историческая повѣсть. М. 1917. Ц. 1 р. 75 к.	
«Истор. вѣстн.», мартъ 1917 г., т. СХLVII.	

1/19

- ЖДАНОВЪ, Л. Женскія тѣни. II изд. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 25 к.
- ИВНЕВЪ, Р. Несчастный ангель. Романъ. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
- ЛАЗАРЕВСКИЙ, В. Сердце Анюты. Рассказъ. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
- ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ, Н. Долгъ жизни. Романъ. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 75 к.
- ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКИЙ, А. Одиночество. Капри и Неаполь. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
- ЛОТИ ПЬЕРЪ. Исландскій рыбакъ. Романъ. Редакция Когана. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 50 к.
- МИРГОВЪ, О. Хищница, пьеса въ 4 дѣйствіяхъ. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 75 к.
- НАДСОНЪ, С. Стихотворенія. Изданіе 29. Пгр. 1917. Ц. 3 р.
- ПАТЕРЪ, УОЛТЕРЪ. Воображаемые портреты. Пгр. 1917. Ц. 3 р.
- ПЭРЪ, К. Кади замужемъ. Романъ. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 75 к.
- РАЗСКАЗЫ бельгійскихъ писателей. М. 1917. Ц. 1 р. 25 к.
- РАФАЛОВИЧЪ, С. Speculum Animae. Пгр. 1917. Ц. 4 р.
- Стихотворенія. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 25 к.
- Триолеты, сборникъ стихотвореній. Пгр. 1916. Ц. 1 р.
- СКИТАЛЕЦЪ. За тюремной стѣной. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 75 к.
- СВЕРЦОВЪ-ПОЛИЦОВЪ, Г. По морямъ въ старину. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
- ТЕМПЛЪ-СЕРСТОНЪ. Э. Садъ возрожденія. Романъ. М. 1917. Ц. 2 р.
- ТРЕНЕВЪ, К. Мокрая балка. Рассказъ. М. 1917. Ц. 1 р. 75 к.
- УНДСЕНЪ, С. Тенни. Романъ. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
- ФАРЕРЪ, КЛОДЪ. Душа Востока. Романъ. М. 1917. Ц. 1 р. 75 к.
- ЦВѢТАЕВА, А. Дымъ, дымъ и дымъ. М. 1917. Ц. 2 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

- РОЗАНОВЪ, В. В. Изъ восточныхъ мотивовъ. Выпускъ III. По подпискѣ. Пгр. 1917. Ц. 3 р.
- ОПРСОВЪ, Н. Петръ I. Личная характеристика. М. 1917. Ц. 1 р. 25 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- БЕРЕНШТАМЪ, В. Въ огнѣ защиты. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 50 к.
- ВОЕННЫЕ ЗАЙМЫ. Сборникъ статей, подъ общей редакціей проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Пгр. 1917. Ц. 1 р.
- ГРОЗДИНСКИЙ, М. Судебное изслѣдованіе личности обвиняемаго по дѣйствующему праву. Пгр. 1916. Ц. 1 р. 25 к.
- ИСАЧЕНКО, В. «Вопросы права и прессы». Томъ I. Матеріальное право. Пгр. 1917. Ц. 5 р.
- К. П. К. Калѣка, не сдавайся! Мысли и наблюденія одиоручаго. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 50 к.
- МАКОВСКИЙ, Я. Условіе наибольшаго благоприятствованія въ торговыхъ договорахъ. М. 1917. Ц. 1 р. 50 к.
- ПРОКОПОВИЧЪ, С. Война и народное хозяйство. М. 1917. Ц. 3 р.
- СЕРГЪЕВЪ, П. Мирное завоеваніе Россіи нѣмцами. Изд. 2-е, дополненное. Пгр. 1917. Ц. 60 к.
- СЛАВИНЪ, И. Новый квартирный законъ. Пгр. 1917. Ц. 1 р.
- ТУРГЕНЕВЪ, Н. Россія и русскіе. М. 1917. Ц. 2 р. 5 к.

Искусство.

- АЛЛЕШЪ. Ренессансъ въ Италиі, М. 1917. Ц. 2 р. 50 к.
- БАХРУШИНЪ, А. Кто что собираетъ. М. 1917. Ц. 5 р.
- ВЕРЕЩАГИНЪ, В. Московскій Аполлонъ. Альбомъ кн. А. М. Бѣлосельскаго. 1752—1809. Пгр. 1916. Ц. 15 р.
- КАМЕНСКИЙ, В. Книга о Евреяхъ. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
- КРАЧКОВСКИЙ, ИОСИФЪ. Памяти художника 1856—1914 г. Пгр. 1917. Ц. 7 р.
- ЛУКОМСКИЙ, Г. Старый Петербургъ. Пгр. 1917. Ц. 3 р. 50 к.
- МИЦЦЛОВЪ, С. Нѣсколько словъ о подѣлкахъ старины. Т. 1917. Ц. 1 р.
- РУССКОЕ графическое искусство. Выпускъ I. 1916. Ц. 5 р.
- САХНОВСКИЙ, В. Художественный театръ и романтизмъ на сценѣ. М. 1917. Ц. 1 р. 25 к.

Естествознаніе и математика.

- АРЖАНОВЪ, С. Среди водъ и болотъ. Очерки изъ жизни растений. Пгр. 1917. Ц. 2 р.
- КАЛУСТОВЪ, Б. Къ методикѣ химическаго анализа почвы. О. 1917. Ц. 1 р.
- КРАВЧИНСКИЙ, Д. Изъ области научнаго лѣсоводства, сборникъ статей 1876—1915 гг. Пгр. 1916. Ц. 2 р. 50 к.
- ЛЮБОСЛАВСКИЙ, Г. Что такое облака? Пгр. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
- ПЕТРОВСКИЙ, А. Электричество и магнетизмъ. Пгр. 1917. Ц. 8 р. 50 к.
- ПОЛЯНСКИЙ, И. О трехъ царствахъ природы. Изд. 12. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 25 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- АЛЬМЕДИНГЕРЪ, О. Спутникъ молодого шофера. О. 1917. Ц. 85 к.
- ДУБЕЛИРЪ, Г. Опредѣленіе отверстій малыхъ мостовъ. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 50 к.
- ЕГІАЗАРОВЪ, С. Утилизанія водяной энергіи. П. 1917. Ц. 60 к.
- ЕФИМОВИЧЪ, Н. Справочная книга для инженеровъ и техниковъ путей сообщенія. Часть I. Пгр. 1916. Ц. 6 р. 50 к.

КАШКАРОВЪ, Н. Обнаруженіе под-земныхъ водъ по измѣненіямъ, вызываемымъ ими въ атмосферѣ. К. 1916. Цѣна 80 к.

МАТЕРИКИНЪ, О. Курсъ автомобилизма, 3-е изд. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 50 к.
СМЕРЕЧНИНСКІЙ, Е. Карманный сборникъ практическихъ совѣтовъ для автомобилиста. Пгр. 1917. Ц. 75 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

АБРАМОВЪ, С. Патогенные микроорганизмы. Пгр. 1917. Ц. 5 р. 75 к.

АНДРИАНОВЪ, П. и ТОЛКУШКИНЪ, Б. Справочная книга военного врача. 3-е изд. К. 1916. Ц. 4 р.

БЕТЕХТИНЪ, В. д-ръ. Искусственный руки и ноги. Пгр. 1917. Ц. 1 р.

ГАЛАНИНЪ, М. Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Изд. 6-е. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 80 к.

РАЙМИСТЪ, Я., д-ръ. Насильственные состоянія, ихъ происхождение и леченіе. О. 1917. Ц. 1 р. 25 к.

Военное и морское дѣло.

РЫНИНЪ, Н. Воздушная война. Пгр. 1917. Ц. 4 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

ВИНОГРАДОВЪ, І. свящ. Священная исторія Ветхаго завѣта, изданіе 7-е. Пгр. 1917. Ц. 65 к.

ГОРБУНОВЪ, А. Математическія таблицы квадратовъ, кубовъ и т. д. Пгр. 1917. Ц. 50 к.

— Таблица для моментальнаго перевода метрическихъ мѣръ въ русскія и обратно. Пгр. 1917. Ц. 35 к.

ЗЕЛЕНКО, В. Дѣтскія библіотеки. Пгр. 1917. Ц. 2 р.

КУМИНЕРЪ, А. Методика и дидактика подготовительнаго курса геометріи. Пгр. 1917. Ц. 3 р. 90 к.

МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, А. Н. П. Пироговъ, какъ педагогъ. Пгр. 1917. Ц. 1 р. 50 к.

НОВЫЯ ПРОГРАММЫ для высшихъ начальныхъ училищъ. О. 1927. Ц. 50 к.

НОВЫЯ ПРОГРАММЫ и объяснительныя записки по исторіи. О. 1917. Ц. 50 к.

ПУТЬ КЪ СВѢТУ и самостоятельности, сборникъ программъ для высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. М. 1916. Ц. 2 р.

СОКОЛОВЪ и ТУМИМЪ. На урокахъ родного языка. Пгр. 1917. Ц. 3 р.

ТЕРЪ-СТЕПАНОВЪ, И. Сборникъ арифметическихъ задачъ, ч. 2-я, дроби, изданіе 3-е. Пгр. 1917. Ц. 55 к.

ЮШКО, В. О задачахъ преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. О. 1917. Ц. 30 к.

Книги для дѣтей и юношества.

«АЛЬМАНАХЪ» Дѣтскій «Творчество». М. 1917. Ц. 3 р.

ВОЛЖСКІЙ, Ѳ. Путешествіе по комнатамъ, составл. по Вагнеру, Д., со многими рисунками. Пгр. 1917. Ц. 2 р.

ЛАБУЛЭ, Э. Три лимона. Сказка. Пгр. 1917. Ц. 2 р.

ФИТЧЪ-ПЕРКИНСЪ, Л. Мини и Монн, эскимсы-близнецы. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 25 к.

Спортъ, охота, игры.

ГОРИНЕВСКІЙ, В. Физическія упражненія, соответствующія данному возрасту. Таблицы и поясненія. Пгр. 1916. Ц. 3 р. 50 к.

ФЕДОРОВИЧЪ-ШЕНЕЦЪ, А. Породы собакъ, воспитаніе и дрессировка. 7-е изд. Пгр. 1917. Ц. 2 р. 50 к.

Справочныя книги.

ЖЕНСКАЯ Энциклопедія. М. 1916. Цѣна. 3 руб.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ
вѣ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина— „Новое Время“
КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ Русской Исторіи (1861—1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за народженіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землевольческихъ» и «народовольческихъ» группъ, и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ (1812—1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петроградѣ, при книжномъ магазинѣ Т-ва „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Подробныя свѣдѣнія о подпискѣ на 1915 г. см. впереди текста.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя **Бориса Борисовича Глинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

За перемѣну адреса съ городского на иногородный подписчики уплачиваютъ 1 р., въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный и иногороднаго на городскій) 25 коп.

Издатели: наслѣдники А. С. Суворина

въ лицѣ Б. Б. Глинскаго.

Редакторъ Б. Б. Глинскій.

Тарифъ на объявленія: впереди текста за страницу 80 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 45 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 25 р.; позади текста за страницу 60 р., за $\frac{1}{2}$ стран. 35 р., за $\frac{1}{4}$ стран. 20 р.

